

ГАНИН
Андрей Владиславович

Российский историк, специалист по военно-политической истории России и сопредельных государств конца XIX – первой четверти XX в. Автор свыше 180 научных публикаций по истории русского офицерского корпуса, Первой мировой и Гражданской войн, в том числе пяти монографий и двух биографических справочников, в которых впервые введены в научный оборот архивные материалы о более чем 7200 офицерах русской армии.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина». Член бюро Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Член авторского коллектива «Большой Российской энциклопедии». Состоит в редакционных коллегиях исторического альманаха «Белая гвардия» и международного юбилейного проекта «Россия в Великой войне и революции, 1914–1922» («Russia's Great War and Revolution, 1914–1922»). Работал в архивах России, Украины, Армении, Польши, Финляндии, США, в том числе в архивах спецслужб.

А.В. ГАНИН

А.В. ГАНИН

«МОЗГ АРМИИ»
В ПЕРИОД «РУССКОЙ СМУТЫ»

«МОЗГ АРМИИ»
В ПЕРИОД «РУССКОЙ СМУТЫ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А.В. ГАНИН

**«МОЗГ АРМИИ»
В ПЕРИОД «РУССКОЙ СМУТЫ»**

Статьи и документы

РУССКИЙ ПУТЬ
МОСКВА
2013

Рецензенты:

И.С. Даниленко,

доктор философских наук, профессор, генерал-майор в отставке, академик РАЕН

А.Л. Шемякин,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Ю.А. Борисёнок,

кандидат исторических наук, доцент исторического факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор Российского исторического журнала «Родина»

Монография рекомендована к печати Ученым советом Института славяноведения РАН

Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2
«Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.»

Отзывы на книгу можно присылать на электронный адрес автора: andrey_ganin@mail.ru.

Фото на обложке:

В Ставке Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Апрель–июнь 1919 г.
Крайний слева — Генштаба генерал-майор П.Г. Бурлин,
второй слева — Генштаба генерал-майор В.И. Сурин,
в центре — адмирал А.В. Колчак.

Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University).
Публикуется впервые

Ганин А.В.

Г 192 «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. — М.:
Русский путь, 2013. — 880 с., ил.

ISBN 978-85887-430-0

В книгу вошли статьи и документы, посвященные той роли, которую сыграли в трагических событиях братоубийственной Гражданской войны 1917–1922 гг. офицеры российского Генерального штаба. Материалы работы показывают многообразие и сложность рассматриваемого явления в его социальном, национальном и идейно-политическом аспектах. Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей переломных для нашей страны событий первой четверти XX в.

УДК 930
ББК 63.3(2)6

ОТ АВТОРА

Эта книга об истории Генерального штаба или противоборствующих Генеральных штабов на просторах бывшей Российской империи, где в 1917–1922 гг. развернулась беспощадная братоубийственная бойня. Истории, которая до сих пор не написана.

Первый начальник русского Генерального штаба генерал от инфантерии Ф.Ф. Палицын, находясь в эмиграции, отметил, что «своею невдумчивостью и неумелою работою Ген[еральный] штаб подготовил революцию и матерьял для революции. Меня бы закидали камнями, если бы я выступил с подобным обвинением, тем более что я, в сущности первый и последний нач[альник] Ген[ерального] штаба, остался в стороне событий... Я никого не обвиняю, а лишь отмечаю и размышляю. Я не говорю, что повел бы и сделал бы лучше. Может быть, было бы еще хуже. Но не констатировать это не могу»¹.

Слова генерала Палицына как нельзя лучше показывают исключительную значимость Генерального штаба и его представителей в событиях предреволюционного и революционного периода истории нашей страны. Но до тех пор, пока роль Генштаба в сложнейших процессах слома старого режима и появления на территории бывшей Российской империи новых государственных образований не обозначена с достаточной степенью глубины, мы не можем считать себя по настоящему осведомленными о характере происходивших изменений и даже о самом ходе событий революции и Гражданской войны.

Офицеры Генерального штаба представляли собой военную элиту дореволюционной России и наиболее квалифицированную часть старого офицерства. Их вклад в создание и укрепление противоборствующих армий Гражданской войны был весьма значительным, а в отношении белого лагеря, где генштабисты заняли почти все ключевые руководящие посты, даже определяющим. «Гражданская война подтвердила выдающуюся роль Генерального штаба», — писал один из видных деятелей Белого движения, генерал от кавалерии П.Н. Шатилов². И дей-

---

¹ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). F.F. Palitsyn Memoirs. Box 1. Палицын Ф.Ф. Записки. Ч. 2. С. 144.

² Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Vrangeli' Family Papers. Box 6. Folder 4. Shatilov P.N. Memoirs. С. 268.

ствительно, роль офицеров Генерального штаба в Гражданской войне трудно переоценить.

Идея монографии из разноплановых публикаций, объединенных общим сюжетом, была предложена мне известным ученым, меценатом и общественным деятелем М.А. Колеровым, за что я ему искренне признателен. На страницах работы читатель найдет статьи и документы, касающиеся сложных и малоизученных вопросов участия «мозга армии» — Генерального штаба в событиях «Русской Смуты» — революции и Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Материалы сборника затрагивают самый широкий спектр проблем, от вопросов подготовки генштабистов, разнообразных составляющих их службы, участия в планировании боевых операций, разведывательной деятельности, рабочего графика до обстоятельств повседневной жизни, проблем корпоративного единства, партийной принадлежности и личных взаимоотношений, показывают широту, многообразие и сложность рассматриваемого явления в его социальном, национальном и идейно-политическом аспектах.

В книге рассматриваются такие неоднозначные проблемы, как влияние обучения в академии Генерального штаба на дальнейшую карьеру выпускников, участие генштабистов в подпольной борьбе с большевиками, неформальные связи выпускников академии, репрессии в отношении бывших офицеров в Советской России, различные измены и заговоры (как реальные, так и сфабрикованные советскими карательными органами), исследуются вопросы коррупции в среде генштабистов. Немало внимания уделено биографиям выпускников и слушателей академии. Важной составляющей книги являются документальные публикации, позволяющие читателям погрузиться в изучаемую эпоху и составить собственное представление о происходивших событиях и о роли в них офицеров-генштабистов.

Если в абсолютном большинстве работ по истории Гражданской войны внимание уделяется лишь какой-то одной из противоборствующих сторон, то в этой книге корпорация генштабистов рассматривается комплексно во всех противоборствующих лагерях (красном, белом и национальном) на основе самого широкого круга редких документальных материалов из архивохранилищ России, ближнего и дальнего зарубежья. По моему глубокому убеждению, произвольное выделение службы офицеров-генштабистов в каком-то одном лагере вне рассмотрения их службы в других лагерях, отрыв от исторического контекста напрямую ведут к серьезному искажению реальной картины событий Гражданской войны, тем более что около трети офицеров-генштабистов за годы той войны прошли через службу не в одной, а в нескольких враждующих армиях. Только системное рассмотрение вопроса во всей его сложности и многогранности позволяет нам приблизиться к истинному знанию о прошлом.

Без сомнения, привлекут внимание читателей и рецензии на работы по проблемам участия военной элиты в событиях Гражданской войны. Тем более что за последние годы наряду с серьезными исследованиями Е.В. Волкова, Р.Г. Гагкуева, В.И. Голдина, А.А. Здановича, С.В. Карпенко, Н.С. Кирмеля, М.А. Ковальчука, С.Т. Минакова, А.А. Симонова и ряда других авторов были изданы и работы сомнительного качества, не выдерживающие критики и лишь плодящие новые мифы о Гражданской войне. Произведения отдельных авторов трудно охарак-

теризовать иначе, как попытки искажения и вульгаризации сложных процессов нашей истории. Такие издания буквально пестрят неточностями, ошибочными построениями и неверными выводами. Думается, усилия мифотворцев не должны оставаться без строго научного, но вместе с тем жесткого аргументированного ответа.

В основе этой книги материалы полутора десятков федеральных, региональных, ведомственных архивов России, ближнего и дальнего зарубежья. Большинство статей, включенных в издание, публиковались на протяжении последнего десятилетия (в основном, на страницах журналов «Родина», «Вопросы истории», «Военно-исторический журнал», «Военно-исторический архив», в историческом альманахе «Русский сборник», а также в коллективных сборниках научных трудов), однако были заново отредактированы автором, в ряде случаев переработаны, исправлены и дополнены на основе вновь обнаруженных архивных документов (указания на первую публикацию содержатся в примечаниях, в случае их отсутствия материал публикуется впервые). Некоторые статьи прежде печатались только в сокращении, а в настоящем издании публикуются в полном объеме. Ряд работ подготовлен специально для этой книги либо находится в печати в других изданиях и публикуется с разрешения их издателей и редакторов. В каждом материале приводится ссылка на первую публикацию, а также сообщается об изменениях в тексте, в некоторых случаях приведены сведения о реакции коллег и читателей, а также о возникших дискуссионных вопросах.

Заглавие книги включает в себя ставшие нарицательными фразы из названий трудов двух выдающихся офицеров-генштабистов первой половины XX в. — Бориса Михайловича Шапошникова и Антона Ивановича Деникина. За каждым из них целые главы истории нашей страны и ее вооруженных сил. Один сыграл крупнейшую роль в становлении Красной армии, другой — в становлении Белого движения. Названия их книг оказались соединены не случайно. И Деникин и Шапошников по своим взглядам были патриотами России и государственниками. И хотя в годы революции они оказались по разные стороны баррикад, между ними, офицерами еще недавно единой русской армии, было гораздо больше общего, чем различий. И тот и другой были выходцами из непривилегированных слоев населения, оба до революции придерживались либеральных убеждений, добивались служебных высот собственным каждодневным упорным трудом, критически воспринимали состояние старой русской армии и стремились по мере возможности исправить ситуацию, проявили мужество на полях сражений Первой мировой.

В отличие от ставшего тогда политиком Деникина, Шапошников строго держался военной линии и не оставил свидетельств о своем отношении к событиям развала армии в 1917 г., но, думается, отношение это не могло быть позитивным. В выборе Деникина определяющую роль играло резкое неприятие разложения армии, пораженчества, пропаганды классово-сословной розни, которую вели большевики, к тому же ассоциировавшиеся с германским шпионажем. Важным этапом становления Деникина как политика стала поддержка им выступления генерала Л.Г. Корнилова летом 1917 г. Большое влияние на последующий выбор оказало совместное пребывание с руководителями этого выступления в полуторамесячном заключении в Быхове. Быховские узники были товарищами по

прежней службе, единомышленниками и будущими соратниками по борьбе. Свою судьбу Деникин связал именно с ними. Деникин обоснованно считал, что дороги в Советскую Россию, где развернулся стихийный террор против офицерства, ему — одному из генералов-корниловцев — просто не было. В результате в конце 1917 г. он оказался на Дону в руководстве антибольшевистской Добровольческой армии.

Идейный выбор Шапошникова был в большей степени ситуативным. Его предопределили привычное для офицера невмешательство в политику, некоторая близость к солдатским массам, избравшим его в декабре 1917 г. на фронте начальником Кавказской гренадерской дивизии, а также пребывание весной 1918 г. на территории Советской России и стремление продолжить военную службу в новой армии, сохранив свое прежнее положение³. Служба у большевиков Шапошникова не казалась неприемлемой, хотя его судьба в межвоенный период складывалась отнюдь не просто.

Сегодня мы не вправе осудить выбор, сделанный каждым из них в период крушения великой империи в 1917–1918 гг. Но другой выбор, тот, что делался в 1941–1945 гг., может и должен подлежать моральной оценке. Перед выбором, с кем быть, тогда оказался только генерал Деникин. Для Шапошникова сохранял свое значение выбор 1918 г. Деникин с честью выдержал это новое испытание. Он не побоялся противопоставить себя немецким оккупационным властям во Франции и значительной части русской военной эмиграции, воспринявшей начало Великой Отечественной войны как долгожданный крестовый поход на большевиков. В отличие от многих своих соратников, он осознал, что речь идет не о борьбе с большевизмом — на карту поставлена судьба России. Генерал по мере сил участвовал в антинемецкой агитации, высказывался против службы эмигрантов в различных нацистских формированиях, желал победы СССР. Очевидно, этому предшествовали длительная идейная эволюция и большая внутренняя работа.

Маршал Советского Союза Шапошников стал одним из творцов победы СССР в Великой Отечественной войне. Идейное наследие старого Генерального штаба через Шапошникова и других представителей дореволюционного офицерства, которые прошли похожий путь, было передано новой армии и ее командному составу, сыграло свою роль в достижении величайшей в истории нашей страны победы в самой тяжелой и кровопролитной войне, какую только она когда-либо вела. Спустя полвека в Россию вернулись и труды генерала Деникина, а затем его прах с воинскими почестями был перезахоронен в Москве. Сегодня наследие Шапошникова и Деникина в равной степени востребовано в России, а это значит, что мы находимся на пути к преодолению трагического раскола, охватившего нашу страну почти сто лет назад.

---

³ До революции Шапошников начал прохождение ценза командования полком, что являлось необходимым условием для получения офицером Генерального штаба первого генеральского чина (генерал-майора). Это важное с точки зрения нового назначения обстоятельство он не забыл дважды упомянуть в своем письме начальнику штаба Приволжского военного округа Н.В. Пневскому от 23 апреля 1918 г., по итогам рассмотрения которого оказался на службе в Красной армии (Военно-исторический журнал. 1967. № 6. С. 79; *Василевский А.* Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы и военачальники Великой Отечественной: Сб. М., 1979. Вып. 2. С. 10).

В настоящем издании документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала, явные ошибки (в том числе искажения имен и фамилий) исправлены без оговорок, распространенное в годы Гражданской войны написание отдельных слов, фамилий и даже целых фраз прописными буквами не сохраняется. Даты после февраля 1918 г. приводятся по новому стилю (применительно к Белому Югу, где существовал старый стиль, как правило, указаны двойные даты). В квадратных скобках приводится расшифровка сокращений.

Выражаю сердечную признательность сотрудникам архивов, библиотек, издательствам, научных журналов, друзьям и коллегам, на протяжении многих лет оказывавшим мне поддержку в исследованиях и высказывавшим конструктивные замечания по содержанию моих работ: к.и.н. О.Р. Айрапетову, д.и.н. Г.Ф. Матвееву, к.и.н. М.М. Шевченко (МГУ им. М.В. Ломоносова), к.и.н. Е.Ю. Борисёнок, д.и.н. Р.П. Гришиной, д.и.н. С.И. Данченко, к.и.н. В.Б. Каширину, д.и.н. И.В. Михутиной, д.и.н. К.В. Никифорову, д.и.н. Е.П. Серапионовой, д.и.н. А.Л. Шемякину (Институт славяноведения РАН), к.и.н. Ю.А. Борисёнку, к.и.н. А.А. Смирнову (Российский исторический журнал «Родина»), д.и.н. В.Ж. Цветкову, д.и.н. Э.М. Щагину (Московский педагогический государственный университет), д.и.н. М.И. Мельтюхову (ВНИИДАД), к.и.н. М.А. Колерову (ИД «Регнум»), д.и.н. В.Д. Зиминой, к.и.н. С.В. Карпенко, к.и.н. В.Н. Романишиной (РГГУ), к.и.н. Р.Г. Гагкуеву (ИД «Дрофа»), к.и.н. Е.Н. Наземцевой (НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ), И.В. Домнину, А.С. Кручинину, к.и.н. Н.А. Кузнецову, к.и.н. В.В. Леонидову, А.В. Марыняку, к.и.н. В.А. Москвину, А.А. Петрову (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына), Т.Л. Белкиной, Н.С. Самбу, Г.А. Чикановой (издательство «Русский путь»), В.И. Коротаеву, В.Н. Кузеленкову, Л.Н. Сахаровой, д.и.н. Н.С. Тарховой (РГВА), д.и.н. Н.С. Кирмелю (Военный университет, Москва), М.С. Нешкину (РГВИА), Н.И. Абдулаевой, д.и.н. С.В. Мироненко, Л.И. Петрушевой, Л.А. Роговой, А.А. Федюхину (ГА РФ), М.В. Страхову (РГАСПИ), к.и.н. В.В. Поликарпову (журнал «Вопросы истории»), к.и.н. С.В. Аверченко, И.М. Чачуху («Военно-исторический журнал»), к.и.н. И.А. Анфертьеву (журнал «Вестник архивиста»), А.Б. Степанову (журнал «Старый Цейхгауз»), к.и.н. В.А. Артамонову, д.и.н. С.Н. Базанову (Институт российской истории РАН), к.и.н. Д.А. Мальцеву (Российский институт стратегических исследований), В.С. Ещенко (журнал «Военно-исторический архив»), к.филол.н. В.А. Благово, к.т.н. С.А. Сапожникову (Российское дворянское собрание), д.и.н. Е.В. Волкову (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск), к.и.н. М.А. Ковальчуку (Институт украинской археографии и источниковедения им. М. Грушевского НАН Украины, Киев), В.Д. Говоруну, к.и.н. С.А. Кокину, Г.В. Смирнову (Ведомственный архив Службы безопасности Украины), Л.А. Арутюнян, д.и.н. А.С. Вирабяну, к.и.н. С.С. Мирзоян, Г.Г. Пилосян (Национальный архив Армении), д.и.н. В.И. Голдину, к.и.н. А.Н. Терехиной (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск), к.и.н. А.А. Симонову (Саратовский государственный университет), к.и.н. Н.И. Дмитриеву (исторический альманах «Белая армия. Белое дело», Екатеринбург), к.и.н. А.С. Пученкову (Санкт-Петербургский государственный технический университет), д.и.н. П.А. Новикову (Иркутский государственный технический универ-

ситет), д.и.н. А.А. Хисамутдинову (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса), доктору М. Йовановичу (Белградский университет, Сербия), доктору Б. Меннингу (Командно-штабной колледж Сухопутных сил США, Форт-Ливенворт, Канзас, США), доктору Д. Шпоперу (Гданьский университет, Польша), К. Лиденхэм (Архив Гуверовского института, Стэнфорд, Калифорния, США), независимым исследователям А.А. Вершинину, к.и.н. Ф.А. Гуцину, д.филос.н. И.С. Даниленко, В.И. Завершинскому, к.воен.н. А.Г. Кавтарадзе, С.В. Картагузову, А.И. Колпакиди, к.и.н. М.Ю. Катину-Ярцеву, А.В. Махалину, И.М. Разиной, Д.В. Федорину, М.А. Хайрулину, В.Л. Юшко (все — Москва), Г.Г. Канинскому, И.В. Купцову (все — Челябинск), А.М. Кручинину (Екатеринбург), А.И. Рудиченко (Киев), И. Франкьену (Сан-Франциско), потомкам офицеров, любезно предоставившим возможность ознакомиться с их семейными архивами: Д.Д. Зуеву, А.А. Комиссаровой, О.Н. Хлестову (Москва), Н.А. Сергеевой (Санкт-Петербург), А.Г. Горчакову, А.А. Энгельгардту (Рига).

Я искренне признателен руководству Российского исторического журнала «Родина», где имею честь работать, в лице В.В. Зубкевича и Ю.А. Борисёнка, за предоставленную мне полную свободу научного творчества и неизменно доброжелательное отношение. Отдельная глубокая благодарность Российскому гуманитарному научному фонду, благодаря многолетней поддержке которым моих научных проектов я получил удивительную возможность работать в зарубежных архивах и библиотеках, где отложились уникальные документы по нашей военной истории.

А.В. Ганин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БРЭМ — Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии
ВГШ — Всероссийский главный штаб
военрук — военный руководитель
ВОСО — военные сообщения
вр.и.д. — временно исполняющий должность
ВРК — военно-революционный комитет
Всевобуч – Всеобщее военное обучение
ВСЮР — Вооруженные силы на Юге России
ВУСО — Верховное управление Северной области
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
г. — год, город, господин
ГАО — Государственный архив Архангельской области
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСБУ — Домовственный архив Службы безопасности Украины (Галузевий архів Служби безпеки України)
ген. — генерал
генкварглав, генквармглав — генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего
генкварм — генерал-квартирмейстер
Главковерх — Верховный главнокомандующий
главком — главнокомандующий
ГПУ — Государственное политическое управление
губ. — губерния
ГубЧК — Губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГУВУЗ — Главное управление военно-учебных заведений
ГУГШ — Главное управление Генерального штаба
д., дер. — деревня
дегенглав — дежурный генерал штаба главнокомандующего
ж.д. — железная дорога
и.д. — исполняющий должность
ИНО ОГПУ — Иностраный отдел Объединенного государственного политического управления
и.о. — исполняющий обязанности
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
КИАФ — Корпус императорской армии и флота
ККА — Краснознаменная Кавказская армия
комбриг — командир бригады
комдив — командир дивизии
комкор — командир корпуса
Комуч — Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
КСХС — Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев
ЛВО — Ленинградский военный округ
м. — местечко
МИД — Министерство иностранных дел
МЧК — Московская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
Наркомвоен — Народный комиссариат по военным делам

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
начдив — начальник дивизии
начштаба — начальник штаба
начоперод — начальник оперативного отдела
наштаверх — начальник штаба Верховного главнокомандующего
наштаглав — начальник штаба главнокомандующего
наштадив — начальник штаба дивизии
наштакор — начальник штаба корпуса
наштарм — начальник штаба армии
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКИД — Народный комиссариат иностранных дел
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
оберкварм — обер-квартирмейстер
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
оперод — оперативный отдел
оперупр — оперативное управление
организупр — организационное управление
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
Осваг — Осведомительное агентство
ПВО — противовоздушная оборона
пос. — поселок
п/с — послужной список
р. — река
РВС — Революционный военный совет
РВСР — Революционный военный совет Республики
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА — Российский государственный военный архив
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
Региструпр — Регистрационное управление
РЗИА — Русский заграничный исторический архив
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РККФ — Рабоче-крестьянский Красный флот
РКП — Российская коммунистическая партия
РОВС — Русский Общевоинский союз
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РУ ФСБ РФ — Региональное управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации
с. — село
САСШ — Северо-Американские Соединенные Штаты
СНК — Совет народных комиссаров
соч. — сочинения
ст. — старшинство, степень
т., тов. — товарищ
УВУЗ — Управление военно-учебных заведений
УНР — Украинская народная республика
утв. — утвержден(о)
ЦДАВОУ — Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральный державний архів вищих органів влади та управління України)
ЦДАГОУ — Центральный государственный архив общественных организаций Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України)
ЦУС — Центральное управление по снабжению армии
ЧК — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
штаглав — штаб главнокомандующего
штадив — штаб дивизии
штакор — штаб корпуса
штарм — штаб армии
САУ — Центральный военный архив Польши (Centralne archiwum wojskowe im. majora Bolesława Waligory)

ИССЛЕДОВАНИЯ

Профессиональный корпоративизм и объединения российских генштабистов первой четверти XX в.*

События революции и Гражданской войны в России делали человека беззащитным перед произволом и ущемлением его прав буквально со всех сторон. Именно поэтому в период Русской Смуты в целях самозащиты особенно обострились корпоративное чувство единства и взаимопомощь у многих социальных и профессиональных групп. Не стали исключением и представители военной элиты старой России — офицеры Генерального штаба, положение которых в революционную эпоху было совершенно отчаянным.

В период 1917–1922 гг. генштабисты как в Красном, так и в антибольшевистском лагере образовали целый ряд различных формальных и неформальных объединений, в которых они группировались по признаку принадлежности к академии Генштаба или к тому или иному из ее выпусков. По одному из определений, неформальное объединение — это спонтанно сложившаяся система социальных связей, норм, действий, являющихся продуктом длительного межличностного и внутригруппового общения.

В отличие от основной массы офицерства генштабисты в силу их относительной немногочисленности были на виду, сделанный ими выбор в неясной обстановке Гражданской войны мог радикально повлиять на всю их будущую службу. Тем более что противоборствующие стороны очень быстро перешли к проведению в жизнь лозунга: «Кто не с нами — тот против нас!» и наложению различных ограничений на перспективы продвижения по службе тех офицеров, которые к ним сразу не присоединились или же служили во враждебном лагере.

Истоки генштабовского корпоративизма (под корпоративизмом в данном случае я понимаю именно профессиональную спайку офицеров), конечно, следует искать в дореволюционной традиции. генштабисты были замкнутой и привилегированной кастой внутри русского офицерского корпуса. Корпус офицеров Генштаба окончательно оформился в 90-е гг. XIX в.⁴ Сама по себе служба Генераль-

---

* Один из разделов этой работы ранее публиковался: *Ганин А.В.* Корпоративизм и неформальные объединения слушателей академии Генерального штаба РККА в годы Гражданской войны // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: Сб. мат. междунар. науч. конф. Архангельск, 2010. С. 185–192.

⁴ *Mayzel M.* Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979. P. 13.

ного штаба была особым родом деятельности, что уже выделяло генштабистов из общей массы офицеров, не требуя подчеркивания их корпоративного единства. Подготовка и обучение в академии существенно расширяли кругозор офицера, давая немалые знания в самых разных областях военного дела. Без окончания академии непривилегированному офицеру было почти невозможно пробиться наверх, что нередко воспринималось как несправедливость, провоцировало зависть и недовольство в армейской среде.

У самих генштабистов такое положение вещей формировало чувство интеллектуального превосходства, собственной исключительности и карьеризм⁵. Однако элитарность и обеспеченная карьера были плохими стимулами для профессионального развития. Главным для многих офицеров становилось получение высоких баллов в академии, после чего о военной науке можно было забыть и почивать на лаврах. Те же, кто по каким-то причинам не удостоился высоких баллов, вынуждены были страдать из-за этого на протяжении многих лет службы.

В Русской императорской армии и в дореволюционном обществе генштабисты занимали совершенно исключительное положение. Успешное окончание академии, безотносительно пригодности выпускника к службе Генерального штаба, открывало самые широкие карьерные перспективы и являлось трамплином на пути к генеральским чинам и высшим административным должностям империи. Как справедливо отмечал А.А. Зайцов, «иностранные военные академии производили лишь *отбор* лучших, наша же академия давала *право* на перевод в Генеральный штаб»⁶. При этом подготовка в Николаевской академии не отличалась приближенностью к боевой практике и к войскам.

Как оценивали свой корпоративный статус сами офицеры Генштаба? А.И. Верховский в показаниях по делу «Весна» свидетельствовал: «Старый Генштаб в царской армии был наиболее квалифицированной и наиболее влиятельной, после придворных кругов, прослойкой офицерства. Он комплектовался лучшими, наиболее способными и преданными офицерами, проходившими трудную школу, требовавшую усидчивости, знаний и умения работать. Те, кто выполнял требования академической работы, допускался в узко замкнутую касту Генштаба, в которую в дальнейшем никто не мог проникнуть из строевых частей. Все офицеры имели определенную линию продвижения, обещающую в определенные сроки заранее известные продвижения по службе, связанные с влиянием и материальным положением. Если обычный офицер в армии мог кончить службу командиром батальона, в лучшем случае — командиром полка, то для генштабиста полк был обязательной переходной ступенью, а генеральский чин был обеспечен. Все почти, за редкими исключениями, высшие должности командира дивизии, корпусов и выше занимались Генштабом. Решающее влияние в армии в мирное и военное время было почти целиком в их руках. Это положение вызывало кастовое сплочение и удовлетворение завоеванным положением. Все это создавало наиболее преданный монархический слой офицерства. В Генштабе был характерен дух касты, карьеризма и оторванности от жизни. Уже Февральская революция потрясла

---

⁵ Подробнее о корпусе офицеров Генерального штаба в дореволюционной России см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 11–16.

⁶ *Зайцов А.А.* Служба Генерального штаба. Жуковский; М., 2003. С. 38.

их положение. Это толкнуло Генштаб на образование реакционного союза офицеров, где офицеры Генштаба играли руководящую роль. Они сгруппировались около крупных штабов в плотные группы, являвшиеся штабами реакции»⁷.

В показаниях по тому же делу Д.Н. Надежного оценки еще критичнее: «В среднем Генеральный штаб царской армии представлял корпорацию офицерского состава, располагающую большими служебными привилегиями и далеко стоящую, по существу дела, от войсковой массы. По своему образованию Генеральный штаб был не выше среднего общего образования, а следовательно и развития. Политически совершенно не был развит, за многими исключениями. Представители Генерального штаба в армейской среде не пользовались симпатиями. В этой корпорации не было единства, так как гарнизон и проч[ее] действовали разлагающе. Пополнение Генерального штаба шло из гвардии и армии, что также служило причиной некоторой разобщенности. Корпус офицеров гвардии представлял прочную касту с определенными традициями и повышенными требованиями к своему составу.

Февральскую революцию встретил[и] растерянно, а Октябрьскую встретил[и] враждебно, потому что видели, что революция перешла в форму пролетарской революции»⁸.

По свидетельству генштабиста И.А. Никулина, «в старой армии офицеры Ген[ерального] штаба представляли особый корпус с большими правами и привилегиями, и хотя путь в этот корпус был доступен всем армейским офицерам, за некоторыми ограничениями (для католиков и евреев), все же среди командного состава б[ывшей] армии был установлен взгляд на этот корпус как на особую касту. Октябрь смыл все эти преимущества и поставил б[ывших] офицеров Ген[ерального] штаба в новые условия, благодаря которым были стерты и разрушены все не только кастовые, но и классовые перегородки.

Здесь, однако, надлежит отметить, что при новых условиях б[ывшие] офицеры Ген[ерального] штаба нисколько не были, как говорят, “выброшены за борт”, — наоборот, ими дорожили, привлекали их на работу, и на ступенях служебной лестницы они, в большинстве случаев, занимали весьма высокое положение и при советской власти...»⁹

С.К. Сегеркранц отмечал: «Мы, бывшие офицеры Генерального штаба, в своем большинстве, происходили из военно-дворянской среды, воспитанные в старом духе и соответствующей средой, имевшие в перспективе дальнейшее улучшение своего служебного и материального положения, Октябрьскую революцию встретили враждебно.

Октябрьская революция ликвидировала нас как касту привилегированного класса, лишила перспектив служебной карьеры, материального благополучия, поставила в тяжелое материальное положение, в армии мы были лишены командного положения и взяты под недоверие и контроль, часто задевавшие наше самолюбие»¹⁰.

---

⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 61. Л. 107–108.

⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 37 (3149). Л. 11.

⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3179 (3340). Л. 64об.

¹⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 70 (91). Л. 13.

Несмотря на несовершенство подготовки кадров Генштаба, по данным на 1912 г., генштабисты, составлявшие порядка 2% русского офицерского корпуса, занимали 62% должностей корпусных командиров, 68% должностей командиров пехотных дивизий, 77% должностей командиров кавалерийских дивизий. В годы Первой мировой войны генштабисты занимали 20 из 22 должностей главнокомандующих фронтами (кроме А.А. Брусилова и Н.И. Иванова)¹¹. Исключительность положения усиливала кастовость Генерального штаба, влекла за собой протекционизм. Привилегированное положение налагало на генштабистов и принимаемые ими или при их участии решения особую ответственность, поскольку именно от них зависела судьба страны. Но офицеры Генерального штаба далеко не всегда оказывались на высоте своего положения.

Штабная служба в дореволюционной России была слабо связана со строевой, в ней преобладали бюрократизм и канцелярщина, а лучшим способом исправления недостатков после Русско-японской войны стало слепое копирование зарубежного опыта¹². К счастью, среди отечественных генштабистов было немало выдающихся военных деятелей, ученых, которые стремились к знаниям, понимали, что необходимо двигаться вперед и самосовершенствоваться. Только благодаря таким личностям корпус офицеров русского Генерального штаба не представлял собой полностью отрицательного явления.

Генштабисты вместе служили на протяжении большей части своей карьеры. Многие после окончания академии поддерживали дружеские взаимоотношения и следили за продвижением своих однокашников по службе. Тем более что выпускникам академии по характеру их работы приходилось находиться в постоянном контакте друг с другом, возвращаться в своем, закрытом от посторонних, сообществе. Корпоративизм усиливался вследствие особой значимости общности выпуска по академии и важности старшинства в чинах.

Обращая внимание на отрицательные стороны поведения генштабистов во время Первой мировой войны, к их корпоративной чести взывал начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего Генерального штаба генерал от инфантерии М.В. Алексеев в циркулярном письме начальникам фронтовых и армейских штабов от 25 января 1916 г.: «В последнее время учащаются ходатайства о назначении офицеров Генерального штаба на такие должности, которые имеют или только косвенное или не имеют даже никакого отношения к службе Генерального штаба, но представляются выгодными с личной точки зрения. Замечается стремление офицеров Генерального штаба перейти в другие отрасли службы, не имеющие никакого отношения к специальной службе Генерального штаба: в бригадные командиры, в авиаторы, в партизаны, губернаторы, директора корпусов и т.д.

Между тем комплект офицеров Генерального штаба вследствие новых формирований и убыли, дошел до того предела, когда расходовать офицеров Генерального штаба не по прямому их назначению невозможно, так как их не хватает даже для выполнения важной в боевом отношении специальной службы Генерального штаба.

---

¹¹ Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 99; Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 783–787; Mayzel M. Generals and Revolutionaries. P. 41.

¹² Свечин А.А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005. С. 425.

Прошу Вас сделать распоряжение поставить офицеров¹³ Генерального штаба в известность, что в настоящее тяжелое для Родины время, когда каждый гражданин по чувству долга идет защищать Царя и Родину, не щадя живота своего, бросив все свои личные дела, офицер Генерального штаба должен в особенности быть проникнутым чувством долга принести своей Родине все силы и знание в той именно деятельности, в которой государство его готовило в мирное время в течение многих годов и в которой он как специалист может принести больше пользы общему делу. Этого требует честь той корпорации, к которой все мы принадлежим и к которой мы не имеем права относиться лишь с точки зрения личных выгод и удобств. Подписал уважающий Вас М. Алексеев»¹⁴.

В глазах армейского офицества корпоративизм генштабистов представлялся негативным явлением. По мнению не относившегося к офицерам Генерального штаба генерала от кавалерии А.А. Брусилова, «вообще офицеры Генерального штаба друг друга поддерживают и тащат кверху во все нелегкие»¹⁵. Однако для самих генштабистов корпоративная поддержка была весьма выгодной. Одним из следствий этого явления стала монополизация Генеральным штабом военной печати, военного законодательства и высшего военного управления Российской империи.

Зарождение корпоративных объединений офицеров-генштабистов относится к началу XX в. Тогда, в частности, обсуждалось учреждение особых органов для повышения престижа корпорации и статуса генштабистов. Например, в 1903 г. развернулась дискуссия по вопросу создания суда чести офицеров Генерального штаба «для охранения среди названных офицеров достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания»¹⁶. Это нововведение не встретило поддержки, и обособленного суда чести для генштабистов создано не было, хотя идея продолжала обсуждаться, по крайней мере, до 1913 г. Следует отметить, что даже в среде генштабистов далеко не все были сторонниками углубления корпоративной обособленности Генштаба от остального офицества, поскольку такое обособление, как полагал генерал А.Ф. фон ден Бринкен, вело к усугублению и без того неприязненного отношения к генштабистам в армейской среде. Еще одним контраргументом была сравнительная редкость проступков генштабистов, поэтому, по мнению генерала Г.Э. Берхмана, подобный суд был бы обречен на бездействие¹⁷. В итоге возобладала точка зрения, что генштабисты в отношении проступков должны подчиняться общим судам чести.

Поскольку офицеры не могли создавать политических организаций и участвовать в них, наибольший размах в старой России приобрели организации, занимавшиеся оказанием материальной помощи офицерам и их семьям. Так, вскоре после Русско-японской войны, в сентябре 1906 г., возникла идея создания капитала для оказания материальной поддержки офицерам Генштаба. Аргументом в пользу создания такого капитала послужил пример помощи семье умершего подполковника М.Е. Вишинского, для которой удалось собрать порядка десяти с по-

---

¹³ В документе несогласованно — офицерам.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 343. Л. 468–468об.

¹⁵ *Брусилов А.А. Мои воспоминания.* М., 2001. С. 148.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4694. Л. 1.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4735. Л. 1об., 2.

ловиной тысяч рублей¹⁸. В считавшемся передовым Варшавском военном округе генштабисты создали подобный фонд за счет вычетов из жалованья¹⁹. К тому же аналогичные фонды офицеров, не принадлежавших к Генеральному штабу, уже существовали в некоторых военных округах. Идея многим понравилась, но видение деталей было различным.

Огромная многолетняя переписка развернулась по вопросу оказания помощи семьям погибших на войне товарищей. Мнения генштабистов тогда разделились. Одни были за заемный капитал (374 офицера), другие — за товарищество взаимопомощи (234 офицера), 25 офицеров были нейтральны или против²⁰. Были и противники организации взаимопомощи как таковой. И все же в 1911 г. путем добровольной подписки и ежемесячных денежных взносов был образован фонд взаимопомощи офицеров Генштаба для оказания единовременной материальной поддержки семьям офицеров, оставшимся без средств к существованию. К 10 июня 1913 г. на образование фонда взаимопомощи офицеров Генштаба поступило 533 руб. 15 коп., к 1 января 1914 г. уже было собрано 2100 руб. 43 коп.²¹

В годы Первой мировой войны фонд не функционировал, поскольку офицеры прекратили производить отчисления, тогда как потребность в материальной помощи, наоборот, многократно возросла, поскольку много офицеров погибло²². Возникла идея увеличения взносов и возобновления работы общества на время войны. Обычный размер пособия составлял 500 руб. Однако суммы зависели от размеров пенсии. В июне 1913 г. в соответствии с новым пенсионным уставом для вдов с пенсией до 300 рублей стало выдаваться пособие в 500 руб., от 301 до 400 руб. — пособие в размере 400 руб., от 401 до 600 руб. — пособие в размере 250 руб.²³

В июле 1917 г. генерал-квартирмейстер Генерального штаба генерал-лейтенант Н.М. Потапов писал генерал-квартирмейстеру штаба Северного фронта генерал-майору С.Г. Лукирскому о необходимости возродить фонд взаимопомощи: «Вслед за окончанием настоящей войны, следует ожидать, что нужда в выдаче пособий осиротевшим семьям сильно возрастет, и остающиеся в настоящее время в фонде взаимопомощи офицеров Генерального штаба 186 руб. 55 коп. будут израсходованы очень скоро.

Поэтому в целях увеличения указанного фонда в достаточной степени, предместником моим в письме от 11-го июля 1916 года за № 18421 на имя генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, генерал-майора Пустовойтенко, высказано было пожелание об обращении ко всем офицерам Генерального штаба с просьбой сделать взносы в фонд взаимопомощи за все истекшее время с начала войны, хотя бы в размере, производившемся еще в мирное время (генералы 3 руб., штаб-офицеры 2 руб. и обер-офицеры 1 руб.), но вопрос этот никакого разрешения тогда не получил.

---

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1268. Л. 2. Выражаю благодарность В.Л. Юшко за предоставленные сведения о службе этого офицера.

¹⁹ Там же. Л. 62.

²⁰ Там же. Л. 680.

²¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4616. Л. 94.

²² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1366. Л. 1.

²³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4632. Л. 2об.

Считая своевременным вновь обсудить необходимость безотлагательного пополнения фонда взаимопомощи офицеров Генерального штаба, прошу о Вашем заключении по изложенному вопросу не отказать меня уведомить.

С[о] своей стороны полагаю, что в соответствии с улучшившимся материальным обеспечением в настоящее время большинства офицеров²⁴ Генерального штаба, по сравнению с условиями мирного времени, казалось бы возможным предложить теперь же добровольную подписку на увеличение “фонда взаимопомощи офицеров Генерального штаба” с тем, чтобы довести его хотя бы до 10.000²⁵ рублей, что потребует единовременного взноса каждым офицером Генерального штаба около 5–6 рублей.

Изложенное мною сообщено также всем генерал-квартирмейстерам штабов армий фронтов и генерал-квартирмейстеру при Верховном главнокомандующем»²⁶.

К 5 августа 1917 г. в фонде взаимопомощи офицеров Генштаба было 964 руб. 55 коп.²⁷, тогда как суммы денежного фонда офицеров Генштаба Варшавского военного округа, хранившиеся в штабе Минского военного округа, составляли 14 214 руб. 4 коп.²⁸ Офицеры округа отчисляли в фонд половину процента месячного содержания, причем еще в 1906 г. было намечено выдавать по 300 руб. семьям умерших офицеров округа, а с согласия 2/3 членов общества выдавать пособия в 1000 руб.²⁹ Средствами ведал распорядительный комитет. Возник вопрос об использовании варшавских сумм. При этом многие пайщики варшавского фонда не возражали против использования их взносов всей корпорацией генштабистов³⁰, хотя были и те, кто считал, что собранные деньги должны идти только на семьи офицеров Варшавского округа, как было установлено перед войной³¹. Из-за единичных протестов эти средства в конце октября 1917 г. было решено не использовать³². Офицеры-генштабисты в этом вопросе проявили поразительную наивность. Кто в итоге воспользовался средствами — неизвестно, тем более что в начале 1918 г. штаб Минского военного округа, где хранились деньги генштабистов, был захвачен немцами.

В 1917 г. офицеры-генштабисты XII армейского корпуса выступили за введение обязательного страхования всех офицеров Генштаба³³. На общем собрании офицеров Генштаба Ставки 5 августа 1917 г. было решено возобновить взносы в фонд взаимопомощи. Единовременный взнос должен был составить 9 руб. с генерала, 6 — со штаб-офицера и 3 — с обер-офицера³⁴.

Возражений против возобновления работы прежнего фонда взаимопомощи офицеров Генерального штаба не было, однако вопрос был согласован только к концу октября 1917 г.³⁵ Несмотря на революционные события, эта инициатива

---

²⁴ Подчеркнуто красным карандашом кем-то из читателей.

²⁵ Подчеркнуто чернилами кем-то из читателей.

²⁶ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1130. Л. 18–18об.

²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1366. Л. 20.

²⁸ Там же. Л. 20об.

²⁹ Там же. Л. 22.

³⁰ Там же. Л. 39, 40, 41, 44.

³¹ Там же. Л. 44.

³² Там же. Л. 56.

³³ Там же. Л. 15.

³⁴ Там же. Л. 23–23об.

³⁵ Там же. Л. 54.

получила свое развитие. Приказом по Генеральному штабу № 38 от 24 ноября 1917 г. был установлен ежемесячный обязательный вычет из содержания по 3 руб. с генералов или занимавших генеральские должности, по 2 — со штаб-офицеров или занимавших штаб-офицерские должности и по рублю — с обер-офицеров. Вычеты должны были взиматься начиная с 1 августа 1917 г. «со всех офицеров Генерального штаба, числящихся по Генеральному штабу или состоящих в списках Генерального штаба, а также и с причисленных к Генеральному штабу»³⁶.

Вычеты препровождались казначею Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Вскоре стали поступать просьбы об увеличении взносов. Большинство офицеров Генштаба в ноябре 1917 г. сочли необходимым увеличить фонд, некоторые сразу прислали по 6–9 руб.³⁷ Известно, что одновременно семье (матери, супруге или детям) умершего участника фонда высылалась 1000 руб. Фонд, кроме того, выдавал ссуды нуждавшимся офицерам. Извещение о смерти надлежало отправлять генерал-квартирмейстеру ГУГШ. Делами фонда заведовал делопроизводитель по службе Генерального штаба ГУГШ. Два раза в год составлялся денежный отчет. Как уже отмечалось, не подлежали включению в общий фонд суммы фонда офицеров Генерального штаба Варшавского военного округа.

Невероятно, но фонд взаимопомощи офицеров Генерального штаба по инерции просуществовал, по крайней мере, до конца 1918 г. при организационном управлении Всероссийского главного штаба. По данным на конец ноября 1918 г., средства фонда хранились у казначея отдела по устройству и боевой подготовке войск Всероглавштаба³⁸. Наличие такого фонда оставляет необычное впечатление того, что революционные потрясения совершенно не затронули некоторые стороны службы генштабистов. Единственное, что изменилось — офицеры Генерального штаба в названии фонда стали именоваться бывшими офицерами³⁹.

Значение фонда в советский период многократно возросло, поскольку положение семей генштабистов резко ухудшилось, а многие оказались просто на грани выживания. Характерно сообщение генштабиста Б.А. Левицкого в организационное управление Всероглавштаба от 11 ноября 1918 г.: «Вчера, 10-го ноября с.г., я встретил на улице одиноко стоящего, оборванного старика, из разговора с которым выяснилось, что он отец покойного ныне Генштаба⁴⁰ В.В. Макухина, который являлся его единственной опорой в жизни. Старику 72 года, он нищий. Я помог ему, чем мог, но сам едва свожу концы с концами...»⁴¹ Начальник общего отделения оперативного управления Всероглавштаба генштабист Б.М. Иванов просил помочь деньгами на операцию жене, так как находился в тяжелом материальном положении, будучи обременен семьей⁴². Для таких людей помощь фонда могла стать спасительной, хотя материальную помощь старались оказывать лишь семьям умерших генштабистов.

---

³⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 33.

³⁷ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 79.

³⁹ Там же. Л. 119. В Советской России в августе 1918 г. также существовал союз окончивших интендантскую академию (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 114).

⁴⁰ Т.е. генштабиста. Обычное наименование специалистов Генерального штаба в Советской России.

⁴¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 75.

⁴² Там же. Л. 115, 116.

К 9 ноября 1918 г. в фонде имелось 6425 руб. 10 коп., которые хранились, судя по всему, в отделении по службе Генштаба Всероссийского главного штаба⁴³. Фонд сыграл немалую роль в деле оказания материальной помощи семьям генштабистов и исправно выдавал пособия нуждавшимся, что было особенно важно в катастрофических жизненных условиях революционной эпохи. Существование такого фонда в Советской России было значимым показателем высокого корпоративного духа бывших офицеров-генштабистов.

* * *

В революционной России 1917 г. появилось множество союзов и объединений, имевших в том числе политические цели. Одними из последних начали объединяться офицеры, а генштабовский корпоративизм стал стремительно политизироваться. Если раньше объединение офицеров могло осуществляться лишь по экономическим интересам, то теперь они отошли на второй план и главенствующей стала политика наряду со стремлением офицеров-генштабистов сохранить за собой контроль над армейской массой, а отдельные личности мечтали выдвинуться на гребне революционной волны. На предварительном собрании по созыву Всероссийского съезда офицеров армии и флота 5 мая 1917 г. в Ставке кто-то выкрикнул: «Кухарки объединяются, а нам, офицерам, объединиться нельзя, ведь это позор!»⁴⁴ Не стали исключением и генштабисты. Они состояли в различных организациях, в том числе офицерских, казачьих и т.д., однако мы рассмотрим лишь непосредственные объединения самих генштабистов.

25 марта 1917 г. генштабисты Особой армии провели свое собрание, на котором было принято постановление, направленное против действий Петроградского совета. В постановлении говорилось:

«Представители офицеров Генерального штаба Особой армии, руководствуясь исключительно чувством любви к Родине и сознанием своего долга перед Отечеством, собравшись 25-го марта 1917 года, постановили сделать нижеследующее заявление, каковое представить командующему армией с просьбой довести до сведения Временного правительства. Кроме того, распространить это постановлением среди всех офицеров Генерального штаба, прося их высказаться по существу.

Все мы сознаем нецелесообразность возврата к старому порядку, считаем таковой недопустимым и свято выполним по присяге наш долг перед Родиной и Временным правительством, к которому имеем полное доверие.

Поэтому мы считаем своим нравственным долгом выяснить на основании ближайшего наблюдения над войсками влияние на боеспособность армии, которое оказывает как практикуемый ныне способ проведения военных реформ, так и существо этих реформ.

Большинство касающихся армии распоряжений Временного правительства, объявленных “с согласия”, а вернее — под давлением анонимного Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, ведут к разрушению основ организации боевой силы Государства и не дают возможности планомерно провести в жизнь армии новые начала ее устройства, в духе и соответствии с новым строем

---

⁴³ Там же. Л. 116.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 14. Д. 4. Л. 1.

жизни Государства: мероприятия проводятся с вредной поспешностью, не считаясь ни с боевой обстановкой, ни с основами военного дела, ни с мнением действующей армии, ни с поставленной самим Правительством целью — довести войну до победного конца.

Одновременно Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, широко пользуясь печатью, делает свои постановления и проекты достоянием широких войсковых масс, которые, в большинстве, не могут уяснить себе необязательного характера этих сообщений печати и принимают их за новые узаконения, особенно когда они касаются расширения личных прав солдата.

Попытки офицеров выяснить истинный характер и необходимость для действующей армии этих постановлений зарождают в солдатской массе подозрение, что офицеры скрывают от них установленные для солдат Временным правительством льготы, возбуждают недоверие к ним и даже враждебные чувства.

Это отношение солдатских масс к офицерам усугубляется еще тем, что введение после революционных событий исключительных прав для солдат гарнизонов Петрограда и других тыловых центров породило еще большую путаницу в умах солдат и даже офицеров: разъяснения Временного правительства о том, что постановления эти действительны только лишь для столичных гарнизонов, не укладываются в понятия солдатской массы действующей армии, а офицеры не могут себе уяснить, какое направление примут реформы армии при таком их начале. Не имея определенных указаний, офицеры зачастую не могут дать правильных разъяснений. Такое положение подрывает влияние начальников и заставляет солдат искать случайных разъяснителей.

Все опубликованные пока постановления и проекты реформ, имеющих благую цель — демократизацию армии и представление солдатам гражданских прав, при умолчании об обязанностях, создали впечатление, что солдатская масса противопоставляется корпусу офицеров и что все реформы направлены к освобождению солдатских масс от эксплуатации якобы офицерами их бесправного положения. Вместо разрушения главным образом классово-перегородки, существовавшей между офицером и солдатом, воздвигается глухая стена морального разъединения. Стремление офицеров установить взаимное понимание и взаимное доверие встречает чрезвычайные затруднения и требует чрезвычайных усилий.

Действительно, рознь и недоверие вылились в весьма уродливые формы отношений: в солдатской массе выплыли на первый план личные счеты и разыгрываются страсти на почве сознания своей силы, безнаказанности и отсутствия у офицеров средств воздействия; со стороны солдат, вопреки присяге, начались требования о смещении начальников, которые в некоторых случаях пришлось удовлетворить для успокоения страстей; начались аресты солдатами офицеров за указание им на неправильное понимание своих прав и сущности принятой присяги; словом — происходит такое умаление офицерского достоинства, власти и авторитета начальника, при котором у офицеров опускаются руки, и многие, не будучи в состоянии вынести этой нравственной пытки и работать при таких условиях на пользу дорогой армии, или стремятся уйти, или впадают в апатию. Наша же армия и без того бедна офицерами и командным составом, и дальнейшие шаги в этом направлении поведут к разрушению ее боеспособности. Стремление к выборному началу приводит к таким нелепым явлениям, как выбор солдатами на

должность командира полка молодого и явно невежественного подпоручика, отчисленного в свое время по неспособности от командования ротой, как это было недавно в одном из полков Особой армии.

Провозглашенный советом солдатских и рабочих [депутатов] принцип “оборонительной войны” понимается солдатской массой в смысле пассивного отстаивания армии на ныне занимаемых позициях, тем более что, по их понятиям, объявленная независимость Польши якобы избавляет нас от необходимости движения вперед. Такое понятие об оборонительной войне, как показывает история, приводит к неминуемому и полному поражению.

Проекты земельной реформ, в связи с отсутствием указаний о времени их проведения, вызвали в среде солдат самовольные отлучки домой, из боязни, что дележ произойдет без них; это уменьшает боевой состав армии и вносит лишний элемент разложения.

Наконец, служба офицеров и солдат на позиции весьма тяжела, а потому установление рабочими 8-ми часового рабочего дня вызвало общее несочувствие войск, обвинение рабочих в преследовании узких классовых целей и не лишённое основания опасение, что в решительную минуту армия снова останется без боевых припасов и что немцы, напрягая все свои рабочие силы, достигнут, по сравнению с нами, еще большего перевеса в средствах техники. Такие же несочувственные толки вызывает в действующей армии постановление о невыводе из Петрограда до конца войны частей его гарнизона, совершивших Государственный переворот.

Все перечисленные условия привели в настоящее время к тому, что общий подъем боевого настроения в армии, сопровождавший Государственный переворот, стал заметно падать, как у солдат, так и у офицеров; настоящей уверенности в том, что войска перейдут в наступление, когда им это прикажут, и даже проявят должную энергию при обороне, — нет.

На основании изложенного признаем необходимым для спасения армии от разложения и укрепления ее боеспособности:

1. Объединение насаждаемых в армии общественных установлений (советов и комитетов) на почве борьбы со злыми течениями, разрушающими организм армии, и оказание действующей армией полной живой поддержки Временному правительству.

2. Независимо от этого — деятельная идейная и дружная работа всех тех офицеров и солдат Русской армии, для которых ясны как создающееся положение, так и необходимость укрепления в умах массы определенных понятий об армии, как об организме, и о мерах поддержания его в здоровом состоянии.

3. С[о] своей стороны Временное правительство в своих распоряжениях должно проявить твердость независимой правительственной власти, не смущаемой безответственными влияниями, которые приняли даже не случайный, а постоянный характер.

4. Безусловно обязательно считаться, при проведении касающихся армии реформ в отношении их целесообразности и своевременности, с мнением действующей армии, которая, в лице ее начальников, понимает всю величину и важность своей боевой задачи и лучше других может судить, что ей нужно.

5. Крайнюю осмотрительность в проведении военных реформ армии, находящейся в боевом соприкосновении с противником, памятуя, что существуют такие

научные основы ее организации, которые не могут быть нарушаемы безболезненно и без ущерба ее боевой силе. Такими научными основами являются:

а) Построение боевого управления на принципе ответственности отдельных лиц (начальников всех степеней), а не массы; переходной ступенью к последнему является совершающаяся передача власти выборным установлениям различных наименований. Влияние массы на управление боевой деятельностью упраздняет психологическое значение на войне вождя.

б) Недопустимость системы избрания начальников снизу вверх, так как при этих условиях начальники становятся в зависимое от подчиненных положение; к тому же эти последние, по понятным причинам, далеко не всегда беспристрастно руководствовались бы при выборах действительными качествами данного лица, отдавая предпочтение менее требовательным.

в) Недопустимость вообще в живом военном деле, а тем более в боевом, по вопросам управления типами и оперативным, решений, построенных всецело на мнениях военных советов, которым, на основании глубокого опыта военной истории, определено лишь совещательное значение, не имеющее обязательной силы для начальника, единой воле которого принадлежит принимать решение со всей полнотой ответственности за него; нарождающаяся же система советов и комитетов, облакаемых пока скромными полномочиями, грозит при существующем течении событий постепенным вторжением в область боевого управления войск. Считая эти советы и комитеты полезными и необходимыми для тех целей, которые ими преследуются теперь, нужно авторитетным указанием сверху теперь же определить границы их полномочий, дабы избежать возможных недоразумений с их расширением в сторону боевого управления.

Все указанные выше принципы проводятся во всех решительно армиях, как монархических, так и республиканских, и отнюдь не считаются противоречащими свободе граждан — солдат и офицеров, потому что в этих армиях и в среде тех народов, которые их выставляют, ясно понимают, что без дисциплины армия, как боевая сила, не существует, а дисциплина держится на единоначалии и на сознательном самоограничении подчиненных, во имя полного взаимного доверия старших и младших.

6. Необходимо точное определение Временным правительством прав начальников всех степеней, как офицеров, так и солдат.

7. Без срочного осуществления приведенных выше мер, без уничтожения влияния безответственного анонимного сверх-правительства, армия в ближайшее время может дойти до того, что восстановить ее прежнюю боевую силу уже будет нельзя.

Армия в опасности.

Berliner Tageblatt цинично радуется, что, вследствие внутренних событий в России, убито много офицеров, что является сильнейшим ударом для армии, и отмечает, что продолжение беспорядков уменьшает силы Русской армии.

Если, в действительности несколько десятков убитых во время революции офицеров и не являются, как надеются немцы, сильнейшим ударом для Русской армии, то сотни, тысячи офицеров, убитых нравственно, лишенных авторитета и поддержки, нанесут настоящий ущерб боевому делу, и едва ли мероприятия,

ведущие к этому, логически вяжутся с провозглашенным лозунгом: “война до победного конца во имя свободы”.

Нет — при этих условиях армия, а следовательно и свобода, в опасности.

Подписали: генерал-майор [Б.В.] Геруа, полковники: [В.И.] Стойкин, [М.В.] Лебедев, [П.П.] Аджиев, подполковники: [Н.В.] Соллогуб, [В.И.] Сидорин, [В.А.] Замбрицкий, [В.Н.] Рудский, капитаны: [В.П.] Сияльский, [В.Е.] Змиенко, [Б.Ф.] Ушаков, [М.А.] Баторский, [К.И.] Янушев, штабс-капитаны: [М.К.] Мунтянов, [А.А.] Шоколи, [Б.К.] Верховской и поручик [В.Д.] Гершельман»⁴⁵.

В этом постановлении генштабисты выразили лояльность Временному правительству, однако выступили против непродуманных армейских преобразований, которые вели к разрушению армии, подвергли жесткой критике сложившееся в стране двоевластие в связи с деятельностью Петросовета, сеявшей рознь между офицерами и солдатами. Генштабисты выражали глубокую озабоченность падением дисциплины, введением в армии выборного начала, выходом солдат из подчинения офицерам, дезертирством.

К лету 1917 г. из всего Юго-Западного фронта организация генштабистов существовала только в Особой армии⁴⁶. Однако генштабисты других армий вскоре последовали примеру своих товарищей, тем более что постановление собрания офицеров Генерального штаба Особой армии рассылалось в копиях на другие фронты⁴⁷.

Из некоторых армий, корпусов и дивизий на это постановление в начале апреля 1917 г. были присланы восторженные отклики.

Из 12-й армии телеграфировали: «Домбровица 6 апреля <...> Собрание офицеров Генштаба армии, ознакомившись вчера [с] Вашим постановлением от 25 марта с.г., выражает свое сочувствие и полную солидарность по всем затронутым Вами вопросам. Копия постановления Вам высылается. Ввиду высказанных пожеланий о распространении Вашего постановления среди офицеров армии испрашиваем на это Вашего разрешения. 2132, [А.А.] Посохов»⁴⁸.

Из 8-й армии сообщали: «Единодушно присоединяемся [к] постановлению офицеров Генерального штаба Особой армии, которое просим довести до сведения Военного министра и Временного правительства. Командарм также вполне разделяет мнение офицеров Генштаба Особой армии.

Черновицы 6-го апреля 1917 г. 10 ч. 30 м. 0382. Генерал-лейтенант [Ф.С.] Рерберг, [И.И.?] Попов, ген[ерал-]майор [Г.В.] Покровский, полковник граф [Д.Ф.] Гейден, подполковники [П.А.] Кусонский, [М.В.] Инюгин, [А.Н.] Игнатъев, капитаны [А.В.] Румянцев, [М.М.] Дидковский, [М.О.] Неженцев, шт[абс]-капитан [А.М.] Шкеленко»⁴⁹.

«Инициативная группа военнослужащих по созданию Всероссийского военного союза, заслушав [в] заседании постановление офицеров, постановила приветствовать подписавших таковое как своих подлинных единомышленников. 2394. Председатель президиума группы полковник [В.К.] Шевченко»⁵⁰.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1289. Л. 46–48об.

⁴⁶ Там же. Л. 54.

⁴⁷ См., напр.: РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 289. Л. 17.

⁴⁸ Там же. Л. 19.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

Поступило еще несколько одобрительных телеграмм: «Вполне согласен и присоединяюсь к постановлению от 26 марта офицеров Генерального штаба Особой армии. Генштаба полковник Ланблт⁵¹, Генштаба полковник [А.М.] Максимов»⁵².

«На № 07455. Всецело присоединяюсь к изложенному в постановлении собрания офицеров Генштаба Особой армии № 44. Командующий 154 пех[отной] дивизией ген[ерал-]майор [К.И.] Рьльский»⁵³.

«Офицеры Генштаба I гвардейского корпуса приносят поздравление [со] Светлым праздником, шлют пожелания боевого счастья и удач честным начинаниям, почин которым положен офицерами Генерального штаба Особой армии № 07455. Каждое слово этого постановления заставляет нас верить, что Генеральный штаб наконец заслужит то уважение в горячо любимой нами всеми армии, каким он справедливо пользуется у наших врагов. Каждый из нас во имя долга перед Родиной не может не приветствовать от всей души правду, которой проникнута каждая строка постановления. Желаем дорогим товарищам сил и бодрости духа в грядущий грозный решительный период войны. Подполковник [К.К.] Акинтьевский⁵⁴. № 07947. [Б.В.] Геруа-2[-й]»⁵⁵.

Документально известно, что собрания генштабистов прошли на Северном фронте, во 2-й, 5-й и 12-й армиях. В последней в мае 1917 г. был даже разработан свой устав общества офицеров Генерального штаба. Причем все сильнее наблюдался отход от лозунга «армия вне политики». Однако исторический парадокс заключался в том, что наибольшая власть и наибольшее влияние у старого Генерального штаба были до февраля 1917 г. После Февральской революции генштабисты, несмотря на расцвет их корпоративизма, оказались в подчиненном положении по отношению к различным политическим деятелям и постепенно утрачивали свои позиции.

16 апреля 1917 г. датировано постановление собрания офицеров Генерального штаба 5-й армии, в полосе которой находилась Ставка. В документе отмечалось следующее: «Быстрый переворот, переход к новому гражданскому строю и новым правовым взаимоотношениям между военнослужащими, между начальниками и подчиненными, все эти положения наряду с грозной и реальной опасностью со стороны внешнего врага — внесли много нового в ряды армии, крайне вредно отразившегося на ее боеспособности, на ее внутренней спайке и мощи.

Выход из печати Приказа № 1-й и последующих распоряжений Совета рабочих и солдатских депутатов, относящихся к Петроградскому гарнизону, но без достаточно точного указания на это, внесли первое разложение в ряды не подготовленной к их восприятию армии, что сразу расширило пропасть между двумя ее составными частями — офицерской и солдатской средой.

Разлад в армии начался, прежде всего, с умаления авторитета офицера, как начальника, и с ограничения его прав, как гражданина, в то время как солдат стал гражданином полноправным.

---

⁵¹ Телеграфная ошибка, офицера с такой фамилией не существовало.

⁵² РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 289. Л. 19.

⁵³ Там же.

⁵⁴ В документе ошибочно — Джинтиевский.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 289. Л. 19–19об.

Появившееся явочным порядком во время революции выборное начало для командного состава внесло новую рознь в ряды армии и чрезвычайно вредно отразилось на боеспособности войск, лишив их местами опытных, испытанных в бою начальников, посвятивших всю свою жизнь армии и отдавших ее служению лучшие свои силы. Это еще более подорвало авторитет командного состава.

Отказ Временного правительства от аннексий и контрибуций, недостаточно ясно и определенно формулированная программа оборонительной войны зародили в армии чрезвычайно вредное течение пассивного сидения в окопах.

Все вышеизложенное дает весьма яркую картину той разрухи, того разложения, к которому быстрыми шагами идет армия.

Если к этому прибавить распространение вредных провокационных идей, отдельные, но весьма частые эксцессы в частях на почве чисто личного отношения между начальниками и подчиненными, недостаточную подготовку в подавляющем большинстве нашего солдата к быстрому и правильному восприятию всех полученных им гражданских прав, то с грустью должно сознаться, что при дальнейшем подобном же положении вещей наша многострадальная армия, давшая Родине тысячи народных героев и покрывшая себя вечной славой на протяжении многих веков, теперь грозит обратиться в вооруженную и неорганизованную толпу.

Ввиду изложенного мы, представители офицеров Генерального штаба 5-й армии, собравшись сего 16-го апреля 1917 года для обсуждения вопросов текущего времени, постановили сделать следующее заявление:

1) Все мы выражаем полное доверие Временному правительству, свято выполним по данной присяге наш долг перед Ним и Родиной и считаем, что недопустима даже мысль о возврате к старому режиму.

2) Признавая значение Совета рабочих и солдатских депутатов в деле завоевания и проведения в жизнь свободы Родины, мы, как люди, посвятившие себя исключительно военному делу и отдающие все свои силы на его укрепление и развитие, считаем своим нравственным долгом перед армией и Родиной на основании непосредственного наблюдения над войсками указать на то, какое влияние оказывают на боеспособность армии текущие события.

Соглашаясь на основании официальных заявлений Временного правительства, что при существовании наряду с последним Совета рабочих и солдатских депутатов — нет двоевластия, все же мы признаем, что при настоящем случайном составе Совета рабочих и солдатских депутатов он не может служить опорой Временному правительству, так как не является выразителем мнения всей страны и всей армии; почему Совет необходимо в кратчайший срок реформировать, сделав его впредь до созыва Учредительного собрания — Всероссийским.

Но так как в силу создавшейся обстановки Совет рабочих и солдатских депутатов, пользующийся в настоящее время огромной популярностью в солдатских массах, не может не оказывать влияния на военные дела, то — признаем необходимым привлечь теперь же в Совет помимо строевых чинов армии и офицеров Генерального штаба, по расчету не менее двух от каждого фронта. Выборы должны быть распоряжением Ставки произведены теперь же.

3) Все распоряжения, касающиеся армии, должны исходить только от Временного правительства.

4) При разработке и проведении каких-либо реформ, касающихся армии, необходимо считаться с мнением последней в лице ее строевых начальников и офицеров Генерального штаба, понимающих как всю величину и важность боевой задачи армии, так и ее нужды.

5) Признаем необходимым для борьбы с нарастающими злыми и вредными течениями оставление и объединение насаждаемых в армии учреждений в виде “комитетов” (армейских, корпусных и пр.).

6) Признаем необходимым проведение в жизнь дружной, деятельной, совместной работы всех тех военнослужащих независимо от звания и положения, для которых ясны как создающееся в армии положение, ведущее к ее распаду, так и необходимость укрепления в умах масс определенных понятий об армии как о целом организме и о мерах поддержания его в здоровом состоянии. Для чего — всеми мерами поддерживать существование и работу смешанных “комитетов” (состоящих из офицеров и солдат).

7) Признаем недопустимостью системы избрания начальников подчиненными и “комитетами”.

8) Боевое управление войсками должно быть построено на принципе ответственности отдельных лиц (начальников всех степеней) с предоставлением им прав и власти.

9) Признаем совершенно недопустимым вмешательство каких-либо “советов” или “комитетов” в отрасль оперативную по части принятия решений, управления войсками, их службы, а также боевой и тактической подготовки.

Единственным компетентным и ответственным по всем изложенным вопросам лицом должен являться начальник, единой воле которого принадлежит право принимать и проводить в жизнь то или иное решение во всей его полноте.

10) Во избежание на будущее время вторжения “советов” и всякого рода “комитетов” в живое боевое дело и дабы избежать недоразумений при попытках “советов” и “комитетов” расширить свои полномочия в сторону боевого управления, считаем необходимым теперь же ясно и определенно указать круг деятельности “комитетов” и границы их полномочий.

11) Считаем необходимым объявление Временным правительством в кратчайший срок основных законоположений, устанавливающих правовые и служебные отношения между начальниками и подчиненными на новых основаниях, и точное определение Временным правительством прав, обязанностей и ответственности всех военнослужащих.

12) До тех пор пока не будут объявлены и осуществлены новые законоположения при создавшемся положении начальник не может единолично отвечать за вверенную ему часть во всех отношениях, что угрожает целостности и боеспособности армии и утверждению Свободы.

13) Без спешного осуществления всех приведенных выше мер мы считаем, что армия в ближайшее время дойдет до того, что восстановить ее прежнюю боевую силу уже не будет возможности.

14) Признаем необходимым немедленную организацию при Ставке съезда офицеров Генерального штаба по два от каждой армии для всестороннего обсуждения создавшегося положения путем обмена мнений и рассмотрения поста-

новлений подобных сему и для составления одного общего заявления офицеров Генерального штаба.

15) Признаем необходимым образование постоянного выборного “Комитета офицеров Генерального штаба” при Ставке для обсуждений и рассмотрений назревающих вопросов.

16) Настоящее постановление представить Командующему армией с просьбой спешно довести его до сведения Временного правительства и Ставки, кроме того — распространить его между всеми офицерами Генерального штаба.

Председатель Собрания генерал-майор [К.К.] Черный.

Подписали: генерал-майоры: Попов, [В.П.] Бреслер, [Н.С.] Беляев, Вл.[Н.?] Попов, [А.И.] Федотов и [М.Н.] Ярошевский. Полковники: [А.К.] Андерс, [А.-Э.Г.] Нидермиллер, [В.К.] Седачев, Поляков, [В.В.] Новиков и [А.Г.] Георгиевский. Подполковники: [Е.Б.] Плотников, [В.В.] Бастраков, [Н.Н.] Животовский и [Э.-Б.А.] Прюссинг. Капитаны: [Н.Н.] Пораделов, [А.Т.] Кременецкий, [В.Е.] Роженко, [А.Н.] Ягода и [А.Х.] Андерсон. Подъесаул [П.Л.] Фролов.

Редакционная комиссия: генерал-майор [В.П.] Бреслер, подполковник [Е.Б.] Плотников, капитаны: [Н.Н.] Пораделов и [В.Е.] Роженко.

Секретарь капитан [В.Е.] Роженко»⁵⁶.

Фактически постановление провозглашало полную поддержку Временному правительству, но требовало учитывать интересы и мнение Генштаба.

Генштабисты 2-й армии также высказались за созыв съезда офицеров Генштаба «для борьбы с разлагающими влияниями в армии»⁵⁷. Попытки организации такого съезда предпринимались только до выступления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г., после чего стали невозможны.

В мае 1917 г. в штабе Северного фронта обсуждался устав общества офицеров Генерального штаба 12-й армии, причем предполагалось создать объединение всех офицеров-генштабистов фронта⁵⁸. Посредством объединения генштабисты стремились «внести свой труд и знания в дело переустройства армии на новых началах и укрепления ее боеспособности для выполнения священного долга — защиты России и ее свободы от всяких посягательств»⁵⁹. Свою задачу видели в широкой просветительской работе, разработке улучшений в вопросах организации и быта армии, усовершенствований в области военного искусства и военной техники, в установлении тесной связи со строевыми офицерами и солдатами, в обсуждении и решении вопросов прохождения службы офицеров Генштаба, в борьбе с канцелярщиной, в стремлении перенести работу генштабистов в поле, в проведении в жизнь идеи объединения всех генштабистов в стране.

На собраниях должны были присутствовать от каждого штаба корпуса, от дивизии и крепости — не менее одного представителя, от штаба армии — не менее трех. Избрание новых членов и переизбрание старых осуществлялись при наличии 2/3 голосов. Общие собрания должны были проводиться ежемесячно по требованию не менее четверти членов общества. На каждом заседании избирались председатель, его товарищ и секретарь. Во главе организации стоял исполнитель-

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 14. Д. 8. Л. 1–2.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1289. Л. 61.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1331. Л. 1.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1289. Л. 58.

ный комитет. Известно одно из политических заявлений общества офицеров Генерального штаба 12-й армии, которые в июне–июле 1917 г. сообщили военному министру, в ГУГШ и в Военную академию, что устраняются от работы по повышению боеспособности армии⁶⁰.

Аналогичное обсуждение прошло и в Ставке. Инициатором создания объединения с политическими целями выступил штаб Северного фронта и непосредственно Генштаба генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич, ставший впоследствии одним из руководителей Красной армии. По задумке Бонч-Бруевича, деятельность фронтовых объединений генштабистов должна была возглавлять аналогичная организация в Ставке, а в мирное время — в ГУГШ⁶¹. Похоже, Бонч-Бруевич таким способом искал популярности среди офицеров Генштаба. К сожалению, нет данных о том, было ли в итоге организовано соответствующее общество при Ставке.

Кавказский фронт известил, что из-за разбросанности генштабистов и обширности театра военных действий там союз офицеров Генштаба создаваться не будет⁶².

На Северном фронте возникло свое общество офицеров Генштаба, устав которого был выработан 22 июня 1917 г. Председатель общего собрания офицеров Генерального штаба Северного фронта М.Д. Бонч-Бруевич 25 июня 1917 г. обратился в штабы фронтов, армий и в Ставку: «Согласно постановлению Общего собрания офицеров Генерального штаба штаба Северного фронта при сем препровождается “2” экземпляра “Устава Общества офицеров Генерального штаба Северного фронта”».

Прошу о рассмотрении этого Устава на общем собрании офицеров Генерального штаба с целью изменения или внесения поправок.

Когда Устав будет рассмотрен и общество офицеров придет к определенному выводу, прошу сообщить об этом на имя секретаря Общего собрания подполковника [Н.М.] Щербакова.

Для утверждения Устава будет собрано общее собрание офицеров — делегатов Северного фронта согласно п. 9 “Устава”.

Объединиться офицерам Генерального штаба в одну семью, при современных условиях политической жизни, необходимо. Назревает много вопросов, которые мы можем разрешать только в своей тесной семье.

Наша разрозненность ярко почувствовалась при первом же опыте — выборе начальника Военной академии. Кандидатов выставлено много. Голоса разобьются, и начальником академии может быть выбран, незначительным большинством голосов, человек, не пользующийся доверием всех офицеров Генерального штаба.

При современных условиях службы и жизни офицерам Генерального штаба не один раз придется опираться на какой-либо авторитет, искать где-либо сочувствия. Вернее всего все это можно найти в своей среде, а для этого нужна ее стройная организация.

Почин организации среди офицеров Генерального штаба на Северном фронте принадлежит офицерам штаба 12 армии. Офицеры штаба Северного фронта близко приняли эту мысль и разработали Устав для офицеров Генерального штаба всего фронта.

---

⁶⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1509. Л. 155.

⁶¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1331. Л. 4об.

⁶² Там же. Л. 3.

Быть может, нарождающаяся организация на Северном фронте в недалеком будущем точно определится и твердо станет на ноги.

Но на Северном фронте находится только часть офицеров Генерального штаба; нами же руководит мысль об объединении всех офицеров Генерального штаба. Поэтому крайне желательно, чтобы офицеры и других фронтов откликнулись на наш призыв и организовали свои общества.

Все эти организации могли бы возглавляться в военное время в Ставке, а в мирное время при Главном управлении Генерального штаба.

Офицеры Генерального штаба Северного фронта надеются, что Ставка пойдет навстречу их пожеланиям и возьмет на себя труд организации Общего съезда офицеров Генерального штаба в Ставке после того, как на фронтах офицеры Генерального штаба организуются»⁶³.

Согласно уставу, общество офицеров Генерального штаба Северного фронта создавалось «в целях: 1) товарищеской поддержки друг другу и 2) организованного выступления во всех соответствующих случаях военно-научной деятельности своей для внесения приобретенных ими знаний в дело переустройства армии на новых началах и укрепления ее боеспособности»⁶⁴.

Задачами общества были (в двух выявленных экземплярах документа первый пункт отсутствует):

«2) Стремление к установлению истинно товарищеских тесных отношений между офицерами Генерального штаба.

3) Оказание всесторонней дружеской помощи товарищам своим по мундиру во всех случаях нужды в ней, как по службе, так и вне ее.

4) Дружеское воздействие на товарищей по мундиру, впадающих в жизненные и служебные ошибки.

5) Широкая просветительная работа по всем вопросам военного искусства, как в своей среде, так и в среде офицеров и солдат.

6) Усвоение, разработка и проведение в жизнь всех новейших улучшений в вопросах организации и быта армии и усовершенствований в области военного искусства и военной техники.

7) Обсуждение вопросов о постановке и прохождении службы офицеров Генерального штаба.

8) Пропаганда и проведение в жизнь членами настоящего общества идеи объединения всех офицеров Генерального штаба на приведенных здесь основаниях»⁶⁵.

Естественно, председателем общества стал не кто иной, как сам Бонч-Бруевич. Секретарем — подполковник Н.М. Щербаков. В общество принимали как полноценных генштабистов, так и причисленных к Генштабу, тех, кто ранее состоял по Генштабу, отставных офицеров и даже тех, кто окончил два или три курса академии. Членами общества не могли быть только те, кто был удален из среды генштабистов по суду или за неблагоприятные поступки⁶⁶. Предполагалось, что на постоянной основе в обществе будет работать исполком из пяти членов и двух кандидатов.

⁶³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1289. Л. 65–65об.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 49.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 49; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1331. Л. 5.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1331. Л. 5об.

Бонч-Бруевич явно набивался в лидеры неформального сообщества генштабистов. Дополнительную пикантность ситуации придавало то, что в этот период на общих собраниях генштабистов обсуждалась кандидатура нового начальника академии Генерального штаба. Сложно сказать, какая роль больше привлекала Бонч-Бруевича — неформального лидера корпорации или начальника академии. Как бы то ни было, и тот и другой вариант были заманчивыми.

25 июня 1917 г. на правах председателя общего собрания офицеров-генштабистов штаба Северного фронта он писал в штабы фронтов и Ставку: «Объединиться офицерам Генерального штаба в одну семью, при современных условиях политической жизни, необходимо. Назревает много вопросов, которые мы можем разрешать только в своей тесной семье»⁶⁷. Необходимость самоорганизации мотивировалась потребностью в поиске авторитетов в своей среде для опоры на них. На Северном фронте процесс оформления организации начался в 12-й армии. Ставке предлагалось сосредоточить руководство объединением в военное время, а в мирное время обществом должно было руководить ГУГШ.

В своих опубликованных воспоминаниях Бонч-Бруевич, однако, постарался показать, что никакого интереса к организации генштабистов он не имел и что якобы возглавить организацию ему предложили другие. Едва ли это соответствовало действительности. В частности, он писал, что «не усмотрел ничего плохого в том, чтобы сделаться председателем возникшего в Пскове объединения офицеров Генерального штаба».

В июле месяце ко мне как председателю объединения стали поступать письма из Ставки, в которой объединившиеся к этому времени генштабисты вообразили себя органом, возглавлявшим всех офицеров Генерального штаба. Сначала письма эти носили характер своеобразных анкет, с помощью которых Ставка пыталась выявить направление мыслей офицеров и проверить боеспособность солдат.

После назначения Верховным главнокомандующим Лавра Корнилова в переписке Ставки со мной появилась странная недоговоренность: вопросы сделались двусмысленными, предложения для обсуждения казались не совсем понятными, а то и вовсе туманными. Смутные подозрения зародились в моей голове, и я попытался выяснить, в чем дело.

Вскоре я понял, что недоговоренность существует не только в присылаемых из Ставки письмах и циркулярах. В Пскове появилось несколько генштабистов из Ставки. Никто из них ко мне не зашел, и лишь стороною я узнал, что все они встречались с несколькими членами нашего объединения и вели секретные переговоры. Какие именно — установить не удалось: псковские единомышленники Ставки своими секретами со мной не делились. В то же время я начал получать сведения, что среди особенно реакционно настроенных офицеров гарнизона идут разговоры о необходимости моего ареста.

Я чувствовал, что нити заговора ведут и в объединение генштабистов, которое возглавляю. Чтобы покончить с этим двусмысленным положением, я наотрез отказался от дальнейшего председательствования и совершенно отошел от организации»⁶⁸.

---

⁶⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1289. Л. 65.

⁶⁸ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 145.

Как видим, Бонч-Бруевич в мемуарах все поставил с ног на голову. Был застрельщиком объединения генштабистов, а позднее попытался переложить всю ответственность на Ставку. При этом в неопубликованном варианте мемуаров он честно написал, что «Союз офицеров Генштаба» так и не был создан⁶⁹.

Идея проведения съезда офицеров Генштаба нашла своих сторонников. Офицерами-генштабистами обсуждались даже конкретные предложения. Так, например, А.К. Келчевский предлагал Г.Т. Киященко 4 августа 1917 г. до проведения съезда в Ставке собраться начальникам общих отделений фронтовых штабов и разработать программу съезда, чтобы последний приобрел более деловой характер⁷⁰. Очевидно, что предлагавшийся Бонч-Бруевичем созыв съезда отвлек бы от фронтовой работы большое количество генштабистов и был затруднителен. Кроме того, со времени внесения им в конце июня 1917 г. предложения о проведении такого съезда у генштабистов оставалось не более двух месяцев, чтобы сорганизоваться до выступления генерала Л.Г. Корнилова, после чего офицерские съезды сделались невозможными. Наконец, у съезда было и немало противников. Сохранилось обращение офицеров Генштаба Ставки к офицерам Генштаба действующей армии, в котором прозвучало предложение «не устанавливать общего съезда офицеров Генерального штаба ни в Ставке, ни в другом каком-либо пункте, так как общее наше желание, которое, надеемся, разделяют и другие офицеры Генерального штаба, — “довольно съездов”»⁷¹. Офицеры Ставки считали вполне достаточным наличие Союза офицеров армии и флота, в рамках которого предлагалось действовать коллегам. После корниловского выступления обстановка кардинально изменилась. Тогда принадлежности к какой-либо офицерской организации могло быть достаточно для отчисления офицера от должности⁷².

* * *

В годы Гражданской войны корпоративизм генштабистов лишь усилился. В РККА он проявлялся в особом учете кадров Генерального штаба, до некоторой степени в особом положении генштабистов, сохранении приставки «Генерального штаба» при написании их фамилий. Однако у генштабистов РККА существовали и свои организации.

Особенно отличились в создании подобных организаций слушатели ускоренных курсов академии, открытых в конце Первой мировой войны (курсовики). Это были молодые амбициозные офицеры, стремившиеся утвердиться в Генштабе, несмотря на непродолжительное время обучения в академии. Курсовикам приходилось отстаивать свои позиции в борьбе со старым Генштабом.

Интересно, что из всех трех очередей ускоренных курсов Военной академии, завершивших обучение к 1918 г. включительно, наибольшую общественную активность и корпоративную солидарность проявляли выпускники курсов 2-й очереди. Связано это с тем, что курсовики 3-й очереди в основном оказались на Восточном антибольшевистском фронте, где господствовала традиционная для старой армии иерархия с определяющим значением старшинства в чинах и по

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 369. Карг. 421. Д. 9. Л. 60.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1289. Л. 71.

⁷¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 101.

⁷² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1268. Л. 143.

выпуску из академии, а объединение молодежи мало что давало для продвижения по службе. Курсовики 1-й очереди оказались разбросаны по разным лагерям Гражданской войны и по своему духу были ближе к довоенным выпускникам академии (многие окончили младший класс академии еще в 1914 г., а на ускоренных курсах доучивались). Лишь курсовики 2-й очереди практически в полном составе оказались в Красной армии. Их многочисленность в среде специалистов Генерального штаба РККА позволяла им активнее бороться за свои права. Позднее, в 1919 г., эта борьба и корпоративное единство сыграли с ними злую шутку.

Прежде всего, организованные формы корпоративного единства сложились у курсовиков еще в период их обучения в Военной академии. Это были порожденные событиями 1917 г. комитеты⁷³. Известно, что летом 1917 г. функционировал исполнительный комитет офицеров выпуска 1916 г. под председательством капитана В.Д. Песоцкого (товарищ председателя и секретарь капитан С.Н. Колегов)⁷⁴.

В 1918 г. в академии существовали комитеты каждого класса. В частности, 11 марта 1918 г. комитет младшего класса 3-й очереди ходатайствовал перед начальником академии об оставлении на случай откомандирования от академии всех слушателей либо всего комитета, либо его бюро из 4–5 членов для поддержания связи⁷⁵. В бюро входили И.М. Витоль, Федоров (секретарь), Д.П. Артынов, Л. Лихтарович и Нелавицкий, председательствовал Витоль. Товарищем председателя был И.М. Богацкий, помощником секретаря Кисельбаш. В комитете состояли помимо вышперечисленных: М.П. Базыленок, К.И. Клуге, И.И. Глудин, Г.Б. Карягин, Р.Д. Мергин, А.Ф. Низиенко, И.С. Петров-Денисов, Петровский, Н.Н. Рыбалтовский, Н.И. Масыгин и князь Эрстов⁷⁶.

На заседании комитета старшего класса Военной академии 13 марта 1918 г. было принято решение о переименовании комитета в связи с окончанием курсовиками 2-й очереди академии в комитет выпуска 1917 г. Председателем комитета был А.Л. Симонов, товарищем председателя — Н.П. Величкин, секретарем — С.Н. Голубев, казначеем — Смирнов. В качестве членов в комитете состояли Е.М. Гарабурда, Н.Н. Доможиров, Г.Я. Кутырев, В.Н. Маслов, М.В. Молкочанов, Г.И. Теодори, К.С. Хитрово и И.Д. Чинтулов. Запасными членами значились Г.Б. Салимов, М.А. Поликарпов и Ф.Н. Боровский⁷⁷. Полномочия прежнего комитета считались перешедшими с 12 марта к аналогичному комитету из слушателей подготовительных курсов 3-й очереди под председательством подполковника Витоля при секретаре Федорове⁷⁸.

⁷³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1362. Л. 346.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1618. Л. 143.

⁷⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 149.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 117об.

⁷⁸ Организация комитетов для руководства внутренней жизнью академии была одним из требований большевистского руководства. Так, согласно приказу народного комиссара по военным делам № 316 от 3 мая 1918 г. об открытии ускоренных курсов академии, управлением внутренней жизнью академии ведал комитет из трех представителей преподавательского состава, трех слушателей старшего и трех слушателей младшего курсов, комиссара, начальника академии и правителя дел с правом совещательного голоса (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1об.). Комитет имел право отчислять слушателей из академии. От профессорско-преподавательского состава в комитет вошли А.Ф. Матковский, А.П. Слижиков и Г.В. Леонов, от слушателей старшего курса — Н.Г. Сабельников (староста курса), Г.А. Армадеров и Д.П. Артынов (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 18об., 49). Впрочем, приказом по академии № 87 от 5 мая 1918 г. коми-

Разъехавшись по стране, бывшие выпускники ускоренных курсов 2-й очереди не прекратили поддерживать связь друг с другом. Причем речь идет не о частных дружеских взаимоотношениях бывших сокурсников. Наоборот, связь всего выпуска была централизована через комитет выпуска и осуществлялась посредством циркулярной рассылки почтотелеграмм. В архиве академии удалось обнаружить три пронумерованные почтотелеграммы (№ 1 от 24 марта 1918 г., № 2 от 7 апреля и № 3 от 19 апреля⁷⁹), которые рассылались председателем комитета выпуска А.Л. Симоновым своим однокашникам и руководству академии с информацией о наиболее важных новостях выпуска и о распределении выпускников по местам службы. В почтотелеграммах указывалось, какие денежные суммы и на какие цели выпускники должны были сдавать, а также приводились отчеты о движении денежных средств. Симонов просил информировать о содержании почтотелеграмм тех выпускников, которые их не получали, так как всему выпуску такие информационные сообщения высланы быть не могли⁸⁰. Рекомендовалось поддерживать связь через штабы военных советов районов и военных округов⁸¹.

Положение курсовиков в советской военной иерархии в то время было еще очень неопределенным, в том числе и в вопросе назначений. Старые генштабисты предпочитали набирать себе в штабы своих опытных коллег, а не молодежь. В благоприятном разрешении этой проблемы свою роль сыграл и корпоративизм курсовиков. В почтотелеграмме № 3, рассылавшейся для информирования выпуска 2-й очереди о текущих событиях, об этом сообщалось следующее: «Очень много труда требует обеспечение выпуска штатными местами. Помимо трений, связанных вообще с получением места теперь (приказ о том, что выпуск нужен, что без его работы обойтись нельзя — оказался без почвы, ибо как только появляется офицер Генштаба или лицо, лично знакомое начальнику, то начинается “выжимание”), возникает еще много недоразумений, имеющих причиной свойства личного характера командированного на открывшуюся должность»⁸².

Важнейшим этапом корпоративной борьбы молодых выпускников ускоренных курсов, причисленных к Генеральному штабу, стало пробивание своего перевода в Генштаб. Немалая заслуга в этом принадлежала Г.И. Теодори, но не только ему одному. Помимо Теодори этого добивался в большевистских верхах председатель комитета выпуска ускоренных курсов 2-й очереди А.Л. Симонов.

Приказ по Генеральному штабу № 22 от 23 марта 1918 г. за подписью и.о. начальника Генштаба Н.М. Потапова гласил: «Поименованные в прилагаемом при сем списке слушателей Николаевской военной академии, успешно окончившие старший класс академии 2-ой очереди в 1918 году, на основании пункта 34-го положения об ускоренной подготовке в упомянутой академии, объявленного в приказе по Военному ведомству 1916 г. за № 627, причисляются к Генеральному штабу, с тем, что для перевода в Генеральный штаб они должны в определенный

теты, за исключением хозяйственного, ликвидировались, а специальная комиссия в составе профессора М.А. Иностранцева, штатного преподавателя П.Ф. Рябикова, заведующих слушателями Б.П. Богословского и И.И. Сторожева должна была разработать вопрос о новых формах представительства слушателей (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 197; Д. 16. Л. 2).

⁷⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 109об., 111об., 118об.

⁸⁰ Там же. Л. 111.

⁸¹ Там же. Л. 110об.

⁸² Там же. Л. 109об.

срок выдержать экзамены по предметам старшего класса, выполнить работы по съемкам и сдать все темы дополнительного курса.

Неудовлетворительное исполнение какого-либо из всех этих условий должно повлечь отчисление невыполнившего от Генерального штаба, тем самым прерывая дальнейшее выполнение указанных испытаний. Также подлежат отчислению от Генерального штаба те из причисляемых, которые по выполнении всех условий получают в окончательном среднем менее 10 баллов.

Перевод в Генеральный штаб ныне причисляемых лиц может последовать лишь при наличии штатных должностей Генерального штаба»⁸³.

Таким образом, выпускники ускоренных курсов 2-й очереди были причислены к Генеральному штабу. В этот период они рассматривали несколько вариантов своего вхождения в корпорацию генштабистов. Некоторая часть выпускников стремилась продолжить обучение в дополнительном классе академии, если такой предполагалось открыть. Впрочем, этот вариант считался маловероятным⁸⁴. Наиболее оптимальным был вариант перевода в Генштаб без какого-либо дополнительного обучения. Между тем из приказа от 23 марта не было ясно, в какие сроки академия даст выпуску законченное образование или причислит его к Генштабу. Основной задачей выпускников было получение полноценного образования и вхождение в корпорацию генштабистов без каких-либо старорежимных условий и ограничений, которые сопровождали службу курсовиков в 1917–1918 гг. и также проявились в приказе от 23 марта.

Фактически сразу после окончания старшего класса выпускники были направлены на срочную работу по формированию Красной армии в связи с угрозой германского наступления. 3 марта конференция академии признала слушателей окончившими курс и ходатайствовала об их причислении к Генштабу. Однако 10 марта 1918 г. занятия в академии были неожиданно прерваны до экзаменов, поскольку начальник академии получил распоряжение военного руководителя Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевича о закрытии академии и об отправке слушателей в штабы военных советов Петроградского и Московского районов. Помимо этого неделей ранее из старшего класса забрали 18 слушателей в Кавказскую армию, 12 — на укомплектование полевых штабов, 3 — в распоряжение начальника артиллерии Петроградского района и 6 — в распоряжение начальника инженеров того же района⁸⁵.

Неопределенность положения выпускников курсов породила немалое недовольство в их среде. Выпускников уже активно использовали в новой армии, но прав полноценных генштабистов не давали. Разумеется, на таких лиц некоторые патентованные генштабисты смотрели снисходительно и с предубеждением. Курсовики — молодые амбициозные боевые офицеры, прошедшие горнило мировой войны, обоснованно воспринимали подобное отношение как унижительное и несправедливое.

И вновь курсовики продемонстрировали свою корпоративную сплоченность. Они проводили общие собрания в Петрограде и Москве, обсуждали свои проблемы. 29 марта 1918 г. причисленные к Генштабу офицеры Московского военно-

⁸³ Там же. Л. 115об.

⁸⁴ Там же. Л. 61об.

⁸⁵ Там же. Л. 105об.

го района провели общее собрание и составили резолюцию, в которой отмечали факт прерывания занятий в академии перед самым началом экзаменов не по воле слушателей. Однако на основании большого практического опыта слушателей, а также в связи с тем, что они прослушали в полном объеме лекции младшего и старшего курсов, конференция академии и Высший военный совет признали их вполне подготовленными для занятия ответственных должностей. Тем не менее был отдан неопределенный приказ от 23 марта.

Далее в резолюции отмечалось: «Когда неясный и хаотический период формирования новой армии, в котором мы приняли с первых же минут самое живейшее участие, стал более ясным и определенным, то стали являться с предложением своих услуг офицеры Генштаба прежних выпусков и, заняв высшие или равные с нами должности и не видя нашей работы, не задумываются, в общем, отстранять нас от занимаемых нами штатных должностей или препятствуют к занятию таковых, объясняя такой странный образ действий тем, что мы недоучки ускоренных выпусков, не держали экзаменов, мало опытни, не Генштаба, а только причисленные и т.п.»⁸⁶. Если выпускников считали неопытными, то они требовали дать им возможность доучиться. Если же опыт их признавался достаточным, требовали предоставить права, аналогичные выпускникам курсов 1-й очереди. Резолюция была разослана всем выпускникам с просьбой прислать свои суждения к 15 апреля.

Ситуация осложнялась тем, что одновременно с окончанием академии курсовики должны были сделать выбор, с кем быть в разворачивавшейся Гражданской войне. Неопределенными были и многие вопросы, связанные с устройством зарождавшейся Красной армии. Разъясняет характер событий частное письмо председателю комитета выпуска А.Л. Симонову, написанное, по всей видимости, Г.Я. Кутыревым:

«На приказ № 22 собрание реагировало резолюцией. Копия прилагается. Чтобы понять истинный смысл пункта “б” этой резолюции, необходимо ввести Вас в самый курс дела.

Прежде всего, из числа назначенных в Москву приехало сразу лишь 36 человек, а не 55. Часть еще из Петрограда взяла направление на свои дома. Приехавшие офицеры были встречены через меня хорошо. Нач[альник] штаба приказал их распределить по районам, которые к этому времени уже наметились. Но с первых же шагов они стали вносить старую, стадную, бестолковую атмосферу своей аудиторией! Ко мне, как ближе к ним стоящему⁸⁷, они стали приставать довольно настойчиво с такими вопросами: “А скоро ли нам дадут денег?” — “А скоро мы поедем на места?” — “А скоро ли будут назначены начальники районов?” — “Мы ждать не можем, мы не желаем быть в неопределенности” и т.п. Приходилось чуть ли не каждому разъяснять, что нужно терпение, что нужно подождать, что сейчас только идет творческая работа по созданию определенных форм Вашей службы, что нужно отрешиться от старых отживших форм, когда Вы, являясь в штабы, в сущности приезжали на все готовое, что теперь Вам самим нужно быть творцами чего-то нового, а не требовать от кого-то и чего-то и т.п. Одним словом, та же старая, нудная картина, которая лишь лишний раз подчеркнула полное не-

⁸⁶ Там же. Л. 106об.

⁸⁷ В документе несогласованно — стоящих.

понимание сущности современной обстановки, требующей прежде всего только гибкости, т.е. если она требует выжидать — выждидай, если требует колоссальной энергии — дай ее, если трудно выяснить политическую обстановку — жди, наблюдай и делай выводы. Многие не поняли или не хотели понять этого, уперлись и, несмотря на всякие разъяснения, уехали. Ставился, например, остро вопрос: “Нужно ли идти в армию, в штабы ее, когда во главе стоят большевики?”

На такой вопрос, вопрос внутреннего голоса, твоего мирозерцания, твоего убеждения — думаю, никто, кроме спрашивающего, не мог ответить. Отсюда вывод: некоторые не могли как духовно, так и умственно подняться на историческую точку зрения в этом вопросе, решить его самостоятельно и сказать — “да” или “нет”. Узкость⁸⁸ взгляда, привычка получать указания сверху сказались здесь. В результате долгих и многих указаний и разъяснений, а иногда уговоров остались и заняли места. Отмечу еще одну данную. Некоторые заняли прямо неприемлемую позицию в отношении мест службы. Упрямство Цейтлина, Тюренкова⁸⁹ прямо поразительны. И тот и другой хотели попасть в Рязань, а места не было. Выручил случай: Тюренков уехал домой, тогда место его занял Цейтлин. Относительно отъезда домой ставились тяжелые положения, вытекающие опять из непонимания современной обстановки. Многие хотели уехать, но сохраняя за собой места, мотивируя тем, что ничего-де, пусть, когда руководители еще не назначены. Действительно, руководителей еще не было, но они собирались Баиовым, т.к. все нужно было создавать заново.

Отсюда вывод: нужно было подождать и все выяснится. И действительно, теперь уже окончательно распределены роли, руководители приехали, получили задания и даже некоторые разъехались на места. В период такого кипения был получен приказ № 22. Тогда всплыл на сцену новый сложный вопрос, что-де старый Генштаб ставит им всякие препятствия, третирует нас и т.п., и все это подтверждалось фактами. Один руководитель, некто Алянчиков, устранил Ильина. Вызвано это было резкостью самого Ильина. Другой, некто Суворов, действительно выказал некоторую резкость, когда ему было сказано, что к нему в Штаб назначены такие-то причисленные. Но когда ему Томме в определенной форме заявил, что в таких-де случаях все уйдут от него, то он смягчился и теперь все причисленные служат с ним. От таких отрицательных явлений не освободишься, они всегда были и будут. В общем же, считаю долгом сказать, что отношение благожелательное. Тот же Алянчиков назначал даже Томме на должность н[ачальни]ка штаба к себе в отряд и упорно его просил к себе, Хрулева долго уговаривал занять место. Тот в конце концов согласился.

Одним словом, обычное явление подбора себе сотрудников более приятных хотя бы (если лично не знали) по наружности. В частности, в личном со мною разговоре с н[ачальни]ком западного участка Егорьевым, он прямо мне сказал: “Мне Тераевич не нравится. Я его не знаю, каков он в работе, но наружность его говорит не в его пользу”. Впоследствии он его передал нам.

Сама работа их вводит сильные коррективы в их служебные отношения: кто работник, тот завоевывает себе твердое положение. В силу этого я прошу Вас, когда

---

⁸⁸ Так в документе.

⁸⁹ Имеются в виду выпускники ускоренных курсов 2-й очереди В.М. Цейтлин и Б.Н. Тюренков.

будете докладывать нач[альнику] акад[емии], то обрисуйте ту психологическую обстановку, в которую вылился пункт б “Резолюции”.

Со своей стороны скажу, что крайне желательно вообще собрать нас, чтобы окончательно закончить свое образование. И если Андогский пойдет навстречу этому и соберет нас в Екатеринбурге, то будет хорошо. Нужно иметь в виду, что, выждав некоторое время, когда многие устроятся, в академию пойдут лишь те, кто действительно хочет служить в Генштабе»⁹⁰.

13 апреля аналогичное общее собрание провели причисленные к Генштабу Петроградского района. На собрании присутствовали лично или прислали представителей 74 выпускника. При обсуждении было отмечено, что к Генштабу обычно причисляли после экзаменов, а здесь причисление произошло до них, но не было окончательным, поскольку обставлялось рядом дополнительных условий. Перевод осуществлялся по удостоению начальства и при наличии вакансий. Таким образом, выпускники считали себя лишенными полноценного причисления к Генштабу и перевода в него. Обида усугублялась тем, что часть слушателей сдали экзамены в академию еще до Первой мировой войны, затем от полугода до двух лет прослужили в строю в годы войны и полтора-два года на должностях Генштаба до уровня начальников штабов дивизий включительно. Сравнивая себя с выпускниками предыдущих лет, курсовики отмечали, что так называемый выпуск 1915 г., например, для полноценного вхождения в Генштаб должен был только сдать темы дополнительного курса.

7 апреля 1918 г. председатель комитета выпуска А.Л. Симонов писал начальнику академии А.И. Андогскому: «Если обратиться к условиям, поставленным для перевода в Генштаб, то обязательство выполнить работы по съемкам является необъяснимым, ибо совершенно не учтены силы, которые прошли через старший класс 2-й очереди. Ведь достаточно указать, что каждый из выпуска за 1½ – 2 года войны и в самый ее тяжелый период отбыл такой строевой и боевой ценз, столько сделал рекогносцировок и собственными ногами и головой исследовал поля Галиции, Польши, Восточной Пруссии, Белоруссии и Курляндии, пустыни Месопотамии и горы Армении, — рекогносцировок, на основании коих в штабах (да будут мне свидетелями боевые члены Конференции⁹¹) разрабатывались операции целых армий. Призванные из строя на службу Генерального штаба, кроме Румынского и Юго-Западного фронтов, наши армии перешли к позиционной войне, выпуск 17 года продолжал честно нести службу Генштаба, часто без руководства лиц с законченным военным образованием.

Можно смело сказать, что едва ли кто из офицеров патентованного Генерального штаба в эту войну прошел такую боевую школу»⁹². Эти суждения, несмотря на немалый апломб генштабовской молодежи, были в значительной степени справедливы.

Симонов обращал внимание руководства академии на то, что многие доверенные требования учебного курса изжили себя применительно к боевым опытным офицерам. По его мнению, курсовиков не нужно было заставлять заниматься съемками или полевыми работами, которые отнимают много времени. Все это

⁹⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 13–14об.

⁹¹ Имеется в виду конференция Военной академии — ее коллегиальный руководящий орган.

⁹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 108–108об.

слушатели ускоренных курсов 2-й очереди уже прошли на практике в годы Первой мировой войны. Их практический опыт штабной работы на фронте был гораздо ценнее учебных академических задач. Если бы не война, многие курсовики уже бы закончили полноценный курс академии, некоторые были к 1918 г. в штаб-офицерских чинах.

Далее Симонов отмечал: «Если обратиться к обстановке, в которой теперь работает выпуск 17 года, то становится необъяснимым то предубежденное отношение, которым встречается труд причисленных к Генштабу. Особенно, если вспомнить слова военного руководителя Высшего военного совета Бонч-Бруевича, переданные нам с кафедры вр.и.д. нач[альника] академии за Ваше отсутствие о том, что выпуск — ценный материал, что расход его обуславливается исключительно тем обстоятельством, что патентованного Генерального штаба для работы в теперешней обстановке найти не могут, что выпуск — это последний резерв»⁹³. Впрочем, эти слова М.Д. Бонч-Бруевича противоречат его позднейшей позиции стойкого противника молодых генштабистов.

Один из первых острых конфликтов молодых курсовиков 2-й очереди с выпускниками довоенной академии произошел весной 1918 г. и связан с именем бывшего капитана Г.И. Теодори, качества которого сделали его одним из лидеров курсовиков 2-й очереди («выпуск 1917 г.»), окончивших академию в начале 1918 г.⁹⁴ Детальный анализ этого инцидента позволяет увидеть то, в каких условиях и в связи с какими событиями формировалось и укреплялось корпоративное единство молодых выпускников академии.

В распоряжение главного руководителя работ 4-го участка военного строительства Петроградского района военного инженера Н.И. Флоринского прибыли недавние выпускники ускоренных курсов Т.С. Косач и В.Ф. Тарасов. Но 22 апреля Флоринский выразил недовольство их подготовкой⁹⁵.

После этого служивший в штабе Петроградского района Генштаба В.А. Брендель (выпускник академии 1908 г.) отметил в своем докладе, подписанном также начальником штаба Северного участка и Петроградского района завесы Б.В. Геруа в апреле 1918 г., что «Главный руководитель работ 4 В[оенного] С[троительства] П[етроградского] Р[айона] военный инженер Флоринский сношением № 400 считает командирование для производства рекогносцировок будущих позиций чинов, причисленных к Генеральному штабу последних выпусков, не отвечающим пользе дела, как обладающих малым служебным опытом и просит командировать опытных офицеров Генерального штаба.

Нельзя не разделять безусловно желательность не только для рекогносцировок, но главное вообще для дела строительства новой армии привлечь опытный Генеральный штаб, много работавший в штабах и в поле. В этом отношении дело обстоит очень печально. Приток желающих опытных офицеров Генерального штаба очень незначителен, и причины тому следующие: 1) нет уверенности, что новое дело может пойти с пользой для родины, 2) нет никаких притягательных

---

⁹³ Там же. Л. 108об.

⁹⁴ Кратко и с рядом неточностей эта история была изложена А.Г. Кавтарадзе: *Кавтарадзе А.Г. «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военного учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 33–34.*

⁹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 46.

причин, делающих службу заманчивой, особенно для офицеров Генерального штаба, которые, обладая всесторонними знаниями и опытом, свободно находят частную службу, 3) то незначительное содержание, которое назначается, теперь уже выплачивается далеко не аккуратно (до сих пор чины штаба не получали жалованья).

Исходя из доложенных положений и считая совершенно необходимым широко привлечь к формированию новой армии опытный Генеральный штаб, полагаю единственным возможным в настоящее время провести следующие меры: 1) чинам Генерального штаба, вообще как специалистам, платить больше других в виде или назначения добавочного содержания за специальность в размере 50% установленных штатами окладов, или изменения вообще нормы окладов; 2) при специальных командировках выдавать суточные не менее 40 рублей в сутки, ибо в настоящее время жить на два дома на жалованье невозможно и никто на командировку из опытных добровольцев не пойдет. Кроме того, для специальных командировок, как, н[а]п[ример], в инженерные строительные партии, установить выдачу подъемных в размере 800 руб. для покупки болотных сапог, непромокаемой одежды и т.д.

Указанные меры, являясь материальным интересом, могут привлечь настоящих технически подготовленных работников»⁹⁶.

Генштабовская молодежь была возмущена тем, что ее называли неопытной (как в действительности и было). Начальник оперативного отделения оперативного отдела штаба Северного участка и Петроградского района завесы Г.И. Теодори 25–26 апреля 1918 г. подготовил доклад (одна из редакций датирована 25 апреля) в защиту выпускников ускоренных курсов Военной академии, которых Генштаба В.А. Брендель и военный инженер Н.И. Флоринский считали малоопытными. В результате на свет появился нижеследующий документ, который интересно воспроизвести в полном объеме:

«Военный инженер Флоринский в сношении своем за № 400 на имя начальника оперативного отдела пишет, что командировка причисленных к Генштабу специалистов не дает ему уверенности в правильном выборе и рекогносцировке позиций. Дальше инженер Флоринский, совершенно не знакомый с работой двух командированных в его распоряжение специалистов Генштаба, просит о назначении двух других более опытных “офицеров Генштаба”.

Доклад по этому поводу Генштаба Бренделя подчеркивает “малую служебную опытность” командированных специалистов Генштаба и указывает, что нельзя не разделять, безусловно, желательность не только для рекогносцировок, но и т.д. привлечь опытный Генштаб, много работавший в штабах и в поле.

Путь, на который стали Флоринский и Брендель, — путь скользкий.

Какой боевой опыт у Флоринского и Бренделя. С каких пор поле стало ценнее боевого опыта вообще, штабного (штабы дивизий и корпусов) на войне в частности.

Косач, Тарасов и т.д.⁹⁷ — все эти лица, кроме строевой и боевой работы в первые 1½ года войны, вынесли на своих плечах в течение 2-х остальных лет всю тяжесть боевой работы в штабах дивизий и корпусов. Иначе говоря, вели ту

⁹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 45–45об.

⁹⁷ Выпускники ускоренных курсов.

работу, которая особенно ценна и сейчас при рекогносцировках рубежей и позиций. Ведь нельзя же считать боевым цензом службу в штабах армии, фронтов и в более глубоком тылу. Точно так же нельзя считать и опытными работниками лиц, поступивших в академию через 3–4 года службы и во время войны проскочивших в штаб-офицеры и т.д.

Наконец, кто дал право инженеру Флоринскому и Генштаба Бренделю оценивать единолично боевой опыт и опыт службы по Генштабу лиц, коих они не знают, лиц, которые пришли в академию с законченным образованием и отличными боевыми аттестациями от представителей Генерального штаба, действительно в боях и боевых штабах работавших. Уже первый выпад, допущенный профессором Ильяшевым, без всякого повода с чьей-либо стороны, заставил многих из нас недоумевать. Новый выпад Флоринского, поддержанный докладом Бренделя, явно пристрастный, подтверждает мысль о правильно организованной против последних выпусков травле.

Что сказали бы инженер Флоринский и Генштаба Брендель, если бы мы начали так же, с налета, легкомысленно, им давать оценку. Выиграло бы от этого общее дело строительства армии и т.д. Быть может, Генштаба Брендель вспомнит свои первые шаги по работе в штабе военного руководителя.

Чувство долга и любовь к родине и родному делу дает мне право сказать следующее:

1) крах военной системы вызывает крах государства. Не мы — молодые выпуски — ее создавали, не мы беспринципно, без общего плана, с апломбом и без всякого опыта решали вопросы каждое ведомство отдельно от другого.

2) 2-х месячная работа в штабе сразу же поставила нас в орбиту трений, тесным клубком охватывающих⁹⁸ оперативное отделение и отделение связи, отсутствие общего плана работы, бессистемность этой работы, канцелярские отписки, а главное настойчивое проведение инженерных строек, минуя оперативные задания при полном отсутствии боевой силы с определенно, неуклонно проводимой тенденцией — изолировать участие в этих работах действительно сведущих лиц (каковыми только и могут быть лица с боевым опытом строя и строевых штабов, а не штабов армий и выше), — приводят к печальному и тяжелому выводу:

а) или группа лиц преследует исключительно свои личные <свокорыстные> цели

б) [что прямо невероятно,] в штабе <уже> работает группа <немецкой ориентации> [лиц], которая [по трудно понятным причинам, стремится так или иначе убрать] <так или иначе стремится убрать “не мытьем, так катаньем”> всех, честно и добросовестно работающих опытных специалистов Генштаба.

Все вышеизложенное приводит меня к необходимости просить: 1) положить конец келейным докладам и бестактным выпадам [отдельных лиц], так как дальнейшая их работа в этом направлении дает право вынести <эту борьбу> [эти вопросы] в печать для анкетного [их] выяснения <вопросов>, 2) предупредить, что важность занимаемых постов, отнюдь не является гарантией безнаказанного издевательства над целой группой лиц, чем в данном случае вышеуказанные лица и пользовались.

Причисленный к Генштабу Теодори»⁹⁹.

⁹⁸ В документе несогласованно — охватывающими.

⁹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 42–43. Машинописный подлинник. В угловых скобках — текст, изъятый в смягченном варианте документа, в квадратных — добавленный текст (Л. 44).

Фактически это был прямой донос с тяжелым обвинением противников генштабовской молодежи в государственной измене. Кроме того, документ разжигал излишние страсти между представителями старого и молодого Генштаба. Думается, свой отпечаток на содержание документа наложили и личные качества его автора — курсовика Теодори, человека крайне самолюбивого и амбициозного. Анализ служебного пути Теодори показал, что на каком бы месте службы этот человек ни находился, он умудрялся везде создавать вокруг себя атмосферу скандала¹⁰⁰. Причем за свой скандальный характер Теодори неоднократно испытывал серьезные жизненные и служебные неприятности.

Товарищи по выпуску присоединились к этому докладу — на экземпляре Теодори расписались 24 причисленных к Генштабу, тем самым нарушив сложившийся еще в старой армии запрет на коллективные жалобы. Доклад вызвал бурю. Будучи подан 26 апреля, на следующий день он обсуждался курсовиками Симоновым, Чинтуловым, Доможировым и Теодори с военным руководителем Новгородского участка отрядов завесы И.Г. Пехливановым — представителем старого Генштаба¹⁰¹. Пехливанов по просьбе начальника оперативного отдела штаба Ф.И. Балабина попытался примирить стороны. По итогам встречи хода докладу дано не было, однако сделано предупреждение, что при повторении выпадов ход доклада будет дан. Балабин был благодарен Пехливанову за то, что тот смог уладить вопрос. Однако, как оказалось, этим дело не кончилось. Как ни странно, Балабин, ратовавший за то, чтобы исчерпать инцидент, передал доклад начальнику штаба Северного участка и Петроградского района Б.В. Геруа. И тем самым документу был дан ход.

28 апреля Балабин просил Теодори отказаться от обвинения в адрес старого Генштаба и взять доклад обратно, но Теодори на это не согласился и просил переговорить с Геруа. Впрочем, в качестве некоторой уступки он заменил последнюю страницу доклада с обвинениями своих противников в шпионаже другим вариантом (выше воспроизведены оба варианта). Обвинение, что в штабе работает пронемецкая группа лиц, пытающаяся устранить честных генштабистов, было крайне тяжелым. В разных редакциях оно изложено по-разному. В конечном итоге под давлением Балабина Теодори убрал обвинения в немецкой ориентации оппонентов. Тем не менее забрать доклад было уже невозможно, так как на него 27 апреля была наложена резолюция начальника штаба Северного участка и Петроградского района Б.В. Геруа, причем последний посчитал документ личным выпадом молодежи и против самого себя.

Конфликт набирал обороты. 29 апреля доклад Теодори обсуждался на заседании Военного совета, отказавшегося принять измененную третью страницу документа и постановившего удалить Теодори с должности начальника оперативного отделения. Интересно, что еще 16 апреля Геруа отметил, что Теодори «хотя и молодой, но большой энергии и зарекомендовавший себя с отличной стороны»¹⁰², а теперь он был в числе инициаторов увольнения своего подчиненного.

Если недавно Теодори поддержал своих однокашников, то теперь последние выступили в поддержку своего неформального лидера. 30 апреля курсовики про-

¹⁰⁰ Подробнее о Г.И. Теодори см. специальный материал в настоящем издании (с. 380).

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 47.

¹⁰² Там же. Л. 63.

вели общее собрание (заседание причисленных к Генеральному штабу, находящихся на службе в штабе Северного участка и Петроградского района), сам факт проведения которого свидетельствовал о росте их корпоративного единства. На заседании присутствовало не менее 18 человек¹⁰³.

Обсуждали доклад Теодори и дело Флоринского. Было заявлено, что доклад Теодори не был выпадом против Геруа. Курсовики требовали, чтобы Военный совет рассмотрел заключение их собрания, а также выслушал объяснение Теодори, отчисление которого от должности последовало до дачи им объяснений, вопреки резолюции Геруа от 27 апреля. В отношении высказываний военного инженера профессора С.А. Ильяшева, инженера Н.И. Флоринского и генштабиста В.А. Бренделя в адрес курсовиков собрание высказалось против тенденции высокомерного отношения к выпуску. Тем более что некоторые резкие заявления предшествовали знакомству с работой курсовиков, не учитывали их строевой и штабной служебный стаж. Собрание постановило признать необходимым «повлиять на “верхи и окрестности”, дабы не было выпадов против выпуска, признав за ним право на работу наряду со всеми офицерами Генштаба, а значит, ходатайствовать о переводе в Генштаб»¹⁰⁴. Как вариант предлагалось командировать выпуск на дополнительный курс академии. Заключение планировалось представить Геруа и Балабину с просьбой осветить возникшие вопросы.

Краткие строки протокола, местами сбивающегося на стенограмму, сохранили до наших дней фрагмент этого заседания, который дает наглядное представление о накале страстей и содержании дискуссии:

«Чинтулов: 29го, когда узнал о резолюции, был у комиссаров для выяснения освещения, которое было дано докладу на заседании Военного совета. Результатом чего и был вызов Теодори к комиссару Смильге. Теперь назначается расследование.

Теодори: Подал рапорт о сдаче отделения с просьбой о расследовании. Резолюция: “Дать объяснения Военсовету в присутствии Сысоева, Хитрово и Доможирова”.

Работа с комиссарами. Доверие. Пропуски выдает Доможиров. Денежный вопрос. Положение “молодых” и “старых”. Случай с Кадниковым, Бедаревым, Исаевым, Сысоевым и Хитрово — сильно подняли фонд выпуска. Работа у инженеров. Работа отделения связи.

Андриевский¹⁰⁵ — “недоноски”. Инцидент у Костяева¹⁰⁶ с Сысоевым и Тарасовым (Вл.Ив.). Случай со Сверчковым и Григорьевым. Доклад о содержании

---

¹⁰³ Председательствовал А.Л. Симонов. Присутствовали: П.М. Бедарев, Н.Н. Доможиров, А.Ф. Ефремов, В.Г. Зиверт, Г.К. Иванов, Е.И. Исаев, В.Н. Маслов, П.А. Мей, М.А. Поликарпов, П.А. Сверчков, Б.Н. Скворцов, В.Ю. Стульба, Е.В. Сысоев, Г.И. Теодори, В.В. Трофимов, К.С. Хитрово, И.Д. Чинтулов (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 47). Также упоминается Н.В. Энглер.

¹⁰⁴ Там же. Л. 47об.

¹⁰⁵ Речь идет о Д.И. Андриевском — выпускнике академии 1901 г., который назвал курсовиков «недоносками». Происхождение этого прозвания курсовиков связано с тем, что продолжительность ускоренных курсов составляла восемь месяцев.

¹⁰⁶ Костяев Федор Васильевич (08.02.1878–27.09.1925) — военный специалист РККА. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1896), Николаевское инженерное училище (1899) и Николаевскую академию Генерального штаба (1905). На службе с 01.09.1896. Подпоручик (со ст. с 09.08.1899). Поручик (со ст. с 13.08.1901). Штабс-капитан (со ст. с 28.05.1905). Капитан (со ст. с 22.04.1907). Подполковник (со ст. с 06.12.1911). Полковник (со ст. с 06.12.1914; со ст. с 06.12.1913). Генерал-майор (с 03.10.1917).

причисленных к Генштабу. Доклад Андриевского у комиссаров. Отказ Бренделя ехать в Псков; вспышки Богословского. До сих пор разведывательное отделение не дает никаких сведений оперативному. Личная почва. Полная изоляция. Разговор с Балабиным о занятии Петрограда. Гибель докладов.

Чинтулов: Теодори защищает не себя, а права выпуска.

Григорьев: Здесь вопрос борьбы старого и молодого. Дело не в личностях, когда борьба 2[-х] начал. Нам предстоит или насильно войти в ту среду, которая к нам относится недоброжелательно, или свалить всю корпорацию и самим взять всю работу в свои руки. Первое — мало приятного; второе — сможем ли мы исполнить всю работу, которую делают старшие.

Мей: Балабин сознался, что в беспорядке по канцелярии он виноват. На уход из-за того, что моя фамилия была среди 24 фамилий, подписавших редакцию доклада, посмотрим так: комиссия будет считаться только с подписавшими доклад.

Хитрово: Нет фактических доказательств о германской ориентации целой корпорации. Надо бить личности, а не всю корпорацию»¹⁰⁷.

Эта краткая запись содержит фамилии тех курсовиков, которые проявили среди прочих выпускников наибольшую общественную активность, сильнее прочих были готовы отстаивать права выпуска. Это Г.И. Теодори, И.Д. Чинтулов, П.А. Мей, Ю.И. Григорьев, К.С. Хитрово. Некоторые из них в 1919–1921 гг. заплатились за свою чрезмерную активность, попав под маховик репрессий.

В своей речи Теодори перечислил все известные ему случаи столкновений старых генштабистов с молодыми выпускниками. И хотя упреки в неподготовленности были для генштабовской молодежи обидны, сам Теодори, обвинив оппонентов в шпионаже, перегнул палку.

Во 2-м Кавказском саперном батальоне. В 4-м железнодорожном батальоне. Участник Русско-японской войны. Командир роты Лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка (08.11.1905–14.12.1906, зачтено за двухгодичное цензовое командование ротой). Помощник старшего адъютанта штаба Иркутского военного округа (10.01.1907–27.03.1911). Помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа (27.03–16.11.1911). Помощник делопроизводителя ГУГШ (с 16.11.1911). Участник Первой мировой войны. Штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. И.д. начальника штаба 30-й пехотной дивизии (с 31.12.1914). Командир 32-го Сибирского стрелкового полка (с 01.02.1916). Начальник штаба 17-й Сибирской стрелковой дивизии (1917). Начальник штаба I Сибирского армейского корпуса. Командующий 132-й пехотной дивизией. В распоряжении начальника штаба армий Западного фронта (с 16.12.1917 до демобилизации). В РККА добровольно с 03.1918. Начальник штаба Псковского района. Начальник Петроградской дивизии. Инспектор формирований и помощник военного руководителя Петроградского района. Арестован (с 07.08.1918). Прикомандированный для работ при Военном совете Северного участка и Петроградского района, руководитель 3-й инспекции формирований (09.1918). Выехал в Москву (19.09.1918). Начальник штаба Северного фронта (20.09–21.10.1918). Начальник Полевого штаба РВСР (22.10.1918–15.06.1919). Арестован (с 15.06.1919). В распоряжении главкома. Член комиссии по заключению мирного договора с Эстонией (09.1919, на 12.1919). Назначен штатным преподавателем академии Генштаба РККА (с 01.09.1919). Штатный преподаватель статистики и географии академии Генштаба РККА (с 05.08.1921 — Военной академии РККА) (с 22.05.1920, на 1923). Военный представитель в русско-польской смешанной пограничной комиссии (на 04.1921), председатель комиссии. Председатель советско-финской смешанной пограничной комиссии (1925). Умер в Сестрорецке. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1907), Св. Анны 3-й ст. (1908). Супруга: Ольга Андреевна Костяева-Булич. Дети: Михаил и Андрей.

¹⁰⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 48.

Обращают на себя внимание амбициозные и агрессивные заявления и намерения молодых курсовиков «свалить всю корпорацию» либо насильно влиться в среду генштабистов. По сути речь шла о том, чтобы изгнать из зарождавшейся Красной армии наиболее квалифицированных специалистов Генерального штаба, окончивших полный трехлетний курс академии до Первой мировой войны. И это при том, что продолжительность подготовки курсовиков составляла лишь несколько месяцев и не шла ни в какое сравнение с аналогичным показателем у их старших коллег. Неудивительны сомнения курсовика Григорьева относительно способности курсовиков принять на себя всю эту работу. Интересно, что молодые генштабисты при этом никак не учитывали свое отнюдь не главенствующее положение в Советской России. Между тем большевистское военно-политическое руководство полагалось тогда на квалификацию старых спецов, например, М.Д. Бонч-Бруевича, Н.М. Потапова и др. Руководствуясь пользой дела, большевистские лидеры никогда бы не допустили разрастания внутрикорпоративного конфликта между выпускниками академии до того, чтобы одна часть выпускников попыталась изгнать из армии другую. Тем не менее не будем сбрасывать со счетов то, что некоторые (быть может, отдельные) выпускники ускоренных курсов 2-й очереди об этом мечтали.

На собрании было решено считать случай Теодори общим делом всего выпуска. 10 участников заседания поддержали это, против был только Н.В. Энглер. Письменную защиту Теодори решили отложить до конца расследования и до заседания Военного совета, на котором Теодори в присутствии Сысова, Доможирова и Хитрово будет давать объяснения. За это также проголосовали 10 против одного¹⁰⁸.

Впрочем, не все однокурсники разделяли радикальные взгляды Теодори, понимая, что ничем хорошим это не кончится. Особое мнение высказал В.Г. Зиверт:

«1) Взгляды, высказанные Теодори, не разделяю. Выдвинутые им положения носят резко выраженный характер полемики и не всегда “удачно” подтверждаются фактами.

2) Всецело лишь присоединяюсь к той части его доклада, где он протестует против травли, направленной по адресу последних выпусков, и голословного, необоснованного обвинения в научной неподготовленности и в служебной неопытности.

3) Категорически протестую против взглядов, высказанных воен[ным] инж[енером] Флоринским в его отнош[ении] за № 400. Считаю, что воен[ный] инж[енер], как по своей научной, так и тактической подготовке, не может являться судьей офицера, прич[исленного] к Генштабу, притом обладающего громадным боевым опытом. Усматривая в его отношении резко выраженное тенденциозное стремление опорочить доброе имя наших боевых товарищей по выпуску, полагал бы возбудить ходатайство о привлечении автора к законной ответственности.

4) Решительно восстаю против выступления отдельных лиц, как и групп по вопросам, имеющим то или иное отношение к нашему выпуску in corpore.

Полагал бы, что подобные выступления должны подчиняться строгой внутренней дисциплине и производиться в соответствии строгой продуманности и планомерности.

---

¹⁰⁸ Там же. Л. 48об.

Прич[исленный] к Генштабу
Вл. Зиверт
Петроград
30/IV-18 г.»¹⁰⁹

Первоначально комиссары И.Т. Смилга и М.М. Лашевич собирались удалить из штаба самого Теодори, так как решили, что речь идет о личном инциденте между ним и Флоринским. Теодори вызывали для объяснений к Смилге в гостиницу «Астория». На 3 мая было назначено заседание Военного совета, но вместо этого военный руководитель Северного участка и Петроградского района завесы бывший генерал-лейтенант, профессор А.В. фон Шварц вызвал Теодори и высказал ему свое возмущение тем, что ему не докладывали о произошедшем. Теодори же сообщал обо всем только своему начальнику Балабину.

Между тем сам Теодори 2 мая подготовил новый, еще более внушительный по своему объему, доклад № 18, адресованный Военному совету, в котором изложил всю историю конфликта. Вполне возможно, этот документ был положен в основу его выступления на заседании Военного совета. Думается, он немаловажен для характеристики нарождавшегося мощнейшего корпоративного духа молодых курсовиков, лидера выпуска Теодори и той обстановки, которая привела к большому сплочению курсовиков. Сознвая немалый объем документа, приведем его целиком:

«Первые шаги в штабе, начиная с 15-го марта, поставили выпуск в несколько странное положение.

Генштаба Андриевский в общем отделении, не заметив в группе лиц представителей выпуска, довольно громко заметил своему товарищу, что в штабе для работы приглашены “недоноски”. Нельзя, конечно, назвать это поощрением работы.

17-го марта Генштаба Брендель, получив утром приказание нач[альника] штаба профессора Геруа отправиться установить демаркационную линию, в 16 час. 35 мин., т.е. за 25 мин. до отхода поезда, обратился ко мне с заявлением об отказе поехать. Я просил доложить от этом Генштаба Богословскому, так как об этой командировке не знал, но принужден был тотчас же готовить предписание причисленному к Генштабу Бедареву, который должен был за 25 минут собраться и поспеть к поезду. Считаю необходимым отметить, что в тот период достать пропуск было исключительно трудно.

Причины отказа Бренделя: “Стыдно старшему офицеру Генштаба ехать на такое тягостное дело”.

Отказ от серьезного поручения, да еще в такой форме, отказ за 25 минут до отхода поезда, полное налицо сознание, что командированное лицо может не поспеть в назначенный немцами ультимативный срок, — вызвали в нашей душе глубокое возмущение. К счастью, причисленный к Генштабу Бедарев поспел вовремя и успешно выполнил свою задачу.

Невзирая на такой прием и исключительно странное к нам и [к] делу отношение, встречая полное сочувствие и поддержку начальника отдела Генштаба Богословского, с 16 марта отделение уже работало.

---

¹⁰⁹ Там же. Л. 49–49об.

Все трения, выпады и самые неожиданные заявления хотя бы Генштаба Андриевского (особенно в запросах содержания прикомандированным причисленным), пока был начальником отдела Генштаба Богословский, проходили мимо нас. Работа по всем вопросам шла полным темпом, дружно, и уже к 27 марта во-енрук мог отвезти в Москву доклад о сформировании почти всех отделов штаба и налаженном объединении работ всех отрядов.

30-го марта комиссары [А.И.] Ковригин и [П.П.] Торгушин отказались подписать предписание трем причисленным к Генштабу, командируемым в распоряжение начальника инженерного отдела для производства рекогносцировок намеченных рубежей. Комиссар Ковригин сказал, что он не подписывает потому, что Военно-технический комитет против постоянного прикомандирования специалистов Генштаба по вопросам оперативного характера, так как участие таковых необязательно.

На мой доклад об этом Генштаба Богословскому последний приказал мне составить доклад о необходимости участия специалистов Генштаба, базируясь на опыте и практике текущей войны.

Между прочим, Генштаба Богословский два-три раза просил лично профессора Ильяшева, и я, в свою очередь, также, сообщать нам о всех заседаниях Военно-технического комитета, в которых разбирались вопросы оперативного характера.

1-го апреля мною подан был по этому поводу совершенно объективный доклад, никого не задевающий. Считаю необходимым отметить, что профессор Ильяшев пользовался особым вниманием и уважением в оперативном отделении, которое всегда шло ему навстречу и делилось всеми имеющимися в отделении данными. На докладе была сделана приписка Генштаба Богословского о том, что и в период укреплений должны быть представители Генштаба, и резолюция профессора Геруа “с самого начала настаивал на этом. Прошу провести в жизнь”. Таким образом, если и был какой-либо намек на инженеров, то в резолюции “цензового Генштаба Богословского”. Профессор Ильяшев при личной встрече со мной в резкой форме заговорил о скороспелых суждениях и т.д. и что “я Вам заготовил отповедь, Вы у меня повертитесь”. Ознакомление с докладом профессора Ильяшева вызвало полное недоумение. Профессор инженерной академии, всеми нами уважаемое лицо, резко, бранчиво, без всякого повода набросился на стрелочника; — результаты:

1) Подлинный доклад с резолюциями Генштаба Богословского и профессора Геруа больше в дело не вернулся: профессор Геруа оставил его у себя.

2) Командируемые специалисты Генштаба насторожились, стали замкнутыми. Их давила “непогрешимость” и “связи” инженеров. Исчезновение из дела доклада с подлинными резолюциями начальника штаба и холодок, ставший стеной между начштабом и мною в лице нового начальника отдела, солидарного с инженерами, создал[и] убеждение в безнаказанности выпадов против нас. Тотчас же уехали в четырехмесячный отпуск в Сибирь Михайлов и Попов (без объяснения причин).

С 4-го апреля началась работа по расширению штаба отделения и всего оперативного отдела. Она до сих пор не закончена. Осталось в силе временное прикомандирование, введенное Генштаба Богословским.

Разработка отдела, веденная мною, была отобрана у меня и передана Генштаба Бренделю. Последний, говоря о распределении работы, намекнул о пристрастном распределении Генштаба Богословским служащих. Но я, зная всю работу

Генштаба Богословского, доложил суть так, как она была, т.е. сознательное введение Генштаба Бренделем в заблуждение бывшего начальника отдела о числе служащих, результатом чего мы получили часть служащих без проверки их знаний.

9-го апреля Генштаба Балабин при напоминании ему об отсутствии данных о противнике и полном отсутствии агентурных сведений о немцах, что важно в связи с их работой в Финляндии, сказал: “Приход немцев невероятен, ибо им важно быть в дружбе с нами. Но если они придут, то в этом нет ничего ужасного. Нам, представителям Генштаба, это неприятно, но для русской действительности это полезно”. Генштаба Балабин не мог остаться довольным моим ответом и по существу и по тону и на другой день заговорил о малом опыте и выдержке молодых работников.

10-го апреля Генштаба Балабин в присутствии Генштаба Бренделя сделал мне замечание и притом в резком тоне по поводу моего напоминания о задержке бумаг и об отсутствии охраны. Я доложил, что вопрос об охране оперативного отделения и о порядке получения телеграмм и их исполнения так серьезен, что я обязан докладывать об этом даже ежедневно.

11-го апреля из доклада не вернулась часть телеграмм, к тому же не записанные в журнальной части. Я вновь доложил, что снимаю с себя всякую ответственность.

Шифр, полученный секретно, также не вернулся сразу. Через несколько дней Генштаба Балабин вернул его мне, сказав, что дома хранить трудно. С большим трудом я добыл ключ для своего стола, так как часть бумаг исчезла. Двери всюду брошены. Лишь оперативное отделение закрывалось и запечатывалось лично мною.

Вызвал раздраженный и повышенный тон разговор об установлении связи с Еремеевым. В результате моей настойчивости и после разговоров с комиссарами был послан для связи причисленный к Генштабу Энглер. Если это было бы сделано раньше, дело формирования и согласования работ подвинулось бы значительно скорее. Кабинетный характер работы в форме отписок, докладов и телеграмм (например, со штабом округа, находящимся в 20–30 шагах).

Стиль бумаг “испрашивается”, “докладывается”, указание краткого содержания сбоку и так далее — возвращение к делопроизводству, отмененному еще в 1910 году. Что же удивительного, если комкору Буковскому предписание и удостоверение были даны лишь на 4-ый день, Генштаба Костяев ходил четыре дня, Генштаба Тележников семь дней, а Генштаба Шишкину такое же предписание в тот же день. Телеграмма оперативного характера задерживалась 3–4 дня, редко исполнялась на второй день.

О 534 орудиях, находящихся на заводах и арсеналах, я узнал случайно от товарища своего Кузнецова, работавшего с инженером [Н.И.] Кохановым, — о них я докладывал 3 раза, сведения о Койвисто¹¹⁰ и Инно¹¹¹ узнавались из газет раньше,

---

¹¹⁰ Койвисто — ныне Приморск Ленинградской области. Место высадки немецкого десанта в апреле 1918 г.

¹¹¹ Инно (Ино) — форт Кронштадтской крепости на подступах к Петрограду. Подлежал передаче финнами Советской России в обмен на область Петсамо с незамерзающим портом. В апреле 1918 г. немцы силами своего десанта попытались захватить форт с его мощной артиллерией. Форт был блокирован финскими и немецкими войсками. Руководство Советской России опасалось, что конфликт вокруг форта приведет к расторжению Брестского мира. По решению коменданта Кронштадтской крепости 14 мая 1918 г. форт был взорван.

чем получались у нас. О числе белогвардейцев, о их движениях и силах я получал сведения от приезжающих из Финляндии. Где же работа разведывательного отделения. Кто направлял оперативно-строевую работу оперативного отдела. К счастью, вопрос о Койвисто и командировка причисленного к Генштабу Энглера сдвинули с мертвой точки вопрос о взаимоотношениях. Жизнь подтвердила мой доклад: “Право на жизнеспособность штаба надо завоевать, надо тянуть к нему фактической работой, а не горой бумаг”.

Упорство в желании проводить свою личную точку зрения на работу, нежелание настоять на более энергичной и деятельной работе разведывательного отделения Генштаба Бренделя, затягивание решения всех животрепещущих вопросов заставляло нас задумываться, “рутина” ли это, “халатность” или сознательно “мертвый ход” в работе. Последнее обстоятельство преследовало определенную цель — указать на нашу неработоспособность.

14-го апреля у дорожной карты при докладе об оперативном значении постройки дороги Лихославль — Кашин — Калязин — Ярославль Генштаба Балабин опять коснулся германской оккупации, заявив, “что если немцы не займут Петроград, то порядочному человеку остается только застрелиться”. Мой ответ — “дело взглядов”.

15 апреля новый серьезный разговор по поводу директивы 665/0134 и 666/0135 о числе и порядках формирования дивизий и корпусов:

1) Мой доклад: “Разрабатываются вопросы без разработки оперативным отделением данных за неделю и без статистических данных”. Ответ: “Это не существенно”.

Жизнь подтвердила правильность моего взгляда: до сих пор начальники участков не могут точно размежеваться (Парский, Буковской и Буров). При искреннем желании формировать, да и притом спешно, пока есть время, доклад мой, как начальника оперативного отделения, имел бы значение.

2) Тут же я доложил, что не указан срок по п. 4 о размере месячного жалования.

Ответ: “Сделаем дополнительно, это не так спешно”.

Через 4 дня сначала Генштаба Пехливанов, а потом Генштаба Костяев стали запрашивать об этом. При искреннем желании создавать армию — поправка моя тотчас же была [бы] принята.

3) Непосредственно за этим доложил о посылке всем Совдепам директивы № 666/0135 о формировании, чтобы своевременной ориентировкой их заранее устранить трения по вопросам формирований.

Ответ: “Не надо. Надо обходиться без них”.

Мой доклад: “Пока дело у Совдепов, надо исполнить хотя [бы] просьбу Генштаба Пехливанова о посылке директивы Лужскому и Новгородскому Совдепам”.

Ответ: “Зачем, впрочем, пошлите”.

Мой доклад: “Полагаю все же необходимым для пользы дела послать всем”.

Ответ: “Георгий Иванович, разрешите мне устанавливать порядок в отделениях”.

Результат: Совдепы отказывают начдивам и комкорам в использовании материальной части бывших войсковых частей и т.п. Начдивы и комкоры обращаются к начальнику снабжений, последний к нам, и лишь 2-го мая вопрос этот дан в раз-

работку на стол № 4 (новое название специалистов) В.Ю. Стульбе. Где же здесь искреннее желание формировать и строить армию.

19 апреля. Случай с инженером Малевановым, пожелавшим ускорить эвакуацию орудий. Инженер Малеванов ушел взволнованный от Генштаба Балабина, возмущенный и его приемом, и его канцелярским отношением к вопросу столь огромной важности. После переговоров со мною инженер Малеванов успокоился и решил этот вопрос с бывшим генералом Драке самостоятельно. Так оперативный отдел отклонил этот важный вопрос, непосредственно с ним связанный.

Начали постепенно специалисты Генштаба последнего выпуска уходить (Попов, Михайлов, Колесников, Сверчков, Григорьев, Тарасов 1-й — последний в Москву).

На доклад мой, что трения не по существу гонят со службы наиболее ценный по боевому и строевому опыту и сохранивший энергию и бодрость состав, получил ответ: “Чем больше Вы будете отстаивать последние выпуски, тем большего противника Вы во мне встретите”.

С 6-го по 28 апреля все вопросы оперативного характера задерживались, перечеркивались, возвращались с новыми заявлениями. Важные доклады о рубежах, путях сообщения и использовании судов Балтийского флота переделывались, а последний был возвращен даже без пометок. Такое отношение к делу начало вызывать у моих помощников и у меня полную апатию и желание уйти, так как это была работа “мертвого хода”.

Ведь жизненные доклады как бы умышленно переделывались часто даже из-за заголовка и порядка пометок названий. Многие не вернулись совсем. Утром давался один план работы, вечером другой, а на следующий день третий. Приход инженера Федорова рождал четвертый вариант и т.д. в течение 22 дней.

Чем объяснить такие явления. Какое дать им разумное объяснение.

То же с фортом Ино. То же со снятием замков с тяжелых орудий. То же с вывозом этих орудий. Вопрос о разграничительных линиях в таком запущенном виде. Вопрос о формированиях сосредоточен в отделении формирований, часть работы у нас и наоборот, но приказа или распоряжения о составе комиссии из боевых, опытных и компетентных лиц из всех родов войск не читал. Все поправки — по заявлениям случайных лиц, не объединенных общей идеей. Пришел Генштаба Шишкин — посоветовал. Принято. Пришло одно, другое, третье лицо и т.д. в том же духе. Импровизация отдельных лиц, имитирующих работу.

А мы пришли для организации и притом продуманной, вымученной строем, боем, опытом и жизнью.

22-го апреля пришел доклад инженера Флоринского о причисленных к Генштабу Косаче и Тарасове 1[-м]. Считаю необходимым доложить, что эти специалисты в момент подачи сношения инженером Флоринским только представились ему, рекогносцировку по его заданиям не производили. Уже 23-го апреля один из причисленных к Генштабу взволнованно сообщил мне об этом новом выпаде. Я ответил — не читал, сомневаюсь.

24-го апреля получаю: сношение Флоринского, доклад по нем Генштаба Бренделя, резолюцию Генштаба Балабина, ведомость окладов в связи с этим докладом и после этого просьбу ко мне — Генштаба Балабина высказать свое мнение по изложенному. Это был прямой вызов. Доклад мой обсуждался. Подписей 24 и моя.

Получив мой доклад, Генштаба Балабин 27-го апреля просит Генштаба Пехливанова убедить нас взять доклад (о чем я узнал спустя час от Генштаба Балабина же).

Генштаба Пехливанов убедил нас взять доклад, указывая, что общее дело так велико, что лучше обойти эти выпады. При мне же Генштаба Балабин благодарит его за это. По резолюции, оказывается, в этот день доклад уже был доложен профессору Геруа. В то же время Генштаба Балабин благодарит и меня и принимает к сведению просьбу улучшить условия работы.

28-го апреля Генштаба Балабин срочно заканчивает с нами все доклады, а причисленному к Генштабу Хитрово с пафосом высказывает невозможность захвата немцами Петрограда.

После этого в 17 часов Генштаба Балабин просит пояснить слова “немецкая ориентация”, я пояснил, что все, что сейчас мешает работе (сознательно или бессознательно), работает на немцев. Попросил письменно. Переговорил с некоторыми из подписавших и написал новую страницу. Опять просьба — отказаться от мнения, что в штабе работает по форме. Ответил, что так есть и взять обратно написанное не могу. Угроза стукнуть. Я прекратил говорить. Снова вызывает и просит дать согласие на частный доклад нашего доклада начштабу. Я ответил, что либо целиком, либо так, как сказал Генштаба Пехливанов.

По датам на резолюции — 28 апреля в это время доклад уже был сдан Военному совету.

29 апреля я просил говорить с начштабом, из холодного, если не сказать больше, разговора с которым понял, что мы спровоцированы.

Вечером узнал о резолюции на докладе и о решении отчислить. Таким образом, была ведена двойная игра.

Итак, вне сомнения преследовались: 1) группой инженеров свои цели (какие, им лучше знать) — отдельными представителями Генштаба — свои цели (Генштаба Балабин, Брендель и скрытые лица), конечно, своекорыстные, раз во вред делу устраивались свои люди, а дело умышленно устранялось под видом нашей неопытности, и 2) все, что в такую исключительно важную минуту занималось интригами и т.п., сознательным оттягиванием дел, небрежным отношением к вопросам государственной важности, напр[имер], до сих пор, несмотря на напоминание, не доложен весьма важный доклад коменданта Выборгской крепости за № 415 от 20 апреля, вопросы о вывозе орудий, о формировании — все это не могло считаться русской ориентацией; и в моих глазах, как и в глазах подписавших, носит определенное название.

Самое отчисление от должности до дачи объяснений, предложение 1 мая уехать на рекогносцировку по Волхову — все подчеркивает наличие травли против нас вообще, а против меня в частности, как лица, упорно отстаивающего тех скромных работников, кои выполнили всю первую тяжелую подготовительную — черную работу.

Резолюцию об угрозе считаю натяжкой. Разве можно считать угрозой право военнослужащего выяснить почетным¹¹² (и к тому же анкетным) путем вопросы о строевом, боевом и полевом опытах, равно как и право просить о предупре-

---

¹¹² Так в документе, вероятно, печатным.

ждении, что важность занимаемых постов не служит гарантией безнаказанности выпадов и травли против целой группы лиц.

Какими мотивами может быть объяснена такая перемена в оценке качеств подчиненного профессором Геруа, еще 16 апреля предназначавшего причисленного к Генштабу Теодори на весьма ответственную должность и давшего¹¹³ ему отличную аттестацию (с личного согласия подлинная телеграмма профессора Геруа осталась у меня).

Чем вызвалась полная изоляция оперативного отделения в разработке вопросов строевого и оперативного характера. Отсюда невольно следует вывод: оценка моей работы и всех причисленных была predetermined, задачи распределены и разыграны как по нотам: 1) полная связь с лестным, но отклоненным мною предложением, 2) оставление меня на должности, несмотря на заявленное желание уйти, 3) доклад Флоринского, 4) разработка его Генштаба Бренделем, 5) оценка оплаты работы Генштаба Балабиным и 6) предложение Генштаба Балабина дать мое заключение по вопросам, затронутым в пунктах 3, 4 и 5 в то время, как на полях уже имелась резолюция “воспользоваться докладом, как мыслью”.

Наконец — достаточно хотя бы такого факта, как назначение моим заместителем не одного [из] моих помощников (что наиболее соответствовало бы интересам дела), но нового лица, приглашенного лично Балабиным Генштаба Боровского.

Несомненно можно прийти к выводу, что устраняются все не подходящие Генштаба Балабину лица с тем, чтобы предоставить все места исключительно своим по возможности знакомым.

Причисленный к Генштабу Теодори»¹¹⁴.

В своем докладе Теодори показал нелояльность старых генштабистов большевистскому режиму, саботирование ими вопроса об установлении демаркационной линии (генштабист Брендель), враждебный характер ряда высказываний военспецов старшего поколения (генштабист Балабин), небрежность (текст доклада подразумевает, что это могло быть намеренно предательским поведением) хранения ими оперативных документов. Теодори поставил под сомнение искренность желаний старых генштабистов участвовать в создании Красной армии.

Как и предыдущий документ, этот доклад также был прямым доносом Теодори на своих сослуживцев. Особенно в тех местах, где Теодори приводил высказывания, например, генштабиста Балабина о пользе прихода немцев. Ведь если эти слова не были измышлением самого Теодори с целью убрать своего противника, Балабин должен был говорить о такого рода вещах только в доверительной беседе, которую Теодори выставлял на всеобщее обозрение. Впрочем, донос, как всегда, ставил под угрозу исключительно положение старых генштабистов. Теодори приводил факты случайной или намеренной задержки выполнения предписаний старыми генштабистами, высмеивал их косность и бюрократизм.

Теодори изложил такие подробности работы штаба Северного участка и Петроградского района, которые за недостатком документов этого периода до сих пор фактически были совершенно неизвестны. Он показал, какую роль играли личные взаимоотношения в работе штаба, по каким признакам создавались груп-

¹¹³ В документе несогласованно — давшую.

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 64–68об.

пировки штабных работников, как протекала подкованная борьба. Разумеется, автор доклада не удержался от соблазна выпятить свою роль в решении всех вопросов — от демаркации границы до более надежного хранения шифров. Показательно и то, что Теодори говорил не только от своего имени, но и от имени однокурсников. По мнению Теодори, под видом неопытности курсовиков велась борьба вообще с их активной деятельностью. Некоторые заявления выдавали степень его возмущения старшими: «А мы пришли для организации и притом продуманной, вымученной строем, боем, опытом и жизнью»¹¹⁵. Таким образом, если верить Теодори, генштабовская молодежь стремилась к более эффективной организации работы штабов на новых условиях, чему, по их мнению, препятствовали нежелание и неспособность старых генштабистов.

Позднее Теодори вспоминал, что с Балабиным у него произошел «крупнейший инцидент»¹¹⁶. По мнению Теодори, «с первых же шагов мы (курсники. — А.Г.) честно и искренно стали на работу, сразу же вызвавшую ряд трений с кругами прежнего Генштаба и лиц, их поддерживающих»¹¹⁷. Шварц, Геруа и Балабин, по оценке Теодори, якобы «вели отрицательную работу»¹¹⁸.

Исходя из этого, можно подумать, что противники генштабовской молодежи были людьми косными и только вредили делу. На самом деле это далеко не так. Шварц был выдающимся военным инженером, обладавшим немалым служебным опытом. Опытным и талантливым генштабистом был и Геруа. Наименее известен из них Балабин, поэтому приведем характеристику, которую ему дал в своих мемуарах Генштаба полковник Б.В. Никитин: «Умный, энергичный, решительный, со стальными нервами, Балабин прекрасно разбирается в обстановке»¹¹⁹. Другое дело, что Балабин в 1917 г. был близким сотрудником генерала Л.Г. Корнилова в штабе Петроградского военного округа и даже в мае–июле 1917 г. занимал пост начальника штаба округа. В период, когда непосредственно в Петрограде вершилась большая политика, эта должность приобретала заметный политический оттенок. В этом смысле критика Теодори больше относилась к политическим взглядам этих офицеров, чем к их профессионализму.

Показательны судьбы оппонентов Теодори в период Гражданской войны. Упомянутые им как недоброжелатели молодых курсовиков Д.И. Андриевский, Н.К. Боровский, В.А. Брендель, Б.В. Геруа вскоре перешли на сторону антибольшевистских сил. Шварц также бежал из Красной армии. Впрочем, Ф.И. Балабин в рядах РККА удержался. Думается, это не было случайностью. Сам Теодори не преминул упомянуть об этом в своем заявлении на имя Ф.Э. Дзержинского от 30 декабря 1919 г.¹²⁰

Очевидно, молодые курсовики с большим воодушевлением относились к своей службе в РККА, чем их старшие сослуживцы. Вполне возможно, это было связано с карьерными мотивами и амбициями, которые сильнее в молодом возрасте. Новая армия при условии устранения старых генштабистов казалась ген-

---

¹¹⁵ Там же. Л. 67.

¹¹⁶ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9об.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Никитин Б.В. Роковые годы: (Новые показания участника). М., 2007. С. 46.

¹²⁰ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9об.

штабовской молодежи неплохой стартовой площадкой. Однако для укрепления своего положения молодым курсовикам надо было действовать сплоченно, что и происходило на протяжении 1918 — первой половины 1919 г., до тех пор, пока их сплоченность не стала вызывать явное неудовольствие и опасения большевистского руководства.

Поскольку комиссары Смилга и Лашевич не стремились становиться на точку зрения Теодори, он был вынужден искать новое место службы. По приглашению С.И. Аралова, этим местом стал оперативный отдел Наркомата по военным делам в Москве, в который Теодори поступил 27 мая.

Представляется во многом справедливой характеристика, данная Теодори и его однокашникам Ф.И. Балабиным в январе 1931 г. во время допроса по делу «Весна»: «Молодые генштабисты, окончившие ускоренный курс академии в 1917 году, мало знающие, мало опытные, [с] сильно развитым духом критики в отношении старых генштабистов, особенно **Теодори**, демагогические выпады которого ясно показывали на стремление сделать быструю карьеру, самолюбивый, настойчивый, он являлся безусловным идеологом сплоченной группы своих товарищей, подчеркивал эту сплоченность и, когда это считал нужным, выступал с протестами от сомкнутого фронта своих товарищей-единомышленников. По полит[ическим] убеждениям все они, как кажется, примыкали к эсерам... С **Теодори** встретился лишь один раз на военной игре в штабе округа в 1927 или 1928 году. Держал он себя ревностнейшим службистом, рассказывал, что служит в Москве, в уставной комиссии, недвусмысленно подчеркнул, что почти вся работа уставной комиссии держится на нем, мимоходом сообщил, что за что-то сидел в тюрьме, которая, однако, не сломила его твердости»¹²¹.

На заседании Военного совета 4 мая (по другим данным — 3 мая) Теодори изложил свое видение проблемных моментов работы штаба. Курсовиков, помимо него, представляли Н.Н. Доможиров, Е.В. Сысоев и К.С. Хитрово. По итогам заседания было постановлено произвести расследование¹²².

3 и 9 мая провели свои заседания и молодые курсовики. Дело затягивалось.

11 мая курсовик А.Л. Симонов написал подробное письмо своему знакомому, некоему Гавриилу Ивановичу, идентифицировать личность которого пока не удалось¹²³. Это письмо детально излагает суть конфликта и борьбу курсовиков за место в советской военной иерархии. Приведем его целиком.

Симонов писал: «Глубокоуважаемый Гавриил Иванович!

Давно от Вас не получал писем. Из разговоров с нач[альником] академии, когда он вернулся из Москвы, знаю, что, с одной стороны, военный комиссариат считает излишней нашу командировку на дополнительный класс, оценивая нашу работу и невозможность нас кем-либо заменить сейчас; с другой стороны — Главное управление Генштаба, опираясь на мертвую букву формалистики и доказывая о перепроизводстве в корпусе Генштаба (однако на работе что-то не видно работников, фактически-то ведь всю работу несет только выпуск), не желает сделать

¹²¹ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 329–330.

¹²² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 44об.

¹²³ А.Г. Кавтарадзе ошибочно посчитал таковым Г.Я. Кутырева (*Кавтарадзе А.Г.* «Советское рабочее-крестьянское правительство...». С. 34). В нашей базе данных генштабистов — участников Гражданской войны офицер с именем-отчеством «Гавриил Иванович» не значится.

логического вывода из создавшейся обстановки, т.е. не желает нас переводить в Генштаб, хотя бы с теми же ограничениями, как и выпуски 1915 и 1916 годов.

Между тем жизнь требует разрешения этого вопроса.

Раз нас заменить сейчас нельзя (а это сейчас может продолжаться еще очень долго), то нужно перевести в Генштаб. Ведь надо же отрешиться от устаревших норм, от рутины. Жизнь этого требует. Мы, горячо принявшие за работу в настоящее время, право, заслужили этого маленького поощрения.

Правда, нам придется считаться с тем, что мы насильно врываемся в ту среду, которая нас сейчас принимать не желает, но и тут приходится отбрасывать старые условности. Работа требует живых, смелых людей, а не отживающую форму. Если впоследствии мы будем иметь возможность, выполняя форму, закончить наше теоретическое образование, так кто же от этого откажется. Наоборот, чем скорее обстановка нам позволит это сделать, тем лучше.

Вы ближе к солнцу, Вам это деликатное дело легче сделать, поэтому, не теряя времени, принимайтесь горячо за хлопоты.

Наша жизнь в штабе течет не совсем гладко. Вторичный выпад в сторону инженеров вызвал резкий отпор с[о] стороны нас. Дело в том, что тут много было приводящих причин и следствий, в которых виноваты были определенные лица Генерального штаба¹²⁴. Правда — доклад Теодори, хотя и подписанный на черновике (подлинник пошел за подписью только Теодори) 24 причисленными к Генштабу, — резок. Но не в этом дело. На заседании Военного совета он получил совершенно неверное освещение заинтересованными лицами, почему совершенно без дачи объяснений Теодори был отчислен от должности. Вот тут-то и началась история. Результат — комиссары потребовали задержки Теодори до полного выяснения всех деталей доклада и дачи показаний в Военном совете. Результат — сейчас ведется расследование целой комиссией. В результате, думаю, многим очень не поздоровится, не нам, а противному лагерю.

Эта история — борьба нового, живого с рутинной, архаизмами. Жизнь — на нашей стороне.

Если же смотреть с точки зрения Генерального штаба, то эта история нам может повредить, т.е. затруднить перевод в Генеральный штаб. Получается проклятый круг. Начинается Генеральный штаб и им же и кончается...

До Вас, вероятно, уже дошел экземпляр доклада Теодори.

Во всяком случае — история эта едва ли сыграет нам на пользу. Ну ничего — ошибка. Так и запишем.

А как у Вас, какое настроение.

Я полагаю, что сейчас ни чины, ни годы роли не играют, сейчас идет творческая работа. Ничего и никто Вам давать готовое не будет и не сможет. Каждый должен работой творить настоящее, а значит и будущее. Каждый сам себе голова. Нужно засучить рукава и приняться за черную работу. Что сделает, то твое. А из маленьких кусочков выйдет большое целое. И вот мне кажется, что работа в большом штабе, оперирование на бумаге, оно не даст результата того, который получится, если мы, испытанные, научившиеся приспособляться, обжатые жизнью, образованные и объединенные одной общей идеей, пойдем ближе к фор-

---

¹²⁴ «Лицами Генерального штаба» в советских документах периода Гражданской войны именовали бывших офицеров-генштабистов.

мируемым массам, а может быть и встанем во главе их — то дело создания армии пойдет куда быстрее. Как Вы думаете.

У нас с комиссарами отличные отношения. Оба — очень серьезные люди. Они говорят, что работать могут только с молодым офицерством, что мы показали не только свое желание работать, но и отличные способности; тогда как старики, что естественно, оказались малопригодны. Ведь дело в том, что жизнь настолько прыгнула вперед, что каждый из нас вырос значительно.

Крепко жму Вашу руку. Напишите результаты окончательные наших совместных резолюций.

Ваш, Глубокоуважающий Вас

А. Симонов

Р.С. Голубев говорил мне, что он нашел записки Гиссера. Возьму у него и при первой возможности Вам пошлю. Григорьев просит включить его в число кандидатов по военно-учебной дороге.

11 мая 1918 г.»¹²⁵

Итак, молодые курсовики считали себя центром советской военной машины, на котором все держится, пользовались благосклонностью комиссаров, так как были ближе им по взглядам и социальному происхождению, чем старое кастовое офицерство, наконец, они пытались добиваться решения своих проблем через неформальные связи в руководстве Советской России. Видимо, отсутствие «Гавриила Ивановича» среди генштабистов не случайно, так как, скорее всего, он был одним из руководящих советских работников. Это следует из фразы Симонова о том, что адресат письма «ближе к солнцу».

Надо сказать, что период начала 1918 г. вообще был не простым для бывших офицеров на территории Советской России, где развернулся стихийный антиофицерский террор. Сама жизнь вынуждала офицеров объединяться, способствовала укреплению их корпоративного единства. Так, сразу множество выпускников ускоренных курсов присоединились к обращению, адресованному военному руководителю Московского района К.К. Баиову и другим военрукам. Обращение это было следующим:

«Копия.

Военному руководителю Московского района.

Копия военным руководителям отрядов Тульского, Калужского, Ржевского, Брянского и Тверского.

В номере газеты «Наше слово» от 21-го апреля помещена речь Зиновьева на заседании общегородской конференции петроградских красноармейцев-большевиков. Не вдаваясь в оценку и правильность оснований речи Зиновьева, мы протестуем против выражений «прогнать», «поступают на должности наших денщиков», а также против угроз в печати беспощадными наказаниями и расстрелами за малейшие проступки.

На речь Зиновьева можно было бы не обращать совершенно внимания, если бы она не появилась в печати и не могла бы быть истолкована бессознательной темной массой совершенно иначе и послужить только во вред и без того крайне медленно налаживающемуся делу создания новой армии.

Мы с открытой душой пошли на зов советской власти организовать армию для борьбы с наглым врагом, занимающим церемониальным маршем города на-

¹²⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 60–60об.

шей Родины; подрывая свою речь окончательно наше и без того шаткое положение, Зиновьев больше всего играет в руку немцам.

Работа при таких условиях является невозможной.

Категорически протестуем против помещения подобных речей в газетах и просим Вашего ходатайства об этом перед Советом народных комиссаров и Высшим военным советом.

Подлинную подписали: Генерального штаба Чесноков, причисленные к Генеральному штабу В. Цейтлин, Сидоровнин, Панкратьев, Забегалов, Кирпичников.

С подлинным верно: Начальник отделения В. Цейтлин.

Председателю выпуска 1917 года Николаевской академии

А.Л. Симонову.

Для сведения.

В. Цейтлин.

23 апреля 1918 года.

г. Рязань

Штаб военного руководителя Рязанского отряда

Бывший дом губернатора»¹²⁶.

Имелась в виду одна из пафосных обличительных речей Г.Е. Зиновьева, направленная в данном случае против офицерства. По мере рассылки документа к заявлению курсовиков присоединялись все новые и новые подписанты, иногда целыми коллективами.

Как уже отмечалось, выпуск 1917 г. имел свой комитет (позднее — коллегию), а также отдельный капитал взаимопомощи, который контролировался комитетом выпуска. Капитал выпуска был образован 16 марта 1918 г. на заседании комитета. Интересно, что этот капитал свободно существовал в условиях большевистского режима. Средства хранились при академии, а ответственным за капитал считался начальник академии. На 15 апреля 1918 г. в капитале взаимопомощи Генерального штаба выпуска 1917 г. имелось 534 руб. 17 коп., к 15 июня 1918 г. — 413 руб. 92 коп. Годовой взнос с каждого выпускника составлял 6 руб., кроме того, 9 руб. вносилось на содержание причта Суворовской церкви, перевезенной из села Кончанского¹²⁷. В других документах указывается, что с 20 марта взнос на причт составил 1 руб. в месяц¹²⁸. Интересно, что многие выпускники весной 1918 г. внесли деньги на содержание причта вплоть до конца года. Кроме того, в капитал были включены суммы, ранее собранные комитетом старшего класса 2-й очереди — т.е. теми же лицами только в бытность их слушателями академии. Помимо этого поощрялись единовременные взносы. В частности, было установлено, что за единовременное внесение не менее 100 руб. давалось право пожизненного членства в капитале с освобождением от обязательных ежегодных взносов. Ежегодный отчет о движении сумм предполагалось составлять в первой половине января¹²⁹.

Из капитала взаимопомощи по решению председателя выпуска и при наличии 6 подписей членов комитета выдавались ссуды нуждавшимся выпускникам. Так,

---

¹²⁶ Там же. Л. 53.

¹²⁷ Там же. Л. 90.

¹²⁸ Там же. Л. 118об.

¹²⁹ Там же. Л. 117об.

например, 7 мая 1918 г. на заседании комитета выпуска 1917 г. было разрешено выдать ссуду бывшему капитану Б.Н. Скворцову в 350 руб. с обязательством ежемесячного погашения по 50 руб.¹³⁰ Существовал и кооператив академии. В нем имелось 772 пая, включая 448 паев слушателей старшего класса, 248 паев слушателей младшего класса и 28 паев профессуры¹³¹. Свой вклад в улучшение материального обеспечения выпускников внес Г.И. Теодори. В частности, именно он к началу апреля 1918 г. добился выплаты выпускникам жалования в размере 400 руб. в месяц, а также суточных за командировки по 20 руб.¹³²

14 октября 1918 г. путем ассигнования советским правительством 20 000 руб. был образован теперь уже фонд взаимопомощи «лиц Генерального штаба» выпуска 1917 г.¹³³ Эти средства были выданы одному из неформальных лидеров выпуска и члену его коллегии бывшему капитану Г.И. Теодори по докладу РВСР с тем, чтобы был выработан порядок выдачи пособия. Порядок был разработан, доложен главному и утвержден. Деньги хранились у Теодори¹³⁴.

К сожалению, пока не ясно, зачем понадобилось вновь образовывать уже существовавший ранее фонд, как военспецам удалось добиться выделения средств и с какой целью большевики решили материально поддержать военспецов. Единственным объяснением является то, что к осени 1918 г. так называемый выпуск ускоренных курсов 1917 г. мог считаться единственным выпуском академии Генштаба, осуществленным в Советской России. Соответственно, к этому выпуску было особое отношение.

Со временем суммы взносов увеличились. На 15 октября 1918 г. единовременный взнос составлял 20 руб., добавочный единовременный взнос — 100 руб., взнос за три месяца с 1 октября 1918 г. по 1 января 1919 г. составил 15 руб., а взнос за период с 1 января по 1 июля 1919 г. — 60 руб. Итого каждый должен был внести 195 руб.¹³⁵ Сбор взносов осуществляла коллегия выпуска при Полевом штабе РВСР. Единство выпускников поддерживалось не только выгодой взаимного страхования, но в не меньшей степени и необходимостью бороться с неприязненным отношением к курсовикам со стороны генштабистов, окончивших академию до 1914 г., потребностью отстаивать права выпуска.

Фонд взаимопомощи выпуска 1917 г. не имел отношения к фонду взаимопомощи офицеров Генштаба. Таким образом, курсовики и здесь противопоставили себя старым генштабистам. В отношении пользования капиталом курсовики в своих интересах применяли двойные стандарты. Если выпуск 1917 г. помимо своего фонда взаимопомощи мог пользоваться финансовой поддержкой общего фонда взаимопомощи офицеров Генштаба, то генштабисты других выпусков не могли воспользоваться средствами фонда выпуска 1917 г. Например, курсовик Н.Н. Долинский, оказавшийся в 1918–1919 гг. парализованным, осенью 1918 г. получил пособие сразу из двух фондов, кроме того, помощь ему оказал лично

---

¹³⁰ Там же. Л. 98об.

¹³¹ Там же. Л. 102об.

¹³² Там же. Л. 109об.

¹³³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 72.

¹³⁴ Там же. Л. 74.

¹³⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 905. Л. 12.

главком И.И. Вацетис. В общей сложности семья Долинского получила тогда 700 руб.¹³⁶

На протяжении 1918–1919 гг. курсовики 2-й очереди активно вели обмен информацией и пытались проводить политику протекционизма по отношению к своим однокашникам, добиваясь их назначений на важные посты. Например, в разговоре Г.И. Теодори и Н.Н. Доможирова 11 февраля 1919 г. речь шла как раз о необходимости проталкивать назначения из своей среды¹³⁷. Фактически курсовики создали свою параллельную штабам РККА неформальную структуру, причем пользовались каналами связи РККА. В эту структуру входили их однокашники из штабов дивизий, армий и фронтов, а также из центральных органов военного управления, таких как Полевой штаб РВСР. Неформальные контакты курсовиков не могли не вызвать самых серьезных подозрений со стороны большевистского руководства, опасавшегося развития событий по бонапартистскому сценарию.

Арест чекистами лидера выпуска Теодори в марте 1919 г. вызвал настоящую волну протеста курсовиков. 26 марта 1919 г. группа курсовиков направила телеграмму по этому поводу начальнику Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяеву с копиями своим товарищам Е.И. Исаеву и А.К. Малышеву: «Зная Теодори, не допускаем мысли, что предъявленное ему обвинение имеет основание. Настаиваем [на] немедленном расследовании. Согласны взять на поруки. № 2622/нш. Генштаба [В.Ф.] Тарасов, Генштаба [А.И.] Медель, Генштаба [А.П.] Панкратьев. По поручению серпуховских товарищей [по] выпуску прошу внести предложение на решение московских, препроводить копию депеши для сведения товарищам Ленину, Троцкому, Кедрову¹³⁸, здесь копия будет передана главкому Вацетису и члену Реввоенсовета Аралову. № 714. Генштаба [Б.И.] Кузнецов»¹³⁹.

В конце марта 1919 г. 29 курсовиков подписались под письмом Л.Д. Троцкому в защиту Теодори и еще одного арестованного курсовика, бывшего капитана В.В. Хрулева¹⁴⁰. Хрулев был сравнительно быстро освобожден. Однако наиболее ярко корпоративная солидарность молодых генштабистов проявилась в связи с арестом неформального лидера выпуска Теодори. Этот арест произошел «по шифрованному телеграфному распоряжению тов. Кедрова»¹⁴¹ в марте 1919 г. в Двинске, где военспец находился в командировке по делам агентурной разведки. Генштабист провел в заключении (в Бутырской тюрьме и, по иронии судьбы, во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК, созданием которого он в свое время занимался) почти два года до 4 января 1921 г., после чего продолжил службу в РККА¹⁴².

¹³⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 93, 94, 96, 97.

¹³⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 77.

¹³⁸ Кедров Михаил Сергеевич (12.02.1878–01.11.1941) — председатель Особого отдела ВЧК (01.01–18.08.1919).

¹³⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 266.

¹⁴⁰ Публикацию этого документа см.: *Войтиков С.С., Кикнадзе В.Г.* Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г.И. Теодори. 1918–1921 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 1. С. 33.

¹⁴¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9.

¹⁴² *Зданович А.А.* Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 82.

В качестве версии, объясняющей длительное содержание Теодори под стражей, вполне подходит его внеслужебная деятельность в 1918–1919 гг. В деле Теодори чекисты, возможно, впервые за всю Гражданскую войну столкнулись с организованным и достаточно активным сопротивлением со стороны выпускников академии. Этот прецедент дал им понять, что в отношении курсовиков, в отличие от старых генштабистов, произвол будет ограничен их мощным корпоративизмом. Но возможно, что именно активность курсовиков и их взаимовыручка сыграли роковую роль в деле Теодори, отодвинув его освобождение на долгих два года.

Произошедшее в тот период не укладывается в существующие стереотипы о взаимоотношениях чекистов и военспецов. Так, 17 апреля 1919 г. сразу 37 представителей выпуска подписали доклад Л.Д. Троцкому в защиту Теодори. Предлагалось получить подтверждение обвинений, чтобы исключить Теодори из своей среды и ходатайствовать об исключении его также из корпорации Генштаба. «В том же случае, если таковых данных не имеется, то выпуск не может спокойно относиться к факту беспочвенного ареста одного из своих членов, коему выпуск доверял и который занимал один из ответственных постов в Республике, так как подобное явление не дает гарантии в будущем спокойной работы военным специалистам, как не застрахованным от арестов без предъявления обвинения, и ставит в то же время их в ложное положение в сфере еще не установившихся взаимоотношений с политическими работниками армии», — писали выпускники¹⁴³. Копии обращения были направлены В.И. Ленину, И.И. Вацетису, С.И. Аралову и Ф.В. Костяеву. Столь активные действия нашли поддержку со стороны старших товарищей.

Главком И.И. Вацетис о ситуации с арестом Теодори даже написал в своем докладе, отправленном 18 апреля В.И. Ленину, отметив, что некомплект генштабистов на фронтах достигает 82%, что сотрудники переутомлены, а комиссары часто ведут себя по отношению к этим работникам бестактно. Вацетис написал о несправедливости ареста Теодори и об аресте в штабе Приуральского военного округа вообще всех генштабистов, а также просил разобраться в деятельности М.С. Кедрова, известного самоуправством и ранее¹⁴⁴.

21 апреля троим представителям выпуска 1917 г. — Е.И. Исаеву, Б.И. Кузнецову и Г.Я. Кутыреву — был выдан Вацетисом, Араловым и Костяевым мандат на прибытие в Особый отдел ВЧК к Кедрову для ознакомления с делом Теодори. Вацетис и Костяев выступали как их старшие товарищи по службе Генштаба, Аралов генштабистом не был, но также являлся бывшим офицером. Вполне очевидно, что по духу эти люди были гораздо ближе друг другу, чем арестовывавшим их чекистам. Возможно, поэтому в деле Теодори они выступили как союзники. Именитые подписанты просили оказать содействие трем ходатаям, причем было специально указано, что «означенные представители правомочны задавать вопросы Г.И. Теодори и тов. Кедрову по существу дела Теодори с целью полного выяснения сущности дела, а не контроля или следствия, почему просится оказать полное содействие для получения всех данных дела и о вызове Г.И. Теодори для

¹⁴³ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 228.

¹⁴⁴ Большевицкое руководство: Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 85–88.

получения сведений представителями в присутствии заведывающего Особым отделом тов. Кедрова»¹⁴⁵.

23 апреля трое представителей выпуска приехали в Москву, чтобы разобраться в случившемся и, по возможности, вызволить своего однокашника. На следующий день они встретились с Кедровым. Удивительно, что эта встреча вообще состоялась. Во время встречи Кедров сообщил ходатаям, что некоторые детали дела может знать только Ленин (следовательно, если Кедров не преувеличивал, Ленин уже был в курсе дела¹⁴⁶) и личные вопросы в отношении Теодори недопустимы.

Идя навстречу просьбам, Кедров привел выдержки из дела. Из цитат, однако, картина виновности Теодори не складывалась¹⁴⁷. Он обвинялся в бегстве в Латвию, однако абсурдность этого признал даже сам Кедров. Прочие обвинения были более серьезными, но и их удалось опровергнуть. Среди них причастность к шпионажу и интимная связь с машинисткой Полевого штаба В.П. Троицкой, подозревавшейся в шпионаже, а также прием через нее на службу в оперативный отдел разных лиц и сношения с руководством объединенной офицерской организации. Как выяснилось, Троицкая имела связь со многими, в том числе ответственными партийными работниками. От оговора Теодори она отказалась уже 20 апреля 1919 г.¹⁴⁸ Назначение всех лиц на службу было санкционировано Араловым и поручителями, но принят был только один человек. Связь с Троицкой стала предметом детального рассмотрения, причем было установлено, что Теодори, «с одной стороны, всех уверял в невозможности из-за отвращения близких отношений с ней, а с другой стороны, позволял себе обнимать ее». Однокашники же считали, что это никакой не шпионаж, а «индивидуальная особенность Теодори в половой жизни»¹⁴⁹. Причастность к офицерской организации (видимо, военной организации «Национального центра») выражалась в том, что Теодори посещал бывших генералов В.И. Селивачева и Н.Н. Стогова, которых знал по прежней службе. Кстати, данное обстоятельство свидетельствует о неблагонадёжности Стогова и Селивачева уже в апреле 1919 г., задолго до официального раскрытия военной организации «Национального центра», относящегося к августу–сентябрю 1919 г.

Кедров удивился налаженности связи выпуска Теодори и наличию самой организации выпускников, существовавшей фактически как параллельная штабам РККА неформальная структура. Выпускники на это ответили, что связь осуществляется лишь персональная с целью поддержки служебных и материальных интересов друг друга.

25 апреля представители выпуска составили доклад в поддержку Теодори на имя главнокома, председателя Реввоентрибунала и начальника Полевого штаба РВСР. В докладе сообщалось: «Из частной беседы с тов. Кедровым пришли

¹⁴⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 499–499об.; Оп. 10. Д. 11. Л. 227.

¹⁴⁶ Если верить Теодори, Ленин лично знал его по 1918 г., причем с хорошей стороны (РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 10–10об.).

¹⁴⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 224.

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11об.

¹⁴⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225. Утверждение о невозможности близких отношений между Троицкой и Теодори с ноября 1918 г., так как последний работал в Москве, а Троицкая — в Серпухове (*Войтиков С.С.* «Дело о шпионстве» генштабиста Теодори // *Новый исторический вестник*. 2009. № 3 (21). С. 116), неверно, поскольку Теодори регулярно бывал в Серпухове.

к заключению, что, несмотря на месячный срок пребывания Теодори в тюрьме, до сего времени конкретных данных по обвинению его нет»¹⁵⁰. Аралов просил Кедрова отдать ему Теодори на поруки «для использования его знаний ввиду большого недостатка Генштабов»¹⁵¹. Арестованному был разрешен телефонный разговор с Араловым, в ходе которого он интересовался, знает ли о его аресте Троцкий и каково положение жены и сестры, а также других невиновных курсовиков.

Наряду с Теодори весной 1919 г. был арестован и его однокашник начальник штаба Приволжского военного округа И.Н. Полковников, являвшийся одним из «пионеров лиц Генштаба, энергично принявшихся за дело создания Красной армии»¹⁵². Уже по получении предписания о его аресте сослуживцы выступили в поддержку своего товарища. Генштаба М.М. Петров писал: «Я заявляю, что предписание ареста Ивана Полковникова подрывает его моральные силы, будет незаслуженной обидой Полковникову за честную, полезную и энергичную работу на пользу советской власти. В настоящее трудное время советская власть не должна терять таких полезных деятелей, каковым является для нее Полковников. Для общей пользы дела я убедительно прошу отнестись особенно осторожно к намеченной мере. Полковников — член выпуска 1917 года, выпуск знает Полковникова, и его арест, боюсь, породит неуверенность в работе других лиц выпуска»¹⁵³. Таким образом, и этот арест не был мотивирован.

5 мая курсовики отправили телеграмму Л.Д. Троцкому: «Предреввоенсовета Троцкому по месту нахождения. Копия шта[б] Восто[чного] фронта Генштаба Бардинскому. Серпухов 5-го мая. Получив уведомление от лиц Генштаба выпуска 1917 года шта[ба] Вост[очного] фронта, что на врученную ими Вам просьбу Хрулева Вами дан был ответ в положительную сторону при условии соответствующего ходатайства от ближайших родственников Хрулева или от коллектива выпуска. Настоящим докладываем, что представителями выпуска еще 27 марта № 111/Б ходатайствовалось о спешном разборе дела Хрулева, как и Теодори. Докладом 17-го апреля № 112/17 было возбуждено повторное ходатайство об освобождении Теодори и, кроме того, были к Вам делегированы представители выпуска Генштаба Кутырев и Кузнецов [с] целью доклада [об] общем положении как специалистов, но не могли быть Вами приняты за Вашим выездом из Москвы на фронт. 23-го апреля по вызову председателя Особого отдела ВЧК тов. Кедрова прибыли в Москву представители выпуска Исаев, Кутырев, Кузнецов [с] целью ознакомления [с] делом Теодори, результатом коего был доклад главкому, председателю Ревтрибунала Республики и на[чальнику] шта[ба] Реввоенсовет[а] об отсутствии конкретных данных обвинения с ходатайством о проведении [в] жизнь доклада членов выпуска 17 апреля [№] 112/17. С одной стороны, не получив никаких ответов по целому ряду ходатайств о Хрулеве и Теодори, [с] другой стороны, поступили сведения о новом аресте выпуска 1917 года Генштаба Моденова и предполагаемом аресте Генштаба Полковникова и ряде арестов и обысков Генштаба других выпусков без объявления причин и соблюдения при-

---

¹⁵⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225об.

¹⁵¹ Там же. Л. 266.

¹⁵² Там же. Л. 222.

¹⁵³ Там же. Л. 222об.

каза Реввоенсовета Республики от 29-го сентября 1918 года № 6, представители выпуска решили [осуществить] вторичную посылку делегатов к Вам [с] целью ходатайства [об] освобождении арестованных без конкретных обвинений и выяснения ряда вопросов [в] связи [с] произведенными арестами и того вреда делу, который приносит личный террор. Докладывая об изложенном, просим [у] Вас приёма нашей делегации. № 113/18. По уполномочию выпуска Исаев, Кутырев, Мальшев, Кузнецов, Виноградов»¹⁵⁴.

Тем не менее Теодори был освобожден лишь через два года. По всей видимости, мощная кампания в его поддержку обеспокоила большевистских лидеров. Впервые Генеральный штаб в лице старших офицеров и особенно молодежи проявил редкое единодушие. Дальнейшее усиление корпоративного духа генштабистов, осознание ими своей силы вполне могло привести к идее свержения большевиков, тем более что в Полевом штабе РВСР в Серпухове находились верные Вацетису латышские стрелки (5-й латышский стрелковый полк), а на ключевых постах были его выдвиженцы, в том числе выпускники ускоренных курсов. Вполне возможно, что Ленин решил перестраховаться и поставить зарвавшихся военспецов на место посредством длительного тюремного заключения их лидера. А вскоре возникла идея арестовать и остальных фигурантов событий вокруг Теодори и поменять вообще все высшее военное руководство Республики из числа бывших офицеров.

Летом 1919 г. в ходе «дела» Полевого штаба РВСР были арестованы все три курсовика, ходатайствовавших за Теодори: Б.И. Кузнецов, Е.И. Исаев и Г.Я. Кутырев. Арестам подверглись и их старшие товарищи И.И. Вацетис и Ф.В. Костяев. Из заступавшихся за Теодори репрессий тогда избежал лишь комиссар С.И. Аралов, возможно, только благодаря комиссарскому иммунитету. Очевидно, что события с арестом Теодори были напрямую связаны с летними арестами по «делу» Полевого штаба. По итогам этой операции наиболее активные в общественной жизни курсовики¹⁵⁵ и поддерживавшие их старые генштабисты были арестованы, а по генштабовскому корпоративизму нанесен мощный удар, после которого корпоративное единство выпускников Николаевской академии в Советской России стало в значительной степени лишь достоянием истории.

* * *

Попытки корпоративного объединения предпринимали и слушатели ускоренных курсов 3-й очереди академии. Выше уже говорилось о наличии у них своего комитета. Однако слушатели проводили и общие собрания по волновавшим их вопросам. Сохранилась по-своему наивная резолюция одного из собраний, прошедшего 2 апреля 1918 г. в Екатеринбург:

«В курсовой комитет¹⁵⁶

Мы, слушатели старшего курса Военной академии, в настоящее время являемся единственным источником и хранителем доблести и высокого звания офицера.

¹⁵⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 44. Л. 132–134.

¹⁵⁵ Из окончивших курсы 2-й очереди в различные периоды 1919 г. были арестованы: В.Л. Баранович, Ю.И. Григорьев, Н.Н. Доможиров, Г.С. Дьяков, Н.Я. Забегалов, В.Г. Зиверт, Е.И. Исаев, Б.И. Кузнецов, Г.Я. Кутырев, А.К. Мальшев, И.Д. Моденов, А.П. Панкратьев, С.Г. Плото, И.Н. Полковников, П.П. Слискоухов, В.Е. Стасевич, В.И. Тарасов, Г.И. Теодори, В.В. Трофимов, В.В. Хрулев, И.Д. Чинтулов.

¹⁵⁶ Вписано от руки чернилами, на полях карандашная резолюция: «Вход. № 197. 2/IV/1918 г.».

Судьба избрала нас основой и фундаментом, на котором будет строиться новая армия и создаваться ее душа — офицерство. Нам предстоит быть примером и образцом будущему офицерству. Само собою понятно, что чем выше и доблестнее офицерство, тем сильнее и могущественнее армия. Отсюда становится ясным, какими высокими нравственными качествами должны обладать мы, дабы наши будущие ученики и воспитанники, распространяя в армии высокое понятие о чести и доблести, создали мощную, непобедимую армию. А между тем мы с каждым днем распускаемся все больше и больше. Каждый день приносит нам все новые и новые доказательства нашего падения, распушенности.

Примеров к тому сколько угодно:

а) гулянье слушателя под руку с торговкой на вокзале, б) давание честного слова понапрасну, в) резкость и необдуманность слов и выражений, употребляемых в разговорах между собой (выражения: “сволочи квартирьеры”), г) кошмарные предания о семейных, д) заявления, что в академии теперь очень хорошо, именно потому, что “можно толкаться и не извиняться”, е) необоснованные, голословные подозрения в неблаговидности действий выборных лиц, ж) погоня за дешевой популярностью и пр. [и] пр.

Стоит только взглянуть на неопрятность нашей одежды, как станет очевидным, куда мы идем и что может ждать от нас новое офицерство — наши будущие ученики: кокарды солдатские, офицерские и даже покрашенные! Наша распушенность находит полное отражение в нашей неопрятной одежде. Многие ходят в помещении (это в епархиальном-то училище, с иконами) в фуражках. Ясно, какое отвратительное впечатление должно произвести это на местных обитателей и обитательниц учреждения! А ведь здесь составляется о нас мнение, и стоустая молва несет все это по городу.

Местные жители нас слишком превозносят, а мы себя совершенно не ценим, но когда они убедятся, что мы не соответствуем их представлениям, — разочаруются, и явится у них другая крайность — пренебрежение к нам. Пора остановиться, иначе мы своей распушенностью пятнаем высокий авторитет академии.

Со времени снятия погон мы до сих пор роняем себя, роняем на каждом шагу, старательно и настойчиво разрушаем то высокое представление у интеллигенции об офицере Генштаба, который путем долгих лет огромного напряжения дисциплины и выдержки создавал его в обществе.

Скоро придут слушатели младшего курса. Они, пробыв долгое время в унижении и испытав на себе все грубости произвола и издевательств, опустились ниже нас, ибо мы счастливо избегли этой участи, своевременно ушедши в академию. Не трудно предвидеть, что если мы сами не будем примером выдержки, корректности, опрятности, если не проникнемся чувством уважения к себе и сознанием высокого звания офицера, то по прибытии младшего курса мы скоро узнаем об скандалах в его среде, которых еще не видывало офицерство, и вся вина предстоящих тяжелых явлений в среде наших преемников всецело ляжет на нас. Наша прямая и святая обязанность всеми мерами облегчить и способствовать вновь прибывшим скорее сорганизоваться на основе высокого понятия о чести и взаимного уважения.

А что мы теперь можем дать ему (младшему курсу): растерзанный вид, возмутительные взаимоотношения, междоусобную перебранку, швыряние окурков и проч[ие] товарищеские тенденции.

Пора остановиться теперь же, во что бы то ни стало. Время не терпит, но пока еще есть полная возможность к восстановлению порядка, опасность велика и чем дальше, тем труднее будет справиться нам с своей собственной распущенностью.

Как это сделать?

Необходимо теперь же, во имя спасения престижа академии, создать Суд чести, которому и поручить разработку традиций на основе уважения, дисциплинарности отношений между собою, соблюдения всех правил приличия и вежливости.

Выработанные традиции, обязательные для всех и изученные как “Отче наш”, являлись бы основным направлением и отправными данными каждому слушателю для решения вопроса, как поступить в том или ином случае, не роняя престижа академии.

Прибывший младший курс возьмет пример с нас в правильном направлении, а мы передадим ему наши традиции, как символ престижа офицера Генштаба.

Слушатели:

Серов?¹⁵⁷

Соколов

Слефогт

“2” апреля 1918 г.

Ек[атерин]бург»¹⁵⁸.

Эта резолюция, воздвигая на пьедестал доблесть и честь офицеров, на фоне всеобщего упадка и разложения, конечно, была трудновыполнимой. Впрочем, интересно мелькнувшее в документе неприязненное отношение слушателей к большевикам, выразившееся в словах «и проч[ие] товарищеские тенденции». Подобные высказывания вполне объяснимы в контексте скорого массового перехода слушателей вместе с академией на сторону антибольшевистских сил.

Тем не менее 5 апреля комитет слушателей старшего класса 3-й очереди постановил ходатайствовать перед начальником академии об учреждении товарищеского суда «согласно приказа по военному комиссариату и ввиду все учащающихся случаев некорректного поведения некоторых слушателей академии»¹⁵⁹. Соответствующая записка была подана правителю дел академии.

В итоге слушатели сумели создать суд чести общества офицеров старшего курса академии. Во всяком случае именно такое наименование этот орган носил в августе 1918 г. после перехода академии на сторону антибольшевиков. Председателем суда чести был староста курса подполковник Н.Г. Сабельников, членами: подполковник Н.Ф. Егоров, капитаны С.И. Ильин, Н.А. Деллингсгаузен, Г.В. Ярцев¹⁶⁰. Суд активно работал. В частности, в августе рассматривалось дело капитана Федорова, поступки которого были признаны не соответствующими достоинству русского офицера и офицера Генштаба в особенности.

¹⁵⁷ Фамилия неразборчива, слушателя Серова на курсах 3-й очереди не было.

¹⁵⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 32–32об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 33.

¹⁶⁰ Там же. Л. 40.

После возникновения в Советской России в конце 1918 г. собственной академии Генерального штаба в ней появились свои традиции и свои взаимоотношения между слушателями, многие из которых состояли в партии большевиков. До сих пор этот аспект истории первых лет академии Генштаба РККА не привлекал внимания исследователей.

Первый набор академии был весьма разнородным. Полковник А.Ф. Федоров впоследствии вспоминал: «Октябрь 1918 года. На Воздвиженке, в особняке бывшего Охотничьего клуба, идет прием в академию Генерального штаба РККА. Коридоры и залы заполнены молодыми людьми, съехавшимися со всех концов необъятной страны. Мундиры, кители, гимнастерки перемежаются френчами, черкесками, бекешами и просто рубашками навыпуск, вышитыми и невышитыми, вплоть до домотканых. Но у каждого обязательные брюки галифе, начищенные до блеска сапоги»¹⁶¹.

По свидетельству будущего Маршала Советского Союза К.А. Мерецкова, существенно различались как возраст слушателей и их подготовка, так и политическая принадлежность. Самому Мерецкову в начале учебы было 22 года, большинству слушателей — по 25–30 лет. «Многие служили еще в старой армии, в том числе офицеры, считавшие военное дело своей профессией на всю жизнь... В политическом отношении слушатели были весьма сознательными людьми. Коммунистов насчитывалось с самого начала не менее трех четвертей коллектива, а в дальнейшем их число все время росло.

Однако я хорошо помню, что в нашем наборе имелись также левые эсеры и эсеры-максималисты, а примерно каждый шестой являлся беспартийным»¹⁶².

Объединением, сплотившим вокруг себя часть слушателей, была фракция коммунистов академии, с деятельностью которой связаны многие негативные моменты первых лет существования этого военно-учебного заведения. Разумеется, в советский период деятельность данной организации освещалась исключительно в положительном ключе, якобы это была надежная опора комиссаров академии¹⁶³, что совершенно не соответствует подлинным фактам. Более того, сами комиссары академии очень сильно удивились бы, узнав о такой «опоре».

Первые слушатели академии представляли собой весьма специфический контингент — молодые, необузданные и амбициозные герои Гражданской войны, некоторые — члены большевистской партии, приближенные к власти. Они не собирались считаться со старыми генштабистами, состоявшими в администрации академии, и пытались по партийной линии подчинить себе академическое руководство.

Начальник академии выдающийся военный ученый и мыслитель А.Е. Снесарев вспоминал о слушателях: «Это была группа, очень пестрая по составу, степени развития, по отношению к делу, крайне разно одетая; казалось, академия еще не успела их объединить, ободнородить, наложить на них какой-либо однооб-

¹⁶¹ Федоров А.Ф. Октябрьские зори. М., 1962. С. 170.

¹⁶² Мерецков К.А. На службе народу. М., 2003. С. 66.

¹⁶³ Академия имени М.В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии / Под ред. проф., генерала армии А.И. Радзиевского. М., 1973. С. 16.

разный колорит, но что-то было в них и общее, что, правда, трудно поддавалось определению; этим общим была причудливая смесь активности, простора, непосредственности, искренности шагов и слов, шумливости... Это были “в буре рожденные”, как их определял один из наблюдателей.

Мне было ясно с первых же шагов, что эти “буревестники” создадут для меня как начальника довольно сложную обстановку и что мне придется немало поломать голову, чтобы установить с ними нужные и полезные для дела отношения»¹⁶⁴.

Уже в конце декабря 1918 г., вскоре после открытия академии, в ней возникла ячейка коммунистов, позднее превратившаяся во фракцию. С первых дней своего существования фракция противопоставила себя не только академическому начальству из военных специалистов, которое считала старорежимным, но даже комиссару академии. В январе 1919 г. возникла фракция сочувствующих, в которой состояло до 70 человек¹⁶⁵.

Вместо того чтобы сосредоточиться на учебном процессе, члены фракции коммунистов начали плести интриги, воздействовать на руководство академии через свои связи в партийной верхушке и даже пытались прибрать к своим рукам власть¹⁶⁶. Фракция коммунистов состояла к концу 1919 г. из 251 большевика и 75 кандидатов, всего — 326 человек, или 80% слушателей академии. Среди фракционеров было даже десять подпольщиков с опытом работы в 1900–1905 гг. В одном из документов было отмечено, что «фракция академии Генштаба из других академий и курсов выделяется по числу старых заслуженных партийных работников, прошедших, как говорится, огонь и воду, революционеров, испытанных как до революции, так и во время ожесточенной Гражданской войны»¹⁶⁷.

Спорить с такими людьми было себе дороже, поэтому комиссар академии не нашел иного выхода, как пожаловаться в 1919 г. наркому по военным и морским делам Л.Д. Троцкому на вконец обнаглевших и разболтавшихся слушателей. Троцкий вмешался и потребовал от слушателей строгого соблюдения дисциплины, однако изменить миропонимание этих людей простое внушение, конечно, не могло.

16 декабря 1919 г. комиссар академии Генштаба В.Н. Залежский направил подробный доклад о ситуации в академии во Всероссийский главный штаб. Этот интересный документ заслуживает особого внимания, поэтому остановимся на нем подробнее. Итак, комиссар докладывал: «В первые же дни моей деятельности в качестве политического комиссара академии Генерального штаба, т.е. в декабре прошлого 1918 года, я доносил... что персональный состав фракции коммунистов слушателей академии основного курса и в особенности бюро ее таков, что будет весьма трудно вместить жизнь фракции в рамки положения об ячейках в воинских частях, ибо среди основного курса очень большой процент лиц, занимавших и на фронтах, и в ряде советских учреждений тыла весьма ответственные и самостоятельные должности, как то: комиссаров, начальников групп войсковых

---

¹⁶⁴ А.Е. Снесарев: «Мне было ясно с первых же шагов, что эти “буревестники” создадут... довольно сложную обстановку» / Публ. И.С. Даниленко // Военно-исторический журнал. 2002. № 11. С. 59–60.

¹⁶⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 469об.

¹⁶⁶ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 22об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 40об.

частей, начальников штабов и т.п. Это фронтовая и тыловая “знать”, как метко выразился в беседе со мной в то время тов. Вацетис¹⁶⁸.

¹⁶⁸ Вацетис Иоаким Иоакимович (11.11.1873–28.07.1938) — из семьи батрака, уроженец имения Нейгоф Гольдингского уезда Курляндской губернии. Латыш. Лютеранского вероисповедания. Общее образование — домашнее. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду (1897), два класса Императорской Николаевской военной академии по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» без причисления к Генеральному штабу (1909). Подпоручик (Высочайший приказ 18.11.1897 со ст. с 01.09.1897). Поручик (Высочайший приказ 15.04.1902 со ст. с 01.09.1901). Штабс-капитан (20.09.1905 со ст. с 01.09.1905). Капитан (с 28.10.1909 со ст. с 01.09.1909). Подполковник (Высочайший приказ 26.08.1912 со ст. с 26.08.1912). Полковник. На службе с 04.09.1891. Поступил добровольно в переменный состав Рижского учебного унтер-офицерского батальона, куда и зачислен (04.09.1891). Переименован в ефрейтора (29.08.1892). Младший унтер-офицер (30.08.1893). По окончании курса в батальоне назначен на службу в 105-й пехотный Оренбургский полк (29.07.1893). Прибыл в полк (05.09.1893). Переименован в старшие унтер-офицеры (11.12.1893). Смещен на младший оклад (31.07.1894). Произведен в старшие унтер-офицеры (30.08.1894). Перечислен на сверхсрочную службу и награжден серебряным узким шевроном на левом рукаве мундира и шинели (01.09.1894). Награжден металлическим знаком за отличную стрельбу в цель в течение двух лет кряду (25.06.1895). Командирован в Виленское пехотное юнкерское училище для держания вступительного экзамена (14.08.1895). По выдержании экзамена зачислен в младший класс училища (31.08.1895). Переведен из младшего класса в старший класс (10.08.1896). Произведен в училищные ефрейтора (11.08.1896). Взводный унтер-офицер (16.09.1896). Училищный младший унтер-офицер (11.12.1896). Училищный старший унтер-офицер (10.04.1897). За отличную гимнастику награжден серебряными часами и за фехтование на ружьях — револьвером (06.08.1897). Переведен во 2-й Ковенский крепостной пехотный полк (04.08.1897). По окончании курса училища по 1-му разряду переименован в подпрапорщики (05.08.1897). Прибыл и зачислен в списки полка (06.08.1897). Переведен в 3-й Ковенский крепостной пехотный полк (18.11.1897). Командирован для поверочной мобилизации в 1-й Ковенский крепостной пехотный полк (22–26.11.1897). Исключен из списков полка и впредь до отправления по переводу полагался прикомандированным (25.11.1897). Отправился по переводу (27.11.1897). Зачислен в списки 3-го Ковенского крепостного полка (25.11.1897). Прибыл в полк (28.11.1897). Заведывающий Ковенской крепостной скотобойней (08–18.09.1899). Временно командующий 2-й ротой (18.10–26.11.1899). Временно командующий 7-й ротой и заведывающий трахоматозной командой (05–06.07.1900). Награжден обыкновенным призом за стрельбу из винтовок (27.07.1900). Вр.и.д. батальонного адъютанта (15–19.08.1900). Временно командующий 3-й ротой (23–26.08.1900), 2-й ротой (03–09.09.1901), 5-й ротой (05–09.12.1901). Заведывающий полковой швальней (с 09.12.1901). Командирован в Рижский учебный унтер-офицерский батальон, куда и отправлен (08.06.1902). Прибыл и зачислен в списки батальона (10.06.1902). Вр.и.д. заведывающего оружием (03.05–27.08.1903). Временно командовал 3-й ротой (18–21.09.1903). Награжден обыкновенным призом за состязательную стрельбу из винтовки (05.10.1903). Вр.и.д. батальонного адъютанта (26.08–20.09.1904). Награжден обыкновенным призом (79 руб.) за состязательную стрельбу из винтовки (20.08.1905). Командирован в штаб Виленского военного округа для предварительного испытания на предмет держания экзамена в Николаевскую академию Генерального штаба. По выдержании испытания оставлен в распоряжении штаба округа для командирования в академию (10.05.1906). Награжден обыкновенным призом за состязательную стрельбу из винтовки (21.08.1906). Командирован в академию, куда и прибыл (20.08.1906). Зачислен по выдержании экзамена (09.10.1906). Откомандирован от Рижского учебного унтер-офицерского батальона в свой полк (23.10.1906). По окончании курса двух классов академии по 1-му разряду переведен на дополнительный курс (19.08.1908). Полк переформирован в батальон (26.01.1909). Высочайшим повелением 30.03.1909 признан окончившим дополнительный курс академии «успешно», но без права на производство в следующий чин за окончание академии и на причисление к Генеральному штабу (30.04.1909). Отчислен от академии к своей части с прикомандированием для ближайшего ознакомления с требованиями службы Генерального штаба к войскам Виленского военного округа (01.05.1909). Прикомандирован к штабу 45-й пехотной дивизии для участия в лагерном сборе в 1909 г. Прибыл (28.05.1909). По отбытии лагерного и подвижного сбора откомандирован от штаба 45-й пехотной дивизии к месту штатного служения в 3-й Ковенский крепостной пехотный батальон (09.09.1909). Прибыл (10.09.1909). Командующий 4-й ротой (с 16.09.1909). Утвержден в должности командира 4-й роты (02.11.1909). Член батальонного суда (с 01.01.1910). Отправился для перевода по назначению в 100-й пехотный Островский полк и впредь до перевода в указанный полк считался в командировке (19.07.1910). Прибыл (21.07.1910). Впредь до перевода числился в прикомандировании к пол-

Ответственные посты, занимавшиеся многими из слушателей до поступления их в академию, с одной стороны, дали им возможность приобрести личные связи во многих руководящих учреждениях военного ведомства, а с другой стороны, выработали у многих из них психологические навыки приказывать и распоряжаться.

Все это не могло явиться обстоятельством, помогающим моему стремлению установить в академии необходимую для ее нормальной жизни дисциплину среди слушателей и поднять высоко авторитет Совета академии...

Началось с того, что, организовавшись во “фракцию коммунистов”, слушатели сочли себя призванными, не считаясь с существующим Положением об ака-

---

ку. Временно командующий 14-й ротой (05–19.08.1910). Начальник учебной команды (с 19.08.1910). Переведен в 100-й пехотный Островский полк (Высочайший приказ 01.09.1910). За состязательную стрельбу 09.08.1911 как выполнивший условие на право получения императорского и обыкновенного приза награжден обыкновенным призом в 50 руб. (18.08.1911). Произведен в подполковники на вакансию с переводом в 102-й пехотный Вятский полк (26.08.1912). Исключен из списков полка и впредь до отправления к месту нового служения полагался в прикомандировании (27.08.1912). Зачислен в списки 102-го пехотного Вятского полка и впредь до прибытия полагался в прикомандировании (03.09.1912). Прибыл и исключен из прикомандирования (27.09.1912). Командир 4-го батальона (28.09.1912 назначен, принял батальон 07.10.1912). Командирован приказом по 45-й пехотной дивизии в помощь руководителю на рекогносцировке района подвижного сбора частей Шереметьевского лагеря в Курляндской и Ковенской губерниях (02–20.07.1909). Командирован в Ригу в штаб XX армейского корпуса для участия в военной игре (20.11–04.12.1910; 10–18.01.1911). Командирован в Двинск в 99-й Ивангородский полк для сообщения (26–29.01.1911). Командирован в штаб XX армейского корпуса для участия в тактической военной игре (05–13.02.1911). Командирован в штаб XX армейского корпуса для исполнения работ мобилизационного и отчетного характера (14.02.1911). Прибыл из командировки (14.03.1911). Командирован в штаб 25-й пехотной дивизии (18–20.03.1911). Командирован в штаб 25-й пехотной дивизии для участия в подвижном сборе (14–24.08.1911). Командирован в 29-ю пехотную дивизию в распоряжение старшего посредника на маневрах (25.08–02.09.1911). Командирован в 25-ю пехотную дивизию на время подвижных сборов (07–27.08.1912). Вр.и.д. начальника штаба 25-й пехотной дивизии на большом маневре (19–27.08.1912). В 102-м пехотном Вятском полку (с 23.09.1912), командир 4-го батальона. Участник Первой мировой войны. Тяжело ранен под Варшавой. Командир 5-го латышского Земгальского стрелкового полка (1915–1917). Командир 2-й Латышской стрелковой бригады. Участник Гражданской войны. Перешел с полком на сторону советской власти (10.1917). Начальник оперативного отдела Революционного полевого штаба при Ставке (12.1917). Участник подавления выступления польского корпуса генерала И.П. Довбор-Мусницкого (01.1918). В РККА (с 01.1918). Начальник Латышской стрелковой дивизии (с 04.1918). Один из руководителей подавления восстания левых эсеров в Москве (06–07.07.1918). Командующий Восточным фронтом (11.07–28.09.1918). Переведен в Генштаб (приказ Народного комиссариата по военным делам по личному составу № 16 от 30.08.1918). Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики (06.09.1918–08.07.1919). Член РВСР. Командующий армией Советской Латвии (01–03.1919). Один из организаторов Красной армии. Снят со всех постов и арестован по делу Полевого штаба РВСР (08.07–13.10.1919). По освобождении находился в распоряжении председателя РВСР Л.Д. Троцкого (на 11.1919–08.1920). Председатель Особой комиссии при председателе РВСР (на 1921). На преподавательской работе. Штатный преподаватель Военной академии РККА. Главный руководитель групповых лекций (с 01.01.1922). Преподаватель истории войны 1918–1920 гг. (на 1923). Профессор Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Старший руководитель по истории войн. Командарм 2-го ранга (1936). Арестован (29.11.1937). Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной террористической организации (28.07.1938). Расстрелян. Место захоронения — пос. Коммунарка Московской области. Реабилитирован (03.1957). Оставил воспоминания. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (10.02.1906), Св. Анны 3-й ст. (Высочайший приказ 16.02.1911), Красного Знамени (1928), Красной Звезды. Соч.: О военной доктрине будущего. М., 1923; Операции на восточной границе Германии в 1914. М., 1929. Ч. 1. Женат на девице Маргарите Адольфине Оттилии Кергер. Дети: Ирина-Оттилия Элиза (27.05.1905), Иоаким (19.07.1909), Вера (2-х лет к 1913). Жена и дети лютеранского вероисповедания (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46253. П/с 1794. Послужной список на 09.01.1913 г.).

демии, фактически взять в свои руки всю жизнь академии, сведя начальника и комиссара на роль простых формальных исполнителей их указаний...

Утверждение Совета академии, исключаящее из его состава представителей слушателей, было принято фракцией коммунистов как плод “интриг” против слушателей начальника и комиссаров академии. Отношение к Совету определилось как крайне не благожелательное и подозрительное.

Избрав из своей среды ряд комиссий, как то: учебную, хозяйственную и административную, слушатели пытались рядом с начальником и комиссарами создать новые органы академической власти, которые позволяли себе обращаться к служащим академии с теми или другими запросами, требованием тех или других справок без ведома и разрешения комиссаров и начальника, указаниями и замечаниями. Делалось все это авторитетом фракции коммунистов или бюро ее. Создалось двоевластие, начались конфликты между служащими и слушателями; служащие не знали, кого слушать, начали нервничать.

Совет академии принужден был принять меры против намечавшейся дезорганизации академической жизни, издав распоряжение никому не давать никаких справок без ведома начальника и комиссаров и не исполнять распоряжений, не подписанных кем-либо из членов Совета.

В этом распоряжении бюро фракции увидело “бюрократизм” Совета, а с моей стороны, как политического комиссара, “наступление” на права фракции, которыми она фактически должна пользоваться...

В конце февраля между профессором Свечиным и профессором Рейснером возник небольшой инцидент, выразившийся в том, что Свечин попросил Рейснера, затянувшего свою лекцию на второй час, принадлежащий Свечину, — позволить ему, Свечину, начать свою лекцию.

В этом инциденте бюро фракции усмотрело желание военспеца Свечина оскорбить социалиста Рейснера и, собравшись без моего ведома, постановило выразить порицание Свечину, каковое и вывесить от имени бюро фракции в стенах академии, что заставило Свечина прекратить чтение своих лекций.

Инцидент был с большим трудом мною улажен, но ввиду того, что резолюция фракции внесла нервность и раздражение в среду преподавателей и определено помешала нормальному ходу учебных занятий, Совет академии, по моему представлению, издал приказ, в котором категорически воспрещал без ведома начальника и разрешения комиссаров вывешивать в стенах академии какие-либо объявления, постановления, протоколы и т.п....

Особенно же резкое обострение отношений с бюро произошло у меня, и у Совета академии в целом, на почве нашей борьбы с непосещением лекций. С самых первых дней жизни академии мы обратили внимание на крайне неаккуратное посещение слушателями лекций. Я неоднократно поднимал этот вопрос в бюро фракции, приглашая его воздействовать на слушателей по-товарищески и не доводить Совет академии до необходимости применять меры принуждения, но скоро выяснилось, что не только [не] уменьшается общий абсентизм, но сами члены бюро фракции весьма часто манкируют своими обязанностями как учащиеся.

Это заставило Совет академии издать приказ и ряд подтверждений его, который гласил, что посещать лекции — обязанность каждого слушателя, что непо-

сещение повлечет за собой увольнение из академии, а для учета посещаемости предлагалось регистрироваться в особо заводимых регистрационных списках.

В этом бюро фракции опять усмотрело “бюрократизм” и вступило в определенную борьбу против проведения его в жизнь: одни продолжали посещать лекции нерегулярно, другие, приходя, не находили нужным расписываться, третьи, придя в академию и зарегистрировавшись, шли не на лекцию, а сидели в столовой или читальне. Возник целый ряд конфликтов.

Последовательное проведение регистрации вскоре обнаружило, что процент непосещаемости у многих слушателей и особенно среди коммунистов колоссально высок: так, слушатель Мануйлов пропустил до марта 1919 г. 85% лекций и 85% практических занятий, слушатель Зако — 85% лекций, 74% практических занятий, слушатель Васильев — 63% лекций и 74% практических занятий, слушатель Стецкий — 43% лекций и 37% практических занятий.

Ввиду того, что означенные слушатели не только коммунисты, но и члены бюро фракции, что непосещаемость ими лекций начала носить уже демонстративный характер, что их пример деморализующе действовал на остальных слушателей, я заявил им, что академия принуждена принять меры к их увольнению. Но тов. Дзевалтовский¹⁶⁹, которого я информировал о предпринимаемых Советом академии шагах, не разрешил нам привести в исполнение наше постановление.

Бюро фракции, получив об этом сведения, сочло, что настал крайне благоприятный момент для решительного натиска на комиссаров академии, чему также должен был благоприятствовать в глазах бюро фракции переживаемый в это время академией продовольственный кризис, который они поставили как показатель “бездеятельности и неспособности” комиссара Козловского, “отписывающегося бумажками”.

В начале марта бюро фракции, собравшись тайно от комиссаров, приняло постановление о неспособности комиссаров руководить жизнью академии и предложило нам “как коммунистам и честным людям” уйти с постов.

13 марта я и комиссар Козловский передали эту резолюцию бюро вместе с подробным рапортом, обрисовывающим жизнь академии и суть конфликта, тов. Юреневу, который передал обо всем этом тов. Троцкому.

Тов. Троцкий вызвал к себе представителей бюро и имел с ними беседу, содержание которой мне неизвестно, но результаты которой сказались в том, что поведение фракции по отношению комиссаров стало более лояльным.

Вместе с тем тов. Троцкий поручил члену Реввоенсовета Республики тов. Окулову¹⁷⁰ приехать в академию и ознакомиться на месте с создавшимся положением вещей.

Обследование тов. Окулова показало полную необоснованность обвинений, выдвигаемых бюро, после чего инцидент считался исчерпанным, а тов. Окулов сделал бюро соответствующее внушение.

Так был изжит этот первый конфликт слушателей с Советом академии и комиссарами в частности.

---

¹⁶⁹ Имеется в виду главный комиссар военно-учебных заведений И.Л. Дзевалтовский.

¹⁷⁰ Речь идет об А.И. Окулове.

В апреле и мае 1919 года основной курс был группами отправлен для практики на фронт и в академии остался один параллельный курс¹⁷¹.

С отъездом на фронт группы особенно будирующих слушателей основного курса: Сафронова, Стецкого, Мануйлова, Щербакова, Васильева, Урицкого, жизнь академии вошла в нормальную колею, никаких инцидентов и конфликтов между Советом академии и комиссарами, с одной стороны, и слушателями, с другой, не возникало¹⁷².

Правда, два слушателя ходили к начальнику политической части РВСР А.Г. Белобородову, сменившему К.К. Юренева, с просьбой убрать комиссаров и назначить на их места слушателей. Но этот поступок был осужден. В ноябре 1919 г. стали возвращаться с фронтов слушатели основного курса для прохождения старшего курса, и противоборство возобновилось. Личный состав нового младшего курса оказался «выше по теоретической подготовке, как в общеобразовательном плане, так и в военном отношении, более дисциплинирован, но в политическом отношении состоит почти сплошь из коммунистов самого недавнего времени»¹⁷³. По мнению комиссара, младший курс без горлопанов со старшего вел себя прилично, хотя и имел двух-трех своих. В новый учебный год члены фракции попытались сместить начальника академии, известного военного ученого, генштабиста А.Е. Снесарева, заменив его кем-либо из других военспецов — С.Г. Лукирским или, в крайнем случае, С.М. Шейдеманом. Как и прежде, появлялись ходки к высшему советскому военно-политическому руководству, однако результатов такие походы не давали. В связи с озлоблением вследствие дровяного кризиса и обострением квартирного вопроса из-за наплыва слушателей начался новый накат на академическое руководство. На этот раз борьбу повела контрольно-хозяйственная комиссия во главе со слушателем младшего курса бывшим прапорщиком К.К. Лахинским, уже имевшим взыскание¹⁷⁴. Совет академии решил исключить слушателей Лахинского, Г.А. Мануйлова и С.П. Урицкого (племянника знаменитого чекиста М.С. Урицкого), продолжавших плести заговор против руководства и митинговавших. В итоге Лахинский был исключен из академии и из партии¹⁷⁵. Комиссар академии Э.И. Козловский отмечал, что «работать в такой обстановке является совершенно невыносимым и если это и впредь будет продолжаться, то порядок, существующий в академии, как то по административной части, так и [по] учебной, — будет разрушен окончательно и не представится объективной возможности его восстановить»¹⁷⁶.

Точка зрения слушателей была иной. Вот что писал состоявший для поручений при штабе Западного фронта слушатель В.А. Кангелари в РВС фронта 17 июля 1919 г.:

---

¹⁷¹ Параллельный курс, в отличие от основного курса, занятия на котором начались с открытием академии в декабре 1918 г., был открыт только в середине февраля 1919 г. Планировалось принять 150 слушателей.

¹⁷² РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 31. Л. 5–7об.

¹⁷³ Там же. Л. 8.

¹⁷⁴ Как отмечено в документах, Лахинский получил взыскание за грубые действия в отношении гражданки Безель в общежитии академии (Там же. Л. 9).

¹⁷⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 209.

¹⁷⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 31. Л. 15.

«В ноябре [19]18 года, несмотря на то, что увлечение военспецами имело под собой твердую почву, в Москве была открыта академия красного Генштаба. В состав основного курса вошли (в общее число слушателей 180 человек) — 150 коммунистов. Многие с большим трудом оторвались от фронтов, сознавая важность создания красного Генштаба, другие выбыли из строя в качестве временных отчасти инвалидов, но у всех было одно стремление отдать последнее армии. Среди слушателей было немало ответственных работников, снятых с работы, и партия, что нам давала силы и уверенность в себе, ценила академию и возлагала на нее большие надежды — в этом окончательно убедил нас тов. Ленин, бывший в академии перед выпуском и подчеркнувший его отношение и отношение Ц.К. Партии к нам. Тов. Смилга в беседе с бюро фракции Р.К.П. академии тоже отметил важность наличия на фронте “своего” Генштаба и комсостава. Учитывая это, бюро фракции особенно тщательно распределяло публику по фронтам, не считая[сь] часто с их сильным стремлением попасть на определенный фронт. Все товарищи были снабжены самыми строгими аттестациями, и все коммунисты, признавая серьезность момента, стремились поскорее покончить с занятиями и без выражения направились, куда их посылали. Но на фронтах обстоятельства начали складываться не так, как можно было ожидать. То, о чем буду говорить ниже, имеет под собой следующую почву. Бывший главком Вацетис был для академии почему-то мачехой, он повел кампанию против академии в печати (в “Известиях В.Ц.И.К.” [и] в “Военном деле”), заявлял, что из академии если и выйдут “красные”, то во всяком случае не генштабисты и пр., в одном из посещений академии (он был всего лишь раз) он на заседании конференции предложил слушателей по окончании учебного года командировать на фронт в качестве полковых адъютантов, чтобы потом, соблюдая постепенность, их вводить в штабную работу штабов высшего порядка, но этот проект был единодушно отклонен даже профессурой академии (представители слушателей воздержались)¹⁷⁷.

Да и вся обстановка преподавания и постановка дела в академии доказывала, что слушатели — пасынки, а много сил тратили мы, голодные, в холодных помещениях, готовя из себя работников Генштаба. Это не фразы. Много товарищей свалились, не дождавшись окончания»¹⁷⁸.

Советское руководство было осведомлено о том, что в академии Генштаба сложилась нездоровая атмосфера. Об этом сигнализировали и сами слушатели. Удалось обнаружить один из подобных докладов, относящийся к лету 1920 г.:

«В Центральный комитет Российской Коммунистической партии.

Копии товарищу Троцкому и бюро фракции Р.К.П. академии Генштаба¹⁷⁹

В академии Генштаба неблагополучно.

Слушатели почти все члены партии, но коммунистического мало до преступления.

Если в любой части, на курсах, в деловой ячейке какого-либо учреждения имеется комиссар, политрук или ответственный партийный товарищ с влиянием,

¹⁷⁷ Здесь и далее подчеркнуто красным карандашом кем-то из читателей.

¹⁷⁸ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 15–15об.

¹⁷⁹ Резолюция Л.Д. Троцкого: «Т. Склянскому. Необходимы серьезные меры. Надо расследовать и обдумать. Тр[оцкий]».

устанавливается более или менее устойчивая линия поведения, и в первую очередь в партийной среде.

Если через планомерное партийное воспитание, личный пример, тесное взаимное общение, организационное участие в партийно-общественной жизни вырабатывается и укрепляется коммунистическая сознательность, дисциплина, взаимное понимание, язык и общественное мнение, — то порядочность, деловитость и творческая жизнь налицо.

Этого нет в академии ни в партийной, ни в академической жизни.

Путь к оздоровлению через соответствующие мероприятия может быть наметчен из следующих характеристик партийной и академической жизни.

Партийная жизнь. Соответствует общему пестрому составу.

Громадное большинство слушателей можно подразделить на следующие группы:

1. Белохвостые штабные ловкачи с воинственными галифе и шпорами, недалеко ушедшие от старо-профессиональных карьеристов тыла.

2. Военные профессионалы регулярного и партизанского оттенков.

Эти две группы немногочисленны, крайние индивидуалисты, недисциплинированы по природе; большинство коммунистически безграмотны; суждения непосредственны, активно обывательские; у некоторых крайне развитое самомнение, эгоизм, чувствуется презрение, взгляд свысока.

3. Наиболее многочисленная пассивная обывательщина с налетом интеллиген[т]щины, недисциплинирована, разболтана внутренне академической обстановкой при отсутствии коммунистической сознательности и чувства долга; склонна к оппозиции и оживлению в вопросах личного благополучия шкурно-продовольственного и шкурно-учебного; много без боевого опыта; сырой материал, легко поддающийся противоположным влияниям по настроению; с коммунистическим воспитанием, сознательностью — явится дисциплина.

Все три группы совершенно незаинтересованы (серьезно) в создании из академии выдержанной коммунистической военной школы; мысль об использовании военного искусства в интересах коммунизма вообще и строительства Красной армии — слишком от них далека; мечты и проблески идейного характера у третьей группы прививаются не надолго за отсутствием системы воздействия; благополучие и карьеризм преобладают; устранить нетрудно.

4. Небольшая активная группа интеллигентных коммунистов — развита, в части серьезности, деловитости и формально дисциплинирована; пролетарская психика и дисциплина понимается умственно, в нутро не впитана; теоретична, немного высокомерна (аристократия мысли); интересы идейно-партийной и деловой спайки приносятся в жертву борьбе за влияние с 5[-й] группой, есть уважаемые дельцы и коммунистически выдержаны; у некоторых буржуазная игривость и мещанство легко переплетается с политической серьезностью.

5. Небольшая активная рабочая группа, антагонистична к предыдущей; болезненно самолюбивая в вопросах партийного стажа, засилия интеллигенции и спецов, конкуренции в работоспособности; в суждениях революционно непосредственна, демагогична, крайне радикальна; интересы коммунизма понимаются узко, в целом (практическом развитии) — непонятны, отсюда непонимание реальной политики центра, его тактики видимого, кажущегося соглашательства; отсутствие способ-

ности оценки явлений, творческого предвидения согласованно с целым, совместительства теории и практики марксизма; с налетом “самолюбивого-рабочего” индивидуализма, отсюда непримиримость к интеллигенту-коммунисту, видимая радикальность, в действительности консервативная оппозиция истории; честно-революционная и прямая по пролетарской природе. Есть старые уважаемые товарищи, некоторые заражены узко бюрократическим местничеством по стажу.

6. Остальные пассивные одиночки — средние или примыкающие к одной из двух последних групп, пассивные во внутренне-партийных страстях, а в работе по разным мотивам.

Была группа старых партийных работников центра, разъехались; некоторые бюрократически стареющие к живой работе, помоложе — энергичные.

Собрания фракции проходят неполно, недисциплинированно, в большинстве шумно; по рекам времени не деловито и непродуктивно; словесные счеты агитационного характера активных групп с обвинением в неработоспособности или неправильности политической линии; полное отсутствие коммунистической спайки, понимания, языка; выступления отдельных интеллигентствующих лиц с неясными мыслишками в целях саморекламы или предвыборного знакомства. Борьба активных групп, отсутствие пролетарской связи, понимания, какого-либо общественного мнения и серьезных стремлений к самоиспользованию в академии по долгу перед партией или сов[етской] властью, а вообще, по долгу коммуниста, — приводят и к фракционно-партийной и академической пустоте. Редкое участие в общественной жизни Москвы — санитарная очистка, Первомайский субботник, взрывы — не в силу внутренней жизнеспособности фракции, а скорее по необходимости, приличия, спорта и в лучшем случае отвлеченного долга.

Академическая жизнь.

До января проголодь и холод при фронтовой избалованности повлияли на внешнюю дисциплину, способствовали разболтанности; слабая посещаемость лекций при мертвом казенном чтении — популярно-сухо, бессистемно, скомканно и безжизненно; отсутствие живых практических работ, знакомства с материальной частью, чертежами, схемами, исследований опыта Гражданской войны (прикладной части); казенный и слабый “профессорский” состав, совершенно не заинтересованный в лучшей постановке учебного дела, методов преподавания, в выпуске знающих красных генштабистов; отчасти, может, объясняются противопоставлением красного и старого Генштаба, вообще рутинной и противодействием слушателям в целом, ставившим первоначально вопрос о прикладном методе в острой непримиримо-задевающей форме профессуры (яйца учат курицу).

Зачеты. (экзамены) — (по знанию слушателей), отношение к ним преподавателей и слушателей является лучшей аттестацией работоспособности и духа академии.

1. Почти полное отсутствие в большинстве элементарного знания предметов; детский лепет.

2. Массовое открытое школьническое использование шпаргалок, чтение украдкой на зачетах книг, открытая хвальба, что ничего не читал перед зачетом, ничего не знаю, попытаюсь пролезть и т.д., без какого-либо осуждения окружающих, в большинстве даже сочувствующих; обратная оценка преподавателями в зависимости от строгости требований.

3. Насмешки отдельных преподавателей на зачетах — поставить удовлетворительно хотя бы за то, что не возражает, соглашается; явное стремление профессуры отбыть зачеты благополучно без конфликтов со слушателями, вытянуть для приличия и спокойствия возможно больше, если есть хоть слабый намек, что человек все-таки читал.

4. Огульное стремление профильтровать оппозиционную “некультурную” малоподготовленную группу в смысле среднего образования — рабочую часть преподавателей, не обладающую даром языка-пыли, хотя более добросовестную, усидчивую, которая при ином методе преподавания и ином отношении преподавателей за то же время усвоила бы легко и вдвое больше.

5. Толчение воды в ступе активной частью слушателей в сторону прикладного метода, вообще упорядочения учебной системы при антагонизме со стороны профессуры и ввиду отсутствия серьезного сознания во фракции и реальной силы ее представителей в смысле влиятельного голоса в вопросе о педагогическом составе и постановке занятий.

При таком положении красный Генштаб не сможет быть прочным коммунистическим скелетом военной организации Республики и Красной армии, а революция и ее армия просуществует не одно десятилетие.

Комиссар тов. Залежский мало интересовался академией; тов. Козловский слабохарактерный, бледный как коммунист-работник, — способствовали внутреннему разложению. В тов. Пятакове почувствовалась стальная рука, успевшая только реагировать на внешнюю беспорядочность. В академии нужен сильный авторитетный партийный товарищ комиссаром, который мог бы исключительно заняться подробным обследованием, упорядочением и организацией ее как в партийной, так и [в] академической жизни.

Летучая ревизия не даст ничего; нужно пожить, проследить и работать. Начало учебн[ого] года — подходящий момент для реорганизации учебного дела и постановки дисциплины вообще; не менее важным для дальнейшей жизни академии [является] вопрос о новом приеме, принципиальном его составе и проведении набора в жизнь по армиям.

Быть молчаливым участником развала при наличии полной возможности упорядочения, хотя бы соответствующим назначению комиссаром, как коммунист не могу.

С товарищеским приветом К. Подгорецкий, член партии тверской организации (слушатель академии).

16/VI»¹⁸⁰.

Поскольку в разгар Гражданской войны большевистскому руководству было явно не до длительных разбирательств и наведения порядка в академии, к концу войны ситуация во фракции коммунистов Военной академии РККА (переименована 5 августа 1921 г.) практически не изменилась. Антиспецовские настроения всегда находили отклик в среде слушателей. 18 января 1921 г. на собрании ячейки были приняты за основу тезисы о том, что пополнение академии должно быть коммунистическим. 9 апреля 1921 г. орденосеиц, слушатель И.Ф. Федько (впоследствии — командарм 1-го ранга), известный своим неприязненным отношением к спецам, предложил произвести перевыборы бюро ячейки «ввиду

¹⁸⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 67. Л. 37–38об.

его бессилия вести твердую политику борьбы с развивающимся влиянием военных специалистов, как в стенах академии, так и вне ее»¹⁸¹. Бюро было переизбрано. На общем собрании ячейки 16 июня 1921 г. была принята резолюция о необходимости «проводить принципиальную линию в вопросе использования кр[асных] генштабистов через центральные органы, добиваясь всеми мерами и способами захвата в свои руки руководящих жизнью Кр[асной] армии штабов и учреждений»¹⁸². На аналогичном собрании 24 июля было внесено предложение об обеспечении «наиболее продуктивного проведения в жизнь процесса овладения всего аппарата управления Кр[асной] армией на смену старым военспецам, чуждым интересам пролетарской революции»¹⁸³. Также было внесено предложение об обновлении преподавательского состава и замене «заядлых военспецов» генштабистами с опытом Гражданской войны.

Подобное положение вещей и непомерный рост амбиций слушателей вызвали тревогу в ЦК РКП(б), назначившем в академию комиссию в составе А.С. Бубнова, А.Г. Белобородова и И.Г. Сольца для проверки ее деятельности. Комиссия работала в июле–августе 1922 г. По заключению комиссии по проверке ячейки академии в 1922 г. (Бубнов и Белобородов), положение было далеко не блестящим. В академии постоянно возникали трения на почве дробления слушателей на «рабочих», «интеллигентов», «старую партийную братву», «штабс-капитанов» и «красноштанников». Существовали «антиспецовские настроения», «коммунистическое бахвальство», «постоянно вспыхивающее склоничество»¹⁸⁴. Конфликты возникали как из-за различного статуса и мировоззрения бывших офицеров, унтер-офицеров, солдат и рабочих, так и по политическим причинам. Достаточно отметить, что 39 слушателей стояли на «платформе десяти», 10 — на платформе Троцкого, 133 — на платформе рабочей оппозиции¹⁸⁵. 19 мая 1921 г. общее собрание ячейки выступило за то, чтобы академию возглавил партийный товарищ. Летом 1921 г. так и произошло — прежний начальник академии А.Е. Снесарев был заменен М.Н. Тухачевским. Бюро фракции РКП(б) имело и определенные властные полномочия. Например, оно тщательно обсуждало кандидатуры выпускников при назначении их на должности. Решения утверждал начальник академии¹⁸⁶.

Комиссия обратила внимание на карьеризм верхушки фракции при инертности и апатичности рядовой массы. Бюро фракции постоянно вмешивалось в административно-хозяйственную и учебную жизнь академии, причем «это вмешательство укрепляло почву, на которой произрастали антиспецовские настроения и даже теории, коммунистическое бахвальство, местничество, карьеризм, верхоглядство и склоничество, а также множились различные недовольства и конфликты, как между слушателями, с одной стороны, [так] и администрацией и профессурой, с другой»¹⁸⁷. Жизнь академии и без деятельности фракции коммунистов не признавалась удовлетворительной из-за чрезвычайно разнообразного по уровню подготовки состава слушателей, разбухшей численности, отсутствия

---

¹⁸¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 22.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же. Л. 19.

¹⁸⁵ Там же. Л. 22.

¹⁸⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 44. Л. 195.

¹⁸⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 19.

устойчивых планов и программ, наличия «рабочей оппозиции». Деятельность фракции лишь обостряла все противоречия, тем более что даже комиссия отмечала повышенную склоность ее членов. В результате комиссия предложила сократить численность слушателей до 400 человек и комплектовать академию более однородным составом по стажу, развитию, возрасту и состоянию здоровья. Начальником академии должен был быть крупный военспец.

Комиссией Бубнова была проведена чистка академии, в ходе которой из 648 слушателей 348 было отчислено за неблагонадежность или непригодность¹⁸⁸. Парторганизация академии была освобождена от административных функций. Был ликвидирован и так называемый «учком» — учебная комиссия, созданная слушателями при бюро фракции коммунистов и пытавшаяся вмешиваться в учебный процесс. По начавшему зарождаться корпоративизму красных генштабистов, опасному для большевиков, был нанесен мощный удар. Тем не менее держать слушателей академии в русле «генеральной линии» не удалось. В частности, к 1924 г. среди слушателей получили распространение националистические и шовинистические взгляды¹⁸⁹.

Однако фракция коммунистов была далеко не единственным объединением слушателей академии Генерального штаба РККА. В 1919 г. перед выпуском основного курса академии слушатели решили создать особый орган, который бы связывал красных генштабистов, временно откомандировывавшихся на фронты, и служил зародышем красного Генштаба. Так появилось «Бюро информации и связи», или сокращенно «Бюинс». Устав организации был одобрен уже после отъезда слушателей на фронты председателем политотдела РВС Западного фронта И.Т. Смилгой и председателем РВСР Л.Д. Троцким. Наличие утвержденного военно-политическим руководством Советской России устава несколько изменило прежний неформальный характер организации, тем не менее организация существовала фактически на личных связях ее участников. Центром новой организации стал штаб Западного фронта, где при политотделе в сентябре 1919 г. возникло бюро красных генштабистов¹⁹⁰, тогда как в Москве организация еще не была до конца сформирована. Создание «Бюинса» летом 1919 г. поддерживали члены РВС фронта И.В. Сталин, Р.И. Берзин и Б.П. Позерн¹⁹¹.

Сохранилось «Положение о “Бюинсе” при политотделе РВСР». В документе отмечено, что организация создавалась для взаимной информации и координации действий слушателей, научной работы и материальной помощи семьям. В организации могли состоять только члены фракции коммунистов академии Генштаба (другой неформальной организации генштабистов). Сочувствующие и беспартийные принимались лишь при наличии двух рекомендаций от членов партии со стажем до октября 1917 г.¹⁹² Фактически создавался своеобразный закрытый даже для нелояльных слушателей союз красных генштабистов-большевиков и их надежных сторонников. Раз в полгода планировалось проведение съездов организации. При бюро также был образован фонд взаимопомощи.

¹⁸⁸ Академия имени М.В. Фрунзе. С. 59.

¹⁸⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 25.

¹⁹⁰ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 359. Л. 252.

¹⁹¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.

¹⁹² РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 55. Л. 55.

Предполагалось, что «Бюинс» будет связывать академию с фронтом и вдыхать в учебный процесс новую жизнь на основе опыта Гражданской войны¹⁹³. Однако на деле слушатели красной академии стали «качать права», заявлять о том, что их затирают буржуазные спецы, и требовать повышения своего служебного статуса.

Слушатель В.А. Кангелари, например, отмечал, что «военспецы сознательно и бессознательно губят дело, не умеют и не хотят работать, оттирают наших, а наши нужны армии как воздух (это не фразы)... Если нужно будет подтверждение сказанного мною Ильичу (ему доложите, когда получите мой доклад, это важно для Вашего выпуска, нельзя допускать такой возмутительной растраты партийных сил), подтвердят Сталин и другие члены Реввоенсовета»¹⁹⁴.

Ему вторил слушатель Г.А. Мануйлов, который 20 августа 1919 г. писал из Смоленска в «Бюинс» по итогам двух месяцев службы на фронте: «Мой единственный вывод: красному генштабисту нужно помнить, что он единственно может вести Гражданскую войну и ни в коем случае не может класть пальца в рот военспецам, уже осевшим в штабах. Не он должен приспосабливаться к этим господам и созданной ими рутине, а приспособить все к себе и своей молодой чуждой канцелярской рутине революционной выучке, энергии и спорадичности метода действий. Залогом победы красного Генштаба над белым, над предательской бездарностью их может быть только организация и организация. На Западном фронте это уже и сделано»¹⁹⁵. Нередко старых спецов недоучившиеся слушатели красной академии напрямую называли белогвардейцами. Положение их было незавидным. Тот же Мануйлов писал: «Могут ли военспецовские песочницы, проникнутые глубокой пассивностью, действовать смелой наступательной тактикой, могут ли они действительно использовать и штык и пулю, местность и политическую ситуацию, а главное использовать маневрирование. Нет, нет и нет. Советская Республика должна красных генштабистов и рабочих офицеров вооружить всеми заботами, чтобы мы могли самостоятельно работать и вполне отвечать за свои действия. Революцией должны руководить революционеры, а не белогвардейцы...»¹⁹⁶ В этих словах выражались взгляды многих «красных генштабистов».

В кампанию 1920 г. все в точности повторилось. 19 июня 1920 г. бюро фракции РКП(б) академии обратилось в Совет Всероглавлштаба с докладной запиской, в которой говорилось:

«Опыт летней командировки 1919 г. в достаточной мере убедил нас, что в Советской Республике нет органа, который бы ставил себе целью точный¹⁹⁷ учет красных генштабистов и следил за планомерным использованием их сил и знаний в военной практике. Это обстоятельство побудило бюро фракции академии в течение прошедших зимы и весны заниматься разработкой вопроса и искать разрешения его в официальном порядке, путем докладов и ходатайств перед Реввоенсоветом Республики об учреждении бюро информации и связи красных генштабистов на основе устава, так называемого Бюинса (см. приложение пер-

¹⁹³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 18.

¹⁹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁹⁵ Там же. Л. 20.

¹⁹⁶ Там же. Л. 20об.

¹⁹⁷ Здесь и далее подчеркнуто во Всероглавлштабе.

вое). В результате попыток провести в жизнь эту частичную организацию одной категории комсостава Красной армии было установлено, что Р.В.С.Р. стремится объединить, а не разделять старых и новых генштабистов, и кроме того, он высказался принципиально против учреждения параллельного органа в дополнение уже существующему специально для этой цели, т.е. организационному и командному управлениям Всероглавштаба, почему бюро фракции академии нашло необходимым немедленно обратиться к Вам с настоящей докладной запиской.

Находя, что факты командировки 1919 года уже в значительной степени устарели и аннулированы жизнью, мы считаем своим долгом, прежде всего, довести до Вашего сведения новые данные отсутствия организации и целесообразного использования сил красных генштабистов, полученные в настоящее время.

Так, апрельской командировкой 20 т.т.¹⁹⁸ на Западный фронт выяснилось, что:

1. В штазапе¹⁹⁹ не было заранее известно о командировке слушателей и там не знали, зачем они присланы (см. письмо тов. Парма, приложение 2)²⁰⁰.

2. Назначали, не заглядывая в характеристики, не учитывая индивидуальных качеств, а просто арифметически делили по частям в порядке фамильного списка (то же письмо).

3. При назначении не осведомлялись о стаже по специальности Генштаба и роли в Красной армии, а только в строевой службе в старой армии (смотри письмо тов. Львова, приложение 3).

4. В штабах, через которые проходили назначения, не имелось списка вакантных должностей, не получалось и не давалось на этот счет никаких инструкций (см. письмо тов. Диманта, приложение 4) и т.д.

В последующих командировках повторялись те же дефекты организации, но они в значительной степени были ослаблены посылкой слушателей вместе с видными партийными деятелями, напр[имер], с тов. Сталиным или в распоряжение того или другого лица, что, однако, вело в свою очередь к неравномерному распределению между частями и назначению не на должности по Генштабу и прочие.

По имеющимся у нас сведениям, в еще более незавидном положении в этом смысле находятся красные командиры, окончившие командные курсы. Что же касается работников старого Генштаба, то, по тем же сведениям, хотя находятся в относительно лучшем положении в смысле взаимной связи, учета их и распределения по Красной армии, тем не менее работа учетно-распределительного аппарата для них ведется с некоторыми перебоями. Мы далеки от мысли критики работы соответствующих управлений Всероглавштаба, ибо очевидно для нас, что в переживаемый нами переходный период организации и строительства Красной армии, как и других сторон строительства Республики, естественно и неизбежно сопровождаются перебоями и организационными дефектами. Наша задача и долг идти навстречу существующим органам управления Красной армии в деле упорядочения аппаратов управления в пределах наших сил и умения, почему и просим Совет Всероглавштаба вести в состав организационного и командного управления его два-три товарища из слушателей, окончивших старший курс академии

¹⁹⁸ Товарищей.

¹⁹⁹ Штабе Западного фронта.

²⁰⁰ Приложения 2–4 не публикуются.

Генштаба в качестве работников Генштаба. Задачей этих товарищей, по нашему мнению, в первую очередь и должно быть способствование Всероглавштабу в деле налаживания правильного и регулярного учета и целесообразного использования красных генштабистов как молодых работников Генштаба. Эта работа указанными товарищами легче проводима не только ввиду их непосредственной заинтересованности в судьбе красных генштабистов, но и в силу естественной связи с академией и ее фракцией, куда присылаются сведения о слушателях академии, работающих на местах.

Ввиду того, что в ближайшие дни все окончившие старший курс академии предполагаются к отправке на фронт, то наша просьба рассмотреть затронутый в данной докладной записке вопрос по возможности в ближайшем будущем, дабы своевременно выделить необходимое для того количество товарищей»²⁰¹.

Этот документ интересен хотя бы тем, что в нем напрямую говорится о протесте РВСР в вопросе создания «Бюинса», поскольку не в интересах советского руководства и Красной армии было усиливать разрыв между старыми и новыми генштабистами, но тем не менее организация была создана и продолжала свое существование. Для понимания целей и задач этого органа приведем полностью устав «Бюинса», прилагавшийся к помещенной выше докладной записке:

«§ 1. Бюинс имеет задачей поддержку и развитие красного Генерального штаба.

§ 2. В своей деятельности Бюинс оказывает красным генштабистам все возможные виды помощи, как в приобретении военных и общих знаний, так и в прохождении службы и в экстренных случаях, в материальных затруднениях.

§ 3. В этих целях Бюинс: а) производит учет красных генштабистов, следя за усовершенствованием ими своих познаний, успешностью практики, а равно и использованием их как специалистов в Советской Республике; б) ведет переписку с красными генштабистами на местах; в) издает специальный орган, где освещает все интересующие их вопросы, в частности вопрос о выработке основ военной доктрины, в отделе хроники широко информирует красных генштабистов о положении дел в военной жизни в центре и на местах; г) ведет архив сообщений, докладов и работ красных генштабистов и издает заслуживающие того труды их; д) организует перевод важнейших произведений иностранной военной литературы и издательство их; е) заботится о приобретении и доставке на места книг и различных пособий военно-научного и прикладного характера; ж) организует фонд помощи.

§ 4. В организацию, объединяемую Бюинсом, входят все коммунисты — слушатели академии Генштаба и окончившие таковую, кандидаты Р.К.П. и беспартийные могут быть допущены по рекомендации 2-х членов партии, состоящих в ней до октября 1917 года. Военные специалисты и военные деятели, не имеющие академического образования, принимаются по предложению 10 членов и утверждению Бюинсом.

§ 5. На обязанности членов организации лежит: представление периодических докладов о законченных операциях, о всяких тактических и организационных формах, не являющихся трафаретными, о дефектах в организации и оперативной деятельности штабов с указанием желательных мер к их устранению и о всех существенных изменениях и особенностях практики Красной и милиционной армий.

---

²⁰¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 67. Л. 27–27об.

§ 6. Бюинс в первый период избирается на общем собрании фракции в составе 5 членов и 2-х кандидатов, в дальнейшем — общим собранием членов или съездом делегатов организации, которые являются ее высшим органом.

§ 7. Бюинс имеет своих представителей в штабах фронтов, армий и т.д. Все сношения Бюинса с генштабистами на местах ведутся²⁰² через фронтовых представителей.

§ 8. Бюинс является связующим звеном красных генштабистов с Центральным комитетом РКП., с центральными органами военной власти и специальными военно-учебными и учебными учреждениями Республики»²⁰³. Съезды организации планировалось проводить не реже чем каждые полгода²⁰⁴.

И вновь, как и в 1919 г., слушатели академии писали возмущенные письма о том, как плохо их принимали старые генштабисты в штабах.

Такой же орган оповещения красных генштабистов, как на Западном фронте, в 1920 г. слушатели новой академии хотели создать и на Южном²⁰⁵. Интересно, что в июле 1920 г. секретарем «Бюинса» был впоследствии видный военный ученый, а тогда — слушатель академии В.К. Триандафиллов. На основе писем в «Бюинс» составлялись сводки и обзоры положения в штабах и на фронтах. Эти сводки в интересах красных генштабистов доводились до сведения высшего советского военно-политического руководства²⁰⁶. Планировалось силами бюро издавать «Известия красной академии Генштаба».

Соответствующие ячейки, видимо, существовали и в других местах. Например, бюро красных генштабистов войск Тамбовской губернии 26 июля 1921 г. провело свое заседание, на котором обсуждался вопрос созыва конференции генштабистов для подведения итогов борьбы с бандитизмом. Также предполагалось «подвести научный фундамент и сделать соответствующие выводы из опыта борьбы с повстанческими движениями», «научно рассмотреть тактику повстанческих движений» и «наметить организационные формы и задачи будущего красного Генштаба»²⁰⁷. Фактически это свидетельствовало о возникновении нового корпоративизма красных генштабистов.

Укреплению корпоративизма способствовали и некоторые решения сверху. Например, планировалось введение особой формы одежды для генштабистов. Временно исполняющий должность комиссара организационного управления Всероссийского главного штаба 2 сентября 1920 г. запросил Политическое управление РВСР о «желательности оценки проектируемого мероприятия с точки зрения желательности выделения особой, как бы привилегированной группы лиц из общего уровня военнотружущих...»²⁰⁸ Подобные нововведения напрямую вели к росту корпоративного духа генштабистов, выделяли их из общей массы командиров РККА, поэтому необходимо было принять решение о целесообразности намеченных мероприятий. Проект получил одобрение.

---

²⁰² В документе несогласованно — ведется.

²⁰³ РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 67. Л. 28.

²⁰⁴ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 55. Л. 56.

²⁰⁵ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 180.

²⁰⁶ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

²⁰⁷ РГВА. Ф. 7709. Оп. 1. Д. 301. Л. 4.

²⁰⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 68. Л. 16.

В решающий период Гражданской войны особой формы одежды «лица Генерального штаба» не имели. В основном они носили защитное обмундирование без знаков различия. Однако в конце войны особая форма одежды у них появилась. Идея введения такой формы относится ко второй половине 1920 г., когда оставались считанные месяцы до разгрома Русской армии генерала П.Н. Врангеля, ознаменовавшего окончание крупномасштабной Гражданской войны. В это время в организационное управление Всероссийского главного штаба стали поступать предложения с мест о введении соответствующего обмундирования. Предложения аккумулировались и обрабатывались в комитете по выработке форм обмундирования и снаряжения РККА, входившем в состав Всероглаштаба. Кроме того, в августе 1920 г. был поставлен вопрос о создании в РККА знака Генерального штаба. Впрочем, каких-либо документов о таком знаке обнаружить не удалось. Наконец, к началу сентября 1920 г. комитет выработал свой проект новой формы и представил его на утверждение начальнику Всероглаштаба А.А. Самойло²⁰⁹.

По предположению А.Б. Степанова, новая форма, документы о введении которой не сохранились, была утверждена начальником Всероглаштаба в конце августа – начале сентября 1920 г.²¹⁰ Впрочем, в августе 1920 г. эта форма еще никак не могла быть утверждена, так как проект был представлен на утверждение начальника Всероглаштаба только 2 сентября.

Генштабисты РККА получили вместо шинелей светло-зеленые кафтаны или полукафтаны с отложными бархатными воротниками, отворотами и обшлагами, малиновые гимнастерки с черными «разговорами», белые аксельбанты, алые фуражки со звездой и алые с желтым кантом полугалифе. Должностное положение генштабистов обозначалось количеством рядов сутажа на воротнике и обшлагах и его цветом²¹¹.

Новая форма была апофеозом эклектики, сочетая в себе символику старого Генштаба (черный бархат как приборный цвет Генерального штаба, белые аксельбанты), красный цвет, обозначавший новые веяния, и древнерусский покрой одежды, напоминавший одежду стрельцов. Не удивительно, что эта форма с преобладанием старорежимных особенностей в среде «академиков» не прижилась.

Существенные перемены в новую форму были внесены широко известным приказом РВСР № 322 от 31 января 1922 г., внесшим значительные изменения в

---

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ *Степанов А.* Красные генштабисты. 1920–1922 // Старый Цейхгауз. 2010. № 6 (38). С. 57. В этой статье впервые опубликованы цветные изображения униформы генштабистов, в том числе кафтан В.Н. Егорьева, фуражка К.А. Мерещкова и другие предметы обмундирования, а также предпринята успешная попытка реконструировать систему знаков различия военспецов-генштабистов. Также см.: *Степанов А.Б.* Наручные знаки РККА. 1918–1924. М., 2011. С. 35–37, 50–51, 57, 59.

²¹¹ По реконструкции А.Б. Степанова, четыре ряда сутажа золотистого цвета обозначали должность командующего фронтом (четыре ромба), три ряда золотистого цвета — должность командующего армией (три ромба), два золотистого цвета — должность начальника дивизии (два ромба), один золотистого цвета — должность командира бригады (один ромб), четыре ряда серебристого цвета — должность командира полка (четыре квадрата), три серебристого цвета — должность командира батальона (три квадрата) (Там же). Так, на кафтане Егорьева из собрания мемориального музея А.В. Суворова в Санкт-Петербурге — четыре ряда золотистого сутажа. Кроме того, есть данные о том, что серебристый цвет использовался для обозначения красных офицеров, золотистый — для выделения высшего комсостава.

форму одежды всей РККА²¹². Согласно приказу генштабисты получили петлицы черного бархата с красным кантом, красный кант на шаровары, а также эмблемы и шифровки белого (серебристого) металла или шитья²¹³.

Однако уже 10 августа 1922 г. приказом РВСР № 1904 за подписью Л.Д. Троцкого в Красной армии было упразднено само определение «Генеральный штаб». Бывшие генштабисты теперь стали именоваться «лицами с высшим общим военным образованием». Соответственно возник вопрос об отмене особой формы одежды. Но решение вопроса несколько затянулось²¹⁴. В конце концов в связи с устранением категории «лиц Генштаба» как отдельного корпуса комсостава РККА особая форма одежды для них также была отменена приказом РВСР № 2256 от 26 сентября 1922 г. Причем было отмечено, что «этим лицам впредь должна быть присвоена форма одежды той части войск или того штаба, управления и учреждения, в коих они состоят на службе»²¹⁵. Это стало еще одним ударом по корпоративному духу генштабистов Красной армии. Логика большевистского руководства в этом вопросе понять нетрудно — в армии нельзя было допускать распространения неформальных взаимосвязей внутри командного состава, точно так же недопустимо было выделять какую-то группу командиров²¹⁶.

* * *

В антибольшевистском лагере, где во многом сохранялись дореволюционные порядки, существовали и соответствующие организации, объединявшие генштабистов. Так, на Юге России был создан суд чести офицеров Генерального штаба. 10 (23) сентября 1918 г. состоялось собрание офицеров Генерального штаба Добровольческой армии «для принципиального решения вопроса о приеме на службу в Добровольческую армию офицеров Генерального штаба, служивших ранее Украинскому, Советскому и др. правительствам, и о суде чести офицеров Генерального штаба»²¹⁷. На собрании присутствовали 24 офицера Генштаба, в основном из Екатеринодара. Председательствовал старший из присутствовавших генерал-лейтенант А.В. Хростицкий.

В протоколе собрания было отмечено: «Председатель предлагает генерал-квартирмейстеру Добровольческой армии ознакомить офицеров с приказами и распоряжениями начальства, касающимися службы офицеров Генерального штаба в армии.

Генерал-квартирмейстер читает проект приказа армии о суде чести офицеров Генерального штаба. После обмена мнений председатель ставит на голосование:

---

²¹² Подробнее о нововведениях в рамках этого приказа см.: Военная одежда Вооруженных Сил СССР и России (1917–1990-е годы). М., 1999. С. 25–40.

²¹³ Там же. С. 35.

²¹⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 64.

²¹⁵ Там же. Л. 68.

²¹⁶ Лишь 2 мая 1923 г. приказом РВСР № 938 постоянному и переменному составу Военной академии РККА было установлено приборное сукно черного цвета с красной окантовкой, нарукавные знаки различия носились по должностям, которые слушатели занимали до поступления в академию (Степанов А. Красные генштабисты. С. 62). Разумеется, подобное нововведение трудно сравнивать по значимости для корпоративного духа с установлением особой форменной одежды генштабистов.

²¹⁷ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

“Необходимы ли два суда чести офицеров Генерального штаба — один для генералов и других высших начальников, другой — для офицеров, занимающих низшие должности, или же достаточно одного суда”.

Единогласно принимается: “достаточно одного суда”.

Вносится предложение: “увеличить в проекте приказа по армии о суде чести число членов суда — генералов”.

Предложение ставится на голосование.

подавляющим большинством (21 против 3) предложение отвергается.

Вносится предложение: “уменьшить срок полномочий членов суда чести против указанного в проекте приказа до 3-х месяцев”. 16 голосами против восьми принимается: «уменьшить срок полномочий членов суда до 3-х месяцев».

Подполковник Терванд делает заявление: “ввиду того, что председательствуящим, перед тем как ставить вопрос на голосование, не было сделано последнее предложение желающим высказаться, он не имел возможности доложить свое мнение, в котором не согласен с принятым решением уменьшить срок полномочий членов суда до 3-х месяцев и считает, что старые офицеры армии, вынесшие на своих плечах всю тяжесть первых походов, имеют нравственное право судить вновь прибывающих, а потому 6-ти месячный срок полномочий членов не велик”.

Ввиду решения вопроса, председатель отклонил заявление подполковника Терванд[а] как запоздавшее.

Собрание переходит к решению вопроса о приеме в Добровольческую армию офицеров Генерального штаба, служивших Советскому, Украинскому и др. правительствам.

После продолжительного обмена мнений, председатель ставит на голосование следующее положение: “Все офицеры Генерального штаба, находившиеся на службе как у Советского правительства, так и правительств, стремящихся к самостоятельному существованию и полному отделению от России, именно — Грузинского, Украинского и Финляндского, поступают в строй в Добровольческую армию на общих основаниях, принятых для всех вообще офицеров, а затем им предоставляется право судом чести реабилитировать себя. Во время нахождения таких офицеров в строю, они обязаны носить присвоенную части форму.

Офицеры, не служившие ни у одного из вышеуказанных правительств, принимаются в Добровольческую армию и зачисляются в резерв армии офицеров Генерального штаба».

Положение единогласно принимается.

Собрание закрывается в 22 часа 30 минут»²¹⁸.

Однако А.И. Деникин не согласился с этим и наложил на документ резолюцию, суть которой сводилась к тому, что за подобные преступления полагается военно-полевой суд.

В приказе главнокомандующего Добровольческой армией № 9 от 28 сентября (11 октября) 1918 г. необходимость создания суда чести объяснялась тем, что «некоторые офицеры Генерального штаба и офицеры, окончившие ускоренные курсы академии, в период революции оказались не на высоте того высокого положения, которое было им отведено в Русской армии»²¹⁹. В суд чести должны были

²¹⁸ Там же. Л. 1–1об.

²¹⁹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 175.

быть избраны пять членов из числа переведенных в Генштаб не позднее 1917 г. с правами выпуска 1916 г. Таким образом, автоматически отметались выпускники ускоренных курсов 2-й и 3-й очереди. Интересно, что для военных топографов был учрежден отдельный суд чести²²⁰.

Следующим шагом на пути корпоративного объединения генштабистов были выборы в суд чести Генерального штаба. В выборах должны были принять участие все генштабисты, служившие в Добровольческой армии. Для этого случая ко 2 (15) октября 1918 г. был даже составлен специальный список Генштаба, в котором указано 86 человек (в том числе двое вписаны от руки после издания списка)²²¹. Видимо, этот список рассылался выборщикам, поскольку не все знали, кто из вчерашних коллег по службе оказался в Добровольческой армии.

Выборы должны были быть организованы довольно оригинальным способом. Каждый выборщик составлял список из семи фамилий генштабистов, эту записку нужно было запечатать в конверт, на котором следовало надписать: «По выбору членов в суд чести офицеров Генерального штаба»²²². До утра 15 (28) октября 1918 г. необходимо было отправить письмо: в войсках — через начальников штабов дивизий и бригад, а в тылу — непосредственно передать в избирательную комиссию. На общем собрании офицеров Генштаба в Екатеринодаре 15 (28) октября должна была быть выбрана комиссия для вскрытия конвертов и подсчета голосов.

Положение о суде чести офицеров Генштаба удалось обнаружить лишь в приказе главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) № 3401 от 12 (25) июля 1920 г.: «Суд чести офицеров Генерального штаба учреждается для охранения достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания в среде офицеров Генерального штаба и причисленных к этому штабу»²²³. Согласно Положению, суд рассматривал поступки, несовместимые с понятием «о военной чести, служебном достоинстве, нравственности и благородстве», а также занимался разбором ссор, «случающихся в вышеозначенной офицерской среде». Юрисдикции суда чести подлежало расследование обстоятельств оставления генштабистами рядов армии²²⁴.

Правом предания суду обладали начальник штаба главнокомандующего, начальник военного управления и начальник отдела Генерального штаба военного управления. Командиры корпусов или равные им начальники решали вопрос о подсудности дела. Высший начальник не имел права отменить решение нижестоящего о предании суду. Офицеры Генштаба, находившиеся не на должностях Генштаба, подлежали суду чести своей воинской части при условии информирования об этом начальника отдела Генерального штаба военного управления²²⁵. Суд чести состоял из пяти членов, мог оправдать, сделать внушение, удалить со службы или разжаловать в рядовые на определенный срок с переводом в другой корпус. Через такой суд должны были проходить генштабисты, попадавшие к бе-

²²⁰ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 17.

²²¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 178об.–179. Публикацию списка см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 535–538.

²²² РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

²²³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 129об.

²²⁴ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 180. Л. 73об.

²²⁵ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 130.

лым с советской территории. Впрочем, суд чести и его состав вызывал скептические отзывы белых генштабистов. Так, Генштаба полковник А.А. фон Лампе записал в своем дневнике осенью 1920 г.: «Во главе суда чести Генштаба стоит [А.-Э.Г.] Нидермиллер — это может быть только перед концом! Дальше этого идиота идти некуда!»²²⁶ В отношении скорого завершения врангелевской эпопеи такая оценка оказалась справедливой.

На Востоке России попытка объединения генштабистов предпринимало руководство оказавшейся там Военной академии²²⁷. Особо отмечалось, что целью подобного объединения не являлось создание офицерского профсоюза или попытка разращения офицеров (подобные неблагоприятные суждения относительно этих проектов получили распространение в 1918 г.)²²⁸. Например, на Востоке России был разработан проект временного положения о причислении к Генштабу, в котором прямым текстом было сказано, что «мнение корпоративного порядка, данное коренными офицерами Генерального штаба, имеет первенствующее значение, даже в том случае, если оно расходится с мнением ближайшего начальства»²²⁹. Таким образом, корпоративное единство ставилось выше точки зрения начальства, что в принципе было равносильно неподчинению приказам.

Восточный фронт белых породил и другие не менее удивительные документы. К примеру, Генштаба подполковник А.Я. Нарышкин телеграфировал 24 ноября 1918 г. начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «Мною 13 ноября была доложена бывшему главноверху (генералу В.Г. Болдыреву. — *А.Г.*) и Вашему Превосходительству просьба очистить корпус офицеров Генерального штаба от офицеров Генштаба, состоявших на службе у большевиков. Причиной послужило нахождение на должности Генштаба в Ставке офицера, переведенного в Генеральный штаб Троцким, который носит сейчас форму генштабиста и который состоял в штабе большевиков в Екатеринбурге и перешел на нашу сторону только тогда, когда участь боя у Екатеринбурга ясно клонилась в нашу сторону. Свой устный доклад мотивировал Вашему Превосходительству следующим[:] 1) Ввиду того, что в Сибирской армии существует приказ н[оме]р 69 об офицерах, служивших в Красной армии, где указано, что офицеры, даже поступившие из-за куска хлеба в Красную армию, подлежат суровой ответственности, то этот приказ должен [быть] без всяких оговорок применен и к офицерам Генштаба, так как офицеры Генштаба, состоя у большевиков, занимали высокие посты, получали большое содержание и своей службой показывали возможность служить у Ленина и Троцкого [—] заведомых немецких шпионов, что[бы] все офицеры Генштаба знали поэтому, если сурово судят прапорщика, то офицера Генштаба должно судить возможно строже, 2) нахождение таких офицеров в Ставке и высших штабах позорит корпус офицеров Генштаба и мундир Генштаба, 3) мною было высказано пожелание установить теперь же суд чести из офицеров Генштаба, который должен потребовать письменно объяснение от каждого офицера Генштаба о его службе и деятельности за время после заключения Брестского мира и до поступления на службу в противобольшевицкую армию, 4) суд чести должен

²²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 210.

²²⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

²²⁸ Там же. Л. 13.

²²⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 31. Л. 160б.; ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 174.

быть составлен из офицеров, кои после Брестского мира не состояли на службе в военном ведомстве и не получали от правительства Ленина–Троцкого жалованье, 5) приказом наштаверх от 4/10 н[оме]р 2 Главковерхом введены суды чести согласно ранее действовавшим правил во всех частях и учреждениях, 6) Главковерх и Ваше Превосходительство после моего доклада обещали сделать соответствующие распоряжения и принять меры, 7) 23 ноября моим подчиненным была получена телеграмма из Ставки, подписанная Генштаба капитаном Симоновым, переведенным в Генеральный штаб Троцким, 8) ввиду изложенного и считая, что офицеры Генштаба должны и обязаны стремиться [к] очистке корпуса офицеров Генштаба от красноармейцев, дабы не подрывать доверия к себе со стороны строя и честных граждан родины, я вновь обращаюсь к Вашему Превосходительству и прошу гг. офицеров Генштаба поддерживать мой доклад о необходимости введения суда чести офицеров Генштаба на приведенных условиях с обязательным постановлением суда чести о каждом офицере Генштаба в отношении службы в Красной армии и получения содержания от правительства Ленина и Троцкого, дабы офицер Генштаба мог спокойно работать, не считая для себя возможным встречаться по службе с людьми, служившими у немецких шпионов и [которые] распоряжением этих шпионов переведены в русский Генштаб. Челябинск. 24 ноября. Н[оме]р 612/н. Генерального штаба подполковник Нарышкин»²³⁰.

Этот и многие подобные документы наглядно демонстрировали недальновидность и непрактичность белого командования. Достаточно пронизателен был Генштаба генерал-майор Н.Т. Сукин, который отметил, что подобная телеграмма «может вызвать осложнение при ее исполнении»²³¹. По некоторым данным, Нарышкин таким хитрым способом просто сводил счеты со своим старым сослуживцем капитаном А.Л. Симоновым. В результате Симонов был вынужден оправдываться, одиннадцать недель находился под следствием, но в конце концов был реабилитирован.

Определенный корпоративный дух поддерживался и в среде генштабистов, служивших в национальных армиях. Национальные армии во многом также опирались на дореволюционные традиции, разбавленные новыми веяниями, призванными подчеркнуть национальные особенности. Выпускники академии Генштаба здесь продолжали носить академический знак. Основываясь во многом на опыте русской армии, генштабисты возникших национальных армий пытались устанавливать новые служебные принципы и традиции, которые бы отражали соответствующую национальную специфику и подчеркивали новый корпоративизм генштабистов с национальным оттенком. Нередко это касалось лишь внешней стороны — униформы и знаков отличия.

В украинских и польских войсках существовала особая форма одежды для офицеров Генерального штаба. Мундир украинского офицера-генштабиста известен как по фотографиям, так и по серии цветных рисунков, выполненных сотником армии Украинской народной республики (УНР) Н. Битинским в эмиграции в Праге во второй половине 1930-х гг. Как и в Российской империи, приборным цветом Генерального штаба оставался черный, к которому добавлялся

²³⁰ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 138. Л. 5–7.

²³¹ Там же. Л. 4.

белый кант²³². Приборный цвет имели околыши фуражек генштабистов (цветные околыши введены 30 июня 1919 г.), а также украинские государственные гербы — трезубцы, нашивавшиеся на левые рукава мундиров выше локтя (введены 30 июля 1919 г.). Судя по изображениям, украинские генштабисты также могли носить аксельбант, служивший одним из отличительных знаков представителей этой корпорации в дореволюционной России.

Знаки различия украинских офицеров постоянно менялись. Украинским генштабистам были первоначально присвоены нарукавные знаки различия, введенные в армии УНР 24 апреля 1919 г. («чехлы» треугольной формы и прикладного цвета, а также обозначения воинских званий из желтой тесьмы разной ширины). 30 июня 1919 г. был издан еще один приказ, значительно усложнивший систему знаков различия. Неудивительно, что эти варианты из-за своей сложности в основном остались на бумаге. Наконец, 30 июля вместо прежних были введены знаки различия на клапанах воротников, оказавшиеся значительно проще в изготовлении. На левом клапане — по званиям, на правом — по родам войск. Генштабисты тогда получили черные клапаны с изображением желтого дубового листа²³³.

Генштабисты удостоились и специального приказа военного министра УНР № 198 по униформе, изданного 15 сентября 1919 г. и в основном закрепившего прежние нововведения. Приказ предписывал носить черные бархатные околыши и черные бархатные трезубцы на рукавах с выпушками по цвету рода войск — тремя на фуражке и одной на нарукавном знаке²³⁴. Наконец, 30 марта 1920 г. были введены новые знаки различия — теперь уже левый и правый клапаны друг от друга не отличались²³⁵.

В украинских формированиях планировалось даже введение особого нагрудного знака с трезубцем для офицеров-генштабистов, который должен был заменить знак российской академии Генштаба, и особого почетного мундира²³⁶. Проектные документы о почетном мундире и особом нагрудном знаке украинских генштабистов относятся к 1920 г. К сожалению, точная дата создания этих проектов не указана, однако ее можно примерно установить по косвенным данным. В частности, под каждым из документов стоит подпись начальника организационного управления украинского ГУГШ полковника Виктора Максимовича Куца. Эту должность Куц занимал с 19 марта по 7 июля 1920 г., после чего занял пост 1-го генерал-квартирмейстера²³⁷. Следовательно, проект мог быть подготовлен только в этот период. Вполне возможно, он был связан со стремлением укрепить авторитет украинской военной элиты в связи с заключением в конце апреля 1920 г. польско-украинского военного союза.

²³² Тинченко Я. Армии Украины 1917–1920. М., 2002. С. 66.

²³³ Цветное изображение см.: Там же. С. 135.

²³⁴ Там же. С. 70. Цвет прикладного сукна штабов и управлений на выпушках был малиновый с белым кантом.

²³⁵ Изображение этих знаков см.: Там же. С. 128.

²³⁶ Подробнее см.: Ганин А. Проект почетного мундира и нагрудного знака украинского Генерального штаба // Старый Цейхгауз. 2011. № 2–3 (40–41). С. 104–107.

²³⁷ Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). К., 2007. Кн. 1. С. 235.

В Положении о награждении почетным мундиром Генерального штаба отмечалось: «1. Почетным мундиром Генерального штаба могут быть награждены офицеры <и другие лица>, которые наиболее ответственной работой в рядах армии оказали перед Отечеством огромные заслуги.

2. Мундир состоит из общей униформы офицеров Генерального штаба, но без ученого (академического) нагрудного знака <но вместо нагрудного знака, который имеют право носить офицеры, которые окончили российскую академию Генерального штаба (Военную академию), при почетном мундире носится особый нагрудный знак. Знак этот состоит из золотого государственного герба, обведенного лавровым венком, который располагается на голубом эмалевом овале и носится на том же месте, что и знак российской академии>.

3. Представления к награждению мундиром вносятся соответствующими начальниками на имя начальника Генерального штаба и должны содержать подробное описание заслуг лица, которое представляется к награждению.

4. Начальник Генерального штаба, получив прошение о награждении, назначает Совет офицеров Генерального штаба, на рассмотрение которого и направляет поступившее прошение.

5. На означенный Совет должны быть созваны не менее 9 <8> офицеров Генерального штаба, занимающих в армии высшие должности.

6. Председательствует на Совете старший по званию.

7. Вопрос о награждении после обсуждения решается закрытым голосованием.

8. Для присуждения награды необходимо большинство в две трети голосов <причем дробь считается как целый>.

9. В случае присуждения награды начальник Генерального штаба входит с представлением к п[ану] главному атаману об утверждении награждения.

10. О награждении сообщается в приказе армии У.Н.Р. <в приказе Головной команды армии>.

11. В случае, если Совет откажет в награждении почетным мундиром, начальник Генерального штаба уведомляет об этом того начальника, от которого поступило прошение о награждении.

12. Никаких жалоб на отказ в награждении не допускается.

13. Новое представление к награждению лица, которому было уже в этом отказано, может поступить на рассмотрение Совета не ранее года после отказа»²³⁸.

Насколько можно понять из документов, единственное отличие почетного мундира Генштаба от обычного заключалось в особом нагрудном знаке с украинской символикой. Сохранилось и описание знака:

«1. Знак состоит из золотого государственного герба в серебряном лавровом венке.

2. Герб и венок помещаются на голубом эмалевом овале, который имеет размер нагрудного знака российской академии Генерального штаба.

3. Внешние концы герба накладываются на ветки венка.

4. Носится знак на правой стороне на условиях, общих для знаков высших учебных заведений»²³⁹.

²³⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 127. В угловых скобках приведен текст другой редакции документа (Там же. Л. 123–123об.). Во всех публикуемых документах перевод с украинского языка наш.

²³⁹ Там же. Л. 125.

Как уже можно понять, за основу был взят академический знак Николаевской военной академии, однако имперский двуглавый орел на нем был заменен украинским трезубцем на голубом фоне. Сохранился цветной карандашный рисунок этого знака²⁴⁰. Можно предположить, что в перспективе, после открытия украинской академии Генерального штаба, этот проект мог быть взят за основу украинского академического знака. Во всяком случае, аналогичные примеры использования знака Николаевской военной академии как основы для знаков национальных военных академий имели место и в Польше (знак Высшей военной школы²⁴¹), и в Прибалтике (Латвия, Эстония).

Но, по всей видимости, проект так и не был реализован. Известно лишь две фотографии с похожим знаком, но на левой стороне груди, причем у лиц, не имевших военно-академического образования. Также немаловажно то, что обнаруженные документы сохранились в нескольких вариантах и не были утверждены головным атаманом войск УНР С.В. Петлюрой, хотя на некоторых из них для этого была предусмотрена соответствующая графа.

В армии УНР при ГУГШ был учрежден суд чести корпуса офицеров Генерального штаба. В его состав входили председатель в чине генерала и пять членов, один из которых должен был быть генералом или полковником. Председатель и члены суда в генеральских чинах должны были постоянно служить в Киеве²⁴².

Интересно, что в спорных вопросах национальные генштабисты апеллировали к корпоративным традициям, восходившим ко временам единого Генерального штаба Российской империи. Так, например, при задержке своего производства в очередной чин сотник Ю.В. Скорняков в декабре 1922 г. писал начальнику украинского Генштаба генералу В.М. Куцу со ссылкой на традиции офицеров Генерального штаба, что если офицера обходят по службе, то он имеет право знать причину, по которой его считают неспособным²⁴³.

Свое продолжение генштабовский корпоративизм антибольшевистских сил нашел в эмигрантских объединениях генштабистов и проявил себя уже с первых лет эмиграции. Однако это сюжет для отдельного очерка.

* * *

Корпоративизм слушателей и выпускников Николаевской академии Генерального штаба и Военной академии РККА имел как общие черты, так и существенные различия. До революции он распространялся лишь на экономическую взаимопомощь и поддержку, а также вопросы престижа генштабистов. В этом отношении определенная преемственность с дореволюционных времен прослеживается в белом лагере. В то же время с 1917 г. корпоративизм генштабистов наряду с продолжавшим сохранять свое значение экономическим характером некоторых организаций начал стремительно политизироваться. Генштабисты вступили в активную борьбу за свои права и привилегии, в борьбу за влияние на государственную

---

²⁴⁰ Там же. Л. 124.

²⁴¹ Подробнее см.: *Moś W.B., Soszyński W. Polskie Szkolnictwo Wojskowe 1908–1939. Odznaki — Emblematy — Dokumenty.* Kraków, 2007. S. 14–16.

²⁴² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 114–114об.

²⁴³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 168. Л. 134об.

власть. Впрочем, значимой силы военная элита без поддержки солдатских масс не представляла. К тому же события 1917–1922 гг. ярко продемонстрировали отсутствие единства и глубокий раскол внутри самой корпорации генштабистов. Тогда корпорация раскололась по идеологическому (между красными, белыми и националистами) и, в меньшей степени, поколенческому (выпускники академии до Первой мировой войны и выпускники ускоренных курсов) признакам.

В Советской России корпоративизм старых генштабистов носил неорганизованный характер и сохранялся лишь в самоидентификации военспецов как генштабистов. Его пережитки проявлялись в делопроизводстве в форме сохранения прежней иерархии генштабистов, когда бывшие офицеры указывались с прежними чинами, либо в форме указания на год выпуска из академии. На первый план в советских условиях вышли более крикливые и беспринципные молодые генштабисты — выпускники ускоренных курсов, прежде всего 1917 г. Впрочем, репрессии весны–лета 1919 г. нанесли серьезный удар по лидерам неформального объединения курсовиков и существенно умерили их пыл.

В это время на авансцену генштабовского корпоративизма вышли еще более наглые и беспринципные слушатели красной академии, вообразившие себя новой элитой Красной армии и претендовавшие на занятие в ней высоких постов, несмотря на незавершенность своего образования. Члены большевистской партии с длительным стажем, обладавшие немалыми связями в «сферах», они угрожали дисциплине и порядку в РККА. Однако высшее советское военно-политическое руководство оказалось достаточно проницательным, чтобы заставить эту необузданную молодежь держаться в установленных рамках. Стоит отметить, что сделать это удалось не сразу, а только в 1922 г., лишь через несколько лет после первых тревожных сигналов от комиссаров академии.

В Советской России в годы Гражданской войны функционировали, таким образом, сразу четыре организации генштабистов — организация старых генштабистов, организация выпуска ускоренных курсов 1917 г. (2-й очереди), организация красных генштабистов и фракция коммунистов академии. Кроме того, существовал, но не сыграл сколько-нибудь значимой общественно-политической роли комитет слушателей 3-й очереди. Эта картина не вяжется с существующими стереотипами изображения Советской России как территории, где беспощадно и в самом зародыше подавлялись любые формы самоорганизации граждан.

Фактически организации были лишь средством, видимым проявлением наличия в среде советской военной и военно-политической элиты непримиримых враждующих группировок, каждая из которых боролась за место в военной иерархии и за возможность влиять на принятие важнейших решений. Несмотря на сложившуюся в Советской России однопартийную диктатуру, такого многообразия профессиональных генштабовских объединений антибольшевистский лагерь просто не знал.

Вполне можно допустить, что за проявлявшими наибольшую общественную активность группировками молодых генштабистов стояли какие-то более значимые силы или лица. Например, организация «Бюинса» настойчиво продвигалась в 1919 г. штабом Западного фронта, членом РВС которого был И.В. Сталин. Выпускники ускоренных курсов 2-й очереди были тесно связаны с главкомом И.И. Вацетисом и его окружением, а через него и с Л.Д. Троцким. Свои покров-

вители, видимо, имелись и у фракции коммунистов академии Генштаба. К сожалению, выявленные документы пока не позволяют выйти на такой уровень осмысления борьбы группировок в военно-политической элите Советской России. Возможно, дальнейшие изыскания установят эти взаимосвязи.

Впрочем, успеха в своей борьбе не добились ни одна из организаций генштабистов. Организация выпуска ускоренных курсов 1917 г. получила серьезный удар в 1919 г., когда были арестованы ее лидер Г.И. Теодори, а также другие наиболее активные в общественной жизни выпускники. В самом конце Гражданской войны большевистское руководство нанесло второй мощный удар по нарождавшемуся новому революционному корпоративизму красных генштабистов, а также решило не углублять внешний (в виде особой униформы и приставки «Генерального штаба») и внутренний корпоративизм генштабистов, упразднив отдельное наименование Генерального штаба. Генштабисты, осмелившиеся связаться в политические игры с большевистским партийным руководством, не осознавали своего места и роли в Красной армии и в Советской России. В результате им довольно жестко было указано на это место.

Л.Д. Троцкий и другие большевистские лидеры прекрасно понимали, что не в интересах большевистского режима насаждать привилегированную кастовость и корпоративный дух генштабистов, ибо подобный корпоративизм мог быть чреват возможным развитием событий в Советской России по бонапартистскому сценарию.

В результате Гражданской войны корпорация генштабистов утратила все свои прежние позиции в элите страны. Если до 1917 г. генштабисты оказывали прямое влияние на принятие важнейших военных и политических решений, то в Советской России они оказались в положении бессловесных технических исполнителей указаний партийного начальства. Очень точно это выразил В.В. Шульгин: «Разве все русское офицерство было в рядах белых? Разве мало его было в рядах Красной армии? Одних офицеров Генерального штаба чуть ли не половина осталась у большевиков. А сколько там было рядового офицерства, никто не знает, но много. Однако никому не приходит в голову говорить, что коммунистической партией руководили офицеры; и, наоборот, все говорят уверенно, что Белое движение велось офицерством. Почему? Да потому, что в Красном стане русское офицерство было на роли “быдла”, а в Белом — оно было “первенствующим сословием”»²⁴⁴. Реальное место генштабистов видно из простого факта, что в Советской России любого из них от младшего штабного работника до главнокомандующего можно было без суда и следствия отправить за решетку или расстрелять, что было немыслимо до революции²⁴⁵.

Если перечислить вождей Белого движения, то единственным из них, кто не принадлежал к старому Генеральному штабу, был адмирал А.В. Колчак. Остальные командующие крупнейшими белыми фронтами (А.И. Деникин, П.Н. Врангель, Е.К. Миллер, Н.Н. Юденич, В.Г. Болдырев, Н.А. Галкин) были генштабистами или обучались в академии Генерального штаба. Фактически старый Гене-

²⁴⁴ Шульгин В.В. «Что НАМ в НИХ не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 123.

²⁴⁵ Утверждения отдельных авторов о том, что генштабисты в Красной армии якобы восстановили свой дореволюционный статус (Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. СПб., 2011. С. 423), не могут восприниматься иначе как полная нелепость.

ральный штаб стоял во главе Белого движения. В этом смысле Гражданская война может восприниматься и как борьба старых генштабистов за свою ведущую роль в новой России, какой бы она ни была. Эту борьбу старый Генеральный штаб безоговорочно проиграл. Выиграла же в той борьбе лишь большевистская верхушка, которая смогла использовать генштабистов различных категорий в интересах укрепления собственной власти.

Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба. 1901–1914 гг.*

В период Гражданской войны исход боев нередко напрямую зависел от личных качеств командира, его профессиональных навыков и опыта, что, в первую очередь, касалось офицеров Генерального штаба, отвечавших за планирование боевых операций, и потому всесторонний анализ дореволюционного прошлого этих представителей русской военной элиты приближает нас к пониманию особенностей самой Гражданской войны. Без учета противоречий, существовавших в среде генштабистов до 1917 г., без учета уровня подготовки офицеров Генштаба невозможно понять ни причины раскола, произошедшего в их среде в 1917 г., ни особенности военного строительства антибольшевистских формирований и РККА в годы Гражданской войны.

Именно поэтому особый интерес представляет изучение «академического» периода жизни будущих лидеров противоборствующих лагерей: белого и красного. За годы обучения в Николаевской академии Генерального штаба (с 4 августа 1909 г. — Императорская Николаевская военная академия) выявлялись способности слушателей академии, их склонность к тем или иным предметам, особенности характера. В период обучения формировались взгляды будущих генштабистов, их взаимоотношения. От результатов, полученных в академии, в жизни слушателей зависело очень многое. Чем выше был средний балл выпускника, тем больше у него было шансов быть причисленным к Генеральному штабу, получить хорошую вакансию и следующий чин, сравнительно быстро сделать удачную карьеру.

Влияние академической успеваемости на карьеру генштабиста видно в нижеследующем документе. Подполковник В.Д. Косьмин, окончивший академию в 1911 г., писал в июле 1916 г. в Ставку: «Очень часто, и мне приходится это слышать, меня принимают за не соответствующего, очень часто задают вопрос, почему, несмотря на то, что я штаб-офицер, тем не менее, занимаю обер-офицерскую должность; и мне приходится каждый раз повествовать о первоначальном крахе при выпуске из академии, крахе, в котором я был виновен менее всего, но очень часто, видимо, этому даже не верят. Все эти разговоры в общем дурно отражаются на настроении... Промахи в академии ошутительно сказываются до сих пор, и я позволяю себе надеяться, что Ваше Превосходительство

---

* Впервые опубликовано: Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. 1. С. 152–196. В настоящем издании публикуется в переработанном и дополненном виде.

найдете возможным их забыть за два года войны, из коих один в службе Генерального штаба, причем и ранен я был в должности офицера Генерального штаба, производя разведку»²⁴⁶.

Баллы, полученные слушателями по различным предметам, несмотря на их определенную субъективность, представляют значительный интерес для историков, позволяя в какой-то мере оценить потенциал того или иного офицера, его сильные и слабые стороны в разных отраслях военного дела, сделать выводы об особенностях его мышления и характера. Интересны сравнения результатов академических испытаний офицеров-сокурсников, прославившихся впоследствии как в рядах антибольшевистского движения, так и в Красной армии. К сожалению, документы об успеваемости слушателей академии начала XX в. сохранились до наших дней лишь фрагментарно и притом крайне разрозненно, что обусловило неполноту этих сведений в нашей работе. При интерпретации академических баллов следует учитывать, что даже в таком элитном военно-учебном заведении, как Николаевская академия Генерального штаба, оценки не всегда отражали истинные способности слушателей. Выводы можно уточнить с помощью личностных характеристик офицеров, дававшихся преподавателями академии и частично сохранившихся в ее делопроизводстве, а также воспоминаний их сокурсников. Особенно, на наш взгляд, показательны такие исследования на примере замкнутых групп. В данном случае это генштабисты, ставшие впоследствии вождями антибольшевистского движения оренбургского казачества.

Такого рода исследований на основе материалов Николаевской академии Генерального штаба ни в отечественной, ни в зарубежной историографии до сих пор не предпринималось. Вызвано это, на наш взгляд, существующим в историографии неоправданным разрывом между взаимосвязанными событиями до и после 1917 г., достаточно часто воспринимаемыми исследователями как две различные области изучения. В частности, в нескольких фундаментальных научных трудах последних лет, затрагивающих проблемы офицерского корпуса периода Гражданской войны, проблема подготовки офицерских кадров ограничена лишь рамками этой войны, хотя очевидно, что основная масса старших и высших офицеров прошла подготовку до 1917 г.²⁴⁷ Сам учебный процесс в академии исторической наукой пока изучен крайне поверхностно²⁴⁸. В этой статье мы и попытаемся, в какой-то мере, восполнить существующий пробел.

Корпус офицеров Генерального штаба как особая замкнутая корпорация внутри русского офицерского корпуса окончательно оформился в 90-е гг. XIX в.²⁴⁹

²⁴⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1334. Л. 48об.–49.

²⁴⁷ Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001. С. 65–94; Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997. С. 177–181.

²⁴⁸ В единственном на данный момент в отечественной историографии специальном исследовании развития высшего военного образования Российской империи изучению учебного процесса в академии уделено лишь восемь страниц: Машкин Н.А. Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX века. М., 1997. С. 225–232. Авторы других монографических исследований вообще не уделяют внимания этому вопросу. См., напр.: Камнев А. Военная школа России (уроки истории и стратегии развития). М., 1999; Лушников А.М. Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль, 1996.

²⁴⁹ Mayzel M. Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979. P. 13.

К началу XX в. престиж офицера Генерального штаба значительно возрос. Офицеры Генштаба, представляя элиту русской армии, были кандидатами на высшие командные и штабные должности. Поэтому строевые офицеры к генштабистам относились плохо и, завидуя их быстрому карьерному росту, придумали для них презрительную кличку — «момент»²⁵⁰. Генштабисты платили строевикам той же монетой и сами свысока смотрели на тех, кто не учился в Николаевской академии Генерального штаба, считая их неудачниками или просто людьми, не сведущими в военной науке.

Взаимоотношения между самими офицерами Генштаба — сюжет для отдельного исследования. Здесь были свои противоречия, обусловленные различиями в происхождении офицеров, их принадлежности к гвардейским или армейским частям. Вместе с тем в академические годы однокурсники образовывали своеобразные землячества и группировались по военным округам²⁵¹. Многие офицеры после окончания академии поддерживали дружеские взаимоотношения и следили за продвижением своих бывших однокашников по службе. Более того, бывшим слушателям академии по характеру их работы в военных округах приходилось находиться в постоянном контакте друг с другом, вращаться как бы в своем, закрытом для посторонних, сообществе. Порой именно конфликты внутри этого сообщества или же служебные неудачи становились основной причиной перехода генштабистов на службу советской власти.

Годы учебы были серьезным испытанием для слушателей академии, учебный курс которой был достаточно труден, а программа, по мнению многих выпускников, перегружена²⁵². Однако это, на наш взгляд, являлось оправданным, ведь от полученных слушателями навыков зависели жизни людей и исход боевых действий. Для того чтобы попасть в академию, в начале XX в. офицеру необходимо было прослужить в строю не менее трех лет и принять участие как минимум в двух лагерных сборах²⁵³. Общее число слушателей академии составляло 314 человек²⁵⁴. Поступление в академию проходило в два этапа: сначала письменные экзамены при штабах военных округов (тактика, политическая история, география, русский язык, верховая езда), а затем уже устные вступительные испытания непосредственно при академии в Петербурге (строевые уставы, артиллерия, фортификация, математика (арифметика, начальная алгебра, геометрия, прямолинейная тригонометрия), военная администрация, политическая история, география, топографическое черчение, русский и иностранные языки). На подготовку и сдачу вступительных экзаменов у офицеров,

---

²⁵⁰ Это выражение некоторые авторы связывают с частым употреблением генштабистами таких фраз, как «момент для атаки», «поймать момент» и т.п. (*Дрейер В.Н., фон.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 56; *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 118). Однако нельзя исключать и игры слов, характеризующей быстрое продвижение офицеров Генштаба по службе.

²⁵¹ *Грулев М.* Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 140.

²⁵² *Гурко Д.И.* Воспоминания генерала // Гершельман Ф.К., Гурко Д.И. Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. М., 2002. С. 256; *Деникин А.И.* Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 116.

²⁵³ *Дружинин К.И.* Императорская Николаевская военная академия // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. X. С. 601.

²⁵⁴ Там же; *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 181.

как правило, уходил год напряженного труда²⁵⁵. Причем процент отсева поступающих, даже на этапе предварительных испытаний, был довольно велик (см. табл. 1).

Таблица 1. Итоги предварительных испытаний поступающих в Военную академию по военным округам (1909–1910 гг.)²⁵⁶

Военный округ	Всего держало		Не выдержало		Выдержало		% выдержавших	
	1909	1910	1909	1910	1909	1910	1909	1910
Петербургский	96	101	41	44	55	57	57	56
Варшавский	48	75	22	32	26	43	54	57
Московский	43	49	21	25	22	24	51	49
Омский	3	4	3	3	0	1	0	25
Киевский	66	79	41	43	25	36	38	46
Виленский	51	52	25	33	26	19	51	37
Казанский	9	10	9	10	0	0	0	0
Одесский	43	37	22	28	21	9	49	24
Туркестанский	10	13	7	12	3	1	30	8
Кавказский	46	39	22	16	24	23	52	59
Иркутский	10	19	3	10	7	9	70	47
Приамурский	24	27	13	20	11	7	46	26
Всего:	449	505	229	276	220	229	49	45

Основной курс обучения в академии был разделен на два годичных класса (младший и старший) и состоял как из теоретических, так и из практических занятий. Главными предметами являлись тактика, стратегия, военная администрация, военная история, военная статистика, геодезия; вспомогательными — русский язык, сведения по части артиллерийской и инженерной, политическая история, иностранные языки. Что касается иностранных языков, то изучение как минимум одного из них являлось обязательным, два других языка можно было изучать по желанию. Преподаватели академии обладали достаточной квалификацией, а, кроме того, некоторые из них совмещали преподавание с работой на должностях делопроизводителей и помощников делопроизводителей Главного управления Генерального штаба²⁵⁷. В рассматриваемый период во главе академии стояли: В.Г. Глазов (1901–1904), Н.П. Михневич (1904–1907), Д.Г. Щербачев (1907–1913) и Н.Н. Янушкевич (1913–1914).

²⁵⁵ Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 16–17.

²⁵⁶ Наш расчет по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397.

²⁵⁷ Данные выявлены по изданию: Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии по 1-е Января 1908 г. СПб., 1908.

Обучение в академии одного офицера обходилось государству в 40 тысяч руб.²⁵⁸ Оценки за сдачу предметов выставлялись по двенадцатибалльной шкале: отлично — 12 баллов, весьма хорошо — 10–11 баллов, хорошо — 8–9 баллов, удовлетворительно — 6–7 баллов, посредственно — 4–5 баллов, слабо — 1–3 балла. Летом слушатели участвовали в съемках и практических занятиях по тактике. Офицеры, получившие по окончании старшего класса в среднем не менее 10 баллов и не имевшие неудовлетворительных оценок, считались окончившими курс по 1-му разряду и зачислялись на дополнительный курс. Те, кто получил менее 10 баллов, считались окончившими академию по 2-му разряду и отчислялись в свои части. Такие офицеры, «не попавшие в Генеральный штаб, быть может, благодаря только нехватке какой-нибудь маленькой дроби в выпускном балле, возвращались в строй с подавленной психикой, с печатью неудачника в глазах строевых офицеров и с совершенно туманными перспективами будущего»²⁵⁹.

С 1869 г. для совершенствования практических навыков будущих генштабистов был учрежден дополнительный курс, который первоначально длился шесть месяцев²⁶⁰. В 1909 г. его продолжительность была увеличена до девяти месяцев. До 1897 г. к Генеральному штабу причисляли всех офицеров, окончивших дополнительный курс, и лишь позднее стали отбирать лучших. На дополнительном курсе слушатели самостоятельно разрабатывали три темы: по военной истории, по военному искусству и по стратегии. Выпускники, имевшие самые высокие баллы в выпуске, награждались медалями: золотой; большой и малой серебряными, а имена лучших офицеров выпуска заносились на почетные доски. Свои коррективы в академический курс внесла и Русско-японская война, однако новое вводилось и приживалось крайне медленно. В частности, решительный пересмотр учебных курсов произошел лишь в 1910 г.²⁶¹ Но даже несмотря на это, Николаевскую академию Генерального штаба без преувеличения можно считать элитным военно-учебным заведением, слушатели которого не только получали основательную военно-теоретическую и практическую подготовку, но и приобрели достаточно широкий кругозор.

Между слушателями академии существовала острая конкуренция, связанная с рейтинговой системой оценок при выпуске. Отбор кандидатов в Генеральный штаб был многоступенчатым и практически исключал доступ туда случайных людей. Достаточно отметить, что в процессе обучения от академии в начале XX в. отчислялось не менее 40% зачисленных в младший класс офицеров²⁶². В то же время успех или неудача в академии много значили в карьере и жизни офицера, предопределяли всю его дальнейшую службу, круто меняли его характер, жизненные установки. Как писал генерал А.И. Деникин: «Для непривилегированного офицерства иначе как через узкие ворота “Генерального штаба” выйти на широкую дорогу военной карьеры в мирное время было почти невозможно»²⁶³.

---

²⁵⁸ Дервянко И.В. Мозг армии (Корпус офицеров Генерального штаба к началу XX столетия) // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 79.

²⁵⁹ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 118.

²⁶⁰ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 287.

²⁶¹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 130.

²⁶² Машкин Н.А. Высшая военная школа. С. 180.

²⁶³ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 61.

По окончании дополнительного курса академии выпускники распределялись по военным округам для прохождения штабного ценза, причем первые десять офицеров в выпуске имели право назначения на вакансии в Петербургском военном округе. За каждый год обучения выпускники должны были прослужить полтора года в военном ведомстве²⁶⁴.

К сожалению, генштабистов после выпуска из академии не всегда использовали по назначению, в соответствии с полученной ими серьезной подготовкой. В.Н. фон Дрейер с возмущением вспоминал об этом: «Служба в штабе, особенно в мобилизационном отделе, куда меня назначили, была совершенно мне не по душе. Стоило учиться в академии, чтобы с 10 час. утра до 4 дня ежедневно считать какие-то телеги, лошадей, запасных солдат, которые, к такому-то часу, из такого-то уезда, волости и деревни должны были прибыть на сборные пункты. И затем вносить в журнал входящие и исходящие бумаги; — это мог делать любой чиновник, или “краснокожий”, без специального образования. И я только и мечтал, чтобы при случае перевестись в штаб корпуса или дивизии для более интересной полевой службы»²⁶⁵.

Практически все выпускники академии, являвшиеся по своему происхождению оренбургскими казаками, в годы Гражданской войны приняли активное участие в борьбе с большевиками на различных командных должностях. Категория вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества, на наш взгляд, несколько шире: в нее попадают и армейские (неказачьи) офицеры — выпускники академии, занимавшие ответственные посты в Оренбургском казачьем войске, Юго-Западной, Отдельной Оренбургской, Южной и Оренбургской армиях. Из руководителей антибольшевистского движения оренбургского казачества в академии в 1901–1914 гг. обучались (в скобках указаны период обучения и полученный результат) следующие казацкие и армейские начальники: Войсковой атаман и командующий Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Оренбургской армиями генерал-лейтенант А.И. Дутов (1905–1908, по 1-му разряду, без причисления к Генеральному штабу), помощник Войскового атамана и командир II и I Оренбургских казачьих корпусов генерал-майор И.Г. Акулинин (1910–1913, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник штаба Отдельной Оренбургской армии генерал-майор А.Н. Вагин (1908–1910, по 2-му разряду), начальник штаба Южной и Оренбургской армий генерал-майор И.М. Зайцев (1906–1908, по 2-му разряду), начальник 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии и командующий Актюбинской группой войск полковник Ф.Е. Махин (1908–1910; 1911–1913, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник 2-й Оренбургской казачьей дивизии и начальник штаба Оренбургского армейского корпуса генерал-майор М.Г. Серов (1902–1906, по 2-му разряду), начальник штаба III Уральского армейского корпуса генерал-майор Н.Т. Сукин (1905–1908, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), 1-й генерал-квартирмейстер Ставки адмирала А.В. Колчака генерал-майор П.Г. Бурлин (1911–1914, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник штаба Южной армии генерал-майор И.В. Тонких (1905–1908, по 1-му разряду, причислен к Генеральному шта-

²⁶⁴ Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров Генерального штаба. СПб., 1914. С. 193.

²⁶⁵ Дрейер В.Н., фон. На закате империи. С. 58–59.

бу), командующий Южной армией генерал-майор П.А. Белов (Г.А. Виттекопф; 1909–1912, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник снабжения Южной и Оренбургской армий генерал-майор С.А. Щепихин (1905–1908, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западной армии полковник Г.И. Петрановский-Белаш (1910–1913, по 2-му разряду), начальник штаба IV Оренбургского армейского корпуса генерал-майор И.И. Смольнин-Терванд (1911–1914, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу), начальник штаба отряда А.И. Дутова полковник Н.А. Поляков (1904–1907, по 1-му разряду, причислен к Генеральному штабу)²⁶⁶.

В последнее десятилетие XIX в. в академии учились будущий командующий Ташкентским фронтом генерал-лейтенант В.А. Карликов (1895–1898), генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западной армии генерал-майор Г.Ф. Одноглазков (1897–1900), а также главный начальник Оренбургского военного округа генерал-лейтенант Л.П. Тимашев (1894–1896, два класса академии, по 1-му разряду)²⁶⁷.

Не у всех перечисленных выше офицеров учеба в академии складывалась благополучно. Окончание этого элитного военно-учебного заведения даже по 1-му разряду, но без причисления к Генеральному штабу являлось неудачей для слушателя, труды которого, таким образом, оставались напрасными. Однако некоторые из вышеперечисленных офицеров, попав в академию, продемонстрировали по-настоящему выдающиеся способности к изучаемым наукам. Попытаемся более подробно рассмотреть период обучения в академии, его итоги и значение в жизни будущих вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества.

Начнем с собственно казачьих офицеров, и прежде всего с Войскового атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта А.И. Дутова. Будущий вождь оренбургского казачества родился в 1879 г. в семье казачьего офицера. Образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и в Николаевском кавалерийском училище по 1-му разряду. Дутов окончил два класса академии по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно», но «без права на производство в следующий чин за окончание академии и на причисление к Генеральному штабу»²⁶⁸, что выработало в нем настоящее чувство собственной неполноценности, которое Дутов пытался преодолеть всю свою жизнь.

Его сокурсник по академии, впоследствии Генерального штаба генерал-майор С.А. Щепихин вспоминал, что Дутов однажды в начале октября 1919 г. сказал ему: «Да, Сережа, вот тебе и Генеральный штаб. Меня не пожелали, выгнали, забраковали, а вот какие дела можно делать и без марки, штемпеля генштабиста! И заметь, все около меня бывшие — Вагин, Зайцев, Махин²⁶⁹ — все это второразрядники, не чистый Генеральный штаб!»²⁷⁰ Конечно, академический балл, спустя годы после окончания академии, мог и не иметь большого значения для оценки способности

²⁶⁶ Сведений об учебе последнего обнаружить не удалось.

²⁶⁷ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 62. Л. 31.

²⁶⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46271. П/с № 1813 (1913 г.). Л. 3.

²⁶⁹ Дутов, в данном случае, неточен: полковник Ф.Е. Махин был отчислен от старшего класса Императорской Николаевской военной академии в 1910 г., затем вновь поступил в старший класс академии в 1911 г. и в 1913 г. окончил дополнительный курс по 1-му разряду с причислением к Генеральному штабу (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. П/с № 243-230 (1917 г.). Л. 72–72об.).

²⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 34об.–35.

его выпускников руководить войсками, так как не учитывал их практического опыта, накопленного в Первую мировую и Гражданскую войны. Вполне вероятно, из-за собственного ущемленного в академии самолюбия Дутов в период Гражданской войны старался избегать назначений офицеров, окончивших академию лучше него, на высшие посты в Оренбургском казачьем войске и подчиненных Дутову антибольшевистских соединений и объединениях. В этом случае поражение антибольшевистского движения на Южном Урале выглядит еще трагичнее.

Тот же С.А. Щепихин не без сарказма писал, что «в академии Дутова я встретил уже отцом семейства. Жил он хорошо — были средства хорошие у жены (маленькое поместье), да и отец помогал. Занимался он усердно, и в доме все было к его услугам. Помню случай: как-то один из его малышей порвал готовое к подаче руководителю практических работ академии кроки. Вместо того, чтобы засесть быстро за работу и восполнить к сроку пробел, А[лександр] Ильич (Дутов. — А.Г.) ушел на два дня из дома (“пропал”) и на сдачу работ не явился. За это время он обошел всех своих знакомых и тоскливо со слезами (плакал и мне в жилет) сетовал на неудачную свою семейную жизнь! “Из-за семьи и академию не кончишь!” — роптал он. Его утешали, и кто-то дал совет — отдать начертать кроки другому. Как все кончилось, не помню, но слезы его запомнились и немало в свое время изумляли всех. Попал я с ним к одному руководителю по статистике. Задано было описание (стратегическое) района побережья возле Красной Горки. Вместо того, чтобы приняться за отчетную работу, А[лександр] И[льич] начал обходить все старшие курсы академии и справляться, каковы требования у руководителя. Этот прием, между прочим, был довольно распространен: при полной независимости руководителей в требованиях, предъявляемых к слушателям, а также отсутствию в академии однообразных требований — указанный способ не был излишним, если только сведения могли быть основательными и объективными.

Дутову кто-то сообщил за достоверное, что руководитель требует краткости и ясности. Сказано — сделано. При проверке — все работы подверглись критике. И Дутовская работа заслужила за свою краткость одобрения. В то же время другому офицеру руководитель, не порицая его словоохотливости, сделал несколько якобы колких замечаний — “почему мало оттенены такие данные, как осенние морские туманы и их влияние на операции”. Дутов сиял как блин, а в результате получил “семь”, а другой офицер, о котором упомянуто, “11”. Дутов до слез был взволнован. Зная, что отметки руководителей не подлежат критике, обжалованию и изменению, а также то, что его претензия ударит больно по его сотоварищу, Дутов все же подал жалобу, где указывал, что его работа была “похвалена”, а работа другого критиковалась, высказал свою личную догадку — “не произошла ли путаница и ошибка в списке и что не ему ли в действительности присуждена отметка ‘11’, а другому офицеру ‘7’”. Однокурсники, всегда живо реагирующие на всякого рода трения, сразу отшатнулись от Ильича, что своим откровенным, но не обоснованным [заявлением] он не постеснялся “топить” своего товарища... Вскоре и от администрации академии был получен ответ, что ошибка исключена и что руководитель подтвердил правильность дутовской семерки, но, конечно, без подробного объяснения причин. Так Дутов неосмотрительно погубил свою репутацию в нашей среде. Я потом не раз с ним

беседовал по этому поводу. Он упрямо настаивал, что он был прав и что руководитель к нему “придрался”. При каждом разговоре у него потело лицо и слезы явно выступали на глазах. Ого! — подумал я. “Да ты честолюбец не в меру!” Окончить академию Дутову благополучно не удалось — он попал под черту и в Генеральный штаб не попал. Два года он мобилизовал все свои связи и знакомства, чтобы попасть в Генеральный штаб, но так это ему и не удалось. Это был червь, точивший его все время... Даже когда я его встретил уже в зените славы, даже и тогда он не без горечи и яду сказал мне, что вот, слава Богу, и без академии он сумел выдвинуться... “Впрочем, не во мне первом академия наша ошибается...” Намек на случай со Скобелевым (Белым Генералом)... Так сам себя высоко ценил тогда Дутов»²⁷¹.

Характеристика Щепихина крайне субъективна. Причем, на наш взгляд, стремление автора всячески очернить Дутова связано не столько со странным поведением будущего оренбургского атамана в академии, сколько с тем, что ее преуспевший в академии автор в годы Гражданской войны не сумел достичь высот своего менее удачливого сокурсника — Дутова, получившего общероссийскую известность. И все же обратимся к более объективным данным по успеваемости Дутова в академии. К сожалению, данные эти страдают неполнотой, так как в делопроизводстве Николаевской академии Генерального штаба сохранились лишь отдельные результаты успеваемости обер-офицера 5-го саперного батальона А.И. Дутова (см. табл. 2).

Таблица 2. Успеваемость поручика 5-го саперного батальона А.И. Дутова в младшем классе академии (1905/06 учебный год)²⁷²

Предмет	Балл
Военная администрация	10
Тактика	10
Тактика (полевые занятия)	9
Общая история военного искусства	11
История военного искусства в России	9
Сведения по части артиллерийской	10
Сведения по части инженерной	12
Политическая история (русская; общая; средний балл)	9; 9; 9

Из таблицы 2 видно, что высший балл А.И. Дутов получил за курс сведений по части инженерной, имел неплохие результаты по общей истории военного искусства, тактике, артиллерии и военной администрации. Учеба Дутова в академии была прервана Русско-японской войной, и он добровольцем отправился на Дальний Восток, продолжив обучение уже по возвращении (см. табл. 3).

²⁷¹ Там же. Л. 51–51об.

²⁷² Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 78, 96, 99, 102, 105, 107, 111об., 127об.

**Таблица 3. Успеваемость штабс-капитана 5-го саперного батальона
А.И. Дутова в старшем классе академии (1906/07 учебный год)²⁷³**

Предмет	Балл
Военная администрация	11,5
Военная администрация (практические занятия)	11
Стратегия	12
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	9; 11; 10
Тактика (практические занятия)	10,5
Военная статистика (русская; иностранная; средний балл)	10; 9; 9,5
Военная история (1870–1871; 1877–1878; средний балл)	10; 10; 10
Сведения по части инженерной	9
Фортификация (практические занятия)	10,5
Русский язык	—
Французский язык	9
Немецкий язык	9
Английский язык	9
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл). Полковник А.К. Баиов	10,5; 11,5; 11

Лучший балл Дутов в старшем классе имел по стратегии, чуть ниже был его результат по военной администрации. В период Гражданской войны Дутов подтвердил правильность академических оценок по этим дисциплинам, прославившись именно как талантливый администратор и стратег. С трудом давалась будущему атаману тактика, еще тяжелее иностранные языки и, что удивительно, инженерное дело, ведь до академии Дутов выдержал экзамен при Николаевском инженерном училище (1902) и служил в инженерных войсках! Возможно, относительно низкие баллы по тактике отчасти объясняют отсутствие у Дутова полководческого таланта, что выявилось в годы Первой мировой и Гражданской войн. В то же время отметим, что среди приведенных результатов нет ни одного ниже оценки «хорошо», что свидетельствует о достаточно высоком уровне знаний данного офицера.

**Таблица 4. Успеваемость штабс-капитана 5-го саперного батальона
А.И. Дутова на дополнительном курсе академии (1907/08 учебный год)²⁷⁴**

Предмет	Балл
Доклад первой темы. 10 октября 1907 г. Полковник Н.А. Данилов, полковник П.Д. Комаров	8
Доклад второй темы. 27 ноября 1907 г. Подполковник А.А. Незнамов	10
Доклад третьей темы (отделы: военно-статистический; военно-административный; стратегический; общий средний балл). 26 апреля 1908 г. Генерал-майор Г.Г. Христиани, генерал-майор Л.В. де Витт, полковник Н.Н. Янушкевич	8; 9; 9; 8,7

²⁷³ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 21, 25, 29, 52, 59, 63, 77, 80, 96, 99, 125, 127, 153, 203; Д. 1384. Л. 346.

²⁷⁴ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 203; Д. 1360. Л. 147, 162.

Оценки, полученные будущим атаманом по первой и третьей темам дополнительного курса (см. табл. 4), можно назвать провальными. Судя по всему, именно из-за этих результатов ворота Генерального штаба оказались для него закрытыми. Дутов явно не был в числе выдающихся слушателей, не способствовало этому наличие у него семьи и детей, однако окончание академии дало ему достаточно широкий кругозор и позволило впоследствии оказаться в числе ведущих политических деятелей России.

Однокурсником будущего Войскового атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова в академии был еще один оренбургский казачий офицер Н.Т. Сукин, в годы Гражданской войны — начальник штаба III Уральского армейского корпуса, в состав которого входили оренбургские казачьи части. По специальности артиллерист, он окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище.

В 1905 г. сотник 2-й Оренбургской казачьей батареи Н.Т. Сукин сдал вступительные экзамены в академию (см. табл. 5).

Таблица 5. Баллы сотника 2-й Оренбургской казачьей батареи Н.Т. Сукина при поступлении в академию (1905)²⁷⁵

Предмет	Балл
Военная администрация	9
Тактика	10
Уставы (пехотный; кавалерийский; артиллерийский; общий; средний балл)	8; 9; 7; 9; 8,3
Артиллерия	10
Фортификация	10
Математика (алгебра; геометрия; тригонометрия; средний балл)	8; 10; 9; 9
География (русская; общая; средний балл)	11; 11; 11
Политическая история (русская; общая; средний балл)	12; 11; 11,5
Немецкий язык	8
Французский язык	7

Лучшие знания он показал по политической истории и географии, хуже всего проявил себя на экзаменах по иностранным языкам. Тем не менее полученных баллов оказалось достаточно для зачисления в младший класс академии.

В младшем классе Сукин учился старательно, получив высокие баллы по общей истории военного искусства, военной администрации, тактике, артиллерии, политической истории, что свидетельствует о хорошей общей и специальной подготовке слушателя по важнейшим предметам (см. табл. 6).

Сведения об успеваемости Н.Т. Сукина в старшем классе (см. табл. 7) сохранились крайне фрагментарно, однако по имеющимся данным можно сделать вывод о том, что молодой казачий офицер после полученных в младшем классе высоких баллов не стал расслабляться и по результатам учебы был зачислен на дополнительный курс академии (см. табл. 8).

²⁷⁵ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1300. Л. 89об., 121об., 124, 128, 138об., 142об.; Д. 1384. Л. 202об., 217об., 227об.

**Таблица 6. Успеваемость сотника 2-й Оренбургской казачьей батареи
Н.Т. Сукина в младшем классе академии (1905/06 учебный год)²⁷⁶**

Предмет	Балл
Военная администрация	11
Тактика	11
Тактика (практические занятия)	10
История военного искусства общая	11,5
История военного искусства в России	9
Политическая история (русская; общая; средний балл)	12; 10; 11
Сведения по части артиллерийской	11
Сведения по части инженерной	8

**Таблица 7. Успеваемость сотника 2-й Оренбургской казачьей батареи
Н.Т. Сукина в старшем классе академии (1906/07 учебный год)²⁷⁷**

Предмет	Балл
Военная администрация (практические занятия)	10
Тактика	11
Тактика (полевые занятия)	11,5
Фортификация (практические занятия)	12
Военная статистика (практические занятия)	11

**Таблица 8. Успеваемость подьесаула 2-й Оренбургской казачьей батареи Н.Т. Сукина
на дополнительном курсе академии (1907/08 учебный год)²⁷⁸**

Предмет	Балл
Доклад первой темы. 27 сентября 1907 г. Генерал-лейтенант А.З. Мышлаевский	10
Доклад третьей темы (отделы: военно-статистический; военно-административный; стратегический; средний балл). 25 апреля 1908 г. Полковник П.Д. Комаров, полковник М.Д. Бонч-Бруевич	11; 10,5; 9; 10,2

Судя по результатам, полученным Н.Т. Сукиным в период обучения в академии, он являлся способным к военной науке, волевым, целеустремленным и знающим казачьим офицером. По окончании дополнительного курса Сукин был причислен к Генеральному штабу. Впоследствии совместное обучение Н.Т. Сукина и его менее удачливого однокурсника и земляка А.И. Дутова негативно сказалось на взаимодействии Юго-Западной армии А.И. Дутова с частями соседнего III Уральского армейского корпуса, начальником штаба которого в 1918 г. был Н.Т. Сукин. По этому вопросу известна точка зрения А.И. Дутова, который в своем письме от 2 декабря 1918 г. помощнику военно-морского министра по казачьим делам Б.И. Хорошину резко критиковал позицию Н.Т. Сукина, «сидящего в

²⁷⁶ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 80, 93, 104, 109, 113, 114, 119, 128.

²⁷⁷ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 23, 31; Д. 1384. Л. 348, 378; Ф. 977. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.

²⁷⁸ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360. Л. 138, 161.

Челябе²⁷⁹ и не желающего мне подчиниться из-за самолюбия: как же — однокашник, баллами выше меня по списку, и вдруг такой ужас; но хуже всего то, что его жене это никак неприемлемо. Эх, счеты, счеты! а где же Родина и где любовь к казачеству. Я знаю, что меня травят везде и всюду, но, пока я на своем посту, — я не брошу борьбы, как бы тяжело и обидно подчас ни было»²⁸⁰. В начале 1919 г. Сукин пошел на открытый конфликт с Дутовым²⁸¹.

Выдающимся выпускником академии начала XX в. был помощник атамана Дутова И.Г. Акулинин. Акулинин родился в 1880 г. в поселке Урлядинском Оренбургского казачьего войска в семье казака. Будучи выходцем из уральской глубинки, сумел получить блестящее образование: окончил Оренбургское казачье юнкерское училище по 1-му разряду, Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду и Офицерскую кавалерийскую школу. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Награжден Георгиевским оружием, орденом Св. Георгия 4-й степени и французским орденом Почетного легиона. В годы Гражданской войны Акулинин принял активное участие в борьбе оренбургского казачества с большевиками, являлся помощником Войскового атамана А.И. Дутова, главным начальником Оренбургского военного округа на театре военных действий. Произведен в генерал-майоры (1918). Командовал II и I Оренбургскими казачьими корпусами. Позднее выехал на Северный Кавказ, отсюда попал в Крым и эвакуировался из Крыма вместе с Русской армией в ноябре 1920 г. Жил и работал в Югославии, Германии, Франции. В эмиграции вскоре после гибели Дутова Акулинин был избран Войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков (1923). Сотрудничал во многих журналах и газетах русского зарубежья, оставил после себя обширное научно-публицистическое наследие. Скончался в 1944 г. во Франции.

Стремление И.Г. Акулинина в Николаевскую академию Генерального штаба поистине поразительно. Первую попытку поступить в академию хорунжий И.Г. Акулинин предпринял еще в 1908 г., прошел предварительные испытания при штабе Петербургского военного округа, но затем потерпел неудачу, получив 8 баллов за топографическое черчение, 6 баллов по немецкому и 5 баллов по французскому языку и по верховой езде оценку «удовлетворительно»²⁸².

Неудача не сломила будущего казачьего генерала, и на следующий год он вновь штурмовал стены академии, но срезался на этот раз еще на этапе предварительных испытаний при окружном штабе (см. табл. 9).

Очевидно, что неудача произошла из-за низкого балла за задачи по тактике, поэтому, засевав за знаменитый учебник тактики К.Н. Дуоропа²⁸³ и проявив завидную целеустремленность, молодой и честолюбивый гвардейский офицер И.Г. Акулинин предпринял третью попытку пробиться в Генеральный штаб.

На предварительных испытаниях 1910 г. в Петербургском военном округе он получил следующие баллы (см. табл. 10).

---

²⁷⁹ Т.е. в Челябинске.

²⁸⁰ Письма атамана Дутова // Наш путь (Чита). Ежемесячный журнал Дальбюро ЦК РКП. 1923. Апрель. № 8. С. 48.

²⁸¹ Подробнее об этом см.: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 313–320.

²⁸² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 311, 321, 326, 552.

²⁸³ Акулинин И. Что вспомнилось // Оренбургский казак: Сб. Харбин, 1937. С. 13.

**Таблица 9. Баллы сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка
И.Г. Акулинина на предварительных испытаниях 1909 г.
в Петербургском военном округе²⁸⁴**

Предмет	Балл
Тактика	10
Задачи по тактике	5
География	10
Политическая история	8
Русский язык	10
Средний балл	8,6

**Таблица 10. Баллы сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка
И.Г. Акулинина на предварительных испытаниях 1910 г.
в Петербургском военном округе²⁸⁵**

Предмет	Балл
Тактика	9
Задачи по тактике	8
География	8
Русский язык	10
Средний балл	8,8

Этого балла оказалось достаточно для прохождения предварительных экзаменов. Разница в 0,2 балла между средними баллами И.Г. Акулинина в 1909 и 1910 гг. показывает, что положительный результат при поступлении в академию зависел буквально от десятых долей балла.

На вступительных экзаменах в академию Акулинин получил следующие баллы (см. табл. 11).

Экзамен по русскому языку, который давал большой процент отсева²⁸⁶, Акулинин сдал на максимально возможный балл. Изучение документов, относящихся к различным периодам жизни этого офицера, не может не привести исследователя к выводу об абсолютной грамотности и большом литературном даровании И.Г. Акулинина. Интересно, что 9,5 баллов он получил по фортификации у своего будущего подчиненного, известного военного инженера, впоследствии генерал-лейтенанта А.И. Ипатовича-Горанского: в 1918 г. Ипатович-Горанский возглавлял военно-инженерное управление Оренбургского военного округа, главным начальником которого являлся Акулинин. По итогам вступительных экзаменов Акулинин оказался двадцать пятым со средним баллом 9,55²⁸⁷.

Надо сказать, что поначалу будущий генерал учился не очень хорошо. При окончании младшего класса он был лишь 76-м, набрав 9,5 баллов²⁸⁸ (см. табл. 12).

²⁸⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397. Л. 24 об.–25.

²⁸⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397. Л. 2.

²⁸⁶ См., напр.: *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 1. С. 121.

²⁸⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 45.

²⁸⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 19.

Таблица 11. Результаты вступительных экзаменов сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина в академию (1910)²⁸⁹

Предмет	Балл
Французский язык. 26 августа	10,5
Топографическое черчение. 27 августа	9
Верховая езда. 28 августа	хорошо
Математика: алгебра; геометрия; тригонометрия; средний. Генерал-лейтенант В.В. Витковский, полковник Д.Д. Сергиевский. 4 сентября	7; 4; 7; 6
Фортификация. Генерал-майор Н.А. Буйницкий, генерал-майор А.И. Ипатович-Горанский. 7 сентября	9,5
География (русская; общая; средний балл). 11 сентября	12; 12; 12
Русский язык. 15 сентября	12
Военная администрация. Свиты Его Величества генерал-майор А.А. Гулевич, генерал-майор Н.Н. Янушкевич. 18 сентября	11
Артиллерия. Полковник С.С. Дурново, полковник П.Д. Комаров. 21 сентября	10,5
Политическая история (общая; русская; средний балл). 24 сентября	9; 11; 10

Таблица 12. Успеваемость сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина в младшем классе академии (1910/11 учебный год)²⁹⁰

Предмет	Балл
Тактика (пехоты; артиллерии; кавалерии; средний балл)	10; 8; 10; 9,3
Геодезия	7
Сведения по части артиллерийской	9
Политическая история	10
Летние тактические занятия в поле. 10–21 августа 1911 г.	9
Полевые поездки. Подполковник А.А. Балтийский. 6 сентября 1911 г.	10
Летние практические занятия по тактике артиллерии. Подполковник В.Г. Болдырев	10
Съемки (черчение; 1-я и 2-я полуинструментальные; средний балл; глазомерная съемка; общий средний балл)	9; 10; 11; 10,5; 11; 10,2

Такая же успеваемость в дальнейшем грозила Акулинину окончанием академии лишь по 2-му разряду, поэтому в старшем и дополнительном классах он взялся за учебу всерьез. В старшем классе академии он имел следующие баллы (см. табл. 13).

Как и следовало ожидать, будущий казачий историк имел лучшие баллы именно по историческим дисциплинам. По итогам переводных экзаменов и полевых поездок старшего класса И.Г. Акулинин получил 10,3 балла и, будучи 43-м по списку, был переведен на дополнительный курс²⁹¹. В том же списке на 52-м месте находился будущий генерал-лейтенант, а тогда еще уланский штабс-ротмистр

²⁸⁹ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1416. Л. 7, 16, 34, 42, 48, 69, 72, 84, 101, 108.

²⁹⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 11, 85, 88, 95, 109; Д. 1420. Л. 83, 86, 93.

²⁹¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 8.

В.О. Каппель, получивший 10,1 балла²⁹². Из этого видно, насколько слабо академия могла выявлять по-настоящему способных офицеров.

Таблица 13. Успеваемость сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина в старшем классе академии (1911/12 учебный год)²⁹³

Предмет	Балл
Военная администрация	9
Тактика. Полковник А.А. Незнамов	10
Военная история	11
Сведения по части инженерной	10
Военно-морское дело	12
Политическая история	12
Разведка; полевая поездка; средний балл. Полковник В.Г. Болдырев	12; 9; 10
Баллы за съемки 2-го Псковского района (1-я и 2-я глазмерные; общий средний балл). Генерал-майор А.К. Баиов	12; 12; 12

На дополнительном курсе слушатели должны были представить к защите несколько тем (по военной истории, военному искусству и стратегии). За первую тему по военной истории, доложенную 20 декабря 1912 г., сотник И.Г. Акулинин получил 11,5 баллов, оппонентами были генерал-майор Н.Л. Юнаков (впоследствии начальник штаба Румынского фронта) и полковник О.К. Энкель (один из руководителей русской разведки)²⁹⁴. И.Г. Акулинин уже в чине подъесаула 16 марта 1913 г. докладывал доставшуюся ему тему по военному искусству: «Резерв, его виды и применения. Примеры из Русско-японской войны 1904–1905 гг.». Оппонентами на защите выступили будущий главнокомандующий армиями Северного фронта (с 9 сентября 1917 г.) полковник В.А. Черемисов и будущий вождь Белого движения на Юге России подполковник С.Л. Марков²⁹⁵. За свой доклад Акулинин получил 11 баллов²⁹⁶.

8 апреля 1913 г. — доклад третьей темы и тоже высокий результат (см. табл. 14).

Таблица 14. Баллы сотника И.Г. Акулинина за стратегическую тему²⁹⁷

Тактико-стратегический отдел	Общая тактика. Полковник П.Ф. Рябиков	9,5
	Тактика пехоты. Полковник Б.В. Геруа	11
	Тактика кавалерии. Полковник В.З. Савельев	9,5
	Тактика артиллерии. Полковник В.Г. Болдырев	9
	Средний балл за тактико-стратегический отдел	9,8
Военно-статистический отдел. Генерал-майор Г.Г. Христиани	11	
Военно-административный отдел	11,5	
Общий средний балл	10,8	

²⁹² Там же. Л. 80б.

²⁹³ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431. Л. 13, 17, 24, 33, 36, 57; Д. 1452. Л. 2, 4.

²⁹⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360. Л. 293.

²⁹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 4.

²⁹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1343. Л. 140.

²⁹⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 182, 188, 276.

Отметим, что самый низкий балл за третью тему И.Г. Акулинину поставил не кто иной, как будущий главнокомандующий войсками Уфимской Директории генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Остается только гадать, как это отразилось на взаимоотношениях двух генералов в период Гражданской войны²⁹⁸. Средний результат Акулинина за темы составил 11,1 балла. При окончании дополнительного курса он оказался девятым по списку, со средним баллом 10,7. Для сравнения, штабс-ротмистр В.О. Каппель был лишь пятидесятым, его средний балл составлял 10,1, так что будущий легендарный командир волжан в академические годы едва не оказался под чертой и при менее благоприятном для него стечении обстоятельств вполне мог не попасть в Генштаб.

По окончании дополнительного курса подьесаулу И.Г. Акулинину, а также четверым его сокурсникам были присуждены премии за стратегические темы. Акулинин был отмечен премией им. генерал-лейтенанта А.А. Зейфарга «за лучшие съемки и кроки»²⁹⁹, получил он и право на преподавание курса военной истории в военных училищах без предварительных испытаний, а также был награжден «за отличные успехи в науках» орденом Св. Анны 2-й степени³⁰⁰. Между прочим, орденом Св. Анны 3-й степени был за окончание академии награжден и В.О. Каппель. Лучшие офицеры выпуска могли выбрать и наилучшую вакансию, например, в Петербургском военном округе, однако подьесаул И.Г. Акулинин предпочел Одесский военный округ, при штабе которого ему, после месячного отпуска домой, предстояло пройти девятимесячное испытание на предмет соответствия службе в Генеральном штабе.

3 мая 1913 г. состоялся прощальный товарищеский обед офицеров — выпускников академии. В тот же день от имени всех выпускников начальник академии генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич отправил приветственную телеграмму на имя военного министра генерал-адъютанта В.А. Сухомлинова: «Офицеры дополнительного курса вверенной мне академии выпуска 1913 года, собравшись на прощальный товарищеский обед, просят Ваше Высокопревосходительство повергнуть к стопам Его Императорского Величества чувства безграничной преданности и готовность применить приобретенные знания во славу обожаемого Державного Вождя и на пользу дорогой Родине»³⁰¹.

Император Николай II ответил: «Сердечно благодарю окончивших академию офицеров и желаю им успешной службы»³⁰². Завершив свои дела, выпускники разъехались по России, чтобы больше никогда не собраться вместе, — это был предпоследний выпуск академии перед Первой мировой войной.

В академические годы И.Г. Акулинин проявил себя как целеустремленный, упорный и честлюбивый офицер. Надо сказать, что на всех этапах своей офицерской службы он показал себя с лучшей стороны: отличился в Русско-японскую, был одним из лучших в академии, в годы Первой мировой войны заслуженно награжден за выдающуюся храбрость и умелое планирование боевых операций.

---

²⁹⁸ В 1918 г. именно В.Г. Болдырев утвердил производство И.Г. Акулинина в генерал-майоры (РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 4. Л. 1).

²⁹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1467. Л. 5об.

³⁰⁰ Там же. Л. 11.

³⁰¹ Там же. Л. 85.

³⁰² Там же. Л. 88.

Таким образом, к началу Гражданской войны Акулинин обладал большим опытом руководства войсками и, несомненно, стал одним из лучших офицеров Генерального штаба армии А.В. Колчака.

Начальником штаба Отдельной Оренбургской армии был генерал-майор А.Н. Вагин, родившийся в 1884 г. Образование он получил во 2-м Оренбургском кадетском корпусе и окончил курс двух классов в Константиновском артиллерийском училище по 1-му разряду, в академию поступил в 1908 г. (см. табл. 15).

Таблица 15. Результаты вступительных экзаменов хорунжего 2-й Оренбургской казачьей батареи А.Н. Вагина в академию (1908)³⁰³

Предмет	Балл
Уставы (пехоты; кавалерии; артиллерии; общий; средний балл)	7; 9; 10; 9; 8,8
Геодезия (русская; общая; средний балл)	9; 9; 9
Топографическое черчение	7
Немецкий язык	8
Французский язык	8

И при поступлении, и в дальнейшем Вагин имел средние результаты. Лучше учиться он, вероятно, не имел ни возможности, ни желая. В то же время сам факт его стремления в академию свидетельствует о том, что Вагин не довольствовался положением никому неизвестного казачьего офицера и пробивался наверх.

Таблица 16. Успеваемость сотника 2-й Оренбургской казачьей батареи А.Н. Вагина в младшем классе академии (1908/09 учебный год)³⁰⁴

Предмет	Балл
Военная администрация	10
Тактика	9
Тактика (практические занятия)	9
Геодезия	9,5
История военного искусства общая	9,5
История военного искусства в России	7,5
Сведения по части инженерной	11,5
Сведения по части артиллерийской	12
Политическая история (общая; русская; средний балл)	12; 12; 12
Русский язык	10,5

Артиллерист А.Н. Вагин в младшем классе академии имел высший балл по артиллерии и по политической истории. Прочие предметы давались ему куда тяжелее, в результате чего младший класс он окончил лишь девяносто первым,

³⁰³ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 289, 311, 321, 326, 329.

³⁰⁴ Составлено по: Там же. Л. 7, 23, 76, 78, 91, 93, 121, 127, 135, 136.

имея 9,2 балла по главным и 11,5 балла по вспомогательным предметам³⁰⁵ (см. табл. 16).

В старшем классе академии (см. табл. 17) сотник Вагин, по мнению преподавателя военной статистики полковника Л.М. Болховитинова, «работает очень усердно и добросовестно; его исследования обстоятельны, выводы продуманы и полны. Работу выполнил хорошо»³⁰⁶. Иного мнения был полковник П.А. Ниве, отмечавший, что у Вагина «способности есть, но, видимо, [он] не особенно трудолюбив. Решения поэтому часто не вполне продуманы и задачи носят характер спешный, недоделанный, хотя при устных докладах бойко давал объяснения по всем недоразумениям. Общее впечатление производит такое, как будто у него есть какие-то посторонние, отвлекающие его внимание, интересы»³⁰⁷. По словам А.К. Келчевского, сотник Вагин «знаниями не отличается. Офицер старательный. Способностей средних. Дисциплинированный и с выдержкой»³⁰⁸.

Таблица 17. Успеваемость сотника 2-й Оренбургской казачьей батареи А.Н. Вагина в старшем классе академии (1909/10 учебный год)³⁰⁹

Предмет	Балл
Военная администрация	11,5
Военная администрация (практические занятия)	11
Военная администрация (практические занятия). Полковник А.К. Келчевский	10
Стратегия	12
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	9; 11; 10
Тактика (практические занятия)	10,5
Тактика. Полковник П.А. Ниве	9,5
Военная статистика (практические занятия). Полковник Л.М. Болховитинов	11
Военная история (1870–1871; 1877–1878; средний балл)	10; 10; 10
История военного искусства 2-я	7,5
Сведения по части инженерной	9
Русский язык	—
Французский язык	9
Французский язык	7
Немецкий язык	9
Английский язык	9
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл). Полковник А.К. Баиов	10,5; 11,5; 11
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл)	7,5; 7,5; 7,5
Полевые поездки	9,5

³⁰⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 42.

³⁰⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1420. Л. 19.

³⁰⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2000. Л. 39.

³⁰⁸ Там же. Л. 50.

³⁰⁹ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 3, 32, 56, 69, 153, 171; Д. 1420. Л. 17, 21, 25, 29, 52, 59, 63, 77, 96, 99, 125, 127, 153. Неясно разночтение в баллах сотника А.Н. Вагина по одним и тем же предметам. Мы приводим все имеющиеся данные.

Однако способностей А.Н. Вагина, видимо, было недостаточно, чтобы окончить старший класс академии по 1-му разряду. В итоге А.Н. Вагин не был допущен на дополнительный курс. Лишь в марте 1916 г., в связи с острой нехваткой младших офицеров Генштаба, он был переведен в Генеральный штаб³¹⁰.

Будущий начальник штаба Оренбургской армии, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия генерал-майор И.М. Зайцев поступил в академию в 1906 г. До академии он окончил Верхнеуральское четырехклассное городское училище (1894) и Оренбургское казачье юнкерское училище (1898 по 1-му разряду). При поступлении в академию имел следующие баллы (см. табл. 18).

**Таблица 18. Результаты вступительных экзаменов сотника
Отдельного Оренбургского казачьего дивизиона И.М. Зайцева (1906)³¹¹**

Предмет	Балл
Военная администрация	11
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	9; 9; 9
География (русская; общая; средний балл)	10; 10; 10
Русский язык	8
Французский язык	9
Немецкий язык	7

В младшем классе учился в среднем на 10 баллов (см. табл. 19). И, согласно одной из характеристик, выдвинулся «аккуратностью, трудолюбием и скромностью»³¹².

**Таблица 19. Успеваемость сотника Отдельного Оренбургского казачьего
дивизиона И.М. Зайцева в младшем классе академии (1906/07 учебный год)³¹³**

Предмет	Балл
Военная администрация	11,5
Тактика	10
Тактика (практические занятия)	9
История военного искусства (общая)	10,5
История военного искусства в России	8,5
Политическая история (русская; всеобщая; средний балл)	11; 11; 11
Геодезия	10
Сведения по части инженерной	11
Сведения по части артиллерийской	8
Русский язык	9
Баллы за съемки (1-я и 2-я полуинструментальные; средний балл; глазомерная съемка). Полковник А.К. Банов	10,5; 10,5; 10,5; 11

³¹⁰ РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 93. Л. 18об.

³¹¹ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 2, 143, 149, 152, 155, 174.

³¹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 378.

³¹³ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 13, 33, 37, 67, 73, 87, 90, 104, 110, 116, 130.

Из таблицы 19 видно, что лучшие результаты в младшем классе И.М. Зайцев имел по военной администрации, политической истории и инженерному делу, хуже всего дела казачьего офицера обстоили с курсом артиллерии.

Очевидно, что восьмерки, полученные Зайцевым в старшем классе академии (см. табл. 20) по стратегии, статистике и военной истории, не остались для него без последствий. Зайцев оказался во 2-м разряде, не сумев набрать по итогам года 10 баллов. Офицеру пришлось возвращаться в свой дивизион и дослуживать в нем год до очередной льготы. Тем не менее Зайцев сдал при академии дополнительные экзамены на право преподавания курсов военной администрации и геодезии в военных училищах. Таким образом, лица, ответственные за планирование крупных операций, — начальники штабов Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Оренбургской армий — объединений периода Гражданской войны, имевших в своей основе оренбургские казачьи части, А.Н. Вагин и И.М. Зайцев, окончили академию лишь по 2-му разряду. Подобное положение вполне соответствует кадровой политике неудачно окончившего академию атамана А.И. Дутова, назначавшего на высшие посты в своих войсках в основном неудачно окончивших академию офицеров, чтобы самому на их фоне не выглядеть «белой вороной». Не это ли стало одной из причин неудачи антибольшевистского движения оренбургского казачества?!

Таблица 20. Успеваемость подъесаула Отдельного Оренбургского казачьего дивизиона И.М. Зайцева в старшем классе академии (1907/08 учебный год)³¹⁴

Предмет	Балл
Военная администрация	10
Военная администрация (практические занятия)	11,5
Стратегия	8
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	12; 10; 11
Тактика (практические занятия)	9,5
Статистика России	8
Военная история 1-я (1870–1871; 1877–1878; средний балл)	8; 8; 8
Фортификация (практические занятия)	10
Русский язык	10
Французский язык	9
Немецкий язык	9
Английский язык	9
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл)	9,5; 11; 10,3
Полевые тактические занятия	9

Жизненный путь еще одного генштабиста — полковника Ф.Е. Махина — не совсем характерен для судеб русских офицеров начала XX в. Ф.Е. Махин родился в Иркутске 15 апреля 1882 г. в семье урядника Оренбургского казачьего войска,

³¹⁴ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 95; Д. 1384. Л. 356, 415, 433, 454, 500об., 503об., 507, 529об., 534об., 536об., 544об., 546об., 548об.

разжалованного и сосланного на каторгу за оскорбление офицера, совершенное в нетрезвом состоянии³¹⁵. В 1917 г. (по другим данным, в 1906 г.³¹⁶) Генштаба подполковник Махин вступил в партию социалистов-революционеров, возглавив штаб военной организации партии. А в 1918 г. по приказу ЦК партии поступил на службу в Красную армию³¹⁷. Как впоследствии вспоминал Г.И. Семенов (Васильев), некоторое время возглавлявший в партии социалистов-революционеров Красноармейский отдел, «мы сосредотачивали особое внимание на работе в Красноармейских частях: на вливании в формирующиеся части возможно большого³¹⁸ количества наших людей, подборе нашего командного состава для этих частей и создании³¹⁹ наших ячеек»³²⁰. Именно так подполковник Махин оказался в рядах Красной армии, где вскоре достиг высоких постов — стал начальником Уфимского полевого штаба и командующим 2-й армией. При подходе чехословацких войск к Уфе Махин выехал из города со своим адъютантом навстречу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику Станиславу Чечеду и фактически сдал ему город³²¹. Вскоре Махин возглавил части Народной армии Хвалынского района и был произведен «за проявленное мужество и самоотвержение в боях против большевиков» в полковники. 18 октября 1918 г. он получил назначение на должность начальника 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии с зачислением по Оренбургскому казачьему войску³²². Находясь именно на этой должности, Махин принял участие в заговоре против атамана А.И. Дутова. В отечественной историографии сложилось мнение о том, что Махин обладал определенным полководческим талантом, но, как эсер, не смог добиться при Дутове карьерного роста³²³.

Данные об успехах Махина в академии позволяют, по крайней мере, усомниться в обоснованности такого рода хвалебных характеристик. В 1908 г. Махин был зачислен в академию и при поступлении получил следующие баллы (см. табл. 21).

Младший класс Махин окончил сорок седьмым, имея 9,9 балла по главным и 10 баллов по вспомогательным предметам³²⁴ (см. табл. 22).

---

³¹⁵ *Кобзов В., Кузнецов В.* Зигзаги судьбы казаков Махиных // Гостинный двор (Оренбург). 2000. № 9. С. 98–99; *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 530.

³¹⁶ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002. С. 895.

³¹⁷ *Лебедев В.И.* Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; *Майский И.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 53.

³¹⁸ Так в тексте.

³¹⁹ Так в тексте.

³²⁰ *Семенов (Васильев) Г.* Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922. С. 15.

³²¹ *Чечек С.* От Пензы до Урала (Доклад, сделанный в обществе участников волжского движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 264.

³²² Приказ по Оренбургскому казачьему войску № 326 от 18 октября 1918 г. (РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 189).

³²³ См., напр.: *Волков Е.В.* «Коннице отведено едва ли не последнее место» // Белое движение на Востоке России. Альманах «Белая гвардия». 2001. № 5. С. 33.

³²⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 42.

**Таблица 21. Баллы хорунжего 7-го Оренбургского казачьего полка
Ф.Е. Махина при поступлении в академию (1908)**³²⁵

Предмет	Балл
Тактика	8
Уставы (пехотный; кавалерийский; артиллерийский; общий; средний балл)	5; 10; 6; 7; 7
Топографическое черчение	10
Немецкий язык	6
Военная история 2-я	10
Верховая езда	Удовл.

**Таблица 22. Успеваемость состоящего в комплекте Оренбургских казачьих полков сотника Ф.Е. Махина в младшем классе академии
(1908/09 учебный год)**³²⁶

Предмет	Балл
Военная администрация	10
Тактика	10
Тактика (практические занятия)	9,5
Русский язык	10
Репетиция по геодезии	10
Геодезия	10,5
История военного искусства общая	9
Политическая история (общая; русская; средний балл)	11; 11; 11
Сведения по части артиллерийской	7
Сведения по части инженерной	12
Баллы за съемки (1-я и 2-я инструментальные; глазомерная съемка). Полковник А.К. Баиов	10,5; 11; 11,5

Махин получил на старшем курсе неудовлетворительный балл по военной статистике иностранных государств и был в 1910 г. отчислен от академии³²⁷. В делопроизводстве академии сохранилась не подлежащая оглашению записка ординарного профессора академии полковника А.Г. Елчанинова от 25 марта 1910 г., в которой маститый преподаватель отмечал: «Старшего класса сотник Махин. При большем знакомстве обнаружил больше слабого, нежели сильного. Знания — недостаточные. Взгляды — односторонние. При громадном старании, работа прямо не укладывается в нужные рамки. Считаю, — по причине малого развития. Только самая настойчивая работа в дальнейшем, по-моему, даст из него офицера Ген[ерального] штаба, сколько-нибудь сносного. Тактичность — чисто служебная — достаточная. Воли — мало для проведения в жизнь сильных решений. Усваивает новое туго. Вперед за год не двинулся. Вынужден поставить ниже всех

³²⁵ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 281, 290, 314, 323, 383, 554.

³²⁶ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 4, 8об., 24об., 81, 96, 124, 130, 134, 137, 144; Д. 1400. Л. 38об.

³²⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. П/с № 243-230. Л. 72.

в партии, особенно после военной игры. Общая оценка — 9 (девять) бал[лов]. Полковник Елчанинов»³²⁸.

Любопытно, что в тот же день другой, не менее известный преподаватель академии полковник А.Е. Снесарев отметил, что Махин — «офицер скромный и трудолюбивый»³²⁹. В 1910 г., при отчислении от академии, Махин имел следующие результаты (см. табл. 23).

Таблица 23. Успеваемость состоящего в комплекте Оренбургских казачьих полков сотника Ф.Е. Махина в старшем классе академии (1909/10 учебный год)³³⁰

Предмет	Балл
Военная администрация (практические занятия)	11
Военная статистика	10
Военная статистика (практические занятия)	10

В 1911 г., по данным послужного списка Махина, он снова держал экзамен уже сразу в старший класс академии³³¹. В то же время в делопроизводстве академии сохранились сведения о его учебе в младшем классе в 1910–1911 гг. (см. табл. 24).

Таблица 24. Успеваемость состоящего в комплекте Оренбургских казачьих полков сотника Ф.Е. Махина в младшем классе академии (1910/11 учебный год)³³²

Предмет	Балл
Тактика (пехоты; артиллерии; кавалерии; средний балл)	11; 9; 9; 9,7
Геодезия	9,5
Сведения по части артиллерийской	11
Политическая история	12
Средний балл	9,8

Судя по всему, Махину было разрешено сдать все предметы младшего класса, не проходя повторного обучения в нем, так что приведенные выше баллы, скорее всего, являются оценками за переводные экзамены в старший класс. Средний балл, полученный Махиным при сдаче экзаменов за младший класс академии, позволил ему быть вновь зачисленным в нее.

Во второй раз поступив в старший класс, Махин, видимо, осознал, что больше шанса успешно окончить академию у него не будет, и всерьез взялся за учебу, развивая в себе необходимые для генштабиста качества и, по возможности, пытаясь преодолеть свои недостатки. Результат не заставил себя ждать (см. табл. 25).

³²⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1420. Л. 70.

³²⁹ Там же. Л. 62.

³³⁰ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 4, 57; Д. 1420. Л. 62.

³³¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184169. П/с № 243-230. Л. 72.

³³² Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 85, 88, 95, 109; Д. 1432. Л. 19об.

**Таблица 25. Успеваемость подъесаула Ф.Е. Махина
в старшем классе академии (1911/12 учебный год)³³³**

Предмет	Балл
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	10
Военная история (1870–1871; 1877–1878)	11; 9
Политическая история	11
Сведения по части инженерной	9
Разведка; полевая поездка; средний балл. Полковник А.А. Незнамов	11; 11; 11
Баллы за съемки. 2-й Псковский район (1-я и 2-я глазомерные; общий средний балл). Генерал-майор А.К. Баиов	10,5; 11; 10,8

По итогам переводных экзаменов и полевых поездок старшего класса подъесаул Ф.Е. Махин был сороковым по списку со средним баллом 10,3 (ровно столько же, сколько и у его сокурсника и будущего сослуживца по Юго-Западной армии И.Г. Акулинина)³³⁴. Полученный балл нельзя назвать блестящим, но его было вполне достаточно для перевода на дополнительный курс и преодоления еще одного препятствия на пути к заветным серебряным аксельбантам и черному бархатному воротнику генштабиста.

На дополнительном курсе Махин за тему по военной истории 10 января 1913 г. получил 10 баллов³³⁵. Затем он подготовил тему по военному искусству под названием: «Тягость воинской повинности в Германии, Франции и России». Оппонентами на защите были генерал-майор А.А. Гулевич (впоследствии представитель генерала Н.Н. Юденича в Финляндии) и генерал-майор Д.В. Филатьев (будущий помощник Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака по хозяйственной части). Защита должна была проходить 26 марта 1913 г.³³⁶ Однако из-за болезни докладчика она была перенесена на 24 апреля. Причем Махин за эту тему получил 11,5 балла, что являлось очень высоким результатом³³⁷. По третьей (стратегической) теме Ф.Е. Махин получил следующие оценки (см. табл. 26).

Таблица 26. Баллы подъесаула Ф.Е. Махина за стратегическую тему³³⁸

Тактико-стратегический отдел	Общая тактика. Подполковник С.Л. Марков	10
	Тактика пехоты. Подполковник А.И. Андогский	10
	Тактика кавалерии. Полковник М.А. Свечин	10,5
	Тактика артиллерии. Полковник А.К. Келчевский	10
	Средний балл за тактико-стратегический отдел	10,1
Военно-статистический отдел. Генерал-майор Г.Г. Христиани	12	
Военно-административный отдел	10	
Общий средний балл	10,7	

³³³ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431. Л. 15, 26, 38, 41; Д. 1452. Л. 2об., 4.

³³⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 8.

³³⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360. Л. 297.

³³⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 5.

³³⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1343. Л. 149.

³³⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 287.

Видя перед собой молодого 31-летнего слушателя академии, его оппонент по тактике артиллерии полковник А.К. Келчевский не мог предположить, что через 10 лет умрет от паралича сердца во время острого спора с этим самым офицером на своей квартире в Берлине³³⁹. Не мог этого знать весной 1913 г. и сам Махин, который по итогам трех тем получил в среднем 10,7 балла³⁴⁰, что позволяло ему уже не беспокоиться об успешном окончании дополнительного курса, несмотря на хорошую, а не отличную оценку по верховой езде³⁴¹. Своим упорством Махин тогда сумел добиться окончания академии по 1-му разряду, шестнадцатым в своем выпуске со средним баллом 10,5 за дополнительный курс и с причислением к Генштабу³⁴². Более того, за отличные успехи он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, получил право преподавания курса военной истории в военных училищах и попал на службу в престижный Киевский военный округ³⁴³.

Еще один казачий офицер-генштабист, М.Г. Серов, стал впоследствии видным деятелем антибольшевистского движения оренбургского казачества — начальником 2-й Оренбургской казачьей дивизии и начальником штаба Оренбургского армейского корпуса. М.Г. Серов родился в 1866 г., окончил Уфимское землемерное училище и на протяжении нескольких лет работал землемером, но однажды решил круто изменить свою дальнейшую жизнь и выбрал для себя военную карьеру. В 1891 г. он окончил Оренбургское казачье юнкерское училище и на следующий год был произведен в офицеры. В 1902 г. Серов поступил в Николаевскую академию Генерального штаба (см. табл. 27, 28).

Таблица 27. Баллы сотника М.Г. Серова на вступительных экзаменах в академию (1902)³⁴⁴

Предмет	Балл
Военная администрация	9,5
Тактика	9
Уставы	9,8
Артиллерия	11,5
Фортификация	7,5
Математика	8
География	10
Политическая история	9,5
Русский язык	10
Немецкий язык	8
Французский язык	8
Средний балл	9,16

³³⁹ *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 183.

³⁴⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1467. Л. 7.

³⁴¹ Там же. Л. 15.

³⁴² Там же. Л. 7.

³⁴³ Там же. Л. 11об., 20об., 68об., 111.

³⁴⁴ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1209. Л. 17об.

Таблица 28. Успеваемость сотника М.Г. Серова в младшем классе академии (1902/03 учебный год)³⁴⁵

Предмет	Балл
Военная администрация	8
Тактика экзамен	9
Тактика (практические занятия)	9,5
Тактика (итог)	9,3
Геодезия	10
Физическая география	11
История военного искусства общая	8,5
История военного искусства в России	8,5
История военного искусства (итог)	8,5
Политическая история	—
Артиллерия	10,5
Фортификация	9,5
Русский язык	11
Французский язык	8
Немецкий язык	8
Съемка	11,2

В старшем классе уже в чине подьесаула М.Г. Серов сдал экзамены по военной истории, истории военного искусства и практическим занятиям по военной администрации (9,5; 8,5; 11 баллов соответственно)³⁴⁶, а затем, в связи с началом Русско-японской войны, 19 февраля 1904 г. подал рапорт об отправке добровольцем на Дальний Восток и уехал на войну³⁴⁷. По мнению Я.И. Николаева, который вел практические занятия по военной администрации, Серов «серьезный положительный работник... способный к обобщениям; по-видимому, твердого характера; производит впечатление человека, на кот[орого] можно всегда и вполне положиться»³⁴⁸. По данным Е.В. Волкова, М.Г. Серов окончил академию в 1906 г. по 2-му разряду³⁴⁹.

Далее рассмотрим категорию армейских начальников, ставших в годы Гражданской войны во главе как казачьих, так и неказачьих частей и соединений Восточного фронта. Начнем с П.Г. Бурлина — оренбургского казачьего офицера, достигшего в годы Гражданской войны высших постов в армейской иерархии. В 1919 г. П.Г. Бурлин дослужился до должностей 1-го генерал-квартирмейстера Ставки, генерал-квартирмейстера штаба Восточного фронта, временно исполнял должность начальника штаба Верховного главнокомандующего. П.Г. Бурлин родился в 1879 г., получил домашнее образование, а в 1901 г. окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. В 1911 г. он поступает в академию (см. табл. 29).

³⁴⁵ Составлено по: Там же. Л. 28.

³⁴⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1209. Л. 34; Д. 1341. Л. 19.

³⁴⁷ РГВИА. Ф. 330. Оп. 48. Д. 65. Л. 10.

³⁴⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 19.

³⁴⁹ Волков Е.В. Колчаковские офицеры. С. 314.

**Таблица 29. Результаты вступительных экзаменов подьесаула П.Г. Бурлина
в академию (1911)³⁵⁰**

Предмет	Балл
Военная администрация	11
Уставы (пехотный; кавалерийский; артиллерийский; полевой службы; общий; средний балл)	6; 12; 10; 10; 11; 9,8
Артиллерия	10,5
Топографическое черчение	8
География (русская; общая; средний балл)	11; 11; 11
Русский язык	12
Французский язык	10
Средний балл	10,3

По итогам вступительных испытаний П.Г. Бурлин оказался на двадцатом месте, что являлось неплохим результатом, и был зачислен в младший класс академии. Младший класс он окончил восемнадцатым со средним баллом 10,3³⁵¹. Таким образом, Бурлин не уступал однокурсникам своих позиций по баллам.

**Таблица 30. Успеваемость состоящего на льготе в комплекте
Оренбургских казачьих полков подьесаула П.Г. Бурлина
в старшем классе академии (1912/13 учебный год)³⁵²**

Предмет	Балл
Военная администрация	11,5
Военная администрация (практические занятия)	11
Стратегия	12
Тактика	10,5
Тактика (практические занятия)	9,5
Тактика разведки	11
Военная статистика России	11
Военная статистика (практические занятия)	10
Военная история 1-я	10
Военная история 2-я	11
Политическая история	10
Военно-морское дело	11
Баллы за полевые поездки (разведки; полевые поездки; общий средний балл)	11; 12; 11,5
Баллы за съемки (1-я и 2-я глазомерные; средний балл)	9,5; 9,5; 9,5

³⁵⁰ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 110об., 119об., 122об., 127, 136, 145, 146; Д. 1432. Л. 13.

³⁵¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 7.

³⁵² Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 11, 29, 33, 37, 38, 85, 128, 149, 180, 189, 214, 253, 255, 267.

По итогам старшего класса П.Г. Бурлин получил в среднем 10,6 балла (см. табл. 30) и был зачислен на дополнительный курс академии (см. табл. 31). Лучшие результаты он имел по стратегии, военной администрации, военно-морскому делу, полевым поездкам и военной истории.

Таблица 31. Успеваемость состоящего на льготе в комплекте Оренбургских казачьих полков подьесаула П.Г. Бурлина на дополнительном курсе академии (1913/14 учебный год)³⁵³

Предмет	Балл
Доклад первой (военно-исторической) темы. 29 октября 1913 г. Генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин, полковник Н.Н. Головин	10,5
Доклад второй темы (по военному искусству). 14 декабря 1913 г. Генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин, полковник А.А. Незнамов	10
Доклад третьей (стратегической) темы (отделы: тактико-стратегический; военно-административный; военно-статистический; общий средний балл). 18 апреля 1914 г.	11; 9; 11; 10,3
Общий средний балл при окончании дополнительного курса	10,5
Средний балл за темы	10,3
Верховая езда	хорошо

Академию Бурлин окончил по 1-му разряду, двадцать восьмым в списке, обойдя, к примеру, известного в будущем советского военачальника А.И. Корка, который был тридцать первым³⁵⁴. В отличие от А.И. Дутова, наличие семьи и четверых детей не помешало П.Г. Бурлину успешно окончить академию!³⁵⁵

Ко времени Гражданской войны, по воспоминаниям С.А. Щепихина, «Бурлин сильно изменился... Он раздобред, посолиднел и важности без конца. Помню его причисленным к Генеральному штабу скромным оренбургским казачьим офицером, затем капитаном Генерального штаба, скромно трудолюбиво работающим в разведывательном отделении штаба³⁵⁶. Звезд никогда не хватал, аттестацию имел среднюю и, конечно, к крупной должности генкварма всего Сибирского фронта подготовлен не был. Однако все недочеты свои с успехом прикрывал важностью манер. Вытянул его из мрака неизвестности Лебедев³⁵⁷,

³⁵³ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1483. Л. 17; Д. 1360. Л. 122, 315, 335.

³⁵⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1483. Л. 17.

³⁵⁵ Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 675.

³⁵⁶ Речь идет о штабе 3-й армии периода Первой мировой войны.

³⁵⁷ Лебедев Дмитрий Антонович (06.01.1883–06.03.1928) — Генерального штаба генерал-лейтенант. Начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего (21.11.1918–12.08.1919) на Восточном антибольшевистском фронте. Подробнее см. примеч. 1936.

как сослуживец по штабу 24 корпуса (Цурикова³⁵⁸) и штаба III армии фронта Великой войны»³⁵⁹.

Как бы то ни было, результаты успеваемости П.Г. Бурлина в академии говорят о том, что он был в числе лучших выпускников и, возможно, багаж знаний, полученный в академии, помог ему достичь высших командных постов при Колчаке.

Не последнюю роль в Южной армии играл ее начальник снабжения (впоследствии начальник штаба главнокомандующего Восточным фронтом), неоднократно упоминавшийся нами Генерального штаба генерал-майор С.А. Щепихин. Будущий генерал родился в 1880 г., происходил из уральских казаков. Образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском училище, причем учился во всех вышеперечисленных учебных заведениях вместе с А.И. Дутовым. В 1905 г. Щепихин поступил в академию.

Лучший результат в младшем классе С.А. Щепихин имел по военной администрации, инженерному делу и общей истории военного искусства. Хуже всего отвечал по артиллерии (см. табл. 32). При переходе на дополнительный курс С.А. Щепихин получил следующие баллы (см. табл. 33).

---

³⁵⁸ Цуриков Афанасий Андреевич (01.06.1858–1923) — из дворян Орловской губернии. Окончил Орловскую Бахтина военную гимназию (1874), Николаевское кавалерийское училище (1876), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1883). Корнет гвардии (со ст. с 10.08.1876). Поручик (со ст. с 12.04.1881). Штабс-ротмистр (со ст. с 29.03.1883). Капитан (со ст. с 29.03.1883). Подполковник (со ст. с 05.04.1887). Полковник (со ст. с 30.08.1891). Генерал-майор (со ст. с 26.03.1901). Генерал-лейтенант (со ст. с 22.04.1907). Генерал от кавалерии (со ст. с 06.04.1914). На службе с 31.08.1874. В Лейб-гвардии Уланском Его Величества полку. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Старший адъютант штаба 36-й пехотной дивизии (22.11.1883–16.03.1885). Старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии (16.03–15.10.1885). Состоял для поручений при штабе Варшавского военного округа (15.10.1885–01.04.1887). Командир эскадрона Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (17.04.1887–17.04.1888). Старший адъютант штаба Варшавского военного округа (02.04.1888–28.01.1893). Прикомандирован к Лейб-гвардии Уланскому Его Величества полку для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства (30.03–30.09.1891). Начальник штаба 5-й кавалерийской дивизии (28.01.1893–23.07.1896). Состоял в распоряжении командующего войсками Московского военного округа (23.07–16.09.1896). Командир 51-го драгунского Черниговского полка (16.09.1896–26.03.1901). Командир 2-й бригады 11-й кавалерийской дивизии (26.03.1901–01.11.1902). Начальник штаба X армейского корпуса (01.11.1902–14.06.1905). Участник Русско-японской войны. В прикомандировании к Главному штабу (14.06.1905–20.02.1906). Генерал для поручений при генерал-инспекторе кавалерии великом князе Николае Николаевиче (20.02.1906–18.01.1907). Командующий 15-й кавалерийской дивизией (18.01–08.03.1907). Начальник 2-й кавалерийской дивизии (08.03.1907–02.01.1914). Командир XXIV армейского корпуса (с 02.01.1914). Участник Первой мировой войны. Командующий 10-й армией (с 04.10.1916). Командующий 6-й армией (с 12.12.1916 до демобилизации). Во время выступления Л.Г. Корнилова поддержал Временное правительство (1917). В отставке (с 12.1917). Участник Гражданской войны. В РККА (с 1919). Член Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики (с 02.05.1920). Инспектор кавалерии РККА (с 03.1921). Умер в СССР. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1878), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1878), Св. Анны 3-й ст. (1885), Св. Владимира 4-й ст. (1887), Св. Станислава 2-й ст. (1890), Св. Анны 2-й ст. (1895), Св. Владимира 3-й ст. (1899), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 1-й ст. с мечами (1905), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1906), ордена Св. Владимира 2-й ст. (06.12.1912), Св. Георгия 4-й ст. за бои в Карпатах (Высочайший приказ 03.02.1915). Женат, имеет дочь. Брат Владимир (01.02.1851–10.1910) — генерал-лейтенант.

³⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

**Таблица 32. Успеваемость сотника 4-го Уральского казачьего полка
С.А. Щепихина в младшем классе академии
(1905/06 учебный год)³⁶⁰**

Предмет	Балл
Военная администрация	12
Тактика	10
Тактика (практические занятия)	9
История военного искусства общая	11
История военного искусства в России	10
Политическая история (русская; общая; средний балл)	10; 9; 9,5
Сведения по части артиллерийской	8
Сведения по части инженерной	11

**Таблица 33. Успеваемость подьесаула 4-го Уральского казачьего полка С.А. Щепихина в
старшем классе академии
(1906/07 учебный год)³⁶¹**

Предмет	Балл
Военная администрация	10,5
Военная администрация (практические занятия)	10
Стратегия	10
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	10; 10; 10
Тактика (практические занятия)	11
Военная статистика (русская; иностранная; средний балл)	9; 10; 9,5
Военная история (1870–1871; 1877–1878; средний балл)	10; 10; 10
Сведения по части инженерной	11
Фортификация (практические занятия)	10
Русский язык	—
Французский язык	9,5
Немецкий язык	10
Английский язык	10
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл). Полковник А.К. Баиов	9,5; 8; 8,8

Лучшими результатами Щепихина в старшем классе были баллы по инженерному делу, военной администрации и практическим занятиям по тактике (см. табл. 34).

³⁶⁰ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 80об., 93об., 104об., 109об., 113об., 114об., 119об.; Ф. 977. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

³⁶¹ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 23об., 27об., 31об., 50об., 61об., 65об., 78об., 82об., 91об., 97об., 101об., 123об., 155об.; Д. 1384. Л. 348об.

Таблица 34. Успеваемость подьесаула 4-го Уральского казачьего полка С.А. Щепихина на дополнительном курсе академии (1907/08 учебный год)³⁶²

Предмет	Балл
Доклад первой темы. 18 октября 1907 г. Генерал-лейтенант А.З. Мышлаевский, полковник А.Г. Елчанинов	9,5
Доклад второй темы. 3 декабря 1907 г. Генерал-майор Б.М. Колобакин, полковник П.И. Аверьянов	8,5
Доклад третьей темы (отделы: военно-статистический; военно-административный; стратегический; средний балл). 26 апреля 1908 г. Полковник Бойко, полковник Н.Ф. Домелунксен, полковник В.С. Скобельцын	11; 10; 10; 10,3

Средний балл за темы дополнительного курса для С.А. Щепихина был не очень благоприятен — 9,4, тем не менее он сумел успешно окончить академию. Позднее молодой офицер Генштаба опубликовал несколько военно-научных трудов³⁶³. Судя по всему, С.А. Щепихин был способным офицером Генштаба и хорошим организатором. Что касается его характера, то об этом мы можем судить по неопубликованным мемуарам самого Щепихина, написанным в эмиграции. В своих воспоминаниях он, не стесняясь в выражении эмоций, привел уничтожающую критику целого ряда высших начальников вооруженных сил адмирала А.В. Колчака. Причем через эту не всегда обоснованную критику вполне явно, на наш взгляд, проглядывает обида человека, которого не оценили по достоинству. Наиболее яркий пример, когда С.А. Щепихин осуждает штаб Южной армии за то, что его офицеры мало пьют³⁶⁴. Нетрудно предположить, что если бы офицеры штаба пили много, С.А. Щепихин осудил бы их и за это. Мы уже цитировали полные желчи высказывания С.А. Щепихина о своем однокашнике и друге детства А.И. Дутове. Думается, такая характеристика не случайна. Как отмечалось выше, С.А. Щепихин, возможно, более способный к военной науке и к службе Генштаба, чем А.И. Дутов, не сумел, в отличие от последнего, приобрести поистине всероссийскую известность и стать одним из вождей антибольшевистского движения в государственном масштабе. Именно это и побудило его вспомнить компрометирующие Дутова эпизоды из прошлого.

Начальником штаба Южной армии в 1919 г. являлся Генерального штаба генерал-майор И.В. Тонких. По мнению Генерального штаба генерал-майора С.А. Щепихина, это был «типичнейший офицер Генерального штаба в лучшем значении этого слова»³⁶⁵.

И.В. Тонких родился в 1877 г. в семье забайкальского казака, в 1898 г. был произведен в офицеры, окончил Иркутское пехотное юнкерское училище, к моменту поступления в академию был холост и имел опыт участия в Китайском походе 1900–1901 гг. и в Русско-японской войне, на которой получил ранение³⁶⁶.

³⁶² Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 206; Д. 1360. Л. 154, 163.

³⁶³ *Щепихин С.А.* Омский военный округ. Военно-географическое и статистическое описание. Омск, 1913; *Он же.* Отчет о поездке в Тарбагатайский округ Западного Китая летом 1912 г. Омск, 1913.

³⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 80б.–9.

³⁶⁵ Там же. Л. 50.

³⁶⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1209. Л. 7; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 561.

При поступлении в академию И.В. Тонких получил следующие результаты (см. табл. 35).

**Таблица 35. Результаты вступительных экзаменов хорунжего
1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска
И.В. Тонких (1905)³⁶⁷**

Предмет	Балл
Военная администрация	9,5
Тактика	8,5
Уставы	9,5
Артиллерия	10
Фортификация	8
Математика	7,3
География	8
Политическая история	8,5
Русский язык	9
Французский язык	7
Немецкий язык	8
Средний балл	8,48

Результаты вступительных экзаменов не были блестящими, однако И.В. Тонких был зачислен в младший класс академии.

В младшем классе академии И.В. Тонких показал отличные знания, в приведенной выборке нет ни одного итогового балла ниже 11 (см. табл. 36), что свидетельствует о серьезной подготовке слушателя и его способностях к постижению военной науки.

**Таблица 36. Успеваемость подьесаула 1-го Верхнеудинского полка
Забайкальского казачьего войска И.В. Тонких в младшем классе академии (1905/06
учебный год)³⁶⁸**

Предмет	Балл
Военная администрация	11,5
Тактика	12
История военного искусства общая	11
История военного искусства в России	11,5
Политическая история (русская; общая; средний балл)	12; 10; 11
Сведения по части инженерной	11,5
Сведения по части артиллерийской	11,5

³⁶⁷ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1209. Л. 18.

³⁶⁸ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1341. Л. 80, 93, 104, 109, 113, 114, 119.

В старшем классе И.В. Тонких также имел по основным предметам довольно высокие баллы (особенно по стратегии, военной истории, практическим занятиям по военной администрации, тактике, инженерному делу и военной статистике — см. табл. 37) и был по итогам обучения зачислен на дополнительный курс академии (см. табл. 38).

Таблица 37. Успеваемость подъяесаула 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска И.В. Тонких в старшем классе академии (1906/07 учебный год)³⁶⁹

Предмет	Балл
Военная администрация	10
Военная администрация (практические занятия)	11,5
Стратегия	12
Тактика (элементарная; прикладная; средний балл)	11; 11; 11
Тактика (практические занятия)	10,5
Военная статистика (русская; иностранная; средний балл)	10,5; 11,5; 11
Военная история (1870–1871; 1877–1878; средний балл)	12; 12; 12
Сведения по части инженерной	11
Фортификация (практические занятия)	10
Русский язык	—
Французский язык	10
Немецкий язык	10
Английский язык	10
Баллы за съемки (1-я; 2-я; средний балл). Полковник А.К. Банов	10; 10; 10

Таблица 38. Успеваемость подъяесаула 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска И.В. Тонких в дополнительном классе академии (1907/08 учебный год)³⁷⁰

Предмет	Балл
Доклад первой темы 8 октября 1907 г. Генерал-майор Комаров, полковник Н.Л. Юнаков	11
Доклад второй темы 18 декабря 1907 г. Полковник П.Д. Комаров, подполковник А.А. Незнамов	10,5

И.В. Тонких окончил академию по 1-му разряду и был причислен к Генеральному штабу. По характеристике генерала Щепихина, Тонких «очень близкий к идеалу генштабиста тип: работающий, знающий и скромный... В.Т. Тонких³⁷¹ совершенно чужд профессионального честолюбия... быть всегда на втором плане — это его жизненный удел. Он довольствуется единственной наградой — невмешательством в сферу его деятельности, т.е. максимумом доверия к своей

³⁶⁹ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 23, 27, 31, 50, 61, 65, 82, 78, 91, 97, 101, 123, 155; Д. 1384. Л. 348.

³⁷⁰ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1342. Л. 219; Д. 1360. Л. 145.

³⁷¹ С.А. Щепихин по ошибке указывает, что имя-отчество Тонких — Василий Тимофеевич.

работе. Он даже не претендует на публичное признание за ним со стороны его начальника заслуг. Он всегда готов разрабатывать военный план и вытекающие из него распоряжения на любую заданную тему, хотя бы это задание и противоречило его собственному решению. Такое, доходящее до уничтожения собственного “я”, самопожертвование, такое растворение в чужом “я” — стихия В.Т. Тонких. Мягкий, но с достаточной силой воли, чтобы заставить работать и других; сам превосходный работник, от всего сердца преданный военному делу, он чувствовал, что ему, по его натуре, нужна опора, вернее прозрачная ширма, за которой он себя спокойнее всегда чувствовал. Должен быть возле него человек, пусть даже ниже его, но достаточно волевой, чтобы проводить его замыслы в жизнь: именно проводить, воплощать, где надо употребляя силу и насилие над чужой волей. Этого последнего качества Тонких не имел — он терялся перед лицом другой воли. И если эта воля была выше его по рангу — он ей охотно подчинялся... Никогда я не видел Тонких в растерянности, тем паче в панике; никогда нельзя было обнаружить на его монгольском (бурятском) лице уныние»³⁷². Таким образом, И.В. Тонких являлся идеальным знающим офицером Генштаба, дельным исполнителем при любом начальнике, который мог разумно управлять войсками.

Рассмотрим, что представлял собой тот самый будущий начальник генерала Тонких — командующий Южной армией Г.А. Виттекопф (П.А. Белов). Г.А. Виттекопф родился в 1881 г. в семье обрусевшего фабриканта, по вероисповеданию был лютеранином. Общее образование получил в частном учебном заведении, военное — в Виленском пехотном юнкерском училище, которое окончил по 1-му разряду, и в 1902 г. был произведен в офицеры³⁷³. Служил в Митаве, в 114-м пехотном Новоторжском полку. С.А. Щепихин довольно ярко описывает типичную для немцев внешность Белова: «...блондин до слез, т.е. до ресниц, с молочно-розовым цветом тела, с грубоватыми чертами лица, в котором один только массивный четырехгранный подбородок чего стоит! Голубые сурово добрые глаза и оттопыренные, большие уши»³⁷⁴. Г.А. Виттекопф, очевидно, имел неплохую общую подготовку, что позволило ему в 1909 г. поступить в академию с первой попытки и с довольно высокими баллами (см. табл. 39, 40).

Таблица 39. Баллы поручика 114-го пехотного Новоторжского полка Г.А. Виттекопфа на предварительных испытаниях в Виленском военном округе (1909)³⁷⁵

Предмет	Балл
Тактика	8
Задачи по тактике	9
География	10
Политическая история	10
Русский язык	9
Средний балл	9

³⁷² ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 50.

³⁷³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 4об.–5.

³⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 43об.

³⁷⁵ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397. Л. 39.

**Таблица 40. Баллы поручика 114-го пехотного Новоторжского полка
Г.А. Виттекопфа на вступительных экзаменах в академию (1909)³⁷⁶**

Предмет	Балл
Тактика	9
Уставы (полевой службы; пехотный; кавалерийский; артиллерийский; общий; средний балл)	8; 9; 9; 9; 10; 9
Фортификация	10
География (русская; общая; средний балл)	11; 11; 11
Политическая история	11
Немецкий язык	12

В младшем классе академии Г.А. Виттекопф имел следующие баллы (см. табл. 41).

**Таблица 41. Успеваемость поручика 114-го пехотного
Новоторжского полка Г.А. Виттекопфа в младшем классе академии
(1909/10 учебный год)³⁷⁷**

Предмет	Балл
Тактика (практические занятия)	9
Сведения по части инженерной	9,5
Немецкий язык	12 (соч.)
Полевые поездки	10,5
Баллы за съемки (черчение; инструментальная; глазомерная; средний балл)	9; 9,5; 9; 9,2

При окончании младшего класса Виттекопф оказался седьмым по списку со средним баллом 10,6³⁷⁸. Такой выдающийся результат мог иметь только очень старательный офицер. К сожалению, результатов успеваемости Г.А. Виттекопфа в старшем классе академии (1910/11 учебный год), за исключением балла, полученного им по военной администрации (11,5)³⁷⁹, обнаружить в делопроизводстве академии не удалось. Однако известно, что по итогам старшего класса Виттекопф был семнадцатым со средним баллом 10,6³⁸⁰, т.е. сумел прочно удержать балл, полученный в младшем классе за год до этого, хотя и оказался несколько ниже по списку. Что удивительно, та же цифра фигурирует и в его результатах за до-полнительный курс (см. табл. 42).

³⁷⁶ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384. Л. 167, 171, 191, 192, 211, 281.

³⁷⁷ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 14, 18, 40, 154, 170.

³⁷⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400. Л. 47.

³⁷⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 96.

³⁸⁰ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 20.

Таблица 42. Успеваемость штабс-капитана 114-го пехотного Новоторжского полка Г.А. Виттекопфа на дополнительном курсе академии (1911/12 учебный год)³⁸¹

Предмет	Балл
Доклад первой темы. 29 сентября 1911 г. Полковник А.Ф. Добрышин	11
Доклад второй темы. 1 декабря 1911 г. Генерал-майор А.Г. Елчанинов, полковник П.И. Измestьев	10,5
Общий средний балл при окончании дополнительного курса	10,6
Средний балл за темы	10,6
Верховая езда	хорошо

По итогам дополнительного курса Г.А. Виттекопф был лишь тридцать первым, хотя имел все тот же балл 10,6. Академию он окончил по 1-му разряду и был причислен к Генеральному штабу. Исходя из результатов успеваемости этого офицера, можно сделать вывод о том, что сокурсники Г.А. Виттекопфа на старших курсах сумели значительно повысить свои баллы, либо приспособившись к требованиям, предъявлявшимся в академии, либо набравшись определенного опыта. Что касается самого Г.А. Виттекопфа, то он за три года не снизил, но и не повысил свой результат, позволявший ему удерживаться в 1-м разряде, но, конечно, уже не выведивший его в число лучших слушателей.

В связи с началом Первой мировой войны Г.А. Виттекопф изменил свою германскую фамилию и инициалы, став Петром Александровичем Беловым³⁸². На фронте получил сквозное ранение в грудь. В начале Гражданской войны Генштаба полковник Белов (Виттекопф) уехал в Сибирь, где провел более полугода, выдавая себя за крестьянина. С 13 июня 1918 г. стал начальником штаба Сибирской армии, спустя всего два месяца был произведен в генерал-майоры.

В ноябре 1918 г. Белов был отчислен от должности, якобы по собственному желанию, и зачислен в резерв Ставки. По мнению С.А. Щепихина, он стал жертвой интриг печально известного Генерального штаба полковника Д.А. Лебедева, оказывавшего в тот период сильное влияние на адмирала А.В. Колчака и стремившегося устранить своих возможных конкурентов из числа офицеров Генерального штаба³⁸³. С 23 мая по 9 сентября 1919 г. Белов командовал Южной армией, в состав которой входили оренбургские казачьи части. Белов, безусловно, был способным человеком, хорошим организатором, но не обладал полководческим талантом и легко поддавался влиянию со стороны. Все это, в значительной степени, предопределило трагическую судьбу вверенной ему Южной армии.

Академия Генерального штаба стала *alma mater* еще для одного штабного офицера Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий — Г.И. Петрановского-Белаша, назначенного в конце 1918 г. начальником штаба I Оренбургского

³⁸¹ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1343. Л. 69, 85; Д. 1432. Л. 5.

³⁸² Новосибирский исследователь Д.Г. Симонов считает, что Белов в период Гражданской войны именовался Петром Петровичем (*Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 409). В известных нам источниках имеются другие данные. Подробнее о Белове см.: *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 116.

³⁸³ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 43об.–44.

казачьего корпуса, а позднее оказавшегося на ответственном посту генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западной армии. Петрановский-Белаш происходил из потомственных дворян Полтавской губернии, поступил в академию в 1910 г. восемнадцатым по списку со следующими баллами (см. табл. 43, 44).

Таблица 43. Баллы поручика Лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г.И. Петрановского-Белаша на предварительных испытаниях при штабе Варшавского военного округа (1910)³⁸⁴

Предмет	Балл
Тактика	9
Задачи по тактике	8
География	9
Русский язык	9
Средний балл	8,8

Таблица 44. Результаты вступительных экзаменов поручика Лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г.И. Петрановского-Белаша в академию (1910)³⁸⁵

Предмет	Балл
Французский язык. 27 августа	10
Топографическое черчение. 28 августа	9
Верховая езда. 28 августа	Удовл.
Артиллерия. 1 сентября. Полковник С.С. Дурново, полковник П.Д. Комаров	10
Математика (алгебра; геометрия; тригонометрия; средний балл). 3 сентября. Генерал-лейтенант В.В. Витковский, полковник Д.Д. Сергиевский	11; 9; 10; 10
Фортификация. 4 сентября. Генерал-майор Н.А. Буйницкий, генерал-майор А.И. Ипатович-Горанский	11
Русский язык. 11 сентября	10
Политическая история (общая; русская; средний балл). 18 сентября	8; 12; 10
География (русская; общая; средний балл). 22 сентября	11; 10; 10,5
Военная администрация. 25 сентября. Свиты Его Величества генерал-майор А.А. Гулевич, генерал-майор Н.Н. Янушкевич	9
Средний балл	9,78

Несмотря на большое количество экзаменов и малые промежутки между ними, Петрановский-Белаш при поступлении был одним из лучших.

После младшего класса Петрановский-Белаш был тридцать девятым в списке, утратив свое лидирующее положение на курсе (см. табл. 45).

³⁸⁴ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397. Л. 20.

³⁸⁵ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1416. Л. 2, 20, 32, 45, 50, 62, 81, 85об., 103об., 111об.; Д. 1400. Л. 45.

Таблица 45. Успеваемость поручика Лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г.И. Петрановского-Белаша в младшем классе академии (1910/11 учебный год)³⁸⁶

Предмет	Балл
Геодезия	8
Политическая история	11
Баллы за съемки (черчение; 1-я и 2-я полуинструментальные; средний балл; глазомерная съемка; общий средний балл)	10; 11; 10; 10,5; 11; 10,5
Тактика пехоты. Летние практические занятия. Полковник Н.Л. Юнаков	9
Тактика конницы. Летние практические занятия. Полковник М.Д. Бонч-Бруевич	10
Средний балл	10,1

По итогам старшего класса (см. табл. 46) Петрановский-Белаш оказался уже на шестьдесят седьмом месте, но все же был зачислен на дополнительный курс (см. табл. 47).

Таблица 46. Успеваемость поручика Лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г.И. Петрановского-Белаша в старшем классе академии (1911/12 учебный год)³⁸⁷

Предмет	Балл
Тактика (средний балл)	9,5
Сведения по части инженерной	11
Политическая история	12
Разведка; полевая поездка; средний балл. Полковник А.А. Незнамов	10; 9,5; 9,8
Средний балл	9,9

Таблица 47. Успеваемость поручика Лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г.И. Петрановского-Белаша на дополнительном курсе академии (1912/13 учебный год)³⁸⁸

Предмет	Балл
Доклад первой темы. 4 марта 1913 г. «Действия отрядов генерала Ренненкампа (Любавина) и полковника Мадритова с 21-го апреля и по 10-е августа включительно». Генерал-майор Н.Л. Юнаков, полковник О.К. Энкель	9
Доклад второй темы. 10 декабря 1912 г. Генерал-майор А.Г. Елчанинов, полковник Б.В. Геруа	10,5
Доклад третьей темы	См. табл. 48
Средний балл за темы	9,7
Общий средний балл при окончании дополнительного курса	9,8
Верховая езда	Хор.

³⁸⁶ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401. Л. 12, 83, 91; Д. 1420. Л. 79, 85; Д. 1432. Л. 19.

³⁸⁷ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431. Л. 26, 38, 41; Д. 1432. Л. 8об.; Д. 1452. Л. 3.

³⁸⁸ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397. Л. 116, 134; Д. 1453. Л. 1об.; Д. 1467. Л. 8, 16.

Лучший результат по стратегической теме (см. табл. 48) Г.И. Петрановский-Белаш получил за тактику пехоты, худший — за военно-административный отдел, однако впоследствии служил как раз по военно-административной линии. Окончил академию Г.И. Петрановский-Белаш лишь по 2-му разряду, причем в списке второразрядников был восьмым, далеко отстав от своих будущих сослуживцев И.Г. Акулинина, В.О. Каппеля, Ф.Е. Махина³⁸⁹.

Таблица 48. Баллы поручика Лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка Г.И. Петрановского-Белаша за стратегическую тему³⁹⁰

Тактико-стратегический отдел	Общая тактика. Полковник С.Л. Марков	9,5
	Тактика пехоты. Подполковник А.И. Андогский	10,5
	Тактика кавалерии. Полковник М.А. Свечин	9,5
	Тактика артиллерии. Полковник А.К. Келчевский	9,5
	Средний балл за тактико-стратегический отдел	9,8
Военно-статистический отдел		10
Военно-административный отдел		9
Общий средний балл		9,6

Наконец, рассмотрим академические годы еще одного армейского начальника, деятельность которого в период Гражданской войны была тесно связана с оренбургскими казаками. Это начальник штаба IV Оренбургского армейского корпуса, а впоследствии начальник штаба отряда Атамана Дутова Генерального штаба генерал-майор И.И. Смольнин-Терванд, носивший в академические годы фамилию Терванд. Этот офицер родился в 1887 г., исповедовал лютеранство, окончил Перновское городское училище и Виленское пехотное юнкерское училище. Биография Терванда в некоторой степени типична: молодой офицер Генштаба в годы Русской Смуты вознесся до поста начальника штаба корпуса, в возрасте тридцати двух лет произведен в генерал-майоры. Поистине головокружительная карьера для любой армии, за исключением армии периода Гражданской войны в России!

В 1911 г. И.И. Терванд поступил в академию со средним баллом 9,25 и был шестьдесят седьмым по списку³⁹¹.

По итогам младшего класса академии Терванд был только семьдесят четвертым со средним баллом 9,3³⁹² (см. табл. 49).

³⁸⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1467. Л. 8.

³⁹⁰ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453. Л. 286.

³⁹¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432. Л. 13об.

³⁹² Там же. Л. 7об.

Таблица 49. Успеваемость поручика 24-го Сибирского стрелкового полка И.И. Терванда в младшем классе академии (1911/12 учебный год)³⁹³

Предмет	Балл
Военная администрация	11
История военного искусства общая	9
История военного искусства в России	8
Сведения по части артиллерийской	12
Политическая история	11
Немецкий язык	7

Непонятно, каким образом И.И. Терванд был переведен на дополнительный курс, не добрав в старшем классе в среднем две десятых балла до требуемых 10 (см. табл. 50). Возможно, он получил так называемый «благотворительный» балл — небольшую прибавку к уже имевшемуся, позволявшую офицеру быть переведенным на дополнительный курс, либо прошел по числу мест. Как бы то ни было, И.И. Терванд был одним из слабейших офицеров, переведенных на дополнительный курс академии в 1913 г.

Таблица 50. Успеваемость поручика 24-го Сибирского стрелкового полка И.И. Терванда в старшем классе академии (1912/13 учебный год)³⁹⁴

Предмет	Балл
Военная администрация (практические занятия)	10
Стратегия	9
Тактика	9,5
Тактика (практические занятия)	9
Тактика разведки	10
Военная статистика иностранных государств	11
Сведения по части инженерной	11
Военно-морское дело	10
Политическая история	11
Немецкий язык	8,5
Баллы за полевые поездки (разведки; полевые поездки; общий средний балл)	10; 10; 10
Баллы за съемки (1-я и 2-я глазомерные; средний балл)	10,5; 11,5; 11
Средний балл	9,8

Впрочем, дополнительный курс академии он сумел окончить по 1-му разряду, хотя и пятидесятым³⁹⁵ (см. табл. 51).

³⁹³ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431. Л. 5, 12, 23, 47, 54, 62.

³⁹⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431. Л. 7; Д. 1453. Л. 10, 12об., 36, 88, 131, 148об., 152, 216об., 256, 258об., 268об.; Д. 1483. Л. 17об.

³⁹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1483. Л. 17об.

Таблица 51. Успеваемость поручика 24-го Сибирского стрелкового полка И.И. Терванда на дополнительном курсе академии (1913/14 учебный год)³⁹⁶

Предмет	Балл
Доклад первой темы. 16 октября 1913 г. Генерал-майор А.К. Баиов, полковник А.А. Балтийский	10
Доклад второй темы. 4 декабря 1913 г. Полковник П.Ф. Рябиков, полковник М.Ф. Матковский	11
Доклад третьей темы (отделы: тактико-стратегический; военно-административный; военно-статистический; общий средний балл). 18 апреля 1914 г.	9,5; 11; 10,5; 10,3
Средний балл за темы	10,4
Средний балл при окончании дополнительного курса	10,1
Верховая езда	Хор.

В статье рассмотрен «академический» период жизни тринадцати офицеров — выпускников Николаевской академии Генерального штаба, возглавивших после 1917 г. антибольшевистское движение оренбургского казачества. Попробуем составить условный коллективный портрет этой группы офицеров. Из тринадцати выпускников академии лишь двое (А.И. Дутов и Н.Т. Сукин) происходили из дворян казачьего сословия, большинство являлись выходцами из простых казаков. Г.А. Виттекопф был сыном фабриканта, И.И. Смольнин-Терванд происходил из граждан Лифляндской губернии, Г.И. Петрановский-Белаш — из дворян Полтавской губернии. По вероисповеданию все офицеры, кроме лютеран Г.А. Виттекопфа и И.И. Терванда, были православными.

В отношении образования разброс сильнее. Общее образование пять офицеров получили в кадетских корпусах, трое — в городских и один в уездном училище, двое получили домашнее образование, один офицер окончил классическую гимназию, еще один — землемерное училище. Военное образование пять офицеров получили в Оренбургском казачьем юнкерском училище, четверо — в пехотных юнкерских училищах, два офицера окончили Николаевское кавалерийское училище, два — Константиновское и Михайловское артиллерийские училища.

Распределение по родам войск было следующим: службу в казачьих частях начали десять офицеров (в том числе двое в казачьей артиллерии), трое служили в пехоте. Более или менее однороден возраст поступления офицеров в академию. Один офицер поступил в академию в 22 года (Г.И. Петрановский-Белаш), три офицера поступили в нее в 24 года (А.Н. Вагин, И.И. Терванд и С.А. Щепихин), три офицера — в 26 лет, четверо — в возрасте 27–30 лет и два офицера в возрасте 32 и 35 лет (П.Г. Бурлин и М.Г. Серов соответственно).

Можно выделить два периода, в которые в академии обучалось наибольшее число офицеров — будущих вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества. Это периоды 1906–1908 и 1910–1913 гг. Примерно в одно время в академии учились и, возможно, уже в академические годы были знакомы друг с другом следующие группы офицеров: 1) М.Г. Серов, А.И. Дутов, И.М. Зайцев, Н.Т. Сукин, И.В. Тонких, С.А. Щепихин; 2) А.Н. Вагин, Ф.Е. Махин, Г.А. Витте-

³⁹⁶ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360. Л. 119, 307, 327; Д. 1483. Л. 170б.

копф; 3) И.Г. Акулинин, Ф.Е. Махин, П.Г. Бурлин, И.И. Терванд, Г.А. Виттекопф и Г.И. Петрановский-Белаш.

После окончания академии выпускники почти сразу приняли участие в Первой мировой, а затем и в Гражданской войнах, что позволило им быстро достичь больших чинов. Генеральских чинов они достигли (за исключением М.Г. Серова) уже в рядах белых армий. Самый молодым генералом из тринадцати выпускников академии стал И.И. Терванд, произведенный в этот чин в 32 года. Генералом в 34 года стал А.Н. Вагин, еще шесть бывших выпускников были произведены в генеральские чины в возрасте 37–39 лет. В 41–42 года генеральские погоны надели еще двое генштабистов (И.М. Зайцев и И.В. Тонких). М.Г. Серов стал генералом позже всех, в возрасте 50 лет, что связано с поздним началом его военной карьеры. Лишь Ф.Е. Махин так и остался полковником из-за участия в заговоре против А.И. Дутова и А.В. Колчака и последовавшей за этим высылки из России. Таким образом, через 5–6 лет после выпуска генералами стали четыре человека из рассмотренной нами группы, через 9–10 лет — три человека и через 11–12 лет — еще четыре человека. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что в условиях Гражданской войны в белых армиях Востока России старшинство при чинопроизводстве не соблюдалось и послужной список, равно как и год выпуска из академии, большого значения, в отличие от дореволюционных правил, не имел, гораздо важнее были участие того или иного офицера в боевых операциях и стаж его пребывания на штабных и командных должностях антибольшевистских формирований. Все это позволяло в короткий срок добиться значительного продвижения по службе.

Все тринадцать выпускников академии принимали участие в Первой мировой войне и лишь шестеро — в Русско-японской (И.Г. Акулинин, П.Г. Бурлин, Г.А. Виттекопф, А.И. Дутов, И.В. Тонких, С.А. Щепихин). Только два офицера уже в годы Первой мировой войны (И.Г. Акулинин и И.М. Зайцев) были награждены орденами Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием.

Что касается дальнейшей судьбы выпускников, то девять человек умерли в эмиграции, в том числе убитый советскими агентами А.И. Дутов и покончивший с собой И.М. Зайцев. Трое офицеров были расстреляны большевиками (Н.Т. Сукин, М.Г. Серов, И.И. Смольнин-Терванд). Г.И. Петрановский-Белаш, по одним данным, попал в плен и был расстрелян партизанами в деревне Хабьк Абаканской волости Минусинского уезда Енисейской губернии 23 января 1920 г.³⁹⁷, по другим — умер от тифа 13 ноября 1919 г.³⁹⁸

---

³⁹⁷ *Кутцов И.В., Бужков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011. С. 410.

³⁹⁸ Подробнее о генералитете Оренбургского казачьего войска периода Гражданской войны см.: *Волков Е.В.* Оренбургские казаки в генеральских погонах: коллективный портрет на фоне Гражданской войны // Белое дело. 2-й съезд представителей печатных и электронных изданий: Резолюция и мат. науч. конф. «Белое дело в гражданской войне в России, 1917–1922 гг.». М., 2005. С. 189–213; *Ганин А.В.* Еще об оренбургских казаках в генеральских погонах (примечание к статье Е.В. Волкова) // Там же. С. 213–226. Об оренбургском офицерстве этого периода в целом см.: *Ганин А.В.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска в конце XIX — первой половине XX в. // *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. С. 9–67. Там же опубликованы детальные биографические справки обо всех персоналиях, рассматриваемых в данной статье.

Кадры украинского Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.*

Переломные события 1917 г. раскололи некогда единый русский офицерский корпус в целом и генштабистов, представлявших собой интеллектуальную элиту старой армии, в частности. Раскол Генштаба происходил далеко не только по линии белые–красные, некоторая часть офицеров вовсе уклонилась от участия в Гражданской войне, но немало «академиков» поступило на службу в национальные армии. Наиболее многочисленной среди них была корпорация генштабистов в рядах украинских армий.

В общей сложности через украинские вооруженные формирования в 1917–1922 гг. прошло не менее 438 выпускников академии Генштаба, включая выпускников ускоренных курсов, но ничего необычного тут нет. Резкое ослабление в 1917 г. центральной власти, предоставление Временным правительством автономии Украине, развал армии и нараставшая анархия в стране естественно толкали часть генштабистов, связанных рождением, родственными связями, службой или имуществом с малороссийскими губерниями, в качестве альтернативы на путь национализации³⁹⁹. Отметим, что малороссы как представители второй по численности составляющей главного этноса империи были достаточно широко представлены в корпусе офицеров Генерального штаба. Масла в огонь подливали и местные политические лидеры, сделавшие ставку на самоопределение окраин. Территория Украины находилась в полосе Румынского и Юго-Западного фронтов, в результате чего офицеры, служившие на этих фронтах, имели возможность без особых затруднений и риска сюда перебраться.

Оттоку генштабистов на Украину непосредственно во время Гражданской войны благоприятствовали сразу несколько факторов: возникновение здесь независимого от большевиков государства, в котором существовали близкие русским язык и культура, установление в 1918 г. при гетмане П.П. Скоропадском системы военной службы, близкой к дореволюционной, а также возможность переждать наиболее острые события Гражданской войны в мирной обстановке на Украине,

---

* Впервые опубликовано в сокращении: Родина. 2009. № 8. С. 116–120. В настоящем издании публикуется с дополнениями.

³⁹⁹ По оценке Я.Ю. Тинченко, украинцы составляли 20% корпуса офицеров Генерального штаба Российской империи, однако он ничем не подтверждает эти данные и не поясняет, каким образом смог вычислить такой процент (Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). К., 2011. Кн. 2. С. 51).

защищенной германским протекторатом (при том, что формально Украина имела признаки независимого государства).

Перечисление возможных причин поступления генштабистов на украинскую военную службу позволяет утверждать, что отнюдь не все оказавшиеся в украинских войсках офицеры были убежденными украинскими националистами. И все же служба там предполагала несколько шагов, шедших вразрез с традиционными взглядами русских офицеров в целом и генштабистов в частности. Прежде всего, признаком лояльности офицера петлюровскому (в меньшей степени гетманскому) руководству являлось отсутствие со стороны такого офицера контактов с какими бы то ни было организациями или частными лицами, устойчиво ассоциировавшимися с Россией, неиспользование русского языка в устной или письменной речи, презрительное отношение к «москалям» (как во многих украинских документах того времени именовались русские). В Украинской галицийской армии выходцы из старой русской армии должны были служить вместе со своими недавними врагами — австрийцами, поскольку кадровые офицеры бывшей австро-венгерской армии составляли основу старшего и высшего командного состава галицийских войск. Только младший и средний комсостав был представлен украинцами и галичанами.

Важно разобраться, насколько искренне генштабисты разделяли националистические установки. Реконструировать сознание каждого офицера мы сейчас не можем, но на выручку приходят списки офицеров Генштаба, из которых можно узнать целый ряд интереснейших данных. Следует отметить, что в 1918 г. на Украине, где находилось огромное количество генштабистов, сформировалась достаточно серьезная система учета кадров Генерального штаба, соперничавшая по своему качеству и детализации с системой учета РККА.

По всей видимости, наиболее ранним украинским списком Генерального штаба является составленный 24 мая 1918 г. список офицеров Генштаба до полковников включительно, которые еще не были назначены на должности⁴⁰⁰. В этом списке первоначально содержались данные о 51 офицере, но постепенно, видимо, в связи с назначениями и иными обстоятельствами, сведения о части офицеров были вычеркнуты. Всего указаны 8 генерал-лейтенантов, 31 генерал-майор и 12 полковников. Среди прочего в списке есть такие любопытные графы, как «Связь с Украиной» и «Говорит ли на украинском языке». Анализ этих сведений дает возможность выявить причины поступления генштабистов в национальные армии, особенности самоидентификации этих офицеров. Данные первоначально списка (без вычеркиваний) могут быть сведены в таблицу 52.

По-настоящему связанными с Украиной, как представляется, можно считать представителей первых пяти категорий, к которым относились лишь 19 человек, или 37,2% кандидатов, тогда как связь абсолютного большинства с Украиной была весьма относительной. Не менее значим для уточнения полученных данных показатель знания офицерами украинского языка. При рассмотрении этого показателя необходимо учитывать, что генштабисты, стремившиеся любой ценой устроиться на украинскую службу, были весьма заинтересованы в указании завышенных данных о своем владении украинским языком. Тем не менее из 51 офицера по-украински, как они сами указали, говорили только 13, 9 указали, что гово-

---

⁴⁰⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 466–469.

рят немного либо еще только учатся языку, что может свидетельствовать скорее о незнании языка, чем о владении им. Наконец, 28 честно написали, что языка не знают, а один офицер не указал никаких данных. Из 50 указавших сведения о знании языка в процентном отношении 56% не знали языка, 18% говорили немного и лишь порядка 26% говорили свободно. Таким образом, всего около четверти генштабистов, желавших служить в украинских формированиях, были связаны с Украиной как с национальным государством. Небезынтересно, что из восьми человек, назвавших себя украинцами, лишь пятеро свободно владели украинским языком.

Таблица 52. Данные о связи с Украиной по списку Генштаба к 24 мая 1918 г.

Как связаны с Украиной	Офицеров
Украинцы	7
Родились на Украине	3
Семья (родственники) на Украине	6
Служили на Украине, украинцы	1
Служили на Украине, родственники — украинцы	2
Жили и (или) служили на Украине	23
Сочувствуют Украине	2
Служили на Румынском и (или) Юго-Западном фронте	3
Никакой связи	1
Нет данных	3

Весьма значительным и подробным был общий список офицеров Генерального штаба Украинской Державы на 21 ноября 1918 г. Этот список, хранящийся в фондах ЦДАВОУ⁴⁰¹, был недавно опубликован украинским исследователем Я.Ю. Тинченко⁴⁰². Ключевое значение в этом документе, на наш взгляд, имеют конкретные даты взятия на учет генштабистов на Украине, а не общая датировка составления списка. Между тем в ряде работ последнего времени ошибочно указывается именно эта последняя (21 ноября 1918 г.). Однако анализ материалов списка со всей очевидностью свидетельствует, что на эту дату далеко не все перечисленные в нем офицеры продолжали службу в армии Скоропадского. Например, генералы В.З. Савельев и А.М. Диденко к этому времени уже находились в войсках А.И. Деникина, сотник (капитан) Д.Р. Ветренко — в антибольшевистских формированиях на северо-западе России и т.д. Таким образом, дата составления этого списка вовсе не означала факта службы того или иного генштабиста в украинской армии на это число. К сожалению, точные датировки окончания службы в украинской армии и перехода в другие армии известны лишь в отношении немногих перечисленных в этом списке офицеров, поэтому указание даты

⁴⁰¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37.

⁴⁰² Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). К., 2007. Кн. 1. С. 520–535. При публикации, однако, не получили комментариев многочисленные неточности, содержащиеся в этом документе. Во втором томе своего справочника Тинченко ошибся на 99 человек при подсчете общего количества офицеров из этого списка (Там же. Кн. 2. С. 110).

21 ноября как даты нахождения того или иного генштабиста в армии Украинской Державы лишь запутывает ситуацию.

Значение этого списка как источника сведений об украинских генштабистах трудно переоценить. В нем содержатся данные о 305 выпускниках академии, среди которых 20 генералов (полных генералов и генерал-лейтенантов), 81 генеральный хорунжий (генерал-майор), 39 полковников, 83 войсковых старшины и подполковника (в том числе 3 курсовика⁴⁰³), 13 переведенных в Генштаб сотников (капитанов) — курсовиков. Кроме того, в списке значились 14 причисленных к Генштабу сотников и значковых (штабс-капитанов) — курсовиков, а также 55 — не причисленных⁴⁰⁴. Сведения включали последнюю должность в старой армии, год окончания академии и разряд, участие в войнах, награды и ранения, место и год рождения, связь с Украиной, знание украинского и иностранных языков, текущую должность, дату регистрации и адрес. Наравне с некоторыми списками РККА, это один из наиболее подробных списков Генерального штаба периода Гражданской войны. Проанализируем данные о связи офицеров из этого списка с Украиной, а затем статистику владения ими украинским языком (см. табл. 53).

Таблица 53. Данные о связи с Украиной по списку Генштаба к 21 ноября 1918 г.

Как связаны с Украиной	Офицеров
Украинцы	85
Родились на Украине	31
Семья (родственники) на Украине	5
Родственники (предки) — украинцы (уроженцы Украины)	16
Служили на Украине, родственники (предки) — украинцы	3
Жили и (или) служили на Украине	108
Владеют имуществом на Украине	12
Сочувствуют Украине	3
Владеют имуществом и сочувствуют Украине	1
Желают служить на Украине	2
Служили на Румынском и (или) Юго-Западном фронте	21
Никакой связи	6
Нет данных	12

Только 28% указанных в списке относили себя к украинцам, еще 6% происходили от украинцев или имели украинских родственников. Около 10% родились на Украине, но не относили себя к украинцам. Большинство (35%) были связаны с Украиной по службе, еще не менее 7% попали сюда с Юго-Западного и Румынского фронтов.

⁴⁰³ Т.е. выпускники ускоренных курсов академии, функционировавших в годы Первой мировой войны. Ранее при подсчетах офицеры из графы «Сотники» были нами отнесены к сотникам, тогда как там среди прочих указаны два войсковых старшины (*Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 95–96). В настоящем издании эти данные исправлены. Кроме того, в машинописный список карандашом добавлен один подполковник-курсик, ранее учтенный нами правильно.

⁴⁰⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 58об.

Чем моложе были офицеры, тем выше среди них был процент знающих украинский язык (см. табл. 54). В среднем же язык знали 35% выпускников академии, служивших в украинских формированиях, 21% владели языком слабо или еще только изучали его и, наконец, около 42% украинского языка не знали. Между прочим, среди 85 назвавшихся украинцами плохо по-украински говорили 19 и не говорили вовсе 10 человек. Суммарно слабо или вовсе не владевших языком украинцев было 34% от всех назвавшихся таковыми, в том числе 12% вообще не знавших этого языка.

Таблица 54. Данные о знании украинского языка по списку Генштаба к 21 ноября 1918 г.

Звание	Владеют украинским языком	Слабо владеют (учатся)	Не владеют	Нет данных
Генералы	6	3	11	—
Генеральные хорунжие	25	18	36	2
Полковники	13	9	16	1
Войсковые старшины и подполковники	26	17	38	2
Сотники	7	4	2	—
Сотники, причисленные к Генштабу	6	6	2	—
Не причисленные	23	8	23	1
Всего:	106	65	128	6

Подведем итог. На основе анализа данных украинских списков Генштаба очевидным становится тот факт, что искренне сочувствующих украинской национальной идее среди генштабистов, служивших в украинских формированиях в 1918 г., могло быть никак не более 36% (в пределах 110 выпускников академии), в действительности же таковых оказалось намного меньше. Тем более что даже в этой группе далеко не все владели украинским языком, что свидетельствует о декларированной приверженности Украине, не подкрепленной реальностью. Абсолютное большинство прочной связи с Украиной не имело, что показали дальнейшие события, когда в 1919 г. основная масса этих офицеров перешла на службу в войска Деникина.

На Украине в 1918 г. оказалось огромное количество офицеров Генерального штаба. Только в Главном и Генеральном штабах служило не менее 150 выпускников академии, среди которых было немало выдающихся с огромным командным и научно-педагогическим стажем⁴⁰⁵. Тем не менее гетманский режим едва ли мог положиться на них с точки зрения лояльности Украине. Как правило, офицеры были настроены антибольшевистски, но отнюдь не в украинском, а, скорее, в русском имперском духе. В своих мемуарах гетман Украины П.П. Скоропадский писал об этом: «Были, конечно, в Киеве даже, могу сказать, блестящие генералы и штаб-офицеры Генерального штаба, но все они стояли исключительно за до-

⁴⁰⁵ Удовиченко О.І. Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил 1917–1921. К., 1995. С. 42.

бровольческую армию генерала Деникина⁴⁰⁶, против которой я ничего не имел. Но эта ориентация мне совершенно не подходила, так как там тогда проповедовалось полнейшее отрицание Украины. Выбор мой поэтому был очень ограничен, и сколько я не искал себе подходящего начальника Генерального штаба, найти

⁴⁰⁶ Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947) — родился в д. Шпеталь-Дольный Варшавской губернии. Сын майора. Окончил Ловичское реальное училище (1890), военно-училищный курс Киевского пехотного юнкерского училища (1892) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1899). Подпоручик (со ст. с 04.08.1892). Поручик (со ст. с 05.08.1895). Штабс-капитан (со ст. с 19.07.1898). Капитан (со ст. с 02.06.1899). Подполковник (со ст. с 28.03.1904). Полковник (за боевые отличия, с 1905 со ст. с 13.07.1905). Генерал-майор (со ст. с 21.06.1914). Генерал-лейтенант (за боевые отличия, со ст. с 10.09.1915). На службе с 11.07.1890. Во 2-й артиллерийской бригаде. Состоял при Варшавском военном округе. Переведен в Генштаб (1902). Старший адъютант штаба 2-й пехотной дивизии (23.07.1902–17.10.1903). Командир роты 183-го пехотного Пултусского полка (24.10.1902–29.10.1903). Старший адъютант штаба II кавалерийского корпуса (17.10.1903–28.03.1904). Штаб-офицер для особых поручений при штабе IX армейского корпуса (28.03–03.09.1904). Участник Русско-японской войны. Штаб-офицер для особых поручений при штабе VIII армейского корпуса (03.09.1904–02.01.1906). Начальник штаба Забайкальской казачьей дивизии (с 28.10.1904). Штаб-офицер для особых поручений при штабе II кавалерийского корпуса (02.01–30.12.1906). Штаб-офицер при управлении 57-й пехотной резервной бригады (30.12.1906–29.06.1910). Командир батальона 228-го пехотного резервного Хвалынского полка (01.05–06.09.1907). Командир 17-го пехотного Архангелогородского полка (29.06.1910–23.03.1914). Прикомандирован к кавалерии (06.09–06.10.1909). И.д. генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа (с 23.03.1914). Участник Первой мировой войны. Генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии (с 19.07.1914). Начальник 4-й стрелковой («Железная») бригады, развернутой в дивизию. Командующий 4-й стрелковой дивизией (с 06.08.1915). Командир VIII армейского корпуса (с 09.09.1916). Помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего (с 28.03.1917). Вр.и.д. начальника штаба Верховного главнокомандующего (с 05.04.1917). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (с 18.04.1917). Главнокомандующий армиями Западного фронта (с 31.05.1917). Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (с 02.08.1917). За поддержку выступления генерала Л.Г. Корнилова отчислен от должности и арестован, содержался в Бердичевской и Быховской тюрьмах (29.08–19.11.1917). Бежал из Быховской тюрьмы на Дон. Участник Гражданской войны. Один из вождей Белого движения. В Добровольческой армии и ВСЮР (24.11.1917–04.04.1920). Стоял у истоков создания Добровольческой армии. Командующий войсками Добровольческой армии (01.1918). Начальник 1-й Добровольческой дивизии (с 30.01.1918). Участник Первого Кубанского (Ледяного) похода. Заместитель генерала Л.Г. Корнилова. Командующий Добровольческой армией (с 31.03(13.04).1918). Главнокомандующий Добровольческой армией (с 25.09(08.10).1918). Главнокомандующий ВСЮР (26.12.1918(08.01.1919)–22.03(04.04).1920). Выехал в Константинополь. В эмиграции в Великобритании (04–08.1920), Бельгии (до 05.1922), Венгрии (с 06.1922), Франции (с весны 1926), США (с 1945). Почетный председатель Союза первопоходников. Сотрудничал с журналами «Борьба за Россию», «Иллюстрированная Россия», с газетой «Доброволец». Противник привлечения русских эмигрантов на службу в Вермахт. Под оккупацией жил на юге Франции в д. Мизан (с 1940). Умер в Энн-Эрборе (Мичиган, США). Похоронен в Детройте. Перезахоронен на Свято-Владимирском православном кладбище в Касвилле, Нью-Джерси (15.12.1952). Перезахоронен на кладбище Донского монастыря в Москве (03.10.2005). Женат на Ксении Васильевне Чиж (02.04.1892–03.03.1973), дочери генерала. Дочь Марина Деникина-Грей (05.03.1919–22.11.2005). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1902), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1904), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), чин полковника за боевые отличия (1905), ордена Св. Анны 2-й ст. с мечами (1906), Св. Владимира 4-й ст. (06.12.1909), Св. Владимира 3-й ст. (1913, утв. 18.04.1914), Св. Георгия 4-й ст. за бои у Самбора (Высочайший приказ 24.04.1915), Св. Георгия 3-й ст. за бои у Лутовиско (Высочайший приказ 03.11.1915), Георгиевское оружие за бои у Гродека (Высочайший приказ 10.11.1915), чин генерал-лейтенанта за боевые отличия, Георгиевское оружие, украшенное бриллиантами, за двукратное взятие Луцка (Высочайший приказ 22.09.1916), знак отличия Первого Кубанского (Ледяного) похода (1918), французский военный крест. Соч.: Очерки Русской Смуты. Берлин; Париж, 1921–1926. Т. 1–5; Офицеры. Париж, 1928; Старая армия. Париж, 1929–1931. Т. 1–2; Русский вопрос на Дальнем Востоке. Париж, 1932; Брест-Литовск. Париж, 1933; Кто спас Советскую Россию от гибели? Париж, 1937; Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939; Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953.

не мог»⁴⁰⁷. По свидетельству выпускника ускоренных курсов академии А.И. Удовиченко, в это время «как в государственный, так и в военный аппарат было собрано для работы немало людей, которые в силу своих русофильских тенденций смотрели на Украину как на плацдарм для формирования антибольшевистских сил»⁴⁰⁸. Тот факт, что большинство офицеров, служивших на Украине лишь при гетмане Скоропадском, были враждебно настроены по отношению к украинской национальной идее, признают и современные украинские авторы⁴⁰⁹. В то же время нельзя согласиться с утверждением о целенаправленной политике Скоропадского по изгнанию националистически настроенных украинских офицеров из армии⁴¹⁰.

Примечательна карьера начальника Генерального штаба Украинской Державы, которым в 1918 г. стал молодой офицер Генштаба подполковник (с 31 октября 1918 г. — полковник) Александр Сливинский (Слива). В августе 1918 г. ему исполнилось всего 32 года, академия Сливинский окончил в последний предвоенный выпуск 1914 г. После крушения гетманской власти Сливинский оказался в Одессе, был зарегистрирован у красных, а затем попал к Деникину. О какой-либо идейности в данном случае говорить не приходится.

Схожие впечатления вынес из встречи с 1-м генерал-квартирмейстером украинского Генерального штаба В.А. Синклером в конце октября 1918 г. генерал С.Я. Гребенщикова. Он вспоминал: «Я вынес впечатление, что и военные украинские круги чужды каких-либо крайних самостоятельных взглядов... Между прочим, когда позже Гетман объявил, что Украина будет в составе России, все офицеры Генерального штаба примкнули к этому течению, а когда взял верх Петлюра, часть их, и тот же Синклер, остались служить у него и до сих пор находятся в петлюровской организации. Не знаю, из каких побуждений примкнули они к Петлюре, но я глубоко уверен, что Синклер, безусловно, не может сочувствовать полной самостоятельности Украины вне ее связи с Россией. Кажется, и сам Петлюра об этом уже не мечтает»⁴¹¹. Сохранились свидетельства о том, что на украинской службе Синклер остался в конце 1918 г. совершенно случайно, только под воздействием личности В. Тютюнника⁴¹². Уместно отметить, что Синклер впоследствии занимал целый ряд высших постов в армии УНР: командовал Действующей армией и состоял начальником Генерального штаба.

Один из руководителей разведки Добровольческой армии и ВСЮР Генерального штаба полковник Б.И. Бучинский писал генералу А.И. Деникину 23 июля 1922 г.: «С огромным интересом прочел I том Ваших “Очерков” и еще раз пережил ту горечь и боль, которую пережили все любящие свою родину люди, когда на наших глазах разваливалась армия и гибла Россия. К сожалению, в 18 и 19 годах, когда была полная возможность избавить Россию от большевизма и дать ей национальное правительство, дело наше провалилось. Интересно, как Вы объясните это в Вашем труде. Я полагаю, что несчастье все в том, что большинство

⁴⁰⁷ *Скоропадський П.П.* Спогади. К.; Філадельфія, 1995. С. 181.

⁴⁰⁸ *Удовиченко О.І.* Україна у війні за державність. С. 42. Перевод наш.

⁴⁰⁹ *Тинченко Я.Ю.* Офіцерський корпус. Кн. 1. С. 7.

⁴¹⁰ Там же. Кн. 2. С. 109.

⁴¹¹ Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь, 2009. С. 236.

⁴¹² *Маланок С.* Тютюнник і Синклер // Україна. 1919 рік. М. Капустянський «Похід Українських армій на Київ-Одесу в 1919 році». Є. Маланок «Уривки зі спогадів»: Док. та мат. К., 2004. С. 333–334.

преследовало свои личные цели мелкого карьеризма⁴¹³ и благополучия, совершенно не заботясь об интересах страны. Достаточно вспомнить⁴¹⁴, что большинство офицеров Ген[ерального] штаба, старших начальников и чиновников явились к нам только после крушения гетманства, потеряв там свое жалованье⁴¹⁵. Таким образом, по мнению одного из штаб-офицеров Генерального штаба, которое, скорее всего, разделял и сам Деникин, подчеркнутый наиболее острый фрагмент этого письма, в гетманской армии генштабисты задерживались из-за жалованья и карьерных соображений. К этому следует добавить и возможность переждать Гражданскую войну, которую давало в тот период пребывание на Украине. Только те офицеры, которые от начала и до конца борьбы по своей воле служили Украине (в том числе те, кто погиб или скончался во время пребывания на этой службе), могут быть с большой долей вероятности отнесены к идейным сторонникам нового украинского государства, а не к случайным попутчикам, прятавшимся на «незалежной» территории от красного террора или стремившимся отсидеться в теплом и сравнительно спокойном месте в самое тяжелое время.

Генерального штаба генерал-майор С.Я. Гребенщиков, числившийся в гетманской армии лишь формально, отметил в своих воспоминаниях, что «не хотел служить в украинской, хотя и Гетманской армии, ибо административная служба меня гораздо менее обязывала, чем военная. Первую я мог бросить когда угодно, вполне легко, а вторая могла поставить меня в какое-либо гнусное положение по отношению к Русской армии, чего я, конечно, допустить не мог и что могло бы вызвать крупные осложнения, особенно в случае перемены курса Гетманского правительства»⁴¹⁶. Вместе с тем Гребенщиков отмечал недостаточный для жизни в Киеве размер жалованья в тысячу карбованцев, которое предлагалось в октябре 1918 г. по должности начальника отдела Генерального штаба.

Уровень подготовки украинских офицеров ярко демонстрирует интереснейший доклад от 20 мая 1919 г. командующего Северной группой армии УНР полковника В.И. Желиховского Главному атаману и Наказному атаману о состоянии войск группы. В докладе отмечалось, что новые работники штаба группы не знакомы с функциями штабного аппарата⁴¹⁷. «В самом штабе Северной группы пришлось встретить, как уже и раньше отмечено, аппарат расстроенный, многие из офицеров, за исключением оперативного отдела, оказались мало подготовленными к своей работе; например, Управление дежурного генерала не могло составить точной и приведенной в систему ведомости состава войсковых частей, штабов и инстанций, входящих в состав группы. В результате пришлось отчислить от должности дежурного генерала полковника Ластовского⁴¹⁸ и назначить взамен его, а также кое-кого из офицеров — офицеров из состава штаба Отдельного пограничного корпуса. В штабе группы работа, по-видимому, не имела характера

---

⁴¹³ Подчеркнуто А.И. Деникиным.

⁴¹⁴ Далее предложение отмечено на полях генералом Деникиным.

⁴¹⁵ Копия письма предоставлена А.И. Рудиченко (Киев).

⁴¹⁶ Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. С. 236.

⁴¹⁷ ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 6. Д. 13. Л. 3. Выражаю благодарность к.и.н. М.А. Ковальчуку (Киев) за указание на этот источник. Отдельные украинские слова, имевшиеся в документе, при цитировании переведены на русский язык.

⁴¹⁸ Ластовский Борис Мартынович — полковник, дежурный генерал штаба Северной группы армии УНР (1919).

систематически точно налаженного часового механизма, каковою она должна быть на самом деле, чтобы действительно быть продуктивной. Раньше все делалось, очевидно, между прочим, походя, и большинство распоряжений отдавались, писались самолично бывшим начальником штаба, генералом Агапеевым, который, благодаря этому, один был в курсе всех дел и вполне ориентирован, а остальные чины штаба — в очень малой степени»⁴¹⁹. По мнению Желиховского, «офицерский состав в частях в общем стоит далеко не на должной высоте... были случаи, когда офицеры первыми покидали порученные им боевые участки, когда под их влиянием козаки отказывались идти на позицию... Особенно трудно стоит вопрос с[о] старшим командным составом на ответственных должностях — командиров полков и начальников дивизий... Очень тяжело стоит вопрос с офицерами Генерального штаба: во-первых, их мало, во-вторых — в большинстве это молодые без достаточной теоретической и практической подготовки люди»⁴²⁰.

Представляет интерес динамика численности генералов-генштабистов в украинских формированиях. По некоторым данным, из 78 генералов периода Центральной Рады выпускники Николаевской академии составляли 59 человек, или 75,6%, при гетмане численность генералов резко возросла, составив 276 человек, из которых 188 генштабистов, или 68,1%. В армии УНР из 123 генералов генштабистами были только 40, что составляло лишь 32,5% от общей цифры⁴²¹. Сложно сказать, насколько достоверны эти данные.

Возможности подготовленной нами базы данных по участию выпускников Николаевской академии Генерального штаба в Гражданской войне позволяют дать достаточно точную оценку перемещений таких офицеров. При внушительной численности генштабистов, прошедших через украинские формирования, идейных участников борьбы в рядах украинских армий на всем протяжении Гражданской войны среди них было относительно немного. Определить круг таких лиц несложно. Прежде всего, это те офицеры, которые находились на службе в украинских войсках в 1918–1920 гг. без значительных перерывов и при этом не служили сколько-нибудь продолжительное время в других армиях. По нашим подсчетам, таковых было не более 43 человек. Только этих офицеров (10% выпускников академии, прошедших через украинские формирования), и то с оговорками в отношении карьеристов и случайных попутчиков, можно отнести к подлинным сторонникам украинского национального движения⁴²². Среди них такие знаковые для украинского национального движения фигуры, как генералы В.Н. Петров, А.И. Удовиченко и некоторые другие. Как правило, эти люди, сделавшие в украинских формированиях неплохую карьеру, являлись махровы-

⁴¹⁹ ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 6. Д. 13. Л. 4об.–5об.

⁴²⁰ Там же. Л. 10об.–11об.

⁴²¹ *Дмитрук В.* Вони боролися за волю України (Нарис історії Сірожупанної дивізії). Луцк, 2004. С. 198.

⁴²² Список таких офицеров: М.Д. Безручко, А.С. Галкин, Е.С. Гамченко, А.П. Греков, Л.А. Дроздовский, С.И. Дядлоша, Н.Д. Ещенко, В.Е. Змиенко, Н.А. Капустянский, Н.А. Коваль-Медзвецкий, Ф.А. Колодеев, В.В. Колосовский, А.Ф. Кузьминский, С.Н. Кульжинский, В.М. Куц, М.М. Лазаренко-Дедковский, П.И. Липко, А.П. Лушненко, И.С. Мартынюк, Е.В. Мешковский, И.А. Морозевич, А.Ф. Низненко, А.В. Осецкий, Н.М. Острянский, Ю.В. Отмарштейн, М.С. Пересада-Суходольский, В.Н. Петров, А.С. Пороховщикова, О.Г. Рак, В.П. Савченко, В.П. Сальский, В.А. Сигарев, В.А. Синклер, Ю.В. Скорняков, Б.Е. Снигирев, В.Е. Соллогуб, А.А. Степанов, Е.О. Стецкий, Б.И. Сулковский, А.И. Удовиченко, К.К. Цурканов, В.Ф. Чабаневский, Н.Л. Юнаков.

ми националистами и русофобами. На страницах своих мемуаров Удовиченко писал о белых и красных «москалях», порабошавших Украину⁴²³. Точно так же рассуждал и бывший начальник Генштаба УНР В.Н. Петров, потомок шведов и норвежцев, любивший для подчеркивания своей «щирости» ходить в украинской «вышиванке».

Только в украинских формированиях служили 106 выпускников академии, включая 67 генштабистов довоенных выпусков. Остальные же, по ироническому замечанию генерала Г.Е. Янушевского, считались генштабистами лишь «по существовавшему в украинской армии обычаю считать академиками всех тех, кто хоть раз “имел случай переступить порог академии” (так звали тех, кто прошел лишь 6-месячный курс при академии для подготовки к штабной службе)»⁴²⁴. Впрочем, такая практика существовала и в других армиях Гражданской войны. Большинство находилось на службе не весь период 1918–1920 гг. (в том числе погибшие и умершие в это время).

Вообще же отток генштабистов из украинских формирований, особенно в связи с падением режима Скоропадского, приходом к власти радикальных националистов социалистического толка и началом гонений на офицерство, носил массовый характер. Тем более что в армии УНР, по свидетельству генерала Янушевского, «разговор на каком-нибудь ином языке, кроме украинского, считался вполне достаточным основанием для изгнания из армии без всякого разговора образованных старшин⁴²⁵ как “непевных”»⁴²⁶.

В целом, данные о службе выпускников Николаевской академии в украинских формированиях и их переходах в другие армии могут быть сведены в таблицу 55⁴²⁷.

Через украинские армии прошло 15,6% выпускников академии, участвовавших в Гражданской войне⁴²⁸. Не менее 206 офицеров после службы в украинских войсках отправились на белый Юг, 8 — на Восточный антибольшевистский фронт (включая Туркестан), 14 — на Северный, Северо-Западный фронт, в Прибалтику и Польшу, и 89 офицеров перешли на сторону красных,

⁴²³ Удовиченко О.И. Україна у війні за державність. С. 127–128.

⁴²⁴ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 111об.

⁴²⁵ Старшина (укр.) — офицер.

⁴²⁶ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 33об. Непевних (укр.) — неблагонадежных.

⁴²⁷ Сведения уточнены по новым архивным данным, выявленным после выхода нашего справочника по кадрам Генштаба.

⁴²⁸ Процент генштабистов, служивших в украинских армиях, рассчитан из 2798 слушателей и выпускников Военной академии, принимавших участие в Гражданской войне и документально известных автору на данный момент. Такой показатель, однако, не отражает реальной картины вклада генштабистов в события Гражданской войны, поскольку не содержит поправки на многочисленные переходы из лагеря в лагерь и службу одних и тех же офицеров в нескольких армиях. Оценить реальный вклад генштабистов того или иного лагеря Гражданской войны возможно только при учете перемены ими различных лагерей. Такое распределение приведено в нашем справочнике по кадрам Генштаба и рассчитано на основании маршрутов офицеров за время Гражданской войны (мест службы). Служба в каждом лагере принята за единицу, но без дублирования одних и тех же армий для одного лица (например, если офицер успел дважды послужить в Красной армии с перерывом на службу в какой-либо другой). Процентное соотношение рассчитывается из суммы всех известных мест службы, на которых находились офицеры. По этой методике удельный вес генштабистов украинских армий составляет 11,4%. Подробнее см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 115–135. Основным недостатком методики является невозможность учета продолжительности службы офицера в том или ином лагере, но этот недостаток устраняется вычислением соотношения кадров Генштаба за определенные периоды.

**Таблица 55. Данные о службе выпускников академии,
прошедших через украинские армии**

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсо- вики	Данные о выпу- ске из академии неизвестны	Всего
Украинские армии	67	33	6	106
Украинские армии — Южный фронт белых	132	23		155
Украинские армии — РККА	31	13	1	45
РККА — украинские армии — Южный фронт белых	10	11		21
Украинские армии — РККА — Южный фронт белых	15	1		16
Украинские армии — Южный фронт белых — РККА	10	1		11
РККА — украинские армии — РККА	7	3		10
РККА — украинские армии	2	7		9
Украинские армии — РККА — Южный фронт белых — РККА	5	1		6
Южный фронт белых — украинские армии — Южный фронт белых	3	2		5
Украинские армии — Восточный фронт белых	4			4
Украинские армии — Южный фронт белых — Восточный фронт белых	4			4
Украинские армии — Южный фронт белых — Украинские армии	2	1		3
Украинские армии — Северный фронт белых	3			3
Украинские армии — Северо-Западный фронт белых	1	1		2
Украинские армии — латвийская армия	2			2
Южный фронт белых — украинские армии	1	1		2
Украинские армии — Южный фронт белых — латвийская армия	2			2
РККА — украинские армии — РККА — Южный фронт белых	2			2
Украинские армии — Южный фронт белых — Восточный фронт белых — РККА	2			2
РККА — украинские армии — Восточный фронт белых	2			2
Украинские армии — Южный фронт белых — Восточный фронт белых — Южный фронт белых	2			2
Украинские армии — Южный фронт белых — Восточный фронт белых — польская армия	1			1
Украинские армии — РККА — Восточный фронт белых — Южный фронт белых	1			1

Категория	Выпускники довоенной академии	Курсовики	Данные о выпуске из академии неизвестны	Всего
Южный фронт белых — РККА — украинские армии — Южный фронт белых	1			1
Украинские армии — РККА — украинские армии	1			1
Украинские армии — РККА — Южный фронт белых — 3-я Русская армия	1			1
РККА — украинские армии — РККА — Южный фронт белых — Восточный фронт белых	1			1
РККА — украинские армии — Южный фронт белых — Восточный фронт белых — РККА	1			1
РККА — украинские армии — Западная армия — Русская народная добровольческая армия		1		1
Украинские армии — РККА — Южный фронт белых — Восточный фронт белых	1			1
Украинские армии — Восточный фронт белых — РККА	1			1
Украинские армии — Южный фронт белых — РККА — украинские армии — РККА	1			1
РККА — украинские армии — РККА — Южный фронт белых — украинские армии		1		1
Украинские армии — Южный фронт белых — украинские армии — РККА	1			1
РККА — украинские армии — Южный фронт белых — эстонская армия	1			1
Украинские армии — РККА — украинские армии — Южный фронт белых	1			1
Украинские армии — РККА — Южный фронт белых — эстонская армия	1			1
РККА — украинские армии — РККА — украинские армии		1		1
РККА — украинские армии — польская армия		1		1
РККА — украинские армии — Северный фронт белых		1		1
Украинские армии — Северо-Западный фронт белых — эстонская армия	1			1
Украинские армии — Западная армия	1			1
Украинские армии — Западная армия — литовская армия	1			1
Украинские армии — Северо-западный фронт белых — 3-я Русская армия	1			1
Украинские армии — Туркестан	1			1
ИТОГО:	328	103	7	438

причем некоторые затем вновь оказались у украинцев или попали к белым. Еще 17 офицеров до поступления на украинскую службу служили в противоборствующих армиях, но затем никуда переходить не стали. Таким образом, лояльность украинским формированиям на протяжении Гражданской войны сохраняли только 24% прошедших через них генштабистов. Показательно, что из украинских формирований к белым перешло в два с половиной раза больше выпускников академии, чем к красным. Это свидетельствует о значительно большей близости для офицеров национальных армий идей Белого движения, чем идеологии большевиков. Тем не менее переход столь внушительной массы офицеров не принес белым победы в том числе и потому, что эти генштабисты не стремились к активному участию в Гражданской войне, а заботились прежде всего о собственной безопасности.

Белые отнеслись к вновь прибывшим без особой теплоты. На собрании офицеров Генерального штаба Добровольческой армии 10 (23) сентября 1918 г. единогласно было принято положение о том, что генштабисты, служившие в РККА или в национальных армиях, при поступлении в Добровольческую армию должны реабилитировать себя судом чести⁴²⁹. Однако Деникин не согласился с этим и наложил на документ резолюцию, суть которой сводилась к тому, что за подобные преступления полагается военно-полевой суд.

Согласно циркуляру начальника штаба армии от 20 сентября (3 октября) 1918 г., «офицеры Генерального штаба, служившие в украинской армии, лишаются раз навсегда мундира русского Генерального штаба; в случае прибытия таких офицеров в армию, они могут поступать лишь на должности рядовых (сохраняя свои офицерские чины); то же относится и ко всем генералам (не только Генерального штаба), служившим в украинской армии после прихода немцев на Украину»⁴³⁰. Вследствие этого распоряжения, обусловленного скорее антинемецкой ориентацией командования белых, чем неприятием украинских националистов, у многих офицеров-генштабистов, в том числе оказавшихся на Украине не по убеждениям, а в силу обстоятельств, возникли трудности при поступлении в армию Деникина. Выпускник ускоренных курсов академии капитан К.А. Терлецкий писал об этом 12 (25) августа 1920 г.: «По окончании старшего класса 2ой очереди Николаевской военной академии, я немедленно оставил пределы Великороссии, не дождавшись приказа о причислении к Генштабу, как это положено согласно приказа № 627 об ускоренной подготовке офицеров, получив от н[ачальни]ка Николаевской академии удостоверение в причислении за № 948, имеющееся у меня на руках и в настоящее время. В части Добрармии вступил 8 октября 1919 года и как ранее служивший в Украинских частях при Гетмане в генквармглаве⁴³¹ не регистрировался, считая для себя слишком тяжелым актом реабилитацию, не чувствуя за собою вины. По личному почину поступил в строевые части и переведен в Дон[скую] армию, где и командовал баталионом, а затем переведен в училище на должность преподавателя...»⁴³² Лишь 29 апреля (12 мая) 1920 г. приказами Генштаба генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля № 3052 и 3053 все

⁴²⁹ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 46. Л. 1об.

⁴³⁰ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

⁴³¹ Генквармглав — в данном случае: отдел генерал-квартирмейстера при главнокомандующем.

⁴³² РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 245.

офицеры и солдаты национальных армий и РККА, сдавшиеся белым, освобождались ото «всех кар и ограничений» и восстанавливались в правах⁴³³.

Еще одним лагерем, куда массово переходили украинские генштабисты, стала Красная армия. Генштабист А.И. Батрук свидетельствовал в показаниях по делу «Весна»: «Более чем десятимесячное пребывание в рядах армии Украины убедило меня в неустойчивости государственной власти, политика которой расходилась со стремлением основной массы населения, и вытекающая отсюда слабость армии привели меня к убеждению, что мое решение, принятое весной 1918 г., было неправильно, и поэтому я решил не связывать свою судьбу с УНР, с ее армией, а остаться в Киеве и ждать прихода Красной армии»⁴³⁴.

Нет ничего удивительного в том, что украинские списки Генштаба, относящиеся к концу Гражданской войны, оказались намного короче тех, что издавались в 1918 г. Список украинских генштабистов (офицеров армии УНР), составленный украинским Главным управлением Генштаба, относится к концу Гражданской войны и датирован 3 февраля 1921 г. Список этот небольшой. В нем приведены минимальные сведения (чин, фамилия, имя, отчество) о 37 офицерах, в том числе 4 генерал-поручиках (генерал-лейтенантах), 15 генерал-хорунжих⁴³⁵ (генерал-майорах), 2 полковниках, 13 подполковниках и 3 сотниках (капитанах)⁴³⁶. В другой редакции этого же списка добавлены еще один подполковник и два сотника⁴³⁷. Кроме того, есть основания полагать, что в списке имеются и другие пропуски. Вероятно, один из самых поздних списков офицеров Генштаба УНР датируется 1 августа 1927 г. и включает краткие сведения о 23 украинских генштабистах в эмиграции⁴³⁸.

Судя по всему, список этот также неполон, но тем не менее отражает общую тенденцию снижения численности представителей дореволюционной военной элиты, сохранивших верность украинской национальной идее. Таким образом, идеология украинского национализма стала достоянием абсолютного меньшинства офицеров Генерального штаба, при этом большая часть выпускников академии оказалась в украинских армиях вовсе не по идейным соображениям. Гораздо более приемлемым для вышедших из русской армии генштабистов украинского происхождения был сравнительно умеренный в национальном вопросе режим, установленный на Украине гетманом П.П. Скоропадским.

---

⁴³³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 178. Л. 51–52.

⁴³⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 537 (616). Л. 42–42об.

⁴³⁵ Звание генерального хорунжего, существовавшее при Скоропадском, в армии УНР было изменено на генерал-хорунжего.

⁴³⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 1–1об.

⁴³⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 5. Д. 6. Л. 6об.

⁴³⁸ САУ. 1.380.2.61.

Через красную Россию: тайная миссия генерала В.Е. Флуга в 1918 г.*

Важной составляющей истории антибольшевистского подполья наряду с деятельностью различных тайных организаций на территории Советской России является история командировок белых эмиссаров через красную территорию для установления связи с другими антибольшевистскими фронтами. Вводимые в научный оборот новые данные свидетельствуют о том, что эта деятельность была достаточно успешной.

Центральное место в этой истории занимают командировки таких высокопоставленных деятелей белого лагеря, как генерал В.Е. Флуг и полковник (позднее — также генерал) Д.А. Лебедев. О миссии Лебедева известно очень мало, однако широко известен ее результат — мало пригодный к занятию столь высокого поста Лебедев стал начальником штаба Ставки адмирала А.В. Колчака, испытывавшего своеобразный пиетет перед выходцами с белого Юга с их ореолом основоположников Белой борьбы, и провалил колчаковское наступление весной 1919 г. Впрочем, это уже другая история.

Значительно больше данных имеется о командировке генерала Флуга, опубликовавшего свой анонимный отчет об этом в берлинском «Архиве русской революции». Однако ставший достоянием общественности отчет страдает лаконичностью, а упоминаемые в нем имена зашифрованы буквенными обозначениями. Между тем важнейшие сведения о поездке сохранились в не предназначавшихся для печати воспоминаниях генерала Флуга, в которых белому генералу не было необходимости что-либо скрывать, беспокоясь о безопасности упоминаемых лиц, как это было с опубликованным отчетом. Эти мемуары представляют исключительный интерес для историков и в сравнении с опубликованным отчетом, а также другими документами и материалами создают яркую картину секретной командировки белого генерала через территорию красной России⁴³⁹.

---

* Впервые опубликовано: Родина. 2007. № 12. С. 41–47. В настоящем издании публикуется с дополнениями и исправлениями.

⁴³⁹ Вскоре после выхода нашей статьи увидела свет статья омского историка В.А. Шуддякова на ту же тему: *Шуддяков В.А.* Делегация в Сибирь от Добровольческой армии и ее роль в реорганизации нелегальных военных структур Омска // *Вестник Томского государственного университета (общенаучный журнал)*. 2009. № 324. Июль. С. 217–220. К сожалению, эта работа при сопоставлении с нашей статьей почти ничего нового к истории миссии Флуга не добавляет за исключением анализа финансирования антибольшевистского подполья омским кружком правых кадетов. Необходимость написания

Несколько слов о самом Флуге. Василий Егорович Флуг родился в 1860 г. Талантливый офицер Генерального штаба, однокашник крупнейшего русского военного деятеля начала XX в. генерала М.В. Алексеева по Николаевской академии, он имел богатый военно-административный опыт: участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае, в Русско-японской и Первой мировой войнах, был военным губернатором Приморской области, помощником Туркестанского генерал-губернатора. К 1914 г. он дослужился до чина генерала от инфантерии. Отличительными чертами Флуга были храбрость и решительность, не случайно его ратный труд был отмечен Золотым оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени — высшими военными наградами Российской империи⁴⁴⁰. Генерал Флуг с семьей 14 ноября 1917 г. прибыл в Новочеркасск из Петрограда и предложил свои услуги Алексееву, формировавшему Добровольческую армию.

Как вспоминал сам Флуг, Алексеева удалось разыскать не без труда, так как «он окружил себя конспиративной обстановкой»⁴⁴¹. «Мое предложение услуг М[ихаил] В[асильевич] принял с довольно кислой миной, пояснив, что ему нужны не столько пожилые генералы, сколько молодые люди и младшие офицеры для формирования строевых частей. Что касается старшего командного состава, то такого имеется достаточно»⁴⁴².

Для содержания семьи Флуг, не получивший никакого назначения, в декабре устроился работать в одной из канцелярий соседнего с Новочеркасском Ростова⁴⁴³, занимаясь общественной деятельностью в целях оздоровления казачьего населения и пропаганды антибольшевистских идей.

Благодаря некоторым случайностям Флуг встретился в декабре с только что тайно прибывшим на Дон генералом Л.Г. Корниловым. Свидание с полным энергией и жаждавшим борьбы Корниловым произвело на Флуга самое лучшее впечат-

---

своего текста Шулдяков обосновывает тем, что в нашей статье не был проведен сравнительный анализ опубликованного отчета Флуга и его неопубликованных воспоминаний, в результате чего якобы допущен «ряд неточностей и ошибок» (Там же. С. 217). Принять первое замечание Шулдякова невозможно, так как наша статья как раз построена на сопоставлении этих двух основных источников по истории миссии Флуга и третьего источника — доклада подполковника В.А. Глухарева. К сожалению, три этих документа по целому ряду вопросов противоречат друг другу, а других источников, непосредственно освещающих работу миссии, пока не обнаружено. Если в нашей статье за основу как более достоверные взяты впервые вводимые в научный оборот неопубликованные документы Флуга, то Шулдяков, в первую очередь, основывается на его опубликованном отчете. Что касается второго замечания о «ряде неточностей и ошибок», то автор этих строк обратился к Шулдякову с просьбой конкретизировать данное серьезное заявление, на что Шулдяков любезно прислал список своих ремарок. Однако единственным значимым замечанием из его списка оказалось ошибочное указание в нашей статье на офицерское звание Е.Я. Глебова. Остальные ремарки Шулдякова представляли собой его интерпретацию событий, причем нередко практически совпадавшую с нашей. Автор этих строк благодарен В.А. Шулдякову за проявленный интерес к статье. Все замечания нами внимательно проанализированы, представляющие ценность учтены при доработке статьи для публикации в настоящем издании.

⁴⁴⁰ Подробнее о Флуге см.: *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Куцков И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003. С. 215–216; *Куцков И.В., Бужков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011. С. 579–581; *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 249–250. Также см. примеч. 1184

⁴⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 141.

⁴⁴² Там же. Л. 141–142.

⁴⁴³ Там же. Л. 144.

ление, в особенности по сравнению с впечатлениями от атамана А.М. Каледина и генерала Алексеева⁴⁴⁴.

В ответ на предложение Флугом своих услуг Корнилов спросил: «Согласны ли Вы принять на себя военно-политическое поручение, сопряженное с опасностью для жизни?»⁴⁴⁵ Флуг без колебаний ответил согласием, после чего Корнилов обещал обдумать один из вариантов такого поручения. Уже при этой встрече Корнилов говорил об огромном значении Сибири как базы для борьбы с большевиками.

К новому году Корнилов утвердился в мысли командировать Флуга в Сибирь⁴⁴⁶, хотя о положении в этом регионе имелись крайне скудные данные. Допускалось, что власть в Сибири принадлежит местному автономному правительству. Корнилов рассматривал Западную Сибирь как богатую продовольственную базу, а также надеялся на свой авторитет среди сибиряков (Корнилов происходил из сибирских казаков). В то же время Алексеев выступил против такой командировки, считая ее крайне затратной и не рассчитывая на какую-либо выгоду от нее для Добровольческой армии, но к концу января 1918 г. под давлением Корнилова все же дал свое согласие. В «Очерках Русской Смуты» генерал А.И. Деникин также отмечал, что инициатива в вопросе о командировке Флуга принадлежала Корнилову, тогда как отношение Алексеева к этой идее было более сдержанным⁴⁴⁷. Возможно, позиция Алексеева была связана с его критическим отношением как к Корнилову, так и к Флугу⁴⁴⁸. Сам Флуг даже написал, что из-за несогласованности взглядов Корнилова и Алексеева данные ему инструкции противоречили друг другу⁴⁴⁹.

Командировка Флуга носила как военный, так и политический характер и походила в ведении Корнилова и Алексеева, от которых Флуг должен был получить все необходимые инструкции. Поездка должна была осуществляться в условиях строгой конспирации, почему и оказалась столь успешной. Торопиться с отъездом заставляло и ухудшение положения Добровольческой армии в это время, грозившее скорым падением Новочеркасска и Ростова. В подобной обстановке не было возможности тщательно подготовить поездку, а составленные наспех инструкции, как было сказано выше, противоречили друг другу. Кроме того, они страдали чрезмерностью регламентации, стесняя самостоятельность Флуга и его соратников, ставили явно невыполнимые задачи и не учитывали сложность связи между Доном и Сибирью⁴⁵⁰. Исполнявший должность начальника штаба армии генерал И.П. Романовский на вопрос Флуга ответил, что инструкциями следует руководствоваться по возможности, а в нужный момент проявлять собственную инициативу.

Ряд личных указаний Флугу перед отъездом дал и сам Корнилов. Главной задачей Флуга была организация на местах групп для борьбы с большевиками, учет

---

⁴⁴⁴ Там же. Л. 156.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 159.

⁴⁴⁷ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2003. С. 484.

⁴⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 88.

⁴⁴⁹ [Флуг В.Е.] Отчет о командировке из Добровольческой Армии в Сибирь в 1918 году // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 243.

⁴⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 171.

живой силы для этой борьбы, ведение агитации в войсках и распространение тайной литературы, установление отношений с местными правительствами и налаживание связи военных организаций с Добровольческой армией.

Флуг должен был возглавить сибирский отдел Союза защиты Родины и Свободы (делегация Добровольческой армии в Сибирь), местопребывание которого определено не было, но предполагалось начать работу в таких центрах, как Омск и Томск. Корнилов снабдил Флуга письмами к крупным деятелям сибирского казачества и одному из наиболее авторитетных сибирских областников Г.Н. Потанину, а также текстом своей политической программы. Кроме того, в распоряжение Флуга Корнилов назначил прапорщика П.М. Мартынова (1878–1919) — своего адъютанта, храброго офицера, ранее служившего в Ставке, который мог выполнять различные поручения и имел связи в Сибири.

Единственным документом Флуга, подтверждавшим его полномочия, было удостоверение штаба Добровольческой армии от 1 февраля 1918 г. № 162 за подписью генерала Романовского, в котором говорилось, что он командируется «для организации на местах и вербовки добровольцев», причем почему-то только в Западную Сибирь, тогда как инструкции охватывали всю территорию Сибири.

В результате всех подготовительных мероприятий у генерала сложилось впечатление, что не сочувствовавший идее командировки Алексеев преднамеренно старался поставить его в стесненные условия, чтобы как можно сильнее ограничить размах его будущей работы⁴⁵¹. Финансовое положение белого Юга тогда было плачевным, в этом смысле неудивительно, что делегации было выделено ничтожное финансирование (всего 6880 руб.), причем продолжительность командировки была определена в полгода. На выручку пришел Корнилов, предоставивший Флугу еще 25 000 руб. из своего фонда.

Помощником Флуга по политической части стал подполковник-артиллерист В.А. Глухарев, являвшийся также юристом, по военной части — временно прапорщик Мартынов. Как выяснилось позднее, Глухарев, при многочисленных достоинствах, питал слабость к алкоголю, после употребления которого утрачивал всякую осторожность, необходимую для конспирации. Перед отъездом глава миссии об этом еще не знал. Тем не менее именно Глухарев оставил нам еще одно, помимо воспоминаний Флуга, свидетельство об истории миссии, относящееся к середине мая 1918 г.⁴⁵² Бумаги Глухарева хранились в личном архиве адмирала А.В. Колчака, что свидетельствует об их особой значимости.

Итак, миссия готовилась к отъезду. Между тем обилие выданных документов (инструкций, воззваний, перечней необходимых сведений, ключей для шифрования) могло сыграть плохую службу ее участникам — обнаружение хотя бы одного из этих документов при обысках на советской территории обрекало всех членов миссии на неминуемую смерть. Важно было тайно провезти не только все бумаги, но и значительные денежные суммы, которыми была снабжена миссия.

Большую часть бумаг было решено везти в зашифрованном виде, причем ключ сохранялся в мнемоническом виде (т.е. без письменного следа, только в памяти членов миссии). Зашифрованный текст был переписан на мягкую ткань, что

⁴⁵¹ Там же. Л. 179.

⁴⁵² Контрреволюция в Сибири. Доклад подполковника Глухарева / Публ. С. Пионтковского // Красная летопись. 1923. № 5. С. 356–370.

позволяло подшить ее в подкладку одежды, причем эти документы были зашиты в одежду двух женщин, ехавших в составе миссии (падчерицы Флуга актрисы О.К. Пестич и сестры милосердия N), поскольку женщины вызывали меньше подозрений. Эти женщины в составе миссии выполняли обязанности переписчиц и занимались шифрованием бумаг.

Делегация в целях конспирации была снабжена романовскими деньгами и керенками; кредитные билеты, выпущенные в Ростове-на-Дону, для такой миссии явно не годились. Деньги, программа Корнилова, рекомендательные письма и удостоверение Флуга были зашиты в большие плюшевые пуговицы верхнего платья женщин⁴⁵³. Другие руководящие указания были переписаны бесцветными чернилами, проявившимися при нагревании, на полях определенных страниц взятых с собой явочки для чтения книг или на мягких коленкорových лоскутках, зашитых в подкладки пальто. Таким же способом были спрятаны шифры.

Указания из тайников предполагалось извлекать как можно реже, в связи с чем Флуг постарался выучить все тексты наизусть. Официально генерал выступал в качестве коммивояжера, имея фальшивые документы на имя екатеринославского гражданина Василия Юрьевича Фадеева (вымышленные имя, отчество и фамилия сравнительно близко совпадали с реальными на случай, если бы кто-то из знакомых генерала окликнул его в общественном месте, кроме того, совпадение инициалов с реальными позволяло не беспокоиться об аббревиатурах на вещах), в его записной книжке и на отдельных листках были сделаны соответствующие вымышленные записи. Флуг никогда не бывал в Екатеринославе, но догадался навести необходимые справки о городе и изучить его план, что впоследствии пригодилось, когда один из проверявших паспорт служащих железной дороги оказался выходцем из этого города и начал расспрашивать Флуга о положении там⁴⁵⁴.

Прапорщик Мартынов получил фамилию Мартыненко, падчерица Флуга ехала по своим настоящим документам, госпожа N — по бумагам сестры милосердия с фронта⁴⁵⁵. Подполковнику Глухареву удостоверение сделать не успели, поэтому он обходился своим старым паспортом на имя помощника прокурора петербургского окружного суда. Впоследствии Флуг консультировался со специалистами из бывших полицейских и судебных чинов по поводу своего паспорта, и они отмечали, что паспорт был изготовлен весьма искусно, имел потертый вид и не вызвал бы подозрений даже у знатоков. Большую достоверность ему по мере движения миссии придали многочисленные печати различных советских учреждений.

В соответствии с паспортом Флугу пришлось изменить и свой внешний вид: перед отъездом он отпустил небольшую бородку и длинные волосы, зачесывая их с боковым пробором, усы же, наоборот, стал подстригать. Почтенный генерал сумел отучить себя от военной выправки и походки, приняв, как отмечал он сам, «облик пожилого штатского человека со слабым зрением, никогда в войсках не служившего»⁴⁵⁶.

Обычно при обысках Флуг и его соратники разыгрывали спектакль, удававшийся во многом благодаря таланту падчерицы Флуга — профессиональной ак-

---

⁴⁵³ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 189.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 205.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 191.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 193.

трысы. Может создаться впечатление глубокой законспирированности миссии, однако оно обманчиво. Никто из участников этой командировки не обладал опытом нелегальной работы, в результате чего были допущены значительные промахи. Так, на третьем месяце командировки самими членами миссии на суконной подкладке резиновых галош падчерицы генерала была обнаружена надпись «Флуг»⁴⁵⁷. Тем не менее, несмотря на ряд обысков, красные ничего не заподозрили, возможно, потому, что советские специальные службы еще только зарождались и были тогда подготовлены не лучше.

Накануне отъезда, еще в Новочеркасске, Флуг перешел на нелегальное положение и поселился в Московской гостинице по поддельному паспорту. Вероятно непреднамеренно, участники миссии дождались вступления в Новочеркасск красных, что позволило им не пересекать линию фронта, а продолжать оставаться на месте, к тому же отъезд был затруднен перерывом железнодорожного сообщения. Единственной уликой оставался громоздкий тюк с антибольшевистской литературой, который некуда было спрятать. Первоначально для него был заказан чемодан с двойным дном, но изготовить его до прихода большевиков не успели, поэтому прапорщик Мартынов со служащими миссии просто вынес его из города и бросил в поле, причем произошло это буквально за полчаса до обыска в номере Флуга⁴⁵⁸.

В гостинице жили и обе сотрудницы миссии, избегая, однако, встреч с Флугом. Глухарев жил на частной квартире. После восстановления железнодорожного сообщения у подпольщиков появилась возможность наконец выехать в Сибирь.

Отъезд состоялся 25 февраля (10 марта), причем прапорщик Мартынов, не получивший в Совете депутатов пропуска, должен был выехать следом, встреча намечалась в Самаре. Миссия выехала через Царицын, так как более короткий путь через Лиски был еще закрыт. Проезд по железным дорогам тогда представлял собой значительные затруднения и риск. Останавливались в Царицыне, Пензе, Самаре и Челябинске, где осуществлялись пересадки, при которых все члены миссии постоянно изображали случайных попутчиков⁴⁵⁹.

Уже в Самаре необходимо было связаться с командированным прежде от Добровольческой армии штабс-капитаном Шлихтингом и через него выйти на местных финансовых и политических деятелей, но найти этого офицера не удалось.

16 (29) марта делегация прибыла в Омск, где жил родной брат помощника генерала Флуга подполковника В.А. Глухарева — инженер путей сообщения Андрей. По прибытии стало ясно, что о местном автономном правительстве говорить не приходится, а власть в Сибири твердо удерживают большевики. Началась работа миссии по установлению контактов с антибольшевистскими элементами.

Между прочим, местные власти получили информацию о прибытии белогвардейского генерала для контрреволюционной работы. Эти сведения просочились через проговорившихся своим женам новых знакомых Флуга, имена которых генерал так и не раскрыл. Лишь некомпетентность местной ЧК позволила членам делегации продолжить свою деятельность⁴⁶⁰. Впрочем, в мае одно из подразде-

---

⁴⁵⁷ Там же. Л. 194.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 198.

⁴⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.

⁴⁶⁰ Там же. Л. 12–13.

лений омской организации было все же раскрыто чекистами⁴⁶¹. Вскоре стало известно, что прапорщик Мартынов попал в Москву и был там арестован, но своих не выдал. Мартынову удалось освободиться⁴⁶², причем он продолжил участвовать в различных рискованных предприятиях. В итоге он был арестован как один из участников антибольшевистского вооруженного подполья в Москве (член военной организации «Национального центра») и в конце 1919 г. расстрелян⁴⁶³.

Первые шаги миссии в Омске успеха не имели, поскольку местные общественные деятели содействовать Флугу не хотели, а все свои надежды обращали на интервенцию союзников. Такое положение вещей не могло удовлетворить генерала, поэтому он приступил к более активной работе. Сибирское антибольшевистское подполье было очень обширным и разветвленным — здесь существовало не менее 38 тайных военных организаций, общей численностью около 6000 человек, основу которых составляли офицеры, юнкера и кадеты, гимназисты⁴⁶⁴. Через сибирского казачьего офицера Е.П. Березовского и ветеринарного врача Е.Я. Глебова, которым были адресованы письма Корнилова, удалось выйти на офицерское подполье, оказавшееся не всегда дисциплинированным и крайне разношерстным, в том числе по политической ориентации.

Тем не менее Флуг сумел установить единое руководство омским подпольем. В апреле он ездил с этой целью в Петропавловск, где познакомился с полковником П.П. Ивановым (подпольный псевдоним Ринов), которого подпольщики прочили в военные вожди⁴⁶⁵. Иванов встал во главе белого подполья, получил денежные средства от местных предпринимателей и право непосредственных сношений со штабом Добровольческой армии, а миссия отправилась дальше на восток. Флуг был известным человеком, и однажды супруга Иванова-Ринова, несмотря на всю конспирацию, неожиданно его узнала, вспомнив портреты генерала, публиковавшиеся в журналах периода Русско-японской войны, и встречу с ним на приеме в Смольном институте. «После такого изумительного образчика женской наблюдательности и проницательности мне осталось только во всем по-

⁴⁶¹ Шульдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. Кн. 1: 1917–1920. М., 2004. С. 64.

⁴⁶² Есть данные о том, что это произошло 8 декабря 1918 г. (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1143. Л. 10).

⁴⁶³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 39. В 1919 г. Мартынов неоднократно арестовывался, а в короткие периоды своего пребывания на свободе, видимо, находился под пристальным наблюдением ВЧК. Первый его арест произошел 20 февраля 1919 г. Освобожден он был 25 июля 1919 г. Затем по делу «Национального центра» он был арестован 29 августа 1919 г., причем у Мартынова был обнаружен шифр организации (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1143. Л. 10). База данных «Мемориала» о жертвах политических репрессий содержит сведения еще об одном аресте Мартынова МЧК 13 декабря 1919 г. (Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007). Домашний адрес Мартынова (ул. Большая Лубянка, д. 15, кв. 7) был не вполне удачен, поскольку белый агент поселился в непосредственной близости от ВЧК. Частота его арестов и освобождений не может не вызывать удивления. Возможно, он был завербован ВЧК и действовал в 1919 г. в антибольшевистском подполье Москвы как провокатор либо использовался чекистами «втемную». Тем более что в заключении Мартынов познакомился с генералом В.И. Соколовым, которого считали одним из руководителей антибольшевистского военного подполья в Москве. В августе 1919 г. Мартынов служил инспектором управления по всеобщему военному обучению. Делопроизводителем этого же управления был его сын Борис (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 69. Л. 2). Интересно, что следователем по делу Мартынова был не кто иной, как А.В. Эйдук — один из высокопоставленных чекистов, что не может не свидетельствовать о значимости фигуры Мартынова для ВЧК (ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 222. Л. 48).

⁴⁶⁴ Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 130; Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 57.

⁴⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.

виниться перед полковницей и просить ее не выдавать меня большевикам», — ответил генерал⁴⁶⁶.

Подпольщиками был разработан план действий, предусматривавший одновременное выступление против большевиков по всей территории Сибири. Самостоятельные выступления допускались лишь для самообороны. Тайная агентура Флуга была внедрена даже в Советы депутатов, являвшиеся в тот период основными органами власти большевиков в Сибири⁴⁶⁷. Генерал Флуг сразу выделил Омск как наиболее крупный центр антибольшевистской борьбы, сюда в случае успеха предполагался переезд белых вождей с Юга⁴⁶⁸. Подобные планы генерала Л.Г. Корнилова для его окружения не являлись секретом.

Из Омска делегация, отправив с донским офицером полковником Петровым донесение на Юг, 27 апреля выехала в Томск и на Дальний Восток, где назревали важные события. В Томск прибыли на следующий день. Незадолго до приезда миссии большевики обнаружили тайный склад оружия и заполучили списки части подпольщиков. Данные о руководителях томского подполья противоречивы. Томским офицерским подпольем руководили полковник Н.Н. Сумароков и начальник штаба подполковник А.Н. Пепеляев. Ближайшим соратником Пепеляева был Б.М. Михайловский — томский уездный комиссар, член партии эсеров⁴⁶⁹, которого также называли начальником наиболее крупной в Томске подпольной боевой организации, насчитывавшей в своих рядах до 800 офицеров⁴⁷⁰. Судя по всему, в городе действовали две подпольные офицерские организации — одна эсеровская Михайловского и другая беспартийная Сумарокова.

Здесь Флуг познакомился с подполковником А.Н. Гришиным (псевдоним Алмазов) — еще одним, помимо Иванова-Ринова, будущим белым вождем Востока России⁴⁷¹. Гришин руководил другим антибольшевистским подпольным центром — штабом Западно-Сибирского военного округа в Новониколаевске. Организация Гришина была достаточно мощной, имела большое количество ячеек, но подчинялась эсеровскому Западно-Сибирскому комиссариату Временного правительства автономной Сибири, что отталкивало от нее многих офицеров, не принимавших социалистическую идеологию. Впоследствии после длительных переговоров организации Гришина и Иванова объединились. В Томске Флуг встретился и с Г.Н. Потаниным, оказавшимся дряхлым стариком. Либеральная политическая программа «Потанинского кружка» оказалась во многом созвучной программе Корнилова, которую привез Флуг. Были организованы встречи с А.Н. Гаттенбергером, издателем газеты «Сибирская жизнь» А.И. Адриановым и поручиком Б.М. Михайловским.

Была сделана попытка объединить существовавшие боевые организации (беспартийную и эсеровскую) в одну и выработать общий план действий. Удовлетворившись достигнутым, Флуг решил отправиться в Иркутск и заняться организацией подполья там.

---

⁴⁶⁶ Там же. Л. 32.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 38.

⁴⁶⁸ Контрреволюция в Сибири. С. 367, 369.

⁴⁶⁹ Журавлев В.В. Рождение Временного Сибирского правительства // Гражданская война на Востоке России: Проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 37, 40.

⁴⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 16. Л. 72.

⁴⁷¹ Там же. Л. 54.

Прибыв на новое место 21 апреля (4 мая), Флуг попытался сначала выйти на военное подполье, а уже потом на местных политических деятелей, поскольку практиковавшаяся обратная последовательность в Омске и Томске оказалась более рискованной. На основе информации, полученной от омских подпольщиков (по другим данным, от томского подпольщика прапорщика В.А. Смарен-Завинского⁴⁷²), была сделана попытка выйти на организацию известного эсера подполковника А.А. Краковецкого (впоследствии одного из первых советских разведчиков). Краковецкий являлся военным министром Временного Сибирского правительства (позднее — Временного правительства автономной Сибири) эсера П.Я. Дербера и фактически руководил эсеровским военным подпольем в Сибири. Первая попытка не удалась, но, как всегда, помог случай.

Знакомство завязалось через офицера, который, как писал Флуг, «во время затнувшегося почему-то пребывания дел[ега]ции на Иркутском вокзале, присмотревшись к ее членам, хотя и разыгрывавшим обычную комедию, заподозрил в них, как он сам говорил впоследствии, “что-то белогвардейское”. Он познакомился сначала с дамами дел[ега]ции, а через них и с ее главой и его пом[ощни]ком, и в свойственном русскому офицеру порыве откровенности рассказал многое, о чем, собственно, следовало умолчать перед пятиминутными знакомыми, но что оказалось для дел[ега]ции весьма полезным в отношении завязки сношений»⁴⁷³.

Далее по цепочке члены миссии вышли на подполковника артиллерии Н. Петухова, бывшего руководителя подпольной организации и бывшего инспектора артиллерии II армейского корпуса генерала Л.Я. Симонова — тестя Петухова (его дочь Татьяна — отчаянная героическая девушка, в 1917 г. вступившая в женский ударный батальон, настояла на включении ее в делегацию, причем без всякого вознаграждения). Наконец, через 5–6 дней на членов делегации вышли руководитель иркутского подполья прапорщик Н.С. Калашников (именно он в конце Гражданской войны поднял в Иркутске мятеж против адмирала А.В. Колчака) и другие офицеры, являвшиеся по своим убеждениям эсерами. Большую пользу принесли служивший у большевиков член боевой организации Генштаба полковник М.П. Никитин⁴⁷⁴ и полковник А.В. Эллерц (более известный по псевдониму Усов как Эллерц-Усов), причем последний возглавил объединенные усилиями Флуга вооруженное подполье в Иркутске⁴⁷⁵. Такой выбор оказался не вполне удачным, так как Эллерц подпал под влияние эсеровского окружения и утратил прежнюю энергичность в действиях. Между прочим, членам организаций выплачивалось жалование (до 100 руб. в месяц), хотя, по мнению генерала Флуга, оно было весьма скромным (для сравнения, в Омске — 250 руб.). Очевидно, желающих рисковать только из идейных соображений было немного, а тайно получаемое жалование служило подспорьем в непростых советских реалиях.

Обстановка в Забайкалье и активизация в мае 1918 г. атамана Г.М. Семенова, наступавшего от станции Маньчжурия на Читу, требовали помощи ему из Иркутска, хотя бы в форме срыва возможного разрушения большевиками байкальских

---

⁴⁷² Отчет о командировке. С. 259.

⁴⁷³ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 16. Л. 63–64.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 66.

⁴⁷⁵ Подробнее об иркутском офицерском подполье см.: Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. С. 56–60.

туннелей и угона плавсредств от восточного берега Байкала к Иркутску. Был разработан план действий по захвату туннелей и пароходов. Успеху подпольщиков препятствовали финансовые трудности, а делегация Флуга достаточных средств не имела. Кроме того, в подпольной организации состояло лишь незначительное число находившихся в Иркутске офицеров.

Флугу удалось встретиться с политическими деятелями Иркутска — адвокатом Д.А. Кочневым и членом кадетской партии И.П. Кокоулиным. Через них решались вопросы финансирования подполья. Но, как впоследствии писал Флуг, местные эсеры из боевой организации его использовали с целью получить денежную поддержку от представителей торгово-промышленных кругов, не желавших до того иметь с ними дело по причине левых убеждений этих подпольщиков⁴⁷⁶.

Сестра Кокоулина Ольга вызвалась доставить в Омск донесение Флуга генералу Алексееву. Далее ответственность за доставку лежала на П.П. Иванове-Ринове. Первое донесение Алексееву из Иркутска было направлено около 15 мая в Омск с тремя офицерами-артиллеристами (Гриневым, Седовым и Остальским). Второе донесение отвезла Кокоулина, причем ей пришлось пробираться через район боевых действий красных против уже восставших чехословаков. Иванов позднее подтвердил получение донесений и факт отправки их на Дон с надежными курьерами-офицерами⁴⁷⁷.

Тем не менее ни на одно из донесений Флуг не получил ответа (первое, как выяснилось, было получено штабом Добровольческой армии, судьба второго донесения и везшего его из Омска курьера неизвестна), копий этих документов не делалось из соображений конспирации. Реакция же руководства Добровольческой армии на донесение Флуга, полученное в июне (Деникин пишет о двух с половиной месяцах с момента отправки донесения, но, если верить мемуарам Флуга, прошло не более полутора месяцев), была скорее негативной.

Идейный вдохновитель миссии генерал Корнилов к этому времени погиб, будучи смертельно ранен разорвавшимся снарядом при штурме Екатеринодара. После Корнилова армию возглавляли генералы Деникин и Алексеев. На последнего, долгое время и с немалыми трудностями занимавшегося обеспечением армии денежными средствами, произвело удручающее впечатление требование Флуга выделить ему «хотя бы 100 тыс. рублей». Алексеев в связи с этим написал Деникину о недопустимости разбрасываться средствами при отсутствии видимого результата, он полагал необходимым приостановить деятельность миссии и держать Флуга в Сибири только для связи и осведомления⁴⁷⁸. При выборе между содержанием еще не окрепшей Добровольческой армии и финансированием политической работы в далекой Сибири возмущение Алексеева можно было предвидеть заранее. Таким образом, генерал Флуг и члены миссии оказались предоставлены самим себе. В своем письме находившемуся на Востоке России Генерального штаба генерал-майору Н.А. Степанову от 17 (30) сентября 1918 г. Деникин прямо обвинил Флуга в бездеятельности⁴⁷⁹.

---

⁴⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 16. Л. 82.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 88.

⁴⁷⁸ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 3. С. 484.

⁴⁷⁹ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 22. Л. 4об.

В Иркутске делегация прожила три недели (с 4 по 25 мая) первоначально в гостиницах «Националь» и «Париж», а затем в связи с угрозой разоблачения — на частных квартирах. Далее Флуг, обзаведясь свидетельством о необходимости лечения в Японии, а также удостоверением о необходимости закупки на Дальнем Востоке скобяного товара для Томского союза кооперативов, решил выехать в Забайкалье. Все лица, отправлявшиеся тогда на Дальний Восток, подвергались тщательной проверке в Иркутске и на станции Слюдянка. Для предотвращения провала были приняты особые меры конспирации. Счета, выдававшие подпольщиков, были отправлены на Дальний Восток по почте (позднее некоторые из них пропали в связи с неисправностью почтового сообщения), часть документов была спрятана уже в вагоне. Целью делегации был Харбин, в который решено было добираться кружным путем через Дальний Восток, поскольку боевые действия в Забайкалье не позволяли ехать напрямик до станции Маньчжурия и далее по КВЖД.

В Забайкалье, как писал Флуг, «среди представителей казачьего населения симпатий к атам[ану] Семенову, вообще, не замечалось»⁴⁸⁰. Несмотря на обыск, вызванный расслабленностью членов миссии после приключений в Иркутске и по пути в Забайкалье, группа Флуга водным путем 31 мая отправилась в Благовещенск. До того времени выйти на чехословаков, поддерживавших лишь левые организации, Флугу не удавалось⁴⁸¹.

Во Владивостоке, куда делегаты прибыли 11 июня, подпольная организация в связи с восстанием чехословаков была разгромлена буквально накануне. Арестован ее руководитель полковник В.А. Волков⁴⁸². Работа Флуга здесь была затруднена тем, что в конце XIX – начале XX в. он прожил во Владивостоке около десяти лет, в том числе являясь военным губернатором Приморской области при нахождении области на военном положении, связанном с необходимостью карательных мероприятий. По этой причине постоянно происходили неожиданные и нежелательные встречи. Фактически работа миссии на Дальнем Востоке провалилась.

Во избежание дальнейшего неоправданного риска генерал Флуг и подполковник Глухарев на пароходе «Санио-Мару» выехали в Корею, так как сухопутный маршрут был перерезан начавшимся выступлением атамана И.П. Калмыкова. Далее спутники кружным путем должны были добраться до Харбина. Остальные члены миссии были оставлены во Владивостоке. По итогам поездки в Сибирь Флуг составил представление о невозможности выступления местных организаций без внешней помощи. Именно такую помощь вскоре и оказали своим выступлением чехословаки.

В Харбин Флуг и Глухарев прибыли 24 июня, оказавшись наконец в безопасности. Задачей миссии теперь было организовать единое антибольшевистское правительство на Востоке, для чего Харбин как база идеально подходил, так как здесь находилось Временное правительство автономной Сибири П.Я. Дербера, а также руководство КВЖД в лице генерала Д.Л. Хорвата и сформированное им альтернативное правительство — Деловой кабинет.

⁴⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 16. Л. 93.

⁴⁸¹ Там же. Л. 104.

⁴⁸² Там же. Л. 111.

В Харбине Флуг, хотя полномочий на это не имел, вступил в качестве делегата генералов Алексеева и Корнилова в состав Делового кабинета Хорвата и познакомился с будущим Верховным правителем А.В. Колчаком. Глухарев стал помощником Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по гражданской части. Спустя неделю в Харбин прибыли и остальные трое служащих делегации, причем по суше, обходя разезды противоборствующих сторон и скопления войск. Сибирским подпольщикам Флуг предложил войти в подчинение этому правительству, но такое предложение не получило поддержки. Именно в Харбине Флуг и его спутники в начале июля встретили весть о падении советской власти в Сибири. Флуг пытался связаться с Югом, но на протяжении 1918 г. наладить связь так и не удалось. На этом тайная миссия завершилась. По окончании своей работы 10 февраля 1919 г. на пароходе «Томск» генерал Флуг отплыл на Юг России⁴⁸³, прибыв 6 (19) апреля в Новороссийск⁴⁸⁴.

Не стоит преувеличивать значение командировки, совершенной Флугом и его соратниками. Их миссия оказалась успешной лишь отчасти. С одной стороны, авторитет основоположников Белого движения на Юге России, на который опирался генерал Флуг, придавал уверенность работе руководителей подполья, привлекал колеблющихся в ряды белых подпольщиков. Историческим фактом является объединение и укрепление при содействии Флуга подпольных организаций Сибири. С другой стороны, подпольные организации существовали и до прибытия миссии, причем с ее появлением кардинальных перемен не произошло, а реальное взаимодействие с руководством Добровольческой армии Флугу (не по его вине) организовать не удалось. Впрочем, скорее всего, из-за дальности расстояния оно было просто невозможно. Тем не менее деятельность миссии может быть отнесена к одной из героических страниц тайной войны, развернувшейся параллельно с «большой» Гражданской войной в 1917–1922 гг.

Приложение

Список деятелей белого подполья, имена которых зашифрованы генералом Флугом при публикации отчета о тайной миссии в девятом томе «Архива русской революции»

- г-н А. — подполковник В.А. Глухарев
- г.г. У и Z. — Е.П. Березовский и Е.Я. Глебов
- Е. — владыка Сильвестр
- полк. З. — полковник Петров, командир Донского казачьего полка
- О. — прапорщик В.А. Смарен-Завинский
- Т. — прапорщик Н.С. Калашников
- Ф. — прапорщик И.М. Соловьев
- Х. — прапорщик П.М. Мартынов
- Ц. — прапорщик Моисеев

---

⁴⁸³ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 17. Л. 151.

⁴⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

«Я от переутомления буквально свалился с ног...»

Режим работы генштабистов в Красной армии
в 1918–1920 гг.*

В годы Гражданской войны труд специалистов Генерального штаба был чрезвычайно напряженным и практически ненормированным. Это логически проистекало из факта катастрофической нехватки кадров Генштаба в армии, в результате чего многие специалисты были вынуждены совмещать целый ряд должностей, что, разумеется, резко увеличивало нагрузку. Фактически именно бывшие офицеры-генштабисты вынесли на своих плечах всю техническую работу по созданию многомиллионной Красной армии.

Как отмечал будущий Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников, «академия приучила нас к напряженной работе и к выполнению ее в указанный срок»⁴⁸⁵. В условиях Гражданской войны подобные навыки генштабистов оказались особенно востребованы.

Сохранилось немало свидетельств, касавшихся режима работы офицеров Генштаба и влияния его на их психологическое состояние и здоровье. Условия службы военспецов в Красной армии были крайне тяжелыми, тем более что бывшие офицеры нередко воспринимались новой властью как заведомые враги, которых нет смысла жалеть, а необходимо использовать до полного истощения их сил и возможностей. Фактически к военспецам относились как к безграничному ресурсу со всеми вытекающими из этого последствиями.

Советский главком И.И. Вацетис вспоминал о работе офицеров-генштабистов в РККА: «Я могу констатировать, что бывшие офицеры Генерального штаба несут свои тяжелые обязанности с большим самоотвержением, отдаются делу целиком и контрреволюционности в их среде не замечается... среди лиц Генерального штаба, особенно занимающих высшие ответственные посты, чувствуется большая усталость, нервная издерганность и упадок энергии. На них смотрят как на необходимое зло, которое временно необходимо использовать, а потом выбросить за борт, как выжатый лимон»⁴⁸⁶. Ниже он писал: «... в критический момент, когда будут колебаться шансы победы, я очень опасуюсь, чтобы в эту минуту среди издерганных, изнервничавшихся, доведенных до состояния неуравновешенности лиц Генерального штаба не начались массовые самоубийства на почве отчаяния»⁴⁸⁷.

* Впервые опубликовано: Военно-исторический архив. 2011. № 6 (138). С. 56–66. В настоящем издании публикуется с дополнениями.

⁴⁸⁵ Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 163.

⁴⁸⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 236.

⁴⁸⁷ Там же. Л. 237–238.

Начальник оперативного управления Полевого штаба РВСР бывший Генштаба полковник Б.М. Шапошников, по воспоминаниям своего сослуживца по Полевому штабу бывшего Генштаба капитана А.В. Панова, «в продолжение рабочего дня (этот день насчитывал не меньше 17–18 часов)... с неизменно оживленным видом выносил на себе всю сложность оперативной работы, вначале — налаживая ее стройность и полезность, а в дальнейшем — повышая ее производительность... Тяжелые были тогда бытовые условия в Москве. Обыкновенно, закончив свой трудовой день в 4 часа утра, Борис Михайлович возвращался в свою холодную комнату и сам колот дрова и топил печку (а иногда и дров не было). А через 4–5 часов, после “завтрака” из кусочка хлеба с напитком, он уже снова в служебном кабинете. И никто никогда не слышал от него даже намека на какие-либо неудобства и недостатки личной жизни. Наоборот, его всегда видели только веселым, оживленно отзывчивым на каждое явление окружающей обстановки. Рядом с ним забывали о себе и его ближайшие сотрудники, к которым он в то же время относился всегда заботливо и стремился помогать в их нуждах»⁴⁸⁸.

Тот же Панов свидетельствовал, что ночные доклады в Полевом штабе нередко затягивались до 3–5 часов утра, «это объяснялось тем, что к ночи накапливался более существенный материал для доклада, а также и тем, что к концу доклада и обсуждения событий обычно приходил заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский. До его прибытия главнокомандующий не решался распустать докладчиков, и потому всем приходилось ожидать Э.М. Склянского»⁴⁸⁹.

Известно, что во второй половине 1919 г. сотрудники Полевого штаба работали в оперативном управлении с 10 до 16 часов, а затем с 21 до 23. В административном управлении — с 10 до 17 часов. Однако на практике заявленный график работы не соблюдался, поскольку практиковались ночные вызовы сотрудников или вызовы в обеденный перерыв⁴⁹⁰.

Выпускник ускоренных курсов академии Г.И. Теодори писал о себе и своих товарищах по выпуску: «Все мы издерганы непрерывной работой, переформированьями и гонкой от лица к лицу... неужели достаточно желанья т. Механошина⁴⁹¹, чтобы нас бросали из угла в угол...»⁴⁹² Речь шла не только о тяжелой работе генштабистов, но и о единоличных решениях партийных функционеров, из-за которых военспецов произвольно перемещали с должности на должность. Теодори позднее писал председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому: «Я пишу эту краткую поддержку (вынужденный в целях самообороны) из моей личной колоссальной работы лишь для того, чтобы дать Вам маленькую картину моей трудовой жизни и того, как мне за нее отплачено. Число часов моей суточной работы были 17–19: я приходил в 9 час. утра, уходил в 2–3 часа ночи, усталый всегда, либо подвозимый тов. Араловым, либо вместе с тов. Павулан[ом]»⁴⁹³. Курсовик Г.Я. Кутырев со-

⁴⁸⁸ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 11. Л. 41–42.

⁴⁸⁹ Панов А. В Полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 70.

⁴⁹⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 216.

⁴⁹¹ Механошин (Механошин) Константин Александрович (30.10.1889–07.05.1938) — в этот период член РВСР, член РВС Южного фронта.

⁴⁹² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 78.

⁴⁹³ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 110б. Аралов Семен Иванович (18.12.1880–22.05.1969) — начальник оперативного отдела Наркомата по военным делам, затем — член РВСР; см. о нем примеч. 612. Павулан Валентин Петрович — сотрудник оперативного отдела Наркомата по военным делам; см. о нем примеч. 1430.

общал в 1919 г.: «Мотивы, заставляющие уйти с такого высокого поста, — такое страшное переутомление, мне приходится по ночам спать под наркозом»⁴⁹⁴.

Курсовик С.К. Сидоровнин писал 20 ноября 1918 г. о своей работе в Высшей военной инспекции: «Здоровье больше не выдерживает беспрестанных командировок, тем более что все командировки, за исключением Курска, были одиночным порядком, почти всегда в конских вагонах»⁴⁹⁵.

Работа на местах была ничуть не легче, чем в центре. Военный руководитель Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесарев писал супруге 18 июня 1918 г. из Царицына: «Здесь по-прежнему масса работы, и я закипаю, как в котле. Постепенно забираем в рамки организации разболтанные части механизма; что нам это стоит, можно видеть на крикливом и нервном лице Носовича⁴⁹⁶... Но хорошо, что занятия в 4 кончают, а остальное время мое... Не всегда, но все-таки»⁴⁹⁷.

⁴⁹⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 394об.

⁴⁹⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 208.

⁴⁹⁶ Носович Анатолий Леонидович (09.10.1878–25.01.1968) — из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил Псковский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1899), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1910). Штабс-ротмистр. Полковник (со ст. с 19.11.1915). Генерал-майор. Командирован в Николаевскую академию Генерального штаба (1902). Отчислен по выдержании переводного экзамена младшего класса (1903). Повторно держал вступительные испытания, но не был принят (1903). На Кавказских маневрах ординарцем генерал-инспектора кавалерии Его Императорского Величества (02.09.1904–29.06.1905). Участник скачек в Красном Селе (1904). Участник скачек (1905, 1906). В Варшавском военно-фехтовальном зале (10.1905–05.1906). Зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба (1907). По окончании двух классов академии по 1-му разряду переведен на дополнительный курс (21.08.1909). За отличные успехи в науках по окончании дополнительного курса награжден годовым окладом жалованья по чину из основного оклада. Причислен к Генеральному штабу (06.1910). Отчислен от Генерального штаба в строй по собственному желанию (1912). Преподавал военную историю в Пажеском корпусе и в артиллерийском училище. Занимался фехтованием и конным спортом. Трижды выигрывал императорский приз по фехтованию. Выигрывал первые призы на скачках. В Лейб-гвардии Уланском Его Величества полку. Участник Первой мировой войны. Командир 466-го пехотного Малмыжского полка (1916–09.1917). Начальник пехотной дивизии. Участник Гражданской войны. На службе в РККА (с 05.1918). Направлен на службу подпольной антибольшевистской московской организацией Добровольческой армии для диверсионной работы. Начальник штаба Северо-Кавказского военного округа (04.05–10.08.1918). Арестован по подозрению в контрреволюционных действиях (10–13.08.1918). В штабе военного руководителя Южного участка завесы (09.1918). Помощник командующего Южным фронтом П.П. Сытина. Начальник оперативного управления штаба Южного фронта. Перешел к донским казакам (11(24).10.1918), захватив секретные документы. Предупредил казаков о подготовке советского наступления. На службе в Добровольческой армии, ВСЮР, Русской армии (с 11(24).10.1918–1920). В резерве чинов при штабе главнокомандующего Добровольческой армией и ВСЮР (с 11(24).10.1918–1919). Судим гарнизонным военно-полевым судом в Новочеркасске (30.10(12.11).1918) и оправдан. Комендант гарнизона Новороссийска (1919). Начальник тылового района Русской армии по борьбе с партизанским движением (1920). В эмиграции — в Ницце (Франция). Занимался автомобильным делом. Содержал гараж. Участвовал в работе местных военных обществ. В руководстве унтер-офицерских курсов в Ницце (1933). Состоял в Гвардейском объединении. Союзе георгиевских кавалеров, объединении бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища, Общекадетском объединении, Обществе ревнителей памяти императора Николая II в Париже. Выступал с докладами в Союзе офицеров-участников войны. Умер в Ницце. Похоронен на кладбище Кокад. Педагог, спортсмен. Награды: персидский орден Льва и Солнца 4-й ст. (1901), 1-й императорский приз за бой на саблях (1907), 2-й императорский приз за бой на рапирах (1907), 2-й императорский приз за фехтование на эспадронах (1908), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 11.09.1916), орден Св. Георгия 4-й ст. (приказ 8-й армии 06.09.1917). Супруга Мария Францевна Михаловская. Соч.: Записки вахмистра Носовича. Париж, 1967.

⁴⁹⁷ Семейный архив Снесаревых (Москва).

В штабе Каспийско-Кавказского фронта в марте 1919 г., по свидетельству начальника оперативного управления бывшего Генштаба полковника Е.Н. Ригельмана, работа была организована следующим образом: «Во вверенном мне управлении из четырнадцати положенных по штату специалистов Генштаба на службе только один — я. Работниками в управлении за исключением недавно назначенных начальника разведывательного отделения т. Грасид (?) и начальника связи т. Розенздада (?), в достаточной мере знакомых с делом, остальные как по своей подготовке, так и по служебному опыту далеко не соответствуют занимаемым должностям, в особенности письмоводители, коими в большинстве служат совершенно не знакомые с военным делопроизводством женщины. При таких условиях мне приходится затрачивать массу времени на разрешение всевозможных мелочных вопросов, обучать начальников отделений системе сортировки... бумаг, исправлять редакции почти каждой исходящей бумаги и т.д. Что же касается таких работ, как составление ведомостей боевого состава войск фронта и черчения схем, составляющих работу начальника оперативного отделения, то эти работы я принужден был составлять сам уже четвертый раз.

Занимаясь в канцелярии с 10 часов почти всегда до трех и с пяти почти [до] 10–11 часов вечера, я едва справляюсь с текущей перепиской, требующей срочного исполнения почти каждой бумаги.

В настоящее время кроме текущей переписки на меня возложено:

- 1) ведение журнала военных действий (за недостатком опытных помощников эту работу я должен исполнять сам);
- 2) составление обзора деятельности штаба фронта за все время. Эту работу я должен также принять на себя;
- 3) составление военно-географического описания всего района фронта (срочно) к 1 апр[еля].

Для исполнения всех указанных работ, в особенности последней, для которой надо, так сказать, из-под земли доставать материал, ибо вряд ли в Астрахани найдутся необходимые источники, я должен совершенно уйти от текущей штабной работы, что, полагаю, совершенно невозможно...»⁴⁹⁸

Командующий 6-й армией А.А. Самойло и его начальник штаба работали до глубокой ночи⁴⁹⁹. С полной отдачей работали и другие сотрудники штаба армии. Начальник разведывательного отделения А.Н. Леонов в феврале 1920 г. был даже отпущен в полуторамесячный отпуск по причине сильного переутомления⁵⁰⁰.

Интересно сопоставление напряженности работы в Первую мировую и в Гражданскую войны, свидетельствующее, что в годы последней нагрузки были выше. Так, 28 июля 1918 г. военрук Брянского района П.П. Сытин писал военруку Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевичу из Карачева: «Тяжелая, напряженная работа последних шести месяцев в связи с четырехлетней боевой, строевой службой на войне совершенно подорвали мой организм, и я к ужасу своему почувствовал, что с каждым днем силы мои слабеют. Несмотря на сознание, что работа теперь наиболее необходима, я, тем не менее, должен иметь в виду, что организм человека в моем возрасте может не выдержать, и в этом возрасте его

⁴⁹⁸ РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 85. Л. 4–5.

⁴⁹⁹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 377.

⁵⁰⁰ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 36.

уже не поправишь... у меня семья, а средствами, помимо моего месячного заработка, ничего нет»⁵⁰¹. Сытин отмечал: «...теперь обстановка более спокойная, но все же, вставая в 7 часов утра, ложиться приходится не ранее 1–2 час. ночи. Целый день проходит в каком-то кошмаре, и к вечеру совершенно теряешь рас-судок от усталости»⁵⁰².

Курсовик Б.Л. Негродов писал 21 ноября 1919 г. начальнику штаба Приволжского военного округа: «В августе того же (1918. — *А.Г.*) года я был командирован в штаб 5 армии, оперировавшей под Казанью. Так как в сущности штаба армии как такового не существовало, то я по приказанию тов. Троцкого взял на себя задачу сформирования штаба армии, и одновременно мне же поручено было сведение в тактические единицы частей войск, действовавших под Казанью.

Во время этой напряженной работы, продолжавшейся круглые сутки, я заболел от переутомления и малярии. Будучи больным, я уехал из армии после взятия Казани, когда я буквально не мог уже двигаться. По выздоровлении я вновь поступил в штаб Приволжского военного округа...»⁵⁰³

В штабе 8-й армии в дальнейшем Негродов тоже работал буквально на износ: «Условия работы в штабе армии потребовали огромного напряжения и даже сверхчеловеческой энергии. Так, начиная работу в штабе с 10 часов, я оканчивал такую в 3–4, а иногда и в 6 часов утра следующего дня. В феврале 1919 года я был назначен начальником штаба этой же армии и пробыл в этой должности до августа месяца настоящего года, когда со мной стали случаться сердечные припадки, и я от переутомления буквально свалился с ног. Таким образом, на Южном фронте я пробыл с ноября 1918 года по август 1919 года, то есть 10 месяцев, работая по 20 часов в сутки...»⁵⁰⁴ Соответственно, если эти данные достоверны, у некоторых генштабистов в годы Гражданской войны рабочий день составлял 17–18 и даже более часов в сутки. Военспец, бывший генерал В.К. Гондель вспоминал, что в штабе вверенной ему 3-й стрелковой дивизии в 1919 г. приходилось напряженно работать, причем сотрудники штаба иногда не спали по несколько суток подряд⁵⁰⁵.

В штабе 9-й армии, как сообщал в одной из телеграмм в конце 1918 г. генштабист Н.Д. Всеволодов, «нет ни начальников связи, ни начальников оперативного и разведывательного отделения Генштаба, ни для поручений, всю оперативную работу приходится выполнять мне и начоперед Яцко»⁵⁰⁶, не досыпая... энергию,

⁵⁰¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 180.

⁵⁰² Там же. Л. 180–180об.

⁵⁰³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 229.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 229–229об.

⁵⁰⁵ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 24.

⁵⁰⁶ Яцко Иван Васильевич (24.12.1880–?) — получил домашнее образование, окончил Виленское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1909). Подпоручик (со ст. с 27.10.1902). Поручик (со ст. с 01.09.1906). Штабс-капитан (со ст. с 30.04.1909). Капитан (со ст. с 06.12.1911). Подполковник (со ст. с 15.06.1915). Полковник (со ст. с 06.12.1916). На службе с 29.08.1899. Участник Русско-японской войны. В 108-м пехотном Саратовском и в 148-м пехотном Каспийском полках. Командир роты 148-го пехотного Каспийского полка (12.11.1909–12.11.1911). Старший адъютант штаба 20-й пехотной дивизии (26.11.1911–18.09.1912). Старший адъютант штаба Кавказской гренадерской дивизии (с 18.09.1912). Участник Первой мировой войны. Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии. И.д. штаб-офицера для поручений отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии. Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии (с

которой, конечно, надолго [не хватит]..., буквально выбились из сил»⁵⁰⁷. Курсовик Н.Н. Доможиров жаловался своему другу Теодори 11 февраля 1919 г.: «Я несу работу за 10-х, за 15-т[ь] человек, но такая работа может вывести и меня из строя, и тогда, смело могу думать, штаб развалится»⁵⁰⁸. Разговор двух военспецов по прямому проводу завершился следующими словами: «Теодори, пока, всего тебе лучшего, держись, сколько можешь, я сам измотался до галлюцинации во сне. — Доможиров, держись пока крепко, будь здоров, всего наилучшего...»⁵⁰⁹ Супруга Доможирова вспоминала, что ее муж работал буквально до обмороков, «отдавая все силы Красной армии»⁵¹⁰.

Разумеется, для нормальной работы генштабистам необходим был отдых. Иногда им разрешались отпуска или перевод на юг, в местность с благоприятным для здоровья климатом и более выгодную в продовольственном отношении. Слушатель курсов академии Г.С. Горчаков 17 октября 1919 г. телеграфировал начальнику штаба Южного фронта: «10 месяцев непрерывно, не зная ни дня отдыха с утра до глубокой ночи, бесценно отдавая всю свою энергию, знание и ум, я нес в тяжелых условиях работу по должности нач[альника] оперативного отделения, начальник[а] оперативного отдела и наштарма 8[-й]. За 10 месяцев службы сменился весь состав оперативного отдела армии и все ответственные работники оперода, кроме меня, имели отпуск. [В] настоящее время я окончательно подорвал на службе свое здоровье и в силу колоссальной переутомленности могу дать лишь минимум работы, [в] ту войну я в течение 2-х с лишним лет так же нес сложные обязанности, работая по оперативной части и был дважды тяжело ранен. Взываю к справедливости и человечности, прося зависящих распоряжений сменить меня и предоставить крайне необходимый отпуск на предмет пополнения здоровья»⁵¹¹ и обращаюсь не по команде в силу того, что много раз обещанный мне отпуск реввоенсоветом армии остается лишь обещаниями. Вр.и.д. наштарм 8[-й] Горчаков»⁵¹². Месячный отпуск военспецу тогда был разрешен.

Даже в конце Гражданской войны военспецам, особенно высокопоставленным, приходилось, как и прежде, помногу работать. А.А. Самойло, став в 1920 г. начальником Всероссийского главного штаба, работал по 18 часов в сутки, при-

---

05.12.1915). И.д. начальника штаба 75-й пехотной дивизии (с 10.06.1916 до демобилизации). Служащий отдела государственных театров (Петроград). Участник Гражданской войны. На службе в РККА добровольно с весны 1918 г. Командирован на Южный фронт (1918). Начальник оперативного отдела штаба 9-й армии. По личной просьбе переведен в штаб 6-й армии (01.04.1919). Начальник оперативного управления штаба 6-й армии (с 01.04.1919 и с 27.10.1919). И.д. начальника штаба 6-й армии (с 23.05.1919, на 08.1919, на 15.09.1919, 15.11–15.12.1919). Временно командующий 6-й армией (19–21.06.1919). В командировке в штаб Балтийского флота и 7-ю армию (с 16.12.1919). И.д. начальника оперативного отдела штаба 6-й армии. И.д. начальника оперативного управления штаба 6-й армии. Начальник военной части Петроградского военного округа (04.02–15.11.1920). Штатный преподаватель петроградских курсов действующих родов войск. Штатный преподаватель Высшей кавалерийской школы (с 26.11.1920). Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Станислава 3-й ст. (1913, утв. 16.05.1914), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 24.01.1917).

⁵⁰⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 205.

⁵⁰⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 77.

⁵⁰⁹ Там же. Л. 77об.

⁵¹⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 22.

⁵¹¹ Так в документе.

⁵¹² РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 311–311об.

чем через каждые два дня должен был делать доклады заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому, как правило, после полуночи, при этом Склянский принимал Самойло и его комиссара С.С. Данилова на час-два позже назначенного, так как, по мнению Самойло, «не умел распределить ни своего времени, ни дожить временем подчиненных»⁵¹³.

Видный военспец, в прошлом Генштаба генерал от инфантерии В.Н. Клембовский 31 мая 1920 г. обратился к Э.М. Склянскому: «22-го мая я назначен для поручений при помощнике главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики. Через 3½ недели мне исполнится 60 лет, и этот возраст дает себя чувствовать: нет прежней энергии и трудоспособности; устаю; память не так крепка, как прежде; раны и контузия вызывают порою болевые ощущения, в особенности в зимнее время; слух, пострадавший от 6-летнего участия в 2-х кампаниях, с очень частым пребыванием в боях на артиллерийских позициях, притупляется; наконец, нервное напряжение, как результат деятельности в двух войнах и всего пережитого во время революции, подорвали здоровье и силы мои. При таких условиях я не чувствую себя способным исполнять обязанности, возлагаемые на меня новой должностью, в той мере, как это необходимо для пользы Родины в переживаемое ею серьезное время. Но я еще не утратил способности к спокойной кабинетной работе: военно-научные исследования и труды, а равно педагогическая работа по подготовке красных офицеров увлекают меня и поддерживают во мне бодрость. По отзывам военно-педагогического персонала, самих обучаемых и командного состава тех частей, в коих я вел занятия по тактике, по военной игре и по изложению партизанских действий, эта деятельность моя приносит хорошие плоды.

Моя жена, страдающая сердечными припадками, не будет в состоянии перенести переезд на дальнейшее новое предназначенное мне местожительство; мне придется ехать одному, оставив жену и падчерицу, находящуюся на советской службе, здесь в Москве, что не может не отразиться неблагоприятным образом на моем душевном настроении, а следовательно, и на моей работе.

Все вышеизложенное побуждает меня убедительно просить об отмене моего назначения в Омск и об оставлении меня в Москве на занимаемой мною должности ответственного редактора военно-исторической комиссии, с правом продолжать преподавание по военным предметам в военно-учебных заведениях, а если возможно, то и члена Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете Республики»⁵¹⁴. Склянский наложил резолюцию: «Ввиду острой нужды Сибири в серьезных военных силах прошу ускорить отъезд В.Н. Клембовского в Сибирь», но уже через несколько дней Клембовского решили направить на юг.

Однако случалось, что некоторых военспецов со службы не отпускали, что приводило подчас к драматическим ситуациям. Так, начальник 54-й стрелковой дивизии генштабист Н.В. Лисовский 20 октября 1919 г. обратился к командующему 6-й армией с просьбой об отдыхе: «Я, работая непрерывно на Севере полтора года и более 14 месяцев на фронте, не имел⁵¹⁵ дня отдыха. Неоднократные переброски с фронта на фронт, тяжелые условия боевой обстановки на Двине летом

⁵¹³ Самойло А.А. Две жизни. М., 1958. С. 260.

⁵¹⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 281–281об.

⁵¹⁵ В документе несогласованно — не имея.

этого года и последнего наступления расстроили мое здоровье и нервы. Должность наштарма требует полного напряжения сил и энергии, чего я сейчас дать не могу и о чем как старый солдат честно заявляю. Я никогда не отказывался ни от каких поручений, как бы они ни были тяжелы, раз я был в силах их выполнить. На Двину уехал после серьезной болезни, раз этого требовала обстановка, но это было последнее напряжение моих сил... по долгу доношу, что без продолжительного отдыха не могу взять на себя столь ответственного поста...»⁵¹⁶ Речь шла о назначении Лисовского начальником штаба армии. Отказываясь от назначения, генштабист просил командарма Самойло о трехнедельном отпуске. Тем не менее с 27 октября он считался исполняющим должность начальника штаба армии. Ситуация с Лисовским приобрела форму достаточно серьезного конфликта. Дело в том, что до декабря 1919 г. он так и не принял должности начальника штаба армии и даже телеграфировал, что в связи с болезнью жены не может этого сделать. Самойло, однако, не собирался ему уступить и вынужден был пойти на крайние меры: 15 декабря он издал приказ, направленный специально на обуздание своеволия Лисовского о недопустимости отказа от повышения по должности, причем при повторном отказе полагался ревтрибунал. В сопроводительной записке Самойло указал: «Н[ачальнику] шт[аба]. Пр[ошу] заготовить приказ по поводу только что бывшей канители с назначением т. Лисовского (не указывая именно, с кем произошло) — о невозможности и недопустимости таких отказов и каждое распоряжение должно исполняться беспрекословно. 14/XII. С[амойло]»⁵¹⁷. В результате Лисовскому ничего не оставалось, как подчиниться⁵¹⁸. Со 2 января 1920 г. он приступил к работе по новой должности.

Несмотря на тяжелейшие служебные нагрузки, военспецы-генштабисты Красной армии всегда находились под дамокловым мечом арестов и репрессий, как правило, ни на чем не основанных, что лишь усиливало атмосферу нервозности в их работе⁵¹⁹. От репрессий не был застрахован никто: ни младший работник штаба дивизии, ни главнокомандующий. Аресты не только вырывали военспецов из рабочей обстановки, но наносили серьезный удар по их здоровью. В тюремном заключении у бывших офицеров возникали тяжелые заболевания. Освобожденные из-под ареста нередко нуждались в лечении, отдыхе и хорошем питании для восстановления сил.

В целом режим работы военспецов-генштабистов РККА был предопределен чрезвычайной обстановкой Гражданской войны, в которой ненормированная работа ложилась на военспецов тяжким бременем, что усугублялось недоверием и пренебрежением к военспецам со стороны большевиков и красноармейской массы, а также во многом потребительским отношением военно-политического руководства Советской России к этим ценным специалистам.

---

⁵¹⁶ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 379.

⁵¹⁷ Там же. Л. 439.

⁵¹⁸ Там же. Л. 415–416, 425, 438.

⁵¹⁹ Подробнее см.: Ганин А. «Товарищ Склянский — заступитесь...»: Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1. С. 78–83. Текст статьи публикуется в настоящем издании.

Партийность кадров дореволюционного Генерального штаба в 1917–1944 гг.*

Установившаяся в Советской России вскоре после прихода к власти большевиков однопартийная диктатура стала новым и необычным явлением для общества своего времени. В Российской коммунистической партии большевиков к марту 1919 г. состояло около 350 000 членов. По тем временам это была большая сила. К марту 1921 г. большевиков было уже свыше 732 000 человек. Партийцы периода Гражданской войны отличались высоким революционным духом, искренней верой в собственную правоту и решительностью в воплощении своих взглядов на практике. Тем не менее членство в партии было тогда явлением достаточно редким, а в условиях Гражданской войны еще и чреватым самыми тяжелыми последствиями, например, при попадании в плен к белым, где для большевиков полагалась смертная казнь. Столь же тяжелые последствия могли ожидать членов других партий при попадании в плен к красным.

Возможность приблизиться к власти, получить какие-то преимущества и своеобразный иммунитет от репрессий закономерно привлекали в ряды большевистской партии множество карьеристов и ловцов конъюнктуры. Членство в партии постепенно становилось важным элементом социальной мобильности⁵²⁰. Неудивительно, что к большевикам тогда примкнули даже отдельные представители достаточно далекой от их идеалов старой военной элиты в лице бывших офицеров Генерального штаба. Мотивы примкнувших к партии власти были различными. Попробуем проанализировать партийность в среде бывших офицеров-генштабистов и разобраться в причинах и характере вступления этих людей в партию. Стоит отметить, что этот интереснейший сюжет до сих пор не удостоивался специального внимания исследователей.

До революции партийность в среде русского офицерства была явлением абсолютно недопустимым и исключительным, хотя и тогда существовали отдельные лица, которые тайно состояли в партиях, нося при этом офицерские погоны. Нормой для старого офицерства была преданность императору и монархической идее. Политической жизни для офицеров до 1917 г. фактически не существовало.

---

* Впервые опубликовано: Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 59–62. В настоящем издании публикуется с дополнениями.

⁵²⁰ Подробнее см.: Головин С.А. Членство в РКП(б) — ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 33–43.

В этой связи показательно свидетельство генштабиста С.Д. Харламова: «К моменту Февральской революции у большинства офицерства, и у меня в том числе, четкого представления о платформах существовавших партий не было»⁵²¹.

Февральская революция 1917 г. открыла офицерским массам дорогу к партийности. Многих демократически настроенных офицеров привлекала партия социалистов-революционеров, хотя среди офицеров-генштабистов ее приверженцами оказались лишь единицы. Известно, что эсерами были подполковник Ф.Е. Махин (с 1939 г. — член компартии Югославии), полковник А.А. Ткаченко (член партии правых эсеров), в партии левых эсеров состояли полковник А.А. Веселаго и штабс-капитан М.И. Василенко. В партии меньшевиков состоял подполковник И.Н. Скорина.

Открытие в конце 1916 г. ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии существенно разнообразило состав Генерального штаба, позволив проникнуть в него младшим офицерам, включая тех, кто придерживался вполне определенных политических взглядов. Не случайно именно среди этих офицеров мы встречаем, например, большевика со стажем до октября 1917 г. штабс-ротмистра А.И. Геккера, вступившего в партию в сентябре 1917 г.⁵²² и сделавшего в годы Гражданской войны головокружительную карьеру в рядах Красной армии. Достаточно отметить, что Геккер был командующим несколькими советскими армиями, превзойдя в этом отношении своих сверстников. Разумеется, значительное влияние на карьерный рост этого военспеца оказало его членство в большевистской партии. В своей автобиографии Геккер отметил, что работал вместе с армейскими большевиками уже с февраля 1917 г.⁵²³

Еще одним старым большевиком-генштабистом был полковник М.С. Свечников. Впрочем, его в партийной среде не любили и считали карьеристом. В годы Гражданской войны он дослужился до должности командующего фронтом.

В 1918 г. в большевистскую партию вступили слушатель академии бывший капитан А.А. Инно (Кульдвер) и обучавшийся в академии поручик А.А. Черевин.

В марте 1919 г. в РКП(б) вступил бывший Генштаба подполковник Л.Л. Ключев, в апреле 1919 г. партийцем стал бывший Генштаба полковник А.В. Косматов. В 1919–1920 гг. в партии состоял недавний курсовик штабс-ротмистр А.К. Семенов, исключенный впоследствии как бывший офицер⁵²⁴.

В 1920–1922 гг. членом партии был курсовик бывший Генштаба капитан Б.Н. Кондратьев. Партийный стаж с октября 1920 г. вел в прошлом Генштаба капитан А.А. Мартягин. В годы Гражданской войны (не позднее 1921 г.) в партию вступил бывший подполковник, геодезист А.Д. Тарановский. Партийностью с 1921 г. мог похвастаться и бывший Генштаба полковник Н.Е. Какурин. Впрочем, понять его мотивы можно — Какурин попал в РККА лишь в марте 1920 г. и стремился упрочить свое положение, скомпрометированное длительной службой в различных украинских антибольшевистских формированиях.

⁵²¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 231 (172). Л. 13.

⁵²² РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 44. Л. 27.

⁵²³ Там же. Л. 34.

⁵²⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 642 (746). Л. 62.

Таким образом, в 1918–1922 гг. в РККА насчитывалось лишь 11 бывших офицеров, ранее обучавшихся в академии Генштаба и вступивших в партию большевиков. Относительно общего числа «лиц Генштаба», служивших в это время в Красной армии, большевики составляли ничтожную величину в 0,8%. Разумеется, такой процент во многом определялся традицией аполитичности, присущей русскому офицерству, а также, очевидно, неприятием большевистской идеологии.

Была и еще одна, но не столь распространенная причина невступления в партию. В частности, бывший Генштаба генерал-лейтенант Н.М. Потапов в 1925 г. отмечал, что не решился вступить в партию по предложению видных военных работников большевистской партии Н.И. Подвойского, К.А. Мехоношина и Э.М. Склянского, «опасаясь, что меня, как бывшего царского офицера, будут считать “примазавшимся” к партии. Я предпочел работать честно, оставаясь беспартийным»⁵²⁵.

Интересно, что никто из генштабистов, занимавших высшие посты в РККА того времени, не был партийным. Беспартийными были даже такие крупные военные деятели РККА, как М.Д. Бонч-Бруевич, И.И. Вацетис, С.С. Каменев (вступил в партию только в 1930 г.), Ф.В. Костяев, П.П. Лебедев, Н.И. Ратэль и др., усилиями которых была достигнута победа красных в Гражданской войне. В то время членство в партии еще не воспринималось как необходимость для продвижения по службе или укрепления своего положения. С другой стороны, их причастность к первому эшелону элиты РККА, казалось, не требовала дополнительных мер по укреплению статуса (несмотря на это, Вацетис и Костяев в ходе Гражданской войны арестовывались чекистами).

Сложно сказать, задумывались ли эти бывшие полковники и генералы о том, что с ними будет после Гражданской войны и каким окажется их место в новой иерархии военной элиты большевистской России. Как бы то ни было, состоявшиеся в карьерном плане еще до революции, эти бывшие офицеры не торопились примыкать к большевикам. Генштабовской молодежи, в отличие от старшего поколения, вступление в партию по карьерным причинам казалось более целесообразным. Не случайно многие генштабисты, вступившие в партию накануне и в годы Гражданской войны, относились либо к последним предвоенным выпускам из академии, либо к выпускам ускоренных курсов периода Первой мировой.

После Гражданской войны, в 1920-е гг., практически никто из генштабистов в партию не вступил. Лишь в 1927 г. это понадобилось бывшему Генштаба капита-

---

⁵²⁵ Цит. по: *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 211. К сожалению, значительная часть уникального архива генерала Н.М. Потапова (в том числе цитируемый Кавтарадзе документ), ранее хранившаяся в отделе рукописных фондов Института российской истории РАН (Ф. 8), по всей видимости, пропала. Летом 2011 г. при попытке автора этих строк ознакомиться с документами архива Потапова хранителем не были обнаружены на месте наиболее ценные материалы его личного фонда (11 из 16 единиц хранения). В исчезнувшей части не только оригинал уникального дневника Потапова и его воспоминаний, но и редчайшие документы начального периода создания Красной армии (1917–1918 гг.), сохранившиеся, возможно, только в архиве Потапова, фотоматериалы, научные труды генерала, воспоминания его дочери об отце. Исчезновение документов произошло после того, как часть архива была переведена на сербский язык и опубликована в совместном российско-черногорском двухтомном сборнике документов о Потапове, вышедшем в Черногории: Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.; Т. 2: Дневники 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг. М.; Подгорица, 2003. Хочется надеяться, что архив генерала Потапова отыщется и вернется на свое законное место.

ну А.И. Корку. 5 октября 1933 г. на собрании ячейки ВКП(б) штаба Московского военного округа, проходившем во время чистки партии, он сказал: «И хотя, товарищи, я молодой член партии с 1927 года, я должен честно заявить, что иду в ногу с большевиками с самого момента Октябрьской революции»⁵²⁶. Надо признать, что эти слова в отношении Корка были справедливы. По всей видимости, он действительно воспринял большевистскую идеологию.

В более поздней советской истории было несколько периодов массового вступления бывших офицеров-генштабистов в партию. К таким периодам можно отнести начало 1930-х гг. и канун Великой Отечественной войны. Причины этих всплесков на каждом этапе были различными.

В 1930 г. в партию вступили бывший главком Генштаба полковник С.С. Каменев, полковник Б.М. Шапошников и штабс-капитан А.И. Кук. Такие знаковые фигуры, как Каменев и Шапошников, скорее всего, не были искренними большевиками. По своим взглядам они производили впечатление убежденных государственников и патриотов, примкнувших к партии только в силу служебной необходимости.

В 1931 г. членом ВКП(б) стал бывший Генштаба капитан С.А. Меженинов. В 1932 г. в партию вступили уже упоминавшийся как член партии левых эсеров бывший капитан М.И. Василенко и бывшие подполковники В.С. Лазаревич и Н.В. Лисовский, в 1933 г. — полковник Н.Н. Петин, а в 1934 г. — капитан С.А. Пугачев. Можно предположить, что тогда близкие к советской партийной верхушке и руководству РККА военспецы в связи с началом массовых репрессий против бывших офицеров в рамках дела «Весна» решили посредством вступления в партию оградить себя от возможных преследований.

Тем не менее партийность не уберегла генштабистов от массового террора второй половины 1930-х гг. Тогда из партийных генштабистов были расстреляны М.И. Василенко, А.И. Геккер, А.А. Инно (Кульдвер), А.И. Корк, А.В. Косматов, В.А. Куприянов, В.С. Лазаревич, С.А. Меженинов, Н.Н. Петин, М.С. Свечников, А.Д. Тарановский, умер в заключении Н.Е. Какурин. Таким образом, из 21 генштабиста-большевика было уничтожено 12, или 57%. Столь высокий показатель свидетельствует о том, что партийность не только не спасала от репрессий, но, наоборот, могла как раз явиться их причиной.

В 1938 г. в партию вступил бывший Генштаба капитан В.Е. Климовских. Для него членство в партии уже было вынужденной необходимостью в целях выстраивания собственной карьеры на руководящих постах в РККА. Однако членство в партии не уберегло Климовских от расстрела в 1941 г.

Постепенно, еще с 1920-х гг., в руководстве РККА партийные командиры вытесняли беспартийных (для сравнения, в 1920 г. партийного комсостава насчитывалось лишь 10,5%, тогда как в 1926 г. — уже 47,4%, а в 1927 г. — 57%⁵²⁷). Тем не менее старые генштабисты, продолжавшие служить в армии, вступали в партию крайне редко. В 1940 г. в партию вступили бывшие Генштаба подпол-

⁵²⁶ Август Корк: Док. и мат. / Сост. Я.М. Горелик. Таллин, 1981. С. 139.

⁵²⁷ Необходимо учитывать, что к партийному комсоставу в документах того времени относили не только членов партии, но также кандидатов в члены партии и даже комсомольцев, что давало значительно большие показатели. Для сравнения, только членов ВКП(б) на 1926 г. было лишь 29,6% комсостава (Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М.; СПб., 2006. Кн. 1. С. 652–653; Кн. 2. С. 315).

ковник А.К. Коленковский, капитаны Г.С. Дьяков, Б.И. Кузнецов, Е.В. Сысоев, штабс-капитан В.С. Тамручи. Думается, вступление в партию этой группы бывших военспецов-генштабистов было напрямую связано с массовым присвоением в 1940 г. генеральских званий в Красной армии. Все вышеперечисленные лица тогда стали генералами. Стоит отметить, что Коленковский, Дьяков и Тамручи впоследствии умерли в заключении.

Членство в партии тогда еще не было обязательным условием пребывания в высоком чине. Например, звание генерал-лейтенанта в 1940 г. получил бывший Генштаба капитан Е.А. Шиловский, вступивший в партию только в 1943 г. То же касалось и ставшего генерал-лейтенантом авиации бывшего Генштаба генерал-майора А.А. Самойло, который стал членом ВКП(б) уже в конце войны, в феврале 1944 г. Он вспоминал, что награждение орденом Ленина по случаю 50-летия своей военной службы на командных должностях позволило ему «считать себя достойным высокого звания члена партии, и я подал в партийную организацию академии (Военной академии командного и штурманского состава ВВС. — А.Г.) заявление о приеме в партию. В 1943 году я был принят в кандидаты, а в 1944 году получил партийный билет»⁵²⁸. Это событие Самойло считал для себя важным и волнующим. Небезынтересно, что, по мнению британского военного атташе в России генерала А. Нокса, Самойло был одним из самых реакционных офицеров русского дореволюционного Генштаба накануне Первой мировой войны⁵²⁹.

Членами партии также значились бывший Генштаба полковник А.И. Готовцев и капитан В.А. Куприянов. Таким образом, через членство в большевистской партии прошло не менее 31 выпускника академии⁵³⁰. Кандидатом в члены партии числился обучавшийся в академии бывший Генштаба капитан В.И. Ананьев.

Служба в РККА бывших офицеров-генштабистов выпала на период, когда членство в партии еще не было обязательным условием пребывания на руководящих постах, к чему Советская армия пришла уже после Великой Отечественной войны. По этой причине вступление в партию старых генштабистов еще не являлось обязательным требованием и носило индивидуальный и добровольный характер. А раз так, исследователям необходимо дать объяснение причинам вступления «бывших людей» в партию. Конечно, мотивы были различными. Но, зная особенности советской политики в отношении старого офицерства, понять наиболее распространенные причины несложно. Судя по всему, основной мотивацией при вступлении бывших генштабистов в партию было стремление обеспечить собственную безопасность на фоне чисток и репрессий, а также укрепить или даже существенно улучшить свое служебное положение. Однако развитие событий показало иллюзорность надежд на спокойную жизнь, поскольку членство в партии отнюдь не обеспечивало иммунитета в отношении репрессий, а, скорее, наоборот, могло повысить их вероятность.

---

⁵²⁸ *Самойло А.А.* Две жизни. М., 1958. С. 272–273.

⁵²⁹ *Кнох А.* With the Russian Army 1914–1917. L., 1921. P. 42.

⁵³⁰ Не владеющий материалом по данному вопросу В.В. Каминский насчитал только пять партийных генштабистов, т.е. в шесть раз меньше реальной цифры (*Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. СПб., 2011. С. 24).

«Товарищ Склянский — заступитесь!» Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну 1917–1922 гг.*

Хотя уже в начале 1918 г. большевистское руководство осознало исключительную важность специалистов Генерального штаба для создания новой армии и стало предпринимать шаги по их привлечению в РККА, тем не менее на протяжении всей Гражданской войны в Красной армии постоянно ощущалась острейшая нехватка кадров Генштаба. Удивительно, но, несмотря на это, в отношении генштабистов советскими карательными органами проводилась самая активная репрессивная политика, в результате которой десятки из них были расстреляны, а сотни томились в заключении, будучи лишены возможности в самое напряженное время участвовать в военном строительстве. Как справедливо отметил один из современников, офицер в Советской России — это «человек, самым своим положением уже находившийся под вечным подозрением в контрреволюции»⁵³¹. Большинство арестованных позднее были оправданы и выпущены на свободу. Все эти факты не могут не ставить вопрос о целесообразности и обоснованности репрессий в отношении «лиц Генштаба» в условиях Гражданской войны и о конкретных результатах репрессивной политики для большевиков и Красной армии, масштабах и характере репрессий против дореволюционной военной элиты.

Разумеется, военспецы не были группой лиц, полностью лояльной большевикам. Последние, в свою очередь, также с подозрением относились к старым специалистам, даже к тем, кто служил новой власти вполне добросовестно. Всю репрессивную политику в их отношении в Гражданскую войну можно разделить на два периода — до и после создания Особого отдела ВЧК. На первом этапе в

---

* Впервые опубликовано: Родина. 2009. № 1. С. 78–83. В настоящем издании публикуется с дополнениями и исправлениями. Статья вызвала критические отзывы отдельных авторов, оправдывающих произвол ВЧК в репрессиях этого периода. Исчерпывающий ответ на такого рода высказывания, обусловленные в основном ложным пониманием ведомственных интересов и невнимательным прочтением статьи, приведен в историографическом разделе настоящего сборника. Автором этих строк в центральных, региональных и ведомственных архивах России и зарубежья собран значительный объем документальных материалов по проблеме советской репрессивной политики в отношении бывших офицеров Генерального штаба, установлены данные практически обо всех случаях арестов и расстрелов генштабистов в 1917–1922 гг., не исключая даже кратковременных арестов (часть этих сведений вошла в ранее вышедший справочник по кадрам Генерального штаба), тем не менее для настоящей публикации сохранен ее прежний обзорный характер.

⁵³¹ *Соломон Г.А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 233.

Советской России еще не сложилось единой карательной системы, тогда аресты генштабистов могли производить не только органы ВЧК, но и отделения военного контроля фронтов (к середине января 1919 г. в результате слияния с органами ЧК преобразованы в особые отделы⁵³²). Аресты также осуществлялись постановлениями военно-полевых трибуналов, местными Советами депутатов и ЧК. При таком многообразии репрессивных органов количественные показатели репрессий не могли быть незначительными, а самоуправство на местах, часто мешавшее общему делу борьбы с контрреволюцией, вызывало серьезную озабоченность центра. Налицо было неоправданное дублирование в работе карательных органов и отсутствие между ними достаточного взаимодействия.

Лишь в 1919 г. начала функционировать новая система. Особый отдел (другое первоначальное название — военный отдел) ВЧК был создан 19 декабря 1918 г. как орган военной разведки и контрразведки. Его полномочия были очень широкими, включая право на арест и следствие. Особый отдел подмял под себя органы военного контроля, которые воспринимались чекистами как враждебные⁵³³. Впрочем, когда новая система заработала, Гражданская война была на исходе, и военспецам уже не имело смысла заниматься саботажем и рисковать.

На основе собранных нами сведений о судьбах офицеров-генштабистов в Советской России можно установить точные данные о масштабах репрессий против них в годы Гражданской войны. Расстрельная статистика по всем категориям выпускников академии на территории Советской России⁵³⁴ представляется следующей (в примечаниях генштабисты, ставшие жертвами красного террора, указаны поименно — см. табл. 56).

Статистические выкладки связаны с достаточно большими трудностями. В ряде случаев сложно отделить организованные большевиками репрессии от стихийных расправ, определить, был ли офицер арестован перед казнью, осужден или просто бессудно убит. В основном эта особенность относится к начальному этапу Гражданской войны — событиям 1917–1918 гг. Например, арестованный генерал Н.Н. Янушкевич был убит пьяными конвоирами под Петроградом⁵³⁵. Фактически его гибель стала результатом самосуда, однако арестовали его представители новой власти.

Можно выявить определенные закономерности расстрельной практики. Как уже отмечалось, в 1917–1918 гг. нередко происходили самосуды и стихийные казни, самоуправством и бесконтрольностью отличалась работа органов новой власти на местах. В ноябре 1917 г. вследствие солдатского самосуда погиб арестованный могилевским советом бывший начальник штаба Ставки и Верховный главнокомандующий генерал Н.Н. Духонин, в декабре в Ташкенте революционной толпой был убит генерал А.И. Кияшко, там же погиб генерал В.А. Смирнитский. Печально известны события в Пятигорске, где в октябре 1918 г. по

⁵³² В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975. С. 133.

⁵³³ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 147.

⁵³⁴ Сюда же включены данные о ликвидации А.И. Дутова в Западном Китае 6 февраля 1921 г., поскольку она была осуществлена по приказу большевистского руководства.

⁵³⁵ И.Г. Последняя ночь генерала Янушкевича (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 150). Выражаю благодарность к.и.н. В.Б. Каширину за указание на этот источник.

Таблица 56. Генштабисты — жертвы красного террора 1917–1922 г.

Год	Расстреляны, убиты, умерли в заключении (в скобках — в том числе курсовики)
1917 (с 25.10)	5 ⁵³⁶
1918	40 (2) ⁵³⁷
1919	26 (1) ⁵³⁸
1920	40 (6) ⁵³⁹
1921	15 (5) ⁵⁴⁰
1922	5 (1) ⁵⁴¹
Всего:	131 (15)

постановлению ЧК Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики были зверски убиты (в основном зарублены) не менее 83 заложников⁵⁴², в том числе бывшие генералы-генштабисты Р.Д. Радко-Дмитриев, Н.В. Рузский, В.В. Смирнов, Г.А. Туманов, А.П. Шевцов. Сами большевистские лидеры позднее поспешили отмежеваться от этих казней⁵⁴³. Из 40 генштабистов, казненных или умерших в заключении в 1918 г., не менее семи погибли как заложники, еще по меньшей мере четверо стали жертвами самосуда, девять расстреляны, попав в плен к красным (возможно, также в результате самосуда), остальные, по отрывочным данным, арестованы и расстреляны, один умер в тюрьме.

⁵³⁶ П.П. Дурново, Н.Н. Духонин, А.И. Кияшко, Ф.А. Петров, В.А. Смирнитский.

⁵³⁷ А.К. Ахматов, М.А. Беляев, С.Г. Бочаров, М.И. Бояринов, В.И. Гаврилов, М.А. Дорман, А.Г. Елчанинов, Я.Г. Жилинский, Н.Д. Зарин, А.Г. Иванов, М.Н. Кайгородов, Л.В. Квитницкий, А.Н. Ковалевский, И.Т. Кострюков, К.Д. Кузнецов, Куновский, П.А. фон Лайминг, Н.П. Лесевицкий, А.М. Назаров, А.Д. Оболенев, А.И. Олейник, Г.П. Полковников, И.И. Попов, Р.Д. Радко-Дмитриев, Н.К. Раша, П.К. Ренненкамф, В.Е. Рожено, Н.В. Рузский, В.В. Салов (умер в заключении), А.Г. Сандецкий, Я.В. Сафонов, Л.Л. Сидорин, В.В. Смирнов, В.В. Троцкий, Г.А. Туманов, Б.Ф. Ушаков, П.Л. Хелмицкий, А.П. Шевцов, П.О. Щербов-Нефедович, Н.Н. Янушкевич.

⁵³⁸ М.В. Басков, Н.П. Бирюков, Ф.М. Вебель, В.В. Гейман, А.Ф. Григорьев, А.А. Дмитриев, А.В. Дорошкевич, Ф.М. Дробыш-Дробышевский, В.Н. Кисляков, С.А. Кузнецов, Б.А. Левицкий, К.К. Максимович, В.И. Марков (умер в заключении), М.М. Махов, А.А. Недельский, Н.И. Нечаев, Г.К. Рихтер, А.Ф. Рогоза (Рагоза), Г.Я. Рожнов (Шельстов), Н.М. Романов, В.И. Соколов, Е.Э. Трегубов, В.Т. Федоренко, С.В. фон дер Ховен, В.П. Широков, М.И. Эбелов.

⁵³⁹ Н.С. Аносов, Н.А. Бабиков, П.М. Баранов, Н.А. Бафталовский, П.А. Белов (Г.А. Виттекопф), А.В. Бернов, Н.П. Бобырь, Б.П. Богословский, Н.К. Боровский, И.М. Васильченко, Г.Н. Вирановский, Н.А. Воронов (умер в заключении), А.Г. Георгиевский, И.С. Кашуба, А.Ф. Котен (умер в заключении), Н.А. Крутиков, В.Г. Ласточкин, В.Я. Люндквист, А.Ф. Матковский, В.Е. Медиокритский, Н.А. Михайлов, Н.М. Морель, Г.Ф. Одноглазов, Л.Н. Пархомов, С.А. Платов, А.И. Прозоров (умер в заключении), В.В. Ракинин, А.П. Ревинин, И.Ф. Ромеров, Л.И. Савченко-Маценко, Г.Б. Салимов, М.Г. Серов, Л.-О.О. Сирелиус, С.А. Сулькевич, Н.Г. Тетруев, В.П. Ульянин, Л.П. Червинский, С.М. Шейдеман (умер в заключении), Н.В. Шереховский, А.Н. Якубовский.

⁵⁴⁰ В.Л. Баранович, Н.А. Волков, Н.А. Галкин, Е.М. Голицын (умер в заключении), С.Д. Григорьев, А.И. Дутов (убит в ходе специальной операции), К.А. Звиргзд, Ф.Д. Иозефович, В.Н. Клембовский (умер в заключении), Л.В. Костанди, А.Д. Кузьмин-Караваев, Н.Д. Либус, М.Н. Руссет, Л.А. Текелин, И.М. Чобеняев.

⁵⁴¹ А.П. Перхуров, Б.Ф. Пуляшко, К.И. Рыльский, И.И. Смольнин-Терванд, Г.Г. Христиани.

⁵⁴² Красный террор в годы Гражданской войны. М., 2004. С. 34–69.

⁵⁴³ Вильерс О.А., Попов В.А. Воспоминания русской бабушки. Пятигорская трагедия. М., 2005. С. 5.

В 1919 г. казни генштабистов пошли на спад. Это, видимо, объясняется усилением контроля за деятельностью местных властей и централизацией репрессий. Правда, из 26 расстрелянных и умерших в заключении 11 были казнены на Украине, где тогда свирепствовала ЧК⁵⁴⁴, четверо — в связи с участием или подозрением в участии в белом подполье, один — за участие в Ярославском восстании, еще один был убит в тюрьме и один в заключении скончался.

Период 1920–1922 гг., несмотря на формальную отмену в Советской России смертной казни, характеризуется казнями почти исключительно бывших белых генштабистов. Стихийные расстрелы на местах происходят реже, за исключением Одессы, в которой в 1919–1920 гг. было расстреляно семь генштабистов, и некоторых районов Сибири. Как видно, казни генштабистов из РККА почти полностью прекратились за исключением тех, кто был избалован в связях с подпольем.

При этом на местах порой продолжал твориться откровенный произвол, когда от единоличного решения того или иного чекистского деятеля зависела жизнь человека. Именно такой случай произошел с пленным колчаковцем, бывшим Генштаба полковником В.В. Ракитиным, который первоначально комиссией ВЧК 5-й армии был приговорен к заключению в концлагерь, но затем направлен в распоряжение полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского. Последний без каких бы то ни было следственных мероприятий 15 мая 1920 г. приказал Ракитина расстрелять⁵⁴⁵.

Некоторые обвинения могут показаться совершенно абсурдными. К примеру, специалистов Генерального штаба преследовали за их действия в дореволюционный период, когда они несли службу в качестве офицеров русской армии и исполняли свой долг. Бывший генерал от кавалерии С.М. Шейдеман (окончил академию Генерального штаба в 1883 г. по 2-му разряду), работавший штатным преподавателем и заместителем начальника академии Генштаба РККА, был арестован Особым отделом МЧК 25 января 1920 г. Идея арестовать 63-летнего военспеца родилась после того, как в Особый отдел МЧК прислали третий выпуск сборника «Декабрьское движение в Москве». Особистов привлекла статья В. Сторожева «Декабрьское вооруженное восстание», из которой они почерпнули сведения о том, что занимавший тогда пост генерал-квартирмейстера Московского военного округа Шейдеман приказал в декабре 1905 г. провести зачистку Пресни от вооруженных бандитов⁵⁴⁶.

Шейдеману пришлось оправдываться. Пожилой генерал свидетельствовал, что приказ, возможно, не был передан по принадлежности, был заготовлен работниками штаба, а им самим только подписан⁵⁴⁷. Оправдания выглядели неубедительно и не были приняты следствием во внимание. Шейдемана обвинили в подготовке плана истребления московских рабочих. В советское время ведомственные авторы утверждали, что 28 января Шейдеман постановлением коллегии МЧК был заключен в исправительно-трудовой лагерь до конца Гражданской

---

⁵⁴⁴ В этой связи нельзя не упомянуть о записке В.И. Ленина председателю Всеукраинской ЧК М.Я. Лацису от 4 июня 1919 г., в которой отмечалось, «что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы слишком рано и впустив в себя массу примазавшихся» (В.И. Ленин и ВЧК. С. 212).

⁵⁴⁵ *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК – ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 120.

⁵⁴⁶ МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии (1918–1921 гг.): Сб. док. М., 1978. С. 215.

⁵⁴⁷ Там же. С. 218.

войны, однако затем по ходатайству Ф.Э. Дзержинского якобы был освобожден для работы в академии⁵⁴⁸. Эти заявления не подтверждаются фактами, так как прославленный военачальник, герой русско-турецкой и Первой мировой войн генерал Шейдеман умер в Бутырской тюрьме от сыпного тифа 29 февраля 1920 г.⁵⁴⁹

В 1921 г. было казнено 13 выпускников академии и двое умерли в тюрьме. Среди казненных А.И. Дутов был убит в результате специальной операции за пределами Советской России, кроме него казнено еще девять генштабистов, попавших в плен. Из «коренных» генштабистов РККА были расстреляны В.Л. Баранович и Ф.Д. Иоозефович, а В.Н. Клембовский и Е.М. Голицын умерли в тюрьме. Наконец, в 1922 г. было казнено еще четверо пленных колчаковских генштабистов и один «коренной» генштабист РККА.

Обращает на себя внимание крайне незначительный процент выпускников ускоренных курсов среди казненных — только 11,4%, тогда как среди военспецов-генштабистов РККА курсовики составляли 38%⁵⁵⁰. Из этого следует вывод о том, что генштабовской молодежи, к которой относились курсовики, большевики доверяли больше, чем старым спецам.

По характеру гибели офицеров статистика представляется следующей (см. табл. 57).

Таблица 57. Характер смертей генштабистов в 1917–1922 г.

Характер смерти/год	1917	1918	1919	1920	1921	1922	Итого
Самосуд	4	4		1			9
Казнь при попадании в плен		9	5	28	9	3	54
Казнь на месте		1					1
Арест и казнь (в том числе обстоятельства неизвестны)		21	19	8	3	1	52
Смерть в заключении от голода и болезней		1	1	3	2	1	8
Убийство в заключении			1				1
Спецоперация					1		1
Убийство при невыясненных обстоятельствах	1	4					5

Более 40% расстрелов происходило в отношении попавших в плен белых офицеров-генштабистов.

⁵⁴⁸ Там же. С. 219.

⁵⁴⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 86; ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 5. Д. 1. Л. 29об. Через 18 лет в СССР по нелепым обвинениям (в том числе из-за отца-генерала) будут расстреляны сыновья Шейдемана — комбриг Е.С. Шейдеман, руководивший Тамбовской кавалерийской школой, и полковник А.С. Шейдеман — начальник кафедры тактики Военно-воздушной академии РККА (Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Док. и коммент. М., 2011. С. 424). По данным на 1914 г., у генерала Шейдемана было трое детей. На примере Шейдеманов видно, что семьи отдельных генштабистов истреблялись большевиками почти на корню.

⁵⁵⁰ Наш расчет по: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 122.

Причины расстрелов и казней были следующими (см. табл. 58).

Таблица 58. Причины расстрелов и казней генштабистов в 1917–1922 гг.

Причина гибели/год	1917	1918	1919	1920	1921	1922	Итого
Подозрение в принадлежности к антибольшевистскому подполью		6	4	3	1		14
Служба в антибольшевистских армиях		8	5	29	10	4	56
Участие в антибольшевистских восстаниях			1				1
Заложничество		7					7
Принадлежность к царской семье			1				1
Попытка пробраться к белым		1					1
Неизвестна		9	13	8	3	1	34

58 человек погибли в связи со службой в антибольшевистских армиях, участием в восстаниях или стремлением пробраться к противнику, 13 человек были репрессированы в связи с подозрениями в принадлежности к белому подполью.

География казней была следующей (см. табл. 59).

Таблица 59. География казней генштабистов в 1917–1922 гг.

Место казни/год	1917	1918	1919	1920	1921	1922
На фронте Первой мировой войны	1					
Архангельск, Холмогоры				3	3	
Баку				4		
Брянск (район)		1				
Владикавказ					1	
Глухов			1			
Ессентуки				1		
Казань				1		
Киев		2	1			
Красноярск				2		1
Крым (без указания конкретного места)				2		
Могилев	1					
Москва (район)	1	5	5	2	4	
Николаевск-на-Амуре				1		
Новониколаевск						1
Новочеркасск		1				
Одесса			6	1		

Место казни/год	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Омск				7	2	
Оренбург		1				
Петроград		3	2	4		
Полтава			1			
Пятигорск		6				
Смоленск		1			1	
Сочи				1		
Суйдин (Китай)					1	
Таганрог (район)		1				
Ташкент	2					
Туапсе		1				
Феодосия		1				
Харьков			1		1	
Чернигов			1			
Штаб Южного фронта (Козлов)		1				
Ялта				1		
Ярославль			1			1
Деревня Репьевка Сызранского уезда Симбирской губернии		1				
Задонская степь		1				
Местечко Горячий Ключ		1				
Село Базоркино около Владикавказа		1				
Станица Аксайская		1				
Станица Великокняжеская		1				
Станица Степная		1				
Станция Боярская на Байкале		1				
Станция Ладожская Кубанской области		1				
Станция Оредеж под Петроградом		1				
Неизвестно		6	7	9	1	2

Таким образом, лидирует по количеству насильственных смертей генштабистов Москва, второе место поделили Петроград и Омск, на третьем месте — Одесса.

Статистика арестов продолжает статистику казней и представлена в таблице 60 (исключены расстрелянные и умершие в заключении; не учтены повторные аресты).

Таблица 60 показывает, сколько выпускников академии прошло через аресты. Однако реальный масштаб репрессий был выше в связи с повторными арестами. Рассмотрим, каковы данные статистики с прибавлением повторно арестованных, а также расстрелянных и умерших в заключении.

Таблица 60. Статистика арестов генштабистов в 1917–1922 гг.

Год/количество арестованных	Выпускники и слушатели старой академии	Выпускники ускоренных курсов
1917	14	1
1918	46	11
1919	39	26
1920	59	14
1921	10	12
1922	8	5
Итого	176	69

В 1917 г. большевистской властью и ее представителями было арестовано не менее 15 выпускников академии. В 1918, с учетом повторных арестов, а также арестов, приведших к расстрелу или гибели заключенного (23), в Советской России арестовано не менее 84 «лиц Генштаба», что представляется довольно высокой цифрой, поскольку составляет 16,6% от общего их числа у большевиков в это время. В 1919 г. зафиксировано 92 новых ареста (с учетом «повторников», в том числе 21, завершившийся казнью или гибелью арестованного), причем существенно возрастает количество арестованных курсовиков (видимо, в связи с попыткой чекистов нанести удар по их корпоративной организации). В 1920 г. начинаются аресты и расстрелы пленных белогвардейских генштабистов, продолжают аресты и «коренных» генштабистов Красной армии. Общее число новых арестов «лиц Генштаба» — не менее 89 (в том числе 11, завершившихся казнью или гибелью арестованного). В 1921 г. осуществлено не менее 38 арестов (в том числе четверо арестованных были казнены или умерли) и в 1922 г. — еще не менее 17 (в том числе двое казнены или умерли). Итого не менее 335 арестов за время Гражданской войны.

Если не учитывать аресты, завершившиеся гибелью заключенного, то из 274 случаев ареста старые генштабисты арестовывались не менее 199 раз, курсовики — не менее 75. Исключая «повторников», получается, что через аресты прошли, как указано в таблице 60, 245 человек (не считая расстрелянных и умерших в заключении), в том числе 176 старых генштабистов и 69 курсовиков.

Одновременно под стражей за счет прежних арестов находилось существенно больше «лиц Генштаба», чем арестовывалось в тот или иной год. Так, на апрель 1921 г. под арестом пребывал 21 генштабист, или 3,6% от общего числа⁵⁵¹. По данным на 15 апреля, арестованных уже 23, или 4%⁵⁵². Из 23 человек 12 относились к выпускам из академии до 1906 г., 10 — к выпускам 1907–1916 гг. и один — к выпуску 1917 г. Меньше всего доверия оказывалось наиболее пожилым генштабистам. В целом же к 1921 г. репрессии пошли на спад.

С учетом того, что на территории Советской России в разное время в 1917–1922 гг. находилось не менее 1538 выпускников и слушателей академии Генераль-

⁵⁵¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 32об.

⁵⁵² Там же. Л. 65.

ного штаба (включая курсовиков), подверглись репрессиям (в том числе погибли от самосудов) 374 человека (казненных, умерших и арестованных, в том числе 291 выпускник старой академии и 83 курсовика), или более 24% военспецов-генштабистов, что является крайне высоким показателем. Иными словами, практически каждый четвертый из «лиц Генерального штаба» РККА подвергся репрессиям в 1917–1922 гг. До 9 офицеров пали жертвами самосудов, за которые едва ли ответственны большевистский режим и его карательные органы, но даже за вычетом этой группы репрессированы были 23,7% выпускников и слушателей академии. 34% репрессированных были казнены или умерли в заключении. От общего числа военспецов-генштабистов казенные составили 8,4%, хотя здесь необходима поправка на захваченных в плен белых. Репрессий не избежали даже так называемые «красные генштабисты» — слушатели академии Генерального штаба РККА, считавшиеся опорой нового строя, однако это отдельный сюжет.

Во многих арестах трудно отыскать какую-то логику или необходимость. Множество бессмысленных репрессий относится к 1918 г. Например, буквально случайно в Петрограде пострадал главноуправляющий канцелярией Наркомата по военным делам бывший Генштаба генерал-майор С.И. Одинцов, приехавший в Петроградскую ЧК вызволять племянника и арестованный на месяц⁵⁵³. По этому поводу Л.Д. Троцкий потребовал от петроградских чекистов срочных объяснений. Кстати, Одинцов в дальнейшем верой и правдой служил советской власти. В октябре 1918 г. был арестован выпускник академии Н.С. Новиков, вскоре, однако, было объявлено, что арест произошел «по недоразумению»⁵⁵⁴. Подобные действия чекистов вызывали не только нарекания, но и иронию. Как тогда говорили, «метод работы В.Ч.К. и Губ.Ч.К. — схватил, посадил, продержал — вызвал из тюрьмы, посмотрел, допросил, отпустил»⁵⁵⁵.

В 1918 г. подвергся аресту один из крупнейших советских военспецов — Ф.В. Костяев, арестованный без причины и без предъявления обвинения⁵⁵⁶. Позднее Костяев был освобожден и вскоре стал начальником Полевого штаба РВСР. Однако смысл его ареста трудно понять. 26 апреля 1918 г. на непродолжительный срок подвергся аресту по нелепому обвинению начальник штаба Юго-Западного фронта Н.Н. Петин⁵⁵⁷ — впоследствии еще один из наиболее высокопоставленных и преданных новому режиму генштабистов. Арестованный просил одного из руководителей большевистского военного ведомства, Э.М. Склянского, об отсрочке суда в связи с предстоящими родами жены и ее тяжелой болезнью.

Арестная практика не добавляла военспецам уверенности в завтрашнем дне. Один из них писал видному генштабисту Н.И. Раттэлю в 1918 г.: «Арест произвел на меня гнетущее действие, можете верить мне, что совесть моя решительно чиста»⁵⁵⁸. Искренней преданностью советской власти проникнута и телеграмма бывшего Генштаба полковника А.Н. Ковалевского, арестованного 10 ноября 1918 г.: «[В] июне я из Украины вывез [в] Советскую Россию свою жену и четы-

⁵⁵³ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 18об.; Ф. 11. Оп. 4. Д. 111. Л. 5.

⁵⁵⁴ РГВА. Ф. 3 Оп. 1. Д. 115. Л. 310.

⁵⁵⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 148.

⁵⁵⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 87.

⁵⁵⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 23–24.

⁵⁵⁸ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 156.

рех малолетних детей, почему, принимая самое активное участие [в] подавлении контрреволюционного мятежа южного казачества, я тем самым прочно связал свою судьбу с судьбой Советской России, которой изменить уж по одному этому не в состоянии...»⁵⁵⁹ Тем не менее заверения не помогли, и Ковалевский был расстрелян.

В августе–сентябре 1918 г. в Петрограде производились массовые аресты бывших офицеров. В связи с создавшейся нездоровой атмосферой генштабист Л.К. Александров писал М.Д. Бонч-Бруевичу: «Многочисленные же аресты многих служащих в штабе в последнее время по непонятным и неизвестным для меня причинам настолько меня терроризировали, что я буквально потерял всякую способность к индивидуальной плодотворной работе и даже способность мыслить, а тем более высказать свое мнение...»⁵⁶⁰

Впрочем, массовость арестов иногда приносила пользу большевикам. По свидетельству генерала К.И. Глобачева, система массового террора парализовала антибольшевистское подполье. Глобачев отмечал: «Самая техника массовых арестов в Петрограде выглядела так: исполнение поручалось районным советам, которые производили обыски в своих районах. Данными для этого служили регистрационные сведения относительно офицеров, домовые книги и опросы швейцаров и дворников. Квартал окружался красноармейцами, и каждый дом обходился чекистами, причем все бывшие офицеры и подозрительные буржуи арестовывались. Эта мера сразу дала несколько тысяч арестованных, заполнивших тюрьмы Петрограда и Кронштадта, не давши, впрочем, ничего существенного в смысле обвинения задержанных в каких-либо преступлениях. Но с другой стороны, она совершенно парализовала работу контрреволюционных организаций, выхватив из их среды многих серьезных работников и порвав имевшиеся связи. Той же мере были подвергнуты и пригороды Петрограда, так что скрыться, особенно бывшему офицеру, было чрезвычайно трудно. Началась сильная тяга на Дон и Украину»⁵⁶¹.

В сентябре 1918 г. в Петрограде были арестованы без обвинения в качестве заложников сразу 12 генштабистов⁵⁶². Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов был вынужден телеграфировать всем Советам депутатов о прекращении арестов бывших офицеров без предъявления обвинения. Кроме того, он потребовал от ВЧК в сентябре 1918 г. освободить всех арестованных советских работников, «относительно которых нет данных и прямой их персональной прикосновенности к контрреволюционной деятельности»⁵⁶³. Это указание было проигнорировано. Многие генштабисты продолжали пребывать безо всякого обвинения в местах заключения. Так, полгода без предъявления обвинения и даже без единого допроса провел в тюрьме бывший Генштаба полковник А.Д. Тарановский⁵⁶⁴. Криком души кажется открытка, отправленная А.Д. Шеманским Э.М. Скланскому 10 сен-

⁵⁵⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 17.

⁵⁶⁰ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 142об.

⁵⁶¹ *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 174–175.

⁵⁶² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 33.

⁵⁶³ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 85.

⁵⁶⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 30; Ф. 11. Оп. 5. Д. 1003. Л. 22; ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 17.

тября 1918 г., в которой он писал: «Товарищ Склянский — заступитесь — сижу месяц, а служил честно, лояльно...»⁵⁶⁵ Характерна одна из телеграмм военкому Полевого штаба РККА С.И. Аралову и Л.Д. Троцкому об аресте в конце ноября 1918 г. бывшего Генштаба капитана В.В. Трофимова: «...обвинение неведомо на чем основано»⁵⁶⁶. 19 декабря Трофимова освободили.

По данным на ноябрь 1918 г., в одной только Дерябинской тюрьме Петрограда без предъявления обвинения содержалось шесть генштабистов⁵⁶⁷. 12 ноября предписывалось срочно возбудить ходатайство об их освобождении. Самочувствие арестованного бывшего Генштаба генерал-майора Л.И. Савченко-Маценко в период пребывания в заключении настолько ухудшилось, что он оказался практически при смерти от истощения и был переведен в полевой запасной госпиталь⁵⁶⁸.

Репрессии были фактором, отнюдь не сдерживавшим измены генштабистов, а, наоборот, способствовавшим им. Бывший полковник Б.П. Поляков находился под арестом в Бутырской тюрьме без предъявления обвинения с 22 июня 1918 г. по 1 февраля 1919 г.⁵⁶⁹ Супруга Полякова писала Н.И. Раггэлю в РККА 22 ноября 1918 г.: «Муж шестой месяц [в] заключении, настоятельнейше прошу серьезного ходатайства [об] освобождении, нахожусь [с] семьей совершенно без средств»⁵⁷⁰. Эта краткая телеграмма проливает свет на ужасающее материальное положение семей арестованных генштабистов, часто остававшихся безо всяких средств существования. Уже в 1919 г. следы Полякова обнаруживаются в Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. В Бутырке также содержался бывший генерал-майор С.М. Языков. Его пребывание под арестом сопровождалось еще более трагическими событиями. В период заключения у Языкова умер брат Николай, также служивший в РККА. Из-за ареста брат остался непогребенным. Заключенный просил Я.Х. Петерса разрешить ему похоронить брата⁵⁷¹. Итоги прошения неизвестны, но отношение военспеца к своим тюремщикам в этой ситуации вполне предсказуемо. В 1919 г. Языков пропал без вести при оставлении красными Украины и поступил на службу к А.И. Деникину. На таких примерах наглядно прослеживается явный вред политики бессмысленных арестов «лиц Генштаба» для большевиков, грозившей при определенных условиях гибельными последствиями для Советской России.

Высшее советское руководство часто не могло добиться освобождения арестованных или хотя бы предъявления им обвинений. Троцкий в октябре 1918 г. просил председателя ВЧК указать, какие арестованным генштабистам предъявлены обвинения, и сообщал, что «для разрешения текущих дел крайне необходимо наличие указанных работников»⁵⁷². Однако просьба Троцкого не ускорила исход дела. Вождь РККА обоснованно полагал, что аресты могут осуществляться толь-

---

⁵⁶⁵ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 88об.

⁵⁶⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 99.

⁵⁶⁷ Там же. Л. 46.

⁵⁶⁸ Там же. Л. 171.

⁵⁶⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.

⁵⁷⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 66.

⁵⁷¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 129.

⁵⁷² РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 113.

ко с ведома начальства и военного комиссара⁵⁷³. Но, судя по всему, это указание также не соблюдалось чекистами. Чтобы арестованные были либо освобождены, либо осуждены, потребовалось специальное постановление Совета обороны от 8 января 1919 г., в котором сведения об арестованных были затребованы в трехдневный срок⁵⁷⁴. Практически всех чекистам пришлось освободить за недоказанностью обвинений.

Считается, что ВЧК находилась в личном подчинении В.И. Ленина и могла игнорировать указания других, даже самых высокопоставленных, большевистских руководителей. Однако факты свидетельствуют о неоднозначности этой ситуации. Так, Ленин еще 29 декабря 1918 г. просил председателя Петроградской ЧК освободить бывшего Генштаба генерал-майора Л.И. Савченко-Маценко и бывшего Генштаба полковника Б.П. Полякова⁵⁷⁵, однако первого освободили в январе, а второго — лишь 1 февраля. Кроме того, органы ВЧК осуществляли аресты видных советских работников, что не могло не беспокоить большевистское руководство. Эти факты относятся в основном к 1918 – началу 1919 г. и свидетельствуют о том, что репрессивный аппарат, созданный большевиками, начал работать сам по себе, причем даже непосредственный руководитель ВЧК Дзержинский не имел возможности его полностью контролировать, особенно на местах. Таким образом, даже если бы отношение властей к генштабистам было самым благожелательным (чего не наблюдалось), эксцессы с карательными органами все равно оставались неизбежными. По мнению одного из современных исследователей истории спецслужб, периодические острые конфликты ВЧК с другими ведомствами, в том числе с военным, связаны с отсутствием четкого разграничения полномочий ВЧК и прочих государственных институтов⁵⁷⁶.

Самоуправство и неподконтрольность чекистов вызывали нарекания со стороны партийного руководства и породили в конце 1918 – начале 1919 г. дискуссию о реформировании органов ВЧК и ограничении их полномочий⁵⁷⁷. Одним из итогов этой дискуссии стали передача права вынесения приговоров ревтрибуналам (за исключением местностей, находившихся на военном положении), ограничение следствия месячным сроком⁵⁷⁸ и некоторое сокращение масштабов репрессий. Произошел беспрецедентный случай: постановлением Совета обороны от 3 декабря 1918 г. в состав контрольно-ревизионного отдела ВЧК были введены два партийных представителя специального следствия и ускорения дела о членах Генерального штаба⁵⁷⁹, — т.е. ситуация с арестами генштабистов была взята на особый контроль. Также вопрос об арестованных генштабистах был вынесен на

---

⁵⁷³ Там же. Л. 116.

⁵⁷⁴ В.И. Ленин и ВЧК. С. 139–140.

⁵⁷⁵ Там же. С. 136.

⁵⁷⁶ *Леонов С.В.* Проблема создания ВЧК // *Гражданская война в России и на Русском Севере.* Архангельск, 1999. С. 40–41.

⁵⁷⁷ Подробнее см.: «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...». Проект Л.Б. Каменева о реформировании ВЧК и системы ревтрибуналов / Публ. Д.С. Новоселова // *Военно-исторический журнал.* 2006. № 12. С. 51–55; *Ратковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 218–233.

⁵⁷⁸ Постановление ВЦИК о правах ВЧК и ревтрибуналов. 17 февраля 1919 г. // *Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.:* Сб. док. М., 1958. С. 258.

⁵⁷⁹ В.И. Ленин и ВЧК. С. 126.

заседание РВСР 2 декабря 1918 г.⁵⁸⁰ Скорее всего, причина большого количества необоснованных и, прямо скажем, вредных для большевиков арестов заключалась в низкой квалификации сотрудников большевистских карательных органов первых лет их существования. Подобные действия большевиков не только подрывали их авторитет среди верных им военспецов, но в обстановке Гражданской войны были попросту опасны.

Временно исполняющий должность инспектора пехоты при Полевом штабе РВСР А.Х. Андерсон 16 января 1919 г. был арестован на двое суток. Об обстоятельствах своего ареста он позднее сообщил помощнику начальника Полевого штаба РВСР: «Проехав шагов 100, я был остановлен окриком “стой, ни с места”, оглянувшись, я увидел человека, одетого в защитного цвета бэжэш, который, держа в одной руке направленный на меня револьвер, другой поднимал полость саней, приказывая: “немедленно в Чрезвычайную комиссию на Лубянку, 14”, и сел со мной... я предложил показать ему мой документ, предупреждая, что он, несомненно, ошибся, на что агент ответил “там разберут”»⁵⁸¹. Впоследствии Андерсон писал: «Излагаю факт моего ареста или по подозрению, или по доносу, не могу не высказать своего удивления постановкой этого вопроса... такой способ надо признать прямо недопустимым, подрывающим совершенно престиж не только старших начальников в Красной армии, но вообще лиц командного состава, когда кого угодно могут арестовать, нарушая декрет, без ведома начальства, не предъявляя ордера на арест и не спрашивая документов»⁵⁸². В итоге ценный работник РККА в разгар войны из-за необоснованного ареста потерял впустую два с половиной, а то и три дня, а также массу нервов. В других похожих случаях последствия были куда серьезнее.

Непонятно зачем 97 дней отбыл в заключении летом–осенью 1919 г. и сам главком И.И. Вацетис, много сделавший для победы большевиков. В своих мемуарах он написал, что был арестован неизвестно за что⁵⁸³. Раскрывать дело о белогвардейском подполье в верхушке РККА (дело Полевого штаба РВСР⁵⁸⁴) чекисты начали с белогвардейской организации Кронштадта, в котором 13–16 июня 1919 г. был подавлен мятеж, поднятый подпольной организацией. Эти события были использованы ВЧК для фабрикации дел о подпольных организациях в высших штабах РККА, приведших к смене высшего военного руководства.

В рамках этого «дела» был уже во второй раз за время Гражданской войны арестован начальник Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяев, был произведен арест находившегося в распоряжении Вацетиса Н.Н. Доможирова, который, видимо, под давлением дал признательные показания о существовании заговора⁵⁸⁵. До этого Доможиров был начальником штаба Западного фронта и командующим 15-й армией. Именно его чекисты выставили главным участником «белогвардейской организации штаба Западного фронта». Уже на основе допроса Доможирова позднее производились новые аресты в Полевом штабе, где якобы располагалась

⁵⁸⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 96.

⁵⁸¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 104об.

⁵⁸² Там же. Л. 105об.

⁵⁸³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2. Л. 130.

⁵⁸⁴ Подробнее см. специальные материалы в документальном и историографическом разделах настоящего издания.

⁵⁸⁵ В.И. Ленин и ВЧК. С. 226.

центральная контрреволюционная организация, готовившая военный переворот и установление диктатуры. Сам Вацетис был арестован 8 июля 1919 г. по обвинению в участии в контрреволюционной белогвардейской организации, по другим данным, арест произошел «за недонесение о существовании в Полевом штабе организации [по] подготовке восстания и шпионаж»⁵⁸⁶.

В ночь на 9 июля Особым отделом ВЧК были произведены новые аресты генштабистов в Полевом штабе РВСР. Арестам подверглись Е.И. Исаев, являвшийся порученцем Вацетиса и живший с ним в одной квартире, начальник разведывательного отделения Полевого штаба Б.И. Кузнецов, состоявший для поручений при начальнике Полевого штаба А.К. Малышев, преподаватель академии Генштаба РККА и консультант разведывательного отделения Ю.И. Григорьев. В показаниях, данных в 1956 г. во время процесса реабилитации жертв политических репрессий, Григорьев отметил, что ранее арестованные «по-видимому... дали на меня какие-то показания, в связи с чем был арестован и я, хотя к заговору я никакого отношения не имел. После трехмесячного содержания под стражей я был освобожден, вернулся в академию, где был восстановлен на прежнюю должность»⁵⁸⁷.

Арестованных обвиняли в стремлении установить связь со штабами Колчака и Деникина, свергнуть советскую власть и захватить аппарат управления армией в свои руки «под видом воссоздания Генштаба»⁵⁸⁸. Аресты Костяева и Вацетиса привели к смене кадров на двух ключевых постах в РККА (по освобождении осенью 1919 г. Вацетис оказался в распоряжении Троцкого, а Костяев — на преподавательской работе). Но поскольку никаких доказательств существования заговора чекистам обнаружить не удалось, Президиум ВЦИК 7 октября принял постановление о прекращении дела⁵⁸⁹. При этом ВЧК предлагалось установить за Вацетисом тщательный надзор. Остальные арестованные были решением Политбюро ЦК РКП(б) от 6 ноября 1919 г. освобождены по амнистии⁵⁹⁰.

Дело о белогвардейской организации в Полевом штабе оказалось дутым. Очевиден его политический характер, при котором военспецы стали разменными фигурами в политических комбинациях большевистских вождей и чекистов. По свидетельству Троцкого, с ненавистью к Вацетису относился Сталин⁵⁹¹. Можно только предполагать, была ли связь между таким отношением и фабрикацией заговора Вацетиса. «Я никогда не проверял этого эпизода, — отмечал Троцкий. — Вполне допускаю, однако, что в аресте Вацетиса играл роль Сталин, который таким образом мстил за некоторые старые обиды. Вместе со Сталиным реванш брал Восточный фронт и с ним вместе новый главнокомандующий⁵⁹²... за эпизодом ареста явно чувствовалась интрига...»⁵⁹³

---

⁵⁸⁶ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа “Весна”, 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 29.

⁵⁸⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 79 (101). Л. 248.

⁵⁸⁸ В.И. Ленин и ВЧК. С. 236.

⁵⁸⁹ Там же. С. 237.

⁵⁹⁰ Там же. С. 237, 284.

⁵⁹¹ *Троцкий Л.* Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 107.

⁵⁹² Речь идет о С.С. Каменеве.

⁵⁹³ *Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. С. 108.

Анализ непростых механизмов взаимодействия ВЧК и РКП(б) объясняет многое. Так, работу Особого отдела ВЧК от большевистской партии курировал Сталин, являвшийся ярким противником Троцкого, в том числе в вопросе привлечения военспецов. Можно предположить, что политика арестов военных специалистов проводилась с санкции Сталина в целях дискредитации своего оппонента. Как известно, сталинская группировка неизменно выступала в роли сторонников ужесточения политики в отношении военспецов. Кроме того, конфронтация особых отделов, выполнявших функции военной контрразведки и подчиненных при этом ВЧК (хотя и подконтрольных РВСР), с армейскими учреждениями была predetermined институционально⁵⁹⁴.

Известны случаи отказов РВС фронтов санкционировать аресты военспецов, на которых настаивали карательные органы⁵⁹⁵. Но это были местные проблемы, тогда как наиболее острый конфликт разгорелся на самом высоком уровне, когда Троцкий обоснованно обвинил председателя Особого отдела ВЧК М.С. Кедрова в самоуправстве, арестах ответственных военных деятелей без согласия и даже уведомления РВСР и дезорганизаторских действиях (подобным волонтаризмом Кедров прославился еще в 1918 г.⁵⁹⁶). В итоге 18 августа 1919 г. Кедров был задержан Ф.Э. Дзержинским⁵⁹⁷.

Не только казни и аресты, но подчас даже и необоснованные подозрения были тяжелым ударом для военспецов и могли отбить всякое желание служить большевистской власти или хотя бы брать на себя ответственность и что-то предпринимать по службе. Так, бывший Генштаба генерал-лейтенант Д.Н. Надежный заявил 20 января 1931 г. на следствии по делу «Весна»: «Во мне лично произошел тяжелый переворот случай с вызовом на Гороховую, 2⁵⁹⁸, по обвинению меня в измене во время обороны Петрограда против Юденича, основанный только, по словам т. Зиновьева⁵⁹⁹, на том, что я занимал высокую командную должность...»⁶⁰⁰ Между прочим, за оборону Петрограда Надежный был награжден орденом Красного Знамени.

Даже острая нехватка «лиц Генштаба» слабо влияла на смягчение репрессий. В ноябре 1918 г. на Южный фронт было направлено 45 военспецов, из них 7 арестовано⁶⁰¹. Между тем к 20 декабря 1918 г. в штабе Южного фронта не доставало до штата 8 генштабистов, в том числе на ключевых должностях⁶⁰². При острой нехватке 20 генштабистов в оперативном управлении Всероглавштаба двое из 33 сотрудников осенью 1918 г. находились под арестом⁶⁰³. 5 сентября 1918 г.

---

⁵⁹⁴ *Васильев И.И., Зданович А.А.* Анатомия одного конфликта. История о том, как реввоенсовет армии отрешал от должности «своего» начальника особого отдела // Гражданская война в России и на Русском Севере. Архангельск, 1999. С. 42–43.

⁵⁹⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 10.

⁵⁹⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 26, 278.

⁵⁹⁷ *Зданович А.А.* Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 158–159; Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: Док. / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 135–136.

⁵⁹⁸ Адрес Петроградской ЧК.

⁵⁹⁹ Имеется в виду Г.Е. Зиновьев.

⁶⁰⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 74 (96). Л. 40.

⁶⁰¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 39.

⁶⁰² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 186.

⁶⁰³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 66.

в полном составе было арестовано военно-агентское отделение. Неудивительно, что при таком подходе большевики лишились всей зарубежной военной разведки, которая и находилась в ведении этого отделения. В 1919–1921 гг. под арестом в Особом отделе ВЧК оказался даже разработчик одного из проектов «Положения об Особом отделе» бывший Генштаба капитан Г.И. Теодори, который отстаивал сохранение контрразведки в военном ведомстве. Нельзя не признать этого военспеца одним из наиболее усердных работников, какими только располагали большевики среди бывших генштабистов⁶⁰⁴.

В конце Гражданской войны аресты коснулись генштабистов в основном из числа пленных белогвардейцев. Особого смысла репрессировать этих людей уже не было, так как итог войны был очевиден. Тем не менее практически все пленные прошли через аресты, а некоторые были казнены. В отношении к пленным генштабистам прослеживается определенная система. По данным на 1920 г., не менее 30 зарегистрированных штабом 5-й армии пленных колчаковских генштабистов числилось за Особым отделом ВЧК⁶⁰⁵, их предполагалось отправить в Москву. Пленные в обязательном порядке ставились на учет и проходили идеологическую обработку на политических курсах. При назначениях бывших белых на должности в РККА в каждом случае требовалось запросить мнение Особого отдела. Позднее, в 1920-е, белогвардейское прошлое во многих случаях воспринималось с оттенком юмора. Например, дело арестованного колчаковского генерала А.Т. Антоновича было прекращено 30 января 1926 г. Сибирским краевым судом ввиду того, что «преступление носит исторический характер, и Антонович в настоящее время не является социально опасным для советской власти»⁶⁰⁶. Таким образом декларировалось, что обвинение в контрреволюционности утратило свою актуальность. Впрочем, спустя каких-то пять лет все вернулось на круги своя. В ходе дела «Весна» 1930–1931 гг. бывшим офицерам активно инкриминировались именно контрреволюционные настроения, не говоря уже о белогвардейском прошлом.

Итак, перед нами прошла целая череда бессмысленных и ничем не обоснованных арестов и расстрелов военспецов-генштабистов. Попытки найти какие-либо конкретные причины этих репрессий в большинстве случаев окончились неудачей. Но, оказывается, такие причины не нужно даже искать. Удивительное, но вполне реалистичное объяснение неожиданно нашлось в письме видного советского военно-политического деятеля К.А. Мехоношина своему коллеге по партийной работе в армии Н.И. Подвойскому, написанном в конце 1918 г.: «К арестам же и обыскам специалистов я могу лишь порекомендовать относиться более спокойно — это есть одна из форм контроля и воздействия на них, дабы предавать и изменять было бы не так легко и без риска, что многих слабушных удержит от измены»⁶⁰⁷. Иными словами, Мехоношин давал понять не вполне сориентировавшемуся в текущем моменте Подвойскому, что у арестов военспецов не обязательно наличествовали конкретные причины. Эти меры носили характер упреждения и устрашения. Измен подобные меры предотвратить не могли, ско-

---

⁶⁰⁴ Подробнее о Теодори см. специальный материал в настоящем издании.

⁶⁰⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 116.

⁶⁰⁶ Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007.

⁶⁰⁷ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 84. Л. 36.

рее, наоборот, толкали загнанных репрессиями и недоверием в угол военспецов на измену. Подобная незаконная практика «упреждающего террора» вошла в постоянное употребление советских органов госбезопасности и нашла свое логическое продолжение в массовом терроре 1930-х гг.

Репрессивная практика советских карательных органов в отношении «лиц Генштаба» в годы Гражданской войны не отличалась ни мягкостью, ни достаточной продуманностью. Немало квалифицированных специалистов было расстреляно, умерло в заключении, многие бесцельно томились в тюрьмах и лагерях, тогда как могли принести куда больше пользы советской власти в рядах Красной армии. Репрессии затронули около 26% генштабистов, оказавшихся на советской территории, при этом карательным органам, за некоторым исключением, не удалось выявить подлинных контрреволюционеров и подпольщиков среди военспецов-генштабистов. Репрессии искусственно обостряли обстановку в РККА, отталкивая генштабистов от новой власти и приводя к еще большему замыканию их в своей среде.

История первого этапа репрессий против комсостава РККА показательна, ведь именно в годы Гражданской войны сформировались многие характерные особенности работы советских органов госбезопасности, принципы и методы их борьбы с предполагаемой «пятой колонной». В конечном итоге власть руками чекистов истребила практически весь корпус офицеров старого Генерального штаба, оставшихся в СССР, однако произошло это значительно позже — в 1930-х гг. Не стоит забывать, что ответственность за репрессии в армии впоследствии была возложена, прежде всего, на спецслужбы, на самом деле являвшиеся лишь исполнителями воли руководства страны.

Заложничество семей военспецов в годы Гражданской войны — реальность или миф?*

В постсоветской историографии, в СМИ, а через них и в общественном сознании уже довольно прочно утвердился тезис о том, что в годы Гражданской войны бывшие офицеры служили в Красной армии под жесточайшим контролем. Одной из основных составляющих такого контроля над военспецами считается учет их семейного положения в целях ареста, а возможно, и последующего уничтожения их близких в случае измены. Нельзя не отметить, что вопрос о заложничестве и репрессиях в отношении членов семей военспецов крайне политизирован. Однако почему-то исследователи и публицисты, отстаивающие такую дополнительную кровожадность большевиков, не только не приводят конкретных примеров, но и закрывают глаза на находящиеся в явном противоречии с этой точкой зрения сотни случаев измены военспецов советской власти, имевших место на всем протяжении Гражданской войны. Ведь, казалось бы, окажись родственники военспецов в заложниках с угрозой неминуемого ареста и расстрела, массовые измены были бы немыслимы. Тем не менее этого не произошло. Попробуем разобраться, как же обстояло дело в действительности.

Сразу оставим за рамками эксцессы бандитизма и мародерства, в ходе которых могли страдать семьи военспецов, и сосредоточимся лишь на вопросе о наказании в отношении семей тех, кто изменил советской власти. В центре нашего внимания будут, прежде всего, семьи бывших офицеров Генерального штаба — представителей военной элиты; людей, находившихся вследствие своей немногочисленности и особого, исключительно высокого положения в комсоставе на виду и, соответственно, более удобных в плане надзора.

Очевидно, что военспецы не были группой лиц, полностью лояльных большевикам. Последние, в свою очередь, также относились к спецам с подозрением, не исключая даже тех, кто служил новой власти вполне добросовестно. Как еще в 1962 г. справедливо отметил С.А. Федюкин, «фактов измены и предательства было бы значительно больше, а последствия их тяжелее, если бы партия не установила твердого и бдительного контроля за деятельностью военных специалистов в лице института военных комиссаров»⁶⁰⁸. Первоначально вся ответствен-

---

* Впервые опубликовано: Родина. 2010. № 6. С. 70–75. В настоящем издании публикуется с дополнениями.

⁶⁰⁸ Федюкин С.А. Об использовании военных специалистов в Красной армии // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 42.

ность за измены военспецов возлагалась на комиссаров, однако события лета 1918 г. показали недостаточность такого контроля. Комиссары не могли предотвращать измены даже в немногочисленной касте генштабистов, не говоря уже об остальной офицерской массе. Взаимоотношения командиров и комиссаров приобретали личный характер, при котором имели место как конфликты и конфронтации, так и симпатии. Не случайно председатель РВСР Л.Д. Троцкий 21 мая 1919 г. сообщал своему заместителю Э.М. Склянскому для последующей передачи В.И. Ленину: «Эти фронтовые привязанности — наша общая беда»⁶⁰⁹. Разумеется, наличие дружеских отношений командиров и комиссаров вело к снижению уровня контроля за военспецами. Недостаточность комиссарского контроля для предотвращения измен привела к поискам иных форм борьбы с изменой.

Обязательная регистрация бывших офицеров в Советской России началась в основном летом 1918 г., но в регистрационных материалах того периода (в частности, при регистрациях в Москве⁶¹⁰) еще не было данных о семейном положении регистрируемых. В учетных карточках и списках фиксировались только адреса офицеров, что пока еще не было увязано с адресами семей, но во многих случаях позволяло установить их местонахождение. Однако уже осенью 1918 г. в анкетах встречаются разделы «Адрес семьи», а, например, 1919–1920 гг. датированы анкеты с пунктом «Адрес семьи, а для холостых — ближайших родственников»⁶¹¹. Вопрос о проверке указывавшихся анкетных данных остается открытым.

4 сентября 1918 г. в Советской России официально появился институт заложничества, легализованный приказом главы НКВД Г.И. Петровского. Инициативу поддержал Троцкий, распространив ее на семьи бывших офицеров и военных чиновников. Приказ Троцкого от 30 сентября 1918 г. гласил: «Предательские перебеги лиц командного состава в лагери неприятеля, хотя и реже, но происходят до настоящего дня. Этим чудовищным преступлениям нужно положить конец, не останавливаясь ни перед какими мерами. Перебежчики предают русских рабочих и крестьян англо-французским и японо-американским грабителям и палачам. Пусть же перебежчики знают, что они одновременно предают и свои собственные семьи: отцов, матерей, сестер, братьев, жен и детей. Приказываю штабам всех армий Республики, а равно окружным комиссарам, представить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову⁶¹² списки всех перебежавших во вражеский стан лиц командного состава со всеми необходимыми сведениями об их семейном по-

⁶⁰⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 85.

⁶¹⁰ См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-1245. Оп. 1. Д. 1, 14.

⁶¹¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 739. Л. 108об.; ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 47об.

⁶¹² Аралов Семен Иванович (18.12.1880–22.05.1969) — видный советский военный и государственный деятель. Учитель. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан (на 1917). Старший адъютант штаба 174-й пехотной дивизии. Председатель дивизионного комитета (05.1917), председатель социал-демократической фракции армейского комитета 3-й армии. Начальник оперативного отдела при Чрезвычайном штабе Московского военного округа (с 01.1918), позднее — при Наркомате по военным и морским делам. Член РКП(б) (с 03.1918). Член РВСР (09.1918–07.1919). Член военно-революционного трибунала при РВСР. Военный комиссар Полевого штаба РВСР (10.1918–06.1919). Начальник Региструпра Полевого штаба РВСР. Член РВС 12-й армии. Член РВС Юго-Западного фронта. Член РВС Киевского военного округа. Полпред РСФСР в Литве, Турции, Латвии. Член коллегии НКВД СССР. Член коллегии Наркомфина. Заместитель директора Государственного литературного музея. В 1941 — рядовой народного ополчения Киевского района Москвы. Подробнее см.: Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М., 1991. С. 148–166.

ложении. На т. Аралова возлагаю принятие, по соглашению с соответственными учреждениями, необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей»⁶¹³. Пока что речь шла только о семьях ранее изменивших советской власти военспецов. Однако не было указано, что делать с задержанными.

К октябрю 1918 г., по некоторым данным, в заложниках находилось свыше 8000 бывших офицеров. Очевидно, что массовое заложничество было бессмысленным. Поэтому по предложению Троцкого заложники, не причастные к контрреволюционной деятельности, были решением ЦК РКП(б) освобождены. Освобождаемых обязали представить списки своих семей, которые были бы арестованы в случае перехода этих бывших офицеров к противнику⁶¹⁴. Постановлением VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов от 6 ноября 1918 г. освобождению подлежали все заложники, «кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов»⁶¹⁵. Брать заложников по этому постановлению отныне могла только ВЧК.

Учетом военспецов в РККА занимались сами же военспецы. Они едва ли могли выступать активными проводниками репрессивной политики в отношении семей таких же бывших офицеров. Вполне можно допустить, что они сознательно саботировали требования Троцкого. Однако, как выясняется, даже семьи многих заведомых контрреволюционеров, в том числе видных деятелей антибольшевистского лагеря, спокойно жили в Советской России и не подвергались серьезным репрессиям.

Например, семья известнейшего белого генерала В.О. Каппеля проживала в Перми. Его супруга, О.С. Стрельман, жила под девичьей фамилией, в 1918–1919 гг. она даже работала в штабе 3-й армии красных машинисткой. В одной из анкет она указала, кто ее муж, после чего, разумеется, была уволена без права поступления на службу в военные учреждения. По одной из версий, она уехала в Москву, где смогла устроиться в государственное казначейство. В мае 1919 г. Стрельман была арестована как заложница ВЧК, находилась в Бутырской тюрьме до марта 1920 г., когда ей сообщили о смерти мужа и предложили оформить развод⁶¹⁶. По свидетельству дочери Каппеля, арест матери произошел в Глазове (штаб 3-й армии с декабря 1918 г.), а затем за Стрельман вступились (!) руководители ВЧК Ф.Э. Дзержинский и В.Р. Менжинский, причем последний предложил ей работу в Наркомфине на условиях оформления заочного развода с мужем, более того, с 1 апреля 1919 г. Стрельман там и работала⁶¹⁷.

Таким образом, супруга одного из самых известных вождей антибольшевистского лагеря провела в заключении, по различным версиям, от четырех до десяти месяцев. Назвать «заложничеством» этот непродолжительный арест с противоречивыми обстоятельствами можно лишь с натяжкой. Достоверность же эмигрантских рассуждений о некоем предложении Каппелю «ослабить свои удары по

---

⁶¹³ *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923. С. 151.

⁶¹⁴ Реввоенсовет Республики. С. 36.

⁶¹⁵ В.И. Ленин и ВЧК. (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975. С. 117.

⁶¹⁶ *Лобанов Д.А., Станковская Г.Ф.* Судьба семьи генерала Владимира Оскаровича Каппеля // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 82.

⁶¹⁷ *Харитонова Е.Д.* Судьба семьи русского офицера Владимира Каппеля // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 48.

красным» в обмен на освобождение супруги и пафосном ответе генерала: «Расстреляйте жену, ибо она, как и я, считает для себя величайшей наградой на земле от Бога — это умереть за Родину. А вас я как бил, так и буду бить»⁶¹⁸, кажется крайне сомнительной. Хотя бы потому, что своих ударов Каппель не ослаблял, а его жена, несмотря на это, была довольно быстро освобождена. Тем более сложно предположить, при каких обстоятельствах могло быть сделано подобное предложение.

В Советской России находились семьи и других видных деятелей антибольшевистского лагеря — например, семья начальника петлюровского ГУГШ и военного министра генерала С.И. Дядюши⁶¹⁹. О том, что она подвергалась преследованиям, данных нет. Во всяком случае, его близкие благополучно пережили Гражданскую войну, а после войны генерал вел интенсивную еженедельную переписку с проживавшей в Москве семьей уже из эмиграции. Весной–летом 1918 г. в занятом красными Оренбурге спокойно проживал отец знаменитого вождя Белого движения атамана А.И. Дутова. Не где-нибудь, а в «колыбели революции» Петрограде жила и работала в городском музее на протяжении 1918–1920 гг. мать другого вождя белых, легендарного «черного барона» генерала П.Н. Врангеля, баронесса М.Д. Врангель. Позднее она вспоминала, что, «несмотря на все ужасы жизни и особо щекотливое личное мое положение, уцелела каким-то чудом»⁶²⁰. Стоит отметить, что в борьбе с казачьим повстанчеством красные не церемонились и активно практиковали заложничество, в результате чего репрессиям подвергались и семьи бывших офицеров. По некоторым данным, в 1920 г. были расстреляны родители и двоюродные братья кубанского повстанческого командира полковника М.Н. Жукова⁶²¹. Впрочем, эти примеры не относятся к семьям военспецов РККА. Но что же происходило с последними?

Лишь через месяц с лишним после приказа Троцкого, в ноябре 1918 г., военком Полевого штаба РВСР С.И. Аралов, на которого Троцким были возложены обязанности задерживать семьи перебежчиков и предателей, действительно потребовал арестовать семьи перебежчиков из предложенного им сравнительно небольшого списка. Впрочем, единственным высокопоставленным лицом в этом списке был генштабист И.Г. Пехливанов, остальные же, за некоторым исключением, серьезных постов не занимали⁶²². Было ли что-то предпринято в действительности, неизвестно. К тому же семья Пехливанова находилась за пределами Советской России. Документов, отражающих другие инициативы Аралова в этом отношении, обнаружить не удалось.

⁶¹⁸ Каппель и каппелевцы. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2007. С. 112.

⁶¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 48об.

⁶²⁰ *Врангель М.Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 198.

⁶²¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939: Док. и мат.: В 4 т. Т. 1: 1918–1922. М., 2000. С. 789. Впрочем, это указание содержится не в самих документах, а в именном комментарии и не имеет отсылки к документам. Здесь же приводятся данные об убийстве красными родителей повстанца «хорунжего» В.Ф. Рябокonia, однако, по всей видимости, речь не идет о заложничестве (Там же. С. 802). К сожалению, некоторые авторы вследствие некритического подхода к столь противоречивым данным склонны считать подобные случаи результатом заложничества. См., напр.: *Черкасов А.А.* Заложничество как средство воздействия на бело-зеленую оппозицию на Кубани и Черноморье в 1921–1922 гг. Краснодар, 2004. С. 80.

⁶²² РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 24.

Стоит отметить, что хотя Аралов и состоял в большевистской партии, все же при этом он и сам являлся бывшим офицером. Недоброжелатели считали его человеком, намеренно искажавшим свою биографию и приписывавшим себе партийный стаж сверх имевшегося на самом деле, меньшевиком по взглядам и чуть ли не покровителем военспецов-изменников, создателем «араловщины». Уже после смерти Аралова несколько ветеранов Гражданской войны — щорсовцев составили о нем довольно нелицеприятный рукописный очерк. Ветераны утверждали, что «в годы Гражданской войны с именем Аралова связана и около высокого араловского поста подвизается целая полдюжина шпионов и предателей. И это обстоятельство объясняется опять чистой “случайностью”. Не слишком ли уж много “случайностей”, случайных совпадений связано с именем Аралова? Бывает ведь и так, что “случайности” связаны с закономерностью»⁶²³. При всей предвзятости такой характеристики, Аралов действительно не проявил усердия в деле исполнения воли Троцкого.

Небезынтересно и то, что чекисты самоустранились от работы по сбору подписанием об ответственности семей военспецов. Председатель Петроградской ЧК В.Н. Яковлева сообщила 2 ноября 1918 г. на запрос Троцкого, что подписка об ответственности семейств является делом военного ведомства и может быть осуществлена приказом по армии⁶²⁴. Речь шла об арестованных военспецах, с которых, видимо, должны были взиматься соответствующие подписки перед их освобождением.

Поскольку измена штабного офицера могла быть гораздо опаснее измены строевого офицера⁶²⁵, заложничество, казалось бы, должно было использоваться, прежде всего, для устрашения «лиц Генштаба», тем более что их было сравнительно мало. Однако анализ документов показал, что это была скорее декларированная угроза большевиков.

Как уже отмечалось, Троцкий 30 сентября 1918 г. потребовал установления семейного положения изменивших большевикам военспецов. В конце года, учитывая многочисленные новые случаи измены, он вернулся к этому вопросу. 20 декабря 1918 г. он телеграфировал в отдел военного контроля РВСР, что со времени прошлой телеграммы «произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, занимающих командные посты, но ни в одном из случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо. Предлагаю Вам в кратчайший срок заняться выполнением возложенной на Вас в свое время задачи, используя для этого аппарат Всебюркомвоен⁶²⁶, с одной стороны, и аппарат военного контроля — с другой»⁶²⁷. Речь шла теперь о превентивных мерах — учете семейного

⁶²³ ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.

⁶²⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 141.

⁶²⁵ Об этом достаточно ярко написал генерал А.И. Деникин в своем рассказе «Исповедь» (см.: *Деникин А.И. Офицеры*. М., 1991. С. 33–47).

⁶²⁶ Всебюркомвоен — Всероссийское бюро военных комиссаров. Образовано 8 апреля 1918 г. в целях координации деятельности военных комиссаров. С 14 октября 1918 г. в подчинении РВСР. Упразднено по решению VIII съезда РКП(б) на пленарном заседании ЦК РКП(б) нового состава 25 марта 1919 г. Функции Всебюркомвоена в дальнейшем выполнял Политотдел РВСР, а с мая 1919 г. Политуправление РВСР.

⁶²⁷ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 354. Л. 155об.—156.

положения пока еще лояльных большевикам военспецов. Завершить сбор данных требовалось не позднее 1 января 1919 г. Телеграмма была разослана также на все фронты и всем начальникам окружных штабов. Таким образом, по состоянию на конец декабря суровое распоряжение все еще оставалось на бумаге.

Троцкий не учел перегруженности штабов оперативной и организационной работой, при которой штабам не хватало времени на такие излишества, как установление семейного положения всех подчиненных военспецов. Большевистская бюрократическая машина едва справлялась с учетом самих военспецов, не говоря уже о членах их семей. По всей видимости, централизованный учет данных о десятках тысяч военспецов с их семьями оказался все же непосильной задачей для советской военной бюрократии.

В некоторых случаях⁶²⁸ анкеты спецов предусматривали заполнение пункта «Адрес семьи», но далеко не всегда и не везде. Кроме того, неизвестно, проверялись ли анкетные данные, записанные со слов бывших офицеров. Нисколько не смущаясь прямым указанием Троцкого, работники штаба Северного фронта в январе 1919 г. даже пожаловались, что данное требование загружает их работой в ответственный период реорганизации армии⁶²⁹.

В других местах по пути прямого игнорирования приказа не пошли и начали составлять бумаги с требованиями присылать списки военспецов с данными об их семьях и адресами. Штаб Орловского военного округа, например, 28 декабря 1918 г. рассылал следующий приказ: «По приказанию Председателя Революционного Совета Республики товарища Троцкого требуется установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах Советской России, и сообщение каждому под личную расписку — его измена и предательство повлечет арест семьи его и что, следовательно, он берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи...»⁶³⁰ Для этого должны были быть составлены списки со всей необходимой информацией, причем не только по перебежчикам, как требовалось изначально, но уже по всем военспецам вообще. В случае измены военспецов члены их семей подлежали аресту. Удивительно, что составление списков началось лишь в самом конце 1918 г., т.е. через три месяца после изначального приказа Троцкого.

Ярославский окружной комиссариат по военным делам 10 января 1919 г. циркулярно рассылал совершенно секретное распоряжение Троцкого не позднее 25 января 1919 г. предоставить сведения о бывших офицерах, включая адреса их семей. В случае измены или предательства предписывалось немедленно арестовывать указанных в списках, для чего безотлагательно телеграфировать в отдел военного контроля в Москву, указав фамилии, имена и отчества, должности и адреса, сообщая по телеграфу эти сведения и ближайшему органу военного контроля. Помимо этого требовалось «при составлении вышеуказанных списков на ответственных постах оставлять только тех из бывших офицеров, семьи которых

---

⁶²⁸ Там же. Л. 55–64, 79.

⁶²⁹ Там же. Л. 238.

⁶³⁰ Цит. по: *Критский М.* Красная армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-ым Корпусом Добровольческой Армии) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 270.

проживают в пределах Советской Республики»⁶³¹. Таким образом, для занятия высоких постов военспецам необходимо было быть женатыми и иметь семью на советской территории. Однако на практике это предписание не соблюдалось.

Нам не удалось обнаружить приказ Троцкого, в котором он требовал бы оставления на службе только тех военспецов, семьи которых находились на советской территории. Практика показала, что это необходимое для контроля за военспецами требование было невыполнимым. Не стоит забывать, что в РККА существовала острейшая нехватка квалифицированных командных кадров, и заниматься чисткой рядов в связи с казавшимся надуманным обвинением в отсутствии семьи на советской территории командование из таких же бывших офицеров и комиссары не только не хотели, но и не могли, поскольку остались бы в этом случае без командного состава. Особенно много семей военспецов находилось на территории Украины. Например, дочь крупного военспеца бывшего генерала-генштабиста А.Ф. Добрышина жила в Купянске Харьковской губернии, в том числе в то время, когда город находился на антибольшевистской территории⁶³². На Дальнем Востоке проживала семья крупного советского военного деятеля Н.Н. Петина⁶³³. Семья одного из создателей Полевого штаба РВСР П.М. Майгура находилась на Украине, но службе Майгура в РККА это обстоятельство никак не мешало⁶³⁴. Семья генштабиста З.И. Зайченко также находилась на Украине, причем военспец не имел с ней никакой связи⁶³⁵. Семья известного белого агента в РККА В.Я. Люндквиста находилась в Крыму⁶³⁶. Там же проживали дети генштабиста С.Г. Лукирского, причем в августе 1918 г. военспецу было даже разрешено лично забрать их оттуда⁶³⁷. Один из видных перебежчиков бывший генерал В.Е. Борисов вообще был холостяком. Не брались в заложники и военспецы РККА, ближайшие родственники которых (родители, дети, братья) служили в антибольшевистском лагере. Более того, известно немало случаев, когда такие военспецы приобретали в РККА весьма высокое положение.

Сохранились документы о том, что, например, слушателей курсов разведки и военного контроля, родственники которых находились на территории противника, считали неблагонадежными⁶³⁸. Вместе с тем нет данных о каких-либо ограничениях по службе в отношении этих лиц.

В начале 1919 г. аппарат военного контроля, который должен был арестовывать семьи военспецов, был упразднен (путем поглощения органами ВЧК), а его функции перешли к Особому отделу ВЧК. Кроме того, борьба с семьями могла вызвать недовольство лояльных красным военспецов и повлечь ответные меры антибольшевистских сил — ведь фронты Гражданской войны разделили и семьи большевиков. Все это, по всей видимости, привело к тому, что на уровне системы заложничество семей военспецов в Советской России не практиковалось. Тем не менее нами обнаружено несколько анкет арестованных жен бывших офицеров,

---

⁶³¹ ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 46.

⁶³² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 43.

⁶³³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 63. Л. 149.

⁶³⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 226.

⁶³⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 280.

⁶³⁶ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 173.

⁶³⁷ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 63.

⁶³⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 395.

которые в графе о причинах своего ареста указывали заложничество за мужа. Поскольку документы заполнялись самими арестованными, данные свидетельства нельзя считать официальными указаниями на заложничество. Как бы то ни было, речь идет о единичных случаях.

Не может быть никаких иллюзий и сомнений, что в случае настоятельной необходимости репрессии против членов семей изменников могли быть применены. Военспецы, очевидно, были осведомлены об этом. Одной подобной угрозы уже было достаточно, чтобы многие решали не испытывать судьбу и не рисковать жизнью и здоровьем ближайших родственников. В то же время слухи о заложничестве семей были удобным оправданием при попадании в плен. Взятые белыми в плен военспецы на Северном фронте на вопрос, почему они не переходили к белым добровольно, отвечали, что не могли этого сделать, поскольку семья была в заложниках. По всей видимости, подобные оправдания службы у красных были достаточно распространены и не особенно убедительны для белых, так как мемуарист приводит недовольный ответ опрашивавшего пленных: «Рассказывайте... все вы так говорите»⁶³⁹. Однако без лишней необходимости военспецы старались не искушать судьбу. Не случайно, например, известный перебежчик, командующий 9-й армией генштабист Н.Д. Всеволодов, перебежал к белым летом 1919 г. вместе с семьей⁶⁴⁰.

Что же происходило на практике? Генштабист Г.И. Теодори после своего ареста беспокоился, не были ли арестованы его жена и сестра⁶⁴¹. Между тем с его жены была лишь взята подписка о невыезде⁶⁴². Громкий случай измены генштабиста А.А. Лаурица, в результате которой белые смогли захватить штаб 55-й стрелковой дивизии и казнили комдива А.В. Станкевича (посмертно награжден орденом Красного Знамени, торжественно перезахоронен у Кремлевской стены), обернулся арестом жены изменника, произошедшим, однако, почти через год после событий. Арестованная утверждала, что не жила с мужем уже много лет и никакого отношения к его деятельности не имела⁶⁴³. Исход дела неизвестен. Такова была репрессивная практика в связи с одной из наиболее резонансных измен. Как видно, реакция ВЧК по этому делу не отличалась стремительностью.

Весной 1919 г. через несколько месяцев после исчезновения бывшего Генштаба капитана А.Н. Цурпалева установлением его семейного положения занялись сотрудники Всероссийского главного штаба, где он ранее служил на ответственной должности старшего делопроизводителя оперативного управления. Однако их постигла неудача. Послужного списка Цурпалева в штабе не оказалось, в последнем подробном списке Генштаба на 1914 г. он не значился, поскольку только поступил в академию в 1913 г., а по частным сведениям родных в Москве у него не было⁶⁴⁴. Пример Цурпалева наглядно свидетельствует об отсутствии учетных данных о семейном положении даже высокопоставленных военспецов весной 1919 г. В то же время длительные поиски родственников Цурпалева такими же,

---

⁶³⁹ Соколов Б.Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 50.

⁶⁴⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 196. Л. 23.

⁶⁴¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 313.

⁶⁴² Там же. Л. 202.

⁶⁴³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1366. Л. 40–42.

⁶⁴⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 74.

как он, военспецами без подключения чекистов скорее свидетельствуют о попытке разобраться в произошедшем, чем о стремлении подвергнуть семью пропавшего репрессиям. Как удалось установить по документам Гуверовского архива, Цурпалев перебрался на Юг России и в 1920 г. служил в Русской армии генерала П.Н. Врангеля⁶⁴⁵.

Известен случай, когда жена арестованного военспеца, генштабиста Н.Н. Доможирова, в 1919 г. добровольно предложила себя в качестве заложницы за мужа. В обращении к Троцкому отчаявшаяся женщина писала: «Если же дело затягивается, на коленях умоляю Вас освободить моего мужа, а меня посадить в тюрьму заложницей за него — ведь тогда само собой отпадет недоверие к мужу — единственная причина его заключения»⁶⁴⁶. Очевидно, подобное предложение принято не было, а Доможирова вскоре освободили.

Следует признать, что единичные случаи арестов членов семей военспецов имели место, но до системности в этом вопросе было очень далеко. Так, известно, что в связи с мятежом командира Особого корпуса Ф.К. Миронова в 1919 г. была арестована его жена, впоследствии она отмечала, что была заложницей по делу мужа, однако уже 13 октября 1919 г. постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) ее освободили и никаких последствий для нее это заложничество не имело⁶⁴⁷. В годы Гражданской войны произошло немало перелетов к белым красных авиаторов. 29 октября 1918 г. на сторону белых был совершен даже групповой перелет летчиков 9-го армейского авиаотряда. После этого дерзкого шага советское командование на Южном фронте распространило суровый циркуляр, по которому летчики и наблюдатели должны были из числа служащих авиаотряда указать не менее двух лиц, согласных дать подписку об ответственности вплоть до расстрела в случае измены лица, за которое они ручались. Поручители не могли быть одновременно в воздухе с теми, за кого ручались. Также требовалось предоставить подписи родственников или друзей об аналогичной ответственности⁶⁴⁸.

Однако введение круговой поруки среди летчиков было тупиковым решением, поскольку в связи с массовыми перелетами на сторону противника большевикам за каждого изменника пришлось бы казнить еще двух и более других летчиков. Такие действия могли привести не только к росту саботажа и нежеланию квалифицированных пилотов служить на подобных варварских условиях, но и к бессмысленному физическому истреблению даже добросовестно служивших красным авиаторов. Совокупность же измен и расстрелов заложников за измены их сослуживцев в короткой перспективе могла лишить красных авиации вообще. По этим причинам такая мера, естественно, не нашла применения. Есть данные об арестах семей перелетавших к белым красных авиаторов⁶⁴⁹, однако более суровых репрессий в их отношении не было, и арестованные освобождались.

---

⁶⁴⁵ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Vrangell Collection. Box 113. Folder 14.

⁶⁴⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 24об.

⁶⁴⁷ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг.: Док. и мат. М., 1997. С. 452, 628.

⁶⁴⁸ Хайрулин М., Кондратьев В. Военлеты погибшей империи: Авиация в Гражданской войне. М., 2008. С. 61.

⁶⁴⁹ Баранов В.Г. Состояние авиации на Дону / Публ. А.В. Махалина, А.А. Литвина // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. М., 2009. С. 526. Выражаю благодарность М.А. Хайрулину за указание на этот источник.

В переписке Полевого штаба РВСР приводились сведения о семьях перебежчиков⁶⁵⁰, но упоминаний о репрессиях в их отношении обнаружить не удалось. Фактически же массовое заложничество членов семьи оставалось лишь декларированной угрозой. Антибольшевистская мемуаристика, являющаяся основным средоточием подобных сведений, хотя и на уровне единичных упоминаний, представляется ненадежным источником. Тем не менее объективность требует упоминания этих свидетельств.

В частности, военспец РККА генштабист Н.С. Махров в конце августа 1919 г. передал через линию фронта своему родному брату — начальнику военных сообщений Кавказской армии Генерального штаба генерал-майору П.С. Махрову — известие о том, что он служит в РККА по принуждению, находится под контролем военного комиссара и не может перейти к белым, поскольку в заложниках у большевиков остаются его жена и дочь⁶⁵¹. О том, насколько такого рода сведения соответствовали действительности, данных нет. Нельзя полностью исключить возможное стремление Н.С. Махрова обеспечить свое будущее на фоне успешного продвижения белых к Москве и изобразить себя в качестве вынужденного сотрудника большевиков (по нашим данным, в РККА Махров поступил добровольно).

По ряду свидетельств, после перехода к белым бывшего генерала и руководителя антибольшевистского военного подполья в Москве Н.Н. Стогова большевиками была казнена его жена⁶⁵². Арестована она была вместе с сыном в связи с делом «Национального центра» в чекистской засаде на квартире политического лидера этой организации Н.Н. Щепкина⁶⁵³. Совокупность указаний позволяет считать, что казнь жены Стогова действительно произошла, но проверить эти сведения не представляется возможным. По данным на 1914 г., у Стогова была большая семья из пятерых детей⁶⁵⁴. Необходимо учесть, что бегство Стогова, одного из самых высокопоставленных военспецов РККА, было настоящей пощечиной для большевиков, которые даже на уровне первых лиц знали о подозрениях против него, а сам Стогов дважды арестовывался в 1918–1919 гг. Реакция большевиков могла быть совершенно непредсказуемой. Не исключено, что на волне возмущения репрессиям могла подвергнуться семья перебежчика.

Кроме того, по некоторым данным, как заложница была казнена супруга бывшего военного министра генерала В.А. Сухомлинова⁶⁵⁵. В этом случае, однако, не шла речь о семье военспеца-изменника, хотя бы потому, что Сухомлинов не служил в РККА. Супруга Генштаба генерал-майора Б.А. Левицкого, расстрелян-

---

⁶⁵⁰ Напр.: РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 332.

⁶⁵¹ *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 88–89.

⁶⁵² *Волконская С.А., кн.* Горе побежденным // Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 454; *М.* Мартиролог русского офицерства // Руль (Берлин). 1921. 6 сент. С. 2; *Трубецкой С.Е.* Минувшее // Князя Трубецкого. Россия воспрянет! М., 1996. С. 262.

⁶⁵³ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Vrangal Collection. Box 39. Folder 1.

⁶⁵⁴ Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 360.

⁶⁵⁵ *Куракина Т.Г., кн.* Воспоминания 1918–1921 гг. // Красный террор в Москве. С. 181–182; Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 492.

ная, по некоторым данным, вместе с мужем⁶⁵⁶, явно не относится к заложникам за него, вопреки утверждениям эмигрантских авторов⁶⁵⁷.

Даже явно предвзятый историк-эмигрант С.П. Мельгунов, целенаправленно собиравший материалы (безотносительно их достоверности) о любых проявлениях красного террора⁶⁵⁸, по вопросу о заложничестве семей военспецов привел лишь единичные примеры, основанные на данных, которые невозможно проверить. В частности, он отмечал, что о расстрелах в 1918 г. жен-заложниц за военспецов, бежавших к белым, рассказывали деятели киевского Красного Креста. Кроме того, основываясь на данных зарубежной печати, Мельгунов упоминал о расстреле в марте 1919 г. в Петрограде родственников офицеров 86-го пехотного полка, перешедшего к белым⁶⁵⁹, а также писал о расстрелах родственников офицеров, подозревавшихся в переходе к белым в Кронштадте в 1919 г.⁶⁶⁰ Однако есть все основания усомниться в достоверности этих примеров. Первый случай приводится им по слухам, источник второго также ненадежен, а сообщение изобилует неточностями (видимо, речь идет о 86-м стрелковом, а не пехотном полку, перешедшем к белым отнюдь не целиком и уже после марта 1919 г. — в конце мая⁶⁶¹). Третий пример также лишен конкретики. Еще один пример подобного рода — упоминание о расстреле в мае 1920 г. в Елисаветграде семьи из четырех девочек 3–7 лет и старухи-матери 63 лет за сына-офицера⁶⁶². Такой пример, естественно, вызывает возмущение любого цивилизованного человека, однако Мельгунов не указывает ссылку на источник информации, а целесообразность и возможность подобных репрессий в период, когда внутренняя контрреволюция была практически ликвидирована, вызывает большие сомнения. Таким образом, даже наиболее ангажированные авторы не смогли привести убедительных примеров репрессий в отношении семей военспецов.

Всего в 1919 г. был взят 5491 заложник⁶⁶³. На заседании ЦК РКП(б) 15 июня 1919 г. был рассмотрен проект декрета о расширении права расстрела, предложенный Дзержинским⁶⁶⁴. По утверждению исследователя истории спецслужб О.Б. Мозохина, Дзержинский предлагал расстреливать семьи перебежчиков и преступников, что не встретило поддержки⁶⁶⁵. Впрочем, Мозохин неверно дати-

⁶⁵⁶ Грезин И.И. Храм-Памятник в Брюсселе: Список мемориальных досок. СПб., 1999. С. 16.

⁶⁵⁷ М. Мартиролог русского офицерства.

⁶⁵⁸ По приказу А.И. Гучкова Мельгунов взялся за составление труда, обличавшего кровожадность большевиков. Появление такой книги должно было способствовать превращению процесса по делу М.М. Конради, убитого 10 мая 1923 г. в Лозанне советского дипломатического представителя В.В. Воровского, в политический процесс над коммунизмом.

⁶⁵⁹ В данном случае Мельгунов ссылался на сведения антибольшевистской газеты «Русская жизнь», сообщавшей в разгар Гражданской войны со ссылкой на «Северную Коммуну», что в Петрограде «расстреляны все родственники командного состав[а] 86 пехотного полка, перешедшего к белым» (Русская жизнь (Гельсингфорс). 1919. 11 марта. № 8. С. 2). Показательно, что указание газеты на расстрел *всех* родственников командного состава опустил как неправдоподобное даже сам Мельгунов, не стремившийся уменьшать масштабы красного террора.

⁶⁶⁰ Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 29.

⁶⁶¹ Корнатовский Н.А. Борьба за красный Петроград. М., 2004. С. 145.

⁶⁶² Мельгунов С.П. Красный террор. С. 116.

⁶⁶³ Witkiewicz A. Wokół terroru białego i czerwonego 1917–1923. Warszawa, 2008. S. 236.

⁶⁶⁴ В.И. Ленин и ВЧК. С. 218.

⁶⁶⁵ Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 29–30.

рует это заседание ЦК, а об отклоненном предложении расстреливать семьи в изученных нами документах не упоминается.

Троцкий не оставил идеи с арестами семей изменников и в 1919 г. Так, в секретной «Инструкции ответственным работникам 14-й армии», составленной 9 августа 1919 г., он среди прочих мер, необходимых для восстановления боеспособности армии, отмечал: «Каждый комиссар должен точно знать **семейное положение командного состава** вверенной ему части. Это необходимо по двум причинам: во-первых, чтобы прийти на помощь семье в случае гибели командира в бою, во-вторых, для того, чтобы немедленно арестовать членов семьи в случае измены или предательства командира. Все сведения о семейном положении командного состава и политработников должны быть сосредоточены в политотделе Реввоенсовета армии»⁶⁶⁶. Подобное требование Троцкого напрямую свидетельствует о том, что эта мера к августу 1919 г. все еще не применялась в РККА. Кроме того, едва ли арест семьи с последующим ее освобождением (о более суровых мерах в отношении семей изменников не говорилось) мог остановить решившихся на измену. Недоволен был отсутствием применения жестких мер и В.И. Ленин, который писал 8 июня 1919 г. Э.М. Склянскому: «Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров — ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским»⁶⁶⁷. Требование немедленно арестовать семьи изменников звучало и в приказе Троцкого по оборонявшей Петроград 7-й армии 2 ноября 1919 г.

Наконец, 17 декабря 1919 г. был издан приказ Президиума ВЧК № 208 об аресте заложников и буржуазных специалистов, в котором за подписями Ф.Э. Дзержинского и М.Я. Лациса разъяснялось, что заложник — «это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется. Причем такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым этот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого вы поймете, что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров... Они чем дорожат... Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находящимися при власти у них лиц и тому подобным. Из этой среды и следует забирать заложников. Но так как ценность заложника и целесообразность на месте не всегда легко установить, то следует всегда запросить центр. Без разрешения Президиума ВЧК впредь заложников не брать. Ваша задача взять на учет всех лиц, имеющих ценность как заложники, и направлять эти списки нам»⁶⁶⁸. По этому приказу было предписано взять на учет всех бывших офицеров, но необходимость получения в каждом случае санкции Президиума ВЧК на взятие заложников существенно ограничивала применение этой меры. О семьях бывших офицеров речь не шла.

Сохранились нуждающиеся в проверке мемуарные свидетельства об угрозах большевиков убить семью генерала М.А. Фостикова, руководившего антибольшевистским восстанием на Кубани в 1920 г. В ответ на это генерал якобы пообещал

⁶⁶⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 256–256об.

⁶⁶⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1965. Т. 50. С. 343.

⁶⁶⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 267; Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: Док. / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 148.

шал за каждого убитого замучить сотни большевиков. По некоторым данным, какие-то родственники Фостикова все же были убиты, однако жена смогла уехать к нему⁶⁶⁹.

Уже в конце Гражданской войны, летом 1921 г., Троцкий, беседа с французским коммунистом А. Моризе, не без преувеличений заявил: «Мы призвали бывших офицеров. Французская революция из 15 000 королевских офицеров получила пять-шесть тысяч. На миллион мы нашли сотни тысяч⁶⁷⁰. Некоторые предали, это правда. Наша 11-я дивизия, например, дивизия из Нижнего Новгорода, наша гордость, была весной 1919 года истреблена казаками Краснова из-за умышленной ошибки своего командования. Мы арестовали семьи подозреваемых офицеров и держали их как заложников. Впрочем, угрозы оказалось достаточно⁶⁷¹. Из этих слов следует, что отдельные случаи взятия заложников имели место, но не приводили к серьезным последствиям для арестованных, поскольку дело не шло дальше угроз.

Окончательно проясняет вопрос важное свидетельство Троцкого, оставленное им много лет спустя, уже в Мексике. Тогда Троцкий посвятил заложничеству отдельный раздел «Революция и институт заложничества» своего очерка «Их мораль и наша», в котором писал: «Не будем настаивать здесь на том, что декрет 1919 г.⁶⁷² вряд ли хоть раз привел к расстрелу родственников тех командиров, измена которых не только причиняла неисчислимы человеческие потери, но и грозила прямой гибелью революции. Дело, в конце концов, не в этом. Если б революция проявляла меньше излишнего великодушия с самого начала, сотни тысяч жизней были бы сохранены. Так или иначе, за декрет 1919 г. я несу полностью ответственность. Он был необходимой мерой в борьбе против угнетателей. Только в этом историческом содержании борьбы — оправдание декрета, как и всей вообще Гражданской войны, которую ведь тоже можно не без основания назвать “отвратительным варварством”»⁶⁷³. Таким образом, Троцкий вновь и уже более определенно высказался, что, несмотря на отдельные случаи арестов членов семей военспецов, более серьезных репрессий в их отношении не практиковалось.

Фактически заложничество членов семьи было крайне жестоким, слишком сложным и при этом неэффективным средством борьбы. Неотъемлемой составляющей заложничества является доведение сведений о нем до заинтересованных лиц и предъявление им соответствующих условий освобождения заложников. Требовалось не только установить факт измены, а не простого исчезновения или гибели в сложной боевой обстановке того или иного военспеца (что было нелегко), необходимо было, кроме того, определить местонахождение его семьи (что в случае заранее подготовленной измены было практически невозможно), осуществить арест, а затем обнародовать сведения о взятии семьи в заложники и, ви-

⁶⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 785. Л. 74–75.

⁶⁷⁰ Явное преувеличение Троцкого перед иностранцем: в старой армии не было миллиона офицеров, а численность военспецов РККА не превышала 100 000 человек.

⁶⁷¹ *Morizet A. Chez Lénine et Trotski. Moscou 1921. Paris, 1922. P. 107. Перевод наш.*

⁶⁷² Троцкий ошибочно датировал декрет о взятии заложников, изданный в 1918 г. Можно предположить, что эта ошибка памяти обусловлена тем, что в 1918 г. распоряжение Троцкого еще не нашло практического применения.

⁶⁷³ *Троцкий Л.Д. Их мораль и наша // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. Август–сентябрь. № 68–69. С. 14.*

димо, выдвинуть какие-то требования. В противном случае механизм не работал. Дальше арестов с последующим освобождением заложников дело не шло.

Изначальный замысел Троцкого, очевидно, сводился к запугиванию тех, кто еще не перебежал к противнику. Возведенными в систему арестами членов семей перебежчиков, наверное, можно было запугать еще колеблющихся военспецов, но едва ли такие действия могли остановить людей, готовых бороться до конца. Реальных рычагов воздействия на белых офицеров, даже оставивших свои семьи на советской территории, у красных не было. Заложничество членов семей бело-гвардейцев и перебежчиков с предъявлением им требований через линию фронта было бессмысленным и, вероятно, даже не рассматривалось большевистским руководством.

Репрессии против семей уже перебежавших к противнику лиц могли только озлобить перебежчиков, дав им дополнительный стимул в борьбе с большевиками. Активные контрреволюционеры при этом не ликвидировались, а преследованиям подвергались лишь невинные и беззащитные члены семьи. Подобный подход противоречил логике даже наиболее радикальных чекистов, считавших, что «в таком деле половинчатость хуже всего, она озлобляет врага, не ослабив его»⁶⁷⁴. Именно поэтому в роли заложников в Советской России, особенно в 1918 г., скорее могли оказаться сами бывшие офицеры, нежели их семьи.

Таким образом, в ранг системы репрессии против семей военспецов возвести не удалось. Кроме того, единичные случаи арестов членов семей военспецов практически не имели для них далеко идущих последствий, так как обычно арестованных освобождали. На уровне угрозы заложничество семей действительно выглядело устрашающе, но попытка реализовать эту угрозу провалилась. Красные не располагали данными обо всех семьях белых офицеров и перебежчиков, а учет семейного положения десятков тысяч военспецов оказался слишком сложным и не был должным образом осуществлен. Ведавшие учетом кадров специалисты, по всей видимости, препятствовали взятию семей на учет и саботировали аресты членов семей перебежчиков. Взятие заложников из семей военспецов могло озлоблять бывших офицеров, но не способствовало борьбе с контрреволюцией. Возможно, советское руководство также понимало, что, начав террор против семей, оно рискует столкнуться с ответной реакцией белых.

Итак, в силу ряда объективных причин репрессии в отношении семей военспецов не получили распространения в Советской России. Если бы подобные меры практиковались красными, антибольшевистская печать не стала бы их замалчивать, а, наоборот, многократно преувеличивая, старалась придать им максимальную огласку. Однако ничего подобного не было. Даже в антибольшевистских источниках упоминания о заложничестве семей военспецов единичны, а достоверность их не поддается проверке. Разумеется, нельзя в полной мере исключать отдельных эксцессов в обстановке Гражданской войны, но нельзя не признать, что подобные репрессии не носили системного характера.

---

⁶⁷⁴ Почему вы миндальничаете? // ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский; М., 2004. С. 132.

Переходы «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в 1918–1921 гг.*

Как известно, в ходе Гражданской войны большевистское руководство осуществляло масштабную политику привлечения к себе на службу бывших офицеров, в том числе специалистов Генерального штаба. Целенаправленная политика учета последних стала проводиться уже с апреля 1918 г., т.е. еще до развертывания в стране полномасштабной Гражданской войны. Однако сразу после того как летом 1918 г. образовались устойчивые антибольшевистские фронты, начались многочисленные переходы «лиц Генерального штаба» на сторону противника. Такие переходы были отнюдь не случайным, а вполне закономерным и далеко не редким явлением. Они были причинно обусловлены и имели свои характерные черты и особенности.

Значимость этой проблемы для истории Гражданской войны бывший советский главком С.С. Каменев отмечал еще в 1920-е гг.: «В этой же теме (командного состава Красной армии. — *А.Г.*) не обойтись и без освещения печальных страниц истории предательства и перебежек части командного состава из строевого офицерства. Эти страницы истории замалчивать нельзя, так как случаи были далеко не единичные и по своим последствиям очень болезненные для Красной армии. На этом фоне предательства представители другой части старого офицерства, честно выполнявшего свою работу и оправдавшего доверие рабочих и крестьян, будут ярче отмечены как активные участники революции»⁶⁷⁵. К сожалению, этот призыв ни в советское время, ни позднее услышан не был, и проблема старательно замалчивалась.

Об офицерах-изменниках, предательство которых обошлось Советской России тысячами жизней, неоднократно говорил советский вожь В.И. Ленин⁶⁷⁶. Об изменах военспецов многократно упоминал и Л.Д. Троцкий. Политработники 3-й армии Восточного фронта осенью 1918 г. жаловались в ЦК: «У нас нет ни одной дивизии, в которой не было бы случаев измены»⁶⁷⁷. Таким образом, этот сюжет нельзя считать надуманным или малозначительным.

---

* Фрагменты статьи впервые опубликованы в: 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции: Сб. мат. междунар. науч. конф. Архангельск, 2008. С. 160–171. В настоящем издании публикуется с дополнениями и исправлениями.

⁶⁷⁵ Каменев С. Предисловие // Гражданская война 1918–1921. Т. 2: Военное искусство Красной армии. М., 1928. С. 25.

⁶⁷⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1974. Т. 40. С. 182, 218.

⁶⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 7. Л. 3.

Несмотря на то что проблема была обозначена на самом высоком уровне, в исторической литературе она до сих пор остается недооцененной. Большинство архивных документов РГВА, касающихся этого вопроса, никогда исследователями даже не заказывались, не говоря о попытках анализа. Ближе всего к постановке проблемы подошли три автора: один из крупнейших отечественных военных историков XX в. А.Г. Кавтарадзе, израильский автор В.В. Каминский и московский исследователь С.В. Волков. К сожалению, Кавтарадзе, касавшийся этих сюжетов еще в советское время, по идеологическим ограничениям не имел возможности всесторонне рассмотреть данную проблему. В своей книге он, наоборот, стремился отразить факт широкого привлечения военспецов на службу советской власти и показать масштабную картину добросовестного несения ими службы, а не выявлять случаи их предательства и измены, которые трактовались им как отдельные⁶⁷⁸.

Цензурные ограничения не позволили Кавтарадзе включить в составленный им и вынесенный в приложение список генштабистов на службе РККА многочисленных перебежчиков, в том числе достаточно известных и высокопоставленных, таких как, например, генералы А.П. Архангельский и В.Е. Борисов, командовавшие армиями полковник Н.Д. Всеволодов, подполковник Ф.Е. Махин и многие другие. Появление этих имен в списке существенно изменило бы получавшуюся слишком радужной для красных картину верной службы сотен бывших офицеров Генштаба. К примеру, не упомянут Кавтарадзе даже его однофамилец бывший генерал-майор А.И. Кавтарадзе, бежавший из РККА и, по всей видимости, оказавшийся у белых. Некоторые генштабисты-перебежчики, наоборот, ошибочно указаны уже после их перехода к противнику как якобы находившиеся на службе в РККА (например, полковник К.-Р.-Г.К. Карлсон в 1920 г.).

В.В. Каминский в приложении к одной из своих статей опубликовал список генштабистов, бежавших из РККА⁶⁷⁹, но ограничился лишь 1918 г., хотя Гражданская война даже в неоправданно узкой советской трактовке охватывала период 1918–1920 гг. Неудивительно, что в этом искусственно укороченном списке, в который вошли только 16 бывших офицеров, Каминским были допущены значительные пропуски (например, ничего не сказано о побегах бывших полковника Г.К. Ерофеева, полковника князя А.А. Мурузи, подъесаула Л.С. Безладнова, ротмистра В.Н. Маслова и многих других, упомянут переход к белым начальника академии Генштаба А.И. Андогского, но ничего не сказано о переходе всего личного состава вверенной ему академии). В другой своей статье он всерьез утверждает, что в 1917–1919 гг. только 27 выпускников академии покинули РККА по своему желанию⁶⁸⁰. Несостоятельность большинства построений Каминского уже была нами подробно показана⁶⁸¹. В своей новой работе этот автор не сильно продвинулся вперед в изучаемом вопросе. Теперь он полагает, что перебежчиков-

⁶⁷⁸ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.

⁶⁷⁹ *Каминский В.В.* Выпускники академии Генерального штаба на службе в Красной армии // Военно-исторический журнал. 2002. № 8. С. 60.

⁶⁸⁰ *Каминский В.В.* Почему Генштаба полковник Б.П. Богословский не захотел командовать 3-й армией «красного» Восточного фронта (июль 1918 г.)? // История белой Сибири: Мат. 6-й междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 99.

⁶⁸¹ *Ганин А.В.* О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111. Также см. рецензию на книгу Каминского в настоящем издании.

генштабистов из Красной армии было 74⁶⁸², что является семикратным приуменьшением реальных данных (на самом деле — не менее 549 человек⁶⁸³). Вызывает недоумение навязчивое стремление Каминского выдавать желаемое за действительное, изображая изменивших большевикам перебежчиками «от одной “кормушки” к другой»⁶⁸⁴, что противоречит историческим фактам.

С.В. Волков, уделивший проблеме переходов лишь несколько страниц своей книги, не выделял переходы генштабистов из общей массы переходов, а кроме того, основывался почти исключительно на столь ненадежном источнике, как явно тенденциозные документы личного происхождения представителей лишь одной из воюющих сторон (белых)⁶⁸⁵. Подобная источниковая база наряду с идеологическими пристрастиями привела Волкова к ряду ошибочных утверждений. Например, он полагает, что переходы были обусловлены отсутствием у многих офицеров семьи или тем, что их родственники уже якобы были истреблены большевиками, что, конечно, не соответствует действительности. Кроме того, по его мнению, переходы продолжались и тогда, когда положение белых было уже безнадежным. На самом деле вполне понятно, что массовых переходов к белым в конце Гражданской войны быть не могло, а единичные случаи действительно имели место. К сожалению, вопрос об изменах генштабистов в конце Гражданской войны в последнее время также получает не вполне точное освещение⁶⁸⁶.

Существующая историография проблемы на сегодняшний день указанными работами в целом и исчерпывается. Между тем только при комплексном анализе такого явления, как переходы или изменения генштабистов, мы сможем понять особенности поведения старой военной элиты в чрезвычайных условиях Гражданской войны, а также дать оценку политике большевиков и их противников в вопросе привлечения генштабистов на службу.

По целому ряду причин бывшие офицеры, в том числе генштабисты, не могли быть группой лиц, полностью лояльных новой власти. Более того, отношение к большевикам у многих из них являлось резко отрицательным. Это связано, в первую очередь, с незаконным приходом большевиков к власти, фактом их прямого сговора с противниками России по Первой мировой войне, заключением преда-

---

⁶⁸² Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. СПб., 2011. С. 193.

⁶⁸³ Подробнее см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 120–122. Данные, вошедшие в справочник, дополнены по новым архивным находкам.

⁶⁸⁴ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 209.

⁶⁸⁵ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 333–335.

⁶⁸⁶ Так, например, А.А. Зданович в своем содержательном исследовании о работе органов госбезопасности в Красной армии в 1920–1930-е гг. ошибочно отнес к генштабистам генерала И.А. Данилова, привел неточные данные о чине другого перебежчика, генерал-майора Н.Н. Десиного (Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 374). На той же странице Зданович ошибочно утверждает, что брат командующего 16-й армией генштабиста Н.В. Соллогуба был начальником штаба одной из польских дивизий. Отношению поляков к своему военному прошлому можно только позавидовать, в особенности в сравнении с аналогичным отношением в нашей стране. В частности, существует полный список всех польских офицеров на 1918–1921 гг., в котором указаны лишь два Соллогуба. Один из них, Я. Соллогуб, числился капитаном военно-медицинской службы и не мог руководить штабом дивизии. Единственным польским военачальником с такой фамилией был генерал С.И. Соллогуб-де-Война, также выпускник Николаевской военной академии, который не может являться родным братом Н.В. Соллогуба.

тельского с государственной точки зрения сепаратного Брестского мира, развязыванием братоубийственной Гражданской войны, многочисленными унижениями старого офицества, начавшимися еще в 1917 г., и масштабным террором против него, осуществлявшимся большевиками, наконец, уничтожением всей прежней системы ценностей и кардинальной сменой жизненного уклада. Немаловажно и то, что ряд генштабистов, находившихся на территории Советской России, был вовлечен в работу антибольшевистского подполья в рядах РККА или вне ее. Наконец, отношение новых хозяев страны к офицерам было недоверчивым и подозрительным. Все это способствовало изменам.

В докладной записке по Всероссийскому главному штабу, адресованной в августе 1918 г. коллегии наркомов, говорилось о тяжелых последствиях необдуманной политики большевиков в офицерском вопросе: «Проводимые ныне в отношении офицеров меры являются актами даже не классовой борьбы, а борьбы с профессией и притом с такой, которая необходима для государства при всяких условиях его жизни.

По всем данным, подтвержденным многочисленными регистрациями офицеров, число их в стране очень велико. Отсюда видно, что призыв[ы] офицеров во враждебные правительству лагеря (прокламации Алексеева и др.) не имели в их среде заметного успеха. Огромная масса офицеров оставалась донине нейтральной, а не враждебной правительству. Но настоящие исключительные репрессии, не вызванные активным проявлением офицеров, делая их положение безвыходным, не могут не толкать их на открытую вражду, на переход на сторону ведущих борьбу с правительством.

При этом врагами сделается лучшая, более энергичная и нравственно чистая часть офицеров. Среди же прочих эти репрессии только разовьют “офицерскую проституцию”, то есть показную верность ради шкурных благ с загасенной готовностью проявить истинное настроение при первой возможности. Открыто стоящее ныне офицерство загоняется в подполье со всеми последствиями такого положения вещей»⁶⁸⁷.

В настоящее время мы обладаем сравнительно полным документальным материалом, согласно которому перебежчики и предатели составляли порядка 42% всех военспецов-генштабистов, прошедших через ряды РККА в годы Гражданской войны (в расчет приняты не только те генштабисты, которые бежали из Красной армии (549 человек), но и те, кто сменил за Гражданскую войну несколько враждующих лагерей, в том числе послужив у красных, — еще около 100 офицеров)⁶⁸⁸. Переходы на разных фронтах и в различные временные периоды имели свои особенности. Говоря о причинах переходов генштабистов из лагеря в лагерь, следует обратить внимание на характер Гражданской войны, в ходе которой по другую сторону фронта оказались не внешние противники, например немцы или турки, а свои соотечественники, такие же русские офицеры, часто бывшие сослуживцы, однокашники по академии или училищу, друзья, а

---

⁶⁸⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 76.

⁶⁸⁸ В основе этих расчетов лежит составленная нами по материалам архивов России и зарубежья база данных по всем генштабистам — участникам Гражданской войны. Данные этой базы вошли в справочник по кадрам Генштаба: *Гатин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба.

иногда даже родные братья и отцы. Такой «домашний» характер противостояния и предопределил закономерность переходов через линию фронта.

Долгое время в 1918 г. многие генштабисты в Советской России не верили, что их против желания будут направлять на внутренний фронт вместо борьбы с германским наступлением (наличие внешней угрозы являлось важным объединяющим фактором); когда же это произошло, начались измены. Однако противники вовлечения военспецов в Гражданскую войну были не только в среде их самих, но и в партии. Вовсе не случайно один из представителей новой власти писал в газете «Правда» в конце 1918 г., что «послать какого-нибудь генерала вести войну против однокашника генерала Краснова — это все равно, что поставить охранять овец от бурого медведя серого волка и, пожалуй, хуже, ибо медведь — волку в некоторой степени враг, чего нельзя сказать в отношении одного контрреволюционера к другому»⁶⁸⁹. Это высказывание вполне перекликается с недоумением бывшего генерала Н.Н. Стогова в отношении другого бывшего генерала А.Е. Снесарева: «Как же это вы будете воевать против Петра Харитоновича[?]»⁶⁹⁰. Имелся в виду один из лидеров донской контрреволюции, однокашник Снесарева по академии генерал П.Х. Попов. Тем не менее воевать стали, причем начавшееся противоборство, судя по всему, для генштабистов иногда приобретало характер личного соперничества — кто из бывших «академиков» кого переиграет.

Пересечение линии фронта не могло быть простым делом. Как правило, человеку проще оставаться служить на одном месте, и только при крайних обстоятельствах он способен отправиться в неизвестность искать себе другое место службы. Такое определение в десятки раз обоснованнее, если речь идет о национальной катастрофе, когда легко можно не только лишиться единственного источника пропитания, каким являлась служба, но потерять в случае провала саму жизнь. Однако и в этих условиях офицеры Генерального штаба не только расставались со службой, но и, рискуя жизнью, переходили через линию фронта к белым. С учетом неприятия в их среде идей большевизма такие переходы были неизбежны, что признавали сами большевистские лидеры.

По воспоминаниям подполковника И.С. Ильина, летом 1918 г. в Самаре, «направляясь в штаб, я увидел идущего мне навстречу высокого военного в потрепанной солдатской шинели без погон. Остановил меня — спросил, где штаб. Оказывается, это ген[ерал] [С.Н.] Розанов, только что перешедший линию фронта. Пока мы шли в штаб он рассказывал свою эпопею. Он командовал в Пензе полком. Во время войны был нач[альником] штаба дивизии, а потом корпуса. Когда началась революция, пробрался в Пензу, там скрывался, а затем, узнав о восстании чехов, стал пробираться к белым...»⁶⁹¹

Вождь Красной армии Л.Д. Троцкий в своей программной статье «Военные специалисты и Красная армия» в конце 1918 — начале 1919 г. писал: «Если англо-французский империализм окажется в силах беспрепятственно двинуть против нас могущественную армию, в таких условиях, при которых наши непосредственные поражения покажутся очевидными “замиренным” пролетариатом

⁶⁸⁹ *Каменский А.* Давно пора // *Правда*. 1918. 25 дек. № 281. С. 2.

⁶⁹⁰ *Снесарев А.Е.* Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // *Московский журнал*. 1996. № 3. С. 44.

⁶⁹¹ *Ильин И.С.* Комуч // *Новый журнал (Нью-Йорк)*. 1961. Кн. 65. С. 232.

общественным кругам, из этих последних начнется дезертирство в лагерь наших политических врагов. Дезертирство это будет тем шире и опаснее для нас, чем менее выгодно будет для нас соотношение военных сил и чем менее благоприятна вся мировая обстановка... когда царизму пришлось туго, “царские генералы” изменили ему, заняв по отношению к революции положение благожелательного нейтралитета и даже прямо перейдя к ней на службу... Если специалисты изменили тому классу, в духе которого они воспитывались, когда этот класс оказался явно и бесспорно слабее своего противника, не может быть никакого сомнения в том, что те же специалисты несравненно легче изменят пролетариату, когда он окажется слабее своего смертельного врага. Но *сегодня этого нет, и у нас есть слишком много оснований думать, что этого не будет*. Чем лучше, шире и полнее мы используем специалистов сейчас, когда они вынуждены нам служить, чем лучше мы построим, при их содействии, наши красные полки, тем меньше будет возможности у англо-французов наступать на нас и вводить наших специалистов во искушение»⁶⁹².

Мотивация переходов в разные периоды Гражданской войны различалась. На начальном этапе некоторые генштабисты оказались в рядах РККА случайно, только в силу захвата центра страны большевиками, вследствие добровольно-принудительной регистрации или же из патриотических позиций — в стремлении бороться с немецким нашествием. Мало кто хотел воевать против своих однокашников и друзей по прежней службе, разве что часть молодежи, окончившей ускоренные курсы и стремившейся закрепить свое положение в Генеральном штабе. После того как стороны разгоравшегося конфликта летом 1918 г. кристаллизовались, многие офицеры решили переменить свой выбор. В обстановке 1918 г., когда РККА и советские карательные органы еще только создавались, пересечь линию фронта было проще, чем в кампанию 1919 г.

Тем не менее случаи переходов уже с несколько иной мотивацией зафиксированы и в 1919–1920 гг. В 1919 г. на первый план выходят конъюнктурные соображения (в связи с победами А.И. Деникина), а также стремление избежать репрессий в результате участия в антисоветском подполье (например, бегство генерала Н.Н. Стогова). Кроме того, сужение кольца фронтов вокруг Советской России в некоторой степени облегчало переход, поскольку не надо было далеко уезжать и риск разоблачения уменьшался.

В годы внутренней войны были возможны различные перемещения генштабистов из одного лагеря в другой. Больше всего этот процесс напоминает движение молекул. Имеет смысл выделить ряд принципиальных особенностей рассматриваемого явления.

Прежде всего, измены бывших офицеров-генштабистов в сравнении с изменами обычных военспецов или с солдатским дезертирством таили в себе куда большую опасность. К белым уходили командующие армиями, работники фронтовых, армейских и дивизионных штабов, сотрудники центральных управлений. Все эти люди по своему статусу имели доступ к совершенно секретной информации, имевшей важное стратегическое значение. Кроме того, «лица Генштаба» как квалифицированные специалисты в области военной администрации, обычно находившиеся на ответственных постах, могли передать против-

---

⁶⁹² Троцкий Л. Военные специалисты и Красная армия // Военное дело. 1919. 21 янв. № 2 (31). С. 69–70.

нику важнейшие сведения об оперативных планах, составе и дислокации войск, а накануне своего перехода отдать предательские приказы и подвести части под удар.

Такие случаи действительно имели место, иногда они приводили даже к крупным неудачам на фронте, но эффективных способов борьбы с ними красные так и не нашли. К примеру, во многом в результате измены и дезорганизующих распоряжений командующего 2-й армией бывшего Генштаба подполковника Ф.Е. Махина в начале июля 1918 г. красным пришлось оставить Уфу (хотя решение о сдаче города и было уже принято до назначения Махина)⁶⁹³. За неделю пребывания на своем ответственном посту Махин сумел изменить оперативный план штаба и захватил важные документы, которые позднее передал чехам; уже через день после его перехода на станции Миньяр в 110 км к востоку от Уфы произошло соединение челябинской (Генерального штаба полковник С.Н. Войцеховский) и самаро-златоустовской (полковник С. Чечек) групп чехословаков, в результате чего от большевиков была практически полностью освобождена огромная территория от Волги до Тихого океана.

В мае 1918 г. по распоряжению Московского отдела Добровольческой армии на службу в РККА поступил Генерального штаба полковник А.Л. Носович, назначенный начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. Впоследствии Носович был назначен начальником оперативного управления 10-й армии, в июле–сентябре 1918 г. возглавлял военный совет Северо-Кавказского военного округа и РВС Южного фронта. В период с мая по сентябрь 1918 г. Носович вел разведывательную и подрывную работу в пользу Добровольческой армии⁶⁹⁴. В октябре 1918 г., находясь на ответственном посту помощника командующего Южным фронтом и исчерпав возможности для продолжения своей нелегальной работы, он бежал к донским казакам, передав им информацию о положении на фронте, планах красного командования, шифры и коды⁶⁹⁵.

Эти ситуации были возможны и в 1919 г. В частности, серьезные последствия имел переход к белым командующего 9-й армией бывшего Генерального штаба полковника Н.Д. Всеволодова. Наряду с командармами Ф.Е. Махиным, Б.П. Богословским и Н.А. Ждановым, он был одним из наиболее высокопоставленных генштабистов-перебежчиков за всю историю Гражданской войны. Его переход к противнику стал предметом особого внимания председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского. В частности, статья Всеволодова «Разгром южных советских армий» из бе-

---

⁶⁹³ Подробнее о Махине см.: *Ганин А.В.* Попытка свержения атамана А.И. Дутова в Оренбурге в декабре 1918 г. // История белой Сибири: Мат. 5-й междунар. науч. конф. Кемерово, 2003. С. 151–154; *Он же.* Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: Опыт историко-психологического исследования // Русский сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. 1. С. 152–196; *Он же.* «От мысли, что рядом со мною в казачьей форме сидит тайный эсер, я был далек» (Ф.Е. Махин) // Военно-исторический журнал. Интернет-приложение. 2006. № 3; *Он же.* Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58; *Кобзов В., Кузнецов В.* Зигзаги судьбы казаков Махиных // Гостинный двор (Оренбург). 2000. № 9. С. 97–104; *Тесемников В.* Югославская одиссея Федора Махина // Родина. 2007. № 8. С. 93–97.

⁶⁹⁴ «Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5. С. 62–63.

⁶⁹⁵ Гражданская война в СССР. Т. 1: Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). М., 1980. С. 305.

логвардейской газеты «Утро Юга» (№ 157–185 от 17 (30) июля 1919 г.), в которой он, вероятно, не без некоторого преувеличения написал о своей подрывной работе у красных накануне перехода, была добыта советской разведкой и хранилась уже в сентябре 1919 г. непосредственно у Дзержинского. Фрагменты этой статьи представляют при критическом к ним отношении значительный интерес в рамках рассматриваемой темы. Всеволодов, в частности, писал: «Благодаря умышленному распоряжению штаба 9-й армии ударная группа была сосредоточена вопреки приказу фронта... вместо нанесения могущественного удара при помощи 9 и 10 армий советскому командованию пришлось сдать Царицын, Балашов, Борисоглебск, эти важнейшие центры, с их многочисленными запасами»⁶⁹⁶.

Опасность переходов заключалась еще и в том, что изменники могли выдавать белым ответственных советских работников. К примеру, оказавшийся в 1919 г. у белых бывший военный руководитель Одесского военного округа Генштаба генерал-лейтенант К.К. Литовцев (Шильдбах) сообщил военно-полевому суду ВСЮР персональный состав членов Совета обороны Одессы. В результате один из членов Совета, Нейдомковский, был белыми расстрелян⁶⁹⁷. Из-за этого сам Литовцев позднее оказался в крайне щекотливой ситуации, когда весной 1921 г. был захвачен красными в Сухуме. Военной коллегией Верховного трибунала 3 января 1922 г. Литовцев был приговорен к расстрелу, однако приговор был смягчен и уже в ноябре того же года бывшего перебежчика освободили.

Некоторые переходы вели к гибели недавних сослуживцев изменника. Уроженец Лифляндской губернии Антон Антонович Лауриц (1882–?) окончил академию Генштаба в 1914 г., службу в старой армии завершил в звании подполковника. В 1918–1919 гг. служил в Красной армии заведующим 2-м отделением и заведующим отделом подготовки войск административного управления штаба Орловского военного округа, начальником штаба Орловского укрепленного района⁶⁹⁸, состоял в распоряжении начальника штаба 13-й советской армии и в должности начальника штаба 55-й стрелковой дивизии. В ночь на 11 октября 1919 г., в период максимальных успехов Деникина на пути к Москве, Лауриц, отправившись со взводом красноармейцев на разведку, перешел к белым⁶⁹⁹. Генштабист обладал важнейшими данными о положении частей РККА в районе Орла и изложил их белому командованию.

В результате его бегства в районе станции Золотарево Мценского уезда, восточнее Орла был захвачен штаб 55-й дивизии с временно исполнявшим должность ее начальника бывшим генерал-майором, георгиевским кавалером А.В. Станкевичем, ранее — помощником командующего 13-й советской армией. Интересно, что брат пленного комдива, генерал-лейтенант В.В. Станкевич, служил у Деникина, но умер от тифа в феврале 1919 г. Тем не менее высокопоставленный пленник отказался служить белым и был 12 октября повешен на глазах у дочери. После казни на теле Станкевича белые выжгли пятиконечную звезду. Посмертно Стан-

---

⁶⁹⁶ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 29–29об. Подробнее об измене Всеволодова см.: Измена командарма Н.Д. Всеволодова / Публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 72–93; № 5. С. 71–91.

⁶⁹⁷ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 1318. Л. 2об.

⁶⁹⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38об.

⁶⁹⁹ *Веркеенко Г.П., Минаков С.Т.* Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина. М., 1993. С. 228.

кевич был награжден орденом Красного Знамени, по постановлению ВВСР его тело в ноябре 1919 г. было перезахоронено с воинскими почестями в братской могиле у Кремлевской стены. Лауриц же благополучно служил у белых, получил чин полковника, а эмигрировав, поступил на службу в эстонскую армию⁷⁰⁰.

К спорным случаям относится переход или пленение бывшего Генштаба генерал-майора Д.А. Мельникова. Он перешел на сторону белых (попал в плен) в конце 1919 г. в ходе рейда IV Донского отдельного корпуса генерал-лейтенанта К.К. Мамантова (Мамонтова) по тылам Южного фронта РСФСР, будучи начальником 3-го отдела управления военных сообщений Южного фронта. В начале сентября Мельников получил назначение на должность начальника штаба Тульской добровольческой пешей дивизии, а затем был назначен начальником штаба конной группы⁷⁰¹. По одной из гипотез, столь стремительный карьерный рост генерала в армии своих недавних противников обусловлен какими-то заслугами Мельникова перед белыми. Однако более реальной кажется версия о недостатке у Мамантова опытных генштабистов, к тому же Мельников как специалист по военным сообщениям, прекрасно знавший обстановку в красном тылу, был в этом отношении для казаков весьма ценным приобретением⁷⁰².

Саботажники-генштабисты были куда опаснее в центральных учреждениях и штабах. Так, значительную помощь Добровольческой армии оказал начальник управления по командному составу Всероссийского главного штаба (июнь–сентябрь 1918 г.) Генерального штаба генерал-лейтенант А.П. Архангельский. При его реабилитации военно-полевым судом на белом Юге «суд нашел, что генерал-лейтенант Архангельский фактически состоял на службе у большевиков с 25-го октября 1917 года по 15-е сентября 1918 года, занимая должности первоначально

---

⁷⁰⁰ Супруга Лаурица, Евдокия Ивановна, 28 лет, работавшая машинисткой, была арестована у себя на квартире в Москве 24 июля 1920 г. Предполагала, что арестована из-за мужа, перешедшего к белым, но точного обвинения не знала. Женщина отмечала, что разошлась с мужем за семь лет до ареста, содержала ребенка 7 лет и мать мужа. Арестованная опасалась, что из-за задержания может потерять работу (ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1366. Л. 40–42).

⁷⁰¹ *Кручинин А.С.* Формирование и участие 1-ой Тульской добровольческой пешей дивизии в рейде генерала Мамантова (1919 г.) // Тула в Гражданской войне 1917–1922 гг.: неизвестные страницы. Сб. мат. межрегион. науч.-практ. конф. Тула, 1996. С. 13; *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 160.

⁷⁰² Это подтверждается случайностью попадания Мельникова в плен. Обстоятельства его пленения изложены в советских оперативных сводках за 23 августа 1919 г.: «Неприятель находится в 4 верстах от ст. Изберзей (так в документе, здесь и далее правильно — Избердей. — А.Г.), где 22 числа в 4 часа ночи ими (так в документе. — А.Г.) были разобраны пути на 32 версте перегона Изберзей — Сестренка, разорваны рельсы на 28 версте, взорван мост, вследствие обрыва состава 70 вагонов, из которых 23 вагона принадлежало к составу управления] во[енных] со[общений] Юж[ного фронта]. 23 вагона были подвергнуты страшному ограблению, взято пленными наших 20 человек, идущим вслед поездом охраны Юж[ного] фронта Егорьева и навстречу со стороны Грязи броневика Карла Либкнехта эта часть поезда была соединена и привезена в Грязи, после чего было приведено еще два эшелона. Ввиду того, что все провода на перегоне Изберзей — Сестренка порваны, связи никакой нет...» (РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 189–190). Таким образом, Мельников был захвачен казаками 22 августа 1919 г. при нападении на эшелон управления военных сообщений Южного фронта. Утверждение Н.Н. Рутыча, что Мельников якобы избежал «контрольной комиссии» (*Рутыч Н.* Биографический справочник. С. 160), не соответствует действительности. На самом деле за добровольную службу большевикам Мельников был предан военно-полевому суду (приказ главнокомандующего ВСЮР № 2690 от 25.11(08.12).1919 — РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 112–112об.), но, поскольку его содействие красным было признано несущественным, Мельников был прощен (приказ главнокомандующего ВСЮР № 2773 от 07 (20).01.1920 — РГВА. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 11).

начальника Главного штаба (до его расформирования), а затем начальника Управления по командному составу армии Всероссийского главного штаба, причем, по его личному признанию, он, Архангельский сделал это не “по добросовестному заблуждению”, а вполне сознательно и с ведома и по соглашению с другими высшими представителями Военного министерства ввиду признания всеми необходимости сохранить от большевистского развала важные органы государственного управления, в особенности в предположении близкого подавления власти большевиков, а также чтобы быть на страже обездоленного и угнетаемого русского офицерства, а впоследствии с мая 1918 года и по лозунгу выдающихся политических деятелей правых партий, возглавлявших военную организацию... суд вполне определенно установил, что он не только никакими личными целями и видами не руководствовался, а, наоборот, рискуя своей головой, вел постоянную тяжелую борьбу с большевиками и их комиссарами, в частности: в Петрограде — с прапорщиком Семашко и в Москве — с Караханом, всегда отстаивая интересы генералов и офицеров, и в этом отношении достигал иногда реальных успехов, т.к. ему удалось до своего ухода: 1) сохранить и вывезти в Москву ценные и важные документы Главного штаба, необходимые в будущем — при возрождении надлежавшей русской армии; 2) успел удержать дела пенсионного отделения, предназначавшиеся к передаче в комиссариат социального обеспечения — при Главном штабе, благодаря чему вопрос о пенсиях и пособиях разрешался по пенсионному уставу достаточно быстро и насколько возможно в пользу офицеров; 3) оказывал услуги Добровольческой армии, давая ей ценные и важные сведения о положении Красной армии; 4) сообщил Добровольческой армии о заключенном немцами с Троцким дополнительном тайном договоре, по которому немцы настаивали на принятии советской властью энергичных мер к решительному подавлению чехословацкого движения, мятежа генерала Алексева и к удалению союзников с Мурмана и из Архангельска; 5) несмотря на декрет о воспрещении отъезда из Москвы офицеров, добился по просьбе группы офицеров командирования значительного числа их на Уральский фронт (в Пермь), благодаря чему некоторым из них удалось пробраться к чехословакам; 6) делая все для поддержания и отстаивания интересов офицерства, предупреждал тех из них, коим грозила опасность попасть под “чрезвычайку”, и этим путем дал возможность нескольким офицерам избежать ареста и скрыться; 7) пользуясь незнанием большевиками техники штабной [работы] и формирования армии, способствовал их затруднениям в формировании и таким образом вообще, не принося большевикам никакой пользы, по возможности тормозил их деятельность, чем и вызвал с их стороны подозрение в саботаже и удалении от должности и, 8) вообще во всей своей деятельности, будучи по характеристике одного из свидетелей, кристаллически чистым, стремился, насколько был в силах, нести принятый им на себя “тяжелый крест службы у большевиков”, оставаясь верным долгу русского офицера⁷⁰³. По одной из оценок, «благодаря его стараниям, большевики не смогли к началу 1919 года сформировать даже четвертой части из намеченного числа стрелковых дивизий,

---

⁷⁰³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 291–291об.

которые должны были быть переброшены на Добровольческий фронт»⁷⁰⁴. Осенью 1918 г. Архангельский бежал из Советской России на Юг.

Архангельский не был одинок в своей борьбе. Нельзя исключать, что на белых работал и начальник оперативного управления Всероссийского главного штаба генерал-майор С.А. Кузнецов, который курировал вопросы учета и назначения генштабистов. Именно он весной–летом 1918 г. командировал в Поволжье многих генштабистов, впоследствии прославившихся в рядах белых армий, в том числе В.О. Каппеля, Ф.Е. Махина, И.И. Смольнина-Терванда⁷⁰⁵. Количество перебежчиков среди командированных Кузнецовым вызывает серьезные подозрения в отношении этого военспеца.

Генштабист С.Д. Харламов на допросе в рамках дела «Весна» в марте 1931 г. дал показания против тогда уже давно расстрелянного Кузнецова, а также отметил, что «из назначенных на фронты многие довольно быстро умудрялись “попадать в плен”. Из таких могу отметить: Нечволодов Александр Семенович — удрал с Южн[ого] фронта.

Носович, Ковалевский⁷⁰⁶ — оба с Южного фронта.

Борисов Вячеслав Евстафьевич⁷⁰⁷ — с Южного.

Карлсон Карл Карлович при отходе от Риги.

Позже дезертировали:

Лебедев Дмитрий Капитонович — в Эстонию⁷⁰⁸

Цихович Януарий Казимирович в Польшу

Бардинский Иван Алексеевич в Польшу (не проверено)»⁷⁰⁹.

Важной особенностью переходов через линию фронта являлся их индивидуальный характер. На наш взгляд, эта особенность принципиально важна для понимания сути всего явления. Индивидуальный характер такого решительного, связанного с риском для жизни поступка, как переход в лагерь своих недавних врагов, почти всегда предполагает наличие умысла, т.е. осознанность решения, достаточно сильную мотивацию и персональную ответственность перебежчика.

Еще одной причиной бегства генштабистов из Красной армии были семейные обстоятельства. Именно по этой причине 28 сентября 1918 г. неожиданно для всех сбежал к белым инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший Генштаба полковник И.Г. Пехливанов⁷¹⁰. Единственный советский биограф Пехливанова писал о его бегстве от красных следующее: «После расформирования Псковских отрядов И.Г. Пехливанов был военным руководителем Новгородского участка отрядов завесы, Петроградской группы войск Северного фронта. В конце августа 1918 года он поехал за семьей в Крым, но усиленное развертывание белогвардейских частей на Юге России вынудило его

---

⁷⁰⁴ Кручинин А.С. Генерал-лейтенант А.П. Архангельский // Военная быль (Москва). 1995. № 6 (135). С. 34.

⁷⁰⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 36, 97.

⁷⁰⁶ Харламов неточен, поскольку А.Н. Ковалевский был расстрелян.

⁷⁰⁷ Подробнее о Борисове см. специальный материал в настоящем издании.

⁷⁰⁸ Харламов вновь ошибается — Д.К. Лебедев не дезертировал, а уехал из Советской России на законных основаниях.

⁷⁰⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 231 (172). Л. 15–15об.

⁷¹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

перебраться в Болгарию»⁷¹¹. Подобные заявления следует признать прямым искажением подлинных фактов биографии Пехливанова. Во-первых, Пехливанов покинул Красную армию не летом, а осенью 1918 г. Во-вторых, уехал он в Болгарию никак не вынужденно по причине развертывания антибольшевистских сил, а с точностью до наоборот, по распоряжению командования этими силами.

28 сентября 1918 г. Пехливанов, находясь в Луге, набросал карандашом прямо и по-солдатски рапорт Военному совету Петроградского района: «Только что получил известие о чрезвычайно тяжелом положении моей семьи, которую не видел в течение года.

Ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду, вынужден нелегально⁷¹² отправиться без промедления на выручку своих близких, о чем и доношу Военному совету»⁷¹³.

На документе имелась резолюция о подготовке телеграммы об аресте Пехливанова и предании его суду, такой документ был составлен к 1 октября 1918 г. Впрочем, генштабиста в Советской России больше не видели. Как оказалось, он уехал спасать свою семью в Крым. И непонятно, зачем вообще понадобился нашему герою этот прощальный рапорт.

Секретная и весьма срочная телеграмма комиссара Северного участка отрядов завесы Л.М. Глезарова о розыске беглеца была следующей: «Инспектор формирований второй инспекции Северного участка Генштаба Иордан Георгиевич Пехливанов рапортом от 28/15 сентября, за номером 404, сообщил Военному совету, что ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду он принужден нелегально отправиться на выручку своей семьи, находящейся в тяжелом положении и которую он не видел в течение года. По агентурным сведениям разведки Пехливанов бежал в направлении Крыма. Приметы его[:] высокий рост, черные волосы, черные подстриженные усы, темно-карие глаза, темный загорелый цвет лица, когда читает, одевает пенсне. Носит смешанную военную форму, иногда носит серый штатский костюм. Пехливанов родом из Болгарии. Предлагается всем немедленно принять все меры к задержанию бежавшего как дезертира и преданию⁷¹⁴ его военно-революционному суду»⁷¹⁵.

Спустя много лет после Гражданской войны, в феврале 1932 г., о бегстве Пехливанова кратко упомянул в своем донесении органам госбезопасности о бывших офицерах Генштаба секретный сотрудник ОГПУ военспец Г.И. Теодори: «Пехливанов Иордан Георгиевич, болгарин, полковник. Нач[альник] Лужского направления Сев[ерного] участка завесы с марта по май 1918 г. Бежал с Лужского направления в 1918 г., помогли, как говорили, Чинтулов и Верховской — Балабин и Шишкин»⁷¹⁶. Это донесение содержит сведения о тех слухах, которые циркулировали в кругах военспецов в период Гражданской войны и перемежались с официальной информацией. Но вполне возможно, что упомянутые Теодори военспецы действительно помогли Пехливанову бежать.

---

⁷¹¹ На псковских позициях. Интервью с ректором Псковского педагогического института профессором П.А. Николаевым // Человек с ружьем: Воспоминания. Документы. Очерки. Л., 1988. С. 19.

⁷¹² Подчеркнуто в документе читателями.

⁷¹³ РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 126.

⁷¹⁴ В документе несогласованно — предания.

⁷¹⁵ РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 158.

⁷¹⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 7. Л. 237.

Пехливанов оказался единственным высокопоставленным перебежчиком из Красной армии, чью семью было предписано арестовать в соответствии с распоряжениями об ответственности членов семей перебежчиков⁷¹⁷. Однако семья Иордана Георгиевича находилась вне досягаемости советских органов госбезопасности, и приказ этот был невыполним.

Не всегда переходы были преднамеренными, некоторые происходили в силу обстоятельств. Например, курсовик С.И. Костров, учившийся в академии Генерального штаба, получил соответствующее разрешение и выехал весной 1918 г. в Оренбург, чтобы навестить мать, которую давно не видел, однако в связи с блокадой города восставшими казаками ему пришлось там остаться⁷¹⁸. Впрочем, при сильном желании возможность эвакуироваться с отрядами В.К. Блюхера, Н.Д. Каширина и Г.В. Зиновьева у Кострова была, однако, опасаясь репрессий, он предпочел скрываться до освобождения города казаками. В дальнейшем Костров сделал неплохую карьеру у белых, дослужившись до полковника, исполняющего должность начальника оперативного отделения штаба Отдельной Оренбургской армии и обер-квартирмейстера штаба Отдельного Оренбургского корпуса.

Вообще же сознательные переходы от попадания в плен нередко отделяет довольно тонкая грань, в связи с чем иногда сложно определить, с каким именно из этих явлений мы сталкиваемся. Например, заместитель Троцкого Э.М. Склянский разыскивал военного руководителя Приволжского военного округа В.В. фон Нотбека, который, по нашим данным, остался в Самаре при занятии ее чехами. Однако в ответ на запрос Склянскому в августе 1918 г. было сообщено, что Нотбек не сам остался в городе, а был задержан там чехами⁷¹⁹.

События в Самаре следует рассмотреть подробнее, поскольку в данном случае идет речь о коллективном переходе на сторону противника штаба Приволжского военного округа⁷²⁰. В городе размещался штаб бывшей 1-й армии Северного фронта, переформировывавшийся в штаб Приволжского военного округа. Настроения работников штаба выразил в своих мемуарах бывший Генштаба полковник П.П. Петров. По его словам, «все мы тогда плохо знали, или закрывали глаза на то, что делалось на Юге, и считали, что в интересах русского дела надо держать в своих руках хотя бы и в стеснительных условиях военный аппарат.

---

⁷¹⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 24. Подробнее о практике взятия в заложники членов семей военспецов см.: Ганин А.В. «Измена и предательство повлечет арест семьи...»: Заложничество семей военспецов — реальность или миф? // Родина. 2010. № 6. С. 70–75. Статья публикуется в настоящем издании.

⁷¹⁸ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 146–146об.

⁷¹⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 310.

⁷²⁰ Попытку анализа измены штаба Приволжского военного округа В.В. Каминским следует признать прямо антинаучной. Вместо изучения подлинных обстоятельств перехода штабных работников на сторону Комуца он стал анализировать карьеру специалистов Генштаба, служивших в Приволжском военном округе уже после измены работников его штаба, в 1918–1919 гг., что не имеет никакого отношения к вопросу. Из того, что в дальнейшем военспецы штаба округа к противнику не переходили, Каминский делает удивительный вывод, что и в 1918 г. это произошло случайно в связи с затруднительностью сообщения с советским центром (*Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 196–197). Каминский ошибочно указывает, что на сторону антибольшевистских сил в Самаре перешли некоторые выпускники ускоренных курсов, которые на самом деле это сделали в других местах. Наконец, не соответствуют действительности приводимые Каминским данные о том, что якобы Н.В. Пневский в период смены власти в Самаре не находился.

Вспышки Гражданской войны нас непосредственно не касались...»⁷²¹ Петрову вторит в своих показаниях на следствии по делу «Весна» в январе 1931 г. С.Г. Лукирский: «Наступившая октябрьская революция внесла некоторую неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имевшую под собой почвы, или удержать армию от развала, как орудие целостности страны. Принято было решение (Лукирский не указывает, когда и кем. — А.Г.) идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный; решение должно было быть безотлагательным, и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало...»⁷²² Бывшие генштабисты с приходом к власти большевиков решили удержать в своих руках аппарат управления старой русской армией для возобновления в будущем борьбы с германцами, но при этом старались избегать вовлечения в Гражданскую войну.

В штабе формировавшегося Приволжского военного округа служили десять генштабистов: военный руководитель В.В. фон Нотбек, его помощник и начальник штаба округа Н.В. Пневский, начальники управлений К.Ю. Берендс, П.П. Петров и А.И. Крюгер⁷²³. Также там служили Г.К. Акинтьевский (начальник отдела), Л.А. Текелин (начальник отдела), М.Я. Саввич (делопроизводитель), Н.М. Щербачев и И.М. Финицкий (делопроизводитель)⁷²⁴. По свидетельству П.П. Петрова, к работникам штаба в конце мая присоединился и В.О. Каппель. В целом штаб округа (бывший штаб 1-й армии) представлял собой устоявшийся коллектив работников, костяк которого служил вместе уже более полугода⁷²⁵. Соответственно, и решение о присоединении к той или иной стороне Гражданской войны в такой сформировавшейся группе работников могло приниматься единое.

Н.И. Подвойский вспоминал о своей встрече с работниками штаба округа: «Был случай в Самаре, когда я приехал, положение на фронте было самое трагическое, казалось, там есть большой аппарат, военно-окружной комиссариат — 350 человек государственных людей с большими именами, Пневский, Руднев и другие. Я сказал: вам придется взять на себя руководство обороной. — Как руководство обороной, это внутренняя борьба. — Я говорю, внутренняя или внешняя — это определяет государственная власть, а в настоящий момент вы — те государственные силы военные, которые могут способствовать государству, чтобы никакие мятежи, никакие потрясения государственного организма не происходили в Самаре. Завтра благоволите разработать план.

Первый раз в жизни мне пришлось слышать от умного человека и от людей, проработавших чуть не 40 лет, как Пневский, прошедший все стажы, чтобы он

⁷²¹ *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 245.

⁷²² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 1. Л. 40.

⁷²³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 362об.

⁷²⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 175.

⁷²⁵ Данные о составе штаба 1-й армии к 15 декабря 1917 г.: командующий армией Генштаба генерал-лейтенант фон Нотбек, начальник штаба Генштаба генерал-майор Пневский, генерал-квартирмейстер Генштаба подполковник Берендс, старший адъютант общего отделения Генштаба подполковник Акинтьевский, старший адъютант разведывательного отделения Генштаба подполковник Петров, старший адъютант оперативного отделения Генштаба капитан Б.А. Мержанов, начальник контрразведывательного отделения Генштаба подполковник Текелин, штаб-офицер для поручений по авиации Генштаба подполковник Д.Г. Фокке, помощник старшего адъютанта оперативного отделения штабс-капитан Гаврилов, дежурный генерал Генштаба генерал-майор Крюгер, начальник этапно-хозяйственного отделения Генштаба генерал-майор А.Г. Габаев (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1265. Л. 284–299).

сказал такую нелепость: “Но нас приглашали заниматься административной работой”. Это человек, которого учили, начиная от кадетского корпуса и военного училища, что ты — государственный человек, государственная точка зрения никаких рассуждений не допускает, если тебе правительство и твое непосредственное начальство приказывает, ты не имеешь права рассуждать. Деморализация прошла так глубоко, что позволила продиктовать такую реплику»⁷²⁶. На самом деле причина была не в деморализации старых опытных генштабистов, а в их наивной вере в то, что можно будет избежать втягивания в Гражданскую войну. Однако рано или поздно им пришлось сделать свой выбор.

Петров писал, что симпатии штабных работников были на стороне антибольшевистских сил, однако о последних мало что было известно. Более того, основным условием своего сотрудничества с советской властью генштабисты выдвинули непривлечение их на внутренний фронт. 8 июня 1918 г. Самара была занята чехословаками, и здесь началось формирование Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча). Значительная часть персонала штаба (офицеры, чиновники, телеграфисты, писаря, хозяйственная часть) перешли на сторону антибольшевиков. По некоторым данным, указание штабу округа остаться в Самаре было дано Подвойским⁷²⁷. С другой стороны, генерал Петров отмечал, что перед приходом чехов часть штаба была отправлена в Симбирск.⁷²⁸ Это же подтверждает и официальная история Приволжского военного округа, в которой указано, что эвакуация производилась по приказу Подвойского. Часть сотрудников с комиссаром А.Ф. Долгушиным (в прошлом — матросом, членом Центрального комитета Балтийского флота) добрались до Симбирска и далее должны были выехать в Казань, куда предполагалось передислоцировать штаб округа, другая группа с комиссаром А.Н. Войтовым (в прошлом — председателем армейского комитета 1-й армии, штаб которой был преобразован в штаб округа), ушла в Саратов и далее выехала в Москву. В составе этой группы был и начальник штаба округа Пневский⁷²⁹.

Из одиннадцати генштабистов к белым перешли восемь: фон Нотбек, Петров, Каппель, Акинтиевский, Щербаков, Текелин, Саввич и Финицкий. К перебежчикам не присоединились Пневский, Крюгер и Берендс. У неприсоединившихся были свои причины. Начальник штаба округа бывший генерал Пневский остался с большевиками, так как не верил в успех антибольшевистского сопротивления, и уехал в сторону Саратова, несмотря на то что группа перешедших на сторону антибольшевистских сил работников штаба уговаривала его присоединиться к ним⁷³⁰. Подобное решение в той обстановке потребовало с его стороны больше мужества, чем присоединение к остальным. Возможно, он попал под влияние комиссара Войтова.

Бывший генерал Крюгер был уже в немолодом возрасте и тяжело болел, осенью 1918 г. он считался совершенно не пригодным к строевой службе⁷³¹. Веро-

---

⁷²⁶ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26. Л. 13.

⁷²⁷ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 20. Л. 115.

⁷²⁸ *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана. С. 245.

⁷²⁹ Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980. С. 32–33.

⁷³⁰ *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана. С. 18.

⁷³¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1120. Л. 29.

ятно, по этим причинам летом 1918 г. он избежал перехода к противнику. Бывший подполковник Берендс не перешел вместе с остальными только по случайному стечению обстоятельств, что видно из его письма генштабисту А.С. Белому от 21 июня 1918 г.: «Глубокоуважаемый Александр Сергеевич, прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне все, что Вы знаете о судьбе штаба Приволжского в[оенного] о[круга], которая мне, несмотря на все старания, до сих пор неизвестна и крайне тревожит.

Я из числа многих командированных из штаба, 1-го июня выехал в Вологду, чтобы перевезти свою семью в Самару.

За мое отсутствие произошли известные Вам события, которые не позволяют до сих пор присоединиться к штабу, ни получить о нем ни от кого никаких известий.

Я считаю необходимым поставить в известность ГУГШ о своем местопребывании и своем выжидании момента, когда я смогу явиться в свой штаб, но, не имея точных сведений о его судьбе, этого пока сделать не могу.

Если будет признано правильным мое решение выжидать, то прошу это санкционировать, в противном случае прошу соответствующих указаний. Быть может, необходимо прибыть лично за указаниями в Москву; в последнем случае укажите, куда я должен прибыть. Неопределенность и неизвестность положения меня тревожит, тем более что я не имею права считать себя свободным, занимая должность начальника мобилизационного управления штаба окр[уга]. Без работы сидеть я не привык и потому счел необходимым Вас просить оказать мне любезность ответить на мои вопросы в этом письме...»⁷³² Таким образом, Берендс попросту отсутствовал в Самаре и не имел возможности выбрать, к кому присоединиться.

Анализируя произошедшее, нельзя не признать самарские события крайне благоприятными для основной массы штабных работников, которым фактически не пришлось ничего делать, чтобы оказаться в антибольшевистском лагере (они даже продолжили работу в том же здании, просто переменяв вывеску), где, если верить мемуарам Петрова, они и хотели оказаться. В то же время те немногие генштабисты, которые по идейным причинам не хотели переходить к противникам большевиков, смогли избежать службы у них. Интересно, что Текелин и Финицкий в конце Гражданской войны вновь попали в РККА.

Можно привести другие примеры коллективных переходов генштабистов от красных к белым. В первую очередь, это история с переходом практически в полном составе в июле–августе 1918 г. к белым на Восточном фронте (Екатеринбург и Казань) академии Генерального штаба.

19 июля Троцкий телеграфировал в Екатеринбург члену РВС Северо-Урало-Сибирского фронта И.Т. Смирге с копией начальнику академии А.И. Андогскому: «Академия должна быть эвакуирована временно до полной ликвидации чехословацкого мятежа. Весь персонал академии должен быть эвакуирован из Екатеринбурга, кроме тех лиц, которые особым распоряжением будут там оставлены. Назначение места временной эвакуации академии и условия эвакуации представил Революционному военному совету в Казани. Ему предписано отпустить в распоряжение академии достаточное денежное средство⁷³³, дабы эвакуация была

⁷³² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 118–119об.

⁷³³ Так в документе.

сопряжена с наименьшими неудобствами для личного состава. Восемьдесят слушателей старшего курса предоставлены мною в непосредственное распоряжение Военного совета. Академия нам необходима для рабочей и крестьянской власти, а не для кого-нибудь другого, и стало быть, ни о каких искусственных условиях экстерриториальности для академии не может быть и речи. Всякая попытка отдельных членов личного состава академии проникнуть на территорию, занятую чехословаками, будет рассматриваться как измена и караться по законам военного времени»⁷³⁴. Грозную телеграмму воспроизвели в приказе по академии 21 июля.

Угрозы Троцкого оказались бесполезны, и белые за несколько дней приобрели сразу около двухсот специалистов Генерального штаба. Слушатели академии в этих событиях сыграли отнюдь не последнюю роль. В Екатеринбург, где располагалась академия, существовало антибольшевистское подполье, в которое входила и группа офицеров академии во главе с бывшим подполковником К.Ю. Румшей. Несколько слушателей академии (Н.Н. Ахвердов, Л.К. Гершельман, Н.А. Деллинггаузен, Д.А. Малиновский и Г.В. Ярцев⁷³⁵) даже планировали освобождение царской семьи из дома Ипатьева, но ничего предпринять не смогли. 21 июля отряд Румши ушел из города на соединение с чехами. По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, к белым перешли 165 из 201 слушателя старшего класса, верность большевикам сохранили 12 человек, 17 находились в отпусках, еще 7 были убиты, больны или арестованы. Мы располагаем данными о 177 слушателях старшего класса 3-й очереди, перешедших к белым в период Гражданской войны.

В настоящее время появились основания для пересмотра еще одного утверждения Кавтарадзе о том, что верность советской власти сохранили все 125 слушателей младшего ускоренного курса⁷³⁶. По свидетельству капитана С.С. Полянского, не менее семи офицеров с этого курса состояли в подпольной организации подполковника Румши (капитаны Д.И. Андерс, К.А. Любович, С.С. Полянский, И.В. Случевский, поручики Н.М. Ивановский и М.В. Смирнов, а также сотник П.Н. Крылов) и остались в Екатеринбурге или же в составе отряда Румши выступили навстречу чехам⁷³⁷. Впрочем, слушателей ускоренного курса трудно отнести к выпускникам академии, поскольку набор на курсы был закончен только в июне 1918 г., а занятия начались не ранее 1 июля (причем не менее 32 слушателей прибыли с опозданием) и продлились лишь несколько недель. По нашим подсчетам, на курс было зачислено не менее 115 человек⁷³⁸. К тому же часть слушателей вместо учебы была привлечена к штабной работе. К сожалению, точные расчеты в отношении слушателей академии лета 1918 г. представляют определенную сложность в связи с плохой сохранностью списков слушателей и имеющимися в них разночтениями.

Непродуманностью и неосторожностью была продиктована командировка группы из 17 выпускников ускоренных курсов 2-й очереди академии в первой

⁷³⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 232.

⁷³⁵ Позднее были привлечены Н.В. Бартнев, В.К. Баумгартен, Е.М. Дубинин, А.А. Дурасов, Н.А. Мягков и К.В. Семчевский (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1998. Вып. 8. С. 79–81).

⁷³⁶ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. С. 88.

⁷³⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 50об. Из этого набора к белым перешли не менее 77 слушателей (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1623. Л. 33–34об.).

⁷³⁸ Наш расчет по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 3–281; Д. 1643. Л. 9–11.

половине 1918 г. по распоряжению Главного управления Генерального штаба на Кавказ. Скорее всего, в связи с возвращением на Кавказский фронт, где они служили до академии⁷³⁹, в регион были командированы среди прочих и местные уроженцы — казаки и представители кавказских народов⁷⁴⁰. Возможно, к отправке выпускников академии на Кавказ был причастен Генеральный штаб генерал-майор Я.Г. Багратуни. Как удалось установить, «от ноября 1917 до февраля 1918 г. Багратуни, будучи в Петрограде армянским военным комиссаром, перевел с Западного фронта и из России до 40 тыс. армян-воинов на Кавказ. Его коменданты имелись в Харькове, Ростове и других местах»⁷⁴¹. Ничего удивительного нет в том, что вскоре связь с этими офицерами прервалась, а позднее их следы обнаруживаются в белом лагере. Другие известные случаи командировок на Кавказ также вели к побегам.

Иногда из Красной армии «исчезали» целые штабы. Так, 27 августа 1918 г. бесследно исчезла группа военспецов, прибывших в Пермь из Москвы на укомплектование формирующейся дивизии: начальник штаба Пермской дивизии генштабист А.А. Сандецкий, его помощник Н.П. Альбокринов, командир 5-го Пермского полка Н.Н. Трухин, а также В.С. Александровский, В.А. Бек, А.Н. Быков, П.Е. де-Бур и К.В. Паас⁷⁴².

По всей видимости, еще один групповой побег был совершен генштабистами, находившимися в 1919 г. на госпитальном лечении в Петрограде (Н.Н. Долинский, Н.И. Дроздовский, П.П. Каньшин, М.Н. Суворов)⁷⁴³. К сожалению, никаких подробностей этого перехода неизвестно, как неизвестно и то, находились ли без вести пропавшие в каком-то одном госпитале или же в разных. Во всяком случае, двое из них (Дроздовский и Суворов) после исчезновения оказались у белых, данных же о том, куда попали остальные, пока нет.

Массовые переходы генштабистов к белым происходили и при вступлении ВСЮР в Киев, когда многим казалось, что победа войск А.И. Деникина уже предрешена. Киев был крупным центром и пятым по состоянию на 1914 г. городом Российской империи по численности населения (более полумиллиона жителей). Поскольку это был и крупный военный центр бывшей империи, здесь проживало множество офицеров. Большой город давал возможность укрыться в нем тем, кто не рисковал переходить через линию фронта. Оставаясь в крупном городе после ухода красных, можно было добиться того эффекта, что не перебежчик под

---

⁷³⁹ Список выпускников, переведенных в Генеральный штаб, см.: *Кавтарадзе А.Г.* «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 36–40; исправленный вариант см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 530–534.

⁷⁴⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 48. В этой группе состояли: Л.С. Безладнов, В.В. Белецкий, Н.П. Величкин, А.П. Вохмин, Е.М. Гарабурда, А.С. Дзаганя, Н.В. Иванов, Н.А. Карганов, А.Ф. Легин, С.С. Любинский, В.М. Пегушин, И.И. Рославцев, Г.Б. Салимов, М.К. Соломахин, И.И. Фалилеев, И.Ю. Чернышев, И.Г. Чечелашвили. Из 17 человек девять в 1918–1919 гг. фигурируют в составе антибольшевистских формирований Юга России, еще двое — в составе национальных армий и шестеро безвестно отсутствуют (возможно, также попали в белые или в национальные армии, но не выявлены по документам или погибли до 1919 г.).

⁷⁴¹ Национальный архив Армении. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 94. Л. 69об.

⁷⁴² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 384об.

⁷⁴³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38–39об.

пулями переходил линию фронта, а сама линия фронта переходила через такого человека. Так и случилось, когда 18 (31) августа 1919 г. деникинцы заняли город.

Предыстория рассматриваемых событий была следующей. Летом 1919 г. армии ВСЮР под командованием Генштаба генерал-лейтенанта А.И. Деникина неудержимо рвались к Москве. Под ударами добровольцев и казаков пали Харьков, Екатеринослав, Царицын, Камышин, Полтава. Советские тылы успешно громил конный корпус генерала К.К. Мамантова. Казалось бы, власти большевиков скоро наступит неминуемый конец. Такие взгляды разделяли тогда многие, не исключая членов большевистской партии⁷⁴⁴. Не могли их не разделять и бывшие офицеры, находившиеся на советской территории, а подчас и на советской военной службе. Неудивительно, что наиболее выигранным решением многим из них при сложившихся обстоятельствах казалось вскочить в уходящий поезд, присоединившись к белым накануне их триумфа. Это позволило бы избежать ответственности за службу красным и уклонение от участия в борьбе с большевиками.

Разумеется, помимо тех, кто переходил к белым по конъюнктурным соображениям в связи с их победами, были и те, кто стремился к ним вполне искренне, но по каким-то причинам не мог сделать этого раньше. Именно таких людей описал очевидец: «В надежде на уход большевиков офицерство бежало в Киев из Москвы, из Петрограда, из Могилева, из Чернигова, из Казани. Ожидая прихода добровольцев, люди прятались в лесах, в погребках, на чердаках, в стогах сена; один прапорщик около суток провел в канализационной трубе; какой-то капитан прожил около недели в купальнях; шесть человек приехали в лодке и скрывались в камышах»⁷⁴⁵.

Отсидеться в большом городе, дождавшись белых, было куда менее опасно; кроме того, этот вариант давал возможность беспрепятственно перевести через линию фронта и членов семьи. Уже 3 (16) сентября 1919 г. главное командование ВСЮР сообщало начальнику 7-й пехотной дивизии Генштаба генерал-лейтенанту Н.Э. Бредову, что «в Киеве зарегистрировано около двенадцати тысяч офицеров и военных чиновников, оставшихся после ухода большевиков в городе»⁷⁴⁶. Очевидно, такое могло произойти лишь вследствие крайней поспешности ухода красных.

По свидетельству очевидца, «регистрация происходила во дворе комендантского управления. Когда я пришел туда, там была уже масса военных — полковники, капитаны, поручики, прапорщики; было несколько генералов. Одни ходили уже в форме, другие, меньшинство, — в штатском. Знакомились, делились впечатлениями... Записывали офицеров в алфавитном порядке. До меня очередь в этот день не дошла; около четырех часов все разошлись... На другой день мне удалось, наконец, несмотря на еще большую толпу, получить регистрационную карточку. На ней стояло мое имя, фамилия, год рождения, чин и полк, где я служил во время германской войны. С этой карточкой мне надо было явиться в реабилитационную комиссию и представить, кроме того, свое *curriculum vitae*⁷⁴⁷ от

⁷⁴⁴ См., напр.: *Соломон Г.А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 192–193.

⁷⁴⁵ *Корсаков В.* У белых. Париж, 1931. С. 13.

⁷⁴⁶ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 359.

⁷⁴⁷ «Ход жизни» (*лат.*) — автобиография.

начала германской войны до настоящего момента. Для тех, которые у большевиков не служили и имели какие-нибудь старые документы, удостоверявшие их личность, дело кончалось в реабилитационной комиссии: они могли поступать в Добровольческую армию немедленно.

В противном же случае дело выходило сложнее; раз в *curriculum vitae* офицер писал, что он служил у большевиков, реабилитационная комиссия отсылала его дело в контрразведку. Из контрразведки товарищ прокурора отсылал дело со своим заключением в четвертое учреждение — военную судебно-следственную комиссию. Эта комиссия рассматривала дело окончательно и препровождала его на заключение к коменданту города. Причем, если кто не имел старого послужного списка или других не менее солидных документов, он должен был доказать свою личность при помощи управляющего домом и двух благонадежных свидетелей.

Вот что надо было пройти. У меня, как и у большинства офицеров, никаких документов, кроме советских, не было.

И вечером, сидя над своей биографией, я задумался — писать или не писать о службе у большевиков?

Написать — значит быть канцелярской волоките. Я подумал, поколебался и написал. Может быть, чтобы не краснеть потом и не быть уличенным во лжи.

С превеликим трудом кончил я свое *curriculum vitae*.

Лучше было бы, если бы можно было совсем не писать, служил человек или нет — советской власти. Раз люди пришли добровольно, рискуя не только собой, но и своими родными, — какие вопросы могли быть еще.

Так думал я, глядя на свою биографию...»⁷⁴⁸

Массовость перехода на сторону белых бывших офицеров в Киеве была действительно поразительной, однако нас интересует лишь небольшая, но наиболее квалифицированная часть перешедших — офицеры-генштабисты. Таковых было около трех десятков человек. И хотя далеко не все попавшие к белым ранее служили в РККА, но в обязательном порядке все они проверялись судебно-следственной комиссией на предмет причастности к службе большевикам⁷⁴⁹. Тогда проверочным комиссиям пришлось немало потрудиться. Для захваченных в Киеве офицеров была разработана специальная анкета, в которой помимо прочего имелись следующие острые вопросы: почему не уехали в Добровольческую армию, чем занимались при петлюровской Директории, есть ли родственники в Добровольческой армии и в Красной⁷⁵⁰.

Перебежчикам приходилось оправдываться. Причисленный к Генштабу капитан А.М. Кныш 1 (14) сентября 1919 г. писал в рапорте начальнику Полтавского отряда о том, что у красных не служил: «Представляя при сем переименованные ниже документы, свидетельствующие о непричастности моей к службе в армии большевиков, как непосредственно после окончания мною старшего класса Николаевской воен[ной] академии в марте 1918 года, так и во время моего пребывания (вследствие болезни легких) в городе Киеве в настоящем году, прошу о

⁷⁴⁸ Корсаков В. У белых. С. 12–14.

⁷⁴⁹ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 145, 376.

⁷⁵⁰ Там же. Л. 419–419об.

прикомандировании меня к штабу вверенного Вам отряда для несения службы, впредь до назначения на штатную должность»⁷⁵¹.

Работа следственной комиссии под председательством полковника Поповиченко была организована следующим образом. Офицерам, врачам и военным чиновникам выдавались карточки, согласно которым они должны были являться по 100 человек ежедневно в следственную комиссию. Комиссия начинала работать с 9 утра 26 августа (8 сентября) 1919 г. по улице Левашевской, 26⁷⁵². Ранее комиссия располагалась по другому адресу. Один из прошедших через комиссию офицеров вспоминал: «Во дворе толпилось около ста офицеров. Тут можно было видеть все возрасты, чины и ордена... Я записался. Мой номер был не то 60-й, не то 70-й.

На всякий случай я стал поближе. Очередь очередью, но чтобы ее кто-нибудь не захватил, я протискался к двери, на которой висел список...

Допрос продолжался минут 10–15. Во дворе на “очистившихся от большевизма” набрасывались с вопросами: как и что? Но те только махали руками и поскорее уходили. Все томились...

– Зачем эта реабилитация? — спрашивал кого-то капитан с густыми, рыжими усами и с инженерским значком, — только проволочка времени. Зарегистрировалось больше 10.000 офицеров. Если на каждого из них комиссия потратит 5 минут только, то это займет больше месяца...

В этот день я прождал во дворе с 9 часов до трех; за это время комиссия отпустила около 40 человек. В три часа председатель заявил, что занятия кончены. Все пошли по домам. Было пыльно, жарко...⁷⁵³ Мемуарист не смог предстать перед комиссией и на следующий день, когда «перед дверью была страшная давка»⁷⁵⁴. Не удалось это и в следующие дни. Проходившие реабилитацию считали ее лишь потерей времени, тогда как у белых явно недоставало войск, а в период реабилитации белое командование не могло использовать оказавшихся в его распоряжении многочисленных офицеров⁷⁵⁵. В конце концов, автор мемуаров все же попал на прием, однако его дело, как служившего у красных, было отправлено в контрразведку, где после новых мытарств с офицера взяли подписку о невыезде, а дело передали в военную судебно-следственную комиссию, потребовав от мемуариста привести двух свидетелей, после чего решение комиссии было утверждено комендантом города, и эпопея с реабилитацией наконец завершилась, заняв почти два месяца.

Настоящей «притчей во языцех» стала история одного генштабиста, опубликованная в газете «Киевлянин». Этот офицер «прибыл в Киев с женой, рискуя не только своей собственной жизнью, но жизнью и честью жены. Документов у него не оказалось: не то он их потерял, не то их отняли большевики. Контрразведка засадила его в тюрьму. Заключение вывело несчастного из душевного равновесия: он психически заболел. Жена, оставшаяся на улице, обращалась ко всем властям, но без успеха. Она дошла до того, что стала на улицах просить милосты-

---

⁷⁵¹ Там же. Л. 466.

⁷⁵² Там же. Л. 468.

⁷⁵³ *Корсаков В.* У белых. С. 15–17.

⁷⁵⁴ Там же. С. 18.

⁷⁵⁵ Там же. С. 20–21.

ню. Кто-то из знакомых встретил ее и посоветовал обратиться к Шульгину. Тот напечатал эту историю в газете. Что было дальше — я не знаю»⁷⁵⁶.

Как результат волокиты с реабилитацией, немалая часть офицеров просто предпочла скрыться от нового режима. Между тем десять тысяч офицеров были крупной силой, фактически корпусом, сплоченным, сильным своей высокой выучкой и идейностью, подобная сила под надлежащим контролем вполне могла бы позволить Деникину одержать победу над красными. Однако деникинский режим вместо этого предпочел заниматься бюрократической волокитой. Более того, многие офицеры в Киеве подвергались совершенно незаслуженным преследованиям, арестовывались на основе анонимных доносов. Парадокс истории и показатель уровня мышления руководства сторон Гражданской войны: большевики сумели успешно использовать враждебное им офицерство, тогда как белые не смогли воспользоваться даже дружественными себе офицерами.

Все офицеры, кроме генштабистов, реабилитировались в местной следственной комиссии. Для офицеров Генштаба была создана Особая следственная комиссия в Таганроге. И там уже отношение к перебежчикам было более строгим. Высокопоставленных перебежчиков в белом лагере ждали далеко не с распростертыми объятьями. Чем выше был чин военспеца, тем суровее было отношение к его обладателю⁷⁵⁷. Все они должны были пройти через многомесячную процедуру реабилитации, а при невозможности реабилитироваться — через военно-полевой суд, который принимал решения в зависимости от того, насколько тесно сотрудничал тот или иной офицер с красными. Приговоры предусматривали разжалование в рядовые, направление на каторжные работы и даже смертную казнь, хотя последняя в отношении перебежчиков и не применялась. Подобная политика сочувственно воспринималась вождями и ветеранами Белого движения, фронтовым офицерством, особенно участниками Первого Кубанского (Ледяного) похода, многие из которых резко враждебно относились даже к тем офицерам, кто хотя бы самое непродолжительное время успел прослужить в Красной армии. Многие более дальновидные современники считали подобную практику крайне вредной для белых и даже приведшей их помимо прочего к поражению.

Перебежчики-генштабисты, представлявшие особую ценность для белых, незамедлительно направлялись в Таганрог, в штаб главнокомандующего, обычно в распоряжение генерал-квартирмейстера этого штаба. Начальник штаба 7-й пехотной дивизии полковник Эверт, получивший указание направлять генералов-генштабистов, желавших служить во ВСЮР, в штаб главнокомандующего, срочно телеграфировал в Полтаву начальнику штаба V кавалерийского корпуса Генштаба генерал-майору П.А. Кусонскому 1 (14) сентября 1919 г. с вопросом, как быть с прочими офицерами Генштаба⁷⁵⁸. 7 (20) сентября был получен ответ Кусонского о том, что все офицеры Генштаба подлежат отправлению в штаб главкома⁷⁵⁹. Таким образом, руководство ВСЮР, несмотря на избыток командных кадров в целом и

---

⁷⁵⁶ Там же. С. 42–43.

⁷⁵⁷ *Цветков В.Ж.* Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000. Кн. 1. С. 29.

⁷⁵⁸ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 299.

⁷⁵⁹ Там же. Л. 300.

кадров Генштаба в частности, придавало большое значение переходам этих офицеров на свою сторону.

В ночь на 5 (18) сентября 1919 г. в Таганрог в прицепном вагоне екатеринославского поезда из Киева отправилась первая группа перешедших в числе 22 генералов и штаб-офицеров, в основном не генштабистов⁷⁶⁰. 11 (24) сентября состоялась отправка в Таганрог еще одной группы из 28 офицеров при девяти членах семей⁷⁶¹.

Бывший курсовик Генштаба капитан И.Г. Баковец, служивший в должности начальника штаба интернациональной бригады и захваченный в плен на Черниговском направлении, впоследствии вспоминал при даче показаний по делу «Весна» 20 октября 1930 г.: «В 1919 году, будучи под арестом у белых при контрразведке в Киеве на Фундуклеевской улице (в одной из гостиниц), моя жена в целях освободить меня обратилась, кажется, к матери генерала Кусонского с просьбой посодействовать через сына своего к освобождению меня из-под ареста и спасению от наказания, какое меня ожидало. Меня в лучшем случае ожидало разжалование в рядовые и лишение орденов и вообще всего, а в худшем случае — расстрел за службу на ответственных должностях в Красной армии. Мне известно, что всех царских генштабистов и офицеров от командира полка и выше направляли для реабилитации в Ставку на Дон, меня же не отправили, несмотря на то, что я у красных был начальником штаба бригады и, полагаю, потому, что академию я окончил при сов[етской] власти в 1918 году. Просидев около двух недель в контрразведке на Фундуклеевской улице, я был на два дня освобожден. На допросе я был два раза, где спрашивали у меня, главным образом, мою биографию. Мне ничего не предлагали, как равно и не предлагали сотрудничать. По истечении этих двух дней ко мне явились на квартиру и опять арестовали, числили уже за Освагом⁷⁶². Я полагаю, это потому так, что на допрос меня водили на Левашевскую улицу (Липки, возможно, и другая улица). В Осваге меня допрашивали один раз — опять об автобиографии, но здесь я уже пользовался большей свободой. По Киеву ходили слухи, что в Осваге нескольких расстреляли (вообще), и в городе находили убитыми неизвестно кем. Это создавало у меня боязнь за свою голову, и к этому периоду относятся хлопоты моей жены перед старой Кусонской о помиловании меня, которые, однако, не увенчались успехом. Тогда я от себя подал заявление на имя генерала Драгомирова, которого знал как бывшего командира корпуса, где я служил в должности к[оманди]ра б[атальо]на по старой армии. Заявление было подано адъютанту Драгомирова лично (имел возможность свободно ходить по городу). В заявлении я указывал свой чин, должность и часть по старой армии, указал о своей службе в Красной армии, напомнил дипломатически, что служил в полку его корпуса, и, сославшись на наличие семьи, я про-

---

⁷⁶⁰ Генералы: А.П. Аргамаков, П.И. Вербицкий, А.Н. или В.А. Добержанский, В.М. или Е.Д. Иванов, О.О. Лидерс, Ф.А. Снегоров, Ю.К. Устимович, В.И. Черкасс. Полковники: Андреевский, Васильев, В.Ф.(?) Дикий, М.П. или С.М. Длусский, Крупенский, А.А. Макаров, Мещерский, Минде, Писарев, С.П. Разгильдев, Ромербах, Слушко, И.И. Худашев; капитан К.Н. Староскольский (РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 305).

⁷⁶¹ Там же. Л. 540.

⁷⁶² Осваг (Осведомительное агентство) — информационно-пропагандистский орган Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России в 1918–1920 гг. Пропагандистская работа Освага не отличалась эффективностью и подвергалась критике самими участниками Белого движения. Ликвидирован в 1920 г. П.Н. Врангелем.

сил о помиловании меня. Ответа на это заявление не последовало, и меня увезли в Вознесенск под конвоем...»⁷⁶³ Впрочем, в показаниях, данных неделей позже, Баковец указал, что по заявлению на имя Драгомирова его все же освободили и направили на службу рядовым в Киевский караульный батальон⁷⁶⁴.

Бывший капитан А.И. Батрук, рассуждая на следствии по делу «Весна» о том, как он остался в Киеве, отмечал: «В начале августа, ко времени подхода деникинских и петлюровских частей к г. Киеву я был назначен на должность начальника штаба пластунской бригады, выехать с которым своевременно не успел и временно задержался в Киеве из-за своего нездоровья. Вследствие быстро развернувшихся операций я не смог установить в штабе обороны г. Киева местонахождения штаба бригады, а значит, и не мог к нему присоединиться. В дальнейшем мне следовало с ближайшей военной частью отступить из Киева, но этого я не сделал, отчасти из-за своего нездоровья и нездоровья жены, а также из-за боязни подвергнуть свою семью репрессиям со стороны белых, как семью офицера, ушедшего частями Красной армии из Киева; судить о том, насколько я был прав или неправ в последнем отношении, я не берусь, но должен сказать, что оставление мною рядов Красной армии, может быть, недостаточно оправдываемое совокупностью перечисленных обстоятельств и подлежащее суровой каре, все же не вызывалось особыми симпатиями к белым, о политической установке в работе которых я, еще находясь на службе в центральном бюро связи и информации при штабе Наркомвоен Украины, из сводок знал; полагаю, что это произошло потому, что в то время у меня не было определено установившейся политической установки, и я действовал под влиянием тех импульсов, почвой для которых была моя прошлая жизнь.

По приходе в Киев деникинцев меня, после регистрации, как офицера Генерального штаба, направили для реабилитации в штаб Деникина в г. Таганрог, куда и прибыл в начале сентября.

Дело с реабилитацией затянулось больше чем на месяц, и уже только в октябре я был направлен в штаб Добровольческой армии в Харьков для назначения на должность; так как уже наступили холода, я в штабе армии получил разрешение поехать в Киев и взять теплые вещи. По возвращении из Киева, я в штабе Добровольческой армии узнал, что я вновь откомандировываюсь в Таганрог в штаб Деникина, куда я и уехал; в Таганроге я узнал, что меня предали военно-полевому суду за службу и деятельность в Красной армии; на суде, состоявшемся в ноябре месяце, мне вменили в вину то обстоятельство, что я будто бы являлся организатором связи Красной армии, вероятно сопоставляя это с названием “центральное бюро связи и информации при Наркомвоен Украины”, где я служил; такое обвинение, удивившее меня своей, можно сказать, военной безграмотностью, было опровергнуто свидетельскими показаниями подполковника [П.Я.] Бугай и генерал-майора Соколова, служивших в штабе Наркомвоен Украины, перешедших к белым и установивших истинный характер моей работы в Красной армии; все же, по приговору суда, утвержденному начальником штаба Деникина, меня направили рядовым в один из полков 2^й пехотной дивизии. После суда я заболел и был помещен для излечения в госпиталь в Таганроге. Все пережитое мною в ар-

⁷⁶³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1151 (1322). Л. 43об.–44.

⁷⁶⁴ Там же. Л. 40.

мии Деникина и отвратительные условия помещения и питания, и презрительное отношение со стороны “коренных деникинцев” к нам, “красным советчикам”, и приговор суда, все это подавляюще подействовало на мою и без того угнетенную психику и не могло не настроить меня против окружающей обстановки...»⁷⁶⁵

Иногда допускаясь различные послабления. Так, например, Генштаба генерал-майору Т.М. Протазанову 27 августа (9 сентября) 1919 г. был разрешен проезд из Киева в Харьков, а уже оттуда в Таганрог⁷⁶⁶. Выпускнику ускоренных курсов капитану А.С. Ролько был разрешен проезд в Одессу на 12 дней для сопровождения жены Анны Дмитриевны и сестры жены Евгении Дмитриевны Нестеровой. Разрешение было действительно до 20 сентября (3 октября) 1919 г.⁷⁶⁷ Впоследствии Ролько вспоминал о своих мытарствах в это время: «В августе 1919 г. вследствие болезни и тяжелой формы грыжи в Вологде уволен по болезни и за ранами вовсе от военной службы. Получив все необходимые документы и письменное разрешение Рев[олюционному] в[оенного] сов[ета] 6ой армии на право поездки и жительства в Одессе в августе, больной, в сопровождении жены выехал. Т[ак] как Одесса к тому времени была занята белыми, я остался на жительство в Киеве. Белые, захватив город, объявили общую регистрацию, и я был арестован и как офиц[ер] Ген[ерального] штаба был отправлен в Таганрог на суд в Ставку. Был под судом и следствием с сентября 18 г. (правильно — 1919 г. — А.Г.) по январь 19 г. (правильно — 1920 г. — А.Г.) и из Одессы, куда я был уволен на поправку после сыпн[ого] тифа, я скрылся за границу. В Варне поступил матросом и, плавая, участвовал в эвакуации белых из Новороссийска в Севастополь. В апреле 14го был опознан на пароходе в Севастоп[оле], арестован и посажен в севастоп[ольскую] тюрьму, где просидел до 29 июня. Освобожден по врангелев[ской] амнистии с отправлением на фронт. Но вновь тайно уехал через Константинополь в Палестину, где пробыл до мая 1921 г. В мае вернулся в Кон[стантинополь] и при содействии Сов[етской] торговой делегации выехал в Одессу и 6 июня был арестован. У белых не служил и виновным себя совершенно не считаю»⁷⁶⁸.

Начальник штаба Полтавского отряда предписал 31 августа (13 сентября) команданту станции Киев оказать содействие в отправлении из Киева в Тифлис еще недавно числившегося в резерве при штабе Народного комиссариата по военным делам Украинской ССР⁷⁶⁹ бывшего Генштаба генерал-майора С.И. Верховского ввиду сухотки спинного мозга и ослабления зрения⁷⁷⁰.

На сторону белых в Киеве организованно перешла целая группа ответственных работников штаба 12-й советской армии. Наиболее высокопоставленными перебежчиками в составе этой группы были начальник военных сообщений 12-й армии Генштаба генерал-майор С.М. Языков, выпускник академии 1904 г., и его помощник Генштаба генерал-майор П.Н. Буров, выпускник академии 1903 г. У красных оба числились пропавшими без вести при эвакуации Украины⁷⁷¹.

⁷⁶⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 537 (616). Л. 42об.-43.

⁷⁶⁶ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 183.

⁷⁶⁷ Там же. Л. 214.

⁷⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 241. Л. 63об.

⁷⁶⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38.

⁷⁷⁰ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 281.

⁷⁷¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38-39об.

Приказом главнокомандующего ВСЮР № 2661 от 11 (24) ноября 1919 г. был сформирован военно-полевой суд по делу генерала Бурова под председательством Генштаба генерал-лейтенанта Н.А. Илькевича и в составе Генштаба генерал-майора С.М. Трухачева, генерал-майоров А.В. Корвин-Круковского, Н.Г. Синеокова и Б.Н.(?) Григоровича. Суд приговорил Бурова к четырем годам каторжных работ⁷⁷². Между прочим, Буров был георгиевским кавалером (награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за прорыв немецких позиций у озера Нарочь) и героем Первой мировой войны. Буров рассказал о случившемся протопресвитеру Добровольческой армии и флота Георгию Шавельскому, который впоследствии вспоминал: «Бурова я знал еще по академии Генерального штаба и после следил за его службой. Пришедши ко мне, Буров, как на духу, рассказал мне и про свою “службу” у большевиков (в течение года он сменил у них пятнадцать мест, значит, фактически не служил), и про свое семейное положение: его жена с двумя детьми в это время голодала в Харькове (я читал ее письма), жила в неотапливаемой комнате, с закрытыми ставнями, чтобы теплее было; ели горячее через день; всё распродала; исхудала так, что не могла сидеть на деревянном стуле, дети покрылись нарывами. Буров плакал навзрыд, рассказывая про свое горе»⁷⁷³. Шавельский сумел добиться у начальника штаба ВСЮР Генштаба генерал-лейтенанта И.П. Романовского изменения приговора, и Буров был помилован.

Помимо Языкова и Бурова на сторону Деникина тогда перешел одноклассник Языкова по академии бывший Генштаба генерал-майор К.А. Моравицкий, занимавший посты начальника разведывательного отделения оперативного управления штаба 12-й армии и помощника командующего армией. Он также числился пропавшим без вести при эвакуации красными Украины⁷⁷⁴. По всей видимости, объединяющую роль сыграл фактор совместного обучения всех троих в академии. Кроме того, на сторону белых перешел (однако неизвестно, в Киеве или нет) состоявший для поручений при начальнике военных сообщений 12-й армии Генштаба капитан М.А. Михайлов.

Моравицкий обвинялся белыми в том, что, «зачислившись добровольно на службу к большевикам и занимая весьма ответственные должности в Красной армии, не выполнил принятого на себя обязательства сообщать в Добровольческую армию сведения о красных войсках и не приложил никаких усилий уклониться от большевистской службы или хотя бы устранившись от занятия столь ответственных должностей, принося своею деятельностью, напротив, несомненно большую пользу большевикам...»⁷⁷⁵

В Киеве на сторону белых из рядов РККА перешли видные деятели антибольшевистского подполья: Генштаба подполковники Н.Ф. Соколовский и А.И. Парв, занимавшие у красных должности помощника начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР и начальника оперативного отдела штаба группы войск Сумского направления соответственно. Если верить их собственным свидетельствам, Соколовский внес

⁷⁷² Рутыч Н. Биографический справочник. С. 59.

⁷⁷³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 359.

⁷⁷⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38об.

⁷⁷⁵ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 67.

значительный вклад в сдачу белым Киева, а Парв содействовал занятию белыми Полтавы и Сум⁷⁷⁶.

Курсовик капитан В.К. Дмоховский был направлен в Таганрог, но в распоряжение начальника военных сообщений генерала Н.М. Тихменева⁷⁷⁷, т.е. в данном случае командование обратило внимание на профессиональную специализацию этого офицера.

Сдачи высшего комсостава происходили и вокруг Киева. Так, например, начальник штаба Полтавского отряда Генштаба полковник Г.А. Эверт телеграфировал 25 августа дежурному генералу штаба главнокомандующего ВСЮР из Киева: «По приказанию командующего отрядом генерала Бредова при сем препровождаю перебежавших в районе Бахмача бывшего начдива 2-й Свод[ой] советской дивизии бывшего генерала Жданова с ординарцем-красноармейцем Григорием Потаповым и женой при 2-х детях. Жена и дети арестованными не считаются»⁷⁷⁸. Речь шла о Генштаба генерал-майоре Н.А. Жданове, выпускнике академии 1903 г. В прошлом Жданов был командующим 11-й и 12-й советскими армиями. В РККА он числился пропавшим без вести при отступлении от Киева⁷⁷⁹. Ценного перебежчика сначала доставили в Полтаву в штаб V кавалерийского корпуса, а 24 августа его предписано было отправить в распоряжение начальника штаба 7-й пехотной дивизии для дальнейшего направления в распоряжение дежурного генерала штаба главкома⁷⁸⁰.

Существовала еще одна категория офицеров, попавших к белым. Их трудно отнести к перебежчикам, поскольку речь идет о заключенных киевских тюрем, которые вышли на свободу после взятия Киева белыми. Среди них также были офицеры Генштаба. Например, пожилой генерал от инфантерии В.Е. Бухголец (Бухгольц) — ветеран русско-турецкой войны 1877–1878 гг., окончивший академию еще в 1876 г. Позднее, находясь в эмиграции, он вспоминал: «12 мая / 29 апреля 1919 года подвергся на квартире в Киеве ночному обыску большевиками и был ими арестован как контрреволюционер и посажен в Киевскую чрезвычайку. Через неделю после опроса был приговорен к содержанию в концентрационном лагере до окончания Гражданской войны. Но так как этот лагерь был еще не готов, то из чрезвычайной комиссии я был препровожден под конвоем в Киевскую губернскую Лукьяновскую тюрьму в общий тюремный корпус, а после серьезного припадка нервного потрясения с тяжелым головокружением содержался в тюремной больнице.

29 июня, в день Св. Св. Петра и Павла, был перевезен в навозной телеге в концентрационный лагерь, которым оказалась пересыльная тюрьма военного ведомства с ужасными моральными, антигигиеническими и питательными условиями жизни и содержания. Через неделю я заболел кровавым поносом, перешедшим в холеру, и по настоятельному требованию женщины-врача был отправлен пешком в Киевский военный госпиталь в арестантское отделение, где подвергался

⁷⁷⁶ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 5. Л. 49–55об. Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / Публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

⁷⁷⁷ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 241.

⁷⁷⁸ Там же. Л. 146.

⁷⁷⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.

⁷⁸⁰ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 147–147об.

оскорблениям как сменявшихся ежедневно караулов большевицких банд, так и больных солдат их армии. 18 августа 1919 года, после четырехмесячного лишения свободы, я был освобожден из-под ареста пришедшей в Киев и обратившей большевиков в бегство дивизией генерал-лейтенанта Бредова. А 8 сентября ввиду дошедших до Киева сведений о наступлении на Киев с севера, из Черниговской губернии, новых большевистских банд, я эвакуировался из Киева в Ростов...»⁷⁸¹ До отъезда из России Бухольц числился в рядах ВСЮР.

Любопытно, что среди перебежчиков стали появляться и своеобразные рекордсмены. Еще генерал А.Г. Шкуро отмечал (правда, о рядовых бойцах), что «были ловкачи, умудрявшиеся по 3–4 раза послужить в каждой из враждебных армий»⁷⁸². Некоторые офицеры за время Гражданской войны 1917–1922 гг. тоже успели совершить сразу по несколько переходов, побывав в рядах противоборствующих сторон по два и более раз. Среди военспецов РККА лидирует К.И. Сербиневич, бежавший в 1919 г. из РККА на Украину. Позднее он был направлен белым командованием на Дальний Восток, арестован красными в Благовещенске в 1920 г. и после полугодового пребывания в тюрьме бежал, сумев вновь пробраться к белым. Таким образом, он дважды бежал от красных. Возможно, еще одним лидером по числу побегов был курсовик Х.В. Гуртовенко, зарегистрированный в 1918 г. в РККА, а затем в украинской армии, в 1919 г. — вновь в РККА и как пропавший без вести.

Абсолютное лидерство по общему числу побегов, скорее всего, принадлежит генералу И.М. Зайцеву, который только в 1918–1919 гг. совершил сразу три побега, причем один — через линию фронта к белым, а затем, вернувшись после Гражданской войны из эмиграции в СССР, — еще два дерзких побега, в том числе из Соловецкого лагеря и из самого СССР в Китай⁷⁸³. Впрочем, в период Гражданской войны Зайцев не служил в РККА, а просто находился на подконтрольной красным территории. Другой не служивший в РККА видный генштабист, полковник А.П. Перхуров, пробрался к белым через линию фронта после разгрома возглавленного им Ярославского восстания.

Смены различных армий были обычным явлением. Так, известный военный теоретик Н.Н. Головин первоначально числился в РККА, затем оказался в украинской армии, потом попал в Добровольческую, а позднее в колчаковскую. При этом действительную сложность мог представлять собой только его уход от красных, остальные переходы, по сути, происходили внутри одного антибольшевицкого лагеря. Похожий путь, но в иной последовательности (украинцы — добровольцы — РККА), проделал полковник С.Д. Григорьев (разумеется, в этом случае он не учитывается среди перебежчиков из РККА). Колчаковский генерал А.Я. Крузе первоначально в 1918 г. служил в РККА, затем попал к белым, дослужился у них до генерала, после попал в плен к красным и в конце Гражданской войны вновь, как ни в чем не бывало, продолжил службу в РККА, впоследствии даже стал генералом Советской армии и в годы Великой Отечественной войны

⁷⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 77. Л. 35–35об.

⁷⁸² Шкуро А.Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 234.

⁷⁸³ Подробнее о Зайцеве см.: Ганин А.В. Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия: Альманах. 2005. № 8. С. 193–207; Он же. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. № 3. С. 28–32.

командовал корпусом. В чем-то похожие перипетии выпали на долю колчаковских генералов В.И. Оберюхтина, Г.В. Леонова, полковника М.И. Москаленко и ряда других генштабистов.

На основе изучения различных списков Генерального штаба и иной документации РГВА и других архивов, а также персонального учета данных обо всех генштабистах — участниках Гражданской войны нами установлено, что в 1918–1921 гг. из рядов РККА сбежали или перешли на сторону противника (некоторые числились в РККА формально), а также пропали без вести не менее 549 специалистов Генерального штаба, в основном занимавших важные посты в Красной армии.

Эти данные нельзя считать окончательными, поскольку постоянно появляются новые сведения (к примеру, целый ряд перебежчиков удалось установить после обнаружения в архиве Гуверовского института последнего списка Генерального штаба Русской армии П.Н. Врангеля⁷⁸⁴), и указанное число может несколько возрасти. Из этой цифры исключены спорные случаи, а также сведения о лицах, не служивших в РККА, но перешедших к белым с советской территории (например, И.М. Зайцев). Также исключены лица, эмигрировавшие из Советской России в установленном законом порядке и по согласованию с советским руководством (например, Д.К. Лебедев). Исключены лица, получившие академическое образование уже после их перехода к белым (например, офицеры, окончившие ускоренный младший курс 4-й очереди колчаковской академии в Томске, ранее служившие в РККА). Не учитывались и многочисленные белые эмиссары, неоднократно переходившие линию фронта во время разведывательных командировок (например, Б.И. Казанович, Д.А. Лебедев, В.Е. Флуг). Рассмотрены по возможности только случаи сознательного перехода военспецов к противнику, хотя отсутствие данных не позволяет точно судить о каждом конкретном эпизоде.

В конце войны в обстановке разложения, развала и разгрома антибольшевистских армий, эпидемии тифа белые генштабисты в массовом порядке, в составе своих штабов, учреждений или частей, стали сдаваться в плен красным. В дальнейшем многие из них продолжили службу в РККА. Однако эти сдачи в плен, происходившие иногда в безвыходной ситуации, имели мало общего с добровольными, осознанными и заранее запланированными, часто сопряженными с большой опасностью для жизни, как правило, индивидуальными переходами через линию фронта, о которых идет речь в этом очерке. После Гражданской войны некоторые белые генштабисты в частном порядке стали возвращаться в Советскую Россию, но это также совершенно иное явление.

Непосредственно из рядов Красной армии в годы Гражданской войны бежали около 34% от общего числа военспецов-генштабистов. Иными словами, каждый третий генштабист, попавший в РККА, оказался в итоге перебежчиком и предателем. Большинство перебежчиков прослужили в РККА лишь какой-то период в 1918 г., а затем дезертировали. К сожалению, нам известны детали лишь немногих переходов и побегов.

Приходится только удивляться способности к побегу некоторых военспецов, возраст и физическое состояние которых как будто никак не позволяли им бежать. Так, например, Н.Д. Ливенцев был даже отстранен от должности военного

---

⁷⁸⁴ Публикуется в настоящем издании.

руководителя Ярославского военного округа без объяснения причин, а на самом деле за дряхлость и нераспорядительность. По рассказу одного из окружных комиссаров, с Ливенцевым во время инспекторской поездки в Иваново-Вознесенск произошел казус: «На вокзале, — рассказывал товарищ, — смотрю, нет военрука. Исчез и ни слова не сказал. Я туда, сюда... На площади собрался весь гарнизон, ожидает смотря... А его нет и нет. Скандал... Наконец, часа через два является. Оказывается, был в церкви, служил молебен какому-то святому... Беда ходить с ним куда-либо... Ни одной часовни не пройдет — обязательно заглянет!!»⁷⁸⁵ Тем не менее Ливенцев смог бежать на белый Юг.

По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, из 70 генштабистов, значившихся в «Дополнительном списке Генерального штаба», по сведениям Наркомвоенна УССР, к 1 сентября 1919 г. в РККА продолжали служить лишь 14 человек, остальные пропали без вести или бежали к белым⁷⁸⁶.

По образовательному цензу 302 перебежчика являлись выпускниками и слушателями ускоренных курсов, и 247 прошли полноценное (за исключением некоторых недоучившихся офицеров) обучение в Николаевской академии до Первой мировой войны. Столь внушительный перевес курсовиков связан с единственным случаем их массового перехода на сторону белых в 1918 г. в составе академии Генерального штаба, когда к белым попали сразу не менее 167 слушателей академии и преподавательский состав.

По местам перехода (пленения) и годам перебежчики распределились следующим образом (см. табл. 61).

Таблица 61. Переходы «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в 1918–1921 гг.

Места перехода (пленения)/год	Количество перешедших (взятых в плен)				
	1918	1919	1920	1921	Всего
Южный фронт (к белым)	50	140	1	-	191
Восточный фронт	240	17	-	-	257
Северо-Западный фронт	4	7	-	-	11
Северный фронт	5	1	-	-	6
Украинские формирования	51	4	1	-	56
Польша	1	1	-	2	4
Прибалтика	1	3	-	1	5
Азербайджан	1	1	-	-	2
Пропали без вести, бежали в неизвестном направлении	8	9	-	-	17

⁷⁸⁵ Кедров М.С. За Советский север: Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 44.

⁷⁸⁶ К.В. Алексеев, А.И. Батрук, Н.Н. Десино, Д.П. Кадомский, М.Н. Кузнецов, М.В. Лебедев, К.А. Мартынов, А.А. Матвеев, Н.М. Острянский, И.Н. Поярков, А.А. Рябинин, В.И. Стойкин, В.Н. Сушков, М.В. Фастыковский. В работе Кавтарадзе в этом отношении имеется внутреннее противоречие — в двух случаях приведены разные цифры — 5 и 14 оставшихся (Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. С. 49, 196). К сожалению, автор не привел ссылки на источник этих сведений.

По-настоящему массовым был лишь отток военспецов из РККА на Восточный и Южный фронты антибольшевистских сил, а также на Украину в 1918–1919 гг., куда в это время бежали из РККА 502 генштабиста, или 91% от общего числа генштабистов-перебежчиков. В подобном распределении нет ничего удивительного — чем мощнее были антибольшевистские фронты, тем больше генштабистов туда направлялось. Как известно, наиболее мощным из антибольшевистских фронтов был Южный. Однако наибольшее число перебежчиков в 1918 г. мы встречаем на Восточном фронте. Парадокса здесь нет, поскольку такое преимущество связано с переходом к белым академии Генерального штаба, в составе которой к ним попали все преподаватели и практически все слушатели старшего класса ускоренных курсов 3-й очереди.

Усилению «южного» потока способствовало и то, что в 1918 г. существовала возможность (в том числе легальная) уехать с территории Советской России на относительно спокойную Украину и там отсидеться. Порядка 50 генштабистов тогда так и поступили. Однако по данным на август 1918 г., возможно, в целях предотвращения переходов, военное ведомство уже не позволяло уезжать в отпуск за границу тем, кто находился на службе. Так, например, получил отказ в выезде на Украину З.И. Зайченко, который хотел повидаться с семьей, оставшейся в Киеве⁷⁸⁷.

Как и следовало ожидать, в 1919 г. белый Юг уверенно лидирует по числу переходов. В 1919 г. возрастает число переходов и на Северо-Западном фронте. Кроме того, целый ряд военспецов дезертировали из РККА, но не были зарегистрированы ни в одной из антибольшевистских армий. Такие лица числятся пропавшими без вести.

В 1920 г. переходов практически не наблюдается. С одной стороны, все, кто хотел бежать, уже смогли это сделать. С другой, в связи со впечатляющими победами Красной армии стало очевидным поражение белых.

Распределение переходов по годам следующее (см. табл. 62).

Таблица 62. Распределение переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника по годам

Год перехода	Количество перешедших
1918	361 (в том числе формально)
1919	183
1920	2
1921	3

Вполне логично, что абсолютное большинство переходов относится к 1918–1919 гг. В 1918 г. противоборствующие стороны Гражданской войны еще находились на стадии своего оформления, антибольшевистские силы одержали свои первые победы, а 1919 г. был временем наиболее впечатляющих их успехов, кроме того, в 1918–1919 гг. еще не было очевидно, какая из сторон одержит победу. Не случайно в 1920–1922 гг. побегу генштабистов из РККА практически сошли

⁷⁸⁷ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 295–295об., 298.

на нет, а если и происходили, то не в направлении какого-либо белого лагеря, а за границу.

По воинским званиям на момент оставления РККА (последний чин в старой армии) перебежчики распределялись следующим образом (см. табл. 63).

Таблица 63. Распределение перебежчиков по воинским званиям старой армии

Звание	Количество перешедших
Генералы	105
Штаб-офицеры	145
Обер-офицеры	299

Таким образом, генералы старой армии составили около 19% перебежчиков, штаб-офицеры — 26% и обер-офицеры — около 55%. Перевес молодежи можно объяснить не только ее многочисленностью, но и той значительной опасностью, с которой были сопряжены переходы. На подобный риск легче могли пойти молодые офицеры.

Однако далеко не все генштабисты, числившиеся в РККА, были вынуждены под градом пуль и снарядов переходить линию фронта, поскольку не всегда этот переход был сопряжен с опасностью для жизни. Способы были различны. Порой достаточно было не эвакуироваться из какого-либо крупного населенного пункта (в сельской местности или небольшом городе это было гораздо заметнее), чтобы фронт сам перешел через того или иного военспеца, нужно было просто выждать время. По всей видимости, именно так попали к белым видный военспец В.Е. Борисов, оставшийся в Киеве, генштабист К.-Р.-Г.К. Карлсон, оставшийся в Риге при отходе от города армии Советской Латвии⁷⁸⁸, член Высшего военного совета бывший генерал Л.М. Болховитинов, попавший в плен в Екатеринодаре, где у него находилась семья, и многие другие. В связи с отсутствием сплошной линии фронта и низкой плотностью войск сторон не особенно трудно было сдать и на фронте. Например, известный перебежчик А.Л. Носович просто уехал на личном автомобиле 21 октября 1918 г. из Козлова (штаб Южного фронта) в Воронеж и под видом рекогносцировки попал к донским казакам вместе со своим адъютантом и шофером. В принципе, достаточно было отклониться от полосы железной или шоссейной дороги, чтобы сравнительно безопасно попасть в лагерь противника и без транспортного средства.

Сложнее приходилось военспецам, находившимся в центральных штабах и управлениях. Им нужно было не только перейти линию фронта, но сначала добиться командирования в прифронтовую полосу. Некоторые бежали из РККА под предлогом болезни (например, курсовик Б.Н. Тюренокв)⁷⁸⁹ или лечения. Иногда побег оформлялся как отпуск (случай В.Е. Борисова), поездка к родным или назначение. Например, генштабист К.А. Людсканов-Цанков 16 февраля 1919 г. был командирован в Астрахань, но к месту назначения не прибыл⁷⁹⁰, а поступил на службу к Деникину. А.И. Мартынов не вернулся из командировки по закуп-

⁷⁸⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 20, 25.

⁷⁸⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 99.

⁷⁹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 107.

ке лошадей на Украине в октябре 1919 г.⁷⁹¹, в том же месяце он уже числился у белых. Начальник оперативного отделения группы войск Сумского направления А.И. Парв не возвратился из командировки в Киев, в дальнейшем служил у белых и в эстонской армии⁷⁹².

В служебных документах Ф.Е. Махина в 1918 г. значилось, что он «желает получить должность в Приволжском или Приуральском воен[ных] окр[угах]»⁷⁹³. Думается, подобное прошение — не случайность и вовсе не стремление Махина «занять в местном округе РККА более престижную и более высокооплачиваемую должность»⁷⁹⁴, как ошибочно полагают некоторые авторы. На самом деле еще весной 1918 г. социалисты-революционеры, придя к выводу о бесперспективности борьбы с большевиками в Петрограде и Москве, приняли решение о переводе своих организаций, в том числе и военной, в Поволжье и на Урал⁷⁹⁵. Судя по всему, Махин руководствовался именно этим решением ЦК партии, по заданию которой он поступил в РККА⁷⁹⁶, и для этого ему вовсе не надо было быть «божественным провидцем»⁷⁹⁷. Просьба Махина была удовлетворена.

Удобно было бежать и при отступлении частей Красной армии. Как уже говорилось, при отходе советских войск от Киева на сторону белых, оставшись в городе, перешли около трех десятков генштабистов. Генштабист Г.Д. Суходольский остался в Курске при занятии его белыми, В.К. Затеplinский — в Воронеже⁷⁹⁸, позднее оба служили у Деникина.

Потери пленными и в основном перебежчиками командно-начальствующего состава и штабных работников 8-й армии в сентябре–октябре 1919 г. составляют целый список. Еще 17 сентября попал в плен слушатель академии Генштаба РККА Н.В. Миронцев, занимавший должность помощника начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части⁷⁹⁹. На следующий день в связи с загадочной смертью временно командовавшего армией В.И. Селивачева исчез начальник штаба 8-й армии А.С. Нечволодов. 2 октября при переводе штаба 8-й армии из г. Усмань Тамбовской губернии на станцию Колодезная Воронежской губернии сбежали к белым начальник разведывательного отделения Генштаба В.А. Желтышев и сменивший Нечволодова временно исполняющий должность начальника штаба армии Генштаба В.Ф. Тарасов, в прошлом — начальник шта-

⁷⁹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.

⁷⁹² Там же.

⁷⁹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68об.

⁷⁹⁴ Каминский В.В. Почему генштабист РККА Ф.Е. Махин «открыл ворота». С. 144. Схожие примитивные рассуждения см.: *Он же*. Почему «белые» проиграли Гражданскую войну? // Военно-исторический архив. 2011. № 10 (142). С. 112.

⁷⁹⁵ Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 368–369; Каревский А.А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима–осень 1918 г.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 11.

⁷⁹⁶ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 178. Л. 58об.; см. также: Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 151–152.

⁷⁹⁷ Эпитет В.В. Каминского (*Каминский В.В.* Почему генштабист РККА Ф.Е. Махин «открыл ворота». С. 144).

⁷⁹⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.

⁷⁹⁹ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 9.

ба советского Южного фронта⁸⁰⁰, — очевидно, люди, хорошо осведомленные об оперативной обстановке. Позднее при отступлении 8-й армии исчез начальник тылового штаба армии (с 5 октября 1919 г.) В.В. Вдовьев-Кабардинцев, также перешедший во ВСЮР⁸⁰¹. Не возвратился из отпуска и с 4 октября числился в бегах, а позднее объявился на белом Юге начальник оперативного отдела Б.П. Лапшин⁸⁰², остался по болезни в Козлове и не вернулся к месту службы слушатель академии А.Н. Коновалов⁸⁰³.

Оттоку военспецов из РККА способствовали контрреволюционные выступления внутри Советской России. Так, выпускник ускоренных курсов 2-й очереди бывший штабс-капитан А.К. Македонский, служивший делопроизводителем оперативного отдела штаба Ярославского военного округа, «с момента белогвардейского мятежа в гор[оде] Ярославле (6 июля 1918 года) на службу не являлся и исключен из списков штаба как неизвестно где находящийся»⁸⁰⁴. Между прочим, еще в конце мая – начале июня 1918 г. он просил о назначении «на должности по Генеральному штабу в Казани, Москве или в одном из приволжских городов»⁸⁰⁵. 22 июня 1918 г. Македонский выехал из Москвы в Ярославль к новому месту службы, но не прослужил там и двух недель. На 1919–1920 гг. он проходит по документам ВСЮР и Русской армии. Вообще ситуация со штабом Ярославского округа была непростой. По мнению окружного комиссара В.П. Аркадьева, «чины штаба округа перешли на сторону белогвардейцев и из всего штаба остался только один служащий Веденеев. Из этого видно, что работа как всего штаба Ярославского военного округа, так, в частности, и работа разведки совершенно остановились»⁸⁰⁶.

К числу переходов из РККА относятся и спорные случаи. В 1918 г. некоторые военспецы лишь формально числились в РККА, успели только зарегистрироваться и иногда получить назначение (например, В.О. Каппель), после чего переходили к белым. Для многих переход в белый лагерь происходил только на бумаге. Наиболее характерен пример будущего лидера Белого движения на Севере России генерала Е.К. Миллера, который в 1918 г. находился за границей в качестве военного агента при итальянской главной квартире и, скорее всего, даже не знал о том, что числится в Красной армии. Только приказом Наркомата по военным делам от 2 сентября 1918 г. были уволены от службы 13 военных агентов, еще трое были отозваны в Россию⁸⁰⁷.

В этой связи важно отметить такую особенность начального этапа Гражданской войны, как сохранение многих штабов, учреждений, организаций старой русской армии, в которых бывшие генштабисты по инерции продолжали тянуть лямку и после захвата власти большевиками. Такие учреждения красные, захватившие в свои руки практически весь аппарат управления старой армии, считали

⁸⁰⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 61.

⁸⁰¹ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Vrangal Collection. Box 39. Folder 7.

⁸⁰² РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 50б.

⁸⁰³ Там же. Л. 7.

⁸⁰⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 105.

⁸⁰⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 65.

⁸⁰⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 194.

⁸⁰⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 59.

своими, однако реальность представляется несколько более сложной. Было бы упрощением, к примеру, отнести к РККА такой орган, как резерв чинов при начальнике Генерального штаба. Он был создан для «образования запаса лиц Генерального штаба из числа оставивших должность в действующей армии, для различных поручений, вызываемых обстоятельствами военного времени»⁸⁰⁸. Офицеры, состоявшие в таком резерве, значились в документах как находившиеся в распоряжении начальника Генерального штаба. До большевиков их учетом ведала канцелярия отдела по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба. Однако по инерции решение связанных с резервом Генштаба вопросов даже в конце весны – летом 1918 г. продолжалось через прежнюю канцелярию, хотя новой властью 8 мая 1918 г. был создан альтернативный орган управления — Всероссийский главный штаб.

Если мы посмотрим на список лиц Генштаба, состоявших на лето и даже осень 1918 г. («в распоряжении начальника Генерального штаба»), то увидим в нем таких знаковых фигур русской Гражданской войны, как Н.Н. Головин, М.И. Занкевич, Е.К. Миллер, С.Н. Розанов, Г.Д. Романовский. Все они вскоре выдвинулись на первый план в антибольшевистском лагере. Были в этой категории и офицеры, некоторое время в 1918 г. действительно служившие большевикам. Тем не менее фактически этот резерв (до 50 военспецов) не имел прямого отношения к РККА, а являлся рудиментом прежней армии, в котором по инерции продолжали состоять ранее числившиеся там офицеры (некоторые находились при этом даже за пределами России), кстати, в основном противники большевиков. Это, пожалуй, наиболее яркий пример. Но есть и другие.

Так, уже упоминавшийся штаб 1-й армии Северного фронта практически в полном составе в мае 1918 г. прибыл в Самару для переформирования в штаб Поволжского военного округа, «лица Генштаба» формально служили несколько месяцев красным, но при первой возможности перешли на сторону Народной армии самарского Комуча⁸⁰⁹. Можно ли таких военспецов отнести к красным? По меньшей мере, это повод для дискуссии. Впрочем, по формальным признакам они, безусловно, какое-то время состояли в РККА, а следовательно, оказавшись у белых, могут считаться перебежчиками.

Если проводить параллели, то ситуация, сложившаяся в органах управления русской армии в 1917–1918 гг., напоминает движение экстренно тормозящего поезда, который какое-то время не может остановиться. В этой связи целесообразно введение термина «инерционный период», обозначающего переход от структур старой армии к структурам новой. Этот период продолжался с 25 октября 1917 г. по осень 1918 г. (в каждом конкретном случае временные рамки могут быть и меньше). Введение данного термина позволит выделить все спорные случаи службы офицеров-генштабистов в переходных структурах в особую категорию.

Что же ждало перебежчиков в антибольшевистском лагере? Очень часто там их ожидал вовсе не радушный прием. Одной из причин сокращения количества переходов, вероятно, следует считать негативное отношение, существовавшее в антибольшевистском лагере, особенно на Юге России, к бывшим офицерам, служившим у большевиков. На Юге, где наличествовал избыток генштабистов,

⁸⁰⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1117. Л. 68.

⁸⁰⁹ Петров П.П. От Волги до Тихого океана. С. 10.

имела место практика обязательного предания военно-полевому суду всех перешедших из числа бывших военспецов.

Такой подход оформился уже в 1918 г. Так, на собрании офицеров Генерального штаба Добровольческой армии 10 (23) сентября 1918 г. единогласно было принято следующее положение: «Все офицеры Генерального штаба, находившиеся на службе как у Советского правительства, так и правительств, стремящихся к самостоятельному существованию и полному отделению от России, именно — Грузинского, Украинского и Финляндского, поступают в строй в Добровольческую армию на общих основаниях, принятых для всех вообще офицеров, а затем, им предоставляется право судом чести реабилитировать себя...»⁸¹⁰ А.И. Деникин не согласился с этим и наложил на документ резолюцию, суть которой сводилась к тому, что за подобные преступления полагается военно-полевой суд. К сожалению, нам известны данные лишь о некоторых военно-полевых судах над генштабистами, приведенные в приказах главнокома ВСЮР за 1919–1920 гг., а документы более раннего периода сохранились лишь фрагментарно. Суду подлежали все служившие у большевиков безотносительно возраста и заслуг, не исключая и георгиевских кавалеров. В частности, в октябре 1919 г. суду был подвергнут 63-летний геодезист, Генштаба генерал-лейтенант М.Л. Бачинский. Генерал был приговорен к расстрелу, замененному четырьмя годами каторжных работ с освобождением от наказания «за старостью»⁸¹¹.

Еще один перебежчик, Генштаба генерал-майор К.А. Моравицкий, помощник командующего 12-й советской армией, обвинялся в том, что, «зачислившись добровольно на службу к большевикам и занимая весьма ответственные должности в Красной армии, не выполнил принятого на себя обязательства сообщать в Добровольческую армию сведения о красных войсках и не приложил никаких усилий уклониться от большевистской службы или хотя бы уклониться от занятия столь ответственных должностей, принося своею деятельностью, напротив, несомненно большую пользу большевикам...»⁸¹² Генерал-майора А.А. Котельникова судили сразу за службу у красных и у петлюровцев⁸¹³.

Обычным вердиктом таких судов была смертная казнь, заменявшаяся освобождением из-под суда, разжалованием или каторжными работами. Это, конечно, отталкивало от белых их потенциальных сторонников и, возможно, даже стало одной из причин поражения белых армий. В частности, по свидетельству протопресвитера Добровольческой армии и флота Георгия Шавельского, «в июле этого (1919. — *А.Г.*) года в Орле двадцать два офицера Генерального штаба, служащие у большевиков, обсуждали вопрос, как им быть, ввиду установившегося в Добровольческой армии отношения к перебежчикам. И решили: доселе мы играли в поддавки, теперь начнем воевать по совести»⁸¹⁴.

Вместе с тем по-настоящему суровых приговоров для генштабистов-перебежчиков не было. Генерал В.В. Буняковский, к примеру, был арестован на три неде-

---

⁸¹⁰ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 46. Л. 1об.

⁸¹¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 37.

⁸¹² Там же. Л. 67.

⁸¹³ Там же.

⁸¹⁴ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера. Т. 2. С. 359–360.

ли, после чего в декабре 1919 г. прощен⁸¹⁵, генерал В.Е. Борисов был освобожден по возрасту.

По свидетельству А.А. фон Лампе, за службу у красных были разжалованы в рядовые только три генерала: И.П. Сытин, Л.Л. Родцевич-Плотницкий и Л.М. Болховитинов⁸¹⁶, причем Сытина белые вполне могли и казнить. Фон Лампе через публикации в прессе содействовал его спасению.

Похоже, сильнее всех пострадал генерал Л.М. Болховитинов, но о его судьбе писали многие мемуаристы, т.е. несправедливость в его отношении уже тогда для здравомыслящих людей была очевидна и привлекала внимание.

Бывший Генерального штаба генерал-лейтенант Болховитинов был одним из первых видных военных специалистов РККА. Весной 1918 г. ему было поручено проведение реформы местных военных комиссариатов⁸¹⁷. В дневниках А.Е. Снесарева сохранилась запись его беседы в Москве 11 мая 1918 г. с генштабистом А.Н. Ковалевским, в которой последний заявил, что и М.Д. Бонч-Бруевич и Болховитинов «предадут брата родного... и довольно дешево»⁸¹⁸. Отметим, что Бонч-Бруевич и его помощник в Высшем военном совете Болховитинов были однокурниками по академии и дружили. Не будем вдаваться в мотивы высказывания Ковалевского, но оно оказалось довольно точным. В антибольшевистском лагере Болховитинов оказался уже через несколько месяцев после того, как Ковалевский дал ему столь нелестную оценку. Возможно, измена Болховитинова бросала тень и на Бонч-Бруевича, который с осени 1918 г. фактически был удален с видных постов в Красной армии.

В дневниках Снесарева нашли отражение и взгляды на Гражданскую войну самого Болховитинова, свидетельствующие, что тот был далеко не в восторге от большевистского режима. Так, грузовики с революционными солдатами Болховитинов именовал не иначе как «б...возами»⁸¹⁹, заявлял, что «убил бы» бывшего советского Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко⁸²⁰. По наблюдению Снесарева, перед большевистской верхушкой Болховитинов явно заискивал, что вызвало неприятие у Снесарева, тогда как в разговорах наедине с последним заметно правед в суждениях⁸²¹. По оценке П.С. Махрова, Болховитинов был патриотом и выдающимся офицером Генерального штаба⁸²².

Болховитинов был арестован белыми в Екатеринодаре в августе 1918 г., куда приехал к семье. За службу у красных он был разжалован в рядовые и около года прослужил нижним чином, после чего ему «за проявленные в боях мужество, доблесть и распорядительность» был возвращен чин генерал-лейтенанта (приказ главнокомандующего ВСЮР № 1575 от 22 июля (4 августа) 1919 г.⁸²³). Небезынтересно, что, по свидетельству Г. Шавельского, «в армии преобладал взгляд, что

⁸¹⁵ РГВА. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 11об.

⁸¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 238об.

⁸¹⁷ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 105.

⁸¹⁸ *Снесарев А.Е.* Москва — Царицын // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.

⁸¹⁹ Там же // Московский журнал. 1996. № 2. С. 52.

⁸²⁰ Там же. С. 53.

⁸²¹ Там же // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.

⁸²² *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 175.

⁸²³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 134. Л. 66.

всех перебежчиков из России (Советской. — А.Г.), особенно генералов, надо вешать. И когда ген. Болховитинов не был повешен, а лишь разжалован в рядовые, многие возмущались этим»⁸²⁴. В роли «ястребов» в этом вопросе, судя по всему, выступала молодежь, в считанные месяцы занявшая руководящие посты в Добровольческой армии и стремившаяся продемонстрировать свою антибольшевистскую принципиальность. Между прочим, Болховитинов учился в академии вместе с А.И. Деникиным.

В письмах Болховитинова супруге нашло отражение его возмущение столь различным отношением к нему и к другим перебежчикам, сразу устроившимся у белых на хорошие места. О том, что они были связаны с белым подпольем, Болховитинов не написал, возможно, потому, что не знал этого: «Покорность [А.П.] Архангельского, конечно, весьма приятная и похвальна: известное дело — “повинную голову и меч не сечет”, а посему сия кротость уже получила надлежащую мзду: он зачислен в резерв чинов, что служит преддверием к дальнейшему продвижению, с чем я их и “проздравляю”... ты ясно поймешь причину такого невероятного разного отношения ко мне и, скажем, к [А.Л.] Носовичу или еще лучше к Архангельскому, который занимал должность в Главном всероссийском штабе, управляя отделом укомплектования и командного состава. Невероятно, но факт! Зная Архангельского, могу предположить, что, выкручиваясь перед современными богами, он, вероятно, нагнал немало про мою деятельность: все ведь это мелкие, трусливые людишки...» (письмо от 13 (26) марта 1919 г.)⁸²⁵. При этом генерал отмечал, что о его деятельности в Москве был осведомлен британский разведчик Сидней Рейли, приехавший на белый Юг⁸²⁶. Таким образом, возможно, Болховитинов тоже был связан с антибольшевистским подпольем.

Б.А. Штейфон вспоминал о своей встрече с Болховитиновым в 1919 г.: «Однажды я пообещал командиру Самурского полка выдать имевшееся в моем распоряжении телефонное имущество. Командир обещал прислать приемщика. Вечером мне доложили, что меня желает видеть какой-то солдат. Раскрылась дверь, и с вопросом “можно войти?” на пороге обрисовалась представительная фигура в солдатской шинели с унтер-офицерскими нашивками.

В вошедшем унтер-офицере я немедленно признал бывшего генерал-лейтенанта Л.М. Болховитинова. Он был во время Великой войны начальником штаба Кавказского фронта и для меня, тогда капитана Генерального штаба, являлся чрезвычайно высоким начальством. Он знал меня прекрасно, так как я служил в штабе армии. Направляясь ко мне, “унтер-офицер Болховитинов”, конечно, был осведомлен, кого он встретит, но для меня его появление было жутким

— Узнаёте?

— Еще бы не узнать! Здравствуйте, Леонид Митрофанович.

Мы сели и на некоторое время забыли о телефонном имуществе. Оказалось, генерал Болховитинов одно время служил у большевиков, а затем перешел в Добровольческую армию. Согласно тогдашним правилам, он был судим, разжалован и послан рядовым на фронт. Как “хорошо грамотного” его назначили в команду телефонистов.

⁸²⁴ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера. Т. 2. С. 357.

⁸²⁵ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 254–255об.

⁸²⁶ Там же. Л. 223об.

Мы душевно поговорили около двух часов. Л[еонид] М[итрофанович] заходил ко мне еще несколько раз. Впоследствии он был прощен, и затем в Крыму я встретил его прежним энергичным генералом.

Генерал Болховитинов уже умер — и пусть Господь судит его за вольные и невольные прегрешения. Во всяком случае, у меня сохранилось о нем воспоминание как о крупном, незаурядном человеке. Свое разжалование он переносил с большим достоинством.

Теперь, когда многие бывшие страсти перегорели, ясно, что система подобных судов была по идее ошибочна, ибо удерживала от перехода к нам тех, кто подневольно служил у красных. Фронт, всегда более чуткий в подобных вопросах, чем тыл, очень скоро признал несправедливость и вредность указанных судов и личной инициативой, молчаливо, но убежденно воспринял иной порядок: коммунистов уничтожал, а всех остальных принимал в свои ряды.

Во всяком случае, в 1918 году примеры генералов Болховитинова, Сытина и других давали несомненное удовлетворение широким офицерским кругам. Жестокие времена порождали и жестокую психологию»⁸²⁷.

Конечно, в ряде случаев суд играл реабилитирующую для бывших военспецов роль. Бросается в глаза кажущаяся внешняя формальность практики предания суду (в частности, предавались суду и оправдывались в том числе и известные белые подпольщики из РККА). Но думается, что подобная практика в условиях Гражданской войны была неоправданной роскошью для белых, рассчитанной в основном на успокоение фронтовой массы, ненавидевшей большевиков. Такой подход обернулся для белых катастрофой. Разжалованные и ошельмованные военспецы могли принести значительную пользу отнюдь не в качестве простых телефонистов или каторжников, а, например, будучи направлены в армию адмирала А.В. Колчака, где, даже несмотря на переход академии, нехватка опытного командного состава и квалифицированных штабных работников достигла катастрофических масштабов.

Суровое отношение к перебежчикам и пленным из бывших офицеров обычно не распространялось на личные взаимоотношения между бывшими однокашниками по академии. В этом отношении весьма интересно свидетельство военного журналиста А.А. Валентинова, который пересказывал историю о перелете к белым в январе 1920 г. капитана М.П. Строева (Рихтера). По его словам, «опустился он под Тихорецкой в наше расположение, несомненно, по ошибке, так как наши акции в те дни с неудержимой быстротой катились уже к Новороссийску, и никаких надежд на исправление дел у Строева быть не могло. Да и он сам не скры-

---

⁸²⁷ Штейфон Б.А. Кризис добровольчества // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 7: Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 253–254. Сохранилось свидетельство о том, что Болховитинов в начале 1920 г. тайно сотрудничал с большевиками, по их совету согласился занять пост военного министра Кубанского краевого правительства, задерживал посылку войск, менял направления движения отрядов и т.д., причем подпольщики якобы были удивлены его решением эвакуироваться с белыми (*Черный Вл.* В подполье // Путь коммунизма. Краснодар, 1922. Кн. 3. С. 137). Возможно, подобное свидетельство было оставлено с провокационной целью. В эмиграции генерал Болховитинов покончил с собой. Генерал В.Е. Флуг впоследствии отмечал, что в 1920 г. Болховитинов занимался исключительно административными и хозяйственными, а не оперативными вопросами. В этом отношении никакого вреда белым он принести не мог, а кроме того, по мнению Флуга, Болховитинов не являлся большевистским агентом (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 110об.–111об.).

вал происшедшей ошибки. Несмотря на это, когда его привели в поезд Ставки и ввели в вагон оперативного отделения, некоторые офицеры Генштаба (коллеги, кажется, по выпуску) встретили его оживленными восклицаниями, а капитан Г. даже бросился ему на шею. Делу был придан такой вид, будто Строев опустился к нам нарочно. Ротмистр князь К. (офицер для поручений при генерале Деникине), ошеломленный происшедшим, допустил несколько очень резких выражений по адресу Генштаба. Об инциденте доложили генералу Деникину, указав, что Строев опустился нарочно. Генерал Деникин тотчас же уволил 70-летнего князя К. без прошения. Позже вина Строева была доказана»⁸²⁸.

Эффективных способов предотвращения переходов в распоряжении большевиков не было. В РККА существовали определенные трудности с учетом кадров Генштаба, в результате которых о некоторых генштабистах вспоминали по прошествии длительного времени с момента их перехода к противнику. Так, запрос о местонахождении курсовика Х.В. Гуртовенко относится к маю 1919 г.⁸²⁹, тогда как еще летом–осенью 1918 г. он значился на службе в украинской армии. Поиски велись по инициативе Полевого штаба РВСР, обращавшегося во Всероссийский главный штаб. В данном вопросе полномочия не были достаточно четко разделены, что вело к несогласованности, дублированию работы и ведомственным противоречиям. Показательно, что в переписке не содержалось каких-либо обвинений в адрес перебежчика, просто устанавливалось его местонахождение. Не исключено, что проволочки в деле поиска исчезнувших генштабистов связаны с тем, что поиски первоначально вели не чекисты, а такие же военспецы, как и те, что бежали. Генштабовский корпоративный дух оказался сильнее должностных обязанностей. Лишь при невозможности найти человека информация передавалась ВЧК.

В январе 1920 г. был составлен список пропавших «лиц Генштаба», в который вошли 18 человек (в том числе В.Е. Борисов, Н.Д. Всеволодов и др.), в основном исчезнувших в кампанию 1919 г. Между прочим, в документе было отмечено: «Ввиду того, что полной документальной уверенности в окончательном исчезновении лиц Генштаба, поименованных в прилагаемом при сем списке, нет, — исключение последних из списков Генерального штаба, согласно резолюции начальника Всероссийского главного штаба, статьями приказа Реввоенсовета Республики проведено не будет»⁸³⁰. Сохранился еще один список «лиц Генштаба», исключенных из нового списка Генштаба без вести пропавшими. В этом списке, также относящемся к 1920 г., значатся 47 человек, из которых 45 пропали без вести или перешли к противнику, в том числе некоторые известные перебежчики⁸³¹. Таким образом, красные продолжали рассчитывать на военспецов, многие из которых уже около года служили у белых. В борьбе большевиков с переходами возможны были лишь последующие карательные действия, но они не могли возратить ранее перебежавших⁸³².

⁸²⁸ *Валентинов А.А.* Крымская эпопея // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 11: Белый Крым. М., 2003. С. 273.

⁸²⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1003. Л. 58об.

⁸³⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 48.

⁸³¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38–39об.

⁸³² О попытке введения института заложничества членов семей военных специалистов см. специальную статью в настоящем издании.

Бывший начальник штаба оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам курсовик Г.И. Теодори писал Ф.Э. Держинскому 30 декабря 1919 г.: «В начале сентября 1918 г., попутно с организацией побед на Восточном фронте я лично провел (это моя третья важная заслуга, вызвавшая страшную ненависть ко мне в Генерал[ьном] штабе), вопреки противодействию и желанию начальника Всероглавштаба гр[ажданина] Свечина⁸³³, убедившего даже тов. Склянского, 5-го сентября 1918 года регистрацию специалистов Генштаба под контролем оперода (военный контроль — т. Тракман⁸³⁴). Это остановило незаметную (в пылу огромной работы и тяжелых наших испытаний), но огромную утечку генштабистов в лагерь контрреволюции. Что генералы бежали — полбеды: они бездарны и с малоповоротливыми мозгами, но с ними уходила и весьма ценная боевая молодежь выпусков 13, 14, 15, 16 г. и гвардейская часть 1917 года. Часть последних выпусков и часть профессуры мы сумели задержать, и теперь они отлично работают»⁸³⁵.

Теодори даже продемонстрировал заместителю народного комиссара по военным делам Э.М. Склянскому диаграмму утечки кадров Генштаба на Украину, Кубань и в Сибирь, которая настолько впечатлила Склянского, что вопрос о регистрации был решен в положительном смысле⁸³⁶.

Впрочем, Теодори значительно преувеличил собственные заслуги. В действительности регистрация не остановила переходы, прежде всего потому, что эффективной системы учета семейного положения военспецов, несмотря на соответствующие указания большевистского руководства, создано не было, как и не было, вопреки позднейшим мифам, сколько-нибудь масштабных репрессий в отношении членов семей бывших офицеров. Измены, бегства, переходы и даже перелеты, в том числе коллективные, продолжались и после сентября 1918 г. Только в 1919 г. на сторону противника перешли, по установленным нами данным, не менее 163 выпускников Николаевской академии Генерального штаба, не говоря уже о массовых изменах других категорий офицеров. К тому же в сентябре 1918 г. полноценной регистрации проведено еще не было.

Важную роль в контроле за «лицами Генштаба», безусловно, играли военные комиссары и органы ЧК. Однако ни те, ни другие не могли предотвратить переходы генштабистов на сторону противника. Кроме того, основная масса фактов измены и саботажа со стороны военспецов приходилась на 1918–1919 гг., когда еще не было ясно, кто победит в Гражданской войне, а эффективная система контроля за военспецами еще не сложилась. В то же время делались попытки возложить ответственность за переходы военспецов на опекавших их комиссаров. В телеграмме члена РВС Восточного фронта Ф.Ф. Раскольникова Троцкому от 29 июля 1918 г. говорилось о том, что командующий 3-й армией генштабист Б.П. Богословский в Казань не приезжал, находился постоянно в Екатеринбурге, где преподавал в академии Генштаба, и «ответственность за его измену падает

---

⁸³³ Речь идет о видном генштабисте А.А. Свечине.

⁸³⁴ Имеется в виду начальник отделения военного контроля оперативного отдела Наркомата по военным делам М.Г. Тракман.

⁸³⁵ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 10–10об.

⁸³⁶ Там же. Л. 23.

на кого-либо из комиссаров, находившихся при нем в Екатеринбурге»⁸³⁷. Иногда комиссары не только не предотвращали переход, но даже бессознательно способствовали ему. Советский главком И.И. Вацетис вспоминал, что ему известно несколько переходов генштабистов к противнику, но причины не были установлены. В то же время один случай Вацетису был хорошо известен и произошел только из-за невозможности терпеть оскорбления от комиссаров⁸³⁸.

Репрессии также были фактором, отнюдь не сдерживавшим переходы и измены, а, наоборот, способствовавшим им. Так, Н.Д. Всеволодов в 1918 г. был арестован, причем власть не посчиталась с его тяжелым положением. Мало того, что сам арестованный содержался в одном из лазаретов Петрограда, будучи еще в декабре 1917 г. признанным негодным к строевой и административной службе⁸³⁹, летом 1918 г. тяжело болела его жена. Управляющий делами Наркомата по военным делам Н.М. Потапов телеграфировал председателю Петроградской ЧК Г.И. Бокину 11 сентября 1918 г.: «Подтверждая тяжкую болезнь его жены, полное отсутствие средств жизни и постоянно проявляющуюся им в моем присутствии корректность по отношению советской власти, ходатайствую [о] скорейшем рассмотрении его дела»⁸⁴⁰. В октябре 1918 г. Всеволодов уже находился на свободе. Он получил разностороннее представление о порядках, царивших в РККА и Советской России. По освобождении он как инвалид и доброволец был направлен главкомом Вацетисом в октябре 1918 г. в Нижний Новгород на должность начальника штаба Приволжского военного округа. Лишь по прибытии выяснилось, что эта должность уже занята. Тогда Всеволодов по собственному желанию отправился на Южный фронт. В октябре–ноябре 1918 г. им был сформирован штаб 9-й советской армии. Работа была не из легких и требовала огромного перенапряжения, поскольку армия первоначально находилась в жутком состоянии. Ее фронт достигал трехсот верст, штабы дивизий располагались в 100–120 верстах от штаба армии. Всеволодов телеграфировал в конце 1918 г., что «в штабе армии нет ни начальников связи, ни начальников оперативного и разведывательного отделения Генштаба, ни для поручений, всю оперативную работу приходится выполнять мне и начоперод [И.В.] Яцко⁸⁴¹, не досыпая... [расходуя всю?] энергию, которой, конечно, надолго [не хватает]..., буквально выбились из сил»⁸⁴². Именно Всеволодов первым донес Троцкому о неисполнении приказов начальником 16-й стрелковой дивизии В.И. Киквидзе, что имело огромное военное значение. Таким образом, военспец заслужил персональное доверие Троцкого, предлагавшего ему должность командующего Камышинской группой войск и начальника 14-й стрелковой дивизии, однако по состоянию здоровья Всеволодову пришлось отказаться.

Всеволодов просил о переводе его на Кавказ и предоставлении полуторамесячного отдыха, но постоянно под разными предлогами (до сформирования штаба, до окончания операции и т.д.) получал отказы, наконец, в феврале 1919 г. его прошение было отклонено категорически⁸⁴³. Тогда он решил пройти освидетель-

⁸³⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 15.

⁸³⁸ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 235.

⁸³⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43об.

⁸⁴⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 25.

⁸⁴¹ Подробнее о И.В. Яцко см. примеч. 506.

⁸⁴² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 205.

⁸⁴³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43–44, 59, 74, 81.

ствование и в феврале 1919 г. даже сказал другому генштабисту А.С. Ролько в телефонном разговоре: «Опечален, что фронт меня не пускает, но он не имеет права держать большого инвалида»⁸⁴⁴. Кстати, Ролько за это позднее получил выговор, поскольку телефонная линия занималась частной беседой (в 1919 г. Ролько перешел к Деникину, позднее эмигрировал, но вернулся в Россию, был арестован, а затем вновь поступил в РККА). Последний раз Всеволодов отправил просьбу о переводе на Кавказ даже с понижением 5 апреля 1919 г., и, разумеется, ему вновь было отказано⁸⁴⁵. Судя по всему, Всеволодов понял, что большевики просто хотят его использовать в своих интересах до полного истощения. Осознав это, он, будучи командующим 9-й армией, перешел на сторону Деникина.

Известно еще несколько случаев побегов, вызванных арестами или связанных с ними. Так, отсидев восемь месяцев в тюрьме без предъявления какого-либо обвинения⁸⁴⁶, в армию Юденича в 1919 г. бежал генштабист Б.П. Поляков. Некоторые случаи и вовсе напоминают кадры приключенческих фильмов. Бывший Генштаба полковник Г.К. Ерофеев был арестован «вследствие ряда недоразумений»⁸⁴⁷, оказал при аресте сопротивление⁸⁴⁸, а затем и вовсе сбежал при этапировании в Москву. 13 августа 1918 г. была разослана следующая телеграмма: «Всем Советам. Всем совдепам. В ночь с 31 июля на 1 августа из скорого поезда 4 Смоленск — Москва бежал в полете Митино — Издешково военрук Орловской дивизии Ерофеев, арестованный за контрреволюционную деятельность. Ерофеев 40 лет, рост выше среднего, брюнет с усами без бороды. Предписываю задержать бежавшего Ерофеева, отправить в Москву в [распоряжение] Чрезвычайной [комиссии]. Наркомвоен»⁸⁴⁹. Уже 14 сентября 1918 г. Генштаба полковник Г.К. Ерофеев поступил на службу в Добровольческую армию и благополучно служил на белом Юге до конца Гражданской войны.

Ерофеев был не единственным генштабистом, бежавшим прямо из-под стражи. Точно так же при этапировании в Москву из Могилевской ГубЧК в конце 1919 – начале 1920 г. совершил побег бывший Генштаба полковник К.К. Лисицын⁸⁵⁰. В 1919 г. был арестован ВЧК генштабист Н.Н. Стогов, однако осенью 1919 г. он бежал из концлагеря, некоторое время нелегально пробыл в Москве и затем с риском для жизни перешел через линию фронта к А.И. Деникину⁸⁵¹.

Первый заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский на I съезде особых отделов фронтов и армий, проходившем в Москве 22–25 декабря 1919 г., заявлял, что «перед особыми отделами стоит тройная задача. Во-первых, борьба с персональным предательством, во-вторых, фронтовой контрреволюцией и, в-третьих, с технической контрреволюцией»⁸⁵². Но что касается чекистов, то им практически не удалось предотвратить случаи измены среди «лиц Генштаба»,

⁸⁴⁴ Там же. Л. 225об.

⁸⁴⁵ Там же. Л. 293, 312.

⁸⁴⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.

⁸⁴⁷ *Егорьев В.Н.* Из жизни западной завесы // *Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне.* М., 1962. С. 138.

⁸⁴⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 19.

⁸⁴⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 56.

⁸⁵⁰ Там же. Л. 125.

⁸⁵¹ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 407–408; *Рутыч Н.* Биографический справочник. С. 231.

⁸⁵² Архив ВЧК: Сб. док. М., 2007. С. 129.

и проводившиеся репрессии в абсолютном большинстве случаев затрагивали невинных людей.

Измены военной элиты в лице специалистов Генерального штаба, как и прочих спецов, были, по всей видимости, неизбежным следствием различной социальной базы белых и красных. Хотя значительная часть военной интеллигенции приспособилась к новым условиям, все же ее представители были в основном чуждым РККА элементом, а отношение к ним далеко не всегда оставалось благожелательным. Тысячи людей были использованы большевиками в своих целях, а затем, когда их опыт и знания уже не требовались, фактически выброшены — подверглись гонениям и истреблению. По своему характеру для старых генштабистов были гораздо ближе антибольшевистские вооруженные формирования, где служили их прежние товарищи. В итоге за время Гражданской войны различными путями из РККА в белые или национальные армии, а также в неизвестном направлении бежало около трети специалистов Генерального штаба. Судя по всему, это явление было по-настоящему массовым, чему есть объяснение. Прежде всего, распределение кадров Генерального штаба на начальном этапе Гражданской войны оказалось во многом случайным. Некоторые из тех, кто в силу обстоятельств оказался тогда на территории Советской России, попали на службу в РККА в 1918 г. случайно, вопреки своим убеждениям. Кто-то, наоборот, поступил в новую армию сознательно, для отражения немецкого наступления, но никак не стремился воевать со своими недавними сослуживцами и друзьями. Для таких людей существовало три выхода из этой ситуации: смириться и подчиниться указаниям начальства; попытаться избежать службы на фронте и прямого содействия красным, устроившись на преподавательскую работу или уйдя в отставку; или же перейти в антибольшевистский лагерь либо бежать за границу.

Распространению переходов способствовали внутренний характер войны, сильно облегчавший конспирацию, а также отсутствие сплошной линии фронта и быстрые ее изменения, позволявшие просто остаться в том или ином пункте и сдать в плен. Сильная неразбериха, существовавшая в 1918 г. у красных, и нахождение РККА и советских органов госбезопасности в стадии формирования также давали дополнительные шансы на успех переходов, в связи с чем именно 1918 г. лидирует по числу измен генштабистов. В 1919 г. чаша весов в Гражданской войне на какое-то время склонилась в пользу белых, почему и произошло немало переходов, носивших, очевидно, конъюнктурный характер.

Возможности предотвратить массовые переходы большевики не имели из-за проблем с учетом военспецов (хотя учет генштабистов в РККА был поставлен лучше, чем у их противников) и перегруженности работой штабов и управлений, которые, как показала практика, не могли вести розыск семей перебежчиков для их наказания. Репрессии лишь усиливали поток перебежчиков, причем несколько человек сумели бежать к противнику прямо из-под ареста. Массовые переходы сошли на нет сами по себе в 1920 г., когда стало очевидным поражение антибольшевистских сил.

И все же, несмотря на довольно частые случаи измены военспецов, большевикам удалось поставить себе на службу несколько сотен генштабистов. По нашим данным, настоящей опорой большевиков можно считать 613 военспецов, прошедших через обучение в Военной академии, которые в 1918–1920 гг. не служили

во враждебных большевикам армиях, не состояли в антибольшевистских подпольных организациях и в составе РККА прослужили не менее двух лет каждый. Многие из них в это время совершенно незаслуженно подвергались репрессиям, но именно этим людям красные, в значительной степени, обязаны своей победой в войне. Помимо них еще несколько сотен генштабистов служили в РККА на протяжении только одного из трех решающих лет Гражданской войны.

В заключение представляется уместным привести два высказывания Л.Д. Троцкого. В приказе от 11 августа 1918 г. Троцкий писал: «В полученных мной донесениях указывается, что многие молодые генштабы (то есть “офицеры Генерального штаба” последних выпусков) в недавних боях на Восточном фронте сражались героически. Считаю долгом своим довести об этом до сведения всей страны. Стало быть, старое кадровое офицерство выделило из себя не одних изменников и тушинских перелетов, которые продают себя поочередно каждой из воюющих сторон. Среди молодых “генштабов” немало таких, которых революция связала с рабочим народом и советской властью. Честь им и место. Изменники будут раздавлены, а молодые генштабы будут призваны строить Рабочую и Крестьянскую Красную армию возрожденной России»⁸⁵³.

В другой раз Троцкий отметил: «У нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом, со стороны офицеров, занимавших менее видные посты. Но у нас редко говорят о том, сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава, из-за того, что командир полка не сумел наладить связь, не выставил заставы или полевого караула, не понял приказа или не разобрался по карте. И если спросить, что до сих пор причинило нам больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ»⁸⁵⁴.

Красная армия численно росла и набиралась опыта в ходе войны. Ее вожди, поставив себе на службу десятки тысяч военных специалистов и в их числе сотни специалистов Генерального штаба, несмотря на все издержки, в том числе массовые измены военспецов, отсутствие опыта у новых красных командиров, сумели, соединив старый опыт и новые методы управления, «железом и кровью» создать мощную и эффективную вооруженную силу, которая в итоге одержала победу в Гражданской войне.

---

⁸⁵³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.

⁸⁵⁴ *Троцкий Л.* Военные специалисты и Красная армия // Военное дело. 1919. 21 янв. № 2 (31). С. 67.

Генштабисты и продовольственные спекуляции в 1919 г.*

Политика «военного коммунизма» и продовольственная диктатура нередко приводили к разнообразным злоупотреблениям в связи с нехваткой продуктов питания. Особенно остро ограничения военного времени ощущали представители элиты, привыкшие к совсем другому образу жизни до мировой войны и революции. Возможно, не случайно именно с близкими к высшему советскому военному руководству военными специалистами весной 1919 г. произошел один из ярких скандалов, связанных с попыткой контрабанды большого количества дефицитных продуктов.

Главными фигурантами этого дела оказались достаточно приметные в советской военной иерархии личности: родной племянник советского главнокомандующего Иоакима Иоакимовича Вацетиса — 24-летний бывший прапорщик Эрнест Иванович Вацетис, служивший адъютантом у своего дяди, а также состоявший для поручений при Вацетисе 30-летний выпускник ускоренных курсов академии Генштаба бывший капитан Евгений Иванович Исаев. Оба были впоследствии арестованы по «делу» Полевого штаба РВСР.

Начало этой истории относится еще к марту 1919 г., когда из Риги в Двинск прибыли три вагона с разнообразным имуществом. Содержимое вагонов 13 марта было поручено досмотреть коменданту штаба армии Советской Латвии Ухенбергу и секретарю политотдела РВС Кисису. В вагоне № 528, находившемся в распоряжении советского главкома (в котором ехал в качестве начальника вагона его племянник), Ухенберг обнаружил нечто, глубоко его поразившее.

Если верить акту о конфискации, датированному 16 марта, в вагоне перевозили: 500 пачек спичек и 554 отдельных коробки, 31 разбитую коробку спичек, 122 пачки большого и 14 пачек малого размера цикория-ванили, 240 колод русских и 463 колоды германских игральные карты, 7 $\frac{3}{4}$ фунта русского чая, 12 $\frac{1}{2}$ фунта плиточного чая, 46 пачек шнурков для ботинок по 72 пары (всего 3312 пар), 5 пачек туалетной бумаги, около 3 фунтов сахарного песка, около 3 фунтов кофе, сверток с сушеными овощами около фунта, 12 пачек сахарина, 80 фунтов германского кофе-суррогата, $\frac{1}{4}$ фунта солодового кофе, 3 большие банки томата, банку казенных консервов, 15 бутылочек искусственного меда, 2 коробки сливочных

---

* Впервые опубликовано: Родина. 2011. № 3. С. 109–110.

конфет, 5 фуражек, 26 полубутылок коньяка, одну полубутылку зубровки, 447 бутылок шампанского (разбито 4), 25 бутылок красного вина, 43 бутылки коньяка, около 60 фунтов сливочного масла, 7 свертков с мукой, крупным горохом и жженым ячменем для кофе⁸⁵⁵. Думается, содержимое вагона способно поразить размахом не только живших в голодном 1919-м, но и наших современников.

Интересно, что нормы вывоза из Советской Латвии в РСФСР тогда составляли: фунт сахара, 5 фунтов мяса, 3 фунта масла, 10 фунтов хлеба или 7 фунтов муки, 1/8 фунта чая, 1/2 фунта какао. Также разрешалось вывозить одежду: пальто или шубу, 3 костюма, 6 комплектов белья, 2 пары обуви, 3 шляпы и 4 галстука. Между прочим, вывозимая одежда должна была быть ношеной. Женщинам разрешалось провозить 3 лифчика. Книги можно было вывозить только по специальному разрешению. Вывоз мебели и нешитой материи был запрещен. Впрочем, едущие по служебным делам могли брать с собой больше товаров в соответствии с мандатом⁸⁵⁶.

Обнаруженное было конфисковано и доставлено в кладовую при комендантской части штаба армии Советской Латвии, но акт об этом составлен только через три дня после обыска и конфискации. В этом документе по причинам, вероятно, известным только работникам РВС армии Советской Латвии, не были указаны 1000 сигар (впрочем, в одном из документов говорилось, что они не были изъяты⁸⁵⁷, но почему — не указано). Также первоначально указывалось, что в вагоне везли 12 ящиков спиртного. Весь ли провозившийся алкоголь был перечислен в акте при счете не по ящикам, а по бутылкам — опять-таки неизвестно.

Началось расследование. Э. Вацетис и Исаев обвинялись «в незаконном провозе ненормированных предметов со спекулятивной целью»⁸⁵⁸ поскольку документов на право вывоза всего этого богатства у них не оказалось. Чтобы избежать суровой ответственности за спекуляцию, оба фигуранта дела перешли в наступление, упирая в том числе на свои связи на самом верху советского военного руководства.

Уже в день обыска Исаев отправил телеграфную жалобу председателю РВС армии Советской Латвии К.Ю.Х. Данишевскому, в которой указал, что при обыске у него исчезли красный бумажник с 7300 руб. казенных денег и две секретные бумаги доклада по командировке главкому Вацетису⁸⁵⁹. «Пострадавшие» жаловались на «повальный» обыск и конфискацию, причем даже пытались дать законное объяснение наличию у них перевозившихся запасов. В частности, утверждалось, что вино они везли для профилактики эпидемий в Серпухове, где располагался Полевой штаб РВСР, масло покупалось совершенно открыто в присутствии милиции по пути. В одном из документов прямо говорилось, что это были «припасы, купленные при совершенно свободной торговле и для законных

---

⁸⁵⁵ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 8.

⁸⁵⁶ Там же. Л. 57.

⁸⁵⁷ Там же. Л. 23.

⁸⁵⁸ Там же. Л. 1а.

⁸⁵⁹ Там же. Л. 13.

потребностей»⁸⁶⁰. Более того, Э. Вацетис и Исаев требовали все изъятое доставить в Серпухов⁸⁶¹.

Эти заявления явно противоречили происходившему при обыске, когда пассажиры отказывались от вещей⁸⁶², «никто вообще не назывался хозяином вещей, которые с целью утайки от Контроля были запрятаны под матрасами, запакованы на дне ящиков, корзин и т.д.»⁸⁶³. По одной из версий, при обыске и вскрытии купе Исаева присутствовал только Вацетис. Самого Исаева не было, бумажник Исаева при этом не был похищен. К тому же никаких заявлений о незаконности действий властей непосредственно при обыске сделано не было. Несколькими очевидцами утверждали, что Вацетис при обыске в купе Исаева тоже не присутствовал⁸⁶⁴. Это же подтверждал и он сам⁸⁶⁵.

Э. Вацетис и Исаев путались в показаниях: то заявляли, что продукты и товары нужны были для питания служащих поезда, то для солдатской лавочки 5-го латышского стрелкового полка, располагавшегося в Серпухове для охраны Полевого штаба. При этом не упоминались ни мешок шнурков, ни корзина с картофельными колодами. Позднее утверждалось, что карты приобрел для своих нужд проводник⁸⁶⁶.

17 апреля по этому делу раньше других был допрошен Исаев. Он показал следующее: «Я был командирован главкомом Вацетисом в Ригу 4/III в вагоне, представленный⁸⁶⁷ мне № 528 и платформа с автомобилем. В Ригу я прибыл 8 или 9 марта по выполнению определенных военных заданий. В Риге пробыл 3 дня мой вагон с Э. Вацетисом, адъютант[ом] главком[а], т. Вал[ь]тер, 4 чел. охраны, 2 шофера и 2 проводника, кроме этих людей в вагоне ехал заведывающ[ий] хозяйст[вом] 5 полка Лапшевский и с ним несколько человек, ехали с согласия главкома. Вагон со всем[и], кроме меня, двинулся из Риги 12/III и остановился по приезде в Двинск на одни сутки, дожидаясь моего приезда, я же задержался в Риге делами службы.

По приезде в Двинск мне доложили, что в вагоне № 528 был обыск и отобрано все принадлежащее ехавшим.

Из всего отобранного мне принадлежали 37 фунтов масла — куплено для поезда главкома и лежало у меня в купе, кроме того, не оказалось в моем купе после обыска коробочки конфет в $\frac{1}{4}$ фунта.

Из вещей, отобранных у меня, больше ничего не взято. Но не нашел у себя в купе по моем возвращении после обыска 7300 р. (семь тысяч триста рублей) в красном бумажнике, в котором, кроме денег, были бумаги всякого рода (удостовер[ения], тел[еграфные?] квитанц[ии], фотогр[афия] отца), все это: бумажник, документы и деньги в нем исчезли, безусловно, благодаря обыску, кроме того, вместе с бумажником хранились секретные документы, которых также не оказалось. Должен указать, что за 6 часов до отправки вагона из Риги явился

---

⁸⁶⁰ Там же. Л. 19об.

⁸⁶¹ Там же. Л. 20.

⁸⁶² Там же. Л. 53об.

⁸⁶³ Там же. Л. 23.

⁸⁶⁴ Там же. Л. 35об., 37об.

⁸⁶⁵ Там же. Л. 40.

⁸⁶⁶ Там же. Л. 60об.

⁸⁶⁷ Так в документе.

ком[иссар] внут[ренних] дел (фамилию не знаю) и, обратившись к Э. Вацетису, заявил, что он должен осмотреть вагон. Вагон им был осмотрен, и явившиеся сомнения в законности провозимых вещей им были разрешены совмест[ным] посещ[ением] с Э. Вацет[исом] продов[ольственного] отдела, после чего он, извинившись за беспокойство, не препятствовал движению вагона.

Косвенно я знаю, что вино, приобретенное Э. Вацетисом через продовольствен[ный] отдел г. Риги, предназначалось для поезда главкома по случаю распрост[ранения] эпидемии и помощи лечебным заведениям г. Серпухова.

Также знаю, что заведыв[ающий] хозяйст[вом] 5 полка тоже что-то закупил для солдатской лавки 5 полка.

По своем возвращении в купе вагона я нашел картину сплошного хаоса — все было, видимо, перерыто, как будто в каждой щели подозревался нелегальный груз, несмотря на то, что им категорически было указано оставить, ввиду моего отсутствия, мое купе в покое»⁸⁶⁸.

Председатель РВС армии Советской Латвии и председатель Ревтрибунала Республики К.Ю.Х. Данишевский секретно телеграфировал члену РВСР С.И. Аралову 7 апреля 1919 г.: «Передаю на Ваше усмотрение материал по поводу обыска в вагоне Исаева⁸⁶⁹. Ясно, что в данном случае имеем дело с попыткой воспользоваться именем и поручением главкома для приобретения вещей, не подлежащих вывозу из Латвии, и вообще использовать положение в корыстных целях⁸⁷⁰. Говорить в данном случае, что шампанское и коньяк приобретены для борьбы с эпидемией, смешно. Игральные карты и пр., наверное (в старом значении этого слова — наверняка. — А.Г.), не приобретались и для лавочки 5го полка, и мне кажется, что во всем этом деле 5ый полк служит только ширмой. Вам лучше, чем кому бы то ни было, известно, для чего и для кого предполагались вина, кто виновен в вывозе карт и прочего, это должно выяснит[ь] следствие. Не заслуживает внимания заявление Исаева и др. о краже и грабежах при обыске. Обыск был произведен только коммунистами под их личной ответственностью. Что бы Вы им [ни] сделали с этим делом, но Эрнест Иванович должен быть удален из Серпухова. Ему не место около главкома. Всего хорошего»⁸⁷¹.

Эта телеграмма Данишевского вполне сочетается со следующим отрывком из письма главкома Вацетиса В.И. Ленину от 22 сентября 1919 г. в период ареста первого: «Доможиров⁸⁷², приехав в Двинск, сказал, что туда же едет мой племян-

⁸⁶⁸ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 41об.–42об.

⁸⁶⁹ Здесь и далее — подчеркнуто красным карандашом, видимо, Араловым.

⁸⁷⁰ Со слова «попыткой» и до конца предложения подчеркнуто также и синим карандашом.

⁸⁷¹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 2–3.

⁸⁷² Доможиров Николай Николаевич (31.10.1886–1922) — военный специалист РККА. Участник Первой мировой войны. В 4-м мортирном артиллерийском дивизионе. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу 23.03.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийскому главному штабу № 18 от 27.06.1918. В РККА добровольно с весны 1918 г. Участник Гражданской войны. Начальник отделения связи штаба Северного участка и Петроградского района завесы. Консультант оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Начальник штаба Северного фронта (21.10.1918 (фактически — 30.10.1918) – 19.02.1919). Начальник штаба Западного фронта (19.02–26.05.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. Арестован без предъявления обвинения (02/03.07–07.11.1919). В распоряжении главкома. Заведующий Рязанскими пехотными курсами. Начальник 22-х Курских пехотных курсов (1921). Умер от тифа.

ник и чуть не на место тов. Данишевского, бывшего там председателем Реввоенсовета. Конечно, это вызвало целую бурю неудовольствия среди политических работников бывшей армии Латвии и соответствующие против меня шаги, т.е. интриги, вызвавшие на этой почве подозрения по моему адресу»⁸⁷³. Таким образом, Карл Данишевский был последовательным противником Эрнеста Вацетиса, а, возможно, также и его дяди. Главком Вацетис, судя по его неопубликованным мемуарам, в свою очередь, с трудом терпел Данишевского и готов был взвалить на него вину, кажется, за все — от разгульной жизни и сдачи Риги в мае 1919 г. до клеветы на главкома и троцкизма⁸⁷⁴.

В защиту пострадавших еще 19 марта 1919 г. выступил начальник Полевого штаба Ф.В. Костяев. 30 апреля на помощь пришел и главком Вацетис, сообщивший председателю трибунала при РВСР Аралову, что культурные вина отпускались для санитарной части поезда главкома по его приказу правительством Советской Латвии безвозмездно (думается, не последнюю роль здесь играли личные связи Вацетиса и его латышское происхождение) для лечения тифа и испанки. Вацетис отметил, что в Риге все было осмотрено и разрешено к вывозу. В Двинске же по распоряжению штаба армии Латвии на основании предписания члена РВСР армии Советской Латвии А.Э. Даумана вина были отобраны. Вацетис просил истребовать вина обратно⁸⁷⁵. Рассмотрение дела затянулось до августа 1919 г., оно шло параллельно с арестами в Полевом штабе в мае–июле 1919 г. и со следствием по «делу» Полевого штаба РВСР.

1 мая 1919 г. следствие во главе с военным следователем С.В. Пузицким было вынуждено констатировать, что закупки вина действительно шли для солдатской лавки 5-го полка и поезда главкома Вацетиса и не являлись спекуляцией. Возможно, это решение было вынесено под влиянием вмешательства главкома⁸⁷⁶.

Что же с остальным конфискатом? Следователь подошел к этому вопросу основательно. В частности, 7 мая он навел справки у врача Полевого штаба, являлись ли лечебным средством коньяк и шампанское⁸⁷⁷. Врач сообщил, что коньяк полезен при слабости и упадке питания, а шампанское — при тяжелых заболеваниях, где имелаась сердечная слабость⁸⁷⁸.

В итоге дело кончилось ничем. Уже 24 июня сам обыскивавший вагон Ухенберг был привлечен к ответственности. 7 августа 1919 г. Ревтрибунал постановил, что при обыске им были нарушены элементарные правила, в результате чего виновных в злоупотреблениях обнаружить не удалось. Это было поставлено ему на вид, а дело прекращено⁸⁷⁹.

Бытовая сторона жизни военспецов в Советской России эпохи Гражданской войны оставалась неудовлетворительной, что и вело к подобным злоупотреблениям. Эта история не повлияла на положение главкома Вацетиса, с которым были

---

⁸⁷³ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 3. Публикацию документа см.: Жалобы арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? / Публ. А.В. Ганина // Родина. 2011. № 2. С. 42–43. Документ также публикуется в настоящем издании.

⁸⁷⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–5.

⁸⁷⁵ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 44.

⁸⁷⁶ Там же. Л. 50об.

⁸⁷⁷ Там же. Л. 52.

⁸⁷⁸ Там же. Л. 52об.

⁸⁷⁹ Там же. Л. 68.

тесно связаны фигуранты дела. Участь главкома, его племянника и генштабиста Исаева была предрешена в связи с «делом» Полевого штаба, в рамках которого все они были арестованы в июле 1919 г. На фоне ожесточенной борьбы группировок в советском военно-политическом руководстве история с возможными, но труднодоказуемыми злоупотреблениями в окружении главкома оказалась не столь значимой и отошла на второй план.

Сохранение реликвий русской военной истории в академии Генерального штаба в годы революции и Гражданской войны 1917–1922 гг.*

До революции множество реликвий русской военной истории бережно сохранялось в Императорской Николаевской военной академии. Немалая их часть связана с именем великого русского полководца А.В. Суворова. Именно при академии (тогда еще носившей название Николаевской академии Генерального штаба) 13 ноября 1904 г. был открыт Суворовский музей⁸⁸⁰. Годовой бюджет академии 1918 г. предусматривал выделение 15 000 руб. на содержание Суворовского музея и Суворовской церкви⁸⁸¹. На издание диссертаций, военно-научных трудов и печатные работы выделялось 50 000 руб.⁸⁸² Заведующий Суворовским музеем назначался по выбору начальника академии из профессорско-преподавательского состава и получал за эту деятельность прибавку в 100 руб. к окладу⁸⁸³. Однако помимо Суворовского музея академия владела многими другими уникальными коллекциями.

Революционная смута поставила под угрозу реликвии русской военной истории, хранившиеся в академии и ее музеях. Достаточно отметить, что некоторое время спустя после большевистского переворота в Петрограде в стенах академии размещался отряд революционных матросов из Гельсингфорса, который оставил после себя варварское опустошение. Как вспоминал ординарный профессор академии Генштаба генерал-майор М.А. Иностранцев, были уничтожены уникальные групповые фотоснимки выпускников академии⁸⁸⁴. Интересно, что матросы не тронули портрет Петра Великого, якобы как создателя флота, но уничтожили портрет прежнего начальника академии генерала Д.Г. Щербачева⁸⁸⁵.

Свидетельство Иностранцева в целом подтверждается в воспоминаниях экстраординарного профессора академии Генштаба генерал-майора П.Ф. Рябикова: «Тяжелым моментом для академии было ее занятие на несколько дней каким-то

* Впервые опубликовано: Суворов в Измаиле: 220 лет: Мат. междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 166–184.

⁸⁸⁰ Кузьмин А. Суворовская память. Музей великого полководца // Родина. 2010. № 11. С. 54.

⁸⁸¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

⁸⁸² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 174об.

⁸⁸³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 21. Л. 5об. Для сравнения, оклад начальника академии в июне 1918 г. составлял 1000 руб. в месяц, штатный преподаватель получал 700 руб., минимальное жалование сторожа — 150 руб.

⁸⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 266.

⁸⁸⁵ Там же. Л. 267.

морским отрядом. Когда можно было вновь начать занятия — помещение академии оказалось в загаженном виде, все портреты и картины изрезанными⁸⁸⁶, группы всех выпусков, висевшие в собрании, были уничтожены, музей гр[афа] Милютина разграблен... Тащили, глав[ным] образом, медали. К счастью, дневники гр[афа] Милютина и его фельдмаршальский жезл оказались в исправности»⁸⁸⁷. Рябиков также отметил, что «портрет Наследника Вел[икого] Князя Алексея Николаевича служил бандитам в виде стола для еды; он был весь изрезан и залит пищей. Все группы выпусков академии, висевшие в офицерском собрании академии, были изорваны. Кое-что было украдено и из академического музея...»⁸⁸⁸

Коллекции разделили непростую судьбу академии в годы Гражданской войны. Академия в 1918–1922 г. эвакуировалась трижды: из Петрограда в Екатеринбург, затем в Томск и через Харбин во Владивосток. Вместе с отступавшими белыми войсками мемуары графа Д.А. Милютина, библиотека генерала Н.Н. Обручева и другие ценнейшие материалы проделали весь путь до Тихого океана. Эвакуации, конечно, не способствовали качественному хранению документов и вещей.

Удивительно, как в подобных условиях коллектив сотрудников и слушателей академии сумел сберечь эти бесценные коллекции. Более того, несмотря на все трудности, в академии велись учебные занятия и научно-исследовательская и издательская работа. Стоит отметить, что даже в мае 1918 г. в революционном Петрограде слушатели академии собирали деньги (по 9 руб.) на содержание причта Суворовской церкви, перевезенной в бывшую столицу из села Кончанского⁸⁸⁹. И это при том, что Суворов считался новой властью контрреволюционным царским генералом, подавлявшим крестьянскую войну Е.И. Пугачева, а лица, собиравшие деньги на увековечение его памяти, могли восприниматься как нелояльные элементы.

До октября 1917 г. академия не могла получить ящики и упаковочный материал для вывоза своего имущества⁸⁹⁰. Для перевозки только наиболее ценных предметов академии было необходимо 30 вагонов. Первоначально предполагалось вывезти из Петрограда Суворовский музей и библиотеку в Москву, в отдел московского архива или в Кремль, где им была бы обеспечена высокая сохран-

⁸⁸⁶ Оставили лишь портрет Петра Великого, так как он был «без погон» (примеч. П.Ф. Рябикова).

⁸⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 45. Л. 80б. Наследники Милютина пожертвовали академии награды фельдмаршала и его знаки отличия. При этом на фельдмаршальском жезле Милютина крупные бриллианты были заменены искусственными камнями, подлинными остались лишь изумруды и украшения в виде розочек. Также в собрании академии хранились принадлежавшие Милютину цепь ордена Св. Андрея Первозванного из 17 звеньев с застежками, лента ордена, бриллиантовая звезда ордена Св. Александра Невского, бриллианты на которой также были заменены искусственными камнями, ордена Св. Владимира 1-й ст., Св. Владимира 2-й ст. с мечами и звезда ордена, орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами, крест и звезда ордена Св. Георгия 2-й ст., знак ордена Белого Орла, звезда ордена Св. Анны, орден Св. Станислава 3-й ст. с мечами, медали: большая золотая императора Александра II; серебряные: за покорение Западного Кавказа, за покорение Чечни и Дагестана, за взятие Ахульго; золотые: за войну 1853–1856 гг., за войну 1877–1878 гг., а также золотой футляр к грамоте графа П.Д. Киселева (дяди Милютина) и печать к нему (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 141об.).

⁸⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 114.

⁸⁸⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 90. Ктитором церкви был до 16 сентября 1917 г. начальник академии Генштаба полковник А.И. Андогский (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 92).

⁸⁹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 319.

ность⁸⁹¹. Однако эти планы остались нереализованными. В Москве были оставлены: библиотека С.Д. Масловского (Мстиславского — библиотекаря академии, 18 ящиков), библиотека генерала Б.В. Геруа (4 ящика), библиотека Вегенера (1 ящик), книги отсутствовавших офицеров (1 ящик), портрет генерала М.И. Драгомирова кисти И.Е. Репина (1 ящик)⁸⁹².

Между тем вопрос сохранности уникальных коллекций вызывал беспокойство уже осенью 1917 г. Так, 11 октября 1917 г. дочь фельдмаршала Д.А. Милютина Ольга Дмитриевна писала начальнику академии: «Милостивый государь! К сожалению, я не имею чести быть с Вами лично знакомой, но фамилия моя, вероятно, знакома Вашему Превосходительству. Вы тоже знаете, что Военная академия 5 лет тому назад приняла на хранение и для издания рукописи моего покойного отца.

Ввиду опасности, угрожающей Петрограду от врага, я беспокоюсь за сохранность этих бумаг и решила обратиться к Вам с просьбой сообщить мне Ваше мнение⁸⁹³ по этому вопросу и предложить Вам: не найдете ли Вы полезной и исполнимой перевозку бумаг в Москву.

На всякий случай я заручилась согласием директора моск[овского] Румянцевского музея, который выразил полное согласие взять на сохранение архивы отца, в особенности его “Дневник” и “Воспоминания”.

В ожидании Вашего благосклонного ответа прошу Ваше Превосходительство принять выражение моего глубокого уважения. Мое постоянное жительство — Москва и Московская губ[ерния]. Графиня Милютина⁸⁹⁴.

Весной 1918 г. академия эвакуировалась из Петрограда в Екатеринбург. Перед академическим начальством стояла сложная задача вывоза огромного имущества. В конце концов из Петрограда вывезли фундаментальную библиотеку и архив фельдмаршала Д.А. Милютина, часть библиотеки генерала Н.Н. Обручева, герцога Лейхтенбергского и др. В Петрограде осталось недвижимое имущество — здания академии, Суворовского музея и Суворовской церкви. Церковь впоследствии была варварски уничтожена. В связи с эвакуацией наблюдение за Суворовским музеем в мае 1918 г. было возложено на священника Суворовской церкви отца Подосенова⁸⁹⁵. К сожалению, в документах академии нет однозначных указаний на то, был ли эвакуирован из Петрограда Суворовский музей. В некоторых документах он упоминался среди эвакуированного имущества (но, в отличие от других архивов и музеев, без указания объема коллекции), в некоторых — нет. Есть основания предполагать, что на восток страны он все же эвакуирован не был.

Каков был приблизительный размер имущества академии, подлежавшего эвакуации? Одна только фундаментальная библиотека академии включала 8500 пудов (или свыше 139 тонн) книг, рукописей и карт (всего 9 вагонов)⁸⁹⁶. В переезжавшей с места на место академии имелся склад учебных пособий (20 000 томов в 193 ящиках), склад топографических карт для обучения, собственная типогра-

---

⁸⁹¹ Там же. Л. 303.

⁸⁹² Ныне в собрании Государственного исторического музея (Москва).

⁸⁹³ Подчеркнуто синим карандашом одним из читателей.

⁸⁹⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–2.

⁸⁹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

⁸⁹⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 306.

фия для печатания пособий, трудов и программ, музей геодезических инструментов (176 ящиков, 123 тюка и 2 места), Суворовский музей, Милютинский музей, академический музей и общий архив академии со дня ее основания (39 ящиков). В годы Гражданской войны в академии шел сбор архива «освободительной войны» против большевиков. Архив этот занимал 21 ящик.

Фундаментальная библиотека академии насчитывала до 200 000 томов военно-научных работ практически на всех языках мира и считалась одной из обширнейших и лучших военных библиотек мира. В библиотеке имелось 100 ящиков книг по военной истории, 22 ящика книг по военному искусству, 17 ящиков с томами журнала «Военный сборник», 9 ящиков библиотеки Квиста, 6 ящиков библиотеки герцога Лейхтенбергского, 10 ящиков библиотеки Екатерины II, 71 ящик библиотеки графа Милютина (15 000 томов⁸⁹⁷), 9 ящиков различных уставов, 6 ящиков описаний военных округов, 4 ящика с карточным каталогом, 4 ящика с материалами канцелярии, ящик с печатным каталогом, 5 ящиков газет «Русский инвалид» и «Русская армия» (за 1917–1918 гг.), а также «Солдатской библиотеки», выделенной из общей в 1917 г. под влиянием текущего политического момента, и, наконец, ящик с подшивками газеты «Русский инвалид» за 1912–1916 гг. Академия также хранила диссертации профессоров и их лекции. Всего библиотека насчитывала 264 ящика⁸⁹⁸. По одной из оценок, «эти книги помимо военной и библиографической ценности имеют громадное культурное значение, являясь в будущем социалистическом государстве незаменимым пособием при изучении империализма и милитаризма»⁸⁹⁹.

Интересно, что летом 1918 г. библиотеку и музеи академии не вывезли из Екатеринбурга в Казань, как того требовали большевики, поскольку руководство академии заявило, что вывезти это ценное имущество в короткий срок не представляется возможным, и использовало такой предлог, чтобы оставить в академии часть сотрудников в преддверии подхода к городу антибольшевистских сил. После занятия Екатеринбурга белыми академия переехала в Томск. По свидетельству Генштаба генерал-майора П.Ф. Рябикова, «новое переселение теперь уже всей академии с фундаментальной библиотекой производилось весело, бодро, так как избавившиеся от большевицкого кошмара, — мы все стремились скорее приступить к работе, столь теперь нужной и имевшей такой ясный, определенный и идейный смысл»⁹⁰⁰.

К сожалению, сложная работа по сохранению академического имущества не всегда находила должное понимание среди руководителей антибольшевистских сил. Так, например, Генштаба генерал-лейтенант В.В. Рычков с немалой долей ехидства писал в 1919 г. в газете «Свободное слово»: «Генерал Андогский и члены конференции решили не более, не менее, как эвакуироваться на Дон в пульмановских вагонах, захватив с собой обширнейшую академическую библиотеку и, как мы узнаем ниже, жен и детей, а быть может, — сторожей и полотеров. Что

---

⁸⁹⁷ Христиани Г.Г. Предисловие // Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск, 1919. Т. 1. Кн. 1–3. С. XI. Современное переиздание: Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 473.

⁸⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 48–48об.

⁸⁹⁹ Там же. Л. 31.

⁹⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 125об.

же, если спасти государственное учреждение, так спасти как следует. Поистине колоссальное предприятие. Но вот вопрос — следовало ли так осложнять дело? Я отвечаю: нет. И вот почему. Россия гибнет. Бандиты заливают ее кровью, распродают оптом и в розницу, подвергают неслыханному унижению. В такой момент государственного бедствия каждый честный гражданин, а воин и подавно, просто берется за оружие, бросает жену и детей, имущество и идет биться со врагом, попирающим высшую для него ценность — Россию. Действительно, если России суждено погибнуть, то для чего нам библиотека академии Генерального штаба? Если же, в чем мы все глубоко убеждены, она возродится, то библиотеку (пусть даже она погибнет до последней книги) вновь соберем. Ведь публичные библиотеки в Петрограде и Москве существуют, и большевики, несмотря на свое варварство, их не трогают. Словом, жила бы Россия, а книги найдутся. Быть может, по мнению генерала Андогского и членов конференции, генералу Алексееву, отправлявшемуся на Дон для формирования Добровольческой армии, следовало захватить с собой и Главный штаб с его архивом и библиотекой, еще более обширной, чем академическая. Но чудак-старик взял да поехал один, а библиотеку оставил в Петрограде. Так делают простые честные люди, для которых Родина не пустой звук. Так сделал великий патриот, гордость нашей армии Михаил Васильевич Алексеев, имя которого каждый честный русский будет произносить с непокрытой головой»⁹⁰¹.

Хранение и перевозка коллекций требовали строгого учета и контроля. По всей видимости, должной строгости в этом вопросе не было. Так, описи имущества были составлены еще в Петрограде. За время переездов возможности проверить все вывезенное не было, тем более что часть имущества хранилась в закрытых ящиках, часть в футлярах, а часть без ничего. Не имелось акта о разграбленном в Петрограде матросами имуществе. Так, в 1919 г. возник вопрос о местонахождении переписки фельдмаршала Д.А. Милютина о Ставропольской земле. Предполагали, что она находится где-то среди бумаг. Ответственным за сохранность этих материалов был исполняющий должность библиотекаря штабс-капитан А.С. Дружинин.

В 1919 г. функционировала специальная комиссия для разбора академического архива под председательством Генштаба полковника Г.Т. Киященко, а затем Генштаба подполковника Г.В. Солдатова⁹⁰². Солдатов занимался приведением в порядок имущества геодезического кабинета, академического музея и Суворовской церкви⁹⁰³. Генштаба генерал-лейтенант Г.Г. Христиани до 16 августа 1919 г. отвечал за музей академии, Милютинский музей, склад топографических инструментов и вещей, принадлежавших Суворовской церкви.

Имущество Суворовской церкви было заключено в 7 ящиков. Среди прочего там были сосуды, изготовленные из серебряных венков, возложенных на гроб Милютина⁹⁰⁴. Кроме того, были вывезены два колокола церкви⁹⁰⁵. По данным на весну 1920 г., архив академии и Гражданской войны занимал три вагона, или

⁹⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 44–45.

⁹⁰² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 143.

⁹⁰³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 108.

⁹⁰⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 4. Л. 223.

⁹⁰⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 391–392.

120 мест, библиотека — 10 вагонов, или 633 места, склад учебных пособий — 3 вагона, или 193 места, музеи и склад топографических карт — 3 вагона, или 300 мест, типография — 10 вагонов⁹⁰⁶.

Именно с пребыванием в Томске связана наиболее плодотворная научная и учебная работа академии в годы Гражданской войны. Несмотря на тяжелейшие условия, сотрудники академии занялись изданием воспоминаний военного министра графа Милютин. Произошло это примерно за 80–90 лет до того, как уже в наши дни мемуары Милютина были полностью переизданы под редакцией профессора Л.Г. Захаровой.

Право издавать свои воспоминания Милютин по завещанию передал академии Генштаба. Между прочим, начальник академии Генштаба генерал-майор А.И. Андогский сказал на заседании конференции академии 29 октября 1918 г.: «На академии лежит крупный долг... издать мемуары ген[ерала] Милютина; нет никаких оснований приостанавливать их печатание; в данное время можно было бы приступить к работе, воспользовавшись любезным предложением заслуженного ординарного профессора ген[ерал]-лейтенанта Христиани взять на себя труд по корректуре»⁹⁰⁷. Отметим, что генерал Григорий Григорьевич Христиани возглавлял в академии кафедру военной статистики, основанную еще самим Милютиным. В ноябре 1918 г. на заседании конференции академии в Томске уже говорилось о начале набора воспоминаний для подготовки их к печати.

Однако издатели сразу столкнулись со сложностями. Дело в том, что мемуары Милютина хранились хаотично, и за три недели до 3 декабря 1918 г. не было подано ни одного листа корректуры. Занимался этим Генштаба подполковник Солдатов⁹⁰⁸. Конечно, налаживанию работы мешали чрезвычайные условия Гражданской войны и неоднократные эвакуации. Тем не менее надо отдать должное преподавателям академии, которые вместо того, чтобы заниматься элементарным выживанием в тех условиях, находили возможности для ведения научной работы.

15 января 1919 г. конференция рассмотрела вопрос о медлительности работы типографии и признала, что «ответственность за медленность издания не может быть отнесена к г[енерал]-л[ейтенанту] Христиани, просить его продолжать редактирование, установив с заведыв[ающим] типографией минимальное число листов, которое ген[ерал] Христиани признает возможным допустить, даваемых в месяц»⁹⁰⁹.

В итоге книга была издана под редакцией Христиани небольшим тиражом в Томске в 1919 г. и охватывала воспоминания с 1816 по начало 1840-х гг. Том включал в себя три книги воспоминаний объемом 435 страниц с чертежами и картами.

Предоставим слово первому публикатору наследия Милютина генералу Христиани. В приказе по академии № 132 от 3 июля 1919 г. он, тогда являвшийся временно исполняющим должность начальника академии, отметил: «25-го января 1912 г. на 96-м году жизни скончался в своем имении Симеиз, на южном берегу Крыма, почетный президент Императорской Николаевской военной академии, генерал-фельдмаршал граф Дмитрий Алексеевич Милютин, оставив род-

⁹⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 34об.

⁹⁰⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 47.

⁹⁰⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 23. Л. 141.

⁹⁰⁹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 6–6об.

ной академии обширную библиотеку, архив и обстановку своего исторического кабинета. В марте того же года была командирована в Крым комиссия от академии под председательством начальника академии генерал-лейтенанта Щербачева для принятия от наследниц-дочерей покойного всего оставленного им академии. Комиссии были переданы: библиотека, архив, различные документы и мемуары графа, состоявшие из 32 книг, из коих первые 20 носили название “Воспоминания”, а последние 12 — “Дневник”. Право издания “Воспоминаний” и “Дневника”, согласно воле Дмитрия Алексеевича, принадлежало академии. Кроме сего, дочери покойного передали комиссии обстановку кабинета своего знаменитого родителя и деньги на основание при академии типографии, как того желал покойный. Академия, с[о] своей стороны обязалась в возможно непродолжительное время издать в этой типографии “Воспоминания” и “Дневник” графа, а затем и архив его. Относительно издания мемуаров графом выражено было лишь одно категорическое требование: ничего не переиначивать, не переделывать, а выпускать (т.е. сокращать. — *А.Г.*), если того потребует цензура, целыми периодами, целыми главами.

К концу 1912 года все оставленное академии имущество графа Дмитрия Алексеевича было водворено в стенах любимой им академии.

Дело печатания “Воспоминаний” осложнилось вопросом о цензуре как общей, так и особенно придворной. Лишь к весне 1914 года новому начальнику академии генерал-лейтенанту Янушкевичу удалось получить обещание некоторых лиц ближайшей государевой Свиты заинтересовать в этом деле Его Величество, дав Государю прочесть некоторые главы “Воспоминаний”, и затем получить непосредственное Его разрешение на печатание мемуаров.

Возникшая летом 1914 года война, а затем вспыхнувшая в феврале 1917 года революция, а также Октябрьский переворот того же 1917 года заставили думать уже не о печатании, а о спасении драгоценных “Воспоминаний” и всего вообще имущества графа Дмитрия Алексеевича. Академия счастлива, что ей удалось перевезти сначала в Екатеринбург, а затем и в Томск все оставленное ей ее покойным почетным президентом.

Осенью 1918 года, когда окончательно выяснился вопрос, что дальнейшей эвакуации академии в ближайшем будущем не предвидится, возникла мысль и о возможности и необходимости приступить к печатанию “Воспоминаний” графа Дмитрия Алексеевича, для издания коих вихрем революции создалось одно крайне выгодное условие — отсутствие цензуры как общей, так и придворной.

Конференция академии в заседании 16/29-го октября 1918 года в Томск[е] в “Доме Науки” постановила приступить ныне же к печатанию “Воспоминаний” и “Дневника” графа Милютина, возложив все работы по редактированию и изданию их на члена Конференции, заслуженного ординарного профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Христиани.

Все издание предположено свести в 10 больших томов, по 400–600 страниц в каждом, всего около 5000 больших печатных страниц.

Печатание 1-го тома началось с конца октября 1918 года. Работа сильно тормозилась тем обстоятельством, что типография все время исполняла срочные заказы Военного министерства по изданию Уставов, Положений, Наставлений и т[ому] под[обного]. И только ныне академии удалось выпустить в свет 1-й том,

закрывающий в себе 1, 2 и 3 книги “Воспоминаний”. Изданием этого тома положено начало печатанию мемуаров графа Дмитрия Алексеевича, полных захватывающего исторического интереса и обнимающих собою почти все 19-ое столетие (1816–1900 гг.).

Занимая в академии кафедру военной статистики, которую, по всей справедливости, создал граф Дмитрий Алексеевич и блестящим представителем которой он был в продолжение 11 лет, я счастлив, что выбор редактора “Воспоминаний” и “Дневника” графа Милютин пал на меня, и счастлив, что в чрезвычайно трудной современной обстановке типографского дела мне удалось ныне выпустить 1-й том мемуаров этого замечательного человека, неизменного благожелателя и искреннего друга нашей академии. Изданием 1-го тома положено начало выполнению академиею взятого на себя обязательства постепенного печатания и издания “Воспоминаний”, “Дневника” и “Архива” своего покойного почетного президента⁹¹⁰.

В настоящее время это издание является библиографической редкостью. В 1979 г. оно было перепечатано в США. В 1920 г. Христиани продолжал работу над изданием воспоминаний Милютин⁹¹¹. В предисловии к изданию первого тома он отметил, что предполагалось опубликовать «Воспоминания» и «Дневник» Милютин, а после этого и весь его архив⁹¹², что не сделано до сих пор, а в условиях Гражданской войны было просто невозможно.

В советское время попытки публикации наследия Милютин предпринимались неоднократно⁹¹³, но увенчались успехом только в наши дни. Факт первой публикации воспоминаний Милютин именно офицерами-генштабистами в чрезвычайных условиях Гражданской войны свидетельствует об их высочайшем научном и интеллектуальном потенциале.

В Томске летом–осенью 1919 г. вокруг библиотеки академии, а точнее помещения для нее, разразился острый конфликт. В конце августа библиотека была вынуждена освободить второй этаж здания Политехнического училища⁹¹⁴. Из-за свободного места академия постоянно конфликтовала с руководством училища и непосредственно с его директором Д.Н. Невским. Почти год библиотека находилась в этом здании, и все это время директор училища пытался отказывать ей

---

⁹¹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 319–319об.

⁹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 37об.

⁹¹² Христиани Г.Г. Предисловие. С. XII. Современное переиздание: Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843. С. 474.

⁹¹³ Например, такую попытку предпринял генерал-майор (позднее — генерал-лейтенант) М.Д. Бонч-Бруевич (выпускник Николаевской академии 1898 г.) накануне и в годы Великой Отечественной войны. Как отмечал он сам: «Исполняя это задание, я выбирал такие места из “Воспоминаний” и “Дневников”, в которых или непосредственно излагается ход военных событий и действия войск, или которые служат для читателей пояснениями, необходимыми для правильного понимания событий и действий, происходивших много лет тому назад, и при том в том именно значении их, которое имело место в то отдаленное от нас время. Так я понимаю основную данную мне задачу. В силу такого понимания я не задавался целью оценивать выписываемый мною материал с точки зрения каких бы то ни было политических взглядов на исторические события» (РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 7. Л. 9). Тем не менее Бонч-Бруевич так и не довел дело до конца. Позднее часть дневников Милютин опубликовал советский историк П.А. Зайончковский.

⁹¹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 200.

во всем. По данным на июль 1919 г. библиотеку собирались перемещать в здание Коммерческого училища⁹¹⁵.

Ситуация обострилась после того, как постановлением особой комиссии от 16 сентября 1919 г. все здание Политехнического училища было отведено для устройства военного госпиталя на 700–800 коек⁹¹⁶. Библиотека и типография занимали тогда подвал и первый этаж училища. Предлагалось переместить библиотеку в специальное книгохранилище Томского университета, где был свободен целый этаж, а типографию — в дом А.Ф. Второва, где имелась собственная электрическая подстанция постоянного тока.

Белое командование, во всяком случае, его интеллектуальная элита, понимало, что имущество академии бесценно, и выступало против бездумных перемещений библиотеки из здания в здание. 21 сентября 1919 г. главнокомандующий Восточным фронтом Генштаба генерал-лейтенант М.К. Дитерихс телеграфировал командующему войсками Омского военного округа Генштаба генерал-майору А.Ф. Матковскому: «Военная академия должна непрерывно продолжать выполнение возложенной на нее задачи. Охранение ее ценностей ставлю на особое Ваше попечение как генерала Генерального штаба, почему перетаскивание ее имущества с места на место не могу допустить. Учитывая затруднение по расквартированию, допускаю возможность отказаться от роскоши иметь библиотеку в благоустроенном виде, но не вижу надобности в переносе ее в другое здание. О последующем донесите»⁹¹⁷.

Однако эта история получила неожиданное продолжение. Генерал Матковский привел свои доводы, что больные мерзнут и умирают на баржах и пароходах. Он, видимо, ослушался Дитерихса и вновь потребовал от временно исполняющего должность начальника академии Генштаба генерал-лейтенанта Г.Г. Христиани очистить здание библиотеки и типографии академии под госпиталь. После отказа Христиани Матковский на основании Положения о полевом управлении войск в военное время приказом № 176 от 30 сентября 1919 г. по гарнизону Томска снял пожилого генерала с должности. Новым временно исполняющим должность начальника академии стал заслуженный ординарный профессор, Генштаба генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин. На следующий день Христиани пожаловался на произвол в Ставку, где тогда находился и начальник академии Генштаба генерал-майор А.И. Андогский. 1 октября Дитерихс отправил Христиани телеграмму № 592 о том, что перевозка библиотеки академии в другое место отпадает⁹¹⁸. Однако через месяц переезд все-таки произошел, но уже по другим причинам и далеко за пределы Томска.

«Академия треплется как ладья в открытом море; переживает четвертую эвакуацию», — записал в своем дневнике в марте 1920 г. преподаватель академии Генштаба генерал-майор А.Т. Антонович⁹¹⁹. И действительно, в связи с отходом белых 1 ноября 1919 г. из Томска во Владивосток вышел эшелон академии, пе-

---

⁹¹⁵ Там же. Л. 203.

⁹¹⁶ Там же. Л. 204.

⁹¹⁷ Там же. Л. 191–191об.

⁹¹⁸ Там же. Л. 198.

⁹¹⁹ Дневник генерала Антоновича // Голоса Сибири: Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 406.

ревозивший библиотеку, склад учебных пособий, геодезических инструментов, экспедиционный отдел, архивы, музеи, часть типографии и личное имущество высшего учебно-административного состава⁹²⁰. Во втором эшелоне среди прочего перевозились остатки библиотечного имущества.

10 декабря 1919 г. начальник академии Генштаба РККА известный военный ученый, генштабист А.Е. Снесарев написал начальнику Всероссийского главного штаба, что «по полученным сведениям в Омске осталась большая часть богатейшей библиотеки бывшей Николаевской академии Генерального штаба. Библиотека находится сейчас в распоряжении штаба 5-й Красной армии. Прошу срочных Ваших распоряжений о сохранении в целостности и неприкосновенности этой драгоценнейшей библиотеки Республики для Красной академии до прибытия приемщиков от академии»⁹²¹. В дело спасения библиотеки, несмотря на огромную занятость, незамедлительно включился председатель РВСР Л.Д. Троцкий, что весьма показательно и характеризует его с самой лучшей стороны⁹²². Однако беспокойство Троцкого и Снесарева было преждевременным. Библиотеку белые благополучно вывезли во Владивосток. Из штаба 5-й армии сообщили, что о библиотеке ничего не известно, а в Омске захвачена лишь часть топографического отдела белых.

Разумеется, несколько эвакуаций (Петроград — Екатеринбург — Томск — Харбин — Владивосток) не могли пройти для академического имущества безболезненно. Генерал Христиани прямо отмечал, что летом—осенью 1918 г. при переездах академии «приходилось думать уже не о печатании “Воспоминаний” и “Дневника” графа Милютин, а о спасении их, о благополучной перевозке сначала в столицу Урала, а затем и в центр умственной жизни Сибири»⁹²³. Риск гибели всех собраний в переменчивой обстановке Гражданской войны был немалым. Например, в декабре 1919 г. по пути из Владивостока в Харбин, неподалеку от станции Силиньхэ, всего за десять минут сгорел вагон ординарного профессора академии, Генштаба генерал-майора М.А. Иностранцева, следовавшего на фронт. Он с семьей едва успели выскочить, тогда как в вагоне погибло все имущество, деньги и ценная библиотека Иностранцева⁹²⁴.

Первые два эшелона прибыли во Владивосток 8 и 10 декабря 1919 г. Через несколько дней приступили к их разгрузке и перевозке имущества в расположение 36-го Сибирского стрелкового полка на острове Русском. Разгрузкой руководил библиотекарь академии, он же начальник 2-го эшелона штабс-капитан Дружинин. Разгрузка производилась следующим образом: «Эшелоны были поставлены на 16 причал пристани Эгершельд. Ежедневно, а иногда и ночью, приходила артель грузчиков русских или китайцев, вскрывалось несколько вагонов, и грузчики переносили ящики с книгами, тюки с картами, мебель и прочее на баржу. Нагруженная баржа уходила на остров и там разгружалась при помощи матросов, китайцев и австро-германских военнопленных вначале на пристани Подножия, а

⁹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 40об.

⁹²¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1006. Л. 110.

⁹²² Там же. Л. 111.

⁹²³ Христиани Г.Г. Предисловие. С. XVI. Современное переиздание: Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843. С. 476.

⁹²⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 587–588.

затем, когда замерзла бухта Новик, то на пристани Поспелово, откуда на лошадях и грузовом автомобиле все вещи доставлялись в казармы 36-го полка.

Присмотр был недостаточен, рабочие вели разгрузку крайне небрежно, книги из ящиков рассыпались, все имущество подмачивалось водой в барже или дождем и снегом. Ветры и непогода также препятствовали работе»⁹²⁵.

24 марта 1920 г. экстраординарный профессор академии генерал В.Г. Болдырев обратился к командующему военными и морскими силами Приморской области со следующим весьма срочным письмом: «Ввиду предположения о перемещении академии Генерального штаба, ныне находящейся во Владивостоке, на Русском острове, как один из профессоров академии, считаю непременно долгим высказать нижеследующие соображения:

1. Библиотека академии в связи с обширным складом учебных пособий представляется огромной ценностью и редким национальным имуществом России, а посему сохранение его в целости является долгом той власти, на территории которой это имущество осталось.

2. В настоящее время имущество это, за исключением части его, находящейся в Харбине, находится на Русском острове в отличных помещениях, гарантирующих его от порчи и расхищения. При имуществе этом имеется часть учебно-административного состава, располагающего средствами как по охране этого имущества, так и по непрестанному учету.

3. Всякое передвижение сопряжено с неизменной порчей упаковки, а учитывая современные средства транспорта, особенно при движении по Амурской дороге, можно предполагать возможность приостановки этого имущества где-либо в пути, не гарантированной от всяких случайностей, угрожающей целости имущества.

4. Перемещение академии в Хабаровск или, особенно, в Благовещенск диктуется, видимо, опасением захвата академии при возможности политических осложнений, причем указывается, что с академией, может быть, произойдет то же, что и с Военно-топографическим отделом в Хабаровске. Аналогия не вполне правильная. Имущество Военно-топографического отдела, топографические принадлежности [имеют] исключительно военное значение; захват его не только передает в руки захвативших его б[ольшей] ч[астью] секретный военный материал, но и лишает нас весьма ценного пособия в деле обороны нашей охраны (страны), т.е. ослабляет нашу боеспособность. Ничего подобного не представляет имущество академии. Весьма ценные книги и даже пособия в большинстве являются достоянием военных академий всех держав. Часть книг, конечно, представляется ее библиографической редкостью и похищение их являлось бы простым грабежом ценных, но не имеющих значения в военном отношении предметов; что едва ли допустимо.

5. Наиболее целесообразным было бы временно оставить академию здесь, при первой возможности перебросить ее в Иркутск и далее в Петроград, что, конечно, легче сделать через Харбин, воспользовавшись в крайнем случае чешскими отправлениями в Забайкалье до Верхнеудинска, чем загонять ее на Амурскую дорогу при крайне слабой провоз[о]способности этой дороги.

---

⁹²⁵ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 44об.

6. Новая перевозка академии, ныне находящейся на Русском острове, кроме неизбежной порчи имущества, будет стоить и огромных непроизводительных расходов.

7. Безопасность временного оставления академии во Владивостоке в крайнем случае гарантируется от посягательств со стороны наличностью здесь иностранного консульского корпуса.

Ввиду изложенного полагал бы настоятельно необходимым оставить академию в ныне занимаемых вполне удобных и гарантирующих от порчи помещений⁹²⁶ на Русском острове»⁹²⁷. Таким образом, генерал Болдырев выступил за сохранение академии на территории России и возвращение ее в советский центр.

Приказом сухопутным и морским силам Временного правительства Дальнего Востока от 31 марта 1920 г. была назначена комиссия для проверки имущества Военной академии в составе политического уполномоченного (комиссара) при академии Н.П. Дагаева, большевизированных рабочих типографии академии Н.А. Гущина и Б.М. Чудинова и под председательством известного большевика П.С. Парфенова, прославившегося в качестве автора слов песни «По долинам и по взгорьям».

Предполагалось, что комиссия проверит имущество, расположенное как на Русском острове, так и на Первой Речке во Владивостоке. При этом решено было детальной проверки не проводить, ограничившись, в связи с обратной эвакуацией академии, проверкой при выгрузке из зданий Русского острова. При обнаружении повреждений или исчезновения имущества было решено составлять акты. Также программа работы комиссии включала оскорбительный для профессорско-преподавательского состава академии пункт — проверку частного имущества эшелонов академии на предмет наличия государственного имущества⁹²⁸.

Японский переворот 4–5 апреля 1920 г. нарушил планы владивостокских большевиков. Академия задержалась в городе еще на два с лишним года и не была отправлена на советскую территорию. Осенью 1920 г. бывшие члены комиссии Гушин и Чудинов в довольно резкой и ехидной форме изложили свои впечатления от деятельности академического начальства по сохранению имущества: «Все лето почти весь личный состав, за исключением Андогского, как было выше сказано, состоящего членом японо-русской согласительной комиссии, Коханова⁹²⁹ и Слижикова⁹³⁰, также куда-то и довольно часто ездивших, но куда и

---

⁹²⁶ В документе несогласованно — помещений.

⁹²⁷ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 26–26об.

⁹²⁸ Там же. Л. 29–30.

⁹²⁹ Коханов Николай Иванович (07.06.1875–?) — генерал-майор, военный инженер, ординарный профессор Военной академии.

⁹³⁰ Слижиков Аркадий Павлович (05.11.1882–19.05.1940) — сын подполковника, уроженец Могилевской губернии. Окончил Полоцкий кадетский корпус (1901), Павловское военное училище (1903), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1909). Подпоручик (со ст. с 10.08.1903). Поручик (со ст. с 10.08.1907). Штабс-капитан (со ст. с 30.04.1909). Капитан (со ст. с 09.01.1912). Подполковник (со ст. с 15.06.1915; позднее — с 06.12.1914). Полковник (со ст. с 06.12.1916). Генерал-майор (с 1920). На службе с 31.08.1901. В 183-м пехотном резервном Пултусском полку, батальонный адъютант (02.11.1904–29.01.1905). В Лейб-гвардии Кексгольмском Императора Австрийского полку (с 1907). Командир роты Лейб-гвардии Кексгольмского полка (16.10.1909–24.11.1911). Старший адъютант штаба 7-й пехотной дивизии (09.01–03.03.1912). Помощник старшего адъютанта мобилизационного отделения штаба Варшавского военного округа (03.03.1912–18.07.1914). Участник Первой мировой войны. Помощник старшего

зачем — неизвестно, провел в абсолютном ничегонеделании, занимаясь собиранием грибов, рыбной ловлей, свиноводством, птицеводством и другими видами хозяйства, предпринимая экскурсии по острову и получая другие виды дачных удовольствий и развлечений, имея в своем распоряжении автомобиль, экипажи и лошадей, аккуратно получая из государственного казначейства свое содержание, а из интендантства все виды пищевого и вещевого довольствия, ничуть не обременяя себя ни трудом, ни мыслью, [ни] заботами о сохранении “казенного” имущества, которое было в буквальном смысле свалено в сырую, протекавшую сверху и снизу казарму, далеко расположенную от места расквартирования ответственных за это имущество лиц, находясь под присмотром всего нескольких человек.

Только со временем, после детальной ревизии всего имущества академии, можно будет точно установить степень попорченности всей громадной библиотеки, карт и т.д., подвергавшихся влиянию особенностей климата на Русском острове, непрерывным странствованиям из города в город, из помещения в телеги, из телег в вагоны, из вагонов в баржи и т.д., на всем громадном протяжении от Петрограда до Владивостока»⁹³¹.

К сожалению, сейчас уже трудно установить, правы ли были авторы этого документа или же намеренно сгущали краски. Фактом остается лишь то, что бесценное имущество академии в результате Гражданской войны не было вывезено за рубеж, а осталось в России и в целом бережно сохраняется до наших дней в различных архивах, музеях и библиотеках нашей страны. Думается, мы должны быть благодарны тем сотрудникам академии Генерального штаба, которые, несмотря на перипетии Гражданской войны, сумели сохранить наследие русских военных деятелей для будущих поколений.

адъютанта оперативного отделения штаба 2-й армии (18.07.1914–21.05.1915). Старший адъютант военнопенитенциарного отделения штаба 12-й армии (21.05–14.06.1915). И.д. старшего адъютанта отдела генералквартирмейстера штаба 5-й армии (14.06–15.08.1915). И.д. начальника штаба 11-й Сибирской стрелковой дивизии (с 10.09.1915, на 1917). Штатный преподаватель военных наук Николаевской военной академии (с 10.05.1917). Правитель дел Военной академии (с 16.08.1917). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Николаевской военной академии, и штатный преподаватель военных наук (с 15.11.1917). Участник Гражданской войны. На службе в РККА (1918). Член комитета профессорско-преподавательского состава академии (с 22.05.1918). Вместе с Военной академией перешел на сторону антибольшевистских сил. Находился на Восточном антибольшевистском фронте (08.1918–1920). Начальник Генерального штаба Комуча (с 13.08.1918). И.д. помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего (27.09.1918–24.12.1918). Читал курсы тактики пехоты и истории мировой войны на ускоренных курсах 4-й очереди Военной академии (1919). И.о. курсового штаб-офицера Военной академии (с 03.1919). Участник разработки краткого курса тактики для школ прапорщиков (1919). Начальник военно-училищных курсов в Томске (с 04.1919). Вр.и.д. 1-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего (09.08–14.10.1919). И.д. правителя дел Военной академии (с 20.10.1919). Возложено формирование военного училища во Владивостоке (20.08.1920). Начальник военного училища (с 30.10.1920). Уволился из Военной академии (14.04.1921). В эмиграции — в Харбине и Дайрене (Китай). Сотрудничал с Российским фашистским союзом (с 1935). Выступал с докладами. Участник поездки чрезвычайной делегации Российского фашистского союза во главе с К.В. Родзевским в Японию. Умер в Дайрене. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1914), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1915), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1915), Св. Анны 2-й ст. (1916), мечи к нему (14.04.1917). Супруга на 1919 г. Людмила Болеславовна. Дети: Константин (18.07.1909), Зоя (08.07.1911), Людмила (14.07.1917).

⁹³¹ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 46–46об.

Русские генштабисты в эмиграции в 1920–1992 гг.

Статистический обзор*

Революция и Гражданская война выбросили из страны в эмиграцию сотни тысяч соотечественников, в основном представителей старой интеллигенции и ветеранов антибольшевистской борьбы, многим из которых уже не было пути назад. Среди отторгнутых родиной было немало представителей военной элиты Российской империи — корпуса офицеров Генерального штаба. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что именно Генеральный штаб оказался у руля антибольшевистских армий и фронтов. Проблема изгнанного из России Генштаба весьма обширна. В этом очерке на основе собранных автором материалов статистики рассмотрены, прежде всего, проблемы формирования генштабовской эмиграции, вопросы численности и состава генштабистов-эмигрантов, а также их распределения по странам мира. Кроме того, приведена иная статистическая информация, позволяющая составить общее представление о сути проблемы.

Начнем с того, что в эмиграции оказались практически все генштабисты, занимавшие высшие посты в антибольшевистских формированиях, за исключением тех, кто попал в плен, покончил с собой или погиб до исхода белых в эмиграцию. Как известно, четверо из пяти командующих белыми фронтами периода 1919–1920 гг. (А.И. Деникин, П.Н. Врангель, Н.Н. Юденич, Е.К. Миллер) были генштабистами, и все они оказались в эмиграции. Помимо вождей и ветеранов борьбы с большевиками за пределами Советской России обосновались и те генштабисты, которые бежали от красных или уклонились от участия в Гражданской войне, но не приняли советскую власть.

Массовый исход генштабистов за границу не был единовременным процессом. Часть офицеров остались за рубежом или бежали за границу (прежде всего, через Финляндию и Украину) в связи с революционными событиями в России и началом Гражданской войны задолго до основного потока военной эмиграции в 1920 г. К этой категории, например, можно отнести и оставшихся за рубежом практически всех русских военных агентов. Некоторые из ветеранов антибольшевистского сопротивления также уезжали за границу в индивидуальном порядке до начала массовой эмиграции или же в связи с частными эвакуациями на Юге

---

* Впервые опубликовано: Родина. 2009. № 4. С. 48–51. В настоящем издании публикуется с дополнениями и исправлениями.

России. Основные же потоки эмиграции были привязаны к периодам поражения тех или иных антибольшевистских фронтов.

Следует признать, что данные о численности генштабистов-эмигрантов, получившие к настоящему времени распространение, не соответствуют действительности и являлись сильно заниженными. По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, в эмиграции оказались лишь 225 генштабистов⁹³². Однако известные нам данные позволяют утверждать, что эта цифра занижена более чем в четыре раза. Общий поток офицеров-эмигрантов, по некоторым данным, превышал 50 000 человек, включая свыше 3000 генералов⁹³³.

В нашем распоряжении имеются два уникальных списка генштабистов, оказавшихся за пределами Советской России к 1 августа 1922 г. и к 1 марта 1924 г., составленные в штабе Врангеля отделением по службе Генерального штаба⁹³⁴. Данные этих списков достаточно представительны и в сочетании с другими документальными материалами позволяют осуществить сравнительно точный подсчет количества эмигрировавших генштабистов. Судя по всему, в списки попали далеко не все генштабисты (в особенности выпускники ускоренных курсов академии), а некоторые, наоборот, были включены по ошибке, поскольку погибли или остались в Советской России. По мере возможности, ошибки и пропуски в списках были устранены, а сами списки при сравнении взаимно дополнены. В списке 1922 г., вопреки ошибочному утверждению Н.Н. Рутыча⁹³⁵, содержатся данные о 704 выпускниках академии, 19 из которых находились в белом Приморье (т.е. фактически в эмиграции было 685). В это число входят 92 выпускника ускоренных курсов. В списке 1924 г. указано 726 человек (в том числе 93 курсовика), включая вернувшихся в СССР и умерших.

В результате сравнительного анализа удалось получить достаточно любопытные цифры. Всего в двух списках содержатся достоверные сведения о 737 выпускниках академии, оказавшихся в 1922–1924 гг. за пределами Советской России и СССР. Из этого числа 641 окончил академию до 1917 г. и 96 — ускоренные курсы в 1917–1918 гг. (в списках учитывались лишь выпускники курсов 1-й и 2-й очереди, тогда как выпуски 3-й, а тем более 4-й очередей 1918–1919 гг. учтены не были). Данные о чинах, в которых пребывали эти офицеры к концу Гражданской войны, представлены в таблице 64.

В соответствии с этими списками, в эмиграции оказалось 35 полных генералов, 124 генерал-лейтенанта, 217 генерал-майоров, 287 полковников, 40 подполковников, 23 капитана и 11 штабс-капитанов Генштаба. Цифры достаточно

---

⁹³² Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 197.

⁹³³ Домнин И.В. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 489.

⁹³⁴ Список офицеров Генерального штаба, причисленных к оному и курсовиков Николаевской военной академии, находящихся за рубежом Советской России. По данным к 1-ому августа 1922 года. Издание Отделения Генерального штаба, Штаба Главнокомандующего Русской армией. Оригинал списка находится в архиве Н.Н. Рутыча и предоставлен автору А.С. Кручинным. Аналогичный экземпляр имеется в ГА РФ (Ф. Р-7518. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–44). Список 1922 г. был сверен со вторым известным списком к 1 марта 1924 г. из собрания ГА РФ (Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 92). Публикацию списков см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 720–745.

⁹³⁵ Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 10.

впечатляющие. Особенно если учесть, что по данным на 25 октября 1917 г. в Генеральном штабе числилось лишь 1494 офицера⁹³⁶. Впрочем, реальная численность генштабистов-эмигрантов была выше, так как не все беженцы были отражены в списках.

Таблица 64. Распределение генштабистов-эмигрантов по воинским званиям

Чин	Выпускники академии до 1917 г.	Курсовики	Всего
Генералы	35	—	35
Генерал-лейтенанты	124	—	124
Генерал-майоры	217	—	217
Полковники	245	42	287
Подполковники	15	25	40
Капитаны	5	18	23
Штабс-капитаны	—	11	11
Итого	641	96	737

Следует отметить, что несколько офицеров Генштаба погибло или умерло в эмиграции еще до издания списка 1922 г. Только в 1920–1921 гг. за пределами России были убиты генералы И.П. Романовский и А.И. Дутов, умерли генералы Н.В. Анисимов, Н.А. Клюев, А.П. Попов, Н.Н. Суходольский и А.М. Шифнер-Маркевич, курсовики полковник А.А. Дурасов, капитан С.М. Измайлов и штабс-капитан А.К. Капутовский — итого не менее 10 офицеров. На родину в 1921–1922 гг. вернулись также не менее 11 офицеров, причем генерал И.И. Смольнин-Терванд, полковник С.И. Костров, подполковники В.Н. Троицкий и М.Т. Евстратов сделали это не по своей воле, а были захвачены в плен монгольскими войсками и переданы советским представителям. Украинский генерал В.И. Галкин был захвачен летом 1921 г. на советской территории, куда он пробрался с целью организации повстанческих выступлений⁹³⁷. К 1924 г. потери среди генштабистов-эмигрантов стали еще выше за счет умерших, а также вернувшихся в Советскую Россию. В 1922–1924 гг., по нашим подсчетам, за пределами Советской России умерло около 30 генштабистов. Таким образом, к 1924 г. численность эмигрантов-генштабистов сократилась за счет этих потерь примерно на 50 человек, но в связи с падением белой власти на Дальнем Востоке в 1922 г. произошло прибавление.

В результате стремительного чинопроизводства периода Первой мировой и Гражданской войн среди генштабистов-эмигрантов, даже сравнительно молодых, основную массу (95,4%) составляли штаб-офицеры (в основном полковники) и генералы. По каким-то причинам наиболее широко в эмиграции были представлены выпуски 1899, 1908 и 1912 гг. Несколько меньше было выпускников 1903, 1911 и 1913–1915 гг. Видимо, старейшими генштабистами-эмигрантами были генерал от кавалерии барон А.В. Каульбарс (1844 года рождения) и генерал от инфантерии Э.В. Экк (1851 года рождения).

⁹³⁶ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. С. 194.

⁹³⁷ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 161 (220). Л. 183об., 188об., 221.

По национальному и конфессиональному составу генштабистов-эмигрантов каких-либо точных данных нет, однако нельзя не отметить большое количество носителей немецких фамилий (например, В.В. фон Валь, П.Н. Врангель, А.А. фон Гоерц, А.А. фон Лампе, Е.К. Миллер и т.д.). Списки генштабистов позволяют составить лишь приблизительную картину на основании анализа фамилий. Из иностранных фамилий с огромным отрывом лидируют немецкие. Среди 641 выпускника академии до 1917 г. в эмиграции оказалось не менее 90 их носителей (14%), остальные группы, насколько можно судить, насчитывали лишь по несколько человек: 7 фамилий финского и прибалтийского происхождения, 4 — греческого, по 3 — грузинского, сербского и французского, 2 — болгарского, по одной — итальянского и английского. Количество польских фамилий установить не удалось, поскольку во многих случаях их трудно отличить от русских. Титулованная знать среди генштабистов-эмигрантов была представлена не очень широко. В списках указаны лишь 5 баронов, 4 князя и 3 графа.

Попытаемся рассчитать примерные потери кадров Генштаба в результате революции и Гражданской войны. За период 1917–1922 гг. умерли и погибли не менее 291 выпускника и слушателя академии всех категорий. Если вести подсчет по всем категориям офицеров, обучавшихся в академии Генштаба, то мы располагаем данными о более чем 1000 выпускников и слушателей Николаевской академии (из 2798 включенных в базу), попавших за границу после участия в Гражданской войне, как правило, на стороне антибольшевистских сил. Не менее 824 из них за границей и скончались, остальные либо вернулись, либо были насильно вывезены в СССР после Второй мировой войны, в отношении многих точных данных о смерти не имеется. Необходимо отметить, что подсчеты велись по всем категориям, включая окончивших академию по 2-му разряду или прослушавших не весь курс. Разумеется, эти подсчеты не являются окончательными, поскольку судьбы значительного количества выпускников академии еще остаются неизвестными. Как бы то ни было, не приняты советскую власть и спаслись от большевиков путем эмиграции порядка 36% выпускников и слушателей академии Генерального штаба, из числа участвовавших в Гражданской войне⁹³⁸.

Важно установить, какая часть эмигрировавших принимала активное участие в Гражданской войне, а какая, наоборот, от участия в ней уклонилась. Сравнение материалов базы данных участников Гражданской войны и списков генштабистов-эмигрантов показывает, что около 150 выпускников академии до 1917 г. уклонились от участия в Гражданской войне и уехали за границу. Полторы сотни генштабистов, переживавших Русскую Смуту, были в состоянии организовать работу штабов целого фронта. Проверить эти расчеты можно персональным анализом биографий генштабистов-эмигрантов, например, в рамках какой-либо страны. Так, в Эстонии к середине 1920-х гг. находилось порядка 35 генштабистов-эмигрантов. Из 35 офицеров нет данных об участии в Гражданской войне семерых, уклонившиеся составляют 20%.

Основными странами-реципиентами генштабовской эмиграции были Югославия, Франция и Китай, в меньшей степени Германия (являвшаяся одним из

---

⁹³⁸ В этой связи представляется преувеличением утверждение о том, что в эмиграции оказалась большая часть генштабистов, уцелевших в результате Гражданской войны (*Домнин И.В.* Грехи и достоинства офицерства. С. 490).

основных центров общего потока эмиграции) и другие государства. На страны Европы приходилось в 1922–1924 гг. от 85,4% до 91,6% всех офицеров Генштаба. Такой перевес неудивителен, если учесть, что абсолютное большинство генштабистов из белых армий Юга, Северо-Запада и Севера России перебралось в страны Европы. Гораздо меньше офицеров-генштабистов было на Восточном антибольшевистском фронте. Основной их поток после поражения белых пришелся на Китай, а затем на США.

Карта размещения генштабистов по странам мира в первые годы эмиграции менялась довольно быстро. Очевидна тенденция к миграции генштабистов из Азии в Европу. Если на 1922 г. вне территории зарубежной Европы находилось 108 генштабистов, то к 1924 г. — только 80. Такие цифры обусловлены массовым отъездом офицеров из Константинополя, как одного из первых центров эмиграции, в европейские страны. Генштабисты не играли большой роли даже в русской диаспоре Китая, хотя их там в 1920–1930-е гг. было, несомненно, больше, чем в других неевропейских странах. В Обществе офицеров Генерального штаба в Турции на 23 июля 1921 г. числилось 58 членов, ровно год спустя — 44⁹³⁹. В Африке (Египет и Тунис) к 1922 г. было только 7 генштабистов, к 1924 г. осталось 5. В дальнейшем их численность за счет естественной убыли лишь уменьшалась. При наличии столь немногочисленных групп генштабистов неизбежным было их тесное общение между собой. При этом постепенно росло число генштабистов в США и странах Латинской Америки. По данным списков, в США к 1922 г. было лишь пять генштабистов, тогда как к 1924 г. уже 18 и один в Латинской Америке.

Особенно велико было количество генштабистов в Югославии. Уже на 1922 г. там находилось не менее 312 офицеров, а спустя два года к ним добавилось еще не менее 23 человек. Наш расчет подтверждается и официальными данными, согласно которым в Обществе офицеров Генерального штаба в КСХС на конец 1923 г. значилось 323 человека (в распространенных в литературе данных о наличии лишь 318 членов⁹⁴⁰ допущена неточность). Речь идет только о тех офицерах, кто посчитал необходимым вступить в эту организацию. В общей сложности в обществе значилось 263 офицера Генштаба, 48 причисленных к Генштабу и 12 соревнователей⁹⁴¹. Эти цифры подтверждаются данными ИНО ОГПУ, согласно которым число членов Общества офицеров Генерального штаба в КСХС достигало 300 человек⁹⁴².

Крайне интересны итоги статистического обследования офицеров Генерального штаба в КСХС, проведенные в январе 1924 г. По данным обследования, до 300 генштабистов прибыли в КСХС в период 1920–1922 гг., причем 75% из них относились к крымской эвакуации, «т.е. к наиболее нуждающейся части беженцев»⁹⁴³. Средний возраст офицеров составлял 40–50 лет, лиц свыше 55 лет насчитывалось порядка 15%. Внутри КСХС генштабисты распределились следующим образом: с большим отрывом лидировал Белград (70 человек), затем —

⁹³⁹ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М., 1994. С. 66.

⁹⁴⁰ Там же. С. 69; Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 351.

⁹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

⁹⁴² Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. Т. 4: У истоков «Русского Общевоинского союза». 1924 г. М., 2007. С. 208.

⁹⁴³ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 124.

Субботица (14 человек), далее Земун и Новый Сад — по 12 и, наконец, Сремски Карловцы, где находился штаб Врангеля, — 10 офицеров. В остальных пунктах генштабисты компактных и многочисленных групп не образовали⁹⁴⁴.

Вопрос о трудоустройстве был особенно животрепещущим, поэтому в обследовании ему уделялось повышенное внимание. В результате опроса было установлено, что 65 генштабистов поступили на работу землемерными техниками и чертежниками. Связано это было с деятельностью генерала И.С. Свищева, который организовал несколько очередей землемерных курсов и сумел осуществить переподготовку десятков генштабистов в соответствии с запросами сербского рынка. Новоявленные землемеры работали в Генеральной дирекции кадастра (20 человек), в городских кадастрах (10), в Министерстве аграрной реформы (15), в Министерстве строительства (10), в Дирекции воды (5) и в Государственной триангуляции (5)⁹⁴⁵. Еще около 60 человек служили в канцеляриях: в Государственной комиссии (20 человек), в Военном министерстве (20), в статистических отделах разных министерств (15). Учителями работали 12 человек. В дирекции Государственной железной дороги и на линии служили 10–15 человек. В реквизированных имениях работали 6 бывших офицеров, и 10 человек трудились на частных коммерческих предприятиях. 8 старших офицеров служили в Главном Генеральном штабе Сербской армии (генералы В.А. Артамонов, В.И. Баскаков, А.М. и В.М. Драгомировы, Н.А. Обручев, М.А. Пржевальский, Б.М. Стахович, А.Н. Шуберский). Они вели разбор архивов австро-венгерской армии, приводили в порядок библиотеку Генерального штаба, занимались самостоятельной работой по составлению истории боевых действий на Македонском фронте в 1916–1918 гг. В общей сложности трудоустроено было более 260 офицеров⁹⁴⁶.

Иными словами, в 1922–1924 гг. на Сербию приходилось 42–45% генштабистов-эмигрантов, что неудивительно, ведь именно здесь, а также в Болгарии были расположены основные части врангелевской армии после оставления лагерей для интернированных. Впрочем, в Болгарии находилось примерно в три раза меньше офицеров Генштаба (на 1922 г. — 112 человек), поскольку органы военного управления Русской армии были сосредоточены именно в Сербии, а болгарское правительство А. Стамболийского было настроено антирусски, опасалось вовлечения белых частей в болгарскую внутривойсковую борьбу и всячески преследовало эмигрантов (в частности, ряд офицеров, в том числе генштабисты В.Е. Вязьмитинов, М.М. Георгиевич, Е.К. Миллер, П.Н. Шатилов, Б.А. Штейфон и др.⁹⁴⁷, были высланы в Сербию). Кроме того, постепенно росла роль Франции как важного культурного центра, привлекавшего генштабистов. Правда, к середине 1924 г. там было всего примерно 58 генштабистов⁹⁴⁸, и, судя по всему, Франция так и не превзошла Югославию по числу генштабистов-эмигрантов.

Первые годы существования в эмиграции были особенно трудны. Генерал М.А. Свечин вспоминал: «Увы, обстановка, которая нас приняла за границей,

⁹⁴⁴ Там же. Л. 126.

⁹⁴⁵ Там же. Л. 124.

⁹⁴⁶ Там же. Л. 124–124об.

⁹⁴⁷ Подробнее см.: *Даватц В.* Годы. Очерки пятилетней борьбы // *Русская армия в изгнании.* М., 2003. С. 46; *Спасов Л.* Врангелова армия в България 1919–1923. София, 1999. С. 157.

⁹⁴⁸ *Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века.* Т. 4. С. 281.

была безотрадной. В то время еще отсутствовала какая-либо организация по защите прав и интересов беженцев, как и не существовало домов для престарелых. Кто смог захватить с собой какие-либо ценности, распродавали их за бесценок. Более молодые, сохранившие свое здоровье, поступали на какую-либо работу, главным образом, рабочих. В лучшем положении были специалисты и техники. Старики и инвалиды были в особо отчаянном положении»⁹⁴⁹. Не вынеся тяготы первых лет эмиграции и жизнь в отрыве от родины, некоторые генштабисты вернулись в Россию. Среди них генералы Е.С. Гамченко, П.И. Липко, Я.А. Слащов, Н.Т. Сукин, полковники А.П. Вохмин, В.В. Корчаков-Сивицкий, В.Ф. Оржановский, А.И. Саватеев, подполковник Н.Ф. Соколовский, капитан А.С. Ролько. Позднее уехали генералы С.К. Добророльский, Е.И. Достовалов, М.В. Фастыковский. Действительно крупной, знаковой фигурой среди них был только генерал Слащов, возвращение которого повлекло за собой поток желающих вернуться. Этот поступок Слащова был подстегнут его конфликтом с Врангелем, увольнением со службы и преданием вопреки закону суду чести, а также усилиями сотрудников ВЧК. В ноябре 1921 г. Слащов прибыл в Севастополь, где его встречал лично Ф.Э. Дзержинский, придававший возвращению белого генерала большое значение. По прибытии Слащов передал чекистам некоторые сведения о состоянии врангелевской армии, дал характеристики начальствующего состава. В дальнейшем русская военная эмиграция стала предметом пристального внимания и борьбы советской разведки. «Сменовеховские» настроения приобрели определенную популярность в среде генштабистов. Против продолжения борьбы с большевиками уже в 1922 г. выступили такие генералы-генштабисты, как С.К. Добророльский, Е.И. Достовалов, а также А.К. Келчевский и В.И. Сидорин, авторитетные в казачьей среде. Сменовеховцами считали генералов А.А. Носкова и П.И. Залесского⁹⁵⁰. Под коллективной декларацией о признании советской власти и стремлении вернуться на родину среди прочих русских офицеров в Болгарии подписался Генштаба полковник А.П. Вохмин⁹⁵¹. В 1928 г. генерал Д.Р. Ветренко вместе с семьей был выслан из Польши в СССР в связи с обвинением в шпионаже⁹⁵². В конце 1920-х в СССР из Китая уехали генералы С.А. Зубковский, И.В. Тонких, А.Н. Шелавин. Генерал А.И. Андогский, наоборот, отказался от советского паспорта и был в связи с этим уволен с КВЖД⁹⁵³. Судьба большинства вернувшихся на родину сложилась трагично: они были расстреляны в конце 1930-х гг.

Следующим мощным ударом по генштабовской эмиграции стала Вторая мировая война, в период и после окончания которой погибли или были депортированы в СССР и репрессированы, по нашим данным, не менее 36 генштабистов-эмигрантов (не исключено, что больше). В результате естественной убыли, а также советских репрессий к началу 1950-х гг. старый русский Генеральный штаб практически сошел со сцены общественно-политической жизни в эмиграции.

⁹⁴⁹ *Свечин М.А.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 195.

⁹⁵⁰ *Прянищников Б.В.* Незримая паутина. ВЧК – ОГПУ – НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993. С. 37.

⁹⁵¹ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 89.

⁹⁵² *Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 166.

⁹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 463. Л. 3об.

Примерный расчет смертности среди оказавшихся в эмиграции генштабистов — участников Гражданской войны по десятилетиям представлен в таблице 65 (без учета вывезенных в СССР и умерших там, а также не участвовавших в Гражданской войне).

Таблица 65. Статистика смертности генштабистов-эмигрантов

Десятилетие	Умерло (не менее)
1920-е	99
1930-е	194
1940-е	165
1950-е	106
1960-е	103
1970-е	58
1980-е	10
1990-е	1
Неизвестно	88
Итого	824

Из таблицы 65, несмотря на отсутствие окончательных данных (не исключено, что судьбы всех офицеров так никогда известны и не станут), видно, что свыше 60% генштабистов-эмигрантов ушло из жизни уже к концу 1940-х гг. При всех тяготах эмигрантской жизни, некоторые генштабисты оказались долгожителями. Так, полковник Б.А. Дуров прожил почти 98 лет, генерал В.Е. Флуг — 95 лет, полковник П.В. Колтышев — 94 года, генерал Ф.Ф. Абрамов — 93 года (причем погиб в результате автомобильной катастрофы), генерал М.Н. Кальницкий — свыше 90 лет, генерал граф Н.Н. Игнатьев — почти 90 лет. Впрочем, это были скорее исключения, так как постоянные нервные потрясения, которыми сопровождалась жизнь изгнанников, не способствовали здоровью и долголетию. Многие генштабисты нашли свое последнее пристанище на Ольшанском кладбище в Праге, Новом кладбище в Белграде, кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

По имеющимся сведениям, последним оставшимся в живых выпускником старой академии оказался кубанский атаман генерал-лейтенант В.Г. Науменко (выпуск 1914 г.), который скончался в США 30 октября 1979 г. До 1980-х гг. дожили курсовики полковники В.М. Ажогин, П.В. Колтышев, К.Л. Кононов-Кононович, В.Н. Ставрович, капитаны А.П. фон Энден, А.Я. Яновский. Одним из последних живых выпускников ускоренных курсов оставался капитан-колчаковец Г.С. Думбадзе, который скончался 24 января 1989 г. Последним ушедшим из жизни выпускником ускоренных курсов был, по всей видимости, польский генерал Р. Воликовский, скончавшийся 14 февраля 1992 г.⁹⁵⁴ На этом, практически уже в наши дни, завершилась героическая и трагическая история русского Генштаба в изгнании. Символично, что как раз в то время, когда ушел из жизни последний выпускник старой академии, в начале 1990-х гг., забытые имена, судьбы, идеи,

⁹⁵⁴ Подробнее о нем см. специальный материал в настоящем издании.

книги и статьи генштабистов-эмигрантов начали возвращаться в Россию. Возвращаться не в качестве поверженных и кающихся врагов, а в роли незаслуженно отторгнутых страной достойных ее сынов, смыслом жизни которых было служение России. В Москве торжественно перезахоронены останки генералов-генштабистов А.И. Деникина, В.О. Каппеля, Н.С. Батюшина. К настоящему времени в нашей стране переизданы созданные в изгнании военно-исторические, военно-теоретические и мемуарные труды десятков офицеров Генерального штаба. Многие из них по-своему уникальны и заслуженно относятся к классике отечественной военной мысли. Сам факт возвращения этих произведений, спустя почти столетие, на родину означает, что опыт и знания офицеров Генштаба не пропали зря и будут востребованы в новой России, к чему и стремились вынужденные изгнанники.

«Стоит Россия!»

Выпускники Николаевской академии Генерального штаба в борьбе с нацизмом в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг.*

Участие дореволюционной военной элиты в лице офицеров Генерального штаба во Второй мировой войне является до сих пор практически не изученной проблемой. К сожалению, в историографии последних лет этот вопрос получил несколько одностороннее освещение. Активно издаются работы на тему участия военных эмигрантов в войне на стороне гитлеровской Германии, но почему-то не принято заострять внимание на тех, кто боролся против Германии и ее сателлитов. Между тем такие люди были как в СССР, так и за его пределами. Далее мы рассмотрим участие во Второй мировой войне бывших офицеров-генштабистов в рядах Красной армии и союзных ей армий, а также аналогичный вклад генштабистов-эмигрантов, боровшихся с нацизмом в странах Европы или помогавших СССР в других частях света.

* * *

В СССР к началу войны в живых оставалось немного бывших офицеров Генштаба — как обучавшихся в академии до Первой мировой войны, так и выпускников ускоренных курсов периода Первой мировой и Гражданской войн. Тяжелый удар по корпорации военспецов-генштабистов нанесли репрессии 1930-х гг., в том числе дело «Весна» начала 1930-х гг. и большой террор 1937–1938 гг. Тогда были уничтожены не менее 168 выпускников старой академии Генерального штаба. Судьбы сотен еще остаются неустановленными.

Гораздо меньше было тех, кто продолжал оставаться на военной службе в годы Великой Отечественной войны. Положение их было незавидным — это были, как правило, честные и добросовестные работники, вынужденные всю жизнь нести на себе клеймо «классово чуждых» и издерганные до предела массовым террором. Давали знать о себе и годы. Ведь даже самым молодым выпускникам ускоренных курсов старой академии к началу войны было не менее 45 лет, а основной массе — уже за 50. Разумеется, в службе Генштаба с дореволюционных времен

---

* Впервые опубликовано: Военно-исторический архив. 2011. № 3 (135). С. 102–129. В настоящем издании публикуется с дополнениями. Выражаю искреннюю признательность одному из крупнейших отечественных специалистов по Великой Отечественной войне и предвоенному периоду д.и.н. М.И. Мельтюхову за ценные замечания по тексту статьи. В сокращенном виде очерк опубликован в сб.: Великая Победа и современность. К 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Мат. междунар. науч.-практ. конф. М., 2010. С. 159–171.

произошли большие изменения, поэтому выпускники дореволюционной академии Генштаба редко занимали ключевые посты в советском военном руководстве. Но несколько таких командиров все же было.

Выпускники и слушатели старой академии и ее ускоренных курсов служили как по профилю полученного ими некогда военного образования, занимаясь вопросами службы Генштаба или преподавательской работой по соответствующей специальности, так и в совершенно других областях. Их можно было встретить на преподавательской и военно-научной работе, в штабах и в строю, в пехоте, механизированных войсках и авиации.

Из генштабистов — ветеранов Великой Отечественной наиболее известен Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников (20.09.1882–26.03.1945), выпускник академии 1910 г. По одному из свидетельств, относящихся к Всеармейским учениям 1929 г., «общее внимание привлекала исключительная работоспособность этого замечательного военачальника. Борис Михайлович обладал поистине неисчерпаемой энергией и незаурядным организаторским талантом... Б.М. Шапошников был не только опытным организатором и работником государственного масштаба, мастером штабной службы стратегического уровня, но и крупным ученым советской военной школы... Богатейшая эрудиция в области военной истории, исключительная память и умение смотреть вперед очень скоро выдвинули его в ряды видных военных теоретиков того времени...»⁹⁵⁵

Маршальское звание он получил наряду с С.К. Тимошенко и Г.И. Куликом за год до начала Великой Отечественной войны, 7 мая 1940 г. Перед войной Шапошников был отстранен от привычной для него работы и с августа 1940 г. служил заместителем наркома обороны по строительству укрепленных районов. Впрочем, с началом Великой Отечественной вспомнили и о сильной стороне Шапошникова — его высочайшей квалификации офицера-генштабиста. С 21 по 30 июля 1941 г. Шапошников был начальником штаба Западного направления. В переломный период с 30 июля 1941 по 11 мая 1942 г. он занимал важнейший пост начальника Генерального штаба, сменив Г.К. Жукова. С этой работой Шапошников был прекрасен знаком, так как стоял у истоков Штаба РККА еще в годы Гражданской войны, а после ликвидации основных антибольшевистских фронтов получил назначение помощником начальника Штаба РККА (в феврале 1921 г.), затем был начальником Штаба РККА в 1924 г. (временно) и в 1928–1931 гг., а также начальником Генерального штаба РККА в 1937–1940 гг. Даже сам именитый предшественник Шапошникова отметил, говоря о своем преемнике: «Зная дело Генштаба до тонкостей, он быстро провел ряд организационных мероприятий, способствовавших улучшению работы этого главного рабочего органа Ставки. Большое личное трудолюбие и умение Б.М. Шапошникова работать с людьми оказали заметное влияние на рост общего искусства управления войсками в Действующей армии и особенно со стороны Генштаба. К сожалению, возраст, тяжелая рабочая нагрузка и особенно болезнь не позволили ему работать всю войну в Генеральном штабе»⁹⁵⁶.

Маршал А.М. Василевский так характеризовал Шапошникова: «Талантливый военный теоретик и публицист, ученый исключительной эрудиции, чьи глубокие

⁹⁵⁵ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 96–97.

⁹⁵⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Изд. 2-е, доп. М., 1975. Т. 1. С. 349.

обобщения в области военной стратегии и оперативного искусства пользовались известностью не только в Советском Союзе, но и за рубежом, он поднялся до вершин полководческой деятельности в период суровых для нашей Родины испытаний. И эта жизнь его, и эта деятельность, и военно-теоретическое наследие — яркие страницы советской военной истории»⁹⁵⁷. Василевский считал Шапошникова создателем советской школы генштабистов⁹⁵⁸, хотя, конечно, в создании этой школы участвовали многие представители старого Генштаба, а не один только Шапошников. Очевидно, истоки этой школы лежат в русском дореволюционном Генеральном штабе.

По характеристике С.М. Штеменко, «Борис Михайлович был обаятельным человеком и к таким, как я, молодым тогда полковникам относился с истинно отеческой теплотой. Если что получалось у нас не так, он не бранился, даже не повышал голоса, а лишь спрашивал с укоризной:

— Что же вы, голубчик?

От такого вопроса мы готовы были провалиться сквозь землю, ошибки свои запоминали надолго и уже никогда не повторяли их»⁹⁵⁹.

С июля 1941 г. по июнь 1942 г. Шапошников был членом Ставки Верховного командования (с 8 августа 1941 г. — Верховного главнокомандования). Шапошников считался признанным знатоком штабной службы. Широкую известность ему принесла трехтомная фундаментальная работа «Мозг армии», посвященная службе Генерального штаба. Именно его, единственного из представителей Ставки, И.В. Сталин уважительно называл по имени-отчеству, тогда как всех остальных — только по фамилии. Сталин никогда не повышал на Шапошникова голос, даже если был не согласен. Только Шапошникову разрешалось курить в рабочем кабинете Сталина⁹⁶⁰. Сталин в целом с большим уважением относился к советским генштабистам, что, вероятно, выработалось у него только в годы войны⁹⁶¹.

Интересно, что дореволюционное прошлое Шапошникова пытались использовать немцы, адресовав радиобращение из Хельсинки 7 августа 1941 г. непосредственно Шапошникову. Маршала призывали вспомнить прошлое и «обратить оружие против кремлевских заправил»⁹⁶². Скорее всего, противник рассчитывал таким путем подорвать доверие к Шапошникову со стороны высшего советского руководства.

Судя по журналам учета посетителей И.В. Сталина в 1939–1942 гг., Шапошников бывал у него на приеме регулярно, иногда по нескольку раз в день. В общей сложности свыше ста раз, в том числе в годы Великой Отечественной войны не менее 95 раз, включая встречу непосредственно 22 июня 1941 г., когда Шапошников почти три часа провел в кабинете вождя, обсуждая сложившуюся ситуацию

---

⁹⁵⁷ *Василевский А.М.* Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы и военачальники Великой Отечественной: Сб. М., 1979. Вып. 2. С. 6.

⁹⁵⁸ Там же. С. 86.

⁹⁵⁹ *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М., 2005. С. 59–60.

⁹⁶⁰ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 349.

⁹⁶¹ *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. С. 164.

⁹⁶² *Захаров М.В.* Ученый и воин: (О Маршале Советского Союза Б.М. Шапошникове). М., 1978. С. 92–93.

совместно с высшими военными и политическими деятелями СССР⁹⁶³. Очевидно, во второй половине 1941 – первой половине 1942 г. Шапошников входил в круг ближайших военных советников И.В. Сталина, непосредственно определявших советскую стратегию.

Шапошников оставался в Москве и в грозные дни обороны столицы. На случай немецких бомбардировок кабинет начальника Генштаба с осени 1941 г. был расположен на станции метро «Кировская» (ныне — «Чистые пруды»), закрытой для пассажиров. Здесь же располагался кабинет И.В. Сталина. В октябре Генштаб был разделен на две группы. Одна во главе с А.М. Василевским осталась в Москве, а другая под руководством Шапошникова на некоторое время переехала в Арзамас⁹⁶⁴.

При участии Шапошникова разрабатывались планы Смоленского сражения⁹⁶⁵. Именно Шапошникову принадлежит разработка плана советского наступления зимой 1941–1942 гг.⁹⁶⁶ Сталин, узнав о том объеме работы, который выполнял Шапошников, сказал ему: «Начальнику Генштаба нужно работать четыре часа. Остальное время вы должны лежать на диване и думать о будущем»⁹⁶⁷. И действительно, здоровье Шапошникова не позволяло ему в полной мере выдерживать нагрузки по занимаемой должности начальника Генштаба. По воспоминаниям С.М. Штеменко, весной 1942 г., «несмотря на тяжелую болезнь, он успевал выполнять всю необходимую работу в Генштабе и к тому же немалую роль играл в Ставке. Сердце сжималось всякий раз, когда мы видели своего начальника: он непривычно ссутулился, покашливал, но никогда не жаловался. А его умение сохранять выдержку, обходительность просто поражало»⁹⁶⁸. И действительно, представителя старой школы Шапошникова от многих советских командиров отличало уважительное отношение, в том числе и к подчиненным.

Фактически с конца апреля 1942 г. Шапошникова всецело подменял генерал-лейтенант А.М. Василевский. Было ясно, что Шапошникову по состоянию здоровья нельзя далее оставаться на занимаемом им ключевом для воюющей страны посту. Пост начальника Генштаба в мае он передал А.М. Василевскому, но при этом вплоть до 1945 г. консультировал его по всем возникающим вопросам. С мая 1942 г. по июнь 1943 г. Шапошников занимал пост заместителя наркома обороны, курируя работу военных академий и разработку уставов и наставлений, затем был назначен начальником Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. Шапошников не дожил сорок четыре дня до Победы и умер 26 марта 1945 г. Его прах похоронен в Кремлевской стене. По приказу Сталина во время погребения праха Шапошникова прозвучал салют в 24 залпа из 124 орудий. В период Второй мировой войны Шапошников был награжден тремя орденами Ленина (31 декабря 1939 г., 3 октября 1942 г. и 21 февраля 1945 г.), вторым орденом Красного Знамени

---

⁹⁶³ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник. М., 2008. С. 338, 733.

⁹⁶⁴ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. С. 51.

⁹⁶⁵ Великая Отечественная: Действующая армия. М.; Жуковский, 2005. С. 301.

⁹⁶⁶ Исаев А. Краткий курс истории ВОВ: Наступление маршала Шапошникова. М., 2005. С. 6–7.

⁹⁶⁷ Захаров М.В. Ученый и воин. С. 87.

⁹⁶⁸ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. С. 61.

(3 ноября 1944 г.), орденом Суворова 1-й степени (22 февраля 1944 г.), медалью «За оборону Москвы» (1 мая 1944 г.)⁹⁶⁹.

Выпускник ускоренных курсов академии, в прошлом колчаковский генерал Аполлон Яковлевич Крузе (15.12.1892–06.05.1967) смог сделать блестящую карьеру не только у белых, но и в Красной армии. В Красной армии Крузе находился в основном на преподавательской работе. В 1941 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. В 1941 – начале 1943 гг. занимался вопросами формирования и боевого сколачивания соединений, за что был представлен к ордену Красного Знамени. С февраля 1943 г. исполнял должность начальника штаба Сталинградской группы войск. Командовал 93-й стрелковой дивизией, освободившей Миргород. С ноября 1944 г. — 24-м гвардейским стрелковым корпусом, участвовавшим в освобождении Братиславы. Был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени. В 1949 г. Крузе, спустя 30 лет после производства в генерал-майоры (у Колчака), получил чин генерал-лейтенанта Советской армии. В феврале 1958 г. вышел в отставку, а через 9 лет умер в Ленинграде⁹⁷⁰. Редкая и более чем счастливая судьба для того времени! Удивительно, что свое генеральское прошлое у белых этому офицеру удалось успешно скрывать на протяжении почти полувека. Возможно, в этом деле не обошлось без сообщников, однако правды, скорее всего, мы уже никогда не узнаем.

Еще одним военачальником уровня командира корпуса был генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Александр Яковлевич Яновский (06.08.1890–20.06.1982) — выпускник ускоренных курсов академии, служивший в годы Гражданской войны как в РККА, так и на белом Юге. В годы Великой Отечественной войны Яновский командовал стрелковой дивизией и 89-м стрелковым корпусом 61-й армии 1-го Белорусского фронта. Участвовал в освобождении Пинска и других городов.

Начальником инженерного управления Московской зоны обороны с октября 1941 г. был генерал-майор инженерных войск (с 4 июня 1940 г.), а в прошлом выпускник ускоренных курсов 2-й очереди академии Генштаба Евгений Владимирович Сысоев (08.10.1884–11.1978). С января 1942 г. он стал начальником Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. С марта 1943 г. руководил Высшим военно-строительным училищем Красной армии. Был награжден двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и орденом Красной Звезды и медалями. Как отмечали коллеги Сысоева в некрологе, «его глубокие знания военно-инженерного дела, высокие организаторские способности ярко проявились в годы Великой Отечественной войны на посту начальника инженерного управления Московской зоны обороны. Как в годы войны, так и в послевоенное время он весь свой богатый опыт передавал молодым офицерам. Е.В. Сысоев многое сделал для подготовки военно-инженерных кадров, будучи начальником Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева и других высших военно-учебных заведений»⁹⁷¹.

⁹⁶⁹ Маршалы Советского Союза: Личные дела рассказывают. М., 1996. С. 77–78.

⁹⁷⁰ Подробнее см.: Великая Отечественная: Комкоры: Военный биографический словарь. М., 2006. Т. 1. С. 298.

⁹⁷¹ Е.В. Сысоев [Некролог] // Красная Звезда. 1978. 24 нояб. № 271 (16758). С. 4.

Выпускник академии 1914 г. Михаил Павлович Строев (Рихтер; 08.11.1887–1961) в составе авиации 7-й армии участвовал в советско-финской войне, позднее произведен в генерал-майоры авиации, с мая 1941 г. преподавал тактику во 2-й Московской школе авиационных механиков. С начала войны он выполнял задания по организации взаимодействия авиации с сухопутными войсками, с октября 1943 г. по август 1944 г. — начальник авиационного отдела 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта, а с августа 1944 г. по декабрь 1946 г. — начальник Военного отдела Главного управления учебных заведений Министерства авиационной промышленности. С 10 декабря 1946 г. Строев работал доцентом кафедры военной подготовки Московского авиационного института, а 27 декабря 1948 г. был уволен в запас по болезни⁹⁷². Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Выпускник академии 1915 г. подполковник Сергей Иванович Данилов (30.08.1880–07.08.1951) 15 сентября 1942 г. вернулся на службу в Красную армию после длительного перерыва из Наркомата связи, где прослужил 18 лет. С сентября 1942 г. по ноябрь 1943 г. служил помощником начальника 1-го отдела Главного управления всеобщего военного обучения Наркомата обороны, затем до 16 января 1945 г. служил помощником начальника 2-го отдела, после чего занимал должность старшего помощника начальника 9-го отдела. Данилову дважды в жизни — в 1916 г. в старой армии и в 1943 г. в Красной армии — было присвоено звание «подполковник». Награжден медалью «За боевые заслуги»⁹⁷³.

Перерывы в службе генштабистов были связаны и с другими причинами. Так, Григорий Сергеевич Горчаков (25.01.1888–01.09.1963), учившийся в 1917 г. на ускоренных курсах академии, начало войны встретил в заключении, в 1942 г. он был освобожден и отправлен на фронт — командиром взвода в 4-ю гвардейскую армию. Горчаков участвовал в Сталинградской битве, был ранен. Служил в штабе 120-й стрелковой дивизии. В 1943 г. служил в 16-м танковом корпусе. Войну закончил в 1945 г. в Австрии. Был награжден двумя орденами Отечественной войны⁹⁷⁴.

Репрессии в отношении генштабистов не прекращались ни во время войны, ни после нее, продолжая забирать жизни многих профессионалов своего дела, знания которых были бы не лишними в военное время.

Генерал-майор Владимир Ефимович Климовских (27.05.1895–22.07.1941) был одним из командиров, репрессированных в самом начале войны. Климовских не доучился на ускоренном курсе академии Генштаба в 1917 г., но тем не менее он тоже может быть отнесен к людям, прошедшим через академию. Позднее он окончил академию им. М.В. Фрунзе и академию Генштаба РККА. В начале войны он занимал пост начальника штаба Западного фронта (с июля 1940 г. — начальник штаба Западного Особого военного округа) при командующем генерале армии Д.Г. Павлове и считался одним из лучших штабных работников Красной

---

⁹⁷² Подробнее см.: *Ганин А.* «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...» Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // *Родина*. 2012. № 12. С. 118–121; 2013. № 1. С. 129–133.

⁹⁷³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 225. Л. 10об., 12об.

⁹⁷⁴ По материалам архива семьи Горчаковых.

армий⁹⁷⁵. За неудачи первых дней войны он был снят с должности, 8 июля арестован и ровно через месяц после начала войны по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР, вынесенному в закрытом судебном заседании, расстрелян. Первоначально арестованных обвиняли в антисоветском военном заговоре и вражеской работе, осуществляя которую они якобы не готовили личный состав к военным действиям, но эти бредовые пассажи были вычеркнуты из текста приговора⁹⁷⁶. Командование Западного фронта было репрессировано, по официальной мотивировке, «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций»⁹⁷⁷. Обвиняемые в своих показаниях признали некоторые упущения по службе, однако, в соответствии с практикой органов госбезопасности того времени, никакими документами их показания не подтверждались. Все арестованные были лишены наград. В частности, Климовских лишили ордена Красного Знамени и юбилейной медали к 20-летию РККА.

Судебный процесс над командованием Западного фронта был наиболее крупным делом начального периода войны. Помимо Климовских были репрессированы командующий фронтом, Герой Советского Союза, генерал армии Д.Г. Павлов, начальник артиллерии фронта генерал-лейтенант артиллерии Н.А. Клич, начальник связи фронта генерал-майор А.Т. Григорьев, командующий авиацией генерал-майор авиации А.И. Таюрский, командующий 4-й армией генерал-майор А.А. Коробков и другие старшие начальники⁹⁷⁸. Эта акция носила показательный и пропагандистский характер. По сути, руководством страны была предпринята попытка снять с себя ответственность за неудачи начального периода войны и возложить ее на арестованных (в период реабилитации репрессированных по этому делу очевидцы отмечали тот факт, что неудачи фронта произошли из-за общего руководства, а не из-за командования фронта⁹⁷⁹). Не стоит забывать о том, что Западный Особый военный округ (позднее — фронт) находился на направлении главного удара немецко-фашистских войск. При этом были разгромлены войска соседних военных округов — Прибалтийского и Киевского, где немцы не наносили главного удара. Тем не менее показательному остракизму подвергся только штаб генерала Павлова. На закрытом судебном заседании Павлов, Климовских, Григорьев и Коробков виновными в предательстве себя не признали. В то же время репрессии имели мобилизующее значение для Красной армии.

---

⁹⁷⁵ Подробнее см.: *Басюк И.А.* Генерал армии Д.Г. Павлов и трагедия июня 1941 г. // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 41–51.

⁹⁷⁶ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Volkogonov Collection. Box 5.

⁹⁷⁷ ГКО постановляет... // Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 19.

⁹⁷⁸ Подробнее см.: *Пальчиков П.А., Гончаров А.А.* Что произошло с командующим Западным фронтом генералом Д.Г. Павловым в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 5. Сентябрь–октябрь. С. 114–135; *Печенкин А.А.* Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М., 2002. С. 205–211.

⁹⁷⁹ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Volkogonov Collection. Box 5.

Репрессирована была и семья Климовских. Супруга прошла через Саратовскую тюрьму и Карагандинский лагерь, двое сыновей также прошли лагерь⁹⁸⁰. Генерал С.М. Штеменко в этой связи вспоминал: «Аресты и перемещения, произошедшие в первые дни войны, нам были абсолютно непонятны, они вносили нервность в работу и усугубляли и без того трудную обстановку. О них громко не говорили, но и не верили в справедливость репрессий... На глазах у нас из Генштаба начали растаскивать старые опытные кадры, так нужные в это трудное время. Приходили новые люди, не знающие специфики труда в наших управлениях, а обстановка между тем становилась все сложнее и сложнее. Она требовала от штабов всех рангов, а от Генштаба в особенности, абсолютной четкости и величайшей организованности в работе»⁹⁸¹. О том, что расстрел командования Западного фронта оставил тяжелый осадок у командного состава, Жуков говорил Сталину уже осенью 1941 г.⁹⁸² Впоследствии именно Жуков, став министром обороны СССР, инициировал пересмотр дела.

В 1956 г. было проведено генштабовское расследование по этому вопросу. Обвинения в трусости, бездействии власти и сознательном развале управления были с Климовских сняты, хотя крупные недостатки в подготовке к войне Западного военного округа, начальником штаба которого был Климовских, подтвердились. В частности, генерал-полковник И.В. Болдин (бывший заместитель командующего войсками округа и фронта) отметил, что генерал Павлов обладал слабой оперативной подготовкой и не мог быть командующим войсками фронта, тогда как Климовских обладал хорошей оперативной подготовкой, но попал под влияние Павлова и превратился в его порученца⁹⁸³. Другие участники событий отмечали слабоволие и безынициативность Климовских. Между прочим, с первого дня войны и вплоть до отстранения 31 июня от должности и отъезда в Москву Павлова сопровождал Б.М. Шапошников как представитель Ставки, который, однако, никак не пострадал в связи с этим делом.

По мнению гвардии генерал-майора Б.А. Фомина (бывшего заместителя начальника оперативного отдела штаба округа), Климовских «отличался большой работоспособностью и честностью. Единственно, что мне не нравилось в его работе, то это отсутствие трезвой оценки противника и его возможностей. Климовских никогда не верил, что противник в состоянии так далеко планировать свою первоначальную операцию и наносить далеко в глубину свои массированные удары авиации. Однако это не позволяет его опорочить как начальника штаба округа и фронта. Арестован Климовских был в момент моего доклада ему о сосредоточении войск 22, 20, 21 и 19 армий на КП⁹⁸⁴ фронта.

В своей повседневной работе Климовских тщательно готовил свой штаб к войне. Уделял много времени вопросам подготовки театра военных действий, а также разработке оперативных планов войны. Принимал все возможные меры к организации управления войсками в момент первой недели тяжелых оборони-

---

⁹⁸⁰ Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. Иркутск, 2000. С. 180.

⁹⁸¹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. С. 40.

⁹⁸² Басюк И.А. Генерал армии Д.Г. Павлов. С. 50.

⁹⁸³ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Volkogonov Collection. Box 5.

⁹⁸⁴ Командном пункте.

тельных боев, благодаря чему более тридцати п[ехотных] д[ивизий] противника были на две-три недели оторваны от своих подвижных войск»⁹⁸⁵. По оценке Фомина, руководство фронта было отстранено от работы, когда темпы операции противника стали снижаться, а управление советскими войсками начало налаживаться.

В заключении по делу отмечалось, что Климовских «в своей повседневной работе в предвоенный период... уделял много внимания реорганизации частей и соединений, подготовке театра военных действий и сколачиванию штабов. Он ставил вопрос об укомплектовании частей и соединений округа табельными средствами связи. Однако, как показали предвоенные инспекторские проверки и особенно события начального периода войны, многие штабы округа оказались слабо подготовленными к управлению войсками в сложных условиях боевой обстановки.

Генерал-майор Климовских В.Е. уделял серьезное внимание разведке. Благодаря этому, штаб округа на протяжении всей первой половины 1941 года располагал относительно точными данными о сосредоточении и группировке немецко-фашистских войск у нашей границы в полосе Западного Особого военного округа. Данные о противнике своевременно докладывались командующему войсками округа и в Генеральный штаб.

С выходом из строя постоянных линий связи и значительной части пунктов управления генерал-майор Климовских В.Е. принимал меры для восстановления управления войсками. Но значительные потери средств связи, трудность их восполнения, систематические воздушные удары противника по штабам, узлам и линиям связи срывали все эти мероприятия.

Таким образом, нельзя утверждать, что генерал-майор Климовских В.Е. преднамеренно допустил развал управления войсками, проявил трусость, бездействие, нераспорядительность, как об этом сказано в обвинительном заключении»⁹⁸⁶. 31 июля 1957 г. приговор в отношении Климовских был отменен Военной коллегией Верховного суда СССР по вновь открывшимся обстоятельствам за отсутствием состава преступления⁹⁸⁷.

Выпускник младшего ускоренного курса 1-й очереди академии Генштаба генерал-майор танковых войск (с 9 ноября 1941 г. — генерал-лейтенант) Владимир Сергеевич Тамручи (20.04.1892–28.10.1950) с августа 1940 г. занимал пост заместителя генерал-инспектора автобронетанковых войск Красной армии, перед войной он руководил авторским коллективом учебника по тактике бронетанковых войск, а с началом войны стал начальником штаба 22-го механизированного корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта. Совместно с командиром корпуса генерал-майором С.М. Кондрусевым с первого дня войны Тамручи лично руководил войсками в боях с противником, при этом корпус еще не был отобомобилизован. После гибели 24 июня 1941 г. генерала Кондрусева Тамручи принял командование корпусом на себя. 2 июля 1941 г. части корпуса в районе станции Олыка сдерживали превосходящие силы противника, причем нанесли противнику большие потери и даже оттеснили его. 23 июля 1941 г. Тамручи первым среди танкистов

---

⁹⁸⁵ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Volkogonov Collection. Box 5.

⁹⁸⁶ Там же.

⁹⁸⁷ ГКО постановляет... С. 21.

был награжден орденом Ленина. Занимал пост помощника и заместителя командующего Юго-Западным фронтом по бронетанковым войскам.

Судьба Тамручи сложилась трагически. Заслуженный боевой генерал перенес инфаркт, но по возвращении из санатория 22 мая 1943 г. был арестован по обвинению в разглашении секретных сведений о перегруппировке советских войск и предстоящих операциях. Обвинялся в связях с троцкистами и клевете на командный состав Красной армии, руководителей партии и правительства⁹⁸⁸. По другим данным, истинной причиной ареста было его письмо Сталину с просьбой установить подлинных виновников Харьковского «котла». Арест произошел у Тамручи на квартире. Н.С. Хрущев в своих воспоминаниях впоследствии отметил, что Тамручи был арестован ни за что⁹⁸⁹. В заключении в одиночной камере Сухановской тюрьмы ему пришлось провести семь лет, и в октябре 1950 г. он скончался в тюрьме. 5 августа 1953 г. дело Тамручи было прекращено за отсутствием состава преступления⁹⁹⁰.

Сразу несколько арестов прошло в академии им. М.В. Фрунзе. Генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Георгий Семенович Дьяков (18.08.1886–03.1951), окончивший ускоренные курсы 2-й очереди академии Генштаба, в начале войны был заместителем начальника кафедры общей тактики академии. В 1940 г. Дьяков вступил в партию. 10 апреля 1942 г. он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Дьякова обвиняли в том, что в кругу преподавателей он говорил об ответственности советского правительства за неподготовленность страны к войне и нехватку техники в армии, заявлял о неизбежности поражения СССР⁹⁹¹. В заключении он провел почти девять лет и умер в марте 1951 г. в больнице Бутырской тюрьмы⁹⁹².

Генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Георгий Александрович Армадеров (04.06.1888–1956), в прошлом слушатель ускоренных курсов академии, с 1938 г. был старшим преподавателем кафедры конницы академии им. М.В. Фрунзе. 28 ноября 1941 г. он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, троцкизме, пораженческих настроениях и приговорен к 25 годам заключения, уволен из армии с лишением воинского звания. В отличие от Дьякова, Армандерову здоровье позволило дожить до освобождения и реабилитации. 22 мая 1954 г. он освободился и вышел в отставку, 29 июля 1955 г. был восстановлен в звании. За 12 лет заключения он заболел тяжелой формой туберкулеза и скончался в 1956 г.

Генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Александр Николаевич де Лазари (30.08.1880–23.02.1942) окончил два класса академии в 1909 г. по 2-му разряду. В 1938–1941 гг. он был старшим преподавателем кафедры истории военного искусства в Военной академии химической защиты. Непосредственно во время войны служить ему почти не довелось. Через три дня после начала войны, 25 июня, он был арестован якобы как итальянский шпион и осужден на десять лет тюремного заключения.

---

⁹⁸⁸ Судьбы генеральские... // Военно-исторический журнал. 1992. № 12. С. 12.

⁹⁸⁹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. М., 1999. Кн. 1. С. 489.

⁹⁹⁰ Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: Док. и мат. М.; СПб., 2005. С. 204–205; Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы. С. 333–334.

⁹⁹¹ Судьбы генеральские... С. 13.

⁹⁹² Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы. С. 139; Печенкин А.А. Высший командный состав. С. 188.

23 февраля 1942 г. он был расстрелян в тюрьме⁹⁹³. Многие годы семья арестованного не знала о его судьбе, да и позднее правды сказано не было, близкие генерала получили отписку, что де Лазари умер от инфаркта 17 сентября 1950 г.

Генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Иван Христианович Паука (07.01.1883–05.1943), выпускник академии 1915 г., накануне и в годы войны преподавал в академии Генштаба. Судьба его в военное время похожа на участь де Лазари. Паука был арестован в 1941 г. и в мае 1943 г. умер в тюрьме.

Представители старого Генштаба, как и прежде, в годы войны активно работали на ниве военной педагогики и военной науки. Выпускник Николаевской академии (выпуск 1902 г.) граф Алексей Алексеевич Игнатъев (17.02.1877–20.11.1954), приехавший в СССР из Франции, был в годы войны начальником кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии, с октября 1942 г. — редактором военно-исторической литературы Воениздата. Игнатъев стоял у истоков создания в СССР в годы войны суворовских училищ по образцу кадетских корпусов дореволюционной России, о чем писал в записке И.В. Сталину 17 апреля 1943 г.: «Существовавшие в России кадетские корпуса, несмотря на все недостатки, являлись все же основными рассадниками офицерского воспитания наших истинно военных советских людей. Создание подобной военной средней школы мотивируется в настоящий момент еще и стремлением оказать непосредственную и действительную помощь семьям павших в боях командиров, сыновьями которых и должны по преимуществу комплектоваться эти школы. Пример отца, отдавшего жизнь за Родину, представляет уже сам по себе достаточный стимул для воспитания ребенка и юноши в духе высокого сознания воинского долга»⁹⁹⁴. В 1943 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта, а в 1947 г. Игнатъев вышел в отставку.

Целая плеяда старых генштабистов преподавала в академии Генерального штаба. Выпускник ускоренных курсов академии 1-й очереди, в прошлом Генштаба капитан Евгений Александрович Шиловский (21.11.1889–27.05.1952) 4 июня 1940 г. получил звание генерал-лейтенанта. К этому времени он уже был профессором академии Генштаба, с мая 1941 г. стал начальником кафедры оперативного искусства, с августа 1941 г. по апрель 1942 г. исполнял обязанности начальника академии. Шиловский внес большой вклад в осмысление опыта Великой Отечественной, неоднократно выезжал на Западный, Брянский, Центральный, Белорусский и Прибалтийские фронты для изучения опыта войны. Непосредственно в годы войны им подготовлены такие работы, как «Рост военного искусства Красной армии в ходе Отечественной войны» (М.: Воениздат, 1943), «Разгром немецких войск под Москвой» (М.: Воениздат, 1943; Госполитиздат, 1944), первый том книги «Прорыв фронта». В 1943 г. он стал доктором военных наук, вступил в партию. В 1945 г. в Воениздате вышла новая книга Шиловского «Разгром немецких войск в Белоруссии». В 1946 г. увидело свет исследование «Восточно-Прусская операция Красной армии 1945 г.» (в соавторстве с Н.А. Таленским и А.В. Васильевым). За свой военно-научный труд Шиловский был награжден орденом Суворова 2-й степени и другими наградами. Шиловский был одним из прототипов Ва-

⁹⁹³ Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы.. С. 130.

⁹⁹⁴ «Срок обучения — восьмилетний». Записка А.А. Игнатъева Сталину о создании кадетских корпусов // Родина. 2010. № 5. С. 67.

дима Рощина в «Хождении по мукам» Алексея Николаевича Толстого, которому Шиловский приходился зятем.

Генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Алексей Владимирович Кирпичников (27.01.1888–1974) окончил ускоренные курсы 2-й очереди академии Генштаба. В 1944 г. он вступил в партию. В 1939–1955 гг. Кирпичников преподавал в академии Генштаба. В 1942 г. был руководителем генеральской группы в академии. Был старшим преподавателем и заместителем начальника кафедры. 29 августа 1943 г. произведен в генерал-лейтенанты. Генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Николай Николаевич Шварц (14.02.1882–04.01.1944) окончил академию Генштаба в 1911 г. В годы войны преподавал в академии Генштаба, работал заместителем начальника кафедры. 29 августа 1943 г. произведен в генерал-лейтенанты. Его коллегой по академии был генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Федор Платонович Шафалович (14.09.1884–1952), ставший генерал-лейтенантом 29 октября 1943 г.⁹⁹⁵ Еще одним преподавателем академии был генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Алексей Иванович Готовцев (11.02.1883–10.1969), произведенный 18 мая 1943 г. в генерал-лейтенанты.

Разумеется, старые генштабисты работали и в академии им. М.В. Фрунзе. Генерал-лейтенант (с 4 июня 1940 г.), доктор военных наук, профессор Александр Константинович Коленковский (23.08.1880–23.05.1942) с 1940 г. был членом партии, в академии им. М.В. Фрунзе он занимал должность начальника кафедры военной истории. В 1942 г. в шестом сборнике трудов академии вышла его статья «Ростовская операция Красной армии». Коленковский умер 23 мая 1942 г. в Ташкенте, куда была эвакуирована академия. В официальной истории академии отмечалось, что Коленковский «был известным военным теоретиком и замечательным педагогом, посвятившим всю свою жизнь служению Родине. Его перу принадлежит много научных трудов. В годы Великой Отечественной войны он целиком посвятил себя делу изучения и обобщения боевого опыта. Его смерть в мае 1942 года была тяжелой утратой для академии»⁹⁹⁶.

Соратник М.В. Фрунзе по Гражданской войне пожилой генерал-лейтенант Федор Федорович Новицкий (02.08.1870–06.04.1944) накануне войны стал начальником научно-исследовательского кабинета Фрунзе. В 70 лет он ушел в отставку, но в связи с началом войны вернулся на службу. До самой смерти Новицкий преподавал на кафедре истории военного искусства академии. В годы войны он активно собирал документальный материал, на основе которого составил многотомный очерк «Война на Тихом океане», а в 1941–1943 гг. подготовил курс лекций «Японский империализм и война на Тихом океане».

Доктор военных наук, профессор Николай Георгиевич Корсун (27.12.1876–01.12.1958) окончил академию Генштаба в 1905 г. К началу войны он был генерал-лейтенантом (с 4 июня 1940 г.), долгие годы преподавал и занимался военно-научной работой в академии им. М.В. Фрунзе, был начальником кафедры академии. В конце июля 1942 г. Корсун принимал участие в научной конференции на тему «Прорыв полевой обороны по опыту наступления Красной армии на харьковском направлении (май 1942 года)» с докладом «Великая битва

⁹⁹⁵ Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы. С. 372–373.

⁹⁹⁶ Академия имени М.В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии / Под ред. проф., генерала армии А.И. Радзиевского. М., 1973. С. 142–143.

за Москву»⁹⁹⁷. Во время войны Корсун, признанный специалист по Кавказскому фронту Первой мировой войны, автор ряда работ по этой проблематике и ветеран этого фронта, участвовал в разработке плана обороны Главного Кавказского хребта⁹⁹⁸. В 1943 г. у Корсуна вышла работа «Военное поражение Германии в 1918 году». Кроме того, Корсун привлекался к подготовке лекций по важнейшим операциям Великой Отечественной.

Выпускник ускоренных курсов 2-й очереди генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Борис Иннокентьевич Кузнецов (12.05.1889–19.04.1957) с июля 1929 г. работал старшим преподавателем кафедры военной истории Первой мировой войны академии им. М.В. Фрунзе, с октября 1942 г. был старшим преподавателем кафедры военной истории, а с января 1944 г. возглавил эту кафедру. В феврале 1946 г. Кузнецов принял кафедру истории военного искусства, а в 1947 г. вышел в отставку. В 1944 г. был награжден орденами Ленина и орденом Красного Знамени⁹⁹⁹.

Еще одним выпускником ускоренных курсов 2-й очереди среди преподавателей академии им. М.В. Фрунзе был генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Василий Иванович Максимов (18.04.1890–17.09.1945). Его служба была отмечена орденом Красной Звезды.

Преподавал в академии им. М.В. Фрунзе и полковник Василий Гаврилович Сухов (01.01.1885–1970), окончивший Николаевскую военную академию в 1913 г. В конце 1942 г. он возглавил группу преподавателей, командированных на Западный и Калининский фронты для изучения боевого опыта Красной армии¹⁰⁰⁰.

В других академиях тоже можно было встретить представителей старого Генштаба. Генерал-лейтенант (с 4 июня 1940 г.) Леонид Лаврович Ключев (04.08.1880–29.01.1943) принадлежал к так называемому выпуску 1915 г. из академии (слушателей академии, вынужденных прервать учебу в 1914 г., не завершив обучение на дополнительном курсе). С 1939 г. Ключев был начальником кафедры Военной академии химической защиты. Умер от болезни в начале 1943 г. Старшим руководителем кафедры управления войсками академии химзащиты был выпускник Николаевской академии 1902 г. профессор, доктор военных наук, генерал-лейтенант (с 4 июня 1940 г.) Михаил Михайлович Загю (01.08.1875–07.06.1951). В 1944 г. по случаю 50-летия военной службы он был награжден орденом Ленина¹⁰⁰¹. Преподавателем Военно-транспортной академии работал генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Борис Николаевич Кондратьев (02.08.1889–1973), окончивший ускоренный курс академии Генштаба. Генерал-майор артиллерии (с 4 июня 1940 г.) Владимир Матвеевич Четков (25.12.1875–03.07.1958), окончивший академию Генштаба в 1904 г., в годы войны служил преподавателем артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского. После войны получил звание генерал-лейтенанта артиллерии. Старшим преподавателем кафедры тактики, а позднее кафедры военной истории и географии артиллерийской академии был генерал-майор (с 4 июня 1940 г.), выпускник ускоренных курсов 2-й очереди академии Генштаба Александр Дмитриевич Лютов (22.11.1886–1949).

---

⁹⁹⁷ Там же. С. 144.

⁹⁹⁸ Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы. С. 198.

⁹⁹⁹ Там же. С. 211–212.

¹⁰⁰⁰ Академия имени М.В. Фрунзе. С. 144.

¹⁰⁰¹ Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы. С. 150.

Генерал-лейтенант авиации (с 4 июня 1940 г.) Александр Александрович Самойло (23.10.1869–08.11.1963) был выпускником академии Генштаба 1898 г. С июля 1940 г. по май 1941 г. он занимал должность заместителя начальника оперативного отдела штаба Главного управления ВВС Красной армии. В мае–июне 1941 г. он преподавал на кафедре тактики ВВС Военной академии командного и штурманского состава ВВС. С июня 1941 г. по июнь 1946 г. работал там же на кафедре общей тактики в должности старшего преподавателя. Позднее стал начальником кафедры военной администрации Краснознаменной Военно-воздушной академии Вооруженных Сил СССР¹⁰⁰². 23 ноября 1942 г. Самойло был награжден орденом Ленина в ознаменование 50-летия службы, 3 ноября 1944 г. — орденом Красного Знамени. Позднее Самойло был также награжден орденом Отечественной войны. В феврале 1944 г. Самойло вступил в ВКП(б).

Генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Платон Николаевич Алексеев (1882–1952), окончивший академию Генштаба в 1913 г., в 1928–1943 гг. преподавал на кафедре военных и военно-санитарных дисциплин Военно-медицинской академии. С 1944 г. был заместителем начальника кафедры военных дисциплин этой же академии, а с февраля 1945 г. — начальником кафедры. В 1933–1941 гг. преподавателем и заведующим кафедрой Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова до выхода в отставку был генерал-лейтенант (с 4 июня 1940 г.) Дмитрий Николаевич Надежный (24.10.1873–22.09.1945), окончивший академию Генштаба в 1901 г.

Свою работу в Красной армии в годы войны продолжал и генерал-майор Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (24.02.1870–03.08.1956), выпускник академии 1898 г. В 1942 г. ему без защиты диссертации была присуждена ученая степень доктора технических наук, а в 1944 г. — доктора военных наук¹⁰⁰³. В 1944 г. он получил звание генерал-лейтенанта. Война прервала его работу над подготовкой к изданию рукописи воспоминаний и дневников генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина¹⁰⁰⁴. В годы войны Бонч-Бруевич пытался продолжать подготовку рукописи к изданию, но так и не довел дело до конца. Позднее эту работу продолжил советский историк П.А. Зайончковский, а полное издание выходит только в наши дни.

В Великой Отечественной участвовал и полковник Владимир Николаевич Зарубаев (26.04.1880–1972) — выпускник академии 1911 г. К сожалению, подробности его военной службы нам установить не удалось. Также неизвестны детали участия в войне генерал-майора технических войск Сергея Николаевича Савченко (18.10.1871–1963). На командных и штабных должностях в годы войны служил генерал-майор (с 4 июня 1940 г.) Виктор Николаевич Чернышев (30.10.1880–1954), окончивший академию в 1906 г.

Интересно, что само слово «офицер» впервые было применено в годы войны именно по отношению к группе генштабистов, занимавшихся вопросами связи с войсками и именовавшихся, как и до революции, корпусом офицеров Генерального штаба¹⁰⁰⁵. По всей видимости, это были первые шаги на пути к возрождению традиций русского офицерства в Красной армии.

¹⁰⁰² РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 22. Л. 51об.

¹⁰⁰³ РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

¹⁰⁰⁴ РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 7. Л. 7–8.

¹⁰⁰⁵ *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. С. 185.

Итак, нам удалось выявить сведения об активном участии в Великой Отечественной войне 37 выпускников и слушателей Николаевской академии Генерального штаба. Скорее всего, в войне участвовало больше представителей этой группы комсостава Красной армии, однако данных о них обнаружить не удалось. По нашим подсчетам, к 1 марта 1923 г. в РККА служило 473 выпускника и слушателя старой академии¹⁰⁰⁶. Следовательно, в 1941–1945 гг. на активной военной службе оставалось лишь порядка 8% представителей старого Генерального штаба, оказавшихся в РККА к концу Гражданской войны. Разумеется, у столь незначительного процента были свои причины, среди которых естественный уход со службы старых кадров по возрасту и состоянию здоровья, увольнение считавшихся нелояльными военспецов и замена их красными командирами, а также массовые репрессии. Из 37 человек абсолютное большинство (25 человек, или около 68%) состояли на преподавательской и военно-научной работе (у такого соотношения была объективная причина — преклонный возраст многих старых генштабистов), еще один офицер находился как на преподавательской, так и на командно-штабной работе, остальные служили в строю или в штабах, служебный путь трех человек проследить не удалось, арестам подверглись не менее семи человек, или 19%, причем трое арестованных представляли фронтовиков и четверо — преподавательский состав.

Нельзя забывать о том, что в войне участвовали и более молодые генштабисты, воспитанные старшим поколением. Не случайно, например, говорили о «школе Шапошникова», основанной на высокой культуре штабной службы. Эта школа повлияла на работу Генерального штаба в годы Великой Отечественной войны и пользовалась авторитетом у И.В. Сталина. Как вспоминал позднее М.В. Захаров, работавшие с Шапошниковым офицеры, благодаря свойственным Шапошникову манере общения и стилю работы, «получили знания, не уступающие по своей значимости и объему академическому курсу»¹⁰⁰⁷. Среди представителей этой школы были Маршалы Советского Союза А.М. Василевский и М.В. Захаров, генерал армии С.М. Штеменко и др. В этом проявилась преемственность поколений и связь старой русской армии и Красной армии, а позднее мощных Вооруженных сил СССР.

Победа СССР в Великой Отечественной войне произвела на оставшихся к этому времени в живых бывших офицеров самое сильное впечатление. Прежде всего, большевики в глазах многих своих прежних противников сумели доказать свою силу и жизнеспособность. Показательны обращения, которые в ходе войны и в послевоенное время писал в органы власти бывший Генштаба генерал-майор Б.А. Энгельгардт — в прошлом видный деятель Белого движения. В заявлении на имя начальника Главного управления юстиции от 20 мая 1946 г. он писал: «Арест мой был связан с моим прошлым — помещик, офицер Генерального штаба, член Государственной думы и участник Гражданской войны на стороне белых. В настоящее время я старик, мне 69 лет, и с полной искренностью могу сказать, что на всем моем прошлом поставил крест, величественная победа Красной армии над врагом окончательно убедила меня в мощи и целесообразности нового обще-

---

¹⁰⁰⁶ Подсчитано по: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года. М., 1923.

¹⁰⁰⁷ Захаров М.В. Ученый и воин. С. 86.

ственного порядка, который установлен в моей родине»¹⁰⁰⁸. Энгельгардт дважды обращался с письмами к И.В. Сталину. Во втором письме Сталину, датированном 30 мая 1946 г., Энгельгардт писал: «Каковы бы ни были мои убеждения в прошлом, я всегда являлся верным сыном своей родины, когда вставал вопрос о ее защите: я участник Р[усско]-яп[онской] войны 1904 г. (тяжело ранен), участник мировой войны 1914–[19]18 гг. В 1943 г. я обратился к Вам с письмом, прося поставить крест на моем прошлом и призвать меня в армию. Последовал вызов меня в военкомат, меня освидетельствовали и признали “годным”. К сожалению, все же не использовали, и я не получил возможности доказать на деле мою преданность моей обновленной родине»¹⁰⁰⁹. Думается, эти слова были вполне искренними.

В своих мемуарах Энгельгардт отметил: «Шаг за шагом события заставили меня менять мой взгляд на большевиков, которого я держался в дни Гражданской войны. Я не мог больше упрямо смотреть на них как на разрушителей близкой мне тогда русской государственности. Я не мог больше верить в клеветнические речи о том, что они в своей разрушительной деятельности являлись наемниками врагов России — немцев. Победа под Москвой, победа под Сталинградом, наконец, взятие Берлина ясно показывали, что если большевики разрушили страну, то разрушили сознательно, с целью построения нового, более совершенного, более могучего государства»¹⁰¹⁰. Этот взгляд, если верить Энгельгардту, разделяли и А.А. Игнатьев и, видимо, многие другие выпускники старой академии Генерального штаба, боровшиеся с нацизмом.

* * *

По крайней мере пять выпускников ускоренных курсов академии участвовали в борьбе с нацизмом в рядах польской армии. Среди них мировую известность приобрел дивизионный генерал польской армии, герой Первой мировой и георгиевский кавалер Владислав Андерс (30.07.1892–12.05.1970). Андерс учился на ускоренных курсах академии Генштаба в 1916–1917 гг. С 1937 г. по 12 сентября 1939 г. бригадный генерал Андерс командовал Новогрудской кавалерийской бригадой. До 28 сентября 1939 г. руководил оперативной группой кавалерии. 28 сентября был взят в плен частями РККА, вступившими на территорию Западной Украины и Белоруссии. В заключении Андерс находился до 1941 г., сумел избежать расстрела и был освобожден 4 августа 1941 г. Тогда же ему было предложено возглавить формирование польской армии в СССР, чем Андерс занимался в период с 4 августа 1941 г. по 12 сентября 1942 г. Затем армия Андерса была перебросена на Средний Восток и преобразована во II польский корпус, действовавший в составе британской армии. Корпус участвовал в боевых действиях в Италии, отличившись в боях за высоту Монте-Кассино, которую поляки сумели взять штурмом 18 мая 1944 г. С 26 февраля по 21 июня 1945 г. Андерс был исполняющим обязанности главнокомандующего и генерал-инспектора польских вооруженных сил (официально состоял в этой должности с

¹⁰⁰⁸ Наблюдательное дело Б.А. Энгельгардта (Государственный архив Латвии. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 16925. Л. 3). Документ любезно предоставлен А.А. Энгельгардтом.

¹⁰⁰⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰¹⁰ *Энгельгардт Б.А.* Контрреволюция. Из воспоминаний начальника Отдела пропаганды «Добровольческой армии» / Публ. В.А. Авдеева // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 81–82.

8 ноября 1946 г. по 1954 г.). После войны жил в Лондоне, похоронен на военном кладбище Монте-Кассино.

Бригадный генерал войска Польского Ромуальд Воликовский (09.12.1891–14.02.1992), в прошлом георгиевский кавалер и выпускник ускоренных курсов академии Генштаба, с августа 1941 г. был военным атташе польского правитель-ства в изгнании в СССР, позднее он возглавил польскую военную миссию в СССР. В СССР Воликовский вел розыск депортированных в 1939 г. поляков и пытался мобилизовать их на польскую военную службу. В сентябре 1942 г. он был выслан из СССР по обвинению в шпионаже и уехал на Ближний Восток¹⁰¹¹. В сентябре 1942 – апреле 1944 гг. Воликовский занимал должность коменданта офицерских курсов при командовании на Среднем Востоке, а затем — в Польской армии на Востоке (армии Андерса). В период освобождения Польши и позднее состоял с апреля 1944 г. по 1946 г. в распоряжении Министерства народной обороны, а за-тем — начальника польского Генерального штаба в Лондоне. После войны Воли-ковский демобилизовался и уехал в Канаду (Торонто), где провел остаток жизни. Интересно, что Воликовский пережил всех прочих выпускников академии Ген-штаба и георгиевских кавалеров старой России¹⁰¹².

Выпускник ускоренных курсов 3-й очереди академии полковник Казимир Юрьевич Румша (07.08.1886–28.01.1970) после событий сентября 1939 г. покинул Польшу и уехал во Францию, где с октября 1939 г. по июнь 1940 г. служил комен-дантом польского офицерского лагеря в Серизе. Затем Румша был эвакуирован в Великобританию. В январе–июле 1941 г. командовал 8-й кадровой стрелковой бригадой I корпуса в Шотландии, с июля 1941 г. по июль 1942 г. был замести-телем коменданта офицерского лагеря в Ротсэй на острове Бют в Шотландии. С июля 1942 г. по сентябрь 1944 г. должности не имел, с сентября 1944 г. по октябрь 1945 г. служил в Центре обучения войск, с октября 1945 г. до отставки в 1947 г. состоял в резерве Генштаба. Остаток жизни провел в Лондоне¹⁰¹³.

Бригадный генерал польской армии, выпускник ускоренных курсов 2-й очере-ди Виктор Эдуардович Томме (18.11.1881–13.11.1962) с 1938 г. по сентябрь 1939 г. служил командующим IV корпусным округом (Лодзь). В период с 1 по 12 сен-тября 1939 г. он руководил оперативной группой «Петроков» армии «Лодзь», а затем командовал этой армией. В период с 13 по 29 сентября 1939 г. Томме ру-ководил обороной крепости Модлин (фактически руководство армией «Лодзь» и руководство обороной крепости были объединены¹⁰¹⁴). Своей задачей он считал оттягивание немецких сил от Варшавы. Крепость, несмотря на атаки противника, артиллерийский обстрел и бомбардировки с воздуха, упорно держалась против немцев и пала только после капитуляции Варшавы, когда гарнизон остался без снабжения. По оценке генерала Ф. Арцишевского, генерал Томме «проявил себя как человек неслыханной энергии, силы и солдатского духа. По нему не было видно какого-либо колебания, даже наоборот, он поддерживал боевой дух солдат,

¹⁰¹¹ Kosk H.P. *Generalicja polska*. Т. 2: М-Ż. Pruszków, 2001. S. 258.

¹⁰¹² Подробнее о Воликовском см. специальный материал в настоящем издании.

¹⁰¹³ Kosk H.P. *Generalicja polska*. Т. 2. S. 141; *Kryśka-Karski T., Żurkowski S. Generałowie polski niepodległej*. Warszawa, 1991. S. 158.

¹⁰¹⁴ *Mierzwiński Z. Generałowie II Rzeczypospolitej*. Warszawa, 1990. S. 317.

веря, что ситуация небезнадежна и тяготы войны будут преодолены»¹⁰¹⁵. Генерал Томме попал в немецкий плен, где пробыл до конца войны. За боевые отличия во время сентябрьской кампании 1939 г. был отмечен золотым крестом военного ордена «Виртути Милитари». По освобождении из плена Томме с апреля 1945 г. оказался в рядах польских вооруженных сил на Западе, хотя и не занимал должности. В 1947 г. генерал Томме вернулся в Польшу.

Во Второй мировой войне участвовал еще один польский офицер — выпускник ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии. Речь идет о Ярославе Викентьевиче Окуличе-Казарине (20.07.1888–23.12.1955). В польской армии полковник Окулич-Казарин в 1926–1938 гг. командовал 29-м полком пехоты. Затем занимал пост начальника ПВО командования III корпусного округа в Гродно. 16 сентября 1939 г. он был назначен командующим III корпусным округом генералом Ю. Ольшиной-Вильчинским руководить обороной Вильно от наступающих частей Красной армии. 18 сентября после занятия района Вильно частями Красной армии Окулич-Казарин с подчиненными ему польскими формированиями перешел на территорию Литвы, где был интернирован. В 1940–1941 гг. работал в имении Тышкевичей Загроше. Весной 1941 г. был арестован советскими властями. В дальнейшем сотрудничал с армией Крайовой, служил в Генштабе Польской народной армии¹⁰¹⁶.

* * *

Если говорить о военных эмигрантах — выпускниках академии Генштаба, то, действительно, СССР активно поддержали абсолютное меньшинство изгнанников, большинство же, не приемля большевизм, видели в немцах потенциальных освободителей России от коммунистического режима. Более того, немалая часть (в сравнении с участием в прочих военных конфликтах) генштабистов, будучи непримиримо настроены по отношению к коммунистической идеологии, решила принять непосредственное участие в новом походе на большевиков. Но в этом очерке речь пойдет не о них.

Меньшая часть генштабистов-эмигрантов, не принимая установившийся в СССР режим, выступила против сотрудничества с немцами, считая их врагами России и ее национального возрождения (например, генералы А.И. Деникин, С.Н. Войцеховский). Принципиальная позиция генерала Деникина была известна в эмиграции задолго до 22 июня 1941 г. Противоречивость его подхода проявилась в том, что хотя позиция Деникина в годы войны становилась все более благожелательной по отношению к СССР, однако, выступая против коллаборационизма, он рассчитывал на то, что Красная армия после победы повернет штыки против большевиков, беспокоился о судьбе бывших власовцев и, видимо, не считал, что они заслуживают наказания. К тому же в выражении своей позиции Деникин ограничился лишь отдельными заявлениями и призывами. Точно так же и генерал Войцеховский, несмотря на борьбу с гитлеровцами, при немцах стал работать на военных курсах¹⁰¹⁷.

---

¹⁰¹⁵ Ibid. S. 320.

¹⁰¹⁶ *Stawecki P.* Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997. S. 196.

¹⁰¹⁷ *Bystrov V.* Z Prahy do GULAGu aneb překáželi. Praha, 1999. S. 104.

После войны генерал Деникин в письме председателю Русского Общевоинского союза (РОВС) генералу А.П. Архангельскому от 16 мая 1946 г. назвал «челобития» руководителей РОВС немцам с предложением услуг русских эмигрантов преступными. В особенности после того, как нацисты проявили стремление к разделу и колонизации России, а также к истреблению ее населения¹⁰¹⁸. В этом же письме Деникин осудил формирование Русского корпуса, подавлявшего выступления сербов против немцев, обвинил руководство РОВС в отправке офицеров-эмигрантов на убой. Деникин писал, что действиями корпуса «русскому имени нанесен был... жестокий удар»¹⁰¹⁹ и даже что «РОВС, руководство которого запятнали себя предательством русских интересов, как русская национальная организация более не существует»¹⁰²⁰. В ответном письме Архангельский попытался опровергнуть эти обвинения, однако спорить с очевидными фактами было невозможно.

Среди генштабистов-эмигрантов были и те, кто активно поддерживал Красную армию. Например, генерал П.С. Махров, призывавший эмигрантов к оказанию помощи Красной армии, решил поступить в нее на службу. Уже 23 июня 1941 г. он направил письмо советскому полпреду во Франции с просьбой отправить его в СССР для поступления в армию¹⁰²¹. Письмо попало к французским властям, Махров в августе был арестован и заключен в лагерь Верне, освободившись в декабре 1941 г. Слово оправдываясь перед белой эмиграцией, Махров отмечал, что оборончество и национализм тесно связаны¹⁰²². Ветеран колчаковской армии выпускник ускоренных курсов академии полковник Б.Э. фон Вах после нападения Гитлера на СССР в разговоре со своим другом генералом В.М. Молчановым высказал сожаление о том, что в Гражданскую войну не перешел в Красную армию¹⁰²³. Очевидную оборонческую позицию занял бывший сотрудник генерала М.В. Алексева полковник Я.М. Лисовой, живший в США. 4 ноября 1942 г. он отправил письмо в Государственную публичную историческую библиотеку Москвы, предложив безвозмездно передать библиотеке свою обширную документальную коллекцию. В 1945 г. эти материалы поступили в спецхран библиотеки (правда, советские архивисты не оценили в полной мере значимость коллекции и позднее часть переданных уникальных материалов была уничтожена)¹⁰²⁴. Ближе к концу войны полковник М.И. Изергин писал: «За успехами Гитлер просмотрел боеспособность и сопротивляемость русского, безразлично белого или красного солдата, просмотрел и то, что неудачи научили кой-чему до того безграмотное советское командование, просмотрел и могущество советской военной техники и понял, наконец, что оккупировать Россию и сделать ее немецкой колонией нельзя,

---

¹⁰¹⁸ Александров К.М. Судьбы русского офицерства в изгнании во время Второй мировой войны. Периодика 1946 г. между генерал-лейтенантами А.И. Деникиным и А.П. Архангельским // Новый Часовой (СПб.). 2006. № 17–18. С. 207.

¹⁰¹⁹ Там же.

¹⁰²⁰ Там же. С. 208.

¹⁰²¹ Подробнее см.: «Не страшны никакие Соловьи-разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / Публ. А.В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74.

¹⁰²² Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 291.

¹⁰²³ Ефимов А.Г. Ижевцы и Воткинцы: Борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008. С. 389.

¹⁰²⁴ Кручинин А.С. Полковник Я.М. Лисовой и его коллекция // Коллекция Я.М. Лисового: Опыт реконструкции. М., 1997. С. 19–24.

что только оружием победить Россию тоже нельзя, что вообще Россию победить нельзя...»¹⁰²⁵ Стронником открытия второго фронта был генерал В.А. Яхонтов, ездивший с пропагандистскими лекциями по США. Только в 1942 г. он выступал более 220 раз¹⁰²⁶, хотя такая чрезмерная активность и особое положение Яхонтова в СССР, куда он неоднократно приезжал в послевоенное время, дают основания видеть в нем советского агента.

Отдельные генштабисты участвовали в вооруженной или подпольной борьбе против нацистов в приютивших русских беженцев странах (Ф.Е. Махин в Югославии, С.Н. Войцеховский в Чехословакии, Е.И. Носков в Болгарии). Особенно яркой была деятельность полковника Федора Евдокимовича Махина (15.04.1882–02.06.1945), окончившего академию Генштаба в 1913 г. За время Гражданской войны и эмиграции Махин прошел большую внутреннюю эволюцию. Первоначально он был противником большевиков, участником антибольшевистского движения, членом партии эсеров, однако в 1939 г. вступил в Коммунистическую партию Югославии и даже стал сотрудничать с советской разведкой. В апреле 1941 г. после нападения немцев на Югославию он примкнул к сербским четникам из армии генерала Дражи Михайловича и ушел с ними в Сараево, затем Махин попал в горные районы Черногории. В 1941 г. он перешел на сторону И.Б. Тито и выступил одним из организаторов партизанского движения в Югославии.

Роль Махина при Тито практически неизвестна даже специалистам, но по совокупности имеющихся сведений она была весьма велика. Достаточно отметить, что в октябре 1942 г. Махин жил вместе с Тито и его ближайшими соратниками в одном вагоне. Всего в вагоне размещалось 13 человек, включая самого Тито и его любовницу и секретаря Зденку (настоящее имя и фамилия — Даворианка Паунович)¹⁰²⁷. Махин состоял военным советником при Верховном штабе Тито, став одним из его ближайших соратников. Парадокс истории — участник Белого движения на Востоке России Махин и югославянский интернационалист Тито, боровшийся в Сибири с белыми!¹⁰²⁸

Махин работал в отделе радио и пропаганды штаба Народно-освободительной армии Югославии (по некоторым данным, заведовал им), сотрудничал с газетами и журналами, составлял недельные обзоры положения на советском фронте, готовил информационные материалы для радиостанции «Свободная Югославия»¹⁰²⁹. Затем был начальником исторического отделения Генерального штаба югославской армии. Одновременно писал большие пропагандистские статьи о Суворове и Фрунзе, активно занимался издательской деятельностью. В 1945 г. в Белграде была опубликована его брошюра «Наша регулярная армия». Махин получил у югославов прозвище «атаман», считался в штабе Тито человеком высокообразованным, обладавшим широким кругозором, и большим патриотом¹⁰³⁰, состоял в

---

¹⁰²⁵ Цит. по: *Чельшев Е.П.* Уральская катастрофа: По архивам Генерального штаба полковника Михаила Ильича Изергина. М., 1996. С. 76.

¹⁰²⁶ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 235–236.

¹⁰²⁷ *Матовић И.* Војсковођа с ореолом мученика: Повест о генералу Арсу Р. Иовановићу начелнику Врховног штаба НОВЈ и његовој трагичној судбини. Београд, 2001. С. 293.

¹⁰²⁸ *Гиренко Ю.С.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 3.

¹⁰²⁹ *Матовић И.* Војсковођа с ореолом мученика. С. 617, 632.

¹⁰³⁰ Там же. С. 632.

дружеских отношениях с начальником югославского Генерального штаба генералом Арсо Йовановичем.

В феврале 1944 г. его произвели в генерал-лейтенанты югославской армии, причем И.Б. Тито лично уведомил Махина об этом 24 февраля 1944 г.¹⁰³¹ Махин верил в демократизацию большевизма и в 1944 г. после поражений немцев посетил СССР. Деятельность Махина была отмечена высшими орденами, установленными коммунистическим режимом в Югославии, в частности, орденом Белого Орла, а также советским орденом Ленина. По окончании Второй мировой войны Федора Евдокимовича назначили начальником военных архивов Югославии. В этот период он сотрудничал с коммунистической газетой «Борьба», способствовал возвращению в СССР части золота, вывезенного чехами из Сибири¹⁰³².

Еще одним сторонником борьбы с нацистами был бывший Генштаба полковник И.Г. Пехливанов, проживавший в Болгарии, где работал инженером и школьным учителем. В годы Второй мировой войны Пехливанов помогал партизанам в борьбе с гитлеровцами, однако конкретных данных об оказываемой Пехливановым партизанам помощи, кроме краткого свидетельства его дочери, в нашем распоряжении нет. Дочь офицера, Кира Иордановна, впоследствии вспоминала о жизни семьи в Болгарии: «В 1941 году в возрасте 64 лет он был граждански мобилизован и назначен техническим руководителем большой мельницы в городе Червен Бряг. Там в 1942 году умерла моя мать. Я в это время работала учительницей средней школы в Софии.

Несмотря на пенсионный возраст и ослабленное здоровье (сердце), отец не мог выйти на пенсию, т.к. годы, проведенные в учении и на русской службе, ему в качестве трудового стажа не признавали.

Великую Отечественную войну отец горячо переживал. Несмотря на то, что радиоприемник у него, как и у всех тогда, был опечатан, он умудрялся слушать радиопередачи из Москвы и, обложившись картами, подробно, как кадровый военный, разбирал военные действия, составлял сводки и прогнозы и растолковывал друзьям и знакомым, в чем состоит сила Красной армии и гениальность ее командования. В ее непобедимости он был убежден с первого же дня войны.

В феврале 1944 г., после того, как София была разбомблена, отец приютил на чердаке своего маленького домика, находящегося во дворе мельницы, меня с моим будущим мужем — нелегальным. Это было довольно рискованное дело, т.к. мельница и двор ее охранялись сторожами, солдатами и собаками, а за укрытие коммунистов расстреливали.

Мы прожили у отца 5 месяцев. Когда через станцию Червен Бряг стали проходить и останавливаться немецкие эшелоны с советскими пленными, мы трое, слушая советские сводки, стали изготавливать листовки с подробными сведениями о положении на фронте и с указаниями, где удобнее всего бежать с поездов.

Листовки эти, спрятанные в кусках хлеба и яблоках, я раздавала советским пленным, болтая по-немецки с конвоирами. 35 из бежавших были пойманы болгарской полицией. Но мне удалось убедить коменданта не сдавать их немцам, а

---

¹⁰³¹ *Голдин В.И.* Роковой выбор: Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005. С. 342.

¹⁰³² *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 530.

устроить рабочими на мельницу и на уборку урожая. Так они дождались прихода Красной армии.

Когда я сказала отцу, что мы с мужем намерены идти в партизаны, он справил ему одежду, подарил свой пистолет, благословил нас на это дело и посоветовал, что по старости лет и слабости здоровья не может сам пойти с нами.

Вооруженное восстание в Болгарии 9 IX 1944 года застало отца заведующим машинным парком гидростроительства на реке Росица (директор мельницы уволил его за то, что он вопреки воле директора требовал остановки мельницы на аварийный ремонт котла. Отец вызвал экспертов, которые приказали немедленно остановить работу во избежание взрыва котла, и, конечно, директору досталось). В открытке, посланной нам в казарму, отец поздравлял нас с боевым крещением, желал успеха в ратном деле и наказывал: “Бейте безжалостно проклятых чистокровных немцев”.

Сам же он вскрывал злоупотребления немецкой фирмы “Арге Росица” и болгарских фашистов по строительству плотины и писал об этом советской контрольной комиссии в 1944 и 45 г.»¹⁰³³.

Принимая во внимание это свидетельство, не будем забывать о том, что написано оно было в советское время и несет на себе печать самоцензуры. В 1946 г. Пехливанов вышел на пенсию, но работал лектором в обществе советско-болгарской дружбы. Умер в Софии 26 марта 1955 г.

Некоторая часть генштабистов-эмигрантов в Европе подверглась репрессиям со стороны нацистов, но не всегда это были противники немцев. Например, генералы А.А. фон Лампе (арестован на 42 дня в 1933 г.¹⁰³⁴ и в 1941 г., причем в последнем случае за то, что не рекомендовал воинским чинам поступать в немецкие части¹⁰³⁵), П.Н. Шатилов, П.А. Кусонский, П.Х. Попов были арестованы немцами. Шатилов был освобожден через 49 дней¹⁰³⁶ (по другим данным — через 10 месяцев¹⁰³⁷), Попов через несколько месяцев¹⁰³⁸, а Кусонский (в свое время предлагавший немцам использовать эмигрантов в борьбе с СССР¹⁰³⁹) погиб в концлагере в форте Брендонк от побоев. Полковник Е.И. Носков был арестован вместе с другими болгарскими подпольщиками весной 1944 г., приговорен к длительному тюремному заключению (13 лет тюрьмы и 16 лет лишения свободы), но освобожден уже во время народного восстания 9 сентября 1944 г.¹⁰⁴⁰ Большая же часть генштабистов устранились от войны и продолжали обывательское эмигрантское существование, в том числе работая в Германии и на оккупированных территориях и тем самым содействуя немцам.

---

¹⁰³³ Государственный архив новейшей истории Псковской области. Ф. 9837. Оп. 1. Д. 117. Л. 1об.–2об. Частично опубликовано со значительными редакторскими искажениями и сокращениями: Человек с ружьем: Воспоминания. Документы. Очерки. Л., 1988. С. 20. Подробнее см.: *Ганин А.В.* Болгарин, защитивший Россию: судьба Иордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 255–336.

¹⁰³⁴ *Огороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М., 2002. С. 80.

¹⁰³⁵ *Свириденко Ю.П., Еришов В.Ф.* Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–45 гг. М., 2000. С. 170.

¹⁰³⁶ *Григуль П.* Корниловцы в рассеянии // Русская армия в изгнании. М., 2003. С. 362.

¹⁰³⁷ *Голдин В.И.* Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск; Мурманск, 2002. С. 227.

¹⁰³⁸ *Балабин Е.И.* Далекое и близкое, старое и новое. М., 2009. С. 203.

¹⁰³⁹ *Огороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция. С. 94.

¹⁰⁴⁰ *Голдин В.И.* Роковой выбор. С. 344.

И все же хочется верить, что отношение части генштабистов к Красной армии было таким, как у белого генерала Н.Н. Шиллинга (не генштабиста) в Праге. Очевидец вспоминал: «И вот я опять встретил на одной из шумных пражских улиц Шиллинга. Он шел тем старческим, но твердым и уверенным шагом, каким ходят старики-военные всех стран и народов.

— Ну, как это было с вами?

— А вот как, — с довольным видом отвечает Шиллинг. — Арестовали меня, привезли куда следует. Полковник какой-то, а потом и генерал к нему присоединился, спрашивает меня: “Шиллинг? Заместитель Деникина, белой армией командовали?” “Так точно”, — отвечаю я. “А что же, — спрашивает один из них, — вы почувствовали, когда увидели нас на улицах Праги?” Я же им ответил: “Увидел генералов и офицеров с золотыми погонами, солдат по форме одетых, перекрестился и подумал — стоит Россия!” Ответ этот был искренним»¹⁰⁴¹.

Приведенные примеры свидетельствуют, что не все военные эмигранты, представители старой военной элиты, записались в ряды коллаборационистов. Были и те, кто активно, с оружием в руках боролся против немцев. Эти люди прошли через сложную внутреннюю борьбу и осознали, что, безотносительно правящего режима, Родина у каждого одна.

* * *

В целом, выпускники старой академии Генштаба внесли свою лепту на алтарь Победы. Здесь стоит отметить и незаметный на первый взгляд вклад многих репрессированных генштабистов, готовивших еще в довоенное время командные кадры нашей армии. Но, конечно, трудно переоценить роль генштабистов, принимавших непосредственное участие в Великой Отечественной войне. Одно только имя маршала Шапошникова стало символом победы в самый тяжелый период войны. Нельзя забывать и о многих других не столь известных героях той войны из числа бывших генштабистов, в том числе незаслуженно репрессированных. Стоит отметить и то, что старый Генштаб подготовил в межвоенный период и в военные годы себе на смену целую плеяду видных советских генштабистов. В этом тоже проявился вклад старой школы в Победу.

Однако выпускники Николаевской академии боролись с гитлеровцами не только в рядах Красной армии, но и в рядах польской армии и в антифашистском сопротивлении в странах Европы. Как правило, это были ветераны антибольшевистских армий и фронтов, оказавшиеся после Гражданской войны в эмиграции, преодолевшие прежнюю ненависть к большевикам и пришедшие к осознанию необходимости бороться с нацизмом. Таким образом, далеко не все военные эмигранты объединились под лозунгами поддержки гитлеровской Германии и ее сателлитов, некоторая часть военной эмиграции сознательно пошла по другому пути.

---

¹⁰⁴¹ Розов-Келчевский А. На круги своя // Отчизна. 1990. № 11. С. 75–76.

ПЕРСОНАЛИИ

Во что обошлись России «любимые женщины братьев Игнатьевых»?!

Обвинения подполковника А.Н. Панчулидзева*

«Aux pauvres, mais honnêtes.
Souvenir du colonel Ignatieff
("Бедным, но честным.
На память от полковника
Игнатьева")»¹⁰⁴²

Первая мировая война даже для специалистов до сих пор остается, в значительной степени, войной неизвестной. Тем не менее ранее не использовавшиеся исследователями архивные материалы по истории этой войны, все шире вводимые в научный оборот в наше время, в будущем, хочется верить, позволят переломить ситуацию. Среди материалов фонда Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) РГВИА при содействии моего друга, исследователя истории русской военной разведки периода Первой мировой войны к.и.н. В.Б. Каширина удалось обнаружить дело, почти полностью посвященное расследованию деятельности русского военного агента во Франции (1912–1918) Генерального штаба генерал-майора графа Алексея Алексеевича Игнатьева — будущего автора неоднократно издававшейся в СССР массовым тиражом книги воспоминаний «Пятьдесят лет в строю». Кроме того, в ходе дальнейшей работы был выявлен ряд ценнейших материалов, проливающих свет на, по сути, предательскую, в условиях войны, деятельность Игнатьева.

При исследовании проблемы участия офицеров русского Генерального штаба в Гражданской войне мне приходилось сталкиваться с весьма нелестными отзывами о деятельности графа А.А. Игнатьева. Такие отзывы в основном звучали в публикациях, изданных в эмиграции. Оно и понятно. В Советском Союзе какая бы то ни было критика дореволюционной службы вернувшегося в СССР знаменитого «красного графа» была невозможна, он был во многом символической,

---

* Впервые опубликовано: Родина. 2007. № 3. С. 64–69. В настоящем издании публикуется с исправлениями и дополнениями. Статья вызвала и продолжает вызывать множество крайне эмоциональных и полярных по своему характеру откликов в печати и в сети Интернет вплоть до заявлений, что мне следовало бы воздержаться (!) от публикации предложенной версии событий вокруг братьев Игнатьевых. Интересно, что такую бурю породило всего лишь простое изложение позиции оппонентов графа А.А. Игнатьева, которые, безусловно, имеют полное право на освещение своей точки зрения (во всяком случае, ничуть не в меньшей степени, чем сам граф Игнатьев, мемуары которого тиражировались в СССР сотнями тысяч экземпляров). В советское время точка зрения оппонентов графа не могла быть озвучена по идеологическим причинам, а «официальной» версией происходившего во Франции считалась та, что изложена самим «красным» графом Игнатьевым — лицом предельно заинтересованным в обелении собственной деятельности. Не лишне отметить, что за шесть лет с момента выхода моей статьи не было озвучено ни одного заслуживающего внимания возражения относительно опубликованных в адрес Игнатьева обвинений.

¹⁰⁴² *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 2. Кн. 4–5. С. 134.

знаковой фигурой. Впрочем, апологетика Игнатъевых присуща и современной литературе¹⁰⁴³. В эмиграции же Игнатъева обвиняли в растрате 80 миллионов франков, направленных во Францию в счет погашения заказов Военного министерства в годы Первой мировой войны, и преследовали за это. Как писал один из эмигрантских авторов, через руки Игнатъева «прошли миллиарды русских денег, в погашение сделанных Военным министерством во Франции заказов, и, из этих громадных сумм, к его рукам прилипло столько, что к концу войны Игнатъев был уже не в состоянии представить отчета»¹⁰⁴⁴. Его переход к поддержке большевиков связывали именно с этими растратами. Кроме того, негативное отношение эмигрантов к Игнатъеву было обусловлено тем, что в период Гражданской войны он занял выжидательную позицию, в отличие от многих русских военных агентов не поддержал Белое движение и не позволил участникам белой борьбы использовать огромные денежные средства, имевшиеся в его распоряжении (есть документальные подтверждения того, что на всякий случай Игнатъев в годы Гражданской войны стремился заявить о своей лояльности белым, но не стоит переоценивать значение этих документов и утверждать, как это сделали их публикаторы, что Игнатъев якобы встал на сторону контрреволюции)¹⁰⁴⁵.

Обвинение А.А. Игнатъева в растрате денег доказано не было, в распоряжении исследователей до сих пор были лишь косвенные свидетельства на этот счет. Прежде всего, сам А.А. Игнатъев в своих воспоминаниях уделил довольно пристальное внимание вопросу о денежных суммах, словно пытаясь оправдаться, что само по себе уже не может не вызывать подозрений. Кроме того, лица, знавшие Игнатъева, отмечали, что он, ведая колоссальными денежными средствами, в Париже жил достаточно широко¹⁰⁴⁶. Отсутствие прямых доказательств хищений позволяло исследователям не только не считать его ответственным за них, но даже героизировать и романтизировать как самого Алексея Алексеевича Игнатъева (Игнатъева 1-го), так и главу русской контрразведки во Франции (с ноября 1915 г.) — его младшего брата, Генерального штаба полковника Павла Алексеевича Игнатъева (Игнатъева 2-го), выдавая их за людей чести¹⁰⁴⁷.

Братья Игнатъевы принадлежали к старинному аристократическому роду, последние представители которого, судя по имеющимся данным, любили жить весьма широко. Обнаруженные мною документы позволяют, по меньшей мере, усомниться в том, что в деятельности братьев Игнатъевых все было столь радужно, как представлялось до сих пор. Я не претендую ни на сенсацию, ни на то, что изложенное ниже является окончательным приговором Игнатъевым, а лишь пытаюсь разобраться в том, что творилось в 1915–1917 гг. в русской военной миссии во Франции.

¹⁰⁴³ См., напр.: *Алексеев М.* Враги братьев Игнатъевых // Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Кн. 3. Ч. 1. С. 346–354.

¹⁰⁴⁴ *Марков А.* «Записки мерзавца» // Военная быль (Париж). 1957. № 22. С. 26.

¹⁰⁴⁵ *Шавров А.В., Смирнова И.М.* Неизвестное письмо известного генерала (граф А.А. Игнатъев — адмиралу А.В. Колчаку) // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 107–110.

¹⁰⁴⁶ *Игнатъев М.* Русский альбом. Семейная хроника. СПб., 1996. С. 131; см. также донесения французской военной разведки и контрразведки по данному вопросу: Французская разведка о деятельности графа П.А. Игнатъева (Документы) // Игнатъев П. Моя миссия в Париже. М., 1999. С. 301–302, 306.

¹⁰⁴⁷ См., напр.: *Алексеев М.* Любимые женщины братьев Игнатъевых // Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 3. Ч. 2. С. 384–410.

Итак, 16 октября 1917 г., всего за 9 дней до большевистского переворота в Петрограде, состоящий в распоряжении начальника Генерального штаба в Париже 33-летний подполковник Алексей Николаевич Панчулидзев пишет рапорт на имя своего шефа, в котором выдвигает тяжелые обвинения против графа А.А. Игнатъева. Написать, по сути, донос на своего начальника, что в русской армии всегда считалось предосудительным, кадрового офицера Панчулидзева вынудили крайние обстоятельства и граничившие с изменой очевидные злоупотребления русского военного агента. Кроме того, слишком долго, пытаясь сохранить честь мундира, русское командование потворствовало Игнатъеву.

Панчулидзев происходил из известного дворянского рода Пензенской губернии, по вероисповеданию был православным. Как и Игнатъев, Панчулидзев окончил Пажеский Его Величества корпус (1903). Между пажами всегда существовала самая тесная, дружеская спайка и взаимовыручка, что, на наш взгляд, является еще одним доводом в пользу серьезности обвинений Панчулидзева (кстати, крупным должностным лицом в Париже был еще один выпускник Пажеского корпуса и кавалергард, атташе посольства России в Париже князь С.М. Кантакузен, женатый на Е. Севастопуло — эта фамилия еще встретится читателям). Позднее Панчулидзев служил в Лейб-гвардии Уланском Его Величества полку. Участвовал в Первой мировой войне с начала боевых действий в составе Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. Награжден Георгиевским оружием (1915). Осенью 1915 г., получив ранение на Восточном фронте, был направлен во Францию, где стал помощником военного агента, а с 17 (30) января 1917 г. занимал должность штаб-офицера для поручений при русском военном агенте. После революции остался во Франции, стал священником, умер 9 марта 1964 г. в Бюсси¹⁰⁴⁸. Примечательно, что героя Первой мировой войны Панчулидзева Игнатъев в своих весьма обширных мемуарах охарактеризовал лишь как «личного адъютанта (генерала от кавалерии Я.Г. Жилинского. — А.Г.), сына своего (т.е. Жилинского. — А.Г.) старого полкового товарища Панчулидзева»¹⁰⁴⁹. О том, что Панчулидзев в

¹⁰⁴⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 95, 120, 122об.; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920: Биобиблиографический справочник. М., 2004. С. 683; Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 364. В ходе работы в Гуверовском архиве мне удалось обнаружить резко негативную характеристику, данную Панчулидзеву русским военным представителем при союзном военном совете во Франции генералом от инфантерии Ф.Ф. Палицыным: «Другой офицер при ген[ерале] Жилинском был ротмистр Панчулидзев. Странный, напыщенный, неуравновешенный человек. Избалованный матерью, он к своим почти 40 годам остался ребенком. Крикливый, шумливый, хвастливый, подчас льстивый, он приводил в ужас Нарышкина, Извольского и Д'Аренбера, и когда в конце декабря он выкинул такую штуку, что должен был уйти, все вздохнули свободно и обрадовались зело... Панчулидзев дурил потом неоднократно, но после того, что он при всех обругал Кривенко и ему заявил, что он его презирает, я решил, что от него надо отделаться. Я сделал ему внушение и замечание полной несоответственности таких отношений к старшим и предложил ему прекратить такие отношения. Если прикажете, я это сделаю, — ответил он. В таких вопросах не приказывают, — ответил я, — а делаете, как считаете своей честью. На следующий день за столом они уже были на ты и друзья. Это меня покорило и удивило. Как служащий и исполнитель он был ничего, а что касается шифра, то работал скоро и хорошо... Панчулидзев в душе человек злой...» (Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). F.F. Palitsyn Memoirs. Box 1. Палицын Ф.Ф. Записки. Ч. 2. С. 52–53). Разумеется, подобная оценка (даже при ее предвзятом характере) не украшает этого офицера, однако обвинения в адрес Игнатъева выдвигал не только Панчулидзев. Кроме того, личные качества последнего не могут служить препятствием для принятия во внимание исходивших от него документов.

¹⁰⁴⁹ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. Кн. 4–5. С. 232.

течение нескольких лет был помощником Игнатьева, последний не обмолвился ни словом.

О борьбе Панчулидзева с Игнатьевым последний написал: «— Хабара! Хабара! — долетали до меня из коридора незнакомые мне слова. Я узнал голос Панчулидзева, бывшего адъютанта Жилинского, бывшего пажа и гвардейского офицера. — Справимся, наконец, мы с тобой, Игнатьев. Не станешь больше совать нос в каждый счет да в каждый чек!»¹⁰⁵⁰ Эта история, на наш взгляд, выглядит довольно неправдоподобно и комично. Сам Игнатьев, естественно, всячески отрицал собственную вину: «...про вас говорят, что вы уже отложили на черный день в Швейцарии восемьдесят миллионов франков! — Почему не сто? — шучу я сквозь слезы. Впервые в жизни я начал избегать людей»¹⁰⁵¹. Но если от мемуаров Игнатьева перейти к архивным документам, то его деятельность предстает в ином свете.

В своем рапорте подполковник Панчулидзев писал, что Игнатьев «в течение двух лет, почти, моего пребывания во Франции был мною замечен:

I) В пренебрежительном отношении к Русской армии, выразившемся в непристойных выражениях по отношению к ней и к Главному управлению Генерального штаба, а равно в безучастном отношении к защите достоинства русских офицеров, по отношению к которым были допущены некоторые некорректности.

II) Во лжи.

III) В закулисных интригах поочередно против всех представителей нашего Военного командования во Франции с целью дискредитировать их, как в глазах французских, так и русских властей, дабы доказать, что только его, Игнатьева, деятельность и является полезной во Франции и что он один способен быть в ней полноценным представителем Русской армии. Эти интриги выразились:

а) в доносах,

б) в пассивном сопротивлении, тайно, через третьих лиц, оказываемом к исполнению их распоряжений.

IV) В клевете против различных чинов Русской военной миссии во Франции.

V) В недобросовестном отношении к казенным деньгам и в отсутствии заботливости о казенном имуществе.

VI) В лицепрятном отношении при проведении заказов к одной только группе заводов и в лицепрятном предпочтении одному лишь финансовому деятелю.

VII) В попытках к установлению всеми способами лиц, которые, по мнению Игнатьева, могли бы быть опасными свидетелями его образа действий, для чего он пользовался услугами подчиненного ему Русского отдела Междусоюзнического бюро по контрразведке в Париже, во главе которого поставлен его родной брат, Гвардии I-го Гусарского полка полковник граф Игнатьев 2-й (Павел)»¹⁰⁵².

В рапорте Панчулидзева были и такие строки: «Одной из тормозящих дело раскрытия истины причин является то обстоятельство, что бюро контрразведки в Париже состоит под начальством родного брата нашего военного агента и является мощным орудием последнего для осведомления о всем, что может быть ему

¹⁰⁵⁰ Там же. С. 305.

¹⁰⁵¹ Там же.

¹⁰⁵² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 93–94.

лично невыгодно, и нажима на тех, кому известны компрометирующие гр[афа] Игнатьева факты... Графы Игнатьевы устроили на время войны из Парижа как бы Игнатьевский майорат, из которого под самыми лживыми и гнусными предлогами изгоняются все не повинующиеся их самодержавной воле»¹⁰⁵³. Далее к каждому пункту обвинения Панчулидзева приложил обстоятельное описание, я остановлюсь на наиболее значимых отрывках из этих описаний.

Пренебрежительное отношение Игнатьева к армии (первый пункт обвинения) проявилось в ноябре 1915 г., когда он в одном из разговоров, порицая русскую армию, призывал собеседников учиться у французов, потому что мы «варвары и скифы»¹⁰⁵⁴. Игнатьев высказывал эти суждения не только русским офицерам: «Я и французам говорю, что же вы хотите от таких варваров, ведь это скифы», — говорил он. Однажды, получив приказание из ГУГШ, Игнатьев заявил: «В Главном управлении Генерального штаба сидят одни идиоты и скифы». Особенно резко Игнатьев отзывался о работе отдела по устройству и службе войск ГУГШ. По мнению подполковника Панчулидзева, Игнатьев за пять лет пребывания вне России попал под влияние французов и полностью утратил русскую точку зрения на вещи. Безучастность к защите достоинства русских офицеров он проявил, когда 17 февраля (2 марта) 1917 г. на завтраке у военного министра генерала Л.-Ж.-Г. Лиоте для русского офицера, Генерального штаба полковника И.И. Щолокова, не хватило места. Безусловно, это было унижением не только для конкретного штаб-офицера и генштабиста, что само по себе невероятно, но и для всей союзной русской армии. Долгом Игнатьева как армейского представителя было вступить за честь офицера и армии, однако он этого не сделал.

Интриги, приписываемые Панчулиздевым графу Игнатьеву, действительно впечатляют. Поскольку они касаются и самого Панчулидзева, можно сказать, что эта информация фактически из первых рук. Граф Игнатьев, по мнению Панчулидзева, крайне боялся ответственности. Когда в июне—июле 1917 г. в лагере русских войск во французском городе Иер возникло недовольство и сопротивление попытке отправить солдат на Салоникский фронт, Игнатьев две недели не отвечал на предложение французов, считавших единственным возможным расстрелять бунтовщиков из пулеметов. Ответственность взял на себя Панчулидзева, заявивший, что такие репрессии со стороны французов недопустимы, так как негативно скажутся на отношении к союзникам в России¹⁰⁵⁵.

И наконец, самый болезненный для Игнатьева вопрос о хищениях казенных денег. Однажды между Игнатьевым и кем-то из французов произошел следующий диалог: «Est-ce vrai, Colonel, ce qu'en raconte que vous en êtes à votre troisième million depuis le début de la guerre?» — спросили его. Игнатьев, без тени смущения ответил: «Que voulez-vous quand en a une maîtresse cela coute cher il faut bien que je gagne de l'argent»¹⁰⁵⁶. Дословный перевод этого разговора следующий: «Верно ли, полковник, говорят, что Вы с начала войны заработали свой третий миллион? — Что Вы хотите, когда есть любовница, — это стоит дорого, мне не-

---

¹⁰⁵³ Там же. Л. 92.

¹⁰⁵⁴ Там же. Л. 95.

¹⁰⁵⁵ Там же. Л. 101.

¹⁰⁵⁶ Там же. Л. 107.

обходимо зарабатывать деньги» (перевод наш). Ответ Игнатьева воспринимался не как шутка, а как бравада.

Панчулидзеv писал по этому поводу: «Я должен признать, что за все мои многочисленные командировки: в Японию, Францию, Германию, Швейцарию, Италию, Англию, мне впервые приходится слышать в обществе подобные рассказы про кого-либо из наших военных агентов, но, к сожалению, молва растет с каждым днем»¹⁰⁵⁷. И действительно, Игнатьев с 1914 г. жил с танцовщицей Н.В. Трухановой (его брат также жил в Париже с любовницей). Мало того, что Игнатьев проживал на ее квартире в доме 19 по набережной Бурбонов, он давал ее телефон как служебный и, видимо, вел по нему служебные переговоры. Труханова не являлась ни женой Игнатьева, ни дипломатическим лицом, в связи с чем такие действия русского военного агента считались недопустимыми¹⁰⁵⁸.

Все бы ничего, если бы Игнатьев на содержание Трухановой не использовал казенных денег. «О хищениях, происходящих в нашей Парижской заготовительной комиссии, состоящей под председательством гр[афа] Игнатьева, говорят на всех перекрестках, и я, лично, долгое время не придавал всем этим толкам никакого значения. Однако сопоставление одного документально доказанного факта с одним странным признанием самого гр[афа] Игнатьева, в связи с показанием одного французского офицера при дознании по делу полковника Бремова (? — А.Г.), привели меня к глубокому убеждению, что все слухи о гр[афе] Игнатьеве имеют безусловное основание и что если он и не принимает непосредственного участия в происходящих хищениях, то таковые, тем не менее, совершаются не без его ведома и, может быть, косвенной пользы для него», — писал Панчулидзеv¹⁰⁵⁹.

Ежемесячно через Игнатьева проходило свыше 120 миллионов франков. Небезынтересна личность П.К. Ильинского — человека, отвечавшего у Игнатьева за финансы. Ильинский всецело был креатурой Игнатьева, возвысившего его из низов, благо командование позволяло вести финансовую деятельность через любых лиц. Свою карьеру Ильинский начал в качестве... кухонного мужика у секретаря русского посольства во Франции графа Фервека, затем, еще до войны, работал писцом у Игнатьева (по другим данным — камердинером¹⁰⁶⁰), после чего возглавил счетный отдел. Из нижних чинов Ильинский был произведен Игнатьевым в офицеры, став в одночасье подпоручиком (позднее — поручиком) корпуса переводчиков¹⁰⁶¹. Данные Панчулидзева о карьере Ильинского подтверждаются документами французской военной разведки, по характеристике которой последний был «абсолютным ничтожеством, человеком с довольно темным прошлым...»¹⁰⁶² Ильинский, не будучи профессиональным бухгалтером, должен был вести у Игнатьева финансовую отчетность по огромным суммам. Весьма вероятно, русскому военному агенту требовался как раз такой человек — безропотный исполнитель, который не задавал лишних вопросов и в случае провала мог быть назначен крайним.

---

¹⁰⁵⁷ Там же.

¹⁰⁵⁸ Там же. Л. 114.

¹⁰⁵⁹ Там же. Л. 113.

¹⁰⁶⁰ Лисовский [Ю.И.] Что я знаю о Бресте (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 11).

¹⁰⁶¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 114.

¹⁰⁶² Цит. по: Французская разведка. С. 305.

Каким образом Игнатъев зарабатывал деньги? Пример первый. По свидетельству члена артиллерийской комиссии полковника Колонтаева, заказ на поставку дистанционных трубок для артиллерии по 6 франков за штуку Игнатъевым был отклонен, сам Колонтаев отправлен на фронт, а за время его отсутствия Игнатъевым сделан заказ на трубки по 12 франков за штуку¹⁰⁶³.

Пример второй. Весной 1916 г. русским военным агентом было получено при посредничестве Русского торгово-промышленного банка, не пользовавшегося его покровительством, предложение пяти французских предприятий о поставке двух миллионов тяжелых снарядов. По получении этого предложения Игнатъев был сильно взволнован, у его сотрудников сложилось впечатление, что это предложение задевает какие-то личные интересы графа. Заказ в итоге был размещен в различных отделениях завода «Крез-Шнейдер», и так не справлявшегося с русскими заказами из-за их обилия. Пять фирм, первыми предложивших заказ, имели проблемы с французской полицией, их представители были вызваны на допрос, так как якобы не имели права делать предложения непосредственно военному агенту¹⁰⁶⁴.

Упомянувшийся выше полковник Колонтаев располагал документальными подтверждениями того, что Игнатъев при размещении заказов все время отдавал предпочтение исключительно заводам «Шнейдер» и связанным с ними, причем деньги переводились исключительно через Русско-азиатский банк и директора его парижского отделения А.Г. Рафаловича. На нажитые с поставок деньги Игнатъев, по показаниям французского офицера капитана Дофин, приобрел «для одной артистки» ожерелье стоимостью 300 000 франков¹⁰⁶⁵. Есть свидетельства, которые говорят о сотрудничестве Русско-азиатского и ряда других банков с германцами¹⁰⁶⁶. Думаю, целенаправленный поиск документов в архивах Русско-азиатского банка и заводов «Шнейдер» позволит расставить все точки над *i* в этом довольно темном и грязном деле, имевшем место в те дни, когда русские солдаты десятками тысяч гибли в наступлении у озера Нарочь. Полковник военно-судебного ведомства Ю.И. Лисовский, пытавшийся расследовать деятельность Игнатъева, писал: «Могу предположить, что в то время, когда русский солдат и офицер умирали в России на фронте, изнемогая от недостатка снарядов и другого боевого материала, в Париже были люди, занимавшие ответственные места в заготовительной комиссии и думавшие очень мало о том, что на русском фронте умирают русские люди и что их добросовестная работа может уменьшить количество этих смертей»¹⁰⁶⁷.

По агентурным донесениям французской разведки, завербовавшей служанку Игнатъева, «граф Алексей Игнатъев вследствие своих расходов на Труханову в одно прекрасное время оказался в очень затруднительном материальном положении... в ее (служанки. — *А.Г.*) присутствии неоднократно составлялись фальши-

¹⁰⁶³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 113.

¹⁰⁶⁴ Там же. Л. 109.

¹⁰⁶⁵ Там же. Л. 113.

¹⁰⁶⁶ Орлов В.Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 57; Цветков В.Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917–1922 годах // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 131.

¹⁰⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 8.

вые документы на крупные суммы»¹⁰⁶⁸. Вызывала сомнения и финансовая порядочность начальника русской контрразведки во Франции графа Павла Игнатъева (Игнатъева 2-го), получавшего за одну и ту же информацию деньги и от Генерального штаба, и от Ставки, и от фронтовых штабов. При расследовании его деятельности ценными за период с мая по август 1917 г. были признаны лишь 11,7% донесений (38 из 324 телеграмм). Кроме того, при расследовании в августе 1917 г. 154 телеграммы Игнатъева 2-го были признаны неверными, 87 бесполезными, а 28 даже несерьезными¹⁰⁶⁹. При этом расходы Игнатъева 2-го в 1916 г. составили порядка четырех миллионов франков.

Помимо всего прочего Игнатъев 2-й занимался тем, что фабриковал дела по обвинению в шпионаже всех неугодных его старшему брату. Таким способом были ложно обвинены Генерального штаба полковник В.В. Кривенко, поручик граф В.И. Капнист, коллежский советник П.С. Вяжсеев (? в документе фамилия неразборчива) и, наконец, сам автор рапорта подполковник А.Н. Панчулидзе, что и заставило последнего взяться за перо. Из состава русской военной миссии Игнатъевыми были также удалены полковники Колонтаев и Ю.И. Лисовский¹⁰⁷⁰. Все вышеперечисленные офицеры и чиновники так или иначе пытались бороться с Игнатъевыми: граф Капнист составил рапорт об их деятельности на имя представителя Временного правительства Генерального штаба генерал-лейтенанта М.И. Занкевича, травлю которого также пытался организовать Игнатъев¹⁰⁷¹, Колонтаев располагал документами о неправильном ведении Игнатъевым дел, полковник военно-судебного ведомства Ю.И. Лисовский, возглавлявший Расследовательную комиссию, обнаружил злоупотребления на принадлежавших русской военной миссии огромных складах в Бресте.

Небезынтересно, что в отношении положения со складами в Бресте уже в конце июня 1917 г. было проведено расследование, материалы которого сохранились. Расследование продемонстрировало полную халатность в отношении русского военного имущества, которое постепенно приходило в негодность от небрежного хранения (проверкой обнаружены тысячи ящиков с ржавыми касками, патронами, снарядами, автомобилями, гнилой конской сбруей¹⁰⁷²). Все закупки на сумму в 20 миллиардов рублей и хранение приобретенного имущества находились в ведении графа Игнатъева, причем общая сумма ущерба от преступного недосмотра составила миллионы рублей. Однако имели место и другие злоупотребления. Русские грузчики (многие — из военнопленных, бежавших из германского плена), работу которых оплачивала русская миссия, работали с частными лицами, не имевшими к России никакого отношения, в частности, сооружали для французов заборы¹⁰⁷³. Как показал подпрапорщик А.Д. Касьянов, занимавшийся разгрузкой вагонов: «Председатель Миссии выдает фальшивые удостоверения, беря всякую частную работу под опеку, и называет ее казенной. Такой порядок сильно волнует

---

¹⁰⁶⁸ Цит. по: Французская разведка. С. 306.

¹⁰⁶⁹ *Звоначев К.К.* Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг.: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 247.

¹⁰⁷⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 116, 118.

¹⁰⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 79.

¹⁰⁷² Там же. Л. 42, 44, 46, 47, 49, 50, 57, 62.

¹⁰⁷³ Там же. Л. 35.

нашу команду, отбивает всякую охоту к работе и подрывает наши физические и моральные силы»¹⁰⁷⁴.

Подобные показания дали и другие лица, участвовавшие в погрузке. В счетах на довольствие нижних чинов указывались те продукты питания, которых они не получали. Имело место и затягивание, возможно, преднамеренное, погрузки пароходов, которые в среднем грузились от 10 до 17 дней, тогда как могли грузиться за 5–6 дней. Затягивание погрузки вело к огромным расходам за простой кораблей (по некоторым данным, до 30 000 франков за погрузку). Поручик Д.О. Морозов показал: «...у меня невольно сложилось крепкое убеждение о том, что расходы миссией русских денег ведутся совершенно произвольно... я вновь усматриваю, что поставленным во главе русской миссии лицам в Бресте русские интересы чужды»¹⁰⁷⁵. Председатель следственной комиссии по ситуации в порту Бреста полковник Ю.И. Лисовский в своих неопубликованных мемуарах писал, что прямых улик, доказывающих причастность Игнатьевых к произошедшему в Бресте, не имеется. Однако на протяжении всех своих воспоминаний о Бресте он указывает на то, что именно Игнатьевы ответственны за это. Лисовский писал: «Граф Игнатьев вплоть до настоящего времени не может равнодушно слышать о генерале [М.И.] Занкевиче, возбудившем дело о беспорядках в Бресте»¹⁰⁷⁶. Отношения Игнатьева с Лисовским испортились сразу после назначения последнего председателем следственной комиссии. По свидетельству Лисовского, Игнатьев умышленно препятствовал работе комиссии и даже прислал для наблюдения за ней своего соглядатая — прапорщика Градова¹⁰⁷⁷.

Затем, Игнатьев очень болезненно воспринял доклад Лисовского об итогах поездки в Брест, проявлял «необыкновенную нервность и заносчивость; он перебивал мои слова, делал странные выпады, заявлял, что комиссия не имеет права соваться в те дела, которые ей не подведомственны, и т.д. Это сильно мешало докладу, хотя, по-видимому, граф Игнатьев забывал самое главное: я докладывал от лица всей комиссии, присутствовавшей здесь же, а комиссия расследовала согласно предписанию, данному представителем Временного правительства»¹⁰⁷⁸. После комиссии Лисовского уже сам Игнатьев направил в Брест свою комиссию, задачей которой, по мнению Лисовского, было «замазывать» все ранее вскрытые злоупотребления¹⁰⁷⁹.

Характерно, что упоминания Игнатьевым в мемуарах из всех его оппонентов удостоились лишь Панчулидзев и представитель Генерального штаба при французской главной квартире Генерального штаба полковник В.В. Кривенко («оказался по отношению ко мне — вероятно, из зависти — большим врагом»¹⁰⁸⁰), как будто бы остальные и не существовали. По сути, в Париже к 1916–1917 гг. сложилась организованная группа, объединявшая братьев Игнатьевых, Рафаловича и покровительствовавшего им русского поверенного в делах в Париже (май–

¹⁰⁷⁴ РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 230. Л. 28.

¹⁰⁷⁵ Там же. Л. 68об.–69.

¹⁰⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 6.

¹⁰⁷⁷ Там же. Л. 32.

¹⁰⁷⁸ Там же. Л. 70–71.

¹⁰⁷⁹ Там же. Л. 77.

¹⁰⁸⁰ *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 2. Кн. 4–5. С. 232.

октябрь 1917 г.) богатого грека М.М. Севастопуло. Не исключено, что в делах Игнатъева был замешан и русский морской агент во Франции капитан 1-го ранга В.И. Дмитриев, во всяком случае об этом писал полковник Ю.И. Лисовский¹⁰⁸¹. С такой организацией в чужой стране, где все административные рычаги, благодаря многолетним связям с французской элитой, были у Игнатъева, отдельным офицерам русской военной миссии, сохранившим верность присяге, бороться было почти невозможно.

Есть и более страшное обвинение Панчулидзева: с целью отвлечь внимание русского и французского командования от своих махинаций Игнатъевы содействовали беспорядкам в частях Русского экспедиционного корпуса во Франции в 1917 г.¹⁰⁸² По всей видимости, речь идет о событиях в лагере Ля-Куртин (близ г. Лимож), в котором летом 1917 г. произошло восстание солдат Русского экспедиционного корпуса. Полковник Ю.И. Лисовский также писал о требующих проверки слухах, что Игнатъев засылал в Ля-Куртин агитаторов¹⁰⁸³. Внешне все выглядело вполне благопристойно: «...граф Игнатъев соблюдал строгую дипломатию, ни во что “строевое” не вмешивался и делал вид, что он вообще ничего не знает о Ля-Куртин»¹⁰⁸⁴. Впрочем, в мнимую неосведомленность Игнатъева трудно поверить.

Дознание по делу Игнатъевых проходило в Петрограде и началось в весьма символический для русской истории день — 25 октября 1917 г. По мнению военного юриста, полковника Ю.И. Лисовского, «в русской миссии во Франции... несомненно есть люди, для которых большевистский переворот был сущим подарком. Наоборот — не явись большевики, не все служащие в русской миссии чувствовали бы себя хорошо вплоть до настоящего времени и, вероятно, сели бы на скамью подсудимых и были бы достойно наказаны»¹⁰⁸⁵. Поскольку более поздние документы в деле Игнатъевых отсутствуют, можно предположить, что в тот же день расследование было прекращено. По той же причине не состоялась и сенаторская ревизия в брестском порту.

Даже если все выдвинутые против Игнатъевых в 1917 г. обвинения ложны (что маловероятно), все равно их деятельность, давшая повод столь мощным слухам как в русских, так и во французских военно-политических кругах и обществе, а позднее вызвавшая даже специальное расследование, находившееся на контроле у начальника Генерального штаба, нанесла самый серьезный ущерб престижу России и русской армии. Однако похоже, что ложными эти обвинения отнюдь не были. Оставшиеся средства граф Игнатъев передал СССР в 1925 г.

---

¹⁰⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 31.

¹⁰⁸² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2652. Л. 116.

¹⁰⁸³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 81.

¹⁰⁸⁴ Лисовский Ю. Лагерь Ля-Куртин (Русская революция во Франции) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 274.

¹⁰⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 458. Л. 8–9.

«На вопрос о том, как отношусь к большевикам, принципиально не отвечаю»

Судьба главы русской военной разведки Н.К. Раша*

Исторический путь развития отечественной военной разведки полон ярких и удивительных операций, однако за успехами и неудачами всегда стояли конкретные люди, большинство из которых, не щадя своих сил, работали на благо своей страны. К сожалению, отношение власти к этим профессионалам нередко было далеко не соответствующим их заслугам и стараниям. Подобное отношение было особенно характерно для советского периода истории военной разведки, когда ценнейшие высококвалифицированные кадры разведчиков нередко подвергались бессмысленным арестам и расстрелам.

К сожалению, проблема репрессий в отношении военных специалистов в годы Гражданской войны до сих пор не получила своего объективного и всестороннего освещения. Мы уже писали о том, что большевистские репрессии против старой военной элиты в годы Гражданской войны не отличались особой логикой и во многих случаях шли во вред зарождавшейся Красной армии¹⁰⁸⁶.

В этом очерке предпринята попытка детально проанализировать одно из расстрельных дел той эпохи, по которому без какой-либо вины с его стороны был уничтожен бывший руководитель Особого делопроизводства ГУГШ Генштаба полковник Николай Карлович Раша, являвшийся фактическим главой русской военной разведки в годы Первой мировой войны. При подготовке очерка были использованы материалы РГВИА и РГВА, а также документы из семейного архива Н.А. Сергеевой — правнучки казненного полковника Раша, которой удалось получить доступ к расстрельному делу прадеда.

5 сентября 1918 г. фактически в полном составе было арестовано военно-агентское отделение Всероссийского главного штаба (ВГШ): начальник К.И. Жихор, сотрудники В.А. Ивановский и П.С. Арапов (последний — не Генштаба). Неудивительно, что при таком подходе большевики, по сути, лишились всей зарубежной военной разведки, которая и находилась в ведении данного отделения.

---

* Впервые опубликовано: Родина. 2010. № 10. С. 96–99. В настоящем издании публикуется с дополнениями. Выражаю благодарность Н.А. Сергеевой и к.и.н. В.Б. Каширину за содействие в получении документов следственного дела полковника Н.К. Раша.

¹⁰⁸⁶ Ганин А. «Товарищ Склянский — заступитесь...»: Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1. С. 78–83. В качестве иллюстраций к этой статье были опубликованы некоторые документы по делу Раша. Текст статьи публикуется в настоящем издании.

Прекрасно понимавший нужды советского военного ведомства председатель РВСР Л.Д. Троцкий в октябре 1918 г. просил председателя ВЧК указать, какие арестованным Ивановскому и Жихору предъявлены обвинения, и сообщал, что «для разрешения текущих дел крайне необходимо наличие указанных работников»¹⁰⁸⁷. Однако просьба Троцкого никак не ускорила исход этого дела.

В 1919 г. последовала вторая волна репрессий против военных разведчиков — тогда арестам подверглись консультант Регистрационного (разведывательного) управления (Региструпра) Полевого штаба РВСР бывший Генштаба капитан Г.И. Теодори, начальник разведывательного отделения Полевого штаба бывший Генштаба капитан Б.И. Кузнецов, консультант разведывательного отделения бывший Генштаба капитан Ю.И. Григорьев, бывший начальник агентурного отдела Региструпра, в прошлом Генштаба штабс-капитан Г.Я. Кутырев. Хотя эти аресты не имели под собой серьезных оснований, именно они лишили большевиков возможности в сжатые сроки обзавестись собственной военной разведкой.

3 августа 1918 г. был арестован и уже 14 сентября расстрелян бывший руководитель Особого делопроизводства ГУГШ Генштаба полковник Н.К. Раша, руководивший русской военной разведкой с марта 1914 г. по август 1916 г.

Николай Карлович Раша родился 26 октября 1877 г. в семье личного дворянина Московской губернии. Он окончил 4-ю московскую гимназию, курс Московского военного (до 9 июля 1897 г. — пехотного юнкерского) училища по 1-му разряду (1898) и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). На службу он поступил рядовым на правах вольноопределяющегося 30 августа 1896 г. в 4-й гренадерский Несвижский полк. Уже в юнкерские годы Раша выделялся среди сверстников. Так, например, 19 июля 1897 г. он был награжден шашкой за отличную стрельбу, а на следующий год тоже получил приз за успехи в стрельбе. Из училища Раша вышел в Лейб-гвардии Санкт-Петербургский короля Фридриха Вильгельма III полк. Выделялся Раша среди сверстников и в дальнейшем — и когда с первой попытки поступил в престижную Николаевскую академию Генштаба, и при ее окончании, когда за отличные успехи в науках удостоился производства в следующий чин штабс-капитана, и позднее, во время службы по Генштабу.

Сразу после академии последовало серьезное испытание — командировка в распоряжение наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке и участие в Русско-японской войне, за которую Раша получил четыре боевых ордена.

С 10 июня 1905 г. Раша — старший адъютант штаба 26-й пехотной дивизии. Уже после окончания войны 1 ноября 1906 г. последовало прикомандирование к 103-му пехотному Петрозаводскому полку для цензового командования ротой. В полку Раша вновь продемонстрировал свое давнее умение метко стрелять и блестяще выступал на офицерских состязательных стрельбах. Но в ноябре 1907 г. он вернулся на прежнее место службы в 26-ю дивизию, где прослужил до 28 февраля 1911 г. Затем с 28 февраля 1911 г. по 27 марта 1914 г. Раша занимал пост помощника делопроизводителя ГУГШ.

За годы военной службы Раша проявил себя как храбрый и знающий офицер. Был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1904), Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (1904), Св. Анны 3-й степени с

¹⁰⁸⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 113.

мечами и бантом (1905), Св. Станислава 2-й степени с мечами (1905)¹⁰⁸⁸. Наконец, в 1910 г. он был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

В аттестации Раша от 1 ноября 1913 г. отмечалось: «Обладая отличными способностями, живым и энергичным характером, а также отличаясь усердным и аккуратным отношением к делу, является прекрасным работником, одновременно (? , текст обрезан. — А.Г.) способным с полным успехом и вполне самостоятельно выполнить любую порученную ему работу.

Быстро схватывает сущность всякого дела, работает не только хорошо, но и очень быстро.

Знает французский язык и в совершенстве владеет немецким языком, вследствие чего был весьма ценным работником в германском делопроизводстве.

В нравственном отношении безупречен. Отлично дисциплинирован. Прекрасный товарищ. Всегда сохраняет бодрое настроение духа.

В физическом отношении отличается крепким здоровьем, в верховой езде неутомим.

Отличный.

Достоин выдвижения вне очереди на должность делопроизводителя Главного управления Генерального штаба»¹⁰⁸⁹.

Выдвижение не заставило себя долго ждать, уже с 27 марта 1914 г. Раша занял пост делопроизводителя ГУГШ. На посту руководителя Особого делопроизводства ГУГШ, ведавшего вопросами разведки, он сменил Генштаба полковника О.К. Энкеля. К началу Первой мировой Раша уже выслужил чин полковника. На должности делопроизводителя он пробыл почти все военные годы, неоднократно выезжал в это время в ответственные заграничные командировки. Только в начале 1917 г. он получил в командование 48-й пехотный Одесский полк.

9 мая 1917 г. Раша писал жене: «29го мы заступаем на новую позицию. Пришлось всю ее предварительно облазить, а затем, когда полк стал на места, изучать ее по частям, а это в Лесистых Карпатах вещь не из легких. Каждый день почти тратил на это по 5–6 часов и до того уставал, что еле мог справляться с докладами, которых тоже каждый день тьма. Сейчас немного успокоился, позицию знаю и с [оманди]рами баталионов сталкивался. У нас своеобразная тишина — не то предвестник большой бури, не то действительного, может быть, мира. Теперь никто ничего не разберет. Стараюсь, сколько хватает сил и разума, держать полк наготове, ибо достаточно знаю немцев, но трудная это задача теперь. И утомление войной и ломка организации сказываются»¹⁰⁹⁰.

Уже после большевистского переворота, 25 ноября 1917 г. Раша стал начальником штаба 12-й пехотной дивизии¹⁰⁹¹. По некоторым данным, позднее он слу-

---

¹⁰⁸⁸ Сведения о дореволюционной службе Раша приведены по его послужному списку на 30 января 1909 г. (РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 34003. П/с 348-295. Л. 1–6об.), а также по печатным спискам Генерального штаба (Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 498; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года (С приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг., 1917. С. 83).

¹⁰⁸⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4629. Л. 1об.

¹⁰⁹⁰ Архив Н.А. Сергеевой.

¹⁰⁹¹ Список Генерального штаба. Исправлен по 1 марта 1918 г. Дополнение к списку Генерального штаба изд. 1917 г. М., 1918. С. 83. (Библиотека РГВИА. Инв. № 9923).

жил начальником штаба XI армейского корпуса. Впрочем, в семейном архиве правнучки Раша сохранились документы о том, что с 10 февраля 1918 г. Раша находился в Вологде в эвакуации, где проходил госпитальное лечение. В удостоверении от 4 апреля 1918 г. об увольнении генштабиста от службы было отмечено: «Дано сие от Учетного отдела при Вологодском Совете солдатских, рабочих и крестьянских депутатов начальнику штаба 12 пех[отной] дивизии Николаю Раша в том, что он, согласно свидетельства о болезни от 3-го апреля 1918 года, Комиссией врачей при Вологодском окружном эвакуационном пункте уволен вовсе от военной службы как совершенно к ней неспособный, что подписью с приложением казенной печати удостоверяется»¹⁰⁹². Таким образом, должность начальника штаба 12-й пехотной дивизии, скорее всего, была последней должностью, которую занимал Раша в старой армии.

Раша сравнительно быстро и вполне добровольно откликнулся на призыв руководителей РККА к бывшим офицерам Генштаба поступать на советскую военную службу и был зарегистрирован в списке № 5, датированном 21 мая 1918 г.¹⁰⁹³ С 18 мая 1918 г. и до ареста он служил новой власти исполняющим должность начальника транспортного отделения этапно-транспортного отдела управления военных сообщений при Московском округе путей сообщения¹⁰⁹⁴. Об обстоятельствах своего поступления на советскую военную службу Раша сообщил на допросе следующее: «... тов[арищ], с которым я учился в 4-ой московской классической гимназии, Владислав Карлович Дмоховский, где проживает не знаю, с которым я не виделся 23 года, узнал, что я не у дел и в отставке, сказал о[б] этом н[ачальни]ку военных сообщен[ий] Московского округа Афанасьеву Владимиру Александровичу, который, по-видимому, навел обо мне справки и телеграфировал мне в Вологду, чтобы я занял вышеупомянутое место»¹⁰⁹⁵.

Уже после ареста Раша 5 сентября был утвержден в занимаемой им должности Высшей аттестационной комиссией¹⁰⁹⁶. Похоже, военные власти просто не были осведомлены об аресте военспеца до самого финала его дела. Одним из подтверждений этому было включение Раша 27 августа 1918 г. в комиссию для пересмотра и разработки устава полевой службы под председательством бывшего генерала А.Е. Гутора¹⁰⁹⁷.

В расстрельном деле Раша всего несколько листов, содержание которых способно вызвать лишь недоумение. Из документов следует, что вся «вина» арестованного заключалась лишь в том, что он зашел в гости к своему старому знакомому генерал-майору артиллерии Р.И. Башинскому. Как выяснилось, тот был накануне арестован, а на его квартире чекистами была устроена засада, в которую и попал Раша. Все произошло молниеносно. На допросе Раша показал: «Пришел в Харитоньевский пер., на квартиру быв[шего] генерала Башинского, спросил, нельзя ли его видеть, мне сказали: “войдите” и провели из кухни¹⁰⁹⁸, в этой кухне

---

¹⁰⁹² Архив Н.А. Сергеевой.

¹⁰⁹³ РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–7об.

¹⁰⁹⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 49.

¹⁰⁹⁵ Протокол допроса Н.К. Раша (Архив Н.А. Сергеевой).

¹⁰⁹⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 49об.

¹⁰⁹⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 60.

¹⁰⁹⁸ Так в документе.

мне сказали, что вчера или третьего дня все живущие вместе с хозяевами арестованы, когда я спросил, куда девали Башинского, то и меня арестовали»¹⁰⁹⁹. При аресте у бывшего полковника изъяли золотые часы.

Нам неизвестно, был ли действительным, а не мнимым контрреволюционером генерал Башинский. К сожалению, его дело, как и многие другие следственные дела той эпохи, до сих пор исследователям недоступно. Известно лишь, что зашедший к Башинскому в гости Раша обвинялся в том, что «он, как бывший полковник Генерального штаба, поддерживал связь с контрреволюционными элементами». Своей вины Раша не признал, а каких-либо доказательств в деле не было¹¹⁰⁰. Во время следствия Раша содержался сначала в Таганской тюрьме, затем — в арестном доме при ВЧК, допрошен он был только дважды, причем весьма формально (3 августа, в день ареста, и 13 августа). Во время первого допроса на вопрос об отношении к большевикам и к той или иной политической ориентации он отвечать отказался. При этом лично добавил в протокол допроса следующую запись: «На вопросы политического характера, в частности, на вопрос о том, как отношусь к большевикам, принципиально не отвечаю. Н. Раша»¹¹⁰¹. Эту фразу можно истолковать по-разному. Скорее всего, он, как и большинство бывших офицеров, не разбирался в политике и опасался запутаться в показаниях. Возможно также, что Раша плохо относился к новой власти, поступив на советскую службу в связи с необходимостью обеспечивать семью. Однако вышло хуже, чем можно было предположить. Отказ от показаний не спас Раша, а, по всей видимости, как раз погубил его.

Вопиющий непрофессионализм следствия и бессмысленность действий чекистов просто бросаются в глаза. Никаких вопросов, которые могли бы пролить свет на «контрреволюционную» деятельность арестованного, задано не было. Следователя интересовало лишь то, по чьей рекомендации Раша устроился на советскую службу. Своих поручителей Раша указал, однако в заключении по делу 10 августа следователь почему-то записал, что и на этот вопрос арестованный ничего не ответил. Видимо, это было сделано для большей убедительности приговора. Тогда же впервые было предложено применить в отношении Раша «как определенного врага советской власти, состоящего в связи с другими контрреволюционерами», высшую меру наказания.

В ходе второго допроса Раша должен был более подробно рассказать о своих отношениях с генералом Башинским, характере их разговоров и наличии переписки. Следователь опять записал, что Раша «на политические темы и вопросы абсолютно отказывается говорить». И вновь ничто не свидетельствовало о виновности подсудимого.

В заключении по делу 16 августа отмечалось: «Раша — полковник Генерального штаба. Отказывается отвечать не только на вопросы политического характера, но даже на все. Имеет знакомство с контрр[еволюционером] Башинским. При допросе оставляет впечатление зяблого контрреволюционера. Предлагаю Раша

---

¹⁰⁹⁹ Протокол допроса Н.К. Раша.

¹¹⁰⁰ Заключение Генеральной прокуратуры РФ по делу Н-34 Н.К. Раша от 26 мая 1999 г. (Архив Н.А. Сергеевой).

¹¹⁰¹ Протокол допроса Н.К. Раша.

подвергнуть высшей мере наказания». Об участии генерала Башинского нам не известно, но едва ли ему повезло больше.

Спустя месяц приговор в отношении Раша был приведен в исполнение. Так большевиками осуществлялось бессмысленное истребление наиболее квалифицированных кадров русской военной разведки, в то время как многие подлинны шпионы разгуливали на свободе. Позднее из-за кадровых проблем разведку пришлось создавать с нуля методом проб и ошибок, подчас дорого стоивших Советской России. Не случайно в докладе начальника 1-го отделения 1-го отдела Регистра бывшего Генштаба капитана В.А. Срывалина, направленном начальнику 1-го отдела Г.Я. Кутыреву 19 февраля 1919 г., говорилось о катастрофическом положении советской военной разведки¹¹⁰².

Однако вернемся к делу Раша. Супруга арестованного, дочь потомственного дворянина Вера Ивановна (урожденная Степановская)¹¹⁰³, оказавшись в связи с арестом мужа в крайне тяжелом материальном положении, обратилась 13 сентября, за день до гибели мужа, к начальнику оперативного управления ВГШ: «Муж мой, Генерального штаба Николай Карлович Раша, был арестован 3 августа с.г. и находился в Таганской тюрьме, но последнее время его местонахождение было изменено, и я его разыскать не могу.

На моих руках находятся трое малолетних детей, из коих младшему нет еще года¹¹⁰⁴; поступить в Москве куда-нибудь на службу или получить какую-нибудь работу я лишена возможности, так как все время должна посвящать заботам о детях и домашнему хозяйству.

Не имея других средств к жизни, кроме получавшегося мужем жалованья, я, благодаря аресту мужа, продолжающемуся уже больше месяца, очутилась в безвыходном положении.

Не имея возможности оставаться дальше в Москве и желая уехать в Вологду к своим родным, прошу Вас помочь мне и выдать мне пособие из фонда вспомоществования чинов Генерального штаба как на переезд, так и для того, чтобы я могла просуществовать с детьми первое время, пока не подыщу какой-нибудь подходящей для себя работы»¹¹⁰⁵. Начальник Всероглавштаба известный военный ученый А.А. Свечин распорядился пойти навстречу несчастной женщине и выдать ей 500 руб. из фонда взаимопомощи лиц Генштаба на переезд из Москвы

¹¹⁰² РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 189–197. Документ публикуется в настоящем издании.

¹¹⁰³ Они познакомились еще во время Русско-японской войны. Вера Ивановна Степановская была тогда сестрой милосердия.

¹¹⁰⁴ Старшие дети полковника Раша, Дмитрий и Татьяна, родились 28 августа 1906 г. и 9 марта 1908 г. соответственно. В семье был еще один сын Кирилл, умерший во младенчестве. Младший сын, тоже Кирилл, родился 3 сентября 1917 г. и скончался 28 июля 2006 г., вскоре после ознакомления со следственным делом отца. В письме Н.А. Сергеевой автору приведен интересный рассказ о взаимоотношениях в семье Николая Карловича: «Дмитрий Николаевич и Татьяна Николаевна частенько вспоминали то время и удивлялись, что с ними, детьми, никто не проводил никакой работы, ничего не объяснял, что говорить и кому. Просто жили семьей, говорили с ними на немецком языке, при них всегда была бонна. Вспоминали свои детские шалости. Однажды набедокурили, испугали бонну до смерти, за что отец решил их наказать — выпороть. Так вот, Митя, боясь наказания, запихал в штаны маленькую подушку — думку, закрыв ею то самое место, которое больше всех должно было пострадать. В таком виде он предстал перед отцом, надеясь, что тот ничего не заметит и все останется думке. Естественно, хитрость эта сразу же была раскрыта. Николай Карлович рассмеялся и сменил гнев на милость. Физического наказания не последовало».

¹¹⁰⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 51–51об.

к родственникам в Вологду с тем, чтобы ее муж вернул эти деньги из жалования после своего освобождения. Соответствующая резолюция была наложена Свечиным на докладе начальника оперативного управления ВГШ С.А. Кузнецова 17 сентября, когда Раша уже не было в живых. Военное руководство, похоже, просто не предполагало столь трагического исхода этого дела.

Впоследствии Вера Ивановна винила себя в гибели мужа, ошибочно предполагая, что его расстрел как-то связан с ее письмами о материальной помощи.

В 1935 г. Вера Ивановна и Кирилл Николаевич, опасаясь преследований, сожгли в печке документы Николая Карловича, а его ордена выбросили в разных местах Ленинграда¹¹⁰⁶.

Бывший полковник Раша добровольно поступил на службу в РККА, и большевики вполне могли при желании использовать его знания и опыт, однако вместо этого он был уничтожен по совершенно нелепому обвинению. Не секрет, что в то время с наличием квалифицированных специалистов в области военной разведки в Советской России были огромные сложности, и привлечение к разведывательной работе опытного специалиста могло бы принести большевикам ощутимую пользу. Тем более что фактов, свидетельствовавших о причастности полковника Раша к контрреволюционной деятельности, не было.

На основании этого небольшого эпизода можно сделать вывод о том, что органы ВЧК своими действиями в годы Гражданской войны приносили Советской России и Красной армии отнюдь не только пользу, предотвращая различные заговоры и мобилизуя население репрессивными мерами, но подчас и существенный вред, прежде всего, вследствие вопиющего непрофессионализма многих своих сотрудников, действовавших вопреки нуждам военного ведомства и без необходимого согласования с военными. Случалось, что военные власти долгое время ничего не знали о судьбе тех или иных своих специалистов, которые оказывались в распоряжении ведомства Ф.Э. Дзержинского, и даже издавали приказы о назначении таких лиц на новые должности. Разумеется, в таком случае вмешаться и спасти своего сотрудника от репрессий они уже не могли. Тем более что в то время суровая участь арестованного могла определяться одной бездоказательной фразой «оставляет впечатление зядлого контрреволюционера»...

---

¹¹⁰⁶ Письмо Н.А. Сергеевой автору.

Несостоявшееся назначение генерала А.И. Андогского. 1918–1919 гг.*

Приход к власти на Востоке России Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака сопровождался важными кадровыми перестановками в высшем военном руководстве антибольшевистских сил. Уже в этих первых решениях Колчака в полной мере проявились самые негативные стороны белого военного строительства эпохи Гражданской войны.

Одним из наиболее вероятных претендентов на высшие военные посты в белой Сибири в тот период был начальник академии Генерального штаба генерал-майор Александр Иванович Андогский. Однако история с назначением дорого обошлась генералу. Вместо получения высокой должности он, наоборот, оказался под следствием. Как же это могло случиться?

19 ноября 1918 г., на следующий день после Омского переворота и своего прихода к власти, Колчак вызвал к себе генерала Андогского и предложил ему занять пост начальника штаба своей Ставки. Этот выбор, вероятно, был бы более удачным, чем последовавшее вскоре назначение печально известного Генштаба полковника Д.А. Лебедева, которого современники и исследователи не без оснований обвиняют в некомпетентности на занимаемом им посту и ответственности за провал весеннего наступления колчаковских армий в 1919 г.

Андогский был критически настроен по отношению к Ставке прежнего главнокомандующего генерала В.Г. Болдырева. Он, в частности, заявлял в октябре 1918 г.: «Неустойчивость во взглядах, случайность работ, — вот характер деловой части Ставки. Черты эти проглядывают во всем»¹¹⁰⁷. По всей видимости, у генерала было собственное видение необходимых военных преобразований, которое он мог начать претворять в жизнь в случае назначения.

Однако Колчак как новичок на военно-политическом Олимпе Востока России не взял на себя ответственность за единоличное и непопулярное решение, связанное с назначением на столь важную должность офицера, длительное время сотрудничавшего с большевиками. Именно таким человеком и был начальник академии Генерального штаба Андогский. Он занял свой пост еще летом 1917 г., но продолжал оставаться на прежнем месте в Петрограде, а позднее и в Екатерин-

---

* В сокращенном виде опубликовано: История белой Сибири: Сб. науч. тр. / Под ред. С.П. Звягина. Кемерово, 2011. С. 138–144.

¹¹⁰⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 29.

бурге при советской власти. И хотя доказательств того, что Андогский был активным сотрудником большевиков, а не руководствовался благой целью сохранить академию от развала и уничтожения, у его недоброжелателей не было, тем не менее самим фактом своей службы у красных генерал был безнадежно скомпрометирован в глазах командного состава антибольшевистских сил.

При выборе кандидатуры начальника штаба весьма неблагоприятную роль сыграл Генштаба полковник Д.А. Лебедев, «темный период» биографии которого (как в прямом, так и в переносном смысле), вопреки встречающимся в некоторых работах оценкам¹¹⁰⁸, отнюдь не закончился с приходом к власти Колчака. И сам Колчак, власть которого еще не успела укрепиться, и многие другие представители белого командования боялись конфликта с рядовой массой и фронтовыми командирами, неприятия с их стороны нового назначения. Эти опасения свидетельствуют о невысокой дисциплине войск, в которых были возможны подобные, типичные для эпохи 1917 г., эксцессы. Для сравнения, в РККА эти пережитки революционной поры были ликвидированы достаточно быстро. Поэтому Колчак был вынужден пойти на беспрецедентный шаг. Вместо единоличного решения он в традициях 1917 г. организовал опрос представителей командного состава по поводу возможного назначения Андогского. Именно в результате этого опроса пост достался Лебедеву.

До сих пор обстоятельства назначения Лебедева вместо Андогского не были документально известны даже специалистам¹¹⁰⁹. Однако нам удалось обнаружить важные документы, проливающие свет на эти события. На заседании конференции академии Генерального штаба 15 января 1919 г. Андогский подробно рассказал об этом прискорбном эпизоде военного строительства антибольшевистских сил на Востоке России. В журнале заседаний этот фрагмент его доклада записан следующим образом: «На второй день после избрания адмирал Колчак, вызвав к себе н[ачальни]ка академии, предложил ему пост начальника штаба Верхов[ного] гл[авнокомандую]щего. Н[ачальни]к академии высказал, что венец его желаний и стремлений — пост, который он ныне занимает, но что он в распоряжении Верх[овного] правит[еля]. Тогда адм[ирал] Колчак сказал, “т.к. я моряк, то фактически Вы будете руководителем операций, и т.к. моя власть еще не окрепла и поддержка моя — высшие начальники, то я запрошу фронт об отношениях к академии и Вам; пока же для упрочения связи с ген[ералом] Деникиным вр[еменным] н[ачальни]ком штаба Верховного [главнокомандующего] назначу полков[ника] Лебедева”.

Из разговора н[ачальни]ка академии с полк[овником] Лебедевым выяснилось, что полк[овник] Лебедев предполагает быть не более одной недели.

Однако проходит неделя. Полк[овник] Лебедев не только не отказывается от занятой должности, но постепенно забирает власть в свои руки и старается войти в доверие к Верх[овному] прав[ителю]. Попутно втягивает и ген. Дутова в число противников академии и ген[ерала] Андогского.

---

¹¹⁰⁸ Кручинин А.С. Запутанный маршрут: путь полковника Д.А. Лебедева к высшим военным должностям в Белой Сибири // Сибирь в период Гражданской войны: Мат. междунар. науч. конф. Кемерово, 2007. С. 41.

¹¹⁰⁹ См., напр.: Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 126.

К этому времени собрались ответы на запросы: из 66 (на самом деле — 26. — А.Г.) запросов неблагоприятных оказалось около 10; в числе лиц, приславших их были ген[ера]лы Матковский, Ханжин (к[оманди]р 3 уральс[кого] к[орпу]са); генералы же Романовский, Люпов, полк[овник] Щепихин — были из числа сторонников академии и ген[ерала] Андогского. Суммируя полученные данные по запросам, адмир[ал] Колчак передал н[ачальни]ку академии, что н[ачальни]ки младшие и средние — высказались в благоприятном для г[осподи]на Андогского смысле, но т.к. часть старших н[ачальнико]в против назначения, и пока еще власть Вер[ховного] правителя не окрепла и необходимо поддержать ее, то с предоставлением н[ачальни]ку академии должности наштаверха нужно подождать, и предложил обдумать вопрос о формировании Гл[авного] управ[ления] Ген[ерального] штаба и не уезжать из Омска, не повидавшись со вновь назначенным воен[ным] министром ген[ералом] Степановым...»¹¹¹⁰

Логика решения Колчака представляется порочной: для укрепления своего положения он назначает безграмотного начальника штаба, тогда как назначение более компетентного Андогского якобы может ослабить власть Колчака.

Опрос мнений начальников по поводу Андогского дает впечатляющий срез взглядов высшего комсостава белого Восточного фронта, позволяющий судить об уровне мышления основных его представителей. Конкретное содержание этих отзывов до сих пор оставалось исследователям неизвестным, что иногда приводило к прямому искажению данных об опросе¹¹¹¹.

Нам удалось обнаружить полную подборку этих важных материалов, дающих определенное представление в том числе о личности самого Андогского. Удивительно, что эти документы, помеченные грифом «Совершенно секретно» и направлявшиеся лично Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку, оказались позднее среди личных бумаг самого Андогского. По всей видимости, генерал или кто-то из его сотрудников собрал эти отзывы уже много времени спустя после опроса. Возможно, эти свидетельства попали к Андогскому летом–осенью 1919 г. в то время, когда он все-таки вошел в состав высшего военного руководства антибольшевистских сил Востока России.

Опрос проходил в ноябре–декабре 1918 г., в том числе и после формального назначения Лебедева на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего. Всего было получено 26 отзывов.

Главный начальник Тюменского военного округа на театре военных действий Генштаба генерал-лейтенант В.В. Рычков прислал отзыв своего помощника Генштаба генерал-лейтенанта Ф.П. Панова: «Названное [в] телеграмме № 10 лицо, если искренно жаждет восстановления надежной армии — не может сам согласиться на занятие даже незначительной должности, ибо всем офицерам, а не только офицерам Генштаба, хорошо памятна роль и поведение генерала Андогского: 1) большую часть войны с Германией он провел [в] Петрограде, 2) вопреки голосу запрошенных офицеров Керенским назначен начальником академии,

¹¹¹⁰ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 3об.–4.

¹¹¹¹ К примеру, В.В. Каминский, не знакомый с подлинным содержанием этих отзывов, приводит не соответствующие действительности данные о том, как проголосовали отдельные представители командного состава (*Каминский В.В.* А.И. Андогский в дни «русской смуты» в 1917–1919 гг. // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 96).

3) участием в комиссии по подписанию Брестского мира не только на себя наложил клеймо позора, но замарал звание русского генерала, показав, до какого низкого уровня может пасть человек, преступными средствами творящий личную карьеру, не останавливающийся перед преступлением, влекущим [к] гибели Родину, обслуживал Бронштейн[а]-Троцкого и Красную армию, подготавливая воспитанием и образованием офицеров-врагов против всего доблестно и благородно боровшегося с советской властью, 5) в Казани, захваченный [в] плен, не постарался искупить свои преступления и не вступил в ряды открытых борцов против красных, а уклонился в Самару и далее вглубь, чтобы избежать опасности близкой встречи с бывшими соратниками красных, 6) кроме того, никаких способностей, выдвигающих генерала Андогского из ряда других, им не обнаружено, а потому назначение на какую-либо не только высшую, [но] и вообще ответственную должность пользы не принесет»¹¹¹². По-видимому, Рычков, подписавший это послание, солидаризировался со своим помощником Пановым. Этот отзыв был одним из наиболее резких и непримиримых.

Начальник штаба 6-й Уральской горных стрелков дивизии Генштаба полковник В.Д. Косьмин указал: «...точной оценки деятельности генерала Андогского дать не могу [за] отсутствием данных, но полагаю, что участие экспертом при заключении Брестского мира, позорнейшего из всех, что когда-либо знал мир, свидетельствует отсутствие [у] генерала твердости и принципиальности, характеризующих истого русского генерала. Начальствование академией в период большевистской власти, когда все честное и сильное с омерзением отвернулось от предателей страны, также не служит в пользу генерала, не говоря о его более чем странной дружбе с Керенским.

Мотив сохранить академию, когда погибла страна, не может быть признан серьезным. Все, что относится к части материального, может быть возмещено и пополнено¹¹¹³, в том числе и академия. Честь же восстановить невозможно, и это главное. Более подробная оценка деятельности генерала Андогского — дело специального суда, но [в] настоящий момент ответственные посты могут занимать только людьми, может быть, менее талантливыми, но безусловно кристально честными, за эти два года перед нами прошло столько всякого рода авантюристов, что мы разучились верить. Необходимо, чтобы вера воскресла вновь, а для этого необходимы люди с безукоризненной репутацией»¹¹¹⁴. Интересно, что этот отзыв оставил офицер, также успевший некоторое время послужить у красных. Подобный ответ говорит, скорее, о наличии у Косьмина двойных стандартов в отношении Андогского и в своем собственном.

Начальник штаба главнокомандующего армиями Западного фронта Генштаба генерал-лейтенант М.К. Дитерихс отметил: «Генерала Андогского ни по службе, ни по качествам не знаю. Его пребывание в стане большевиков при отсутствии какого-либо активного участия в борьбе с ними по освобождении из Казани едва

¹¹¹² РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40. Л. 12–12об.

¹¹¹³ Так в документе.

¹¹¹⁴ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40. Л. 9–9об.

ли может создать благоприятную почву для укрепления авторитета в нынешних войсках фронтов»¹¹¹⁵.

Командир II Степного Сибирского армейского корпуса Генштаба генерал-майор В.В. Романов сообщал: «Генерала Андогского лично знаю мало. Часть офицерства его не знает, часть знает, как работавшего с большевиками. В настоящее время назначение его наштаверхом до полного оправдания его деятельности плохо повлияет на войска и даже может [повлечь] нежелательное явление со стороны некоторых лиц командного состава»¹¹¹⁶. В этом ответе содержалась даже угроза непредсказуемых действий представителей командного состава в случае назначения Андогского.

Начальник штаба II Уфимского армейского корпуса и Камской группы войск Генштаба подполковник Ф.А. Пучков, хотя и отрицательно отнесся к кандидатуре Андогского, все же был достаточно объективен в своих оценках и причинах такого отзыва: «Переживаемый момент, по глубокому моему убеждению, требует от ответственных государственных деятелей, прежде всего, особой чистоты и твердости убеждений и полной незапятнанности в смысле прикосновения к большевизму. Требование это является настолько существенным, что должно превалировать над всеми другими, обычно предъявляемыми к столь ответственным начальствующим лицам, как наштаверх. В данном случае это положение усугубляется тем, что генерал Андогский должен занять пост, на котором с таким достоинством стояли Алексеев и Деникин. В настоящее время здесь на местах нет возможности разобраться в тех мотивах, кои вынудили генерала Андогского присутствовать на Брестской конференции, нельзя также требовать, чтобы генерал Андогский пошел в этом случае по пути благодатного генерала Скалона¹¹¹⁷, но факт участия в позорнейшей конференции требует ранее назначения генерала Андогского самого полного и беспристрастного освещения, почему именно генерал Андогский был избран большевиками предпочтительно перед другими офицерами Генштаба. В таком же положении стоит вопрос о роли генерала Андогского в совместной работе Военной академии с большевиками. Несомненно присутствие среди слушателей академии лиц, рекомендованных советскими организациями¹¹¹⁸; точно установлено командирование конференцией академии слушателей в большевистские штабы в разгар освободительного русско-чешского движения, и совершенно неясно, почему сохранилась именно академия Генштаба, в то время, когда другие военные академии были беспощадно разогнаны большевиками. Из личного опыта знаю, что даже появление в штабах слушателей академии вызывает большое недовольство в частях, еще более резко может быть встречено назначение главы академии на высокий пост наштаверха. По изложенным сообщениям я принужден высказаться отрицательно к назначению генерала Андогского наштаверхом»¹¹¹⁹.

---

¹¹¹⁵ Там же. Л. 7.

¹¹¹⁶ Там же. Л. 8.

¹¹¹⁷ Генштаба генерал-майор В.Е. Скалон застрелился в ходе переговоров в Брест-Литовске 29 ноября 1917 г.

¹¹¹⁸ Среди слушателей, оказавшихся в антибольшевистском лагере, таковых практически не было.

¹¹¹⁹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–2.

Позиция Пучкова вполне понятна и убедительна — он не был против Андогского как такового, но считал необходимым избежать его назначения ради спокойствия на фронте. Станным, однако, выглядит приравнение поста начальника штаба Ставки Колчака к аналогичному посту во всей старой армии — эти должности были далеко не равноценны, а должность при Колчаке в большей степени соответствовала начальнику штаба фронта.

Начальник штаба III Уральского армейского корпуса Генштаба генерал-майор Н.Т. Сукин писал: «Генерал Андогский обладает слишком гибкой совестью, способен отлично устроиться при всяком режиме — доказательство его прекрасное положение в Екатеринбурге, где, прикрываясь службой Науке, он всячески служил большевикам и растлил академию. Появление его во главе академии основано на происках и угодничестве Керенскому, Петроградскому Совету. Назначение его наштаверхом вызовет много неудовольствий»¹¹²⁰.

Некоторые из ответов носили нейтральный характер. Так, командовавший Северо-Уральским фронтом генерал-майор Р. Гайда сообщил: «Не знаю генерала Андогского, поэтому нечего сказать. Вследствие этого не имею ничего против его назначения»¹¹²¹. Полковник А.С. Бакич, начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии, также деликатно указал 15 декабря 1918 г., что знает об Андогском только из газет и оценки дать не может¹¹²².

Временно исполняющий должность начальника штаба Сибирской армии Генштаба генерал-майор И.И. Козлов указал следующее: «Доношу, что генерала Андогского почти не знаю, также не знаю обстоятельств его службы у большевиков, его участие в Брестском мире [в] качестве эксперта явилось для меня новостью. Не имею в руках фактов, на основании только слухов я по чистой совести не считаю себя вправе судить о другом. Будучи [в] Сибири и [в] Сибирской армии сравнительно новым человеком, я не могу доложить в точности и об отношениях к генералу Андогскому чинов армии. Не считая самый факт службы у большевиков без выяснения всех подробностей этой службы препятствием к назначению на должность, в данном случае я очень смущен участием генерала хотя бы [в] качестве эксперта в Брестском мире — этой позорнейшей странице нашей истории. [На] Настолько высокий пост, как наштаверх, казалось бы, должно быть избрано лицо, стоящее вне всяких упреков, а потому было бы желательным предварительно назначить особое следствие для выяснения всех обстоятельств командирования генерала Андогского в Брест, а равно и других обстоятельств его службы во время большевиков»¹¹²³.

Помощник военного и морского министра Генштаба генерал-майор Н.А. Степанов сообщил: «Я солдат. Верю Вашему Превосходительству и разделю до конца с Вами весь трудный путь Возрождающей[ся] Родины»¹¹²⁴.

Командующий Самарской группой войск Генштаба генерал-майор С.Н. Войцеховский отметил: «Не придавая значения слухам о деятельности генерала Андогского под властью большевиков, считаю назначение на должность наштаверха

¹¹²⁰ Там же. Л. 8об.

¹¹²¹ Там же. Л. 6об.

¹¹²² Там же. Л. 16.

¹¹²³ Там же. Л. 5–5об.

¹¹²⁴ Там же. Л. 7.

вполне возможным»¹¹²⁵. Начальник штаба группы Генштаба полковник С.А. Щепихин добавил, что может лишь приветствовать назначение Андогского¹¹²⁶.

Генштаба генерал-майор В.О. Каппель 8 декабря 1919 г. прислал Колчаку телеграмму следующего содержания: «Знаю генерала Андогского как выдающегося начальника большого штаба, последнюю деятельность как начальника академии [в] условиях советской власти я объясняю желанием сохранить офицерский кадр для армии, и назначение его на предназначаемый ответственный пост крайне желательно»¹¹²⁷.

Весьма информированный бывший начальник Главного управления Генерального штаба, а на момент опроса главный уполномоченный и военный представитель Верховного главнокомандующего при союзниках на Дальнем Востоке Генштаба генерал-лейтенант Г.Д. Романовский 15 декабря прислал телеграмму из Владивостока: «Хорошо знаю генерала. Генерал[а] Андогского считаю выдающимся офицером и категорически отвергаю неблагоприятные для него слухи, которые распространяются небольшой партией его противников из офицеров Генерального штаба, стремившихся провести в начальники академии своего кандидата и устроить на этом личные дела. Пребывание его во главе академии спасло немало офицеров и в вину ему поставлено быть не может»¹¹²⁸. Интересно, что Романовский без обиняков написал о наличии у Андогского влиятельной группы врагов среди генштабистов. Таково было мнение наиболее передовых и компетентных офицеров-генштабистов колчаковских войск.

Войсковой атаман Семиреченского казачьего войска Генштаба генерал-майор А.М. Ионов также поддержал Андогского: «Генерала Андогского помню как выдающегося боевого командира Пятигорского полка [в] 1916 году. Авторитет [в] военной науке и [в] военном деле. Не зная лично обстоятельств дела эпохи большевизма, докладываю личное убеждение, вынесенное из расспросов: генерал Андогский был вынужден на кажущееся двуличие, дабы вывести академию с постоянным — переменным составом, обширной, драгоценной для государства библиотекой — на восток. Обстоятельства дела по участию его [в] Брестском мире мне совершенно не известны. Выдвижение на должность наштаверха, по моему личному убеждению, при ныне существующей обстановке — будет встречено сочувственно в войсках»¹¹²⁹.

Ионов привел рациональные доводы в пользу кандидатуры Андогского, вспомнив свою совместную с ним службу в годы Первой мировой и отметив большие заслуги генерала в спасении от гибели уникальной академии с ее бесценной библиотекой. Ионов считал, что на фронте назначение Андогского не вызовет недовольства (интересно, что для белых армий в связи со слабостью дисциплины этот фактор имел важное значение, тогда как в РККА практически отсутствовал).

Служивец Андогского по академии Генштаба, начальник штаба Екатеринбургской группы войск Генштаба полковник Б.П. Богословский сообщал Колчаку: «Доношу Вашему Высокопревосходительству следующее: генерал Ан-

---

¹¹²⁵ Там же. Л. 10.

¹¹²⁶ Там же.

¹¹²⁷ Там же. Л. 13.

¹¹²⁸ Там же. Л. 15.

¹¹²⁹ Там же. Л. 4.

догский был не командирован, а принужден большевиками ехать [в] Брест для переговоров, что он и сделал для спасения академии, ибо неповиновение угрожало уничтожением академии. Лично состоя членом конференции академии, свидетельствую о полной непричастности генерала Андогского к большевизму. Вся его деятельность за время большевизма была направлена к тому, чтобы вывести академию из этого ужасного времени в полной неприкосновенности и спасти тех офицеров, которые были в академии. Зная генерала Андогского с 1912 года как моего руководителя еще в академии, считаю своим долгом доложить, что лучшего наштаверха не найти»¹¹³⁰.

Начальник 7-й Уральской горных стрелков дивизии генерал-майор В.В. Голицын прислал телеграмму следующего содержания: «Я, зная генерала Андогского лично, могу только от всей души приветствовать его назначение»¹¹³¹. Телеграммы аналогичного содержания прислали начальник штаба 7-й Уральской горных стрелков дивизии полковник Э.Я. Рютель и начальник штаба Иркутской дивизии капитан Попов, к мнению которого присоединился и начальник дивизии.

По мнению выпускника ускоренных курсов академии, начальника штаба Сводного корпуса капитана И.Ф. Ромерова, «назначение на должность наштаверха начальника и профессора академии Генштаба генерала Андогского весьма желательно. Он известен как талантливый честный начальник с сильной волей и железным характером. Участие в Брестском договоре — тяжелый подвиг для генерала Андогского, который вынужден был принять на себя, дабы оградить сколько возможно интересы родины и ее военные тайны. Поставил себе целью сохранить кадр лучших боевых кадровых офицеров, бывших в то время в академии, для участия в строительстве армии он со скрежетом зубным, терпя оскорбления советских властителей, настойчиво проводил это в жизнь и добился того, что офицеры академии, получив необходимую подготовку в академии под его высокоталантливым руководством, все работают в деле освобождения Родины, находясь в рядах возглавляемой Вами армии. Назначение прошедшего отличную школу работы в больших штабах весьма желательно. Светлый ум, железная воля и высокая честность — отличительные черты характера генерала Андогского»¹¹³². Этот отзыв был отправлен 8 декабря 1918 г.

Другой выпускник ускоренных курсов, начальник штаба 2-й Оренбургской казачьей дивизии гвардии капитан Д.А. Малиновский из поселка Браиловского 16 декабря прислал телеграмму с ответом на запрос Колчака от 2 декабря о том, что «в настоящий чрезвычайно сложный момент единственным, кто может принять на себя этот трудный, ответственный и почетный пост, это наш уважаемый и горячо любимый начальник академии генерал Андогский. Представляя из себя крупную величину в области военного искусства, обладая высокими политическими и моральными началами, имея безграничное гражданское мужество и будучи любим и обожаем всем персоналом академии, генерал Андогский является в настоящий момент одним из тех людей, в кого мы, военные специалисты, можем верить. А раз мы верим [в то], что делается наверху, мы беспрекословно мо-

¹¹³⁰ Там же. Л. 4об.

¹¹³¹ Там же. Л. 6.

¹¹³² Там же. Л. 13.

жем совершать свой тяжелый путь — путь восстановления русской армии, веря, что Вы — новый собиратель русской земли, будучи окружен[ы] лучшими сынами отечества, приведете нашу Родину и направите ее в [естественное¹¹³³] историческое русло всемирной истории»¹¹³⁴.

Слушатель ускоренных курсов академии Генштаба Н.В. Колесников в своем отзыве доносил Колчаку, что «выбор Ваш генерала Андогского, безусловно, пал на достойнейшего, самого талантливое из всех офицеров Генштаба, умнейшего, решительного, смелого и осторожного офицера. Все слухи о его работе по заключению [Брестского] договора, безусловно — ложь. Генерал Андогский — один из истинных патриотов, ибо еще в июне месяце 1917 года, отправляя меня на штабную службу, говорил о своей ненависти к совету солдатских депутатов. Генерал Андогский — наша гордость; он спас академию, как опытный кормчий выведя ее среди бушующего моря в гавань. Он надежда и слава нашего Генерального штаба»¹¹³⁵. Пожалуй, это один из самых хвalebных отзывов об Андогском. Впрочем, подобные отзывы никакой роли не сыграли.

Из 26 отзывов 10 оказались против Андогского (генералы А.И. Дутов, М.К. Дитерихс, Ф.П. Панов, Н.Т. Сукин, М.В. Ханжин и др.), четыре человека воздержались (генералы Р. Гайда, И.И. Козлов, Н.А. Степанов, полковник А.С. Бакич) и 12 отзывов было в поддержку Андогского (генералы С.Н. Войцеховский, В.В. Голицын, А.М. Ионов, В.О. Каппель, полковники Б.П. Богословский, С.А. Щепихин и др.)¹¹³⁶. Встречаются упоминания о том, что некие ответы поступили также от Генштаба генерал-лейтенанта С.Н. Люпова (в поддержку Андогского), генерал-майора А.В. Эллерц-Усова и Генштаба генерал-майора А.Ф. Матковского (оба — против Андогского), но обнаружить их не удалось, к тому же они выходят за пределы известных по документам 26 отзывов. Таким образом, большинство респондентов высказалось за назначение Андогского, правда, перевес его сторонников был очень незначителен.

Участники опроса, как правило, просто высказывали свое мнение об Андогском. Однако дальше других пошел оренбургский войсковой атаман генерал-лейтенант А.И. Дутов, который писал: «Мне известно, что генерал Андогский работал с Троцким и вообще под его начальством академия приняла совершенно большевистское направление и с его согласия укомплектовывалась офицерами без всякого образовательного ценза, но оказавшихся активных выступлениями преданности совету»¹¹³⁷ полагал бы назначение его рискованным.

Смею доложить, что пребывание Андогского в русской армии является опасным, тем более на столь высоких постах, как начальника академии и предполагаемым [постом] наштаверх.

Среди офицеров Генштаба армии мне известен полковник Лебедев, ныне у Вас находящийся (Дмитрий Антонович). Своими умственными качествами этот полковник вполне достоин выдвижения на ответственный пост»¹¹³⁸.

¹¹³³ Слово добавлено в другом варианте телеграммы (Там же. Л. 17).

¹¹³⁴ Там же. Л. 18.

¹¹³⁵ Там же. Л. 7об.

¹¹³⁶ ГА РФ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 7. Л. 1об.

¹¹³⁷ Так в документе.

¹¹³⁸ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40. Л. 11–11об.

Дутов был столь же недалководен, сколь и категоричен, считая, что Андогскому вообще не место в колчаковской армии. К сожалению, неизвестна дата этого сообщения, но, судя по тексту, оно предшествовало назначению Лебедева. Между тем Дутов на тот момент являлся одним из наиболее крупных и авторитетных военно-политических деятелей Востока России. В числе первых он выразил свою полную поддержку Колчаку, и на его влияние Колчак мог опираться. Разумеется, мнение Дутова в той ситуации имело значительный вес и могло быть решающим. Если именно это мнение и предопределило итоговое решение Колчака, тогда можно с уверенностью утверждать, что атаман Дутов, деятельность которого на благо антибольшевистского лагеря в годы Гражданской войны и без того вызывает массу нареканий, оказал белым еще одну «медвежью» услугу. Впрочем, по мнению Андогского, именно Лебедев подговаривал Дутова высказаться в его пользу и против начальника академии¹¹³⁹.

Другие офицеры, служившие в Юго-Западной армии Дутова, возможно, не без воздействия самого атамана, также прислали отрицательные отзывы. Генштаба полковник И.И. Смольнин-Терванд, например, отметил: «...имея показания многих лиц, характеризующие генерала Андогского как весьма неустойчивого в убеждениях, приспособляющегося к моменту, занимать какую-либо ответственную должность [в] армии полагаю, что не должен»¹¹⁴⁰. Начальник штаба армии Дутова Генштаба полковник А.Н. Вагин ограничился указанием на нежелательность назначения Андогского¹¹⁴¹.

Примерно в том же духе высказался командир III Уральского армейского корпуса генерал-лейтенант М.В. Ханжин: «Должность наштаверха должна быть замещена генералом с чистым прошлым, заявившим себя твердостью характера, определенностью убеждений, этому совершенно не удовлетворяет генерал Андогский, как бывший сотрудник военных советских комиссаров»¹¹⁴².

Вскоре в военных кругах начали распространяться слухи о стремлении представителей академии занять высокие должности в белой Сибири, чтобы содействовать красным. Сохранилась оценка подобных слухов самим Андогским, датированная 30 ноября 1918 г.: «Томские слухи являются лишь частью большой травли, которая организована всюду определенной группой лиц, дабы дискредитировать академию»¹¹⁴³.

Свидетельство генерала С.А. Щепихина, в то время еще полковника, начальника штаба Самарской группы войск, рисует еще более удручающую картину взаимоотношений в высших кругах белого Востока. По мнению Щепихина, именно Лебедев поднял перед Колчаком вопрос о службе Андогского у большевиков и о том, что такого кандидата армия не поддержит. В результате возникла идея опроса. Кроме того, Щепихин прямо писал, что Лебедеву пост начальника штаба Ставки достался в непростой подковерной борьбе со своими соперниками, каких, с учетом сравнительной молодости Лебедева, было немало. Андогский, по свидетельству Щепихина, тоже не был чужд интриг, для чего использовал выпускников

¹¹³⁹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 4.

¹¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40. Л. 14.

¹¹⁴¹ Там же.

¹¹⁴² Там же. Л. 8.

¹¹⁴³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 23. Л. 110.

академии, которые были распределены практически по всем крупным штабам. В частности, осенью 1918 г. слушатели академии оказались вовлечены в конфликт между Андогским и начальником штаба Сибирской армии Генштаба генерал-майором П.А. Беловым (Г.А. Виттекопфом), которого они в октябре 1918 г. обвиняли в шпионаже в пользу Германии и в сотрудничестве с большевиками¹¹⁴⁴.

Щепихин отмечал: «Лебедев, чтобы исключить кандидатуру Андогского, выдвинул вопрос о службе последнего у большевиков: адмирал прислушался, и его убедили произвести анкету среди старших офицеров Генерального штаба по вопросу допустимости назначения Андогского, и Лебедев искусно отвел конкурента. Андогский вряд ли мог питать теплые чувства к Ставке, возглавляемой Лебедевым, и заодно к адмиралу.

Теперь он находился в Ставке, вызванный адмиралом на предмет назначения. Я знаю Андогского давно и не верю, чтобы он не запрятал глубоко за пазухой камня против Лебедева. Не такой он человек. Лебедев совсем не умен. Это справедливо не только в сфере его специальности (он показал себя, имея все карты на руках, вождем ниже среднего), но и в области политики и администрации.

Его сочувствием всегда пользовалась столь бездарная личность, каким являлся на посту иностранной политики американизированный тип Сукин¹¹⁴⁵, о голову которого в пылу припадков раздражения разбивал не один сервиз адмирал Колчак.

Лебедев был просто нелогичен, набрав себе в Ставку полный комплект бывших профессоров академии, а против Андогского вел сложную, упорную интригу. Андогский этим воспользовался и опутал Лебедева сложной сетью своего шпионажа; его агенты (это профессора, в большинстве сочувствовавшие бывшему своему начальнику академии) и летучие разведывательные ячейки (бывшие слушатели

---

¹¹⁴⁴ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–2об.

¹¹⁴⁵ Речь идет о министре иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукине. Впрочем, Сукин постфактум не особенно лестно отзывался о Лебедеве, хотя в этой характеристике и прослеживается положительная составляющая: «Он почти не имел боевого опыта, во всяком случае не на ответственных должностях, и не отличался в то же время блеском природных дарований. Его мысль работала медленно, производя на некоторых впечатление тупости. При этом он был чрезвычайно упрямым и страдал односторонностью, являвшейся, впрочем, естественным спутником твердости и непримиримости его убеждений. Лебедев был неприветлив и сумрачен, чем отталкивал от себя симпатии не только иностранцев, но и всех русских политических деятелей. В силу этих своих недостатков он быстро потерял свою популярность среди нашего офицерства. Однако в его пользу говорили чистота, благородство, упорство и воплощение идеи Добровольческой армии. Вся карьера Лебедева была связана с революционной эпохой... Он весь был проникнут духом Гражданской войны; он был ее продуктом и считал себя знатоком революционных настроений и приемов... он был моим близким другом. Его внешние недостатки совершенно затушевывали его глубокие внутренние качества. Последние все же были не такого порядка, чтобы сделать из него достаточного исполнителя столь громадной по замыслу и дерзновению задачи, как покорение большевизма в военном и политическом отношении. При всех этих чертах Лебедев в личных отношениях с друзьями был мягок и впечатлителен. Несмотря на его внешнее упрямство, на него можно было влиять. До тех пор пока он был начальником штаба, мне всегда удавалось останавливать многие безумные попытки в области иностранной политики, которые рождались в военной среде. Поскольку наштаверхом был Лебедев, я знал, что никакого опасного непоправимого шага не будет сделано, и поэтому культивировал эту дружбу, что мне впоследствии многим ставилось в упрек» (Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: Док. и мат. / Под ред. А.В. Квакина. М., 2005. С. 351–352). Интересно, что премьер-министр омского правительства П.В. Вологодский считал, что за Андогским также стоит фигура И.И. Сукина (A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925. Stanford, 2002. Vol. 2. P. 133).

академии) проникли не только в Ставку, но и на фронт. Положение военное и политическое Андогскому было известно не менее, нежели Лебедеву; только употребление из этого он сделал совершенно иное, односторонне в свою пользу»¹¹⁴⁶.

Таким образом, если верить Щепихину, подлинным инициатором опроса по поводу личности Андогского был его прямой конкурент Лебедев, явно заинтересованный в провале соперника. При этом аналогичного опроса по более чем сомнительной кандидатуре самого Лебедева устроено не было. Известный нам документальный материал дает основания предполагать, что Лебедев занимался формированием выгодного для себя общественного мнения среди опрашиваемых. Предложение в качестве альтернативы Андогскому кандидатуры мало кому тогда известного Лебедева, сделанное атаманом Дутовым, кажется в этой связи не случайным.

В то же время за Андогским, по нескольким свидетельствам, стоял известный своими интригами министр финансов омского правительства 28-летний И.А. Михайлов¹¹⁴⁷, или «Ванька-каин», как его прозвали недоброжелатели за причастность к ряду политических убийств¹¹⁴⁸. Как отмечал достаточно осведомленный свидетель тех событий, будущий министр иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукин, «Михайлов сам погрузился в атмосферу военных интриг и незаметно для себя попал в круг тех личных, карьерных и тщеславных стремлений, которыми была окрашена почти вся среда Генерального штаба в Омске»¹¹⁴⁹. И действительно, в документах конференции академии есть прямые указания на то, что Михайлова академическое начальство считало своим другом и обращалось к нему за содействием осенью 1918 г.¹¹⁵⁰

По мнению Сукина, Колчак с самого начала прекрасно понимал, что Андогский был гораздо более компетентным штабистом, чем Лебедев¹¹⁵¹. При этом, на наш взгляд, оппоненты Андогского были представлены в основном людьми крайне ограниченными и недалекими. Не исключено, что кто-то, выдвигая обвинения в адрес Андогского, занимался сведением личных счетов. Некоторые же не знали генерала, но были против нахождения на одном из руководящих постов офицера, ранее служившего у красных. В поддержку генерала, наоборот, высказались более передовые по своим взглядам и подходам офицеры, прекрасно понимавшие сущность Гражданской войны, а также практически единогласно сослуживцы и подчиненные Андогского по академии. Поражение этой группы офицеров, несмотря на то что она имела небольшой численный перевес, было закономерным, поскольку развитие белого Восточного фронта во многом определяли люди совсем иного склада, что отчасти и привело к финальному разгрому колчаковских армий.

Логичным итогом опроса высшего комсостава стало расследование деятельности Андогского, которое отдельные участники опроса рекомендовали прове-

¹¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 1об.–2.

¹¹⁴⁷ Записки Ивана Ивановича Сукина. С. 351; A Chronicle. Vol. 2. P. 133.

¹¹⁴⁸ Подробнее о Михайлове см.: *Будничкий О.В.* Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 31–34 и др.

¹¹⁴⁹ Записки Ивана Ивановича Сукина. С. 351.

¹¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 2об.

¹¹⁵¹ Записки Ивана Ивановича Сукина. С. 353.

сти для всестороннего выяснения обстоятельств службы генерала у красных. Сам Андогский 26 января 1919 г. был снят с должности начальника академии и фактически отправлен в ссылку в Иркутск — в резерв чинов при штабе Иркутского военного округа.

Стоит отметить, что вскоре после своего назначения на пост начальника штаба Ставки Колчака Д.А. Лебедев начал изгонять из Ставки кадры Андогского. В частности, в декабре 1918 г. в академию вернулись штатные преподаватели академии: временно исполняющий должность помощника начальника штаба Ставки полковник А.П. Слижиков и временно исполняющий должность 1-го генерал-квартирмейстера Ставки полковник А.Д. Сыромятников¹¹⁵².

История с назначением начальника штаба Верховного главнокомандующего в ноябре–декабре 1918 г. отчетливо показала ряд серьезнейших пороков военной машины антибольшевистского лагеря на Востоке России. Прежде всего, неспособность или нежелание адмирала Колчака принимать в этот период некоторые ответственные решения единолично, без оглядки на мнение старших офицеров, а также сильную подверженность Верховного правителя и Верховного главнокомандующего внешнему влиянию, в том числе во вред делу. Еще одним явным пороком было сильно развитое интриганство и наличие враждующих группировок в военной элите белой Сибири, причем, как выясняется, военные группировки тесно взаимодействовали с политическими. В истории с опросом старших начальников отчетливо проглядывали неуверенность офицеров в благонадежности своих войск, а также узость мировоззрения значительной части военной элиты, для которой важнее была формальная «чистота риз» в виде непричастности к большевизму кандидата на высокий пост, чем его профессиональные качества.

Лишь 18 июня 1919 г., когда белые армии Востока России уже находились в отступлении, Андогский был частично реабилитирован и назначен на ответственный пост 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. Задним числом Колчак издал приказ считать Андогского не отчисленным от должности начальника академии с назначением в резерв чинов, а лишь командированным в распоряжение командующего войсками Иркутского военного округа¹¹⁵³. Таким способом генерал был восстановлен в должности начальника академии.

12 августа 1919 г. Андогский стал исполняющим должность 1-го помощника начальника штаба Ставки Колчака. Однако только 20 октября 1919 г. приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 206 расследование по делу Андогского было окончательно прекращено за отсутствием данных о виновности его и подведомственных ему чинов академии Генерального штаба в принадлежности к большевистским организациям. Более того, Колчак распорядился запретить обсуждение обстоятельств этого дела в периодической печати¹¹⁵⁴. Впрочем, в эти дни участь колчаковского фронта уже была предрешена.

---

¹¹⁵² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 263. Изгнание Сыромятникова произошло после того, как он в присутствии Колчака заявил Лебедеву, что двум богам — Деникину и Колчаку — одновременно служить нельзя (РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 5об.).

¹¹⁵³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 315–315об.

¹¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 59.

Доктрина генерала В.Е. Борисова*

Красная армия с самых первых дней формировалась как сложная структура, сочетавшая в себе элементы старого и нового. Чаще всего это сочетание давало положительный результат. Новая армия вбирала в себя позитивный опыт прошлого и революционный энтузиазм настоящего, что приводило к успехам на фронтах и в тылу. И все же столкновение старого и нового не могло не порождать самых острых противоречий, взаимного непонимания между бывшими офицерами и комиссарами. Для исследователей истории Гражданской войны эти противоречия особенно интересны, поскольку дают возможность лучше понять людей той эпохи, приблизиться к пониманию их взглядов, оценок, суждений, увидеть взаимосвязь и взаимопроникновение старого и нового в советских условиях. Наконец, они позволяют нам разобраться в том, почему советская военная система оказалась более успешной и смогла победить дореволюционную, фактически воссозданную в белых армиях.

Бывший Генерального штаба генерал-лейтенант Вячеслав Евстафьевич Борисов (24.09.1861–20.05.1941), безусловно, относится к числу наиболее ярких генштабистов и военных специалистов РККА, настоящих профессионалов своего дела. Сегодня эта сложная, противоречивая и во многом трагическая фигура, к сожалению, незаслуженно забыта. Истинный масштаб личности этого человека еще предстоит показать исследователям. Достаточно сказать, что Борисов был однополчанином по 64-му пехотному Казанскому полку, однокашником по Николаевской академии Генерального штаба (выпуск 1890 г.) и близким другом крупнейшего русского военного деятеля начала XX в. генерала М.В. Алексеева. Они были очень близки, вместе решили поступать в академию и даже совместно готовились к экзаменам¹¹⁵⁵. Позднее вместе служили. Мнение Борисова было значимым для Алексеева.

До академии Борисов окончил Санкт-Петербургскую евангелическую гимназию Святых Петра и Павла, 2-е Константиновское военное училище (1882). Настоящей страстью Борисова было военное искусство Наполеона, теоретиче-

---

* Впервые опубликовано в сокращении: Вопросы истории. 2009. № 4. С. 70–81. В настоящем издании публикуется полный вариант. Также см. публикацию записки Борисова о состоянии Генерального штаба в Советской России.

¹¹⁵⁵ ЦДАВОУ. Ф. 4547. Оп. 1. Д. 3. Л. 18об.

ское наследие которого, по оценке Борисова, было совершенно не изученным. Свои наработки по военному искусству Наполеона в 1890-е гг. Борисов обсуждал со знаменитым военным ученым Г.А. Леером. Борисова тогда удивило то, что некоторые тома 32-томной переписки Наполеона, имевшейся у Леера, тот даже не открывал, а пользовался изложением генерала Г. Жомини¹¹⁵⁶.

В 1900–1901 гг. Борисов участвовал в Китайском походе в должности начальника штаба союзного отряда. Участвовал в штурме Бейтана и даже был удостоен большой золотой звезды Королевства Камбоджа. В 1904–1907 гг. Борисов командовал 116-м пехотным Малоярославским полком. Последующая его военная служба проходила почти исключительно на штабных должностях. В 1907–1908 гг. служебные пути Борисова и Алексеева вновь пересеклись, на этот раз — в ГУГШ. С 27 февраля 1907 г. Борисов являлся 2-м обер-квартирмейстером ГУГШ и занимался переработкой существовавшего мобилизационного расписания, а 1-м обер-квартирмейстером в это время был Алексеев. На протяжении полутора лет совместной службы (Алексеев ушел из ГУГШ 30 августа 1908 г.) эти два талантливых генштабиста и друга постоянно обсуждали между собой проблемы подготовки страны к предстоявшей войне и работали над совершенствованием этого вопроса. Тогда они сошлись во мнении о необходимости разделения оперативной и военно-административной работы, которой была бы перегружена Ставка во время войны¹¹⁵⁷. С 24 февраля 1909 г. Борисов служил генерал-квартирмейстером штаба Виленского военного округа, но 9 июля 1910 г. был уволен со службы с мизерной пенсией¹¹⁵⁸ и вернулся на службу лишь с началом Первой мировой войны.

Интересно, что и в отставке Борисов сотрудничал с Алексеевым. По свидетельству начальника штаба XII армейского корпуса Генштаба генерал-майора А.-К.-М.М. Адарида, у Алексеева, в бытность того начальником штаба Киевского военного округа, «жил его однополчанин генерал-майор Борисов (начальник штаба 25-ой п[ехотной] д[ивизии], когда я командовал Юрьевским полком), уволенный в отставку с должности ген[ерал]-квартирмейстера штаба Виленского округа. Какой-либо роли последний не играл и никак нельзя было предвидеть, что во время войны он станет каким-то негласным советчиком»¹¹⁵⁹. В 1912 г. Борисов написал работу «Логистика (искусство Генерального штаба)», которую считал фундаментом совместной работы с Алексеевым¹¹⁶⁰.

В годы Первой мировой войны Борисов довольно продолжительное время находился при Алексееве, перемещаясь вместе с ним из одного штаба в другой в

---

¹¹⁵⁶ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). N.N. Golovin Papers. Box 13.

¹¹⁵⁷ Генерал М.В. Алексеев — начальник штаба верховного главнокомандующего в войну 1914–1915 годов (из воспоминаний генерала В. Борисова) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний (Белград). 1922. Кн. 2. С. 5.

¹¹⁵⁸ Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е июля 1910 года. СПб., 1910. С. 580; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4589. Л. 1, 4, 8, 11.

¹¹⁵⁹ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Holy Trinity Orthodox Seminary Manuscript Collection. Box 3. Folder 1. Адарида А.-К.-М.М. Штаб 12-го армейского корпуса. С. 12.

¹¹⁶⁰ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). N.N. Golovin Papers. Box 13.

зависимости от получаемых Алексеевым назначений. Уже само по себе это обстоятельство вызывает интерес и требует более подробного изучения.

С 28 марта 1915 г. Борисов состоял в распоряжении главнокомандующего армиями Северо-Западного (позже Западного) фронта, которым тогда являлся Алексеев. Показательно, что Алексеев распорядился перевести к себе Борисова спустя всего два дня после своего назначения на Северо-Западный фронт¹¹⁶¹. Возможно, не без некоторого самолюбования и преувеличения Борисов отмечал в своих воспоминаниях: «Для оперативной работы Алексеев рассчитывал на меня»¹¹⁶². С 24 апреля 1916 г. Борисов вновь служил при Алексееве, теперь уже в должности генерала для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего, а с 20 мая 1917 г. — при Верховном главнокомандующем. Себя, Алексеева и генерал-квартирмейстера М.С. Пустовойтенко — «кухаркиных сынов» — он противопоставлял «господам в белых перчатках», которые вели войну прежде. Теперь же, с приходом выходцев из народа в высшее военное управление, по мнению Борисова, начиналась настоящая война¹¹⁶³.

Борисов не был лишен недостатков, к числу которых следует отнести его завышенную самооценку и частое стремление выдавать желаемое за действительное, в том числе в отношении преувеличения своего влияния на русскую стратегию в годы Первой мировой. Дочь генерала Алексеева в своих воспоминаниях не пожалела желчи для характеристики Борисова, пытаясь опровергнуть утверждения о той важной роли, которую он играл при Алексееве, прежде всего, в выработке русской стратегии в Первую мировую. Она писала: «...отцу пришлось взять к себе “генералом для поручений” генерал-майора Борисова, который ненужным балластом тяготил отца все годы войны. Я писала уже раньше, что представлял собой Борисов: чудак, самодур, не совсем нормальный... отец слишком хорошо его знал и именно потому, во вред себе, взял Борисова “генералом для поручений”... Вред от Борисова мог происходить только от его фантазий и его стратегических предположений... Борисов считал себя большим знатоком военного дела. Состоя при отце во все время войны, он неизменно писал свои “соображения” по текущим военным вопросам, клал эти записки на письменный стол отца, где они некоторое время продолжали лежать, пока не попадали в архив. Однако это не помешало генералу Борисову уже в эмиграции написать книгу и выставить себя действительным сотрудником и сомыслителем генерала Алексеева. Это его утверждение подхватили некоторые молодые военные писатели, создав даже термин “Алексеевско-Борисовская” стратегия. Но каково было это сотрудничество, хорошо знала наша семья...»¹¹⁶⁴ Столь значительные усилия мемуаристки скорее убеждают в справедливости прямо противоположных оценок, коих сохранилось немало. Аналогичное свидетельство оставил и генерал А.И. Деникин, который специ-

¹¹⁶¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1300. Л. 278–278об.

¹¹⁶² Генерал М.В. Алексеев. С. 5.

¹¹⁶³ *Кондзеровский П.К.* В Ставке Верховного: Воспоминания дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967. С. 76; *Романов А.В.* Военный дневник великого князя Андрея Владимировича (1914–1917). М., 2008. С. 145–146.

¹¹⁶⁴ *Алексеева-Борель В.М.* Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 340.

ально отметил, что «никто не имел влияния на стратегические решения» Алексеева, и в примечании после этих слов упомянул о преувеличении роли при Алексееве генерала Борисова¹¹⁶⁵. Впрочем, для Деникина в данном случае важнее была не историческая достоверность событий, деталей которых он знать не мог, а стремление обелить личность Алексеева от влияния Борисова, поступившего «на службу к большевикам»¹¹⁶⁶.

Весьма осведомленный протопресвитер русской армии и флота Г. Шавельский вспоминал, что Борисов негласно стал «ближайшим помощником и советником генерала Алексеева... В умственном отношении генерал Борисов не лишен был дарований. У него была большая начитанность, даже и в области философских наук. Некоторые считали его очень ученым, иные — философом, а иные чуть ли не Наполеоном. Большинство же было того мнения, что и ученость, и стратегия, и философия Борисова гармонировали с его внешним видом (Борисов, по свидетельствам многих мемуаристов, отличался чудовищной неопрятностью. — *А.Г.*), а его близость к генералу Алексееву считали вредной и опасной для дела»¹¹⁶⁷.

Служивший в Ставке А.Д. Бубнов отмечал, что «при генерале Алексееве неотлучно состоял и всюду его сопровождал близкий приятель и “интимный” советник генерал Борисов, игравший при нем роль вроде той, которую при кардинале Ришелье играл отец Жозеф, прозванный “серая эминенция” (так в Ставке Борисова и звали). Он также жил в управлении генерал-квартирмейстера, и генерал Алексеев советовался с ним по всем оперативным вопросам, считаясь с его мнением. Весьма непривлекательная внешность этого человека усугублялась крайней неряшливостью, граничащей с неопрятностью. В высшей степени недоступный и даже грубый в обращении, он мнил себя военным гением и мыслителем вроде знаменитого Клаузевица, что отнюдь не подтверждают его более чем посредственные писания на военные темы. По своим политическим взглядам Борисов был радикал и даже революционер. В молодости примыкал к активным революционным кругам, едва не попал в руки жандармов, чем впоследствии всегда и хвалился. Вследствие этого он сохранил в душе ненависть к представителям власти и нерасположение, чтобы не сказать более, к престолу, которое зашло так далеко, что он “по принципиальным соображениям” отказывался принимать приглашения к царскому столу, кои по очереди получали все чины Ставки. При всем этом генерал Борисов любил военное дело и посвятил ему всю свою жизнь. Трудно сказать, что, кроме этого, могло столь тесно связывать с ним генерала Алексеева; разве что известная общность политических взглядов и одинаковое происхождение»¹¹⁶⁸.

Некоторые высказывания Бубнова опровергла вдова генерала Алексеева, которая вспоминала: «Ген[ерал] Борисов, прежде всего, был однополчанин ген[ерала] Алексева. Вместе они готовились к экзаменам в академию Генерального штаба,

---

¹¹⁶⁵ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 1. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). М., 2003. С. 193.

¹¹⁶⁶ Там же.

¹¹⁶⁷ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 1. С. 326–327.

¹¹⁶⁸ Бубнов А.Д. В царской Ставке // Конец российской монархии. М., 2002. С. 81–82.

которую одновременно окончили. Алексеев, окончивши академию первым, взял вакансию в Петербургский военный округ. Борисов, будучи вообще человеком очень нелюдимым и замкнутым, относился к Алексееву с исключительным доверием и благодарностью за помощь во время прохождения курса в академии и изредка поддерживал с Алексеевым связь своими письмами. Спустя несколько лет Борисова постигло большое несчастье в его личной жизни. Письма прекратились. Оказалось, что Борисов был помещен в психиатрическое отделение военного госпиталя в Варшаве, откуда обратился с просьбой к Алексееву хлопотать о переводе его в Николаевский военный госпиталь в Петербург, так как в Варшаве он был совершенно одинок. Алексееву удалось быстро исполнить эту просьбу, и Борисов был переведен в Петербург. Алексеев часто навещал больного. Затем Алексееву было сообщено, что для излечения больного необходима перемена обстановки — лучше всего поместить его в семью. Пришлось решиться и взять больного к себе. Тяжело было видеть всегда у себя в доме этого мрачного, неряшливого человека, но он вскоре подружился с нашими маленькими детьми, и возня с ними благотворно на нем отразилась, так что даже вскоре затем он смог вернуться к своему любимому занятию — изучению стратегии Наполеона. Спустя несколько месяцев он уже мог возвратиться к своей службе. Все же эта болезнь оставила свой след, и ген[ералу] Борису пришлось несколько лет спустя выйти в отставку с мундиром и пенсией. Он поселился в Петербурге и посвятил свой досуг изучению японского языка и начал писать историю Русско-японской войны, пользуясь как русскими, так и японскими источниками.

Вообще Борисов был всецело поглощен военными вопросами и интересовался исключительно стратегией великих полководцев. Приходится удивляться, откуда адм[ирал] Бубнов нашел у Борисова революционное прошлое, ведь он очень молодым офицером прибыл в полк и за все долгие годы нашего знакомства его “хвастовства” о революционных подвигах мы никогда не слышали.

Адм[ирал] Бубнов сообщает, что, будучи в Ставке, Борисов отказывался от приглашений к Царскому столу. На самом деле отказа не было, но появиться у Царского стола на первое приглашение была полная невозможность в том неряшливом виде, в каком Борисов обыкновенно себя держал. Но когда Борисов соответственно обмундировался, постригся и побрился, он с нетерпением ожидал скорохода и без пропуска занимал свое место на Высочайших завтраках. Любя детей, там он сумел подружиться с цесаревичем Алексеем Николаевичем. Со временем, как ни странно, он стал “приятелем” ген[ерала] Войкова, который, ожидая выхода Государя после доклада ген[ерала] Алексеева, проводил время с ген[ералом] Борисовым.

Борисов закончил свою жизнь в Югославии, в Белграде, работая в военной библиотеке и сотрудничая с ген[ералом] Аранджеловичем в его труде по составлению книги “История подвигов Суворова”¹¹⁶⁹.

По свидетельству генерала А.И. Верховского, «генерал Алексеев всюду возил с собой генерала Борисова. Это был смешной с виду, неряшливо одетый

---

¹¹⁶⁹ Алексеева А.Н. Ответ на статью Н. Потоцкого // Вестник первопоходника (Лос-Анджелес). 1962. № 14. Ноябрь. С. 15–16.

и чудаковатый человек, но в нем Алексеев ценил большое военное образование, знание военной истории и оригинальный ум. Алексеев искал в нем то, чего ему самому так не хватало, — яркую оперативную мысль. Но он боялся ее, и ни одного из планов Борисова не привел в исполнение, хотя советовался с ним»¹¹⁷⁰.

Настоящим антагонистом Борисова был великий князь Андрей Владимирович Романов, уделивший личности генерала немало страниц своего военного дневника. Первая запись о Борисове в его дневнике была следующей: «Еще есть один тип, который в штабе мозолит всем глаза; это закадычный друг генерала Алексеева, выгнанный уже раз со службы за весьма темное дело, генерал Борисов, маленького роста, грязный, небритый, нечесаный, засаленный, неряшливый, руку ему давать даже противно. Алексеев его считает великой умницей, а все, что он до сих пор делал, свидетельствует весьма ясно, что это подлец, хам и дурак...»¹¹⁷¹ По мнению великого князя, Борисов вносил в работу штаба сумятицу¹¹⁷², штаб нормально работать не мог, так как «все сосредоточено в руках генерала Борисова, который, не будучи ответственным, орудует как хочет. Это чрезвычайно грязная личность в физическом отношении. В нравственном — это еще вопрос»¹¹⁷³, «роль Борисова очень темная, и его влияние весьма пагубное»¹¹⁷⁴. Андрей Владимирович даже возлагал на генерала вину за неудачи боевых действий в Карпатах в 1915 г.: «...это была идея Борисова, сухого доктринера. Вот и поплатились мы теперь за это. Это он у нас напутал с пополнением. Он много еще может повредить своими необоснованными советами. Но Алексеев слепо ему верит, и его не разубедить»¹¹⁷⁵.

Генерал Ф.Ф. Палицын, наоборот, характеризовал Борисова как человека «с большой эрудицией, хорошего работника и знающего... верхи считают его идиотом, что... совершенно не соответствует истине. Генерал Борисов далеко не идиот»¹¹⁷⁶.

Военный министр А.А. Поливанов полагал, что Борисов «стоит на границе между гением и сумасшествием»¹¹⁷⁷.

Сохранилось свидетельство о работе Алексеева и Борисова в штабе Юго-Западного фронта, оставленное Генштаба полковником Н.Н. Тилли: «Чувствуя себя одиноким и при обширном, но чуждом ему окружении, генерал Алексеев ищет и, видимо, находит утешение, поддержку, а иногда и совет у малоинтеллигентного, косного и консервативного в своих взглядах и на жизнь и на военное дело, но близкого ему почему-то генерала Борисова. Объяснялось это старинным знакомством и дружбой, а также умением Генерала Борисова во-

---

¹¹⁷⁰ *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 115.

¹¹⁷¹ *Романов А.В.* Военный дневник. С. 131.

¹¹⁷² Там же. С. 135.

¹¹⁷³ Там же. С. 155.

¹¹⁷⁴ Там же. С. 157.

¹¹⁷⁵ Там же. С. 151.

¹¹⁷⁶ Там же. С. 145.

¹¹⁷⁷ Там же. С. 175.

время молчать, вовремя подавать реплики и советы и уметь быть скромным и нестяжателем»¹¹⁷⁸.

Интересно, что сотрудникам штаба долгое время был неясен служебный статус Борисова. Тилли отмечал: «Заметим, что внутреннее содержание и качества этого человека оставались, как и его положение служебное, для всех штабных офицеров долго непонятными. Официально он был прикомандирован, но не к начальнику штаба для поручений, это случилось уже после ноябрьских боев, а просто к штабу фронта.

Вначале никто не обращал внимания, что он не состоит ни в одном из кандидатских списков офиц[еров] Генер[ального] штаба и что он помещается в смежной комнате с комнатой генерала Алексеева и когда дежурные офицеры Генерального штаба заставляли несколько раз, как генерал Борисов делал доклад начальнику штаба по карте и однажды, было это в начале августа, капитан Шатилов¹¹⁷⁹ при-

¹¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 680. Л. 12.

¹¹⁷⁹ Шатилов Павел Николаевич (13.11.1881–05.05.1962) — из дворян Тамбовской губернии, сын генерала, члена Государственного совета Н.П. Шатилова (31.01.1849–1919). Родился в Тифлисе. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1898), Пажеский Его Величества корпус (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908). Хорунжий гвардии (со ст. с 09.08.1900). Сотник гвардии (со ст. с 09.08.1904). Капитан (со ст. с 02.05.1908). Подполковник (с 06.12.1914 со ст. с того же числа). Полковник (с 15.08.1916 со ст. с 06.12.1915; 08.03.1917 дано старшинство в чине с 06.12.1914). Генерал-майор (с 07.1917). Генерал-лейтенант (с 05.1919). Генерал от кавалерии (с 11.1920). На службе с 01.09.1898. В Лейб-гвардии Казачьем Его Величества полку. В 4-м Сибирском казачьем полку. Участник Русско-японской войны. Ранен (25.06.1904). Командир сотни 1-го Хоперского полка (07.11.1908–09.11.1910). Помощник старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа (26.11.1910–16.03.1914). И.д. помощника делопроизводителя ГУГШ (с 16.03.1914). В 310-м пехотном Шацком полку. Участник Первой мировой войны. И.д. помощника начальника отделения штаба армии Юго-Западного фронта (1914). И.д. штаб-офицера для поручений при том же штабе. И.д. начальника штаба 8-й кавалерийской дивизии (17.09–19.11.1914). Ранен, но остался в строю (19.09.1914). Начальник штаба отряда генерала Д.К. Абацьева. Вторично ранен и эвакуирован (08.11.1914). Помощник начальника отделения штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (с 06.12.1914). Штаб-офицер для поручений штаба XVII армейского корпуса. И.д. начальника штаба 7-й кавалерийской дивизии (09–10.1915). На лечении в Петрограде (10.1915). Начальник штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии. Начальник разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии (с 19.04.1916). Командир 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка Кубанского казачьего войска (с 20.12.1916). И.д. помощника генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта (с 14.09.1917). И.д. генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Кавказским фронтом (с 17.09.1917). В заключении в тифлисской тюрьме за поддержку выступления генерала Л.Г. Корнилова (09–12.1917). Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Кавказским фронтом (на 06.1918). Участник Гражданской войны. На службе в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской армии (с 12.1918–1920). В резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР (с 12.1918). Начальник 1-й конной дивизии (с 10 (23).01.1919). Командир III и IV конных корпусов. Начальник штаба Кавказской армии (с 27.07 (09.08)–13 (26).12.1919). Начальник штаба Добровольческой армии (13 (26).12.1919–03 (16).01.1920). Уволен от службы (08 (21).02.1920). Выехал из Севастополя в Константинополь. Помощник главнокомандующего ВСЮР (с 24.03 (06.04).1920). Начальник штаба Русской армии (с 21.06 (04.07).1920). В эмиграции в Константинополе (Турция), Сремских Карловцах (Сербия) и в Париже (Франция). В распоряжении Верховного главнокомандующего. В Париже работал таксистом. Начальник 1-го отдела РОВС (1924–1934). Член Общества ревнителей памяти императора Николая II (с 1928). Член общества русских офицеров Генерального штаба (на 1934). Член Народно-монархического союза. Член русского общества взаимного кредита «Союз» (с 1930). Сотрудничал с Фондом спасения Родины, Главным комитетом по сбору средств в пользу Союза русских военных инвалидов, участвовал в первом делегатском съезде этого союза (1930). Сотрудничал с Комитетом объединенных организаций русских эмигрантов. Член Покровительственного комитета друзей русских

нес из комнаты генерала Алексеева для переписки на машинке (пишущей) доклад генерала Борисова о возможности форсирования Гнилой Липы... выяснилось, что при докладах генерал-квартирмейстера начальнику штаба неукоснительно присутствовал генерал Борисов... стало всем совершенно ясно, что генерал Борисов не является прикомандированным к штабу, а к начальнику штаба фронта по "стратегической части"!»¹¹⁸⁰

Мемуарист резюмировал: «Один факт, никем не отрицаемый, что генерал Борисов неотлучно находился при генерале Алексееве, что последний и на редкие прогулки брал его с собой, не оставаясь без него буквально ни минуты, заставляет сам по себе задуматься над ролью генерала Борисова, и если даже принять во внимание значительную по величине личность генерала Алексеева и загадочную все-таки личность генерала Борисова... все-таки можно прийти к заключению, что роль генерала Борисова, по крайней мере, была суфлерская»¹¹⁸¹.

Несколько иначе писал о Борисове другой генштабист, генерал В.В. Чернавин. По его оценке, «Борисов был человеком очень незаурядным. Фанатик военного дела, аскет в личной жизни, совершенно одинокий, волевой и упорный, он всецело погружен был в оперативно-стратегические проблемы и вне этого интереса в жизни не имел. Он обладал оригинальным, не склонным к шаблонам умом, огромными военно-историческими знаниями; в равной мере знал и современную военную литературу. Можно отметить, пожалуй, у Борисова некоторую абстрактность его мысли. Это был скорее теоретик-исследователь, чем практический деятель.

С Алексеевым его связывали дружеские отношения: они были сотоварищами по полку и по академии Генерального штаба. Алексеев высоко ценил ген[ерала] Борисова. Во время Мировой войны последний являлся ближайшим сотрудником Алексеева. Как известно, Алексеев не любил слишком активных помощников. Он скорее склонен был брать работу своих подчиненных на себя, чем предоставлять им инициативу и самостоятельность даже в пределах их обязанностей. Исключением являлся Борисов, со взглядами которого Алексеев весьма считался.

скаутов (1931). Выступал на съездах национальных организаций и групп в Париже (1932, 1934). В период Гражданской войны в Испании занимался отправкой в Испанию русских эмигрантов-добровольцев армии генерала Ф. Франко. Арестован немцами (1941), содержался в лагере «Фронт-Сталаг 122» (концентрационный лагерь Компьен). Работал в одном из парижских гаражей. Присутствовал на торжественной церемонии перезахоронения останков русских, павших в годы Второй мировой войны в рядах французской армии (1947). Почетный председатель объединения Лейб-гвардии Казачьего полка (на 1951). Почетный член РОВС, Общества галлиполийцев. Почетный председатель Союза георгиевских кавалеров во Франции. Один из организаторов благотворительного бала в пользу нуждающихся и престарелых кубанцев (1957). Оставил воспоминания (хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета, США). Сотрудничал с журналами «Часовой» и «Военно-исторический вестник». Умер в Аньере. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1904), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1904), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1904), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1905), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 03.01.1915), ордена Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 09.06.1915), Св. Георгия 3-й ст. (Приказ по Кавказскому фронту № 59 от 27.03.1918). Женат на Софии Федоровне Фортвенглер (14.01.1890/27.01.1887–05.03.1983).

¹¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 680. Л. 36–37.

¹¹⁸¹ Там же. Л. 41–42.

На русской стратегии второй половины Мировой войны идеи Борисова несомненно отразились.

Автору вспоминается встреча его с Борисовым в 1910 г. во внеслужебной обстановке.

Было это в Вильно, где Борисов занимал должность генерал-квартирмейстера штаба округа... На звонок Борисов сам открыл дверь. Невысокого роста, плотный, с небольшой, но окладистой бородой, одетый в старенькую потертую тулужку, в сапогах с заплатами, он совсем не подходил под обычное представление об офицере Генерального штаба. С внешностью его гармонировала и обстановка жилища. В первой комнате, где велся деловой разговор, стояла походная кровать, простой, деревянный некрашенный стол и две-три таких же табуретки. В остальных пяти комнатах, куда Борисов провел гостя, показывая свою библиотеку, во всю высоту стен тянулись полки из неотесанных досок, все заполненные книгами. Посредине комнат на простых козлах лежали длинные доски в виде импровизированных столов для раскладки схем и карт»¹¹⁸².

В рукописных заметках Чернавина приводится другое описание: «Борисов был личностью незаурядной. Фанатик военного дела, аскет в личной жизни, он всецело погружен был в оперативно-стратегические вопросы и вне этого интересов в жизни не имел. Борисов обладал большим оригинальным, не склонным к шаблонам умом, огромными военно-историческими знаниями, отлично знал также и современную военную литературу. В упрек Борисову можно было бы поставить известную схоластичность, абстрактность его мысли, это был более теоретик-исследователь, чем практический деятель. Борисов был очень близок к ген[ералу] Алексееву, который высоко ценил его. Интересно отметить, что в последующий период, во время Мировой войны, Борисов явился ближайшим сотрудником и помощником ген[ерала] Алексеева, хотя и не занимал при нем соответствующего официального положения. На стратегии русской армии периода 1915–1916 гг. несомненно отразились идеи и взгляды Борисова»¹¹⁸³.

Интересное свидетельство о становлении Борисова и о его взаимоотношениях с Алексеевым оставил их однокашник генерал-лейтенант Г.Е. Янушевский, который писал генералу В.В. Чернавину, полемизируя с содержанием его статьи: «О Б[орисо]ве, который очень хорошо известен мне, как товарищ мой по академии.

а) На старшем курсе я был непосредственным его соседом, и мы сидели рядом. Никаких особенных талантов и познаний за ним я не замечал. Это был самый “средний” слушатель нашего курса.

---

¹¹⁸² Чернавин В.В. Русский Генеральный штаб перед Мировой войной. От Палицына до Янушкевича // Меч (Варшава). 1937. 14 нояб. № 44 (180). С. 6–7.

¹¹⁸³ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 50. Л. 49.

б) Был я с ним в одной партии на нашей академической полевой поездке (Алексеев, Флуг¹¹⁸⁴, Микулин¹¹⁸⁵, Б[орисов] и я). Такое же впечатление мы вынесли о нем и здесь.

¹¹⁸⁴ Флуг Василий Егорович (19.03.1860–03.12.1955) — православного вероисповедания. Окончил 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1877), Михайловское артиллерийское училище (1880) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1890). Подпоручик (со ст. с 08.08.1880). Поручик (со ст. с 01.01.1885). Штабс-капитан (со ст. с 13.05.1890). Капитан (со ст. с 05.04.1892). Подполковник (со ст. с 24.03.1896). Полковник (со ст. с 09.04.1900). Генерал-майор (за боевые отличия, со ст. с 27.08.1903). Генерал-лейтенант (со ст. с 06.12.1908). Генерал от инфантерии (со ст. с 06.12.1914). На службе с 31.08.1877. В 7-й и 23-й конно-артиллерийских батареях. Состоял при Приамурском военном округе. Отбывал лагерный сбор при Варшавском военном округе. Начальник строевого отдела штаба Владивостокской крепости (26.11.1890–06.10.1894). Командир эскадрона 11-го драгунского Харьковского полка (04.10.1893–06.10.1894). Старший адъютант штаба Кавказской гренадерской дивизии (06.10.1894–16.02.1896). Штаб-офицер при управлении 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (16.02.1896–16.09.1899). Участник Китайского похода 1900–1901. И.д. начальника штаба 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (16.09.1899–22.07.1900). Начальник военного отдела штаба Квантунской области (22.07.1900–22.01.1902). Для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства прикомандирован к 1-му лейб-драгунскому Московскому полку (16.05–17.11.1901). Начальник штаба Квантунской области (22.01.1902–01.01.1904). Начальник временного штаба наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке (01–29.01.1904). Участник Русско-японской войны. Генерал-квартирмейстер полевого штаба наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке (29.01–27.11.1904). И.д. генерал-квартирмейстера главнокомандующего на Дальнем Востоке (с 10.11.1904). Состоял в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке (27.11.1904–14.01.1905). Генерал-квартирмейстер 2-й Маньчжурской армии (14.01–21.09.1905). Военный губернатор Приморской области и наказный атаман Уссурийского казачьего войска (21.09.1905–19.11.1909). Начальник 37-й пехотной дивизии (19.11.1909–30.07.1912). Начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии (30.07.1912–12.01.1913). Числился в списках Генштаба, по гвардейской пехоте и по Уссурийскому казачьему войску. Помощник Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа (с 12.01.1913). Участник Первой мировой войны. Командующий 10-й армией (с 22.08.1914). В распоряжении Верховного главнокомандующего (с 23.09.1914). Командир II армейского корпуса (с 08.06.1915). Отчислен от должности за болезнью с назначением в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа (30.05.1917). Участник Гражданской войны. На службе в Добровольческой армии (11.1917–02.1918). В белом подполье и на Восточном антибольшевистском фронте (01.02.1918–04.1919). Руководитель тайной разведывательной миссии на Восток России (1918). На службе во ВСЮР и в Русской армии (09.1919–1920). В резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР. В эмиграции — в Вараждине и Мурской Сободе (КСХС), в Германии, в США. Оставил обширные неопубликованные воспоминания. Умер в Сан-Франциско. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1893), Св. Анны 3-й ст. (1896), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1900), Св. Станислава 2-й ст. (1900), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1901), чин генерал-майора за боевые отличия (1903), ордена Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1904), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 1-й ст. с мечами (1905), Св. Владимира 2-й ст. (06.12.1911), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 09.01.1916). Женат, 4 детей. Соч.: Отчет о командировке из Добровольческой Армии в Сибирь в 1918 году // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. Подробнее о Флуге см. специальный материал в настоящем сборнике.

¹¹⁸⁵ Микулин Иосиф Александрович (14.11.1863–26.05.1916) — из дворян Московской губернии. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1882), 3-е военное Александровское училище (1884), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1890). Подпоручик (со ст. с 14.08.1884). Поручик (со ст. с 14.08.1888). Штабс-капитан (со ст. с 13.05.1890). Капитан (со ст. с 05.04.1892). Подполковник (со ст. с 13.04.1897). Полковник (со ст. с 01.04.1901). Генерал-майор (со ст. с 02.11.1908). Генерал-лейтенант (посмертно, 1916). На службе с 22.08.1882. В 16-й артиллерийской бригаде. Начальник строевого отделения штаба Севастопольской крепости (18.01.1891–17.09.1892; 21.03–09.09.1897). Обер-офицер для поручений при штабе Одесского военного округа (17.09.1892–21.03.1897). Командир роты 15-го стрелкового полка (15.10.1894–15.10.1895). Старший адъютант штаба Одесского военного округа (09.09.1897–22.02.1899). Состоял в распоряжении начальника Главного штаба (22.02.1899–10.08.1900). Делопроизводитель генерал-квартирмейстерской части Главного штаба (10.08.1900–01.05.1903). Командир батальона 15-го стрелкового полка (04.05–10.09.1901). Начальник отделения Главного штаба (01.05–22.08.1903). Начальник Одесского пехотного юнкерского училища (22.08.1903–02.11.1908). Генерал-квартирмейстер штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (02.11.1908–06.11.1912). Командир 2-й бригады 13-й пехотной дивизии (06.11.1912–1915). Участник Первой

в) Хорошо знаю его очень печальное (точнее — позорное) командование ротой в Л[ейб]-гвард[ии] Литовском полку, вынудившее к[оманди]ра полка генерала Вейса¹¹⁸⁶ оставить фактическим командиром роты капитана Бартновского; Б[орисо]в же играл при роте роль шефа. Стыдно было слушать издевательство над ним моих приятелей, гвардейских офицеров. Только благодаря заступничеству начальника окружного штаба генерала Пузыревского (бывшего нашим профессором в академии)¹¹⁸⁷ Б[орисо]в получил едва удовлетворительную аттестацию по командованию ротой.

мировой войны. В резерве чинов при штабе Киевского военного округа (с 03.01.1915). Командующий 102-й пехотной дивизией (с 20.10.1915). Умер от ран, полученных в бою у м. Рожиче на р. Стырь. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1894), Св. Анны 3-й ст. (1896), Св. Станислава 2-й ст. (1899), Св. Анны 2-й ст. (1905), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1911). Женат, 3 детей. Сыновья Александр и Владимир — офицеры.

¹¹⁸⁶ Вейс Константин Александрович (05.08.1839—?) — генерал-майор. Командир Лейб-гвардии Литовского полка (30.11.1886–08.02.1895).

¹¹⁸⁷ Пузыревский Александр Казимирович (03.02.1845–10.05.1904) — из дворян Бессарабской области, сын полковника. Окончил 1-й кадетский корпус (1863), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1873). Прапорщик (с 12.06.1863). Подпоручик (с 05.03.1866). Поручик (с 29.08.1867). Штабс-капитан (с 31.10.1871). Капитан (за успехи в науках, с 09.04.1873). Подполковник (с 27.03.1877). Полковник (за отличие при Филиппополе, с 16.07.1878 со ст. с 03.01.1878). Генерал-майор (с 26.02.1887 со ст. с 24.04.1888). Генерал-лейтенант (с 30.08.1893). Генерал от инфантерии (с 24.03.1901). На службе с 12.06.1863. В конно-облегченной № 10 батарее (с 12.06.1863). Участник подавления польского восстания 1863–1864. В штабе 5-й конно-артиллерийской бригады (17.09.1864–01.11.1867). В 1-й батарее бригады (с 01.11.1867). Старший адъютант штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии (с 10.10.1874, утв. 25.10.1874). Штаб-офицер для особых поручений штаба I армейского корпуса (с 19.03.1877). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Состоял при штабе Гвардейского корпуса (с 28.07.1877). Для особых поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (с 06.11.1877). Командир батальона Лейб-гвардии Павловского полка (19.10.1879–25.10.1880). Адъюнкт-профессор военного искусства Николаевской академии Генерального штаба (с 29.05.1881). Вел практические занятия по тактике и читал курс истории войн и военного искусства. Начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (с 29.04.1882). Помощник начальника канцелярии Военного министерства (с 04.01.1884, утв. 26.02.1887). Преподавал военное искусство и службу кавалерии (с 02.01.1889) наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (будущему императору Николаю II). Профессор военного искусства Николаевской академии Генерального штаба (с 14.10.1889). Начальник штаба Варшавского военного округа (с 19.01.1890). Почетный член конференции Николаевской академии Генерального штаба (с 28.05.1894). Действительный член Русского астрономического общества. Помощник командующего войсками Варшавского военного округа (24.03.1901–28.03.1904), временно командовал войсками округа. Член Государственного совета (с 28.03.1904). Военный историк и теоретик. Основатель «Варшавского военного журнала» (1899). Противник учения Г.А. Леера, сторонник прикладного метода обучения, самобытности русского военного искусства. Умер и похоронен в Варшаве на православном кладбище Варшава-Воля. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (08.07.1870), Св. Анны 3-й ст. (30.08.1875), Св. Георгия 4-й ст. (27.02.1878), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (11.04.1878), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (10.10.1878), Св. Анны 2-й ст. (30.08.1882), Св. Владимира 3-й ст. (30.08.1885), кавалерский крест французского ордена Почетного легиона (21.09.1886), орден Св. Станислава 1-й ст. (11.01.1890), прусский орден Короны 1-й ст. (15.09.1891), орден Св. Анны 1-й ст. (14.05.1896), большой крест мекленбург-шверинского ордена Грифа (17.06.1896), большой офицерский крест французского ордена Почетного легиона, болгарский орден Александра 1-й ст., австрийский орден Железной короны 1-й ст. (09.06.1897), сиамский орден Сиамской короны 1-й ст. (12.10.1897), большой крест румынского ордена Румынской короны (01.09.1899), орден Св. Владимира 2-й ст. (01.01.1901), персидский орден Льва и Солнца 1-й ст. (05.01.1901), орден Белого Орла (06.12.1903), серебряная медаль в память царствования императора Александра III (26.02.1896), серебряная медаль в память священного коронования Их Императорских Величеств (31.12.1896), темно-бронзовая медаль за труды по первой всеобщей переписи населения (18.06.1897). Женат на баронессе Евгении Фердинандовне Корф (11.01.1847–02.12.1901). Приемная дочь Евгения (29.10.1882). Соч.: Воспоминания офицера Генерального штаба о войне 1877–1878 гг. в Европейской Турции. СПб., 1879; Переход через Балканы отряда генерал-адъютанта Гурко зимою 1877 г.

г) “Творимая легенда” о каких-то талантах и особенных познаниях Б[орисо]ва возникла следующим образом. Старший адъютант отчетного отделения окр[ужного] штаба, полк[овник] А.Н. Ходорович¹¹⁸⁸ — человек очень посредственный (чтобы не сказать сильнее), но чрезвычайно хотевший “выдвинуться”, — задумал издавать при окружном штабе “Варшавский военный журнал”. Идея понравилась генер[алу] Пузыревскому, который сам был известным военным писателем; но мы, офицеры Г[енерального] ш[таба], не любили Ходоровича и не хотели сотрудничать в журнале. Первоначально лишь один Б[орисов] доставлял Ходоровичу свой “пестрый винегрет из профессора Леера, Клаузевица, Евг[ения] Савойского¹¹⁸⁹ и др., обильно сдабриваемый Correspondences’ами¹¹⁹⁰ Наполеона”, доставивший ему протекцию у Ходоровича,

СПб., 1881; Польская кампания 1830–31 гг. СПб., 1881 (в соавт. с А.Е. Станкевичем); Записки по истории военного искусства в эпоху 30-летней войны. СПб., 1882; Летние занятия кавалерии. СПб., 1883; История военного искусства в средние века (V–XVI стол.). СПб., 1884. Ч. 1–2; Полевая служба по новому уставу. СПб., 1884; Основной каталог для войсковых офицерских библиотек. СПб., 1886; Десять лет назад. Война 1877–1878 гг. СПб., 1887; Основной каталог для войсковых офицерских библиотек (Дополнение). СПб., 1888; Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889; Русская армия перед войной 1877–1878 годов. СПб., 1889; Польско-русская война 1831 г. СПб., 1890. Т. 1–2; Сборник тем для бесед офицеров в войсковых собраниях. СПб., 1895; Кавалерийская атака при Сомо-Сьерре в Испании 30-го ноября 1808 года. Варшава, 1898. Подробнее см.: Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного Совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 646–649.

¹¹⁸⁸ Мемуарист ошибся в инициалах офицера, имеется в виду Н.А. Ходорович. Ходорович Николай Александрович (06.12.1857–21.07.1936) — окончил Киевское реальное училище (1877), 2-е Константиновское военное училище (1879), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1890). Подпоручик (со ст. с 08.08.1879). Прапорщик гвардии (со ст. с 08.08.1879). Подпоручик гвардии (со ст. с 17.04.1883). Поручик (со ст. с 01.01.1885). Штабс-капитан гвардии (со ст. с 13.05.1890). Капитан (со ст. с 13.05.1890). Подполковник (со ст. с 17.04.1894). Полковник (со ст. с 05.04.1898). Генерал-майор (за боевые отличия, со ст. с 25.02.1905). Генерал-лейтенант (со ст. с 01.06.1911). Генерал от инфантерии (с 24.10.1917). На службе с 01.09.1877. В Лейб-гвардии Литовском полку. Состоял при Варшавском военном округе. Старший адъютант штаба 1-й Донской казачьей дивизии (26.11.1890–12.10.1892). Командир роты 68-го лейб-пехотного Бородинского полка (05.11.1891–23.11.1892). Помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа (12.10.1892–04.04.1894). Старший адъютант штаба Варшавского военного округа (04.04.1894–30.03.1901). Командир батальона 168-го резервного Красноставского полка (04.05–07.09.1899). Начальник штаба 33-й пехотной дивизии (30.03.1901–04.03.1904). Прикомандирован к артиллерии (01.05–01.07.1903). Прикомандирован к кавалерии (07.09–08.10.1903). Участник Русско-японской войны. Командир 165-го пехотного Луцкого полка (04.03–22.11.1904). Начальник этапов 3-й Маньчжурской армии (22.11.1904–16.05.1905). Начальник военных сообщений 3-й Маньчжурской армии (16.05.1905–07.09.1906). Начальник военных сообщений Киевского военного округа (07.09.1906–01.06.1911). Начальник штаба Омского военного округа (с 01.06.1911). Участник Первой мировой войны. Помощник главного начальника Киевского военного округа (с 23.07.1915). Главный начальник Киевского военного округа (с 08.04.1916). В резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. Участник Гражданской войны. Находился в Киеве (1917–1919). На службе в украинской армии (02.07–12.1918). Эмигрировал (с 12.1918). На службе во ВСЮР и в Русской армии (1919–1920). В эмиграции — в Дубровнике (Югославия), в Чехословакии. Начальник 6-го отдела РОВС. Умер в Праге. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1892), Св. Анны 3-й ст. (1895), Св. Станислава 2-й ст. (1902), чин генерал-майора за боевые отличия (1905), ордена Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1906), Св. Станислава 1-й ст. (06.12.1909), Св. Анны 1-й ст. (1912, утв. 02.08.1913). Женат, 4 детей.

¹¹⁸⁹ Подробнее о Г.А. Леере и К. фон Клаузевице см. биографические справки в разделе документальных публикаций настоящего сборника (примеч. 1724 и 1879 соответственно). Евгений Савойский (18.10.1663–21.04.1736) — принц, австрийский полководец и государственный деятель. Генералиссимус (1697). Провел ряд реформ в армии. Сторонник стратегии решительных действий при тщательном планировании и учете обстановки.

¹¹⁹⁰ Correspondence (*фр.*) — переписка.

а через него — и у Пузыревского. Не от этого ли была в голове Б[орисо]ва “абстрактность мысли”? Но что же дал Б[орисов] “своего”, нового?

д) Вы знаете, что в генерал-квартирмейстеры попадали лучшие, наиболее способные, знающие и трудоспособные офицеры Г[енерального] ш[таба] по особому кандидатскому списку. Как попал в этот список Б[орисов], я не знаю. Но М.В. Алексеев (с которым я еще из академии был на “ты”) как-то в Киеве проговорился мне, что он “помог” в этом Б[орисо]ву, как старому своему полковому товарищу.

е) Вы очень деликатно, но совершенно справедливо писали в статье, что “Алексеев не любил слишком активных помощников” и был “склонен брать работу своих подчиненных на себя”. Да, А[лексеев] был болезненно самолюбив. Я очень далек от мысли, чтобы Б[орисов] мог иметь какое-либо влияние “на русскую стратегию второй половины Мировой войны”. В подтверждение этого могу привести следующий факт. 7 февраля 1916 года я был вызван с фронта в Могилев, в царскую ставку, в комиссию по разработке некоторых сложных административно-организационных вопросов. Там я встретил некоторых своих хорошо знакомых офицеров Г[енерального] ш[таба] и спросил у них, какую роль играет Б[орисов] в Ставке. Они, смеясь, ответили мне: “Роль стратегического мальчика при А[лексее]ве” (Вы, вероятно, помните “стратегического мальчика” в академии, чертежника, который чертил карты и схемы профессорам для лекций); “если он и посоветует что-либо А[лексее]ву, то тот делает как раз обратное”. Но если бы Ваше предположение о том, что “идеи Б[орисо]ва отразились на русской стратегии второй половины Мировой войны”, было справедливо, то нам нужно сожалеть, что оно было так печально для России.

ж) Б[орисо]в, как известно, остался первоначально служить большевикам. Но, видно, большевики по достоинству оценили его “абстрактные”, “оперативно-стратегические проблемы”, и он бежал от большевиков в Добровольческую армию к Деникину, где его и постигла очень печальная, но вполне заслуженная участь»¹¹⁹¹.

Янушевский полагал, что в отношении Борисова «знание военной л и т е р а т у р ы еще не есть знание военного дела. Пример — знаменитый военный профессор Мак под Ульмом, Вейротер¹¹⁹² и много других»¹¹⁹³.

В подтверждение своего взгляда на сотрудничество Алексеева и Борисова Янушевский отмечал: «А[лексеев] был болезненно самолюбив, хотя старался скрыть это. Поэтому-то я в предыдущем письме к Вам позволил себе высказать большое сомнение (и сейчас остаюсь при том же убеждении), чтобы Б[орисов] мог быть советчиком А[лексеева] по стратегической части, а тем более чтобы

¹¹⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 329. Л. 30об.–31об.

¹¹⁹² Речь идет о сражении под Ульмом 16–19 октября 1805 г. между французскими войсками под командованием Наполеона Бонапарта и австрийскими войсками генерала барона Карла Мака фон Лейбериха (24.08.1752–22.10.1828), результатом которого стали окружение и капитуляция австрийской армии. Мак был отпущен из плена, вернулся на родину, где предстал перед военным судом, приговорен к смертной казни с заменой на тюремное заключение, лишен чинов и наград. Автор многих военно-теоретических трудов. Вейротер Франц, фон (1755–16.02.1806) — австрийский генерал. Составил диспозицию союзников для сражения под Аустерлицем (20.11(02.12).1805), в результате чего русско-австрийские войска были разгромлены.

¹¹⁹³ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 329. Л. 33.

“идеи Б[орисова] отразились на русской стратегии второй половины Мировой войны”. Самолюбие А[лексеева], насколько я знал последнего, никогда не допустило бы этого»¹¹⁹⁴.

Самого Борисова Янушевский относил к «стратегистам», считал приверженцем отвлеченных книжных теорий и кем-то вроде «немецкого философа», тогда как «военная наука — не разглагольствование, а конкретное, практическое дело»¹¹⁹⁵.

В этом смысле оценка Янушевского — человека старого режима — близка к суждению вождя Красной армии Л.Д. Троцкого — руководителя новой формации. В работе «Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство» Троцкий не без ехидства отметил: «Читая статью Соломина¹¹⁹⁶, невольно вспоминаю юмористическую фигуру начетчика военной доктрины, генерала Генерального штаба Борисова. Какой бы вопрос ни обсуждался, Борисов неизменно поднимал два пальца, чтобы иметь возможность сказать: “Вопрос этот может быть разрешен только в кругу других вопросов военной доктрины, а посему прежде всего надо установить должность начальника Генерального штаба”. Из чрева этого начальника Генерального штаба должно произрасти древо военной доктрины и принести все необходимые плоды, примерно как это произошло в древности с дочерью восточного царя. Соломин, подобно Борисову, вздыхает, в сущности, об утерянном рае устойчивых предпосылок “военной доктрины”, когда известно было за десять, за двадцать лет, какие враги, откуда и как угрожают. Соломину, как и Борисову, нужен универсальный начальник Генерального штаба, который собрал бы воедино черепки разбитой посуды, поставил на полку и наклеил ярлыки: вариант “и”, вариант “р” и пр., и пр.»¹¹⁹⁷. Как бы то ни было, Борисов был продуктом своей эпохи. И то, что казалось забавным и архаичным Троцкому как формализм и шаблонность, Алексеевым, например, воспринималось серьезно. Это, очевидно, было проявлением слабости высшего военного руководства империи периода мировой войны.

По утверждению бывшего начальника Генерального штаба генерала Ф.Ф. Палицына, Алексеев «по стратегии висит на поводу у своего друга генерала Борисова»¹¹⁹⁸. По воспоминаниям еще одного генштабиста, полковника (позднее — генерала украинской армии) Б.С. Стеллецкого, «ген[ерал] Алексеев был оригинальный тип. Он за целую жизнь не написал ничего; армейский офицер, не знающий ни одного иностранного языка, совершенно лишенный ораторского

---

¹¹⁹⁴ Там же. Л. 34.

¹¹⁹⁵ Там же. Л. 42а об.

¹¹⁹⁶ Речь идет о статье: *Соломин С.* К вопросу о реорганизации Красной армии // *Военная наука и революция. Военно-научный журнал.* 1921. Кн. 1. Июль–август. С. 18–22. Соломин — псевдоним одного из руководящих работников РККА, видного большевистского военно-политического деятеля С.И. Гусева (Дневник А.Е. Снесарева за 1921 г. Л. 1170. Архив семьи Снесаревых (Москва)). Сам Гусев не скрывал авторства (*Гусев С.И.* Гражданская война и Красная армия. М.; Л., 1925. С. 130). Статья стала предметом специального разбирательства на заседании РВСР 22 ноября 1921 г. (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 г. М., 2000. С. 254–255).

¹¹⁹⁷ *Троцкий Л.Д.* Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство // Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 3: 1921–1923 годы. М., 1925. С. 234.

¹¹⁹⁸ Цит. по: *Ельшин А.Я.* На суше и на море. Воспоминания // *Морские записки* (Нью-Йорк). 1945. Т. 3. № 4. С. 197.

таланта, он питался идеями своего полкового товарища ген[ерала] Борисова — полусумасшедшего аскета, Алексеев не выносил людей с личным “я” и по силе возможности их старался удалить...»¹¹⁹⁹

По мнению Генштаба генерал-майора М.А. Иностранцева, «Алексеев также тянул за собою генерала Борисова, своего однополчанина по 64 пех[отному] Казанскому полку и друга, хотя и обладавшего громадной стратегической эрудицией, но, безусловно, не вполне нормального и, потому, отличавшегося большими странностями. Последний был, таким образом, при нем как бы негласным, безответственным советником... Сам же Борисов, как говорили, определял свою роль при Алексееве так, что он является “генералом, который пузом ползает по карте”»¹²⁰⁰.

При всей субъективности оценок мемуаристов приведенные выше характеристики создают вполне определенный и довольно яркий образ Борисова как военного деятеля и человека.

О совместной работе с Алексеевым в Ставке Борисов вспоминал: «Алексеевым принимались меры, дабы состав оф[ице]ров Ген[ерального] штаба был вполне соответствующий и с ним единомышленный, но при этом, конечно, случались ошибки, а затем, при самом ходе работы, могли случаться отклонения и отсебятины, т.к. при огромном обременении работой самого Алексеева кое-что ускользало из-под его контроля»¹²⁰¹.

Итак, многие очевидцы (лица, находившиеся в Ставке, офицеры Генерального штаба) признавали влияние Борисова на стратегические решения Алексеева, а отдельные резко критические оценки лишь подтверждают общее мнение¹²⁰². По всей видимости, Борисов был правой рукой Алексеева в Ставке в годы Первой мировой войны¹²⁰³. Тем не менее вопрос о степени влияния Борисова на решения Алексеева до сих пор остается открытым¹²⁰⁴.

Сам Борисов в письме генералу Н.Н. Головину, датированном 1931 г., отмечал: «Зайончковский в своей работе “Мировая война”, 382 [с.] (изд. 1929 г.), совершенно верно говорит, что “влияние безответственного¹²⁰⁵ Борисова на ответственного Алексеева подтверждается и документальными данными и показаниями очевидцев, и трудно решить, где в оперативных мыслях кончался один и начинался другой”. Только Зайончковский отдает дань установившемуся шаблонному термину, совершенно ничего не обозначающему: это деление на “ответственного” и “безответственного”. Оба одинаково были “ответственны” и “безответственны”: обо-

¹¹⁹⁹ ЦДАВОУ. Ф. 4547. Оп. 1. Д. 3. Л. 18об.

¹²⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.

¹²⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 40–40об.

¹²⁰² ЦДАВОУ. Ф. 4547. Оп. 1. Д. 3. Л. 18об.; Алексеева А.Н. Ответ на статью Н. Потоцкого. С. 15–16; Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. С. 340; Бубнов А.Д. В царской Ставке. С. 81–82; Верховский А.И. На трудном перевале. С. 115; Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 540; Ельшин А.Я. На суше и на море. С. 197; Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003. С. 581, 657; Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера. Т. 1. С. 326–327; и др.

¹²⁰³ См. об этом: Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. С. 581, 657.

¹²⁰⁴ Возможно, ответ на этот вопрос дадут многолетние изыскания в фондах РГВИА известного специалиста по истории Первой мировой войны к.и.н. В.Б. Каширина.

¹²⁰⁵ Здесь и далее — подчеркнуто Борисовым.

их одинаково могли прогнать... Иначе и не может быть: Алексеев не мог быть один на все руки. Я Алексеева ставлю очень высоко, и Государь это глубоко понимал: Государь, в сопровождении Алексеева вошел (в Могилеве) в мою комнату, перочинным ножом срезал с моего мундира генерал-майорские погоны и наложил генерал-лейтенантские, и сейчас же передал мне три коробки: Станислава I ст., Анны I ст. и Владимира II ст., и сказал: “Я считаю, что мы квиты”. Это он намекал на мою отставку в 1910 г. Затем он вынул из кармана “нечто”, завернутое в бумаге, и сказал: “А это молча носите в кармане”. В этот день он пожаловал Алексеева в генерал-адъютанты и передал ему аксельбанты и серебряные вензеля Н II, а мне в бумажке он дал только вензеля. Я был скрытый, до поры до времени ген[ерал]-адъютант. По отречении Государь прибыл из Пскова в Могилев не как “император”, а только как Верховный главнокомандующий. Алексеев передал ему обратно аксельбанты и вензеля. Я хотел сделать то же с вензелями, но Государь отдал мне их обратно, сказав: “С вами я еще увижусь”. Конечно, он это сказал, подразумевая, что со мной ему не будет опасно (в политических сплетнях) видеться. Но вышло так, что я действительно в августе 1918 г. его увидел, но только его голову в спирте, выставленную в Чудовом монастыре, в Кремле»¹²⁰⁶.

Борисов вспоминал, что Алексеев «не был игрушкой в моих руках. Почти с 1890 г., со времени окончания нами академии, Алексеев работал (секретные чертежи он чертил на 12 баллов) с Куропаткиным, а затем по операционному отделению, затем в Ман[ь]чжурии — генерал-квартирмейстером армии и т.д. И если он в первый же день мобилизации телеграфировал мне, отставному: “Немедленно явитесь Янушкевичу и приезжайте скорее в Киев и далее по маршруту ко мне, невзирая, куда вас они назначат, будем работать вместе. Покажите телеграмму Янушкевичу и требуйте немедленной отправки. Служебное положение оформим по прибытии”, то такая телеграмма много говорит: Алексеев требовал к себе открыто не “указщика”, не “Berater’a”¹²⁰⁷, а сотрудника, соратника, не “ген[ерал]-квартирмейстера”, а наполеоновского Баклер д’Альбэ¹²⁰⁸. Он знал мою “Логистику” 1912 г., он знал, что еще подпоручиком в Казанском полку, где Алексеев был полк[овой] адъютант, я учил старых штаб-офицеров вести батальон и для прибывавших в полк офицеров Генштаба на тактические занятия я был “страшилищем” и каждый батальонный командир желал иметь меня под рукой на случай “Durchbruch’a”¹²⁰⁹. Я прибыл в Ровно и в комнате Алексеева нашел уже приготовленный для меня стол, карты, телеграммы. “Разберитесь во всем этом, а вечером поговорим” — были первые слова Алексеева: “Завтрак, обед вам принесут сюда”. Это был день 10/23 августа, когда Данкль¹²¹⁰ ударил нас под Красником

¹²⁰⁶ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). N.N. Golovin Papers. Box 13.

¹²⁰⁷ Berater (нем.) — советчик.

¹²⁰⁸ Правильно — Бакле д’Альб (Bacler d’Albe) Луи Альбер Жислен, де (21.10.1761–12.09.1824) — барон, бригадный генерал. Выдающийся картограф, шеф топографического кабинета Наполеона, сопровождал императора в походах 1805–1809 и 1812–1813 гг.

¹²⁰⁹ Durchbruch (нем.) — прорыв, трещина.

¹²¹⁰ Данкль Виктор, граф фон Красник (18.09.1854–08.01.1941) — австрийский военачальник, командующий 1-й армией.

неожиданно, внезапно. Иванов¹²¹¹, которому я предъявил себя, со слезами на глазах (он всегда плакал), молча пожал мне руку, как жмут врачу в опасные минуты. Процесс нашей стратегической работы изложен мною в журнале “Война и мир” (Берлин. 1924 г. № 15) и в “Воен[ном] сборнике” (Белград, № 2). За время отставки, когда меня целый год держали без пенсии (ибо спорили, по какой должности дать), я лето проводил обыкновенно у Алексеева в Киеве, на даче нач[альника] окр[ужного] штаба¹²¹² на берегу Днепра, и тогда Алексеев понял значение формул Наполеона... Алексеев в знании всего этого видел точку опоры в трудные минуты военных событий»¹²¹³.

Ценность Борисова как советника при Алексееве подтверждает тот факт, что Борисов официально с 24 апреля 1916 г. состоял при Алексееве в генерал-майорской должности генерала для поручений, хотя являлся генерал-лейтенантом, причем жалование ему с согласия императора было специально увеличено на 300 руб., достигнув 2700 руб.¹²¹⁴ Таким образом, высшее военное руководство пошло на отступление от существовавших правил в целях обеспечения нормальных условий работы Борисова в Ставке. Борисов был неразлучен с Алексеевым и даже сопровождал его во время поездки в Севастополь на лечение в ноябре 1916 г. – феврале 1917 г.¹²¹⁵, после чего продолжил работу в Ставке. Стоило Алексееву покинуть Ставку (21 мая 1917 г.), как наступили перемены в службе и у Борисова. 13 июня 1917 г. он был зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа, а с 22 июня 1917 г. находился в распоряжении начальника Генерального штаба. Фактически это была почетная отставка. В этот период генерал поселился в Петрограде, на Суворовском проспекте, неподалеку от академии Генерального штаба¹²¹⁶.

Между прочим, в это время кандидатура Борисова (вероятно, из-за оригинальности его мышления) была выдвинута среди прочих на пост начальника недавно открывшейся после длительного перерыва академии Генерального штаба. По имеющимся сведениям, на пост начальника академии Борисов не баллотировался, поскольку выборы начальника академии производились «из числа генералов и полковников Генштаба, как профессоров, так и не профессоров, пользующихся в военном мире известностью, имеющих высокий моральный и военно-научный авторитет и непременно получивших боевой опыт в текущую войну в строю по командованию или полком, или дивизией»¹²¹⁷.

2 июня Борисов изложил свое, как всегда парадоксальное, видение этого вопроса: «Вполне согласен с осмотрительным решением моих товарищей и очень благодарю, что они, введя мою фамилию, поверили, что я не откажусь. Признаюсь, я не вижу никакой связи между условием “непрерывно получивших боевой

¹²¹¹ Иванов Николай Иудович (22.07.1851–27.01.1919) — генерал-адъютант, главнокомандующий Юго-Западным фронтом (19.07.1914–17.03.1916).

¹²¹² Должность, занимавшаяся М.В. Алексеевым.

¹²¹³ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). N.N. Golovin Papers. Box 13.

¹²¹⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1304. Л. 360.

¹²¹⁵ *Рерберг Ф.Л.* Все в прошлом (Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 2. М-86 (Кн. 8). Л. 1114). Подробнее см. публикацию фрагмента воспоминаний Рерберга в настоящем издании.

¹²¹⁶ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 81. Л. 55об.

¹²¹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1385. Л. 1.

опыт в текущую войну в строю по командованию или полком, или дивизией” и между качествами для начальника академии. Но это уже наша всегдашняя ошибка: выбирать механически, а не по существу дела. Как будто текущая война что-то особое, что-то искусное. Еще Фукидид сказал, что “люди пока воюют, считают каждую современную войну важнейшей, а по окончании ее снова больше восхищаются стариною”. Создастся внутри Европы сильная духом военная держава Германо-Австрия, и мы увидим, насколько наше искусство было близко в период 1792–1795 гг. Я, посвященный в тайны высшего водительства за эти три года, говорю, что изучать в нынешней войне нечего, кроме того, как не надо делать. Будущая война, веденная полководцем с подготовленной армией, не даст развиваться позиционной войне и будет войною громовую, как Наполеоновские. А теперь — у нас есть солдаты, но нет артиллерии; у французов есть артиллерия, нет солдат; англичане — новобранцы; германцы действительно ослабли, взяв на себя войну со всей Европой и в состоянии окружения.

Я верю в будущие войны и опасюсь, что выбранный не по существу дела, а по мастьям начальник академии заложит ложный фундамент под наш многострадальный от экспериментов неотвественных людей Генеральный штаб»¹²¹⁸. Как видно, прогноз Борисова в отношении будущего развития военного дела оказался довольно точным.

Борисов имел особый взгляд на множество вопросов. В частности, он невысоко оценивал способности генерала Л.Г. Корнилова. В письме начальнику кабинета военного министра Генштаба полковнику В.Л. Барановскому, написанном в августе 1917 г., накануне корниловского выступления, Борисов раскритиковал кандидатов в Верховные главнокомандующие Корнилова и генерала от инфантерии В.А. Черемисова, а также начальника штаба Ставки Генштаба генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, поскольку, по его мнению, они «не практики в ведении масс, и когда немцы действительно поведут свой удар (вы знаете, как они это делают внезапно и могущественно), то результат будет одинаков и при Корнилов — Лукомский и при Черемисов — Лукомский, как он был в июльские дни при Брусилев — Лукомский. Мы погрязли в убеждении, что человек, храбро взявший окоп... годен и для ведения масс... Я хочу лишь предостеречь против вымогательств Корнилова, очевидно стремящегося загромоздить еще более должность Верховного главнокомандующего, и без того слишком обременительную сверх сил для одного человека»¹²¹⁹.

Письмо не касалось политической роли Корнилова, а только затрагивало вопросы военной администрации. К письму была приложена записка «О новой организации верховного командования нашими армиями», составленная генералом еще до неудачного июньского наступления русской армии и основанная на обширном опыте, приобретенном Борисовым в годы войны на фронте и в Ставке. В этом документе Борисов предлагал отделить административные полномочия Главковерха от оперативных. Последние он предлагал сохранить за Ставкой и Верховным главнокомандующим. Что касается административных полномочий, то, по мнению Борисова, их следовало передать Верховному полевому совету под

¹²¹⁸ Там же. Л. 13об.–14.

¹²¹⁹ Там же. Л. 55–55об.

председательством военного министра и в составе министров и всех главнокомандующих фронтами. Вручение всех полномочий одному Верховному главнокомандующему Борисов считал опасным для государства¹²²⁰, хотя и не углублялся в детали в этом вопросе. Одной из интересных идей Борисова было предложение о переносе Ставки в Петроград, необходимое для облегчения совместной работы с правительством¹²²¹.

В качестве вывода Борисов отметил: «Проведя, вот уже почти три года войны, в непрерывной работе высшего командования в штабах Юго-Западного и Северо-Западного фронтов и в Ставке, я отношу внушенные в нас, офицеров Генерального штаба, академические бредни о “полной мощи” полководца, о его единоличной работе по вдохновению и т.п. к наиболее опасным теориям, способствующим понижению работоспособности нашего командования и нашего Генерального штаба. Только упорный, всесторонний коллегиальный труд может выработать не только систему войны, но и тот оперативный план действий, который дается фронтам от имени Верховного главнокомандующего»¹²²². Министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский заинтересовался проектом и просил передать ему записку для доклада¹²²³.

Не удивительно, что генерал Борисов не поддержал корниловское выступление, хотя это было, скорее, нетипичным поведением для офицера Генерального штаба. Их взгляды с Алексеевым разошлись. Тем не менее по инициативе Алексеева Борисов осенью 1917 г. вернулся на службу¹²²⁴. Судя по всему, Керенский, провозгласивший себя Верховным главнокомандующим, обратил внимание на необычного генерала, и 16 сентября Борисов был назначен генералом для поручений при Главкомверхе¹²²⁵.

В день Октябрьского переворота 25 октября 1917 г. Борисов находился в Зимнем дворце, сумел убедить Алексеева туда не приходить, поскольку оборонявшимся появление еще одного генерала ничего не давало, и посоветовал бежать из Петрограда¹²²⁶. Алексеев воспользовался советом и уехал на Дон, где возглавил Добровольческую армию, а Борисов остался, и судьба его сложилась иначе. В Зимнем дворце Борисов был арестован членом петроградского военнореволюционного комитета (ВРК) В.А. Антоновым-Овсеенко, руководившим штурмом Зимнего. Арестанта вместе с членами Временного правительства ночью отправили из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость. Тогда у Борисова был похищен французский орден Почетного легиона, которым генерал был награжден¹²²⁷.

На допросе 7 ноября 1917 г. следователем ВРК Мандельбаумом было установлено, что Борисова арестовали в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. в Зимнем дворце,

---

¹²²⁰ Там же. Л. 59–60.

¹²²¹ Там же. Л. 58.

¹²²² Там же. Л. 64.

¹²²³ Там же. Л. 66.

¹²²⁴ Генерал М.В. Алексеев. С. 20.

¹²²⁵ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 81. Л. 83.

¹²²⁶ Генерал М.В. Алексеев. С. 21.

¹²²⁷ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). N.N. Golovin Papers. Box 13.

где он проживал во время своих приездов из Ставки по должности генерала для поручений при Верховном главнокомандующем. Борисов занимался составлением стратегических карт и планов, получением оперативных телеграмм из Ставки, информировал Керенского о положении войск на фронте. Интересно, что генерал не был осведомлен об отъезде Керенского из Зимнего. Когда началась осада Зимнего и его штурм, Борисов решил остаться во дворце, чтобы охранять оперативные материалы. В этом проявилась удивительная преданность своему делу, которая была присуща Борисову. Поскольку присутствие Борисова в Военном министерстве было необходимо, военно-политическое руководство страны было заинтересовано в его освобождении под расписку¹²²⁸. 18 ноября Борисов написал заявление с изложением обстоятельств своего дела, которое следственной комиссией военного отдела исполкома Петросовета было передано управляющему Военным министерством генералу от артиллерии А.А. Маниковскому. Возможно, эта бумага сыграла свою роль в скором освобождении генерала. Под арестом в Петропавловской крепости (камера № 48 Трубецкого бастиона) генерал Борисов пробыл около месяца с 25 октября по 26 ноября 1917 г.¹²²⁹, после чего был освобожден, дав подписку не принимать участие в политической деятельности¹²³⁰.

При разборе дела Борисова следственной комиссией при петроградском революционном трибунале 28 июля 1918 г. было постановлено, что гражданину Борисову может быть предъявлено обвинение «в попытке оказать в октябре 1917 г. противодействие восстанию рабочего класса, т.е. в деянии политического характера»¹²³¹. Однако решено было дело прекратить. Фактически этот арест никак не отразился на дальнейшей службе Борисова в Советской России в 1917–1919 гг.

В ноябре 1917 г. он был командирован в Москву для сбора материала по истории Первой мировой войны¹²³². На январь 1918 г. состоял в распоряжении штаба Петроградского военного округа¹²³³, а с 29 января находился в распоряжении начальника штаба армий Северного фронта¹²³⁴. И, таким образом, попал на службу к большевикам.

После Октябрьского переворота Борисов стал одним из наиболее видных большевистских военных советников, участвовал в совещаниях у народного комиссара по военным делам в Петрограде 20 и 21 февраля 1918 г., когда городу угрожало германское наступление¹²³⁵. О том, что он был не подневольным, а вполне искренним работником на службе у большевиков, свидетельствуют его активная военно-научная работа в 1918–1919 гг., а также многочисленные проекты, направленные на укрепление обороноспособности Советской России. В частности, именно Борисов уже 27 февраля 1918 г. подготовил 11 тезисов под названием

¹²²⁸ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 80. Л. 2.

¹²²⁹ Там же. Л. 3–4.

¹²³⁰ Там же. Л. 7–8.

¹²³¹ Там же. Л. 1.

¹²³² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1373. Л. 79, 87, 94.

¹²³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1294. Л. 90.

¹²³⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 3.

¹²³⁵ *Верцинский Э.А.* Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929. С. 49, 56; *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 66–67.

«Общая военная программа на период от заключения мира России с Германией до заключения всеобщего мира». В этом документе он написал о необходимости создания сильной армии в преддверии окончания мировой войны, справедливо отметив, что «нынешнее наше тяжелое положение всецело объясняется нашим преднамеренным расстройством армии и флота: что посеяли, то и пожали», выдвинул идею союза с Францией и практически предугадал время окончания Первой мировой, указав на октябрь 1918 г. вместо ноября¹²³⁶.

В то же время Борисов не принял непосредственного участия в Гражданской войне. С 28 февраля он состоял в распоряжении начальника Генерального штаба¹²³⁷, позднее находился в распоряжении народного комиссара по военным делам Н.И. Подвойского, а с 21 августа 1918 г. также находился в распоряжении начальника Всероссийского главного штаба¹²³⁸. Интересно, что Подвойский был заинтересован в сотрудничестве с Борисовым и даже просил в конце мая 1918 г., чтобы ценного военспеца у него не забирали¹²³⁹.

Объем работы Борисова в Советской России был достаточно велик. Бывший генерал работал ответственным редактором 6-го отдела и заведовал материалами военно-исторической комиссии Всероссийского главного штаба по описанию войны 1914–1918 гг.¹²⁴⁰ С 1 декабря 1918 г. состоял в качестве сотрудника-составителя в пришедшей ей на смену Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг., однако в связи с непосещением комиссии 23 января 1919 г. был исключен из состава ее коллегии¹²⁴¹. Впрочем, окончательно из комиссии его не изгнали, тем более что он значился в качестве ее почетного члена¹²⁴². В начале 1919 г. Борисов заявил о подготовке своей монографии на тему «Исторический очерк работы Генерального штаба по созданию плана стратегического развертывания»¹²⁴³.

О своей научной работе в это время он впоследствии вспоминал: «В 1918 г. мы образовали в Москве военно-историческую комиссию, и я должен был обработать подготовительный материал исключительно по архиву Ставки. Это мною и сделано и напечатано в Москве в 1918–1919 г. под названием “Участник войны. Краткий стратегический очерк[?]”¹²⁴⁴, в двух томах. Цихович¹²⁴⁵ ту же задачу вы-

¹²³⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 462. Л. 16–16об.

¹²³⁷ Список Генерального штаба. Исправлен по 1 марта 1918 г. Дополнение к списку Генерального штаба изд. 1917 г. М., 1918. (Библиотека РГВИА. Инв. № 9923). Список опубликован в: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 416–484. См. также: РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1117. Л. 38–39.

¹²³⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 109.

¹²³⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 117.

¹²⁴⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 63; Д. 1044. Л. 32; Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 2об.

¹²⁴¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 179.

¹²⁴² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 427.

¹²⁴³ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 133.

¹²⁴⁴ По данным Борисова, написанная им книга была переведена на французский язык и издана без указания его авторства под названием «La Grande guerre. Relation de l'état-major russe» (Paris, 1926). Французский генерал М. Жанен обещал Борисову исправить это упущение.

¹²⁴⁵ Цихович Януарий Казимирович (07.09.1871–?) — православного вероисповедания. Окончил Радомскую классическую гимназию с золотой медалью (1889), военно-училищные курсы Московского пехотного юнкерского училища (1891) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1897). Подпоручик (со ст. с 05.08.1891). Поручик (со ст. с 10.08.1894). Штабс-капитан (со ст. с

полнял по архиву штаба Сев[еро]-Зап[адного] фронта. Незнамов¹²⁴⁶ — по Юго-

19.05.1897). Капитан (со ст. с 18.04.1899). Подполковник (со ст. с 06.12.1901). Полковник (за боевое отличие, 1905 со ст. с 26.12.1905). Генерал-майор (с 1915). Генерал-лейтенант (с 1915 со ст. с 14.08.1915). На службе с 22.06.1889. Состоял при Виленском военном округе. Обер-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (17.01.1898–22.09.1901). Командовал ротой 108-го пехотного Саратовского полка (01.10.1900–01.10.1901). Штаб-офицер для особых поручений при штабе I Сибирского армейского корпуса (22.09.1901–26.05.1903). Штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками Приамурского военного округа (26.05.1903–25.04.1904). Командир Николаевского крепостного пехотного полка (27.09.1903–23.02.1904, зачтено за четырехмесячное цензовое командование батальоном). Участник Русско-японской войны. Старший адъютант управления генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии (25.04.1904–05.08.1905). Штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем на Дальнем Востоке (05–24.08.1905). И.д. начальника штаба 2-й Сибирской пехотной дивизии (24.08.1905–03.03.1906). Начальник штаба 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (03.03.1906–07.12.1910). Прикомандирован к артиллерии (26.05–21.07.1909). Прикомандирован к кавалерии (02–22.07.1910). Командир 26-го Сибирского стрелкового полка (с 07.12.1910, на 1914). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба I Туркестанского армейского корпуса (с осени 1914). Начальник 1-й отдельной пехотной бригады (с 07.08.1915). В резерве чинов при штабе Минского военного округа (с 21.10.1915). Начальник 44-й пехотной дивизии (с 17.12.1915, на 1917). Командир X армейского корпуса (с 12.07.1917). Командующий 3-й армией (с 11.08.1917). Командующий 7-й армией (с 09.09.1917 до демобилизации). Участник Гражданской войны. На службе в РККА (добровольно). Член подпольной антибольшевистской организации «Правый центр» в Москве (1918). Член Высшей аттестационной комиссии (1919). Ответственный редактор Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Всероссийского главного штаба (с 09.1918, на 1920). Арестован в период советско-польской войны (не ранее 08.1920). Бежал в Польшу; по другим данным, эмигрировал (06.1921). В эмиграции в Варшаве (Польша). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1901), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), чин полковника за боевое отличие (1905), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1906), мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й ст. (1906), ордена Св. Владимира 3-й ст. (1908, утв. 09.03.1910), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 26.04.1915). Женат (на 1914). Соч.: Маршруты по Восточной Пруссии. Вильна, 1902; Описание линии Мазурских озер с ее южным и северным продолжениями (Ч. 1) и сборник маршрутов по Восточной Пруссии (Ч. 2). Вильна, 1902; Военный обзор Гиринской провинции Северной Маньчжурии. СПб., 1904; Как погиб 5-й Стрелковый полк под Мукденом. СПб., 1908.

¹²⁴⁶ Незнамов Александр Александрович (10.10.1872–28.06.1928) — окончил Тульскую классическую гимназию (1890), Николаевское инженерное училище (1893), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1900). Подпоручик (со ст. с 07.08.1893). Поручик (со ст. с 05.08.1895). Штабс-капитан (со ст. с 06.05.1900). Капитан (со ст. с 14.04.1902). Подполковник (со ст. с 17.04.1905). Полковник (со ст. с 25.03.1909). Генерал-майор (со ст. с 26.02.1915). На службе с 01.10.1890. В 8-м саперном батальоне. Состоял при Варшавском военном округе. Начальник строевого отделения штаба Зегржской крепости (26.11.1900–21.03.1901). Старший адъютант штаба 13-й кавалерийской дивизии (28.03.1901–23.02.1904). Командовал ротой в 184-м пехотном резервном Варшавском полку (15.11.1902–15.11.1903). Участник Русско-японской войны. Старший адъютант штаба 35-й пехотной дивизии (23.02.1904–23.06.1905). Участвовал в сражениях при Ляояне, Шахэ и Мукдене. Состоял в прикомандировании к Главному штабу (23.06–02.10.1905). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии (с 02.10.1905). Экстраординарный профессор академии (06.02.1908–13.04.1909). Командовал батальоном во 2-м Финляндском стрелковом полку (01.06–01.10.1909). Ординарный профессор академии (с 13.04.1909). Читал лекции по тактике в Николаевской инженерной и Интендантской академиях и в офицерских школах. Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 55-й пехотной дивизии. Командир 102-го пехотного Вятского полка. Генерал для поручений при командующем 7-й армией (с 20.11.1915). Генерал-квартирмейстер штаба 7-й армии (с 12.07.1916). И.д. начальника штаба 7-й армии. В резерве чинов при штабе Одесского военного округа. Генерал-квартирмейстер штаба помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта (с 23.10.1917). Помощник начальника отделения ГУГШ. Участник Гражданской войны. На службе в РККА (добровольно). Начальник отделения управления военных сообщений Всероссийского главного штаба (с 16.06.1918). Штатный преподаватель (на 1919), позднее — ординарный профессор (на 1921) Военно-инженерной академии в Петрограде. Сотрудник-составитель Комиссии по

Зап[адному] фронту. Остальные работники [—] по архивам армий и т.д. Затем предполагалось все это свести вместе, сверить и т.д. и переработать в “Описание войны”. Эта программа напечатана в журнале “Военное дело” и в ней сказано, что “Борисов и составит ‘Краткий очерк’”... моя книга есть лишь подготовительная работа, рукопись, напечатанная для прочих составителей»¹²⁴⁷.

Помимо этого военспец активно печатался на страницах еженедельного военно-научного журнала «Военное дело». Такая работа позволяла ему не испытывать угрызений совести в связи с нахождением на службе у большевиков и давала возможность уклониться от прямого участия в братоубийственной Гражданской войне. Впоследствии Борисов отмечал, что «много делал для французов, даже в 1918 г. был в Москве у ген[ерала] Лаверна для настояния, чтобы большевистское правительство продолжило войну с Германией»¹²⁴⁸.

Борисов вспоминал, что в ноябре 1918 г. он в Москве получил последнее письмо от Алексеева, уже к тому моменту скончавшегося¹²⁴⁹. Текст письма неизвестен, но данное обстоятельство свидетельствует о том, что Алексеев не забывал своего друга даже в последние дни жизни и не испытывал ненависти в связи с его службой у красных.

Борисова живо интересовали военно-научные вопросы, постановка издания военных журналов в Советской России. С этим сюжетом была связана памятная

исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Штатный (позднее — нештатный) преподаватель стратегии Военной академии РККА. Член комиссии по разработке пехотных уставов (1920–1925). Ординарный профессор Военной академии РККА (с 15.11.1919, на 1923). Член коллегии и редактор отдела военного искусства главной военно-научной редакции (на 1921). Сотрудник редакции журнала «Военное дело». Редактор Комиссии по исследованию и использованию опыта Мировой войны. Умер в Москве. Крупный военный ученый. Внес значительный вклад в разработку тактики общевойскового боя, теории оперативного искусства, обобщение опыта Русско-японской и Первой мировой войн, обосновал необходимость подготовки районов боевых действий в инженерном отношении, проанализировал характер операций в маневренной войне массовых армий. До революции печатался в газете «Русский инвалид», журналах «Разведчик», «Варшавский военный журнал», «Известия Императорской Николаевской военной академии». Труды переведены на французский язык. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1897), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1905), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1906), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1912), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 12.06.1915), орден Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 11.09.1916). Женат, имеет дочь (на 1914). Соч.: Подготовка полевых позиций в инженерном отношении. Варшава, 1902; Элементы укрепления полевых позиций. СПб., 1904; Из опыта Русско-Японской войны: (Заметки офицера Генерального штаба). СПб., 1906 (три издания); Оборонительная война. Ч. 1: Стратегия. СПб., 1909; Стратегическое значение крепостей. СПб., 1909; Текущие военные вопросы. СПб., 1909; Требования, которые предъявляет современный бой к подготовке (обучению) начальников и масс: Сообщение Ген. штаба подполк. Незнамова. СПб., 1909; Стратегическое и тактическое значение управляемых воздухоплавательных аппаратов. СПб., 1910; Современная война: Действия полевой армии. СПб., 1911; 2-е изд. СПб., 1912; Бой: (Этюд по прикладной тактике). СПб., 1912; План войны: (Популярно-научный очерк). СПб., 1913; Текущие военные вопросы: (Вопросы современной тактики). СПб., 1914; Четыре тактических задачи на корпус. СПб., 1914; Основы современной стратегии. М., 1919; Современная война. М., 1921–1922. Ч. 1–2; Стратегический очерк войны 1914–1918. М., 1922. Ч. 3–4; Пехота: Эволюция боевых форм. Современное вооружение, устройство, тактика, обучение и комплектование пехоты. Пг., 1923; Боевые действия соединенных родов войск. М., 1924.

¹²⁴⁷ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). N.N. Golovin Papers. Box 13.

¹²⁴⁸ Там же.

¹²⁴⁹ Генерал М.В. Алексеев. С. 21.

записка, подготовленная им совместно с главным редактором журнала «Военное дело» Д.К. Лебедевым 12 января 1919 г. В записке обсуждалась ситуация вокруг детища Лебедева и Борисова — журнала «Военное дело». Накануне написания документа, 11 января 1919 г., прошло совещание с участием военспецов у главного комиссара военно-учебных заведений И.Л. Дзевалтовского, на котором тот заявил о неудовлетворительности журналов «Военное дело» и «Красный офицер» и необходимости их реформирования. Дзевалтовский предложил создать общую редакцию во главе с бывшим Генштаба генерал-лейтенантом Д.П. Парским. Основным журналом должен был стать, по его мнению, еженедельник «Красный офицер», к которому в качестве приложений предполагались два двухнедельных журнала — научный журнал для командного состава «Военное дело» и популярный журнал для красноармейцев «Красная армия»¹²⁵⁰. Однако, судя по всему, такую идею предложил председатель РВСР Л.Д. Троцкий, а Дзевалтовский лишь озвучил его слова¹²⁵¹.

Редакция «Военного дела» была против этого преобразования, так как, по мнению авторов записки, это могло разрушить всю их работу, не создав новых журналов. Борисов и Лебедев считали, что система военной печати в Советской России уже сложилась. В качестве «офицерской газеты», по их оценке, вполне достаточно было «Известий Наркомата по военным делам». Авторы выступали за еженедельный выход «Военного дела», который требовалось оживить путем передачи наиболее громоздких материалов в ежемесячный сборник «Военное дело» с приложением специальных военно-технических журналов главных управлений военного ведомства. Вместо отдельной красноармейской газеты они полагали достаточным организовать военные отделы в газетах «Беднота» и «Коммунар»¹²⁵².

Позицию авторов записки Троцкий подверг жесткой критике в своей речи на совещании редакторов и сотрудников военных изданий в феврале 1919 г. Председатель РВСР заявил, что военный журнал должен иметь существенно большую актуальность, непосредственно влиять на строительство Красной армии, а не заниматься отвлеченными военными вопросами. Как всегда точный в своих наблюдениях и безжалостный в полемике, Троцкий отметил, что «многие статьи “Военного дела” написаны в тоне людей, которые переживают и отписываются»¹²⁵³. Критика Троцкого усугублялась его неприятием идеи создания мощного Генерального штаба, которую выдвигал Борисов.

В конце 1918 г. в связи с открытием академии Генерального штаба РККА Борисов поступил туда на службу (зачислен 17 ноября, еще до официального открытия)¹²⁵⁴ и получил должность экстраординарного профессора. В академии Борисов читал разработанный им курс лекций по истории только что завершившейся Первой мировой войны¹²⁵⁵, с 9 мая 1919 г. руководил практическими за-

---

¹²⁵⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 21

¹²⁵¹ Троцкий Л.Д. Какой военный журнал нам нужен? // Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2: 1919 год. Кн. 1. М., 1924. С. 152.

¹²⁵² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 21–21об.

¹²⁵³ Троцкий Л.Д. Какой военный журнал нам нужен? С. 154.

¹²⁵⁴ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 23об.

¹²⁵⁵ Там же. Л. 7об.

нениями по тактике и службе Генерального штаба¹²⁵⁶ и с 3 июня состоял в комиссии под председательством профессора В.Ф. Новицкого по улучшению учебного дела¹²⁵⁷.

Но этим рабочие нагрузки Борисова не исчерпывались. Участвовал Борисов и в организации военно-учебного дела в Советской России. Так, 14 января 1919 г. он присутствовал на заседании комиссии по рассмотрению вопроса об увеличении числа слушателей в академии Генштаба и открытии школы колонновожатых (младших специалистов штабной службы). Речь шла о расширении подготовки генштабистов. Борисов выступил с докладом о способах увеличения числа лиц, могущих занимать младшие должности Генштаба. По итогам его доклада было решено открыть при академии Генштаба параллельный курс на 150 слушателей, а также школу штабной службы¹²⁵⁸. Борисов участвовал в разработке документов для открытия последней. Таким образом, идеи и предложения военспеца повлияли на развитие и совершенствование системы подготовки кадров Генштаба в Советской России.

Как лектор по истории Первой мировой он, вероятно, был лучшей из возможных кандидатур, поскольку непосредственно служил в Ставке и еще в годы войны собирал материал для написания ее истории. Однако первые слушатели академии представляли собой весьма специфический контингент — молодые, необузданные и амбициозные герои Гражданской войны, некоторые — члены большевистской партии, приближенные к власти; они не собирались считаться со старыми генштабистами, состоявшими в администрации академии, и пытались по партийной линии подчинить себе академическое руководство. Один из таких слушателей, впоследствии генерал-лейтенант Советской армии Г.П. Сафронов, написал, что «слушатели были особенно недовольны профессором Борисовым, который не отвечал на приветствия и не позволял на лекциях задавать ему вопросы. Борисов читал лекцию только с листа. Обычно написанного материала ему не хватало до конца часа, и он уходил раньше срока. Ни одной минуты Борисов не отводил на вопросы и ни одной фразы не говорил, кроме того, что было написано на бумаге. Так же вел он себя и на академическом Совете. Я входил в состав Совета от партийной организации. Иногда Борисов не успевал записать свое выступление, и тогда, для того, чтобы дать ему время для записи, объявлялся перерыв. Борисов впоследствии перешел к белым и занимал у них большой пост»¹²⁵⁹. Трудно сказать, можно ли верить этому свидетельству, тем более что Борисов был военспецом, позднее бежавшим к белым (впрочем, никаких высоких постов, вопреки мнению мемуариста, Борисов в белом лагере не занимал), а следовательно, его образ требовалось представлять исключительно в негативном свете.

В анкете от 25 июня 1919 г. Борисов указал в графе о политических убеждениях, что был беспартийным¹²⁶⁰. Казалось бы, ничто не предвещало конца спокойной размеренной службы Борисова с приличным окладом. Как экстраорди-

¹²⁵⁶ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 185.

¹²⁵⁷ Там же. Л. 211об.

¹²⁵⁸ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 3–3об.

¹²⁵⁹ Сафронов Г.П. Наша партийная организация // 40 лет Военной академии им. М.В. Фрунзе. М., 1958. С. 72.

¹²⁶⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 22. Л. 21.

нарный профессор он должен был получать 2400 руб.¹²⁶¹, не считая жалованья по прочим занимаемым им должностям (для сравнения, самой низкой была заработная плата дворника академии, составлявшая 720 руб.). Однако неожиданно 6 августа 1919 г., накануне начала нового учебного года, Борисов подал рапорт об отъезде в двухнедельный отпуск в Киев на период с 7 по 21 августа¹²⁶². Уведомление об отъезде он направил и в военно-историческую комиссию¹²⁶³.

Если речь идет об отпуске, как правило, отъезжающий самостоятельно решает, куда ему стоит поехать. Удивительно, что никого не насторожил отъезд Борисова в прифронтовой Киев, на который в то время наступали войска А.И. Деникина. По имеющимся сведениям, в Киеве у Борисова ни знакомых, ни имущества не было. Между тем 18 (31) августа город был взят белыми, а Борисов из командировки не возвратился и был 17 сентября признан находящимся в неизвестной отлучке¹²⁶⁴. Обстоятельства его попадания к белым неизвестны, как окончательно не известно и то, преднамеренно ли он у них оказался в связи со впечатляющими успехами наступления Деникина на Москву или же это произошло случайно. Совокупность имеющихся фактов свидетельствует о преднамеренном переходе Борисова к белым. Это же подтверждает и он сам в письме генералу Н.Н. Головину: «Окончив 2-й том¹²⁶⁵, я сбежал, по письму Алексеева¹²⁶⁶, на Дон, так как он предполагал идти на Волгу, на соединение с Колчаком¹²⁶⁷, признавая, что с Деникиным и “самостийными” казаками на Дону ничего не выйдет, что надо на Волге, у Колчака, обратиться к крестьянам и сибирякам. Но я прибыл на Дон, когда Алексей умер»¹²⁶⁸.

Особой сложности переход к белым в Киеве не представлял — достаточно было просто не эвакуироваться вместе с красными. В этом случае не требовалось даже переходить линию фронта — сам фронт как бы переходил через генерала Борисова.

25 августа (7 сентября) начальником штаба киевского военного губернатора Генштаба полковником Г.А. Эвертом Борисову было выдано два документа. Первый из них сообщал, что «предъявитель сего есть действительно Генерального штаба генерал-лейтенант Вячеслав Евстафьевич Борисов, что подписью с приложением казенной печати удостоверяется. Действительно по 10 октября 1919 года»¹²⁶⁹. Во втором документе было указано: «Начальник гарнизона г. Киева приказал Вам отправиться в г. Таганрог в штаб главнокомандующего в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба»¹²⁷⁰.

---

¹²⁶¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 215.

¹²⁶² Там же. Л. 306.

¹²⁶³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 263.

¹²⁶⁴ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 350.

¹²⁶⁵ Речь идет о составленном Борисовым кратком стратегическом очерке мировой войны.

¹²⁶⁶ Имеется в виду письмо М.В. Алексеева, полученное Борисовым в Москве еще осенью 1918 г.

¹²⁶⁷ В письме Алексеева не могло быть указания на соединение с А.В. Колчаком, пришедшим к власти на Востоке России уже после смерти Алексеева. Скорее, речь шла просто о Восточном антибольшевистском фронте.

¹²⁶⁸ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). N.N. Golovin Papers. Box 13.

¹²⁶⁹ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 154.

¹²⁷⁰ Там же. Л. 155.

Почти наверняка Борисов знал заранее, что ничего хорошего у белых его не ждет. Как уже отмечалось, в 1917 г. он не поддержал выступление генерала Л.Г. Корнилова. Сподвижники Корнилова — «быховцы», стоявшие в 1919 г. у руля ВСЮР, едва ли могли простить это Борисову. Он как минимум не мог рассчитывать на успешную карьеру у белых, а в условиях военного времени рискował подвергнуться серьезному наказанию.

Вместо того чтобы использовать громадный опыт Борисова, стоявшего очень близко к руководству всем русским фронтом мировой войны, белые занялись мелочным сведением счетов. Из обнаруженных нами документов следует, что у белых Борисов был предан суду, как это было со многими старшими офицерами, попадавшими в плен. Борисову припомнили все его прежние «прегрешения». В приказе № 2712 от 5 (18) декабря 1919 г. Деникин писал: «Предаю Военно-полевому суду Генерального штаба генерал-лейтенанта Борисова, по обвинению его в том, что в августе 1917 года, когда назревало выступление генерала Корнилова, имевшее в виду установление в России порядка и восстановление¹²⁷¹ боеспособности Русской армии, подал Керенскому доклад, в котором, считая Россию организованным демократическим государством, доказывал недопустимость в России средоточия¹²⁷² власти Верховного главнокомандующего в одном лице, указывая на то, что в демократическом государстве, каковым он считает Россию, Верховное командование должно быть представлено особо организованной Коллегией, ибо только этим путем возможно предотвратить захватные выступления военной власти, причем как всей своей литературно-научно-педагогической деятельностью, так и в политических убеждениях, коих он придерживается и в настоящее время, защищал и проводил в жизнь вышеуказанный принцип, каковыми своими действиями благоприятствовал неприятелю в его враждебных и военных действиях против России; что после захвата власти большевиками, проживая в Петрограде и Москве и занимая добровольно на советской службе ряд должностей, требовавших применения специальных знаний офицера (генерала) Генерального штаба, зарекомендовал себя полезным для советских властей работником, и участвуя по приглашению Ленина, Троцкого и других высших должностных лиц советской власти на совещаниях, добровольно давал по специальным вопросам советы, каковыми советами пользовались советские власти, чем сознательно содействовал осуществлению основных задач советской власти и причинял существенный вред Вооруженным силам на Юге России, т.е. за преступление, предусмотренное частью 1 пункт 1 утвержденного мною 30 июля сего года закона об уголовной ответственности участников установления советской власти и лиц, содействовавших ее распространению и упрочению...»¹²⁷³

Военно-полевой суд состоялся в Таганроге 8 (21) декабря 1919 г. Результат его нашел отражение в другом приказе Деникина (№ 2774 от 7 (20) января 1920 г.). Борисов «признан виновным и приговорен, по лишении всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, к отдаче в исправительные арестантские отделения на четыре года. Ввиду преклонных лет генерал-лейтенанта

¹²⁷¹ В оригинале несогласованно — восстановления.

¹²⁷² В оригинале несогласованно — средоточие.

¹²⁷³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 131.

Борисова Суд постановил ходатайствовать об освобождении его от наказания. При конфирмации приговор мною утвержден, причем от фактического выполнения наказания генерал-лейтенант Борисов, за преклонностью возраста, мною освобожден. Согласно приказа моего от 14 декабря 1919 года за № 2735 генерал-лейтенант Борисов прощен»¹²⁷⁴.

Думается, если бы генерал Алексеев был жив, он бы не допустил суда над своим соратником. Неудивительно, что на белом Юге генерал Борисов не задержался. 22 февраля (6 марта) 1920 г. на пароходе «Саратов» он выехал из Новороссийска и был высажен в Александрии (Египет), оказавшись затем в беженском лагере Телль-Эль-Кебир¹²⁷⁵. Здесь же оказался и генерал Ф.П. Рерберг, знавший Борисова еще с дореволюционных времен.

21 июня 1920 г. Борисов получил разрешение на выезд в Сербию, куда вскоре и отправился¹²⁷⁶. Положение Борисова в Сербии было непростым. Первоначально он попал в г. Баранья, в 1921–1922 гг. служил в секвестированном имении в Сенти-Лернице с жалованьем 40 динар в день. Помимо этого с января 1921 г. по август 1922 г. Борисов получал пособие. Обычный размер пособия составлял 400 динар в месяц, а с сентября 1921 г. оно было уменьшено до 340 динар (возможно, в связи с его заработком в имении), но с октября 1922 г. прежний размер в 400 динар был восстановлен. Пособие Борисов получал и в 1922–1924 гг.¹²⁷⁷ Затем Борисов перебрался в пригород Белграда Земун. К 1924 г. он уже был признан нетрудоспособным по возрасту. В Сербии генерал стал заведовать библиотекой военной академии.

Белая военная эмиграция отвернулась от генерала. 20 ноября 1921 г. обсуждался вопрос о его приеме в Общество русских офицеров Генерального штаба. Члены общества сомневались, можно ли принять в свои ряды человека, служившего у красных. В то же время в обществе уже состояли генералы В.В. Буняковский и И.П. Сытин, бежавшие из Красной армии. Решено было сделать дополнительный запрос председателю военно-полевого суда генералу от инфантерии В.В. Болотову и бывшему главному военному прокурору ВСЮР генерал-лейтенанту И.А. Ронжину относительно ранее предъявленных обвинений¹²⁷⁸. На заседании 1 января 1922 г. Борисову в приеме было отказано¹²⁷⁹. В итоге его, очевидно, все же приняли в члены общества, но пробыл он там недолго. Уже 19 марта 1923 г. Борисова исключили из этой организации¹²⁸⁰.

В протоколе заседания Совета объединенных офицерских обществ 2 мая 1923 г. в Белграде было отмечено: «Председатель Совета сообщил о последовавшем распоряжении генерала Врангеля от 19 марта с.г. за № 78 об исключении со службы с лишением чинов и с последствиями, указанными в ст.ст. 38, 39 и 40 XXII кн. С[вода] В[оенных] П[остановлений] 1869 г., Генерального штаба генерал-лейтенанта Борисова (Вячеслава), постановили: 1) принять к сведению,

¹²⁷⁴ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 12.

¹²⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 71. Л. 11; Д. 171. Л. 3.

¹²⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 171. Л. 22об.

¹²⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-6792. Картоотека «Б». Л. 3592–3594. Борисов Вячеслав Евстафьевич.

¹²⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 12. Л. 34.

¹²⁷⁹ Там же. Л. 38.

¹²⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 55. Л. 136–137.

2) сообщить о сем в колонию г. Земуна, где проживает г. Борисов»¹²⁸¹. Исключение со службы и лишение чинов было мотивировано тем, что Борисов якобы вел агитацию в пользу Советской России¹²⁸².

Тем не менее в эмиграции Борисов продолжал военно-научную и публицистическую деятельность, сотрудничал с такими изданиями, как журналы «Военный сборник» и «Война и мир», газета «Русский инвалид». Борисов занимался в библиотеке белградского военного училища, где встречался со своим старым товарищем и однокашником по академии генералом В.Е. Флугом, состоял в переписке с генералом Н.Н. Головиным. Последнего Борисов очень просил достать ему крест ордена Почетного легиона, которым он дорожил. Имевшийся у Борисова крест ордена был похищен еще в 1917 г.

В 1920-е гг. Борисовым был составлен «Краткий стратегический очерк 1914–1918 гг.». Генерал следил за военной мыслью, в том числе за работами, выходящими в СССР. В частности, он давал Флугу изданную Госвоениздатом СССР в 1931 г. книгу А.М. Вольпе «Фронтальный удар. Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны»¹²⁸³.

В 1931 г. Борисов писал генералу Головину: «Мой метод исследования по стратегии готов, и я его буду представлять королю, полководцу войн 1912–1918 гг., и он меня понимает. Ни один из великих полководцев не понимал разделения своего искусства на стратегию и тактику, ибо они неразделимы, вообще, как неразделимо человеческое практическое знание. Деления наук всегда искусственны и создаются теоретиками для удобства изучения: например, химия неотделима от физики, ботаника от зоологии. В логике неотделимы анализ от синтеза, понятие от суждения и т.д.... Целые вечера, целые прогулки по лесу мы с Алексеевым проводили обсуждая и ни разу не расчленили “стратегии” от “тактики”, ибо мы не изучали, а исполняли»¹²⁸⁴.

В конце жизни Борисов работал над трудом «Русская стратегия в войну 1914–1918 гг.», судьба рукописи которого неизвестна. Кроме того, Борисов, по всей видимости, собирал и хранил документы о деятельности генерала Алексеева, в том числе за период Гражданской войны¹²⁸⁵. Эти документы он предлагал бесплатно Русскому заграничному историческому архиву. Часть документов Алексеева Борисов передал Флугу.

Всеобщее отчуждение и одиночество, усиленное пребыванием на чужбине, могло подорвать дух человека даже с более устойчивой психикой, чем у Борисова, которого еще до 1917 г. считали чудаком и не вполне нормальным человеком. В 1930-е гг., как писал генерал Флуг генералу В.В. Чернавину, Борисов опустил-ся, «у него к прежним странностям прибавилось еще много новых, между прочим такая, что он отпустил себе длинные волосы, как священник, и оброс соответствующей бородой. Если Вы ему напишете письмо, он может свободно на него не ответить — без объяснения причин. Знаю это по опыту или, вернее, по попытке

¹²⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 4. Л. 147.

¹²⁸² ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 82. Л. 4.

¹²⁸³ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 32об.

¹²⁸⁴ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). N.N. Golovin Papers. Box 13.

¹²⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 66.

переписки с ним П.Н. Симанского¹²⁸⁶. Но возможно, что и ответит — все зависит от настроения и насколько тема предоставит ему возможность распространиться о своей собственной деятельности и особе»¹²⁸⁷.

Генерал Борисов предсказал свою смерть, основываясь на материалах близкого ему наследия Наполеона. Оказывается, французский император составил таблицу для каждого возраста, согласно которой, как отмечал Борисов в своем письме генералу Н.Н. Головину от 11 декабря 1936 г., ему осталось жить четыре с половиной года¹²⁸⁸. Точно так и случилось, что, конечно, не может не давать пищи для сомнений в естественном характере ухода Борисова из жизни.

Семья у генерала Борисова не было. Поэтому 6 апреля 1941 г. в день печально известной бомбардировки Белграда немцами, унесшей огромное количество жизней и разрушившей югославскую столицу, Борисов составил завещание, по которому все свое имущество оставлял сербскому генералу, профессору военной академии Николе Аранджеловичу, на квартире которого жил на протяжении

---

¹²⁸⁶ Симанский Пантелеймон Николаевич (30.09.1866–22.04.1938) — из дворян Псковской губернии. Окончил Псковский кадетский корпус (1883), 2-е Константиновское военное училище с занесением имени на мраморную доску (1885) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1891). Подпоручик (со ст. с 07.08.1885). Подпоручик гвардии (со ст. с 07.08.1885). Поручик (со ст. с 07.08.1889). Штабс-капитан гвардии (со ст. с 22.05.1891). Капитан (со ст. с 22.05.1891). Подполковник (со ст. с 06.12.1896). Полковник (со ст. с 06.12.1900). Генерал-майор (со ст. с 22.01.1909). Генерал-лейтенант (с 1917). На службе с 01.09.1883. В Лейб-гвардии Павловском полку. Старший адъютант штаба 35-й пехотной дивизии (26.11.1891–03.09.1896). Командир роты 137-го пехотного Нежинского полка (17.10.1894–21.10.1895). В прикомандировании к Александровскому военному училищу для преподавания военных наук (03.09.1896–06.05.1900). Штаб-офицер для особых поручений при штабе XVII армейского корпуса (06.05.1900–29.01.1902). Командир батальона 7-го гренадерского Самогитского полка (15.05–15.09.1901). Начальник штаба 1-й гренадерской дивизии (29.01.1902–01.06.1904). Командир 2-го гренадерского Ростовского полка (01.06.1904–30.09.1906). Числился по армейской пехоте (30.09.1906–14.02.1907). Член военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны (14.02.1907–16.03.1910). Состоял в распоряжении военного министра (16–24.03.1910). Командир 2-й бригады 35-й пехотной дивизии (с 24.03.1910). Участник Первой мировой войны. Командующий 61-й пехотной дивизией (с 19.07.1914, на 1917). В резерве чинов при штабе Московского военного округа по болезни (с 07.07.1917). Участник Гражданской войны. В Псковском добровольческом корпусе (25.10–11.1918). Начальник 1-й стрелковой дивизии (25.10–22.11.1918). Командир Либавского отряда (30.12.1918–01.1919). В Северо-Западной армии (1919). В эмиграции — в Польше. Председатель Российского общественного комитета. Военный историк и писатель. Оставил неопубликованные воспоминания. Сотрудничал с журналом «Беллона». Умер в Варшаве. Похоронен на православном кладбище Варшава-Воля. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1895), Св. Анны 3-й ст. (1898), Св. Станислава 2-й ст. (1905), Св. Анны 2-й ст. (1908), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1913), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 06.01.1915), серебряные медали в память царствования императора Александра III и в память священного коронования Их Императорских Величеств в 1896 г. Холост. Соч.: Японо-китайская война 1894–1895. СПб., 1896; Ответ г. Блюху на его труд «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях». М., 1898; Суворов. М., 1899; Жизнь Суворова в художественных изображениях. М., 1900 (в соавт. с М.Б. Стремоуховым); Суворов о царе, России и военном деле. М., 1900; Влияние Австрии на русские военные операции. СПб., 1901; Отечественная война. Варшава, 1902; Посещение Бородинского поля (15-го июня 1902 г.). М., 1902; Война 1877–1878 гг. Падение Плевны. СПб., 1903; Бой при Четати. 1853 — 25 дек. — 1903. СПб., 1904; Перед войной 1812 года: Описание качеств и способностей русских генералов. СПб., 1906; Суворовский отдел в библиотеке П.Н. Симанского. СПб., 1912. Вып. 1; Паника в войсках. Л., 1929.

¹²⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 63.

¹²⁸⁸ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). N.N. Golovin Papers. Box 13.

последних четырех лет своей жизни¹²⁸⁹. Аранджелович был русофилом и даже написал книгу об А.В. Суворове, хотя по-русски не говорил. Спустя полтора месяца, 20 мая 1941 г., Борисов скончался в Белграде, не дожив полгода до своего восьмидесятилетия. Произошло это в точном соответствии с его расчетом по напoleonовской таблице.

Борисов был похоронен на Новом кладбище. Судя по всему, его могила не сохранилась. На похоронах Борисова генерал Аранджелович обещал передать архив покойного представителю русского Генерального штаба полковнику В.М. Пронину (свидетелем этого был генерал Флуг), однако, по крайней мере, до ноября 1943 г. этого так и не сделал¹²⁹⁰. Дальнейшая судьба архива Борисова неизвестна.

Генерал Борисов обладал завидной работоспособностью, его перу принадлежит довольно внушительный список книг¹²⁹¹, хотя большинство из них небольшого (в пределах 70–100 страниц) объема. Количество же написанных им статей, записок и проектов по самому широкому спектру военных и военно-исторических вопросов вообще с трудом поддается подсчету.

Деятельность Борисова в советский период служит ярким примером столкновения старых и новых взглядов на военное строительство. В новых условиях бывший генерал мог быть полезен лишь как узкий технический специалист в военной области. Его планы и проекты радикального преобразования всей системы органов высшего военного управления Советской России, создания мощного Генерального штаба не могли быть реализованы, поскольку не соответствовали духу новой армии и новой эпохи.

Участие Борисова в Гражданской войне демонстрирует трагическое одиночество профессионала, не пришедшего из-за своих убеждений ко двору ни в одном из противоборствующих лагерей. Для красных он был отставшим от жизни доктринером, выдвигавшим отвлеченные книжные теории и осмелившимся спорить с вождем Красной армии Л.Д. Троцким. Для белых он был ренегатом, демонстративно не поддержавшим выступление генерала Л.Г. Корнилова, а затем запятнавшим себя службой у большевиков.

Показательно и характерно отношение к Борисову у красных и у белых. Если в Советской России, несмотря на все отрицательные стороны деятельности Борисова и критику его идей самим Троцким, его опыт и знания все же были использо-

---

¹²⁸⁹ *Йованович М.* Идея лихорадочная и дутая: манифест «Михаила Александровича» (Несостоявшийся эпизод гражданской войны) // Русский сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. 1. С. 221.

¹²⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 109.

¹²⁹¹ Походы 64-го Пехотного Казанского его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888 (в соавт. с А. Сыщанко); Стратегические вопросы: Разбор положений соч. ген. Леера «Стратегия» (тактика театра военных действий). Варшава, 1897; Из полководческой практики. Варшава, 1898; Хроника 116-го пехотного Малоярославского полка. Рига, 190-?; Древнерусские военные повести: Сб. ст. по древнерусской военной истории. СПб., 1908. Вып. 1; Работа большого Генерального штаба. СПб., 1908. Вып. 1; Полтавская битва, 1709 – 27 июня – 1909. СПб., 1909 (в соавт. с А.А. Балтийским, А.А. Носковым); Карта Сарматии (нынешней России) во II веке по Р.Хр. по греческому географу Птолемию. Ковна, 1909–1910. Вып. 1–3; Осада Риги царем Алексеем Михайловичем в 1656 г. с 22 августа по 5 октября. Ковна, 1910 (в соавт. с П.О. Папенгутом); Логистика: (Искусство Генерального штаба): Введение в военно-критический разбор Русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1912; «Смелая наступательная тактика»: (Русская военная доктрина). СПб., 1913. Ч. 1.

ваны на благо Красной армии, то белые, руководствуясь идеалистическими представлениями о мнимой «чистоте риз», предпочли от услуг Борисова отказаться. Разумеется, в Гражданской войне победила та сторона, которая обладала способностью рационально использовать знания и опыт пусть даже своих временных попутчиков, одним из которых и был генерал Борисов.

Сейчас трудно сказать, правильным ли оказался выбор генерала Борисова, ушедшего от красных, но так и не прибившегося к белым. Впереди его ждали два десятилетия тяжелого существования в эмиграции и отчуждение бывших сослуживцев — ветеранов Белого движения. Останься он в Советской России, бедствовать бы не пришлось, но вряд ли бы удалось уцелеть в жерновах НКВД и пережить 1930-е гг.

В.И. Чапаев в академии Генерального штаба РККА. Декабрь 1918 г.*

Назначенный командующим войсками Восточного фронта И.И. Вацетис вспоминал: «Командный состав, как для Казанской дивизии, так и для рабочих дружин, мы полагали найти среди слушателей Военной академии, которая по моему ходатайству была эвакуирована в Казань. 2-го августа она прибыла и, разместившись в здании Коммерческого училища, приступила к своим военно-научным занятиям»¹²⁹². Однако надежды Вацетиса не оправдались.

4 августа 1918 г. он встретился с личным составом академии, причем на встрече присутствовали только 50 слушателей, остальные были откомандированы в 3-ю армию или находились в кратковременных отпусках. Вацетис выступил перед слушателями и в конце попросил выйти вперед тех, кто согласен стать в ряды 5-й армии для защиты Казани. Из строя вышло не более 5–6 человек. «Остальные, — писал Вацетис, — в том числе, вероятно, и поспевшие уехать в отпуск, по-видимому, не имели готового решения в вопросе, на чью сторону стать, и заняли если не враждебную, то, во всяком случае, выжидательную позицию. Среди профессуры тоже не нашлось желающих стать в ряды Красной армии. Таким образом, мои хлопоты о переводе академии в Казань оказались напрасными...»¹²⁹³

После перехода академии Генерального штаба в августе 1918 г. практически в полном составе на сторону белых зарождавшаяся Красная армия осталась без этого высшего военно-учебного заведения. По мнению Вацетиса, «старая академия продолжала существовать (в РККА. — *А.Г.*) как слепая кишка в организме, пока не случился с ней тот аппендицит, который потребовал ее удаления»¹²⁹⁴. Впрочем, за этой жесткой оценкой вполне могло скрываться стремление оправдаться за потерю академии в Казани, произошедшую в том числе вследствие ошибочных распоряжений самого Вацетиса.

Чем же большевики сумели в итоге заменить эту «слепую кишку»? Приказом РВСР № 47 от 7 октября 1918 г. было объявлено о создании академии Генерально-

---

* Впервые опубликовано: Родина. 2008. № 4. С. 93–97. В настоящем издании публикуется с исправлениями и дополнениями. К сожалению, в качестве иллюстраций к первой публикации статьи ошибочно были помещены фотографии не самого здания академии Генштаба РККА, а соседнего с ним.

¹²⁹² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 398–399.

¹²⁹³ Там же. Л. 399.

¹²⁹⁴ Там же. Л. 626.

го штаба РККА во главе с Генштаба А.К. Климовичем. Открытие академии было приказано подготовить в нереальный срок — не позднее 1 ноября.

В приказе РВСР было отмечено, что академия Генерального штаба «должна давать не только высшее военное и исчерпывающее специальное, но и по возможности широкое общее образование, дабы лица, окончившие ее, могли занять штабные и командные должности и являлись людьми, способными откликнуться на все вопросы политической, общественной и международной жизни... Кроме военных в академии должны изучаться и общеобразовательные, специальные и философские науки»¹²⁹⁵.

Вацетис в своих воспоминаниях представил создание академии как собственную заслугу, отметив, что Л.Д. Троцкий (мемуары Вацетиса писались в 1920-е гг., уже в период травли Троцкого) якобы даже не прочитал приказ о создании академии, который ему предложил подписать и тем самым обессмертить свое имя сам Вацетис¹²⁹⁶. По всей видимости, у истоков академии стоял не один только советский главком. Разработкой исходных положений, определявших задачи и характер академии, занималась специальная комиссия во главе с Н.И. Подвойским в составе В.Ф. Горина-Галкина, М.П. Павловича, Б.И. Рейнштейна, М.А. Рейснера и др. Комиссией были выработаны важнейшие организационные принципы будущей академии. Сам Подвойский получал указания непосредственно от В.И. Ленина и действовал в контакте с Вацетисом¹²⁹⁷.

Намеченная программа академии включала такие дисциплины, как: стратегия, философия войны (на дополнительном курсе), тактика всех родов войск и общая тактика, военная психология, история военного искусства (старший курс), история Великой мировой войны 1914–1918 гг., служба Генштаба, военная география, военная администрация, военно-морское дело, военная топография, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийских частей, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное право, международное право и вопросы современной международной политики, политическая экономия, вопросы мирового хозяйства, история цивилизации народов, социология, логика и методы научного исследования, иностранные языки (обязательно один — немецкий, японский, английский или французский).

Практические занятия предусматривались по стратегии и тактике (задачи, тактические поездки, полевые выходы), военной администрации, практическому изучению метода статистики, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, морскому делу, съемкам и верховой езде. Курс обучения должен был составить три года.

Намечено, но не реализовано, было открытие и ускоренных одногодичных курсов при академии, где бы изучались основы современной стратегии, тактика пехоты, конницы, артиллерии, технических войск, воздушных средств и общая история Великой мировой войны 1914–1918 гг., служба Генштаба, обзор пограничных театров России, организация и тактика снабжения и транспорта, теория съемки, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийской

¹²⁹⁵ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 1об.

¹²⁹⁶ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 630.

¹²⁹⁷ Академия имени М.В. Фрунзе. М., 1973. С. 10–11.

части. Практические занятия предполагались по тактике, военной администрации, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, съемкам и верховой езде. В академию необходимо было зачислить, прежде всего, слушателей, принятых в июне и июле 1918 г. Любопытны данные о составе слушателей по образовательному цензу и партийности (см. табл. 66).

Таблица 66. Состав слушателей первых наборов академии Генштаба РККА¹²⁹⁸

Группы/годы	Набор (данные в процентах)			
	1918	Весна 1919, параллельный курс	Осень 1919	Осень 1920
<i>Партийная принадлежность</i>				
Коммунисты	60	49	70	89,5
Сочувствующие	20	32	12	1?
Сторонники других партий	5	1	2	—
Беспартийные	15	18	16	9,5
<i>Общее образование</i>				
Высшее	5 (по другим данным, 5,5)	—	20	5,5
Среднее	70	—	56	65
Начальное	25	—	24	29
<i>Специальное образование</i>				
Выпускники военных училищ, школ и курсов	79 (по другим данным, 88)	92	86	92,5
Без военного образования	21	8	14	7,5
<i>Боевой опыт</i>				
С боевым опытом	94	—	79?	94
<i>Откуда направлены</i>				
С фронта	—	75	57	68
Из тыла	—	25	43	32

Приведенные статистические сведения, несмотря на некоторые расхождения в имеющихся цифрах, демонстрируют крайнюю неоднородность состава слушателей, прежде всего, по их образовательному уровню, что не могло не вызвать значительных осложнений в процессе обучения как для слушателей, так и для преподавателей.

Как вспоминал слушатель первого набора, а впоследствии Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, «главную роль при первом наборе играло наличие рекомендаций двух членов РКП(б), собственного партстажа и опыта военной работы, преимущественно в Красной армии. В результате в академию попали люди с неодинаковыми знаниями. Кое-кто имел высшее образование, большинство —

¹²⁹⁸ Сост. по: Два года Красной академии Генерального штаба (1918 – сентябрь 1920 г.). М., 1921. С. 22, 33, 35, 39; Академия имени М.В. Фрунзе. С. 19; Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002. С. 102. К сожалению, в ряде случаев оказалось невозможно устранить явные статистические ошибки, особенно в вопросе соотношения слушателей со средним военным и гражданским образованием.

среднее, а некоторые — только начальное. Естественно, последним учиться было очень трудно»¹²⁹⁹. По свидетельству А.Ф. Федорова, были «обязательны два условия: опыт в военном деле и личное участие в боях против белых»¹³⁰⁰.

Открытие академии происходило в спешке. На подготовку к работе начальник академии отвел сотрудникам один месяц. В первоначально установленный РВСР срок не уложились, но занятия начались уже 24 ноября 1918 г., тогда как «еще 15 октября... вся академия заключалась в маленьком столике в кабинете начальника Гувуза т. Муратова»¹³⁰¹.

Базовой идеей, которой руководствовались создатели академии, было максимум результата при минимуме затрат¹³⁰². В сжатые сроки решились вопросы с размещением академии (академия расположилась в здании бывшего Охотничьего клуба графа Шереметева на Воздвиженке), обеспечением ее топливом на зиму, открыта учебная часть, библиотека, приглашены лекторы по политическим вопросам, набран преподавательский состав. Работа велась в авральном режиме. Комиссар академии был назначен 15 октября, еще до открытия. Буквально по ночам удавалось пробиваться на заседания к членам РВСР и решать организационные вопросы, так как днем попасть на прием было невозможно.

Блестяще был подобран преподавательский состав из военспецов, многие из которых составляли цвет старого Генштаба. В.Е. Борисов должен был читать курс истории Первой мировой войны, А.А. Незнамов и А.А. Свечин — стратегию, С.К. Сегеркранц и С.М. Шейдеман — тактику конницы, В.Н. Свяцкий и Г.И. Теодори — тактику артиллерии, С.Г. Лукирский и Н.С. Беляев — общую тактику, Д.К. Лебедев — тактику технических войск, В.Н. Гатовский — тактику и технику воздушных средств, В.И. Самуйлов — организацию войск, военных управлений и учреждений, А.А. Свечин и В.Ф. Новицкий — службу Генштаба, А.А. Радус-Зенкович и С.Д. Харламов — обзор театров войны, Н.А. Сулейман — снабжение и транспорт, В.Н. Генриксон — военное хозяйство, В.Р. Канненберг — теорию съемки, В.М. Афанасьев — технику железнодорожного дела¹³⁰³.

Как вспоминал К.А. Мерецков, «к нам профессура относилась сначала довольно снисходительно. В 1918/19 учебном году существовали только две оценки на зачетах: “удовлетворительно” и “неудовлетворительно”, причем я не помню, чтобы “неуды” бывали часто. Как правило, все получали удовлетворительные оценки. И тем не менее отдельные слушатели не смогли учиться в академии и бросили ее. Правда, каждый последующий набор был сильнее предыдущего. Рос уровень подготовки будущих красных офицеров Генштаба, росли и требования к ним. А некоторые слушатели оставили академию только потому, что не выдержали холодного скептицизма и несколько иронического отношения к ним со стороны профессуры, а также возненавидели медленно изживавшуюся преподавателями схоластику в обучении или сочли, что они и без того сумеют принести пользу истекавшей кровью Советской России»¹³⁰⁴.

¹²⁹⁹ Мерецков К.А. На службе народу. М., 2003. С. 65.

¹³⁰⁰ Федоров А.Ф. Октябрьские зори. М., 1962. С. 173.

¹³⁰¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

¹³⁰² Там же. Л. 25.

¹³⁰³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 7об.

¹³⁰⁴ Мерецков К.А. На службе народу. С. 65–66.

Одним из наиболее курьезных эпизодов начального периода существования Военной академии РККА было кратковременное обучение в ней легендарного героя Гражданской войны Василия Ивановича Чапаева¹³⁰⁵. При рассмотрении этого щекотливого эпизода биографии Чапаева нужно, в первую очередь, отделять позднейшую легенду от действительности. К сожалению, в нашем распоряжении имеется не так много документов на этот счет, но тем не менее они позволяют выстроить самостоятельную версию этой истории, значительно расходящуюся как с официальной советской, так и с современной российской, лоббируемой потомками Чапаева.

В ноябре 1918 г. Чапаев подал рапорт о зачислении его в академию Генштаба РККА, которая должна была вскоре открыться в Москве. Неизвестно, было ли это решением самого начдива или же, как указано в последующих документах, являлось следствием постановления РВС 4-й армии. Комиссар чапаевской дивизии Д.А. Фурманов вообще считал Чапаева авантюристом и тщеславным карьеристом¹³⁰⁶. С учетом этого инициатива могла исходить и от самого начдива, либо же он просто был не прочь показать себя в Москве, подчинившись решению сверху. Тем более что 2 ноября РВС 4-й армии было принято решение о его отстранении от должности начальника дивизии и предании суду¹³⁰⁷, так как Чапаев в телефонограмме в штаб 4-й армии от 23 октября заявил, что без подкреплений его дивизия уйдет с позиций в тыл, назвал командующего армией Т.С. Хвесина мерзавцем и предположил, что тот может быть предателем¹³⁰⁸. Впрочем, уже 18 ноября дело Чапаева было прекращено, так как РВС решил, что в его телефонограмме не было злого умысла¹³⁰⁹.

Чапаеву был тогда 31 год, но он уже являлся достаточно известным командиром Красной армии. Немаловажно, что с сентября 1917 г. он состоял в большевистской партии. Л.Д. Троцкий 15 ноября 1918 г. одобрил рапорт Чапаева, и последний был откомандирован от Николаевской дивизии, которой командовал, в академию «для усиления своих дарований специальными военными знаниями»¹³¹⁰.

В 1930-е гг. эти события преподносились как диверсия, организованная сидевшими в РВС 4-й армии ставленниками Троцкого, собиравшимися предать Чапаева суду за разложение дивизии. Якобы во избежание эксцессов с бойцами дивизии Чапаева, легендарного начдива, и отправили в академию¹³¹¹. В отдельных воспоминаниях рисовались эпические, но маловероятные картины того, как Троцкий и Чапаев на каком-то партийном заседании сцепились по вопросу об отправке Чапаева в академию и даже размахивали друг перед другом оружием¹³¹².

---

¹³⁰⁵ Публикацию ряда документов, меняющих стереотипные представления о В.И. Чапаеве, см.: Чапай настроен слишком нежно. Из личного архива Фурманова / Публ. А.В. Ганина // Родина. 2011. № 2. С. 73–75.

¹³⁰⁶ ОР РГБ. Ф. 320. Карг. 6. Д. 1. Л. 98; Д. 2. Л. 6.

¹³⁰⁷ Боевой путь В.И. Чапаева // Красный архив. 1939. Т. 6 (97). С. 174–175.

¹³⁰⁸ Легендарный начдив: Сб. док. Чебоксары, 1986. С. 97–98.

¹³⁰⁹ Боевой путь В.И. Чапаева. С. 175.

¹³¹⁰ Легендарный начдив. С. 110.

¹³¹¹ Боевой путь В.И. Чапаева. С. 144–145.

¹³¹² *Борисова Р.Б.* В восемнадцатом году // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1957. Т. 2. С. 418. Безотносительно истории Чапаева подобное поведение могло для оппонентов Троцкого в 1918 г. закончиться быстро и печально. На многочисленных фотографиях и в кинохронике, отражающих поездки Троцкого периода Гражданской войны, рядом с ним в кадре нередко можно видеть охрану с винтовками наперевес.

По мнению временно командующего армией бывшего Генштаба генерал-майора А.А. Балтийского, у Чапаева «отсутствие общего военного образования сказывается в технике управления войсками и отсутствии широты охватить военное дело. Полный инициативы, но пользуется ею неуравновешенно, вследствие отсутствия военного образования. Однако ясно обозначаются у т. Чапаева все данные, на почве которых, при соответствующем военном образовании, несомненно явится и техника, и обоснованный военный размах. Стремление получить военное образование, дабы выйти из состояния “военной темноты”, а затем вновь стать в ряды боевого фронта¹³¹³. Можно быть уверенным, что природные дарования т. Чапаева в сочетании с военным образованием дадут яркие итоги»¹³¹⁴. Однако эти надежды оказались призрачными.

18 ноября начальник 2-й Николаевской дивизии Чапаев убыл из Самары в Москву. Однокурсник Чапаева по академии, впоследствии комбриг С.М. Мищенко вспоминал: «В ноябре 1918 года меня вызвали в Революционный военный совет 4 армии и предложили вместе с Чапаевым направиться в академию Генерального штаба. Приехав в Москву, мы сразу же отправились в академию, помещавшуюся в здании бывшего охотничьего клуба на Воздвиженке. Здесь мы заполнили анкеты и на следующий день явились на экзамены. Экзаменационная комиссия состояла из военспецов, бывших генералов царской армии, на плечах которых еще были следы от погон»¹³¹⁵. С первых же дней Чапаев чувствовал себя дезертиром с фронта¹³¹⁶. Тем не менее в заявлении о зачислении в академию он написал: «Желая получить высшее военное образование, прошу зачислить меня слушателем академии Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии»¹³¹⁷.

К сожалению, в нашем распоряжении имеются лишь отрывочные упоминания о зачислении и отчислении Чапаева, поскольку документы первых лет существования Военной академии РККА почти не сохранились. Принят в академию он был 8 декабря, но, как отмечалось в приказе, зачисление состоялось с 9 декабря¹³¹⁸. Странно, что в приказах по академии нет упоминаний о включении Чапаева, в отличие от его однокашников, в одну из учебных групп, не сохранилось о нем и каких-либо других упоминаний в связи с учебой в академии. Все это может свидетельствовать только о том, что Чапаев в академии почти не учился.

Между тем в одном из приказов по академии в апреле 1919 г. отмечалось, что «академический курс наук при настоящей краткосрочности требует самого упорного труда для своего усвоения. Недостаток же учебных пособий и руководств заставляет аккуратнo, без всяких пропусков посещать лекции, внимательно воспринимать и записывать их, хотя бы в самой конспективной форме»¹³¹⁹. Впрочем, это мнение было далеко от действительности. Как показали внезапные проверки,

¹³¹³ Так в документе.

¹³¹⁴ Легендарный начдив. С. 113.

¹³¹⁵ *Мищенко С.* Чапаев в академии // Красная Чувашия (Чебоксары). 1939. 14 февр.

¹³¹⁶ *Артемов Е.Н.* В.И. Чапаев в академии Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии (Ноябрь 1918 г. – январь 1919 г.) // История и культура Чувашской АССР: Сб. ст. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 367.

¹³¹⁷ Там же. С. 368. Документ хранится в Центральном музее вооруженных сил.

¹³¹⁸ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 43об., 48об.

¹³¹⁹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 170.

слушатели неаккуратно посещали лекции. Расписавшись утром в регистрационном листе, они уходили и являлись только к обеду на практические занятия¹³²⁰. «Ни в одном военном учреждении я не видел такой слабой дисциплинированности, как в академии», — отмечал комиссар академии в декабре 1919 г.¹³²¹

За отсутствием непосредственных документов о пребывании Чапаева в академии воспользуемся сохранившимися свидетельствами его однокашников. К сожалению, эти немногочисленные свидетельства также не проливают свет на академическую историю Чапаева. Видный советский военачальник генерал армии И.В. Тюленев, учившийся с Чапаевым в академии, вспоминал: «В конце ноября 1918 года я прибыл в Москву. Академия Генерального штаба помещалась в Шереметьевском переулке, в здании бывшего охотничьего клуба. Комната, в которой мне предстояло жить, была темная, без окон. Когда я вошел, в ней горел свет. Первое, что бросилось в глаза, в два ряда вдоль стен узкие кровати. В проходе между ними нервно шагал, вернее, не шагал, а метался щеголеватый военный лет тридцати, с усиками, аккуратно, на пробор, причесанный. Увидев меня, он остановился и громко, с издевкой сказал: — Еще одна птичка пожаловала! Что, брат, фронт тебе надоел? В ответ я только махнул рукой. Мой собеседник вздохнул: — Приказали? Мне тоже приказали. Но черта с два! Уеду! Придумать такую несуразицу — боевых людей за парту! Это был Василий Иванович Чапаев. Мне досталась койка через одну от него. Много вечеров просидели мы вместе над учебниками и топографическими картами»¹³²².

На основе анализа данных о слушателях первого набора академии можно сказать, что по своему практическому командному опыту Чапаев значительно превосходил большинство своих однокашников, но уровень общеобразовательной подготовки Чапая был явно недостаточным. При зачислении в академию в начале декабря ему вместе с другим слушателем, А.М. Чеверевым, тоже героем Гражданской войны на Южном Урале, было предписано через два месяца от начала обучения сдать экзамен по программе советских командных пехотных курсов¹³²³. На наш взгляд, это означает, что даже по заниженным по сравнению с дореволюционными требованиям академии Генштаба РККА образовательного ценза Чапаева (два класса церковно-приходской школы и курс полковой учебной команды) было явно недостаточно для прохождения академического курса.

О пребывании легендарного начдива в академии сохранилось несколько легенд. Первая об экзамене по военной географии, на котором в ответ на вопрос старого генерала о значении реки Неман¹³²⁴ (в разных версиях реки различаются — фигурируют также Сена и Висла¹³²⁵) Чапаев спросил профессора, знает ли тот о значении реки Солянки¹³²⁶, на которой он вел бои с уральскими казака-

¹³²⁰ Там же. Л. 141.

¹³²¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

¹³²² Тюленев И.В. Через три войны. М., 1972. С. 63.

¹³²³ Легендарный начдив. С. 114.

¹³²⁴ Кутяков И. Василий Иванович Чапаев // Новый мир (Москва). Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1935. Кн. 3. С. 175.

¹³²⁵ Чапаева Е. Мой неизвестный Чапаев. М., 2005. С. 245. Есть вариант, где фигурируют как Сена, так и Висла (Мищенко С. Чапаев в академии).

¹³²⁶ В другом варианте — реки Соленой (Мищенко С. Чапаев в академии).

ми. При этом Чапаев сказал, что на Немане был ранен и контужен (хотя воевал он в Первую мировую в основном в Галиции). Тем не менее Чапаева зачислили как имеющего практический опыт. Еще по одной из легенд Чапаев в академии освоил топографию и научился делать из 10-верстной карты верстовку или двухверстовку¹³²⁷. И наконец, по рассказу И.В. Тюленева, Василий Иванович сумел «поставить на место» известного военного теоретика бывшего Генштаба генерал-майора А.А. Свечина (тогда штатного преподавателя и руководителя практических занятий академии¹³²⁸) в вопросе о битве при Каннах, назвав римлян слепыми котятками и заявив в ответ на ироническое замечание преподавателя: «Мы уже показали таким, как вы, генералам, как надо воевать!»¹³²⁹ По другой версии, после рассказа преподавателя о битве при Каннах Чапаев вызвался поделить аналогичным примером из своего опыта: «Я про Ганнибала раньше не читал, но вижу, что он был опытным полководцем. Но я во многом не согласен с его действиями. Он совершал много ненужных перестроений на виду у противника и тем раскрывал ему свой план, медлил в своих действиях и не проявил настойчивости для окончательного разгрома неприятеля. У меня произошел случай, похожий на обстановку во время битвы при Каннах. Это было в августе, на реке Н. Мы пропустили до двух полков белых с артиллерией через мост на наш берег, дали им возможность вытянуться вдоль дороги, а затем открыли ураганный артиллерийский огонь по мосту и со всех сторон бросились в атаку. Ошеломленный противник не успел опомниться, как был окружен и почти полностью уничтожен. Остатки его бросились к разрушенному мосту и вынуждены были ринуться в реку, где в большинстве потонули. В наши руки попали 6 орудий, 40 пулеметов и 600 пленных¹³³⁰. Этих успехов мы достигли, благодаря стремительности и неожиданности нашей атаки»¹³³¹. К сожалению, сегодня трудно установить, какая часть этих историй достоверна, поскольку личность Чапаева обросла легендами буквально сразу после Гражданской войны.

По свидетельству Мищенко, Чапаева интересовали лекции по истории военного искусства и географии. Слушатель отличался поразительной памятью. Особый интерес у него якобы вызвала лекция о средствах защиты бойцов на войне, о стальных шлемах и пулеметных щитах. Вечером в гостинице легендарный герой сокрушался: «Эх, если бы нам иметь стальные шлемы и нагрудники, тогда мы победили бы белых гадов с незначительными потерями»¹³³².

Чапаев, по словам Мищенко, якобы усердно готовился к занятиям по тактике, наносил обстановку на карту. «Он терпеливо выслушивал замечания руководителей, которые, главным образом, касались документального оформления решения и меньше всего относились к идейной стороне. Идея самого решения у Чапаева

---

¹³²⁷ Кутяков И. Боевой путь Чапаева. Куйбышев, 1969. С. 59.

¹³²⁸ Постигание военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. М., 2000. С. 644.

¹³²⁹ Тюленев И.В. Через три войны. С. 65; Чапаева Е. Мой неизвестный Чапаев. С. 247.

¹³³⁰ Явное преувеличение успехов Чапаева. По всей видимости, речь идет о разгроме чехословаков под Николаевском (Чапаев А.В., Чапаева К.В., Володихин Я.А. Василий Иванович Чапаев. Очерк жизни, революционной и боевой деятельности. Чебоксары, 1987. С. 128).

¹³³¹ Мищенко С. Чапаев в академии.

¹³³² Там же.

всегда была тщательно продумана и обоснована»¹³³³. Чапаев для пересдачи военной географии был якобы принят на дому профессором А.П. Перовским, заявив тому, что пришел драться за честь красного начдива¹³³⁴.

Помимо учебы в академии у Чапаева в Москве были и другие дела. Например, по поручению парторганизации академии он выступал с докладами на предприятиях Москвы, ходил на концерты и митинги, на одном из которых даже слушал выступление большевистского вождя В.И. Ленина.

Однако Чапаева тянуло на фронт, хотя ни академическое начальство, ни РВС 4-й армии его не отпускали. Однажды кто-то из преподавателей ему сказал, что как малограмотный он будет командовать дивизией с большим трудом. В ответ Чапаев предложил собеседнику выйти против его дивизии с тремя и проверить, кто победит¹³³⁵.

Он якобы заявлял: «Учеба в академии — дело хорошее и очень важное, но обидно и жалко, что белогвардейцев колотят без нас»¹³³⁶. Уже 24 декабря 1918 г. Чапаев подал рапорт в РВС 4-й армии с просьбой отозвать его на фронт. Изучая документы Чапаева, пришлось столкнуться с серьезными неточностями при публикации этого документа в таком, казалось бы, строго научном издании, как сборник документов «Легендарный начдив», выпущенный к столетию героя¹³³⁷. В работе ближайшего соратника Чапаева и его преемника на посту начдива И.С. Кутякова опубликовано факсимиле этого документа, позволяющее устранить все неточности (сохранены стиль и орфография документа): «Многоуважаемому Товарищу Линдову¹³³⁸. Прошу Вас покорно отозвать меня в штаб 4 Армии на какую-нибудь должность командиром или комис[s]аром в любой полк, так что я преподаванье в академии мне не приносит никакой пользы, что преподаю[т] я его прошол на практеки, вы знаети, что я нуждаюсь в общеобразовательном цензе, которого здесь я не получаю. И томится понапрасно в стенах я не согласин, ето мне кажится тюрьмой и прошу еще покорно не морить меня в такой неволи. Я хочу работать, а не лежать, и если вы меня не адзовети, я пойду к доктору, который меня освободит, и я буду лежать бесполезно, но я хочу работат и помогат вам, если вы хотите, чтобы я вам помогал, я с удовольствием буду к вашим услугам. Так будети любезны выведети меня из етих каменных стен. Уважающий вас Чепаяев»¹³³⁹. Как видно, даже грамотность потенциального красного генштабиста оставляла желать много лучшего, не говоря уже о специальных знаниях. Тем не менее сложно что-либо сказать в отношении даты письма — у Кутякова оно отнесено не к 24 декабря 1918 г., как в сборнике «Легендарный начдив», а к январю 1919 г.

---

¹³³³ Там же.

¹³³⁴ *Артемов Е.Н.* В.И. Чапаев в академии Генерального штаба. С. 375–376. Беллетризированный вариант см.: *Юртаев Н.* Чапаев в академии // Волжская коммуна (Куйбышев). 1960. 15 окт. № 243 (12445). С. 3.

¹³³⁵ *Артемов Е.Н.* В.И. Чапаев в академии Генерального штаба. С. 377.

¹³³⁶ *Миценко С.* Чапаев в академии.

¹³³⁷ Легендарный начдив. С. 115.

¹³³⁸ Линдов (Лейтейзен) Гавриил Давыдович (09.11.1874–20.01.1919) — врач. Член РВС 4-й армии Восточного фронта (09.1918–01.1919). Погиб во время мятежа в 22-й стрелковой дивизии.

¹³³⁹ Публ. по: *Кутяков И.* Боевой путь Чапаева. С. 58.

Уже в 1939 г. при первой публикации этого письма было отмечено, что «нужно, конечно, иметь в виду, что для Чапаева, обладавшего живым практическим умом, но не имевшего достаточной общеобразовательной подготовки, учебный план академии Генерального штаба того времени был весьма труден»¹³⁴⁰.

Как бы то ни было, академические документы свидетельствуют, что уже в декабре 1918 г., отучившись не больше двух-трех недель, Чапаев покинул академию, по одним данным, взяв отпуск, по другим, отлучившись самовольно¹³⁴¹. Самовольный характер его отлучки подтверждает и С.М. Мищенко: «Один раз я ушел из дому, вернулся поздно и застал на столе записку от Чапаева следующего содержания: “Тов. Мищенко. Не выдержал. Потянуло на фронт. Уехал к своим. Спасибо за дружбу. Всего наилучшего. Чапаев”»¹³⁴². О скором отъезде Чапаева из академии вспоминал и А.Ф. Федоров¹³⁴³.

По свидетельству И.В. Тюленева, Чапаев уехал в январе. Как бы то ни было, нет никаких оснований считать, как прежде утверждалось в советской литературе, что Чапаев пробыл в академии три месяца¹³⁴⁴. Документально известно, что 4 февраля 1919 г. Чапаеву, прикомандированному к РВС 4-й армии, комиссаром армии было выдано удостоверение для выезда домой в Николаевский уезд¹³⁴⁵. Документы января 1919 г. о Чапаеве отсутствуют. Однако есть указания на то, что в конце января Чапаев вернулся в Самару¹³⁴⁶. Следовательно, из Москвы он должен был уехать никак не позднее этого времени, в академии же о нем не знали уже с декабря!

Лишь в мае 1919 г., при проведении ревизии зачисленных в академию, о Чапаеве наконец вспомнили, и только тогда он был исключен из списков академии. В приказе по академии № 161 от 9 мая он исключался наряду с еще несколькими слушателями, однако такая запись была признана неправильной, и вскоре был выпущен уточняющий приказ, где было указано, что Чапаев исключается как отсутствующий из академии по неизвестным причинам с декабря 1918 г. Позднее «отсутствующий из академии» было зачеркнуто и сверху написано «не прибывший из отпуска»¹³⁴⁷. И все-таки, поскольку об «отпуске» Чапаева ни в декабре 1918 г., ни в январе 1919 г. в документах академии упоминания нет, следует признать, что, скорее всего, его отлучка была самовольной. В этой связи едва ли заслуживают внимания свидетельства о том, что якобы сам В.И. Ленин содействовал возвращению Чапаева на фронт¹³⁴⁸.

История академического дела Чапаева на этом завершилась. Но Василий Иванович, покинув стены академии, тем не менее, направил из своей дивизии в это учебное заведение нескольких лучших командиров и якобы говорил, что «акаде-

¹³⁴⁰ Боевой путь В.И. Чапаева. С. 176.

¹³⁴¹ Легендарный начдив. С. 115.

¹³⁴² Мищенко С. Чапаев в академии.

¹³⁴³ Федоров А.Ф. Октябрьские зори. С. 181.

¹³⁴⁴ Фурманова А. Дмитрий Фурманов. Иваново, 1941. С. 39.

¹³⁴⁵ Легендарный начдив. С. 116.

¹³⁴⁶ Артемов Е.Н. В.И. Чапаев в академии Генерального штаба. С. 379.

¹³⁴⁷ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 189.

¹³⁴⁸ Борисова Р.Б. В восемнадцатом году // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1957. Т. 2. С. 420; Она же. Твердость, решимость, воля... // Знамя. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1957. № 6. С. 106, 116–117.

мия — это великое дело»¹³⁴⁹. До сих пор на новом здании академии недалеко от станции метро «Парк культуры» висит памятная доска о том, что здесь учился Чапаев (хотя учился он, как мы знаем, совсем в другом здании, на Воздвиженке). Признавая бесспорный военный талант Чапаева как самородка и своеобразного красного атамана Гражданской войны, поставим вопрос: является ли факт его кратковременного и неудачного обучения в академии поводом для гордости?! Ведь по сути реальный академический период биографии Чапаева не менее забавен, чем возникшие позднее многочисленные анекдоты на эту тему.

---

¹³⁴⁹ Кутяков И. Боевой путь Чапаева. С. 59.

«Я бы поставил Вас к стенке...»

Штрихи к портрету основоположника советской военной разведки Г.И. Теодори*

Необычная судьба одного из военных специалистов РККА периода Гражданской войны, выпускника ускоренных курсов академии Генштаба (курсовика) Георгия Ивановича Теодори (18.10.1886–17.06.1937) в последние годы неоднократно привлекала внимание исследователей¹³⁵⁰ и даже стала предметом острой полемики¹³⁵¹. Его жизнь и деятельность представляют серьезный интерес

---

* Отдельные фрагменты статьи публиковались в: *Ганин А.В.* Дело Г.И. Теодори в 1919–1921 гг. Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны // *Военно-исторический журнал.* 2009. № 10. С. 32–37.

¹³⁵⁰ *Ганин А.* «Товарищ Склянский — заступитесь...»: Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // *Родина.* 2009. № 1. С. 78–83; *Он же.* Дело Г.И. Теодори в 1919–1921 гг.; *Он же.* В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин: Новые исследования о «деле» Полевого штаба // *Русский сборник: Исследования по истории России.* М., 2010. Т. 9. С. 336–378; *Войтиков С.С., Кикнадзе В.Г.* Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г.И. Теодори. 1918–1921 гг. // *Военно-исторический журнал.* 2009. № 1. С. 30–36; *Войтиков С.С.* «Дело о шпионстве» генштабиста Теодори // *Новый исторический вестник.* 2009. № 3 (21). С. 103–117; *Он же.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009; *Он же.* Отечественные спецслужбы и Красная армия. 1917–1921. М., 2010; *Он же.* Дискуссия по делу Георгия Теодори в современной историографии // *Военно-исторический архив.* 2010. № 12 (132). С. 109–122; *Он же.* Генштабисты 1917 года на защите революции // *Военно-исторический архив.* 2011. № 11 (143). С. 78–104; *Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? // *Родина.* 2009. № 5. С. 92–95.

¹³⁵¹ К сожалению, С.С. Войтиков при обсуждении деятельности Теодори не смог удержаться в рамках академизма, научности и объективности. Не могу не процитировать его впечатляющий пассаж относительно моей статьи о Теодори и, видимо, других публикаций: «Ряд статей выпустил и известный специалист по истории Оренбургского казачества А.В. Ганин, механически надергав цитат из документов, а также позаимствовав факты из других работ — А.А. Здановича, В.Г. Кикнадзе, С.С. Войтикова, в отдельных случаях их исказив, незаслуженно раскритиковав, а в ряде случаев и попросту их проигнорировав» (*Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. 1917–1921 гг. М., 2010. С. 14–15).

Войтиков меня ничуть не задел, назвав известным исследователем истории оренбургского казачества и пытаясь, таким образом, изобразить неспециалистом в вопросе о бывших офицерах в Красной армии в целом и о Теодори в частности, тем более что я действительно посвятил сложнейшим и интереснейшим проблемам истории казачества в конце существования Российской империи и в эпоху революции и Гражданской войны многие годы своей жизни и архивной работы, опубликовав по этой теме целый ряд статей и документальных публикаций, а также три большие монографические работы и объемный биографический справочник (в соавторстве), получивших самую высокую оценку коллег. В последние несколько лет сфера моих научных интересов всецело связана с историей российского Генерального штаба в годы Гражданской войны и затрагивает проблематику всех ее противоборствующих сторон. На мои работы по этой теме приходится ссылаться даже самому Войтикову

для исследователей сразу в нескольких отношениях. Прежде всего, Теодори привлекает внимание как один из основоположников советской военной разведки и контрразведки. Еще одна причина интереса к Теодори — его непростые

(*Войтиков С.С.* Высшие кадры. С. 395), что находится в противоречии с попыткой изобразить меня неспециалистом.

Войтиков так ничего и не понял в моем тексте о Теодори. Высказанный им в ответ тезис о «заимствованиях» — не более чем плод его воображения, об обширности которого хорошо известно по первой книге Войтикова о заговоре в Полевом штабе РВСР. Приведу только факты. Статья А.А. Здановича вышла уже после того, как мою статью о Теодори приняли к печати в «Военно-историческом журнале». В.Г. Кикнадзе — мой хороший знакомый и прекрасный специалист по радиоразведке, но сфера наших научных интересов никак не пересекается. После этого в списке тех, у кого я якобы что-то «позаимствовал», остается лишь сам Войтиков. С учетом того, что я в своей статье подверг критике практически все стороны его работы, удивительно, что он вообще рискнул затронуть столь скользкую тему. Обычно к такому «аргументу» прибегают лишь те, кому нечего возразить по существу.

Все мои исследования носят абсолютно самостоятельный характер, основаны на уникальных и, как правило, впервые вводимых в научный оборот архивных документах из многих архивохранилищ России и зарубежья, и ни в каких заимствованиях у кого бы то ни было я не нуждаюсь.

По мнению Войтикова, мое утверждение, что Теодори не был и не мог быть создателем Полевого штаба РВСР, носит курьезный характер и я якобы не потрудился прочесть анализируемый документ — письмо Теодори Ф.Э. Дзержинскому (*Войтиков С.С.* Отечественные спецслужбы. С. 421–422). К сожалению, Войтиков не потрудился подкрепить свое смелое заявление какими-либо цитатами из «не прочитанных» мною мест источника, потому что там ничего подобного не содержится. Войтикову так и не удалось доказать, что Теодори был единственным создателем Полевого штаба РВСР, о чем он заявлял ранее (*Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 64, 66). В следующей своей работе, очевидно, не без влияния моей критики, Войтиков высказался более осторожно, назвав Теодори уже лишь *одним из* создателей Полевого штаба. Тем не менее попытка Войтикова аргументировать свою точку зрения тем, что «именно он (Теодори. — *А.Г.*) составлял первые списки сотрудников и организовал их отправку в Серпухов» (*Войтиков С.С.* Отечественные спецслужбы. С. 71), представляется несерьезной, поскольку составление списков сотрудников (или их визирование) отнюдь не равносильно созданию высшего штаба Красной армии.

К этому следует добавить, что работы Войтикова преисполнены яростного самолюбования при весьма посредственном знании материала, крайне неуважительном отношении к трудам других авторов и неумении не то что анализировать, но даже более или менее точно цитировать документы (к вопросу о «механическом надергивании цитат» — к примеру, откроем сборник документов «Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926» (М., 2007) и сравним добросовестность цитирования его в кн.: *Войтиков С.С.* Отечественные спецслужбы. Неточные цитаты, пропуски, произвольная замена слов и фактические ошибки только при сравнении с этим изданием у Войтикова наличествуют на с. 237, 351, 352 (дважды), 353 (дважды), 360, 372. Если сравнить эту же работу Войтикова со сборником «Архив ВЧК» (М., 2007), то ошибки цитирования обнаруживаются на с. 319 и 351, и это только ошибки воспроизведения опубликованных документов, что же говорить о неопубликованных!), таким образом, публикуемые им материалы требуют самой серьезной перепроверки.

«Ответ» Войтикова на мою публикацию о Теодори (*Войтиков С.С.* Дискуссия по делу Георгия Теодори в современной историографии) производит сумбурное и жалкое впечатление. Попытка доказать мнимые заимствования у Здановича путем сравнения похожих отрывков из наших работ (Там же. С. 121) настолько нелепа (речь идет о цитировании общеизвестного, вышедшего в 1991 г. сборника статей «Реввоенсовет Республики», а также об использовании одних и тех же единиц хранения РГВА), что становится неловко за Войтикова, бросающегося серьезными обвинениями, могущими иметь юридические последствия для него самого. Странно, что он не обвинил в заимствованиях из сборника «Реввоенсовет Республики» самого Здановича. К тому же автор в очередном приступе «праведного гнева» наделал новых ляпов. Так, пытаясь изобразить себя знатоком истории советской военной разведки, он заявил, что курсовик Г.Я. Кутырев руководил не агентурным отделением Полевого штаба РВСР, как указано в моей статье, а агентурным отделом (Там же. С. 115). На самом же деле до 9 ноября 1918 г. Ку-

взаимоотношения с большевистским руководством и чекистами, повлекшие несколько арестов этого военспеца. Второй арест нашего героя весной 1919 г. приобрел сравнительно широкий резонанс и предшествовал громкому делу о «заго-

---

тырев занимал как раз должность руководителя агентурного отделения. Отделом руководил курсовик В.Ф. Тарасов, затем убывший на Южный фронт. Убедиться в этом можно, обратившись к документам РГВА (напр.: Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 162об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 76об.; Оп. 4. Д. 1106. Л. 100б.). Другой, еще более серьезный ляп — заявление о том (насколько можно понять корявый по стилю и по смыслу абзац статьи Войтикова), что в годы Гражданской войны Генерального штаба не существовало (*Войтиков С.С.* Дискуссия. С. 121). Это заявление само по себе абсурдно, так как служба Генерального штаба практически в своем современном понимании непрерывно существует в нашей стране с XIX в. В особенности же подобное заявление нелепо на фоне того тщательнейшего учета кадров Генштаба, который вели все крупные воюющие армии Гражданской войны. В остальном же Войтикову пришлось признать правоту моих замечаний (Там же. С. 114, 118–119).

Не менее удивительной представляется очередная публикация Войтикова на ту же тему (*Войтиков С.С.* Генштабисты 1917 года). В ней автор предпочел вновь воспроизвести высказывания Теодори в духе хлестаковщины (о регистрации генштабистов, якобы приведшей к прекращению измен), о несоответствии которых действительности я неоднократно писал ранее (мои публикации в этой работе проигнорированы). К статье приложены пять документов (о причислении курсовиков к Генштабу, об артиллерийском снабжении Красной армии, о подготовке красноармейцев и об отправке авиаотряда), объединенных лишь тем, что они написаны Теодори либо же на них имеется его резолюция. С некоторой натяжкой к теме статьи можно отнести три документа из пяти. Один из документов (приказ Всероссийскому главному штабу № 18 от 27 июня 1918 г. о переводе выпускников ускоренных курсов в Генштаб) был ранее опубликован А.Г. Кавтарадзе и мною (с исправлениями и уточнениями). Войтиков, проигнорировав эти работы, зачем-то публикует тот же документ в купированном виде. Смысл публикации остальных документов так и остался загадкой (в частности, не имеющего отношения к рассматриваемому сюжету заурядного рапорта о могилевской авиагруппе). Ошибочные иллюстрации и подписи к ним (вместо портрета М.Д. Бонч-Бруевича опубликовано фото его брата (Там же. С. 79)) и неувязки редакторского плана (при упоминании Теодори почему-то приводится биографическая справка на А.И. Егорова (Там же. С. 96), она же зачем-то повторена в сносках (Там же. С. 102)), видимо, следует отнести не на счет автора, а на счет редакции журнала. Однако вряд ли на счет последней можно отнести биографическую справку о выдающемся отечественном военном деятеле и ученом А.А. Свечине, который, по мнению Войтикова, скончался в 1956 г., так как в том году был исключен из списков Советской армии ввиду смерти (Там же. С. 99; на самом деле расстрелян в 1938). Не соответствуют действительности и некоторые другие факты из той же справки (например, год окончания Свечиным военного училища). Как и прежде, Войтиков путает причисление к Генеральному штабу и перевод в него (Там же. С. 79–80), не говоря уже о новых неточных цитатах (Там же. С. 82).

Требовать от Войтикова уважительного отношения к тем немногим отечественным военным историкам, которые ведут постоянные архивные изыскания и вносят свой посильный вклад в восстановление прошлого нашей страны, бессмысленно. Помимо того, что в его произведениях сплошь и рядом встречаются разнообразные жаргонные выражения, этот автор попросту не владеет элементарной научной этикой. У подобного рода авторов сегодня тоже есть своя, не особо взыскательная, читательская аудитория. Видимо, на потребу этой публике Войтиков дошел до смехотворных ссылок на анонимные Интернет-дневники и Википедию (см., напр.: *Войтиков С.С.* Высшие кадры. С. 385, 442). Остается только пожелать Войтикову больше времени уделять научной работе, нежели развязной словесной эквилибристике в адрес других исследователей, особенно по тем вопросам, в которых сам он не разбирается. Возможно, тогда в его произведениях не будет хотя бы таких перлов, как неожиданное воскрешение в 1920 г. В.И. Чапаева, погибшего годом ранее (*Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 306), или безвременный расстрел в 1919 г. по делу «Национального центра» умершего через 40 лет своей смертью в эмиграции генерала Н.Н. Стогова (*Войтиков С.С.* Высшие кадры. С. 344), не говоря уже о многих других не менее впечатляющих фантазиях. Подробный разбор работы Войтикова о заговоре в Полевом штабе с приложением новых архивных документов см.: *Ганин А.В.* В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин. С. 336–378. Материал публикуется в настоящем издании.

воре» в Полевом штабе РВСР, что также создает почву для различных версий и предположений. Наконец, Теодори в годы Гражданской войны был неформальным лидером своего ускоренного выпуска академии Генштаба, что позволяет через призму его биографии исследовать корпоративизм военных специалистов РККА.

Многолетние архивные изыскания по истории русского Генерального штаба первой четверти XX в. позволили нам обнаружить несколько любопытных свидетельств, дающих ответ на своеобразную «загадку» Теодори. Почему так непросто складывалась его служба в советских условиях? На наш взгляд, ответ кроется в сложном, амбициозном и крайне эмоциональном характере генштабиста. Нельзя исключать и того, что Теодори был не вполне нормальным психически человеком. Достаточно проанализировать отдельные эпизоды его биографии периода Гражданской войны, чтобы сложилась отчетливая картина образа его мыслей и поведения.

В настоящее время на основе большого количества документальных материалов уже вполне вырисовывается образ этого лидера молодых выпускников ускоренных курсов академии Генерального штаба — яркой и неординарной личности, совмещавшей в себе разнородные качества. С одной стороны, это был неглупый и смелый человек, ответственный работник, действительно внесший значительный вклад в создание Красной армии, трудоголик, работавший не жалея сил, человек с выраженными лидерскими качествами и активной позицией по множеству вопросов. С другой стороны, Теодори был слишком наглым и самоуверенным, крайне амбициозным, надменным, самолюбивым и самовлюбленным человеком. Не будет преувеличением считать его интриганом, жалобщиком и склочником, стремившимся поучать начальство, открыто критиковавшим даже руководителей ВЧК, игравшим на противоречиях других, конфликтовавшим со своими союзниками, склонным к самовосхвалению и приписывавшим себе чужие заслуги. Все многообразие этих качеств сочеталось в одном человеке с крайне сложным характером, ставшим причиной многих несчастий его обладателя. К сожалению, недооценка этих особенностей личности Теодори привела некоторых авторов к слепому следованию за тем, что писал Теодори в своих многочисленных и многословных докладах, и в результате к неверным, категоричным оценкам и выводам.

Свою роль в формировании горячего характера Теодори, очевидно, играло его происхождение. Он был южанином и происходил из черноморских греков. По данным послужного списка, был сыном купца 2-й гильдии г. Евпатории, уроженцем Таврической губернии, православного вероисповедания¹³⁵². Сам он в советских документах отмечал, что был сыном ремесленника-цирюльника¹³⁵³.

Теодори получил хорошее образование. Он окончил Николаевский кадетский корпус (в советских документах Теодори умалчивал о кадетском корпусе и

---

¹³⁵² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 191499. П/с 258-492 (1914 г.). Л. 7об. Здесь и далее сведения о дореволюционном периоде жизни Теодори приводятся по его послужному списку.

¹³⁵³ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 41. Д. 3309. Л. 2.

утверждал, что в 1903 г. окончил Ялтинскую гимназию¹³⁵⁴), прошел двухлетний курс наук Михайловского артиллерийского училища, которое окончил по 1-му разряду, и ускоренные курсы Николаевской военной академии.

На военную службу Теодори поступил 31 августа 1904 г. по окончании кадетского корпуса, будучи зачислен юнкером в училище. В советских анкетах Теодори писал, что вел революционную работу среди солдат и юнкеров училища¹³⁵⁵. Поверить в это затруднительно, тем более что за время обучения Теодори стал унтер-офицером. По окончании Михайловского училища 30 июня 1906 г. он был произведен в подпоручики и назначен на службу в 22-ю артиллерийскую бригаду. Уже 6 августа, после положенного отпуска, Теодори был зачислен в 5-ю батарею бригады. В бригаде занимался различными вопросами, которые поручались младшим офицерам: был помощником завхоза учебной кузницы, делопроизводителем 1-й батареи, учителем бригадной учебной команды, адъютантом 1-го дивизиона. Способности выдвинули Теодори на ответственные должности бригадного адъютанта и бригадного казначея, которые он временно и с перерывами занимал в 1908–1909 гг. С 6 июля 1909 г. Теодори был утвержден в должности бригадного адъютанта, а 1 сентября произведен в поручики, свою должность он некоторое время совмещал с исполнением обязанностей бригадного казначея, а в 1910–1911 гг. даже полгода заведовал хором трубачей. 6 декабря 1910 г. он получил свой первый орден Св. Станислава 3-й степени.

По всей видимости, однообразная жизнь не устраивала Георгия Ивановича, буйная натура которого искала активности. Молодой офицер подал рапорт о переводе в Финляндию и в январе 1911 г. был переведен старшим офицером в 1-ю батарею бригады. 18 марта последовал Высочайший приказ о его переводе во 2-й Финляндский стрелковый артиллерийский дивизион. На новом месте Теодори служил делопроизводителем 3-й батареи дивизиона, делопроизводителем дивизионного суда, участвовал в учебных сборах. Благодаря своей активной общественной деятельности в период с мая 1912 г. по июль 1913 г. был хозяином Перк-Ярвского лагерного офицерского собрания, причем даже переизбирался на эту должность. Как и многие офицеры, Теодори в 1912–1913 гг. был награжден юбилейными медалями в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. и в память 300-летия Царствования Дома Романовых.

В 1913 г. Теодори был адъютантом штаба Перк-Ярвского лагерного сбора и делопроизводителем 2-й батареи. 31 августа он был произведен в штабс-капитаны, в феврале 1914 г. отправился в Петербург для держания предварительных испытаний на поступление в Николаевскую военную академию, а по возвращении был адъютантом Николаевского лагерного сбора. К сожалению, у нас нет данных о результатах испытаний Теодори в академию, однако в связи с началом Первой мировой войны молодому офицеру пришлось отложить планы получения высшего военного образования. Теодори был женат на дочери священника Знаменского собора Новгорода Надежде Павловне Осиновской, которая была на три года младше мужа. Родных детей у Георгия Ивановича не было. В советских

---

¹³⁵⁴ Там же.

¹³⁵⁵ Там же. Л. 3.

документах он указывал на наличие приемной дочери (11 лет на 1935 г.)¹³⁵⁶. Кроме того, у Теодори была младшая сестра Елена, младше его на 12 лет. Похоже, это были единственные близкие ему люди, вместе с которыми он жил в Москве уже в годы Гражданской войны. По данным на 1935 г., была жива 73-летняя мать Теодори. Интересно, что сестра Теодори также состояла на советской службе в Регистрационном управлении Полевого штаба РВСР. С 14 марта 1919 г. она значилась машинисткой морского разведывательного отделения Региструпра¹³⁵⁷.

В годы Первой мировой войны Теодори был обер-офицером для поручений штаба XLVI и XLIX армейских корпусов, служил в 4-м Финляндском стрелковом парковом артдивизионе, 2-й Финляндской стрелковой артиллерийской бригаде, был контужен, как писал сам Теодори, «в спинной хребет»¹³⁵⁸. В конце мировой войны он получил шанс окончить академию, ускоренные курсы которой открылись в Петрограде. Те офицеры, которые сдавали экзамены в академию до войны, имели приоритетное право зачисления на курсы. Среди них был и наш герой. Теодори окончил ускоренные курсы 2-й очереди академии. При выпуске из младшего класса получил средний балл 10,98 и значился 61-м по рейтингу баллов среди 233 офицеров.

В Советской России Теодори занял ряд ответственных постов. С 15 марта 1918 г. состоял на службе в Красной армии в штабе военного совета Северного участка и Петроградского района завесы как начальник оперативного отделения¹³⁵⁹. Здесь он служил с большой группой своих однокашников по курсам академии (П.М. Бедарев, Н.Н. Доможиров, Н.И. Дроздовский, Е.И. Исаев, Б.И. Кузнецов, В.Н. Маслов, П.А. Мей, А.Н. Николаев, А.Л. Симонов, Б.Н. Скворцов, В.Е. Стасевич, В.Ю. Стульба, К.С. Хитрово, И.Д. Чинтулов, Н.В. Энглер), что способствовало сколачиванию монолитной группы наиболее активных в общественном плане курсовиков.

Теодори выдвинулся в качестве лидера своего академического выпуска уже весной 1918 г. Тогда ему, по всей видимости, впервые пришлось отстаивать права однокашников. 23 марта 1918 г. как начальник оперативного отделения военного руководителя Петроградского района он подготовил доклад на имя начальника штаба военрука. В этом документе Георгий Иванович писал: «При штабе военного руководителя находится 38 причисленных к Генеральному штабу специалистов, только что окончивших Военную академию с правами выпуска 1917 года.

Материальное положение этих 38-ми специалистов до сих пор неопределенное.

Многие из них уже теперь нуждаются, лишены права заниматься другими отраслями труда, т.к.

1) несут дежурства по оперативному отделу, выполняя как специалисты Генштаба различные поручения в этой области;

2) выполняют целый ряд особо важных командировок по установлению демаркационных линий и зон, по рассортированию специального имущества, дел

¹³⁵⁶ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 42. Д. 6015. Л. 7.

¹³⁵⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 100.

¹³⁵⁸ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 12.

¹³⁵⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 64.

и документов, носящих оперативный характер, и, наконец, для осведомления и сношения с комиссарами по вопросам оперативного характера;

3) должны быть постоянно готовы к немедленному выполнению командировок, а также и занятия¹³⁶⁰ должностей во вновь формируемых частях и штабах, как специалисты Генштаба.

Наконец, совершенно не выяснена оплата командировок, уже выполненных (Бедарев, Хитрово, Бардинский, Кадников, Энглер и др.) и подлежащих, в дальнейшем, к выполнению¹³⁶¹.

Докладывая об изложенном, полагал бы необходимым:

1) назначить впредь до назначения на должность выдачу суточных денег по наиминимуму оклада в размере 10–12-ти рублей в сутки;

2) при командировках выдачу суточных в размере 20-ти рублей, как это установлено у начальника инженерной обороны Петрограда;

3) выдачу суточных, указанных в п. 1, производить со дня прикомандирования, каждые первого и пятнадцатого числа месяца, а по п. 2 — пред отправлением в командировку.

Начальник оперативного отделения, прич[исленный] к Генштабу Теодори»¹³⁶². Уполномочил ли кто-то Теодори от имени остальных курсовиков, неизвестно. Тем не менее лидер выпуска определился.

6 апреля Теодори в другом докладе отметил: «Прикомандированные к вверенному мне отделу причисленные к Генеральному штабу специалисты постоянно выполняют различные специальные работы, командировки и другие поручения, связанные с денежными расходами.

С 14 марта они не получали и не получают от штаба никакого денежного содержания, что ставит их всех в крайне тяжелое материальное положение: некоторым уже отказывают от квартир за невзнос платы, некоторые начинают голодать, а причисленный к Генеральному штабу А.Д. Лютов в течение нескольких дней уже голодает. Послать кого-либо в командировку или дать другое поручение нельзя, ибо у командиремого нет денег.

Как лицо, коему вверена судьба прикомандированных, полагаю безусловно необходимым немедленно удовлетворить всех их жалованьем, хотя бы по минимальному расчету — 400 рублей в месяц, как значится в имеющихся на руках аттестатах, выданных Николаевской военной академией»¹³⁶³. Аргументы подействовали на военный совет, и военспецам было обещано жалованье.

В апреле–мае 1918 г. Теодори оказался в центре острого конфликта со старыми генштабистами, развернувшегося в штабе Северного участка и Петроградского района завесы¹³⁶⁴. Сомнительный успех в отстаивании своей правоты и полная поддержка со стороны товарищей по выпуску показали Теодори, что с большевистским руководством и с начальством вообще он может говорить на равных или даже свысока, давать советы или резко возмущаться тем, что его не устраивает. Теодори считал, что, будучи лояльным новой власти и неустанно работая на

¹³⁶⁰ Так в документе.

¹³⁶¹ Так в документе.

¹³⁶² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 23.

¹³⁶³ Там же. Л. 24.

¹³⁶⁴ Подробнее см. специальный материал о корпоративизме генштабистов в настоящем издании.

ее благо, он имеет все основания для выдвижения новых и новых требований по самым разным вопросам. Подобная наивность сыграла с военспецом злую шутку.

Впрочем, из-за своего неуживчивого характера Теодори пришлось уйти из штаба Северного участка и Петроградского района и перебраться в Москву, где он поступил на службу в оперативный отдел Наркомата по военным делам. Однако и на новом месте конфликты не заставили себя долго ждать.

По воспоминаниям советского главкома И.И. Вацетиса, «кабинет Теодори помещался в большой подслеповатой комнате. На стенах висели карты и схемы с детальным расположением всех вооруженных сил РСФСР, как на фронтах, так и внутри страны. Тов. Теодори был человеком весьма осведомленным и пользовался большим доверием у своего начальства. Отношения между начштаба оперода Теодори и военным руководителем Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевичем были самые враждебные. Теодори и М.Д. Бонч-Бруевич работали как бы на противоположных склонах какого-то психологически непреодолимого вулкана. Кроме того, существовала еще следующая весьма веская причина взаимной личной их неприязни. М.Д. Бонч-Бруевич по занимаемой им должности являлся представителем оставшегося в пределах РСФСР старого Генерального штаба, который он собрал в составе народной армии, благодаря чему старый Генеральный штаб, проиграв мировую войну, ухитрился захватить в свои руки инициативу в военном строительстве Советской России и очутился во главе этого дела. Тов. Теодори стоял во главе молодых академиков, еще не переведенных в Генеральный штаб. Таких было мало, около 130 человек выпуска 1917 г. Надо сказать, что выпуск 1917 г. состоял из лучшего бывшего офицерства старой армии, из людей, отличившихся в боях и успевших приобрести большой боевой опыт. Эти молодые академики с охотой пошли на войну, начавшуюся на востоке. Не было поэтому налицо никаких причин отказывать им в переводе в Генеральный штаб. Хлопоты на этот счет взял на себя Теодори. С первых же шагов он встретил сильное сопротивление в лице представителей верхов старого Генштаба, сгруппировавшихся около Высшего военного совета и Всероглавштаба. Имея близкое соприкосновение с военным комиссариатом, старики сумели внушить тем, от кого зависело решение вопроса, что выпуск 1917 года — недоучки, что им надо сначала откомандовать ротой, а потом вернуться снова на академическую скамью и написать три военно-научных доклада, как это сделали когда-то они, старые генштабисты»¹³⁶⁵.

Вацетис и не мог оценивать деятельность Теодори иначе, поскольку в период Гражданской войны активно сотрудничал с выпускниками ускоренных курсов академии, к которым относился Теодори, иногда в противовес старым спецам. Предысторию такого подхода следует, видимо, отнести к итогам неудачного (без причисления к Генеральному штабу) окончания Вацетисом Николаевской академии. Полноценным генштабистом в глазах старых сослуживцев Вацетис не являлся и, вероятно, искал популярности у еще менее подготовленной академической молодежи.

Кстати, Бонч-Бруевич в своих мемуарах оставил крайне не лестную характеристику Теодори, считая его бесцеремонным и развязным¹³⁶⁶, что, с учетом вы-

¹³⁶⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 178–179.

¹³⁶⁶ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 346.

сказывания Вацетиса, неудивительно. Вообще курсовиков «выпуска Керенского» (так Бонч-Бруевич ошибочно именовал выпуск Теодори) Бонч-Бруевич считал симпатизировавшими белым. Об этом он не преминул сообщить председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому.

Бонч-Бруевич находился в конфликте и с самим Вацетисом¹³⁶⁷, что очень похоже на борьбу группировок в среде военспецов, которая сплеталась с аналогичной борьбой внутри большевистского руководства. Впрочем, пока еще эти подробности взаимоотношений внутри советской военно-политической элиты остаются слабо изученными.

Теодори платил Бонч-Бруевичу той же монетой. В своей записке Дзержинскому и представляющем собой другую ее редакцию кратком очерке истории оперативного отдела Наркомата по военным делам Теодори неоднократно и самым критическим образом высказывался о деятельности Бонч-Бруевича. Основываясь на обширном просмотре делопроизводственных документов РККА из фондов РГВА, в том числе служебной переписки и других бумаг самого Бонч-Бруевича, нельзя не признать претензии Теодори во многом обоснованными. В частности, он отмечал, что Бонч-Бруевич первоначально не уделял должного внимания вопросам организации «внутреннего фронта» против чехословаков, так как «считал эту борьбу “внутренним фронтом” и поэтому ничего в этой области не желал делать»¹³⁶⁸. Кроме того, Бонч-Бруевич препятствовал и другим начинаниям Теодори.

Не исключено, что отголоски взаимоотношений Бонч-Бруевича с курсовиками и главкомом Вацетисом, поданные в выгодном для их автора свете, могли доходить до председателя СНК В.И. Ленина через докладные записки Бонч-Бруевича, которые тот передавал Ленину через брата — управделами СНК¹³⁶⁹. Бонч-Бруевич был не чужд подобных действий и в прошлом. Не случайно в русском Генеральном штабе за ним закрепилась репутация человека ограниченного, интригана и подхалима¹³⁷⁰.

Важной заслугой Теодори перед однокашниками по академии стало издание приказа по Всероссийскому главному штабу № 18 от 27 июня 1918 г. о переводе 133 выпускников курсов в Генеральный штаб¹³⁷¹. Наряду с некоторыми другими курсовиками, Теодори принял участие в лоббировании издания такого приказа в целях укрепления положения курсовиков. В качестве противников перевода курсовиков в Генштаб выступили начальник академии А.И. Андогский, военный руководитель Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевич и начальник отделения по службе Генштаба Всероссийского главного штаба А.С. Белой, но курсовики сумели заручиться поддержкой начальника Всероссийского главного штаба Н.Н. Стогова. Неизвестно, поддержал ли их Стогов из чувства солидарности или же в целях ослабления позиций Бонч-Бруевича, с которым находился в недру-

¹³⁶⁷ Там же. С. 334–335.

¹³⁶⁸ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9об.

¹³⁶⁹ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 329–330, 334.

¹³⁷⁰ Подробнее об этих сторонах Бонч-Бруевича см.: *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 255–260; *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 101.

¹³⁷¹ Публикацию приказа см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 530–534.

жественных отношениях. Кроме того, слушатели направили Н.Н. Доможирова (вскоре его в связи с отъездом по делам службы в Петроград сменил В.И. Самуйлов), Г.Я. Кутырева и Теодори в качестве ходатаев по этому вопросу к народному комиссару Л.Д. Троцкому, который, как и Стогов, поддержал это предложение. Поддержка Троцкого и Стогова, несмотря на сопротивление традиционалистов из бывших офицеров Генштаба, привела к благоприятному для курсовиков решению данного вопроса¹³⁷².

Теодори продолжал отстаивать интересы своего выпуска на самом высоком уровне и в дальнейшем. Сохранился, например, его доклад Л.Д. Троцкому об однокашниках, в котором он стремился продемонстрировать значительность вклада курсовиков в создание Красной армии. По свидетельству Теодори, к 3 марта 1918 г. 19 курсовиков были командированы на Кавказ, «часть из них погибла в междоусобной войне, часть расстреляна, а часть увезена пленными в Германию; 10 чел. были назначены в штабы завесы»¹³⁷³. Ядро выпуска поступило в Красную армию начиная с 12 марта. Теодори писал: «Весь напряженный период борьбы с наступающими немцами, руководство мелкими отрядами типа “Волчьей стаи”, улаживание инцидентов с отрядами, идущими из Украины с настроением различных оттенков, и т.п., а также борьба на внутреннем фронте легла на плечи только что выпущенных генштабистов 17-го года, и за первый период случайно в стихийной борьбе были расстреляны Акутин¹³⁷⁴ и Бернов (в Финляндии)¹³⁷⁵, Андросов¹³⁷⁶ и Куновский (в Брянском районе). При падении Екатеринбурга, по словам Берзина, погибли (так в документе. — А.Г.) Симонов¹³⁷⁷ и без вести пропал Иванов (лично известный тов. Аралову как политически честный работник)¹³⁷⁸, осужден на 5 лет тюремного заключения Голицын за сбор статистических сведений (обвинение не доказано), командированные в Харьков Томме, Туров и Энден по сведениям, требующим подтверждения, расстреляны¹³⁷⁹.

К настоящему времени на работе числится 104 генштабиста выпуска 17-го года, из коих во время работы от ран, полученных в войне, и [от] напряженного труда разбит параличом Долинский и умирают в чахотке Сластенко и Хитрово, ввиду наступления, переброски частей и целого ряда переформирований точные сведения имеются на 96 человек...»¹³⁸⁰ Георгий Иванович вновь преувеличивал, а в некоторых случаях приводил не соответствующие действительности данные, возможно, покрывая перебежчиков в антибольшевистский лагерь из числа своих товарищей по академии.

В телеграмме Э.М. Склянскому и Л.Д. Троцкому от 21 августа 1918 г. Теодори сообщал: «Оперативная. Считаю необходимым обратить ваше внимание как

¹³⁷² Публикацию доклада об этом см.: *Войтиков С.С.* Генштабисты 1917 года. С. 83–86.

¹³⁷³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 158. Л. 6.

¹³⁷⁴ Эти данные неверны. Речь идет о полковнике П.Т. Акутине, служившем на белом Севере и скончавшемся уже в эмиграции.

¹³⁷⁵ Эти данные неверны. Подполковник А.В. Бернов тогда служил на белом Севере.

¹³⁷⁶ Капитан С.А. Андросов не был расстрелян, а умер в эмиграции в 1957 г.

¹³⁷⁷ В действительности капитан А.Л. Симонов перешел к белым.

¹³⁷⁸ Поскольку Ивановых в этом выпуске было четверо, трудно установить, о ком из них идет речь.

¹³⁷⁹ В.Э. Томме и А.П. фон Энден расстреляны не были, а перешли в антибольшевистский лагерь, причем фон Энден скончался в эмиграции в ноябре 1980 г. Данными о судьбе Я.С. Турова мы не располагаем.

¹³⁸⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 158. Л. 6.

наркомвоен, что со штабов участков снимаются только представители моего выпуска. Остальные Генштабы почему-то задерживаются [в] центре и на пассивных участках. Считаю это сознательным перекалыванием работы на людей, и без того перегруженных и несущих все тяготы боевой и военной политической жизни уже пятый год. Неся ответственность перед выпуском, в настоящем и будущем не могу допустить его изолированности в смысле ответственности и отдыха. Поэтому прошу распоряжения: снимать целиком штабы одновременно с войсками. Москва, 21 августа. № 08/21. Член коллегии выпуска 1917 года Генштаба Теодори»¹³⁸¹.

Оперод Наркомата по военным делам играл важную роль в становлении Красной армии в период с марта по октябрь 1918 г. Фактически этот орган руководил работой по созданию Красной армии и борьбой с внутренней контрреволюцией. Работая в опероде, Теодори принимал активное участие в создании Красной армии (поднимал вопросы выработки военной доктрины, управления войсками, организационной структуры органов военного управления). Одним из важных направлений его деятельности в это время стала разработка основ организации разведки и контрразведки в Советской России. Интересна его как всегда нетривиальная позиция по этому вопросу.

Так, отделение военного контроля оперода 24 августа 1918 г. представляло заведующему отделом проект декрета о борьбе со шпионажем. В сопроводительном документе отмечалось: «Представляя при сем проект Декрета о борьбе со шпионством, сообщаю, что до проведения этого Декрета было бы необходимо издать приказ о реорганизации всех отделений регистрационной службы в том направлении, чтобы во главе отделений стояли партийные товарищи, а при них военные консультанты, в противном случае в руки офицеров Генштаба будет дано такое сильное оружие, как право на обыск и арест¹³⁸²»,¹³⁸³. Ознакомившись с этой идеей, Теодори не смог удержаться от язвительного комментария: «Старая песня! Не приемлема, ибо избавит специалистов от ответственности; а отсутствие ответственности и самостоятельности всегда вело к параличу работы. Согласен лишь в силу политических условий момента. 27/VIII-18. Теодори»¹³⁸⁴.

Заведующий оперодом С.И. Аралов и один из его ближайших сотрудников начальник штаба оперода Теодори пытались повысить значение своего отдела, подчинив ему важные органы военного управления. 11 сентября 1918 г. датирован секретный доклад Теодори главкому И.И. Вацетису. Автор документа и стоявший за ним глава оперода Аралов предлагали подчинить себе ни много ни мало весь Всероссийский главный штаб и снабженческий аппарат РККА. Фактически между делом предлагалось кардинально изменить всю систему центрального военного управления Советской России: «Оперод Наркомвоен надо подчинить Вам, подчинив в свою очередь Опероду и Всероссийский главный штаб и Главначснаб¹³⁸⁵. Только тогда возможна быстрая, разумная, творческая

¹³⁸¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 109а.

¹³⁸² В документе несогласованно — ареста.

¹³⁸³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 202.

¹³⁸⁴ Там же.

¹³⁸⁵ Главный начальник снабжений.

работа, идущая скорым темпом. Только тогда обеспечится организация армии во всех ее отношениях»¹³⁸⁶.

Еще один важный вопрос, который ставил Теодори, — вопрос доверия советской власти военспецам, в том числе выпускникам ускоренных курсов, проблема необоснованных репрессий в отношении бывших офицеров, получивших в тот период особенно широкое распространение в Советской России. Об этом Теодори писал: «Я категорически докладываю, что Доможиров, Кузнецов, Чинтулов, Кутырев, я — люди одного склада. Мы не можем быть предателями, но работать в омуте “оговоров”, доносов и всякой политической грязи (которая особенно расцвела при Свечине, Шишкине и т.д.) невозможно. Пока здесь был Л.Д. Троцкий, он отзывчиво и честно берег нас, берег и ответственных представителей выпуска в лице моем, Доможирова, Кузнецова и др.; теперь, когда на очереди вопрос о колоссальной работе по созданию запасных частей, формированию частей, когда на очереди вопрос о создании до весны 1919 года армии, именно теперь лучших из нас всячески преследуют»¹³⁸⁷.

Теодори затронул очень болезненный вопрос, на решение которого тогда Вацетис, обладавший таким же зыбким статусом беспартийного военспеца, никак не мог повлиять. Всем здравомыслящим было понятно, что беспочвенные репрессии самым губительным образом отражаются на строительстве РККА. Из-за них квалифицированными специалистами впустую тратилось драгоценное время, тогда как антибольшевистский лагерь постепенно усиливался.

Интересно, что Теодори, пытавшийся противопоставить старому Генштабу молодые силы таких же, как он, мало подготовленных выпускников ускоренных курсов, все же не проводил четкую линию этого разделения. В частности, он всячески рекомендовал Вацетису использовать опытного генштабиста Ф.В. Костяева: «Генштаба Костяев был предательски арестован и освобожден только по настоянию центральной власти. По освобождении, когда мы просили отдать его нам, чтобы потом просить Вас назначить Генштаба Костяева (бывшего генерала), опытного и даровитого человека, на должность начальника Всероссийского главного штаба, то тов. Позерн сказал, что тов. Костяев им нужен, как опытный руководитель. Где же последовательность?»¹³⁸⁸ Приведенный пример с арестом бывшего Генштаба генерал-майора Ф.В. Костяева, наряду с высокой оценкой способностей последнего, свидетельствует о том, что Теодори вполне мог сотрудничать и со старым Генштабом. Поэтому не следует жестко противопоставлять эти категории военспецов.

Роль Костяева во внутренних взаимосвязях военспецов-генштабистов еще предстоит выяснить. Слишком настойчиво Теодори выдвигал его перед Вацетисом на пост начальника Всероссийского главного штаба. В итоге Костяев занял даже более значимый в плане руководства военным строительством РККА пост начальника Полевого штаба Реввоенсовета Республики. При этом целый ряд должностей в Полевом штабе заняли однокашники Теодори по ускоренным курсам, а упомянутый выше курсовик Н.Н. Доможиров даже сменил Костяева

¹³⁸⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 254об.

¹³⁸⁷ Там же. Л. 254.

¹³⁸⁸ Там же.

на посту начальника штаба Северного фронта. В этом отношении нельзя исключать варианта расстановки самим Теодори или его покровителями (С.И. Араловым, И.И. Вацетисом) своих людей на ключевых постах в штабах Красной армии.

Из публикуемого доклада может сложиться впечатление, что Теодори даже указывает Вацетису, что ему делать, кого назначать на ключевые посты, как проводить реформирование штабов РККА. Стиль обращения Теодори к вышестоящему лицу и отсутствие субординации не могут не удивлять. В одном из пассажей он прямо выдвигает условия своей и своих соратников дальнейшей работы в Красной армии, что нельзя не признать абсолютно недопустимым с точки зрения дисциплины в армии воюющей страны: «Если же все интриги и старания отдельных лиц увенчаются успехом, то безусловно работать во Всероссийском главном штабе мы не будем, дабы не нести нравственную ответственность за тот характер работы, который там идет и будет идти. Предпочитаем тогда уйти в сторону от работы, ибо тогда фактически выяснится, насколько необходима была продуктивная работа отдела, та энергия и способность к творчеству и созидательному труду, которая за эти 2–3 месяца могла уже перейти к исполнению элементарных военных требований»¹³⁸⁹. При этом отношение к Всероглавштабу и его работникам у Теодори было резко отрицательным. Так, например, 21 сентября 1918 г. он направил главному Вацетису сводку Всероглавштаба со следующей припиской: «Препровождаю сводку Всероссийского главного штаба как исключительную по своей тенденциозности и провокации»¹³⁹⁰. Вероятно, это было связано тем, что данное учреждение было средоточием старого Генерального штаба.

Понятно, что было немного желающих терпеть подобные выходки и постоянную атмосферу скандала. Впервые Теодори по причине своей предполагаемой неблагонадежности (чему была посвящена специальная телеграмма убитого вскоре М.С. Урицкого) подвергся кратковременному аресту в качестве заложника в конце сентября 1918 г., но уже в начале октября был освобожден¹³⁹¹.

После освобождения Теодори продолжил свою борьбу со старыми генштабистами. Так, например, уже в октябре 1918 г. он, основываясь на слухах, неофициально сообщил Вацетису и члену Реввоентрибунала Республики К.Ю.Х. Данишевскому, что командующий Северным фронтом бывший Генерального штаба генерал-лейтенант Д.П. Парский самовольно разъезжал по Советской России, причем даже не в полосе своего фронта¹³⁹². В том числе в результате этой интриги началось неприятное для Парского разбирательство, позднее он был снят с должности и арестован.

На заседании Реввоенсовета Республики 2 октября 1918 г. оперед было решено влить в Реввоенсовет, переименовав в одно из управлений, задачей которого стали бы разведка и контрразведка. Это решение явилось важной вехой на пути централизации органов разведки и контрразведки. Соответствующие материалы

---

¹³⁸⁹ Там же. Л. 254об.–255.

¹³⁹⁰ Там же. Л. 273.

¹³⁹¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 98.

¹³⁹² РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 33. Л. 41об.

передавались в новый орган из бывшего Высшего военного совета, а также из некоторых отделов Всероглавштаба. Теодори должен был стать начальником штаба нового управления и принимал самое деятельное участие в реорганизации оперода¹³⁹³. 5 ноября 1918 г. постановлением РВСР был утвержден штат Полевого штаба РВСР, в котором обозначено Регистрационное управление (Региструп), ставшее центральным органом военной разведки и контрразведки¹³⁹⁴. Позднее военная контрразведка была передана в ведомство Ф.Э. Дзержинского, а 5 ноября по сей день отмечается в нашей стране как день военной разведки.

С осени 1918 г. до весны 1919 г. Георгий Иванович работал в нескольких местах. Состоял штатным преподавателем академии Генерального штаба, где читал курс полевой артиллерии и тактику артиллерии¹³⁹⁵, кроме того, трудился в качестве консультанта в Региструре Полевого штаба РВСР¹³⁹⁶, состоял в коллегии своего академического выпуска¹³⁹⁷, с 16 октября 1918 г. заведовал курсами разведки и военного контроля¹³⁹⁸.

По долгу службы Теодори приходилось постоянно ездить из Москвы в Серпухов, где располагался Полевой штаб, и обратно. Все это, конечно, было очень тяжело для одного человека. В 1918 г. он один заменял у большевиков сразу трех-четырех работников Генштаба¹³⁹⁹ и работал буквально не покладая рук, нередко по 17 и даже, если верить Теодори, до 19–20 часов в сутки, хотя эффективность и сама физическая возможность такой работы вызывают большие сомнения¹⁴⁰⁰. Впрочем, интенсивная работа достойно вознаграждалась. Перед арестом месячное жалованье Теодори составляло 3750 руб.¹⁴⁰¹ В ноябре 1918 г. Теодори писал о себе и своих сослуживцах: «Все мы издерганы непрерывной работой, переформированиями и гонкой от лица к лицу...»¹⁴⁰² По оценке советского главкома И.И. Вацетиса, Теодори — «человек очень энергичный и талантливый и хорошо осведомленный»¹⁴⁰³.

Исходя из одного только тона бумаг и высказываний Теодори может сложиться впечатление, что за ним стоял какой-то высокий покровитель или же что сам Теодори обладал высоким положением и некими неоспоримыми заслугами перед новой властью, позволявшими ему так себя держать. На самом деле ничего подобного не было.

Вполне характерен малозначительный, на первый взгляд, эпизод, произошедший в бытность Теодори начальником оперативного отдела Полевого штаба РВСР, в январе 1919 г., когда у него на бытовой почве возник конфликт с поли-

¹³⁹³ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 126.

¹³⁹⁴ Подробнее см.: Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг.: Сб. док. М., 1997. С. 96; *Калпакиди А., Север А.* ГРУ: Уникальная энциклопедия. М., 2009. С. 71.

¹³⁹⁵ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 6об., 7об.

¹³⁹⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 62; Д. 1106. Л. 10об.

¹³⁹⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 74.

¹³⁹⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 405об.; Ф. 33987. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

¹³⁹⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 80; Д. 912. Л. 77.

¹⁴⁰⁰ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9об., 11об., 23об.

¹⁴⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 41. Впрочем, в другой анкете он указал 2750 руб. (ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 3).

¹⁴⁰² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 78.

¹⁴⁰³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 176.

тическим комиссаром по передвижению войск Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной железных дорог Гущиным.

По этому поводу Гушин 11 января 1919 г. даже составил машинописное донесение комиссару округа путей сообщения Зимину. В своем донесении Гушин указал, что обычно проверял билеты, в том числе в штабном вагоне, причем не у всех пассажиров документы были оформлены правильно, в результате чего он стал осуществлять проверку ежедневно. Все шло своим чередом, пока он не натолкнулся на неадекватную реакцию необычного пассажира.

Предоставим слово самому автору документа: «8/1 столкнулся с сопротивлением одного из пассажиров, по фамилии Теодори (начальник оперативного отдела Полевого штаба М[осковского] в[оенного] окр[уга]¹⁴⁰⁴), который на слова главного кондуктора ответил: “Я такой-то, что у меня билета нет и что я не нахожу нужным его иметь”. Тогда я со своей стороны предложил вышеупомянутому товарищу уплатить сумму, причитающуюся с него за проезд. На что получил ответ, что он и все другие пассажиры платить не будут, а если Вам нужно, то Вы можете писать в штаб. Слова тов. Теодори о нежелании платить деньги всеми пассажирами, крик и сопротивление были проведены в жизнь; последние также отказались платить за проезд без билета. После этого я вынужден был заявить, что все безбилетные пассажиры, отказавшиеся от уплаты, на станции Люблино будут высажены для составления протокола. На это получил ответ тов. Теодори, что он из вагона не пойдет и будет защищаться оружием, а меня, Гущина, сейчас арестует, добавив, что очень жаль, что при мне нет сейчас латышей, я бы поставил Вас к стенке. Тогда я еще раз напомнил ему о приказах и декретах Народного комиссариата по военным делам, что все лица, вмешивающиеся в железнодорожные дела и нарушающие порядок и правила Н.К.П.С., подлежат строгой ответственности по военному времени, а лица, угрожающие оружием и сопротивляющиеся с таковым в руках, расстреливаются этим же оружием. В это самое время подошел один из пассажиров, сидевший в одном купе с тов. Теодори, и заявил, что он считает мои¹⁴⁰⁵ требования справедливыми и уплатит деньги, что и сделал. По всей вероятности, на него глядя, согласился уплатить деньги и тов. Теодори, сделав распоряжение, чтобы и уплатили его подчиненные, предупредив меня, что он со мной разделяется по прибытии на место. Препровождая вышеизложенное донесение, прошу Вас принять меры к устранению подобных явлений»¹⁴⁰⁶.

В истории с контролером Теодори взялся отвечать не только за себя, но и за других пассажиров. В то же время, уступив законным требованиям, он продемонстрировал рассудительность. Из документа также следует, что Теодори как сотрудник Полевого штаба РВСР всецело полагался на защиту латышских стрелков. Опора на них (5-й латышский стрелковый полк) главкома Вацетгиса и его подчиненных в советской Ставке была использована чекистами при фабрикации обвинений в бонапартистских устремлениях военспецов летом 1919 г. во время «дела» Полевого штаба РВСР.

¹⁴⁰⁴ На самом деле — Полевого штаба РВСР.

¹⁴⁰⁵ В документе ошибочно — меня.

¹⁴⁰⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 17–17об.

Советские служащие регулярно устраивали скандалы на транспорте¹⁴⁰⁷, а вопрос о том, нужно ли платить за проезд при поездках по делам службы, очевидно, требовал дополнительного регулирования. Тем не менее политический секретарь командующего войсками Московского военного округа Н.И. Муралова писал 18 января 1919 г. начальнику Теодори С.И. Аралову о его подчиненном, что «вызывающее поведение его дискредитирует советское учреждение и на лиц, стоящих во главе учреждения, набрасывает тень. Товарищу Теодори следует сделать соответствующее внушение, тем более что от его агрессивности в деле с Гушиным он не выиграл, а проиграл, чем унизил себя»¹⁴⁰⁸. Уже из этого эпизода видно, что Теодори обладал ярко выраженными лидерскими качествами, большим самолюбием, был человеком резким, конфликтным, не вполне уравновешенным и крайне эмоциональным.

Возможно, формированию конфликтного характера Георгия Ивановича способствовала тяжелая травма, полученная им в молодости. 10 мая 1913 г. он сопровождал начальника артиллерии лагеря во время лагерного сбора (по другим данным, начальника всего сбора) при объезде корпусным командиром лагеря. Лошадь поручика Теодори сделала «свечу» и перевернулась через голову под собственной тяжестью вместе со всадником. Теодори оказался придавлен. Другая лошадь, испугавшись, ударила офицера копытом в бедро. В перевязочном свидетельстве было отмечено, что «лошадь его, поднявшись на дыбы, перевернулась через голову вместе с ним, причем поручик Теодори оказался под нею. Лошадь всей своей тяжестью навалилась на левую половину груди и перевалилась через правую ногу. Другая же лошадь, испугавшись, ударила правой не кованой ногой в правое бедро в средней части. При падении с лошадью поручик Теодори потерял сознание и не помнит, как очутился на руках у нижних чинов.

Поручик Теодори жалуется на головную боль, рвоту и щемящую боль в левой половине груди и в правой ноге.

При осмотре оказалось: при надавливании сильная болезненность в правой голени вдоль больше- и малоберцовой костей и болезненная припухлость икроножной мышцы. Кроме того, при ощупывании болезненность в области селезенки, нижних ребер, левой половины груди и в средней части правого бедра»¹⁴⁰⁹. К сожалению, мы не располагаем данными о том, отражался ли этот несчастный случай впоследствии на здоровье офицера. В опросном листе, датированном декабрем 1920 г., находившийся в Бутырской тюрьме 34-летний Теодори жаловался лишь на мышечный и суставный ревматизм¹⁴¹⁰, а также на сильный холод, усугублявший болезни и болезненные последствия контузии¹⁴¹¹.

---

¹⁴⁰⁷ Уже 10 января 1919 г. аналогичный скандал, сопровождавшийся оскорблением контролера, в связи с отсутствием билета был устроен помощником коменданта Полевого штаба П.П. Русаковым (Там же. Л. 25–25об., 50–50об.). В деле указаны некоторые другие случаи произвола командиров и комиссаров в отношении железнодорожных служащих. В основном это были сопровождавшиеся угрозами требования сокращения отправки эшелонов (Там же. Л. 43, 114, 119).

¹⁴⁰⁸ Там же. Л. 16.

¹⁴⁰⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 191499. П/с 258-492 (1914 г.). Л. 3.

¹⁴¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 41.

¹⁴¹¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 12.

Непростые личные качества генштабиста прослеживаются и по другим документам, в том числе и тем, что исходили от самого Теодори. Они объединены общим стилем написания — резким, эмоциональным, правдоискательским. В документах Теодори никогда не забывал упомянуть о себе, пожаловаться на выпадавшие на его долю тяготы и особенно подчеркнуть свои заслуги, причем это подчеркивание буквально граничило с манией величия. Например, 11 сентября 1918 г. он написал только что назначенному на этот пост главкому И.И. Вацетису, что направляет ему уже третье свое историческое обращение¹⁴¹². Подобным образом отозваться о собственной текущей работе, причем без тени самоиронии, мог только человек с большим самомнением.

В еще одном документе он ничтоже сумняшеся отметил: «Чтобы описать мою работу по формированию, организации, управлению и снабжению Красной армии, не хватило бы нескольких томов, тем более на этой работе был штемпель Аралова, Павулана и других, мое же имя было мало известно; я лишь укажу на пришедшие мне на память работы, которые вывели Красную армию из стадии партизанщины, добровольчества и мелких сборных отрядиков в ту мощную силу, какую она представляла уже к декабрю 1918 года»¹⁴¹³. Здесь содержится заявка на то, что безвестный курсовик Теодори является ни много ни мало одним из создателей Красной армии.

В том же документе Теодори поставил себе в заслугу переход на сторону советской власти старой академии Генштаба, который на самом деле произошел отнюдь не из-за мало что из себя представлявшего в конце 1917 – начале 1918 г. Теодори. Помимо этого он приписал себе фактическое руководство оперодом Наркомата по военным делам, организацию правильного снабжения Красной армии, обеспечение Восточного фронта пополнениями и «организацию побед» на Востоке в 1918 г., регистрацию генштабистов, якобы предотвратившую их измены, первые мобилизации в Красную армию, организацию военной разведки и контрразведки, военной цензуры. Созданные Теодори курсы разведки и военного контроля он именовал не иначе как единственными в Европе, а свою работу — не иначе как «колоссальной»¹⁴¹⁴.

В 1918–1920 гг. подобные заявления в духе хлестаковщины могли восприниматься осведомленными высокопоставленными лицами, которым они адресовались, лишь крайне негативно. Не случайно на одном из аналогичных документов Теодори кто-то из читателей 5 сентября 1920 г. сделал надпись: «Это хронологический перечень деятельности тов. Теодори с фактами, подлежащими исторической проверке, ибо многое освещено не совсем правильно, а скорее превратно...»¹⁴¹⁵

Реальный вклад Теодори в создание Красной армии был, по всей видимости, действительно немалым, однако нельзя не признать, что рядом с Теодори работали и другие военные специалисты, бывшие офицеры Генерального штаба, в том числе обладавшие гораздо большими, чем у него, опытом и знаниями. Таким образом, вопреки утверждениям самого Георгия Ивановича и вопреки мнению от-

---

¹⁴¹² РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 255.

¹⁴¹³ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9.

¹⁴¹⁴ Там же. Л. 9–11об.

¹⁴¹⁵ Там же. Л. 19.

дельных исследователей, некритически воспринимающих написанное Теодори о самом себе, не приходится говорить о том, что исключительно этот военспец внес вклад в решение того или иного принципиального вопроса советского военного строительства или был единственным создателем какого-либо высшего органа советского военного управления.

Профессиональные качества Теодори также оценивались далеко не всегда высоко. Так, например, 25 декабря 1918 г. на заседании конференции академии Генерального штаба РККА обсуждался вопрос о чтении Теодори курса «Тактика артиллерии». Было отмечено, что «представители от слушателей доводят до сведения конференции, что лекции т. Теодори малосодержательны, способ чтения не удовлетворяет слушателей и оставляет у них неприятное впечатление. Конференция признает необходимым назначить смешанную комиссию для проверки заявления представителей от слушателей и приостановить печатание курса Теодори»¹⁴¹⁶. В конечном итоге Теодори 24 января 1919 г. был вынужден отказаться от чтения этого курса¹⁴¹⁷.

Очередной личный конфликт произошел у Теодори с руководством Особого отдела ВЧК в лице его председателя М.С. Кедрова (ранее — начальника Военного отдела ВЧК) и заместителя председателя А.В. Эйдука, которые и сами, по ряду свидетельств, не отличались психической устойчивостью¹⁴¹⁸. Теодори отстаивал сохранение контрразведки в военном ведомстве (в составе РВСР), но верх, как известно, одержали сторонники подчинения этого органа ВЧК. Подчинение это выразилось в создании Особого отдела ВЧК¹⁴¹⁹.

В связи с борьбой за ведомственную принадлежность Особого отдела 28 декабря 1918 г. консультанты Полевого штаба РВСР Теодори и его однокашник по академии И.Д. Чинтулов телеграфировали Троцкому: «Подписанный Вами 26-го декабря проект Особого отдела был переделан под давлением Вацетиса и

---

¹⁴¹⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

¹⁴¹⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 62.

¹⁴¹⁸ См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 5. Л. 53; Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 86; *Борман А.А.* Москва — 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург). 1991. Кн. 1. С. 141; *Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев.* М., 2010. С. 18, 31, 460; *Мельгунов С.П.* Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 175–176; *Соломон Г.А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 240–243. Авторству Эйдука С.П. Мельгунов приписывал следующее стихотворение (причем совокупность известных к настоящему времени свидетельств о деятельности Эйдука позволяет считать, что он действительно мог быть автором таких строк):

Нет больше радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых жизнью и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры,
И начинает буйно страсть в груди вскипать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»

Кедрову же доставляло удовольствие лично участвовать в обысках и арестах, хотя как председатель Особого отдела он не должен был этим заниматься (*Зданович А.А.* Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 158).

¹⁴¹⁹ Подробнее см.: *Зданович А.А.* Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 65–73; № 5. С. 75–82; *Он же.* Отечественная контрразведка. С. 121–141.

Кедрова Араловым, но ни мне, ни Штейнгордту¹⁴²⁰, ни Чинтулову¹⁴²¹ не показан. Этот проект целиком противоречит задачам контроля, а с утверждением 23-го декабря Военной цензуры¹⁴²², подчиненной на местах Военному контролю, ныне упраздняемому, создается ряд противоречий. Произошло это потому, что никаких общих комиссий не было. Если Вами доклады и схема работ, сделанных Военным контролем, прочитаны, и Вы принципиально согласны за сохранение в целом уже проводимой в жизнь военной системы, то просим приостановить телеграфно действие только что утвержденного положения до Вашего приезда и рассмотрения задач Контроля под Вашим председательством. Обстановка для работы создается невозможная, ибо спутаны все права, все законоположения, все обязанности. После восьми месяцев работа вся вновь свалена. О последующем не откажите уведомить. 28-го декабря. № 635. Теодори — Чинтулов»¹⁴²³.

В тот период Теодори и Чинтулов практически каждый день буквально бомбардировали советское руководство (Троцкого, Я.М. Свердлова, Аралова, Вацетиса) различными посланиями по этому поводу, однако успеха не добились. Предыстория вопроса связана с разработкой Теодори и Чинтуловым проекта положения об Особом отделе, по которому он должен был находиться в подчинении РВСР, а не ВЧК. Думается, такое решение вопроса о подчинении военной контрразведки могло бы снизить количество необоснованных арестов и расстрелов военспецов. С другой стороны, военное руководство получало при этом возможность покрывать «своих» специалистов, а партийно-политическая верхушка Советской России оказывалась лишена важного рычага контроля за армией. В результате нешуточной борьбы и даже интриг военная контрразведка в начале января 1919 г. отошла к чекистам и находится в ведении органов госбезопасности по сей день.

Почву для конфликтов с чекистами также создавала нездоровая обстановка с необоснованными арестами генштабистов. Теодори телеграфировал об этом в своем неподражаемом стиле начальнику Регистрационного управления Полевого штаба РВСР С.И. Аралову еще 12 ноября 1918 г.: «У меня наиболее важные отделы Регистрационного управления обезлюжены и работа стала. Последний раз докладываю о невозможности такого положения, особенно тогда, когда противник засыпал нас со всех сторон агентурной сетью. Об изложенном, не считаясь с репрессиями со стороны безответственных лиц, по долгу принятых на себя обязательств должен буду войти [с] докладом, приложив соответствующий фактический материал...»¹⁴²⁴ В телеграмме чекисты были названы «безответственными лицами». В дальнейшем конфронтационная ситуация только усугублялась, а Теодори неизменно заступался за арестованных однокашников.

Все усугубил сам Теодори, который телеграфировал в феврале 1919 г. Аралову секретно в собственные руки: «Контакта между нами (военспецами. — А.Г.) и Особым отделом не получится до тех пор, пока с нами не прекратят неприлич-

¹⁴²⁰ Речь идет о в.р.и.о. начальника отдела военного контроля В.Х. Штейнгардте.

¹⁴²¹ И.Д. Чинтулов был консультантом отдела военного контроля.

¹⁴²² В документе несогласованно — цензурой.

¹⁴²³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 33. Л. 16.

¹⁴²⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 62.

но держаться. Достаточно заявления тов. Эйдук¹⁴²⁵, сделанного мне 13 февраля, чтобы вопрос о взаимодействии отпал. Тот характер и тон отношений, который взят по отношению к выпуску, не только не допустим, но такой тон за 15 месяцев работы допустил лишь тов. Чикколини¹⁴²⁶, да и то один только раз. Являясь ответственным и доверенным лицом; как и многие из нас: Тарасов, Доможиров, Полозов, Майгур, Петров, Исаев, Кутырев, Срывалин¹⁴²⁷ и т.д., я не могу допустить такого отношения к нам. Мы будем не только протестовать, но отвечать тем же, ибо никто не имеет права нас порочить, а особенно лица, кои зарекомендовали себя по совместной с нами работе отрицательно. Случай с Селивачевым¹⁴²⁸, за которого ручались Вы, Рязанов¹⁴²⁹, Павулан¹⁴³⁰ и 15 лиц выпуска 1917 года, показывает, что нам надо уходить, ибо на 15 месяце службы еще есть лица, кои имеют смелость и дерзость быть с нами неприличными, говоря громко о недоверии. Ваше пожелание надо направить в сторону тех, кто нас трогает. Москва. 14 февраля № 999/ру. Теодори»¹⁴³¹.

Фактически Теодори, опираясь на поддержку выпускников ускоренных курсов академии Генштаба, объявил войну высшему чекистскому руководству, ставя вопрос — либо мы, либо они¹⁴³². За первой телеграммой последовала вторая, еще более резкая, копия которой была направлена председателю РВСР Л.Д. Троцкому в надежде на его весомую поддержку и, возможно, по согласованию с Араловым.

15 февраля 1919 г. Теодори телеграфировал Аралову с копией Троцкому: «9-го февраля арестован В.И. Селивачев. [В] тот же день Кедров обещал Вам, если не будет новых данных, освободить его. 13-го февраля, невзирая на ручательство

¹⁴²⁵ Эйдук Александр Владимирович (1886–28.08.1938) — заместитель председателя Особого отдела ВЧК (01–06.1919).

¹⁴²⁶ Чикколини Сергей Владимирович (ок. 1892–?) — революционер итальянского происхождения. Внук участника движения Дж. Гарибальди. Участник январской демонстрации 1905 г. Участник Ленской демонстрации. Накануне Первой мировой войны находился в заключении. Добровольцем пошел на фронт Первой мировой войны, якобы для пораженческой пропаганды. Получил шесть контузий и ранений. Произведен в офицеры. Разжалован. Служил братом милосердия на Северном фронте. Член РКП(б). Участвовал в усмирении и расстрелах хитровцев в Москве (10.1917). Член фронтовой коллегии Московского областного комиссариата по военным делам (1918). Начальник отделения военного контроля оперативного отдела Наркомата по военным делам (1918). Заместитель заведующего оперативным отделом Наркомата по военным делам (до 08.08.1918). В распоряжении Л.Д. Троцкого (1918). Начальник поезда Л.Д. Троцкого на Восточном фронте (1918). По приказу Троцкого под Казанью расстрелял 27 человек. Председатель реввентрибунала Южного фронта (с 10.1918). Отличался грубостью, жестокостью и произволом, обвинялся в домогательствах к подчиненным сотрудникам и насилии. Арестован за самоуправство (15.11.1918). Находился под наблюдением в Московской окружной психиатрической лечебнице в связи с расстройством нервной системы (с 06.12.1918). Отстранен от ответственной работы в советских учреждениях за незаконный расстрел железнодорожников Хомутникова (Хомутинникова) и Ольховицкого (31.01.1919). Зачислен на параллельный курс академии Генерального штаба РККА (1919). Академию не окончил. Награды: Георгиевский крест 4-й (?) ст. Подробнее о нем см.: РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 24.

¹⁴²⁷ Речь идет об однокашниках Теодори — выпускниках ускоренных курсов 2-й очереди академии Генерального штаба.

¹⁴²⁸ Речь идет об аресте бывшего генерал-лейтенанта В.И. Селивачева.

¹⁴²⁹ Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (10.03.1870–21.01.1938) — большевик, друг Л.Д. Троцкого, заведующий Главным управлением архивным делом (06.1918–12.1920). Расстрелян.

¹⁴³⁰ Павулан Валентин Петрович — заместитель начальника Регистрационного управления Полевого штаба РВСР.

¹⁴³¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 220–221.

¹⁴³² Подробнее об этом см.: Ганин А.В. Дело Г.И. Теодори. С. 32–37.

Ваше, Рязанова, Павулана и 15 лиц выпуска 1917 года, Селивачева Кедров, вернее Эйдук, не освободили. 13-го февраля я лично поехал к Кедрову под давлением телеграммы, полученной от представителей всего выпуска с фронта с просьбой освободить Селивачева. Кедров обещал, [в]виду неполучения новых данных, к вечеру Селивачева освободить. В это время зашел Эйдук и [в] резком недопустимом тоне заявил мне, что он поступит так, как знает. Селивачев невинен, пользуется исключительным доверием Рязанова, Павулана и всего выпуска. Вы лично его знаете. Селивачев ведет практические занятия в академии и на наших курсах¹⁴³³. Держат его только потому, что Эйдук помнит о моем отрицательном отношении к его работе в Вологде и несправедливой и вредной, ибо вносит раздражение среди работников выпуска 1917 года, уже 15 месяцев в подавляющем числе работающих даже идейно. В числе ходатайствующих из выпуска 1917 года — Теодори, на[чальник] шта[ба] Сев[ерного фронта] [Н.Н.] Доможиров, на[чальник] шта[ба] Юж[ного фронта] [В.Ф.] Тарасов, [начальник] опер[ативного] о[т]д[ела] Вост[очного фронта] [И.Н.] Полозов, [начальник] опер[ативного] о[т]д[ела] Зап[адного фронта] [В.Л.] Баранович, на[чальник] шт[аба] арм[ии] Латвии [П.М.] Майгур, [Г.О.] Маттис, [В.Ю.] Стульба, [Е.И.] Исаев, [Г.Я.] Кутырев, [И.Д.] Моденов, [Б.И.] Кузнецов, [А.К.] Малышев, [С.И.] Петров, [Н.В.] Яковский, [Я.К.] Ивасиов, [М.А.] Поликарпов, [А.И.] Кук, [А.Н.] Виноградов, [В.В.] Трофимов, [В.Г.] Зиверт, [В.А.] Срывалин, [И.Д.] Чинтулов, [Ю.И.] Григорьев, [Б.П.] Лапшин, [Б.Ф.] Черниговский-Сокол, [С.В.] Пирог. Я прошу принять меры к разумному использованию т. Эйдук своих неограниченных полномочий. Я знал, что передача контрразведки лицам, отрицательно зарекомендовавшим себя в Вологде, приведет к отрицательным результатам. События и жизнь подтверждают мои выводы. Поэтому очень прошу Вас беречь совесть выпуска от таких экспериментов и “личных счетов” тов. Эйдук. Я с трудом и большими усилиями сохранил выпуск в феврале и марте 1918 года, спаял его за лето, и теперь, когда после занятия выпуском ответственных мест на фронтах, у нас всюду успех, когда оправдались мои слова, что нас сознательно убрали из главных управлений, когда сомнения проникли даже в ряды политических работников, а мы стойки, именно теперь надо поддерживать нас, а не позволять Эйдукам издеваться над нами из-за “личных” усмотрений и счетов. Москва. 15 февраля № 1005/ру. Консультант Региструп[ра]. Заведывающий курсами разведки и военного контроля. Член коллегии выпуска 1917 года Генерального штаба Теодори»¹⁴³⁴.

Однако молодой военспец явно не рассчитал свои силы и возможности и попал в тюрьму «по шифрованному телеграфному распоряжению тов. Кедрова»¹⁴³⁵. Таким образом, за историей с последовавшим арестом Теодори скрывалась личная неприязнь к нему со стороны Кедрова и Эйдука. Получив неограниченную власть, руководители недавно созданного Особого отдела ВЧК занялись банальным сведением личных счетов с неугодными им военспецами. Фактически арест

¹⁴³³ Речь шла о созданных Теодори курсах разведки и военного контроля.

¹⁴³⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 217–219.

¹⁴³⁵ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9. Подробнее об этом аресте и заступничестве за Теодори его однокашников см. материал о корпоративизме выпускников академии Генштаба в настоящем издании.

Теодори весной 1919 г. может считаться актом личной мести со стороны чекистского руководства.

Арест произошел в штабе армии Советской Латвии в Двинске, где Теодори находился в командировке по делам агентурной разведки. В отношении даты ареста существуют значительные расхождения, в том числе в документах самого Теодори. Иногда утверждается, что арест произошел 12 марта, по другим данным, 22 марта¹⁴³⁶. В своем заявлении Ф.Э. Дзержинскому Теодори отметил: «В первых

---

¹⁴³⁶ *Войтиков С.С., Кикнадзе В.Г.* Большевики против военспецов-разведчиков. С. 35. Впрочем, следует обратить внимание на ряд серьезных ошибок и лакун, содержащихся в этой работе. Нельзя согласиться с постановкой проблемы, при которой большевики противопоставлены «военспецам-разведчикам» (термин авторов публикации). В действительности, большевистское руководство (а речь идет именно о нем) не только не было заинтересовано в репрессиях в отношении военспецов, но всячески пыталось ограничить произвол ВЧК в этом направлении и, более того, стремилось наладить работу органов военной разведки. Но в условиях Гражданской войны и перехода большинства профессиональных разведчиков, какими являлись военные агенты, на сторону антибольшевистских сил, сделать это было очень непросто. Сами военспецы, занимавшиеся в РККА вопросами разведки и контрразведки, не пытались бороться с большевистским руководством или режимом. Репрессии в их отношении были лишь средством устрашения, возможно, следствием межведомственной борьбы, но не являлись самоцелью. В деле Теодори, во всяком случае на начальном его этапе, определяющим было противоборство отнюдь не между большевиками и военспецами, а между военспецами и чекистами. К сожалению, авторы публикации некритически отнеслись к некоторым документам, вышедшим из-под пера Теодори в период его тюремного заключения и требующим серьезной проверки. В этих документах Теодори многократно преувеличил свой и без того значительный вклад в военное строительство РККА в 1918–1919 гг. Теодори не был и не мог быть, вопреки утверждению авторов публикации (этого не приписал себе даже он сам), создателем Полевого штаба РВСР, поскольку последний возник на базе штаба Высшего военного совета, в котором Теодори не только не работал, но с которым даже находился в конфликте (РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 178–179). Полевой штаб был организован коллективными усилиями военспецов И.И. Вацетиса, П.М. Майгура и Ф.В. Костяева, а также некоторых других (Там же. Л. 583). Преувеличением является и то, что в Полевом штабе РВСР ключевые должности, якобы по протекции Теодори, были заняты выпускниками ускоренных курсов. Думается, положение Теодори не давало ему широких полномочий по комплектованию высшего штаба Красной армии. Такие вопросы должны были решаться на более высоком уровне. Теодори, как консультант Регистрационного управления, оказался наиболее высокопоставленным из курсовиков, кроме него курсовики стояли лишь в руководстве агентурного (Г.Я. Кутырев) и разведывательного (Б.И. Кузнецов) отделений, тогда как другие отделения, а тем более управления, находились в руках гораздо более опытных «лиц Генерального штаба»; в Центральном управлении военных сообщений (ЦУПВОСО), являвшемся также органом Полевого штаба, курсовиков, по данным на ноябрь 1918 г., не значилось вообще. Таким образом, Теодори был единственным из курсовиков, кто смог продвинуться в этот период до уровня консультанта управления. Для сравнения, во главе Полевого штаба стоял бывший генерал Ф.В. Костяев, оперативным управлением руководил бывший генерал В.И. Михайлов, организационным — бывший полковник В.В. Далер, во главе оперативного отделения находился бывший подполковник В.Е. Волков. Все они учились в академии до Первой мировой войны. При этом в силу объективных причин, к каким относится большая численность, курсовиков в Полевом штабе было действительно немало. Однако более правомерно говорить не о занятии ими ключевых должностей (что при наличии полноценных выпускников старой академии было невозможно), а об их существенном проценте в Полевом штабе (в частности, на ноябрь 1918 г. — 11 человек из 20 (РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1106. Л. 10), если не считать служащих ЦУПВОСО). Неверным является утверждение о том, что регистрация офицеров и их семей в сентябре 1918 г. остановила их переходы на сторону противника (это некритическое воспроизведение заявления самого Теодори (РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 10об.)). В действительности этого не произошло, прежде всего, потому, что эффективной системы учета семейного положения военспецов, несмотря на соответствующие указания большевистского руководства, создано не было, как не было, вопреки позднейшим мифам, сколько-нибудь масштабных репрессий в отношении членов семей бывших офицеров. Измены, бегства, переходы и даже перелеты, в том числе коллективные, продолжались и после сентября 1918 г. Только в 1919 г. на сторону противника, по установленным нами данным, перешло не менее 183 выпускников Николаевской военной академии, не говоря уже

числах марта 1919 г. я был командирован с тов. Павуланом (для инспектирования постановки на местах агентурного дела) в Литву и Латвию, а 12/22 марта по шифрованному телеграфному распоряжению тов. Кедрова арестован в Двинске»¹⁴³⁷. В одной из анкет, адресованных в политический Красный Крест, Теодори указал, что был арестован в Двинске по телеграмме Кедрова 22 марта, а в Москву доставлен уже 24 марта¹⁴³⁸.

Известно, что маршрут Теодори пролегал из Молодечно через Полоцк в Двинск. 21 марта он уже был в Двинске. Находясь в командировке, Теодори беспокоился об учебном процессе на своих курсах разведки и военного контроля¹⁴³⁹. Показательно, что 21 марта Теодори и его спутник, заместитель начальника Региструпра В.П. Павулан, телеграфировали по инстанции: «Агентурная работа налаживается»¹⁴⁴⁰. Однако уже 24 марта после ареста Теодори пришла информация, что из-за отсутствия в штабе армии Советской Латвии генштабистов разведка будет вестись по-прежнему¹⁴⁴¹. Таким образом, арест Теодори стал приносить вред большевикам незамедлительно.

22 марта, накануне ареста, Теодори писал Аралову: «Семен Иванович! Два месяца тому назад я просился в Латвию. Вы отказали. Отказали решительно, хотя знали, что у меня была группа работников, которая хотела со мной уехать. Уверенный в Вашем решении, я, задержанный материально (содержание семьи жены, своей семьи и сестры), вызвал к себе сестру, устроив ее в Москве. Две недели тому назад при передаче Вам разговора т. Костяева со Срываиным Вы решительно запротестовали при мысли о расформировании Региструправ[ления]. Я сказал Вам, что, если вопрос во мне, я уйду на курсы и вопрос исчерпан. Тем не менее Вы решили оставить меня и послать [в] командировку с В.П. [Павуланом] для урегулирования агентурной разведки в республиках. Я предчувствовал, что

о массовых изменах других категорий офицеров. Ничего не сказано авторами о первом аресте Теодори в 1918 г. Об этом предпочитал не упоминать в своих тюремных записках и сам Теодори, так как в условиях повторного ареста указание на данный факт вряд ли могло способствовать его скорейшему освобождению. Именно с последствиями первого ареста, а никак не со стремлением «сохранить» военспеца, как утверждается в статье, связан его перевод в октябре 1918 г. на преподавательскую работу. Не соответствует действительности также указание на конфликт и недоверие комиссаров Полевого штаба по отношению к служившим в нем генштабистам. Ситуация не была столь критичной для генштабистов. В частности, Теодори находился в хороших отношениях не только с представителями высшего военного руководства главкомом И.И. Вацетисом и начальником Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяевым, но также, что особенно важно, с военкомом Полевого штаба С.И. Араловым — своим бывшим шефом по оперативному отделу Наркомвоена. Лучшим доказательством их взаимоотношений являются попытки Аралова добиться освобождения Теодори из-под ареста. Кроме того, не было и арестов 80 курсовиков летом 1919 г. — большевики попросту не могли позволить себе такую роскошь в обстановке ожесточенной борьбы на всех фронтах. К сожалению, авторы не критически отнеслись к утверждениям на этот счет, сделанным в книге украинского исследователя Я.Ю. Тинченко, который не работал с материалами учета генштабистов РГВА. Курсовик Б.И. Кузнецов, по всей видимости, был арестован не в феврале–марте 1919 г. (поскольку уже в апреле был в числе трех главных ходатаев за Теодори, что вряд ли мог сделать военспец с подмоченной недавним арестом репутацией), а лишь 9 июля, в период арестов в Полевом штабе РВСР (В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975. С. 236–237).

¹⁴³⁷ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9.

¹⁴³⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 3.

¹⁴³⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 251.

¹⁴⁴⁰ Там же. Л. 260.

¹⁴⁴¹ Там же. Л. 257.

не вернусь в Москву, но 12го марта Ваше поздравление рассеяло тяжелое душевное самочувствие.

Почему Вы открыто не сказали о ссылке. Ведь я устроил [бы] все свои дела, взял хотя бы белья с собой и по-человечески уехал бы. Или же Вы сомневались в том, что я уйду?

Что бы ни случилось, подлость Костяева меня не удивляет: они (по всей видимости, старые генштабисты. — *А.Г.*) всегда были интриганам, но я думал, что при том уважении и честности, с коим я к Вам относился, ни разу не подведя Вас ни в чем, я имел нравственное право рассчитывать на элементарный порядок увольнения.

Спасибо за прошлое.

Всего Вам наилучшего.

Считаю необходимым просить у Вас разрешения приехать сдать курсы и денежные суммы моему заместителю и Региструправ[ление] другому, а также захватить свои вещи.

Примите уверение в уважении

Г.И. Теодори

P.S. Оставляю за собой право просить у главкома и предреввоенсовета о назначении в Латвию ко мне тех из моих сотрудников, кои выразят желание, и тех из военспецов, кои являются излишними в других учреждениях»¹⁴⁴².

В таком тоне Теодори обращался к своему единственному высокопоставленному союзнику и покровителю. Неудивительно, что после ареста Теодори Аралов далеко не сразу вступился за своего беспокойного подчиненного. Главком Вацетис тоже был для Теодори союзником, но предпочитал действовать более осторожно, поскольку отношения Теодори и Вацетиса были не столь близкими, как у Теодори и Аралова.

Позднее к делу были притянуты многие другие обвинения в отношении коллег и начальников Теодори, но первоначально речь шла только о личной конфронтации. Военное руководство не смогло тогда отстоять свободу Теодори, хотя активно пыталось это сделать, чем только усугубило конфронтацию с чекистами. Позднее наиболее активные представители выпуска ускоренных курсов 2-й очереди академии Генштаба также были арестованы. В итоге возникла парадоксальная ситуация, когда личные амбиции и несдержанность одного не особенно значимого по своему служебному положению человека повлекли за собой весьма серьезные репрессии и кадровые перестановки весны–лета 1919 г. в высшем органе управления РККА, каким являлся Полевой штаб РВСР. Разумеется, у «дела» Полевого штаба были и многие другие гораздо более серьезные причины, однако необходимо признать, что субъективный фактор сыграл в нем достаточно важную роль.

Как справедливо отмечал сам Теодори, «уже в июле 1918 г. ... я говорил, что и мы (Аралов и я) пока целы, ибо вся наша работа дает только успех; при первой же ошибке — первой же жертвой буду я как военспец, а остальные все стушуются,

---

¹⁴⁴² Там же. Л. 267–267а об.

став за спину партии»¹⁴⁴³. И хотя Аралов тоже был таким же военспецом, в конечном итоге все произошло так, как излагал Теодори.

Причины ареста и долгого тюремного заключения Теодори были, по всей видимости, многообразны. Среди них личная неприязнь к нему со стороны руководителей Особого отдела ВЧК, попытка его устранения путем ареста в связи с межведомственными противоречиями военных и чекистов, длительное заключение с целью лишить курсовиков их общепризнанного лидера и, в качестве предположения, проба сил в предстоявшей борьбе чекистов с руководителями РККА.

Вывод о взаимосвязи ареста Теодори и последовавших летом 1919 г. арестов в Полевом штабе РВСР представляется вполне обоснованным. Тогда были арестованы все три ходатая за Теодори (Е.И. Исаев, Б.И. Кузнецов, Г.Я. Кутырев), а также заступавшиеся за него И.И. Вацетис и Ф.В. Костяев. Однако, в отличие от истории с арестом Теодори, самоуправства чекистов на таком уровне быть уже не могло. Можно только предполагать, был ли арест Теодори первой ласточкой в пока еще неясной борьбе группировок в военно-политическом руководстве Советской России или же столь глубоких причин здесь не было.

Главком Вацетис упомянул о Теодори в своем докладе В.И. Ленину 18 апреля, отметив, что аресты В.И. Селивачева и Г.И. Теодори «вместе взятые, создают такое впечатление, что в центре растерянность и что там, не надеясь на Генеральный штаб Красной армии, забирают заблаговременно заложников, каковыми, по-видимому, являются Теодори и Селивачев»¹⁴⁴⁴. В дальнейшем Вацетис дал разрешение однокашникам Теодори на выяснение вопроса о его аресте у руководителей Особого отдела ВЧК, а в июле 1919 г. непосредственно перед своим собственным арестом обратился к председателю ВЦИК М.И. Калинину с просьбой об освобождении Теодори и предложением поручиться за него и за еще одного курсовика, Н.Н. Доможирова¹⁴⁴⁵.

Арест такого сотрудника, как Теодори, подрывал дело военного строительства РККА и представляется черной неблагодарностью со стороны власти. Большевики наказывали самих себя. В частности, из-за арестов целой группы военспецов, руководивших советской военной разведкой, последняя в 1919 г. оказалась в полном упадке¹⁴⁴⁶. Стоит отметить, что летом 1919 г. был арестован и сменивший Теодори в должности консультанта Региструпра Г.Я. Кутырев.

В итоге Теодори провел в заключении (в Бутырской тюрьме и, по иронии судьбы, во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК, созданием которого он в свое время занимался) почти два года до 4 января 1921 г., после чего продолжил службу в РККА¹⁴⁴⁷. Причин своего ареста Теодори не знал. Сменивший Теодори бывший Генштаба капитан В.Г. Зиверт также был арестован¹⁴⁴⁸.

¹⁴⁴³ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 12.

¹⁴⁴⁴ Большеви́стское руково́дство: Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 87.

¹⁴⁴⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 346.

¹⁴⁴⁶ Подробнее см.: Первый год советской военной разведки. Доклад В.А. Срывалина от 19 февраля 1919 г. / Публ. А.В. Ганина // Военно-исторический архив. 2011. № 1 (133). С. 174–191. Документ публикуется в настоящем издании.

¹⁴⁴⁷ *Зданович А.А.* Как Л.Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 82.

¹⁴⁴⁸ *Кочик В.* Советская военная разведка: структура и кадры. Статья вторая (1918–1921) // Свободная мысль. 1998. № 6. С. 93.

Супруга Теодори 6 апреля 1919 г. обратилась за помощью к С.И. Аралову: «Обращаюсь к Вам, как к единственному человеку, от одного слова которого зависит судьба моего мужа»¹⁴⁴⁹. Несчастливая женщина откровенно писала о том, как много ее муж работал и сколько пользы принесла его работа Советской России, но его отдали в руки Кедрова, «который делает все, что хочет, и докладывает Вам и т. Троцкому так, как ему выгодно. Вам ведь ясно, что т. Кедров сводит личные счеты»¹⁴⁵⁰. Кроме того, в письме передавались слова Теодори о том, что он за Аралова стоит горой и их враги смогут перейти лишь через его труп. Таким образом, была выражена надежда на покровительство Аралова и содержался намек на его тесную связь с арестованным. Между прочим, с супруги Теодори была взята подписка о невыезде, ей не разрешалось видеть мужа и даже встретиться с их потенциальным высокопоставленным покровителем.

Многие интересные подробности дела Теодори удалось обнаружить в документах московского политического Красного Креста — опросных листах и карточках арестованных. В апреле 1919 г. Теодори содержался в мужском одиночном корпусе Бутырской тюрьмы в камере № 52. В карточке арестованного, заполненной 16 апреля 1919 г., сам Георгий Иванович указал, что арестован он был «в Двинске 23 марта по шифрованной телеграмме Кедрова», а в графе «Повод для ареста» он указал: «Оговор некоей Троицкой В.П.»¹⁴⁵¹. По свидетельству арестованного, было проведено четыре допроса «26, 28 марта и, кажется, 4 и 6 апреля»¹⁴⁵². В отношении того, было ли предъявлено обвинение, Теодори указал: «Никакого, ибо допрашиваюсь по самым странным делам»¹⁴⁵³. О том, ходатайствовал ли кто-нибудь за него, Теодори не знал, в то же время он высказал просьбу: «Освободить, ввиду отсутствия поводов для ареста и меня и других, вместе со мною невинно схваченных»¹⁴⁵⁴. Но наиболее интересен раздел анкеты, в котором Теодори изложил сущность своего дела и краткое содержание допросов: «Сущность дела не может быть изложена за отсутствием такового. Допросы касались личного состава выпуска Генер[ального] штаба 1917 г., выборным лицом коего я состою. Кроме того, меня спрашивали, поносил ли я советскую власть при Троицкой (ее донос) и верно ли, что она была со мною в интимной связи (тоже ее же донос и ее же ложь, так как она была машинисткой до моего назначения в оперод Наркомвоен и, как низшая служащая, по службе не сталкивалась настолько, чтобы вести с ней и при всех беседах). Ответы мои были отрицательными. Генер[ального] штаба Г.И. Теодори. № телефона 2-43-14»¹⁴⁵⁵.

Таким образом, арест Теодори произошел по одним мотивам, а длительное тюремное заключение было обусловлено совсем другими причинами, и прежде всего опасениями со стороны большевистской верхушки в отношении мощного корпоративизма выпускников ускоренных курсов академии Генштаба, лидером которых был Теодори. Кстати, корпоративизм курсовиков отнюдь не был каким-то секре-

¹⁴⁴⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 201.

¹⁴⁵⁰ Там же. Л. 201–201об.

¹⁴⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 257. Л. 3.

¹⁴⁵² Там же.

¹⁴⁵³ Там же.

¹⁴⁵⁴ Там же.

¹⁴⁵⁵ Там же. Л. 3об.

том для партийной верхушки. Например, в ноябре 1918 г., по докладу РВСР, на хранение Теодори были переданы средства его ускоренного выпуска в размере 20 000 руб.¹⁴⁵⁶ Разумеется, большевикам было прекрасно известно, кто является лидером выпуска, тем более что скандальный характер Теодори не позволял ему оставаться в тени. И думается, руководителям Особого отдела не требовалось больших талантов контрразведывательной работы, как иногда утверждается¹⁴⁵⁷, для понимания потенциальной опасности любых корпоративных объединений командного состава РККА¹⁴⁵⁸. Тем более что у Кедрова и Эйдука в деле Теодори был достаточно сильный личный мотив в виде неприязненных отношений.

В том же деле, где хранится анкета Теодори, сохранилась и арестантская карточка Валентины Павловны Троицкой, донос которой Теодори тогда считал причиной своего ареста. В карточке, заполненной еще до ареста Теодори, 12 февраля 1919 г., девица Троицкая, содержащаяся в 8-й камере 28-го коридора Бутырской тюрьмы, указала, что ей 21 год, работала она машинисткой Полевого штаба РВСР в Серпухове и была арестована у себя на квартире в Серпухове 19 января 1919 г. Допрошена 20 и 25 января, обвинялась «в шпионаже и контрреволюционности» и просила выяснить сущность дела¹⁴⁵⁹.

По поводу своего обвинения Троицкая указала: «Обвинение в шпионаже, но бессознательном и требование назвать контрреволюционеров; доказательств поступка за собой не знаю. Прошу узнать, есть ли по моему делу защитник и кто обвинил в шпионаже и на каких основаниях, когда будет суд. В. Троицкая. P.S. Последнее время я находилась по месту службы в городе Серпухове и поэтому отрезана от всех и не знаю, кто есть в Москве, могущий хлопотать»¹⁴⁶⁰. 12 февраля Троицкой было рекомендовано подать заявление по месту службы о взятии ее на поруки со ссылкой на декрет № 274 от 14 декабря 1918 г.

Троицкая была арестована примерно за два месяца до ареста Теодори. Нельзя исключать, что ее вынудили дать признательные показания в отношении Теодори руководители Особого отдела ВЧК Кедров и Эйдук, которым необходимо было нейтрализовать своего слишком деятельного оппонента. На карточке Троицкой имеется надпись: «В[ысшая] М[ера] Нак[азания] 2го июля [19]19 г.»¹⁴⁶¹.

История с арестом Троицкой может вызвать лишь недоумение. Как и во многих других случаях, пострадал совершенно невиновный человек. Пострадал по недомыслию и молодости, а также потому, что так было выгоднее для многоходовых комбинаций чекистов. 15 января 1919 г. около 21 часа письмоводительница управления инспектора инженеров Полевого штаба Троицкая попросила телефониста Потапова перепилить кольцо всяческого замка в помещении управления, чтобы забрать оттуда свои вещи. Потапов помог ей, после чего замок навесили

¹⁴⁵⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 74.

¹⁴⁵⁷ См., напр.: *Войтиков С.С.* Отечественные спецслужбы. С. 393–394.

¹⁴⁵⁸ Подробнее о борьбе большевистского руководства с аналогичными проявлениями в академии Генштаба РККА см.: *Ганин А.В.* Корпоративизм и неформальные объединения слушателей академии Генерального штаба РККА в годы Гражданской войны // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: Сб. мат. междунар. науч. конф. Архангельск, 2010. С. 185–192. Также см. специальный материал в настоящем издании.

¹⁴⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 257. Л. 101.

¹⁴⁶⁰ Там же. Л. 101–101об.

¹⁴⁶¹ Там же. Л. 101.

обратно. Некоторое время помещение управления, в котором хранились секретные документы, планы и карты, оставалось не запертым. Секретные дела оказались в полной сохранности, но Потапову и Троицкой был сделан выговор¹⁴⁶². Эти события, а также ряд несущественных, но показавшихся чекистам подозрительными мелочей (например, ей вменялось в вину столь «значимое» нарушение, как то, что Троицкая брала бланки с печатями и пользовалась старыми документами оперода как черновиками¹⁴⁶³) послужили причиной ареста девушки, последовавшего через несколько дней. Также чекистов заинтересовало устройство Троицкой на службу по протекции левого эсера Мустафина¹⁴⁶⁴. Ходили слухи о том, что Троицкая имела аристократическое происхождение, состояла в родстве с графом Витте, что она якобы слишком тесно общалась с военспецами и комиссарами, пьянствовала и производила впечатление опустившейся, а арестованная вместе с Троицкой ее подруга Н.А. Голубович зачем-то просила на свидании у одного из комиссаров шифр¹⁴⁶⁵. Впрочем, последнее могло ни о чем не говорить и быть лишь проявлением женского любопытства. И во всяком случае никоим образом не доказывало причастность Троицкой к шпионажу.

Зато опустившуюся машинистку чекисты могли без особого труда заставить дать любые необходимые им признательные показания. Видимо, под давлением следователей арестованная Троицкая оговорила целый ряд работников Полевого штаба, причем иногда в дальнейшем отказывалась от оговора, как было в случае с Теодори.

«Дело» Полевого штаба было процессом далеко не одномоментным и тянулось в разнообразных своих проявлениях на протяжении значительной части 1919 г. Нельзя не обратить внимания на такую немаловажную деталь, как то, что по оговору Троицкой военспецы арестовывались далеко не одновременно. Так, например, Теодори был арестован в марте, а еще один оговоренный Троицкой курсовик И.Д. Моденов¹⁴⁶⁶ — лишь в мае. Следовательно, с помощью все новых показаний Троицкой чекисты решали собственные проблемы, выстраивая репрессивную кампанию в Полевом штабе в соответствии с текущим политическим заказом. В конце концов было принято решение ликвидировать Троицкую, по всей видимости, как нежелательного свидетеля грубой фальсификации всего процесса.

Допрашивали о Теодори и бывших Генштаба генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова и Генштаба генерал-майора Б.А. Левицкого. Последний сообщал в своем заявлении в политический Красный Крест 8 апреля 1919 г.: «Второй вопрос был, знаю ли я Теодори, я сказал, что фамилию знаю, т.к. он играл крупную роль в опер[ативном] отделе Наркомвоен до переезда его в Серпухов и являлся определенным врагом старших выпусков Генер[ального] штаба в такой степени, что из-за него ушел из нач[альников] [Всероссийского] гл[авного] штаба Свечин, на которого он кричал, Теодори я никогда в жизни не видел»¹⁴⁶⁷.

¹⁴⁶² РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 23.

¹⁴⁶³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 230–231.

¹⁴⁶⁴ Впрочем, А.А. Зданович со ссылкой на показания Троицкой, хранящиеся в ЦА ФСБ, отмечает, что на службу ее устроил сам Теодори (*Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? С. 93).

¹⁴⁶⁵ *Войтиков С.С.* Отечественные спецслужбы. С. 139.

¹⁴⁶⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 349–349об.

¹⁴⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 136а. Л. 66–66об.

Примерно в декабре (дата на документе размыта) 1919 г. Георгий Иванович заполнил еще одну анкету арестованного, в которой указал, что арестован был в Двинске по распоряжению председателя Особого отдела ВЧК Кедрова. Теодори указал, что прошел через шесть допросов, последний из которых состоялся 15 июля 1919 г. (возможно, здесь Георгий Иванович допустил неточность, поскольку в следующей анкете он указал иные сведения). В это время Теодори был переведен в камеру № 46 мужского одиночного корпуса. Вновь он отметил, что арестован «по оговору одной из служащих Полевого штаба шантажистки гр[ажданки] Троицкой», причем «предъявлено условное обвинение т. [Я.Я.] Фогелем в первых числах июня 1919 г.»¹⁴⁶⁸. Речь шла о следователе Особого отдела ВЧК. Теодори раскрыл подробности того, что интересовало чекистов на допросах: «Опрашивали о происхождении, службе и о “мнимой интимной связи с Троицкой” (ее показания)»¹⁴⁶⁹. По существу дела Теодори не мог сообщить, по его словам, «ничего, ибо на просьбу прочитать и рассмотреть дело по существу, так как никаких фактов, документов и т.д. (кроме болтовни Троицкой) нет, ответа не последовало»¹⁴⁷⁰. Более того, Георгий Иванович просил его «освободить хотя бы по амнистии (ибо сижу 9 месяцев без всякого повода), так как вся моя работа с советской властью с 26 октября 1917 года только говорит в мою пользу. Дела никакого нет, а потому и изложить его не могу (да это видно и по следствию и вопросам т.т. Кедрова и Фогеля)»¹⁴⁷¹.

30 декабря, обращаясь к Ф.Э. Дзержинскому, Теодори писал: «Обращаюсь к Вам как к руководителю В.Ч.К. и одному из старших руководителей партии с просьбою:

1) восстановить справедливость и освободить меня[;]

2) если же задеты чьи-либо личные мотивы и самолюбие (хотя я был очень далек от мысли кому-нибудь во всю свою жизнь нанести обиду или лично сделать зло), то амнистировать меня, освободить и дать мне закончить свою жизнь работой в военно-учебной или другой по выбору Вашему или тов. Троцкого области Красной армии, а не медленно погибать в полуголодном и болезненном состоянии одиночного тюремного заключения»¹⁴⁷².

Еще один опросный лист Теодори заполнил 31 декабря 1919 г. В этой анкете Теодори жаловался на мышечный и суставный ревматизм, по его словам, «в тюрьме болезнь прогрессирует; начинается острое ослабление зрения и истощение»¹⁴⁷³. Особых замечаний на этот раз Теодори не указал, записав в соответствующей графе: «Не излагаю, ибо дела нет»¹⁴⁷⁴. Это была уже его девятая анкета для политического Красного Креста. В отношении предъявленного обвинения Теодори указал, что обвинен «в пособничестве шпионажу, но не предъявлено даже намека на какой-либо шпионаж»¹⁴⁷⁵. Последний допрос Теодори датировал началом

---

¹⁴⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 258. Л. 104.

¹⁴⁶⁹ Там же.

¹⁴⁷⁰ Там же.

¹⁴⁷¹ Там же.

¹⁴⁷² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 12.

¹⁴⁷³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 3.

¹⁴⁷⁴ Там же. Л. 3об.

¹⁴⁷⁵ Там же.

июля. Всего допрашивали шесть раз Кедров и Фогель. О причине ареста Теодори написал, но потом зачеркнул написанное: «Оговор расстрелянной шантажистки Троицкой»¹⁴⁷⁶. Теодори просил прислать ему мыло, сахар, чай, табак или папиросы, лекарство уродонал, подошву и набойки, воблу и зубной порошок¹⁴⁷⁷.

В 1920 г. близкие Теодори не оставляли попыток добиться его освобождения. Супруга Теодори обращалась по этому вопросу к Л.Д. Троцкому. Секретариат Троцкого запрашивал в этой связи Особый отдел ВЧК, но чекисты ответили, что Теодори освобожден быть не может¹⁴⁷⁸.

Наконец, нам удалось обнаружить опросный лист, который Теодори заполнил в самом конце своего тюремного заключения, 12 декабря 1920 г. В то время он содержался в камере № 49. В этой анкете в графе о поводах к своему аресту он указал: «Личные отношения»¹⁴⁷⁹. Возможно, на втором году своего заключения Теодори осознал, что истинной причиной его ареста был не донос Троицкой, а неосторожные действия самого Теодори по отношению к руководству Особого отдела ВЧК.

В этом же документе Теодори привел немаловажный факт, что он был допрошен шесть раз, причем последний — 16 июня 1919 г. Если это свидетельство достоверно, тогда получается, что показания Теодори не имели значения для расследования развернувшегося в июле 1919 г. «дела» Полевого штаба, которое, таким образом, следует считать полностью дутым. Если бы чекисты действительно проводили проверку благонадежности военспецов из Полевого штаба, как утверждают некоторые ведомственные историки, то наверняка бы им понадобилось допросить столь важного свидетеля, каким был Теодори (ведь его деятельность ни много ни мало увязывали с работой московского офицерского подполья и обвинениями в адрес бывших генералов Н.Н. Стогова и В.И. Селивачева), после июльских арестов, возможно, провести очные ставки с ним и т.д. Однако ничего подобного сделано не было. Следовательно, чекисты и не собирались проводить серьезное разбирательство. В конце анкеты Теодори уже с некоторой обреченностью добавил в графе «Особые замечания»: «Излагал много раз, ибо это уже 12ая анкета. Г. Теодори»¹⁴⁸⁰.

В январе 1921 г. на основе прошения Г.И. Теодори о выяснении его дела политический Красный Крест, занимавшийся вопросами освобождения политзаключенных, просил супругу арестованного представить письменное поручительство двух членов РКП(б) за Теодори для передачи этих материалов Особому отделу ВЧК¹⁴⁸¹. Впрочем, возможно, это уже не потребовалось, так как 4 января 1921 г. Теодори наконец вышел на свободу.

Даже в тюрьме, несмотря на неблагоприятную обстановку, Теодори продолжал упорно трудиться. Видимо, режим тюремного заключения для него был несколько смягчен и военспец получил возможность хотя бы заниматься научной

---

¹⁴⁷⁶ Там же. Л. 3.

¹⁴⁷⁷ Там же. Л. 2.

¹⁴⁷⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 218–222. С некоторыми неточностями эти документы опубликованы в: *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 288–290.

¹⁴⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 41.

¹⁴⁸⁰ Там же. Л. 41об.

¹⁴⁸¹ Там же. Л. 42.

работой. В частности, именно в заключении он написал для РККА работы «Тактика артиллерии» и «Военно-инженерное искусство». Более того, труд «Военно-топографические разведки» был откорректирован и издан в июне 1919 г. Теодори подготовил к концу 1919 г. второе его издание. Также до конца 1919 г. увидела свет «Тактика артиллерии», получившая положительную оценку специалистов. Теодори сотрудничал и с журналом «Военное дело», где печатался по вопросам организации артиллерии, авиации и войсковой разведки¹⁴⁸². По заказу Особого отдела ВЧК им 13–14 августа 1920 г. был составлен очерк организации и деятельности оперода Наркомата по военным делам, причем Теодори просил чекистов прислать ему для очерка четыре листа хорошей бумаги, чтобы переписать его начисто и составить схемы, а еще лучшим решением было бы напечатать очерк на машинке под его диктовку¹⁴⁸³. Уже 26 августа материал Теодори был передан в редакцию очерка «Красная армия и Красный флот в революционной войне Советской России 1917–1920 гг.», который готовился при академии Генштаба¹⁴⁸⁴. Судя по всему, там этот очерк и удостоился неодобрительной оценки в связи с содержащимся в нем самовосхвалением Теодори.

В том же году Теодори в тюрьме были подготовлены очерки «Буденный и действия руководимой им конницы» (18 апреля 1920 г.), «Авиация; необходимость ее скорейшего воссоздания» (26 апреля 1920 г.), «Взаимодействие конницы и авиации (из опыта мировой и Гражданской войн)» (9 мая 1920 г.)¹⁴⁸⁵. Интересно, что Теодори подсчитывал число символов в своих тюремных произведениях. Вполне возможно, что ему даже платили какие-то гонорары исходя из количества печатных знаков.

Как мы уже знаем, в тюремном заключении Теодори провел почти два года с марта 1919 по январь 1921. Но что это были за годы?! Это были годы становления и укрепления Красной армии и ее военной элиты. Не будет преувеличением отметить, что для карьеры командира Красной армии каждый год Гражданской войны равнялся многим годам службы мирного времени. Ведь именно тогда фактически оформился командный состав РККА 1920–1930-х гг. И только репрессии второй половины 1930-х гг. привели к резким переменам в командных кадрах РККА.

Если перед арестом Теодори находился в самом центре военного строительства РККА, можно сказать, ощущал биение сердца Красной армии — работу ее Полевого штаба, то теперь оказался далеко в хвосте вопросов военного строительства, да еще с клеймом неблагоданного. Если до ареста он мог претендовать на самые высокие посты в новой армии, особенно с учетом корпоративных связей его ускоренного выпуска из академии, то теперь мечты об этом можно было отбросить, если не навсегда, то надолго.

Можно представить, какое разочарование испытал Теодори, увидев колоссальные перемены в армии, произошедшие без его участия с весны 1919-го, когда он попал в Бутырку. Красная армия победила практически всех внутренних врагов, на большей части территории страны завершилась Гражданская война,

---

¹⁴⁸² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11об.

¹⁴⁸³ Там же. Л. 15.

¹⁴⁸⁴ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.

¹⁴⁸⁵ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 40–57.

в РККА сложилась уже своя иерархия героев этой войны. Если говорить о Генеральном штабе, то на авансцене теперь были слушатели уже не старой, а новой, красной академии Генштаба. Будучи арестованным в самый разгар Гражданской войны, Теодори так и не пожал никаких лавров, полагавшихся победителям. И хотя его вклад в создание РККА в 1918 г. был достаточно весомым, он даже не удостоился ордена Красного Знамени.

Позднейшие заявления самого Теодори о том, что тюрьма якобы не сломила его твердости¹⁴⁸⁶, не соответствуют действительности. Как нам удалось установить по документам Ведомственного архива Службы безопасности Украины, вскоре после освобождения чекисты склонили его к негласному сотрудничеству, пик которого пришелся на конец 1920-х – начало 1930-х гг. Теодори стал информатором ОГПУ, получил оперативный псевдоним и детально доносил «органам» обо всем, что происходило в среде бывших генштабистов. Есть все основания полагать, что в том числе и по его доносам были произведены аресты в рамках печально известного дела «Весна» начала 1930-х гг.¹⁴⁸⁷

Впрочем, далеко не факт, что Теодори вынужденно пошел на такое сотрудничество. После освобождения из тюрьмы ему приходилось как-то наверстывать упущенное за годы ареста. Возможно, определяющим в этом вопросе для нелегкого характера Теодори стало чувство мести. Можно допустить, что именно оно явилось той побудительной причиной, по которой Теодори стал секретным осведомителем органов госбезопасности.

Теодори в 1920-е гг. активно сотрудничал с советской военной разведкой, у истоков которой стоял в годы Гражданской войны. Теодори был постоянным рецензентом журнала «Война и мир», издававшегося в Берлине русскими военными эмигрантами и ориентированного как на эмиграцию, так и на офицеров Рейхсвера. После тюрьмы в своих публикациях он был достаточно осторожен и всячески старался демонстрировать лояльность руководству РККА¹⁴⁸⁸.

Осторожность приходилось проявлять не только в печати, но и в различных жизненных ситуациях. Например, в 1922–1923 гг. от бывшего Генштаба генерал-майора Д.К. Лебедева, эмигрировавшего в Эстонию, к Теодори и бывшему Генштаба генерал-майору А.А. Свечину прибыл курьер, пытавшийся получить от них сведения о положении военспецов в СССР. Свечин скрыл этот эпизод, а Теодори немедленно сообщил о нем в ОГПУ¹⁴⁸⁹. Причем, как оказалось, Лебедев вел разведывательную работу против СССР.

В то же время из следственных материалов по делу «Весна» известно, что Теодори и в середине 1920-х гг. пытался возродить организацию курсовиков. Но, по свидетельству И.Ф. Ораевского, бывшие однокашники теперь относились к Теодори настороженно, так как «это хитрый грек, которому особо доверять не следует»¹⁴⁹⁰.

¹⁴⁸⁶ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 330.

¹⁴⁸⁷ Публикацию донесений Теодори см. в документальной части настоящего издания.

¹⁴⁸⁸ Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 117.

¹⁴⁸⁹ Показания А.А. Свечина от 24.02.1931 по делу «Весна» (ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 21–22).

¹⁴⁹⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3154 (2012). Л. 99.

По выходе из тюрьмы Теодори состоял сотрудником военно-исторической комиссии Полевого штаба РВСР (4 января – 20 декабря 1921 г.). Затем стал главным руководителем Высшей школы связи РККА (до 31 октября 1922 г.). С 15 октября 1922 г. по 17 ноября 1924 г. также состоял главным инспектором ГУВУЗа. С 17 ноября 1924 г. по 1 сентября 1926 г. был редактором «Военного вестника» РККА. Кроме того, редактировал журнал «Красноармеец». С 1 сентября 1926 г. по 1 ноября 1928 г. состоял для особых поручений при научно-уставном отделе Штаба РККА. Был исполняющим должность инспектора высшей и средней школы управления военно-учебных заведений РККА. Параллельно с работой в управлении являлся членом правительственных комиссий управления военно-учебных заведений РККА и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. В начале 1930-х Теодори активно участвовал в нескольких лагерных сборах. В 1931 и 1932 гг. в Наро-Фоминском лагерном сборе и дважды в Тамбовском (в последнем как заместитель начальника сбора), в 1933 г. — как начальник сектора в Кунцевском лагерном сборе¹⁴⁹¹.

В 1930-е гг. Теодори находился на преподавательской работе. Он трудился в должности начальника военной кафедры в Московском нефтяном институте (1931–1933), а затем в Центральном институте физической культуры. Очень точную характеристику Теодори удалось обнаружить в его служебных документах 1930-х гг. 26 февраля 1935 г. начальник Государственного центрального института физической культуры Фрумин так охарактеризовал доцента кафедры артиллерии и специальных родов войск Теодори: «Живой, энергичный, честный, инициативен и работоспособен. Настойчив в выполнении порученного ему дела. Прямолинеен и резок в своих выводах. Настойчивость и резкость в отстаивании зачастую без должного такта своего мнения принимается окружающими за оскорбление. Дисциплинирован, но иногда прорывается склонность к возражениям. Любит военное дело, особенно военно-педагогическое дело, и понимает его. Целесообразно использование его по военно-педагогической или военно-технической и научной работе»¹⁴⁹².

И вновь, несмотря на два ареста, Теодори не изменил себе, ничуть не убавив накала эмоций. 25 марта 1935 г. он написал короткое заявление на имя заместителя начальника управления медицинского образования Наркомата здравоохранения Гроссмана: «Не считаю возможным работать даже по совместительству»¹⁴⁹³. Тогда Георгий Иванович непродолжительное время (около двух месяцев с 27 января 1935 г.) был исполняющим обязанности старшего инспектора управления медобразования по физкультурной и военной подготовке (на время болезни занимавшего этот пост В.Н. Егорьева — еще одного генштабиста, переквалифицировавшегося в физкультурники).

Мотивы увольнения из Наркомата были следующими:

1. Отсутствие штатного положения и определенных функций и обязанностей.
2. Недопустимость разрешения спец[иальных] и воен[ных] вопросов т.т., не знакомых с этими вопросами и безответственно их решающих.

¹⁴⁹¹ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 41. Д. 3309. Л. 2об.

¹⁴⁹² Там же. Л. 5.

¹⁴⁹³ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 42. Д. 6015. Л. 4.

3. Исключительно медленный ход разрешения вопросов и бесконечное согласование с т.т., не имеющими права их решать, а по существу отпихивающимися¹⁴⁹⁴ от их разрешения»¹⁴⁹⁵. С 1 апреля Теодори был освобожден от этой работы. Очевидно, документы донесли до нас отголоски очередного конфликта, который произошел у Теодори уже на новом месте службы. Таким образом, конфликты по важным или второстепенным вопросам сопровождали его всюду, где бы он ни находился, принося немалый вред самому Теодори.

Начальник кафедры Центрального института физкультуры Теодори, проживавший по адресу Большая Молчановка, 21, кв. 2 (ранее, в том числе перед арестом в 1919-м, он проживал на Остоженке, 51), был арестован 16 апреля 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР он был обвинен в принадлежности к контрреволюционной террористической организации и в подготовке терактов и приговорен к высшей мере наказания. Расстрельный приговор был приведен в исполнение 17 июня 1937 г. Прах Теодори был захоронен на Донском кладбище¹⁴⁹⁶. 19 марта 1957 г. Георгий Иванович был реабилитирован¹⁴⁹⁷.

Жизненные трудности ничему не научили Георгия Ивановича. Он так и не стал покладистым и лояльным, сохранив свой взрывной темперамент и бунтарский характер. Первоначальные идеалы карьерного выдвижения генштабовской молодежи в рядах Красной армии оказались бесплодными мечтаниями, поскольку у большевиков нашлись более социально близкие им генштабисты — слушатели и выпускники академии Генштаба РККА. Не собирались они отказываться и от услуг довоенного Генштаба. При такой конкуренции положение недостаточно подготовленных и достаточно нелояльных выпускников ускоренных курсов было крайне сложным.

Георгий Иванович боролся, бунтовал, но его общественная активность, попытки объединения однокашников по академии путем создания неформальных структур в РККА были обречены на провал. Большевики не задумываясь, несколькими арестами наиболее активных курсовиков растоптали корпоративизм молодых генштабистов в целях обеспечения безопасности своего режима.

Теодори практически на два года оказался под арестом, Гражданская война завершилась без его участия, наш герой, стоявший в 1918 г. у истоков Красной армии, в самом центре оперативной работы, теперь оказался на обочине. У Гражданской войны появились свои герои, среди которых не было места Теодори. Он не смог спокойно перенести обиду и начал доносить.

Теодори — фигура не первого и даже не второго плана в истории. Но от этого ничуть не менее интересно и значимо пытаться разгадать его феномен. Вникая в то, как этот незаурядный человек боролся, приспособливался и выживал в эпоху революционного перелома, мы начинаем лучше понимать и характер этого перелома. Его судьба одновременно заурядна и необычна. И самое удивительное, что тут нет противоречия. Основные вехи жизненного пути офицера и военного

¹⁴⁹⁴ В документе несогласованно — отпихивающихся.

¹⁴⁹⁵ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 42. Д. 6015. Л. 5.

¹⁴⁹⁶ Утверждение о том, что тело Теодори якобы было захоронено на территории Донского монастыря (Войтиков С.С. «Дело о шпионстве» генштабиста Теодори. С. 116), ошибочно и противоречит реалиям репрессивной практики 1930-х гг.

¹⁴⁹⁷ Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007.

Теодори с теми или иными отличиями повторены в сотнях биографий. Уникальность же Теодори заключается в том, что только он, оставаясь внутри системы, осмелился бросить этой системе открытый вызов. О последствиях он, вероятно, даже не задумывался. Понятно, что системой этот непокорный военспец оказался раздавлен и перемолот.

Как личность Теодори формировался на излете существования старой России, но подлинных успехов добился уже при новом режиме. Сущность новой власти и резко изменившиеся начиная с 1918 г. правила взаимодействия политиков и военных если и стали для него ясны, то далеко не сразу. Были ли они более понятны его товарищам и сослуживцам, жизненный путь которых в силу их конформизма оказался не столь тернистым?! Скорее нет, но таких хотя бы иногда спасала отсутствовавшая у Теодори привычка не высовываться. Такая привычка была полезной еще и потому, что даже сами большевики часто не знали, каким путем и с кем им идти в светлое будущее. В этой обстановке правила игры менялись постоянно. И первой жертвой этих изменений должны были стать и становились «классово чуждые» бывшие офицеры.

Родина воздала должное заслугам Теодори в деле формирования Красной армии и ее военной разведки, наградив (по данным на 1935 г.) значком ГТО и благодарностью за подготовку начсостава нефтяного института в 1932 г., двумя арестами, а вскоре и третьим и, наконец, пулей в затылок.

Генерал-хорунжий В.Н. Петров и изучение истории Северной войны в украинской военной эмиграции*

Как известно, сторонники радикального украинского национализма всегда стремились к поиску исторического обоснования мнимой враждебности русских властей по отношению к Украине и украинцам в различные периоды нашей общей истории. Не стало исключением и такое масштабное событие в жизни Восточной Европы, как Великая Северная война.

В концентрированном виде наиболее вызывающие антироссийские трактовки можно найти в работах украинских эмигрантов первой половины XX в. Такая особенность связана, судя по всему, с тяжелыми условиями жизни в изгнании и потребностью эмигрантов выплеснуть накопившийся негатив по отношению к Советской России, «поработившей», как полагали сторонники подобных взглядов, в результате Гражданской войны украинские земли. Как знаток военного дела и военной истории, проблематикой Северной войны в украинской эмиграции активно занимался генерал-хорунжий армии Украинской народной республики (УНР) Всеволод Николаевич Петров (02.01.1883–10.07.1948). Анализ его работ по этой теме вполне определенно характеризует то историческое мировоззрение, которые сложились в среде украинской военной эмиграции в целом.

Но, прежде всего, несколько штрихов к портрету самого Петрова. Он родился в Киеве, в семье дворянина Киевской губернии, получил образование во Владимирском Киевском кадетском корпусе, Павловском военном училище (1902) и Императорской Николаевской военной академии, которую окончил по 1-му разряду в 1910 г. В начале своей офицерской карьеры Петров несколько лет прослужил в гвардии. С молодых лет он увлекался гимнастикой и фехтованием. Перед Первой мировой войной служил в Киевском военном округе. Петров принимал участие в Первой мировой и Гражданской войнах. В мирное время был награжден орденами Св. Анны 3-й степени (1907) и Св. Станислава 2-й степени (1913).

---

* Впервые опубликовано: Северная война и Приднестровье: история и современность. Тирасполь, 2010. С. 40–52.

В годы Первой мировой войны Петров занимал должности старшего адъютанта 42-й пехотной дивизии, штаб-офицера для поручений при штабе XXIV армейского корпуса (с 15 сентября 1914 г.), штаб-офицера для поручений при штабе X армейского корпуса (с 6 июля 1915 г.), исполнял должность начальника штаба 7-й Туркестанской стрелковой дивизии (с 9 мая 1916 г.)¹⁴⁹⁸. Мировую войну Петров закончил в звании полковника, причем за бой 27 апреля 1915 г. заслужил Георгиевское оружие (награжден 24 января 1917 г.).

В 1917 г. Петров активно участвовал в процессе украинизации на Западном фронте, охватившем некоторые части русской армии. Состоял членом украинской Рады 7-й Туркестанской стрелковой дивизии и III Сибирского армейского корпуса¹⁴⁹⁹. Петров даже командовал сводным украинским отрядом своего корпуса¹⁵⁰⁰. В ноябре 1917 г. в районе станции Осиповщина неподалеку от местечка Мир Минской губернии он сформировал из украинских частей фронта полк им. К. Гордиенко (до 500 казаков и офицеров), вместе с которым, пройдя через Пинские болота, в декабре прибыл в Киев, где принял участие в боях с большевиками, в том числе в знаменитых боях за киевский Арсенал. Здесь, в боевых порядках, он и познакомился с одним из лидеров украинского национального движения тех лет командиром гайдамацкого коша Слободской Украины С.В. Петлюрой¹⁵⁰¹, что сыграло определяющую роль в последующей карьере Петрова. Убеждения Петлюры оказались близки Петрову, который был одновременно и украинским националистом и сторонником левых взглядов. На протяжении 1917–1922 гг. Петров непрерывно служил в различных украинских формированиях. Столь преданных украинской идее генштабистов не считывались буквально единицы. Неудивительно, что Петров вскоре оказался в руководстве украинской армии.

По свидетельствам сослуживцев, Петров отличался энергичностью и храбростью, хорошо проявил себя во многих боях, иногда даже как рядовой с винтовкой в руках¹⁵⁰². В 1918 г. он был командиром 3-го Запорожского куреня войск Центральной Рады (с 9 февраля 1918 г., позднее — 1-й Запорожский конно-гайдамацкий полк им. К. Гордиенко). С июня 1918 г. Петров состоял в распоряжении начальника Генштаба Украинской Державы, с 29 июля 1918 г. получил должность начальника штаба 12-й пехотной дивизии гетманской армии, расположенной в Лубнах, но с августа 1918 г. вновь оказался в распоряжении начальника Генштаба. Осенью 1918 г. Петров занялся военно-учебными вопроса-

---

¹⁴⁹⁸ Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 590; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е января 1916 года (С приложением изменений по 1 марта 1916 г.). Пг., 1916. С. 115; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года (С приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг., 1917. С. 113.

¹⁴⁹⁹ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

¹⁵⁰⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 344.

¹⁵⁰¹ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 124. Л. 31.

¹⁵⁰² Там же. Л. 1, 2об.

ми. В частности, с 14 октября являлся помощником начальника учебного отдела пехотных школ Главного управления военно-учебных заведений (Головной школьной управы) Военного министерства. С 28 октября занял пост помощника начальника 2-й Киевской объединенной юнкерской школы, с 1 декабря 1918 г. — помощник начальника офицерской инструкторской школы, с 22 декабря — начальник Житомирской юнкерской школы. Находясь на этой должности, Петров 13 марта 1919 г. был контужен, но остался в строю. Наконец, в 1919 г. начался карьерный взлет Петрова. Со 2 июня 1919 г. он — командующий Волынской группой Действующей армии УНР, а с 9 июля — военный министр УНР. На этом посту Петров многое сделал для того, чтобы усилить украинскую армию и возродить ее Генеральный штаб. В частности, он занимался переводом генштабистов с канцелярских должностей на посты, более соответствовавшие их квалификации¹⁵⁰³.

5 ноября 1919 г. Петров занял пост товарища военного министра, а с 1 мая 1920 г. служил инспектором пехоты армии УНР. 5 октября 1920 г. он получил звание генерал-хорунжего. В период пребывания украинских войск в лагерях интернированных в Польше с марта 1921 г. стал 1-м генерал-квартирмейстером Генерального штаба УНР, а с 19 августа 1921 г. — начальником Генерального штаба. Наконец, 24 июня 1922 г. был, видимо, по состоянию здоровья освобожден от обязанностей начальника Генштаба и по собственному желанию уволен в запас¹⁵⁰⁴.

По характеристике украинского генерала Н.А. Капустянского, Петров — «храбрый. Успешно руководил своими частями в боях, особенно конным полком Костя Гордиенко. Был для воинов образцом, примером своею отвагой в боях. Талантливый, работоспособный, творческий, темпераментный, а временами и неуравновешенный в своих увлечениях. Имел связи с левыми украинскими партиями (эсеры). Они впоследствии выдвинули кандидатуру полк[овника] Петрова на пост Военного министра»¹⁵⁰⁵. По рассказам самого Петрова, еще в академии он вошел в какое-то оккультное общество, что подорвало его нервную систему¹⁵⁰⁶.

Дополняет характеристику Капустянского мнение другого генштабиста — помощника начальника украинского Генштаба генерала Г.Е. Янушевского, знавшего Петрова на протяжении многих лет: «...в то время в самом Ген[еральном] штабе происходили большие нелады. Генерал Петров со свойственной ему страстностью и не скажу — со строгою обдуманностью и осторожностью —

¹⁵⁰³ Процес генерала Мирона Тарнавського в 1919 р. Вінніпег, 1976. С. 19.

¹⁵⁰⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 4. Д. 9. Л. 45. Подробнее см.: *Тинченко Я.Ю.* Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). К., 2007. Кн. 1. С. 334–335.

¹⁵⁰⁵ *Капустянский М.* Похід Українських Армій на Київ – Одесу в 1919 році: (Короткий военно-історичний огляд). Мюнхен, 1946. Кн. 1. С. 49.

¹⁵⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 117об.

сводил свои старые счета со своими бывшими сослуживцами по Генеральному штабу, а ныне своими подчиненными, под видом так модной в то время “непewности”¹⁵⁰⁷ и делал это так, что заставил меня даже обратить его внимание на неудобство подобной расправы»¹⁵⁰⁸. Это важное свидетельство указывает на то, что Петров уже в первые годы эмиграции, будучи начальником украинского Генерального штаба, активно использовал свое положение для сведения счетов при помощи обвинения неугодных ему лиц в нелояльности идеологии украинского национализма. Не случайно Янушевский в другом месте назвал Петрова «ярм демагогом»¹⁵⁰⁹. Факты сведения Петровым личных счетов с использованием служебного положения, приведенные в мемуарах Янушевского, имеют документальное подтверждение¹⁵¹⁰.

Вспоминая о своих предвоенных занятиях с офицерами Генерального штаба в Киевском военном округе, Янушевский писал о Петрове: «Энергичный, неутомимый спортсмен, всегда веселый, находчивый в сложных положениях, он давал основание ожидать, что при надлежащем руководстве из него выйдет прекрасный, полезный офицер Генерального штаба. Условия службы в русском довоенном Ген[еральном] штабе не представляли благоприятной почвы для развития тех отрицательных качеств, которые выразились в следующей, довольно близкой к действительности, характеристике генерала Петрова»¹⁵¹¹. Далее Янушевский процитировал мемуары Капустянского о Петрове, которые мы уже приводили выше.

Заигрывания Петрова с солдатской массой нашли отражение в карикатуре из украинского сатирического журнала «Колючки», изображавшей Петрова, танцующим вприсядку перед строем. С другой стороны, его поведение можно понять. Петров, по всей видимости, относился к категории «вундеркиндов», выдвинутых Гражданской войной. Именно так подобных ему выскочек презрительно именовали старые офицеры. Достаточно отметить, что Петров дослужился до генеральских чинов к 37 годам, причем прошел путь от капитана до генерала всего за шесть лет. Разумеется, никакого серьезного военно-административного опыта у него не было, но, как и у многих людей, сделавших стремительную карьеру в антибольшевистском лагере, было прекрасное понимание нюансов текущей политической конъюнктуры и сильное стремление любой ценой добиться популярности у солдат. О том, что Петров был склонен к демагогии, писал в 1923 г. еще один украинский генерал-генштабист, С.И. Дядюша. В одном из писем украинскому генералу-генштабисту В.А. Сигареву он отмечал: «Петров, имевший много лекций по администрации, военному искусству и тактике тех-

---

¹⁵⁰⁷ Непewность (укр.) — неблагонадежность.

¹⁵⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 217об.

¹⁵⁰⁹ Там же. Л. 220об.

¹⁵¹⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 3об.

¹⁵¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.

нических войск¹⁵¹², вчера уехал с женой и сыном (два месяца тому родился у него маленький демагог) в Прагу... Петров уехал демонстративно, буквально ни у кого не побывавши: ни у Удовиченко¹⁵¹³, ни у Куца¹⁵¹⁴, ни у меня, очевидно с[о]

¹⁵¹² Речь идет о преподавании Петрова на руководимых генералом Дядюшей ускоренных курсах подготовки штабных офицеров в украинском беженском лагере Калиш.

¹⁵¹³ Удовиченко (Удовыдченко) Александр Иванович (20.02.1887–19.04.1975) — из крестьян Черкасской волости Ливенского уезда Орловской губернии, родился в Харькове в семье офицера, личного дворянина. Воспитывался в детском приюте принца Ольденбургского, окончил реальное училище (1905), военно-топографическое училище, младший класс ускоренных курсов 1-й очереди Николаевской академии Генерального штаба (1917). Подпоручик (с 1908). Поручик. Штабс-капитан. Сотник (укр.). Войсковой старшина (укр.). Полковник (укр.). Генерал-хорунжий (укр., за боевые отличия, с 05.10.1920). Генерал-поручик (укр., не ранее 1927). Генерал-полковник (укр., не ранее 1954). В корпусе военных топографов. Исполнитель работ Киевской топографической съемки (1908–1914). Участник Первой мировой войны. В 129-м пехотном Бессарабском полку. Ранен. В штабе Юго-Западного фронта. Старший адъютант штаба III Кавказского корпуса. Старший адъютант штаба 21-й пехотной дивизии. Начальник штаба 21-й пехотной дивизии. Участник съезда солдат-украинцев 3-й армии в Несвиже, I и II Всеукраинских военных съездов. Участник украинизации III Кавказского корпуса. Председатель корпусной Рады (08–09.1917). Участник Гражданской войны. На службе в украинских войсках (16.12.1917–10.1919, 02.1920–1923). Помощник начальника оперативного отдела украинского Генерального штаба (с 16.12.1917). Сотрудник С.В. Петлюры. Начальник штаба Гайдамацкого коша Слободской Украины (01.1918). Командир 3-го Гайдамацкого полка (12.03–01.04.1918). Помощник начальника разведывательной части оперативного отдела Генерального штаба Украинской Державы (1918). Начальник отдела формирования Особой армии при ГУГШ (с 31.10.1918). Генерал-квартирмейстер Холмско-Галицийского фронта войск Директории (с 26.12.1918). Генерал-квартирмейстер Правобережного фронта Действующей армии УНР. Занимался координацией действий Галицийской и Надднепрянской армий против поляков. Начальник штаба Гуцульского коша Действующей армии УНР (с 03.1919). Начальник 16-го пехотного отряда Украинской галицийской армии (с 06.06.1919), сформированного из надднепрянских частей. Отряд переименован в 3-ю отдельную стрелковую дивизию (17.06.1919), позднее — 3-ю Железную стрелковую дивизию. Командир 3-й Железной стрелковой дивизии. Участник Вапнярской операции. Заболел тифом (10.1919). В белом плену (10.1919–02.1920). Находился в Одессе. С группой офицеров пешком прошел из Одессы в Могилев-Подольский. Сформировал и возглавил 2-ю стрелковую дивизию, переименованную в 3-ю Железную стрелковую дивизию (29.05.1920). Командовал 3-й Железной стрелковой дивизией (1920–1923). В эмиграции в Калише (Польша) и во Франции (с 1924). Член Высшего военного совета УНР (с 1921). Генерал-инспектор армии УНР. Во Франции работал на рудниках и заводах. Активно участвовал в общественной жизни украинской эмиграции. Глава Европейской федерации украинских военных организаций (с 1953). Умер в Ля Парк Мантенан под Парижем. Награды: Георгиевское оружие (приказ по 7-й армии 21.11.1917). Брат Николай (17.05.1885–20.07.1935) — генерал-хорунжий армии УНР.

¹⁵¹⁴ Куц Виктор Максимович (10.11.1878–21.11.1942) — родился в г. Александровске Екатеринославской губернии. Окончил Александровское городское трехклассное училище, Одесское пехотное юнкерское училище (1904), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1912). Подпоручик (со ст. с 09.08.1904). Поручик (со ст. с 10.08.1907). Штабс-капитан (со ст. с 10.08.1911). Капитан (со ст. с 10.08.1913). Подполковник (с 08.1916 со ст. с 06.12.1915). Войсковой старшина (укр., переименован из подполковников). Полковник (укр., с 10.1918). Генерал-хорунжий (укр., с 05.10.1920). На службе с 21.07.1900. В 15-м стрелковом полку. Участник Русско-японской войны. Прикомандирован к 60-му пехотному Замосскому полку на год для командования ротой (1913). В 15-м стрелковом Его Величества Короля Черногорского Николая I полку (на 1914). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант штаба 104-й пехотной дивизии (с 04.08.1915). Штаб-офицер для поручений при штабе IV Сибирского армейского корпуса (с 05.03.1916). Контужен (08.07.1917) и отравлен газами (10.07.1917). И.д. начальника штаба 121-й пехотной дивизии (с 14.08.1917). Начальник штаба 10-й Сибирской стрелковой дивизии (1917). Участник Гражданской войны. На службе в украинских войсках (13.06.1918–1927). Начальник оперативного отдела штаба I Волынского корпуса армии Украинской Державы (с 08.1918). Начальник штаба 13-й пехотной кадровой дивизии (с 13.11.1918). Начальник организационного отдела ГУГШ Действующей армии УНР (с 01.01.1919). Начальник разведывательной части разведывательного отдела штаба Действующей армии УНР (с 07.03.1919). Начальник штаба I действующего корпуса Действующей армии УНР (с 01.05.1919).

здешней ориентацией все рвет, тем более что у нас ходят сплетни, что в Праге они (с[оциалисты-]р[еволюционеры]) устраивают новый центр...»¹⁵¹⁵

Приведем еще одно, крайне важное для оценки личности генерала Петрова свидетельство Янушевского: «Работать с генералом Петровым было легко: он быстро схватывал мысль и ориентировался, не спорил о мелочах, как это обыкновенно бывает с людьми узкого кругозора. На протяжении нашей 10-месячной совместной на этот раз службы наши отношения ни разу не омрачались. Но, несмотря на прекрасные служебные отношения, между нами стояла непреодолимая стена — ненависть Петрова ко всему русскому, доходившая до хитрости его скрытность, а также чересчур уже явная его демагогия, которою он как бы даже щеголял. Он сам неоднократно отзывался о себе как о демагоге. Но причин этого я так и не узнал. Полагаю, что это “дань времени” и той среде, в которой мы находились; ибо там показная ненависть ко всему русскому считалась как бы признаком “хорошего, патриотического тона”. Будь в то время лейб-гвардии Литовский полк, не было бы украинского генерала Петрова, но был бы вполне корректный и лояльный гвардейский полковник Петров.

Как-то раз на обеде с польскими офицерами Генерального штаба в Калише 18 апреля 1922 года генерал Петров в застольной речи проговорился, что “главоверх Крыленко объявил его вне закона”. Быть может, этим объясняется до некоторой степени ненависть его ко всему русскому. Мне же лично эта ненависть не казалась искреннею: она, по-видимому, вызывалась желанием “загладить” большой свой грех в глазах украинских “левых демократических діячей”¹⁵¹⁶, могущий отразиться на его будущей карьере, — явно еще недавнюю службу в “царской гвардии”. А генерал Петров действительно был честолюбец и карьерист.

Но чего я никак не мог объяснить себе в характере и деятельности генерала Петрова, — это его какую-то болезненную страсть к слежке, шпионажу, к К[онтр]Р[азведке]. Он следил за всеми и всем: он знал, кажется, все, что делалось в табо-

---

Начальник штаба 1-й Северной дивизии Действующей армии УНР (с 02.06.1919). Начальник штаба Запорожской группы Действующей армии УНР (с 27.07.1919). Интернирован поляками (12.1919). Вр.и.д. начальника мобилизационного отдела ГУГШ УНР (с 19.03.1920). Начальник организационного управления ГУГШ (с 19.03.1920). 1-й генерал-квартирмейстер штаба Действующей армии УНР (с 07.07.1920). В эмиграции — в Польше. Начальник Генерального штаба УНР (22.06.1922–1927). Одновременно 2-й генерал-квартирмейстер штаба Действующей армии УНР (на 07.1922). Главный редактор военно-научного журнала «Табор» (08.1927–1939, Калиш–Варшава). Заместитель председателя (1924–1928), председатель (с 1928) правления украинской станицы в Калише. Начальник штаба военного министра УНР (1927). Делегат 2-го съезда украинской политической эмиграции в Польше (1928). Избран членом главного правления Украинского центрального комитета. Начальник учебной группы бывших офицеров украинской армии в Варшаве. Участник I международной конференции эмиграции в Праге, на которой представлял Украинский центральный комитет (06.1929). Глава ревизионной комиссии украинского военно-исторического товарищества (с 1931). Умер в Варшаве. Похоронен на православном кладбище Варшава-Воля. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Станислава 3-й ст. (19.05.1912), Св. Владимира 4-й ст. Соч.: Вступ до скороченого курсу стратегії // Табор. 1923. № 1. С. 1–14; Дух чи матерія // Там же. С. 24–32; Серпневі дні // Табор. 1930. № 14. С. 110–111; 21 листопада 1920 (уринок спомину) // Табор. 1930. № 14. С. 110–111; Два блиски // Календар Червоної Калини на 1929 рік. Львів, 1928. С. 105–107; Три спомини // Збірник пам’яті С. Петлюри. Прага, 1930.

¹⁵¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 47.

¹⁵¹⁶ Діяч (укр.) — деятель. Этим словом генерал Янушевский называет разделявших идеологию украинского национализма, но некавалифицированных политических и государственных деятелей.

рах¹⁵¹⁷, не исключая самых интимных подробностей семейной жизни. Для этого он имел при Генеральном штабе свою собственную КР...»¹⁵¹⁸ И так, по оценке офицера, прекрасно знавшего Петрова, его национализм был неискренним и вызывался карьерными соображениями. Впрочем, на Украине апологетическая биография Петрова недавно вышла в серии «Украинские государственники»¹⁵¹⁹. С другой стороны, подлинных и убежденных сторонников украинского национализма среди высших украинских офицеров периода Гражданской войны было немного, так что особого выбора для идеализации у современных поклонников этого движения нет.

Петров был, безусловно, знаковой фигурой для украинской военной эмиграции и одним из ее лидеров. Кроме того, он вполне может быть отнесен к числу наиболее радикально настроенных украинских националистов из числа бывших офицеров русской армии и офицеров Генерального штаба, оказавшихся во время Гражданской войны в украинских вооруженных формированиях. Генерал В.Н. Петров не был украинцем по происхождению, а являлся потомком обрусевших шведов и норвежцев, живших на территории Малороссии. Его прадед попал в русский плен как раз во время Северной войны и в честь царя Петра получил фамилию Петров, возможно, этим отчасти объясняются симпатии В.Н. Петрова к Карлу XII¹⁵²⁰. Ни происхождение, ни русская фамилия, ни служба офицером в русской армии не способствовали инкорпорированию Петрова в среду украинских националистов. Возможно, поэтому он был столь радикален во многих своих высказываниях, а для подчеркивания собственной «щирости» в эмигрантских кругах Петров любил ходить в украинской «вышиванке». В 1927 г. он был включен в число свидетелей на знаменитом судебном процессе по делу Ш. Шварцбарда, застрелившего С.В. Петлюру¹⁵²¹. По своим взглядам генерал Петров был украинским националистом, что сочеталось с его социалистическими взглядами. Идеалом государственного устройства для Петрова была трудовая республика¹⁵²². Возможно, по этой причине в годы Второй мировой войны он активно поддержал политику германских национал-социалистов во главе с А. Гитлером. По мнению Петрова, которое он высказывал весной 1943 г., если бы Гитлер был у власти в Германии в 1918 г., то украинцы не оказались бы в эмиграции¹⁵²³.

В эмиграции как один из старших и наиболее авторитетных украинских офицеров Петров часто получал приглашения выступить на различных украинских торжественных мероприятиях. Он по-прежнему увлекался гимнастикой, участвовал в сокольском движении, занимался преподавательской работой и много печатался, работал над военно-научными, военно-историческими трудами, воспоминаниями, занимался публицистикой, которая дает полное представление о его политических убеждениях, писал стихи и даже сказки. Публикации Петрова выходили в издававшихся в эмиграции украинских газетах и журналах: «Лето-

---

¹⁵¹⁷ Речь идет об украинских беженских лагерях в Польше.

¹⁵¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 118об.–119.

¹⁵¹⁹ *Сергійчук В.* Всеволод Петрів. К., 2008.

¹⁵²⁰ Там же. С. 7–8.

¹⁵²¹ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

¹⁵²² ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 2. Д. 3. Л. 10.

¹⁵²³ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 130. Л. 44.

пись червонной калины», «Дело», «Литературно-научный вестник», «Луговик», «Днипро», «Свобода», «Украинский голос» и многих других. Петров серьезно занимался вопросами военной географии, следил за развитием военной мысли. Одной из своих задач Петров видел подготовку того, что можно назвать украинским «Генеральным штабом», к возможной вооруженной борьбе за интересы Украины¹⁵²⁴.

Нередко он печатался под псевдонимами: «Гордієнко та не Кость» (как бывший командир полка им. К. Гордиенко) и «Всеволод Лясиченко». Петров также состоял членом Украинского института общественнознания, с 1923 г. был лектором физической подготовки Украинского высшего педагогического института им. Драгоманова в Праге¹⁵²⁵, состоял в украинском военно-научном товариществе и был одним из его руководителей¹⁵²⁶. На 1939 г. был учителем гимнастики в одной из гимназий¹⁵²⁷.

Семья Петрова, оставшаяся в СССР, подверглась репрессиям¹⁵²⁸. Дочь Петрова Злата, не имевшая около двух десятилетий вестей от отца, открыто радовалась приходу немцев и писала отцу из Киева 13 ноября 1941 г.: «Хотя сегодня тяжело приходится, но сознание того, что мы уже избавились от опеки “родного отца Сталина”, так окрыляет к новой жизни и новой работе, что сердце бьется от счастья и хочется работать и работать на пользу нашей обновленной Неньки Украины»¹⁵²⁹.

В годы Второй мировой войны Петров в качестве военного министра вошел в состав украинского правительства, провозглашенного летом 1941 г. Организацией украинских националистов С. Бандеры во Львове. Петров возлагал большие надежды на гитлеровскую Германию, принимал активное участие в переговорах с нацистами. В это время в эмигрантских кругах Петрова прочили на пост главы украинского правительства¹⁵³⁰.

В изгнании Петров занялся изучением украинской военной истории начала XVIII в., выступал с докладами на эту тему. Событиям Северной войны посвящен его очерк «Московско-украинская война 1708–1711 гг.», составленный им в Чехословакии летом 1926 г.¹⁵³¹ Итак, что же писал генерал Петров о Северной войне? В каком ключе рассматривал ее события? Прежде всего, все происходившее в XVIII в. генерал Петров пропускал сквозь призму своего жизненного пути и воспоминаний о Первой мировой, революции и Гражданской войне, видел в событиях прошлого конкретный практический опыт для украинских националистов. Метания гетмана И. Мазепы Петров оправдывал тем, что и в XX в. многие государства лавировали между различными блоками¹⁵³². Сопоставляя украинские

¹⁵²⁴ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 127. Л. 97.

¹⁵²⁵ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 124. Л. 44, 54; Д. 125. Л. 11.

¹⁵²⁶ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 381. Л. 1; Оп. 2. Д. 159. Л. 88об.

¹⁵²⁷ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 19.

¹⁵²⁸ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 129. Л. 155–155об.; *Сергійчук В.* Всеволод Петрів. С. 279–280.

¹⁵²⁹ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 129. Л. 155об.–156.

¹⁵³⁰ Там же. Л. 75.

¹⁵³¹ Машинописный экземпляр очерка с автографом Петрова хранится в ЦДАВОУ (Ф. 3947. Оп. 1. Д. 5а. Л. 60–80). Впервые опубликован В. Сергійчуком в сб.: На пошану 80-річчя професора Теодора Мацьківа: Науковий збірник. Київ, 1999. С. 122–147.

¹⁵³² *Петрів В.* Військово-історичні праці: Спомини. К., 2002. С. 186.

формирования XVIII и XX вв., Петров находил много общего, считая эти армии передовыми армиями всенародного типа.

По мнению генерала, национальное освобождение украинского народа невозможно без участия широких народных масс, без выдвижения социальных лозунгов, без популярных демократических лидеров. При этом, по мнению Петрова, гетман И. Мазепа стремился вести войну под социальными лозунгами, тогда как они не были популярны¹⁵³³. Обратим внимание на название его работы, значительно отличающееся от общепринятого представления, согласно которому украинско-московской войны как таковой в это время все же не было, а лишь сравнительно небольшая часть казаков во главе с Мазепой перешла на сторону шведов. Между тем Петров писал, что украинцы составляли 40% армии Карла XII в полтавский период¹⁵³⁴.

Разумеется, вину за возникновение русско-украинского противостояния Петров возлагал на Москву, которая нарушила Переяславский договор 1654 г. Москва, полагал Петров, лишь использовала украинцев и украинские территории в своих интересах, проводила русификацию, а московские гарнизоны якобы творили произвол. Хронологические рамки украинско-московской войны Петров определял как период 1708–1711 гг. Выдавая желаемое за действительное, Петров стремился показать, что Москвой на Украине в тот период якобы все были недовольны¹⁵³⁵. В работах Петрова есть и масса других откровений. Например, что Москва разрушала и уничтожала все украинское, а шведы, наоборот, не разрушили ни одного украинского города¹⁵³⁶. Конечно, генерал явно тенденциозен в этом вопросе и, видимо, намеренно не упоминает факты террора шведов на Украине, не укладывающиеся в его концепцию. Вопреки исторической действительности Петров писал, что 6000 украинских казаков бились на полтавском поле¹⁵³⁷. Петров призывал на основе опыта прошлого осторожнее относиться к внешним союзным силам, чтобы борьба при помощи союзников не вызвала освободительную борьбу против союзников. Ответственность за поражение в войне Петров возлагал на Карла и Мазепу. Последний, по его мнению, отличался нерешительностью. Полтавский разгром Петров считал скорее разгромом украинцев, чем шведов. Одним из ключевых постулатов Петрова было то, что Москва завладела Украиной насильственным путем. Думается, этот тезис был весьма важен для русофобской идеологии украинского национализма. Всячески пытался Петров принизить и полководческое искусство Петра I. Например, он писал, что Петр уступал в этом Богдану Хмельницкому, поскольку все силы концентрировал в одном месте, не оставляя ничего для глубоких охватов¹⁵³⁸.

В работах Петрова проскальзывает неприкрытая ненависть ко всему русскому, т.е. к тому, что окружало автора до 1917 г., когда он никак не демонстрировал свою приверженность идеалам украинского национализма. Петров «в своей ненависти, кажется, не знает границы», — писал о нем в 1924 г. один из украинских

---

¹⁵³³ Там же. С. 187.

¹⁵³⁴ Там же. С. 25.

¹⁵³⁵ Там же. С. 188–189.

¹⁵³⁶ Там же. С. 196.

¹⁵³⁷ Там же. С. 200.

¹⁵³⁸ Там же. С. 169.

офицеров-эмигрантов¹⁵³⁹. И это действительно так. Сохранились схемы, которые готовил Петров к своим публикациям по истории Северной войны, — например, схема действий в районе Полтавы в 1709 г. Весьма показательны условные обозначения этого чертежа — запорожцы, шведы, Скоропадский, москали¹⁵⁴⁰. В характеристике поручика В. Филоновича Петров отметил, что тот бежал с белыми москалями от москалей червонных¹⁵⁴¹. Таким образом, для Петрова, как, в частности, и для другого видного украинского военного деятеля генерала А.И. Удовиченко¹⁵⁴², не было красных и белых, а существовали лишь две разновидности москалей.

В октябре 1941 г., когда немцы были под Москвой, он поспешил в одной из украинских газет, выходивших в Польше, написать о том, что поражение СССР во Второй мировой войне является историческим фактом. Радости генерала-эмигранта не было предела, поскольку «темные людские массы» СССР прежде угрожали жизни Европы¹⁵⁴³. Петров прямо заявлял: «Москва, сунувшаяся в Европу после победы под Полтавой над северным вождем Карлом XII и его союзником нашим гетманом Мазепой, ныне отброшена фюрером Великой Германии далеко от влияния на европейскую жизнь, и нужно верить, что навсегда»¹⁵⁴⁴. Генералу очень хотелось верить, что украинцы еще во времена Мазепы осознали угрозу, которую несла человечеству Россия, и боролись с ней уже тогда, а теперь эту миссию выполняет нацистская Германия. Кстати, неудивительно, что примерно в этот период Петров писал о поддержке большевиков со стороны мирового еврейства¹⁵⁴⁵.

В другой, анонимной, статье «Правдивое обличье Москвы» в той же газете «Кравковские вести», по всей видимости, Петров печатал и вовсе удивительные излияния. Он вновь пишет о том, что при Петре московские орды сунулись на Украину и разрушили столицу в Батурине, так же как и в 1918 г. советские орды М.А. Муравьева пришли в Киев¹⁵⁴⁶. Аналогия весьма сомнительная. Из этой аналогии Петров выводит тезис о том, что историческое предназначение Москвы — «дух разрушения, жажда истреблять и резать, — вот, что характеризует ее в ходе столетий, за все время ее существования»¹⁵⁴⁷. Москва, полагал Петров, приняла на себя духовное наследие азиатских орд. «Эта Москва, неизменная и последовательная в своей злодейской акции, является вечным врагом Украины, Европы, порядка, культуры»¹⁵⁴⁸. Петров считал, что литература на «московской мове» разлагает украинскую молодежь¹⁵⁴⁹, писал о примитивности россиян¹⁵⁵⁰. Ознакомление с некоторыми публикациями Петрова оставляет впечатление едва ли не животной, болезненной русофобии. Кажется, что перед нами не представитель военной элиты дореволюционной России, получив-

¹⁵³⁹ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 92.

¹⁵⁴⁰ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 127. Л. 57.

¹⁵⁴¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 168. Л. 140.

¹⁵⁴² Удовиченко О.І. Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил 1917–1921. К., 1995. С. 127–128.

¹⁵⁴³ Петрів В. Військово-історичні праці: Листи. К., 2004. С. 170–171.

¹⁵⁴⁴ Там же. С. 172 (перевод наш).

¹⁵⁴⁵ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 129. Л. 58.

¹⁵⁴⁶ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 132. Л. 62об.

¹⁵⁴⁷ Там же.

¹⁵⁴⁸ Там же.

¹⁵⁴⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 163. Л. 5.

¹⁵⁵⁰ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 2. Д. 3. Л. 25.

ший в России и воспитание, и возможность сделать блестящую карьеру, и положение в обществе, а какой-то средневековый варвар. Самое интересное, что позиция Петрова не вызвала ни возмущения, ни удивления в украинской эмиграции. Так что есть все основания полагать, что другие украинские эмигранты, тем более если речь идет о военной эмиграции, немногим отличались по своим взглядам от Петрова.

Однако ненависть — плохой советчик, и генерал Петров в своих суждениях эпохи Второй мировой жестоко просчитался. В конце войны ему пришлось бежать с насиженных мест в Западную Германию, чтобы не попасть в плен не пожелавшей остаться на европейских задворках Красной армии. Спустя три года Петров, с сознанием полного крушения всех надежд, умер в беженском лагере Регенсбург в Западной Германии.

Интересно понять причины возникновения такого восприятия истории, которое содержится в статьях и рукописях генерала Петрова — в общем-то человека русской культуры. Каким образом такой махровый русофоб мог оказаться в корпусе офицеров Генерального штаба, попав в эту элитную внутриармейскую корпорацию? Насколько вообще лояльны власти и патриотичны были офицеры-генштабисты? Единственным объяснением является, что называется, не врожденная, а приобретенная после 1917 г. по карьерным соображениям русофобия Петрова. К сожалению, карьеризм был одним из главных пороков офицеров-генштабистов русской армии. Именно поэтому в их среде и встречались люди вроде Петрова.

Вступив по каким-то соображениям на путь украинизации в 1917 г., в период Гражданской войны и после нее Петров сознательно порвал всякие связи с Россией, прежним кругом общения и стремился инкорпорироваться в украинскую военно-политическую среду для успешного продвижения по карьерной лестнице уже в ее рамках. Признаком лояльности идеалам украинской государственности и была оголтелая русофобия, которую генерал постоянно демонстрировал в своих эмигрантских публикациях. Таким образом, перед нами уже не русский офицер, а один из наиболее рьяных проводников идей украинского национализма.

Разумеется, работы генерала Петрова о Северной войне и военной истории XVII–XVIII вв. нельзя назвать академическими, хотя некоторые из них и претендуют на научность. Тем не менее в этих трудах в полной мере отразились те установки, взгляды и оценки, которые были характерны для идеологии украинского национализма в эмиграции. Некоторые из этих взглядов, хотя и в более умеренном выражении, находят свое отражение и логическое продолжение в современной украинской национальной историографии. Конечно, для украинского национального самосознания всегда остро стоял вопрос с кем быть — с Россией или с Европой. Традиционно эти два полюса ориентации противопоставлялись, хотя такое противопоставление, в значительной степени, было искусственным. Идеология радикального украинского национализма неизбежно поднимала на щит идею того, что Украина является неким форпостом, ограждающим западный мир от азиатских орд, угрожающих ему из России. Во времена генерала Петрова речь шла о союзе против этой вымышленной угрозы с «фюрером Великой Германии», а вполне прозрачные параллели сегодняшнего дня в представлении не нуждаются. Однако с современных позиций подлинным форпостом европейского благополучия и гарантом спокойного развития в XVIII–XX вв. была Россия.

За что расстреляли ординарца Скобелева?

Гибель полковника И.С. Кашубы
на архангельском Севере*

Проблема репрессий эпохи Гражданской войны продолжает привлекать к себе внимание исследователей. Важной составляющей современного этапа изучения этой темы является введение в научный оборот новых документальных материалов, многие из которых еще совсем недавно не только были недоступны даже специалистам, но и продолжали оставаться засекреченными. В архиве регионального управления ФСБ РФ по Архангельской области мне удалось ознакомиться со следственным делом в отношении полковника Генерального штаба И.С. Кашубы, проливающим свет на советскую репрессивную политику и практику в отношении участников Белого движения в 1920 г. и раскрывающим неизвестные страницы биографии одного из русских офицеров-генштабистов. Прежде чем перейти к анализу материалов этого дела, нужно представить себе ту обстановку, в которой оказалось возможным его возникновение.

Итак, морозным утром 19 февраля 1920 г. белые эвакуировали Северную область, отправившись из Архангельска на ледоколе «Козьма Минин» и паровой яхте «Ярославна» в изгнание. Эвакуация белых не была заранее подготовлена и скорее напоминала позорное бегство, а число желавших уехать существенно превышало количество мест на этих судах. В итоге тысячи солдат и офицеров были вынуждены остаться, а эвакуировались, прежде всего, чины штаба главнокомандующего генерала от кавалерии Е.К. Миллера, родственники и знакомые белого командования, личная охрана Миллера из датских солдат, а также архангельские купцы и спекулянты, получившие места за взятки¹⁵⁵¹.

Уже 21 февраля части Красной армии вошли в Архангельск. Несмотря на впечатляющие успехи красных в борьбе со своими противниками, ситуация как на Севере, так и в целом по стране продолжала оставаться нестабильной, Гражданская война шла на нескольких фронтах, а Север был переполнен бывшими белыми офицерами и солдатами, которые в любой момент могли попытаться восстановить здесь антибольшевистский фронт.

---

* Впервые опубликовано в сокращении: Родина. 2011. № 1. С. 116–120. В настоящем издании публикуется полный вариант статьи. Выражаю благодарность д.и.н., проф. В.И. Голдину, к.и.н. А.Н. Терехиной (Архангельск) и архивной группе регионального управления ФСБ РФ по Архангельской области и лично Н.Г. Галкину и Н.А. Дудолодовой.

¹⁵⁵¹ *Сokolov B.Ф.* Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 66.

По этим достаточно весомым для большевиков причинам новая власть сразу взялась за наведение своего, революционного, порядка. Активно выявлялись реальные и потенциальные контрреволюционеры, осуществлялась скорая расправа. Чекисты действовали жестко, бескомпромиссно и решительно. По всей видимости, чекистское руководство считало, что лучше перестраховаться и расстрелять больше, чем кого-то упустить и потом расхлебывать последствия недосмотра. К сожалению, уровень подготовки многих сотрудников ЧК тогда оставлял желать лучшего, в результате чего под гребенку репрессий постоянно попадали невинные люди, а особых доказательств, чтобы расстрелять человека, тогда не требовалось, достаточно было подозрений или самого факта службы у белых.

Именно поэтому многих из тех, кто не успел или не пожелал эвакуироваться за границу с Миллером, ждала тяжелая участь. Немало белых офицеров, попав в плен, подверглись преследованиям. Из Архангельска некоторое время никого не выпускали для проведения регистрации офицеров (а затем еженедельных перерегистраций) и репрессий. Даже несмотря на нехватку таких специалистов в Советской России, репрессии не обошли стороной представителей дореволюционной военной элиты — выпускников Николаевской академии Генерального штаба. В феврале–марте 1920 г. были расстреляны штабс-ротмистр Л.П. Червинский и генерал-лейтенант П.М. Баранов, в сентябре — полковник И.С. Кашуба, несколько позднее, после годичного пребывания под арестом, — полковники Н.А. Волков и Л.В. Костанди. При попытке перебраться в Финляндию в районе Онеги была арестована и этапирована в Москву супруга генерала от инфантерии С.С. Саввича¹⁵⁵². Задержана была и супруга генерал-лейтенанта Н.А. Клюева¹⁵⁵³. Судьбы этих женщин неизвестны.

Герой нашего очерка полковник Иван Степанович Кашуба, если верить его следственным показаниям, был из числа тех белых офицеров, которые решили остаться в России добровольно, чтобы продолжать приносить своими знаниями и опытом пользу своей стране. Однако знания и опыт Кашубы новой власти оказались не нужны.

Через день после вступления красных в Архангельск, 23 февраля, теперь уже бывший полковник должен был заполнить анкету пленного, в которой указал, что ему 62 года, родился он в Старой Руссе, русский, бывший дворянин, выпускник 1-й Петербургской военной гимназии, Николаевской академии Генштаба и курсов восточных языков. При белых служил начальником Архангельской местной бригады в чине полковника. До Гражданской войны работал контролером по стройке Мурманской железной дороги (после выхода в отставку в 1907 г.), затем работал в англо-русском товариществе судостроительных заводов. В старой армии служил командиром 4-го Заамурского железнодорожного батальона. В советских учреждениях и РККА не служил, а в Северную область прибыл из Мурманска для проезда домой, в Старую Руссу, причем столь странный маршрут ничем не объяснял. Проживал на Соловецком подворье Архангельска в квартире 10¹⁵⁵⁴.

---

¹⁵⁵² Там же. С. 89.

¹⁵⁵³ Там же. С. 64.

¹⁵⁵⁴ На ноябрь 1918 г. — там же, кв. 22 (Регистрационный лист № 490 от 28.11.1918 г. (РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 64. Л. 135а)).

В графе о составе семьи Кашуба написал, что жене его 51 год, дочери — 22, сыну — 16¹⁵⁵⁵. Кашуба был женат на дочери черниговского помещика Валентине Георгиевне Янжул. Семья находилась в Ялте (т.е. на еще не подконтрольной красным территории Крыма). Других близких, согласно анкете, у Кашубы в живых не было¹⁵⁵⁶. На следующий день бывшего полковника арестовали.

Однако вскоре Кашуба был освобожден. Казалось, новая власть поверила пожилому офицеру. 10 марта его даже взяли на службу в Архангельский губвоенкомат исполняющим обязанности начальника административной части административно-мобилизационного отдела. Весь март Кашуба занимался организацией административной части и штудировал приказы РВСР. Кроме того, Кашубе, несмотря на его белогвардейское прошлое, была почему-то доверена регистрация бывших офицеров¹⁵⁵⁷. Однако доверие со стороны советской власти оказалось непродолжительным. 19 мая Кашуба был вновь арестован. Случилось это у него на квартире по приходе из гостей, причем на этот раз последствия ареста для него были куда более серьезными и трагическими.

Прежде чем перейти к анализу дела Кашубы, необходимо вкратце остановиться на его биографии до 1920 г., поскольку известные нам материалы дают представление как о жизненном пути нашего героя, так и о его взглядах и убеждениях, что имеет уже непосредственное отношение к исходу его следственного дела.

Кашуба был не совсем обычным человеком и офицером. Он не относился к тем людям, которые ступенька за ступенькой поднимаются по карьерной лестнице военной службы. Значительная часть его жизни прошла в метаниях и поисках. Кашуба родился 27 января 1858 г. в г. Старая Русса Новгородской губернии в православной семье, причем его предки происходили из Черниговской губернии. Выбрав военную карьеру, Кашуба окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1875) и 1-е Павловское военное училище по 1-му разряду (1877)¹⁵⁵⁸. Однако служба его проходила почему-то в артиллерии, начавшись во 2-й батарее 16-й артиллерийской бригады. В июне 1877 г. наш герой был произведен в чин прапорщика артиллерии. В составе батареи он получил свое боевое крещение еще в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Участвовал в переправе через Дунай у Систово, за что был позднее награжден румынским железным крестом, затем состоял в Скобелевском летучем отряде, участвовал в обложении Ловчи летом 1877 г., в общей рекогносцировке генерала М.Д. Скобелева под Ловчей и в бомбардировке этого города. Наконец, 22 августа Кашуба принял участие в штурме и взятии города, а 26 августа участвовал в составе Скобелевского летучего отряда в отбитии сил противника, подошедших на помощь ловчинскому гарнизону. После этого Кашуба перешел в плевненский отряд и участвовал в неудачном третьем штурме Плевны 30 августа 1877 г. Во второй половине сентября Кашуба нес ординарческую службу при Скобелеве, после чего вновь участвовал в осаде Плевны до самого взятия города 28 ноября 1877 г. После падения Плевны Кашуба вместе со своей батареей участвовал в пере-

---

¹⁵⁵⁵ Дочь Кашубы Валентина родилась 2 мая 1898 г., сын Валерий — 1 января 1904 г.

¹⁵⁵⁶ ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 6. Д. 4. Л. 125.

¹⁵⁵⁷ Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-18404. Л. 345.

¹⁵⁵⁸ Регистрационный лист № 490 от 28.11.1918 г. (РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 64. Л. 135а).

ходе через Балканы у вершины Св. Николая 10 января 1878 г., а затем дошел до Адрианополя и Сан-Стефано и даже занимал с батареей позицию под Константинополем до заключения перемирия 19 февраля 1878 г. После перемирия была служба в оккупационном корпусе и даже командировка из-под Сан-Стефано в Рущук за зарядными ящиками весной 1878 г. Наконец, в июле Кашуба со своей батареей на пароходе покинул пределы Турции. В сентябре 1878 г. прапорщик Кашуба был произведен в подпоручики, в октябре 1879 г. — в поручики, а в сентябре 1881 г. поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, но учеба пошла неудачно, и в 1882 г. он был откомандирован обратно в свою батарею. С августа 1884 г. Кашуба состоял в запасе, а в апреле 1886 г. вернулся на службу в 3-ю батарею 16-й артбригады, причем уже на следующий год был командирован для слушания курса восточных языков при Азиатском департаменте МИДа, куда поступил по выдержании экзамена. На курсах Кашуба изучил турецкий и персидский языки. Учеба завершилась в 1890 г., после чего штабс-капитан Кашуба был назначен в распоряжение командующего войсками Кавказского военного округа. С осени 1890 г. началась двухлетняя служба на посту старшего чиновника для особых поручений при эриванском губернаторе. Тем не менее Кашуба был достаточно амбициозен, чтобы вновь попытаться счастья в академии Генштаба, куда он во второй раз поступил в 1892 г. По окончании в 1895 г. курса по 2-му разряду он был направлен в распоряжение командующего войсками Закаспийской области и назначен по военно-народному управлению населением, но в сентябре 1895 г. прикомандирован ко 2-му Закаспийскому железнодорожному батальону. С этого времени на многие годы деятельность капитана (с октября 1895 г.) Кашубы оказалась связана с железнодорожным строительством и перевозками. С 1896 г. Кашуба командовал 2-й ротой батальона, а с 1899 г. уже в чине подполковника стал помощником командира 1-го Закаспийского железнодорожного батальона. Заниматься приходилось самыми разнообразными вопросами. В частности, приемкой железнодорожного имущества от Военного министерства в ведение Министерства путей сообщения.

В 1903 г. Кашуба был произведен в полковники и получил назначение на должность командира 4-го Заамурского железнодорожного батальона, который он перед этим и сформировал. Служба проходила на линии КВЖД, где Кашуба обустроивал свой батальон. С началом Русско-японской войны батальон был переформирован из 3-ротного в 6-ротный состав. Для Кашубы началась трудная работа. Приходилось не покладая рук заниматься эвакуацией железнодорожного имущества, восстановлением телеграфного сообщения, иногда под огнем противника вывозить раненых. Кашуба лично руководил эвакуацией станций Инкоу, Дашичао, Ляоян и Мукден. 22 августа 1904 г. он под огнем противника руководил вывозом вагонов с имуществом Красного Креста со станции Ляоян¹⁵⁵⁹. В бою на реке Шахэ руководил поездом, вывозившим раненых непосредственно с поля сражения под артиллерийским и ружейным огнем. Наконец, Высочайшим приказом от 23 июня 1907 г. Кашуба по собственному желанию уволился в отставку с окладом пенсии в 1996 руб. За годы службы Кашуба был награжден орденами

---

¹⁵⁵⁹ Послужной список. Составлен со слов Кашубы 19.10.1918 г. (РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 118. Л. 185об.).

Св. Анны 2-й степени с мечами, 3-й степени и 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й и 3-й степеней, черногорским крестом Св. Даниила I 4-й степени, бухарской золотой звездой 4-й степени, светло-бронзовой медалью в память русско-турецкой войны 1877–1878 гг., бронзовой медалью за участие в переписи населения, серебряной медалью в память царствования императора Александра III и черногорской светло-бронзовой медалью за участие в русско-турецкой войне¹⁵⁶⁰. Достойным итогом стал орден Св. Владимира 4-й степени с бантом за 25 лет беспорочной службы¹⁵⁶¹. Стоит отметить, что Кашуба некоторое время владел участком земли в окрестностях Самары, что впоследствии дало основание чекистам считать его помещиком.

Вновь на службу он устроился 1 февраля 1913 г. вольнонаемным помощником контролера Риго-Орловской железной дороги, однако уже в марте следующего года перевелся на ту же должность на строящуюся Мурманскую железную дорогу. Там он проработал до начала 1918 г., причем с марта по июнь 1915 г. служил секретарем контроля дороги. Фактически не участвуя в Первой мировой войне, Кашуба был рьяным германофобом. В деле сохранились его антинемецкие стихи. Например, в 1914 г. в Петрограде он написал «Призыв к борьбе», где содержались такие строки:

Так будем же помнить мы, братья по делу,
Что, близкие сердцу, герои солдаты,
Последнюю кровь проливая по телу,
Питают надежду, что их же собратья
Докончат врага и внутри государства.

Антинемецкие настроения в стихах офицера-генштабиста проявлялись и в мае 1918 г., когда им в Мурманске было написано стихотворение «Предсказание». В то же время Кашуба восторженно воспринял революционные события начала 1917 г. 2 марта 1917 г. он написал стихотворение «Цепи сорваны»:

И час пробил. Воспрянул Росс... Велик и силен он могуч.
Лелея сладкую мечту, в защиту прав своих поднялся.
Прекрасен лик и смелый шаг... Но взор его мрачнее туч...
Терпел века, вдруг сбросил цепь. Решил, — и у креста поклонился.

Потоком бурным пронеслась стена рабочих и солдат;
Два дня прошло, и плод веков в одно мгновение распался.
Не видно крови пролитой, неузнаваем Петроград.
Как дым исчез весь прежний строй, лишь только легкий след остался.

Разумеется, Кашуба тогда не мог предполагать, что вскоре и сам станет одной из жертв воспетой им революции.

Началом 1918 г. датировались последние сведения Кашубы о своей семье. О том, как он оказался в Архангельске, Кашуба показал на допросе 21 июля

¹⁵⁶⁰ Там же. Л. 182об.

¹⁵⁶¹ Регистрационный лист № 490 от 28.11.1918 г. (РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 64. Л. 135а).

1920 г.: «До февраля (в послужном списке — до января. — А.Г.) 1918 г. я служил в Петрограде в Контроле по постройке Мурманской жел[езной] дороги. Отчасти недоедание и болезнь печени заставило меня бросить службу в контроле и поступить по найму в Русско-английское Т[оварищес]тво судостр[оительных] заводов в Мурманске, но т.к. Т[оварищес]тво не могло осуществить своих проектов, я был вынужден искать кусок хлеба на родине своей в г. Старой Руссе Новгородской губ., где, казалось мне, осталась какая-либо связь, чтобы пристроиться к какому-либо учреждению, но, несмотря на все мои попытки пробраться в Старую Руссу через Петроград, этого сделать не удалось. Единственный знакомый человек в Мурманске оказался генерал Звегинцев, с братом которого я был в академии Генерального штаба.

Звегинцев дал возможность выехать в Арх[ангельск]. Запас денег подходил к концу, и мне угрожало оказаться без места и хлеба. Это было, кажется, 3–4 июля 1918 г., после чего мне скоро удалось отправиться в Арх[ангельск], куда я прибыл в средних числах июля»¹⁵⁶². При таких обстоятельствах для бывшего полковника-генштабиста началась Гражданская война.

Итак, на военную службу Кашуба попал только летом 1918 г. по приглашению начальника русских сил Мурманского края генерал-майора Н.И. Звегинцова (Звегинцева), много сделавшего в той переменчивой и неясной обстановке для создания на Мурмане русских вооруженных сил. В послужном списке поступление Кашубы на военную службу датировано лишь 17 июля 1918 г., что вносит существенные коррективы в его показания. Видимо, сам того не зная, Кашуба оказался на службе в антибольшевистских формированиях на Мурмане. Впрочем, конкретного назначения он тогда еще не получил. По распоряжению Звегинцова Кашуба выехал в красный Архангельск, куда прибыл не в середине месяца, как в показаниях, а 21 июля и занялся, очевидно, подпольным формированием и подготовкой создания штаба армии Мурманского края. В ночь на 2 августа в Архангельске в связи с приближением союзников произошел антибольшевистский переворот, власть большевиков пала, а наш герой уже 7 августа 1918 г. получил назначение на должность начальника канцелярии военного отдела Верховного управления Северной области (ВУСО) с месячным жалованием в 750 руб. (на октябрь 1918 г. — 700 руб.¹⁵⁶³).

Но чекистов больше интересовала не военная служба Кашубы у белых, а те люди, с которыми он жил и общался вне службы. На допросе арестованный показал: «Арх[ангельск] для меня город незнакомый, из разговоров с публикой парохода я узнал, что легче всего отыскать квартиру можно было в Соловецком подворье.

Настоятель подворья отец Серафим посоветовал мне остановиться в кв[артире], занятой С.И. Коржавиным, где кроме [н]его никого не было.

Это было первое мое знакомство в Архангельске.

Ввиду того, что я христианин, я был очень доволен, что мог при помощи С.И. Коржавина, заведыв[ающего] лавкой О[бщес]тва люб[ите]лей духовного просвещения, ознакомиться с духовной литературой, с которой я был очень мало знаком.

¹⁵⁶² Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-18404. Л. 136–136об.

¹⁵⁶³ РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 118. Л. 182об.

Со времени Февральской революции я задался целью писать историю революционных движений в России по возможности с объективной стороны, для чего приобретал по мере сил и возможности книги, касающиеся револ[юционного] движ[ения] в России, и попутно с этим для всестороннего освещения текущих событий попадались разные брошюры и карточки-открытки, тесно связанные с ходом революции с бытовой стороны.

С Коржавиным установились чисто религиозные отношения, т.к. друго[го] от него я ничего не мог вынести.

Мне он нравился как человек очень порядочный, некорыстолобивый, что в данное время мною очень высоко ценилось.

Никуда не выходя из дому, я усердно занялся только лишь чтением церковных сочинений.

Вскоре я познакомился и с его братом В.И. Коржавиным, знатоком Священного писания»¹⁵⁶⁴.

Нежданно-негаданно для бывшего генштабиста Архангельск превратился в очаг одного из антибольшевистских фронтов. В изложении Кашубы произошло это так: «Числа около 30 июля я заметил тревожное состояние в Архангельске, не желая принимать какое бы то ни было участие в политической жизни, я счел нужным перебраться в деревню Н. Ладино, где по слухам через несколько дней узнал об оставлении Архангельска сов[етской] властью.

Прожив с неделю в деревне, я выехал в город, полный тревожных ожиданий. Душевное состояние было настолько тяжело, что я не находил себе места. 7го августа я встретил Звегинцева, который упросил меня посодествовать в формировании канцелярии. Я долго не соглашался, но ввиду отсутствия денег я был вынужден принять»¹⁵⁶⁵. Указание на то, что Кашуба долго не соглашался, кажется несколько преувеличенным, особенно если учесть, что в тот же день он уже числился на этом посту. Сам Звегинцов 7 августа занял пост управляющего военным отделом ВУСО и пробыл в этой должности до начала октября.

Так, если верить Кашубе, вроде и не вполне добровольно, началась его служба белым. Впрочем, бывший офицер, очевидно, сгушал краски, чтобы не выглядеть сознательным белогвардейцем. С 1 сентября 1918 г. Кашуба числился запасным членом особого военного суда¹⁵⁶⁶. Одновременно являлся начальником строевого отделения военного отдела ВУСО. Уже 15 сентября Кашуба по еще одной своей должности начальника канцелярии разработал для ВУСО важный доклад о временных штатах военного отдела¹⁵⁶⁷. С 6 октября 1918 г. он стал членом комиссии по розыску и регистрации казенного имущества при управлении командующего войсками Северной области¹⁵⁶⁸. Позднее он занял пост председателя этой комиссии, а с 1 февраля 1919 г. был назначен начальником Архангельской местной бригады¹⁵⁶⁹.

¹⁵⁶⁴ Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-18404. Л. 136об.–137.

¹⁵⁶⁵ Там же. Л. 137–137об.

¹⁵⁶⁶ Приказ войскам Северной области № 20 от 06.10.1918 г.

¹⁵⁶⁷ Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-18404. Л. 130–130об.

¹⁵⁶⁸ Приказ войскам Северной области № 22 от 06.10.1918 г. (ГААО. Ф. И-32. Оп. 5. Д. 1. Л. 47).

¹⁵⁶⁹ Приказ генерал-губернатора Северной области № 17 от 07.02.1919 г. (ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 37. Л. 21).

О том, что происходило далее, он показал: «Служба была не по мне, и я прошил о назначении меня членом комиссии по отысканию казенного имущества, где я пробыл до февраля 1919 г.

С распадом комиссии мне было предложено место нач[альни]ка Арх[ангельской] местной бригады.

Будучи занят делом с утра до вечера, я не имел возможности ни посещать увеселительных мест, ни приобретать себе знакомых»¹⁵⁷⁰. При этом Кашуба считал себя лишь слепым исполнителем: «Роль моя была настолько незаметной, что я был чисто простым исполнителем приказаний, касающихся специальной службы, как нач[альни]ка бригады»¹⁵⁷¹.

Но архангельских чекистов по-прежнему интересовало внеслужебное знакомство Кашубы с братьями Коржавинными. На это арестованный показал: «В д. Н. Ладино я побывал лишь раза 2 в [19]19 г. и только на несколько часов в Большие праздники»¹⁵⁷². Тогда следователь задал вопрос: «Признаете ли вы поездку из Бакарицы в д. Н. Ладино в марте с/г вместе с зав[едующим] завода Бакарицы Садовским и ему близкими лицами Карповым, Дурневым, Кырсановым и Каринским?» Кашуба в ответ сообщил: «Последний выезд мой из Архангельска был по делам службы в Мурманский край, кажется, в начале декабря 1919 г. с ревизией комендантов Повенецкого, Кемского и Мурманского. Пробыв в командировке с месяц, я дальше Архангельска абсолютно ни куда не выезжал до дня ареста в первый раз, т.е. 24 февраля и по настоящий день.

С 10го марта я был назначен военруком Черкасовым нач[альником] адм[инистративной] части Архгубвоенкома, и весь март месяц я провел в неустанной работе по организации адмчасти и знакомству с приказами Реввоенсовета. О выезде куда-либо по личному желанию я не мог даже и мечтать.

Характеристику обо мне мог бы дать тов. Пландовский, зав[едующий] стат[истическим] отд[елом] губисполкома, бывший председатель комиссии по ликвидации поглавнача¹⁵⁷³ и юрисконсульт той же комиссии Самуил Иосифович Добрин, проживает в Соломбале, а из бывших сослуживцев по контролю Мурм[анской] дороги т. Варакшин, находится на службе в Раб[оче]-кр[естьянской] инспекции»¹⁵⁷⁴.

Также Кашуба добавил: «...упомянутых лиц в поездке со мной с Бакарицы в д. Н. Ладино я в положительном смысле не знал до того, как вот только на днях познакомился с Бугаевым и с Садовским и Никитиным только сегодня, а последних до сих пор не знаю»¹⁵⁷⁵.

В деле имелись и некоторые материалы, которые могли быть обращены против Кашубы. Например, ряд националистических призывов антисемитского и антинемецкого содержания, часть из которых носила и антибольшевистский характер. Для Кашубы эти документы были далеко не безобидны. Так, например, антисемитская и антибольшевистская листовка «Голос добровольца 60-ти лет»

¹⁵⁷⁰ Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-18404. Л. 137об.

¹⁵⁷¹ Там же. Л. 138об.

¹⁵⁷² Там же. Л. 138.

¹⁵⁷³ Поглавнач — возможно, помощник главного начальника.

¹⁵⁷⁴ Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-18404. Л. 138–138об.

¹⁵⁷⁵ Там же. Л. 139об.

вполне могла быть написана самим Кашубой, возраст которого примерно соответствовал заявленному в названии этого документа. Документ не противоречил националистическим воззрениям Кашубы в дореволюционный период, равно как и его склонности писать на общественно-политические темы. В листовке говорилось, что «из воззваний Правительства (Миллера. — А.Г.) видно, что победа необходима и недалека, и я скажу, что победа необходима и будет недалека над сатанинскою гидрою, возглавляемою жидоталмудистскою ересью, описываемою в сионских протоколах, разыгрываемых, как по нотам, только при одном условии, что добровольческие силы старцев от 50 до 70 лет будут употреблены на дело, соответствующее их званию и способностям, между которыми много чиновников, убеленных сединою. Но что же они делают? А окарауливают комиссаров в Кегострове, водя их попарно к речке на горшок в ночное время! Подумайте, граждане, какая внимательность к командирам шайки грабителей — бандитов, которые должны бы быть приставлены к стенке или в лучшем случае отправлены на Новую Землю или же в английские шахты для добывания каменного угля, что дало бы возможность удешевить доставляемый нам уголь. И только спокойных и менее причастных к организации большевизма следует оставить внутри страны и не иначе как под охраною ими же ограбленных лиц, а не чиновников...»¹⁵⁷⁶

Следователь в этой связи расспрашивал Кашубу: «Признаете ли вы обнаруженные при обыске вашей квартиры сочинения, статьи, стихи и прокламации, а именно: Выписка из Талмуда, гл. 4 на 12 листах, Провидение, касательно главы 10 ст. 22 Еванг[елия] от Матвея, обращение к братьям по крови, [“]Голос добровольца 60 лет[”] и “Список добровольцев и союзных солдат, отличившихся в боях с кр[асноармей]цами в Онежском районе?” На это Кашуба ответил: «Кроме списка и Удостоверения о личности Прутковского, которые при спешности его поездки были у меня им случайно оставлены, и [“]Голоса добровольца 60^л лет[”], которое я не припоминаю, как будто бы кто-то обра[ща]лся ко мне для просмотра и помещения в печать, на что я резко возразил и советовал позабыть об осуществлении своего желания, исходило от моей руки, но выпущено в печати не было»¹⁵⁷⁷. Таким образом, арестант отрицал авторство листовки, но признался, что составил другие бумаги. Едва ли эти материалы собирались им в качестве исторических свидетельств, о чем Кашуба говорил на допросах.

Свои показания Кашуба завершил просьбой: «Желая всею душою принять участие в деле строительства будущей России, я с полной готовностью посвятил бы последние годы по разным специальностям, которые были изучены мною в течение многих лет страдальческой жизни; как то: по нивелировке местности; съемке участков, в Инспекции по должности контролера народного хозяйства и в Министерстве иностранных дел, как знающего языки, французский, турецкий и персидский»¹⁵⁷⁸.

21 июля 1920 г., понимая, что показания могут быть истолкованы не в его пользу, заключенный 18-й камеры Архангельского губернского исправительного дома Кашуба подал заявление в особый отдел при Архангельской ГубЧК, где еще

¹⁵⁷⁶ Там же. Л. 105.

¹⁵⁷⁷ Там же. Л. 139.

¹⁵⁷⁸ Там же.

раз изложил свою историю: «В ночь с 19го на 20^е мая сего года я был арестован на квартире (Соловецкое подворье, по набер[ежной] Северн[ой] Двины, кв. № 10) распоряжением Архгубчека. 20го мая был снят с меня допрос одним из следователей, фамилию которого я не знаю. На предъявленное ко мне обвинение в контрреволюционном выступлении, я не имел возможности дать иного объяснения, кроме ответов в категорической форме на короткие вопросы следователя.

Такой допрос невольно влечет за собою ошибки вследствие односторонности объяснения и ставит как обвиняемого, так и судебный или административный орган вне истины.

Глубоко ценя советскую власть как строительную силу, я с открытой душой перешедший со всем наличным составом бывшего управления Архангельской местной бригады, положительно страдаю (душой) за каждый отдельный промах власти, поэтому прошу выслушать мое объяснение во имя справедливости, в которой так нуждается всякое новое правительство.

В отставку я вышел в июле 1907 года, после чего я пробивался личным трудом, получая ничтожную пенсию, переданную мною целиком семье, до 1го января 1918 года, когда все пенсии были аннулированы. С 1913 по 1ое февр[аля] 1918 года я служил по вольному найму в Государственном контроле; при этом с февраля 1913 по 15 марта 1915го года служил в контроле Риго-Орловской ж.д., а с 15 марта 1915 года по 1 февраля 1918 года — в контроле по постройке Мурманской ж.д.

Живя в Петрограде, не имея возможности по нездоровью принять посильное участие в Отечественной войне-бойне, я работал по мере сил и возможности в Обществе борьбы с немецким засилием. Как всякая партия и политическая платформа, общество это имело свои ошибочные тенденции, которые меня как человека, прожившего и испытавшего на себе всевозможные удары судьбы, не могли удовлетворить, благодаря чему я разошелся с главным составом Совета старшин, перешел открыто на сторону революции, но по нездоровью не мог принять участия в движении личной работой и ограничился советом при выступлении рабочих Путиловского завода, стоя на точке зрения окончания войны с германцами, считая их главными виновниками народных бедствий. Из имевшихся под рукой достоверных сведений было известно, что лучшие земли и угодья на юге, Волге и западном крае были приобретены немцами, сосредоточившими у себя львиную долю капиталов России, которую и до сих пор считаю далеко не причастной к кругу капиталистических стран.

Как христианин, я близко понимаю сердцем коммунизм Советской России; сочувствуя ему всей душой, я всегда отрицал личную собственность и лично перестал быть собственником с 1880 года, когда продал клочок земли, перешедший в мое владение по смерти отца (8 десятин в Стародубском уезде Черниговской губ.), — единственную недвижимость в течение всей моей жизни.

Чтобы избежать голодовки в Петрограде, где я продолжал систематически переносить страдания печени, я перешел в феврале 1918 года на частную службу в Русско-английское товарищество судостроительных заводов в гор. Мурманске, но товарищество скоро должно было ликвидировать деятельность, и я остался без куска хлеба.

В июне 1918 года, намереваясь ехать на родину в гор. Старую Руссу, я тщетно пытался выехать из Мурманска через Петроград, и только в начале июля¹⁵⁷⁹ 1918 года кое-как мне удалось выехать в Архангельск, где советская власть была вне зависимости и влияния англичан, продолжавших вмешиваться в дела Советской России на правах врагов Германии. Но по приезде в Архангельск я, к сожалению, увидел, что власть колеблется, и хотя я и не был в курсе политики, но чувствовал что-то недоброе: о выезде в Старую Руссу, не имея никакой рекомендации, я перестал и мечтать. Что делать? — Ни денег, ни физических сил.

Настоятель Соловецкого подворья отец Серафим рекомендовал мне остановиться и просить разрешения жить у бр[атьев] Коржавиных, к которым я и обратился с просьбой принять меня на хлебником. В Архангельске не было ни одного знакомого. Вот при каких обстоятельствах я въехал в незнакомый для меня город. Мог ли играть я какую-либо роль, не утвердившись и в Мурманске, где случайно перед самым чуть ли не отъездом познакомился с генер[алом] Звегинцевым.

До 6го августа с 30го июля 1918 года, насколько мне помнится, я прожил в дер. Ниж. Ладино у братьев Коржавиных, любезно предложивших мне у себя приют.

Начиная с февр[аля] 1917 года, когда революция в России считалась уже неизбежно роковой, я решил заняться историей революционных движений в России и стал приобретать по мере сил и возможности источники по русской истории и всего того, что могло касаться каким бы то ни было образом истории этого движения. Как курьез у меня оказалась и группа карикатур, не имеющих никакой цены при объективном отношении к делу, и стихотворение Пуришкевича, и целый ряд разных, быть может, выступлений, вроде [“]Голоса 70-летнего старика[”] и т.д., — выступлений чисто частного характера, все это было приобщено к делу о моем расследовании и, конечно, послужило единственным мерилom моего обвинения.

Что я вел в Архангельске отшельнический образ жизни, свидетелями могут быть такие лица, как начальник статистического отдела товарищ В. Пландовский и Самуил Иосифович Добрин.

Между тем, по прошествии 2^х месяцев сидения в Исправдоме, я случайно познакомился с Бугаевым, Починковым и третьим, фамилию которого даже и не помню, которых следователь при допросе спрашивал, не состоял ли я с ними в какой-либо организации.

Подобное недоразумение, невыяснение предварительно перед решением, может меня поставить в положение тяжкого преступника, ни на йоту не подвинув дело правосудия, и окончательно заставит отрешиться принести посильную пользу в строительстве дорогой родины.

Владея французским, турецким и персидским языками, я мог быть полезным и на этом поприще. Считаю долгом обратить внимание, что, несмотря на полную возможность выехать к дочери за границу, я добровольно решил посвятить себя строительству Новой России¹⁵⁸⁰.

Показания крестьянина В.И. Коржавина, записанные малограмотным следователем, давали основания для беспокойства, так как, согласно этому документу, Кашуба «служил у Миллера в управлении дивизиона и говорит нарошно остался

¹⁵⁷⁹ По другим документам, Кашуба выехал в Архангельск во второй половине июля 1918 г.

¹⁵⁸⁰ Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-18404. Л. 140–141об.

здесь¹⁵⁸¹. Не уехал с Миллером. Чтоб Организовать отряды и подготовится к приходу Миллера и выяснил, что у них в настоящее время Организация продолжается»¹⁵⁸². Подобные обвинения были тогда более, чем серьезным основанием для репрессий. Следователей не особенно беспокоило то, что бывший офицер явно выделялся из группы крестьян, проходивших вместе с ним по одному делу. В то же время в более поздних показаниях Коржавин не подтвердил, что Кашуба остался в Советской России специально с диверсионной целью¹⁵⁸³.

В характеристике обвиняемого, составленной со значительными неточностями, было отмечено: «Кашуба Иван Степанович 62 л[ет] от роду, происходит из дворян г. Старая Русса Новгородской губ., б[ывший] полковник, проходил академию Генерального штаба, знающий языки, кроме русского: французский, турецкий и персидский, по профессии военный, считает себя беспартийным, принадлежит к классу помещицкому — владел 10 лет участком земли в окрестностях Самарканда¹⁵⁸⁴. До Русско-германской войны Кашуба находился в отставке, а с 1913 г. служил по вольному найму в государственном контроле по постройке Мурманской жел[езной] дороги, с Октябрьского переворота каковая служба была им брошена, и он поступил в т[оварищес]тво суд[о]строит[ельных] заводов в Мурманске, откуда за неосуществлением т[оварищес]твом своих проектированных планов, по согласованию с генералом Звегинцевым выехал в Архангельск и как доброволец отдавал все свои услуги Верховному управлению Северной области, занимая пост начальника канцелярии военного отдела с 18 июля ст/ст.¹⁵⁸⁵ 1918 г. по день уезда из Архангельска Миллера. За означенный период с 12 сентября по 31 декабря состоял пом[ощником] контролера к[онтро]ля по постройке жел[езной] дороги Петрозаводск – Сороцкая бухта¹⁵⁸⁶. По заступлении советской власти в Архангельске Кашуба производил регистрацию всех офицеров, будучи назначен начальником адм[инистративной] части мобилизационного отд[ела] Архгубвоенкома, на каковой должности и состоял до ареста, т.е. по 19 мая с/г. Семейное положение: жена 51 г., дочь 22 л[ет] и сын 16 л[ет], все трое проживают за границей, где неизвестно. В Архангельске Кашуба проживал на Соловецком подворье комната № 10»¹⁵⁸⁷.

Обвинение было следующим: «Кашуба Иван Степанович за время царившего на севере генеральского произвола с августа 1918 года по 19 февраля настоящего года ярко проявил себя в деле удушения Советской республики, что устанавливается произведенным расследованием и имеющимся материалом в деле (см. лист №№ 133, 134, 105, 117, 118) и прилагаемой к делу перепиской в виде вещественного доказательства. После очищения севера от белогвардейщины Кашуба,

¹⁵⁸¹ Здесь и далее подчеркнута кем-то из сотрудников ГубЧК синим карандашом.

¹⁵⁸² Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-18404. Л. 8. При публикации сохранены орфография и пунктуация оригинала.

¹⁵⁸³ Там же. Л. 160.

¹⁵⁸⁴ Так в документе, правильно — Самары.

¹⁵⁸⁵ 31.07.1918 г. по новому стилю. В других документах Кашубы нет указаний на эту дату.

¹⁵⁸⁶ На самом деле эту должность Кашуба занимал до Гражданской войны.

¹⁵⁸⁷ Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-18404. Л. 345. Дочь Кашубы Валентина (14.05.1898–13.01.1997) стала известной в русской эмиграции балериной, проживала и скончалась в Мадриде (Российское зарубежье во Франции 1919–2000: Биографический словарь. Т. 1: А-К. М., 2008. С. 673).

применив свой опыт и практику в деле замаскирования своей личности¹⁵⁸⁸, пробрался в Губвоенком и, состоя на ответственном посту в советском учреждении, проживая квартирой в Соловецком подворье, не постыдился продолжать среди темных масс втихомолку сеять смуту против советского строительства, применяя вышеозначенное на почве религиозности (см. лист 108), и кроме того Кашуба в то время был заинтересован широкой наглостью по отношению к Советскому правительству вообще и в частности помещал высшей наглости статьи в газетах, издавая всевозможные брошюры и т.д. (см. лист 91 по 101)»¹⁵⁸⁹. Фактически обвинение сводилось к ведению антисоветской агитации после ухода белых, доказательств чему в деле не имелось.

Тем не менее приговор оказался соответствующим тому времени: «Принимая во внимание все вышеизложенное и находя предъявленные обвинения в полной мере доказанными и как лиц, не заслуживающих никакого снисхождения, до последнего времени подготовляющихся и привлекающих в свою организацию через посредство религиозности все новых членов, дабы при первой же встретившейся для них возможности нанести удар по спине советской власти и тем самым увеличить потоки рабоче-крестьянской крови, руководствуясь инструкциями и разъяснениями В.Ч.К. и распоряжениями советского правительства: Кашубу, Коржавиных Василья и Семена, Пермякова, Бугаева, Никитиных В.Ф. и В.В., Починковых Михаила и Павла, Никитина А.В., Садовского, Дурнева, Карпова, Митрофанова и Шахнову, как не давших при опросах ни малейшего раскаяния в своих преступлениях, подвергнуть высшей мере наказания (расстрелять)...»¹⁵⁹⁰

Отсутствие раскаяния обвиняемых крестьян понятно — мало кто из них вообще понимал причины своего ареста. Многие были людьми немолодыми, вся вина которых заключалась в участии в религиозных собраниях и распространении духовно-нравственной литературы. Участвовал ли в этой деятельности полковник Кашуба — неизвестно. Фактически его «вина» заключалась в том, что он оказался не в том месте не в то время. Архангельские чекисты, видимо, стремились по итогам ликвидации северной контрреволюции уничтожить потенциальную пятую колонну в регионе, ликвидируя даже предполагаемых контрреволюционеров при наличии малейших подозрений. В общей сложности в 1920–1921 гг. на архангельском Севере были расстреляны сотни офицеров и нижних чинов белых армий¹⁵⁹¹. Как отмечалось в одном из советских документов, датированных сен-

---

¹⁵⁸⁸ На самом деле Кашуба никак не скрывал свою личность.

¹⁵⁸⁹ Архив РУ ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-18404. Л. 346.

¹⁵⁹⁰ Там же. Л. 346об.

¹⁵⁹¹ Архангельск. Расстрельные списки 1921 года / Подгот. текста и послесл. Ю.В. Дойкова. Архангельск, 2000. С. 3. В своем стремлении изобличить большевистский режим некоторые публицисты, краеведы и историки утратили всякое чувство реальности и не основываются на каких бы то ни было документальных данных. Так, в отдельных изданиях утверждается, что в 1920–1922 гг. на Севере России в результате репрессий якобы было расстреляно и погибло до 100 000 человек. Если бы подобные утверждения соответствовали действительности, получалось, что большевиками был уничтожен каждый четвертый житель Архангельской губернии, численность населения которой в 1918 г. составляла около 369 000 человек, а к 1925 г. — около 425 000 человек (Краткий справочник по Архангельской губернии и записная книжка на 1925 год. Архангельск, 1925. С. 150), что является абсурдным даже с учетом высылки на Север заключенных из других регионов. Репрессии такого масштаба организовать на Севере в этот период было невозможно. Если бы подобное на самом деле имело место, то северный террор почти

тябрем 1921 г., «красный террор ступевал все бывшие насилия белых»¹⁵⁹². Одним из множества расстрелянных офицеров оказался полковник Кашуба — некогда ординарец легендарного Скобелева. Выходец из малороссийского дворянства, он был типичным носителем имперского сознания, а такие люди пришедшим к власти большевикам были не нужны.

Приговор был утвержден на заседании Архангельской ГубЧК 4 сентября 1920 г.¹⁵⁹³ и приведен в исполнение в Холмогорском концентрационном лагере около 11 сентября 1920 г. Даты расстрела в деле не имеется. Парадокс истории — необходимый новой власти знаток восточных языков был репрессирован в самый разгар большевистских попыток советизировать Персию и заключить союз с Турцией.

6 июля 1992 г. Кашуба был реабилитирован как необоснованно репрессированный по политическим мотивам. Реабилитированы были и остальные 14 расстрелянных по этому делу, вся вина которых заключалась в том, что они просто были верующими людьми.

в десять раз превысил бы печально известные расстрелы в Крыму после ухода белых в конце 1920 г., что не соответствует ни значению Севера в Гражданской войне, ни возможностям региона по размещению и обеспечению всем необходимым такого количества заключенных. Другая распространенная в литературе на протяжении двух последних десятилетий цифра в 25 640 человек, расстрелянных в северных лагерях с февраля по ноябрь 1920 г., также неизвестно на чем основана. Утверждается, что количество расстрелянных в районе Холмогор могло превышать 7000 человек, однако доказательств этому не приводится (обзор существующих оценок с констатацией того, что «счет жертвам террора в первые годы советской власти на Севере действительно шел на десятки тысяч жизней», см.: *Новикова Л.Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М., 2011. С. 260–261). Неполные статистические данные органов госбезопасности свидетельствуют о безосновательности такого рода суждений. По официальным данным, Архангельской ГубЧК в 1920 г. было приговорено к смертной казни 258 человек (*Кубасов А.Л.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 – февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. С. 164). Расстрельные приговоры выносили и другие органы — Петроградская ЧК, ревтрибуналы, расстрелы осуществлялись и по личному распоряжению Ф.Э. Дзержинского. В литературе приводятся нуждающиеся в проверке данные о расстреле летом 1920 г. в районе Холмогор более тысячи кубанских казаков, о расстреле в марте–апреле 1921 г. 422 пленных белых офицеров (*Кубасов А.Л.* Чрезвычайные комиссии. С. 166). К 1 января 1921 г. в Северном крае находились под арестом органов ЧК 245 человек, в 1921 г. на территории Северного края Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской ГубЧК было арестовано 1993 человека, 1102 заключенных были освобождены, 582 перечислены, 358 осуждены и 21 скончался, остались в местах заключения 175 (*Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. 2-е изд. М., 2011. С. 349, 352). За период с февраля по октябрь 1920 г. Архангельской ГубЧК в лагеря принудительных работ было направлено 419 человек, за тот же период было освобождено 660 заключенных. К концу 1922 г. во всех местах лишения свободы на территории РСФСР содержалось 68 297 человек (*Упадышев Н.В.* ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 годы. Архангельск, 2004. С. 18–20). Эти данные соответствуют известным на сегодня спискам расстрелянных на Севере, в которых числятся несколько сотен человек, но никак не тысячи, а заявления о существенно больших масштабах террора остаются бездоказательными и неуместными спекуляциями на расстрельную тему (см.: *Дойков Ю.* Красный террор. Россия. Украина... 1917–1924. Архангельск, 2008; *Он же.* Памятная книжка. Красный террор в советской Арктике 1920–1923 (документальные материалы). Архангельск, 2011. Эти работы размещены их автором на сайте: <http://doikov.1mcg.ru>).

¹⁵⁹² *Дойков Ю.* Красный террор на Севере. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 12.

¹⁵⁹³ Документ опубликован в кн.: *Расстреляны Архангельской Губчека (1920–1921 гг.). Списки расстрелянных. 300 имен / Подгот. Ю. Дойков.* Архангельск, 2001. С. 7.

Генштабисты Н.Н. Петин и П.С. Махров

До наших дней сохранилось немного прямых свидетельств трагического размежевания бывших офицеров Генерального штаба в годы Русской Смуты. Практически нет документов, содержащих прямой диалог людей из противоборствующих лагерей Гражданской войны. Поэтому немногочисленные сохранившиеся до наших дней источники такого рода имеют огромное научное и историческое значение.

Одним из этих редких свидетельств может считаться радиogramма видного советского военного специалиста Н.Н. Петина белому генералу П.С. Махрову, датированная 8 июля 1920 г.¹⁵⁹⁴ Впервые текст радиogramмы был опубликован на украинском языке сразу после ее отправки в газете «Известия Всеукраинского ЦИК» (Харьков) № 168–169 от 13 июля 1920 г.¹⁵⁹⁵ Позднее она была перепечатана в вышедшем в Архангельске биографическом очерке М.И. Сбойчакова о Н.Н. Петине¹⁵⁹⁶. Небольшие фрагменты этого документа публиковались М. Ангарским и В. Цальковичем, а также Я.Ю. Тинченко (по выписке, предоставленной ему киевским историком А.А. Буравченковым)¹⁵⁹⁷. Публикуемый нами текст радиogramмы был обнаружен в фонде управления армиями Юго-Западного фронта РГВА. Кроме того, прежде обращавшиеся к этой радиogramме исследователи не сумели, несмотря на кажущуюся простоту источника, должным образом ее интерпретировать.

Этот документ имеет довольно интересную предысторию. Его автор, Николай Николаевич Петин (02.05.1876–07.10.1937), происходил из дворян, родился в Вологде, в семье обер-офицера, окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус (1894) и Николаевское инженерное училище (1897), службу начал в саперных частях, участвовал в Русско-японской войне, но отличиться там не сумел, поскольку для инженера это было непросто. После окончания в 1907 г. Ни-

---

¹⁵⁹⁴ История Петина и Махрова послужила основой сюжета фильма «Петин — Махров» из документального сериала «Брат на брата» с участием автора этих строк (телеканал «Звезда», 2010 г.).

¹⁵⁹⁵ Прокиньтєся. Відповідь генералові Махрову, начальника штаба армії Врангеля (Радіо) // Вісти Всеукраїнського Центрального виконавчого комітету рад Робітн., Селянських та Червоноарм. депутатів і Харківського Губвиконкому. 1920. 13 июля. № 168–169. С. 1.

¹⁵⁹⁶ Сбойчаков М.И. Его подвиг (биографический очерк о Н.Н. Петине). Архангельск, 1979. С. 58–60.

¹⁵⁹⁷ Ангарский М., Цалькович И. Комкор Н.Н. Петин // Военно-исторический журнал. 1969. № 4. С. 55; Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 81.

колаевской академии Генерального штаба и прохождения командного ценза Петин служил на должностях Генштаба в Варшавском военном округе (1909–1912), а затем в Главном управлении Генерального штаба и в штабе Заамурского округа пограничной стражи. К началу Первой мировой он был в чине капитана и обзавелся большой семьей из троих детей¹⁵⁹⁸.

Адресат радиограммы, Петр Семенович Махров (01.09.1876–29.02.1964), был ровесником Петина, происходил из мещан, окончил Минскую гимназию, Виленское пехотное юнкерское училище и академию Генштаба. Как и Петин, Махров принял участие в Русско-японской войне, приостановив для этого учебу в академии, причем за боевые отличия был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». В дальнейшем служил в штабе Виленского военного округа (1909–1912) и в Севастополе. Тем не менее Первую мировую он встретил лишь штабс-капитаном. Был женат и имел дочь.

Генштабист В.Н. фон Дрейер так характеризовал Махрова: «Широко образованный, очень начитанный, знающий довольно сносно три иностранных языка, уже в капитанском чине он начал писать в военных журналах и готовить диссертацию для занятия кафедры в академии Генерального штаба. Его литературные опыты не всегда нравились его начальству, и он должен был даже уйти из Виленского штаба и перевестись в Севастополь»¹⁵⁹⁹. Петин и Махров были не только ровесниками и однокашниками по академии Генерального штаба (выпуск 1907 г.), но, судя по всему, до Гражданской войны они были еще и дружны.

В годы Первой мировой служба Петина проходила в штабах 12-й армии, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов. Махров в основном служил в штабе 8-й армии А.А. Брусилова, причем за храбрость удостоился Георгиевского оружия. Во время войны он сумел обогнать Петина по службе и в сентябре 1917 г. был произведен в генерал-майоры (не исключено, что карьерному росту способствовало полученное Георгиевское оружие). В этот период служебные пути двух генштабистов вновь пересеклись в штабе Юго-Западного фронта, где Махров с 3 октября 1917 г. служил и.д. генерал-квартирмейстера, а Петин — с 7 декабря 1917 г. стал и.д. его помощника. Начальником штаба армий фронта, а затем главнокомандующим армиями был генерал Н.Н. Стогов, впоследствии бежавший от красных к Деникину¹⁶⁰⁰. С уходом Стогова в январе 1918 г. штаб прекратил оперативную работу, обязанности начальника штаба фронта легли на Петина, который и руководил процессом демобилизации¹⁶⁰¹. С этой целью управления генерал-квартирмейстера и дежурного генерала прибыли 1 марта из Бердичева (прежнее местоположение штаба фронта) в Курск для сдачи дел в архив.

В 1918 г. Махров уклонялся от участия в Гражданской войне, переживая неспокойное время в Полтаве, куда его еще в январе 1918 г. отправил Стогов под

---

¹⁵⁹⁸ Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 538.

¹⁵⁹⁹ Дрейер В.Н., фон. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 174.

¹⁶⁰⁰ Список Генерального штаба. Исправлен по 1 марта 1918 г. Дополнение к списку Генерального штаба изд. 1917 г. М., 1918. С. 55, 97, 102. (Библиотека РГВИА. Инв. № 9923). Список опубликован в: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 416–484.

¹⁶⁰¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 6.

предложением «отпуска по болезни»¹⁶⁰². В тот период Махров получил предложения о поступлении на службу из различных лагерей. Сам он вспоминал об этом: «... в мае 1918 года я получил письмо из Москвы от Генерального штаба полковника Махина, извещавшего меня, что мне предлагают занять место в Главном управлении Генерального штаба Красной армии. Одновременно начальник Полтавского центра Добровольческой армии Генерального штаба полковник [А.Г.] Фролов сообщил мне сведения о Добровольческой армии для решения вопроса о моем вступлении в нее. Участие в братоубийственной войне претило всему моему существу, а служба в Красной армии, которой в это время распоряжался проходивец Троцкий, казалась позорной. Это было несовместимо с моим чувством национальной гордости и с понятием о чести офицера. Я хотел избежать службы и в Добровольческой армии, но судьба решила иначе»¹⁶⁰³. Такая позиция представителей корпорации офицеров Генерального штаба в это время была далеко не редкой. Стоит отметить, что Махров все же служил в Полтавском кадетском корпусе и формально числился на службе в украинской армии.

В начале 1919 г. в связи с приближением красных Махров уехал из Полтавы в Одессу и лишь в апреле 1919-го поступил на службу в Вооруженные силы на Юге России (ВСЮР) генерала А.И. Деникина. К тому моменту у белых уже служил его младший брат Василий. Средний из братьев Махровых, Николай, также выпускник академии Генштаба, в годы Гражданской войны оказался на службе у красных. В конце августа 1919 г. Николай передал брату через линию фронта известие о том, что служит в РККА по принуждению, находится под контролем военного комиссара и не может перейти к белым, поскольку в заложниках у большевиков остаются его жена и дочь¹⁶⁰⁴. П.С. Махров в связи с этим писал: «Меня эта весть очень взволновала... В данное время нас с Николаем разделяло пространство в 50 верст. Мы всем сердцем любили друг друга, но судьбой вынуждены идти один против другого, как враги»¹⁶⁰⁵. Со времени революции братья так никогда больше и не встретились. Как видим, Махров пережил трагедию раскола внутри собственной семьи.

Петин уже с весны 1918 г. добросовестно служил на ответственных постах в РККА и был одним из наиболее преданных большевикам генштабистов. По этой причине он даже удостоился специального упоминания В.И. Лениным¹⁶⁰⁶. Впрочем, по свидетельству видного большевистского военного деятеля С.И. Аралова, привлек Петина в Красную армию другой большевик, Р.И. Берзин: «Петин был убежденный монархист, к советской власти относился с презрением, и с ним пришлось немало поработать индивидуально, прежде чем рассеять его враждебные настроения, склонить на сторону Красной армии. Берзин давал ему читать ленинские статьи, повез его однажды на собрание, где выступал Ленин. Наконец,

---

¹⁶⁰² Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 153.

¹⁶⁰³ Махров П.С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 14.

¹⁶⁰⁴ Там же. С. 88–89.

¹⁶⁰⁵ Там же. С. 89.

¹⁶⁰⁶ По воспоминаниям члена РВСР С.И. Аралова (Ангарский М., Цалькович И. Комкор Н.Н. Петин. С. 56).

усилия увенчались успехом. У генерала¹⁶⁰⁷ появились проблески понимания, от чего произошла революция. В один прекрасный день Петин заявил, что будет честно работать, что он “кое-что понял”. Понял и стал видным командиром Красной армии...»¹⁶⁰⁸ Трудно поверить, что большевики в начале 1918 г. занимались индивидуальной разъяснительной работой для привлечения бывших офицеров на свою сторону. Ближе к действительности суровая репрессивная реальность, коснувшаяся и самого Петина.

На самом деле служба Петина у красных началась отнюдь не с безоблачных разъяснений Берзина. Уже 26 апреля 1918 г. Петин подвергся аресту на непродолжительный срок по совершенно нелепому обвинению. В тот период он занимал пост начальника штаба Юго-Западного фронта¹⁶⁰⁹. Арестованный просил одного из руководителей Наркомата по военным делам Э.М. Склянского об отсрочке суда в связи с предстоящими родами жены и ее тяжелой болезнью. Таким образом, основания недолюбливать большевиков у него были.

Вряд ли можно согласиться с утверждением украинского историка Я.Ю. Тинченко о том, что большинство сокурсников Петина по академии к окончанию Первой мировой войны на русском фронте были уже генералами, а он, оставаясь полковником, стремился к лучшей карьере¹⁶¹⁰. В действительности основная масса выпускников 1907 г. к концу 1917 г. имели как раз чин полковника, а не генерала, лишь некоторые удостоились производства в генерал-майоры. Таким образом, Петина нельзя считать обойденным и обиженным, а успешную карьеру он мог сделать как у красных, так и у белых.

Попав в РККА, Петин добросовестно служил на таких ответственных постах, как начальник мобилизационного управления Беломорского военного округа, начальник штаба 6-й армии, начальник штаба Западного, Южного и Юго-Западного фронтов. Петину принадлежит разработка плана Шенкурской операции 6-й советской армии Северного фронта и красных партизан, проведенной 19–25 января 1919 г. Целью операции являлась ликвидация Шенкурского выступа, угрожавшего тылу 6-й армии. Операция блестяще завершилась освобождением Шенкурска от белых и интервентов, причем противник был отброшен на 90 км на север, предотвращена возможность соединения антибольшевистских сил Северного и Восточного фронтов. В ходе наступления захвачено 15 орудий, 60 пулеметов, 2000 винтовок. В октябре 1919 г., в самое горячее время, Петина переводят на Южный фронт, где успешно развивалось наступление Деникина. Петину удалось навести порядок в штабе и наладить его работу, в итоге приведшую к разгрому Деникина.

По свидетельству современника, «Петин честно и преданно служил Советской стране и, обладая большими военными знаниями, опытом, был надежным, энергичным помощником командующего фронтом А.И. Егорова. Выше среднего роста, стройный, подтянутый, с гордо посаженной головой и умным огоньком в глазах, Н.Н. Петин выглядел гораздо моложе своих лет»¹⁶¹¹. В 1920 г. Петин

¹⁶⁰⁷ Так в тексте. Петин был полковником старой армии.

¹⁶⁰⁸ *Аралов С.И.* Ленин вел нас к победе. М., 1989. С. 53.

¹⁶⁰⁹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 23–24.

¹⁶¹⁰ *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства. С. 80.

¹⁶¹¹ *Селявкин А.И.* В трех войнах на броневиках и танках. Харьков, 1981. С. 116.

готовил Киевскую операцию, в результате которой на Украине была разгромлена 3-я польская армия. Реввоенсовет Юго-Западного фронта наградил его за это золотыми часами с бриллиантами, а весной 1921 г. Петин за свои заслуги перед Советской Россией был награжден орденом Красного Знамени. После войны Петин был командующим Киевским военным округом, служил в Сибири и в центральном аппарате РККА. В 1933 г. вступил в ВКП(б). Почти двадцать лет своей жизни он отдал Красной армии и был удостоен высокого звания «комкор». Понимая сложность своего положения в новой армии, в откровенной беседе он однажды высказался в том смысле, что ему как бывшему офицеру нельзя было рассчитывать на что-либо хорошее в РККА¹⁶¹². Но расплата превзошла все предположения. В 1937 г. Петин был расстрелян. Советская власть не пощадила и его сына.

Судьба Махрова сложилась более удачно. В 1920–1924 гг. он находился по поручению генерала П.Н. Врангеля в Польше, после этого переехал во Францию — сначала в Париж, а затем в Канны. Зарабатывал на жизнь, давая уроки английского и русского языка. 23 июня 1941 г. он направил письмо советскому послу во Франции с просьбой отправить его в СССР для поступления в армию, хотя бы рядовым бойцом. Письмо попало к французским властям, в результате чего Махров в августе был арестован и заключен в лагерь Верне, освободившись в декабре 1941 г. После войны генерал работал над своими мемуарами. Умер и похоронен в Каннах.

Однако вернемся к событиям 1920 г. Тогда, будучи начальником штаба ВСЮР, Махров (или те, кто действовал от его имени) направил к Петину агента разведотделения штаба ВСЮР Л.М. Шиманскую с просьбой, памятуя о прежней дружбе, сообщить через нее секретные сведения о состоянии РККА. Его интересовала информация о 13-й армии красных, ее численности и вооружении, а также слабо защищенных участках фронта¹⁶¹³. По некоторым данным, эту операцию готовил начальник врангелевской контрразведки (начальник Особого отдела штаба главнокомандующего) генерал Е.К. Климович¹⁶¹⁴. Шиманская явилась на квартиру к Петину и передала ему шифровку и код.

Просьба Махрова поставила Петина перед непростым выбором — изменить ли большевикам, которым он добросовестно служил уже больше двух лет и у которых сделал вполне успешную карьеру, или же изменить своей прежней до-революционной дружбе с Махровым. Если бы в Особом отделе узнали об этой встрече и о том, что Петин о ней не доложил, участь его была бы незавидной. К тому же чекисты могли специально спровоцировать Петина, дабы убедиться в его лояльности.

Вполне естественно, что в конце Гражданской войны, исход которой к лету 1920 г. был предрешен, Петин не пожелал рисковать и расписался в лояльности большевикам, доложив о случившемся. Генштабовский корпоративизм в этой ситуации не перевесил, но, как мне представляется, не победила и большевистская

---

¹⁶¹² *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. С. 51.

¹⁶¹³ *Селявкин А.И.* В трех войнах. С. 118.

¹⁶¹⁴ *Карпов Н.Д.* Трагедия Белого Юга. 1920 год. М., 2005. С. 9. Отметим, однако, что нам не известен источник такого утверждения Н.Д. Карпова.

идеология. Петин просто обезопасил себя, сообщил обо всем командующему войсками Юго-Западного фронта А.И. Егорову.

Если верить свидетельству старого большевика и чекиста Ф.Т. Фомина, Егоров вызвал к себе заместителя начальника Особого отдела Юго-Западного фронта Е.Г. Евдокимова, которому Петин изложил обстоятельства произошедшего.

В беллетризованном изложении работы Фомина состоявшийся разговор был представлен в следующем виде: «Когда Петин вошел в кабинет командующего, Евдокимов отметил его неестественно бледное лицо.

— Понимаешь, Ефим Георгиевич, — начал он, от волнения забыв поздороваться, — вечером вернулся из штаба к себе домой на Сумскую, сижу, сочиняю докладную в Реввоенсовет, вдруг стучат. Открыл — стоит на пороге молоденькая девица. Вам, говорит, привет от вашего старого приятеля. Сразу, конечно, не догадываетесь от кого. Нет, отвечаю, пока не догадался. Так вот, просил передать вам это, а завтра я приду за ответом. И оставила мне две бумажки.

Петин протянул Евдокимову листочки папиросной бумаги. Евдокимов взял их, аккуратно развернул и внимательно рассмотрел. Один листок был усеян мелкими цифрами — шифровка. Другой содержал код и пояснения, как им пользоваться. В уголке этого листочка карандашом было написано: “Привет от генерала Махрова”.

Петину, видимо, было неловко под испытующим взглядом Евдокимова. На лице его появлялись и исчезали красные пятна. Он не знал, куда девать руки, клал их то на колени, то на стол. Евдокимов молчал. Первым заговорил Петин.

— Насколько я понимаю, эту девицу Махров направил ко мне с целью установить связь. Девица объяснила, что она будет гостить у родственницы месяц и в течение этого времени я не лишен приятной перспективы ее визитов ко мне. Да, — протянул он, — хороший привет от старого знакомого, с которым мы имели честь учиться в военной академии.

Он неожиданно с силой хлопнул ладонью по столу.

— Ишь, чего задумал его превосходительство. Подожди, подойдут казанские и латышские части, я тебе покажу...

— Успокойся, Петин, — сказал Егоров. — По-моему, никто не сомневается в твоей искренности, а то, что белогвардейская разведка подсунула нам шифровку, это очень хорошо. Просто нужно этот случай использовать. Послушаем Евдокимова. Что ты думаешь обо всем этом, Ефим Георгиевич?

Евдокимов, наморщив лоб, соображал...

— Есть план, разрешите доложить, товарищ командующий, — обратился он к Егорову.

— Пожалуйста.

Егоров сел. Петин пододвинул свой стул ближе к Евдокимову. Оба внимательно смотрели на [заместителя] начальника Особого отдела. Евдокимов помолчал, а потом начал неторопливо говорить, как всегда, когда он развивал свою мысль...»¹⁶¹⁵

Явившаяся за ответом Шиманская (в описании Фомина — молоденькая блондинка¹⁶¹⁶) была задержана Евдокимовым. В изложении Фомина, Шиманская (Фо-

¹⁶¹⁵ Фомин Ф. Золотой крест // Красное знамя (Харьков). 1967. 27 мая. № 104 (7212).

¹⁶¹⁶ Там же. 28 мая. № 105 (7213).

мин ошибся в ее отчестве) сообщила на допросе, что перешла фронт, направляясь к больной туберкулезом родственнице (эти сведения при проверке подтвердились). Заодно по просьбе соседа передала Петину записку, а ответ должна была отправить с харьковским торговцем Путятой, занимавшимся меновой торговлей с крестьянами через линию фронта.

Проверка показала, что Шиманская, вопреки показаниям, вовсе не занималась уходом за больной родственницей, была у нее лишь однажды и остановилась в гостинице. В сумке Шиманской нашли золотой крестик, на котором почему-то был выгравирован двуглавый орел, служивший условным знаком¹⁶¹⁷. Шиманская оказалась дочерью расстрелянного красными офицера (впрочем, данных об офицере Митрофане Шиманском обнаружить не удалось). После признания Шиманской в руках чекистов оказались сведения о явочных адресах белой разведки в Харькове, что позволило ликвидировать харьковское подполье.

Для этого чекистка Э. Грундман поселилась в гостинице «Метрополь» вместе с Шиманской под видом ее подруги. Обе женщины предъявили командировочные документы Наркомата здравоохранения для инспектирования санитарных частей и лазаретов. Вместе они посещали явочные квартиры, за которыми после этого устанавливалось чекистское наблюдение: посетителей и хозяев выслеживали и арестовывали. Операцией руководил чекист Румянцев. Были раскрыты три особо важные явочные квартиры.

По коду Махрова Особым отделом через Шиманскую и Путяту были высланы белым ложные данные о положении 13-й армии в Северной Таврии и ее численности, в результате чего наступление белых закончилось неудачей, врангелевцы понесли большие потери.

Финал этой истории в официальной чекистской версии был следующим: «В один из этих тревожных дней в Особый отдел как всегда с кипой документов приехал Петин. Евдокимов, выходявший из помещения, столкнулся с ним в дверях.

— Вы уходите, Ефим Георгиевич? А ведь я к вам...

Евдокимов решительно повернулся и направился в свой кабинет.

— Заходите, побеседуем.

— Отвратительное чувство, Ефим Георгиевич, когда вот так посылают диверсантку к бывшему генералу¹⁶¹⁸, а кое-кто из товарищей хотя и молчит, а про себя думает: черт знает, что он за птица! Может, и не зря генерал Махров именно ему подослал доверенного. Хотя никто этого не скажет в глаза, поверьте, ощущение такое, что сам чего-то не доделал до конца, что еще в чем-то виноват перед людьми...

Евдокимов сосредоточенно смотрел в одну точку.

— Вот что, Петин, а почему бы тебе не выступить вот так перед людьми? Может, это и есть тот случай, когда надо искренне рассказать им обо всем. Это поможет тебе и тем, кто до конца не разобрался в событиях.

— Понимаю, Ефим Георгиевич, спасибо за дельный совет»¹⁶¹⁹.

Ответ Петина 8 июля был направлен Махрову по радио, а 13 июля опубликован в «Известиях Всеукраинского ЦИК» (Харьков). Ответ этот был следующим:

¹⁶¹⁷ Селявкин А.И. В трех войнах. С. 118.

¹⁶¹⁸ Очевидная ошибка мемуариста. Петин был полковником старой армии.

¹⁶¹⁹ Фомин Ф. Золотой крест // Красное знамя (Харьков). 1967. 1 июня. № 108 (7216).

Севастополь

Начальнику штаба армии Врангеля генералу Махрову
Красная армия 8 июля 1920 года.

Предложение Ваше, переданное мне через агента разведывательного отделения Вашего штаба Лидию Митрофановну Шиманскую, переслать Вам дислокацию частей Рабоче-Крестьянской Красной армии, а также дать и другие секретные данные, касающиеся Красной армии, я получил. Как видно из опроса названного агента, отправка последнего произошла с Вашего ведома, причем паролем должны были служить Ваша фамилия и фамилия генерала Стогова¹⁶²⁰.

¹⁶²⁰ Стогов Николай Николаевич (10.09.1872–07.12.1959) — из семьи купца, родился в Вышневолоцкой волости Тверской губернии. Окончил Николаевский кадетский корпус (1891), 2-е Константиновское военное училище (1893) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1900). Подпоручик гвардии (со ст. с 07.08.1893). Поручик (со ст. с 07.08.1897). Штабс-капитан гвардии (со ст. с 06.05.1900). Капитан Генштаба (со ст. с 06.05.1900). Подполковник (со ст. с 06.12.1904). Полковник (со ст. с 06.12.1908). Генерал-майор (со ст. с 07.02.1915). Генерал-лейтенант (с 29.04.1917). На службе с 31.08.1891. В Лейб-гвардии Волынском полку. Старший адъютант штаба 17-й пехотной дивизии (26.11.1900–11.05.1901). Обер-офицер для особых поручений при штабе VI армейского корпуса (11.05.1901–18.09.1904). Командир роты 65-го пехотного Московского полка (13.10.1901–28.10.1902). Старший адъютант штаба Варшавского военного округа (18.09.1904–07.03.1909). Начальник отделения ГУГШ (07.03.1909–14.07.1910). Делопроизводитель ГУГШ (14.07.1910–08.02.1913). Командир батальона 2-го Финляндского стрелкового полка (03.05–09.09.1911). Начальник штаба 1-й Финляндской стрелковой бригады (с 08.02.1913, затем — дивизии). Участник Первой мировой войны. Командир 3-го Финляндского стрелкового полка (с 06.11.1914). Генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии (с 15.04.1915). И.д. начальника штаба 8-й армии (с 25.09.1916). Командир XVI армейского корпуса (с 02.04.1917). Начальник штаба армий Юго-Западного фронта (с 10.09.1917). Вр.и.д. главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (с 10.1917). В распоряжении начальника Генерального штаба. Участник Гражданской войны. В РККА (1918–1919). Начальник Всероссийского главного штаба (08.05–07.08.1918). Постоянный член военно-законодательного совета. На военной службе до 31.10.1918. Арестован (08.11.1918, освобожден не позднее 15.11.1918). Секретарь канцелярии 1-го московского отделения 3-й секции Единого государственного архивного фонда (с 25.11.1918). Помощник заведующего отделением (с 01.02.1919). Проживал по адресу: Смоленский бульвар, 18. Внештатный сотрудник Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (с 01.1919). Вновь арестован 13.04.1919 по подозрению в участии в антибольшевистском подполье. Возможно, руководитель подпольной военной организации «Национального центра» — «Штаба Добровольческой армии Московского района» (1918–1919). Запрещена переписка и передачи (с 11.05.1919). Содержался в Бутырской тюрьме, затем — в Андроньевском и Ивановском лагерях. Осенью 1919 г. сумел бежать через линию фронта к белым. На службе во ВСЮР с 29.12.1919 (11.01.1920). В распоряжении начальника военного управления (на 29.12.1919 (11.01.1920)). Начальник укрепленной позиции у Ростова-на-Дону. Начальник штаба Кубанской армии (с 18(31).01.1920). Комендант крепости Севастополь и командующий войсками армейского тылового района (с 05.1920, на 09.1920). Один из организаторов эвакуации Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма (11.1920). В эмиграции — в Земуне (Сербия) и Париже (с 1924). Работал на заводе. Помощник начальника военной канцелярии РОВС (с 1928). Начальник военной канцелярии РОВС (06.07.1930–1934). Ездил в Парагвай для встречи с русскими ветеранами войны с Боливией. Председатель районного правления общества русских офицеров Генерального штаба в Париже (с 1934). Заместитель начальника 1-го отдела РОВС (02.1941). Сотрудничал с журналом «Часовой». Вице-председатель (с 16.12.1934), председатель Союза георгиевских кавалеров. Заместитель председателя распорядительного комитета гвардейского объединения (с 1948) и представитель от 3-й гвардейской пехотной дивизии. Почетный председатель Союза российских кадетских корпусов. Председатель объединения 3-й гвардейской пехотной дивизии (1949). Заместитель председателя объединения Лейб-гвардии Волынского полка (на 11.1951). Умер в эмиграции. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1904), Св. Станислава 2-й ст. (1906), Св. Владимира 4-й ст. (19.07.1910), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 10.06.1915), орден Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 14.06.1915). Женат, 5 детей (Татьяна, Надежда, Николай, Екатерина, Ольга).

Чем могу объяснить я себе это обращение. Может быть, воспоминанием о нашей старой трехлетней академической дружбе или, быть может, той солидарностью во взглядах, которая существовала у нас в начале Октябрьской революции в отношении тактики большевиков¹⁶²¹, но если это так, то я принимаю за личное для себя оскорбление Ваше предположение, что я могу служить на высоком ответственном посту в Красной армии не по совести, а по каким-либо другим соображениям. Поверьте, что если бы я после тяжелых переживаний не прозрел, то находился бы либо на Вашей стороне, либо в тюрьме или концентрационном лагере. С того самого момента, когда Вы с генералом Стоговым выехали из Бердичева перед вступлением туда призванных Украинской Радой немцев и австрийцев¹⁶²², я решил, что ничто не может оторвать меня от народа, и отправился с оставшимися сотрудниками и имуществом штаба фронта в страшную для нас в то время, но вместе с сим родную Советскую Россию. Может быть, Вы по-прежнему думаете, что в России все военспецы работают по принуждению под страхом расстрела, но такое заблуждение допустимо лишь рядовому офицерству, которое, насколько мне известно, Вы держите в полной слепоте, для Вас же, занимающего столь ответственную должность, как должность начальника штаба армии, и пользующегося всеми средствами разведки как агентурной, так и при посредстве иностранной прессы, должна была давно уже открыться картина истинного положения страны, и я только удивлялся, как Вы, более других возмущавшийся в дни первой революции бесправием рабочего класса, до сего времени стоите в рядах злейших врагов народа. Остается еще одно предположение, что, подсылая ко мне агента с этим гнусным предложением, имелось в виду скомпрометировать меня в глазах советского правительства и этим вывести из строя в данный решительный момент борьбы одного из ответственных работников штаба Юго-Западного фронта¹⁶²³, того штаба, который один раз уже был умелым проводником оперативных распоряжений высшего командования по разгрому Добармии¹⁶²⁴ Деникина.

Если это так, то должен сказать, что прием борьбы, хотя и остроумный, но не совсем честный и в данном случае своей цели не достиг. Советская Россия меня уже [испытала] в должности начальников штабов фронтов: Северного — в период славной Шенкурской операции, Западного — в период кровавой борьбы за Петроград, Южного — разгрома Деникина и в настоящей должности — в период блестящих успехов на польско-украинском фронте. Придет час, и он уже близок, полного разгрома и Врангеля. Ваше обращение, конечно, отразилось на моем душевном состоянии, но нет худа без добра, оно дало мне право воспользоваться для ответа Вам радио, через которое я и обращаюсь ко всем своим прежним сослуживцам старой армии по должности командира 7-го Сибирского полка¹⁶²⁵, на-

---

¹⁶²¹ Имеется в виду период совместной с Махровым службы в штабе Юго-Западного фронта.

¹⁶²² Немцы и австрийцы в феврале–апреле 1918 г. оккупировали территорию Украины по Брест-Литовскому соглашению с украинской Центральной Радой от 27 января 1918 г.

¹⁶²³ В 1920 г. Петин являлся начальником штаба советского Юго-Западного фронта.

¹⁶²⁴ Добармия — сокращенное наименование Добровольческой армии. Петин неточен, т.к. речь идет о Вооруженных силах на Юге России, образованных в результате союза командования Добровольческой армии с атаманом Всевеликого Войска Донского П.Н. Красновым.

¹⁶²⁵ Командиром 7-го Сибирского стрелкового полка Петин был с 16 июля 1916 г. по начало 1917 г.

чальника штаба 34, а затем 50 армейских корпусов¹⁶²⁶ и генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта¹⁶²⁷ с призывом проснуться, прозреть и сложить оружие перед великими идеями социальной революции. Поверьте мне, поверьте тысячам Ваших прежних братьев и друзей, ныне так же честно, как и я, работающим в Красной армии, что все, что говорится Вам и пишется в заграничной прессе про Советскую власть, есть ложь, продиктованная лишь страхом потери своей власти и капитала. Я обращаюсь с этим призывом, главным образом, к рядовому офицерству, гибнущему по воле руководителей правительств Антанты и врангелевского штаба, к офицерству, которое умышленно держится в слепоте и которое единственно гибнет вместе с темной массой солдат, так как представители Антанты и высшие белогвардейские руководители всегда успевают своевременно выехать за границу. Так было в Ярославле¹⁶²⁸, так было в Архангельске¹⁶²⁹, так было в Одессе¹⁶³⁰, так будет и в Крыму¹⁶³¹.

Генерального штаба Петин»¹⁶³².

Текст послания высоко оценили члены РВС фронта И.В. Сталин и Р.И. Берзин. Интересно, что в этом документе присутствуют как элементы воззвания к белому офицерству в целом, так и фрагменты, лично обращенные к Махрову и напоминающие о событиях их дореволюционной жизни. Петин в том числе не забыл упомянуть и о либеральных взглядах Махрова периода первой русской революции.

Действия Петина, на наш взгляд, были продиктованы сугубым рационализмом. Его резкий ответ Шиманской мог быть обусловлен далеко не только принципиальной поддержкой советской власти, но, прежде всего, соображениями личной безопасности. Как опытный военный специалист Петин прекрасно понимал, что шансов на победу у белых летом 1920 г. уже не было. В случае обнаружения его контактов с белыми эмиссарами вся карьера Петина у красных могла в одночасье закончиться, а сам военспец, скорее всего, был бы расстрелян. Поэтому, взвесив все за и против, Петин решил не только не помогать белым, но и извлечь из потенциально опасной для себя ситуации максимальную выгоду. На тот случай, если бы обращение к нему было чекистской провокацией, он сообщил о случившемся. По согласованию с руководством было подготовлено обращение Петина к Махрову и к белым офицерам с призывом сдать в плен и прекратить борьбу. Таким образом, Петин, во-первых, уклонился от участия в антибольшевистском подполье и измены большевикам, во-вторых, сумел избежать наказания

---

¹⁶²⁶ На должностях начальника штаба XXXIV и L армейских корпусов Петин находился в 1917 г.

¹⁶²⁷ Судя по всему, в этой должности Петин состоял в начале 1918 г.

¹⁶²⁸ Речь идет о разгроме Ярославского восстания в июле 1918 г.

¹⁶²⁹ Имеется в виду эвакуация белых из Северной области в феврале 1920 г., в ходе которой были брошены на произвол судьбы многие офицеры-фронтовики, а штабы эвакуировались в первую очередь. Подробнее см.: *Соколов Б.Ф.* Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 67–69.

¹⁶³⁰ Речь идет о плохо организованной одесской эвакуации белых в начале февраля 1920 г. Подробнее см.: *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 5: Вооруженные силы Юга России. М., 2003. С. 772.

¹⁶³¹ Предсказание Петина не сбылось, поскольку в результате крымской эвакуации в ноябре 1920 г. эвакуировались фактически все, кто хотел это сделать.

¹⁶³² РГВА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 56. Л. 93–94.

за связь с белым подпольем и, в-третьих, ярко продемонстрировал свою лояльность большевикам.

21 июня (4 июля) 1920 г. Махров выехал в Польшу, поскольку незадолго до этого был назначен представителем Врангеля в этой стране, с которой белые связывали тогда большие надежды. Таким образом, он едва ли мог ознакомиться с радиограммой, переданной в Севастополь несколько дней спустя. Совершенно очевидно, что радиограмма Петина носила демонстративный, показной и пропагандистский характер. В то же время этот документ демонстрирует всю глубину и непреодолимость раскола, произошедшего в результате революции и Гражданской войны в русском обществе в целом и в корпорации офицеров Генерального штаба в частности.

В результате этого раскола формировавшиеся десятилетиями корпоративный дух и традиции взаимовыручки оказались не столь значимы в сравнении с непримиримыми идеологическими разногласиями, карьерными перспективами и стремлением к личной безопасности, а прежние друзья стали заклятыми врагами, при том, что и те и другие были горячими патриотами своей страны, но видели ее будущее по-разному.

Своеобразным ответом на радиограмму Петина стал еще один документ. И хотя он не имеет прямого отношения к изложенной выше истории, представляется важным поместить его именно в этом контексте. Речь идет о воззвании «К офицерам Генерального штаба в Совдепии», подписанном группой генштабистов Русской армии генерала П.Н. Врангеля 9 (22) сентября 1920 г.

Крайне любопытно сравнить аргументацию этих двух воззваний бывших товарищей по службе, оказавшихся по разные стороны баррикад. Документ был обнаружен нами среди материалов дневника генерала А.А. фон Лампе. Текст его следующий:

«К офицерам Генерального штаба в Совдепии.

Русская армия, поднявшая меч во имя попранного человеческого права, во имя мира и свободы, идет вперед освобождать Русскую землю и русский народ от насилия и гнета коммунистической своры, засевшей в древнем Московском Кремле.

Третий год великая страна заливается русской кровью, третий год в голоде и болезнях гибнут люди, доведенные до отчаяния и нищеты обезумевшей шайкой красных палачей.

Не для завоеваний, а для освобождения от рабства и насилия всей измученной Родины идет вперед Русская армия и с братским чувством всепрощения протягивает руку всем, в ком еще уцелело русское сердце, кто еще не забыл, что он сын опозоренной России.

Поднявшая меч за лучшие идеалы человечества и за счастье народа, Русская армия не опустит его, пока не восторжествует правда, пока не воспрянет поверженная Русь. Ибо есть только одна правда и ее несет только Русская армия с крестом в сердце и оружием в руках.

Главкомандующий Русской армией своими приказами даровал полное забвение всех ошибок и заблуждений каждому, кто с открытой душой перейдет к нам, это проводится в жизнь неуклонно.

Всякий, попавший в плен добровольно, не подвергнется никаким репрессиям, ни преследованию, и ряды Русской армии за последние месяцы пополнились не одной тысячей бойцов, которые здесь не из-под плети и террора, а свободно по-няли, за кем идти и кто действительно палач и враг народа.

Каждому ясно, что коммунисты, презираемые народом, держатся только на офицерстве, которое всегда и везде пополняло армию и являло ее основу.

Зная это, они зажали вас в тиски террора и посылают на убой защищать ненавистную вам и народу идею беспросветного рабства. Ложью и провокацией они внушают вам, что всякий перешедший к нам подвергается суду, пыткам и расстрелам.

И если лежит грех на душе рядового офицера, загипнотизированного этой клеветой, то он более тяжел для офицеров Генерального штаба, ибо вы знаете и уверены, что нет границ коммунистической подлости.

Обращаясь с настоящим призывом в период расцвета успехов Русской армии ко всем офицерам и солдатам вообще, мы, офицеры Генерального штаба Русской армии, обращаемся особенно к вам, офицеры Генерального штаба Совдепии, не допуская никаких сомнений, чтобы вы мыслили иначе, чем мы, и жили бы иными чаяниями.

Мы — дети одной матери — нашей славной академии, давшей русской истории много славных имен, мы братья ваши по духу, по мыслям и задачам спасения народа и страны.

И заверяем словом и честью всех — кто бы вы и где бы вы ни были, что вас ожидает не кара и упреки, а братский привет и сочувствие за великое горе, нравственное потрясение и тайную скорбь, которую несете вы третий год.

Вами и только вами держится армия коммунистической шайки авантюристов, презираемых всеми культурными народами Запада и Востока.

Мы верим, что ваша совесть и честь не могут быть ни куплены, ни терроризированы. И чем скорее вы будете с нами телом и духом, тем скорее прекратится народная скорбь и перестанет литься братская кровь, тем скорее в величии русского духа оживут мир, единство и слава Русской армии и русской земли.

Подписали:

Начальник штаба Главкомандующего Русской армией, Генерального штаба генерал-лейтенант [П.Н.] Шатилов.

Генерал-квартирмейстер штаба Главкомандующего Русской армией, Генерального штаба генерал-майор [Г.И.] Коновалов.

Начальник Военного управления, Генерального штаба генерал-лейтенант [В.Е.] Вязьмитинов.

Помощник начальника Военного управления, Генерального штаба генерал от инфантерии [Ю.Н.] Данилов.

Начальник общего отдела Военного управления, Генерального штаба генерал-майор [В.В.] Фирсов.

Помощник начальника общего отдела Военного управления, Генерального штаба генерал-лейтенант [А.П.] Архангельский.

Генерал-инспектор конницы Русской армии, Генерального штаба генерал-лейтенант [Я.Д.] Юзефович.

Войсковой атаман Всевеликого Войска Донского и командующий Донской армией, Генерального штаба генерал-лейтенант [А.П.] Богаевский.

Командующий войсками армейского тылового района, Генерального штаба генерал-лейтенант [Н.Н.] Стогов.

Ординарный профессор Военной академии, генерал для поручений при главнокомандующем Русской армией, генерал-лейтенант [В.В.] Беляев.

Генерал-лейтенант [Д.П.] Драценко.

Генерал от инфантерии [Э.В.] Экк.

Председатель суда чести офицеров Генерального штаба, Генерального штаба полковник [А.-Э.Г.] Нидермиллер.

Члены суда чести офицеров Генерального штаба:

Генерального штаба полковник [Г.И.] Шлидт.

Генерального штаба полковник [А.В.] Станиславский.

Генерального штаба полковник [А.Л.] Мариюшкин.

Генерального штаба полковник [А.А.] Подчертков.

Генерального штаба полковник [Н.В.] Ерарский

9/22 сентября 1920 года»¹⁶³³.

Этот широковещательный документ был запоздалым. К сентябрю 1920 г. серьезных перспектив у антибольшевистского сопротивления на Юге России уже не было. Не понимать это могли только наивные идеалисты. Несмотря на то что по риторическим приемам оба воззвания имеют немало общего (так, в каждом из них упоминались интересы и счастье народа, понимавшиеся составителями по-своему), рациональные доводы радиogramмы Петина смотрятся куда убедительнее идеалистических воззрений подписантов аналогичного воззвания со стороны белых и их стереотипного восприятия советской действительности, основанного на материалах антибольшевистской пропаганды. Можно сказать, что в этих двух документах отразились сильные и слабые стороны непримиримых противников по Гражданской войне — представителей военной элиты белых и красных.

---

¹⁶³³ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 211.

Невероятные приключения «итальянца» в России

Тернистый путь капитана К.Ф. Монигетти*

Революция и Гражданская война стали тяжелым временем для русских офицеров. Многие из них подчинились государственному насилию и произволу, но были и те, кто повел свою собственную борьбу с системой, не останавливаясь даже перед крайними мерами. Тысячи офицеров бежали из Советской России, чтобы участвовать в борьбе с большевиками в рядах белых армий, но некоторые не пришлось ко двору ни в одном из противоборствующих лагерей и были вынуждены перейти на нелегальное положение. Это были люди особого склада характера и духа, сложно даже предположить, какими способами им приходилось выживать в чрезвычайных условиях революционного времени. Сегодняшний наш рассказ о драматической судьбе одного из таких офицеров — Константина Федоровича Монигетти.

Монигетти родился в Петербурге 19 марта 1890 г., происходил из мещан (его отец, Федор Федорович, был служащим представительства резиновой фабрики «Богатырь» и умер в 1918 г., мать умерла в 1929 г.), считал себя русским, хотя фамилия явно указывала на итальянское происхождение. Супругой Монигетти была его ровесница, дочь железнодорожного служащего Элеонора Михайловна, детей у них не было.

Монигетти окончил 1-ю гимназию в Екатеринославе (1908) и Владимирское военное училище (1910), откуда вышел подпоручиком в 49-й пехотный Брестский полк, стоявший в Севастополе. С этим полком и была связана вся его до-революционная военная служба. В 1911 г. наш герой окончил Севастопольскую фехтовально-гимнастическую школу. По свидетельству супруги, «языками иностранными муж действительно владел в совершенстве, так как еще с гимназической скамьи отличался исключительными лингвистическими способностями. Вообще, он был очень одаренный человек»¹⁶³⁴.

В 1913–1914 гг. Монигетти обучался в младшем классе Императорской Николаевской военной академии, но закончить высшее военное образование помешала начавшаяся мировая война¹⁶³⁵, в которой офицер принял активное участие и был награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»

* Впервые опубликовано: Родина. 2011. № 10. С. 122–125.

¹⁶³⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 111–111об.

¹⁶³⁵ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 373. Л. 293об.

и Св. Станислава 3-й степени с мечами. В конце существования русской армии штабс-капитан (по другим данным, капитан) Монигетти служил командиром 14-й роты 49-го пехотного Брестского полка.

В 1918 г. Монигетти числился в гетманской армии (в приказах он не упоминался¹⁶³⁶) в звании сотника (капитана), причем не говорил по-украински, что было характерно для множества русских офицеров, оказавшихся в украинских военных формированиях того времени, а из иностранных языков знал только немецкий. По некоторым данным, Монигетти должен был быть назначен на должность старшего адъютанта штаба 15-й пехотной дивизии в Екатеринославе¹⁶³⁷. Впрочем, о том, что это назначение состоялось, данных нет. Со сменившимися гетмана П.П. Скоропадского на Украине радикальными украинскими националистами Монигетти было явно не по пути, поэтому его следы в украинской армии далее теряются.

В период с февраля по август 1919 г. он служил в Красной армии. Был начальником штаба войск Правобережной Украины, причем даже попал в официальную советскую историю Гражданской войны как начальник штаба 14-й советской армии, оборонявшей Украину¹⁶³⁸. Этот ответственный пост Монигетти занимал в период с 22 июня по 2 июля 1919 г. Командовал армией в это время небезызвестный Климент Ефремович Ворошилов. Впоследствии это знакомство сослужило Монигетти хорошую службу. Затем Монигетти был начальником штаба Екатеринославского укрепрайона и инспектором пехоты Высшей военной инспекции. Однако он, по всей видимости, не разделял большевистских идей и в Красной армии оказался случайно лишь в силу обстоятельств. Неудивительно, что служба его большевикам была непродолжительной. С Украины Монигетти должен был быть назначен в Симбирск в распоряжение штаба 5-й армии¹⁶³⁹, однако назначение не состоялось. При отступлении частей РККА от Киева Монигетти остался в городе и перешел на сторону белых. Тогда в Киеве остались в общей сложности несколько тысяч бывших офицеров¹⁶⁴⁰. Впоследствии в своих показаниях по делу «Весна» 21 апреля 1931 г. Монигетти отметил, что дезертировал из Красной армии, «руководясь исключительно чувством к жене, которая была с 6-летним ребенком оставлена в г. Киеве в совершенно беспомощном состоянии, большая перитонитом»¹⁶⁴¹.

Служба у белых тоже не заладилась, так как Монигетти в конце сентября был арестован контрразведкой отряда Генштаба генерал-лейтенанта Н.Э. Бредова за службу в Красной армии. К сожалению, следственного дела Монигетти обнаружить не удалось, нашелся лишь один сопроводительный документ — отношение генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР председателю

¹⁶³⁶ По данным к.и.н. М.А. Ковальчука (Киев).

¹⁶³⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 58об–59. Также см.: *Тичченко Я.Ю.* Офицерский корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). К., 2007. Кн. 1. С. 535. Впрочем, по данным списка генштабистов украинских советских формирований, это последняя должность Монигетти в старой армии (РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 70).

¹⁶³⁸ Гражданская война в СССР. Т. 2: Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. – октябрь 1922 г.). М., 1986. С. 142.

¹⁶³⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 70.

¹⁶⁴⁰ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 359.

¹⁶⁴¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 93.

судебно-следственной комиссии от 20 января (2 февраля) 1920 г.: «Препровожденное мне дело о штабс-капитане Монигетти при № 0725/645Щ отослано начальнику отдела Генерального штаба Военного управления по принадлежности, так как эксперты были назначены его распоряжением из числа офицеров Генерального штаба отдела Генерального штаба Военного управления»¹⁶⁴².

Верховной судебно-следственной комиссией при штабе главнокомандующего ВСЮР Монигетти был приговорен к семи годам лишения свободы. Освобожден он по амнистии только за день до взятия красными Екатеринодара (занят красными 4 (17) марта 1920 г.), когда фронт ВСЮР уже трещал по швам под ударами красных. После освобождения Монигетти по приговору суда был разжалован в рядовые и 6 (19) марта направлен на фронт¹⁶⁴³. Быть использованным белыми в качестве пушечного мяса без всякого положения и перспектив, соответствовавших его высокому образовательному цензу, бывшему слушателю академии Генштаба явно не хотелось, поэтому он дезертировал из ВСЮР и в часть не явился. Но, видимо, опасаясь возвращаться к красным, решил перейти на нелегальное положение. В обстановке неразберихи Гражданской войны это было нетрудно сделать. В своих позднейших показаниях Монигетти сообщил, что в связи с занятием Екатеринодара красными «я должен был переменить фамилию, ибо как б[ывший] дезертир неминуемо был бы расстрелян, если бы в тот момент попался»¹⁶⁴⁴.

Около пяти лет, с 1920 по 1924 г., Монигетти провел в Советской России и СССР на нелегальном положении по чужим документам. Однако 9 августа 1924 г. он был арестован в Нижнем Новгороде на ярмарке, где работал в кооперации. Арест произошел не из-за прокола самого нелегала. Подлинные причины случившегося изложила в 1959 г. вдова Монигетти пенсионерка Элеонора Михайловна Муравьева: «Первый арест моего мужа был потому, что я его выдала, не будучи в силах переносить тяжести нелегальной жизни»¹⁶⁴⁵. Сам же Монигетти показал, что жена донесла на него, так как «на почве всех преследований, перенесенных мною, сошла с ума в начале 1921 г. и находилась на излечении в Кишкинской психиатрической больнице (г. Орел)»¹⁶⁴⁶.

Август 1924 г. Монигетти провел в Нижегородском губернском отделе ОГПУ¹⁶⁴⁷, а в начале октября был переведен в Особый отдел ОГПУ в Москве и содержался в

¹⁶⁴² ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 686. Л. 3.

¹⁶⁴³ Описанный генералом П.Н. Врангелем в своих мемуарах случай с капитаном Лейб-гвардии Петроградского полка Манегетти (так у Врангеля), застрелившим в нетрезвом состоянии матроса (тоже нетрезвого) за непочтительный ответ и разжалованным за это решением военно-полевого суда в рядовые, а затем героически погибшим на фронте, относится, видимо, к георгиевскому кавалеру Александру Александровичу Монигетти (*Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт* (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 53–54; см. также: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920: Биобиблиографический справочник. М., 2004. С. 650). Подробнее об этом случае см.: ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 308.

¹⁶⁴⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 93.

¹⁶⁴⁵ Там же. Л. 110.

¹⁶⁴⁶ Там же. Л. 93.

¹⁶⁴⁷ В архиве управления ФСБ России по Нижегородской области и в информационном центре ГУВД Нижегородской области данных об этом не сохранилось (письмо управления ФСБ России по Нижегородской области автору № Г-575 от 20.06.2011 г.).

Бутырской тюрьме. Наконец, 29–30 ноября на открытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха за дезертирство из Красной армии и проживание под чужой фамилией он был приговорен к расстрелу, замененному прямо на суде пятью годами лишения свободы со строгой изоляцией и лишением прав на три года. Наказание Монигетти отбывал в Москве, сначала в Лефортовской тюрьме в условиях строгой изоляции (с 5 декабря 1924 г. по 4 апреля 1926 г.), затем в Сокольническом исправительном доме (4 апреля – 5 мая 1926 г.) и в Ивановском исправительно-трудовом доме, как вспоминал Монигетти, «без решеток и часовых»¹⁶⁴⁸ (5 мая – 30 сентября 1926 г.). В последнем месте заключения ему даже несколько раз разрешались отпуска, в том числе загородный отпуск к матери в Тульскую губернию.

За время пребывания в тюрьме офицер приобрел некоторые практические навыки: «Одновременно во всех тюрьмах, где я был, я работал как на производстве у станка (долгое время работал токарем по дереву), так и на культурном фронте, занимая ряд должностей: библиотекаря тюрьмы, редактора стенной газеты, члена бюро марксистского кружка, руководителя кружка противовоздушной обороны и т.д.»¹⁶⁴⁹.

Супруга Монигетти, когда тот содержался в Лефортово, смогла выйти на бывшего начальника мужа по службе в 14-й армии — теперь уже всемогущего наркома Ворошилова и рассказала о наказании мужа за проступки 1919 г., сущность которых была «первому красному офицеру» якобы известна. В то время репрессии еще не носили директивного и системного характера, как в 1930-е гг., так что, по словам Монигетти, «тов. Ворошилов отнесся ко мне с большим участием, назвал меня “славным малым” и, узнав, что моя жена полуголодает (явление, которое в нашей совместной жизни повторяется периодически), дал мне возможность работать литературно в ГИЗе, причем заказы ГИЗа и мои работы провозил от меня и ко мне иногда т. Леухин, состоящий для поручений при Наркомвоенморе»¹⁶⁵⁰. Заключенного также посещал соратник Ворошилова по Гражданской войне, а в то время — прокурор Московского военного округа С.Н. Орловский, следивший за перевоспитанием арестанта.

Монигетти вспоминал, что «при каждом выходе моего печатного труда после 1926 г. я обязательно посылал Василию Васильевичу Ульриху один экземпляр труда с авторской подписью и указанием, что исполняю данное ему слово на суде — искренним и честным трудом на пользу родной мне Красной армии загладить тяжелое преступление 1919 года. И каждый упрек о том, что я этого слова не сдержал, принимаю как невыносимое оскорбление»¹⁶⁵¹.

30 ноября (возможно, сентября) 1926 г. Монигетти был досрочно освобожден, а в 1927 г. с него досрочно сняли поражение в правах. Наконец, в связи с 10-й годовщиной Октябрьской революции с Монигетти по амнистии была снята судимость. После освобождения семья Монигетти поселилась у родственников в Днепропетровске, где бывший офицер некоторое время оставался безработным,

---

¹⁶⁴⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 93.

¹⁶⁴⁹ Там же. Л. 93об.

¹⁶⁵⁰ Там же.

¹⁶⁵¹ Там же.

но затем смог устроиться на преподавательскую работу в Днепропетровском горном институте и даже получил звание доцента. В военкомате Монигетти был зарегистрирован по 8-й категории как начальник штаба полка.

18 декабря 1930 г. Монигетти был вновь арестован по делу «Весна» в Днепропетровске по обвинению в том, что «он состоял членом военной офицерской к[онтр]р[еволюционной] организации, ставившей перед собой цели свержения сов[етской] власти путем вооруженного восстания»¹⁶⁵². На момент ареста он работал преподавателем военных наук и военруком рабфака Горного института. Жил с женой и 70-летней тещей. Подследственный содержался под стражей при Днепропетровском оперсекторе ГПУ УССР¹⁶⁵³. Он и арестованные вместе с ним сослуживцы обвинялись в создании контрреволюционной организации из преподавателей вузов, вовлечении в организацию студентов. По делу о Днепропетровской военной контрреволюционной организации проходили генштабист, бывший полковник Ф.Ф. Фешот, командир 30-й стрелковой дивизии П.П. Мясоедов, начальник штаба дивизии М.М. Катанский, военрук Горного института С.М. Михайловский, физрук В.В. Гофф и др.¹⁶⁵⁴ Всего обвинялось не менее 22 человек¹⁶⁵⁵, в основном бывших офицеров, как служивших на тот период в РККА, так и занимавшихся преподавательской работой.

Анализ материалов дела показал, что Монигетти изобличался только поверхностными и противоречивыми свидетельскими показаниями других лиц, причем его именовали полковником Генштаба, занимавшим видное положение у белых¹⁶⁵⁶, что не соответствовало действительности. Никаких конкретных улик в деле не было.

По показаниям Катанского от 27 января 1931 г.: «В конце [19]27 или [19]28 г. я познакомился с К.Ф. Монигетти. Он на меня произвел впечатление весьма дельного человека, образованного в военном отношении, его же прежде и настоящее положение быстро дало возможность найти общий язык...»¹⁶⁵⁷

По показаниям Михайловского от 11 января 1931 г.: «Прибыв в [19]27 году в г. Днепропетровск в качестве военного руководителя ВУЗа (Горного института), я от Монигетти, бывш[его] в то время преподавателем военных дисциплин Горного института, узнал о существовании среди ряда лиц начсостава 30 стрелковой дивизии и среди профессуры и преподавателей Горного института какой-то организации, имевшей целью реставрацию буржуазной демократической республики под протекторатом Франции. Указанная организация имела связь с другими организациями, имевшимися в Харькове, Киеве и Одессе и др. города[х] с центром в Москве. Центр указанной к[онтр]р[еволюционной] организации имел тесную связь с Парижем, откуда он и финансировался на средства бывш[их] владельцев

¹⁶⁵² Там же. Л. 1.

¹⁶⁵³ В архиве управления Службы безопасности Украины по Днепропетровской области документы по делу Монигетти отсутствуют (письмо консульского отдела посольства Украины в Российской Федерации автору № 6111/19-091-902 от 01.08.2011 г.).

¹⁶⁵⁴ Несмотря на пропуски и неточности, сведения о ряде участников этой «организации» опубликованы в: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 277–279.

¹⁶⁵⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 15.

¹⁶⁵⁶ Там же. Л. 9.

¹⁶⁵⁷ Там же. Л. 35.

фабрик и крупных промышленников, как то Рябушевских (Рябушинских. — А.Г.), Морозовых и др. Целью указанной организации было свержение Сов[етского] строя путем, с одной стороны, открытой интервенции в лице вассальных Франции — Польши, Румынии, с другой — путем организации вооруженных повстанческих отрядов внутри Советского строя. Начало внешней интервенции в лице Польши и Румынии предполагалось в 30 году...»¹⁶⁵⁸

Руководили «организацией» Мясоедов, Катанский, Фешот, Монигетти и командир 30-го артиллерийского полка А.К. Юцковский¹⁶⁵⁹. В деле Монигетти сохранился даже план захвата Днепропетровска, который следователи не поленились выдать за ценное показание одного из арестованных¹⁶⁶⁰.

В случае восстания Монигетти якобы должен был стать начальником контрразведки. Так показал 26 декабря 1930 г. другой генштабист, Фешот, затем покинувший с собой в тюрьме (возможно, не вынеся того, что был вынужден оклеветать других). Кроме того, Монигетти якобы осуществлял связь военной и гражданской составляющих организации. Подобные фантазии нужны были следствию для создания видимости расследования. Очевидно, без этих бессмысленных документов расстрелять ни в чем не повинных людей тогда было затруднительно, и формальные требования «законности» должны были быть соблюдены.

Однако первый допрос арестованного состоялся лишь почти через четыре месяца после ареста — 12 апреля 1931 г. Виновным себя Монигетти не признал. Тем не менее постановлением коллегии ОГПУ от 30 мая 1931 г. он был приговорен к расстрелу. Вдова офицера позднее вспоминала о тех тяжелых днях: «Муж мой был выслан с группой военных в Харьков, в военный трибунал. Военный прокурор сказал мне, что он выслан надолго, и посоветовал поступить на работу. Окольными путями мы узнали, что они приговорены к расстрелу. Дали телеграмму-молнию о помиловании т. Калинину. В помиловании было отказано, и на Лубянке, 9 в Москве мне опять ответили, что он выслан. Сестре же моего мужа сказали, что он расстрелян»¹⁶⁶¹.

В 1959 г. вдова офицера, по-прежнему проживавшая в Днепропетровске, обратилась к военному прокурору Киевского военного округа с просьбой пересмотреть дело мужа и реабилитировать его. В письме женщина описала драматическую историю жизни их семьи в советский период. Она сама была арестована на сутки в декабре 1930 г., но затем освобождена. Работала учительницей, воспитательницей, а позднее в связи с нервным заболеванием — библиотекарем. «С тех пор прошло много лет. Много унижений и оскорблений я пережила, как жена врага народа. Травил всякий, кто хотел. Мне не раз пришлось прибегать к защите ГПУ, так как я знала, что Советское правительство наказывает виновных, но не мстит... Я стара, больна, живу в ужасных квартирных условиях. Но всё это ничего по сравнению с тем, что я переживаю, зная, что мой муж был врагом народа»¹⁶⁶². Несчастливая женщина остро переживала свою вину за то, что когда-то выдала мужа, пусть и не по расстрельному делу. Свое письмо она завершила

¹⁶⁵⁸ Там же. Л. 10.

¹⁶⁵⁹ Там же. Л. 36.

¹⁶⁶⁰ Там же. Л. 21.

¹⁶⁶¹ Там же. Л. 109об.

¹⁶⁶² Там же. Л. 109об.–110.

интригующей фразой: «Быть может, я пролью свет на это “темное” дело, так как скажу то, что мой муж мне запретил под страхом смерти»¹⁶⁶³.

Эти доводы возымели действие, и вдова репрессированного была допрошена. К сожалению, в деле не удалось обнаружить сведений о том, что именно Монигетти запретил говорить жене под страхом смерти. Уже в 1960 г. вдова репрессированного военспеца писала следователю: «Я забыла сказать то, что, я считаю, имеет существенное значение и, в значительной степени, повлияло на исход дела моего мужа... А именно: моего мужа, благодаря итальянской фамилии и знанию нескольких иностранных языков¹⁶⁶⁴ — считали и сейчас считают иностранцем. В то тяжелое время быть иностранцем было опасно, что подтвердилось отношением к моему мужу. Это недоразумение — мой муж русский. Фамилию Монигетти он носил не по отцу, а по отчиму Федору Федоровичу Монигетти. Мать его была уроженка Смоленской области (губернии. — *А.Г.*) и вышла второй раз замуж за Монигетти Ф.Ф., имея от первого брака двух детей — моего мужа и его сестру, которых он усыновил»¹⁶⁶⁵. Заканчивалось письмо следующими словами: «Простите великодушно старуху, которая, отрешившись от личной жизни, 30 лет живет под гнетом невольного предательства, основанного на желании вырваться из кошмарного положения. P.S. Умоляю Вас, помогите!»¹⁶⁶⁶

После обращения вдовы бывшего офицера начались проверка его дела и процесс реабилитации, в ходе которого выяснилось, что показания по делу Монигетти ни на чем не основаны, а сам он репрессирован незаконно. В конце концов он был реабилитирован. Судьба К.Ф. Монигетти — одна из многих сложных офицерских судеб эпохи революционного перелома в России.

---

¹⁶⁶³ Там же. Л. 110об.

¹⁶⁶⁴ В служебных документах 1918 г. отмечено знание им только немецкого языка (ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 58об.–59).

¹⁶⁶⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 111.

¹⁶⁶⁶ Там же. Л. 111об.

Последний генштабист

Ромуальд Воликовский — последний выпускник
Николаевской военной академии
и последний кавалер ордена Св. Георгия*

Исследуя судьбы выпускников Николаевской военной академии, я долгое время не знал о том, кто же из «академиков» пережил всех остальных. Относительно офицеров довоенных выпусков определенная ясность существовала — последним из них, судя по всему, ушел из жизни 30 октября 1979 г. кубанский атаман генерал-лейтенант В.Г. Науменко. Последним же из выпускников ускоренных курсов академии периода Первой мировой и Гражданской войн я считал капитана-колчаковца Г.С. Думбадзе, умершего в эмиграции 24 января 1989 г.¹⁶⁶⁷

Однако при подготовке справочника по выпускникам академии, участвовавшим в Гражданской войне, неожиданно обнаружили новые интереснейшие данные о том, кто из генштабистов пережил всех остальных. Сейчас есть все основания считать таковым офицера польского происхождения Ромуальда Иосифовича Воликовского (Валиковского). Еще более удивительно то, что он, по всей видимости, оказался не только последним выпускником Николаевской академии, но и последним живым кавалером высшей военной награды дореволюционной России — ордена Св. Георгия¹⁶⁶⁸. Воликовский скончался сравнительно недавно — 14 февраля 1992 г. в Канаде на сто первом году жизни. Конечно, никакой личной заслуги в том, что он пережил всех остальных своих однокашников, нет, но, думается, читателям в России и в Польше будет интересно знать о судьбе последнего георгиевского кавалера и последнего генштабиста русской армии подробнее, чем это представлялось до сей поры в кратких справочных статьях. Воликовский участвовал во многих исторических событиях, и его жизненный путь вполне заслуживает специального исследования.

Кто же он, этот необычный офицер?

---

* Впервые опубликовано: Родина. 2010. № 8. С. 82–86.

¹⁶⁶⁷ Ганин А. Генштаб изгнанный: грани статистики // Родина. 2009. № 4. С. 51. Статья публикуется в настоящем издании.

¹⁶⁶⁸ Речь идет о награде, существовавшей в России до 1917 г., а также на территориях, занятых антибольшевистскими силами, в 1917–1922 гг. В настоящее время орден восстановлен в наградной системе Российской Федерации.

Ромуальд Воликовский родился 9 (21) декабря 1891 г. в местечке Романов на Волыни в семье потомственного дворянина Волынской губернии¹⁶⁶⁹. По происхождению Воликовский был поляком, исповедовал католичество. Ромуальд с детства готовился к военной карьере. Он окончил Ярославский кадетский корпус, а в сентябре 1910 г. поступил в Алексеевское военное училище на правах вольноопределяющегося 1-го разряда юнкером рядового звания. Учеба складывалась благополучно. 21 октября 1911 г. Воликовский был произведен в унтер-офицеры. Училище он успешно окончил по 1-му разряду в августе 1912 г., был произведен в подпоручики и выпущен в 71-й пехотный Белёвский полк¹⁶⁷⁰. С этим полком оказалась связана почти вся его дальнейшая служба в русской армии.

Отгуляв положенный после окончания учебы месячный отпуск, Ромуальд Воликовский 10 сентября 1912 г. прибыл в полк и был назначен младшим офицером в 4-ю роту, причем с первых же дней ему пришлось подменять командира роты, что объективно налагало на молодого офицера большую ответственность. Воликовский временно командовал ротой с 22 сентября по 8 октября и с 8 ноября по 4 декабря 1912 г. 13 марта молодой офицер получил свою первую награду — медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых, а через два дня был назначен в учебную команду полка. 11 июля 1913 г. Воликовский отличился на офицерской состязательной стрельбе из револьверов, выполнив условие на получение обыкновенного приза, но денег ему так и не дали. 14 сентября его направили в Варшаву в военный гимнастико-фехтовальный зал для обучения фехтованию и гимнастике, 25 февраля 1914 г. он получил назначение младшим офицером учебной команды, а 3 мая вернулся в полк, окончив курс школы «удовлетворительно». Как и многие младшие офицеры, начало Первой мировой Воликовский встретил, не имея ни семьи, ни какого бы то ни было имущества. В годы войны оказалось и вовсе не до того.

Первая мировая война для Ромуальда Воликовского началась в Брест-Литовске, куда он был командирован 18 июля 1914 г. как временно исполняющий обязанности смотрителя подвижных госпиталей, сформированных в крепости Брест-Литовск. Командировка продолжалась до 28 июля. С 18 июля Воликовский числился временно командующим 3-й ротой 1-го батальона полка. К 4 августа 1914 г. он в чине подпоручика продолжал службу в должности младшего офицера в 1-м батальоне.

Молодой субалтерн отличился уже в первые месяцы боев, проявив себя как храбрый офицер. Его ратный труд был отмечен командующим 9-й армией. 5 ноября 1914 г. Высочайшим приказом за бой 4 августа 1914 г. у Красника Воликовский был награжден аннинским оружием — орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», а 9 ноября «за боевые отличия, оказанные в делах с

---

¹⁶⁶⁹ *Kryska-Karski T., Żurakowski S. Generałowie polski niepodległej. Warszawa, 1991. S. 184.*

¹⁶⁷⁰ Служба Воликовского до революции реконструируется, прежде всего, на основании его послужного списка (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 163322. П/с 117-866. Л. 119–126об.). В этом же деле содержатся послужные списки других офицеров полка, по которым нами установлены дополнительные данные.

неприятелем» (за бои 10–19 августа¹⁶⁷¹) получил орден Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (награждение Высочайше утверждено 4 марта 1915 г.).

Однако особенно отличился наш герой 19 октября 1914 г. Свое участие в бою Воликовский описал настолько скромно, что его даже заставили подготовить вторую редакцию описания подвига, где бы его заслуги были обрисованы более выпукло. В первом варианте текста он отметил: «19 октября 1914 года мы были в районе Опатова около деревни Меченицы. Я командовал третьей ротой первого батальона и находился в резерве. Около 1-го часу дня нам приказано было идти на помощь нашим частям, обойденным австрийцами. Наша дорога лежала по глубокому оврагу, рядом с которым высилась небольшая гора, где шел бой. В это время австрийцы наступали. Командир батальона подполковник Доценко, ориентируясь по выстрелам, подвел нас к тому месту, где нам пришлось развернуться. Третья и вторая роты развернулись в боевой порядок и начали подниматься ползком вверх на гору. Ввиду того, что подъем был очень крутой, неприятель нашего наступления не мог видеть. Когда мы приблизились к ним (австрийцам. — А.Г.) шагов на 200 и перевалили перегиб горы, австрийцы заметили нас и открыли по нас¹⁶⁷² пулеметный огонь из четырех пулеметов. Из моей роты в течение каких-либо 3-х минут вышло убитыми 37 человек. Подполковник Доценко, видя наше положение дел, решил поднять ползущий батальон и двинуть его в атаку. С громким криком “ура” мы бросились на австрийцев. Их пулеметы, за одним из которых сидел офицер, работали до последней минуты. Во время атаки они уже не наносили нам того ущерба, который причинял[и] во время нашего подхода туда. Не доходя 10 шагов до противника, я заметил, что австрийцы густой массой бросились из окопов и двинулись прямо на нас. Принимая это движение за контратаку, мы еще стремительнее двинулись вперед. Но оказалось, что наши предположения оказались не соответствующими истине: австрийцы вышли из своих окопов для того, чтобы сдаться нам в плен. Офицер-пулеметчик стрелял уже и по своим, чтобы принудить их занять прежние места; он стрелял вплоть до того момента, когда его один из наших не хватил ружейным прикладом по голове. Таким образом, все пулеметы, 150 человек австрийцев попали в руки моей роты.

За это дело я получил орден Св. Георгия 4-й степени»¹⁶⁷³.

Из описания непонятно, за что именно был награжден Воликовский, так как его роль в случившемся раскрыта не была. Поэтому второй вариант текста несколько отличался от первого, но не менее интересен: «Это было 19 октября 1914 года в районе г. Опатова около деревни Меченицы. Памятный для меня этот день с утра был очень тяжелым. Всю ночь, пройдя походом, полк наш только к 9 часам утра остановился на биваке. Закусив куском сухого мяса, я, усталый до крайности, растянулся на соломе, посланной в грязной деревенской хате на полу, и такое свое положение считал высшим блаженством. Но блаженству этому скоро настал конец. Около 1 часа дня пришло приказание

---

¹⁶⁷¹ См.: Русский инвалид. 1914. 5 нояб. Сведения любезно предоставлены А.А. Вершининым, готовящим к печати историю 71-го пехотного Белёвского полка.

¹⁶⁷² Так в документе.

¹⁶⁷³ РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 467. Л. 74об.–75об.

нашему 1-му баталиону двинуться на помощь частям конной дивизии, на которую сильно надели австрийцы. Сборы были недолгие, через 10 минут баталион уже шел по глубокому оврагу, по которому скрытно мы и доползли подошли до самой позиции.

Перед нами возвышалась гора с перегибами, что не давало возможности противнику нас заметить. Таким образом, мы дошли до места, откуда ясно слышен был пулеметный огонь противника. В этом месте, как оказалось, противник обошел фланг и еще минута, две, вышел бы в тыл расположенным на вершине нашим частям. Командир баталиона подполковник Доценко, ориентируясь по выстрелам, остановил здесь баталион и приказал 3-й роте, которой я командовал, и 2-й — принять боевой порядок и двигаться вверх на гору с целью помешать австрийцам выполнить свой план обхода наших войск. Я развернул роту и повел ее. До изгиба горы мы подвигались спокойно, так как подъем был чрезвычайно крут, вследствие чего наше наступление не было видно, но лишь только вылезли на перегиб, как противник увидел нас. Расстояние между австрийцами и нами было небольшое — всего лишь 250 шагов.

Австрийцы моментально повернули на нас свои пулеметы и положительно засыпали нас градом пуль. Люди залегли и стали окапываться, кто спешно копал себе ямку, чтобы прикрыть хотя [бы] голову, кто закрывался лопаткой, не имевшие же лопатки скребли и рвали землю просто руками. Но вылежать совершенно открытым под такой массой свинца было невозможно; в продолжение 2-х, 3-х минут из роты в 150 человек вышло одними убитыми 37 человек. Оставалось одно, или отступить за перегиб, или рисковать. Командир баталиона выбрал последнее.

Могучий крик “ура” огласил воздух, и мы бросились вперед. Каждый бежал, что было мочи, чтобы скорее добежать и быть вне огня убийственных пулеметов, которые работали, не переставая. Когда мы были в шагах 15-ти от австрийцев, некоторые из них бросились бежать, другие же густой массой устремились на нас. Был момент, когда я думал, что все пропало, их было больше и они были кучнее. Но какова же была моя радость, когда я увидел, что у них руки поднялись вверх и они сдаются. Добежать до пулеметов было дело[м] нескольких мгновений. Солдат моей роты на моих глазах прикладом по голове убил пулеметчика, который оказался офицером и сел за пулемет, вероятно, чтобы до последней минуты отражать наш натиск, его последние выстрелы были направлены по своим для запугивания сдающихся. Таким образом, позиция противника, два пулемета и около 150 человек пленных остались в моих руках»¹⁶⁷⁴. Обратим внимание на нестыковки описаний. Если в первом описании Воликовский отмечал наличие у противника четырех пулеметов, которые были захвачены, то во втором рассказе речь идет уже только о двух.

Впоследствии за этот бой командующим 9-й армией 31 июля 1915 г. «за то, что в бою 19 октября 1914 г. у д. Менченица¹⁶⁷⁵, при атаке позиции австрийцев, взял два действовавших до последнего момента пулемета, причем прислуга пулеметов была вся переколота штыками» (ст. 8 п. 11 орденского статута) он был награжден

¹⁶⁷⁴ Там же. Л. 76–77.

¹⁶⁷⁵ Так в документе.

орденом Св. Георгия 4-й степени¹⁶⁷⁶, награждение утверждено Высочайшим приказом от 30 декабря 1915 г. Сложно судить о том, насколько заслуженной была эта высокая награда. Фактически индивидуального подвига, в отличие от многих других георгиевских кавалеров, Воликовский не совершал, но был награжден за мужество своих солдат.

И в дальнейшем он добросовестно исполнял свой офицерский долг, не кланяясь пулям и снарядам. Судьба хранила его. Воликовский был контужен артиллерийским снарядом в бою 10 ноября 1914 г. при посадке Пилица. Врачи отмечали припухлость, боль и красноту кожи в области левой ключицы, затрудненное движение в левом плечевом суставе. Бои тех дней носили крайне ожесточенный характер. Позднее при переправе через реку Пилицу у посада Иновлодзь 10 декабря 1914 г. Воликовский получил сквозные пулевые раны фаланги указательного и среднего пальцев левой руки. Оба раза он остался в строю.

В конце 1914 г. на фоне убыли офицерского состава командование оценило профессиональные качества Воликовского, и он уже получил под свое начало 3-ю роту. С 10 апреля 1915 г. он был утвержден в должности командующего 3-й ротой, а с 19 апреля 1915 г. — 4-й ротой своего полка, причем уже на следующий день награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. 13 мая 1915 г. новая награда — орден Св. Анны 2-й степени с мечами, а 5 июля — орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом от командующего 4-й армией (награждение Высочайше утверждено лишь через год — 27 августа 1916 г.). Поток наград, который обрушился на молодого офицера, наглядно свидетельствует о доблести Воликовского и о высокой оценке командованием заслуг офицеров русской армии безотносительно их происхождения или вероисповедания.

19–22 июня 1915 г. полк вел бои под посадом Тарногуры. 20 июня Воликовский вновь был ранен в районе деревни Красное. На этот раз пуля прошла через правую половину груди, задев легкое. К тому же офицер получил контузию правой половины головы.

Георгиевский кавалер, заслуженный боевой офицер, Воликовский не мог не выделяться среди офицеров полка, в этой связи дальнейшая его карьера представляется не случайной. 13 октября 1915 г. его прикомандировали к Офицерской стрелковой школе для надобностей формируемых броневых частей. С 9 ноября 1915 г. он вновь командовал 3-й ротой своего полка, а с 11 декабря 1915 г. служил еще и полковым адъютантом. Не заставило себя ждать и производство в следующий чин — 18 декабря 1915 г. Воликовский произведен в поручики со старшинством с 6 августа 1915 г.

Приказом главнокомандующего армиями Западного фронта от 17 марта 1916 г. за отличия в делах против неприятеля Воликовский награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (награждение Высочайше утверждено 29 января 1917 г.), а 19 августа 1916 г. произведен в штабс-капитаны со старшинством с 9 мая 1916 г. В послужном списке не упомянуто, но в наградных документах Воликовского имеются указания на наличие у него также ордена Св. Станислава 2-й степени и Высочайшего благоволения¹⁶⁷⁷.

¹⁶⁷⁶ Приказ IX армии № 374 от 31.07.1915 г.

¹⁶⁷⁷ РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 467. Л. 74.

Мусницкого¹⁶⁸¹ и 5 по выбору генерала Осинского¹⁶⁸², среди последних желательно назначить полковника Ясенского¹⁶⁸³, ныне состоящего при Ставке»¹⁶⁸⁴. К 25 сентября кандидаты должны были прибыть в академию. По всей видимости, аналогичные квоты выделялись осенью 1917 г. и для старшего класса 2-й очереди, куда попал Воликовский.

Соответствующее ходатайство о его приеме сверх штата, на так называемую «польскую вакансию», было подано командованием польских войск в России, стремившимся пополнить будущую национальную армию квалифицированными

¹⁶⁸¹ Довбор-Мусницкий Иосиф Романович (25.10.1867–26.10.1937) — из дворян, родился в имении Гарбов Сandomирского уезда Радомской губернии Привислинского края. Евангелическо-реформатского вероисповедания. Окончил Николаевский кадетский корпус (1886), 2-е Константиновское военное училище (1888), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1902). Подпоручик (со ст. с 09.08.1888). Поручик (со ст. с 07.08.1891). Штабс-капитан (со ст. с 06.05.1900). Капитан (со ст. с 06.05.1901). Подполковник (со ст. с 06.12.1904). Полковник (со ст. с 06.12.1908). Генерал-майор (со ст. с 12.08.1914). Генерал-лейтенант (с 05.05.1917). На службе с 31.08.1886. В 140-м пехотном Зарайском полку. В 11-м грендерском Фанагорийском полку. Отбывал лагерный сбор в Московском военном округе. Командир роты 11-го грендерского Фанагорийского полка (26.10.1902–11.02.1904), зачтено за двухгодичное командование ротой. Участник Русско-японской войны. Ober-офицер для особых поручений при штабе I Сибирского армейского корпуса (03.02.1904–11.09.1906). Старший адъютант штаба Иркутского военного округа (11.09.1906–02.03.1908). Штаб-офицер для поручений при штабе X армейского корпуса (02.03.1908–09.11.1910). Командир батальона 122-го пехотного Тамбовского полка (30.04–30.08.1908). Прикомандирован к кавалерии (08.07–08.08.1909). Прикомандирован к артиллерии (30.08–28.10.1910). Начальник штаба 11-й пехотной дивизии (09.11.1910–21.04.1912). Начальник штаба 7-й пехотной дивизии (с 21.04.1912). Участник Первой мировой войны. Командир 14-го Сибирского стрелкового полка (с 08.1914). Генерал для поручений при командующем 1-й армией (с 03.09.1915). Командующий 123-й пехотной дивизией (с 25.02.1916). Командующий 38-й пехотной дивизией (с 07.11.1916). И.д. начальника штаба 1-й армии (с 17.01.1917). Командир XXXVIII армейского корпуса (с 28.04.1917). Один из руководителей организации польских войск в России. Командир I Польского стрелкового корпуса (23.08.1917–22.05.1918). Участник Гражданской войны. Отказался подчиняться советскому правительству (12.01.1917), не выполнил приказ командующего большевизированным Западным фронтом о роспуске корпуса (21.01.1917), во главе корпуса оказал вооруженное сопротивление большевистским отрядам из латышских стрелков и матросов под командованием И.И. Вацетиса и И.П. Павлуновского. Корпус овладел Минском, с боями отошел на оккупированную немцами территорию, где выполнял функции оккупационных войск, а затем был расформирован (22.05.1918). В 1919–1920 гг. — в польской армии. Командовал повстанческими частями во время Великопольского восстания. Главнокомандующий Великопольскими войсками (16.01.1919–22.08.1920). Генерал брони (с 01.06.1919). Командующий Великопольским фронтом (22.08–10.1920). В резерве (с 10.1920). Влиятельный политический противник Ю. Пилсудского. Вынужден был уйти в отставку (с 14.11.1920). Оставил воспоминания. Умер в имении Батарово под Познанью. Похоронен в Люсово под Познанью. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1906), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1906), Св. Владимира 3-й ст. (18.08.1913), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 03.02.1915), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 09.03.1915). Женат, 2 детей. Дочь Янина Левановская (1908–1940) — офицер, единственная полька, расстрелянная в Катыни. Дочь Агнешка (1919–1940) — убита немцами. Братья: Константин — генерал-лейтенант, Чеслав — подполковник.

¹⁶⁸² Осинский Александр Антонович (14.02.1870–10.02.1956) — генерал-майор, один из руководителей организации польских войск в России, член военной комиссии Верховного польского военного комитета (Начполь), глава организационной комиссии по делам польских военных формирований при российском Генеральном штабе (с 07.1917), руководил польскими войсками на Украине (04–05.1918).

¹⁶⁸³ Ясинский Альбин-Мариан Мартынович (17.02.1880–1940) — полковник, член Союза военных поляков, командир 9-го стрелкового полка I Польского стрелкового корпуса (12.1917–06.1918). Награды: Георгиевское оружие (1917).

¹⁶⁸⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 41.

генштабистами. Зачисление «на польскую вакансию» позволяло попасть в академию по специальной квоте, выделенной для польских офицеров, даже тем, кто при общем конкурсном отборе не имел шансов быть зачисленным. Впрочем, нашего героя это не касалось — в академии он учился успешно.

Командир Польского стрелкового корпуса Генштаба генерал-лейтенант И.Р. Довбор-Мусницкий телеграфировал 4 октября 1917 г. в Ставку, начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «...ходатайствую о командировании на старший класс академии сверх указанных выше офицеров польс[кого] корпуса обер-офицера для поручений шта[ба] кор[пуса] Польского ш[табс-]капитана Воликовского, георгиевского кавалера, удовлетворяющего всем условиям, окончившего вместе с[о] ш[табс-]капитаном Вецким¹⁶⁸⁵ подготовительные курсы первой очереди и даже старше его по баллам... Комкор Польского ген[ерал-]лейт[енант] Довбор-Мусницкий»¹⁶⁸⁶. Ходатайство 8 октября было поддержано генерал-квартирмейстером Генштаба генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом¹⁶⁸⁷, а начальник академии полковник А.И. Андогский в тот же день телеграфировал Довбор-Мусницкому, что с его стороны препятствий не встречается¹⁶⁸⁸. Воликовский поступил и окончил старший класс 2-й очереди академии. Таких, как он, на этом курсе было всего пятеро, поскольку большинство окончивших младший класс 1-й очереди затем поступили в старший класс своей же очереди, а Воликовский, видимо, сделать этого не смог или не захотел.

Как бы то ни было, до мая 1918 г. наш герой в чине капитана служил в штабе I Польского корпуса в России. Весной 1918 г. он оказался на короткое время в рядах зарождавшейся Красной армии, в штабе военного руководителя Петроградского района завесы¹⁶⁸⁹. На 7 апреля 1918 г. Воликовский, С.И. Вецкий, Е.М. Голицын и Я.В. Окулич-Казарин перешли из штаба Петроградского в штаб Московского военсовета. Однако на 19 апреля Воликовский не получил назначения в Московском районе. Затем летом 1918 г. в числе трех польских офицеров (также майора В. Чумы и поручика Э. Доян-Мишевского) он был направлен польским мобилизационным отделом в Москве в Сибирь (по другим данным, командиром II Польского корпуса генералом Ю. Галлером¹⁶⁹⁰), чтобы возглавить там военно-административную работу среди польских военнослужащих и формирование 5-й Польской стрелковой дивизии в целях предстоявшего восстановления Восточного фронта¹⁶⁹¹.

Польские офицеры к 1 августа 1918 г. добрались до Уфы. Так Воликовский оказался на Восточном антибольшевистском фронте. Как выяснилось, созданный

---

¹⁶⁸⁵ Вецкий Станислав Иванович (16.01.1890–?) — штабс-капитан. Выпускник ускоренных курсов академии Генерального штаба (1-я очередь младший класс, 2-я очередь старший класс). Участник Первой мировой войны. В 1-м Польском стрелковом батальоне (1917). Участник Гражданской войны. С 02.04.1918 — в РККА, позднее — в польской армии.

¹⁶⁸⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 131.

¹⁶⁸⁷ Там же. Л. 134.

¹⁶⁸⁸ Там же. Л. 136.

¹⁶⁸⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 1160б.

¹⁶⁹⁰ *Dyboski R.* Siedem lat w Rosji i na Syberii (1915–1921). Przygody i wrazenia. Warszawa, 2007. S. 19.

¹⁶⁹¹ *Bagiński H.* Wojsko polskie na Wschodzie. 1914–1920. Warszawa, 1921. S. 431, 543; *Radziwillowicz D.* Walki 5. dywizji strzelców polskich z partyzantką bolszewicką w obronie syberyjskiej magistrali kolejowej w 1919 roku // *Zeszyty Naukowe Akademii obrony narodowej* (Warszawa). 2007. № 3 (68). S. 299.

в Челябинске 15 июля 1918 г. Польский военный комитет уже вел в Заволжье работу по формированию польских воинских частей по договору с Чешским национальным советом. Польские отряды создавались при Чехословацком корпусе. Капитан Воликовский принимал участие в собрании членов Исполнительного отдела Польского военного комитета в России 4 августа 1918 г. в Челябинске. На этом заседании были признаны полномочия майора Чумы и принято постановление о передаче ему командования над польскими войсками на Востоке России и в Сибири¹⁶⁹².

Воликовский пробыл на Востоке России до 1919 г., дослужившись до ответственного поста начальника штаба польских войск в Восточной России и начальника штаба 5-й польской дивизии. Фактически должности в командовании польских войск и в штабе дивизии совмещались. Формирование польских войск велось в Бугуруслане и Новониколаевске. Всем необходимым формировавшиеся части обеспечивались чехословаками, позднее финансирование польского военного строительства на Востоке России и обеспечение поляков вооружением и военной техникой взяла на себя французская военная миссия во главе с генералом Морисом Жаненом.

Именно Воликовский подготовил 19 января 1919 г. рапорт командующему польскими войсками во Франции генералу Галлеру о состоянии польских войск в Сибири¹⁶⁹³. В своем рапорте он, в частности, писал, что отсутствие связи с Польшей было серьезной проблемой для сибирских военных формирований, поскольку попросту не было известно, что происходило на родине¹⁶⁹⁴. Общую численность польских войск в Сибири он оценил в 8000 человек (что было близко к действительности), однако развертывание в корпус из двух дивизий могло дать до 40 000 человек¹⁶⁹⁵. В основном польские части формировались из бывших австрийских военнопленных польского происхождения.

В своем рапорте Воликовский отмечал, что польские офицеры на Востоке России столкнулись с кадровыми проблемами: «Не имея никаких указаний по вопросу о повышении в чинах, командование вынуждено было повысить звания большому числу офицеров. Это было сделано по двум причинам: 1-е, у нас совершенно нет офицеров высших званий и слишком разительной была бы разница между званием и занимаемой должностью; 2-е, это необходимо для сношений с русскими, которые привыкли уважать чины, только высокие звания могут им импонировать. Кроме того, повышение офицеров очень запаздывает, в конце концов начальство вынуждено было использовать это средство как необходимый стимул для работы и как вознаграждение»¹⁶⁹⁶.

Полковник Чума направил подполковника Воликовского с военно-политической миссией в Польшу, чтобы установить контакты с правитель-

---

¹⁶⁹² Висьневский Я. Войско Польское в Сибири во время революции и гражданской войны в России // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды: Сб. ст. М., 2009. С. 226.

¹⁶⁹³ Публикацию этого документа см.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2: Ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г. М., 1964. С. 73–77.

¹⁶⁹⁴ Висьневский Я. Войско Польское. С. 228.

¹⁶⁹⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. С. 75.

¹⁶⁹⁶ Там же. С. 76.

ством¹⁶⁹⁷. Воликовский уехал из Сибири через Америку в Европу и добрался до штаба генерала Галлера¹⁶⁹⁸. Эту поездку офицер оплатил из собственных средств. В армии генерала Галлера Воликовский устроился на службу референтом командования, вместе с этой армией он и вернулся на ставшую независимой родину. Знания и опыт Воликовского оказались востребованы. 1 июня 1919 г. он получил звание подполковника пехоты. С апреля 1919 г. временно командовал 17-й пехотной бригадой 9-й пехотной дивизии.

В период советско-польской войны вплоть до декабря 1920 г. в звании подполковника Воликовский служил начальником штаба 5-й польской армии (22 010 штыков, 3826 сабель¹⁶⁹⁹) под командованием генерала В. Сикорского, впоследствии польского верховного вождя и премьер-министра польского эмигрантского правительства. Это сотрудничество сыграло свою роль в последующей карьере Воликовского. В ходе варшавской битвы армия Сикорского успешно противостояла значительно превосходящим ее силам РККА (по польским данным, 68 000 штыков и 6672 сабли), в том числе коннице Г.Д. Гая. Положение поляков облегчалось тем, что силы РККА были разбросаны на огромной территории, и можно было бороться с ними поочередно, пользуясь внутренними операционными направлениями (весной 1919 г. эту тактику, как ни парадоксально, активно применял сам Гай в районе Оренбурга). Штаб армии находился в крепости Модлин к северу от Варшавы. Именно 5-й польской армии выпала честь, как писал в своем приказе генерал Сикорский, «первой нанести удар и начать решающий этап советско-польской войны»¹⁷⁰⁰. И действительно, на рассвете 14 августа 1920 г. польские войска на этом участке фронта перешли в контрнаступление. Боевая обстановка была сложной и переменчивой. На следующий день после начала наступления Воликовский доносил о больших потерях в командном составе армии: за день были убиты три командира батальонов, шесть командиров рот, получил ранение командир одной из бригад¹⁷⁰¹. Левый фланг армии находился под постоянной угрозой обхода со стороны 4-й советской армии. Небезынтересно, что начальником штаба 4-й советской армии в августе 1920 г. был бывший слушатель ускоренных курсов академии Генштаба Г.С. Горчаков, как и Воликовский, обучавшийся там в 1917 г. Во главе армии стоял старый генштабист бывший подполковник А.Д. Шуваев (сын военного министра Д.С. Шуваева). Тем не менее полякам, несмотря на ожесточенное сопротивление частей Красной армии и потери, удалось добиться успеха. Вскоре была ликвидирована угроза Варшаве со стороны РККА, а затем произошел перелом и во всей войне.

В июле 1921 г. подполковник Воликовский получил новое назначение, став первым польским военным атташе в Москве, где пробыл до 1923 г.¹⁷⁰² Он хорошо знал Россию и, видимо, в этой должности оказался на своем месте. Занимался

---

¹⁶⁹⁷ Нея Я. Об истории создания 5-й польской стрелковой дивизии в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 295.

¹⁶⁹⁸ *Bagiński H.* Wojsko polskie. S. 567.

¹⁶⁹⁹ *Wrzosek M.* Wojny o granice Polski Odrodzonej 1918–1921. Warszawa, 1992. S. 305.

¹⁷⁰⁰ Цит. по: *Выщельский Л.* Варшава 1920. М., 2004. С. 137.

¹⁷⁰¹ Там же. С. 159.

¹⁷⁰² *Stawecki P.* Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997. S. 29.

в том числе и сбором разведанных¹⁷⁰³. В конце 1922 г. Воликовским был завербован бывший курсовик-колчаковец подполковник С.С. Дзюбенко, которого Воликовский мог знать еще по Сибири. Дзюбенко был амнистирован и служил в ГУВУЗе. Агенту выдали подложную советскую печать, с помощью которой он фабриковал документы и получал по ним секретные приказы по РККА. Через помощника Воликовского Дзюбенко получил деньги на открытие частного книжного магазина «Военно-техническое образование» на Петровке, служившего явкой для польской агентуры¹⁷⁰⁴. В итоге Дзюбенко был арестован.

В 1923–1924 гг. Воликовский продолжил свое образование, окончив курс Высшей военной школы в Варшаве. С 1 января 1925 г. Воликовский — уже дипломированный (т.е. Генерального штаба) полковник пехоты со старшинством с 1 июля 1925 г. В это время (1924–1926 гг.) он служил начальником отдела призыва в 1-м департаменте пехоты Военного министерства. В августе 1926 г. – марте 1930 г. он занимал пост командира 59-го пехотного полка, а в марте 1930 – 1937 гг. возглавлял дивизионную пехоту 4-й польской дивизии в Торуни. В 1937 – сентябре 1939 гг. Воликовский служил помощником командующего VII корпусным округом (Познань).

По служебной аттестации Воликовский считался хорошим офицером, хотя и не обладавшим большим опытом строевой службы, малоинициативным, иногда чересчур любящим удобства и предпочитающим откладывать работу на потом. В то же время решения он мог принимать свободно, но медленно и не обладал темпераментом. Был хорошим администратором, организатором и практиком, но нуждался в контроле и даже нажиме¹⁷⁰⁵. При этом нельзя исключать, что подобная аттестация была обусловлена нежеланием начальства продвигать выходца с русской службы в ряды армейского руководства.

Находясь на польской службе, Воликовский, судя по фотографиям, не носил полученный им в Первую мировую орден Св. Георгия. Возможно, это было связано с его политическими взглядами, а быть может, он просто не хотел портить себе карьеру, напоминая сослуживцам и начальству о том, что прежде служил в русской армии. Как известно, бывшие офицеры русской армии в вооруженных силах Второй Речи Посполитой не были в фаворе. Не стал исключением и Воликовский, самой высокой должностью для которого оказался в суровом 1920 г. пост начальника штаба армии. После войны столь крупных назначений он никогда уже не получал. Думается, вовсе не случайно генеральского звания ему пришлось ждать более шестнадцати лет, причем генералом он стал после падения Второй Речи Посполитой, в еще один кризисный для Польши период.

В сентябре 1939 г. он получил назначение на пост начальника этапов армии «Познань». После разгрома Польши Воликовский смог уехать во Францию (по некоторым данным, через Румынию). В октябре 1939 г. – январе 1940 г. он исполнял обязанности командира 1-го учебного полка в Коэткидан. В период с ян-

¹⁷⁰³ *Kmieciak T.* Sztab Generalny (Główny) Wojska Polskiego w latach 1918–1939. Słupsk, 2005. S. 108; *Misiuk A.* Służby specjalne w II Rzeczypospolitej 1918–1939. Warszawa, 1994. S. 64.

¹⁷⁰⁴ *Ульрих В.* Из недавнего прошлого. Записки судебного работника // Суд идет! 1926. № 20 (60). Октябрь. С. 1235. Также см.: *Тумшиц М., Патчинский А.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 304. Всего Воликовский завербовал более 20 агентов.

¹⁷⁰⁵ САУ.1.340.1.231; *Stawecki P.* Oficerowie dyplomowani. S. 245.

варя по июнь 1940 г. служил там же комендантом Центра школ пехоты. Затем в связи с оккупацией Франции немцами ему пришлось уехать в Великобританию. В октябре 1940 г. – августе 1941 г. Воликовский был заместителем начальника 3-й кадровой стрелковой бригады в составе I польского корпуса и находился в Шотландии. 1 сентября 1941 г. Воликовский получил звание бригадного генерала, а с августа 1941 г. вновь стал польским военным атташе в СССР, на этот раз представляя польское правительство в изгнании, позднее он возглавил польскую военную миссию в СССР.

В Москву Воликовский прибыл 4 сентября 1941 г., причем на первом заседании польских представителей произвел на окружающих не лучшее впечатление. По мнению адъютанта генерала В. Андерса поручика Е. Климовского, Воликовский, «к сожалению, с любой точки зрения выглядел довольно убого. Трудно было понять, почему Сикорский выдвигал подобных людей, повышал их в звании и направлял на такие ответственные посты. Вероятно, лишь для того, чтобы они вносили замешательство и аттестовали наши власти с самой плохой стороны. Тот же Воликовский, видимо в знак “благодарности” за столь большое повышение, втайне от Сикорского, представителем которого он был, принял письмо от председателя Стронництва Народового Тадеуша Белецкого (он находился в резкой оппозиции по отношению к Сикорскому и договору) для передачи Андерсу. Одновременно Воликовский рассказал Андерсу об оппозиции, возникшей против Сикорского после подписания договора (между СССР и Польшей. — А.Г.)»¹⁷⁰⁶.

В СССР Воликовский вел розыск депортированных в 1939 г. поляков и пытался мобилизовать их на польскую военную службу, встречался с высшими советскими государственными деятелями, в частности с председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калининым. Однако, по всей видимости, как и в первый период своего пребывания в должности атташе, Воликовский продолжал разведывательную деятельность и создавал агентурную сеть¹⁷⁰⁷. Неудивительно, что в сентябре 1942 г. он был выслан из СССР по обвинению в шпионаже и уехал на Ближний Восток¹⁷⁰⁸. В сентябре 1942 г. – апреле 1944 г. Воликовский занимал должность коменданта офицерских курсов при командовании на Среднем Востоке, а затем — в Польской армии на Востоке (армии Андерса). В период освобождения Польши и позднее (с апреля 1944 г. по 1946 г.) состоял в распоряжении Министерства народной обороны, а затем — начальника польского Генерального штаба в Лондоне. После войны Воликовский демобилизовался и из Великобритании уехал в Канаду (Торонто), где провел остаток жизни. По другим данным, он жил в Калгари. В 1981 г. получил почетное звание доктора «Honoris Causa» Университета Альберта в Эдмонтоне. Скончался там же.

Воликовский был награжден польским военным орденом «Виртути Милитари», крестом Независимости, орденом Возрождения Польши (Polonia Restituta) 4-го класса, крестом Храбрых и золотым крестом Заслуг.

Ромуальд Воликовский прожил долгую и насыщенную жизнь, участвовал в двух мировых войнах, российской Гражданской войне и советско-польской вой-

¹⁷⁰⁶ Климовский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. М., 1964. С. 129.

¹⁷⁰⁷ Там же. С. 243.

¹⁷⁰⁸ Kosk H.P Generacja polska. T. 2: M-Ż. Pruszków, 2001. S. 258.

не, сумел достойно послужить России и Польше. Его судьба во многом характерна для русских офицеров польского происхождения, вынужденных сделать свой выбор в 1917 г. Останься он в России, едва ли ему удалось избежать репрессий. Однако и выбор в пользу независимой Польши не дал спокойной жизни. В то же время Воликовскому повезло — он не только уцелел в годы Второй мировой войны, но и сделал в военное время неплохую карьеру. Наиболее активная деятельность Воликовского была связана с польской военной службой, но и на русской службе он проявил себя с лучшей стороны. Не его вина в том, что поступившие на польскую службу бывшие офицеры русской армии воспринимались польским военно-политическим руководством как люди второго сорта и при ненавидевшем Россию Ю. Пилсудском были лишены возможностей для быстрого карьерного роста. И на польской службе Воликовский не забывал о России, служебный долг дважды направлял его туда, где прошла его молодость и где он сделал первые шаги своей военной карьеры. Наконец, именно поляк Ромуальд Воликовский оказался последним генштабистом и последним георгиевским кавалером русской армии. О таких людях, в биографиях которых переплелась сложная, героическая и трагическая история наших стран, нужно помнить.

ДОКУМЕНТЫ

Записка А.И. Деникина Н.П. Михневичу о состоянии обучения в Николаевской академии Генерального штаба. 8 мая 1906 г.

Публикуемый документ представляет собой один из 88 ответов на опрос о состоянии и перспективах русского Генерального штаба, который проводился в 1906 г. среди 314 офицеров Генштаба, окончивших академию в 1880–1903 гг. и участвовавших в Русско-японской войне 1904–1905 гг.¹⁷⁰⁹ Анкетирование проводил начальник Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенант Н.П. Михневич по поручению начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф.Ф. Палицына. Цель анкетирования была понятна и заключалась в необходимости разобраться в уровне подготовки офицеров Генштаба после неудач Русско-японской войны.

Анкета состояла из пяти вопросов о недостатках в подготовке генштабистов, выявившихся в ходе войны, о трудностях в службе офицеров Генштаба, о качестве обучения в академии, о том, какие изменения по опыту войны нужно внести в учебный процесс, и о том, нужны ли академии какие-либо новые курсы.

На момент написания этой записки (письма) ее автор, Антон Иванович Деникин, был уже в чине полковника Генерального штаба. В этом документе он безжалостно обрисовал всю неприглядную академическую действительность. Документ особенно важен в сравнении с другими аналогичными анкетами отнюдь не потому, что Деникин впоследствии стал видным военным деятелем, одним из вождей Белого движения, крупной исторической фигурой. Важен он, прежде всего, потому, что Деникин воспринимал академию не так, как многие другие выпускники. Его восприятие предопределила допущенная при окончании им академии несправедливость. Следовательно, язвы академической подготовки Деникин чувствовал острее многих других участников анкетирования. Негативные стороны академической жизни были им многократно обдуманы и переосмыслены, в прямом и переносном смысле выстраданы. Тем не менее это не сказалось на объективности его оценок. Сам он впоследствии вспоминал, что на анкету «ответил подробно и от сердца»¹⁷¹⁰.

---

¹⁷⁰⁹ Подробнее об этом опросе см.: *Steinberg J.W. All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914.* Washington; Baltimore, 2010. P. 159–163. Однако Стейнберг ошибочно интерпретировал содержание анкеты Деникина, приписав ему то, чего в его анкете нет (*Ibid.* P. 159–160). Кроме того, он ошибочно утверждает, что Деникин на момент составления анкеты был капитаном, тогда как тот уже имел чин полковника. Наконец, содержание анкеты Деникина им никак не увязано с теми проблемами, которые были у Деникина во время учебы в академии.

¹⁷¹⁰ *Деникин А.И. Старая армия. Офицеры.* М., 2005. С. 168.

А из общего отчета об анкете выяснилось, что и другие участники анкетирования высказали похожие мысли.

Суть «академической истории» Деникина заключалась в следующем. Весной 1899 г. Деникин окончил академию в числе 50 офицеров, подлежавших причислению к Генеральному штабу. Тогда старшинство офицеров при выпуске (средний балл) рассчитывалось исходя из среднего балла по главным предметам при переводе на дополнительный курс и из среднего балла за темы дополнительного курса. Однако начальник академии сменился, и новое академическое начальство решило пересмотреть прежний порядок аттестации слушателей непосредственно в период окончания ими академии. По новой системе из трех тем дополнительного курса не выводилось среднее арифметическое, а балл по каждой теме считался отдельно, наравне со средним баллом по главным предметам при переводе на дополнительный курс, также отдельно считался балл за полевые тактические занятия (поездки) при переводе на дополнительный курс¹⁷¹¹. Парадокс заключался в том, что последний балл носил среди слушателей и преподавателей пренебрежительное наименование «благотворительного». Академические традиции допускали, чтобы на прощальном обеде офицеров той или иной партии, участвовавшей в полевой поездке, высказывалась коллективная просьба к руководителю поездки о повышении балла для тех, кому не хватало дробей в баллах для перехода на дополнительный курс (требовалось в среднем иметь 10 баллов). По коллективным просьбам этот балл произвольно завышался. Деникин за полевые поездки имел 11 баллов, что было очень хорошим результатом, но не высшим баллом (12).

В течение месяца было составлено пять новых списков, что привело к сокращению количества причисляемых к Генштабу. Под сокращение попали четыре офицера, в том числе Деникин, произведенный, несмотря на это, за отличные успехи в науках в академии в капитанский чин. Соответственно, в списке причисленных оказались четыре офицера, незаслуженно получившие высший «благотворительный» балл.

Конечно, Деникин был возмущен несправедливостью, не смирился и подал жалобу на Высочайшее имя. В дальнейшем он отказался ее отозвать. Однако император не дал добро на его причисление. Трое его товарищей по несчастью, не подавших жалобу, однако, были причислены. Эта история подробно описана в воспоминаниях Деникина «Путь русского офицера». Во время представления императору выпускников академии военный министр генерал А.Н. Куропаткин доложил Николаю II, что Деникин не причислен к Генштабу «за характер»¹⁷¹². Император же, вместо того чтобы тут же разобраться с необычным инцидентом, в силу своего характера предпочел ограничиться формальными малозначащими вопросами Деникину. К сожалению, подобное отношение к одному из выдающихся, как показала его дальнейшая служба, офицеров-генштабистов не делало чести военному руководству императорской России, для которого важнее справедливости было, чтобы офицеры не смели «свое суждение иметь». При этом случай с Деникиным не был редким исключением. Аналогичным образом от-

¹⁷¹¹ Такой порядок аттестации существовал в академии в 1875–1878 гг.

¹⁷¹² Деникин А.И. Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 132.

неслись при выпуске из академии к другому будущему генералу и талантливому военачальнику В.И. Селивачеву, которого не допустили в Генеральный штаб... из-за формы головы¹⁷¹³.

Командование Варшавского военного округа дважды ходатайствовало о причислении Деникина к Генштабу, однако император дал добро на причисление лишь на третий раз, после обращения самого Деникина к военному министру в 1901 г., считая Деникина раскаявшимся¹⁷¹⁴.

Деникин дважды (один раз, не называя имени) упомянул в документе и полковника В.И. Баскакова. Это был в своем роде типичный офицер Генерального штаба. Его служебная карьера была вполне характерна для многих штабных офицеров начала XX в., которые, будучи сугубыми теоретиками военного дела, имели слабое знакомство с реальным положением вещей в армии. Баскаков считался «большим спорщиком... [который] излагал свои “учения” медлительно и пространно и не без полемического “вызова”...»¹⁷¹⁵ В академии он был крайне пристрастен к слушателям и не выносил самостоятельных и самоуверенных офицеров¹⁷¹⁶. Баскаков сыграл определенную роль в судьбе Деникина. Еще весной 1896 г. из-за неудачи на экзамене у Баскакова поручик Деникин был отчислен от академии и вынужден заново в нее поступать. Антон Иванович этого не забыл. Впоследствии в своих воспоминаниях он описал встречу с Баскаковым, произошедшую во время Русско-японской войны, в сражении под Мукденом. К этому времени Баскаков уже свыше восьми месяцев находился на должностях начальника штаба Оренбургской казачьей дивизии¹⁷¹⁷ и начальника штаба конного отряда генерал-майора В.П. Грекова и имел, по крайней мере, семимесячный опыт участия в военных действиях. Несмотря на это, Деникин отметил: «Мы уже повоевали немножко и приобрели некоторый опыт. Баскаков — новичок в бою и, видимо, теряется. Приезжает на мой наблюдательный пункт и спрашивает:

— Как вы думаете, что означает это движение японцев?

— Ясно, что это начало общего наступления и охвата правого фланга наших армий.

— Я с вами вполне согласен.

Еще три-четыре раза приезжал Баскаков осведомиться, “как я думаю”, пока не попал у нас под хороший пулеметный огонь, после чего визиты его прекратились»¹⁷¹⁸. Сложно сказать, насколько важно для штабного офицера хра-

¹⁷¹³ *Алехтин С.* На фронте после революции // Военная Быль (Париж). 1968. № 92. Июль. С. 34; *Архипов М.Н.* Воспоминания о первой мировой войне // Военная Быль. 1968. № 90. Март. С. 21–22; *Барт А.* На фронте артиллерийского снабжения // Былое. 1925. № 5 (33). С. 198–199; *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Париж, 1970. Т. 2. С. 186–187; *Е.Д. и В.Б.* Из авиационных воспоминаний // Часовой (Париж). 1930. 31 дек. № 46. С. 10; Из дневника ген. В.И. Селивачева / Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.-Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 106; *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главкомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 93–94.

¹⁷¹⁴ Документы РГВИА по этому вопросу опубликованы в: *Трамбицкий Ю.А.* Комментарии // Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 342–345.

¹⁷¹⁵ *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 204.

¹⁷¹⁶ *Дрейер В.Н., фон.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 28.

¹⁷¹⁷ Подробнее об участии Оренбургской казачьей дивизии в Русско-японской войне, ее организации и командном составе см.: *Ганин А.В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 177–244.

¹⁷¹⁸ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 124.

бро держаться под огнем противника, но если верить Деникину, то получается, что даже в 1905 г. Баскаков мало что понимал на театре войны. Деникин получил немалое моральное удовлетворение от осознания своего превосходства над когда-то отнявшим у него год жизни и службы профессором.

В анкете Деникин клеймил хамство служащих академии по отношению к слушателям, цинизм и двуличие, практиковавшиеся на экзаменах, нетерпимость к высказыванию слушателем своего мнения, различные злоупотребления, как, например, покупка готовых тем дополнительного курса. В анкете давалась суровая оценка качеству преподавания в академии, отмечалась недостаточность полученной слушателями подготовки, оторванность учебного процесса от практики.

Думается, собранный в результате анкетирования генштабистов богатый материал позволил академическому начальству успешно реформировать учебный курс академии, что привело к улучшению подготовки кадров Генштаба накануне Первой мировой войны.

Штаб-офицер¹⁷¹⁹
для особых поручений
при штабе
2-го кавалерийского корпуса
8 мая 1906 г.
№ 300
г. Варшава.

Милостивый государь,
Николай Петрович.

На № 1413.
Его Превосходительству
Н.П.
Михневичу¹⁷²⁰.

---

¹⁷¹⁹ На полях штамп «Никол[аевская] академия Генерал[ьного] штаба входящий журнал “29” мая 1906 г. № 2145».

¹⁷²⁰ Михневич Николай Петрович (07.10.1849–08.02.1927) — окончил Константиновский межевой институт (1867), 3-е Александровское военное училище (1869), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1882). Подпоручик (со ст. с 23.07.1869). Прапорщик гвардии (со ст. с 29.08.1870). Подпоручик (со ст. с 08.04.1873). Поручик (со ст. с 30.04.1876). Штабс-капитан гвардии (со ст. с 30.08.1878). Капитан Генштаба (со ст. с 30.08.1878). Подполковник (со ст. с 01.01.1885). Полковник (со ст. с 30.08.1888). Генерал-майор (со ст. с 06.12.1898). Генерал-лейтенант (со ст. с 06.12.1904). Генерал от инфантерии (со ст. с 06.12.1910). На службе с 29.08.1867. В Лейб-гвардии Семеновском полку. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Старший адъютант штаба I армейского корпуса (01.09.1882–11.10.1883). Состоял для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (11.10.1883–15.11.1884). Штаб-офицер для особых поручений при штабе I армейского корпуса (15.11.1884–14.08.1886). Старший адъютант штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (14.08.1886–09.12.1890). Командир батальона 91-го пехотного Двинского полка (26.05–26.09.1889). Начальник штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (09.12.1890–03.06.1895). Экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (04.06.1892–20.10.1893). Ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (20.10.1893–16.06.1902). Заслуженный профессор Николаевской академии Генерального штаба (с 16.06.1902). Начальник Николаевской академии Генерального штаба (14.04.1904–10.01.1907). Почетный член Николаевской академии Генерального штаба (с 27.03.1907). Начальник 24-й пехотной дивизии (10.01.1907–24.06.1908). Начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии (24.06.1908–30.04.1910). Командир V армейского корпуса (30.04.1910–07.03.1911). Начальник Главного штаба (07.03.1911–02.04.1917). Почетный член конференции Михайловской артиллерийской ака-

Начальнику академии
Генерального штаба.

Все, что я буду говорить, относится к периоду [18]95–[18]99 г.г. Быть может, теперь многие из моих сетований окажутся анахронизмом, — тем лучше.

1) В области воспитания. Весь академический режим, отношение к нам административного персонала¹⁷²¹ и части профессоров были направлены всецело к подавлению в нас личности путем своеобразных педагогических приемов¹⁷²², единственных в своем роде. Нас третировали как мальчишек, забывая совершенно наше «офицерское достоинство», над нами глумились во время экзаменов и при защите тем, нас развращали явным презрением установленных верховной властью законов, нас оскорбляли: выживший из ума полковник в отношении офицеров-академиков не стеснялся применять слово «подлец»¹⁷²³... Все, что так или иначе выделялось силой, непосредственностью, оригинальностью, — было задавлено.

Под давлением своеобразной академической дисциплины, бездушной, не считавшейся с личностью, офицер, сделавший безобидную глупость, чтобы скрыть ее от начальства, вступал в сделку с совестью. Слабые протесты, прорывавшиеся изредка, были бессильны изменить что-либо в академическом режиме, а выходки более экспансивных натур — вызовы на дуэль приводили к комическим последствиям.

Наверху было не лучше. Профессор, давая с кафедры научное объяснение известному явлению, предупреждал слушателей, правда из чувства простого чело-
веколюбия, что в случае присутствия на экзамене начальника академии следует

демии (с 26.10.1912). Действительный член Русского военно-исторического общества. Уволен от службы с мундиром и пенсией (02.04.1917). Участник Гражданской войны. На службе в РККА (1918–1925). В прикомандировании к штабу Петроградского военного округа (1918). Арестован (09.1918). Преподаватель 1-х артиллерийских командных курсов в Петрограде (на 11.1919, на 05.1920). В резерве штаба Петроградского военного округа с прикомандированием к управлению Всевобуч. Преподаватель инженерной академии в Петрограде (1921). Штатный преподаватель артиллерийской академии (с 03.09.1921, на 1923). Известный военный теоретик и военный историк. Умер в Ленинграде. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1878), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1878), Св. Анны 3-й ст. (1879), Св. Станислава 2-й ст. (1883), Св. Анны 2-й ст. (1886), Св. Владимира 4-й ст. (1891), Св. Владимира 3-й ст. (1894), Св. Станислава 1-й ст. (1901), Св. Анны 1-й ст. (1903), Св. Владимира 2-й ст. (1906), Белого Орла (06.12.1911), Св. Александра Невского (30.05.1913). Женат, имеет дочь. Соч.: Партизанские действия кавалерии в 1812–1813 годах. СПб., 1888; Военно-исторические примеры. СПб., 1892; Значение германо-французской войны 1870–1871 гг. в истории военного искусства. Ч. 1: Стратегия. СПб., 1892; Влияние новейших технических изобретений на тактику войск. СПб., 1893; Война 1861–65 г. за нераздельность Союза Соединенных Штатов Северной Америки. СПб., 1894; История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1895; Франко-германская война 1870–71 гг. СПб., 1896; Война между Германией и Францией 1870–71 г. От начала войны до Седана включительно. Б.м., 1897. Ч. 1; Основы русского военного искусства: сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898; Военная наука и степень точности ее выводов. СПб., 1899; Стратегия. СПб., 1899–1901. Кн. 1–2; Вооруженные силы России до царствования императора Александра I. СПб., 1902; Петр Великий и Полтава. СПб., 1909; История русской армии и флота. Т. 4: Отечественная война 1812 года. М., 1911; 1812-й год на Руси. М., 1912; Бородинский бой. 1812 г. М., 1912; На память об императоре Александре I-м и Отечественной войне. М., 1912; Основы стратегии. СПб., 1913; Прошлое России от Рюрика до Романовых. М., 1913; Русь и Дом Романовых. М., 1913. Т. 1; Государственная жизнь народов. М., 1916. Здесь и далее детальные биографические справки приведены только в отношении офицеров Генерального штаба.

¹⁷²¹ Были явления отрядные, но как исключение (примеч. А.И. Деникина).

¹⁷²² Здесь и далее подчеркнуто красным карандашом Н.П. Михневичем.

¹⁷²³ На полях Н.П. Михневичем помечено «?».

давать совершенно иное объяснение, ему угодное. Те лица, которые вчера еще проповедовали «неизменные основы военного искусства высокоуважаемого учителя (Леера¹⁷²⁴)», сегодня заявляли открыто, что «надо уже бросить эти старые глупые прописи» (при Сухотине¹⁷²⁵)...

¹⁷²⁴ Леер Генрих Антонович (04.04.1829–16.04.1904) — родился в Нижнем Новгороде. Лютеранского вероисповедания. Окончил Ларинскую гимназию в Санкт-Петербурге, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1854). Прапорщик (со ст. с 13.06.1848). Подпоручик (со ст. с 01.02.1851). Поручик (со ст. с 14.06.1853). Штабс-капитан Генштаба (со ст. с 27.03.1855). Капитан (со ст. с 30.08.1859). Подполковник (со ст. с 30.08.1862). Полковник (со ст. с 30.08.1875). Генерал-майор (со ст. с 30.08.1875). Генерал-лейтенант (со ст. с 30.08.1882). Генерал от инфантерии (со ст. с 14.05.1896). На службе с 19.08.1844. Кондуктор кондукторской роты главного инженерного училища (с 1844). В 3-м резервном саперном батальоне (с 1850). Участник кампании 1851 г. на Кавказе и Крымской кампании 1854 г. Старший адъютант штаба командующего войсками в Эстляндии (1854). Состоял при департаменте Генерального штаба. И.д. адъютант-профессора Николаевской академии Генерального штаба (1858). Защитил диссертацию по теме «О боевых порядках пехоты». Читал курс военной истории в инженерной академии. Печатался в журналах «Военный сборник», «Инженерный журнал». Инспектор классов 2-го Константиновского военного училища (с 1865). В командировке во Францию и Германию для осмотра военно-учебных заведений (1867). В командировке в Сербию для реорганизации вооруженных сил. Командирован для сопровождения великого князя Николая Константиновича по Италии и Австрии (1872). Участник Брюссельской международной конференции (1874). Чиновник для особых поручений 4-го класса при Главном управлении военно-учебных заведений (19.01.1877–25.06.1885). Член главного комитета по устройству и образованию войск (с 1881). На маневрах во Франции (1882). Главный редактор восьмитомной «Энциклопедии военных и морских наук». Начальник Николаевской академии Генерального штаба (13.08.1889–17.08.1898). Непременный член педагогического комитета Главного управления военно-учебных заведений (с 25.06.1885). Член Военного совета (с 06.05.1896). Почетный член Михайловской артиллерийской академии. Почетный член Николаевской инженерной академии. Почетный член Николаевской академии Генерального штаба. Почетный член Императорского Санкт-Петербургского университета. Член-корреспондент Академии наук. Крупный военный теоретик и историк. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1858), Св. Анны 3-й ст. (1861), Св. Станислава 2-й ст. (1863), чин полковника (1865), ордена Св. Владимира 4-й ст. (1867), Св. Владимира 3-й ст. (1869), чин генерал-майора (1871), ордена Св. Станислава 1-й ст. (1873), Св. Анны 1-й ст. (1876), Св. Владимира 2-й ст. (1879), чин генерал-лейтенанта (1882), орден Белого Орла (1889), Высочайшая благодарность и знак XL лет беспорочной службы (1890), золотая табакерка, украшенная бриллиантами, с вензелем Высочайшего имени (1894), орден Св. Александра Невского (1894), табакерка с портретом в Бозе почившего императора Александра III, украшенная бриллиантами (1894), чин генерала от инфантерии (1896), Высочайшая благодарность и бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского при Высочайшем рескрипте (1898), большой крест французского ордена Почетного легиона (1883), сербский орден Такова 1-й ст. (1892), черногорский орден князя Даниила I 1-й ст. (1894), орден бухарской Короны с бриллиантовыми украшениями (1898). Женат, имел сына. Соч.: О боевых порядках. СПб., 1865; Петр Великий как полководец. СПб., 1865; Записки тактики для военных училищ. Курс старшего класса. СПб., 1866; О сражениях. СПб., 1866; Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия). СПб., 1869. Ч. 1; Положительная военная наука. Ответ на критический очерк А.Ф.Н. СПб., 1870; Публичные лекции о войне 1870 г. между Францией и Германией. СПб., 1871–1873. Ч. 1–2; Значение подготовки к войне вообще и подготовительных стратегических операций в особенности. СПб., 1875; Прикладная тактика. СПб., 1877–1880. Вып. 1–2; Записки стратегии. СПб., 1877–1880. Вып. 1–2; Очерк военных действий в Турции. СПб., 1878; Тактическое значение местности. СПб., 1878; Задачи стратегии как искусства и как науки. СПб., 1880; Сражение при Верте 6 августа 1870 г. СПб., 1885; Стратегия: (Тактика театра военных действий). СПб., 1885–1892. Ч. 1–3; Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1885–1898. Ч. 1–4; Война 1805 года. Ульмская операция. СПб., 1887; Война 1805 года. Аустерлицкая операция. СПб., 1888; Выяснение некоторых данных, относящихся до сложных операций массовых армий, на основании опыта осеннего похода 1813 года. СПб., 1889; Условия театра войны на Балканском полуострове для русской армии. СПб., 1889; Метод военных наук (стратегии, тактики и военной истории). СПб., 1894; Коренные вопросы (военные этюды). СПб., 1897; Рецензия книги генерала Редигера: О комплектовании и устройстве вооруженной силы. СПб., 1897; Сражения. СПб., 1899.

¹⁷²⁵ Сухотин Николай Николаевич (28.01.1847–07/08.1918) — окончил 1-й кадетский корпус (1863), Павловское военное училище (1865) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1872). Прапорщик (со ст. с 07.08.1865). Поручик (со ст. с 11.03.1866). Штабс-капитан (со ст. с 01.03.1867). Капитан

Крайняя нетерпимость к чужому мнению была основной идеей взаимоотношения учителя к ученику. Горьким опытом офицеры пришли к убеждению, что сомнение в непогрешимости профессорских взглядов приводило к крайне плачевным результатам. Присутствуя, как любитель, при докладе многих «тем», я редко, очень редко слышал смелую защиту академиком своих убеждений. И такие факты считались большим событием в академической жизни, они подхватывались, долго комментировались, попадая в изустные предания.

На почве шкурных побуждений, растравленных еще конкурсом, вырос такой милый цветок, как купля-продажа «тем». Правда, общественное мнение академиков клеймило всегда этот позорный поступок. Но тем не менее академический режим делал свое разрушительное дело в смысле растяжения совести и убеждений лиц, подвергавшихся его воздействию. Преданность, любовь и уважение к науке не доходили до сознания необходимости отстаивать свои убеждения. На экзаменах строго придерживались учебника, перед «темами» справлялись, прежде всего, кто будет оппонентом, и готовили работу «под полковника Х», «под генерала У». Переходное время (1899 г.) создало и таких жонглеров, которые, искусно скрыв основные свои взгляды в пифическом языке конспекта, готовили два

(со ст. с 16.04.1872). Штабс-капитан Генерального штаба (со ст. с 20.04.1873). Капитан (со ст. с 31.03.1874). Подполковник (со ст. с 27.03.1877). Полковник (за боевые отличия, с 1877 со ст. с 10.09.1877). Генерал-майор (со ст. с 30.08.1887). Генерал-лейтенант (со ст. с 14.05.1896). Генерал от кавалерии (со ст. с 06.05.1906). На службе с 26.08.1863. В 12-м драгунском Стародубском полку. Состоял в прикомандировании к Лейб-гвардии Кирасирскому Его Величества полку для практического изучения всех условий кавалерийской службы. Старший адъютант штаба 1-й кавалерийской дивизии (20.04.1873–28.04.1874). Состоял в числе обер-офицеров, положенных по штату при Главном штабе (28.04.1874–08.01.1875). Столоначальник Главного штаба (08.01.1875–01.01.1877). Делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба (01.01–15.06.1877, 01.01.1881–30.08.1887). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Помощник начальника штаба всей кавалерии западного отряда (10–20.09.1877). Помощник начальника штаба западного отряда кирасир. Сверхштатный член военно-ученого комитета Главного штаба (30.08.1887–21.07.1891). Ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (23.05.1881–16.02.1892). Заслуженный ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (16.02.1892–24.11.1894). Состоял при военном министре для поручений по кавалерийской части (21.07.1891–24.11.1894). Начальник 3-й кавалерийской дивизии (24.11.1894–17.08.1898). Начальник Николаевской академии Генерального штаба (17.08.1898–14.04.1901). Один из членов-учредителей первой российской монархической организации «Русское собрание» (1901). Степной генерал-губернатор, командующий войсками Сибирского военного округа и Наказный атаман Сибирского казачьего войска (14.04.1901–24.04.1906). Состоял по Сибирскому казачьему войску. Член Государственного совета (с 24.04.1906, на 1917). Заслуженный профессор и почетный член Императорской Николаевской военной академии. Почетный член конференции Михайловской артиллерийской академии. Умер в Петрограде. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1875), Св. Владимира 4-й ст. (1877), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1877), орден Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1877), чин полковника за боевые отличия (1877), ордена Св. Анны 2-й ст. с мечами (1878), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1878), Св. Станислава 1-й ст. (1890), Св. Анны 1-й ст. (1894), Св. Владимира 2-й ст. (1899), Белого Орла (1902), Св. Александра Невского (1904), бриллиантовые знаки к ордену Св. Александра Невского (01.01.1911). Женат, 2 детей. Соч.: Рейды и поиски кавалерии во время Американской войны 1861–1865 гг. М., 1875; Фридрих Великий. СПб., 1882; Извлечение из отчета генерал-адъютанта Скобелева о маневрах I, II и XV Германских корпусов в 1879 г. СПб., 1883; Маневры немецкой конницы в 1881 г. в сборе под г. Коницем. СПб., 1883; Военная литература. СПб., 1885; Наполеон. Австро-французская война 1809 г. СПб., 1885; Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1865 гг. СПб., 1887; Германия, вооруженные силы. СПб., 1888; Беседы о коннице. СПб., 1891; Конспект лекций и схем по курсу стратегии, читанных в Михайловской артиллерийской академии. 1889–1893 г. СПб., 1893; Война в истории русского мира. СПб., 1898.

устных доклада — «по старому» и «под Сухотина», на случай появления на теме этого генерала¹⁷²⁶.

Дальше этого в издевательствах над наукой идти некуда.

Твердость и смелое исповедание своих убеждений, гражданское мужество, самостоятельность, высокое сознание воинского долга, способность говорить правду в явный ущерб своему личному благополучию — вот свойства, которые не могли культивироваться на засоренной академической почве.

При таких условиях академической жизни рептилии чувствовали под собой твердую почву, слабые сбивались, а сильные частью отпадали, частью подавляли в себе глухой, непримиримый протест против всего уклада академической жизни в надежде на лучшее будущее.

Если бы Вы знали, Ваше Превосходительство, с каким поразительным единодушием и силою прорвался этот протест на прощальном обеде академиков выпуска 1899 г. ...

С таким нравственным багажом выпустила нас академия в жизнь и... на войну.

Я не хочу затрагивать личностей. Но если ответственность за постыдный исход кампании так тяжело легла на глав[нокомандующ]ем¹⁷²⁷ и его «маршалах», то не следует ли часть ее взять на себя тем из нас, у которых не хватило гражданского мужества всеми мерами и способами, в пределах, допустимых законом, презрев личное благополучие, препятствовать проведению в жизнь стратегических планов, заведомо гибельных для армии...

Было бы странно, конечно, приписывать эти недостатки только влиянию академии — они нашли благодарную почву во всем современном военном строе. Но академии, как высшему рассаднику военной науки, следует или вовсе отказаться от всяких воспитательных опытов, раз они ей не под силу, или поставить их в уровень с современными требованиями военной жизни, осудившей бесповоротно молчаливство и требующей смелой мысли, сильной воли и службы не лицам, а делу.

II) Недостаточная подготовка, как это ни странно, выразилась в самом насущном — элементарной тактике. В академии тактике нас не учили. Профессор успевал прочитывать в течение года курс тактики лишь одного рода оружия. К экзаменам мы готовились по прекрасным в свое время, но совершенно устаревшим руководствам Гудима Левковича¹⁷²⁸. Можно было хоть на экзаменах при докладе академиков вносить некоторые поправки в устарелые положения... Но и тут профессор в глубоком презрительном молчании гипнотизировал лишь взглядом отвечавшего. Словом, академия не давала вовсе положительных знаний в самой важной области военного дела — элементарной тактике¹⁷²⁹. В конце девяностых годов, с появлением скорострельной артиллерии, в военной литературе появился ряд талантливых

---

¹⁷²⁶ Подчеркнуто Н.П. Михневичем на полях.

¹⁷²⁷ Имеется в виду генерал А.Н. Куропаткин.

¹⁷²⁸ Гудим-Левкович П.К. Курс элементарной тактики. СПб., 1887. Вып. 1.

¹⁷²⁹ Подчеркнуто Н.П. Михневичем.

статей Баумгартена¹⁷³⁰, Святского¹⁷³¹, Allasan'a, Langlois¹⁷³² и т.д., вырабатывались системы реорганизации полевой артиллерии, начала новой ее тактики, взгляды на роль и взаимоотношение ее среди других родов оружия, завязалась горячая полемика, литературные диспуты... И все это движение прошло мимо нас, с усердием, достойным лучшей участи, изучавших тезисы учебника «Гудима Левковича». Никаких поправок, никаких изменений, ни одного живого слова о новом оружии (в такт[ическом] отн[ошении]) и новой тактике. Только с большим опозданием, после нашего ухода, академия отозвалась на настоятельные требования жизни компилятивным трудом по артиллерийской тактике профессора Орлова.¹⁷³³

¹⁷³⁰ Баумгартен Александр Трофимович (16.02.1843–25.01.1901) — выдающийся русский артиллерист. Генерал-лейтенант (1897). Внес вклад в развитие искусства артиллерийской стрельбы в России, в вопросы технического и тактического управления массированным артиллерийским огнем. Автор ряда статей в «Артиллерийском журнале» (1871–1901) и «Военном сборнике» (с 1887). Соч.: Артиллерия в полевом бою. СПб., 1890; Боевая подготовка полевой артиллерии. СПб., 1895.

¹⁷³¹ Свяцкий Владимир Николаевич (04.11.1865–1919) — окончил 2-й кадетский корпус (1883), 2-е Константиновское военное училище (1885), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1891). Подпоручик (со ст. с 07.08.1885). Поручик (со ст. с 14.08.1888). Штабс-капитан (со ст. с 22.05.1891). Капитан (со ст. с 28.03.1893). Подполковник (со ст. с 05.04.1898). Полковник (со ст. с 14.04.1902). Генерал-майор (со ст. с 26.10.1912). Генерал-лейтенант (с 22.08.1917). На службе с 01.09.1883. В 6-й артиллерийской бригаде. При Варшавском военном округе. Старший адъютант штаба 14-й кавалерийской дивизии (26.11.1891–29.10.1892). Обер-офицер для особых поручений при штабе XIV армейского корпуса (29.10.1892–05.10.1894). Старший адъютант штаба XIV армейского корпуса (05.10.1894–20.12.1897). Командир роты Лейб-гвардии Измайловского полка (24.10.1894–16.01.1896). Обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (20.12.1897–05.04.1898). Начальник строевого отдела штаба крепости Новогеоргиевск (05.04.1898–16.03.1899). В прикомандировании к Главному штабу (16.03.1899–20.03.1904). Начальник штаба Кронштадтской крепости (20.03.1904–22.04.1906). Командир 2-го Кронштадтского крепостного пехотного батальона (01.05–01.09.1904). Командир 50-го пехотного Белостокского полка (22.04.1906–24.07.1909). В распоряжении военного министра (24.07.1909–28.01.1911). Командир 23-го пехотного Низовского полка (28.01–26.10.1912). Командир 2-й бригады 44-й пехотной дивизии (с 26.10.1912, на 1915). Участник Первой мировой войны. В резерве чинов при штабе Петроградского военного округа (27.11.1915–1917). Участник Гражданской войны. На службе в РККА (1918–1919). В распоряжении штаба Московского военного округа. Штатный преподаватель академии Генштаба РККА (1919). Умер в Советской России. Изучал вопросы взаимодействия пехоты и артиллерии. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1895), Св. Анны 3-й ст. (1901), Св. Станислава 2-й ст. (1905), Св. Владимира 4-й ст. (1906), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1910), Св. Станислава 1-й ст. (06.12.1913, утв. 29.12.1913), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 19.05.1915). Женат, 6 детей. Соч.: Что смотреть лицам, командированным на полигоны? СПб., 1902.

¹⁷³² Ланглуа Ипполит (03.08.1839–12.02.1912) — французский корпусной генерал. Член Высшего военного совета Франции. Военный критик конца XIX – начала XX в. Сторонник агрессивной военной доктрины. Автор ряда военно-научных трудов.

¹⁷³³ Подчеркнуто Н.П. Михневичем. Речь идет об одной из работ Н.А. Орлова — «Элементарная тактика. Артиллерия» (СПб., 1897) или «Употребление полевой артиллерии в бою» (СПб., 1900). Орлов Николай Александрович (08.04.1855–1917?) — из дворян Московской губернии. Окончил 2-ю Московскую военную гимназию (1871), Михайловское артиллерийское училище (1874) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1881). Корнет (со ст. с 07.08.1874). Поручик (со ст. с 09.12.1876). Штабс-капитан (со ст. с 26.12.1877). Капитан (со ст. с 22.04.1881). Подполковник (со ст. с 24.03.1885). Полковник (со ст. с 30.08.1889). Генерал-майор (со ст. с 06.12.1899). Генерал-лейтенант (за боевые отличия, с 1905 со ст. с 25.09.1905). Генерал от инфантерии (с 06.12.1914 со ст. с 30.08.1914). На службе с 12.07.1871. В 13-й артиллерийской бригаде. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Старший адъютант штаба I армейского корпуса (18.12.1881–21.08.1882). Старший адъютант штаба Гвардейского корпуса (22.08.1882–11.10.1884). Младший и старший делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба (11.10.1884–30.01.1897). Помощник главного редактора «Энциклопедии военных и морских наук» Г.А. Леера. Член комиссии по применению воздухоплавания к военным целям. Член электротехнического комитета Главного инженерного управления (1885). Командир батальона Лейб-гвардии

Изучать тактику предстояло уже потом, по окончании академии. Не удивительно, что за текущей служебной работой не все мы с надлежащим рвением восполняли большие пробелы в своем образовании, которых не должна была допустить академия. Неудивительно, что в смысле детального изучения элементарной тактики мы специализировались в известном роде оружия — по служебному прохождению или цензированию. Не удивительно было слышать не раз и во время войны в устах офицера Генерального штаба фразы: «я не артиллерист, с этим делом не знаком... Хотя я не кавалерист, но...» и т.д.

Егерского полка (18.09.1888–18.09.1889). Экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (04.06.1892–15.12.1894). Ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (15.12.1894–05.12.1901). Командующий Забайкальской казачьей пешей бригадой (05.08–26.11.1900). Участник Китайского похода 1900–1901. Ранен. Высочайший выговор за неисполнение поручения по устройству этапной линии Цицикар–Хайлар. Начальник 54-й пехотной резервной бригады (05.12.1901–01.06.1904). Участник Русско-японской войны. Командующий 54-й пехотной дивизией (01.06–21.09.1904). Ранен в сражении при Ляояне (20.08.1904). Известен неудачными действиями под Ляояном, за что отступавших солдат его дивизии насмешливо прозвали «орловскими рысаками». В распоряжении начальника Главного штаба (21.09–21.10.1904). Состоял в распоряжении главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (21.10.1904–11.01.1906). И.д. дежурного генерала 1-й Маньчжурской армии (01–07.11.1904). Контужен в сражении под Мукденом (13.02.1905), контужен (10.03.1905). Начальник 3-й пехотной дивизии (11.01.1906–22.09.1910). Начальник 12-й пехотной дивизии (с 22.09.1910, на 1914). Участник Первой мировой войны. Командующий VIII армейским корпусом (с 15.09.1914). В резерве чинов при штабе Киевского военного округа (с 16.12.1914). Уволен от службы по болезни (07.05.1915). Военный теоретик и историк. Один из пионеров воздухоплавания в России. Совершил ряд полетов на воздушных шарах, в т.ч. перелет Париж–Амьен. Действительный член Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. Член Императорского русского технического общества. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1878), Св. Анны 3-й ст. (1882), Св. Станислава 2-й ст. (1885), Св. Анны 2-й ст. (1888), Св. Владимира 4-й ст. (1892), Св. Владимира 3-й ст. (1896), Св. Станислава 1-й ст. (1903), чин генерал-лейтенанта за боевые отличия (1905), ордена Св. Анны 1-й ст. (1908), Св. Владимира 2-й ст. (06.12.1912), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 10.11.1914). Женат. Соч.: Бауценское или Вуршценское сражение (8/20 и 9/21 мая 1813 г.). СПб., 1883; Восточная война 1853–56 гг. СПб., 1885; Добавления и изменения по 1-е июня 1886 г. к справочной книжке по тактике Н. Левицкого изд. 7-го 1884 г. СПб., 1886; Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб., 1890; О тактике воздушных шаров: Военное воздухоплавание. СПб., 1892; Суворов. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 г. СПб., 1892; Осенний поход 1813 г. СПб., 1893; Совместные действия сухопутной армии и флота. СПб., 1894; Суворов Александр Васильевич. СПб., 1894; Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб., 1894; Суворов на Треббии в 1799 году. СПб., 1895; Употребление в бою трех родов оружия по итальянскому уставу. СПб., 1895; Гвардейские егеря при Павле Петровиче. СПб., 1896; История Лейб-гвардии Егерского полка 1796–1896 гг. СПб., 1896; Итальянцы в Абиссинии. 1870–1896 гг.: Стратегический очерк. СПб., 1897; Крепость Бухарест. СПб., 1897; Элементарная тактика. Артиллерия. СПб., 1897; Элементарная тактика. Конница. СПб., 1897; Элементарная тактика. Пехота. СПб., 1897; Очерк тактики кавалерии по иностранным уставам. СПб., 1898; Поход Суворова в 1799 г. По запискам Грязева. СПб., 1898; Руководство для приготовления к испытанию на чин прапорщика запаса пехоты. СПб., 1899; 1902; 1905; Съемки во французских войсках. Варшава, 1899; Употребление полевой артиллерии в бою. СПб., 1900; Забайкальцы в Маньчжурии. Очерки из похода Хайларского отряда ген. Н.А. Орлова в Китае в 1900 г. СПб., 1901; Суворов как представитель славянства. СПб., 1901; Тактика Суворова. СПб., 1901; Буторин. СПб., 1902; Казак [Алексей] Стародубов. СПб., 1902; Руководство для приготовления к испытанию на чин прапорщика запаса кавалерии. СПб., 1902; Руководство для приготовления к испытанию на право получения классной должности в военное время. СПб., 1908; Битва под Грюнвальдом 15 июля 1410 г. Калуга, 1910; Организация полевых поездов во Франции. М., 1910; Стрельба с маневрированием в мирное время. М., 1910; Калуга, 1910; Война за освобождение Германии в 1813 г. и низложение Наполеона в 1814 г. М., 1911; Усмирение польского восстания в 1831 и 1863 гг. М., 1912.

Между тем, действительность на войне не считалась ни с «происхождением»¹⁷³⁴, ни с цензурованием, требуя от офицера Генер[ального] штаба энциклопедических знаний. Интересным примером в этом отношении могут служить кавалерийские дивизии театра войны, в которых должности начальников штабов занимали:

Забайкальская дивизия.

Полковник Российский¹⁷³⁵ (пешей артил[лерии])

«»¹⁷³⁶ Деникин (то же)

«» Вейль¹⁷³⁷ (то же)

¹⁷³⁴ Имеется в виду принадлежность к определенному роду войск.

¹⁷³⁵ Российский Евгений Александрович (24.01.1865–11.04.1933) — из дворян Санкт-Петербургской губернии, уроженец Орловской губернии. Сын генерал-майора Александра Алексеевича Российского (06.04.1834–?). Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус (1882), 1-е Павловское военное (1884) и Михайловское артиллерийское (1885) училища и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1892). Подпоручик (со ст. с 07.08.1885). Поручик (со ст. с 12.08.1887). Штабс-капитан (со ст. с 06.05.1892). Капитан (со ст. с 17.04.1894). Подполковник (со ст. с 18.04.1899). Полковник (со ст. с 06.04.1903). Генерал-майор (со ст. с 18.03.1913). На службе с 26.08.1882. В 34-й артиллерийской бригаде. Старший адъютант штаба 38-й пехотной дивизии (26.11.1892–20.12.1897). Командир роты 3-го гренадерского Перновского полка (07.10.1895–16.10.1896). Старший адъютант штаба II кавалерийского корпуса (20.12.1897–09.04.1899). Начальник строевого отдела штаба Новогоргиевской крепости (09.04.1899–17.08.1901). Командир батальона 1-го Новогоргиевского крепостного пехотного полка (01.05–01.09.1900). Начальник штаба 12-й кавалерийской дивизии (17.08.1901–28.01.1904). Штаб-офицер при управлении 5-й стрелковой бригады (28–31.01.1904). Участник Русско-японской войны. Начальник штаба Забайкальской казачьей дивизии (31.01.1904–12.01.1905). Ранен в бою под д. Бенсиху (28.09.1904). Состоял в распоряжении начальника Главного штаба (12.01.1905–21.01.1906). Командир 105-го пехотного Оренбургского полка (21.01.1906–18.03.1913). Командир 2-й бригады 28-й пехотной дивизии (с 18.03.1913, на 1916). Участник Первой мировой войны. Командующий 56-й пехотной дивизией (с 26.04.1916). Командир бригады 3-й гренадерской дивизии (с 21.09.1917). Участник Гражданской войны. На службе во ВСЮР и Русской армии (на 09.1919–1920). В резерве чинов войск Новороссийской области (с 29.09.1919). В Севастополе (на 25.03.1920). Галлиполиец. В эмиграции — в Болгарии. Штатный преподаватель Алексеевского военного училища (на 1922). Выслан из Болгарии (1922). Переехал в Югославию (1922). Начальник Константиновского военного училища (1922–1923). Прикомандирован к Константиновскому военному училищу (на 1925). Умер в эмиграции. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1896), Св. Анны 3-й ст. (1902), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1904), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1904), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1905), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1905), орден Св. Владимира 3-й ст. (1909, утв. 25.03.1910). Жена, 3 детей. Брат Алексей (09.11.1866–06.10.1914) — Генштаба генерал-майор.

¹⁷³⁶ Здесь и далее — обозначение повтора в чине.

¹⁷³⁷ Вейль Георгий-Эдуард Сигизмундович (01.11.1865–19.04.1916) — евангелическо-лютеранского вероисповедания. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1883), 1-е Павловское военное и Михайловское артиллерийское училища (1886) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1896). Подпоручик (со ст. с 11.08.1886). Поручик (со ст. с 14.08.1888). Штабс-капитан (со ст. с 15.07.1894). Капитан (со ст. с 17.05.1896). Подполковник (со ст. с 06.12.1900). Полковник (со ст. с 06.12.1904). Генерал-майор (со ст. с 28.05.1915). На службе с 29.08.1883. В 12-й и 9-й артиллерийских бригадах. Лагерный сбор при Киевском военном округе. Обер-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа (10.11.1897–15.02.1900). Командир роты 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (08.01.1899–08.01.1900). Старший адъютант штаба XII армейского корпуса (15.02–22.07.1900). Старший адъютант военного отдела штаба Квантунской области (22.07.1900–25.03.1901). Участник Китайского похода 1900–1901. Штаб-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (25.03.1901–28.08.1903). Командир батальона 9-го стрелкового полка (01.05–13.09.1902). Штаб-офицер для особых поручений при штабе IV армейского корпуса (28.08.1903–27.03.1904). Участник Русско-японской войны. Начальник штаба 12-й пехотной дивизии (27.03–17.10.1904). Состоял в распоряжении командующего 2-й Маньчжурской армией (17.10.1904–04.06.1905). Начальник штаба Забайкальской казачьей дивизии (04.06.1905–19.11.1906). Начальник штаба Кавказской кавалерийской дивизии (19.11.1906–08.06.1907).

Урало-Забайкальская дивизия.

Полковник Мандрыка¹⁷³⁸ (пешей артилл[лерии])

«» Деникин (то же)

Штаб-офицер при управлении 1-й Финляндской стрелковой бригады (08.06.1907–17.01.1909). Прикомандирован к артиллерии (10.05–06.07.1908). Командир 4-го пехотного Копорского генерала графа Коновницына полка (с 17.01.1909; позднее — Его Величества Короля Саксонского полк). Участник Первой мировой войны. Командир 7-го Туркестанского стрелкового полка (с 1914). В резерве чинов при штабе Двинского военного округа (с 17.04.1915). Командир бригады 27-й пехотной дивизии (с 28.05.1915). Начальник штаба 43-й пехотной дивизии (с 27.12.1915). Скоропостижно скончался. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1891), Св. Анны 3-й ст. (1898), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1900), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1900), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1901), орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1905), мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й ст. (1907). Женат, 4 детей. Брат Владимир-Карл Сигизмундович (11.01.1868–18.03.1928) — Генштаба генерал-майор.

¹⁷³⁸ Мандрыка Георгий Акимович (10.04.1869–06.05.1937) — из дворян Киевской губернии, родился в Киеве, сын подполковника Акима Андреевича Мандрыки. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1886), 2-е Константиновское военное училище по 1-му разряду (1888) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1896). Подпоручик (со ст. с 09.08.1888). Поручик (со ст. с 07.08.1891). Штабс-капитан (со ст. с 17.05.1896). Капитан (со ст. с 05.04.1898). Подполковник (со ст. с 06.12.1900). Полковник (со ст. с 06.12.1904). Генерал-майор (с 05.10.1915 со ст. с 12.11.1914). Генеральный значковый (1918, укр.). Генерал-лейтенант (с 20.06.1917 со ст. с 18.06.1917). На службе с 30.08.1886. В 4-й и 24-й артиллерийских бригадах. Состоял при Варшавском военном округе. Старший адъютант штаба 17-й пехотной дивизии (20.12.1897–08.10.1898). Обер-офицер для особых поручений при штабе XX армейского корпуса (08.10.1898–01.08.1900). Участник Китайского похода 1900–1901. Помощник старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа (01.08.1900–01.01.1901). Старший адъютант штаба Приамурского военного округа (01.01–05.07.1901). Штаб-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа (05.07.1901–20.11.1902). Командир роты 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (05.10.1901–30.03.1903). Старший адъютант штаба Квантунской области (20.11.1902–19.06.1903). Штаб-офицер при управлении Восточно-Сибирской казачьей бригады (19.06–13.08.1903). Штаб-офицер при управлении отдельной Забайкальской казачьей бригады (13.08.1903–20.01.1905). Участник Русско-японской войны. Начальник штаба Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии (20.01.1905–22.02.1906). Штаб-офицер при управлении отдельной Забайкальской казачьей бригады (22.02–04.08.1906). Начальник штаба 2-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (04.08.1906–08.06.1909). Командир батальона 6-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (03.05–10.09.1908). Командир 23-го Сибирского стрелкового полка (с 08.06.1909, на 1914). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 104-й пехотной дивизии (с 17.12.1915). Начальник штаба 56-й пехотной дивизии (с 20.05.1916). Начальник 16-й пехотной дивизии (с 23.07.1917). Командир LI армейского корпуса, переименованного в связи с украинизацией во II сечевой Запорожский корпус (с 29.11.1917). Участник Гражданской войны. На службе в украинской армии (с 29.11.1917–1918, в гетманской армии числился с 21.04.1918). Командир II сечевого Запорожского корпуса (1917–1918). Помощник военного министра в правительстве гетмана П.П. Скоропадского (с 05.1918). В резерве Генерального штаба Украинской Державы (1918). Прибыл в Омск. На службе в войсках адмирала А.В. Колчака на Восточном фронте (на 04.07.1919–1920). В резерве офицеров Генерального штаба при управлении 1-го генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего (с 04.07.1919). Возложено объединение разработки плана последовательности разгрузки главных управлений Военного министерства и Ставки (с 27.08.1919). В распоряжении генерал-квартирмейстера штаба Восточного фронта (на 10.10.1919). Выехал из Омска (11.1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Обморозил ноги. Попал в плен. На лечении в госпиталях Красноярска (1920–1921) и Омска (1922–1923). Гражданин СССР (до 02.09.1930). На службе в РККА (1923). Преподавал военные науки (военная статистика, география и картография) во Владивостоке. Демобилизован и уехал к семье в Китай. Прибыл в Харбин (10.12.1924). Служил в отделе статистики коммерческой службы экономического бюро КВЖД (03.1925–01.01.1930). Безработный (с 01.01.1930). В эмиграции в Харбине (Китай). Состоял в украинской колонии в Харбине (1932–1933). Умер в Харбине от болезни сердца. Похоронен на Новом (Успенском) кладбище. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1899), Св. Анны 3-й ст. (1901), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1904), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1904), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1904), ордена Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Владимира 3-й ст. (1911, утв. 19.02.1912), мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й ст.

Оренбургская дивизия.

Полковник Баскаков¹⁷³⁹ (пехот[ы])

«» Краснокутский¹⁷⁴⁰ (кавалер[ии])

(1914), орден Св. Анны 1-й ст. с мечами (1915), мечи к ордену Св. Владимира 3-й ст. (1916). Женат, 4 детей. Братья: Алексей (1861–1909) — генерал-майор, Иван (22.09.1858-?) — Генштаба генерал-лейтенант.

¹⁷³⁹ Баскаков Вениамин Иванович (25.03.1861–11.02.1941) — из дворян станицы Ермоловской Терского казачьего войска. Старообрядец. Окончил Владикавказское реальное училище (1877), 2-е Константиновское военное училище (1879) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1885). Старообрядец. На службе с 1877. Прапорщик (со ст. с 08.08.1879). Подпоручик гвардии (со ст. с 31.08.1883). Поручик (со ст. с 24.03.1885). Штабс-капитан (со ст. с 29.03.1885). Капитан (со ст. с 15.05.1886). Подполковник (со ст. с 30.08.1890). Полковник (со ст. с 13.04.1897). Генерал-майор (за боевые отличия, 1905). Генерал-лейтенант. Старший адъютант штаба I армейского корпуса (15.05.1886–30.08.1890). Начальник строевого отделения штаба Керченской крепости (30.08–10.10.1890). Старший адъютант штаба Киевского военного округа (10.10–03.12.1890). Прикомандирован к Николаевской академии Генерального штаба (03.12.1890–01.07.1892). В запасе (01.07.1892–07.03.1895). Экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (07.03.1895–28.05.1898). Ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (с 28.05.1898, на 1903). Читал курс истории наполеоновских войн. Участник Русско-японской войны. Начальник штаба Оренбургской казачьей дивизии (с 18.04.1904, вступил в должность 20.04.1904). В отставке по состоянию здоровья (с 07.03.1906). Участник Гражданской войны. Представитель Терского казачьего войска на Верховном Круте в Екатеринодаре (1920). В эмиграции после эвакуации из Новороссийска (с 03.1920). Умер в Белграде. Похоронен на Новом кладбище. Могила не сохранилась. Военный историк. Награды: чин штабс-капитана (1885), ордена Св. Станислава 3-й ст. (1888), Св. Анны 3-й ст. (1890), Св. Станислава 2-й ст. (1895), чин полковника (1897), ордена Св. Анны 2-й ст. (1898), Св. Владимира 4-й ст. (1901), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1904). Женат на дочери потомственного почетного гражданина Ольге Николаевне Поповой. 2 детей. Соч.: Ночные движения и действия войск. СПб., 1889; Война, военное дело, военная наука, военное искусство. СПб., 1890; Северная война. 1700–1721 гг.: Кампания от Гродна до Полтавы 1706–1709 г.: Критико-историческое исследование. СПб., 1890. Вып. 1; Австро-французская война 1809 года: Лекции, читанные профессором Баскаковым в 1897 г. в младшем классе Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1897. Ч. 1–2; Конспект по истории военного искусства в классические века: Составлен по лекциям профессора Баскакова. СПб., 1897; 1809: Генеральный штаб. СПб., 1903; 1809: Из истории войны Франции против Австрии: Тактика французских войск ко времени войны. СПб., 1903; 1809: Из истории войны Франции против Австрии: Подготовка французских войск. СПб., 1904; Войны империи: Походы 1809 г. Наполеона в Германии и Австрии. СПб., 1904. Кн. 1; Походы 1796–1797 гг. Бонапарта в Италию. СПб., 1904. Кн. 1–3; Революционные войны. СПб., 1904; Управление войсками на театре войны и на поле сражения: Критико-историческое изучение. СПб., 1904; Устройство, подготовка сербской армии: Заметки и личные наблюдения. СПб., 1904.

¹⁷⁴⁰ Краснокутский Николай Владимирович (28.05.1867–?) — окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1898). Корнет (со ст. с 09.08.1888). Поручик (со ст. с 07.08.1891). Штабс-ротмистр (со ст. с 15.03.1894). Капитан (со ст. с 17.05.1898). Подполковник (со ст. с 14.04.1902). Полковник (со ст. с 02.04.1906). На службе с 01.10.1886. В 38-м драгунском Владимирском и в 48-м драгунском Украинском полках. Командир эскадрона 48-го драгунского Украинского полка (21.10.1898–09.01.1900). Участник Китайского похода 1900–1901. Старший адъютант штаба 23-й пехотной дивизии (25.02–14.04.1902). Штаб-офицер для особых поручений при штабе XVIII армейского корпуса (14.04.1902–25.10.1903). Начальник штаба Керченской крепости (25.10.1903–28.09.1904). Штаб-офицер при управлении 2-го Туркестанского резервного батальона (28.09–13.11.1904). Участник Русско-японской войны. Старший адъютант управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии (13.11.1904–04.06.1905). Начальник штаба Оренбургской казачьей дивизии (04.06.1905–14.04.1907). Для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства в кавалерийском полку прикомандирован к 35-му драгунскому Белогорскому полку (18.05–20.09.1906). Штаб-офицер при управлении 47-й пехотной резервной бригады (14.04–14.05.1907). Начальник штаба 11-й кавалерийской дивизии (с 14.05.1907). Уволен от службы по домашним обстоятельствам с чином генерал-майора, мундиром и пенсией с зачислением в пешее ополчение по Подольской губернии (Высочайший приказ 21.12.1912). В отставке (на 1912–1916). Вернулся на службу с чином полковника (1916). В резерве чинов при штабе Киевского военного округа (с 22.09.1916). Уволен от службы с производством в генерал-майоры (21.06.1917). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом

Сибирская дивизия.

Подполковник Данилов¹⁷⁴¹ (пехот[ы])

Тактика, которую мы изучали до академии, и воинские уставы, дающие чистые императивы, совершенно недостаточны.

Необходимо в академии серьезное всестороннее изучение элементарной тактики всех трех родов оружия и попутно соответствующих уставов, основанное на критическом исследовании современных элементов боя.

III) Практические занятия по тактике принесли мне лично сомнительную пользу¹⁷⁴², в особенности принимая во внимание, что целый год моим руководителем был полковник Шлейснер¹⁷⁴³...

Нетерпимость к чужому мнению — характерная черта «кафедры» — в практических занятиях по тактике проявлялась в особенно резкой форме. У многих руководителей разбор выражался в строго определенном догматическом решении, с соблюдением обязательных мелочных требований формы. Интересы эти занятия не могли иметь, инициативы не развивали, веры в непогрешимость руководительских взглядов не укрепляли, а приспособления к ним путем «прошлогодних тетрадок» и изучения слабых сторон руководителя достигали в полной мере.

(1901), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1906), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1906), ордена Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1907), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1907). Женат.

¹⁷⁴¹ Данилов Георгий Алексеевич (22.04.1867 – не ранее 1930) — окончил 1-й кадетский корпус (1885), 2-е Константиновское военное училище (1887) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1895). Подпоручик (со ст. с 07.08.1887). Подпоручик гвардии (со ст. с 07.08.1887). Поручик (со ст. с 07.08.1891). Штабс-капитан гвардии (со ст. с 20.05.1895). Капитан (со ст. с 20.05.1895). Подполковник (со ст. с 09.04.1900). Полковник (со ст. с 28.03.1904). Генерал-майор (со ст. с 14.05.1913). На службе с 01.09.1885. В Лейб-гвардии Павловском полку. Состоял при Виленском военном округе. Старший адъютант штаба 27-й пехотной дивизии (17.12.1896–09.04.1900). Командир роты 108-го пехотного Саратовского полка (09.10.1898–09.10.1899). Штаб-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (09.04–24.12.1900). Помощник делопроизводителя генерал-квартирмейстерской части Главного штаба (20.02.1901–01.05.1903). Столоначальник Главного штаба (01.05.1903–31.01.1904). Участник Русско-японской войны. И.д. начальника штаба Сибирской казачьей дивизии (31.01.1904–02.08.1905). Командир 14-го стрелкового полка (02.08.1905–14.05.1913). Дежурный генерал штаба Туркестанского военного округа (с 14.05.1913). Числился по Генштабу (с 27.03.1914). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба II Сибирского армейского корпуса (с 11.08.1914). Начальник штаба XII армейского корпуса (с 08.11.1914). В резерве чинов при штабе Киевского военного округа (с 26.06.1915). Начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 3-й армии (с 20.06.1916). Командующий 130-й пехотной дивизией (с 29.11.1916). В резерве чинов при штабе Минского военного округа (с 29.05.1917). Командующий 11-й Сибирской стрелковой дивизией (с 17.07.1917). Участник Гражданской войны. Зарегистрирован в РККА (1918). На службе в Донской армии и во ВСЮР (27.08 (09.09).1919–13 (26).03.1920). В командировке в Сербию по должности помощника правительственного (правительства генерала П.Н. Врангеля) уполномоченного по военной части (22.06.1920–11.02.1921). В эмиграции в Земуне (Сербия). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1898), Св. Анны 3-й ст. (1902), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1905), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1906), орден Св. Владимира 3-й ст. (1908, утв. 12.02.1909). Женат, 4 детей.

¹⁷⁴² Подчеркнуто Н.П. Михневичем.

¹⁷⁴³ Шлейснер Рихард Альфредович — полковник. Руководитель практических занятий по тактике и дежурный офицер Николаевской академии Генерального штаба в 1890-е гг. Красочную характеристику этого офицера см.: *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 86.

Кстати, один из наиболее нетерпимых и «тяжелых» руководителей тактически-ми занятиями в академии оказался совершенно несостоятельным на войне...¹⁷⁴⁴

Необходимые условия правильности ведения практических занятий: 1) постановка реальной мотивированной задачи, по возможности из фактических эпизодов минувшей войны, 2) при разборе полное внимание к взглядам участников, свободный обмен между ними и руководителем мнений, поощрение, а не подавление «вольной» мысли, авторитет опыта и науки, а не чина и должности, 3) развитие всех видов военной игры на картах и, главным образом, в поле¹⁷⁴⁵, 4) разработка системы ведения занятий со строевыми офицерами на планах и в поле и практика в руководстве ими. В этом отношении академия не сделала ничего, чтобы помочь своим ученикам, которые зачастую идут в жизнь с полным желанием принести посильную пользу и полным неумением взяться за дело.

IV) Молодые офицеры выходят из академии без всякого навыка в технике службы Генер[ального] штаба. Да это не беда. Все равно показное обучение в академии имело бы условный, искусственный, деланный характер и ни к чему не привело бы. Офицер, отбывший один лагерный сбор (который в сущности имеет характер завершения академического образования), с техникой службы Генер[ального] штаба ознакомится достаточно.

Впрочем, для этой цели и для того, чтобы на целых три года не отрывать академиков от общения со строем, полезно было бы ежегодно прикомандировывать их хотя бы частями к штабам войск во время общих сборов и маневров.

V) Изучение геологии и астрономии для службы Генер[ального] штаба оказалось совершенно излишним. Но, ввиду безусловной необходимости этих знаний для каждого образованного человека, следовало бы необходимые астрономические и геологические сведения включить в курс физической географии и требовать на приемном экзамене в академию. Геодезия не нужна вовсе.

Курс фортификации поставлен был совершенно неправильно. Нужно изъять вовсе историю фортификации, уменьшить технические сведения и ввести в курс в самом широком размере системы укрепления стратегических фронтов¹⁷⁴⁶, полевых и крепостных позиций и, вообще, влияние лопаты в современном крепостном и полевом бою, — в тактическом, конечно, а не инженерном отношении. Это — вопрос, с которым приходится сталкиваться постоянно и в мирное время и на войне.

В курсе артиллерии — сократить историческую и материальную части и включить сравнительное изучение правил и систем ведения огня¹⁷⁴⁷ в различных армиях, как в полевом, так и в крепостном бою.

Вот ряд данных, далеко, конечно, не исчерпывающих вопроса, которые я позволил себе привести не для обвинения кого-либо, а исключительно ввиду признания громадной важности двигателя военной науки в лице академии Генерального штаба, которая всем своим строем должна вызывать в офицерах, покидающих ее стены, тесную нравственную связь, светлые воспоминания и глубокую при-

¹⁷⁴⁴ Подчеркнуто Н.П. Михневичем, на полях надпись «Баскаков».

¹⁷⁴⁵ На полях рукой Деникина написано: «Конечно, наиболее полезной была бы работа с войсками в поле под опытным руководством».

¹⁷⁴⁶ Подчеркнуто Н.П. Михневичем.

¹⁷⁴⁷ На полях пометка Н.П. Михневича «Обр.».

знательность, — чувства, по причинам от меня совершенно не зависящим, мне лично совершенно чуждые.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

А. Деникин

РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1332. Л. 47–51. Подлинник. Машинопись.

Вице-адмирал А.В. Колчак на Черноморском флоте в 1916–1917 гг.

Из воспоминаний начальника штаба
Севастопольской крепости Генерального штаба
генерал-майора Ф.П. Рерберга*

Фигура адмирала Александра Васильевича Колчака была и до сих пор является культовой для ветеранов Белого движения и для исследователей его истории. Советские авторы, наоборот, были склонны демонизировать адмирала¹⁷⁴⁸. Не секрет, что практически все попытки написания научной биографии Колчака и прежде, и теперь заканчивались заурядной апологетикой, связанной с героизацией и романтизацией образа Колчака. Но идеализация, как и демонизация, каких бы то ни было крупных исторических деятелей не имеет ничего общего с исторической правдой и создает в корне неверные представления об историческом процессе в целом и о том, какова была сущность движений, возглавленных этими лицами, в частности.

Пребывание Колчака на посту командующего Черноморским флотом продолжает оставаться малоизученным, а немногочисленные исследования в этой области, как правило, не выходят за рамки уже утвердившейся апологетической концепции¹⁷⁴⁹. Вместе с тем предпринимаются попытки более глубокого и объективного изучения этого вопроса. В частности, «Военно-исторический журнал» уже обращался к проблематике управления Черноморским флотом при Колчаке¹⁷⁵⁰, причем выводы авторов статьи о неэффективности этого управления представляются вполне убедительными и находят подтверждение в новых архивных документах, а также свидетельствах современников о слишком большой впечатлительности и нервности Колчака¹⁷⁵¹. Однако авторы сознательно устранились от анализа политической составляющей деятельности Колчака как командующего

---

* Впервые опубликовано: Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 64–69; № 11. С. 52–58; № 12. С. 59–65. В результате некорректного редактирования при подготовке к печати материал подвергся искажению, в настоящем издании публикуется в оригинальном виде.

¹⁷⁴⁸ Платонов А.П. Черноморский флот в Революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925. С. 9.

¹⁷⁴⁹ См., напр.: Кожевин В.Л. Адмирал А.В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 года // А.В. Колчак — ученый, адмирал, Верховный правитель России: Сб. Омск, 2005. С. 41–55.

¹⁷⁵⁰ Козлов Д.Ю., Пособляев В.Ф., Грибовский В.Ю. «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние». К вопросу об эффективности управления силами флота вице-адмиралом А.В. Колчаком // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 28–38. К сожалению, в редакционном заголовке статьи не вполне точно процитирована фраза одного из видных деятелей либеральной оппозиции октябриста Н.В. Савича, свидетельствующая о том, что Колчак имел громадное влияние не на развитие морской силы (как можно было бы понять из заголовка), а на отношение к этому еще в предвоенные годы в либеральном лагере (Савич Н. Три встречи (А.В. Колчак и Госуд. Дума) // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 171).

¹⁷⁵¹ Платонов А.П. Черноморский флот. С. 15.

флотом. Между тем при изучении деятельности высшего командного состава русской армии в период 1916–1917 гг. эти аспекты практически неразделимы. Исключительная роль военной элиты страны в событиях Февраля 1917 г. настоятельно требует детального изучения действий высшего военного руководства России в предшествующий период, когда и формировался антимонархический заговор.

В историографии существуют диаметрально противоположные мнения относительно участия Колчака в февральских событиях. По мнению видного эмигрантского историка С.П. Мельгунова, Колчак так или иначе участвовал в антимонархическом заговоре, хотя прямых доказательств этого нет¹⁷⁵². Современный петербургский ученый А.В. Смолин, детально проанализировавший вопрос о заговоре на Балтийском флоте, в отношении Черноморского флота полагает, что Колчак был ни при чем, но не подкрепляет свою точку зрения какими-либо документальными свидетельствами¹⁷⁵³.

Надо сказать, что любой исследователь, рассматривающий проблему истоков Февраля, неизбежно сталкивается с отсутствием достаточного документального материала для освещения этой темы. В распоряжении исследователей в основном имеются лишь косвенные данные о тех событиях. По понятным причинам перед Февралем 1917 г. участники предстоящего свержения монархии не оставляли документальных свидетельств, а уже спустя несколько месяцев всячески пытались избежать ответственности за последствия революции в армии и в стране, лишь некоторое исключение в отношении подобных свидетельств составляет период весны 1917 г. Таким образом, документами огромного научного значения становятся любые новые свидетельства о подготовке февральских событий.

Значительную ценность в этой связи представляют воспоминания начальника штаба Севастопольской крепости Генерального штаба генерал-майора Ф.П. Рерберга, написанные им уже в эмиграции в Александрии (Египет) и впоследствии присланные сыном генерала в дар А.И. Солженицыну, а ныне хранящиеся в архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Еще один неполный экземпляр мемуаров Рерберга хранится в архиве Гуверовского института в США.

Рерберг был выходцем из немецко-балтийского рода, известного со второй половины XVIII в., на протяжении нескольких поколений его предки принадлежали к русской элите. Дед Рерберга был сенатором, инженер-генералом, отец — также инженер-генералом, членом Военного и Государственного совета. Элитное происхождение и связи отца, судя по всему, способствовали весьма успешной предвоенной карьере нашего героя. Федор Петрович родился 9 октября 1868 г. и был единственным ребенком в семье, окончил Тифлисский кадетский корпус и Пажеский корпус (1887), а также Николаевскую академию Генерального штаба (1893). Службу начал в рядах одного из старейших гвардейских полков — Лейб-гвардии Семеновского. Много общего в начале служебного пути у Рерберга было с другим будущим генералом, А.М. Драгомировым, — они вместе окончили Пажеский корпус, день в день поступили на службу, причем оба начали ее в Семеновском

---

¹⁷⁵² Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. М., 2003. С. 161–162.

¹⁷⁵³ Смолин А.В. Морской «заговор» — факты и вымысел // Проблемы новейшей истории России: Сб. к 70-летию со дня рождения Г.Л. Соболева. СПб., 2005. С. 100.

полку, также день в день получили старшинство в первых трех чинах и вместе окончили академию¹⁷⁵⁴, однако затем их пути разошлись. Рерберг участвовал в Русско-японской войне, затем в 1906–1909 гг. работал в военно-исторической комиссии по описанию войны. Командовал 3-м гренадерским Перновским полком (1909–1912). Накануне и в годы Первой мировой войны являлся начальником штаба X армейского корпуса. Вместе с корпусом принял участие в походе в Галицию, сражениях на реках Золотая и Гнилая Липа, у Городка. В мае 1915 г. австро-германские войска под командованием фельдмаршала А. фон Макензена нанесли корпусу Рерберга удар с целью сорвать наступление армий Юго-Западного фронта в Карпатах. По причине неудачных для корпуса боев генерал был снят с должности. После этого, по свидетельству встретившего его в Ставке Г. Шавельского, Рерберг «был живой мертвец, высохший как мумия, с почерневшим лицом; вид у него был растерянный, на лице отчаяние; он дышал тяжело, задыхаясь. Оказывается, его корпус потерпел большую неудачу, и он явился для реабилитации»¹⁷⁵⁵. После неудачи генерал получил назначение на более спокойную должность начальника штаба крепости Севастополь (с 12 июля 1915 г.), на которой находился до октября 1917 г. Его преемником предполагался Генштаба полковник А.В. Сливинский — будущий начальник украинского Генштаба (однако назначение не состоялось)¹⁷⁵⁶. С 5 октября 1917 г. Рерберг состоял в резерве чинов при штабе Одесского военного округа (по документам, по факту он оказался в резерве чинов при штабе Двинского военного округа¹⁷⁵⁷). В 1918 г. служил в войсках Крымского краевого правительства, с 1 ноября 1918 г. возглавил севастопольскую крепостную ликвидационную комиссию, весной 1919 г. вновь стал начальником штаба Севастопольской крепости. Эмигрировал в Египет (Александрия), где и скончался 14 сентября 1928 г.¹⁷⁵⁸

Уже после смерти генерала, благодаря усилиям его сына, в Мадриде в 1967 г. вышла его интереснейшая книга «Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений», посвященная событиям Русско-японской войны и представляющая собой второй том мемуаров генерала. Кроме того, было анонсировано издание и других книг Рерберга, таких как: «Все в прошлом», «3-ий гренадерский Перновский Короля Фридриха Вильгельма IV полк. 1909–1912 гг.», «Десятый Армейский Корпус на полях сражений первого периода Войны 1912–1915 гг.» и двухтомник «Севастопольская крепость 1915–1919 гг.». Но, к сожалению, этим планам не суждено было осуществиться. Надо сказать, что генерал Рерберг обладал не только яркими литературными, но и незаурядными художественными способностями. Недавно в России была опубликована репродукция одной из его картин «Русский лагерь в Телль аль-Кебире», относящаяся к 1920 г.¹⁷⁵⁹ Есть основания полагать, что сохранились и другие картины, написанные генералом.

¹⁷⁵⁴ Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 228–229.

¹⁷⁵⁵ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 1. С. 248.

¹⁷⁵⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1268. Л. 300–301.

¹⁷⁵⁷ Там же. Л. 229.

¹⁷⁵⁸ Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года. С. 229; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е января 1917 года (С приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг., 1917. С. 41; Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия гражданской войны. М.; СПб., 2003. С. 461.

¹⁷⁵⁹ Беляков В. Вторая родина «москочков». Российская диаспора в Египте // Родина. 2007. № 2. С. 82.

Для оценки объективности мемуаров Рерберга необходимо разобраться в особенностях его характера. В этом отношении интересны его служебные аттестации. Комендант крепости Севастополь контр-адмирал М.М. Веселкин 12 января 1917 г. аттестовал Рерберга следующим образом: «Генерал-майора Федора Петровича Рерберга я знаю с 1885 года как отличного человека и прекрасного, верного товарища и вполне уравновешенного, умного, дельного, спокойного и вдумчивого человека, с золотым сердцем.

За время моего кратковременного командования крепостью я убедился в том, что, помимо своих достоинств, как человека, генерал-майор Рерберг, просвещенный, знающий, дельный, трудолюбивый и работоспособный офицер, служащий Царю и родине не за страх, а за совесть»¹⁷⁶⁰.

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак имел меньше оснований для положительной характеристики Рерберга, поэтому, согласившись с Веселкиным, он прибавил, что «состояние здоровья генерал-майора Рерберга может явиться серьезным препятствием для сложной и ответственной работы в штабе округа¹⁷⁶¹, поэтому более отвечающим полагал бы назначение директором кадетского корпуса»¹⁷⁶². В других аттестациях Рерберга отмечались его избыточные нервность и впечатлительность, не подходившие для боевой обстановки, а также мягкость к подчиненным¹⁷⁶³. Впрочем, отмечалось и то, что в период боев он спокоен в работе, что противоречило предыдущей оценке¹⁷⁶⁴.

Интересно, что Колчак не забыл свою аттестацию Рерберга и в мае (!) 1917 г. вновь предложил назначить его директором какого-либо кадетского корпуса¹⁷⁶⁵. Похоже, Колчаку хотелось видеть начальником штаба крепости кого угодно, только не строптивого генерала.

Неопубликованные мемуары генерала Рерберга превышают тысячу машинописных страниц и представляют собой несколько объемистых томов, в которых описан весь служебный путь генерала от юношеских лет до Гражданской войны. К сожалению, один из томов о службе Рерберга в штабе Киевского военного округа был утрачен еще при жизни генерала, однако остальные тома сохранились и являются весьма ценным источником по военной истории России конца XIX – начала XX в. До сих пор, однако, эти работы фактически не использовались исследователями. Особый интерес представляют воспоминания Рерберга о его службе на должности начальника штаба Севастопольской крепости в годы Первой мировой и Гражданской войн. В этот период он встречался с такими крупными военными деятелями, как М.В. Алексеев, А.В. Колчак и др.

К сожалению, объем мемуаров генерала Рерберга и разноплановость рассматриваемых им сюжетов при довольно частых отступлениях от основной линии повествования не позволяют воспроизвести в полном объеме в рамках тематической публикации даже отдельные главы этого уникального источника, который еще ждет своего издания. Вниманию читателей предлагаются фрагменты восьмой книги вос-

---

¹⁷⁶⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4641. Л. 6об.

¹⁷⁶¹ Так в документе. Речь идет о штабе крепости.

¹⁷⁶² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4641. Л. 7.

¹⁷⁶³ Там же. Л. 20об., 50об.

¹⁷⁶⁴ Там же. Л. 50об.

¹⁷⁶⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 44.

поминаний Рерберга, посвященные деятельности Колчака. Это глава 3-я «Адмирал Колчак», публикуемая (за исключением двух отступлений автора от основного сюжета) практически целиком, а также отрывки из 4-й «Адмирал Веселкин», 5-й «Революция» и 6-й «Увольнение меня в резерв и уход Колчака» глав воспоминаний. Воспоминания подтверждают ранее высказывавшийся в основном политически ангажированными авторами тезис о Гражданской войне как о противоборстве Февраля с Октябрем¹⁷⁶⁶. Ведь фактически и М.В. Алексеев, и А.В. Колчак, и Л.Г. Корнилов и многие другие будущие белые вожди либо были причастны к крушению императорской власти, либо получили от этого определенные политические дивиденды.

Факты, излагаемые в воспоминаниях Рерберга, являются суровым приговором Колчаку не только как выдвигенцу либеральной оппозиции, всеми силами пытавшейся подорвать устои государственной власти Российской империи, но и как фигуре, принявшей революционную дисциплину в армии и потворствовавшей процессам разложения, присошедшим в 1917 г. Стоит учесть, что Гражданской войны могло бы вообще не быть, если бы такие люди, как адмирал Колчак или генерал Алексеев, по разным причинам не пошли на поводу у группы лиц, расшатывавших воюющую Россию¹⁷⁶⁷. Разумеется, нельзя исключать определенную предвзятость Рерберга как мемуариста, однако, несмотря на это, излагаемые им факты вряд ли являются преднамеренным искажением действительного хода событий на Черноморском флоте.

Воспоминания Рерберга свидетельствуют о серьезных институциональных противоречиях между командованием Черноморского флота, штабом крепости Севастополь и местным жандармским управлением, взаимодействие которых между собой не было достаточно продуманным и позволяло адмиралу Колчаку произвольно вмешиваться в работу тех структур, которые по своим задачам не должны были ему подчиняться. Если верить Рербергу, подобное вмешательство уже начиная с лета 1916 г. способствовало процессу разложения матросов Черноморского флота. Не удивительно, что некоторые флотские офицеры предчувствовали скорую катастрофу еще до февральских событий¹⁷⁶⁸.

Глава III. Адмирал Колчак

Клеветы, распускаемые про адмирала Эбергарда¹⁷⁶⁹, обвинявшегося, как я уже говорил, в работе в пользу немцев, возымели-таки свое действие. Сверх того его начали обвинять совершенно определенно в умышленном ведении боевых операций таким образом, чтобы наши корабли не могли поймать или уничтожить

¹⁷⁶⁶ Напр.: *Кара-Мурза С.Г.* Гражданская война (1918–1921) — урок для XXI века. М., 2003. С. 7.

¹⁷⁶⁷ Подробнее о сговоре высшего генералитета и крупных промышленников см.: *Айранетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003; *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту.

¹⁷⁶⁸ *Монастырев Н.А.* Гибель царского флота. СПб., 1995. С. 82.

¹⁷⁶⁹ Эбергард Андрей Августович (09.11.1856–19.04.1919) — адмирал (с 14.04.1913). На службе с 1875. Окончил Морское училище (1878). Морской агент в Турции (1894–1896). Командир канонерской лодки «Манджур» (1899–1901), в период подавления Боксерского восстания в Китае временно командовал крейсером 1-го ранга «Адмирал Нахимов» (1900). И.д. начальника Морского походного штаба наместника на Дальнем Востоке Е.И. Алексеева (23.04.1904–21.02.1905). Командир эскадренных броненосцев «Импера-

«Гебена»¹⁷⁷⁰. Люди судили и рядили, не имея понятия о морских операциях, не понимая, что, имея корабли с максимальным ходом в 18 узлов, нельзя поймать и уничтожить крейсер с ходом в 28 (и даже 30) узлов. Говорили, что достаточно сменить «эту старую немецкую калошу» и назначить русского энергичного адмирала, — живо скрутит он нахальство «Гебена». Кроме того, Эбергарда обвиняли в том, что (как мне помнится) 16 ноября 1914 года, когда «Гебен» ходил по нашим минам, вследствие запрещения Эбергарда, нашими сухопутными минерами не был замкнут ток, наши мины не взорвались, и «Гебен» благополучно ушел восвояси. Все это было наглой клеветой, но тем не менее летом 1916 года наш милейший Андрей Августович был «убран», и на его место был назначен только что произведенный в вице-адмиралы Адмирал Александр Васильевич Колчак!

Очень скоро после состоявшегося назначения Колчак пожаловал к нам в Севастополь. Все генералы и адмиралы и начальники частей и командиры кораблей выстроились на левом фланге почетного караула на перроне жел[езно]дорожной станции, для представления новому высокому начальству — герою Колчаку — способному, молодому, энергичному. Годами он был моложе меня лет на восемь, а нашему коменданту, ему подчиненному, даже в сыновья годился. ~~Ананьин не пожелал поехать предст[авиться].~~ Этим назначением Ананьин¹⁷⁷¹ считал себя очень обиженным, сказался больным, долго не выходил из квартиры, не хотел ездить с докладами к «этому мальчишке» и говорил, что плохо дело, когда «Яйца курицу учат». Я молчал; я понимал обиду Ананьина, но на это дело я смотрел с несколько другой точки зрения. Я считал, что спешное выдвижение Колчака из капитанов 1 ранга в вице-адмиралы и назначение его командующим флотом доказывало мне полную разруху во флоте: почему же не назначили кого-нибудь из старших адмиралов, а кинулись за молодым? Надо было назначить выдающегося — скажут мне. А что же вы, г.г., думали — когда раньше продвигали в адмиралы «за отличия по службе» сотни адмиралов, которые в минуту надоб-

---

тор Александр II» (1905–1906), «Пантелеймон» (1906). Помощник начальника Главного Морского штаба (1906–1908). Начальник Морского Генерального штаба (14.07.1908–22.10.1911). Командующий морскими силами Черного моря (с 11.10.1911, с 17.07.1914 — флотом Черного моря, до 28.06.1916). Член Государственного совета и Адмиралтейств-совета (с 15.06.1917). В отставке (с 13.12.1917). Умер в Петрограде.

¹⁷⁷⁰ «Гебен» — германский линейный крейсер. Водоизмещение 23 тыс. т, скорость 27 узлов (50 км/ч), вооружение: десять 280-мм, двенадцать 150-мм, восемь 88-мм орудий, 2 торпедных аппарата, экипаж 1013 чел. Продан Турции в начале Первой мировой войны. В августе 1914 вместе с крейсером «Бреслау» прорвался из западной части Средиземного моря в Стамбул. 03(16).08.1914 на кораблях были подняты турецкие флаги. «Гебен» получил название «Явуз Султан Селим». 16(29).10.1914 совершил нападение на Севастополь, выпустив по городу около 60 снарядов. В последующем неоднократно производил обстрел русского побережья и транспортов, избегая решительного боя с русскими кораблями. В январе 1918 подорвался на минах, уведен в Босфор. В 1938 модернизирован, в составе турецкого флота до конца 1940-х затем до 1960 был учебным кораблем.

¹⁷⁷¹ Ананьин Аркадий Николаевич (23.01.1851–?) — генерал от артиллерии (с 16.10.1914). На службе с 20.06.1868. Окончил Пиротехническое училище и Михайловское артиллерийское училище (1872). Стол-начальник Главного артиллерийского управления (12.02.1878–18.06.1883). Заведывающий практическими занятиями Выборгской крепостной артиллерии (18.06.1883–13.02.1886). Завхоз Выборгской крепостной артиллерии (01.03.1886–06.04.1890). Командир батареи Выборгской крепостной артиллерии (06.04.1890–24.02.1898). Командир Усть-Двинской (24.02.1898–01.03.1900) и Свеаборгской крепостной артиллерии (01.03.1900–27.09.1904). Заведывающий артиллерийской частью Казанского военного округа (27.09.1904–28.03.1906). Начальник артиллерии Варшавского военного округа (28.03.1906–18.03.1909; до 06.12.1906 — и.д.). Комендант крепости Севастополь (13.03.1909–1916). Уволен от службы по болезни (07.07.1917).

ности все оказались негодными? Разве это не разруха и не страшный произвол, разлагавший флот сверху? Что бы сказал читатель про сухопутную армию, если бы в военное время на должности главнокомандующих, командующих и командиров корпусов Ставка начала бы назначать не опытных генералов, долгою службою приобретших знания и опыт, а начали бы хватать только что произведенных генерал-майоров и командиров полков? Как смотрели матросы на своих старых адмиралов, оказавшихся недостойными командовать флотом и вынужденных подчиняться молодому адмиралу, годному¹⁷⁷² им в сыновья? Это тоже были маленькие признаки провокации на унижение достоинства чинов, заслуженных в течение долгой и верной службы, и провокация эта шла к нам из самой Ставки! А затем само дело показало, что герой, молодой и энергичный Колчак, ровно ничем полезным себя и не проявил, но, впрочем, об этом будет ниже, при изложении фактической стороны.

В первый же день нашего знакомства на вокзале он мне не понравился: производил он впечатление человека весьма нервного, принимавшего позы и жесты не натуральные, а как бы обдуманые, и это производило тяжелое впечатление; у него совершенно не было позы барина и высокого начальника, спокойно сознающего свою власть и силу, в чем я потом и убедился, видя, как он раздражался по пустым вопросам и начинал горячиться и кричать, швыряя телефонную трубку или пресс-папье в случаях, когда достаточно было спокойно приказать и приказание было бы исполнено.

Одновременно с Эбергардом был сменен и его начальник штаба, и Колчак на эту должность взял себе товарища по корпусу — контр-адмирала (царство ему небесное — он впоследствии был расстрелян «товарищами») Каськова¹⁷⁷³ — человека, по моему мнению (как увидите далее из описания заседания 12 октября), ограниченного и заносчивого. Таким образом, в Черноморском флоте в один день заступили новые и главный начальник и его начальник штаба, и, естественно, — в продолжении работы штаба должен был получиться вредный для дела в военное время надрыв. Уже в октябре Каськов был заменен адм[иралом] Погуляевым¹⁷⁷⁴.

---

¹⁷⁷² В документе несогласованно — годного.

¹⁷⁷³ Каськов Митрофан Иванович (09.11.1867–15.12.1917) — контр-адмирал (25.01.1916). На службе с 1884. Окончил Морское училище (1887). Мичман (с 29.09.1887). Капитан 1-го ранга (1911). Офицер оперативного отделения штаба Черноморского флота и портов (1905). Штаб-офицер стратегической части Главного Морского штаба, затем Морского Генерального штаба (1906–1910). Командир мореходной канонерской лодки «Донец» (1910–1912). Командир линейного корабля «Пантелеймон» (15.05.1912–1916). Обеспечивал доставку морем из Мариуполя двух дивизий для поддержки наступающих частей Кавказского фронта. Начальник штаба командующего флотом Черного моря (04.07–10.1916). Зачислен в резерв чинов Черноморского флота (с 03.04.1917). Убит матросами-анархистами на Малаховом кургане в Севастополе. Женат, 6 детей.

¹⁷⁷⁴ Погуляев Сергей Сергеевич (01.03.1873–11.03.1941) — контр-адмирал Свиты Его Императорского Величества (1916). На службе с 1891. Окончил Морской кадетский корпус (1894). Флаг-офицер при управляющем Морским министерством (1902–1905). Морской агент во Франции (1906–1910). Командир эсминца «Капитан Сакец» (1911–1913). Командир крейсера «Кагул» (1913–1916). Начальник 1-й бригады линейных кораблей Черного моря (1916). Начальник штаба командующего флотом Черного моря (10.1916–1917). Начальник управления по делам русских военных и военнопленных за границей (с 1919). В эмиграции — во Франции (Париж).

По вступлении в командование флотом, адмирал Колчак занялся, по-видимому, исключительно делами морскими и совершенно игнорировал¹⁷⁷⁵ нашими сухопутными (крепостными) делами. Ананьин «набиваться к мальчишке» сам не хотел, еженедельные личные доклады, которые комендант крепости делал адмиралу Эбергарду, сами собою отменились, связь между крепостью и штабом флота прервалась, и получился не то паралич, не то анархия, крайне вредные для дела. Тогда я позвонил по телефону начальнику штаба флота адмиралу Каськову, сообщив ему, что у нас были заведены еженедельные личные доклады коменданта командующему и что в интересах дела их необходимо возобновить, имея в виду в случае упорного нежелания ген[ерала] Ананьина ездить к Колчаку, ездить самому... После некоторой паузы адмирал Каськов ответил мне, что означенные доклады командующий флотом признает излишними..., а что если нам что-либо нужно, — то чтобы мы входили с письменными представлениями! Таким образом, рухнула моя попытка восстановить связь и «добрые отношения» со штабом флота; мы как бы наткнулись не на друзей, а — на ежей... А жизнь, тем не менее, шла; она требовала нашей совместной и дружной работы, и в боевом отношении, и в административном. Подходила зима, а в Севастополе не было еще заготовлено топлива (угля и дров) ни для крепости, ни для населения, а получить таковой по той причине без содействия Колчака было почти невозможно: флот был обеспечен топливом с большим избытком, а крепость и население совершенно обеспечены не были, причем флот, по требованиям штаба флота, получал все для него потребное по жел[езным] дорогам, в «первую очередь» как фронт, а крепость (пасынок морского ведомства) получала все в четвертую очередь, как тыл, и только один Колчак мог выручить нас от надвигавшейся опасности. На наши письменные по сему ходатайства ответа не было. Тогда Ананьин, не желая лично ехать к Колчаку, сказавшись больным, послал меня с личным докладом к командующему флотом.

Меня сначала «выдержали» в приемной, а затем меня принял начальник штаба адмирал Каськов, который сказал мне, что командующий очень занят (будто я приехал для забавы), принять меня не может и поручил ему принять мой доклад. Я доложил, но Каськов, как новый человек, плохо разбирался в вопросе, и мне пришлось его разжевывать, «начиная от Адама».

«Хорошо, сказал Каськов, подождите, я сейчас доложу все это Командующему» и ушел.

Эта «игра» в серьезном деле мне показалась довольно странною: меня принять нельзя, времени нет, а решать дело по передокладу Каськова — можно, время есть. Минут через 15 Каськов возвратился и очень грубым голосом сказал мне нижеследующее: «Командующий флотом, на мой доклад о снабжении крепости топливом, приказал Вам передать: “Скажите Вашему коменданту, что командующий флотом приехал в Севастополь руководить боевыми действиями флота и разить врага в бою, в открытом море, а не заниматься поставками топлива для какого-то там населения, на это у Вас есть комендант, а если он не умеет добыть топлива и к нему — командующему флотом будут приставать и надоедать

---

¹⁷⁷⁵ Так в документе.

с какими-то тыловыми вопросами, то он, Колчак, сумеет каждому показать свое место и круг его ведения! До свидания, так Вашему коменданту и доложите!»»

Вот так разъяснил, думал я, возвращаясь на «Голубке» на берег. Фразы, безусловно, красивые, воинственные, но детские. С таким полным незнанием законов мы далеко не уедем. Так-то, не солоно хлебавши, я и вернулся в штаб крепости. Первый блин пошел комом.

Когда я докладывал коменданту, как я не был принят Колчаком, и результат наших хлопот о топливе, то старик просто трясся от злобы и досады.

— Как же посмел он Вас не принять? Ведь Вы доложили, что Вы прибыли по моему поручению и передаете мой личный доклад?

— Доложил.

— Это мы с Вами попались; два старых генерала оказались в дураках перед мальчишкой. Так этого дела оставлять нельзя: настанет зима, и вследствие полного отсутствия в городе топлива среди бедного населения и рабочих могут вспыхнуть беспорядки, а за беспорядки в крепости, находящейся в осадном положении, вся ответственность, до суда включительно, ляжет на меня, на коменданта крепости, и тот же Колчак, свалив на меня всю вину, прикажет войскам стрелять в голодное и холодное население. Нет! Этого дела так оставлять нельзя, и, хотя мне и очень не хочется подводить Вас под новые оскорбления, но, ради пользы дела, я Вас буду очень просить поехать еще раз на корабль и свезти Колчаку по этому делу письменный доклад, дабы у нас в делах остался письменный след.

Через несколько дней я свез для вручения в «собственные руки» «спешный секретный» доклад, но опять к Колчаку допущен не был, но, что было для нас важно, получил расписку дежурного офицера в приеме доклада. Через некоторое время меня пригласили в каюту к начальнику штаба адмиралу Каськову¹⁷⁷⁶, который вернул мне наш доклад с собственноручною резолюцией самого Колчака. Дословно этой резолюции теперь я, конечно, не помню, но она повторяла в более резкой форме его первую, словесную, резолюцию и, между прочим, ясно намекала, что если население будет приставать к нему — командующему флотом — с разными требованиями, то он сумеет с ним справиться (что, как увидит дальше читатель, он и доказал своим распоряжением 12 окт[ября] 1916 г. о выселении части севастопольских жителей).

С этой резолюцией я возвратился к коменданту. Старик и злился и торжествовал: «Спрячьте эту резолюцию в секретный несгораемый шкаф, — сказал он, — и храните весьма бережно: теперь, если что и случится, — пускай случается: Колчак в моих руках, а я свое дело исполнил!»

Доклад я спрятал и хранил, но ничего у нас не «случилось»: благодаря энергии и распорядительности одного из прекраснейших и честнейших сотрудников коменданта — начальника инженеров крепости генерал-майора Энберга¹⁷⁷⁷ — уже к сентябрю начали приходить пароходы с топливом из Мариуполя; часть этого топлива была уступлена¹⁷⁷⁸ городскому голове Еранцеву¹⁷⁷⁹ для населения, а бед-

¹⁷⁷⁶ В документе несогласованно — адмирала Каськова.

¹⁷⁷⁷ Энберг Фридрих-Оскар Иванович (19.07.1859–?) — генерал-майор (со ст. с 12.12.1911). Военный инженер. Начальник инженеров и строителей Севастопольской крепости (с 12.12.1911).

¹⁷⁷⁸ В документе — было уступлено.

¹⁷⁷⁹ Еранцев Федор Николаевич — полковник в отставке, инженер, городской голова Севастополя.

ное население, как уже рассказано в[о] 2 главе¹⁷⁸⁰, получало топливо из складов Крылова.

Знакомясь с делом обороны Севастополя с моря в видах охраны флота, когда он стоит в бухтах, Колчак увидел, что без содействия крепости обойтись невозможно, но он желал руководить действиями наших батарей помимо коменданта крепости и его штаба, а при посредстве своего морского штаб-офицера, заведывающего во флоте артиллерийскою частью. Таким образом, в наше дело свыше вносилась новая анархия. С этою целью на корабль требовались наши крепостные безавторитетные артиллеристы, которые под руководством сего наставника безмолвно подписывали какие-то теоретические, но в сущности невыполнимые инструкции, которые при необходимости их утверждения вызвали лишь борьбу между двумя штабами и никакой пользы не принесли, ибо для их выполнения надо было, во-первых, удвоить гарнизон, ибо у нас не хватало артиллеристов для обслуживания всех батарей и лабораторных и вооружительных работ.

Вследствие бесконечных пререканий и дабы ознакомиться с крепостью и стрельбою наших батарей, Колчак назначил смотры стрельбы: сначала он смотрел на № 11 стрельбу зенитных батарей, которая очень интересовала его и которую он так торопил, что не дал даже времени хоть немного разработать этот совершенно новый вид стрельбы, и мы целый месяц самым бесполезным образом пускали в воздух без всяких правил десятки шрапнелей, дающих при разрывах разноцветный дым. Здесь слишком долго объяснять, почему эта стрельба была совершенно бесцельной тратой снарядов, но лучшим доказательством было то, что вскоре и сам Колчак начал к ней относиться равнодушно.

Стрельба береговых батарей, разработанная у нас по всем требованиям науки, показала, насколько как сам Колчак, так и его специалист в артиллерийском деле не только не знали некоторых способов стрельбы «берега по флоту», но даже не знали некоторых уставных «азов», как, например, воспрещения во избежание «затяжного» выстрела, а следовательно, разрыва патрона, — немедленного открития¹⁷⁸¹ замка орудия после «осечки».

Смотр был произведен батареям: № 15 из трех 10''¹⁷⁸² пушек, стреляющих «на время» по дальномеру и шкворневому прибору системы полковника фон дер Лауница (русского артиллериста), и № 22 из четырех 6'' пушек Кане.

Стрельба 15-го номера смотрелась с номера 25-го, куда были проведены телефоны. В назначенное время наш артиллерийский пароход, по сигналам, данным с № 25-го, пошел параллельно берега в расстоянии приблизительно десяти верст, влача за собою на буксире в 150 саж[ен] длиною мишень в 6 саж[ен] длины и 2 саж[ени] высоты. На таком расстоянии она была чуть видна. Когда пароход вошел в обстреливаемый сектор, Колчак приказал открыть огонь. Приказание было передано на батарею по телефону, а все присутствующие вынули часы... Проходит с полминуты, Колчак начинает волноваться и, ни к кому не обращаясь, спрашивает: «Приказание на батарею передано? Почему копаются?»

¹⁷⁸⁰ Не публикуется.

¹⁷⁸¹ В документе ошибочно — немедленное открытие.

¹⁷⁸² Здесь и далее — обозначение дюймов.

«Передано, сейчас будут стрелять!» — проходит еще 20 секунд, Колчак начинает кричать, что это безобразие, крепостные артиллеристы спят, ничего не знают, с такими артиллеристами он не может отвечать за обеспеченность флота, что придется ему их... в это время на батарее появилось три огненных языка, ветер развеял прозрачный голубоватый дымок, и тотчас содрогнулся воздух, потрясая все окрестности громом залпа батареи... Колчак, прервавший свою речь, начал смотреть на мишень, и секунд через 35 мы увидели три столба воды, поднявшиеся возле самой мишени.

«Снаряды легли недурно, но это случайность, почему дали залп, не пристрелявшись предварительно? На залпы надо переходить по окончании пристрелки, но стрелять надо часто, как у нас во флоте, прикажите продолжить стрельбу, только передайте, чтобы не спали и шевелились повеселей!»

Как рискованно старшим начальникам строго и с апломбом делать замечания и даже разносить подчиненных, смотря какой-нибудь отдел, которого они сами не знают! Из этих слов Колчака и поддакиваний его свиты для меня стало ясно, что ни он сам, ни его «артиллерист» не имеют даже понятия — что такое стрельба «на время», исключая всякую пристрелку и дающая сразу данные для одновременной стрельбы по одной точке не только нескольких орудий, а даже нескольких батарей, хотя бы они были вооружены даже разными калибрами. Я сказал кому-то из наших артиллеристов, чтобы немедленно доложили командующему — в чем суть стрельбы по шкворневому прибору, но Колчак опять начал кричать, что артиллеристы спят, и никто не решился подойти к нему, тогда я, взяв открытые часы, подошел к командующему и, попросив разрешение, доложил, что при стрельбе с нашими приборами залп от залпа может следовать не ранее как через 2½ минуты один после другого, что секунд 20 надо на передачу приказаний и первых команд, 30 секунд производится наблюдение, в течение которого указательные нониусы¹⁷⁸³ забегают с утроенною скоростью... но Колчак меня оборвал, спросив меня, артиллерист ли я, и, получив отрицательный ответ, порекомендовал мне доложить коменданту его замечания... Видя, что он совершенно не понимает этого дела и даже не позволяет себе докладывать, я замолчал и решил оставаться при стрельбе немою пешкою...

На № 22 стрельба могла окончиться весьма плачевно. Колчак со свитою стоял на левом траверсе, откуда наблюдал как море, так и работу орудийной прислуги, и с места же начал торопить, требуя доведения скорости стрельбы до судовой скорости, при этом несколько раз случались осечки, и разгорячившийся Колчак кричал: «Скорей, скорей, давай другой патрон!» и растерявшаяся прислуга, не выжидая установленного времени, открывала затвор. Видя такое безобразие и ничего не докладывая адмиралу, я быстро сбежал на батарею и именем коменданта крепости (на что по закону я имел право) приказал строго подтвердить прислуге, чтобы исполняли только его, командира батареи, приказания и команды, а никого постороннего не слушали.

Все замечания Колчака на этих стрельбах (совершенно несправедливые) легли затем в основание особой записки о необходимости передачи крепости в мор-

---

¹⁷⁸³ Нониус — вспомогательная шкала, при помощи которой отсчитывают доли делений основной шкалы измерительного прибора.

ское ведомство, так как крепостные артиллеристы из рук вон плохо обучены и не умеют стрелять по флоту.

Делая замечания и разносы подчиненным, Колчак в скором времени навел панику на наш офицерский состав, а в это время матросы, которых Эбергард держал в «ежовых» рукавицах, начали распускаться, а морское начальство не только не умело их подтягивать, но даже нянчилось с ними и как бы заигрывало. Комендантскому отделению штаба крепости штабом флота было воспрещено (вопреки Высочайше утвержденного устава гарнизонной службы) отправлять провинившихся матросов на гауптвахту, а было приказано доставлять их на Графскую пристань, куда с кораблей вызывать шлюпки, на кои и сдавать виновных. Это распоряжение было равносильно освобождению¹⁷⁸⁴ матросов от всякой ответственности, а заигрывание дошло до такой степени, что в конце 1916 года и вопреки всех уставов, приказом по гарнизону, матросам на некоторых улицах Севастополя разрешено было курить, вынимая папироску изо рта для отдания чести офицерам: матросы, видимо, что-то почувствовали и с каждым днем позволяли себе все больше и больше. Начальник Севастопольского жандармского управления полковник Редров уже неоднократно доносил как в департамент полиции, так и командующему флотом и коменданту крепости об обнаруженных им признаках усиливающейся распущенности матросов, что особенно рельефно выступало в сравнении с крайне скромным поведением нижних чинов сухопутного гарнизона. Читал ли Колчак эти рапорты или нет, — мы этого не знаем, но никаких мероприятий против распущенности матросов не принималось... как вдруг, уже в конце лета 1916 года произошел такой казус: в праздничный день семь пьяных матросов устроили какой-то дебош на базаре, чинами городской полиции при содействии вооруженных патрулей от сухопутного гарнизона буяны были арестованы, и их повели, но не успела эта процессия сделать и нескольких шагов, как со всех сторон начали сбегаться вооруженные и невооруженные матросы, напали на конвой, который вследствие малочисленности растерялся и струсил, и буяны были освобождены. Об этом случае последовало отдельное подробное донесение во все инстанции, но и это донесение полковника Редрова Колчак, по-видимому, не читал, ибо оно без всяких последствий было подшито к делу.

Департамент полиции обеспокоился описанному проявлению бунтарских наклонностей матросов и в секретном порядке передал это донесение (в котором было сказано, что об изложенном доложено и командующему флотом и коменданту крепости) на «усмотрение» Морскому министру. Адмирал Григорович¹⁷⁸⁵ переслал эту переписку «на распоряжение» адмиралу Колчаку, а последний распорядился самым энергичным образом, дабы на будущее время подобных слу-

¹⁷⁸⁴ В документе несогласованно — освобождения.

¹⁷⁸⁵ Григорович Иван Константинович (26.01.1853–03.03.1930) — адмирал (с 27.09.1911). Генерал-адъютант (с 06.12.1912). На службе с 1871. Окончил Морское училище (1874). Командир крейсера 2-го ранга «Разбойник» (1895), броненосца береговой обороны «Броненосец» (1895–1896), минного крейсера «Воевода» (1896). Военно-морской агент в Великобритании (1896–1898). Командир эскадренного броненосца «Цесаревич» (1899–1904). Командир порта Порт-Артур (28.03–21.12.1904). Начальник штаба Черноморского флота и портов Черного моря (1905–1906), контужен при взрыве бомбы (14.05.1906). Товарищ морского министра (с 09.02.1909). Морской министр (19.03.1911–31.03.1917). В отставке (с 31.03.1917). Преподавал в учебном управлении Морского штаба Республики (1922). Выхал для лечения во Францию, умер в Ментоне.

чаев не могло повториться! Он тотчас потребовал полковника Редрова к себе на корабль, накричал на него и разнес как мальчишку, не желая слушать никаких ни докладов, ни возражений, и раз навсегда (вопреки всяким законам) воспретил полковнику Редрову доносить куда бы то ни было на «его матросов»! С этой минуты матросы Колчака могли говорить и проделывать, что им угодно, и Департамент полиции был лишен возможности что-либо об этом уведомить¹⁷⁸⁶! Если и другие начальники так действовали, то немудрено, что Государь ничего не знал о надвигавшейся опасности, и революция свалилась всем нам на головы, «как снег на голову». Этот почтенный, немолодой преданный делу служака прямо от Колчака приехал ко мне на квартиру: в глазах у него были слезы. Он приехал ко мне посоветоваться, что ему делать, так как он поставлен в безвыходное положение: если он не будет доставлять Департаменту надлежащие сведения, то Департамент вправе предать его суду за укрывательство преступной деятельности революционеров, если же он будет продолжать свои донесения, согласно закона, то он рискует быть преданным военному суду за неисполнение приказа высшего начальника в крепости, находящейся на осадном положении. Ко времени этого разговора я был уже предупрежден, что, по имеющимся сведениям, Колчак поручил «своему» жандармскому офицеру следить за полковником Редровым и ротмистром Крахотиным, чтобы они не посылали каких-либо депеш жандармским шифром в Департамент. Таким образом, полковник Редров был поставлен в такое положение, что он был лишен возможности донести по телеграфу, что ему воспрещено исполнять его прямые обязанности по службе. Я посоветовал Редрову составить краткое об этом донесение, положить на шифр и с надежным унтер-офицером послать по железной дороге для отправления телеграммы с какой-нибудь станции вне пределов Крыма. Редров так и сделал и послал телеграмму со станции Мелитополь, но оба мы упустили из вида, что ведь может последовать ответ. И ответ последовал, а Департамент полиции, получив донесение Редрова, запросил объяснения у Морского министра, а последний запросил Колчака, а последний, действительно бесстрашный воин, ничтоже сумняшеся, приказом по флоту отрешил полковника Редрова за неисполнение приказа командующего флотом от должности, а, когда Редров, донося о последнем, просил разрешения Департамента прибыть немедленно в Петроград для личного доклада всего случившегося, за последнее преступление полковник Редров был признан Колчаком нежелательным элементом в пределах крепости, находящейся в осадном положении, и предписанием штаба флота полковник Редров, как элемент вредный, в трехдневный срок был выселен из Севастополя!

Виданное ли это дело? Жандармский полковник, стоявший на страже интересов Государя и России, за добросовестное исполнение своего долга отрешается от должности, признается неблагонадежным и в трехдневный срок выселяется из крепости!

Редров поехал в Петроград, где в Департаменте полиции, конечно, был признан совершенно правым, но министр внутренних дел¹⁷⁸⁷ в интересах государственных спасовал, побоялся побеспокоить командующего флотом, не имел

---

¹⁷⁸⁶ Так в документе.

¹⁷⁸⁷ По всей видимости, речь идет о министре внутренних дел А.А. Хвостове (07.07–16.09.1916).

гражданского мужества поставить вопрос ребром и отстоять своего подчиненного, и Редров был назначен куда-то на Кавказ, а вместо него к нам прибыл полковник Дукельский.

«Шила в мешке не утаишь», а тем более не упрячешь концов в таком громком деле, как изгнание в экстренном порядке за донесение на матросов жандармского полковника, и в темных массах популярность Колчака, нанесшего¹⁷⁸⁸ такой удар и оскорбление честному жандармскому полковнику, возвысилась в значительной степени.

Как понять этот странный поступок адмирала? Действительно ли среди высшего командного элемента и высших чинов Российского государства существовал в то время вполне определенный «Великий заговор» против Государя, или это теперь кем-то придумано и пущено в монархическую печать? Надо признать, что по мере течения времени против наших генералов и некоторых высших чинов улик набирается довольно много, и дело беспристрастной истории (если такая может существовать) вывести миру правдивое заключение. В деле свержения полковника Редрова, по моему мнению, играли роль другие обстоятельства. Уже много лет тому назад в среде русской интеллигенции начался скрытый поход против нашего самодержавия, но, чтобы свалить его, надо было сначала дискредитировать, оклеветать, оплевать организацию, охранявшую в России как основы собственно самодержавия, так и вообще уважения к Закону. Таковой организацией был, между прочим, корпус жандармов...¹⁷⁸⁹

В конце лета того же 1916 года к нам в Севастополь прибыл по каким-то важным делам начальник Главного артиллерийского управления генерал от артиллерии Алексей Алексеевич Маниковский¹⁷⁹⁰, мой давнишний и хороший друг. Будучи с ним наедине и вновь желая дать при посредстве честного человека какой-нибудь толчок в смысле выяснения обстановки Государю, который знал лично Маниковского и любил его, я затеял разговор в этом направлении, высказывая ему свои опасения, приводя примеры, доказывавшие полную неблагонадежность матросов и всех тыловых частей, и даже выразил опасение: «как бы эти идиоты не затеяли своей дурацкой революции до окончания войны»... На это Маниковский рассказал мне такие вещи, от которых волосы дыбом становились и которых, будучи давно вне Петрограда, я подозревать не мог, и которые заронили

---

¹⁷⁸⁸ В документе несогласованно — нанесшему.

¹⁷⁸⁹ Далее опущен фрагмент воспоминаний о достойной военной службе А.Д. Ковалинского — сына жандармского офицера.

¹⁷⁹⁰ Маниковский Алексей Алексеевич (13.03.1865–01.1920) — окончил Тифлисский кадетский корпус (1883), Михайловское артиллерийское училище (1886), Михайловскую артиллерийскую академию (1891), Офицерскую артиллерийскую школу (1898). Генерал от артиллерии (с 06.12.1916). Участник Русско-японской войны. Командир Усть-Двинской (с 09.02.1906), Кронштадтской (с 25.09.1906) крепостной артиллерии. Комендант Кронштадтской крепости и главный руководитель оборонительных работ в Кронштадте (с 23.03.1914). Совещательный член артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления (10.02.1909–24.05.1915). Участник Первой мировой войны. Начальник Главного артиллерийского управления (с 24.05.1915). Под руководством Маниковского к 1917 был преодолен снарядный кризис, налажено производство боеприпасов. Помощник военного министра А.И. Гучкова (с 06.03.1917). Вр.и.о. управляющего Военным министерством (с 30.04.1917), товарищ военного министра по снабжению. Участник Гражданской войны. Начальник артиллерийского управления, управления снабжений РККА. Погиб при крушении поезда.

в мое сердце первые подозрения в сомнительной верности Государю Императору некоторых из наших высших чинов и в том числе — генерал-адъютанта Алексеева¹⁷⁹¹! Маниковский высказал в общем, что организованной революции слева он не боится: если против нее будут высшие чины государства, то ее не допустят и затушат в самом начале, но: «я очень боюсь — продолжал Маниковский — революции “справа”, и у меня есть очень много данных о том, что Государю грозит опасность не так слева — как справа!»

— «Ну и что же ты сделал?» — спросил я.

— «Лично Государю я как-то не решился ни говорить, ни писать, а обо всем этом я подробно написал Михаилу Васильевичу Алексееву, отправил письмо с

¹⁷⁹¹ Алексеев Михаил Васильевич (03.11.1857– 25.09(08.10).1918) — выдающийся русский военный деятель. Из потомственных почетных граждан. Родился в Тверской губернии в семье солдата сверхсрочной службы. Окончил Тверскую классическую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1876) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1890). Прапорщик (со ст. с 01.12.1876). Подпоручик (со ст. с 31.10.1878). Поручик (со ст. с 25.01.1881). Штабс-капитан (со ст. с 15.05.1883). Капитан (со ст. с 13.05.1890). Подполковник (со ст. с 30.08.1894). Полковник (со ст. с 05.04.1898). Генерал-майор (с 28.03.1904 со ст. с 30.10.1904). Генерал-лейтенант (со ст. с 30.10.1908). Генерал от инфантерии (со ст. с 24.09.1914). Генерал-адъютант (1916). На службе с 22.11.1873. Во 2-м грендерском Ростовском полку. В 64-м пехотном Казанском полку. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Командир роты 64-го пехотного Казанского полка (24.10.1885–21.10.1887). Старший адъютант штаба I армейского корпуса (26.11.1890–31.05.1894). Младший делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба (31.05.1894–25.01.1899). Старший делопроизводитель канцелярии военно-ученого комитета Главного штаба (25.01.1899–05.08.1900). Командир батальона Лейб-гвардии Грендерского полка (08.05–16.09.1899). Экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (26.08.1898–24.12.1901). Ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (24.12.1901–06.06.1904). Начальник отдела генерал-квартирмейстера части Главного штаба (05.08.1900–01.05.1903). Начальник отдела Главного штаба (01.05.1903–30.10.1904). Заслуженный профессор Николаевской академии Генерального штаба (с 06.06.1904). Участник Русско-японской войны. Генерал-квартирмейстер 3-й Маньчжурской армии (30.10.1904–27.09.1906). 1-й обер-квартирмейстер ГУГШ (27.09.1906–30.08.1908). Командир бригады 22-й пехотной дивизии (02.05–04.09.1907). Постоянный член Главного крепостного комитета (04.05–30.08.1908). Начальник штаба Киевского военного округа (30.08.1908–12.07.1912). Почетный член конференции Императорской Николаевской военной академии (с 16.12.1908). Командир XIII армейского корпуса (12.07.1912–1914). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба армий Юго-Западного фронта (с 19.07.1914). Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта (с 17.03.1915). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (18.08.1915–02.04.1917). В отпуску по болезни (10.11.1916–17.02.1917). Вр.и.о. Верховного главнокомандующего (с 11.03.1917). Верховный главнокомандующий (02.04–22.05.1917). В распоряжении Временного правительства (с 22.05.1917). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (с 30.08.1917). В распоряжении Временного правительства (с 10.09.1917). После большевистского переворота в Петрограде выехал в Новочеркасск. Участник Гражданской войны. Создал «Алексеевскую организацию» (11.1917). Один из основоположников Белого движения на Юге России. Член Донского гражданского совета (12.1917–02.1918). Отвечал за финансирование Добровольческой армии, занимался вопросами внешней и внутренней политики. Участник Первого Кубанского (Ледяного) похода (02–04.1918). Председатель Особого совещания и Верховный руководитель Добровольческой армии (с 18(31).08.1918). Умер в Екатеринодаре. Похоронен в Войсковом соборе. Прах перезахоронен в Белграде на Новом кладбище (1920). Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1879), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1879), Св. Станислава 2-й ст. (1892), Св. Анны 2-й ст. (1896), Св. Владимира 4-й ст. с бантом (1900), Св. Владимира 3-й ст. (1901), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (1905), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1906), ордена Св. Анны 1-й ст. (1906), Св. Владимира 2-й ст. (06.12.1911), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 06.09.1914). Супруга Анна Николаевна Пирожкая (1872–1960). Дети: Николай (1891–1960), Клавдия (1893–1929), Вера (1899–1992). Соч.: Война 1877–1878 гг. на Азиатском театре: Действия отдельного Кавказского корпуса с 12 апреля по 28 июня 1877 г. СПб., 1892; Речь генерала М.В. Алексеева на Московском совещании общественных деятелей 8 августа 1917 г.: (Стенографический отчет). М., 1917.

надежным человеком в собственные руки, для доклада и предупреждения Государя о грозящей ему опасности!»

— «Вот это здорово! Что же из этого вышло?»

— «Алексеев не нашел возможным, по каким-то причинам, докладывать это письмо Государю!»

Что предпринял по этому поводу Маниковский по возвращении своем в Петроград, я так никогда и не узнал.

Но как бы там ни было, — распушенность матросов в Черноморском флоте прогрессировала с каждым днем и в политическом отношении, и в служебном. Как результат последней (по моему мнению) была гибель «Марии»¹⁷⁹².

6-го октября, очень рано, я был разбужен моим денщиком, который с грохотом делал уборку в соседней комнате, сквозь сон я слышал как он с грохотом что-то уронил и шумно распахнул окно. Сквозь сон мне казалось, что тарыхтит мой Михаил, но в действительности это были первые взрывы на «Марии», от которых у меня в квартире, отстоявшей в 9 верстах от места взрыва, порывом воздуха растворило окна.

Я тотчас вскочил с кровати, и вместе с гостившим у меня товарищем полковником Силаевым (фамилия, о которой в своих письмах упоминает Государыня Александра Федоровна)¹⁷⁹³ из окна соседней комнаты, из которого открывался прекрасный вид на Северную бухту, где стояла «Мария», мы увидели грандиозную картину гибели дредноута! Сначала мы видели огромные клубы черного дыма, заволакивавшего собою весь корабль, и только виднелись верхушки мачт; порою порыв ветра сдувал и прижимал дым к морю, тогда виднелся почти весь корабль, в дыму, из которого ясно вырывались несколько больших огненных языков, потом опять все скрывалось в дыму, слышались новые взрывы; ясно было, что на корабле грандиозный пожар со взрывами бомбовых помещений по мере распространения огня. «Мария» боролась со смертью минут двенадцать, пожар усилился, и дымом заволокло и корабль и ближайшие воды, почувствовалось сотрясение почвы, раздалось два страшнейших взрыва, и тотчас дым рассеялся, воздух стал прозрачен и на том месте, где полчаса тому назад горделиво красовалась «Мария», на поверхности воды поперек бухты была видна прямая черная линия: это был киль перевернувшегося броненосца, похоронившего с собою свыше 380 лучших матросов, ибо они не спешили спастись, до последней минуты старались бороться с пожаром. Честь и слава героям. Мы молча посмотрели друг на друга и даже ничего не сказали.

После подобного зрелища было уже не до сна, и мы тотчас оделись и, за стаканом чая, начали обсуждать этот случай.

В штабе флота, вероятно, растерялись, ибо, вопреки всяким указаниям закона, первые шаги по производству дознания и арест всех подозреваемых лиц возложили на меня. В 10 часов утра, у меня в кабинете, я уже делал, по приказанию командующего флотом, необходимые распоряжения по аресту 47 лиц, поименованных

¹⁷⁹² Речь идет о линкоре «Императрица Мария».

¹⁷⁹³ Силаев Лев Захарович (18.02.1870–?) — на службе с 30.08.1887. Окончил кадетский корпус и Константиновское военное училище по 1-му разряду. Полковник (со ст. с 06.05.1915). Флигель-адъютант императора (с 1911). Командир 13-го Лейб-гренадерского Эриванского царя Михаила Федоровича полка (с 10.04.1916).

в особом списке и кои имели касательство к делу; распоряжения были даны подполковнику Полянскому и ротмистру Крахотину. Мы это дело провели тихо, и в две ночи, с 6 на 7 и с 7 на 8 октября арестовали двух инженеров и 43 рабочих; два лица 6-го числа днем успели выехать в Петроград... Жандармы начали и дознание, и каждый день по вечерам я получал секретный доклад... Но дня через три штаб флота спохватился той глупости, которую они сделали: они сгоряча дали возможность постороннему ведомству войти в секреты их интимной жизни, и мне было приказано немедленно приказать моим жандармам передать дело в другие руки, и мы были совершенно освобождены от участия в выяснении дальнейших тайн. Была назначена особая секретная комиссия, которая производила «строжайшее» расследование, и, как мне кажется, — им было рекомендовано непременно дать этому случаю окраску шпионажа; были даже какие-то (лже) свидетели, которые говорили, что «Марию» взорвал сам адмирал Эбергард (задолго перед тем уехавший навсегда в Новгородскую губернию), которого утром этого дня видели в штатском костюме, пробиравшемся к «Марии» на частном ялике. Эту версию я слышал не от кого-нибудь, а лично мне это рассказывал 8 ноября, во время доклада, сам адмирал Колчак в доказательство непопулярности во флоте имени Эбергарда!

Но за те три дня, что мы были в курсе дознания, мы уже вполне ясно составили себе понятие о той распущенности, которая царила на первейшем корабле всего Черноморского флота. В нескольких словах — вот что успели выяснить мои жандармы:

Шесть месяцев служила уже «Мария», участвовала в походах, и на седьмом месяце «выяснилось», что на корабле необходимо провести какие-то сложные электрические провода. Может, в этом фиктивном усовершенствовании «Марии» и заключалось предательское требование, дабы пустить «козлов в огород», так как необходимые рабочие для проведения проводов не могли быть найдены в Крыму, Херсоне и Николаеве, а в числе 45 человек были выписаны из Петрограда, как помнится, с Путиловского завода, который считался у нас и революционным и германфильским! Эти рабочие жили на берегу и ежедневно на катерах доставлялись на баржу, причаленную к «Марии», здесь особый офицер производил проверку документов, после чего рабочие допускались на корабль, но вскоре проверка документов была передана боцману, а после — матросу, а после — никому. Допуск рабочих в бомбовые погреба производился сначала с большими строгостями, но и тут шли постепенно послабления и кончилось дело тем, что рабочий шел в помещение команды, где в койке лежал унтер-офицер, коему был доверен ключ от бомбового погреба; унтер-офицер сам в погреб не трудился идти, а лез в карман и давал рабочему ключ, и рабочие самостоятельно шли в погреб. Когда много после «Мария» была извлечена со дна морского, то мне говорили, что инженеры, которые первыми проникли вовнутрь судна, убедились в крайней распущенности, царившей, очевидно, на корабле, так как они нашли остатки окурков и пищи в таких помещениях, в которых ни есть, ни курить ни в коем случае не полагалось!

Во всяком случае «дело» с «Марией» было «замазано».

Но, как бы там ни было и кто бы ни был виновен в гибели нашей серой красавицы, в этот же день от Колчака последовало экстренное (нервное) распоряжение

о немедленном приведении в исполнение двух необходимых, по его мнению, мероприятий: выселить из Севастополя в двухнедельный срок 12 тысяч жителей и развезти по всей крепости сто двадцать тысяч пудов сильно взрывчатых веществ, собранных моряками в одном месте, в Маячной балке (свыше всякой надобности) и способных в случае взрыва разрушить весь город!

История с выселением давняя: Колчак начал «изводиться» на население с первых дней пребывания в Севастополе при докладах о необходимости принятия мер по обеспечению¹⁷⁹⁴ населения топливом и продовольствием. Затем произошло некоторое столкновение между штабом флота и штабом крепости по случаю разрешения штабом флота, без ведома коменданта крепости, строителю Крымской жел[езной] дороги привезти и расположить в крепостном районе до полутора тысяч рабочих-китайцев. По этому поводу штаб крепости энергично запротестовал, требуя, чтобы эти рабочие, распоряжением штаба флота были помещены где угодно, но, во всяком случае, — вне крепостного района, — чтобы сам штаб флота принял необходимые меры по доставке этим рабочим продовольствия, так как крепостные запасы ограничены и кормить посторонних рабочих мы не в силах и не можем допускать, чтобы в крепостном районе люди голодали... переписка дошла до высшей степени напряжения, она нервировала штаб флота, ибо он кругом был не прав, а тут случилось несчастье с «Марией»...

Вечером 6 октября я получил приглашение в помещение Русского общества пароходства и торговли, на экстренное заседание комиссии по освобождению Севастополя от излишнего населения. Первое заседание состоялось вечером седьмого. Председательствовал начальник штаба флота к[онтр-]адм[ирал] Каськов. Членами комиссии были: градоначальник адмирал Бурлей¹⁷⁹⁵, полицмейстер, городской голова отст[авной] полк[овник] Еранцев, представитель от конторы порта и от интендантства. Председатель объявил нам, что вследствие трудности обеспечивать топливом и продовольствием такую массу совершенно излишнего населения, а также вследствие необходимости очистить Севастополь от всякого подозрительного элемента, командующий флотом решил в двухнедельный срок выселить из Севастополя около двенадцати тысяч населения. Первым возражал градоначальник Бурлей, но Каськов так резко возразил ему в смысле, что в военное время неисполнение приказа начальства карается строго и т.д., что Бурлей живо сократился. Я понял, что возражать нельзя, но понимал, что мера эта почти невыполнимая, крайне несправедливая, вредная для государства и т.д. Поэтому я просил адмир[ала] Каськова доложить командующему флотом, что в дополнение его приказа нам необходимы дополнительные указания: куда вывезти выселяемых, как выбрать — кого выселять, а кого оставить, морем вывезем или железными дорогами, в пассажирских вагонах или товарных неотапливаемых, так как теперь холодно, а вывозиться будут и дети, сколько разрешить везти на семейство багажа или домашних вещей, кто будет отвечать за пропажу брошенного имущества и т.д.

---

¹⁷⁹⁴ В документе — по обеспечению.

¹⁷⁹⁵ Бурлей Сергей Иванович (15.01.1861–?) — контр-адмирал (с 06.12.1913). На службе с 1878. И.д. командира Керченского порта (1912–1913). Градоначальник порта Севастополь (с 09.12.1913). Умер в тюрьме.

Каськов ответил, что он эти вопросы доложит командующему флотом, но чтобы мы имели в виду, что приказание отменено не будет и что 12 тысяч жителей через две недели должны быть вывезены. Ясно было, насколько Колчак не представлял себе трудности выполнения такого бессмысленного и бессердечного распоряжения, но я надеялся, что предложенные ему вопросы несколько отрезвят его. Следующее заседание было назначено на 12 октября. На этом заседании присутствовал вновь назначенный на должность начальника штаба флота Свиты Его Величества контр-адмирал Погуляев. На предложенные мною вопросы мы ответа не получили, Колчак ответил, что их разъяснение — не его дело, не его дело, кто куда поедет, а что он приказывает посадить в вагоны 12 тысяч занесенных¹⁷⁹⁶ нами в особые списки жителей, вывезти за пределы крепостного района (за станцию Сюрень¹⁷⁹⁷), а там пусть остаются или едут, куда им угодно. Слушая эти приказания, можно было думать, что Колчак сошел с ума, а Каськов не отдает себе отчета в тех глупостях, которые он говорил. На наши вопросы, чем же руководствоваться для помещения в списки выселяемых разных лиц и их семьи, — Каськов ответил, что в первую очередь командующий флотом приказал выселить: весь состав «Соединенного банка», весь состав правления по постройке Крымской жел[езной] дороги и — всех греков. За «Соединенный банк» вступился градоначальник, говоря, что служащих в нем не так много, а с его высылкой затруднятся весьма денежные операции многих фирм, а за греков вступился городской голова, говоря, что почти все хлебопеки в Севастополе — греки и что с их выселением город останется без хлеба. — «На то Вы городской голова, — сказал Каськов, — чтобы об этом позаботиться и чтобы немедленно начать выпекать хлеб распоряжением городской управы». Я молчал, ибо находил излишним возражать людям, которые, имея власть, приказывали абсурды, а когда я услышал, что в первую очередь будут вывезены единственный в Севастополе банк и управление по сооружению жел[езной] дороги и греческие подданные, то я не сомневался, что полетят телеграммы в Петроград, и министры финансов, путей сообщения и иностранных дел не будут такими тряпками, как министр внутренних дел, допустивший оскорбление и выселение его подчиненного полковника Редрова, а заступятся каждый по принадлежности, и произволу Колчака будет положен предел!... Но, представьте себе — как я был удивлен, когда оказалось, что через две недели, несмотря на сотни телеграмм, полетевших в Петроград, и банк и управление жел[езных] дорог были выселены. Дело с греками и хлебопекарнями затянулось, сам Колчак «охладел» к делу выселения, и на этом и закончилась эта буффонада.

Дело с развозкой взрывчатых веществ также подтвердило одно положение, которое, по-видимому, заправилам в штабе флота известно не было: — что неразумно отдавать категорические и строгие приказания, фактически невыполнимые (как это было с неисполненным приказанием о выселении в двухнедельный срок 12 000 человек). В паническом страхе возможности взрыва 120 000 пуд[ов] пироксилина и меленита, штаб флота, помимо нашего коменданта крепости, потребовал от подчиненных нам органов принять безотлагательно на хранение

¹⁷⁹⁶ В документе несогласованно — занесенного.

¹⁷⁹⁷ Станция Сюрень находится под Бахчисараем.

12 000 пуд[ов] тола и пироксилина, и, несмотря на то, что у нас не было соответственных подготовленных помещений (а тол или пироксилин нельзя хранить в первом попавшемся помещении), и не дождавшись, пока у нас окончатся работы по рассредоточению по батареям наших запасов, штаб флота, не сказав нам ни слова, погрузил 11 000 пудов пироксилина на две баржи и прибуксирировал его к нам, к минной пристани, где и поставил под охрану одного часового в узкой части бухточки таким манером, чтобы мимо этих барж постоянно шмыгали во все стороны паровые катера и моторы. Командир крепостного минного баталиона полковник Широгорский¹⁷⁹⁸, предчувствовавший больше выгод от рабелепного служения произволу штаба флота, рискуя подвергнуть город страшной опасности, скрыл от коменданта крепости описанное безобразие, и до 6-го ноября нас спасал св. Николай Чудотворец. И только 6-го ноября это возмутительное отношение к службе открыл один из моих участковых жандармских унтер-офицеров. В тот же вечер мне об этом доложил начальник команды¹⁷⁹⁹ подполковник Полянский, я приказал ему немедленно произвести дознание и 8-го ноября со всеми необходимыми данными был послан комендантом крепости на «корабль» с докладом к командующему флотом. На этот раз я был принят. В первый раз я имел служебный разговор с Колчаком. Хотя он и нервничал и во время доклада иногда «срывался», но был вежлив и даже любезен; вполне согласился со всеми мною доложенными ходатайствами коменданта, все вопросы решил в утвердительном смысле (в тот вечер я докладывал ему дела: о пироксилине, о подп[олковнике] Шмидт, о капитане Гусликове и о еврее Грегулевиче). После доклада Колчак пригласил меня с ним обедать, и во время обеда он был приятным и внимательным хозяином... и я вынес впечатление, что работать с ним было бы вполне возможно, имея непосредственные с ним отношения, и что его распоряжения, проходящие через призму его штаба, получали характер и бессмысленный и грубый... При этом также выяснилось, что словесным указаниям Колчака нельзя было доверять, и хорошо, что по возвращении с корабля я не приступил к выполнению распоряжений, согласно словесных указаний адмирала, так как полученные через два дня бумаги из штаба флота предписывали совершенно обратное...¹⁸⁰⁰

Глава IV. Адмирал Веселкин

...Точно так же наступило полное разочарование и в Колчаке: когда Алексеев настолько поправился¹⁸⁰¹, что стал заниматься делами, он пожелал узнать, в чьих руках Черное море, и два раза приглашал к себе Колчака с его начальником штаба, чтобы в беседах выяснить их планы действий и взгляды на общую

---

¹⁷⁹⁸ Широгорский Николай Ксенофонтович — полковник (со ст. с 06.05.1915). Командир 1-й Севастопольской крепостной минной роты (с 10.06.1908).

¹⁷⁹⁹ Речь идет о севастопольской крепостной жандармской команде.

¹⁸⁰⁰ Далее опущено отступление о севастопольской крепостной жандармской команде, которым заканчивается глава «Адмирал Колчак».

¹⁸⁰¹ Речь идет о болезни М.В. Алексеева, для лечения которой он приехал в середине ноября 1916 г. в Романовский институт физических методов лечения в Севастополе и проходил курс лечения до середины февраля 1917 г.

стратегическую обстановку и роль флота... Пресмешно потом мне рассказывал Борисов¹⁸⁰² о результатах этих экзаменов, на которых выяснилась их полная наивность в смысле понимания общей обстановки... «Нет, добавлял Борисов, они оба куда, ни в зуб ногой!»

...Для нас всех, «рядовых» генералов, узких исполнителей своего долга в ограниченных рамках своей должности революция свалилась как «снег на голову», но несомненно Алексеев не мог не знать того, что делается; он не имел

---

¹⁸⁰² Борисов Вячеслав Евстафьевич (24.09.1861–20.05.1941) — из крестьян Ярославской губернии, уроженец Санкт-Петербурга. Окончил Санкт-Петербургскую евангелическую гимназию Св. Петра и Павла, 2-е Константиновское военное училище (08.09.1882), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1890). Подпоручик (со ст. с 07.08.1882). Поручик (со ст. с 07.08.1886). Штабс-капитан (со ст. с 25.03.1889). Капитан (со ст. с 13.05.1890). Капитан Генштаба (со ст. с 26.11.1890). Подполковник (со ст. с 02.04.1895). Полковник (со ст. с 18.04.1899). Генерал-майор (со ст. с 22.04.1907). Генерал-лейтенант (с 1915 со ст. с 10.05.1917). На службе с 01.09.1880. В 64-м пехотном Казанском полку (1882–1890). Старший адъютант штаба войск Южно-Уссурийского отдела (26.11.1890–01.03.1894). Старший адъютант штаба войск Уральской области (01.03.1894–07.01.1895). Командовал ротой Лейб-гвардии Кексгольмского полка (16.10.1894–16.10.1895). Старший адъютант штаба 11-й кавалерийской дивизии (07.01–05.10.1895). Начальник строевого отделения штаба Ивангородской крепости (05.10.1895–05.04.1900). Начальник штаба 25-й пехотной дивизии (05.04.1900–25.03.1904). Участник Китайского похода 1900–1901. Контужен взрывом на минированном заграждении под Бейтаном (1900). Командовал батальоном 64-го пехотного Казанского полка (04.05–27.06.1900). Командир 116-го пехотного Малоярославского полка (25.03.1904–27.02.1907). Второй обер-квартирмейстер ГУГШ (27.02.1907–24.02.1909). Генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа (24.02.1909–1910). В отставке (с 09.07.1910). Вновь определен на службу во время Первой мировой войны (1914). Участник Первой мировой войны. Генерал для поручений при командующем 3-й армией. Генерал для поручений при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта. Состоял в распоряжении главнокомандующего армиями Северо-Западного (позже Западного) фронта (с 28.03.1915). Ближайший помощник генерала М.В. Алексеева. Генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего (с 24.04.1916) и при Верховном главнокомандующем (с 20.05.1917). В резерве чинов при штабе Петроградского военного округа (с 13.06.1917). В распоряжении начальника Генерального штаба (с 22.06.1917). Арестован в Петрограде (25.10–26.11.1917). В распоряжении штаба Петроградского военного округа (на 01.1918). В распоряжении начальника штаба армий Северного фронта (с 29.01.1918). Участник Гражданской войны. На службе в Красной армии. Участвовал в совещаниях, созванных руководством Советской России в связи с разрывом перемирия и наступлением германских войск, а также в составлении тезисов «Общая военная программа на период от заключения мира России с Германией до заключения всеобщего мира» (27.02.1918). В распоряжении начальника Генерального штаба (с 28.02.1918). В распоряжении начальника Всероссийского главного штаба (с 21.08.1918) и народного комиссара по военным делам Н.И. Подвойского. Ответственный редактор 6-го отдела и заведующий материалами военно-исторической комиссии Всероссийского главного штаба по описанию войны 1914–1918 гг. Штатный преподаватель академии Генерального штаба РККА (17.11.1918–1919), экстраординарный профессор. Читал разработанный им курс лекций по истории Первой мировой войны, руководил практическими занятиями по тактике и службе Генерального штаба, состоял в комиссии по улучшению учебного дела. Сотрудник-составитель Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (с 01.12.1918). Сотрудник журнала «Военное дело» (1918–1919). Страдал ревматизмом. Уехал в отпуск в Киев (08.1919), поправ на территории, контролирувавшуюся ВСЮР генерала А.И. Деникина (где находился до 22.02(06.03).1920). Предан военно-полевому суду, прощен Деникиным (14(27).12.1919). С 1920 — в эмиграции в Сербии. Сотрудничал с журналом «Война и мир». Заведующий библиотекой Сербской военной академии, жил в Земуне (Сербия). Умер в эмиграции. Похоронен в Белграде на Новом кладбище. Могила не сохранилась. Награды: ордена Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1901), Св. Владимира 3-й ст. (1906), Св. Владимира 2-й ст., Св. Станислава 1-й ст., Св. Анны 1-й ст., французский орден Почетного легиона (1916), большая золотая звезда Королевства Камбоджа, сербский орден Белого Орла 3-й ст. с мечами. Вдовец (на 1907 и 1919). В описываемый Рербергом период генерал Борисов приехал в Севастополь вместе с Алексеевым и разместился на квартире автора мемуаров. Подробнее о Борисове см. специальный материал в настоящем издании.

права этого не знать, так же как и главнокомандующие фронтами, командующие войсками Петроградского и Московского военных округов... Люди эти обязаны были иметь постоянную связь с Департаментом полиции, давать этому департаменту необходимые материалы (а не запрещать доносить, как делал Колчак с Редровым) и получать необходимые предостережения. Надо думать, что эти господа или «проспали» подготовку революции, или они делали вид, что все благополучно и в душе сочувствовали какому-то неведомому нам «движению», что были люди «посвященные»... И ничего положительного не зная, в душе своей я убежден, что все генералы, служившие в Ставке, Колчак, Веселкин¹⁸⁰³ и многие другие, бывшие в связи с правою группою Государственной думы, тою группою, которая сочувствовала и убийству Распутина, сочувствовали смещению Николая II с заменою его Михаилом... Как-то раз Веселкин даже проговорился... Когда мы прочли первые телеграммы об убийстве Распутина, Веселкин как-то скороговоркою выпалил: «То ли еще будет? Не уявится¹⁸⁰⁴, что будет!» и перевел разговор. Затем, несомненно, мне показалось необъяснимым то спокойствие (как бы подготовленность), с которыми и Колчак и Веселкин встретили революцию. Вот тут-то я и припомнил слова, сказанные мне Маниковским в августе прошлого года. Поэтому я и остался под впечатлением, что Колчак и Веселкин, как посвященные, знали, что должно случиться, в отличие от кронштадтского начальства, которое не было посвящено в эти «тайны», отнеслось к первым признакам революции «по-старому», непосредственным способом, хотело предпринять какие-то меры и этим вызвало, с самого уже начала, те зверства черни и матросов, коими прославился Кронштадт в первые же дни революции. У нас было совершенно иначе. Веселкин был в полном единении с Колчаком, который в эти дни ходил в Батум, и, надо полагать, связывался с ним через штаб флота, по радио, ибо прекращение железнодорожного движения через штаб крепости не проходило, а следовательно, было исполнено по распоряжению адм[ирала] Колчака или по его поручению Веселкиным.

Дело в том, что как только в штабе флота получились первые тревожные сведения из Петрограда, 26 февраля Колчаком были приняты самые энергичные меры к разобщению телеграфного и почтового сообщения Севастополя с севером. Меры были настолько энергичны и рациональны, что не только в публике, но даже у нас в штабе ничего не знали, что делается в Петрограде, и мы жили только слухами. Не только штаб крепости не был посвящен в сии великие тайны, но, более того — даже жандармский офицер только догадывался о том, что делается что-то неладное, а полицмейстер настолько был не в курсе дела, что первого марта, когда по улицам Севастополя пошли первые пробные шайки уличных

---

¹⁸⁰³ Веселкин Михаил Михайлович (13.11.1871–05.01.1918) — контр-адмирал Свиты Его Императорского Величества (с 06.12.1915). На службе с 1893. Окончил Императорский лицей. Адьютант морского министра (1906). Адьютант генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича (1907–1908). Командир эскадренных миноносцев «Инженер-механик Дмитриев» (1909), «Достойный» (1909–1910), минного заградителя «Амур» (1910–1913), строившегося линейного крейсера «Бородино» (1913–1916). В годы Первой мировой войны руководил Экспедицией особого назначения на Дунае для снабжения Сербии. Командант крепости Севастополь (1916–1917). В отставке по болезни с мундиром и пенсией (с 20.08.1917). Расстрелян в Архангельске.

¹⁸⁰⁴ Так в документе.

мальчишек с красными тряпками, он примчался в штаб крепости, требуя одну или две роты ополченцев, дабы силою прекратить беспорядок в городе, так [как] одними собственными силами полиции он подавить беспорядка не может, но, к большому своему удивлению, он этих двух рот не получил, а «безобразия» в городе разрастались с каждым днем. Очевидно, что те, кто не дал просимых рот, были в курсе того, что делается и — что будет делаться. Представьте себе, — что бы было через два-три дня с адмиралами, генералами и всем офицерством Севастопольского гарнизона, если бы высшие Севастопольские власти не были заранее подготовлены и посвящены в грядущее, и вызванные спешно две-три роты нашей славной 455 Екатеринославской дружины открыли бы первого марта огонь по пролетарским мальчишкам!

Когда Колчак точно узнал о положении дел в столице и в Ставке, он спешно, за своею подписью, объявил флоту, гарнизону и населению о совершившемся факте, призывал всех к сознательному порядку свободных граждан, после чего разрешил возобновление передачи депеш и движения поездов! Итак, вчера мы ложились спать подданными Государя Николая II, а сегодня проснулись подданными торгового дома: «Родзянко, Львов и Ко»...¹⁸⁰⁵

Глава V. Революция

...Я думаю, что если мы все остались в эти дни живы и невредимы — то только благодаря тому направлению, которое с первых дней революции принял наш старший начальник Колчак, который пользовался большою популярностью среди всех нижних чинов флота и среди рабочих. Он не только не сопротивлялся всем новым требованиям демократии и не поплелся за ними на буксире, а сразу обогнал их: как человек с умом очень быстрым и нервным (и вероятно подготовленный к возможности начала революции), проживший много лет за границей, он сразу понял свое место и пошел впереди товарищей по революционному пути, все время пользовался огромным авторитетом среди севастопольских революционеров, которые бегали к нему на корабль за всякими мелочами; все революционные распоряжения исполнялись по взаимному соглашению; Колчак первые дни не пропускал ни одного матросского митинга и всюду был желанным человеком и своими речами ни разу не внес ни единого диссонанса в общее настроение масс. Таким отношениям способствовало также и то обстоятельство, что в начале революции во главе освободительного движения появились представители не темных масс, а — интеллигенты, понявшие сразу обстановку и моментально перекрасившиеся в истинных эсеров!...

...Но революция шла. Матросы и солдаты разбалтывались с каждым днем. С отречением Государя вся армия и флот освободились от некоторой моральной узды, ибо рухнула присяга. По телеграфному распоряжению Временного правительства на 12 марта Колчак назначил всеобщую присягу флота и сухопутных, о чем было объявлено в приказании (а не приказе) по флоту, но сам на этот день почему-то вышел в море. Мы уже готовились писать распоряжения по крепости,

---

¹⁸⁰⁵ Далее опущены общие рассуждения автора о Февральской революции.

как кто-то меня предупредил, чтобы я этого не делал, ибо морские команды и Черноморская дивизия¹⁸⁰⁶, обратив внимание, что приказание подписано не самим Колчаком, который вышел в море, увидели в этом какой-то подвох и заявили, что выйдут присягать только в том случае, если приказ будет подписан самим Колчаком и если он сам будет присягать вместе с ними! Таким образом, принесение присяги было перенесено на воскресенье 19 марта. Для командования парадом был назначен генерал Свечин¹⁸⁰⁷. На заседании высших начальников, во

---

¹⁸⁰⁶ Отдельная Черноморская морская дивизия формировалась с 11 декабря 1916 г. для осуществления десанта на Босфор. Командовал дивизией Генштаба генерал-майор А.А. Свечин, начальником штаба являлся Генштаба полковник А.И. Верховский. Подробнее см.: *Айрапетов О.Р.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 243–252.

¹⁸⁰⁷ Свечин Александр Андреевич (17.08.1878–29.07.1938) — из дворян Московской губернии. Сын Генштаба генерал-майора Андрея Михайловича Свечина (21.11.1838–06.03.1903), уроженец г. Екатеринослава. Окончил курс 2-го кадетского корпуса (1895), Михайловское артиллерийское училище (два класса) по 1-му разряду (1897), Николаевскую академию Генерального штаба (два класса) по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1903). Подпоручик (с 13.08.1897 со ст. с 12.08.1896). Поручик (Высочайший приказ 28.08.1900 со ст. с 12.08.1900). Штабс-капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 23.05.1903 со ст. с 23.05.1903). Капитан (со ст. с 17.04.1905). Подполковник (со ст. с 06.12.1908). Полковник (со ст. с 25.03.1912). Генерал-майор (со ст. с 11.06.1916). В службу вступил по окончании курса наук 2-го кадетского корпуса в Михайловское артиллерийское училище юнкером рядового звания (31.08.1895). Унтер-офицер (20.12.1895). По окончании 2-летнего курса произведен в подпоручики с назначением на службу в 46-ю артиллерийскую бригаду (13.08.1897). Прибыл (23.09.1897). Назначен во 2-ю батарею (01.10.1897). 46-я бригада переименована в 43-ю (01.01.1898). Помощник заведующего бригадной учебной командой (07.01.1898). Отчислен (27.03.1898). Назначен и.д. дивизионного адъютанта (30.05.1898, утв. 20.03.1899). Помощник заведующего бригадной учебной командой (30.09.1898–03.04.1899, 16.09.1899–01.04.1900). Ввиду желанья держать экзамен в Николаевскую академию Генерального штаба отчислен от должности дивизионного адъютанта с переводом во 2-ю батарею (03.04.1900). Командирован в академию и прибыл (20.08.1900). Зачислен слушателем (12.10.1900). За отличные успехи в науках произведен в штабс-капитаны (23.05.1903). Причислен к Генштабу и откомандирован от академии к штабу Виленского военного округа для отбытия лагерного сбора (27.05.1903). Командир роты 3-го Финляндского стрелкового полка (06.11.1903–01.02.1904), зачтено за двухгодичное командование ротой. Участник Русско-японской войны. В 22-м Восточно-Сибирском стрелковом полку (1904). Обер-офицер для особых поручений при штабе XVI армейского корпуса (19.10.1904–02.01.1905). Обер-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии (02.01–23.05.1905). В прикомандировании к Главному штабу (23.05.1903–04.09.1905). Начальник строевого отделения штаба Осовецкой крепости (04.09.1905–23.09.1907). Обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (23.09.1907–04.05.1908). Помощник делопроизводителя ГУГШ (04.05.1908–12.08.1913). Командир батальона 8-го Финляндского стрелкового полка (08.05–10.09.1913). Делопроизводитель ГУГШ (с 12.08.1913). Участник Первой мировой войны. Состоял для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего (1914–1915). Командир 6-го Финляндского стрелкового полка (23.07.1915–1917). Начальник штаба 7-й пехотной дивизии (15 дней). Начальник Отдельной Черноморской морской дивизии (26.01–14.05.1917). И.д. начальника штаба 5-й армии Северного фронта (1917). В распоряжении начальника штаба армий Северного фронта (с 22.09.1917 до демобилизации). Участник Гражданской войны. В РККА (добровольно, с 03.1918). Военный руководитель Смоленского района (1918). Начальник Всероссийского главного штаба (02.08–11.10.1918). Председатель Военно-исторической комиссии (с 12.1918, на 1921). Штатный преподаватель академии Генштаба РККА (с 28.11.1918). Руководитель практических занятий. Главный руководитель цикла кафедр Военной академии РККА (с 01.01.1922). Главный руководитель истории военного искусства Военной академии РККА (на 1923). Помощник начальника кафедры военной истории Военной академии РККА. Профессор. Арестован (1930, 02.1931–02.1932). Приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей по обвинению в антисоветской деятельности (1931). Освобожден (02.1932). Преподавал в Военной академии им. М.В. Фрунзе и академии Генерального штаба. Комбриг (11.1935). Комдив (12.1935). Вновь арестован (30.12.1937). Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу по обвинению в участии

избежание скандала, решено было корчить из себя европейских начальников и с войсками не здороваться, а молча объезжать фронт, держа руку под козырек.

На следующий день весь Севастополь был на Куликовом поле. Крепостные три части пришли в порядке, и только одна Екатеринославская дружина вынесла в строй безобразнейший красный плакат на двух неоструганных палках, с надписью «свобода». Двум старым унтер-офицерам — георгиевским кавалерам, видимо, совестно было нести эту эмблему скотских вкусов. Все остальные части никаких красных эмблем не притащили.

Черноморская дивизия вся вышла с большими красными флагами различной величины, а флотские команды щеголяли одна перед другою как величиною, так и аляповатую красотою шелковых флагов. Видно было, с какою завистью смотрели наши сухопутные на дорогие морские флаги. Начальство объезжало части молча. Я не выдержал, и все части мне отвечали. Присяга прошла торжественно. После присяги все войска проходили церемониальным маршем мимо Колчака. Когда крепостной гарнизон кончал прохождение, Колчак приказал мне, чтобы наша музыка не уходила, а продолжала играть: будут проходить рабочие.

И действительно: после мелких нестроевых команд показалась густая сомкнутая колонна портовых рабочих; они шли плотною колонною тысячи в четыре, хорошо держали ногу и отлично равнялись. Впереди шло четыре выборных старосты. Подходя к Колчаку, старосты сняли шляпы и повернули головы в сторону адмирала, то же сделала и вся колонна; у них был такой порядок и такая стройность, что можно было думать, что они несколько раз репетировали этот парад, а совершилось сие экспромтом. Лица у них были и серьезные и торжественные: они думали, что великая польза будет им от той ерунды, которая называется — революция. У многих на глазах были слезы умиления.

Итак, свершилось: мы закрепили присягою беспрекословное повиновение нам наших войск, и многие наивные люди думали, что эта бутафорская присяга будет иметь такое же магическое действие, как при Царе. Никакого действия эта

в контрреволюционной организации и в подготовке террористов (29.07.1938). Расстрелян. Место захоронения — пос. Коммунарка Московской области. Реабилитирован (08.09.1956). Выдающийся военный теоретик и историк. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1904), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1906), Св. Владимира 4-й ст. (06.12.1909), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 21.10.1916), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 14.11.1916). Женат, 3 детей. Брат Михаил (16.05.1876–15.04.1969) — Генштаба генерал-лейтенант. Соч.: Война в горах. Тактическое исследование по опыту русско-японской войны. СПб., 1906; 1907; Предрассудки и боевая действительность. СПб., 1907; В Восточном отряде. От Ляояна к Тюренчену и обратно. Марши, встречи, бои, наблюдения. Варшава, 1908; Описание Познанского крепостного маневра 1907 года. Варшава, 1908; Воздухоплавание в Германии. СПб., 1910; Отчет о командировке в Сибирь для ознакомления с постановкой переселенческого дела. СПб., 1910; Русско-японская война 1904–05 гг. по документальным данным труда военно-исторической комиссии и другим источникам. СПб., 1910 (фр. пер.: Paris, 1913); Тактические уроки русско-японской войны. СПб., 1912; Военные действия в Маньчжурии в 1904–1905 гг. // История русской армии и флота. М., 1912. Т. 14. С. 59–182; История военного искусства. М., 1920; Конспект II-й части курса военного искусства. М., 1920; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1920; История военного искусства. Ч. 1: Классический мир и средние века. Пг., 1922; Ч. 2: Новые века. Пг., 1922; Ч. 3: Новейшее время (1814–1914). М., 1923; Стратегия. М., 1926; 1927; Эволюция военного искусства. М.; Л., 1927–1928. Т. 1–2; Искусство вождения полка. По опыту войны 1914–1918 гг. М.; Л., 1930. Т. 1; Клаузевиз. М., 1935; Стратегия XX века на первом этапе: Планирование войны и операций на суше и на море в 1904–1905 гг. М., 1937. Список трудов см.: *Свечин А.А.* Предрассудки и боевая действительность. М., 2003. С. 337–354.

присяга не имела, и моральное разложение войск по получении приказа № 1 прогрессировало по кривой, весьма однообразной...

Мне пришлось вступить в исполнение должности коменданта крепости с огромным смешанным гарнизоном 17 марта и нести весьма сложные обязанности в это неопределенно-нервное и лишенное здравого смысла время в течение двух месяцев, после чего к нам явился новый комендант — капитан 1-го ранга Михаил Михайлович Остроградский¹⁸⁰⁸.

В течение этого периода мое первое (фактически не состоявшееся) отрешение от занимаемой должности. Случай этот весьма интересен и весьма характерен в отношении проявления беспринципности многих деятелей того печального времени, бывшего началом общего развала России... и что интересно, — что мне до сего времени так и не удалось выявить, — кто же были те грязные деятели, которые в этом эпизоде сыграли жалкую и лицемерную роль трусов... но, во всяком случае, после развязки этого дела, я потерял доверие к адмиралу Колчаку и всякое уважение к Верховному главнокомандующему — генералу Алексею, очевидно совершенно спасовавшему перед иезуитским поведением Гучкова¹⁸⁰⁹! Но предварительно описания этого случая¹⁸¹⁰, необходимо сказать несколько слов о моем докладе Колчаку 7 апреля, о провокации с погонами 17 апреля, о заседании у Колчака 20 апреля.

Как я уже говорил выше, с самого начала революции, со стороны нижних чинов начались подкопы под начальников различных степеней. Когда настроение солдатчины, поддерживаемой во всех своих «свободных» выходах духом приказа № 1-й и шедшими из революционного Петрограда веяниями, обрисовывалось вполне ясно и видно было, что упорствовать в некоторых случаях было бы просто глупо, я изыскивал средства, чтобы предупреждать возможность возникновения резких и нежелательных инцидентов, имея в виду пословицу: «Лиха беда — начало!» Решив дать нашим крепостным начальникам возможность мирно уйти со службы «по болезни» и предупредив об этом шифрованными телеграммами Главные управления, прося ко времени увольнения представляемых мною начальников подготовить готовых заместителей, дабы не получилось вредного междуцарствия, в течение которого «товарищи» обязательно начали бы протягивать своих кандидатов, 7-го апреля утром я решил поехать с личным докладом

---

¹⁸⁰⁸ Остроградский Михаил Михайлович (21.12.1870–1921) — на службе с 1887. Капитан 1-го ранга (с 06.12.1912). Командир эскадренного миноносца «Жуткий» (1906–1908), канонерских лодок «Терец» (1908–1911) и «Запорожец» (1911), крейсера «Память Меркурия» (с 28.07.1914). Флаг-капитан штаба начальника бригады линейных кораблей Черноморского отряда (1912–1914). Комендант крепости Севастополь (с 05.1917). Умер в эмиграции.

¹⁸⁰⁹ Гучков Александр Иванович (14.10.1862–14.02.1936) — из купеческой семьи. Политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Основатель и лидер партии октябристов. В годы Первой мировой войны (в 1915–1917) председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне. Военный и морской министр в первом составе Временного правительства (02.03–02.05.1917). Осуществил чистку высшего командного состава. Осознав невозможность остановить развал армии, подал в отставку. С началом Гражданской войны оказывал поддержку Белому движению. Весной 1919 г. по поручению генерала А.И. Деникина отправился в Европу в качестве дипломатического представителя. В эмиграции — в Германии и Франции. Умер и похоронен в Париже.

¹⁸¹⁰ Описание не публикуется.

к командующему флотом на корабль. Мне пришлось высидеть в приемной довольно долго, так как в это утро Колчак принимал каких-то очень важных революционных деятелей, в том числе и какого-то недоучку «Федю Баткина»¹⁸¹¹. Эти люди zelo суматошились по поводу снаряжения от Черноморского флота особой делегации, которая должна была ехать на фронт убеждать фронтовых товарищей сражаться. Плоды всеобщего безумия начинали¹⁸¹² уже сказываться. На корабль Баткин влез проходимцем, а с корабля сходил на шлюпку матросом... Наконец, был принят и я. Доложив обстоятельства дела с началом свержения нижними чинами некоторых из наших начальников, я обратил внимание Колчака, что в крепости какими-то лицами ведется агитация в пользу избрания меня комендантом крепости и что вскоре к Колчаку может быть представлено ходатайство в этом смысле от Центрального исполнительного комитета, и что я прошу его ходатайство это отклонить вследствие моего болезненного состояния, так как: я действительно не настолько здоров, чтобы в подобное время принять и нести такую должность, затем — я не желаю быть начальником — по избранию подчиненными и быть нравственно им как бы обязанным за свою «карьеру». Кроме того, я обратил внимание Колчака на то, что сейчас такое шаткое время, что не надо давать солдатским массам на суд новых начальников, так как мы не знаем, как они примут какого-нибудь нового коменданта, а самое лучшее — не торопиться и не вносить нервности, а оставить дело как есть, ибо в случае брожения — нет коменданта и некого смещать, а при надобности всегда успеется назначение. При этом я добавил, что должность начальника штаба я буду нести по-прежнему и думаю, что, пользуясь уважением в гарнизоне, сумею быть полезным, но сам я комендантом быть не хочу. Колчак, по-видимому, остался вполне доволен моим предложением и решил до времени ничего не изменять. Я остановился несколько на этих мелочах, ибо впоследствии некоторые интриганы и клеветники говорили (и даже официально докладывали про меня: «Он опирается на демократические массы и подставил ножку уже четырем комендантам, и если Вы его не уберете, подставит ножку и Вам!»). Очень мне нужно было подставлять ножку, когда я совершенно искренне даже не желал в то время никакого продвижения по службе, ибо почти на всякой должности, где вас не знают, надо было или погибнуть, или лицемерить, а ни того, ни другого я не хотел.

В этот же период меня спровоцировал подполковник Верховский¹⁸¹³ и — вот как: начиная с десятых чисел апреля на всех солдатских, матросских и рабочих

---

¹⁸¹¹ Баткин Федор Исаакович (1892–1923) — из семьи коммерсанта. Учился в Севастопольском реальном училище. Исключен за распространение эсеровских прокламаций. Эмигрировал в Бельгию (1910). Возвратился в Россию накануне Февральской революции. Член Севастопольского совета (03.1917). Добровольно поступил на военную службу рядовым матросом. Выступал на митингах за войну до победного конца, участвовал в создании ударных частей. Участник Белого движения на Юге России (1917–05.1920). Принимал участие в Первом Кубанском (Ледяном) походе. В эмиграции — в Турции (с 05.1920). Журналист. Завербован ВЧК, способствовал возвращению в Россию генерала Я.А. Слашова и других офицеров. По прибытии в Советскую Россию арестован и расстрелян.

¹⁸¹² В документе — начинались.

¹⁸¹³ Верховский Александр Иванович (27.11.1886–19.08.1938) — из дворян Смоленской губернии, уроженец Санкт-Петербурга. Обучался в Пажеском корпусе. Фельдфебель государевой роты. Камер-паж императора. Окончил Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1911). Подпоручик (за боевые отличия, со ст. с 18.06.1905). Поручик (со ст. с 18.06.1909). Штабс-капитан (со ст. с 07.05.1911).

митингах было постановлено торжественное празднование интернационального рабочего праздника 1-го мая (по новому стилю)¹⁸¹⁴, решения эти были утверждены нашим советом солд[атских], матр[осских] и пр. депутатов. Как ораторами на митингах, так и в печатных летучках офицеры приглашались участниками праздника, причем было сказано, что принявшие участие и выразившие искреннее желание слиться с трудовым народом получают доверие, а те, кто не выйдут с народом, будут признаны и т.д., причем солдатам предлагалось наблюдать за

Капитан (со ст. с 06.12.1913). Подполковник (со ст. с 22.03.1915). Полковник (с 06.1917). Генерал-майор (с 30.08.1917). На службе с 01.09.1903. Исключен из Пажеского корпуса за политические разговоры с вольнонаемными вестовыми манежа корпуса и отправлен унтер-офицером в Маньчжурию (1905). Участник Русско-японской войны. Отличился при захвате группы японских штабных работников (28–29.07.1905). В 35-й артиллерийской бригаде. В 1-м горном артиллерийском дивизионе. В 3-м Финляндском стрелковом артиллерийском дивизионе. Командир роты 2-го Финляндского стрелкового полка (02.11.1911–09.11.1913). Старший адъютант штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады (с 1913). Командирован в Сербию для изучения опыта участия сербской армии в Балканских войнах. Участник Первой мировой войны. И.д. старшего адъютанта отделения управления генерал-квартирмейстера 9-й армии (с 04.08.1915). И.д. помощника начальника отделения управления генерал-квартирмейстера (с 03.12.1915), и.д. старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера (с 26.01.1916) штаба 7-й армии. Начальник оперативной части штаба XXII армейского корпуса (с 1915). Начальник штаба группы войск, организованной для овладения Трапезундом с моря (03.1916). Помощник по оперативной части русского представителя при румынской главной квартире (с 09.1916). Помощник флаг-капитана по сухопутной части штаба начальника высадки Черного моря (с 31.12.1916). И.д. начальника штаба Отдельной Черноморской морской дивизии (с 16.02.1917). В 03.1917 избран членом и товарищем председателя Севастопольского совета рабочих депутатов. Разработал Положение о местных солдатских комитетах. Член партии эсеров. Командующий войсками Московского военного округа (с 31.05.1917). Военный министр (30.08–22.10.1917) с производством в генерал-майоры. Арестован Ф.Э. Дзержинским (01.1918). Участник Гражданской войны. Вновь арестован ЧК и находился в заключении в Петрограде в тюрьме «Кресты» (26.06–11.1918). Мобилизован в РККА (с 12.1918). Начальник оперативного отдела штаба Петроградского военного округа. В резерве при штабе Петроградского военного округа. В распоряжении начальника Всероссийского главного штаба (1919). Арестован (03–10.1919). Инспектор военно-учебных заведений Запасной армии (с 10.1919). Член Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики (с 02.05.1920). В распоряжении Главного управления военно-учебных заведений (02.06–12.08.1920). Главный инспектор военно-учебных заведений республики (12.08.1920–06.1922). Военный эксперт советской делегации на Генуэзской международной конференции (1922). На преподавательской работе. Преподаватель истории военного искусства академии Генштаба РККА (на 1921). Главный руководитель Военной академии РККА (с 06.1922). Заместитель главного руководителя по тактике (с 1925), профессор (с 1927) Военной академии РККА. Начальник штаба Северо-Кавказского военного округа (23.12.1929–1931). Арестован по делу «Весна» (02.02.1931). Приговорен Коллегией ОГПУ по обвинению в антисоветской деятельности к расстрелу с заменой приговора на 10 лет лагерей (18.07.1931). В заключении (до 17.09.1934). Преподавал на курсах «Выстрел». Старший руководитель кафедры тактики Военной академии РККА (с 1936). Комбриг (1936). Арестован (11.03.1938). Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации к расстрелу (19.08.1938). Расстрелян. Место захоронения — пос. Коммунарка Московской области. Реабилитирован (11.1956). Военный историк и теоретик. Награды: знак отличия Военного ордена 4-й ст. (1905), чин подпоручика за боевые отличия (1905), орден Св. Станислава 3-й ст. (1905, утв. 25.05.1909), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 21.03.1915), орден Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 26.04.1915). Женат, 2 сыновей. Сын Николай. Соч.: Управление войсками корпуса. СПб., 1910; Зимние занятия с унтер-офицерами: Способ ведения занятий и объем их. СПб., 1914; Военно-полевые занятия. М., 1917; Как должна быть устроена армия. М., 1917; Россия на Голгофе. Пг., 1918; Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX в. М., 1921; 1922; Общая тактика. М., 1922; 1927; 1930; Исторические примеры к курсу общей тактики. М., 1924; Методика практических занятий на карте. М., 1926; Основы подготовки командиров. М., 1926; Огонь, маневр и маскировка. М., 1928; Характер будущей войны и задачи Осоавиахима. Л., 1928; На трудном перевале. М., 1959.

¹⁸¹⁴ 18 апреля 1917 г. по старому стилю.

своими офицерами, чтобы заметить саботажников. В церемониале было указано, что процессия будет идти пошереножно, каждая шеренга, оплетенная красными лентами, будет состоять из: солдата, матроса, рабочего и офицера... Колчак настаивал, чтобы офицеры возможно больше шли в народ. Наши крепостные очень упирались; из штаба крепости только три человека пошли на торжества, остальные «спрятались» по домам, так как в этот день, дабы не раздражать демократии, занятия в штабе я отменил. Торжественное шествие первого мая состоялось, в шествии приняла участие масса офицеров. Впереди процессии, верхом на лошади, с красною лентою через плечо, торжественно ехал сам председатель революционного комитета подполковник Верховский. Демократия была, по-видимому, удовлетворена!

Но за три дня до этого праздника последовал ряд незначительных, по-видимому, происшествий, который мог окончиться весьма плачевно для многих офицеров.

15 апреля в штабе флота получилось телеграфное распоряжение Гучкова, чтобы в Русском флоте, по образцу флотов всех республиканских стран, были сняты погоны и заменены нарукавными нашивками, а также чтобы были заменены Романовские кокарды. Как известно, при перемене формы одежды всегда давался известный срок (большею частью годовой) для донашивания формы. Здесь же изменение формы имело столь важное значение, что адмирал Колчак в приказе своем 16 апреля предписывал всем офицерам флота изменить форму в одни сутки! Ни одно распоряжение по крепости, для защиты ее от неприятеля, со времени начала войны, не потребовало такой срочности, такой всеобщей безумной беготни по магазинам (боясь опоздать и ничего не найти) и по портным буквально всех офицеров гарнизона, забросивших на это время все остальные дела, как это глупейшее распоряжение, перешедшее под давлением матросов, уже к пол[у-]дню 17 апреля в паническое состояние! Около полудня, на некоторых местах Екатерининской улицы и Нахимовского, образовались небольшие группы матросов, ловившие проходивших мимо них офицеров и проводивших их к своей группе, где стоял матрос, державший в левой руке баночку с красной краской, а в правой — кисточку, которою он, не торопясь и с сознанием права и силы, замазывал красною краскою кокарды на офицерских фуражках, причем некоторые делали это довольно вежливо, а некоторые пользовались этим случаем, чтобы поиздеваться над офицерами, делали это грубо, не позволяя снять фуражку, и будто нечаянно, капали каплю красной краски либо на нос или на лицо офицера! Около двух часов дня некий прапорщик Юргенс (оказавшийся затем большевиком) прибежал во двор казарм 455 Екатеринославской дружины, собрал ополченцев, сказал (а вернее говоря, прокричал) им какую-то нервно-истерическую речь о значении погон как последнего, еще не уничтоженного, символа власти Романовых, тотчас сорвал с себя свои погоны и начал их топтать ногами, его примеру тотчас начали следовать разнузданные солдаты. Когда набралась довольно значительная кучка погон, то присутствовавшие на этом торжестве солдатские «дамы» и некоторые другие «свободные гражданки» подбежали к куче и тут же на глазах у всех присутствовавших показали высший порыв революционного благородства и начали «мочить» погоны...

В это же время, совсем в другой части крепости; а именно на батареях южного отдела и в 3 и в нестроевой ротах крепостной артиллерии, — артиллеристы и сигнальщики-матросы начали срывать погоны с унтер-офицеров (фейерверкеров), бывших даже при исполнении служебных обязанностей.

На мой телефонный запрос штаб флота ответил, что распоряжение касается только моряков, а сухопутных не касается. Попытки, сделанные по телефону, чтобы остановить начавшиеся в разных отделах крепости безобразия, не могли привести ни к чему, так как всюду бегали матросы и доказывали, что мы своих солдат обманываем, так как в приказе Колчака, рядом с перечислением чинов морских, перечислены и сухопутные: генералы, полковники, поручики и т.д., а, кроме того, крепость морского ведомства и подчинена командующему флотом!

В 5 часов дня началась история и в Белостокских казармах, в 5 Черноморском полку, где солдаты, под влиянием пришедших из города солдат и агитаторов, начали срывать свои погоны; дежурный по полку офицер побежал в казарму к солдатам и попробовал начать их уговаривать не делать подобных действий, пока не получится надлежащего приказа по полку... но на него кинулась озверелая толпа солдат с криками: «Ах, ты с.с.! ты за царские погоны! Бей его!» Этот офицер спасся бегством, и только вечером удалось вступить на дежурство уже другому офицеру, но, конечно, — без погон!

С 6 часов вечера кучки матросов начали бегать по улицам с ножницами в руках и без всяких разговоров срезывать погоны с солдат; в это же время прибежали испуганные 4–5 человек писарей в штаб и в управление артиллерии со срезанными с шинелей погонями; у одного из них погон был силою вырван вместе с рукавом.

По поводу описанных событий я все время переговаривался по телефону со штабом флота, но безрезультатно. Весь этот день, как назло, я был очень занят по должности коменданта крепости по весьма срочному вопросу рассмотрения жалобы рабочих подрядчика Бусыгина. Дело это рассматривалось комиссией под моим председательством при участии Государственного контроля. Дело в том, что с началом революции «все» начали что-то требовать. Предъявили какие-то несурзные требования и крепостные рабочие подрядчика Бусыгина о выплате им каких-то добавок¹⁸¹⁵ с самого начала войны. Суммы получались миллионные. Бусыгин отказал, ссылаясь на штаб крепости. Тогда рабочие нажали на штаб крепости, который, рассмотрев их дело 23 марта и согласившись на добавки в будущем, в добавках за прошлое отказал. Тогда через союз рабочих они подали на меня жалобу Колчаку. Последний принял сторону рабочих и приказал мне пересмотреть дело при участии представителя от рабочих и от Колчака. Сами понимаете — положение наше делалось невеселым. Так вот в разгар работы этой комиссии, когда меня рвали на части под влиянием страха угроз рабочих представителей, по всей крепости происходили инциденты с погонями и кокардами.

Уже около часа комендантским отделением штаба крепости (весьма монархическим) мне было доложено о том заколдованном кольце, в которое завтра попадет все сухопутное офицерство: приказ по флоту так отредактирован, что его можно толковать и так и сяк, в перечислении чинов наравне с наименованиями чисто

---

¹⁸¹⁵ В документе — добавков.

морскими приведены чины и сухопутные; демократы нашего сухопутного гарнизона, когда им выгодно быть сухопутными, кричат, что мы сухопутные, когда им выгоднее быть моряками, кричат, что мы подчинены флоту. Ввиду завтрашнего празднования 1 мая, необходимости офицерству принять участие в этом празднестве, ввиду той спешности, с которой переодевается морское офицерство в течение одного дня, озлобление в «низах» против всего старорежимного, в том числе и формы¹⁸¹⁶ одежды, возможности во всякую минуту какой-нибудь совершенно неожиданной провокации, и, принимая во внимание, что «завтра» будет уже поздно, так как все магазины и портные будут закрыты, — необходимо и притом в самом спешном порядке потребовать от штаба флота немедленного разъяснения, — относится ли сей приказ только до чинов флота или и до крепостных, в первом случае просить штаб флота объявить нам о сем спешною телефонограммою, дабы еще сегодня все в гарнизоне знали, что в сухопутном ведомстве погон снимать не полагалось.

Конечно, я согласился с докладом и приказал немедленно доложить об этом по телефону начальнику штаба флота капитану 1 ранга Смирнову¹⁸¹⁷, который уклонился от ответа. Тогда я сам подошел к телефону и обратил внимание Смирнова на серьезность положения, просил его немедленно подойти к прямому проводу и спросить Ставку, — относится ли упоминаемый приказ также и до крепости, и ответ Ставки безотлагательно сообщить мне письменно (ответ мне необходим был письменный, ибо я имел основания не доверять Смирнову и вообще со штабом флота у меня уже был опыт, показывавший, [что] этим господам, как только вопрос мог коснуться «их шкуры», им ничего не стоило и «отказаться от своих слов»), и я не постесняюсь отдать категорический приказ по крепости об оставлении без изменений формы одежды в сухопутном гарнизоне, что бы завтра ни случилось (хотя, боясь за офицеров, конечно, я предпочитал, чтобы ответ получился утвердительный, т.е. что приказ относится и до сухопутных). Смирнов опять уклонился и сказал, что из-за такого пустяка он Ставку беспокоить не будет. Можно было думать, что Смирнов просто желает потешиться над несчастными сухопутными офицерами. Тогда, начиная терять терпение, я послал «на корабль» офицера, требуя определенного доклада адмиралу Колчаку. Был послан прапорщик Васильев, который сумел добиться категорического письменного ответа и

---

¹⁸¹⁶ В документе несогласованно — формам.

¹⁸¹⁷ Смирнов Михаил Иванович (18.06.1880–26.08.1940) — контр-адмирал (20.11.1918). На службе с 1896. Окончил Морской корпус (1899) и Николаевскую Морскую академию (1914). Участник Русско-японской войны. Сослуживец А.В. Колчака. Капитан 2-го ранга (06.12.1912). Командовал эскадренными миноносцами «Выносливый» (1914) и «Казанец» (27.04.1915–1916). В конце 1914 – начале 1915 г. состоял русским морским представителем при штабе союзного флота, проводившего Дарданелльскую операцию. Флаг-капитан по оперативной части (1916–1917), затем и.д. начальника штаба командующего флотом Черного моря. Капитан 1-го ранга за отличие по службе (30.07.1916). Вместе с вице-адмиралом А.В. Колчаком выехал в командировку в САСШ (08.1917). Начальник морского отдела Русского заготовительного комитета в САСШ (1917–1918). Управляющий Морским министерством правительства адмирала А.В. Колчака (с 20.11.1918). Командовал Камской флотилией (с 31.03.1919; с 27.08.1919 — Речной боевой). В составе Морского министерства выехал из Омска в Иркутск (10.1919). После вооруженного восстания в Иркутске (12.1919–01.1920) бежал с группой морских офицеров в Забайкалье. В эмиграции — в Китае, Германии, США, Франции, Великобритании. Автор воспоминаний о Колчаке. Награды: Георгиевское оружие (05.09.1916), орден Св. Георгия 4-й ст. (27.08.1919).

по возвращении в штаб доложил мне, что в штабе флота он застал подполковника Верховского, который в его присутствии с презрением доложил Колчаку, что штаб крепости сгущает краски, ровно никакой опасности нет, — что когда получится печатный приказ из Ставки, тогда и по гарнизону можно будет отдать, что это дело в крепости раздувают трусы и паникеры, что у них в Черноморской дивизии полный порядок и в голову никому не приходит возбуждать подобные вопросы, в доказательство чего он, Верховский, преспокойно идет обедать в морское собрание... А между тем, когда на корабле происходила описанная сцена, — в казармах 5 Черноморского полка солдаты срывали погоны и гонялись за дежурным офицером!

Когда мне об этом доложили, я вновь позвонил в штаб флота. Начальник штаба позвонил в Морское собрание, вызвал к аппарату Верховского и спросил его, — каким образом могло случиться, что, будучи только что на корабле, он докладывал, что у них в Черноморской дивизии все благополучно, а вот из штаба крепости говорят, что в пятом полку рвут погоны? Около 7¼ час. вечера мне позвонили из штаба флота с вопросом: «На каком основании я осмелился отдать приказ по крепости о снятии погон, когда я на это не получил разрешения от командующего флотом?» Я ответил, что никакого приказа я не отдавал и что вызванные для переписки приказа из полковых и дружинных канцелярий писаря до сего времени сидят в штабе крепости и ожидают утверждения приказа, дабы его списать.

Оказалось, что Верховский доложил по телефону из Морского собрания в штаб флота, что в 5 Черноморском полку действительно погоны сняты, но вполне «легально» вследствие полученного о том приказа коменданта крепости... и этим лживым докладом снимал с себя всякую ответственность. Здесь остается только добавить, что разрешение о снятии на 1 мая погон я получил (по телефону) от Смирнова в 9½ вечера в разгар заседания моей комиссии и соответствующий приказ подписал около 10 вечера, а беспорядок в 5 полку и аналогичные в крепости случаи начались еще днем, кроме того, еще вопрос: если в 5 полку был получен мой приказ о снятии погон (как о том доложил Верховский), то почему же дежурный по полку офицер, стараясь прекратить безобразие, чуть не подвергся растерзанию озверелыми солдатами? Это уже в третий раз после революции я убедился, что со штабом флота (да и с Верховским¹⁸¹⁸) никаких дел на словах вести не стоило: необходимы были «документики».

---

¹⁸¹⁸ Верховский был одним из претендентов на должность начальника штаба крепости Севастополь, которую занимал Рерберг. Штаб Черноморского флота, конфликтовавший с Рербергом, стремился иметь на этой должности более покладистого человека. Колчак ходатайствовал о зачислении Рерберга в резерв чинов или перемещении на другую должность и назначении Верховского (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 40). В апреле 1917 г. Колчак отметил, что Верховский «принимал особо деятельное участие в поддержании порядка и дисциплины в Севастополе во время последних событий, пользуется особым авторитетом среди гарнизона Севастопольской крепости и является ныне председателем Центрального комитета в Севастополе, который с успехом регулирует жизнь гарнизона крепости и поддерживает в ней порядок», и ходатайствовал о его назначении (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1312. Л. 251). 30 апреля Верховский изъявил согласие, добавив при этом, что «моя же мечта командовать полком в бою» (Там же. Л. 252). Между тем должность начальника штаба крепости 1-го класса, каковой являлся Севастополь, была генеральской, и подполковник Верховский на этот пост претендовать не имел права. Попытка незаконного назначения была пресечена начальником штаба Верховного главнокомандующего Генштаба генерал-лейтенантом

Так или иначе, в 10¼ час. вечера мною был подготовлен приказ по крепости о замене погон нарукавными шевронами; рабочий праздник прошел благополучно, без инцидентов, и только два военных летчика, оказавшиеся в погонах, подверглись оскорблениям, после чего поспешили снять погоны, почему группа офицеров-летчиков отправила на следующий день телеграмму Гучкову с жалобой на меня за то, что я «самовольно» оскорбил офицерство, лишив его права ношения погон. Только через три дня я получил от штаба флота разъяснение, что приказ о снятии погон до сухопутной армии не относится, и — анонимный выговор по моему адресу от Гучкова. Через три дня, когда страсти успокоились, я отдал соответствующий приказ, и гарнизон вновь одел погоны, каковые и носил до конца октября без инцидентов.

С началом углубления революции требования масс становились с каждым днем осмысленнее и назойливее. Достаточно было на митинге какому-то сумасшедшему оратору почтить достойною руганью память севастопольских героев-адмиралов, как матросня признала их, несмотря на то, что они давно уже покоятся в гробах, — опасными контрреволюционерами, трупы которых необходимо вырыть из могил и бросить в море, а на их место положить тела жертв царского режима и борцов за свободу. С этого времени, ежедневно, с утра до вечера, десятки матросов, с растерянными и обалделыми лицами, как бесноватые, бродили вокруг Владимирского собора (на который выходили окна моей квартиры) и заглядывали в подвальные окна, с ненавистью, но и со страхом, зная по разговорам, что именно там покоятся останки ненавистных им адмиралов (почивших более полувека тому назад!). Как удалось развлечь внимание этих маниаков и идиотов и спасти прах севастопольских адмиралов, я наверное не знаю, но брожение матросов вокруг собора прекратилось, как только разнеслась по Севастополю весть, что адмирал Колчак решил отыскать, отрыть и с должными почестями перевести в Севастополь «священный прах» борцов за свободу русского народа: лейтенанта Шмидта¹⁸¹⁹, кондуктора флота Щастника¹⁸²⁰ и еще каких-то двух преступников, расстрелянных по приговору полевого суда в 1905 году, на острове Березань. Сна-

---

А.И. Деникиным (Там же. Л. 254). Противозаконное лоббирование Колчаком кандидатуры Верховского небезынтересно в контексте того, что последний до февраля 1917 г. контактировал как с самим А.И. Гучковым, так и с его сторонниками и фактически находился в кадровом резерве Гучкова (*Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 57–59, 143–148). 4 мая сам Рерберг подал прошение об увольнении от службы по болезни (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1311. Л. 45). Однако в связи с улучшением его здоровья он остался на этом посту (Там же. Л. 49).

¹⁸¹⁹ Шмидт Петр Петрович (05.02.1867–06.03.1906) — революционер, один из руководителей вооруженного мятежа в Севастополе (1905). Окончил Морской корпус и Морское училище (1886). В чине лейтенанта уволен в запас по служебному несоответствию (1898), плавал на судах торгового флота. В связи с началом Русско-японской войны мобилизован и назначен командиром миноносца, направлен на патрулирование к берегам Румынии. Один из организаторов «Союза офицеров — друзей народа» в Севастополе (1905). Выступал на митингах с антиправительственными речами. Член Севастопольского совета депутатов. Арестован за призыв к вооруженной борьбе (20.10.1905). Освобожден под давлением рабочих. Вышел в отставку (11.1905). Стал военным руководителем севастопольского мятежа. Находясь на крейсере «Очаков», поднял сигнал «Командую флотом» (15.11.1905) и призвал корабли эскадры присоединиться к выступлению, но в тот же день арестован. Приговорен к смертной казни и расстрелян с тремя соратниками на острове Березань под Очаковом. В мае 1917 останки перезахоронены в Севастополе.

¹⁸²⁰ Правильнее — Частника. Частник Сергей — кондуктор. Расстрелян 6 марта 1906 г. вместе с бывшим лейтенантом П.П. Шмидтом, комендором Н. Антоенко и машинистом А. Гладковым.

чала мы этому слуху не поверили, но вскоре он подтвердился, и Колчак начал заниматься «раскопками».

Не помню точно числа перенесения в Севастополь остатков от казни перечисленных сумасбродов, но действительно Колчак, дабы несколько успокоить умы матросов, добравшихся до праха севастопольских адмиралов и также желавших начать «раскопки» во Владимирском соборе, а с другой стороны, чтобы показать демократии свою верность идеям революции и уважение к памяти «борцов за свободу» и тем поддержать свою популярность и значение, приказал назначить вспомогательный (румынский) крейсер «Принчипессу Марию», на котором и были доставлены в Севастополь четыре гроба, в коих предполагались останки перечисленных преступников. Какая драма! Какая страшная ирония судьбы: старый красавец-крейсер «Память Меркурия», на котором в 1894 году было доставлено из Ливадии в Севастополь тело императора Александра III, штабом Черноморского флота был разоружен, поставлен вглубь Северной бухты и обращен в плавучую тюрьму! А «Принчипесса Мария», принадлежащая Королевству Румынскому, на своей палубе везла гробы с останками казненных преступников, поднявших свои безумные десницы против царя Николая II, по приказанию адмирала Колчака, получившего от этого самого Николая и доверие, и честь, и эмблемы и силы и славы!

Ко времени прибытия в Севастополь «Принчипессы Марии» с останками социалистических мучеников — весь гарнизон, все учреждения города, союзы, организации и пр. встречали «дорогих» покойников согласно особо выработанного церемониала. Прибытие гробов приветствовалось пушечными салютами с крепостных батарей!!! (Когда в мае 1916 г., в коронационные дни, к нам прибыл наш император Николай II, то никаких салютов не было. Этот милый человек — император, по великой скромности своей, ввиду военного времени, отменил всякие салюты.) Когда гробы внесли на руках офицеры и матросы с Графской пристани на Нахимовскую площадь, «войска» и рота матросов взяли «на караул» и два оркестра музыки заиграли: «Коль славен наш Господь» для отдания чести трупам людей, не признававших ни Господа, ни заповедей Его. Гробы были роскошные и очень по тому времени дорогие; под каждый гроб была подана роскошная белая катафалка, запряженная четверником лошадей, одетых в белые одежды! В какую сумму влетело это безумное торжество?

За гробом Шмидта пошел его сын и рядом с ним адмирал Колчак, далее при звуках похоронного марша выступал воинский наряд и массы народа, имея во главе представителей и делегации от разных социалистических организаций.

Разные депутации, в числе девяносто трех, несли торжественно девяносто три венка! Венки были весьма разнообразные: большие, малые, фарфоровые, металлические, серебряные, живые с черными и красными лентами. Были венки стоимостью свыше шестисот рублей!

Одними из первых выступала депутация от штаба флота, с огромнейшим венком, который нес капит[ан] 1 ранга Нищенко¹⁸²¹ с другими офицерами. Вокруг

---

¹⁸²¹ Нищенко Алексей Аркадьевич (19.06.1882–07.07.1934) — капитан 1-го ранга. На службе с 1898. Окончил Морской корпус (1901). Участник Русско-японской войны. Офицер подводного плавания. Командир подводных лодок «Плотва» (1907), «Осетр» (1907), «Фельдмаршал граф Шереметев» (1907–1908). По-

каждого венка собиралась кучка людей человек в 7; двое несли венки, а остальные считали за счастье держаться за кончики лент. Надо было видеть физиономии и выражения лиц этих вырожденцев — лентодержальщиков! Много венков было искренних, но большинство было «возложено» из чувства страха, как громоотвод, — перед темными фанатическими массами, и, кажется, единственное учреждение во всем Севастополе, которое решилось не возлагать венка на Шмидта, — это был наш штаб крепости, и ни я, ни мои офицеры за процессией не пошли, а, как только она тронулась, сели в штабной автомобиль и поехали в штаб крепости пить чай, за которым я и рассказал моим офицерам — кто таков был сей Шмидт...¹⁸²²

И вот этот самый Шмидт, недостойный даже звания офицера, по существу — дезертир 1905 года, опозоривший мундир морского офицера, позорно бежавший с «Очакова», когда поднятый им бунт не удался, — в одной жилетке — и залезший под банку наемного ялика, из-под которой он был вытащен комендантским адъютантом штаба крепости и арестован, преступник против родины в военное время, расстрелянный на Березани, ныне лежал в драгоценном гробу, за которым почтительно шествовали настоящие герои: порт-артурский герой и действительно храбрый морской офицер сам Колчак и масса других храбрых офицеров и солдат, украшенных георгиевскими крестами... О! Боже! Боже! Какая это была ирония судьбы: герои, отдающие честь трупам вырожденцев, идиотов и преступников! Вот почему я с ужасом и омерзением смотрел на всю эту картину, никакого венка не возлагал, за процессией не пошел и со своими офицерами уехал в штаб крепости, передумывая «свою собственную и одну и ту же думу»: «За какую мерзостью ведут одураченный русский народ!»

Но спасибо Колчаку: хотя он и подделывался под вкусы и безумные желания демократии, перехватывая в свои руки проведение некоторых даже бессмысленнейших затей бесноватейшей братии, но все-таки этим способом он вливал эти идеи в более безвредное русло, и этим он спас Владимирский собор, где покоится прах героев 55 года, от внесения под его благородные своды позорных ящиков с падалью, и эти гробы повезли в приходскую церковь и поставили «временно» под сводами Покровского собора...

Глава VI. Увольнение меня в резерв и уход Колчака

Популярность адмирала Колчака с самого начала революции обеспечивала Севастополь от всяких ужасов, и она не понижалась даже с началом «углублений» революции. Колчак делал все возможное, чтобы сглаживать всякие признаки розни, существовавшей между корпорацией офицеров и нижних чинов. Каких результатов в этом отношении достигал он во флоте, я не знаю, но частенько слышивал, что морские офицеры стонали от установленного Колчаком режима, ибо он требовал, чтобы офицерство не чуждалось младшей братии и как можно

мощник флаг-капитана по оперативной части штаба командующего флотом Черного моря (с 09.11.1915). Умер в Белграде.

¹⁸²² Далее опущен фрагмент воспоминаний о недостойном поведении лейтенанта П.П. Шмидта в период его службы на флоте.

больше шло им навстречу. Дошли слухи до Колчака, что у нас в крепости не вполне благополучно, что офицерство тяготеет общением с солдатами и старается как можно меньше времени быть со своими подчиненными. По этому поводу адмирал Колчак приказал мне явиться к нему на корабль 20 апреля с двадцатью офицерами нашего сухопутного гарнизона.

За большим столом кают-компания сидел сам Колчак, его начальник штаба, я — как комендант крепости, вр.и.д. начальника крепостной артиллерии и 20 офицеров. Колчак буквально на нас кричал и «разносил» нас за то, что мы не сознаем момента, что мы никак не можем отрешиться от старых предрассудков, что мы не идем в солдатскую толпу и не протягиваем руку нашему младшему брату и т.д. Я молчал. Я понимал, что, во-первых, все эти замечания до нас не относятся, вызваны докладами Колчаку подполковника Верховского и должны быть отнесены на Черноморскую дивизию, возражать, собственно, было нечего... Но, когда он кончил, — некоторые из наших офицеров испросили разрешения возразить адмиралу: говорили капитан Злотницкий, поручик Дорстер (адъютант) и еще один прапорщик. Говорили спокойно и дельно. Говорили, что мы и так почти все время с солдатом, что офицеру необходим хоть небольшой отдых, иначе наши нервы не выдержат, что их надо оберегать, что у нас и до революции особой розни с солдатом не было, и ненависти с их стороны не замечается (и они были правы, так как во время «Варфоломеевской» ночи, устроенной в ночь с 22 на 23 февраля, в сухопутном гарнизоне крепости ни одного офицера убито не было), что невозможно же все время быть с «хаммами»... Колчак молча слушал, слушал, а потом сразу как выпалит: «А я требую, чтобы вы все свое время посвящали вашему солдату: вы ведь сами видите, как я, занимая столь высокий пост, все время имею самое тесное общение как с матросами, так и с рабочими; как вы думаете, а мне легко быть все время с этими хаммами, а, тем не менее, ведь я это делаю!» Он это не говорил, а нервно выкрикивал, видно было, что «товарищи» ему уже достаточно досадили, и нервы его могли сорваться...

Я думаю, что эта речь Колчака могла ему сильно повредить, ибо, когда он ее выкрикивал, и никто не смог его остановить, да никто и не ожидал такого быстрого перехода на «хамов», приотворилась правая дверь кают-компания, и в ней показались фигуры двух матросов, слыхавших эти слова, после чего дверь затворилась. Я не ошибся, и не прошло и полутора месяца, как закатилась звезда Колчака; и он должен был нас покинуть! Но об этом речь будет впереди...¹⁸²³

К описываемому периоду относятся уже первые шаги разнообразнейших способов «углублений» революции. Не успели предатели свалить государя и завести по всей России форменнейший сумасшедший дом и полнейший кавардак, как они нашли, что с них мало достигнутых результатов, и эти бесноватые, во главе с Керенским взвыли новую песнь: «Революция в опасности! Спасите революцию! Берегите революцию!»

«Углубления» велись разнообразнейшими способами, но первейшим способом у этих выродков лжи были клевета и провокация.

---

¹⁸²³ Далее опускается описание отставки Рерберга и его восстановления в должности по ходатайству севастопольских рабочих.

Попробовали избавиться от меня, который несомненно был весьма неудобным для углубителей революции. Не удалось. И вот какие-то мерзавцы (да простит меня читатель за столь нелитературное слово, но другого, более подходящего, подобрать не могу) начали кампанию, чтобы свалить Колчака, который, несомненно, держа бразды революционного правления в значительной степени в своих руках и как человек, пользовавшийся доверием матросских и рабочих масс, был весьма удобен для углубителей. Но как свалить Колчака? Ведь это дело не столь легкое! И вот началась новая провокация: задолго до общего обезоружения офицеров (которое было произведено матросами в августе и сентябре месяцах) забегали внезапно какие-то ораторы, которые, проповедуя войну до победного конца, требовали, чтобы офицеры сдавали свое оружие для отправления на фронт, который якобы нуждается в оружии (какая наглая ложь!). И вот под влиянием этой провокации матросы «География Победоносца» потребовали сдачи оружия от своих офицеров, и какие-то кощунники-матросы осмелились прийти к своему адмиралу — георгиевскому кавалеру, храброму из храбрых воину, и осмелились потребовать от него, чтобы он сдал им то золотое оружие, которым он был награжден за подвиги еще в Японскую войну и которое у него не отобрали даже враги японцы, когда он был взят в плен!

Адмирал Колчак золотого оружия своего им не сдал, но и не сохранил его¹⁸²⁴: как мне тогда рассказывали очевидцы, — он поднял над головою потребованное у него оружие, показал его всей команде так, чтобы видна была золотая рукоять, громко сказал команде, что это оружие у него не отобрали даже японцы, что он сохранил его даже будучи в плену, а теперь у него желают отобрать его же матросы, и с возгласом: «нет, вам не видать моего оружия!» быстрым движением бросил его в море! На момент все остолбенело, и офицеры и матросы: никто не знал, — не кинутся ли разозленные за неудачу матросы на адмирала, и вдруг вся команда, как один человек, бросилась к борту, устремив свои глаза в то место, куда было брошено оружие! Они были как бы загипнотизированы и долго не могли отойти от борта¹⁸²⁵.

Офицеры — свидетели этого случая и поклонники Колчака рассказывали об этом со слезами восторга на глазах. Они не понимали, что Колчак не вышел победителем из этого столкновения, хотя матросам он оружия и не сдал, но и не сохранил его, это был красивый жест для сцены, из тех театральных эффектов, которые обыкновенно встречаются публикой бурными аплодисментами, но это был поступок не серьезный и даже по существу не геройский. Если бы Колчак прикрикнул на негодаев, осмелившихся подойти к нему с подобным требованием, сказав, что заслужите сначала сами золотое оружие, — тогда приходите отнимать у вашего адмирала, то я почти уверен, что негодяи спасовали бы, особенно, принимая во внимание широкую популярность адмирала, и Колчак победил бы, но в описанном случае было желание не исполнить требования бунтарей, но так, чтобы и самому не подвергнуться опасности, но, как бы там ни было, песнь Колчака

---

¹⁸²⁴ Речь идет о событиях 6 июня 1917 г.

¹⁸²⁵ Еще одно свидетельство об этом см.: Вице-адмирал А.В. Колчак: «Считаю, что моя дальнейшая деятельность в Черном море... не может быть полезна» / Публ. О.Н. Косенко и Д.Ю. Козлова // Военно-исторический журнал. 2008. № 1. С. 24–26.

в Черноморском флоте была спета, после этого случая он, конечно, не мог оставаться командующим флотом, но самовольно уехать он не мог, и тотчас об этом было донесено Керенскому, который, несомненно, сделал все, чтобы вывести Колчака из создавшегося положения: он назначил «строжайшее расследование» описанного случая, на время расследования по каким-то срочным делам вызвал Колчака в Ставку, а вр[еменно] командующим флотом назначил контр-адмирала Лукина¹⁸²⁶, под контролем особого демократического представительства, получившего название «десятки».

Немедленно в командование флотом вступил новый «мученик» — к[онтр-]а[дмирал] Лукин, а через несколько дней к нам прилетела «строжайшая» следственная комиссия...

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 2. М-86 (Кн. 8). Л. 1090–1098, 1102–1106, 1114, 1116–1117, 1121, 1134–1142, 1144–1145, 1147, 1149, 1159–1160. Подлинник. Машинопись.

---

¹⁸²⁶ Лукин Вениамин Константинович (28.08.1866–?) — контр-адмирал (1916). На службе с 1884. Окончил Морское училище (1887) и Минный офицерский класс (1893). Участник Русско-японской войны. Командир яхты «Колхида» (1907–1908), канонерской лодки «Запорожец» (1908–1910). Начальник оперативного отделения штаба командующего морскими силами Черного моря (1911–1913). Командир линейного корабля «Три святителя» (01.10.1913–1916). Начальник 2-й бригады линейных кораблей (1916–1917). Вр.и.д. командующего флотом Черного моря (07.06–18.07.1917). В РККФ (с 1918), сотрудник Морской исторической комиссии.

«Необходимо участие специалистов-офицеров определенно ограничить»

Соображения по поводу организации
оперативного центра. 1918 г.

Было бы крайне наивно считать, что взгляд на Красную армию как на армию, возглавляемую бывшими офицерами, утвердился с самых первых дней существования новой армии. Наоборот, этот взгляд утвердился по итогам практической службы военных специалистов в новой армии лишь летом–осенью 1918 г., а был закреплён ещё позже, на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Очень тяжело протекал переход от выборного начала, утвердившегося ещё в старой армии, к прежней системе назначений на командные посты. Были случаи арестов назначенцев и даже покушений на них.

Публикуемый документ представляет собой своего рода манифест сторонников «спецедействия» — тех, кто не терпел военспецов в армии, в особенности специалистов Генерального штаба. По всей видимости, он был составлен в марте–апреле 1918 г. По свидетельству военного руководителя Западного участка отрядов завесы, бывшего Генштаба генерал-лейтенанта В.Н. Егорьева, «это была эпоха наибольшего недоверия к старому офицерству»¹⁸²⁷. Нередко на этой почве возникали острые конфликты. Тот же Егорьев отмечал: «Назначение на высшие командные должности, хотя бы под скромным названием военруков, только что выведенных из обихода генералов и полковников старой армии было понято на местах не сразу. Войска, а ещё больше их выборные начальники, были явно недовольны, местные гражданские власти, имевшие свои военные отделы и свои отряды, кое-где будировали и задирались до того, что квартирьеры штаба завесы вернулись из Калуги с предупреждением, что лучше совсем туда не показываться, и военруку пришлось лично улаживать этот вопрос с “командующим войсками Калужской республики”»¹⁸²⁸.

Смоленские большевики разразились яростной статьёй против привлечения военспецов, опубликованной в газете «Звезда» в июне 1918 г. В статье было написано следующее: «В первую очередь из всех вопросов нашей внутренней политики занимает нас политика Народного комиссариата по военным делам, отличительной чертой которой является привлечение в армию, в качестве ее руководителей, бывших генералов и офицеров. Глава военного комиссариата так

---

¹⁸²⁷ Егорьев В.Н. Из жизни западной завесы // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 142.

¹⁸²⁸ Там же. С. 139.

рассуждает: “свои социалистические генералы” потерпели фиаско: армия 18 февраля бежала, поэтому нам нужно вернуться к выгнанным из старой армии генералам и поставить их во главу новой армии.

Но при этом забываются важные обстоятельства. Во-первых, 18 февраля у нас не было армии; во-вторых, к этому времени военный комиссариат не успел дать Советской России новую армию; в-третьих, на самом деле никто раньше не испытывал силы и способности своих “генералов”, которые, кстати сказать, в главных случаях, остались на своих местах: Подвойский, Мехоношин и Склянский опять в военном комиссариате, и к ним лишь присоединился свой свежий “генерал”, совершенный новичок в военном деле т. Троцкий; в-четвертых, между тем, привлеченные в армию генералы и офицеры, военные познания которых весьма сомнительны, ибо русские офицеры¹⁸²⁹, кроме кутежей, женщин, карт, ругани, рукоприкладства и бесчинств, никогда ни к чему не были способны, — вот эти-то генералы и офицеры для нас, Советов, просто впустую занимают свои места, в контрреволюции они весьма и весьма способствуют. Что из себя представляют так называемые военные руководители, все эти Бонч-Бруевичи, Иозефовичи¹⁸³⁰,

---

¹⁸²⁹ В документе несогласованно — русский офицер.

¹⁸³⁰ Иозефович Феликс Доминикович (20.11.1857–1921?) — евангелическо-лютеранского вероисповедания. Окончил Шавельскую классическую гимназию (1879), 1-е Павловское военное училище (1881), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1887). Прапорщик (со ст. с 08.08.1881). Подпоручик (со ст. с 27.07.1882). Поручик (со ст. с 01.01.1885). Штабс-капитан (со ст. с 07.04.1887). Капитан (со ст. с 09.04.1889). Подполковник (со ст. с 17.04.1894). Полковник (со ст. с 05.04.1898). Генерал-майор (со ст. с 20.08.1907). На службе с 14.09.1879. В 6-м саперном батальоне. Состоял при Варшавском военном округе. Старший адъютант штаба 10-й пехотной дивизии (26.11.1887–13.02.1888). Старший адъютант штаба V армейского корпуса (13.02.1888–07.12.1890). Командовал ротой Лейб-гвардии Павловского полка (24.10.1889–07.12.1890). Состоял для поручений при штабе V армейского корпуса (07.12.1890–13.04.1892). Начальник строевого отделения штаба Выборгской крепости (13.04.1892–24.11.1893). Старший адъютант штаба Финляндского военного округа (24.11.1893–02.04.1898). Командовал батальоном 3-го Финляндского стрелкового полка (01.05–01.09.1897). Штаб-офицер при управлении 62-й пехотной резервной бригады (02.04.1898–21.03.1901). Начальник штаба 3-й кавалерийской дивизии (21.03.1901–03.03.1903). Начальник штаба 45-й пехотной дивизии (03.03–31.10.1903). Прикомандирован к артиллерии (20.04–30.06.1903). Командир 11-го гренадерского Фанагорийского полка (13.10.1903–07.05.1905). Участник Русско-японской войны. Командир 152-го пехотного Владикавказского полка (07.05.1905–20.08.1907). Помощник начальника штаба Казанского военного округа (20.08.1907–10.05.1910). Командир 1-й бригады 26-й пехотной дивизии (с 10.05.1910). Участник Первой мировой войны. Командующий 76-й пехотной дивизией (с 19.07.1914). Командующий 56-й пехотной дивизией (с 08.10.1914). В резерве чинов при штабе Двинского военного округа (с 31.03.1915). Начальник 24-й запасной пехотной бригады (с 26.05.1915). Командующий 3-й Кавказской стрелковой дивизией (с 13.06.1916). В резерве чинов при штабе Петроградского военного округа (с 14.11.1916 до демобилизации). Участник Гражданской войны. Добровольно на службе в РККА (с 03.1918). Помощник начальника общего отделения штаба Западного фронта. Признан негодным к военной службе (на 07.1919). Должности по Генштабу не занимал (на 07.08.1920). Заведующий тиром патронного завода (на 04.1921). По некоторым данным, расстрелян. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1889), Св. Анны 3-й ст. (1895), Св. Станислава 2-й ст. (1900), Св. Владимира 4-й ст. (1907), Св. Владимира 3-й ст. (16.02.1910, утв. 19.03.1910), Св. Станислава 1-й ст. (1913, утв. 06.04.1914). Женат, 2 детей. Соч.: По поводу мемуаров графа Фейля о кампании 1877–1878 г. за Дунаем. Варшава, 1895.

Парские¹⁸³¹ и другие генералы от еврейских погромов, от мордобития и от авантюры? Они ровным счетом ничего не делают в своих штабах, сплошь составленных из своих же приспешников и прихлебателей в штабах, которые огромных денег

---

¹⁸³¹ Парский Дмитрий Павлович (17.10.1866 (в «Списках Генерального штаба» указана дата рождения — 10.10.1866) — 20.12.1921) — из потомственных дворян Тульской губернии. Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус (1884), 2-е Константиновское военное училище по 1-му разряду (1886) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1893). Подпоручик (Высочайший приказ 11.08.1886 со ст. с 07.08.1885). Поручик (Высочайший приказ 01.04.1890 со ст. с 07.08.1889). Штабс-капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 20.05.1893). Капитан (за выслугу лет, Высочайший приказ 02.04.1895). Подполковник (Высочайший приказ 09.04.1900). Полковник (Высочайший приказ 28.03.1904). Генерал-майор (со ст. с 17.06.1910). Генерал-лейтенант (со ст. с 31.01.1915). В службу вступил по окончании полного курса наук в Орловском Бахтина кадетском корпусе, во 2-е Константиновское военное училище юнкером рядового звания (01.09.1884). Унтер-офицер (08.09.1885). В 46-м пехотном Днепровском полку. Прибыл и зачислен (19.09.1886). Жалонерный офицер (30.09.1888). Командирован в штаб Киевского военного округа для держания предварительного испытания в Николаевскую академию Генерального штаба (02.07.1889). Не прибывая в полк, командирован в Николаевскую академию Генерального штаба для держания вступительного экзамена (01.08.1889). Прибыл в полк как не выдержавший вступительного экзамена (10.10.1889). Командирован в штаб Киевского военного округа для держания предварительного испытания в Николаевскую академию Генерального штаба (28.06.1890). Не прибывая в полк, командирован в академию для держания вступительного экзамена (11.08.1890). Зачислен (13.10.1890). Приказом по Генеральному штабу № 64 по окончании курса наук причислен к Генштабу и назначен на службу в Киевский военный округ (25.05.1893). Прибыл в штаб округа (15.06.1893). Назначен в общий и подвижной сборы войск Межибужского лагеря (25.06.1893). Командирован на специально-кавалерийскую поездку со строевыми офицерами 12-й кавалерийской дивизии (21.06.1893). По окончании поездки прибыл на общий сбор при м. Межибужье (05.08.1893). Возвратился из подвижного сбора (24.08.1893). Прикомандирован к штабу Киевской крепости по надобностям службы (14.02.1894). Отправился к месту командирования (22.02.1894). Старший адъютант штаба 34-й пехотной дивизии (Высочайший приказ 30.04.1894). Переведен в Генеральный штаб (27.09.1895). Отправился и прибыл (28.05–30.05.1894). Командирован на полевую поездку со строевыми офицерами VII армейского корпуса (29.06–15.07.1894). В полевой поездке со строевыми офицерами VII армейского корпуса (29.06–14.07.1895). Обер-офицер для особых поручений при штабе VII армейского корпуса (Высочайший приказ 21.08.1895). Прикомандирован к 133-му пехотному Симферопольскому полку для годичного командования ротой (05.09.1895). Отправился и прибыл (29.09.1895). Принял на законном основании 1-ю роту (05.10.1895). В полевой поездке со строевыми офицерами VII армейского корпуса (28.06–15.07.1896). Сдал роту (05.10.1896). Отправился к месту постоянного служения (07.10.1895). Прибыл в штаб VII армейского корпуса (15.10.1895). Старший адъютант штаба VII армейского корпуса (Высочайший приказ 11.11.1896–30.11.1899). В полевой поездке со строевыми офицерами VII армейского корпуса (28.06–13.07.1897). В полевой поездке офицеров Генерального штаба в Бессарабии (13.09–04.10.1897). Обер-офицер для особых поручений при штабе VII армейского корпуса (Высочайший приказ 27.08.1899). В полевой поездке со строевыми офицерами VII армейского корпуса (30.06–13.07.1899). В полевой поездке офицеров Генерального штаба в Крыму (09–30.09.1899). И.д. штаб-офицера для поручений при штабе Одесского военного округа (Высочайший приказ 16.03.1900, утв. 09.04.1900). Прибыл (23.06.1900). В Феодосии для участия в полевой поездке строевых офицеров VII армейского корпуса (28.06–14.07.1900). В Бендерах (22–23.08.1900). Старший адъютант штаба Одесского военного округа (Высочайший приказ 12.10.1900). В командировке для сопровождения кавказских новобранцев в Батуме в качестве начальника эшелона (11–12.11.1900). В заграничной командировке (03–17.06.1901). В Тирасполе (27–28.06.1900). В Очакове (05–08.07.1901). В Севастополе для присутствия на десантном маневре (03–09.09.1901). В Очакове и Николаеве (12–13.09.1901). В Севастополе для присутствия на артиллерийском опыте (18–23.09.1901). В Севастополе и Евпатории (26.02–11.03.1902). В Очакове (14–16.05.1902). В Тирасполе (31.05–03.06.1902). В Курске на больших маневрах в Высочайшем присутствии (25.08–18.09.1902). На полевой поездке в Бессарабию (06–28.10.1902). Командовал батальоном в 11-м пехотном Псковском полку (31.05–10.10.1903). Отчислен от занимаемой должности с прикомандированием для производства статистических работ к штабу Одесского военного округа (Высочайшее повеление 12.12.1903). В Петербурге для заказа карт округа для статистического описания (25.03–04.04.1903).

стоят советской казне, но где, наоборот, развивается контрреволюция и свивает себе гнездо провокация — с другой стороны, младшая же братия этих штабных и бездарных генштабистов: строевое офицерство в частях будирует темные группы

В Севастополе для сопровождения командующего войсками (15–18.05.1903). В Петербурге для участия в комиссии по выработке программы празднования юбилея Севастопольской обороны (15.12.1903–13.01.1904). В Тирасполе для сопровождения командующего войсками округа (18–20.02.1904), там же для сопровождения командующего войсками округа (15–18.04.1904). В полевой поездке офицеров Генерального штаба штаба Одесского военного округа (09–29.05.1904; 24.06–15.07.1904). Участник Русско-японской войны (28.11.1904–17.06.1905). Старший адъютант штаба 3-й Маньчжурской армии (Высочайший приказ 06.11.1904). Отправился и прибыл (11.11.1904). Переехал границу Маньчжурии (28.11.1904). Участвовал в 15-дневном бою под Мукденом в в отходе из-под Мукдена к Сыпингайской позиции (12–27.02.1905). В командировках: на рекогносцировке района от Большой Юшитайской дороги до р. Ляохе на запад и параллели впадения р. Чаосунтайхе в р. Дальяхе на юге (21–28.03.1905). На рекогносцировке подступов к позиции, укрепляемой на линии Тауминтунь–Тайпиншань (21–26.05.1905). Для выбора рекогносцировок тыловых позиций на правом фланге боевого расположения армии (31.05–06.06.1905). Находясь в отпуску по болезни, отчислен приказом главнокомандующего № 1663 от занимаемой должности с сохранением содержания и прикомандированием к Главному штабу (13.08.1905). Отчислен от должности старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии по болезни с прикомандированием к Главному штабу (02.10.1905). Срок прикомандирования определен не свыше года и 6 месяцев с производством из сумм интендантства денежного довольствия по правилам, существующим для эвакуированных (Высочайшее повеление 27.09.1905). Прикомандирован к ГУГШ (Высочайшее соизволение 27.06.1906) с откомандированием от Главного штаба. Делопроизводитель ГУГШ (Высочайший приказ 07.08.1906). Назначен в часть 2-го обер-квартирмейстера (17.08.1906). Вр.и.д. 2-го обер-квартирмейстера (17.08.1906–12.04.1907). Командир 140-го пехотного Зарайского полка (Высочайший приказ 17.03.1908). Отправился и прибыл (17–19.04.1908). Командирован в Москву в штаб округа для участия в военной игре (23.11–05.12.1908). Временно командующий 2-й бригадой 35-й пехотной дивизии (19–26.04.1909). Находился на охране линии Московско-Курской железной дороги во время Высочайшего проезда (22–28.08.1909). В бытность командиром 140-го пехотного Зарайского полка находился на охране с полком во время Высочайшего проезда (15–22.12.1909). Командирован в Рязань в штаб 35-й пехотной дивизии для участия в военной игре (24–30.01.1910). Командирован в дивизионную полевую поездку (26.05–06.06.1910). Генерал-майор (за отличие по службе, Высочайший приказ 17.06.1910) с назначением командиром 2-й бригады 46-й пехотной дивизии и с зачислением по армейской пехоте. Отправился к новому месту служения (29.06.1910). Прибыл к месту служения (01.07.1910). Временно командовал 46-й пехотной дивизией (08–14.05.1911). В командировке в Старице (18–28.08.1910) по распоряжению временно командующего корпусом. Председатель поверочной мобилизационной комиссии в Москве (26.03–05.04.1911). В комиссии по проверке неприкосновенных запасов 46-й артиллерийской бригады (15–30.10.1911). Временно командовал 46-й пехотной дивизией (07–15.03, 13–23.04.1912). В корпусной полевой поездке XXV армейского корпуса в районе станции Внуково Московской губернии (24.04–05.05.1912). Участвовал в охране пути Северной ж.д. при проезде Их Императорских Величеств (24.05–04.06.1912). Командирован в с. Клементьево Московской губернии на артиллерийский полигон для ознакомления с условиями боевой стрельбы артиллерии и ее материальной частью (10.06–12.07.1912). Участвовал в военной игре в штабе XXV армейского корпуса (27.01–03.02.1913). Участвовал в военной игре старших начальников в штабе XXV армейского корпуса (26.02–07.03.1913), в военной игре офицеров Генерального штаба в штабе Московского военного округа (30.03–07.04.1913). Командирован в штаб XXV армейского корпуса для участия в заседании по обсуждению подробностей парадов в Высочайшем присутствии при посещении Их Императорскими Величествами Костромы (19–21.04.1913). Командирован в Москву для выполнения возложенного на него временно командующий XXV армейским корпусом поручения (14–24.09.1913). В военной игре при штабе XXV армейского корпуса (21–25.01.1914). В военной игре старших войсковых начальников при штабе Московского военного округа (17–27.02.1914). В корпусной полевой поездке в районе Москва – Звенигород – Можайск – Волоколамск (20–29.04.1914). Участник Первой мировой войны. Командир 2-й бригады 46-й пехотной дивизии. Временно командовал 46-й пехотной дивизией (23.06–14.07.1914). Выступил в поход (02.08.1914). Прибыл на театр военных действий (05.08.1914). Вступил в пределы Австро-Венгрии (02.09.1914). Временно командующий 80-й пехотной дивизией

против Советов... Привлечение бывшего офицерства в социалистическую армию означает открытие дверей, широких дверей перед контрреволюцией...

Троцкий и здесь ошибается так же, как он ошибся в своей иностранной политике; его военная политика так же сокрушится, как сокрушилась его иностранная политика. Но какою ценой»¹⁸³².

Видный большевистский деятель А.Ф. Мясников (Мясникян) вспоминал об этом времени: «Армия сразу же испытала нужду в командном составе. Центральный военный комиссариат, ни минуты не задумываясь, стал привлекать на командные должности бывших офицеров и генералов. Это было в конце февраля и начале марта. Красные солдаты не питали к этим командирам никакого сочувствия. Командиры в свою очередь шли в армию не для того, чтобы создавать ее, а с целью уничтожения последних сил советской власти.

И в наших партийных и советских кругах против этой политики была поднята целая кампания. Помню, в с[е]редине марта в штабе Московского округа состоялось собрание военных представителей, среди коих были Крыленко, Раскольников, Муралов, тогда еще советский деятель Дыбенко, пишущий эти строки и другие; заседание решило обратиться в Совет народных комиссаров с просьбой отказаться от политики привлечения в армию на командные должности старого

(назначен командующим 9-й армией 22.01.1915). Отправился (26.01.1915). Временно командующий 80-й пехотной дивизией. В резерве чинов при штабе Киевского военного округа (с 09.08.1915). Начальник 55-й пехотной дивизии (с 17.10.1915). Командир Гренадерского корпуса (с 20.02.1916). Командующий 12-й армией (с 20.07.1917). Командующий 3-й армией (с 09.09.1917 до демобилизации). Арестован (19–21.11.1917). Участник Гражданской войны. С 26.02.1918 добровольно на службе в РККА. Начальник Нарвского отряда обороны завесы (с 03.1918). Военный руководитель Гатчинского участка. Начальник Гатчинской дивизии. Военный руководитель Северного участка отрядов завесы (26.05–08.08.1918). Ответственный редактор Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (с 09.1918). Командующий армиями Северного фронта (15.09–26.11.1918). Арестован (на 11.1918). Ответственный редактор журнала «Военное дело». В комиссии по разработке уставов при организационном управлении Всероссийского главного штаба (с 22.06.1919), председатель. Член комиссии при РВСР по составлению Положения о полевом управлении войск в военное время (с 10.11.1919). Член Особого совещания при главнокомандующем (1920). Умер от тифа в Москве. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (Высочайший приказ 24.02.1896), Св. Анны 3-й ст. (Высочайший приказ 1899), Св. Станислава 2-й ст. (Высочайший приказ 06.12.1903), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (Приказ главнокомандующего № 750 от 10.05.1905 за отличия в делах против японцев; утв. — Высочайший приказ 23.04.1906), Св. Анны 2-й ст. с мечами (Приказ командующего 3-й Маньчжурской армией № 194 от 24.06.1905 за отличия в делах против японцев; утв. — Высочайший приказ 22.03.1906), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1909), Св. Станислава 1-й ст. (Высочайший приказ 06.12.1913), Св. Анны 1-й ст. с мечами (Высочайший приказ 04.01.1915, пожалован 28.12.1914), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 02.06.1915), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 25.04.1916), серебряная медаль в память царствования императора Александра III, светло-бронзовая медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. (за участие в Высочайшем смотре под Москвой — 26.08.1912), светло-бронзовая медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых (21.02.1913). Женат первым браком на дочери коллежского секретаря, девиче Елизавете Николаевне Ясинской. Дети: Наталия (02.08.1894), Анатолий (23.07.1895), Александр (18.08.1900). Соч.: Памятники Севастопольской обороны. Одесса, 1901; Севастополь и памятники его обороны. Одесса, 1902; 1903; Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.). Стоянка на Шахз, Мукденский погром, Сынтингайские позиции. СПб., 1906; Причины наших неудач в войне с Японией: Необходимые реформы в армии. СПб., 1906; Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908; Боевая подготовка нашего солдата. Современное ее положение, главные недочеты и тормозы, насущные нужды и необходимые изменения. СПб., 1912 (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 90-926. Послужной список на февраль 1915 г.).

¹⁸³² Национальный архив Армении. Ф. 1435. Оп. 2. Д. 18. Л. 2–4.

офицерства. Помню, те же самые военные деятели, в том же марте, имели по этому поводу специальное¹⁸³³ заседание под председательством т. Ленина. Но все это не привело тогда ни к чему. Партийные круги вынуждены были поднять повсеместно кампанию против этой политики...»¹⁸³⁴

К публикуемому документу в своей работе обращался А.Г. Кавтарадзе¹⁸³⁵, однако полностью его текст так и не был введен в научный оборот. Между тем этот источник позволяет оценить степень неприятия курса на использование военспецов в большевистском военно-политическом руководстве в начале Гражданской войны. Авторы документа считали необходимым низвести военспецов исключительно на роль консультантов, но не командиров. В первую очередь это относилось к старому генералитету и бывшим офицерам-генштабистам.

Соображения

по поводу организации оперативного центра

События последнего времени заставляют нас усиленно готовиться к новой войне. В связи с этим обстоятельством Советской Республике необходима Красная, рабоче-крестьянская армия с хорошими инструкторами-командирами (офицерами), к организации которой уже и приступлено.

Несомненно, что Советской Республике нужны и опытные боевые руководители, могущие нести как оборонительную, так и наступательную войну против германского империализма. Также несомненно, что боевым руководителям войск России необходимы не только тактические, [но] и стратегические познания. Считаясь с такой необходимостью, Совет народных комиссаров создал Высший военный¹⁸³⁶ совет, по последнему приказу состоящий из генерала Бонч-Бруевича¹⁸³⁷

¹⁸³³ В тексте ошибочно — социальное.

¹⁸³⁴ Национальный архив Армении. Ф. 1435. Оп. 2. Д. 18. Л. 2.

¹⁸³⁵ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 78. В его монографии документ процитирован не вполне точно.

¹⁸³⁶ В тексте ошибочно — народный.

¹⁸³⁷ Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (24.02.1870–03.08.1956) — из потомственных дворян Могилевской губернии, родился в Москве в семье землемера. Окончил Константиновский межевой институт, Императорский Московский университет, Московское пехотное юнкерское училище с военно-училищным курсом по 1-му разряду с занесением на мраморную доску (1892), два класса Николаевской академии Генерального штаба и дополнительный курс «успешно» (1898). Подпоручик (Высочайший приказ 04.08.1892 со ст. с 05.08.1891). Поручик (с 06.12.1896 со ст. с 04.08.1896). Штабс-капитан гвардии (за отличные успехи в науках в академии Генерального штаба, с 17.05.1898). Капитан (с 17.05.1898). Подполковник (Высочайший приказ 06.04.1903). Полковник (Высочайший приказ 06.12.1907). Генерал-майор (за боевые отличия в делах против австрийцев, с 10.09.1914 со ст. с 21.08.1914). По окончании курса наук в Константиновском межевом институте со званием межевого инженера, старшего землемерного помощника и правом на чин 10-го класса и на ношение знака, заменяющего аксельбант, определен на службу в межевую канцелярию старшим землемерным помощником с производством содержания из оклада 450 руб. в год (22.08.1890). Командирован для занятий в Императорский Московский университет (математический факультет) с зачислением на дополнительные курсы при Константиновском межевом институте (15.10.1890). Утвержден в чине 10-го класса (28.11.1890). Отчислен обратно в межевую канцелярию (09.09.1891). В военную службу вступил в 12-й гренадерский Астраханский Его Величества полк рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда (01.09.1891). Командирован в Московское пехотное юнкерское училище с военно-училищным курсом для прохождения наук (10.09.1891). Прибыл в училище и зачислен в одногодичное отделение военно-училищного курса (10.09.1891). По слабости зрения разрешено носить очки (12.02.1892). Произведен в унтер-офицеры войск (21.03.1892). Младший унтер-офицер училища (05.05.1892). Как окончивший курс училища первым

и тов. Прошьяна¹⁸³⁸ и Троцкого¹⁸³⁹. Ни для кого не секрет, что Высший военный совет до самых последних дней (до вхождения туда т. Троцкого) своими распоряжениями и телеграммами неизменно увеличивал и без того колоссальную путаницу. В доказательство этого утверждения можно привести следующие факты:

занесен на мраморную доску училища. Выпущен в 12-й гренадерский Астраханский полк с прикомандированием к Лейб-гвардии Литовскому полку. Отправлен по назначению (08.08.1892). Прибыл в полк (28.09.1892). Переведен в Лейб-гвардии Литовский полк подпоручиком (с 30.08.1893 со ст. с 04.08.1892). Исключен из списков чинов межевого ведомства (23.11.1893). Обязан прослужить 5 лет в военном ведомстве со дня производства в офицеры, взамен обязательной службы по межевому ведомству. Командирован в Николаевскую академию Генерального штаба для держания вступительного экзамена, куда и прибыл (20.08.1895). Зачислен (07.10.1895). Назначен на службу в Киевский военный округ (23.05.1898). Отправился к месту прикомандирования (26.05.1898). Прибыл (15.06.1898). Прикомандирован к штабу 2-й казачьей сводной дивизии для занятия должности старшего адъютанта (16.07.1898). Прибыл (18.07.1898). Назначен и.д. старшего адъютанта штаба 2-й казачьей сводной дивизии (приказ войскам Киевского военного округа 31.07.1898 № 158). Переведен в Генеральный штаб капитаном с назначением старшим адъютантом штаба 2-й казачьей сводной дивизии (Высочайший приказ 26.11.1898 со ст. с 17.05.1898). В командировке в штабе Киевского военного округа для тактических занятий (01–11.03.1899). В командировке в Киеве по распоряжению штаба Киевского военного округа для участия в полевой поездке офицеров Генерального штаба в Киевской губернии (04.05–25.05.1899). Распоряжением штаба Киевского военного округа командирован в г. Новоселицу для тактических занятий с офицерами Хотинской бригады Отдельного корпуса пограничной стражи (14–28.06.1899). Вр.и.д. начальника штаба 2-й казачьей сводной дивизии (01–22.08.1899). Обер-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа (Высочайший приказ 15.02.1900). Прибыл (21.02.1900). Командирован для ведения тактических занятий с офицерами пограничной стражи (26.02–15.03.1900). Участвовал в полевых поездках офицеров Генерального штаба (25.04–10.05.1900; 04–27.09.1900; 20–30.04.1901). В командировке для рекогносцировки района больших маневров 1902 г. в Курской губернии (18–30.07.1901). В командировке в г. Умань для участия в комиссии по проверке мобилизационной готовности штаба 44-й пехотной дивизии (23–31.10.1901). Прикомандирован на годичный срок к 167-му пехотному Острожскому полку для командования ротой (07.10.1900–09.10.1901). И.д. старшего адъютанта штаба Киевского военного округа (20.09–22.10.1902, утв. — Высочайший приказ 13.12.1902). В командировке в Минск для сбора статистических сведений о Минском уезде Минской губернии (06–25.02.1902). Участвовал в полевой поездке офицеров Генерального штаба в Черниговской губернии (09–18.05.1902). В командировке в м. Волочиск для ведения тактических занятий с офицерами пограничной стражи (20.07–01.08.1902). Участвовал в большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии, назначен состоять для поручений при штабе Южной армии (24.08–09.09.1902). Подполковник с утверждением в занимаемой должности (Высочайший приказ 06.04.1903). Участвовал в полевой поездке офицеров Генерального штаба (26.04–17.05.1903). Участвовал в общем и подвижном сборе Межибужского лагеря (02–31.08.1903). Участвовал в полевой поездке офицеров Генерального штаба в Вольнской губернии (01–21.07.1904). Прикомандирован к Киевскому военному училищу для преподавания военных наук (18.09.1904). Прибыл в училище (22.09.1904). Преподавал тактику, военную историю и топографию. Прикомандирован к 129-му пехотному Бессарабскому полку для командования батальоном (01.05–04.09.1905). Прикомандирован на лагерный сбор к 42-й артиллерийской бригаде (15.03–14.07.1906). Участвовал в комиссии при штабе Киевского военного округа по разработке вопроса о курсах Николаевской академии Генерального штаба (13.11–08.12.1906). Командирован в академию для чтения лекции по тактике (телеграмма ГУВУЗ 31.08.1907). Прибыл (15.09.1907). Период 18.09.1904–09.09.1907 засчитан в срок учебной службы, дающей право на сокращение общих пенсионных сроков. Приказом по военному ведомству назначен временным членом от ГУГШ в комитете по образованию войск (22.03.1908). Штаб-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (Высочайший приказ 03.09.1908). Исключен из списков Киевского военного училища (09.09.1908). Начальник штаба Либавской крепости (с 21.10.1908). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами (с 09.01.1910). В прикомандировании к академии непрерывно (09.09.1907–09.01.1910). По Высочайшему соизволению от 30.12.1910 прикомандирование к академии (09.09.1907–09.01.1910) зачтено в срок учебной службы, дающей право на сокращение общих пенсионных сроков. Период с 09.01.1910 по 10.03.1914 зачтен в срок учебной службы. Читал лекции по тактике в старшем и младшем классах Военной академии (1907–1910). Читал лекции капитанам переменного состава Офицерской стрелковой школы по тактике (1909–1913). Вел зимние и летние практические занятия по тактике с капитанами переменного состава офицерской

Генерал Бонч-Бруевич на имя Московского оперативного центра послал телеграмму, в которой категорически воспрещалось отправление каких бы то ни было и куда бы то ни было отрядов. Характеризовать данную телеграмму совершенно

стрелковой школы (1908–1913). Участвовал в составлении и издании «Устава полевой службы 1912 года» под общим руководством генерала от инфантерии Н.В. Рузского (Устав Высочайше утв. 27.04.1912). По поручению военного министра составил 1-ю и 2-ю части учебника тактики для военных училищ (учебник утв. военным министром в 1912). По поручению военного министра составил программы и наставления для преподавания тактики в младшем и старшем классах военных училищ (утв. военным министром в 1912). По поручению военного министра составил «Наставление для действий пехоты в бою» 1914 г. (Высочайше утв. 27.02.1914). По поручению начальника интендантской академии читал лекции по курсу «Интендантское довольствие действующих войск» в 1911–1913 гг. и вел практические занятия по тому же курсу. По поручению начальника интендантской академии составил руководство и наставление для зимних и летних практических занятий по курсу «Интендантское довольствие действующих войск». Приказом по военно-учебным заведениям № 168 от 1912 г. назначен членом комиссии по рассмотрению учебников, пособий и вообще изданий по тактике, истории русской армии, военной администрации, военной географии и топографии, учрежденной при ГУВУЗе. Командирован начальником интендантской академии для руководства практическими занятиями слушателей во время больших маневров в Кавказский и Киевский военные округа в 1912 и в 1913 гг. Назначен командиром 176-го пехотного Переволоченского полка (10.03.1914). Отправился к месту службы (25.04.1914). Участник Первой мировой войны (с 25.07.1914). Прибыл и вступил в командование полком (30.04.1914). Выступил в военный поход с полком из Чернигова, войдя в состав 3-й армии, направленной в Австро-Венгрию (25.07.1914). И.д. генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии (07.08.1914). Отправился к месту служения (07.08.1914). Генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии (с 10.09.1914). Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта (17.09.1914). Инициатор выселения евреев из прифронтовой полосы. Назначен в распоряжение Верховного главнокомандующего. По сдаче должности генерал-квартирмейстера отправился в Ставку (29.03.1915). В распоряжении Верховного главнокомандующего (с 01.04.1915). Начальник штаба 6-й армии. Один из организаторов фальсификации дела по обвинению полковника С.Н. Мясоедова в шпионаже. И.д. начальника штаба армий Северного фронта (с 20.08.1915). В распоряжении главнокомандующего армиями Северного фронта (с 25.02.1916). Начальник гарнизона Пскова (с 03.1916). Член исполкома Псковского совета рабочих и солдатских депутатов (1917). Вр.и.о. главнокомандующего армиями Северного фронта (29.08.1917). В распоряжении начальника штаба Верховного главнокомандующего (с 09.09.1917). Начальник гарнизона Могилева (10.1917). Член совета рабочих и солдатских депутатов Могилева. Одним из первых среди бывших генералов признал власть большевиков и стал с ними активно сотрудничать. Начальник штаба Верховного главнокомандующего (с 07.11.1917, вступил в должность 28.11.1917). Руководил обороной Петрограда от немцев (02–03.1918). Участник Гражданской войны. Военный руководитель Высшего военного совета (04.03–26.08.1918). Начальник штаба Высшего военного совета (с 20.07.1918). В распоряжении СНК. Начальник Полевого штаба РВСР (23.06–22.07.1919). Штатный сотрудник Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (с 07.08.1919; по другим документам, с 01.09.1919), редактор комиссии (на 1921). В распоряжении начальника Всероссийского главного штаба (с 31.08.1919). Начальник Высшего геодезического управления ВСНХ (1919–10.1923). Директор государственного технического бюро «Аэрофотосъемка» (1924–1928). Арестован по делу «Весна» (22.02–17.05.1931). Комдив запаса. В 1942 г. без защиты диссертации присуждена ученая степень доктора технических наук, а в 1944 — доктора военных наук. Генерал-лейтенант (1944). Член ученого совета Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. Сотрудник научно-исследовательского сектора Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии Министерства высшего образования СССР (1949). Умер в СССР. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (Высочайший приказ 06.05.1900), Св. Анны 3-й ст. (Высочайший приказ 06.12.1903), Св. Станислава 2-й ст. («за труды, понесенные по обстоятельствам военного времени» — 25.03.1906), Св. Анны 2-й ст. (06.12.1910), болгарский орден «За военные заслуги» 3-й ст. (Высочайше разрешено принять и носить 10.01.1911), Св. Владимира 4-й ст. (06.12.1913), Св. Владимира 3-й ст. (29.10.1914), Георгиевское оружие («за энергичное участие в боевой операции при взятии Равы Русской» — 22.09.1914); медали: серебряные в память царствования императора Александра III на Александровской ленте (26.02.1896), в память священного коронования Их Императорских Величеств (1896); светло-бронзовые в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. (25.01.1913), в память 300-летия Царствования Дома Романовых (31.03.1913) и за всеобщую мобилизацию 1914; благодарность от РВС СССР (16.02.1926). Женат вторым браком на вдове Генштаба подполковника Овсянникова Елене Петровне. Дети от первого брака:

не представляется возможным, т.к. ее абсурдность ясна каждому. Если бы эта телеграмма была исполнена, то Москва была бы не в состоянии отправить хотя бы один отряд, несмотря на все вопли о исполнении, несущиеся с боевого фронта. Участие т. Прошьяна, по-видимому, не помогло, и генерал Бонч-Бруевич распорядился почти единолично. История войны доказала, что ген. Бонч-Бруевич в бытность свою начальником штаба Северного фронта совершенно не сумел сколько-нибудь предотвратить наступление немцев на Ригу. Является странным, что Правительственная Коммунистическая партия, всегда и всюду указывавшая на абсолютную бездарность царских генералов (чего не отрицала в большинстве случаев и буржуазная печать), вдруг стала рьяно защищать таланты тех же самых царских генералов.

Нет сомнения, что среди них имеются и талантливые люди, но далеко не в таком количестве, какое бы это можно было думать¹⁸⁴⁰. Специальные их познания, конечно, не подлежат никакому сомнению. Бестолковость и безалаберность генералитета, ярко выразившаяся во все время только что оконченной войны, не позволяет думать, что генералы справятся с военной разрухой, ибо каждому ясно, что творчество у них, кроме казенно-шаблонного, не существует, а их способность к водворению порядка измеряется их контрреволюционностью.

Телеграмма тов. Подвойского¹⁸⁴¹ об обучении стрельбе из винтовок, револьверов и пулеметов гимназистов и других учащихся в старших классах свидетельствует о том, что в комиссариате по военным делам далеко не все благополучно, а, между тем, в этом самом комиссариате офицеров и генералов старого строя хоть отбавляй.

Расформирование Бонч-Бруевичем целого ряда уже сорганизованных полковых штабов показывает, что здесь имеется налицо определенным образом определенно централизовать военную власть. Тот же самый Бонч-Бруевич расформировал и старые штабы армий и фронтов, что не помешало ему ровно через три

Тамара (19.08.1896), Константин (04.02.1898), Георгий и Александр — близнецы (27.07.1900). Брат Владимир (16.06.1873–14.07.1955) — управделами СНК. Соч.: Бой. Киев, 1909; Разведывание. Охранение. Связь: Тактическое исследование. Киев, 1909; Армейские дела и делишки. Киев, 1911; Учебник тактики для военных училищ. Ч. 1–2. СПб., 1912; 1914; Пг., 1916; Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. 1: Через Карпаты в Венгрию зимою 1915 года. М., 1921; Ч. 2: Катастрофа в 3-й армии. М.; Л., 1926; Потеря Галиции в 1915 году. Л., 1926; Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957 (РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–7об. П/с на 27.03.1915 г.).

¹⁸³⁸ Прошьян Прош Перчевич (22.04.1883–16.12.1918) — революционер, видный деятель партии социалистов-революционеров. Политзаключенный. Неоднократно совершал побег. Член ЦК партии левых эсеров. Народный комиссар почт и телеграфов (с 22.12.1917). Сотрудничал с большевиками. Участник разработки декрета об организации Красной армии (1918). Политический комиссар Высшего военного совета (с 04.03.1918). Противник заключения Брестского мира. После мятежа левых эсеров 06–07.07.1918 — на нелегальном положении. Умер от тифа. Подробнее см.: *Разгон А.И.* Народный комиссар почт и телеграфов П.П. Прошьян // Первое советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918. М., 1991. С. 398–420.

¹⁸³⁹ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (26.10.1879–21.08.1940) — один из крупнейших деятелей революционного движения. Видный советский партийный и государственный деятель. Председатель Высшего военного совета (1918). Народный комиссар по военным и морским делам (13.03.1918–1925).

¹⁸⁴⁰ Так в документе.

¹⁸⁴¹ Подвойский Николай Ильич (04.02.1880–28.07.1948) — советский военный и государственный деятель. Член СНК, народный комиссар по военным делам (11.1917–03.1918). Председатель Высшей военной инспекции (с 24.04.1918).

дня обратиться к тем же самым штабам. Ясно, что стратегически-тактическая неурядица усугубляется.

С другой стороны, возможность концентрации офицерства в массе определенно контрреволюционной, в связи с формированием полевых штабов, состоящих из офицеров Генерального штаба и других, становится все более и более рельефной.

За все время войны строевое офицерство всегда было более чем недовольно работой Генерального штаба, в котором кроме карьеристов никого и ничего не было.

Далее, ни признанный вождь буржуазии «Гениальный полководец» Алексеев¹⁸⁴², или «кумир» той же буржуазии Корнилов¹⁸⁴³, или казак Каледин¹⁸⁴⁴, никто из них

---

¹⁸⁴² Алексеев Михаил Васильевич — см. примеч. 1791.

¹⁸⁴³ Корнилов Лавр Георгиевич (18.08.1870–31.03(13.04).1918) — сын коллежского секретаря из казаков Сибирского казачьего войска. Уроженец г. Усть-Каменогорска Семипалатинской области. Окончил Сибирский кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду (1892), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду с малой серебряной медалью и занесением фамилии на мраморную доску (1898). Подпоручик (с 04.08.1892 со ст. с 10.08.1890). Поручик (со ст. с 10.08.1894). Штабс-капитан (со ст. с 13.07.1897). Капитан (за отличные успехи в науках в академии, со ст. с 17.05.1898). Подполковник (со ст. с 06.12.1901). Полковник (за отличия в делах против японцев, со ст. с 26.12.1905). Генерал-майор (со ст. с 26.12.1911). Генерал-лейтенант (за боевые отличия, с 16.02.1915 со ст. с 26.08.1914). Генерал от инфантерии (за боевые отличия, с 27.06.1917). На службе с 29.08.1889. В Туркестанской артиллерийской бригаде (с 1892). В штабе Туркестанского военного округа (10.1898–1904). В секретной разведывательной поездке по Афганистану (01.1899). Переведен в Генеральный штаб (11.08.1899). Помощник старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа (11.08.1899–19.10.1901). В командировке в Кашгаре при российском генеральном консульстве (12.1899–07.1901). Подготовил стратегическое описание Восточного Туркестана. И.д. штаб-офицера для поручений при штабе Туркестанского военного округа (с 19.10.1901, утв. 06.12.1901, до 13.06.1904). В разведывательной поездке по Восточной Персии (09.1901–03.1902). Командир роты 1-го Туркестанского стрелкового батальона (03.10.1902–30.09.1903). В разведывательной поездке в Британскую Индию (09.1903–03.1904). Столоначальник Главного штаба (13.06–30.09.1904). Участник Русско-японской войны. Штаб-офицер при управлении 1-й стрелковой бригады (30.09.1904–01.05.1906). Отличился в сражении под Мукденом, вывел бригаду и другие части из окружения. Делопроизводитель 1-го отделения отдела 2-го обер-квартирмейстера управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба (01.05.1906–01.04.1907). Заведовал организацией разведки в военных округах Азиатской России. Военный агент в Китае (01.04.1907–24.02.1911). В экспедиции из Китая в Россию через Монголию и Восточный Туркестан (05–11.1910). Командир 8-го пехотного Эстляндского полка (24.02–03.06.1911). Начальник 2-го отряда Заамурского пограничного округа Отдельного корпуса пограничной стражи (03.06.1911–04.07.1913). Командир 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии (04.07.1913–1914). Участник Первой мировой войны. Командир 1-й бригады 49-й пехотной дивизии (с 08.1914, официально с 11.09.1914). Временно командовал 48-й пехотной дивизией (с 19.08.1914, назначен 30.12.1914, утв. 16.02.1915). Попал в окружение с частью дивизии у м. Дукла (21–23.04.1915), не смог пробиться из окружения и сдался в плен (29.04.1915). Отчислен от должности за нахождением в плену (12.05.1915). Содержался в лагере Лек в Венгрии. Три раза пытался бежать. Четвертая попытка была успешной. Бежал из плена (07.1916). Командир XXV армейского корпуса (с 13.09.1916). Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа (с 02.03.1917, вступил в должность 05.03.1917). Командующий 8-й армией (с 29.04.1917). Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (с 10.07.1917). Верховный главнокомандующий (с 18.07.1917). Участник московского Государственного совещания (08.1917). Отчислен от должности с преданием суду за мятеж (29.08.1917). Арестован (02.09.1917). Содержался в Быхове. Освобожден (19.11.1917) и бежал на Дон. Прибыл в Новочеркасск (06.12.1917). Участник Гражданской войны. Один из основоположников Белого движения на Юге России и создателей Добровольческой армии. Командующий Добровольческой армией (с 25.12.1917). Участник Первого Кубанского (Ледяного) похода. Убит снарядом при штурме Екатеринодара. Военный востоковед, автор ряда публикаций по военной

не сумел справиться с необразованными в стратегическом смысле товарищами, начальствующими над нашими революционными отрядами.

Все эти факты показывают, что генералитет и Генеральный штаб вовсе не нужны как полководцы, а лишь только как специалисты, инструктора и консультанты. Раз так, т[аким] о[бразом,] сфера приложения труда остается строго ограниченной инструкторско-консультационной ролью.

Однако Бонч-Бруевич, пользуясь властью, данной ему Советом народных комиссаров, уже успел насадить ряд офицеров Генерального штаба на самые ответственные должности по обороне. О гражданине Генерального штаба Данилове, который, кажется, арестован, говорить не приходится, начальника же обороны Московского узла генерала Боева¹⁸⁴⁵ позволено будет характеризовать следующими фактами:

географии Китая, Персии, Афганистана, Индии. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1900, утв. 01.01.1901), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1903), Св. Станислава 2-й ст. (1904), Св. Георгия 4-й ст. (08.09.1905), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (09.05.1907), чин полковника, мечи к ордену Св. Станислава 2-й ст. (1906), ордена Св. Анны 2-й ст. (06.12.1909), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (19.02.1915), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (20.03.1915), чин генерал-лейтенанта, ордена Св. Георгия 3-й ст. (Высочайший приказ 28.04.1915), Св. Анны 1-й ст. с мечами (17.10.1915), чин генерала от инфантерии. Супруга дочь титулярного советника Таисия Владимировна Марковина. Дети: Наталия (1898–1983), Юрий (1904–1987), Дмитрий (1905–1906). Соч.: Кашгария, или Восточный Туркестан: Опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903; Вооруженные силы Китая. Иркутск, 1911.

¹⁸⁴⁴ Каледин Алексей Максимович (12.10.1861–29.01.1918) — из дворян войска Донского, родился на хуторе Каледина станицы Усть-Хоперской Области войска Донского, сын полковника Донского казачьего войска. Окончил Воронежскую военную гимназию (1879), 2-е Константиновское военное и Михайловское артиллерийское училища (1882), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1889). Сотник (со ст. с 07.08.1882). Подъесаул (со ст. с 10.04.1889). Штабс-капитан (со ст. с 26.11.1889). Капитан (со ст. с 21.04.1891). Подполковник (со ст. с 06.12.1895). Полковник (со ст. с 06.12.1899). Генерал-майор (с 22.04.1907 со ст. с 31.05.1907). Генерал-лейтенант (с 14.04.1913 со ст. с 31.05.1913). Генерал от кавалерии (со ст. с 10.06.1916). На службе с 01.09.1879. В конно-артиллерийской батарее Забайкальского казачьего войска. Старший адъютант штаба 6-й пехотной дивизии (26.11.1889–27.04.1892). Ober-офицер для поручений при штабе V армейского корпуса (27.04–12.10.1892). Командир эскадрона 17-го драгунского Вольнского полка (11.11.1891–17.11.1892). Помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа (12.10.1892–14.07.1895). Старший адъютант войскового штаба войска Донского (14.07.1895–05.04.1900). Штаб-офицер при управлении 64-й пехотной резервной бригады (05.04.1900–25.06.1903). Состоял при 23-м драгунском Вознесенском полку для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства (14.04–14.10.1900). Начальник Новочеркасского казачьего юнкерского училища (25.06.1903–26.08.1906). Помощник начальника войскового штаба войска Донского (26.08.1906–02.06.1910). Командир 2-й бригады 11-й кавалерийской дивизии (02.06.1910–09.12.1912). Начальник 12-й кавалерийской дивизии (с 09.12.1912). Участник Первой мировой войны. Командир II кавалерийского корпуса (с 03.1915). Командир XLI армейского корпуса (с 18.06.1915). Командир XII армейского корпуса (с 05.07.1915). Командующий 8-й армией Юго-Западного фронта (с 20.03.1916). Член Военного совета (с 29.04.1917). Избран атаманом Донского казачьего войска (18.06.1917). Участник московского Государственного совещания (08.1917). Участник Гражданской войны. Возглавил выступление против большевиков (25.10.1917), приступил к формированию антибольшевистских воинских частей. Депутат Всероссийского Учредительного собрания. Член Донского гражданского совета (с 12.1917). Способствовал созданию Добровольческой армии. При наступлении советских войск на Ростов-на-Дону и Новочеркасск, не получив поддержки казачества, покончил с собой (застрелился). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1893), Св. Анны 3-й ст. (1897), Св. Станислава 2-й ст. (1902), Св. Владимира 3-й ст. (06.05.1910), Св. Станислава 1-й ст. (06.12.1913), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 07.10.1914), Георгиевское оружие за бои под Львовом 26–30.08.1914 (Высочайший приказ 11.10.1914), орден Св. Георгия 3-й ст. за бои в 02.1915 (Высочайший приказ 03.11.1915). Женат. Брат Василий (05.10.1859–03.06.1919) — генерал-лейтенант.

¹⁸⁴⁵ Баиов (Байов) Константин Константинович (04.07.1869–16.01.1920) — сын Генерального штаба генерал-лейтенанта Константина Алексеевича Баиова. Окончил Владимирский Киевский кадетский

Партизанская война, начавшаяся в оккупированных областях, находящихся в тылу расположения германского фронта, сильно беспокоит генерала Гофмана¹⁸⁴⁶, который, как сообщают в сегодняшней газете, и предъявил определенный ультиматум, по которому русские советские войска должны вести вооруженную борьбу с «разбойничьими шайками и бандами», оперирующими в германском тылу. Генерал Боев, в разговоре с членом фронтовой коллегии Московского областного комиссариата по военным делам т. Чикколини¹⁸⁴⁷, точно так же, как и генерал Гофман, называл отряды солдат, матросов и крестьян, действующих¹⁸⁴⁸ в тылу у немцев, тоже «бандами» и «шайками».

В разговоре с тем же товарищем, в присутствии сотрудника той же коллегии бывш[его] подполковника Тихомирова¹⁸⁴⁹, ген. Боев рассказывал, что до взятия Киева Муравьевым¹⁸⁵⁰ он ездил по телеграфному вызову Петлюры¹⁸⁵¹ для перегово-

---

корпус (1886), 2-е Константиновское военное училище (1888), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1894). Подпоручик гвардии (со ст. с 09.08.1888). Поручик (со ст. с 09.08.1892). Штабс-капитан гвардии (со ст. с 18.05.1894). Капитан (со ст. с 18.05.1894). Подполковник (со ст. с 06.12.1899). Полковник (со ст. с 06.12.1903). Генерал-майор (со ст. с 31.07.1910). Генерал-лейтенант (со ст. с 01.08.1915). На службе с 30.08.1886. В Лейб-гвардии Егерском полку. Отбывал лагерный сбор при Московском военном округе. Помощник старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа (06.07–11.11.1895). Ober-офицер для поручений при штабе Финляндского военного округа (11.11.1895–06.12.1899). Командир роты 1-го Финляндского стрелкового полка (02.10.1896–02.10.1897). Старший адъютант штаба Виленского военного округа (06.12.1899–20.05.1903). Командир батальона 107-го пехотного Троицкого полка (01.05–02.09.1902). Начальник штаба 27-й пехотной дивизии (20.05.1903–15.06.1907). Командир 107-го пехотного Троицкого полка (15.06.1907–31.07.1910). Генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа (с 31.07.1910). Участник Первой мировой войны. Генерал-квартирмейстер штаба 1-й армии (с 19.07.1914). И.д. начальника штаба 1-й армии (с 16.09.1914). Начальник 6-й пехотной дивизии (с 21.12.1914). Главный начальник Двинского военного округа (с 25.04.1917 до демобилизации). Жил в Москве. Участник Гражданской войны. Добровольно вступил в РККА. На службе в РККА (1918–1920). Военный руководитель Московского района обороны завесы (03–07.1918). Начальник военного отдела военного издательства ЦИК (1918–1920). Член военно-технической редакции издательства ЦИК (1919–1920). Умер в Советской России. Член военно-технической редакции литературно-издательского отдела Политического управления РВСР (1919). Сотрудник-составитель Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (с 01.12.1918). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1899), Св. Станислава 2-й ст. (1906), Св. Анны 2-й ст. (1909, утв. 25.03.1910), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1913). Женат. Дочь. Братья: Алексей (08.02.1871–08.05.1935) — Генштаба генерал-лейтенант, Владимир (15.11.1880–?) — Генштаба полковник.

¹⁸⁴⁶ Гофман (Hoffmann) Макс (25.01.1869–08.07.1927) — германский генерал-майор (10.1917). Начальник штаба Восточного фронта (с 30.08.1916). Участник мирных переговоров в Брест-Литовске. Подробнее см.: *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 170–171.

¹⁸⁴⁷ Подробнее о С.В. Чикколини см. примеч. 1426.

¹⁸⁴⁸ В документе несогласованно — действующими.

¹⁸⁴⁹ Тихомиров — подполковник. Член фронтовой коллегии Московского областного комиссариата по военным делам (1918).

¹⁸⁵⁰ Муравьев Михаил Артемьевич (13.09.1880–11.07.1918) — из крестьян. Окончил учительскую семинарию и Казанское пехотное училище. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Подполковник. Член партии эсеров. Участник Гражданской войны. Руководил обороной Петрограда от А.Ф. Керенского и П.Н. Краснова (11.1917). На службе в Красной армии. Командовал войсками, действовавшими против украинской Центральной Рады и донского атамана А.М. Каледина. Командующий Восточным фронтом против чехословаков и белогвардейцев (с 13.06.1918). В связи с выступлениями левых эсеров поднял антисоветский мятеж (10.07.1918) и захватил Симбирск. Выступил против Брестского мира и за продолжение войны с Германией. Убит при сопротивлении аресту.

¹⁸⁵¹ Петлюра Симон Васильевич (10.05.1879–25.05.1926) — лидер украинских националистов в период Гражданской войны. Глава украинской Директории (02.1919–11.1920).

воров о принятии командования над одной из гайдамацких армий. Боев не столкнулся с Петлюрой, по его словам, потому, что Петлюра придерживался «австрийской ориентации». Думается, что такому перебежчику место где угодно, но только не в военном штабе советских войск.

В разговорах по прямому проводу со Смоленском и Брянском начальник штаба Боева, бывш[ий] полковник Семенов¹⁸⁵², первым делом запрашивал о количестве офицеров Генерального штаба и кадровых в штабах у Берзина¹⁸⁵³ и Егорьева¹⁸⁵⁴. Ясно, что ставленники Бонч-Бруевича стремятся окружить себя офицерством всяких рангов.

---

¹⁸⁵² Авторы неточны. Речь идет о Н.Г. Семенове, последним чином которого в старой армии был чин генерал-майора. Семенов Николай Григорьевич (12.04.1874–26.08.1938) — военный специалист РККА. Окончил Московское Александровское коммерческое училище (1894), Московское военное училище (1897), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1904). Подпоручик (с 13.08.1897 со ст. с 12.08.1896). Поручик (с 12.08.1900). Штабс-капитан (со ст. с 31.05.1904). Капитан (со ст. с 02.04.1906). Подполковник (со ст. с 29.03.1909). Полковник (за отличие, 1912 со ст. с 06.12.1912). Генерал-майор (с 05.05.1917). На службе с 22.09.1895. Во 2-м гренадерском Ростовском полку, командир роты (01.09.1904–08.10.1905, зачтено за двухгодичное командование ротой). Старший адъютант штаба 9-й кавалерийской дивизии (23.08.1905–13.02.1912). Штаб-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (13.02–26.11.1912). Старший адъютант штаба Виленского военного округа (с 26.11.1912). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. И.д. начальника штаба 43-й пехотной дивизии. Командир 102-го пехотного Вятского полка (с 20.11.1915). Начальник штаба 8-й Сибирской стрелковой дивизии (с 01.1917). Начальник штаба II армейского корпуса (17.04–27.08.1917). Командующий 84-й пехотной дивизией (с 27.08.1917 до демобилизации). Участник Гражданской войны. Добровольно вступил в РККА (с 05.03.1918). Начальник штаба Московского района обороны (с 05.03.1918). Начальник штаба 2-й армии Восточного фронта (19.09–02.11.1918). Эвакуирован в тыл по болезни и арестован (на 12.1918). Помощник командующего армиями Украинского фронта (1919). Командующий 12-й армией (16.06–08.09.1919). В распоряжении главкома. Помощник начальника административного управления Полевого штаба РВСР (1919–1920). Начальник административно-учетного управления Полевого штаба РВСР (1920). Помощник инспектора пехоты Штаба РККА. Инспектор пехоты Инспекции при РВС СССР (на 1923). Старший преподаватель Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, преподавал курс тактики. Комдив (1935). Проживал в Москве. Арестован (10.05.1938), приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 26.08.1938 к расстрелу по обвинению в участии в контрреволюционной офицерской монархической организации. Расстрелян. Место захоронения — пос. Коммунарка Московской области. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР (27.09.1962). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1908), Св. Анны 3-й ст. (1911, утв. 04.03.1912), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 21.08.1915).

¹⁸⁵³ Берзин (Берзиньш) Рейнгольд Иосифович (Язепович) (04.07.1888–19.03.1938) — латыш, из батраков, советский военно-политический деятель. Член РСДРП с 1905. Один из руководителей захвата Ставки в Могилеве (11.1917). Командующий 2-й революционной армией (с 01.1918). Главнокомандующий Западным революционным фронтом (02–03.1918). Расстрелян. Место захоронения — пос. Коммунарка Московской области.

¹⁸⁵⁴ Егорьев Владимир Николаевич (03.03.1869–20.09.1948) — из дворян Московской губернии, сын отставного коллежского советника. Окончил Московский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище по 1-му разряду (1889), два класса Николаевской академии Генерального штаба и дополнительный курс «успешно» (1901). Подпоручик (с 09.08.1889 со ст. с 09.08.1888). Поручик (с 13.12.1892 со ст. с 09.08.1892). Штабс-капитан (13.07.1897). Капитан (за отличные успехи в академии Генерального штаба, с 23.05.1901). Подполковник (с 06.12.1904). Полковник (Высочайший приказ 06.12.1908). Генерал-майор (со ст. с 29.08.1915). Генерал-лейтенант (с 12.10.1917). В службу вступил из кадет 1-го Московского кадетского корпуса в 3-е Александровское военное училище юнкером рядового звания (30.08.1887). Унтер-офицер (02.09.1888). Младший портупей-юнкер (21.12.1888). Старший портупей-юнкер (10.06.1889). Назначен в 4-ю резервную артиллерийскую бригаду. Отправился и прибыл (12.08.1889, 10.09.1889). Зачислен в 5-ю батарею. Переведен в Ивангородскую крепостную артиллерию (Высочайший приказ 16.02.1891). Отправился и прибыл (28.02.1891, 23.03.1891). Зачислен младшим офицером в 15-ю роту (15.03.1891). Зачислен

Представляется совершенно невозможным верить командование такого рода лицам, хотя бы по одному тому, что в таком случае все штабы и генералы будут абсолютно без одного солдата. Категорически необходимо в обороне Российской

в запас полевой пешей артиллерии по Курскому уезду (Высочайший приказ 02.03.1893). Из запаса определен вновь на службу в Коренной отдел Подвижных артиллерийских парков Киевского военного округа (11.11.1894 со ст. с 18.04.1894). Прибыл и зачислен (15.12.1894). Переведен в Курский окружной артиллерийский склад с назначением помощником начальника артиллерийской мастерской (02.08.1896). Отправился и прибыл (20.09.1896). Командирован в 4-ю резервную артиллерийскую бригаду для несения строевой службы на два месяца (06.11.1896). Прибыл из командировки (08.01.1897). Переведен в 4-ю резервную артиллерийскую бригаду (22.09.1897). Зачислен в 3-ю батарею (15.10.1897). Прибыл к бригаде (02.11.1897). Член бригадного суда (18.12.1897–28.05.1898). Командирован в штаб Киевского военного округа для предварительного испытания в Николаевскую академию Генерального штаба (27.06.1898). Командирован в Санкт-Петербург для держания приемного экзамена в академию (20.08.1898). Зачислен в академию (07.10.1898). Переведен по окончании двух классов на дополнительный курс (02.09.1900). Дополнительный курс окончил успешно. Награжден премией им. Н.Н. Обручева за успешное окончание академии. Причислен к Генеральному штабу и назначен на службу в Московский военный округ (24.05.1901). Командирован в управление 56-й пехотной резервной бригады для отбытия лагерного сбора (03.07.1901). Прибыл в прикомандирование (11.07.1901). По отбытии лагерного сбора откомандирован в штаб XVII армейского корпуса (11.09.1901). Прибыл (14.09.1901). Старший адъютант штаба XVII армейского корпуса (26.02.1902). Прикомандирован к Лейб-гвардии Финляндскому полку для командования ротой на один год, куда и отправился (01.11.1902). Не прибывая из командировки, переведен на службу в Главный штаб (30.11.1903). Помощник столоначальника Главного штаба (04.12.1903). И.д. столоначальника штаба (28.04.1904, утв. 06.12.1904). Помощник начальника 9-го отделения Главного штаба (31.12.1904). Помощник делопроизводителя управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба (01.05.1906). Назначен в часть 1-го обер-квартирмейстера (04.05.1906). Командирован в Киев (18.04–02.05.1906), в Вильно и Варшаву (27–31.01.1907). Командирован в 123-й пехотный Козловский полк для ценового командования батальоном на 4 месяца (29.04.1908). Прибыл и назначен командующим 4-м батальоном (01.05.1908). Наблюдающий за учебной и пулеметной командами (09.06.1908). Временно командовал полком (25–26.07.1908). Возвратился из командировки по окончании срока ценового командования (10.09.1908). Делопроизводитель ГУГШ (Высочайший приказ 14.11.1908). В распоряжении начальника Генерального штаба (Высочайший приказ 13.12.1910). Вследствие упразднения штатной должности (Приказ по военному ведомству № 496 от 1910) прикомандирован к ГУГШ для сдачи дел по прежней должности с 01.09.1910 (30.12.1910). В служебной командировке в Черногорию (22.12.1910–01.03.1914). Главный начальник военно-учебных заведений Черногории, генерал-инспектор народного образования, директор кадетского корпуса. Начальник штаба 3-й гренадерской дивизии (Высочайший приказ 03.03.1914). Прикомандирован к ГУГШ впредь до отправления к новому месту служения (03.03.1914). Отправился (06.03.1914). Участник Первой мировой войны. Командир 12-го гренадерского Астраханского императора Александра III полка (с 10.11.1914). Командир 5-го гренадерского Киевского полка. Начальник штаба 1-й гренадерской дивизии (с 19.11.1915). Начальник штаба III армейского корпуса (с 08.02.1917). Командующий 171-й пехотной дивизией (с 04.05.1917). Командир XXXIX армейского корпуса (с 09.09.1917). Избран командующим Особой армией (12.1917). Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (с 01.1918). Участник Гражданской войны. На службе в РККА. Начальник Западного участка отрядов завесы (29.03–09.1918). В составе мирной делегации в Киеве (09.1918). Арестован в Киеве по обвинению во взятии Киева (01.1918), вывезен германским командованием в Гомель и обменян на шурина гетмана П.П. Скоропадского. Главноуполномоченный РВС Минской комиссии по пленным и беженцам. Вр.и.д. инспектора пехоты Полевого штаба РВСР (04–07.1919). Командующий армиями Южного фронта (07.07–10.1919). Помощник инспектора пехоты Полевого штаба РВСР (1919–1920). В распоряжении главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики (с 11.10.1919, на 1921). Военный представитель на мирных переговорах с Польшей и Финляндией (1920–1921). Состоял для особо важных поручений при РВСР (с 01.12.1921). На преподавательской работе. Преподаватель и старший преподаватель курсов усовершенствования высшего командного и политического состава РККА и Военной академии РККА (1922–1927). Редактор журнала «Военная мысль и революция». Редактор отдела тактики Военно-энциклопедического словаря РККА. Член конкурсной комиссии при Военной академии РККА. В отставке (с 1934). Персональный пенсионер РККА. Старший

Республики участие военных специалистов всех категорий, но лишь как советчиков, инструкторов и консультантов. Тот же ген[ерал] Боев сообщал, что Советом народных комиссаров поручено генералу имярек сформировать четыре кавалерийские дивизии, причем этот генерал якобы уже разослал своих эмиссаров — кадровых офицеров для формирования эскадронов. Можно себе представить, как хорошо будут агитировать за советскую власть упомянутые эмиссары.

Схема организации боевых штабов и боевого центрального штаба рисуется в виде уже имеющихся организаций такого типа, с привлечением, если понадобится, в большом количестве военных специалистов всяких наименований в качестве консультантов и инструкторов без каких бы то ни было полномочий под самым бдительным и строгим контролем ответственных советских работников.

Достаточно упомянуть, что в течение последних двух недель создано не менее двенадцати штабов, четырех разграничений линий фронта Московской и других областей и, по меньшей мере, добрый десяток разного рода начальников, из которых никто друг друга не признает. При точном проведении в жизнь вышеназванной схемы безначалие и многоначалие будут, безусловно, невозможны. Дислокация наших войск получит точное определение. Информация, безусловно, будет значительно полнее, теперь же об взаимной осведомленности и речи быть не может.

Наконец, встает еще один важный вопрос: извилины офицерско-генеральского мозга устроены так, что они (Генеральный штаб, напр[имер]) никак не могут понять, что имеющая быть с германскими разбойниками война — есть не старого типа война, а нового вида сильнейшее революционное восстание, с окопами, броневиками, эшелонами, быть может, душливыми газами, аэропланами, проволочными заграждениями, тяжелой артиллерией, траншейными пушками, минными полями и проч. и проч. и проч. Партизанско-гражданская война, которая предстоит Советской России, после создания новой армии (определенно на социали-

---

инспектор военно-санитарной подготовки студентов медицинских институтов Наркомата здравоохранения РСФСР (с 08.1934). Преподавал в 1-м Московском государственном медицинском институте, Московском областном клиническом институте, Бауманском доме санитарной обороны, Российском обществе Красного Креста. Оставил воспоминания. Умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище (участок 4, ряд 52, могила 1). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1904), Св. Анны 3-й ст. (01.01.1905), Св. Владимира 4-й ст. (06.12.1912), серебряная медаль в память царствования императора Александра III на Александровской ленте, темно-бронзовая медаль за труды по первой всеобщей переписи населения империи 1897 г., болгарский Командорский крест «За военные заслуги» (Высочайше разрешено принять и носить 30.05.1908), черногорский орден князя Даниила I 3-й ст. (Высочайше разрешено принять и носить 12.09.1908), Высочайшее благоволение за труды при разработке вопросов по организации обозных войск и учреждений (01.06.1909), светло-бронзовая медаль на Андреевской ленте в память 200-летия Полтавской победы (31.10.1909), в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. (11.03.1913), в память 300-летия Царствования Дома Романовых (12.04.1913), черногорская медаль в память 50-летия правления короля Николая, орден Красной Звезды, золотые часы от ЦИК РСФСР с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции», золотые часы от РВС СССР с надписью «Честному воину РККА», знак «Отличник здравоохранения СССР». Женат первым браком на дочери курского купца Ольге Михайловне Наумовой. Дети: Ольга Сваричовская-Мамет (27.03.1892–1986), Владимир (04.03.1896–1943) — сотрудник НКВД, репрессирован. Братья: Константин (30.05.1870–?) — Генштаба генерал-лейтенант, Борис — подполковник. Соч.: Записки прикладной тактики: Лекции, читанные подполковником Егорьевым, в Офицерской стрелковой школе в 1905–1907 гг. Ораниенбаум, 1907; 1908 (РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. П/с 358-038. Послужной список к 09.01.1904 с дополнениями по 1914 г.).

стических началах) не вмещается в умах г.г. генералов, привыкших к шаблону национальных, а не классовых войн.

Кажется очевидным, что в новой армии тыловые и полевые штабы должны быть организованы из советских работников (главным образом, боевых офицеров) с участием как специалистов офицеров и генералов Генерального штаба, инженерных, артиллерийских, морских и других специальных военных учреждений старого типа. Никакой абсолютно власти эти лица иметь не могут.

Факты показали, что красногвардейская и красноармейская и даже солдатская массы крайне подозрительно относятся и к генералам и к офицерам старого вида. Дабы не остаться штабам без армии, необходимо участие специалистов-офицеров определенно ограничить вышеуказанными рамками.

Члены фронтовой коллегии

Моск[овского] обл[астного] ком[иссариата] по воен[ным] делам

РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 97–98об. Машинопись.

«Все абхазцы крайне враждебно настроены против грузин»*

Рапорт

Генерального штаба полковника
С.Н. Ряснянского. 22 октября 1918 г.

Вниманию читателей предлагается любопытный исторический документ — рапорт начальника разведывательного отделения штаба главнокомандующего Добровольческой армией Генштаба полковника С.Н. Ряснянского генерал-квартирмейстеру штаба главнокомандующего (эту должность тогда занимал Генштаба полковник Д.Н. Сальников) от 22 октября (4 ноября) 1918 г., с приложением сводки показаний абхазских офицеров.

Составитель рапорта, Сергей Николаевич Ряснянский, принадлежал к младшему поколению офицеров Генерального штаба, принявших участие в Гражданской войне. Он родился 1 октября 1886 г. в дворянской семье, окончил Петровско-Полтавский кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское училище. Служил в гусарских частях. В 1912–1914 гг. он обучался в Императорской Николаевской военной академии, но в связи с началом Первой мировой войны окончить обучение и прослушать дополнительный курс академии Ряснянскому и его сверстникам не удалось. Уже в годы войны в связи с острой нехваткой в армии офицеров-генштабистов они были приравнены в правах к выпуску из академии 1915 г. Ряснянский блестяще проявил себя на войне, заслужив орден Св. Георгия 4-й степени за захват австрийской батареи в бою у деревни Ярославце. После перевода в Генштаб Ряснянский с 4 сентября 1916 г. служил старшим адъютантом штаба 10-й кавалерийской дивизии, помощником старшего адъютанта штаба 9-й армии и находился в командировании к разведывательному отделу Ставки, где познакомился с будущими руководителями антибольшевистского движения на Юге России.

С 15 августа 1917 г. Ряснянский занимал должность секретаря Главного комитета Союза офицеров армии и флота. Разумеется, поддержал выступление генерала Л.Г. Корнилова и разделил вместе с его руководителями арест в Быхове. Думается, близость к вождям Добровольческой армии сыграла свою роль в последующей судьбе Ряснянского. В Быхове Ряснянский взялся за составление подробной «Хроники событий» из жизни арестованных и «Быховского альбома», впоследствии изданного в эмиграции в 1920-х гг. В начале ноября он был освобожден из-под стражи по состоянию здоровья и, как и другие узники, уехал на Дон. Ряснянский ехал в штатском, с паспортом гражданина г. Сумы и с маленьким браунингом в

* Впервые опубликовано: Родина. 2008. № 11. С. 14–15. В настоящем издании публикуется с дополнениями и уточнениями.

¹⁸⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 16.

кармане¹⁸⁵⁵. Между прочим, с 25 ноября 1917 г. он был назначен старшим адъютантом штаба 1-й Польской стрелковой дивизии, однако не пробыл в этой должности ни дня, поскольку уже с 26 ноября принял участие в создании Добровольческой армии, а затем и в ее первых походах. В феврале 1918 г. Ряснянский с офицерским разъездом побывал по поручению Корнилова в расположении донского походного атамана генерала П.Х. Попова, с которым должен был договориться о совместных действиях с Добровольческой армией, однако атаман отказался соединиться с добровольцами. В годы Гражданской войны Ряснянский продолжал заниматься вопросами разведки, правда, показал свою неподготовленность к этой работе. Будучи назначен представителем Добровольческой армии в Киеве, он был пойман с поличным немецкой контрразведкой (оставил на рабочем столе разведывательные сводки) и 9 (22) июня арестован. Вспоминая об этом эпизоде, Ряснянский признавал собственную никчемность в вопросах конспирации¹⁸⁵⁶. В результате около двух месяцев ему пришлось провести в Лукьяновской тюрьме Киева.

Об освобождении Ряснянского генерал А.И. Деникин лично ходатайствовал перед гетманом П.П. Скоропадским¹⁸⁵⁷. После освобождения Ряснянский возглавлял разведывательное отделение штаба главкома Добровольческой армии и некоторое время командовал частями на фронте. Завершил службу в чине полковника. Эвакуировался вместе с Русской армией генерала П.Н. Врангеля из Крыма, прошел через лагерь Галлиполи, служил в пограничной страже Сербии, преподавал военные науки в Николаевском кавалерийском училище (Белая Церковь), а затем перебрался в Чехословакию и жил в Мукачево. В конце Второй мировой войны Ряснянский занял пост начальника штаба союзной немцам 1-й Русской национальной армии¹⁸⁵⁸. После Второй мировой уехал в Бельгию, позднее в США, где в 1954 г. возглавил Северо-Американский отдел РОВС и стал заместителем начальника РОВС, состоял в Союзе георгиевских кавалеров, до 1958 г. издавал «Вестник Совета российского зарубежного воинства». Умер 26 октября 1976 г. в Нью-Йорке¹⁸⁵⁹.

Публикуемые документы дают сторонний и достаточно взвешенный взгляд на проблему грузино-абхазских отношений во время Гражданской войны и свидетельствуют о весьма глубоких корнях конфликта. Не случайно грузинские власти (меньшевистское правительство Грузинской демократической республики) уже в 1918 г. воспринимались абхазским народом, поднявшимся на борьбу за собственные права и свободу, как угнетатели, стремившиеся присоединить Абхазию насильственным путем, посредством жестоких карательных акций¹⁸⁶⁰.

¹⁸⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 4, 7.

¹⁸⁵⁷ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2003. С. 391.

¹⁸⁵⁸ О कोरोков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003. С. 155.

¹⁸⁵⁹ Подробнее см.: Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия гражданской войны. М.; СПб., 2003. С. 482–483; Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 211; Цветков В.Ж. С.Н. Ряснянский — основоположник спецслужб Белого движения на Юге России // Исторические чтения на Лубянке. 2004 год. Руководители и сотрудники спецслужб России. М., 2005. С. 56–66.

¹⁸⁶⁰ Подробнее см.: Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992: Сб. М., 2007. С. 11–13, 66, 70, 93.

В документах упоминается о нескольких тысячах абхазских повстанцев, боровшихся с грузинской агрессией, главным образом, в горных районах. Их союзниками являлись абхазские армяне. Повстанцы нуждались в координации своих действий, испытывали острую нехватку оружия и боеприпасов и обращались к белым за содействием в этом вопросе. Кроме того, документы свидетельствуют о контактах, взаимных симпатиях и дружеских отношениях, сложившихся между командованием Добровольческой армии и абхазскими вождями. В частности, из публикуемой сводки известно, что некоторые абхазы и абхазские армяне стремились служить у белых. К тому же по отношению к белому Югу Грузия в основном занимала позицию враждебного нейтралитета.

Позиция Деникина по этому вопросу известна. В «Очерках Русской Смуты» он писал: «В Сочинском и Сухумском округах, насильственно захваченных грузинами, — бесправное положение аборигенов и русского элемента, гнет грузинской власти, неумеренная грузинизация и разорительная экономическая политика... Помимо принципиального непризнания захвата, Добровольческая власть не могла оставаться равнодушной к тем расправам, которые чинились над русским, армянским, абхазским населением, не желавшим мириться с фактом захвата, к тем постоянным жалобам и призывам, которые раздавались оттуда. Не могла, не входя в слишком очевидную коллизию с провозглашенной идеей *единства* России, с традицией заступничества за элементы, тяготеющие к русской государственности. В эту распрю мы вовлекались невольно и неизбежно...»¹⁸⁶¹ Не удивительно, что на рапорте Ряснянского имеется резолюция Деникина о необходимости сотрудничества с абхазами.

В дальнейшем белые выступали за нейтрализацию Сухумского округа и установление там абхазского самоуправления, однако не выдвигали ультимативных требований. Борьба с большевиками не позволила Деникину уделить большое внимание этому вопросу, к тому же белое командование в связи с крайне тяжелой обстановкой на основном антибольшевистском фронте и нехваткой сил стремилось избежать войны с Грузией.

Документ публикуется по машинописной копии, сохранившейся в фонде военного управления Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР Российского государственного военного архива.

Копия

Начальник
Разведывательного отделения
Штаба главнокомандующего
Добровольческой армии
Октября 22 дня 1918 г.
№. ....
г. Екатеринодар

Генерал-квартирмейстеру Штаба
главнокомандующего Добровольческой армии

¹⁸⁶¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4: Вооруженные силы Юга России. М., 2003. С. 199.

Рапорт

Резолюция главнокомандующего
Добровольческой армии:
Необходимо использовать
полковника Нахарбе-Маршане

Представляя при сем сводку показаний офицеров, прибывших из Абхазии, доношу, что благодаря присутствию в армии этих офицеров, хорошо знакомых с Абхазией, можно было бы посредством их установить сношения с лицами, пользующимися авторитетом и популярностью среди абхазцев, которые с большими симпатиями относятся к Добровольческой армии. Полагал бы желательным сейчас же дать полковнику Нахарбе-Маршане директивы и наставления по организации, объединению всех отрядов и действию их против грузин в Абхазии, так как, по словам этих офицеров, если в ближайшее время со стороны армии не будут предприняты меры и даны указания вождям абхазцев, для поднятия восстания среди последних, то со стороны их возможны самостоятельные частичные выступления, которые, не будучи объединены и не имея правильной организации, будут легко подавлены грузинскими войсками, что подорвет среди абхазцев веру в успех борьбы их с угнетателями, а также может расхолодить их отношения к Добровольческой армии.

Генерального штаба,
полковник Ряснянский.

Верно:
разведывательного отделения,
капитан Пуницкий¹⁸⁶²

Копия.
В[есьма] секретно.

Сведения об Абхазии (Сухумском округе), по показаниям офицеров-абхазцев, прибывших из этого района.

Все абхазцы крайне враждебно настроены против грузин и грузинского правительства. Причиной недовольства послужили следующие обстоятельства: — Некоторая часть населения Абхазии, еще в давние времена, переселилась в Турцию, в настоящее время они решили вернуться к своим соотечественникам в Абхазию, тем более что население последней согласилось их принять. С этой целью была послана делегация в составе 200 человек к грузинскому правительству, дабы получить от него разрешение на переселение в Абхазию. Грузинское правительство

---

¹⁸⁶² По всей видимости, документ заверил Пуницкий Николай Корнильевич — выпускник младшего класса 1-й очереди ускоренных курсов Николаевской военной академии. Подпоручик. Поручик. Штабс-капитан (на 03.1918). Капитан. Участник Первой мировой войны. В 8-м Кавказском стрелковом полку. Обер-офицер для поручений при штабе Грузинского корпуса (на 30.03.1918). Командирован в Екатеринбург для продолжения обучения в военной академии. Участник Гражданской войны. На службе во ВСЮР (на 15(28).06.1919). Причислен к Генеральному штабу. Обер-офицер для поручений при разведывательном отделении управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР. В эмиграции — в Варшавине (на 1922, Сербия) и в Париже (на 1924 г., Франция). Награды: Георгиевское оружие (Высочайший приказ 02.11.1916).

отказало в просьбе абхазским депутатам, что и явилось первой причиной недовольства абхазского населения к правительству грузин. Вторая причина, — которая окончательно посеяла непримиримую вражду между абхазами и грузинами, была та, что последние ввиду большого урожая хлеба в Абхазии, реквизировали для населения для Грузии¹⁸⁶³ все почти запасы продовольствия. Кроме хлеба, грузинское правительство реквизирировало также у абхазцев скот, лошади, седла и вообще все то, в чем нуждается Грузия. Последнее обстоятельство окончательно вывело из терпения абхазцев, и они в некоторых местах Абхазии подняли вооруженное восстание против своих угнетателей. Восстания эти, имея неорганизованный характер, быстро подавлялись грузинскими войсками, причем Правительство Грузии официально их называло большеви[с]тским движением среди абхазцев. Оружие, в количестве 4000 винтовок и 40 000 патронов к ним, абхазцам было привезено из Турции делегатами. В настоящее время некоторые отряды восставших абхазцев скрываются в горах и грузинское правительство не в состоянии что-либо с ними сделать. Отряды эти действуют в следующих районах:

В Цебельде (верхнее течение реки Кодор) — 800 вооруженных армян, готовых к восстанию против грузинского правительства и желают присоединиться к Добровольческой армии.

В Гадаутском районе — отряд в 400 человек абхазцев, хорошо вооруженных, причем все на лошадях (из них 100 человек из дикой дивизии).

Отряд этот хочет уйти в Туапсе, но за ним следят грузины.

В случае организации восстания во главе его может стать пользующийся среди абхазцев авторитетом и популярностью полковник Нахарбе-Маршане и его помощник Таташ-Маршане, у последнего есть свой отряд, с которым он скрывается в горах. Полковник Нахарбе-Маршане живет в сел[е] Джерды, Кодорского участка. Вдохновителем восстания среди крестьян является Хабидж Абуше.

Численность восставших приблизительно следующая:

В Кодорском участке — 1000 человек с винтовками и патронами.

В Гадаутском — 1500 невооруженных и 400 чел. вооруж[енных] с 6-ю пулеметами.

В Гумистанском — 800 человек вооруженных армян.

В Самурзаканском — 200–300 вооруженных князей и дворян.

Все восставшие нуждаются в оружии, пулеметах и патронах.

По заявлению прибывших офицеров, если бы им был предоставлен армией пароход, то они, проехав на нем в Абхазию, могли бы привезти оттуда абхазцев, которые желают служить в Добровольческой армии.

Начальник разведывательного отделения штаба главнокомандующего Добровольческой армии, Генерального штаба полковник Ряснянский.

Верно: разведывательного отделения капитан Пуницкий

РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 2. Л. 25–26. Копия. Машинопись.

---

¹⁸⁶³ Так в документе.

Катастрофическое состояние нашего Генерального штаба

Памятная записка
бывшего генерала В.Е. Борисова. 5 января 1919 г.*

Проблема эффективного использования специалистов Генерального штаба остро стояла перед руководством Красной армии на протяжении всей Гражданской войны. Вопреки сложившейся историографической традиции новые архивные документы свидетельствуют о недостаточной эффективности использования военных кадров большевиками. Попытки исправить эту ситуацию или повлиять на нее предпринимались как со стороны большевистского руководства, так и со стороны самих военспецов. Одной из таких попыток была публикуемая ниже записка бывшего Генерального штаба генерал-лейтенанта В.Е. Борисова о катастрофическом состоянии Генерального штаба.

Записка датирована 5 января 1919 г. и вызвана поступлением в редакцию журнала «Военное дело», где работал Борисов, известной программной статьи председателя РВСР Л.Д. Троцкого «Военные специалисты и Красная армия».

Статья Троцкого была написана на станции Лиски 31 декабря 1918 г. и опубликована 21 января 1919 г. в № 2 (31) журнала. Она стала публичным ответом противникам проводившейся Троцким политики привлечения военных специалистов на службу РККА и, в свою очередь, была вызвана статьями бывшего левого коммуниста В.Г. Сорина и А.З. Каменского (в 1918 г. — управделами РВС Северо-Кавказского военного округа, Южного фронта и 10-й армии, в 1918–1921 гг. заместитель наркома по делам национальностей И.В. Сталина, что не позволяет сомневаться в том, кто стоял за этой публикацией) в газете «Правда».

В этих публикациях осуждалось руководство РККА, резко критиковались проект наделения командующих армиями чрезвычайными полномочиями, ограниченность полномочий комиссаров, необоснованный расстрел прибывшего на фронт комиссара М. Пантелеева за бегство вверенной ему части, а также излишнее доверие военспецам¹⁸⁶⁴. Статьи были проникнуты, как тогда говорили, «спецееством» и отстаивали принцип коллегиального управления войсками. Ка-

---

* Впервые опубликовано в сокращении: Вопросы истории. 2009. № 4. С. 70–81. В настоящем издании публикуется полный вариант. Также см. выше статью о жизненном пути генерала Борисова.

¹⁸⁶⁴ Сорин Вл. Командиры и комиссары в действующей армии // Правда. 1918. 29 нояб. № 259. С. 2; Каменский А. Давно пора // Правда. 1918. 25 дек. № 281. С. 2.

менский утверждал, что в 10-й армии якобы сумели обойтись без генштабистов, и даже требовал не допускать военспецов на фронт¹⁸⁶⁵.

Эти статьи не остались без последствий. Одним из них стало принятие ЦК РКП(б) уже 25 декабря 1918 г., т.е. в день выхода статьи Каменского, постановления «О политике военного ведомства» и объявление Каменскому выговора за «клеветнические измышления» и изображение курса военного ведомства как случайной политики отдельных лиц и групп¹⁸⁶⁶. Троцкий обратил внимание на начатую против него лично и проводимого им курса кампанию и, как уже отмечалось, выступил с публичным ответом. Очевидно, намекая на Сталина, вождем Красной армии в ответной статье писал, что недовольство политикой наблюдалось «в части низов, недовольство в средних, так сказать, кругах партии и даже кой у кого и на “верхах”»¹⁸⁶⁷. Вполне искренне Троцкий писал об отсутствии в Советской России достаточного количества квалифицированных командиров-коммунистов и вынужденной необходимости использования военспецов. В своей статье Троцкий выступил против не вызванного тяжестью стратегического положения террора в отношении специалистов. Председатель РВСР подчеркнул их огромный вклад в дело строительства Красной армии и даже указал на пережитую ими за короткий срок идейную катастрофу, проявив себя в обстановке Гражданской войны достаточно внимательным и чутким руководителем. Все это не могло не импонировать военспецам и, возможно, вызвало отклик Борисова. В соответствии с просьбой Борисова документ был передан Троцкому и сохранился в делах его секретариата. К сожалению, данных о реакции Троцкого на эту записку обнаружить не удалось.

Документ дает общее представление о состоянии Генерального штаба красных в конце 1918 – начале 1919 г. и содержит ценные статистические данные о распределении специалистов Генштаба внутри РККА. Записка демонстрирует равнодушное отношение Борисова, позднее перешедшего к белым, к военному строительству в РККА. В своей записке бывший генерал предложил более приемлемый вариант несения службы лицами Генштаба, но явно недооценил организаторские способности большевиков, намекая на низкий уровень созданного ими Генштаба. Однако именно из-за масштабного привлечения к службе Генштаба старых специалистов катастрофической ситуации, вынесенной Борисовым в название записки, не было, почему проводимые им параллели с событиями франко-прусской войны кажутся не вполне уместными. Другое дело, что этот ресурс мог быть использован более эффективно. В частности, несмотря на острейшую нехватку генштабистов, когда на счету был буквально каждый специалист, продолжались их необоснованные аресты.

Среди других предложений Борисова стоит упомянуть выделение в особый орган Генерального штаба. На основе собственного огромного опыта Борисов выработал цельное представление о необходимой для страны структуре органов

¹⁸⁶⁵ Весной 1919 г. в своем выступлении на VIII съезде РКП(б) В.И. Ленин как раз на примере 10-й «царицынской» армии и ее огромных потерь убедительно показал несостоятельность подобного подхода (Известия ЦК КПСС. 1989. № 11 (298). С. 169).

¹⁸⁶⁶ Подробнее см.: КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., 1969. С. 35–36; *Литвицкий С.В.* Военная деятельность ЦК РКП(б) 1917–1920. М., 1973. С. 140–141.

¹⁸⁶⁷ *Троцкий Л.* Военные специалисты и Красная армия // Военное дело. 1919. 21 янв. № 2 (31). С. 66.

военного управления. Уже в эмиграции он отмечал, что долго думал над вопросом о том, чем может помешать независимость начальника Генерального штаба военному министру, и пришел к выводу, что ничем, если только между ними нет личной антипатии¹⁸⁶⁸. Идея независимого Генерального штаба, вдохновленная примерами Германии и Австро-Венгрии, была мечтой многих русских генштабистов, поскольку позволяла сделать военное управление более эффективным и давала возможность излагать свои взгляды непосредственно высшему руководству страны. Однако эта проблема всегда носила политический характер, сводясь к вопросу о доверии генштабистам со стороны власти. В годы Гражданской войны такого доверия военспецам-генштабистам со стороны большевиков, конечно же, быть не могло.

В подчинении начальника Генерального штаба, по мнению Борисова, должны были находиться четыре обер-квартирмейстера, в том числе (в угоду веяниям времени) один политический. Таким способом Борисов пытался совместить в рамках Генерального штаба политику и стратегию. На начало 1919 г. в РККА уже существовали Полевой штаб РВСР и Всероссийский главный штаб, ведавшие оперативно-стратегическими вопросами и устройством РККА соответственно. Функции же и особенности предложенного Борисовым Генерального штаба в записке детально разработаны не были. Координировать действия трех штабов по проекту Борисова должна была особая коллегия начальников штабов и ее постоянный орган — оперативный кабинет при председателе РВСР.

Серьезные предложения были выработаны Борисовым и в области пополнения кадров Генштаба. Идеи Борисова оказали влияние на реформирование службы Генерального штаба в Советской России. Под их влиянием был осуществлен дополнительный набор в академию Генерального штаба, а уже 16 апреля 1919 г. по приказу РВСР от 11 февраля 1919 г. создана Высшая советская школа штабной службы, готовившая специалистов для низших должностей Генерального штаба¹⁸⁶⁹.

Сходные идеи были высказаны Борисовым и бывшим Генштаба генерал-майором Д.К. Лебедевым в докладе председателю Высшей военной инспекции от 10 декабря 1918 г. об инспектировании Всероссийского главного штаба. Нельзя не обратить внимание на то, что вскоре оба автора бежали из Советской России. В этом документе составители отмечали, что деятельность управлений штаба не была никем объединена, а начальник Всероглавштаба был из-за разнообразия и разнородности подчиненных управлений лишь «механическим» управляющим, а не «начальником», объединяющим порученное ему дело по идее¹⁸⁷⁰. В целом же в документе была дана оценка Борисовым и Лебедевым организации центрального военного аппарата Советской России.

Авторы отметили немало недостатков. В частности, то, что «совершенно разнородные и крайне сложные деятельности Главного и Генерального штабов, одна чисто административная, другая — чисто идейная, слиты вместе и перемешаны между собою вопреки всем опытам военных управлений иностранных армий, вопреки опыту военной истории. Опыт указывает, что при слиянии в одном лице,

¹⁸⁶⁸ Борисов В. В защиту памяти о ген. Палицыне // Русский инвалид (Париж). 1939. 4 марта. № 127. С. 5.

¹⁸⁶⁹ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 112.

¹⁸⁷⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 217.

в одном управлении, в одной канцелярии деятельно[сте]й, административной, хозяйственной и идейной, первые две тотчас же подавляют третью, которая попадает в подчиненное им положение и понемногу атрофируется. Но зато и административная и хозяйственная, разрастаясь, разбухая, мало-помалу, не руководимые идеей, утрачивают понимание своей работы и превращаются в то, что принято характеризовать “канцелярщиною”, где переписка ведется не ради дела, а ради исполнения номеров и аккуратного пребывания в канцелярии. Это не “саботаж”, а бездушная работа, именно из-за утраты идеи, а с ней и руководящих начал»¹⁸⁷¹.

Военспецы считали, что Генштаб был «скрыт в подразделении “Главного штаба” и стоит в одной линии с Центральным управлением снабжений, с органом, никак не могущим обойтись в своей работе без руководящих указаний “Генерального” штаба... Генеральный штаб никак не связан с артиллерийским, инженерным, военно-хозяйственным управлениями, тоже не могущими продуктивно работать без идеи “Генерального штаба”, мы не говорим уже о воздушном флоте, который, раз не будет питаться идеями Генерального штаба, обратится только в учреждение интересного спорта, более или менее усовершенствованного.

Это внешнее положение той деятельности армии, какую именуют деятельностью “Генерального” штаба. Посмотрим на “внутреннее” положение этой деятельности, скрытой в скорлупе “Главного” штаба. Здесь она перемешана в составе оперативного и организационного управлений: в состав первого входят оперативный отдел и военно-статистический отдел, в составе второго показаны отдел по устройству и боевой подготовке войск и военно-исторический отдел (хотя в оперативном отделе тоже числится военно-историческая часть). Ясно, что трудно ждать единой по идее деятельности от так расчлененных частей однородной работы.

Следовательно, если неудовлетворительно “внешнее” положение такого органа, важного для боевого организма — армии, как Генеральный штаб, то и “внутреннее” положение его не лучше. Отсюда и та дезорганизация службы, какая видна в восьми отчетах управлений: каждый начальник управления работает как бы сам по себе, но и не обладает самостоятельностью, его требования другими не исполняются, ибо это есть ему только нужные требования. Многочисленные жалобы начальников управлений на окружные управления еще не доказывают справедливости этих жалоб, ибо не доказана целесообразность многих требований. Не может же окружное управление выполнять всех фантазий всех подотделов разных управлений.

Чем копаться в деталях, происходящих от видимой дезорганизации, чем пытаться класть заплатки, которые завтра снова разлезутся, выгодно подумать об устранении основной болезни военного организма. Это вернуть “мозгу” армии, боевого организма то положение, в котором и единственно в котором он может продуктивно работать. Это положение обуславливается двумя основными требованиями:

- 1) иметь своего единого начальника, и
- 2) этот единый начальник должен обладать органами, вырабатывающими ему материал по всем отраслям военного управления.

¹⁸⁷¹ Там же. Л. 217об.–218.

Эти должности выразятся в образовании должности начальника Генерального штаба с известным числом обер-квартирмейстеров.

Сохраняя существенную организацию высшего военного управления, <...> мы ставим начальника Генерального штаба рядом с Главным штабом и <...> намечаем организацию его выделения из состава Главного штаба и функции его частей.

Вот только, уяснив себе идеал военной системы, можно продуктивно приступить к рассмотрению частных этой системы, какими являются все восемь управлений»¹⁸⁷².

Интересно, как реагировало большевистское военно-политическое руководство на эти предложения.

В речи на совещании редакторов и сотрудников военных изданий в феврале 1919 г. вождь Красной армии Троцкий откровенно посмеялся над доктринерством бывшего генерала: «Тут один из сотрудников журнала¹⁸⁷³, В. Борисов, категорически заявил нам, что сколько бы мы ни мудрили, но без начальника Генерального штаба все равно ничего не выйдет... Но что есть начальник Генерального штаба? Это, видите ли, некий индивидуум, который должен все учесть, проверить, распределить, всему указать место и значение... Простите, пожалуйста, но от такой философии истории можно прийти в полное уныние. Откуда же взяться этому провиденциальному начальнику Генерального штаба, ежели у вас нет идей Генерального штаба или, вернее, основных руководящих идей формирования армии и ее применения к действию? Вы ко всем вопросам фактической жизни нашей армии — той, которая ныне существует и растет, — стоите спиной. Воздыхания во славу грядущего спасительного начальника Генерального штаба только выражают идейную беспомощность: это пассивный бонапартизм крайне растерявшихся людей. Повторяю: можно, кому это нравится, сидеть в кельи под елью, выжидая появления начальника Генерального штаба. Но человек, сидящий под елью, не может руководить военным журналом»¹⁸⁷⁴. Не случайно о военспецах типа Борисова Троцкий сказал: «Безжизненные педанты, которые показывают истории спину и выжидают пришествия мессии от Генерального штаба»¹⁸⁷⁵. И действительно, между Борисовым и Троцким существовала огромная мировоззренческая пропасть.

И у Л.Д. Троцкого и у В.И. Ленина к концу 1918 г. уже, конечно, было свое видение структуры высших органов военного управления, вполне сформировавшихся к этому времени в их окончательном виде на период Гражданской войны. Любое радикальное преобразование, тем более исходившее от военспецов, нарушало только что выстроенную с немалым трудом систему. И в виде наиболее негативных последствий было чревато неудачами на фронте и выходом армии из-под партийного контроля. К тому же при реализации предложения Борисова в Советской России возникал мощный Генеральный штаб, во главе которого подразумевалось наличие военного специалиста, что могло привести к развитию

¹⁸⁷² РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 218–218об..

¹⁸⁷³ «Военное дело».

¹⁸⁷⁴ *Троцкий Л.Д.* Какой военный журнал нам нужен? // Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2: 1919 год. Кн. 1. М., 1924. С. 155.

¹⁸⁷⁵ Там же. С. 156.

событий по бонапартистскому сценарию. Искушенные в политической борьбе большевистские вожди должны были оценивать любые проекты военных реформ в первую очередь с точки зрения их безопасности для большевистского режима, а уже затем с точки зрения практической целесообразности. Следовательно, подобные предложения военспецов были заведомо обречены на провал.

5 января 1919.

Сейчас поступила в редакцию «Военного дела»¹⁸⁷⁶ статья «Военные специалисты и Красная армия», препровожденная для напечатания в журнале. Вот по поводу некоторых положений этой статьи желательно было бы сказать несколько слов¹⁸⁷⁷, чтобы статья имела практическое военное значение.

Прошу представить тов. Троцкому прилагаемую Памятную записку о катастрофическом положении Генерального штаба.

В. Борисов

Москва.

Мертвый пер. 10. (редакция «Воен[ного] дела»),
телефон 18-89.

Не для печати (особенно цифровые данные)¹⁸⁷⁸

Памятная записка.

Катастрофическое состояние нашего Генерального штаба

Определение Клаузевицем¹⁸⁷⁹ Генерального штаба как непосредственного помощника полководца вполне указывает на важное значение этого военного органа в деле боеспособности армии. Это значение возрастает, если мы предположим армию молодую, с неустановившимся кадром, без унтер-офицерского состава, с очень слабыми командирами. Там, где старая армия многое в своих тактических невзгодах исправит самодеятельностью опытного командного состава, то молодая армия подвергнется в полном объеме всем последствиям упущений в работе Генерального штаба. Вспомним непомерные невзгоды армий Гамбетты¹⁸⁸⁰ в 1870 г., когда штабные должности были заняты адвокатами, инженерами и т.п. Неманевроспособность¹⁸⁸¹ армий Гамбетты была основною

---

¹⁸⁷⁶ «Военное дело» — военно-научный, литературный журнал, издававшийся в 1918–1920 гг. в Москве группой военных специалистов. Редактор Генштаба Д.К. Лебедев (1918 – нач. 1919), с № 5–6 (34–35) от 23.02.1919 — редакционный коллектив.

¹⁸⁷⁷ Далее текст вписан В.Е. Борисовым от руки.

¹⁸⁷⁸ Вписано от руки.

¹⁸⁷⁹ Клаузевиц Карл Филипп Готфрид, фон (01.06.1780–16.11.1831) — выдающийся немецкий военный мыслитель, заложивший основы мировой военной науки. Генерал-майор прусской армии (1818). В 1812–1814 гг. на русской службе. Основной труд «О войне» (1832).

¹⁸⁸⁰ Гамбетта Леон Мишель (02.04.1838–31.12.1882) — французский политический деятель. Адвокат. Министр внутренних дел (09.1870–02.1871). Председатель палаты депутатов (1879–1881). Премьер-министр и министр иностранных дел (1881–1882). В данном случае речь идет о массовой милиционной армии, сформированной Гамбеттой за короткий срок в конце 1870 – начале 1871 г. в ходе франко-прусской войны.

¹⁸⁸¹ Так в документе.

причиною их неудач и гибели армии Бурбаки¹⁸⁸². Если Генеральный штаб [—] «мозг» в старой армии, то в молодой он исключительный «нерв» всех ее малейших движений и действий.

Наш Генеральный штаб к концу минувшей войны считал в своих рядах 1613 человек офицеров Генерального штаба. В настоящее время отделением по службе Генерального штаба зарегистрировано всего 486 чел. К моменту составления последнего списка часть из зарегистрированных выехала за пределы Республики и к настоящему времени налицо состоит 323 человека¹⁸⁸³, т.е. немногим больше, чем в мирное время в германской армии в одном «большом» Генеральном штабе, где числилось 270 офицеров Генерального штаба, не считая многочисленного войскового, военно-учебного, инспекционного Генеральных штабов.

Эти 323 человека распределяются:

рубрика А ¹⁸⁸⁴ . 131	
а. в полевом штабе	23.
б. в штабах 4 фронтов	51.
в. в штабах 11 армий	37.
г. в штабах действующих армий.	18.
д. во фронтовых комиссиях.	2.
рубрика Б. 74	
е. в штабах округов	44.
ж. в окружных дивизиях	30.
рубрика В. 55	
з. в[о] Всерос[сийском] главн[ом] штабе.	55.
рубрика Г. 63	
и. в централ[ьных] управ[лениях] и комиссиях	20.
і. в разных комиссиях	10.
к. на командных курсах	19.
л. арестовано	12.
м. не военного ведомства	2.
Итак: рубрика А. — действ[ующей] армии.	131.
Б. — округов	74.
В. — Главн[ого] штаба	55.
Г. — вне ведомства Гл[авного] шт[аба].	63.
	[Всего:] 323.

¹⁸⁸² Бурбаки Шарль-Денис (22.04.1816–27.09.1897) — французский генерал. Служил в Иностранном легионе, участвовал в африканских экспедициях. Ветеран Крымской и австро-итало-французской войн. Во время франко-прусской войны командовал 150-тысячной Луарской армией, сформированной Л.М. Гамбеттой, пытался деблокировать Бельфор, но потерпел поражение и был вынужден интернироваться в Швейцарии.

¹⁸⁸³ По данным Списка Генерального штаба к 15 ноября 1919 г., в Советской России зарегистрировано 426 генштабистов (РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 361об.).

¹⁸⁸⁴ Разбивка на рубрики сделана от руки.

Чтобы правильно критически разобрать это распределение нашего ничтожного состава Генерального штаба, необходимо установить отправную точку для суждений, т.е. определить специальность офицера Генерального штаба, только тогда мы увидим, где и на каких местах они могут быть заменены иными офицерами других родов оружия.

Исключительная специальность Генерального штаба — это деятельность оперативная; здесь офицер Генерального штаба никем не может быть заменен: плохой офицер Генерального штаба все же лучше всякого другого¹⁸⁸⁵, более развитого, более опытного, более здорового, ибо только академия Генерального штаба, только штабная деятельность Генерального штаба вкладывают в мозг работника тот цикл познаний, который мы именуем «оперативным».

Эта отправная точка — «оперативность» — даст нам критерий для оценки вышенамеченных четырех рубрик.

Конечно, в первую голову должна быть разобрана рубрика Г. в 63 офицера, где 12 арестованных должны быть немедленно расследованы в присутствии представителя Генерального штаба, чтобы выяснение их вины по специальности Генерального штаба было бы непреложно доказано или отвергнуто.

Вторую рубрикою должна быть Б. в 74 офицера окружных штабов, где большая часть, несомненно, может быть заменена другими работниками.

Третьею рубрикою — рубрика А. в 131 офицер, поражающая числом офицеров на фронтах и в полевом штабе. Необходимо определить здесь потребное число работников по оперативной части, что не может быть большим, ибо вся чисто оперативная часть в Ставке выполнялась 4 офицерами, и если ее удвоить до 8, то оперативная деятельность будет очень нетрудною и отлично поставленною.

Наиболее сложною является рубрика В, как образующая ту важную деятельность, которая в Германии именуется работою начальника Генерального штаба и «большого» Генерального штаба. Мы неоднократно излагали ее в своих докладах по Высшей военной инспекции, а потому наметим здесь лишь основные положения дела.

Главнейшие причины разрушения Генерального штаба в слитии его с Главным, в возложении на одно лицо — начальника Главного штаба — совершенно различных и друг друга исключаящих функций Главного и Генерального штабов, что привело к тому, что Главный штаб, как «текущая» жизнь, совершенно отвлек Генеральный штаб от его работы; это все еще более усилилось 13 ноября 1918 г. понижением оперативного управления до слияния его с организационным в одно «отчетно-организационное» управление, что само собою атрофировало всякую работу Генерального штаба. И это в то время, как Республика объявляла о формировании 3-хмиллионной армии! Для всякого специалиста по Генеральному штабу были ясны последствия. Лишив оркестр капельмейстера, переименовав музыкантов в слесарей, мы теперь усиленно обрушились на музыкантов за то, что они не выполняют функций Генерального штаба, так нужных как для полководца, так [и] для подготовки боевого организма.

---

¹⁸⁸⁵ Имеется в виду: лучше другого офицера не Генерального штаба.

Здоровый боевой организм, применяясь к существующим условиям, должен быть, по части Генерального штаба, построен по такой схеме:

<p>Главный штаб ведает текущею войсковою жизнью</p>	<p>Генеральный штаб ведает работою Генерального штаба по всему государству</p>	<p>Полевой штаб ведает работою Ген[ерального] шт[аба] в районах армий</p>
---	--	---

Специальная штабная деятельность начальников трех штабов в общих всем трем штабам вопросах объединяется в коллегии начальников штабов.

Как орган этой коллегии состоит при председателе Военн[ого] революционно-го совета особый — Оперативный кабинет из начальника и 2 секретарей.

Председатель Воен[ного] рев[олюционного] совета через Оперативный кабинет и коллегию начальников трех штабов регулирует всю оперативную деятельность, работу Генерального штаба на всей территории Республики.

<p>Начальник Главного штаба</p>	<p>Начальник Генерального штаба</p>				<p>Нач[альник] полевого штаба</p>
	<p>1-й обер- квартирмейстер стратегический</p>	<p>2-й статистический</p>	<p>3-й военно- научный</p>	<p>4-й политический</p>	

Деятельность первых трех обер-квартирмейстеров понятна из наименований, нуждается в пояснении только четвертый. Этот обер-квартирмейстер может быть не Генерального штаба, даже не военный, он со своими политическими работниками вводится в среду Генерального штаба, чтобы создать в отрасли Генерального штаба военно-политическую деятельность, где стратегия помогает политике, а политика помогает стратегии. Эти политические работники вводятся в работу первых трех обер-квартирмейстерств, а работники по стратегической, статистической и военно-научной частям вводятся в работу политического обер-квартирмейстера; все это для всесторонней подготовки войны, что до сих пор отсутствовало. Это даст председателю Военно-революционного совета возможность войти во все детали оперативной работы и влиять активно на ее согласование в государстве¹⁸⁸⁶.

Такая новая постановка службы Генерального штаба по всем четырем рубрикам распределения Генерального штаба даст возможность достигнуть более интенсивной его работы по прямой его специальности.

Конечно, крайне важно принять реальные меры для увеличения числа 323 чел. офицеров Генерального штаба. Такими мерами могли бы быть:

1) Увеличение комплекта 170 чел., ныне находящегося в академии Генерального штаба, до 300 чел., не смущаясь тем, что курс уже начат.

Вновь поступившие 130 чел. все же успеют пройти хотя бы четырех- или пятимесячный курс.

¹⁸⁸⁶ Фактически предлагаемый Борисовым политический обер-квартирмейстер ничем не отличался по своим функциям от комиссара.

2) Создание школы колонновожатых, где курс состоит лишь в изучении техники службы Генерального штаба для самых низших должностей Генерального штаба, до 300 чел.¹⁸⁸⁷

Этими мерами мы через 3–5 месяцев будем иметь 300 старых офицеров Генерального штаба, 300 полуофицеров Ген[ерального] штаба, прошедших курс академии, и 300 колонновожатых, всего 900 чел., подготовленных для должностей Генерального штаба во всех его градациях.

Сейчас вновь требуются к назначению офицеры Генерального штаба:

на Южный фронт.....26
Северный.....5
Восточный.....11
Западный.....50
разные должности...10

[Всего:] 102

Чтобы удовлетворить эту потребность, отовсюду без системы выхватываются отдельные лица, что само собою разрушает производящуюся работу, не налаживая новой. Между тем самый факт требования «фронтом», например, 50 офицеров Генерального штаба, еще не служит доказательством потребности ему такого числа.

Одним словом, отсутствие главы — начальника Генерального штаба — ведет шаг за шагом к расширению катастрофы в Генеральном штабе, к понижению его работоспособности, причем он не может быть заменен (как это мелькало) иностранным, ибо должен знать свою страну, свой народ, свой оперативный материал. Надо беречь имеющийся Генеральный штаб, ибо новый создается с величайшим трудом; это испытал Наполеон, не смогший, за уничтожением королевского Генерального штаба, создать свой, а потому в 1813 г. почувствовавший всю тяжесть своего положения с молодой армией, созданную вместо погибшей в России в 1812 г.

В. Борисов.

Москва.

Мертвый пер. 10. (редакция).

5 янв[аря] 1919.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 108. Л. 17–19об. Подлинник. Машинопись с рукописной правкой.

---

¹⁸⁸⁷ Возможно, вследствие записки Борисова эта мера была осуществлена путем создания Высшей советской школы штабной службы.

«ОН БЫЛ ТОЛЬКО СОЛДАТ, НО НЕ БЫЛ ПОЛИТИКОМ»

К характеристике генерала А.И. Деникина
и его окружения в годы Первой мировой
и Гражданской войны

В общем потоке биографической литературы о вождях Белого движения с большим отрывом лидируют две фигуры лидеров контрреволюции Юга и Востока России — генерала А.И. Деникина и адмирала А.В. Колчака. К сожалению, их полноценных научных биографий до сих пор не написано. Многие факты, касающиеся этих людей, кочуют из работы в работу (в случае с Деникиным особый соблазн для недобросовестных авторов представляет простой пересказ различных произведений самого генерала), а хранящийся в архивах обширный документальный материал, позволяющий составить подлинные портреты белых лидеров, их окружения, стиля руководства и отойти от однообразных штампов и сусальных образов, остается невостребованным.

Одним из подлинных кладезей данных по командному составу русской армии эпохи Первой мировой и Гражданской войн является личный архивный фонд сотрудника Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге Генерального штаба генерал-майора Виктора Васильевича Чернавина, по крупицам собиравшего самые разнообразные материалы о русской армии того периода. Немало сокровищ содержит не только собранное Чернавиным мемуарное наследие, но и его переписка с ветеранами этих войн, в которой встречаются ценнейшие свидетельства и характеристики.

Чернавина особенно интересовала личность Генерального штаба генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина — человека, руководившего наиболее мощным из белых фронтов — Южным, поставившим под смертельную угрозу существование Советской России осенью 1919 г., а затем потерпевшим стремительное поражение. Современники, в том числе генерал Чернавин, пытались разобраться, какова роль личности главнокомандующего ВСЮР Деникина в случившемся.

Показательно то, как оценивали деятельность высшего командования ВСЮР представители наиболее образованной части русского офицерства — офицеры-генштабисты. Понятно, что оценки военспецов-генштабистов, оказавшихся у красных, будут чрезмерно политизированы, но что же писали генштабисты, оказавшиеся у белых и не испытывавшие никакого цензурного гнета?

Весьма осведомленный генерал В.Е. Флуг писал 20 февраля 1937 г. Чернавину: «Я склонен думать, что в чисто военном отношении он (Деникин. — А.Г.) не

лишен способности быть отличным корпусным командиром и даже неплохим к[омандую]щим армией. Для поста главнок[омандую]щего его способностей, по моему, не хватает, а тем более для главного начальника или диктатора обширного края»¹⁸⁸⁸.

Характеристики личности Деникина содержатся в нескольких свидетельствах генералов-генштабистов П.С. Махрова, В.В. Чернавина и С.А. Щепихина, которые публикуются впервые. В некоторых свидетельствах помимо характеристик самого Деникина даны важные оценки деятельности его окружения, в частности, освещается неудовлетворительная система работы штаба Деникина (штаба главнокомандующего Добровольческой армией и штаба главнокомандующего ВСЮР) в годы Гражданской войны, затрагивается вопрос подбора высших и старших штабных офицеров, а точнее — неумение подбирать квалифицированных штабных работников, несмотря на переизбыток кадров Генштаба на белом Юге (аналогичная ситуация с подбором малокомпетентных кадров была и в Ставке Колчака, но усугублялась меньшим количеством генштабистов на Восточном антибольшевистском фронте).

Впрочем, публикуемые свидетельства дают понять, что причина неудачи Белого движения не в том или ином подборе командно-штабных кадров, а значительно глубже и серьезнее. Тем более что у победивших красных работали такие же генштабисты, которых нельзя назвать ни более талантливыми, ни менее талантливыми, чем их белые оппоненты. Победа осталась за красными, которые сумели лучше и быстрее организовать, прежде всего, за счет энергии и способностей военно-политического руководства Советской России.

Документ 1.

Генштаба генерал-майор С.А. Щепихин.

«О ген[ерале] Деникине».

Запись Генштаба генерал-майора В.В. Чернавина.

28 апреля 1926 г.

О ген. Деникине

Мировую войну ген[ерал] Деникин начал в качестве ген[ерал-]квартирмейстера штаба 8-й армии. К работе, которая выпала на его долю в зависимости от этого положения, он никакой склонности не чувствовал, чего не только не скрывал, но о чем говорил совершенно откровенно; его стремлением в это время было перейти на роль строевого начальника. В работах по организации своего отдела, по направлению его деятельности почти не принимал участия, предоставляя старшим адъютантам действовать по своему усмотрению. Начальник штаба армии ген[ерал] Ломновский¹⁸⁸⁹ был, наоборот, исключительно способным крупным

¹⁸⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 104.

¹⁸⁸⁹ Ломновский Петр Николаевич (24.11.1871–02.03.1956) — сын полковника Николая Петровича Ломновского. Окончил Тифлисский кадетский корпус (1889), 1-е Павловское военное училище (1891), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1898). Подпоручик гвардии (со ст. с 05.08.1891). Поручик гвардии (со ст. с 05.08.1895). Штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генштаба

штабным работником и работал и за себя и за ген[ерал]-квартирмейстера, однако, как человек, не только знающий дело, но и требовательный, едва ли был доволен пассивностью, проявляемой ген[ералом] Деникиным в области его деятельности, и ген[ерале] Деникину грозила перспектива уйти из штаба в строй в качестве к[оманди]ра неотдельной бригады (очередь на дивизию ему еще не подошла), надо прибавить, что, по-видимому, сам ген[ерал] Деникин против такого изменения в своем служебном положении ничего не имел.

Обстоятельства, однако, благоприятствовали ему, и он получил не неотдельную, а 4 стр[елковую] бригаду, командование которой и положило основание его блестящей карьеры.

Записано со слов б[ывшего] ст[аршего] адъютанта общего отделения штаба 8-й армии Ген[ерального] штаба ген[ерал]-майора Щепихина¹⁸⁹⁰.

Г[енерал]-м[айор] Чернавин¹⁸⁹¹

(со ст. с 17.05.1898). Подполковник (со ст. с 06.12.1901). Полковник (за боевое отличие, с 1905 со ст. с 13.05.1905). Генерал-майор (со ст. с 21.08.1912). Генерал-лейтенант (со ст. с 23.05.1916). На службе с 01.09.1889. В Лейб-гвардии Волынском полку. Помощник старшего адъютанта штаба Закаспийской области (13.05–07.08.1899). Помощник старшего адъютанта штаба II Туркестанского армейского корпуса (07.08.1899–22.09.1901). Командир роты в 1-м Закаспийском стрелковом батальоне (31.10.1900–31.10.1901). И.д. старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа (22.09–06.12.1901). Старший адъютант штаба Приамурского военного округа (06.12.1901–25.12.1903). Командир батальона в 15-м стрелковом полку (20.04–01.09.1903). Штаб-офицер при управлении 8-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (25.12.1903–24.02.1904). Участник Русско-японской войны. Начальник штаба 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (24.02–25.04.1904). Старший адъютант управления генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии (25.04.1904–05.08.1905). Штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем на Дальнем Востоке (05.08.1905–27.03.1906). Начальник штаба 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (27.03.1906–02.11.1908). В прикомандировании к кавалерии (01–14.09.1908). Командир 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (02.11.1908–21.08.1912). Генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа (с 21.08.1912). Участник Первой мировой войны. И.д. начальника штаба 8-й армии (с 19.07.1914). Командующий 15-й пехотной дивизией (с 17.07.1915), начальник дивизии (на 02.1917). Командир VIII армейского корпуса на Румынском фронте (с 07.04.1917). Командующий 10-й армией Юго-Западного фронта (с 12.07.1917). В резерве чинов при штабе Киевского военного округа (с 09.09.1917). Участник Гражданской войны. В 1917 (по другим данным, с 01.06.1918) – 1920 гг. в белом подполье (Киевский центр), в Добровольческой армии, ВСЮР, Русской армии. Представитель Добровольческой армии в Киеве (назначен генералом М.В. Алексеевым, 1918). Начальник Главного центра (с 18.11.1918). Оставался в Киеве до его занятия белыми в 1919. В эмиграции в Софии (Болгария) и Ницце (Франция). Член РОВС. Состоял в полковом объединении (на 01.07.1939). На 1945 — в департаменте Приморских Альп. Умер в Ницце. Похоронен на кладбище Кокад. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1899), Св. Анны 3-й ст. (1902), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905), чин полковника за боевое отличие (1905), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1906), ордена Св. Анны 2-й ст. с мечами (1907), Св. Владимира 3-й ст. (1908, утв. 22.02.1909), Св. Станислава 1-й ст. (06.12.1913), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 27.09.1914). Женат, 2 детей. Брат Владимир — тайный советник.

¹⁸⁹⁰ Щепихин Сергей Арефьевич (01.10.1880–18.03.1948) — из обер-офицерских детей Уральско-го казачьего войска. Уроженец станицы Январцевской Уральского уезда Уральской области. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (09.08.1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908). На службе с 01.09.1898. Хорунжий (с 09.08.1900 со ст. с 09.08.1899). Сотник (за выслугу лет, с 01.07.1904 со ст. с 09.08.1903). Подъесаул (за боевое отличие, с 30.12.1906 со ст. с 18.04.1905). Есаул (за отличные успехи в науках в Николаевской академии Генерального штаба, с 02.05.1908). Переведен в Генеральный штаб с переименованием в капитаны (Высочайший приказ 11.05.1911). Подполковник (с 06.12.1914). Полковник (со ст. с 06.12.1915; на 1917 даровано ст. с 06.12.1914). Генерал-майор (за боевое отличие, Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 24.12.1918 со ст. с 06.12.1918). Во 2-м Уральском

28/IV

1926

г. Прага.

ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 26. Л. 5-5об. Подлинник. Автограф.

казачьем полку (09.08.1900–13.10.1903; с 22.05.1904). Участник Русско-японской войны в 4-м Уральском казачьем полку (с 10.10.1904), временно командующий 1-й сотней (02.02–20.03; 10.06–27.09.1905). Участник набегов на Инкоу и Фукумынь, сражений под Сандепу и Мукденом. Командир сотни 1-го Уральского казачьего полка (28.10.1908–18.11.1910). Ober-офицер для поручений при штабе Омского военного округа (11.05.1911–15.01.1914). Летом 1912 совершил рекогносцировочную поездку в Тарбагатайский округ Синьцзянской провинции Китая для сбора сведений о китайских вооруженных силах в приграничной с Россией полосе, о военно-политической обстановке после китайской революции 1911, о положении национальных меньшинств округа (казахов, монголов, уйгуров) и описания путей сообщения между Семиречьем и Синьцзяном. Ober-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа (с 15.01.1914). Участник Первой мировой войны. Вр.и.д. штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии Юго-Западного фронта (с 01.08.1914), вр.и.д. старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии Юго-Западного фронта (с 25.11.1914), старший адъютант общего отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии Юго-Западного фронта (06.12.1914–1917), вр.и.д. генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии (11–28.05.1915). Командир 2-го Уральского казачьего полка (с 13.03.1917, по другим документам, с 10.04.1917). Участник Гражданской войны. Начальник штаба Уральской армии (17.02–06.1918), начальник Войскового штаба Уральского казачьего войска. В Народной армии самарского Комуча начальник полевого штаба Поволжского фронта (с 15.08.1918), начальник штаба Самарской группы войск (12.10–25.12.1918). Вр.и.д. начальника штаба Западной армии (Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 24.12.1918). Начальник штаба Западной армии (01.01–21.05.1919). Под его непосредственным руководством разработана наступательная операция Западной армии на Уфу и далее к р. Волга. Допущен к и.д. начальника снабжения Южной армии (с 20.05.1919 — Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 538 от 20.06.1919). Начальник снабжения Южной (впоследствии Оренбургской) армии (с 16.06.1919). Зачислен в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Восточного фронта (07.10.1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Начальник штаба 2-й армии (12.11.1919–27.01.1920). Начальник штаба главнокомандующего Восточным фронтом (с 27.01.1920), затем начальник штаба войск Российской восточной окраины. Оставил свой пост (05.09.1920) и выехал из Читы в Китай (05.05.1920). Затем отправился в Константинополь, куда прибыл в день эвакуации Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма. В качестве эмигранта проживал в Турции, Чехословакии, где занимался литературным трудом. Автор ряда военно-географических трудов и обширных воспоминаний о Гражданской войне. В апреле 1933 одну часть своих рукописей передал в архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Калифорния, США), а другую — в РЗИА (ныне хранится в ГА РФ (Ф. Р-6605. Оп. 1)). Умер после тяжелой болезни в больнице в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), чин подьесаула (1905), орден Св. Анны 2-й ст. (06.12.1912), светло-бронзовая медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых, светло-бронзовая медаль за труды по мобилизации армии в 1914 г., мечи к ордену Св. Анны 2-й ст. (23.12.1914, Высочайший приказ 13.01.1915), орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (23.12.1914, Высочайший приказ 13.01.1915), благодарность (Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 14.01.1919), знак отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход» 1-й ст. № 4 (27.04.1920; знаком отличия 2-й ст. награждена супруга Щепихина). Супруга вдова штабс-капитана Александра Кирипановна Ерофеева. Сын Вадим (28.03.1922–10.10.1987, Прага, в действительности, по данным потомков, его отцом являлся генерал С.Н. Войцеховский, но ни Щепихин, ни Войцеховский об этом не знали). Соч.: Отчет о поездке в Тарбагатайский округ Западного Китая летом 1912 г. Омск, 1913; Омский военный округ. Военно-географическое и статистическое описание. Тыловой район. Отд. 1–2: Орография и гидрография района. Омск, 1913; Отд. 3: Пути сообщения. Ч. 1: Железные дороги. Ч. 2: Водные пути. Ч. 3: Грунтовые дороги. Омск, 1914; Тридцать два месяца в штабе 3-й русской армии. На фронте мировой войны (1914–1917) (б/д., машинопись); Штаб 3-й армии в Великую войну (Галицийский период) (1928, рукопись); Уральское

Документ 2.
Из письма Генштаба генерал-лейтенанта П.С. Махрова
Генштаба генерал-майору В.В. Чернавину.
21 августа 1937 г.¹⁸⁹²

21.8.37

<...> Дорогой Виктор Васильевич!

<...> Я не знал А[нттона] Ив[ановича] Деникина в роли выше нач[альника] дивизии во время великой войны, но должен Вам сообщить, что в этой должности он проявил исключительный талант в смысле знания души солдата.

казачье войско в борьбе с коммунизмом (рукопись); Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака. Июль–октябрь 1919 г. (б/д., рукопись); Конец Белого движения в Сибири (б/д., рукопись); Каппелевцы в Чите в 1920 г. или Японская интервенция (1928, машинопись); Сибирь при Колчаке (1930, рукопись); Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Вып. 1; рец. на кн.: ген. П.П. Петров. «От Волги до Тихого Океана в рядах белых». Рига, 1930 // Сибирский архив. Прага, 1930. Вып. III (РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 41456. Послужной список на 01.11.1915 г.).

¹⁸⁹¹ Чернавин Виктор Васильевич (09.04.1877–1956) — из дворян. Окончил Омскую гимназию, Николаевское инженерное училище (1899), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1904). Подпоручик (со ст. с 09.08.1899). Поручик (со ст. с 13.08.1901). Штабс-капитан (со ст. с 31.05.1904). Капитан (со ст. с 02.04.1906). Подполковник (со ст. с 29.03.1909). Полковник (за боевое отличие, со ст. с 06.12.1914). Генерал-майор. На службе с 01.10.1896. В 3-м саперном батальоне. Участник Русско-японской войны. Отправился по собственному желанию. Старший адъютант штаба III армейского корпуса (08.03.1905–07.03.1907). Помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа (07.03.1907–20.01.1908). Командир роты 107-го пехотного Троицкого полка (01.11.1907–01.11.1908), затем за двухгодичное командование ротой. Обер-офицер для поручений при штабе Виленского военного округа (20.01.1908–30.12.1911). Прикомандирован к Виленскому военному училищу для преподавания военных наук (30.12.1911). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант оперативного отделения генерал-квартирмейстерской части штаба 1-й армии (1914). Командир 24-го пехотного Симбирского генерала Неверовского полка (с 29.11.1915). Начальник штаба 36-й пехотной дивизии (с 20.12.1916). И.д. генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии (1917). И.д. начальника штаба 51-й пехотной дивизии. Участник Гражданской войны. С 19.08(01.09).1918 по 1920 на службе в Добровольческой армии, ВСЮР, Русской армии. В резерве чинов при штабе главнокомандующего Добровольческой армией (с 19.08(01.09).1918). В резерве чинов при штабе Крымско-Азовской Добровольческой армии (с 22.01(04.02).1919). Генерал-квартирмейстер штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии (с 24.01(06.02).1919). Начальник штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии (04.1919). Начальник штаба III армейского корпуса, в который была сведена Крымско-Азовская Добровольческая армия (с 31.05(13.06).1919). Начальник штаба войск Новороссийской области (18(31).08.1919– 19.02(03.03).1920). Начальник штаба Одесского военного округа (01.1920). Арестован в Симферополе авантюристом капитаном Орловым (1920). Освобожден белыми войсками. В распоряжении главнокомандующего ВСЮР (1920). В эмиграции в Чехословакии. Служащий РЗИА в Праге (1924–1938). Член ученого совета и ученой комиссии архива (с 1935). Вел обширную переписку и собирал многочисленные документальные материалы по истории Первой мировой и Гражданской войн. Сотрудничал в газете «Русский инвалид». Выступал в Русском народном университете в Праге с докладами по военной истории (о Первой мировой и Гражданской войнах). Член Союза галлиполийцев. Активный деятель Успенского братства для погребения православных русских граждан и для охраны и содержания в порядке их могил в Чехословакии (до 1939, вновь состоял в братстве в 1947–1951), член президиума братства. Арестован контрразведкой СМЕРШ (05.1945). В конце года освобожден. Проживал в «Профессорском доме» в Праге (до 1955), выслен городскими властями вместе с другими русскими. Переехал в Моравию по приглашению одной русской семьи. Жил в Оломоуце (Чехословакия). Там же умер от воспаления легких. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1907), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1907), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1910), Св. Станислава 2-й ст. (06.12.1913), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 12.06.1915). Женат, 2 детей. Соч.: К вопросу об офицерском составе

Его железная бригада не знала ни усталости, ни тяжести и не испытала никогда поражений.

Вы ошибаетесь, что он не ценил солдата, что он водил его «на убой». Нет, Вы не так поняли Г. Ив.¹⁸⁹³

Дело вот в чем: как бы ни тяжело приходилось Деникину, но если ему предъявлялось то или другое требование из штаба 8ой армии, или он сам видел, что для осуществления данной задачи нужно принять активное решение, он всегда это выполнял.

У него было какое-то особое чутье в проявлении инициативы, он как бы угадывал мысль штаба армии. Его стрелки боготворили, офицеры в нем, что называется, души не чаяли, высшие начальники его ценили, неудачники завидовали, а интриганы бесталанные вроде Зайончковского¹⁸⁹⁴ писали на него доносы.

старой Русской армии к концу ее существования // Военный сборник (Белград). 1924. Кн. V. С. 213–230; К вопросу о Восточно-Прусской операции // Русский инвалид. 1933. 22 июля. № 57; В дни Гумбиненского сражения // Русский инвалид. 1934. № 71. Автор перевода кн. В. Бекмана «Немцы о Русской армии» (Прага, 1939). Оставил неопубликованные воспоминания о Русско-японской войне, о деятельности генерала П.К. Ренненкампа в 1914 г., «Краткий перечень операций в Крыму и Правобережной Украине с янв. 1919 по янв. 1920 гг.» (1924), «Объяснительная записка о начальнике Керченского контрразведывательного отделения Стеценко» (1924), «Записки о гражданской войне на юге России» (1925), «Укрепление Крымских перешейков (вторая половина 1919)» (1929)

¹⁸⁹² Публикуется только фрагмент письма, касающийся А.И. Деникина.

¹⁸⁹³ Г. Ив. — Коновалов Герман Иванович (31.08.1882–30.03.1936) — из мещан, родился в Бессарабии. Окончил Херсонскую прогимназию, Одесское пехотное юнкерское училище (1902), Императорскую Николаевскую военную академию (1914–1915). Капитан (со ст. с 01.09.1914, даровано ст. с 01.09.1911). Подполковник. Войсковой старшина (укр.). Полковник. Генерал-майор (с 06.06.1920) Участник Первой мировой войны. В 134-м пехотном Феодосийском полку (1914–1916). В оперативном отделении отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Старший адъютант штаба 34-й пехотной дивизии (с 14.07.1916). И.д. помощника начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (с 04.09.1917). Участник Гражданской войны. В украинской армии (на 02.04.1918, на 09.1918). Служил в Екатеринославе. На службе в Добровольческой армии, ВСЮР, Русской армии (09.22).11.1918–1920). Участник Екатеринославского похода. Помощник по оперативной части начальника штаба отряда генерал-майора П.Г. Кислого. Начальник штаба Екатеринославского отряда (с 12.1918). Отряд вошел в состав Крымско-Азовской Добровольческой армии. Начальник оперативного отдела штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии (начало 1919). Организовал оборону на Ак-Манайских позициях (04.1919). И.д. начальника штаба III армейского корпуса, в который была переименована Крымско-Азовская Добровольческая армия. Штаб-офицер штаба III армейского корпуса (06.1919). Генерал-квартирмейстер штаба войск Новороссийской области (09.1919). Старший адъютант оперативного отдела штаба войск Новороссийской области (с 12(25).09.1919, на 11.1919). Начальник штаба войск Новороссийской области (24.02(08.03)–23 (10).03.1920). Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Русской армией и начальника штаба группы генерал-лейтенанта С.Г. Улагая во время десанта на Кубань (вылетел на аэроплане, заменил генерала Д.П. Драценко). Ближайший оперативный советник генерала П.Н. Врангеля. В эмиграции в Рущуке (Болгария) и в Румынии (с 08.02.1929). Главный директор лесной концессии в г. Дерна в Трансильвании. Ранен во время покушения, организованного владельцем концессии (08.11.1935). Умер от ран в клинике г. Клуже (Румыния). Награды: Георгиевское оружие (Высочайший приказ 10.11.1915), орден Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 25.06.1916).

¹⁸⁹⁴ Зайончковский Андрей Медардович (08.12.1862–21.03.1926) — из потомственных дворян Орловской губернии, сын начальника Орловской телеграфной станции статского советника Медарда Андреевича Зайончковского. Окончил Орловскую Бахтина военную гимназию (1879), Николаевское инженерное училище по 1-му разряду (1882), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1888). Подпоручик (с 07.08.1882, 31.07.1884 даровано ст. с 08.08.1880). Поручик (с 27.07.1885 со ст. с 01.01.1885). Штабс-капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 31.03.1888). Капитан (с 01.04.1890). Подполковник

В современной войне Суворовы, Наполеоны, Скобелевы могут быть только в таких ролях: на должн[остях] нач[альников] дивизий.

Для современного главнокомандующего его военный талант в границах моральных качеств и военного образования недостаточен, чтобы оказывать влия-

---

(с 23.06.1895). Полковник (Высочайший приказ 18.04.1899). Генерал-майор (за боевое отличие, с 04.01.1905 со ст. с 30.09.1904 — со дня оказания боевого отличия). Генерал-лейтенант (за отличие по службе, с 30.05.1912). Генерал от инфантерии (за отличие в делах против неприятеля, с 10.04.1916 со ст. с 10.06.1915). На службе с 01.09.1879. В 5-м саперном батальоне (с 1882). Причислен к Генштабу (13.04.1888). Переведен в Генштаб (01.01.1890). Старший адъютант штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (01.01–09.12.1890). Старший адъютант штаба гвардейского корпуса (09.12.1890–23.06.1895). Командовал ротой в Лейб-гвардии Егерском полку (16.10.1892–11.10.1893). Штаб-офицер для особых поручений при штабе I армейского корпуса (23.06.1895–28.09.1898). Штаб-офицер для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (28.09.1898–03.04.1900). Высочайше возложена разработка материалов по истории Восточной войны для издания к 50-летию начала войны полного исторического исследования Севастопольской обороны (11.01.1900). Штаб-офицер для особых поручений при Его Императорском Высочестве великом князе Владимире Александровиче, главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа (03.04.1900–25.01.1902). Командовал батальоном в Лейб-гвардии Егерском полку (30.04–30.08.1900). Начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (25.01–17.08.1902). Прикомандирован к кавалерии (01.06–01.07.1902). Состоял при Его Императорском Высочестве великом князе Михаиле Николаевиче (17.08.1902–18.05.1904). Участник Русско-японской войны. Контужен (21.08.1904, 04.10.1904). Командир 85-го пехотного Выборгского полка (18.05.1904–09.03.1905). Командир 2-й бригады 3-й Сибирской пехотной дивизии (09.03–07.09.1905). И.д. командующего 1-й бригадой 22-й пехотной дивизии (05.05–01.07.1905). Генерал для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа (07.09.1905–18.02.1906). Командир Лейб-гвардии Егерского полка (18.02.1906–11.07.1908). В комиссии при ГУГШ по разработке вопросов подготовки офицеров к службе Генерального штаба (с 04.02.1907). В комиссии по вопросу о присоединении в мирное время саперных батальонов к корпусам (с 05.02.1907). Помощник великого князя Александра Михайловича по управлению Севастопольским музеем (с 18.01.1908). Командир 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии (11.07.1908–30.05.1912). Начальник 22-й пехотной дивизии (30.05–30.07.1912). Начальник 37-й пехотной дивизии (28.07.1912–14.03.1915). Участник Первой мировой войны. Участвовал в Галицийской битве. Командир XXX армейского корпуса (с 27.03.1915), участник наступления Юго-Западного фронта летом 1916. Командир особого корпуса (с 23.06.1916). Командир XLVII армейского корпуса (с 12.08.1916). Командующий Добруджанской армией (08.1916–20.10.1916). Отстранен от командования после оставления армией Добруджи. Командир XVIII армейского корпуса (с 22.10.1916). В резерве чинов при штабе Петроградского военного округа (с 02.04.1917). Уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией (Приказ армии и флоту 07.05.1917). Добровольно поступил на службу в Красную армию из отставки (1918). Участник Гражданской войны. Старший делопроизводитель военно-статистического отдела оперативного управления Всероссийского главного штаба. Арестован (1918). Старший делопроизводитель отчетно-организационного отдела организационно-управления Всероссийского главного штаба (с 01.02.1919). Управляющий Военно-ученым архивом (на 05.1919). В.и.д. начальника штаба 13-й советской армии (02/04.07.1919–26.02.1920). Тайно передал белым саквояж с оперативной документацией 13-й армии, позволявшей отразить удар советского командования (10.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР (с 26.02.1920). Для особых поручений при начальнике Полевого штаба РВСР. Член Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики (1920). Арестован (1920). Арестован МЧК (01.1921). Помощник председателя комиссии по использованию опыта мировой и Гражданской войны (с 16.01.1921). Член Малого и Высшего академических военно-педагогических советов (с 1921). Штатный преподаватель, профессор Военной академии РККА (1922–1926) по кафедре стратегии, а затем по кафедре истории мировой войны. Для особых поручений при Штабе РККА (с 10.1924). В 1920-е был осведомителем ОГПУ. Выдающийся военный ученый и историк. Один из первых исследователей отечественных военных архивов периода Первой мировой войны. Умер в СССР. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (30.08.1889), Св. Анны 3-й ст. (30.08.1892), Св. Станислава 2-й ст. (06.12.1894), Св. Анны 2-й ст. (06.12.1897), Св. Владимира 4-й ст. (20.02.1901), Св. Владимира 3-й ст. (05.10.1904), чин генерал-майора за боевое отличие (1905), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (13.01.1905), меча к ордену Св. Владимира 3-й ст. (30.04.1905), орден Св. Станислава 1-й ст. с

ние на решительный ход событий, т.к. это решают совокупность всех сил нации. Здесь нужны еще политический талант, научный расчет, применение определенных методов экономики и умение сохранить силу духа нации и армии.

Были ли эти качества у А[нтона] Ив[ановича] Деникина, я не знаю, т.к. в Великую войну, когда он занимал должность гл[авнокомандую]щего Юго-Зап[адным] фр[онтом] и нач[альника] штаба в Ставке, я командовал полком (13 Сиб[ирским] стр[елковым]).

Во время Гражданской войны, как Вы знаете, я был непосредственно при нем оч[ень] короткий период.

За это время я только видел странное взаимоотношение главнокомандующего со штабом. Ему лично делал доклады молодой штаб-офицер полковник

мечами (29.06.1905), Высочайшая благодарность (07.02.1907), орден Св. Анны 1-й ст. (06.12.1909), чин генерал-лейтенанта за отличие по службе (1912), ордена Белого Орла с мечами (02.01.1915), Св. Владимира 2-й ст. с мечами (02.01.1915), бант к ордену Св. Владимира 4-й ст. (22.09.1913), мечи к ордену Св. Анны 1-й ст. (09.02.1916), чин генерала от инфантерии за боевое отличие (1916); иностранные ордена: Командорский крест румынского ордена Короны (15.02.1899), болгарский орден Св. Александра 4-й ст. (01.09.1899), итальянский орден Св. Маврикия и Лазаря (14.04.1903), офицерский крест французского ордена Почетного легиона (17.03.1904), Командорский крест болгарского ордена Св. Александра (17.03.1904), прусский орден Красного Орла 2-й ст. с мечами на черной ленте с белыми полосами и звездой «За боевые заслуги» (11.01.1906), орден Прусской Короны 1-й ст. с бриллиантами (23.02.1907), черногорский орден князя Даниила 1-й ст. (11.05.1912), румынский орден Короны 1-й ст. с мечами (16.10.1916), сербский орден Белого Орла 2-й ст. со звездой и мечами (16.10.1916); знаки и медали: наследственный знак в память 300-летия Царствования Дома Романовых (21.02.1913), нагрудные знаки в память 100-летнего юбилея Павловского военного училища (12.1898) и Лейб-гвардии Егерского полка (24.08.1907), серебряные медали в память царствования императора Александра III (27.02.1896), в память священного коронования Их Императорских Величеств в 1896 г. (14.05.1897), светло-бронзовые в память 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. (26.08.1912), в память 300-летия Царствования Дома Романовых (21.02.1913), в память 200-летия Полтавской победы на Андреевской ленте (27.07.1909), в память Русско-японской войны на Георгиевской и Александровской ленте с бантом (18.03.1906) и 50-летнего юбилея Севастопольской обороны на Владимирской ленте (18.03.1906). Женат вторым браком на дочери генерал-майора Марфе Михайловне Казакевич. Дети: Наталья (13.07.1890, от первого брака), Ольга (1892, от второго брака). Дядя по матери видного советского военного деятеля Н.Е. Какурина. Шурин генерал-лейтенанта Д.В. Путяты (женат на сестре Зайончковского Зинаиде). Соч.: Наступательный бой по опыту действий генерала Скобелева в сражениях под Ловчей, Плевной (27 и 30 августа) и Шейново. СПб., 1893; Самостоятельность частных начальников: Увлечения и границы. СПб., 1894; Сражение под Ловчей 22 августа 1877 года. СПб., 1895; Оборона Севастополя: Подвиги защитников. Краткий исторический очерк с иллюстрациями. СПб., 1899; Учебник прикладной тактики: Курс старшего класса Михайловского артиллерийского и Николаевского инженерного училищ. СПб., 1899. Вып. 1 (в соавт. с В. Беляевым); Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. СПб., 1903; Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908–1913. Т. 1–2; Лейб-егеря в Отечественную войну 1812 г. СПб., 1912; Кульм: Памятка Лейб-егеря. СПб., 1913; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6: Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года. Ч. 7: Кампания 1917 г. М., 1923; Мировая война 1914–1918 гг. (общий стратегический очерк). М., 1924; Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926; Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926; Мировая война. Маневренный период 1914–1915 годов на русском (европейском) театре. М.; Л., 1929. Справка составлена с привлечением данных послужного списка Зайончковского на 17.04.1917 г. (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 151–891), выписки из которого предоставлены к.и.н. В.Б. Кашириным. Между данными послужного списка и списков Генерального штаба имеются разночтения. Подробнее о А.М. Зайончковском см. специальный материал в настоящем издании.

Колтышев¹⁸⁹⁵, минуя меня¹⁸⁹⁶. Это было введено в правило моим предшественником Плющевским-Плющиком¹⁸⁹⁷, но когда я возразил против этого, ген[ерал] Деникин сразу прекратил это, и если Колтышев по его приказанию приходил в оперативн[ый] отдел за справками, то всегда ставил меня в курс дела.

¹⁸⁹⁵ Колтышев Петр Владимирович (27.05.1894–09.08.1988) — родился в Ораниенбауме Санкт-Петербургской губернии. Сын подполковника. Окончил Псковский кадетский корпус (1911), Павловское военное училище (1913), ускоренный младший класс 1-й очереди Военной академии. Причислен к Генеральному штабу. Поступил на службу вольноопределяющимся 1-го разряда. Подпоручик (с 06.08.1913). Поручик. Штабс-капитан (с 07.11.1916). Капитан (к 01.1918). Подполковник (с 20.09.1918 с переименованием в полковника). Полковник. В училище награжден призом за фехтование на рапирах, удостоен звания отличного стрелка из винтовки и револьвера. Во 2-м Финляндском стрелковом полку. Младший офицер 4-й роты. Участник Первой мировой войны. Ранен в бою у д. Крживенек ружейной пулей в ногу (06.11.1914), не смог выбраться из немецких проволочных заграждений и был ночью вынесен солдатами роты во главе с подпрапорщиком Дорофеевым. На лечении в лазарете императрицы Марии Федоровны. Вернулся на фронт (26.03.1915). Командовал 7-й и 10-й ротами полка. Начальник связи полка. Личный адъютант командира полка генерал-майора В.С. Скобельцына. И.д. старшего адъютанта штаба XL армейского корпуса (1916). Вр.и.д. обер-офицера для поручений. Вр.и.д. старшего адъютанта штаба XXII армейского корпуса (1917). Старший адъютант штабов 6-й и 2-й стрелковых дивизий на Румынском фронте. Контужен в голову и правую половину груди в бою у д. Семиковка (22.10.1917). И.д. начальника штаба 2-й стрелковой дивизии. Бежал со штабом в Батрушаны и записался в 1-ю бригаду русских добровольцев Румынского фронта (01.01.1918) — отряд полковника М.Г. Дроздовского. Участник Гражданской войны. Участник похода бригады под командованием полковника М.Г. Дроздовского от Ясс на Дон (26.02(11.03)– 25.04(08.05).1918). Рядовой 3-й роты Сводного Офицерского стрелкового полка. Бригада вошла в состав Добровольческой армии в качестве 3-й бригады, затем — 3-й пехотной дивизии. В 1918–1920 на службе в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской армии. Начальник штаба отряда, направленного в Каменноугольный бассейн (с 17(30).05.1918). Начальник штаба 3-й пехотной дивизии (с 06.1918). В распоряжении генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Добровольческой армии (с 08(21).08.1918). Начальник штаба сводного отряда, направленного в Ставропольскую губернию (с 18(31).08.1918). Начальник штаба Маньчжого отряда генерала Станкевича. Старший помощник начальника оперативного отдела управления генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии (с 09.1918) и штаба главнокомандующего ВСЮР (1919, до 03.1920). Штаб-офицер для поручений при главнокомандующем ВСЮР (с 02(15).08.1919). С отъездом генерала А.И. Деникина за границу зачислен рядовым в 1-й Офицерский генерала Дроздовского стрелковый полк (с начала 04.1920). Штаб-офицер, наблюдающий за командами полка. Помощник командира полка (лето–осень 1920). Дважды тяжело ранен в Северной Таврии (в т.ч. в левую руку с раздроблением кости). На лечении в Севастополе (с 17(30).06.1920). Помощник коменданта Севастополя генерала Н.Н. Стогова. Участник и один из организаторов эвакуации войск из Крыма. Сформировал из выздоравливающих офицеров роту, которая прикрывала посадку войск на суда при эвакуации. Эвакуировался на транспорте «Херсон» одним из последних. Эвакуировался в Галлиполи. Полковой адъютант Сводного стрелкового генерала Дроздовского полка. После переезда полка в Болгарию командир 1-й офицерской роты. Работал на рудниках в Пернике. В эмиграции в г. Свищев (Болгария), в начале 1923 с разрешения командира полка уехал во Францию, жил в Париже (Франция). Помогал генералу А.И. Деникину в сборе материалов для «Очерков Русской Смуты», вел с Деникиным активную переписку, организовывал публичные выступления Деникина, сопровождал генерала в поездках в Прагу, Белград, Лондон, состоял секретарем редакции газеты «Доброволец». Участник вечеров и торжеств Союза первоходников и Союза добровольцев (1930-е). Избран в суд чести Союза российских кадетских корпусов (1958). Член юбилейной комиссии по празднованию 100-летия со дня основания Псковского кадетского корпуса (1963). Выступил с речью на открытии и освящении креста-памятника великому князю Константину Константиновичу и всем кадетам на братской кадетской могиле кладбища Сент-Женевьев-де-Буа (1963). Работал на заводе «Ситроен», затем свыше 35 лет работал таксистом. В Париже жил в скромном отеле «Валлиер» в предместье Парижа Леваллуа-Перре. Последние годы жизни провел в «Русском доме» в Сент-Женевьев-де-Буа. Помогал А.И. Солженицыну в работе над «Красным колесом». Оставил воспоминания. Умер в эмиграции. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Награды: орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами. Соч.: На страже Русской чести // Русское прошлое. 1992. № 3. С. 167–224.

Гражданская война — есть тоже столкновение двух идей, но уже не двух наций, а групп одного и того же народа.

Характер гр[ажданской] войны несколько ~~меняется~~ иной. Здесь главнокомандующий должен иметь особые качества. Нужно знать историю своего народа, нужно быть социологом и психологом, нужно быть пластичным и уметь играть на чувствах толпы, если хотите, нужно быть демагогом. Вы помните, где-то Наполеон писал (цитирую наизусть): «Для того, чтобы покорить Вандею, я сделался католиком, чтобы победить Италию, я поклонился папе, дабы стать властителем Египта, я объявил себя мусульманином, и если бы мне нужно было покорить Палестину, я построил [бы] синагогу храм Соломону».

Деникин очень честный человек, чтобы лгать. Он, как и все интеллигенты, мало знал русского мужика, плохо знал русскую историю, не был психологом разношерстной толпы, не мог быть демагогом.

¹⁸⁹⁶ П. С. Махров занимал пост генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР.

¹⁸⁹⁷ Плющевский-Плющик Юрий Николаевич (02.06.1877–09.02.1926) — окончил Александровский кадетский корпус (1895), Константиновское артиллерийское училище (1898), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1905). Подпоручик гвардии (со ст. с 08.08.1898). Поручик гвардии (со ст. с 08.08.1902). Штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генштаба (со ст. с 28.05.1905). Подполковник (со ст. с 06.12.1911). Полковник (со ст. с 06.12.1914; со ст. с 06.12.1913). Генерал-майор (с 13.02.1919). На службе с 01.09.1895. В Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде (с 1898). Участник Русско-японской войны. Отправился добровольно, прервав обучение в академии. В прикомандировании к Лейб-гвардии Семеновскому полку для командования ротой (01.12.1905–05.01.1908). Участник подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве (12.1905). Старший адъютант штаба 16-й пехотной дивизии (10.12.1907–09.01.1909). Обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа (09.01.1909–14.09.1910). И.д. столоначальника ГУГШ (14.09.1910–21.01.1911). Помощник начальника отделения мобилизационного отдела ГУГШ (21.01.1911–14.03.1914). Штатный преподаватель военных наук Императорской Николаевской военной академии (с 14.03.1914). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии (с 20.12.1914). Помощник начальника отделения управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем армиями Северо-Западного фронта. Командир 202-го пехотного Горийского полка (с 17.12.1915). Заведующий офицерами, обучающимися в Императорской Николаевской военной академии (с 13.01.1917). И.д. генерала для делопроизводства и поручений управления дежурного генерала Ставки Верховного главнокомандующего (с 03.02.1917). И.д. 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (с 10.06.1917). В резерве чинов при штабе Петроградского военного округа (с 10.09.1917). Участник Гражданской войны. На службе в Добровольческой армии, ВСЮР (12.1917– 22.03(04.04).1920). Участник Первого Кубанского (Ледяного) похода (1918). Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Добровольческой армией (с 27.11(10.12).1918) и ВСЮР (01.1919–02.1920). Оставил должность по болезни. Эмигрировал с генералом А.И. Деникиным (22.03.1920) в Югославию. В эмиграции — в г. Петроварадин и Нови Сад (Сербия), затем во Франции. Работал на автомобильном заводе рабочим. Оставил воспоминания. Умер в Париже. Похоронен на кладбище Банье, перезахоронен на Сент-Женевьев-де-Буа. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1906), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1911), Св. Станислава 2-й ст. (06.12.1913), знак отличия Первого Кубанского (Ледяного) похода (1918). Женат, имеет дочь. Соч.: Последние дни с Государем в ставке // Военно-исторический вестник. 1961. № 19. С. 13–15; Мысли и впечатления (1907–1909) // Военно-исторический вестник (Париж). 1963. № 21. С. 3–10; Мысли и впечатления (1914 год) // Военно-исторический вестник. 1964. № 23. С. 3–8. Показательна характеристика, данная ему 15 февраля 1926 г. в дневнике генерала А.А. фон Лампе в связи со смертью Плющевского-Плющика: «Жаль мне бедного Плюща — он был слабохарактерным человеком, никаким генерал-квартирмейстером, но очень честным и порядочной личностью. Как сейчас помню, [когда] у меня на него напали Чебышев и Львов за нашу Добровольческую беспомощность и стремление на север по линии наименьшего сопротивления, то он довольно беспомощно оправдывался тем, что-де, мол, как можно было не идти туда, куда звали... мне стало жалко его, и я, несмотря на мое полное несогласие с таким образом мыслей, начал его защищать... умер бедняга на сороковой день смерти своей жены» (ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 51–52).

Наконец, во время Гражданской войны еще нес тяжесть наследия войны великой — верность союзникам. Он был только солдат, но не был политиком. Он был честным сыном своей Родины, чтобы идти на те или другие компромиссы, и был честным человеком, чтобы давать неисполнимые обещания....

Будьте здоровы.

Искренно Ваш П. Махров¹⁸⁹⁸.

ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 210. Л. 3, 5–6а. Подлинник. Чернила.

---

¹⁸⁹⁸ Махров Петр Семенович (01.09.1876–29.02.1964) — из мешан, родился в Тамбове. Окончил Минскую гимназию (выдержал при гимназии экзамен на вольноопределяющегося 2-го разряда), Виленское пехотное юнкерское училище (1897) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1907). Подпоручик (со ст. с 14.11.1897). Поручик (со ст. с 01.09.1901). Штабс-капитан (со ст. с 01.09.1905). Капитан (со ст. с 07.05.1907). Полковник (со ст. с 06.12.1915, даровано ст. с 06.12.1914). Генерал-майор. Генерал-хорунжий (укр.). Генерал-майор (09.1917). Генерал-лейтенант (с 10(23).06.1920). На службе с 14.10.1893. В 117-м пехотном Ярославском полку. В 119-м пехотном Коломенском полку. Участник Русско-японской войны. Отправился на фронт добровольно во время учебы в академии. Командовал ротой 105-го пехотного Оренбургского полка (11.11.1907–11.11.1909). Старший адъютант штаба 4-й кавалерийской дивизии (26.11–26.12.1909). Помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа (26.12.1909–03.04.1912). Старший адъютант штаба 13-й пехотной дивизии (с 03.04.1912, на 1914, Севастополь). Участник Первой мировой войны. Вр.и.д. начальника штаба 34-й пехотной дивизии (1914). Старший адъютант оперативного отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии (с 20.01.1915, на 1916). И.д. генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии (до 09.1916). Помощник начальника штаба управления Морской крепости императора Петра Великого на сухопутном фронте (с 31.08.1916). Командир 13-го Сибирского стрелкового полка (с 01.1917). Генерал-квартирмейстер штаба 12-й армии. И.д. генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта (с 03.10.1917). И.д. начальника штаба главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Уехал в Полтаву к семье, где находился до конца года (01.1918). Участник Гражданской войны. В украинской армии (на 10.1918). Служил в Полтавском кадетском корпусе. Член Военно-исторической комиссии по сбору документов Великой войны по Юго-Западному и Румынскому фронтам (с 30.10(12.11).1918). Через Одессу уехал в Крым. На службе во ВСЮР, Русской армии (21.02(06.03).1919–1920). Заместитель начальника военных сообщений Крымско-Азовской Добровольческой армии (с 21.02(06.03).1919). В резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР (с 03(16).04.1919, на 06.1919). Начальник военных сообщений Кавказской армии (с 07(20).06.1919, на 15(28).08.1919, на 10.1919). Начальник военных сообщений Кубанской армии (с 24.01(06.02).1920). Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего ВСЮР (с 21.02(05.03).1920). Начальник штаба главнокомандующего ВСЮР (16(29).03–21.06(04.07).1920). Представитель главнокомандующего ВСЮР при польском правительстве (16(29).06.1920–12.1924). В эмиграции в Данциге, Париже (Франция, с 1925) и Каннах (с 1932). Зарабатывал уроками английского и русского языков. Перешел на позиции оборончества. После начала Великой Отечественной войны подал советскому послу во Франции прошение о зачислении в Красную армию рядовым (06.1941). Арестован за это французскими властями и заключен в лагерь Верне. Освобожден (07.12.1941) благодаря ходатайству генерала А. Нисселя. Сотрудничал с журналом «Часовой». Оставил воспоминания (1950-е, рукопись — в Бахметевском архиве Колумбийского университета). Умер в Каннах. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1910), Св. Анны 3-й ст. (1913, утв. 03.02.1914), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 24.02.1915). Женат, имеет дочь. Соч.: Военная тайна и военная цензура. Варшава, 1909; Балканская война 1912 г. Севастополь, 1913; Применение воздухоплавательных аппаратов на войне. Севастополь, 1914; Кто и почему мог похитить генерала Кутепова и генерала Миллера? Париж, 1937; Что нам делать? Париж, 1938; Историческая памятка о Виленском военном училище. Париж, 1959; В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. Подробнее о П.С. Махрове см. специальный материал в настоящем издании.

Документ 3.
Письмо В.В. Чернавина П.С. Махрову.
Август – 18 сентября 1937 г.

Дорогой Петр Семенович,

Вчера послал Вам письмо по вопросу о документах Германа Ивановича¹⁸⁹⁹, а сейчас хочу написать по вопросу, для меня очень интересному и с точки зрения моей работы существенно важному, — о ген[ерале] Деникине, как полководце и правителе или, что то же, как стратеге и политике.

Я из своего личного опыта на Юге России вынес о нем очень отрицательное представление. Скажу сразу, что я лично имею достаточно оснований для того, чтобы не относиться доброжелательно к ген[ералу] Деникину — об этом я, м[ожет] б[ыть,] скажу ниже, но, во всяком случае, это мое суждение о нем основано не на моей к нему неприязни, а на объективной оценке его деятельности. Поскольку я знаю, Вы с ним в хороших отношениях, но отчасти, может быть, поэтому мне и был бы интересен Ваш отзыв, который, возможно, внес бы некоторый корректив в мое о нем представление.

Мне лично в Мировую войну никогда не приходилось наблюдать действия ген[ерала] Деникина. Знаю, что у него были крупные успехи не только против австрийцев, но и против немцев. Коновалов, который знал его по Румынии, говорил мне, что Деникин принадлежит к тому типу начальников, которые, разбив свою часть десять раз о неприступную позицию, не задумаются послать ее в атаку в одиннадцатый раз. Словом, то, что немцы называют «Draufgänger»¹⁹⁰⁰.

Я считаю, что засилью этой категории начальников — результат Драгомировской или лже-Суворовской системы воспитания в нашей армии — мы обязаны теми колоссальными потерями в Мировую войну, которые обескровили армию и привели к истреблению кадров. Конечно, и среди начальников указанного типа были и худшие, и лучшие, и даже блестящие. Деникина я отношу к последним и думаю, что это был отличный командир неотдельного корпуса, энергичный, решительный, смелый, импонирующий подчиненным и, особенно, солдатам. Данных стратега в нем, как мне кажется, не было. Мне о Деникине рассказывал Ген[ерального] штаба г[енерал]-майор Щепихин¹⁹⁰¹, бывший в начале войны в штабе 8-ой армии, в которой тогда Деникин был генквармом. По его словам, Деникин тяготился этой должностью, рвался из штаба, хотя бы на бригаду. Вы ведь в это время тоже были в штабе 8-ой армии и знаете, так ли это или нет. Если так, то это чрезвычайно характерно — ведь, по-моему, для молодого генерала Ген[ерального] штаба нет другой столь интересной и заманчивой должности, как должность генкварма.

Как я сказал выше, по своему опыту на Юге России, в Крыму, а потом в Правобережной Украине, я вынес очень неблагоприятное впечатление о стратегии Ставки. Об этом пришлось бы писать слишком много, может быть, когда-нибудь к этому вопросу еще вернусь. Сейчас, в связи с моей работой, я разбирался по

---

¹⁸⁹⁹ Имеется в виду Г.И. Коновалов.

¹⁹⁰⁰ Сорвиголова (нем.).

¹⁹⁰¹ См. примечание 1890.

документам в операциях в январе – начале февраля 1920 г. на Доно-Маньчском фронте и не мог не удивляться убожеству стратегической мысли Ставки. То же самое в области политики: мне удалось разыскать переписку Представительства Воор[уженных] сил Юга России в Грузии. И там то же самое со стороны Ставки: узость кругозора, косность, упрямство и нежелание считаться с мнением тех, кто лучше видел обстановку. Когда я говорю о Ставке, я, конечно, имею в виду комбинацию Деникин – Романовский¹⁹⁰². О Романовском, как о человеке, я того же мнения, как и Вы. Большой патриот был и, действительно, человек редкой порядочности и честности. Большая беда была в том, однако, что он не нейтрализовал недостатков Деникина, а усиливал их. В Ставке, в оперативном отделении, был очень толковый офицер Ген[ерального] штаба, полк[овник] Шкеленко¹⁹⁰³, раньше

¹⁹⁰² Романовский Иван Павлович (16.04.1877–05.04.1920) — из дворян Владимирской губернии. Родился в Луганске, сын офицера. Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1897), Константиновское артиллерийское училище (1899), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1903). Подпоручик гвардии (со ст. с 13.08.1897). Поручик (со ст. с 13.08.1901). Штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (со ст. с 23.05.1903). Подполковник (со ст. с 06.12.1908). Полковник (со ст. с 25.03.1912). Генерал-майор (с 05.11.1916 со ст. с 12.07.1916). Генерал-лейтенант (с 12.11.1918). На службе с 01.10.1894. В Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде (с 1897). Командовал ротой в Лейб-гвардии Финляндском полку (27.10.1903–19.09.1904), зачтено за двухгодичное командование ротой. Участник Русско-японской войны. Обер-офицер для особых поручений при штабе XVIII армейского корпуса (24.09.1904–03.01.1906). Старший адъютант штаба 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (03–06.01.1906). Обер-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа (06.01.1906–04.01.1909). Старший адъютант штаба Туркестанского военного округа (04.01–09.10.1909). Помощник делопроизводителя мобилизационного отдела ГУГШ (09.10.1909–16.09.1910). Помощник начальника отделения ГУГШ (16.09–22.10.1910). Начальник отделения ГУГШ (с 22.10.1910, утв. 25.03.1912). Командовал батальоном 2-го Финляндского стрелкового полка (11.05–14.09.1913). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 25-й пехотной дивизии. Командир 206-го пехотного Сальянского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка (с 06.08.1915). Начальник штаба 52-й пехотной дивизии. Генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии (с 14.10.1916). Начальник штаба 8-й армии (с 09.04.1917), в т.ч. при генерале Л.Г. Корнилове. Генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего (с 10.06.1917) при Верховном главнокомандующем генерале Корнилове. Участник выступления генерала Корнилова. Числился в резерве чинов при штабе Киевского военного округа (с 10.09.1917). В заключении в Быхове. Бежал на Дон (11.1917). Участник Гражданской войны. На службе в Добровольческой армии, ВСЮР (22.11.1917–1920). Участник формирования Добровольческой армии. Начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии (с 12.1917). Начальник штаба Добровольческой армии (с 02.02.1918) после назначения генерала А.С. Лукомского представителем при донском атамане. Начальник штаба главнокомандующего Добровольческой армией. Участник Первого Кубанского (Ледяного) похода. Ранен 24.03(06.04).1918 в ногу. После гибели Корнилова остался на той же должности при его преемнике генерале А.И. Деникине. Начальник штаба главнокомандующего ВСЮР (26.12.1918(08.01.1919)–16(29).03.1920). Оказывал сильное влияние на главнокомандующего ВСЮР генерала А.И. Деникина. Сменен генералом П.С. Махровым. После назначения генерала П.Н. Врангеля главнокомандующим вместе с генералом Деникиным выехал из Феодосии в Константинополь на английском линкоре «Император Индии» (22.03(04.04).1920). Офицерская масса необоснованно возлагала на Романовского всю ответственность за неудачу Белого движения на Юге России. Убит в Константинополе в здании русского посольства 05.04.1920 монархистом, бывшим офицером белой контрразведки, поручиком М.А. Харузиным. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1906), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1906), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1906), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1907), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1913), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 13.10.1914), знак отличия Первого Кубанского (Ледяного) похода (1918). Женат, 3 детей.

¹⁹⁰³ Шкеленко (Шкеленок) Антон (Антип) Максимович (20.01.1889–1946) — из крестьян, уроженец с. Бекотино Виленской губернии. Окончил Дисненское городское училище, Виленское военное училище (1909), два класса Императорской Николаевской военной академии (1914, так называемый выпуск 1915).

бывший у меня в штабе в Крыму. Он мне рассказывал, что когда приходилось с Романовским говорить по оперативным вопросам, то казалось, что говоришь с ним на разных языках. Впрочем, Ваш первый доклад ему по должности генкварма — яркое свидетельство об этом: я не знал Романовского по Мировой войне. В начале ее он был н[ачальн]ком штаба 25-ой дивизии в первой армии. Как-то у меня не осталось о нем впечатления. Задолго перед этим, на первом курсе академии, я встречался у общих знакомых с Романовским. Он был тогда причисленным к Ген[еральному] штабу молодым, веселым, жизнерадостным офицером. Когда я увидел его в Екатеринодаре, меня поразила перемена в нем, его мрачность, угрюмость, замкнутость.

Эти его свойства, несомненно, вредили ему в его деятельности начальника штаба; ведь и сам Деникин с людьми не умел ладить и скорее склонен был обострить всякий возникавший конфликт. Романовский не заботился о том, чтобы по возможности улаживать трения, возникавшие у главнокомандующего со старшими начальниками, скорее влиял в обратном смысле. Этому, как я считаю, в значительной степени надо приписать тяжелые взаимоотношения Деникина с Красновым¹⁹⁰⁴, Дроздовским¹⁹⁰⁵, наконец, с Врангелем¹⁹⁰⁶. Свойства характера Деникина — Романовского делали очень трудными взаимоотношения со Ставкой. Я это испытал за год пребывания в должности начальника штаба в Крыму, потом

Подпоручик. Поручик (со ст. с 15.06.1912). Штабс-капитан (со ст. с 15.06.1916; 01.04.1917 пожаловано ст. с 15.06.1915). Капитан (с 02.04.1917). Сотник (в украинской армии). Войсковой старшина (в украинской армии). Полковник. Участник Первой мировой войны. Переводчик штаба армий Юго-Западного фронта (на 03.1916). Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии (с 11.10.1916). В штабе 4-й Финляндской стрелковой дивизии. И.д. помощника начальника отделения 1-го отдела управления генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего. Состоял в распоряжении начальника штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта (с 17.12.1917). Участник Гражданской войны. В украинской армии (с 08.03.1918, на 12.1918). Начальник мобилизационной части мобилизационного отдела 2-го генерал-квартирмейстерства (назначен 25.08.1918 с 10.04.1918). В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской армии (1918–1920). Старший адъютант штаба 5-й пехотной дивизии (с 28.04(11.05).1919). Начальник штаба 5-й пехотной дивизии (на 06.1919). В распоряжении генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР (с 31.07(13.08).1919). Вр.и.д. начальника штаба отряда генерал-майора М.Н. Виноградова. Штаб-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР (на 08.1919). Помощник начальника оперативного отдела управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР. Начальник оперативного отделения (с 03.1920) штаба главнокомандующего ВСЮР и Русской армией. В эмиграции в Праге (Чехословакия). Окончил Высшее техническое училище. Полковник чехословацкой армии. Сотрудник Военно-географического института. Арестован в Праге контрразведкой СМЕРШ (05.1945), погиб в пересыльной тюрьме г. Ратибор (Польша). Символическая могила на Ольшанском кладбище в Праге. Награды: орден Св. Владимира 4-й ст.

¹⁹⁰⁴ Краснов Петр Николаевич (10.09.1869–16.01.1947) — из дворян, потомственный казак станицы Каргинской Верхне-Донского округа Области войска Донского. Родился в Санкт-Петербурге в семье генерал-майора. Окончил Александровский кадетский корпус (1887), 1-е Павловское военное училище по 1-му разряду (1889), прослушал один курс Николаевской академии Генерального штаба, отчислен (1894), Офицерскую кавалерийскую школу «успешно» (1908). Хорунжий (со ст. с 09.08.1888). Корнет гвардии (со ст. с 10.08.1889). Сотник (со ст. с 30.08.1893). Подъесаул (со ст. с 05.04.1898). Есаул (с 06.12.1906 со ст. с 10.08.1901). Войсковой старшина (с 13.05.1909). Полковник (за отличие, с 19.03.1910). Генерал-майор (с 02.11.1914). Генерал от кавалерии (с 26.08.1918 через чин генерал-лейтенанта). На службе с 01.09.1887. В Лейб-гвардии Атаманском полку. Участник экспедиций в Абиссинию (1897–1898) в качестве начальника конвоя русской дипломатической миссии и в Китай (1901). Корреспондент газеты «Русский инвалид». Участник Русско-японской войны. Командир 3-й сотни Лейб-гвардии Атаманского полка (с 1906). В постоянном составе Офицерской кавалерийской школы. Помощник по строевой части в казачьем отделе

на Правоб[ережной] Украине. К Ставке нельзя было обратиться в тяжелом положении за поддержкой, следовал окрик или язвительно-иронический ответ. Всякое предложение, всякая инициатива подчиненной инстанции встречали¹⁹⁰⁷ принципиально отрицательное отношение: «не суйся, в твоих советах не нуждаются».

(с 10.10.1909), начальник казачьего отдела (с 10.10.1909). Командир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка (23.06.1911–15.10.1913). Командир 10-го Донского казачьего генерала Луковкина полка (15.10.1913–01.04.1915). Участник Первой мировой войны. Командир 3-й бригады Кавказской туземной конной дивизии (01.04–16.09.1915). Командующий 2-й казачьей сводной дивизией (16.09.1915–10.06.1917). Тяжело ранен пулей в ногу у Вульки-Галузинской (26.05.1916). Арестован солдатами на станции Видибор (04.05.1917), отправлен в Минск, но освобожден. Командующий 1-й Кубанской казачьей дивизией (10.06–24.08.1917). Командующий III кавалерийским корпусом (24.08.1917–02.1918). Участник Гражданской войны. Один из организаторов похода на Петроград для восстановления власти Временного правительства (25.10–01.11.1917). Арестован красными (01–02.11.1917), отпущен. Уехал в штаб корпуса в Великие Луки (06.11.1917). С остатками корпуса вернулся на Дон. Скрывался в станице Константиновской под немецкой фамилией. Войсковым Кругом избран атаманом Всевеликого Войска Донского (03(16).05.1918). Очистил Донскую область от большевиков. Ориентировался на Германию. Признал верховную власть генерала А.И. Деникина (01.1919). Ушел в отставку (02(15).02.1919). Уехал в Батум (06(19).02.1919), а оттуда в Нарву (07.1919). В Северо-Западной армии (22.07.1919–03.1920). В резерве чинов штаба армии (22.07–09.09.1919). Начальник отдела пропаганды штаба Северо-Западной армии (09.09.1919–01.1920). Представитель Северо-Западной армии в Эстонии и член ее ликвидационной комиссии (01–03.1920). Вместе с известным писателем А.И. Куприным организовал издание прифронтовой ежедневной газеты «Приневский край». В эмиграции в Германии (с 20.03.1920), поселился в районе Мюнхена. Затем переехал в д. Сантени во Франции (с 22.11.1923). Один из основателей Братства Русской Правды (1923). Участник диверсионной антисоветской работы. Читал лекции по военной психологии на Высших военно-научных курсах генерал-лейтенанта Н.Н. Головина в Париже. Переехал в Германию, жил на вилле в Далевице около Берлина (с 04.1936). Участник Второй мировой войны. Сотрудничал с политическим отделом германского Министерства по делам восточных оккупированных территорий (с 1942). Руководитель антисоветских казачьих формирований периода Второй мировой войны. Сторонник казачьего сепаратизма. Начальник Главного управления казачьих войск при генерале добровольческих войск Вермахта (31.03.1944–05.1945). Интернирован в Австрии английскими войсками, 29.05.1945 г. в Юденбурге насильственно репатриирован в советскую оккупационную зону. Арестован контрразведкой СМЕРШ (20.06.1945). Вывезен в СССР. Содержался в Бутырской тюрьме. Судим и казнен через повешение во дворе внутренней тюрьмы МГБ СССР (по другим данным, в Лефортовской тюрьме) по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Кремирован. Прах захоронен в братской могиле на Донском кладбище. Путешественник, востоковед, военный писатель, журналист. Автор более 30 крупных художественных произведений и более 1000 статей. Печатался в журнале «Часовой», газете «Русский инвалид». Произведения Краснова переведены на многие иностранные языки. Награды: орден Св. Станислава 3-й ст. (1894), французский орден Почетного легиона (1897), ордена Св. Станислава 2-й ст. (1899), Св. Анны 2-й ст. (1903), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1904), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905), меч и бант к ордену Св. Станислава 3-й ст. (1906), чин полковника (1910), орден Св. Владимира 3-й ст. (1913), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 25.07.1915), орден Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 30.12.1915). Женат на дочери действительного статского советника Лидии Федоровне Бакмансон (24.04.1870–23.07.1949). Соч.: На озере. СПб., 1895; Атаман Платов. СПб., 1896; Донской казачий полк сто лет тому назад. СПб., 1896; Донцы. Рассказы из казачьей жизни. СПб., 1896; Казаки в начале XIX века. СПб., 1896; Ваграм. Очерки и рассказы из военной жизни. СПб., 1898; Казаки в Африке: Дневник начальника конвоя Российской Императорской миссии в Абиссинии в 1897–1898 гг. СПб., 1899; Атаманская памятка 1775–1900. СПб., 1900; Генералиссимус Суворов. Жизнеописание для войск и народа. СПб., 1900; Казаки в Абиссинии. СПб., 1900; Борьба с Китаем. СПб., 1901; Любовь абиссинки. СПб., 1903; По Азии: Очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии, Индии. СПб., 1903; Памятка о русских героях. Смерть рядового 284-го пехотного Чембарского полка Василия Рябова. Асхабад, 1904; Год войны. СПб., 1905. Т. 1–2; Затмение. СПб., 1905; Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909; Российское победоносное воинство. Краткая история русского войска от времен богатырей до Полтавской победы. СПб., 1910; Сборник повестей и рассказов. СПб., 1910. Т. 1–2; Русско-японская война. Восточный отряд на р. Ялу. Бой под Тюренченом. СПб., 1911; Донцы и Платов в

Чувствовалось в отношениях Ставки к подчиненным инстанциям недоверие, какая-то подозрительность. Нам не верили, и поверять нас иногда приезжал кто-н[и]б[удь] из «верных людей», какой-нибудь поручик, лично известный Деникину. Собирал сплетни, спекулировал с валютой, пьянствовал, а по возвращении

1812 году. СПб., 1912; Мир тайн. Повести из таинственной жизни и мистических явлений. СПб., 1913; Выездка строевой казачьей лошади. Пг., 1914; Памяти подвигов Донского казачьего Мельникова 5-го полка. Его потомки 10-й Донской казачий генерала Луковкина полк 1812–1814–1914. Пг., 1914; В житейском море. Пг., 1915; О славных боевых днях 1914–1915 годов 10-го Донского казачьего генерала Луковкина полка. Каменец-Подольск, 1915; Погром. Роман из русско-японской войны. Пг., 1915; Фарфоровый кролик. Волшебная песня. Пг., 1915; Степь. Новочеркасск, 1919; У подножия Божьего трона. Новочеркасск, 1919; От двуглавого орла к красному знамени: 1894–1921. Берлин, 1921. Т. 1–4; Амазонка пустыни. Берлин, 1922; За чертополохом. Берлин, 1922; Казачья самостийность. Берлин, 1922; На внутреннем фронте // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 1. С. 97–190; Степь: Рассказы. Берлин, 1922; Опавшие листья. Мюнхен, 1923; Понять — простить. Мюнхен, 1924; Единая — Неделимая. Берлин, 1925; Все проходит. Берлин, 1925–1926. Кн. 1–2; Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 5. С. 191–321; Душа армии. Очерки по военной психологии. Берлин, 1927; Картины императорской России. Париж, 1927; С нами Бог! Берлин, 1927; Белая свитка. Берлин, 1928; Мантык — охотник на львов. Париж, 1928; «Largo». Париж, 1930; Выпашь. Париж, 1931; Подвиг. Париж, 1932. Т. 1–2; Цесаревна, 1709–1762. Париж, 1933; Ненависть. Париж, 1934; Екатерина Великая. Париж, 1935; С Ермаком на Сибирь! Париж, 1935; Домой! (На льготе). Париж, 1936; О чуде. Личные переживания. Прага, 1936; Накануне войны: Из жизни пограничного гарнизона. Париж, 1937; Цареубийцы (1 марта 1881 г.). Париж, 1938; Ложь. Париж, 1939; На рубеже Китая. Париж, 1939; Павлоны. Париж, 1943; Поездка на Ай-Петри и другие рассказы. Берлин, б.г.; Лава; Погибельный Кавказ (роман не опубликован); Между жизнью и искусством (роман не опубликован). Лит.: *Алабин И.М., Судравский В.Д.* Донской генералитет в изгнании: Опыт библиографического словаря. М., 2001. С. 127–134.

¹⁹⁰⁵ Дроздовский Михаил Гордеевич (07.10.1881–01(14).01.1919) — из потомственных дворян Полтавской губернии, уроженец Киевской губернии, родился в Киеве в семье генерала. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1899), Павловское военное училище по 1-му разряду (1901), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1908), Офицерскую школу авиации в Севастополе (1913). Подпоручик гвардии (с 13.08.1901 со ст. с того же дня). Поручик гвардии (с 02.04.1906 со ст. с 13.08.1905). Штабс-капитан (за отличные успехи в науках в академии, с 02.05.1908). Капитан (с 26.11.1910 со ст. с 02.05.1908). Подполковник (с 22.03.1915 со ст. с 06.12.1914). Полковник (с 15.08.1916 со ст. с 06.12.1915). Генерал-майор (с 08.11.1918). На службе с 31.08.1899. В Лейб-гвардии Волыном полку (с 1901). Прервал учебу в академии и отправился на Русско-японскую войну. В 34-м Восточно-Сибирском стрелковом полку (с 19.10.1904). Участник Русско-японской войны (25.11.1904–03.09.1905). Ранен ружейной пулей в бедро в бою у д. Безьянной (Сумапу, 14.01.1905). Переведен в Лейб-гвардии Волынский полк (18.11.1905). Причислен к Генеральному штабу (23.05.1908). В Лейб-гвардии Волыном полку (с 11.09.1908). Прикомандирован к полку для двухгодичного ценового командования ротой (12.11.1908–04.11.1910). Убыл из полка (07.02.1911). Переведен в Генеральный штаб с переименованием в капитаны (26.11.1910). Обер-офицер для поручений при штабе Приамурского военного округа (с 26.11.1910). Помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа (с 26.11.1911). Совершил 12 полетов на аэроплане (1913). Участник Первой мировой войны. И.д. помощника начальника общего отделения штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта (с 18.07.1914, утв. 29.08.1914). Обер-офицер для поручений при штабе XXVII армейского корпуса (с 03.09.1914, утв. 05.09.1914). Начальник штаба Зегржского отряда (07–22.09.1914). Вернулся на штатную должность в XXVII армейский корпус (22.09.1914). И.д. штаб-офицера для поручений при штабе XXVI армейского корпуса (с 23.12.1914). И.д. начальника штаба 64-й пехотной дивизии (с 14.04.1915; Высочайший приказ 16.05.1915). Заболел и эвакуирован (25.09–05.10.1915). Вр.и.д. начальника штаба XXVI армейского корпуса (22.10–10.11.1915; 06–16.01.1916). В командировке в штаб 10-й армии для выполнения секретного поручения (08–13.12.1915). При атаке горы Капуль ранен ружейной пулей в область верхней трети правого предплечья с повреждением мышц (31.08.1916). Эвакуирован в тыл (04.09.1916). В распоряжении начальника Генштаба (с 20.12.1916). И.д. начальника штаба 15-й пехотной дивизии (с 10.01.1917). Командир 60-го пехотного Замосцкого полка (с 24.04.1917). Начальник 14-й пехотной дивизии (11–12.1917). Участник

докладывал. Таким верили, а нам — нет. Меня очень интересовало, откуда у Деникина, да и у Романовского такое недоверие к людям, основное ли это свойство его характера или этому есть другие причины. Слышал я, что это результат тяжелых испытаний, связанных с Быховым¹⁹⁰⁸; это мне кажется правдоподобным. А с другой стороны, полное неумение подбирать своих ближайших сотрудников и по-

---

Гражданской войны. Один из вождей Белого движения на Юге России. Инициатор формирования 1-й отдельной бригады русских добровольцев Румынского фронта (с 12.1917, около 1000 человек, в основном офицеров), выступившей 26.02.1918 в поход на Дон, на соединение с Добровольческой армией. Бригада Дроздовского заняла Ростов-на-Дону (21.04.1918), оказала содействие казакам в удержании Новочеркасска. 27.05.1918 в станции Мечетинской произошло соединение с Добровольческой армией. В 1918–1919 на службе в Добровольческой армии и во ВСЮР. Бригада была переформирована в 3-ю пехотную дивизию. Начальник 3-й пехотной дивизии (1918). Участник 2-го Кубанского похода. Умер в Ростове-на-Дону от заражения крови после ранения в ногу, полученного 31.10(13.11).1918 под Ставрополем. Похоронен в соборе Екатеринодара. При отступлении (03.1920) гроб вывезен командованием Дроздовской дивизии из Екатеринодара и перевезен через Новороссийск в Севастополь, где тайно захоронен в Доковом овраге возле Малахова кургана. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (за отличия в боях с японцами 12–16.01.1905; 26.04.1905), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1911), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (30.10.1905), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (01.07.1915), Георгиевское оружие «за то, что, принимая непосредственное участие в бою 20 августа 1915 года у местечка Оханы, произвел под действительным артиллерийским и ружейным огнем рекогносцировку переправы через Месечанку, руководя форсированием ее, а затем, оценив возможность захвата северной окраины местечка Оханы, лично руководил атакой частей Перекопского полка и умелым выбором позиции способствовал действиям нашей пехоты, отбивавшей в течение пяти дней наступление части превосходных сил противника» (Приказ командующего 10-й армией № 1270 от 02.11.1915; Высочайше утв. 24.05.1916), орден Св. Георгия 4-й ст. (Приказ по 4-й армии № 5705 от 26.11.1917); медали: светло-бронзовая в память Русско-японской войны с бантом (1906), в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. (26.08.1912), в память 300-летия Царствования Дома Романовых (12.03.1913). Женат на потомственной дворянке Ольге Владимировне Евдокимовой. Подробнее см.: Дроздовский и дроздовцы. М., 2006.

¹⁹⁰⁶ Врангель Петр Николаевич, барон (15.08.1878–25.04.1928) — из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Родился в Ростове, сын директора страхового общества. Окончил Ростовское реальное училище, Горный институт императрицы Екатерины II (1901), выдержал испытание на чин корнета при Николаевском кавалерийском училище по 1-му разряду, окончил Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду и дополнительный курс «успешно» (1910), остался в строю, годичный курс Офицерской кавалерийской школы «успешно». Корнет (с 12.10.1902). Сотник (за отличие в делах против японцев, со ст. с 01.12.1904). Подъесаул (за отличие в делах против японцев, с 01.09.1905 со ст. с 22.06.1905 с переименованием в штабс-ротмистры армейской кавалерии). Поручик гвардии (со ст. с 22.06.1905). Штабс-ротмистр (с 06.12.1909 со ст. с 22.06.1909). Ротмистр (с 11.08.1913 со ст. с 22.06.1913). Полковник (с 12.12.1914 со ст. с 06.12.1914; Высочайшим приказом 27.11.1916 даровано два года старшинства в чине с 06.12.1912). Генерал-майор (за боевое отличие, с 13.01.1917 со ст. с 22.08.1916). Генерал-лейтенант (за боевые отличия, с 22.11.1918). В службу вступил в Лейб-гвардии Конный полк рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда (01.09.1901). Унтер-офицер по окончании полковой учебной команды (10.03.1902). Эстандарт-юнкер (02.07.1902). В запасе по гвардейской кавалерии (12.10.1902–1904). Участник Русско-японской войны. Во 2-м Верхнеудинском полку Забайкальского казачьего войска (с 06.02.1904). Во 2-м Аргунском полку Забайкальского казачьего войска (с 27.02.1904). Участник походов в составе отряда генерала П.К. Ренненкампа (12.03.1904–29.05.1905). Во 2-й сотне отдельного дивизиона разведчиков (с 26.05.1905). Участвовал в разведке и боевых столкновениях (01.06–15.10.1905). Переведен в 55-й драгунский Финляндский полк с переименованием в штабс-ротмистры (с 06.01.1906). По Высочайшему повелению прикомандирован к Северному отряду Свиты Его Величества генерал-майора А.А. Орлова (07.01.1906). Прикомандирован к Лейб-гвардии Конному полку (с 30.08.1906), переведен в полк поручиком (с 26.03.1907). По окончании курса академии откомандирован к штабу Санкт-Петербургского военного округа (03.06.1910). Временно командующий, командир эскадрона Его Величества (с 22.05.1912). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба Сводно-кавалерийской дивизии (с 12.09.1914). Помощник командира Лейб-гвардии Конного полка по строевой части (с 23.09.1914). Флигель-адъютант (Высочайший приказ 06.12.1914). Командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска (с 08.10.1915). Командир 2-й бригады Уссурийской конной

мощников. Я близко наблюдал ген[ерал]-квартирмейстерский отдел Ставки с августа 18-го¹⁹⁰⁹ по январь 19-го года, пока я был не у дел. Генкварм — полк[овник] Сальников¹⁹¹⁰ — алкоголик, по утрам до полудня не приходивший еще в состояние полного умственного равновесия от выпивки предшествовавшего вечера.

дивизии (с 24.12.1916). Временно командующий Уссурийской конной дивизией (с 23.01.1917). Командующий 7-й кавалерийской дивизией (с 09.07.1917). Командующий Сводным конным корпусом (с 10.07.1917). Командир 3-го конного корпуса (с 09.09.1917), в командование не вступил. Жил в Крыму. Арестовывался большевиками. Участник Гражданской войны. На службе в Добровольческой армии, ВСЮР, Русской армии (25.08(07.09).1918–1920). Командир бригады 1-й конной дивизии (с 28.08(10.09).1918). Временно командующий (с 31.08(13.09).1918) и начальник 1-й конной дивизии (с 31.10(13.11).1918). Командир 1-го конного корпуса (с 15(28).11.1918). Командующий Добровольческой армией (с 27.12.1918(09.01.1919)). Командующий Кавказской добровольческой армией (с 10(23).01.1919), затем — Кавказской армией. Болен сыпным тифом (01–03.1919). Противник стратегии генерала А.И. Деникина при наступлении ВСЮР в 1919. Выступал за наступление на Царицын и соединение Южного и Восточного антибольшевистских фронтов. Взял Царицын (18(31).06.1919). Командующий Добровольческой армией и главноначальствующий Харьковской области (с 26.11(09.12).1919). Ввиду расформирования армии зачислен в распоряжение главнокомандующего ВСЮР (20.12.1919(02.01.1920)). Уволен в отставку (08(21).02.1920). Эвакуирован из Севастополя на судне «Посадник» (02.1920). Жил в Константинополе. Прибыл в Севастополь на английском линкоре «Император Индии» (22.03(04.04).1920). Избран новым главнокомандующим ВСЮР на совещании старших начальников. Главнокомандующий ВСЮР (с 22.03(04.04).1920) и Русской армией (1920). Осуществил земельную реформу. Организатор успешной эвакуации армии и беженцев из Крыма (11.1920). Организатор переезда армии из беженских лагерей в Болгарию и Сербию. В эмиграции в Константинополе (Турция), Сремских Карловцах (с 1922, Сербия) и Брюсселе (с 09.1927, Бельгия). Один из создателей РОВС (1924). Неожиданно заболел и скоропостижно скончался в Брюсселе. Предположительно был отравлен советскими агентами. Похоронен в Брюсселе, затем перезахоронен в Белграде в храме Св. Троицы. Принят в почетные старики и коренные жители ряда станиц Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск. Зачислен в войсковое сословие Всевеликого Войска Донского. Зачислен в списки 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка, 1-го Корниловского ударного полка, 1-го пехотного генерала Маркова полка, Лейб-гвардии Казачьего полка, эскадрона конной гвардии, гусарского Ингерманландского дивизиона, Лейб-гвардии Атаманского полка, 1-го стрелкового генерала Дроздовского полка. Награды: орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (04.07.1904), чины сотника, подьесаула, генерал-майора и генерал-лейтенанта, ордена Св. Анны 3-й ст. (лично пожалован императором за отличие в делах против неприятеля, 09.05.1906), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (за отличие в делах против японцев), Св. Станислава 2-й ст. (06.12.1912), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (лично пожалован императором за отличие в делах против неприятеля, 27.10.1914), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (08.12.1915), Св. Георгия 4-й ст. (за взятие германской батареи в конном строю, постановление Георгиевской думы 1-й армии от 23.08.1914, приказ войскам 1-й армии 30.08.1914, Высочайший приказ 13.10.1914), Георгиевское оружие (приказ войскам 10-й армии № 418 от 13.04.1915, Высочайший приказ 10.06.1915), Георгиевский крест 4-й ст. (24.07.1917, постановление наградных Дум частей Сводного конного корпуса, утвержденное командующим 8-й армией, награжден за отличия, оказанные по должности командира корпуса, прикрывая отход пехоты к линии р. Збруч 10–20.07.1917 во время Тарнопольского прорыва противника), Крест Спасения Кубани 1-й ст., орден Св. Николая Чудотворца 2-й ст. (15.11.1921), англ. орден Свв. Михаила и Георгия 2-й ст., светло-бронзовая медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812 г., светло-бронзовая медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых, светло-бронзовая медаль в память 200-летия Полтавской битвы, звание кавалера Св. Гроба Господня и пожалование честным крестом Св. Гроба Господня (20.08.1920), знак «Галлиполи» (29.11.1921). Женат на фрейлине Их Императорских Величеств потомственной дворянке дочери камергера Высочайшего Двора Ольге Михайловне Иваненко. Дети: Елена, Петр, Наталия, Алексей. Сын П.Н. Врангеля Петр в воздаяние заслуг отца состоял урядником Кубанского казачьего войска и подхорунжим 1-го Астраханского казачьего полка. Соч.: Записки: В 2 ч. Берлин, 1928. (Белое дело. Летопись Белой борьбы / Под ред. А.А. фон Лампе; Кн. V, VI).

¹⁹⁰⁷ В документе — встречались.

¹⁹⁰⁸ Быхов — город неподалеку от Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве, где осенью 1917 г. содержались под арестом участники выступления генерала Л.Г. Корнилова.

¹⁹⁰⁹ В документе ошибочно — 19-го.

Когда я в первый раз являлся в Ставке, то меня в кабинете ген[ерал-]квар[тирмейстера] очень любезно как старого знакомого встретил некий полковник Ген[ерального] штаба, показавшийся мне первоначально совершенно незнакомым. Сделав вид, что я тоже хорошо его помню, я во время разговора старался сообщить, где же я с ним

¹⁹¹⁰ Сальников Дмитрий Николаевич (09.10.1882–29.05.1945) — из потомственных дворян, уроженец г. Шавли Шавельского уезда Ковенской губернии. Окончил Козельское городское училище (1890), два класса Холмской духовной семинарии, восемь классов Холмской классической гимназии (1900), Одесское пехотное юнкерское училище (1903), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1912). На службе вольноопределяющимся 1-го разряда в 70-м пехотном Рязском полку (с 1900). Подпоручик (с 09.09.1903 со ст. с 05.09.1902). Поручик (со ст. с 05.09.1906). Штабс-капитан (со ст. с 05.09.1910). Капитан (со ст. с 05.09.1912). Подполковник (со ст. с 06.12.1915). Полковник (с 1918). Генерал-майор (с 14.03.1920). На службе с 20.06.1900. В 8-м стрелковом и 11-м Сибирском стрелковом Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полках. Участник Русско-японской войны. Ранен. Заведующий школой подпрапорщиков 8-го стрелкового полка (1908). Прикомандирован к 11-му Сибирскому стрелковому полку на год для ценового командования ротой (1913–1914). Отбывал специальные кавалерийские и пулеметные сборы. Участник Первой мировой войны. Обер-офицер для поручений при штабе V Сибирского армейского корпуса. Старший адъютант и начальник штаба 5-й Сибирской стрелковой дивизии, затем 79-й пехотной дивизии (1915). И.д. штаб-офицера для поручений при штабе XXXVII армейского корпуса (с 20.10.1915). Штаб-офицер для поручений при штабе XIII армейского корпуса (с 08.02.1916, на 02.1917). И.д. начальника штаба 184-й пехотной дивизии (с 09.02.1917). Трижды ранен и дважды контужен. Участник Гражданской войны. На службе в Добровольческой армии, Донской армии, ВСЮР (08.01.1918–1919). Участник Первого Кубанского (Ледяного) похода. Начальник отдела укомплектования Добровольческой армии. Начальник оперативного отдела штаба Добровольческой армии. В Донской армии (06.1918). Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего Добровольческой армией (на 10.1918). Командир 1-го офицерского генерала Маркова полка (27.11(10.12).1918–03.1919). Командирован на Восточный антибольшевистский фронт (03.1919). На Восточном антибольшевистском фронте (06.1919–1922). Начальник штаба Восточного фронта (19.06–30.09.1919). Начальник осведомительного управления штаба Восточного фронта (на 09–10.1919). Вице-председатель Думы георгиевских кавалеров (1919–1920). Командующий войсками Барнаульского и Бийского районов с правами командующего отдельной армией (11.1919, к месту назначения не прибыл). Участник Сибирского Ледяного похода. Начальник штаба Северной колонны генерала Н.Т. Сукина (12.1919–14.03.1920). Начальник осведомительного (особого) отдела штаба Дальневосточной армии (17.06–01.10.1920). Убыл в служебную командировку в Харбин и Владивосток (03.08.1920). Как не явившийся в срок из отпуска отчислен от должности (01.10.1920). Генерал для поручений по военным делам Временного Приамурского правительства (1921), начальник штаба начальника Камчатской области. Участник Хабаровского похода. Генерал для поручений при члене Временного Приамурского правительства Н.Д. Меркулове (с 01.06.1922). Товарищ председателя комиссии по выборам в Приамурский Земский Собор (07.1922). Член Приамурского Земского Собора от Союза георгиевских кавалеров. Эвакуировался с кораблями эскадры адмирала Г.К. Старка из Владивостока в Гензан (Корея) (10.1922). В эмиграции — в Харбине (Китай). Китайский подданный (1924–1936). Директор смешанных реальных курсов в Харбине (1923). Поденный рабочий, подрядчик (1923–1924). Старший работ и десятник (1924–1927). Смотритель зданий Харбинского городского участка службы пути КВЖД, заведующим курсами китайского и русского языков для служащих КВЖД (1927–1930). Окончил курсы техников путей сообщения (1929). Уволен с КВЖД как китайский подданный (1930). В 1931–1933 давал частные уроки, работал журналистом в газетах «Русский голос», «Наш путь», «Харбинское время». Полицейский Государственных железных дорог в Северной Маньчжурии (03–07.1935). Член КИАФ (1931–07.1935). Член-учредитель Харбинского комитета помощи русским беженцам, член Союза георгиевских кавалеров Российской восточной окраины, член Союза русских военных инвалидов (с 1929). В 1933–1935 начальник штаба главного представителя Дальневосточного отдела КИАФ, помощник главного представителя по военно-учебной части и начальник офицерских повторительных курсов, уволился по собственному желанию. Приказом Его Императорского Величества по военной части № 524 от 9 (22) ноября 1935 г. уволен от службы в дисциплинарном порядке и исключен из списков КИАФ за измену с лишением полученных от Государя чинов и других наград. Один из организаторов и начальник штаба (с 08.1935) Дальневосточного союза военных в Маньчжурской империи. Помощник начальника 7-го отдела БРЭМ (01.11.1935–01.06.1938). К 1943 не служил, тяжело болен. Находился в монастырской больнице (с 05.11.1943), затем в лечебнице им. доктора А.Е. Ильина в Харбине.

встречался. Наконец, вспомнил: в январе–апреле 1917-го года я был начальником штаба 36-ой п[ехотной] дивизии 13-го арм[ейского] корпуса, так вот, в штабе корпуса был штаб-офицер для поручений Сальников. Только с ним мне никогда дела не приходилось иметь. Когда я, приехав в штаб корпуса и поговорив с начальником штаба, переходил для более детальных разговоров в отдел Ген[ерального] штаба штаба¹⁹¹¹, то иметь дело приходилось с очень толковым и серьезным капитаном Ген[ерального] штаба — кажется, кап[итаном] Суховым¹⁹¹². Сальникова я там не встречал и о делах с ним не говорил. Когда я сидел у него в кабинете в Екатеринодаре, то его фамилия припомнилась мне в связи с событием совсем не оперативного характера. Как-то в одном из госпиталей 13-го корпуса, уже после революции, когда публика пораспустилась, была вечеринка с сестрами милосердия. После ужина там произошло столкновение между Сальниковым и каким-то ветеринарным врачом с обоюдным или односторонним мордобитием. Об этом скандале я тоже в свое время слышал. Сальникова из генквармов убрали, как я слышал, по настоянию союзников. Ему был дан в командование один из «цветных» полков, но командовал им Сальников неудачно; спланировали его к Колчаку, где он получил высокое назначение по Ген[еральному] штабу и, как я слышал, принес немало вреда. Помощником Сальникова в Ставке был полк[овник] Нелидов¹⁹¹³, может быть, и неплохой офицер — я его не знаю, но тоже алкоголик. Самое симпатичное впечатление в оперативном отделении Ставки производил кап[итан] Александров¹⁹¹⁴, но это был еще совсем молодой и неопытный офицер. После Сальникова взяли в генквармы Вашего предшественника —

Умер в Харбине. Похоронен в Харбине на Новом (Успенском) кладбище. Награды: Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1906), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Георгиевский крест 4-й ст. с лавровой ветвью для офицеров (1917), знак отличия Первого Кубанского (Ледяного) похода 1-й ст. (1918), знак отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход» 1-й ст. (17.06.1920), серебряная медаль в память Приамурского Земского Собора (08.1922). Соч.: Курс тактики пехоты и конницы. Харбин, 1935. Лит.: *Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011. С. 479–481.

¹⁹¹¹ Так в документе.

¹⁹¹² Сухов Василий Гаврилович (01.01.1885–1970) — окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1913). Штабс-капитан. Капитан (со ст. с 22.04.1915; позднее — со ст. с 22.04.1914). Подполковник (с 02.04.1917). Участник Первой мировой войны. В 1-м Лейб-гренадерском Екатеринославском полку. Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии (с 03.10.1915, на 02.1917). Штаб-офицер для поручений при штабе XIII армейского корпуса. И.д. начальника штаба 38-й пехотной дивизии. Старший адъютант разведывательного отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии (с 24.08.1917). В германском плену (попал в плен в Двинске в 1918). Вернулся из плена (06.1918). Участник Гражданской войны. С 06.1918 добровольно поступил в РККА. На службе в РККА (1918–1923). Младший делопроизводитель разведывательного отделения оперативного управления Всероссийского главного штаба (1918). Делопроизводитель статистического отдела Всероссийского главного штаба. Старший делопроизводитель отчетно-организационного отдела организационного управления Всероссийского главного штаба. Начальник организационного отдела штаба Восточного фронта. Заведующий учебной частью (обучающимися) и руководитель практических работ академии Генерального штаба РККА (с 27.02.1919, на 05.1920, 1921). Арестован МЧК по подозрению в контрреволюционной деятельности (18.10.1920). Освобожден и продолжил службу. Старший руководитель по тактике Военной академии РККА. Умер в СССР. Награды: орден Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 02.05.1915).

¹⁹¹³ Нелидов Алексей Леонтьевич (02.11.1884–?) — окончил Ярославский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1911), Офицерскую кавалерийскую школу. Подпоручик (со ст. с 09.08.1904). Поручик (со ст. с 10.08.1907). Штабс-ротмистр (со ст. с 10.08.1911). Ротмистр. Подполковник. Полковник. На службе с 01.09.1902. В 10-й

Плющевского-Плющика. Я его довольно хорошо знал, он был со мной в академии. Очень порядочный был человек и добросовестный работник, но с очень средними способностями и без всякой инициативы. О нем мне Шкеленко рассказывал, что он на всех бумагах ставил резолюцию: «В докл[ад] нач[альнику] штаба». А ведь была же у Деникина полная возможность подобрать к себе в Ставку выдающихся офицеров Ген[ерального] штаба, талантливых, добросовестных, опытных. Выбор у него был большой, но нужны были «свои». Вообще я пришел к заключению, что большим даром является умение выбирать помощников и сотрудников, нет, этим даром ни Деникин, ни Романовский не обладали.

18 сентября 1937 года.

Я начал это письмо чуть не месяц тому назад, а потом должен был прервать его, как и вообще всякую работу. Причина — серьезная болезнь глаз. Хочу теперь поскорее его закончить и отправить. Мне будет очень интересен Ваш ответ по содержанию этого письма. При этом говорю, что Ваше мнение интересует меня безотносительно к моей работе. Цитировать его, ссылаться на него я не буду. В этом мне и не будет надобности, так как я не считаю соответственным в своей работе, в коей говорится лишь о самом последнем периоде деятельности Деникина, давать его характеристику, как возглавителя «белого» движения. Мне приходится, конечно, во многих случаях очень критически высказываться о нем как о главнокомандующем или о его политических мероприятиях, но обычно я употребляю безличный термин — «Главное командование». Ввиду замедления с письмом не буду уже задерживаться на некоторых вопросах, которые я также хотел в нем затронуть. Отложу на будущее. Что-то до сих пор нет ответа от З.В. Коноваловой¹⁹¹⁵. Может быть, не решила, как отнестись к моему предложению, или списывается, с Болгарией или хочет посоветоваться с Вами.

По вопросу о будущем архива¹⁹¹⁶ пока никаких тревожных данных нет. Матерьялы продолжают поступать. Как раз сейчас ожидается прибытие больших матерьялов ген[ерала] Щербачева¹⁹¹⁷, в количестве до 500 кило. Очевидно, не только личные, но и вообще матерьялы Румфронта¹⁹¹⁸.

Всего лучшего.

Ваш В. Чернавин.

артиллерийской бригаде. В 5-м драгунском Каргопольском полку. Участник Русско-японской войны. Участник Первой мировой войны. Старший адъютант штаба 10-й кавалерийской дивизии (с 11.06.1915). Штаб-офицер для поручений при штабе VI армейского корпуса (с 27.10.1916). И.д. начальника штаба 11-й кавалерийской дивизии (с 03.09.1917). Участник Гражданской войны. На службе в Добровольской армии и ВСЮР (12(25).07.1918–1919). Начальник оперативного отделения штаба главнокомандующего Добровольческой армией (на 10.1918). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1906), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1907), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1910), Св. Георгия 4-й ст. (приказ по 11-й армии № 676 от 25.09.1917).

¹⁹¹⁴ Александров Лев Петрович (1890–?) — окончил старший класс 1-й очереди Военной академии (выпуск 1916). Причислен к Генеральному штабу (Приказ по Генеральному штабу № 24 от 28.06.1917). Переведен в Генеральный штаб (Приказ армии и флота 14.09.1917). Штабс-капитан. Капитан. Полковник. Участник Первой мировой войны. В 26-й артиллерийской бригаде. Участник Гражданской войны. На службе в Добровольческой армии, ВСЮР, Русской армии (02(15).07(по другим документам, с 12(25).07).1918–1920). Помощник начальника оперативного отделения штаба главнокомандующего Добровольческой армией (на 10.1918). Начальник штаба Сводно-Горской конной дивизии (1919). В эмиграции — в Салониках (Греция).

¹⁹¹⁵ Коновалова З.В. — видимо, вдова Г.И. Коновалова.

¹⁹¹⁶ Т.е. Русского заграничного исторического архива в Праге (ныне в основном в собрании ГА РФ).

На подлиннике приписка Чернавина: Простите за внешний вид письма. Как видите, владею машинкой я еще далеко не в совершенстве. В.Ч.

Надпись Махрова: Я не разделял столь отрицательного отношения ген[ерала] Чернавина к оценке ген[ерала] Деникина как военачальника и человека и в свое время ответил Чернавину на его письмо. Его же письмо я сохранил как документ, все же имеющий историческую ценность. П. Махров.

ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 210. Л. 7–8. Отпуск. Машинопись. Сверено с подлинником. Подлинник хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета. Peter S. Makhrov collection. Box 1.

¹⁹¹⁶ Т.е. Русского заграничного исторического архива в Праге (ныне в основном в собрании ГА РФ).

¹⁹¹⁷ Щербачев Дмитрий Григорьевич (06.02.1857–18.01.1932) — сын генерала. Окончил Орловскую Бахтина военную гимназию (1873), 3-е Александровское военное училище и Михайловское артиллерийское училище (1876), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1884). Подпоручик (со ст. с 10.08.1876). Прапорщик гвардии (со ст. с 30.08.1877). Подпоручик (со ст. с 16.04.1878). Поручик (со ст. с 12.04.1881). Штабс-капитан (со ст. с 25.03.1884). Капитан (со ст. с 25.03.1884). Подполковник (со ст. с 21.05.1890). Полковник (со ст. с 17.04.1894). Генерал-майор (со ст. с 10.05.1903). Генерал-лейтенант (со ст. с 29.11.1908). Генерал от инфантерии (со ст. с 06.12.1914). Генерал-адъютант (с 07.11.1915). На службе с 01.09.1873. В 3-й конно-артиллерийской батарее. В гвардейской конной артиллерии. В Лейб-гвардии Егерском полку. Старший адъютант штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии (15.11.1884–09.05.1889). Командир роты Лейб-гвардии Егерского полка (08.12.1886–23.10.1887). Обер-офицер для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (09.05.1889–21.05.1890). Старший адъютант штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (21.05.1890–28.09.1898). Командир батальона Лейб-гвардии Егерского полка (29.04–09.09.1894). Начальник штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии (28.09.1898–20.06.1901). Командир 145-го пехотного Новочеркасского полка (20.06.1901–10.05.1903). Командир Лейб-гвардии Павловского полка (10.05.1903–23.06.1906). Участник подавления народной демонстрации (09.01.1905, «Кровавое воскресенье»), подавления беспорядков в Кронштадте и бунта в Лейб-гвардии саперном батальоне. В списках Лейб-гвардии Павловского полка (с 23.06.1906). В Свите Его Императорского Величества (1906–1908). Начальник 1-й Финляндской стрелковой бригады (23.06.1906–24.01.1907). Начальник Императорской Николаевской военной академии (24.01.1907–14.12.1912). При Щербачеве были осуществлены наиболее значимые преобразования в учебном курсе академии. Командир IX армейского корпуса (с 14.12.1912). Почетный член Императорской Николаевской военной академии (20.02.1913). Участник Первой мировой войны. Командующий 11-й армией (с 05.04.1915). Командующий 7-й армией (с 19.10.1915, на 1917). Участник наступления Юго-Западного фронта (1916). Помощник Августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта (11.04.1917–18.04.1918). Заключил перемирие в Фокшанах с фельмаршалом А. фон Макензеном, предусматривавшее сохранение румынской армии (02.1918). Дал согласие на оккупацию Румынией Бессарабии (03.1918). Поселился в имении, предоставленном румынским королем. Участник Гражданской войны. В 11.1917–02.1918 числился в украинской армии, командовал Украинским фронтом, подчинявшимся Центральной Раде. На службе в Добровольческой армии, ВСЮР, Русской армии (13.10.1918–05.1920). Представитель Добровольческой армии в Румынии (с 04.1918). Представитель Добровольческой армии при союзном Верховном командовании (с 13.10.1918). Военный представитель русских армий при союзных правительствах и союзном командовании (с 30.12.1918). Представитель Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и начальник управления по снабжению белых армий в Париже (01.1919–05.1920). В эмиграции — во Франции. Переехал в Ниццу (1920). Жил на обеспечении властей Румынии. Член учебного комитета Высших военно-научных курсов генерала Н.Н. Головина. Член полкового объединения Лейб-гвардии Павловского полка. Умер в Ницце. Похоронен на кладбище Кокад. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1879), Св. Анны 3-й ст. (1885), Св. Станислава 2-й ст. (1888), Св. Владимира 4-й ст. (1891), Св. Анны 2-й ст. (1896), Св. Владимира 3-й ст. (1899), Св. Станислава 1-й ст. (1905), Св. Анны 1-й ст. (05.06.1911), Св. Георгия 4-й ст. за бои под Львовом и Равой-Русской (Высочайший приказ 27.09.1914), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 23.04.1915), орден Св. Георгия 3-й ст. (Высочайший приказ 27.10.1915), большой крест французского ордена Почетного легиона. Женат, 4 детей,

«Такой... примитивный подход к столь сложной, серьезной и в высшей степени ответственной теме»

Челябинское совещание 11 февраля 1919 г.
и планирование весеннего наступления
Восточного фронта адмирала А.В. Колчака*

8 февраля 1919 г. Верховный правитель и Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России адмирал А.В. Колчак отправился в поездку на фронт¹⁹¹⁹. 10 февраля он прибыл в Челябинск, где на следующий день состоялось совещание высшего военного руководства белого Восточного фронта, на котором обсуждался стратегический план предстоявших операций, в том числе и предполагавшегося наступления фронта.

На совещании 11 февраля присутствовали: Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В. Колчак, командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда, командующий Западной армией генерал-лейтенант М.В. Ханжин, командующий Отдельной Оренбургской армией генерал-лейтенант А.И. Дутов и, судя по воспоминаниям Гайды¹⁹²⁰, начальники штабов Сибирской и Западной армий Генерального штаба генерал-майоры Б.П. Богословский и С.А. Щепихин. Об этом совещании сохранилось всего два сравнительно подробных свидетельства его участников генералов Гайды и Щепихина. Оба свидетельства труднодоступны даже для специалистов — воспоминания Гайды опубликованы, но не переведены на русский язык, а воспоминания Щепихина об этом событии никогда прежде не публиковались. Причем если первый упоминает среди участников начальника штаба Ставки Генштаба генерал-майора Д.А. Лебедева и начальника штаба Отдельной Оренбургской армии Генштаба полковника А.Н. Вагина, то по более заслуживающим доверия воспоминаниям Щепихина, Лебедев и Вагин не участвовали в совещании, а в качестве секретаря присутствовал Генштаба полковник Д.М. Супрунович¹⁹²¹.

Как вспоминал Гайда, план Ставки заключался в наступлении по линии Пермь–Вятка–Вологда. Сам Гайда утверждал, что выступил резко против такого плана и вместе с Дутовым отстаивал план наступления левого фланга фронта на

в т.ч. сын Александр — офицер. Соч.: Львов — Рава Русская — Перемышль (9-й корпус и 3-я армия в Галиции в 1914 г.) // Военный сборник. Белград, 1929. Кн. 10. С. 116–129; 1930. Кн. 11. С. 148–156. Подробнее см.: *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 688–693.

¹⁹¹⁸ Румфронт — Румынский фронт периода Первой мировой войны.

* Впервые опубликовано: Родина. 2008. № 11. С. 79–85.

¹⁹¹⁹ Правительственный вестник (Омск). 1919. 11 февр. № 66. С. 2.

¹⁹²⁰ *Gajda R.* Moje paměti. Praha, 1920. S. 117.

¹⁹²¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 56.

соединение с войсками Генерального штаба генерал-лейтенанта А.И. Деникина, действовавшими на Юге России. Для этого, по мнению Гайды, достаточно было продвинуться лишь на 90 км. Впрочем, эта цифра далека от реальности. Якобы присутствовавший, по словам Гайды, Лебедев выступил против предложения Гайды и Дутова, утверждая, что соединение могло привести к трениям о первенстве и пагубным последствиям в дальнейшем (Деникин на тот момент еще не подчинился власти Колчака). Все участники совещания, в том числе и сам Колчак, за исключением Гайды и Дутова, поддержали Лебедева. В конце заседания Колчак, по словам Гайды, заявил: «Кто первым дойдет до Москвы, тот станет хозяином положения»¹⁹²². Противникам такого подхода оставалось лишь согласиться с мнением большинства.

Свидетельство Гайды о совещании следует считать преднамеренной ложью. По мнению С.П. Мельгунова, Гайда вопреки своим мемуарам был ярким сторонником северного варианта¹⁹²³. Сам Дутов на Войсковом Круге заявил, что договорился с Гайдой об обмене пеших частей на конные¹⁹²⁴, однако в дальнейшем армия Дутова столь необходимой ей пехоты так и не получила.

Сохранился рукописный русский перевод воспоминаний Гайды, в котором о челябинском совещании сказано следующее: «В январе¹⁹²⁵ 1919го года в Челябинске происходила серьезная военная конференция, где решался план ближайших военных операций. Там собрались все командующие армиями и другие генералы Ставки. Присутствовал и Колчак со своим начальником штаба генералом Лебедевым. Командующий Западной армией ген[ерал]-поручик¹⁹²⁶ Ханжин, командующий Южной армией ген[ерал]-майор¹⁹²⁷ Дутов, я и три начальника штаба армий.

План Ставки был следующий: наступать на север по линии Пермь–Вятка–Вологда, чтобы завладеть центральным промышленным районом и главным городом Москвой. Я был решительно против этого, указывая на то, что поход на Вологду растянет нашу северную линию фронта и поставит в опасность наш тыл, т.к. большевики, сконцентрировав в любом месте свои силы, могут отрезать всю мою армию от железной дороги на Урал и в Сибирь. Я вместе с генералом Дутовым старались добиться принятия плана наступления левого фланга фронта, т.е. наступления Южной армии, для того, чтобы соединиться с армией генерала Деникина, который в то время находился на сравнительно небольшом расстоянии от нас, приблизительно в 90^{та} километрах; таким образом был бы создан единый фронт. Генерал Лебедев выступил с большой страстностью против моего предложения, сказав, что если мы соединимся с ген[ералом] Деникиным, то могут произойти трения из-за первенства, которые приведут к печальным последствиям, т.к. в то время Деникин еще не объявил, что подчиняется адмиралу Колчаку. Поэтому мы должны двинуться на Москву. Того же мнения придерживались и все остальные, кроме меня и Дутова. Адмирал Колчак высказался только в самом конце прений.

¹⁹²² *Gaida R.* Моје памѣти. S. 118.

¹⁹²³ *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 3. Т. 1: Конституционная диктатура. Белград, 1931. С. 126–127.

¹⁹²⁴ Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 15.

¹⁹²⁵ Так в документе.

¹⁹²⁶ Так в документе. Правильно — генерал-лейтенант.

¹⁹²⁷ Так в документе. Правильно — генерал-лейтенант.

Кто первый попадет в Москву, тот будет господином положения. Это были его слова. Меня удивили эти заключения, а еще в большей степени то, что Колчак мог согласиться с честолюбивыми планами своего начальника штаба. Это было новое проявление его слабости. Я начал опасаться неблагоприятного влияния генерала Лебедева, но я должен был подчиниться решению большинства, которое стояло за вышеуказанный план, и поэтому я употребил все силы, чтобы подготовить армию к его выполнению.

За свою армию мне нечего было бояться. Она не знала отступлений и поражений, которые испытала Западная армия. Сибирская армия была сильна духом, который до сих пор не подорвали ни незначительные частичные неудачи, ни тяжелые сражения, ни невзгоды и утомление.

Я был убежден в том, что мне удалась бы и эта операция, если бы соседняя Западная армия выполнила поставленную перед ней задачу. Но я знал и то, что внутренне она очень слаба, и я заранее был убежден в том, что наступление ей не удастся; в таком духе я и высказался об этом плане перед адмиралом Колчаком»¹⁹²⁸.

Февральское совещание в целом дало незначительный результат, поскольку не приехавший Лебедев давно уже принял свой собственный план предстоявшей операции, который Колчак должен был заставить принять и командующих армиями, а все командующие — и Гайда, и Ханжин, и Дутов — имели собственные планы действий и руководствовались ими без должной координации с соседями¹⁹²⁹. Генерал Щепихин с грустью писал о тройке командармов, в которой у каждого коня свой кучер¹⁹³⁰. Ситуация осложнялась постоянным соперничеством между соседями: Гайдой и Ханжиным, Ханжиным и Дутовым¹⁹³¹. Причем Ханжин явно интриговал перед Ставкой против оренбургского атамана.

Вскоре после совещания Щепихин сообщал в Ставку: «Я теперь должен признаться, что при обсуждении общего плана здесь в Челябине в присутствии Верховного мы были введены, быть может, вполне добросовестно командармом Оренбургск[ой] армии в заблуждение как относительно общего состояния армии, так, в частности, и относительно Башкирского участка. Основываясь на докладе ген[ерала] Дутова, что все обстоит благополучно и что с башкирами он справится, и был принят план, который я назову средним, так как он учитывал нанесение главного удара по центру на Уфу. Два крайних плана в то время отпали по различным причинам. План Гайды — нанесение главного удара в районе его армии, потому что слишком район удара удален от района, где нужна помощь. Второй крайний план, который, быть может, по обстановке данного момента теперь и надо принимать, именно — сосредоточение и главный удар от Верхнеуральск[а] – Троицка по Башкирии и наиболее решительный и быстро приводящий к результату, тогда не был принят ввиду удовлетворительного по освещению (? — А.Г.) ген[ералом] Дутовым обстановки положения, и так как это решение сопровождается многими минусами, как то: трудность снабжения, медленность сосредоточения, горный рай-

¹⁹²⁸ РГВА. Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1. Л. 231–233.

¹⁹²⁹ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 76.

¹⁹³⁰ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78об.

¹⁹³¹ Подробнее об этом см.: Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 103, 126–128; Петров А.А. Генерал-лейтенант Р. Гайда // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов... / Сост. А.С. Кручинин. М., 2004. С. 96.

он, не позволяющий работать большими силами, и угрозой ему со стороны Уфы, то это решение было оставлено и принято известное уже Вам. Полагаю, что менять в корне план не нужно и видоизменять нанесение главного удара на фронте Западной армии, но уделить больше внимания левому флангу и тылу нашей и Оренбургской армии за счет второстепенного Сибирского участка повелительно требует обстановка, иначе к моменту начала операции на Уфу можно быть вынужденным угрозой соединениям Оренбургской поспешно обессилить занесенный удар и скомкать всю операцию, вот почему я [с] согласия командующего армией в начале нашего разговора и доложил Вам, что здесь нужна помощь серьезная, вполне самостоятельная, а не паллиативы, на которые способны Западная и Оренбургская армии. Первая — ввиду начатия исполнения общего плана, а вторая — [по] обессилию. Отсюда ясно, что если Вы не пожертвуете Сибирской бригадой и второстепенными задачами, данными Гайды, то придется вывести нам часть своих сил, намеченных для удара, чем нарушить общий план на главном, а не на второстепенном, что будет при отзывании Сибирской бригады от Гайды, участке. Генерал Щепихин»¹⁹³².

Однако помимо этого краткого донесения именно генерал Щепихин в своих мемуарах оставил единственное достоверное и подробное свидетельство о совещании, детально описав всю его бессмысленность, несерьезность и даже позорность для Белого движения. Этот небольшой фрагмент воспоминаний Щепихина имеет исключительное значение для оценки стратегического планирования весеннего наступления белых на Восточном фронте и предлагается вниманию читателей.

Автор воспоминаний — Генерального штаба генерал-майор Сергей Арефьевич Щепихин происходил из семьи уральского казачьего офицера. Он родился в станице Январцевской 1 октября 1880 г., окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908), причем во всех этих учебных заведениях обучался вместе с будущим оренбургским атаманом А.И. Дутовым. На 1917 г. Щепихин уже являлся полковником Генерального штаба, имел боевой опыт Русско-японской и Первой мировой войн. В годы Гражданской войны возглавлял штаб Уральского войска, но из-за конфликта с депутатами уральского Войскового съезда и его председателем Г.М. Фомичевым был вынужден уехать в Самару, где получил ответственный пост начальника полевого штаба Поволжского фронта. В конце 1918 г. произведен в чин генерал-майора. В первой половине 1919 г., в том числе и в ходе весеннего наступления белых, являлся начальником штаба Западной армии, на которую возлагалось нанесение главного удара по красным. Фактически сам разработал план наступательной операции, во время которой белым на Восточном фронте удалось добиться наиболее впечатляющих успехов. Во время последовавшего отступления принял участие в Сибирском Ледяном походе, занимал пост начальника штаба главнокомандующего Восточным фронтом. В мае 1920 г. выехал в белый Крым, куда прибыл уже во время эвакуации. В эмиграции жил в Чехословакии. Умер в 1948 г. и похоронен на Ольшанском кладбище в Праге¹⁹³³.

¹⁹³² ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78об.

¹⁹³³ Подробнее см.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 635, а также биографическую справку в настоящем издании.

Генерал Щепихин оставил потомкам по-настоящему монументальный мемуарный свод о событиях Первой мировой и Гражданской войн, который можно если не поставить в один ряд с «Очерками Русской Смуты» А.И. Деникина, то, по крайней мере, выделить как не менее впечатляющий по охвату.

С.А. Щепихин Челябинское совещание

<...> После обеда в 5 ч[асов] веч[ера] — совещание командующих армиями и все. Я до отъезда Колчака уже не сопровождал, занятый делами и подготовкой к совещанию.

Тема совещания точно не была известна: предполагал, что будет поднят вопрос о предстоящем наступлении, возможно, затронут и общую идею этого наступления, условившись о времени начала его.

Я заготовил два доклада, на всякий случай: один о времени возможного наступления, другой — план операции в самых грубых чертах.

С обоими докладами ген[ерал] Ханжин¹⁹³⁴ вполне был солидарен и просил их зачитать их¹⁹³⁵ на совещании или доложить устно.

Странно, что наштаверх Лебедев¹⁹³⁶, сопровождавший Колчака в поездке в Челябинск, нигде не появлялся. Не был он и на совещании — указание на его

---

¹⁹³⁴ Ханжин Михаил Васильевич (17.10.1871–20.12.1961) — из семьи войскового старшины Оренбургского казачьего войска. Родился в Самарканде. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду (1893), Михайловскую артиллерийскую академию по 1-му разряду (1899), Офицерскую артиллерийскую школу «успешно» (1903). На службе с 29.08.1890. Генерал-лейтенант (с 25.08.1916). Генерал от артиллерии (с 20.04.1919). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Инспектор артиллерии 8-й армии (с 18.04.1916). Сыграл выдающуюся роль в организации наступления Юго-Западного фронта (1916). Назначен инспектором артиллерии армий Румынского фронта (19.12.1916). Полевой инспектор и генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем (14.04.1917). Уволен из армии после большевистского переворота. С семьей переехал в Оренбургскую губернию, проживал в г. Троицке, а затем в одной из станиц. Поступил на службу в войска Временного Сибирского правительства (07.1918), назначен командиром Отдельного Уральского (с 26.08.1918 — III Уральского) армейского корпуса (04.07–24.12.1918, вступил в должность 08.07.1918). После установления власти адмирала А.В. Колчака в связи с реорганизацией войск назначен командующим Западной армией (с 24.12.1918). За успешные действия армии в ходе весеннего наступления белых (1919) к р. Волге произведен в генералы от артиллерии. После ряда военных поражений и сдачи Уфы по личной просьбе смещен с поста командующего (20.06.1919). Назначен военным министром правительства адмирала Колчака (06.10.1919). Эмигрировал в Китай. Арестован советской контрразведкой СМЕРШ в Дайрене (15.09.1945). Депортирован в СССР. По решению Особого совещания при МГБ СССР приговорен к 10-летнему тюремному заключению. В местной тюрьме г. Ухта (Коми АССР). По амнистии вышел на свободу (1954). Умер и похоронен в г. Джамбул Казахской ССР. Реабилитирован (23.06.1992). Награды: ордена Св. Георгия 4-й (19.09.1907) и 3-й ст. (12.07.1915), Георгиевское оружие (10.11.1915). Подробнее см.: *Волков Е.В.* Судьба колчаковского генерала; *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. С. 585–586.

¹⁹³⁵ Так в документе.

¹⁹³⁶ Лебедев Дмитрий Антонович (06.01.1883–06.03.1928) — из дворян Саратовской губернии, сын офицера. Окончил Симбирский кадетский корпус (1900), три класса Михайловского артиллерийского училища по 1-му разряду (1903) и Императорскую Николаевскую военную академию с дополнительным курсом по 1-му разряду (1911). Подпоручик (Высочайший приказ 10.08.1903 со ст. с 13.08.1901). Поручик

присутствие на совещании, сделанное Гайдой¹⁹³⁷ в его книге «Мои воспоминания», — неправильно. Но об этом несколько ниже.

Я на самом совещании остановился весьма подробно, так как в литературе об этом важном моменте жизни Восточного фронта нигде, кроме Гайды, не го-

---

(Высочайший приказ 21.08.1905 со ст. с 13.08.1905). Штабс-капитан (за выслугу лет, Высочайший приказ 01.09.1909 со ст. с 13.08.1909). Капитан (за отличные успехи в науках в академии, Высочайший приказ 07.05.1911 со ст. с 01.09.1910). Подполковник (Высочайший приказ 10.04.1916; даровано ст. в чине с 22.03.1915 — Высочайший приказ 15.08.1916). Полковник (Приказ армии и флота 15.08.1917 со ст. с 02.04.1917). Генерал-майор (06.01.1919). На службу вступил по окончании курса наук Симбирского кадетского корпуса в Михайловское артиллерийское училище юнкером рядового звания (31.08.1900). Произведен в унтер-офицерское звание (08.05.1901). Портупей-юнкер (с 18.06.1902). Назначен в 3-ю резервную артиллерийскую бригаду (10.08.1903). В 5-й батарее (с 01.09.1903). Прибыл (21.09.1903). При шестой частной мобилизации переведен из развернутой 3-й артиллерийской бригады в 59-ю артиллерийскую бригаду (10.10.1904). И.д. бригадного адъютанта (20.10.1904—13.01.1905). Назначен в Харбин в передовой артиллерийский запас действующей на Дальнем Востоке армии (13.01.1905). Участник Русско-японской войны (26.03—01.10.1905). Прикомандирован к 35-й артиллерийской бригаде (26.03.1905). Прибыл на укомплектование 35-й артиллерийской бригады, находился в составе XVII армейского корпуса и 3-й Маньчжурской армии (с 26.03.1905). Назначен в 6-ю батарею на должность младшего офицера (26.03.1905). Переведен в 35-ю артиллерийскую бригаду (Высочайший приказ 06.06.1905). Назначен младшим офицером 4-й батареи (22.06.1905). В составе бригады выступил из пределов Дальнего Востока для следования на постоянные квартиры в Европейскую Россию (19.04.1906). При обратном следовании перешел границу Маньчжурии (22.04.1906). Прибыл на постоянные квартиры в Рязань (18.05.1906). Вр.и.д. бригадного казначея (17.07—24.08.1906). Вследствие переименования 4-й в 6-ю батарею назначен младшим офицером 6-й батареи (14.06.1906). Адъютант 2-го дивизиона (01.05.1907—01.05.1908). Учитель в школе сверхсрочнослужащих, проходящих курс по программе производства в подпрапорщики (09.09.1907—01.03.1908). Командирован в штаб Московского военного округа для держания предварительного экзамена на поступление в Николаевскую академию Генерального штаба (28.02—14.03.1908). Выдержал предварительное испытание для поступления в Николаевскую академию Генерального штаба и как допущенный к приемному экзамену в названную академию освобожден от занятий и служебных обязанностей на время лагерного сбора в 1908 (28.04.1908). Отчислен от должности заведующего библиотекой офицерского собрания бригады (07.07.1908). Командирован в Санкт-Петербург для держания вступительного экзамена в Николаевскую академию Генерального штаба (15.08.1908). Зачислен в младший класс академии (10.10.1908). Переведен в 17-й мортирный артиллерийский дивизион (Высочайший приказ 10.08.1910). По окончании дополнительного курса академии причислен к Генеральному штабу и откомандирован к штабу Кавказского военного округа. Прикомандирован к Лейб-гвардии Финляндскому полку для цензового командования ротой на 2 года (10.1912), назначен командующим 2-й ротой (сдал командование 10.11.1913). Старший адъютант штаба XXIV армейского корпуса с переводом в Генеральный штаб (26.11.1913, прибыл и вступил в должность 18.01.1914). Исключен из списков дивизиона (26.11.1913). Участвовал в полевой поездке офицеров Генерального штаба Казанского военного округа в районе Люблинской губернии (06.1914). Военный цензор Самары (18.07—01.08.1914). Участник Первой мировой войны (с 06.08.1914). В составе штаба XXIV армейского корпуса прибыл на театр военных действий (06.08.1914). И.д. штаб-офицера для поручений при штабе корпуса (07.09—03.10.1914). И.д. начальника штаба корпуса (27.03—12.04.1915; 18.10—07.11.1915). И.д. штаб-офицера для поручений при штабе корпуса (12—19.04.1915, с 23.05.1915). И.д. штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии (Высочайший приказ 05.12.1915). Прибыл (07.01.1916). Утвержден (Высочайший приказ 10.04.1916). При расположении штаба армии 15.07—15.09.1916 у станции Маневичи находился под обстрелом с неприятельских самолетов разрывных бомб, пулеметов, подвергая свою жизнь опасности (Приказ по штабу 3-й армии № 373 от 18.09.1916). Допущен к вр.и.д. начальника штаба 130-й пехотной дивизии (Приказ войскам 3-й армии № 1699 от 05.11.1916). Отправился к месту нового назначения (10.11.1916). Прибыл (12.11.1916). Назначен и.д. начальника штаба 130-й пехотной дивизии (Высочайший приказ 02.12.1916). Штаб-офицер для делопроизводства и поручений при управлении генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (с 20.12.1916). Штаб-офицер для делопроизводства и поручений при управлении дежурного генерала при Верховном главнокомандующем (Высочайший приказ 20.12.1916). Отправился (11.01.1917). Прибыл (12.01.1917). Один из

ворится. А у Гайды столько неточностей, что удивляешься короткости памяти у человека, тогда, на этом именно совещании, сыгравшего¹⁹³⁸ столь печальную для нашего русского дела роль.

организаторов Союза офицеров армии и флота (1917) совместно с Генштаба подполковником В.М. Прониным. Участвовал в выступлении генерала Л.Г. Корнилова (08.1917), арестован и находился в Быховской тюрьме (до 13.11.1917). В распоряжении начальника штаба армий Западного фронта (Приказ армии и флоту 27.09.1917). Бежал на Дон, принимал участие в формировании Добровольческой армии (с 12.1917). Командирован в Сибирь (02.1918). Принимал участие в перевороте 18.11.1918 и приходе к власти адмирала А.В. Колчака. Назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего (21.11.1918). Военный министр Всероссийского правительства адмирала Колчака (с 23.05.1919) с оставлением в должности начальника штаба. После провала Челябинской операции заменен на должности начальника штаба генералом М.К. Дитерихсом (10.08.1919). Смещен с должности военного министра и назначен командующим Отдельной Стенной группой войск на правах командующего армией (12.08.1919). В связи с упразднением Стенной группы войск назначен командиром Уральской группы войск (16.11.1919), принимавшей участие в боях под Красноярском (01.1920). Участник Сибирского Ледяного похода, возглавлял одну из колонн вместе с генералом К.В. Сахаровым. Директор Русского Восточного кадетского корпуса во Владивостоке (с 02.1920). Участвовал в свержении власти правительства Приморской областной земской управы А.С. Медведева в Приморье (05.1921), возглавлял Народно-революционный комитет во Владивостоке. Помощник воеводы Земской рати генерала М.К. Дитерихса (08.1922). Начальник милиции охраны полуострова Муравьева-Амурского во Владивостоке (с 09.1922). При эвакуации из Владивостока командир Урало-Егерского отряда в составе Дальневосточной казачьей группы. В эмиграции — в Шанхае (Китай). Основатель и редактор газеты «Русская мысль». Скончался в Шанхае. Похоронен на кладбище Бабблинг-Род в Шанхае. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (Приказ по войскам Маньчжурской армии № 418 от 04.11.1905 за понесенные труды походной жизни, утв. — Высочайший приказ 16.03.1907), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (награжден командующим 8-й армией — Приказ 8-й армии № 191 от 18.11.1914), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (Приказ по 8-й армии № 275 от 24.01.1915, утв. — Высочайший приказ 27.06.1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (Высочайший приказ 08.06.1915), Св. Георгия 4-й ст. «за то, что в бою 22 апреля 1915 года у м. Змиргорода, получив от командира корпуса приказание подчинить себе все части, расположенные в районе Змиргорода, в высшей степени искусно использовав слабые силы заслона, надолго задержал наступление значительных сил германцев, благодаря чему части корпуса успели отойти» (Высочайший приказ 30.09.1915), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1915), благодарности Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака (27.08.1919), темно-бронзовая медаль в память Русско-японской войны 1904–1905 гг. (21.01.1906), светло-бронзовая медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых на ленте белого, желтого и черного цвета (21.02.1913), светло-бронзовая медаль за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. на ленте ордена Белого Орла (03.08.1916). Холост.

¹⁹³⁷ Гайда Радола (Гейдель Рудольф; 14.02.1892–15.04.1948) — получил фармацевтическое образование. В начале Первой мировой войны мобилизован и служил в чине младшего офицера в австрийской армии. Генерал-лейтенант (17.01.1919). Попав в плен (09.1915), перешел на службу в черногорскую армию, где служил в качестве военного медика. После отступления сербско-черногорских войск в Албанию уехал через Францию в Россию (02.1916). Поступил на службу в Чехословацкий корпус, зачислен во 2-й Чехословацкий стрелковый полк (30.01.1917). Капитан. В Челябинске на совещании руководителей Чехословацкого корпуса избран членом Временного исполнительного комитета легионов (20.05.1918). Принимал активное участие в ликвидации советской власти в Сибири, Восточная группа под его командованием освободила от большевиков Иркутск (11.07.1918). Генерал-майор (02.09.1918). Командир 2-й чехословацкой дивизии (26.09.1918). С 12.10.1918 командовал Северо-Уральским фронтом (Екатеринбургская группа войск Временного Сибирского правительства, с 24.12.1918 — Сибирская армия). Назначен временно командующим Сибирской армией (04.01.1919, утв. в должности 01.03.1919). Определен на русскую службу (08.01.1919). Отстранен от командования Сибирской армией (07.07.1919). Уволен из армии адмирала А.В. Колчака и отправлен в Чехию (10.07.1919). Переведен в командный резерв Чехословацкого корпуса (22.08.1919). Лишен чина генерал-лейтенанта (02.09.1919). 17.11.1919 стал одним из руководителей восстания во Владивостоке против Колчака. После подавления восстания арестован и выслан на родину, куда прибыл 11.02.1920. В конце 1920 послан на обучение в Высшую военную школу в Париже. Назначен 1-м заместителем начальника Главного штаба (01.12.1924). Допущен к исполнению обязанностей начальника

К назначенному часу прибыл из своего поезда и адм[ирал] Колчак. Вот состав участников Челябинского совещания и как они располагались за столом¹⁹³⁹.

Схема 1.

Все шесть человек, седьмой полк[овник] Генштаба Супрунович (бывший у меня в Уфе одно время заведующим передвижением войск)¹⁹⁴⁰ — был при адми-

Главного штаба (20.03.1926). Обвинен в шпионаже в пользу СССР (07.1926). Признан негодным к военной службе (14.08.1926). Лишен воинского чина (1926). На съезде Национальной фашистской общины избран ее лидером (02.01.1927). Неоднократно преследовался властями. После оккупации гитлеровцами Чехии реабилитирован, возвращен чин дивизионного генерала. После вступления советских войск в Чехословакию был арестован в Праге органами чехословацкой безопасности как коллаборационист (12.05.1945). В предварительном заключении провел почти два года. Пражским народным судом осужден к лишению свободы на два года (04.05.1947). Освобожден по состоянию здоровья (12.05.1947). Умер в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище. Награды: ордена Св. Георгия 3-й (09.12.1918) и 4-й ст. (02.07.1917), Георгиевский крест 4-й ст. с ветвью (1917), английский орден Бани, французский Военный крест с пальмовой ветвью и чин генерал-лейтенанта (за взятие Перми).

¹⁹³⁸ В документе несогласованно — сыгравшем.

¹⁹³⁹ Публикуемая схема в целом передает чертеж С.А. Щепихина, выполненный от руки.

¹⁹⁴⁰ Супрунович Дмитрий Михайлович (1882-?) — уроженец Седлецкой губернии. Окончил Императорскую Николаевскую военную академию по 2-му разряду (1913). Капитан (со ст. с 03.02.1915; позднее — со ст. с 03.02.1914). Подполковник (с 15.08.1917). Полковник (со ст. с 06.08.1918). В 9-м саперном батальоне (1909). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант штаба 3-й Финляндской стрелковой дивизии (с 09.11.1915). Старший адъютант штаба 1-й Финляндской стрелковой дивизии (с 12.07.1916). В распоряжении начальника штаба армий Северного фронта (с 30.01.1918). Участник Гражданской войны. Участник Белого движения на Востоке России (07.1918–1919). Начальник организационного отдела управления дежурного генерала штаба Верховного главнокомандующего (на 02.1919). Начальник походного штаба адмирала А.В. Колчака (02.1919). Помощник начальника военных сообщений при Военном министерстве (на 10.1919). Попал в плен. Арестован (01–14.04.1920). Решением Особого отдела 5-й армии дело по обвинению Супруновича в службе в белой армии направлено в Сибирскую ЧК, окончательного решения по делу не принято (14.04.1920). Реабилитирован прокуратурой Омской области (26.11.1996). Зарегистрирован штабом 5-й армии. Командирован в распоряжение начальника Всероссийского главного штаба (05.1920). На службе в РККА (на 05–08.1920). Награды: орден Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (17.05.1916), Георгиевское оружие (Приказ армии и флоту 29.07.1917).

рале, правом голоса, так сказать, не пользовался. Он вел журнал заседа[ни]я и давал необходимые справки адмиралу.

Совещание было секретное, о чем адмирал предупредил заранее, прося меня назначить совершенно изолированную комнату.

Присутствие моего генкварма Нарышкина¹⁹⁴¹ было отклонено: «Скажите ему в утешение, — сказал с милой улыбкой адмирал, — что после совещания мы все придем к нему пить чай, и я сделаю визит его супруге!»

«Господа, — начал Колчак, — я собрал сюда всех командующих армиями для того, чтобы выяснить, во-первых, сроки возможного нашего общего наступления; а во-вторых, условиться по поводу общего плана действий... Срок начала наступления через две недели. А о плане его необходимо поговорить... Итак, срок наступления — один для всех армий или нет?»

Меня, да и не одного, вероятно, меня поразил такой, я бы сказал, примитивный подход к столь сложной, серьезной и в высшей степени ответственной теме.

Гайда: «Я готов наступать!» Дутов¹⁹⁴²: «Я тоже готов! Казаки горят желанием заглядеть позор сдачи родного Оренбурга. Они рвутся, пренебрегая непол-

---

¹⁹⁴¹ Нарышкин Алексей Яковлевич — штабс-капитан (со ст. с 24.03.1914). Капитан (со ст. с 10.04.1915). Подполковник (со ст. с 13.08.1918). Полковник. Окончил Императорскую Николаевскую военную академию по 2-му разряду (1912). В 143-м пехотном Дорогобужском полку (на 1909). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант штаба 20-й пехотной дивизии (с 13.12.1915). И.д. штаб-офицера для поручений при штабе XII армейского корпуса (с 20.10.1917). Участник Гражданской войны. В 1918 в РККА. На учете Всероссийского главного штаба. В 1919 на Восточном антибольшевистском фронте. Генерал-квартирмейстер штаба Западной армии (1919). И.д. начальника 9-й Стерлитамакской стрелковой дивизии (на 10.1919).

¹⁹⁴² Дутов Александр Ильич (05.08.1879–07.02.1921) — из дворян станицы Оренбургской 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, родился в семье казачьего офицера в г. Казалинске Сырдарьинской области. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1889–1897), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1897–1899), курс наук в 3-й саперной бригаде по разряду «выдающийся» (1901), выдержал экзамен при Николаевском инженерном училище (1902), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, но без права на причисление к Генеральному штабу (1904–1908). Хорунжий (с 09.08.1899 со ст. с 08.08.1898). Подпоручик (с 12.02.1903). Поручик (с 01.10.1903 со ст. с 08.08.1902). Штабс-капитан (с 01.10.1906 со ст. с 10.08.1906). Есаул (с 06.12.1909 со ст. с того же числа). Войсковой старшина (с 06.12.1912). Полковник (Приказ Временного правительства армии и флота о чинах военных 16.10.1917 со ст. с 25.09.1917). Генерал-майор (с 25.07.1918). Генерал-лейтенант (с 04.10.1918). На службе с 31.08.1897. В 1-м Оренбургском казачьем полку (15.08.1899–1902), младший офицер 6-й сотни. Прикомандирован к инженерным войскам (1902). В 5-м саперном батальоне (1902–1909). Участник Русско-японской войны (11.03–01.10.1905). Во временной командировке при Оренбургском казачьем юнкерском училище (с 13.01.1909). Переведен в училище (24.09.1909). В училище (1909–1916), помощник инспектора классов, инспектор классов. Годовое цензовое командование 5-й сотней 1-го Оренбургского казачьего полка (16.10.1912–16.10.1913). Действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии (1914–1915). Отправился на фронт (20.03.1916). Командир стрелкового дивизиона 10-й кавалерийской дивизии (с 03.04.1916), участвовал в боях в Карпатах и в Румынии. Ранен и контужен под д. Паничи в Румынии, временно лишился зрения и слуха, получил трещину черепа (01.10.1916). Назначен командующим 1-м Оренбургским казачьим полком (16.10.1916, вступил в командование 18.11.1916). Прибыл в Петроград в качестве делегата полка на общеказачий съезд (16.03.1917). Принял участие в I общеказачьем съезде (23–29.03.1917). Член Временного Совета Союза казачьих войск (с 05.04.1917). В резерве чинов при штабе Петроградского военного округа (1917). Принял участие во II общеказачьем съезде (01–13.06.1917), единогласно избран председателем съезда. Избран членом (затем председателем) Совета Союза казачьих войск (13.06.1917). Поездка в Оренбург (07.1917). Принял участие в московском Государственном совещании (12–15.08.1917). Чрезвычайным Войсковым Крутом Оренбургского казачьего войска избран Войсковым

ной готовностью и тем, что они так недавно пережили». И Дутов начал довольно подробно излагать свой анабазис, забывая, что мы собрались не для этого, и что таких анабазисов уже сотни и еще будут сотни; они интерес представляют чисто литературный, но не военный...

«Западная армия к указанному сроку не будет готова к длительному, мощному наступлению. Удар накоротке — да, но длительное наступление должно питаться из глубины: мы резервов не имеем — все, что на фронте, вытянуто в одну линию по необходимости; при наступлении фронт может только ушириться и для

атаманом (01.10.1917). Назначен главноуполномоченным Временного правительства по продовольствию по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области (15.10.1917). Издал приказ о непризнании большевистского переворота (26.10.1917). Член оренбургского Комитета спасения Родины и Революции (с 08.11.1917). Избран депутатом Учредительного собрания от Оренбургского казачьего войска (11.1917). Командующий войсками Оренбургского военного округа (с 12.1917). Бежал из Оренбурга в Верхнеуральск. Участник Тургайского похода (17.04–07.07.1918). Главноуполномоченный Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания на территории Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и Тургайской области (10.07–05.08.1918). Поездка в Самару (13–19.07.1918). Поездка в Омск (22.07–03.08.1918). Лишен всех полномочий Комуча (13.08.1918). Участник уфимского Государственного совещания, член Совета старейшин совещания и председатель казачьей фракции (09.1918). Взятие белыми под руководством Дутова г. Орска (28.09.1918). Командующий Юго-Западной армией (17.10–28.12.1918). Командующий Отдельной Оренбургской армией (28.12.1918–23.05.1919). Главный начальник Оренбургского края (с 13.02.1919). Поездка в Омск (07–18.04.1919). Причислен к Генеральному штабу (Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 11.04.1919). Походный атаман всех казачьих войск и генерал-инспектор кавалерии Русской армии (с 23.05.1919 — Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 479 от 24.05.1919). Поездка в Пермь (29.05–04.06.1919). Поездка на Дальний Восток (08.06–12.08.1919). Командующий всеми русскими войсками, расположенными в гг. Хабаровск, Никольск-Уссурийский, Гродеково и в полосе железной дороги между ними (с 07.07.1919). Командующий Оренбургской армией с освобождением от должности генерал-инспектора кавалерии (Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 1074 от 18.09.1919). Командующий Отдельной Оренбургской армией (с 11.1919). Участник Голодного похода (22.11–31.12.1919). Главный начальник Семиреченского края (с 06.01.1920). Перешел китайскую границу (02.04.1920). Поселился в г. Суйдин в Западном Китае. Готовил поход на Советскую Россию (1920–1921). Смертельно ранен советским агентом М. Ходжамиаровым при покушении (06.02.1921 ок. 18 часов) и на следующее утро скончался (ок. 7 часов). Похоронен в Суйдине (Западный Китай). Почетный старик станицы Гродековской Уссурийского казачьего войска (с 24.06.1919), станицы Травниковской Оренбургского казачьего войска. Причислен к станицам Красногорской (с 07.1918) и Бердской Оренбургского казачьего войска. Приказом по военно-морскому ведомству Временного Приамурского правительства (10.12.1921) школе подхорунжих отдельной Оренбургской казачьей бригады присвоено имя атамана Дутова. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (23.01.1906, утв. — Высочайший приказ 17.01.1907), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1910), Св. Анны 2-й ст., мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й ст. (1916–1917), темно-бронзовая медаль в память Русско-японской войны, «Лента отличия» Оренбургского казачьего войска (1918), французский Военный крест с пальмовой ветвью. Супруга Ольга Викторовна Петровская, из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Дети: Ольга (31.05.1907), Надежда (12.09.1909), Мария (22.05.1912), Елизавета (31.08.1914), Олег (ок. 1917–1918?). Гражданская супруга Александра Афанасьевна Васильева, станицы Остроленской 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Дочь Вера. Соч.: О лекции Т.И. Седельникова // Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1917. 16 июля. № 8. С. 4; Всероссийский казачий круг // Оренбургский казачий вестник. 1917. 21 июля. № 10. С. 1–2; Германский шпионаж // Оренбургский казачий вестник. 1917. 1 нояб. № 67. С. 1–2; Набат // Народное дело. 1918. 30 нояб. № 116. С. 1; Очерки по истории казачества // Оренбургский казачий вестник. 1919. 9 апр. № 62; Мои наблюдения о японцах // Новости Владивостока. 1919. 26 июля; Мои наблюдения о русской женщине // Новости Владивостока (Владивосток). 1919. 28 июля. № 23; «Сам народ темен и легко поддается агитации». Записка атамана А.И. Дутова о внутривосточной ситуации в Башкирии и на северо-западе Казахстана / Публ. Д.А. Аманжоловой // Источник. 2001. № 3. С. 46–51. Послужной список: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 46271. П/с 1813 (1913 г.). Подробнее см.: *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006.

Западной армии он будет от р. Камы до ж.д. Оренбург – Кинель – Самара включительно. Нас поглотит пространство. Каппель, единственный резерв Ставки¹⁹⁴³, будет готов не раньше как месяцев через 3–4; Дай Бог, к середине мая, а то и июня.

Если Ставка не имеет своих резервов, то я не решаюсь указать срок более ранний, нежели начало мая».

Таков был мой доклад...

«А Вы, командующий Западной армией? — довольно едко обратился Колчак к Ханжину.

«Ген[ерал] Щепихин мне уже изложил раньше указанные основания, и я с ним совершенно согласен и поддерживаю», — ответил кратко Ханжин.

«Это невозможно. Невозможно по политическим причинам!» — взревел Колчак, не называя этих причин.

Мы все поняли, что эти причины — признание Колчака союзниками. Что ж, вероятно, причина очень важная, но и в то же время настолько деликатная, что стремиться это признание, так сказать, вырвать из рук союзников не приходилось, раз нет полной уверенности в полном и прочном успехе!

Но возражать, настаивать ген. Ханжин отказался, заявив мне тихо, что вопрос о признании почти решен в положительном смысле — нужна лишь победа на фронте, хотя бы и частная.

Я отказывался что-либо понимать: или мы собираемся серьезно покончить с большевиками, или же мы стремимся кому-то втереть очки; даже не кому-то, а союзникам и за счет горбов наших добровольцев. Это повторение ошибки нашего Генерального штаба в Великую войну — в угоду Франции бить растопыренными пальцами и по Галиции и по Восточной Пруссии; лишь бы союзники были довольны...

Колчак, видя нашу настойчивость, решил прибавить; при этом на помощь был притянут и Супрунович, который нас информировал, во-первых, о том, что поддержки в присылках фронту всего необходимого уже отходят в область прошлого — теперь все это потечет в изобилии.

Читается длинный список, что и где запасли.

Я возражаю, что все это бумага, что мы не сумеем все это получить. Даже по жел[езной] дороге грузы у нас идут месяцами, а ведь мне надо многое передать еще и на колесах (санях).

Затем обоз — мы имеем сейчас сани, а как мы перейдем на колеса, когда наши заказы еще не начаты!

«Так вот и начнем раньше, чтобы до колесного периода закончить», — вклинивается снова адмирал.

Я пожимаю плечами и умолкаю. Видимо, в серьезных тонах беседу вести не удастся. Ясно, что вопрос решен в недрах Ставки и Омска вообще; с нами приехали из вежливости поделиться своим решением раньше, чем сдавать его в печать.

Раз предпрешено — с Богом!

---

¹⁹⁴³ Речь идет о I Волжском армейском корпусе Западной армии под командованием Генерального штаба генерал-майора В.О. Каппеля, находившемся в тылу для пополнения своих рядов и участия в подавлении беспорядков. В начале мая корпус был направлен на фронт, не успев закончить формирование.

Торгуемся еще. «Сколько времени Западной армии надо, чтобы быть готовой к наступлению, не поднимая вопроса о глубоких резервах, о длительности операций и т.п.».

Еще минимум месяц, т.е. до середины марта.

«Нет, это поздно», — с грустью отмечает Колчак.

«Десятое», — называет Ханжин. «Пятое», — говорит кто-то из командующих. Останавливаемся на 7/III (7 марта н[ового] ст[илия]) для Западной и на 4/III для Гайды и Дутова. Я последнему всей душой изумлялся: с чем он думал наступать?»¹⁹⁴⁴

Теперь мне понятно, почему на совещании не был Лебедев — он хотел избежать «бесплодных» (с нашей стороны) возражений и споров...

Дутов и Гайда (вернее Богословский¹⁹⁴⁵) пытались решить вопрос за противника, что-де если мы не начнем наступление, то противник его предпримет. И что невыгодно выпускать из рук инициативу...

---

¹⁹⁴⁴ Ирония Щепихина относительно идеи наступления Отдельной Оренбургской армии Дутова связана с катастрофическим состоянием этой армии в начале 1919 г., когда армия потерпела ряд неудач, оставив Оренбург и значительную территорию Южного Урала. Однако в ходе весеннего наступления оренбуржцам удалось вернуть практически всю оставленную территорию.

¹⁹⁴⁵ Богословский Борис Петрович (23.06.1883–18.07.1920) — уроженец Орловской губернии. Из семьи врача, надворного советника, личного почетного гражданина Калужской губернии. Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду (1903) и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1912). Подпоручик (Высочайший приказ 10.08.1902 со ст. с 13.08.1901). Поручик (с 21.08.1905 со ст. с 13.08.1905). Штабс-капитан (с 01.09.1909 со ст. с 13.08.1909). Капитан (с 16.11.1914 со ст. с 13.08.1911). Подполковник (с 15.08.1916 со ст. с 06.12.1915). Полковник (06.12.1917). Генерал-майор (с 24.12.1918 со ст. с 06.12.1918). В службу вступил по окончании курса наук в Орловском Бахтина кадетском корпусе в Михайловское артиллерийское училище юнкером рядового звания (30.08.1900). Унтер-офицер (с 08.05.1901). Португей-юнкер (с 09.04.1902). Во 2-й гренадерской артиллерийской бригаде (с 10.08.1902). Отправился к месту служения с увольнением в 28-дневный отпуск (20.08.1902). Зачислен в списки 6-й батареи (23.08.1902). Прибыл (19.09.1902). Делопроизводитель 6-й батареи (29.10–01.12.1902). Временно заведующий бригадным лазаретом (17.02.1903–20.03.1904). Заведующий бригадным лазаретом (с 19.03.1903). Прикомандирован к управлению бригады для письменных занятий (с 03.10.1903). Вр.и.д. бригадного адъютанта (21.10–05.12.1903). Отчислен от должности заведующего бригадным лазаретом (20.03.1904). Делопроизводитель батареи и заведующий учебной кузницей (с 20.03.1904). Назначен на должность 2-го старшего офицера 6-й батареи с отчислением от должности делопроизводителя (18.12.1904). Заведующий хозяйством батареи (16.03–18.07.1905). Заведующий ремонтной конюшней (05.10.1905–01.11.1907). Отчислен от должности 2-го старшего офицера 6-й батареи (30.09.1905). Помощник заведующего бригадной учебной командой (01.10.1905–31.03.1906). Адъютант 1-го дивизиона (07.12.1905). Переведен из 6-й батареи в 1-ю батарею (07.12.1905). Отчислен от должности адъютанта 1-го дивизиона с назначением бригадным казначеем (24.08.1906). Заведующий бригадными банями (с 07.08.1907). Назначен на должность 2-го старшего офицера 3-й батареи с и.д. бригадного казначея (01.12.1907). Отправился в штаб Московского военного округа для держания предварительного экзамена в Николаевскую академию Генерального штаба (01.03.1908). Прибыл из командировки (10.03.1908). Заведующий хозяйством 3-й батареи (с 01.06.1908). Временно командующий 3-й батареей (09–30.09.1908). Член бригадного суда (с 06.09.1908). Командирован в Императорскую Николаевскую военную академию для держания экзамена на поступление в академию (20.08.1909). По выдержании экзамена приказом по Генеральному штабу № 36 зачислен в младший класс академии (04.10.1909). Отчислен от академии к своей части (28.05.1912). Отправился (29.05.1912). Прибыл (14.06.1912). Назначен 1-м старшим офицером 4-й батареи (14.06.1912). Командирован в Тверь для производства сообщения офицерам 8-го гренадерского Московского полка (02.12.1912). Вернулся (04.12.1912). Командирован в Москву для производства сообщения офицерам полков 2-й гренадерской дивизии (10.12.1912). Вернулся (13.12.1912). Приказом по Генеральному штабу № 7 причислен к Генеральному штабу и прикомандирован для подготовки к службе Генерального штаба

«Теперь, господа, второй вопрос — какие общие положения, основания будущего плана наступления?» — задал вопрос Колчак.

К моему глубокому изумлению — все три командующих считали свое направление важнейшим и притягивали все данные, чтобы стратегически, политически

к штабу Московского военного округа (21.03.1913). Назначен предписанием начальника штаба округа в штаб XXV армейского корпуса, куда и отправился (27.04.1913). Прибыл в 12-й гренадерский Астраханский полк для ценового командования ротой (01.10.1913). Назначен командующим 2-й ротой (с 09.10.1913). Принял роту, все имущество и аванс в размере 30 руб. (12.10.1913). Командирован в управление 2-й гренадерской артиллерийской бригады для исполнения возложенного на него секретного поручения (с 02.03.1914). Прибыл из командировки (11.03.1914). Командирован в корпусную полевую поездку (20–29.04.1914). Командирован в г. Чухлому для исполнения возложенного на него секретного поручения (18–26.05.1914). Участник Первой мировой войны. Ввиду объявления в полку мобилизации откомандирован к штатному месту служения (17.07.1914). Выступил в военный поход против Австро-Венгрии и Германии со штабом XXV армейского корпуса (02.08.1914). Участвовал с ним во всех боях до 01.09.1915. С 05.09.1915 в составе штаба 4-й армии. Получил травму коленной чашечки при езде на автомобиле (26.08.1914). Обер-офицер для поручений при штабе XXV армейского корпуса с переводом в Генеральный штаб (16.11.1914). Старший адъютант штаба корпуса (Высочайший приказ 20.12.1914). Допущен к и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 4-й армии (31.08.1915), куда и отправился (05.09.1915). Прибыл к новому месту службы (09.09.1915). Назначен и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 4-й армии (02.10.1915). Утвержден в занимаемой должности (15.08.1916). В командировке в штаб V армейского корпуса (19.02–02.04.1916). В командировке в штаб X армейского корпуса (с 18.06.1916). Возвратился из командировки в штаб III Кавказского армейского корпуса (03.07.1916). Находясь в X армейском корпусе для исполнения возложенного на него командующим армией поручения, при переходе с одного наблюдательного пункта на другой при разрыве неприятельского артиллерийского снаряда получил контузию в голову (25.09.1916). Вр.и.д. старшего адъютанта разведывательного отделения штаба 4-й армии и принял суммы отделения (16.11.1916). Допущен к и.д. старшего адъютанта разведывательного отделения штаба 4-й армии (19.11.1916). Перешел границу Румынии (03.12.1916). Старший адъютант разведывательного отделения (30.01.1917). Штаб-офицер, заведующий обучающимися офицерами в Военной академии (с 21.10.1917). Участник Гражданской войны. Вступил в РККА (02.1918) и получил предложение сформировать генерал-квартирмейстерскую часть штаба Петроградского военного округа. Назначен начальником этой части. Откомандирован в Екатеринбург в распоряжение начальника Военной академии (17.04.1918). Командующий 3-й армией Восточного фронта красных (23.07.1918). Остался с частью штаба в Екатеринбурге, при взятии города (25.07.1918) перешел к белым (не позднее 27.07.1918). Начальник штаба Средне-Сибирского корпуса (с 28.07.1918). Исполнял должность начальника штаба Восточного отряда Р. Гайды вместо погибшего полковника Б.Ф. Ушакова (с 18.08.1918). Начальник штаба Екатеринбургской группы войск (12.10–24.12.1918). Вр.и.д. начальника штаба Сибирской армии (с 24.12.1918). Утвержден (04.01.1919). Откомандирован в Омск в распоряжение штаба Верховного главнокомандующего (01.07.1919). Инспектор школ и пополнений Восточного фронта (с 02.08.1919). Начальник управления генерала для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего (с 02.10.1919). Начальник штаба Восточного фронта (с 12.12.1919). Ранен на станции Ачинск при взрыве эшелона со снарядами (29.12.1919). Бросив главнокомандующего и штаб, прибыл по собственной инициативе в Красноярск, в штаб 30-й стрелковой дивизии РККА (06.01.1920). Получил предписание отправиться в Томск, в распоряжение разведывательного отделения штаба 5-й армии. Прибыл в Томск и прикомандирован к разведывательному отделению штаба (20.01.1920). Направлен в особую комиссию по регистрации военнопленных и перебежчиков, арестован сотрудниками особого отдела 5-й армии (23.01.1920). Направлен в Красноярскую тюрьму. В распоряжении полномочного представителя ВЧК по Сибири (с 23.06.1920). Содержался в Омской тюрьме, где по приговору президиума полномочного представительства ВЧК по Сибири приговорен к расстрелу (17.07.1920). Расстрелян. Реабилитирован прокуратурой Омской области (29.12.1991). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (24.06.1907), Св. Анны 3-й ст. (за отличные успехи в науках в академии, 19.05.1912), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (Высочайший приказ 07.01.1915), Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (Приказ по 9-й армии № 37 от 29.01.1915; утв. — Высочайший приказ 28.08.1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (30.01.1915), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (18.05.1915), мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й ст. (Приказ по 4-й армии № 949 от 27.06.1915), мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й ст. (Приказ войскам 4-й армии № 1888 от 12.01.1916;

и тактически оправдать необходимость нанесения главного удара только на его участке.

Дутов привел достаточно веские соображения, но плохо поддержал их своими планами. Безусловно, важно было наносить главный удар через Оренбург, ибо здесь только можно было искать связи с Деникиным.

Но улыбалось ли это нашему Верховному правителю, а главное, его нашта-верху.

Мотивы Дутова были, безусловно, верны стратегически: все возможные очаги борьбы были уже выяснены; это, кроме Сибири, оренбургские и уральские казаки, а затем Юг Деникина; произведя удар в этом направлении, можно было рассчитывать не только на чисто военно-стратегические выгоды, но также и на то, что местное население поддержит это наступление...

Против этого плана были существенные возражения: Южная армия¹⁹⁴⁶ была самая слабая; она только что перенесла серьезнейшую болезнь — отступление и сдача Оренбурга¹⁹⁴⁷; наступление через Оренбург осложнялось угрозой непосредственного удара в тыл, со стороны Туркестана; наконец, снабжение в этом районе и подвоз (транспорт) для больших масс было чрезвычайно затруднено¹⁹⁴⁸. Эта армия, этот район до сих пор считались второстепенными театрами военных действий, а потому, естественно, нужно было и время, и значительные усилия, чтобы подготовить район к операциям крупного масштаба. Недостаточно было написать в приказе, что на Южную армию возлагается нанесение главного удара — надо было для успешности его выполнения создать соответствующую обстановку.

К общему удивлению, Гайда всецело присоединился к соображениям, высказанным Дутовым, но поступиться своими местными интересами он отказывался наотрез: его армия и без того обессилела с уходом 3го Урал[ьского] корпуса Голицына¹⁹⁴⁹ в Западную армию и чехов — совсем с фронта¹⁹⁵⁰; запасы у него скудные, и он терпит во всем недостаток.

утв. — дополнение к Приказу армии и флота 04.03.1917), Св. Георгия 4-й ст. (06.01.1919, за взятие Перми), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (21.05.1919); Георгиевское оружие за отличия в делах против неприятеля «за то, что, состоя старшим адъютантом штаба XXV армейского корпуса, во время боев под д. Эгерсдорф, с 6-го по 9-е июля 1915 года, своей доблестной и самоотверженной деятельностью, неоднократно подвергая свою жизнь явной опасности, действительно способствовал к достижению задачи, поставленной отряду — удержать стремительный натиск противника, причем было захвачено в плен 16 офицеров и 1138 нижних чинов» (Приказ войскам 4-й армии № 1524 от 31.10.1915, утв. 16.08.1916), Высочайшее благоволение за отличие в делах против неприятеля (06.02.1917), английский орден Св. Михаила и Георгия 3-го класса (1917), французский Военный крест с пальмовой ветвью (05.02.1919), светло-бронзовая медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812 г., светло-бронзовая медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых. Женат первым браком на бракоразведенной жене штабс-ротмистра Марии Иосифовне Альтман (православного вероисповедания).

¹⁹⁴⁶ Имеется в виду Отдельная Оренбургская армия Дутова, переформированная в конце мая — июне 1919 г. в Южную.

¹⁹⁴⁷ Оренбург был оставлен белыми 21 января 1919 г.

¹⁹⁴⁸ В регионе была слабо развита железнодорожная сеть.

¹⁹⁴⁹ Голицын Владимир Васильевич (09.07.1878–?) — из потомственных дворян Рязанской и Тверской губерний. Генерал-лейтенант (09.01.1919). Окончил Полоцкий кадетский корпус (1895), Александровское военное училище по 1-му разряду (1897). Участник Китайского похода 1900–1901, Русско-японской и Первой мировой войн. Командир 3-й гвардейской резервной бригады в Петроградском военном округе (с 03.1917), офицер для поручений при штабе 8-й армии Юго-Западного фронта, затем штаб-офицер

Не менее выгодно было нанести главный удар Западной армией, указав ей цель — выход на сравнительно ограниченный участок Волги Самара–Саратов. Западная армия была достаточно сильна, с тылом связь налажена; большой недостаток — открытые ударам фланги, но это уже забота соседних армий — прикрыть эти фланги своим энергичным наступлением.

Для этого Гайде предложено было, во-первых, начать наступление несколько раньше Западной армии, чтобы оттянуть на себя противника, во-вторых, маневр организовать так, чтобы левый его фланг мог всегда оказать поддержку Западной армии. Опасность за левый фланг Западной армии оставалась, так как по заявлению самого Дутова рассчитывать на его очень энергичные действия не приходится: после отхода в общем у него пробита довольно сильная брешь в армии [—] и физическая, и моральная.

Удивительно, что на совещании ни сам Колчак, ни командующие армиями не хотели или не умели замечать то противоречие, которое исходило постоянно от одного и того же лица.

Так, Дутов и Гайда то ретиво отстаивали наступательный план и временем не стеснялись, поскольку предложение ставило их в заглавную роль лица, наносящего главный удар. Но как только вопрос ставился в плоскость оказания поддержки соседу, какого бы вида ни требовалась поддержка, сейчас же из тех же уст сыпались цифры и доводы о[б] их собственной слабости. С этой позиции сбить их так до конца совещания и не удалось.

Гайда, а за ним, к моему изумлению, и Богословский горячо возражали против заблаговременных перегруппировок, против тех из них, в идее которых скрывалась помощь соседу.

Мне становилось жутко от такого непробудного эгоизма.

Я попросил слова, кратко обрисовал общую обстановку, отчетливо изобразив возможное течение операции с учетом сил противника и географии района наступления, и задал вопрос Гайде в упор: как он полагает оказать поддержку главному удару от Уфы на Самару–Симбирск, в случае если это наступление захлебнется или этому наступлению будут угрожать резервы противника со стороны Казани.

для поручений в Ставке Верховного главнокомандующего. Входил в окружение генерала Л.Г. Корнилова. Уволен со службы по состоянию здоровья в чине генерал-майора (25.04.1917). В Добровольческой армии (с 11.1917), участник Первого Кубанского (Ледяного) похода при штабе армии, затем начальник военно-политического центра Нижней Волги. Несколько раз командировался генералом Корниловым в Астрахань и Москву для установления связей с белым подпольем. После смерти Корнилова уехал в Москву (23.04.1918), а затем в Сибирь. Прикомандирован к штабу Уральского корпуса (30.07.1918). Начальник гарнизона г. Екатеринбург и один из руководителей расследования обстоятельств убийства царской семьи в августе 1918 г. В Екатеринбурге формировал 2-ю Уральскую (с 28.08.1918 — 7-я Уральская) дивизию горных стрелков (с 06.08.1918), начальник этой дивизии (06.08–27.12.1918). Назначен уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия в пределах освобожденной от большевиков части Пермской губернии (11.10.1918). Командир III Уральского армейского корпуса Западной армии (10.01–11.06.1919). Во главе корпуса принимал участие в весеннем наступлении Западной армии. Назначен в распоряжение Верховного главнокомандующего (22.06.1919); получил должность начальника всех добровольческих формирований (28.08.1919). Покинул Омск (12.11.1919). Дальнейшая судьба неизвестна. Награды: орден Св. Георгия 4-й ст. (05.02.1919, за Пермскую операцию).

¹⁹⁵⁰ После образования независимой Чехословакии по приказу французского командования Чехословацкий корпус в конце 1918 – начале 1919 г. был отведен в тыл для охраны Транссибирской железной дороги и других объектов.

Если бы Гайда был в момент наступления уступом впереди, то вопроса такого я бы не ставил, но в первые же дни маневра вопрос станет во весь рост...

Тогда Гайда, как мне казалось, вынужденный ответить прямо на резко поставленный вопрос, встал молодецкато с палочкой в руках, подошел к карте и развил такие идеи, что присутствующим стало неловко.

Он сказал на ломаном русском языке, что его армия, наступая на Пермь–Вятку–Котлас (это общее наступление, направление ударов), будет иметь сильный отряд в направлении на Ижевско–Воткинские заводы и Казань. Угроза удара по кратчайшему направлению на Москву (!?) скует большевиков... А затем он, Гайда, сможет всегда двинуть свою армию вот так: палочка скользнула от Ижевска–Воткинска через Елабугу на р. Каме в район Бугульмы–Симбирска...

Что он этим хотел сказать, никто, наверное, не понял... Я видел, как Богословский уткнулся усами в свой портфель... Объяснений подробных требовать было немислимо и бесполезно: ясно перед нами стоял человек случая, но совершенно безграмотный в военном деле. Для меня также ясно стало, что никуда Гайда не пойдет, а лишь р. Камой прикроет свой левый фланг, но этой же мощной рекой он постарается совершенно отгородиться от общей операции.

Но на совещании не к кому было апеллировать: адмирал откровенно не разбирался в вопросе, а Супрунович сидел лишь благородным свидетелем; Дутову и Богословскому было не выгодно из личных соображений раздвигать рамки дискуссии...

Оглядев всех победоносным взглядом, Гайда сел...

Резюме со стороны Колчака не последовало. Он ограничился одним замечанием, что, итак, наступление в начале марта, а приказ подробный получите из Ставки. Точка.

Затем перешли к вопросу о нуждах армии и сразу все оживились.

Как это мне напомнило живо картину мирного времени: в полку военная игра; все идет вяло, тягуче; из каждого слова приходится выжимать. Но вот командир полка собирает старших офицеров для обсуждения некоторых текущих вопросов, преимущественно хозяйственного содержания. Боже мой, как все сразу оживлялись, откуда являлся дар речи, знания, осведомленность и задор.

Так случилось и у нас — посыпались просьбы, заявления, жалобы. Колчак через справки Супруновича старался всех успокоить, удовлетворить; просьбы, пожелания тщательно записывались, чтобы затем благополучно потонуть в море бумажном.

Когда все несколько успокоилось, адмирал, видимо, предполагал поделиться некоторыми конфиденциальными сведениями из области политики Омска, но его перебили каким-то докладом извне. Он встал, и затем все смешалось.

Вошел п[олковник] Нарышкин, забрал карты, а затем пригласил всех к чаю.

Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке. Прага, 1930 (ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 55об.–57об. Рукопись).

Первый год советской военной разведки

Доклад В.А. Срывалина. 19 февраля 1919 г.*

О зарождении и первых годах существования советской военной разведки известно немного. Связано это, в первую очередь, с отсутствием в ее деятельности, относящейся к периоду Гражданской войны, сколько-нибудь значительных успехов. Подобная ситуация была обусловлена переходом многих русских военных агентов на сторону антибольшевистских сил, а также необоснованными и жестокими репрессиями, практиковавшимися в Советской России в отношении верных большевикам профессиональных разведчиков.

Достаточно отметить, что в 1918 г. был арестован и расстрелян бывший руководитель Особого делопроизводства Главного управления Генерального штаба Генштаба полковник Н.К. Раша, являвшийся главой русской военной разведки с марта 1914 г. по август 1916 г., в начале сентября 1918 г. фактически в полном составе было арестовано военно-агентское отделение Всероссийского главного штаба (начальник К.И. Жихор, сотрудники В.А. Ивановский и П.С. Арапов (последний — не генштабист))¹⁹⁵¹, в 1919 г. арестам подверглись

---

* Впервые опубликовано: Военно-исторический архив. 2011. № 1 (133). С. 174–191. В настоящем издании публикуется с дополнениями.

¹⁹⁵¹ Эта история получила трагикомическое продолжение, характеризующее стиль и методы работы ВЧК в рассматриваемый период. В октябре 1918 г. для начальника Всероссийского главного штаба начальником оперативного управления С.А. Кузнецовым и вр.и.д. начальника военно-статистического отдела Н.Н. Шварцем была подготовлена справка об аресте военно-агентского отделения, в которой сообщалось: «9-го сентября был послан запрос Домовому комитету дома, в котором помещалось агентское отделение, об обстоятельствах, при коих был произведен арест служащих отделения. Ввиду неполучения ответа на запрос 14 сентября из журнальной части военно-статистического отдела был послан на Поварскую улицу в дом № 22 курьер отдела Василий Чувакин с целью выяснить, в каком положении находится помещение военно-агентского отделения, находится ли там кто-нибудь из служащих в нем и если находится, то пригласить его в отдел за получением бумаг и дачи справок по делам отделения. Когда посланный Чувакин долго не возвращался, начальником общего отделения военно-статистического отдела туда же был послан сторож Панов. Последний по возвращении доложил, что в помещении военно-агентского отделения оставлена засада, от которой он узнал, что никого из служащих в отделении нет, а приходивший ранее курьер Чувакин задержан и отправлен на Б. Лубянку в Чрезвычайную следственную комиссию.

В тот же день 14 сентября заведывающему контрразведывательным отделом Чрезвычайной следственной комиссии было послано сношение за № 39315 с просьбой освободить курьера Чувакина, посланного в помещение военно-агентского отделения по службе и для выполнения возложенного на него поручения, т.к. он не мог быть причастным к обстоятельствам, вызвавшим ранее арест начальника этого отделения

консультант Регистрационного (разведывательного) управления (Региструпра) Полевого штаба РВСР бывший Генштаба капитан Г.И. Теодори, начальник разведывательного отделения Полевого штаба бывший Генштаба капитан Б.И. Кузнецов, консультант разведывательного отделения бывший Генштаба капитан Ю.И. Григорьев, бывший начальник агентурного отдела Региструпра, в прошлом Генштаба штабс-капитан Г.Я. Кутырев. Хотя эти аресты не имели под собой серьезных оснований, именно они лишили большевиков возможности в сжатые сроки обзавестись собственной военной разведкой.

Катастрофическое положение в этом отношении рисует и доклад начальника 1-го отделения 1-го отдела Региструпра бывшего Генштаба капитана В.А. Срывалина, направленный начальнику 1-го отдела Г.Я. Кутыреву 19 февраля 1919 г. Доклад Срывалина о положении советской агентурной разведки чрезвычайно интересен во многих отношениях. Прежде всего, он существенно удлиняет историю советской военной разведки, традиционно ведущей свое начало с момента создания Региструпра 5 ноября 1918 г. Срывалин такой отправной точкой считал 15 апреля 1918 г., когда было создано разведывательное отделение московского областного военного комиссариата, положившее начало советской разведывательной службе. Особый интерес представляет утверждение Срывалина о том, что на февраль 1919 г. советские агенты не сумели проникнуть ни в один из белых штабов. Как известно, имели место десятки случаев внедрения белых агентов даже в высшее советское военное руководство. Я уже писал о том, что для красных аналогичные действия были предельно затруднены из-за низкого образовательного ценза их агентуры и корпоративизма офицеров русской армии, которые едва ли могли принять в свою среду чужака. Все это заставляет задуматься о возможности появления в подобных условиях и эффективности работы «агентов Его Превосходительства». Из приведенных Срывалиным данных следует, что агентура вербовалась в основном по принципу политической лояльности — из коммунистов и сочувствующих (85,4% агентов), по социальному составу 56,6% принадлежали к рабочему классу, что неизбежно накладывало отпечаток на образовательный уровень агентов — 74,16% имели низшее образование. Разумеется, такой «агентуре» было проблематично внедриться в белые штабы и переиграть офицеров-генштабистов, занимавшихся разведкой и контрразведкой у противника. Стоит также отметить, что 43,8% агентов составляли латыши и эстонцы и лишь 12,3% русские. Подбор агентуры свидетельствует, скорее всего, о том, что вербовкой агентов также занимались большевики. Возможно, этот вопрос курировал заместитель начальника Региструпра латыш В.П. Павулан. Нельзя, конечно, исключать и того, что набор безграмотных агентов мог быть преднамеренной диверсией военспецов-изменников, действовавших по принципу «чем хуже — тем лучше». При этом нельзя не отметить, что в белом тылу большевики имели разветвленную сеть местной партийной агентуры, деятельность которой

Жихора. 22 сентября мною совместно с комиссаром управления было вторично возбуждено перед Чрезвычайной следственной комиссией ходатайство об освобождении Чувакина и 30 сентября за № 39434 комиссаром управления было возбуждено особое ходатайство о допущении его в помещение военно-агентского отделения для выбора необходимых дел.

Ни одно из поименованных ходатайств до настоящего времени удовлетворено не было» (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 120. Л. 53–53об.).

в основном сводилась к агитации и мелким диверсиям¹⁹⁵². Возможно, какая-то информация о белом лагере могла поступать руководству РККА и по партийным каналам.

Автор документа, Владимир Андреевич Срывалин, родился 1 мая 1888 г. Он принимал участие в Первой мировой войне в рядах 1-го драгунского Московского полка, дослужившись до штабс-ротмистра (по другим документам, ротмистра). Как один из лучших полковых офицеров, был направлен на ускоренные курсы академии Генерального штаба в Петрограде, окончив курсы 2-й очереди. Учился средне, при окончании младшего класса был лишь сто тридцать седьмым из 233¹⁹⁵³. При выпуске из академии Срывалин добровольно поступил на службу в зарождавшуюся Красную армию в качестве военного специалиста. В марте числился в штабе бывшего Генштаба полковника И.Г. Пехливанова¹⁹⁵⁴, отряды под руководством которого тогда обороняли подступы к Петрограду. 23 марта 1918 г. он был причислен к Генеральному штабу, а 27 июня приказом по Всероссийскому главному штабу № 18 переведен в Генштаб. В это время он уже служил в штабе военного руководителя Новгородского участка завесы. Срывалин также был делопроизводителем при инспекторе формирований штаба Северного участка и Петроградского района завесы¹⁹⁵⁵. Позднее он перебрался в Москву и занял должность помощника консультанта оперативного отдела Наркомата по военным делам¹⁹⁵⁶, возглавил агентурное отделение агентурного отдела Регистрапра, был начальником 1-го отделения Регистрационного управления Полевого штаба РВСР, находился в распоряжении начальника штаба Западного фронта и состоял для поручений при начальнике штаба Южного фронта. С 28 июля 1919 г. Срывалин временно исполнял должность инспектора кавалерии 41-й стрелковой дивизии¹⁹⁵⁷. В 1919 г., будучи командирован из 41-й стрелковой дивизии в распоряжение инспектора кавалерии 14-й армии, к месту назначения не прибыл и считался пропавшим без вести при оставлении красными Украины¹⁹⁵⁸. Особый отдел 14-й армии не смог его разыскать. В действительности он не пропал без вести, а бежал от красных и позднее объявился уже в эмиграции. Причины, толкнувшие его на бегство, неизвестны. Возможно, свою роль сыграли необоснованные аресты его однокашников, производившиеся в 1919 г. Известно, что Срывалин был противником таких действий чекистов¹⁹⁵⁹.

Впервые документ был обнаружен известным исследователем истории советской военной разведки В.Я. Кочиком, который оценил его значимость и опубликовал обширные фрагменты¹⁹⁶⁰, не сопроводив их, однако, каким-либо анализом и комментариями. Неопубликованными оставались как некоторые отрывки из самого документа, так и приложения к нему, позволяющие составить социальный

¹⁹⁵² См., напр.: Героическое подполье. В тылу деникинской армии: Воспоминания. М., 1976.

¹⁹⁵³ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

¹⁹⁵⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 116об.

¹⁹⁵⁵ РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 35об.

¹⁹⁵⁶ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 11об.

¹⁹⁵⁷ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 84об.

¹⁹⁵⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 39; Д. 1009. Л. 44, 47.

¹⁹⁵⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 218.

¹⁹⁶⁰ Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры. Статья вторая (1918–1921) // Свободная мысль. 1998. № 6 (1475). С. 89–92; Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. СПб.; М., 2002. С. 18–21.

портрет первых советских военных разведчиков. В дальнейшем популяризаторы истории спецслужб стали перепечатывать фрагменты, опубликованные Кочиком, в своих работах¹⁹⁶¹. Независимо от В.Я. Кочика, так и не опубликовавшего ссылку на место хранения процитированного им документа, мне в процессе изучения деятельности бывших офицеров Генерального штаба в РККА тоже удалось обнаружить этот интереснейший источник. Исключительное значение этого документа для истории первого года существования советской военной разведки требует его полной публикации, которая и предлагается вниманию читателей.

Помимо доклада публикуется телеграмма, проливающая свет на историю составления документа.

Документ 1.

Доклад начальника 1-го отделения 1-го отдела Региструпра бывшего Генштаба капитана В.А. Срывалина, направленный начальнику 1-го отдела Г.Я. Кутыреву. 19 февраля 1919 г.

Секретно.

Начальник 1-го отделения
1-го отдела Регистрационного
управления Полевого штаба
Реввоенсовета Республики
«19» февраля 1919 г.¹⁹⁶²

Начальнику 1-го отдела.

Доклад.

15 февраля с.г. исполнилось десять месяцев существования органа агентурной военной разведки, начавшего свою деятельность сначала под названием «Разведывательного отделения Московского областного военного комиссариата», затем перешедшего в ведение Оперативного отдела Наркомвоен¹⁹⁶³ и ныне состоящего при Регистрационном управлении Полевого штаба Реввоенсовета Республики.

За этот десятимесячный период времени накопилось много материала, который позволяет в достаточной степени выяснить те условия работы, в которых протекает деятельность высшего ныне органа агентурной разведки. Из доклада и приложенных к нему статистических данных будет видно, какие причины не благоприятствовали до сего и в дальнейшем будут мешать получению достаточно ценных результатов агентурной разведки.

Настоящий доклад включает три следующих вопроса:

---

¹⁹⁶¹ См., напр.: *Колтакиди А., Север А.* ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009. С. 73–74, 99–100 и др.

¹⁹⁶² Приписка на полях: «Доклад Срывалина об организа[ции] агентур[ной] работы».

¹⁹⁶³ Наркомат по военным делам.

- 1) Общие принципы, которые были положены в основу организации агентурной разведки отделения с первых дней его существования.
- 2) Вербовка агентов, организация агентурной сети, результаты этой деятельности и характеристика личного состава агентуры на 15 февраля с.г.
- 3) Причины неудовлетворительной работы агентуры.
- 4) Выводы.

Общие принципы, которыми руководствовалось отделение в своей агентурной работе.

1) Правильная организация разведки должна считаться столь же необходимой, как и организация вооруженных сил государства, и должна быть неотъемлемым их дополнением, иначе армия явится лишь слепым организмом.

2) Клаузевиц говорил, что: «Сведения о неприятеле ложатся в основу каждой идеи и каждого действия на войне, поэтому первейшей обязанностью агентурной разведки является собираение сведений о том, где и в каких силах находится противник¹⁹⁶⁴, что он делает и что намерен делать в будущем», эти сведения нужны для того, чтобы ориентировать Верховное командование.

3) Известно, что разведка не может быть делом импровизации и кустарничества, ибо она основывается на деятельности сети мелких тайных агентов, которые должны быть выбраны с большим разбором, затем подготовлены и натасканы и, наконец, еще испытаны, раньше чем считать возможным довериться их донесениям¹⁹⁶⁵, которые нередко должны лечь основанием важных военных операций. Организация разведки, таким образом, требует значительного времени и изучения агентов.

4) Разведка должна вестись настойчиво и непрерывно¹⁹⁶⁶, и связь с агентами должна быть надежной.

5) Работа тайной организации за границу должна быть обставлена строжайшей тайной¹⁹⁶⁷, и агентура должна быть так организована, чтобы арест или измена одного агента не влекли за собою провала всей организации.

6) Количество агентов должно быть достаточно велико, чтобы путем многочисленных засечек¹⁹⁶⁸ иметь возможность проверить правдоподобность донесений агентов. Агенты должны быть: а) посажены на места задолго до открытия военных действий противником, б) успеть сделаться своими людьми в районе порученного их наблюдению пункта, в) надежным образом связываться со своим руководителем

История военной разведки указывает, что все наиболее блестящие кампании (хотя бы взять примеры из истории войн XIX века) Наполеона и Мольтке основывались на тщательных, задолго вперед собранных сведениях о противнике¹⁹⁶⁹. Наполеон и немцы содержали целые армии шпионов, так, например, в кампанию 1870 года германцы имели только в 14 департаментах Северной Франции

---

¹⁹⁶⁴ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁶⁵ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁶⁵ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁶⁷ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁶⁸ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁶⁹ Подчеркнуто одним из читателей.

33 000 шпионов, посаженных за два года до войны¹⁹⁷⁰. Та же история указывает, что неудачное начало кампании 1877–[18]78 года объясняется неточными сведениями о противнике¹⁹⁷¹. Начало и весь ход японской войны 1904–[19]05 г. подтверждает то же самое. Бой на р. Ялу особенно подчеркивает это¹⁹⁷².

Таким образом, серьезность и важность тайной военной разведки¹⁹⁷³, на основании изложенных выше принципов, сознавались руководителями отделения с первых дней его функционирования¹⁹⁷⁴, и если до сего времени в этой области не достигнуто хороших и даже удовлетворительных результатов, то причины этому приводятся ниже¹⁹⁷⁵.

Вербовка агентов, организация агентурной сети и характеристика личного состава агентуры к 15 февраля 1919 г.

Недостаток людей, желающих заняться агентурной работой, сказывался еще с первых дней функционирования отделения.

Попытки завербовать агентов из числа бывших тайных военных агентов старой армии окончились неудачей вследствие недоверия их к советской администрации, не могущей, по их мнению, обеспечить тайну их службы в случае политического переворота или восстаний¹⁹⁷⁶, а также вследствие постоянных перемен в составе лиц, ведающих личным составом агентуры (полезный и добросовестный шпион не любит менять начальников)¹⁹⁷⁷.

Далее — вербовка агентов из безработной или нуждающейся интеллигенции или полуинтеллигенции, несмотря на хорошие условия денежного вознаграждения, — тоже не дала результатов, вследствие того, что эта безработная публика в конце концов при большом спросе на интеллигентный труд пристроилась в различные учреждения и, конечно, предпочла остаться там, чем идти на опасную службу по военному шпионажу.

Наконец, последнее средство по привлечению агентов, на которое возлагались последние надежды, — это привлечение партийных людей — тоже не дало положительных результатов. В декабрьском докладе начальника 1-го отдела тов. Аралову указывалось, что работа тормозится недостатком людей. Резолюция начальника Полевого штаба на этом документе была следующая: «Необходимо агентуру развивать и высылать партийных работников, дав наряд в партию, которая обязана нам дать работников, иначе мы потеряем дорогое время». После этого за трехмесячный период ноябрь–декабрь–январь в отделении было зарегистрировано 20 чел. партийных работников, давших следующие результаты¹⁹⁷⁸:

1) Совершенно непригодных к агентурной работе — 6 чел. (Глебов, Мангатов, Скворцов, Шлессер, Цельм¹⁹⁷⁹, Скульме).

¹⁹⁷⁰ Поль Лянуар. Немецкое шпионство во Франции. СПб., 1910 г. (примеч. В.А. Срывалина).

¹⁹⁷¹ Донесения русского военного агента в Константинополе 1910 г. (примеч. В.А. Срывалина).

¹⁹⁷² С. Гамильтон. Записки штабного офицера (примеч. автора). В действительности Гамильтона звали Ян.

¹⁹⁷³ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁷⁴ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁷⁵ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁷⁶ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁷⁷ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁷⁸ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁷⁹ Цельмс (Цельм) Ян Мартинович (1892–?) — латышский стрелок, член РСДРП(б). Командир внутренней охраны дома Ипатьева в Екатеринбурге, участник расстрела семьи бывшего императора Николая II.

2) Отказавшихся от работы после 1-ой командировки — 2 чел. (Дзиркал, Девольский).

3) Не выполнивших задание и потому уволенных от службы — 2 чел. (Свикке¹⁹⁸⁰, Соколовский).

4) Не дали ни одного сведения за 2–3 месяца — 3 чел. (Синицын, Митрофанов, Логинов).

Итого 13 человек, или 65% поступивших на службу за период 3 месяцев¹⁹⁸¹.

Далее — 2 чел. (Мириногоф, Гурвич) дали посредственные сведения (по одному донесению за 2½ месяца) — но стоят они очень дорого¹⁹⁸², и, наконец, 5 чел. (Васильев, Нагель, Виндт, Сатке¹⁹⁸³ и Дахия) только приступили к работе месяца тому назад.

Из приведенных цифр видно, что коэффициент полезных лиц агентуры из партийных работников очень не высок, ниже 35% общего числа поступивших на службу за истекший 3-х месячный период¹⁹⁸⁴. Следовательно, последнее средство к улучшению состава агентуры привлечением партийных сил не дало пока результатов ни в качественном, ни в количественном отношении. Некоторые факты заставляют даже считать, что эта ставка «на партийных людей» так же окажется несостоятельной¹⁹⁸⁵, как и привлечение старых опытных агентов и беспартийных людей.

Так, например, два старых партийных работника Соколовский и Свикке должны были организовать две крупных сети¹⁹⁸⁶: первый — в Польше, второй — в Прибалтийском крае. Результат: истрчено 150.000 руб.¹⁹⁸⁷, организации не осуществились, а организаторы показали себя людьми, которых можно отнести к категории слишком легкомысленных, как в денежных отношениях, так и в работе¹⁹⁸⁸. Ближайшее знакомство с остальными партийными работниками, поступившими на службу в том же периоде, оставляет впечатление, что эти люди в большинстве послужат только цифрами для статистики и ничего существенного не дадут разведке, как таковой.

В 1919 г. занимался разведывательной деятельностью на территории Латвии и Эстонии, проведением диверсий и терактов. В 1920 г. служил в Особом отделе 15-й армии. Участник борьбы с бандитизмом в Белоруссии. После Гражданской войны — на хозяйственной работе. Подробнее см.: Гвардейцы Октября: Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. М., 2009. С. 452 и др.

¹⁹⁸⁰ Свикке (Родионов) Ян Мартинович (1885–1976) — латышский стрелок, член РСДРП с 1904 г. Командир отряда латышей, охранявших дом Ипатьева в Екатеринбурге. Комиссар по особым поручениям при штабе Северо-Урало-Сибирского фронта. Сотрудник Региструпра Полевого штаба РВСР. В 1920–1930-е гг. на административной и преподавательской работе. Репрессирован в 1938 г. В годы Великой Отечественной войны занимался подготовкой немецких военнопленных для засылки в тыл противнику. В дальнейшем — профессор Латвийского государственного университета. Подробнее см.: Гвардейцы Октября. С. 444 и др.

¹⁹⁸¹ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁸² Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁸³ Сатке — венгерский интернационалист, инженер. Получил 1500 руб. на подпольную работу в белом тылу. Перейдя линию фронта, скрылся с деньгами

¹⁹⁸⁴ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁸⁵ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁸⁶ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁸⁷ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁸⁸ Подчеркнуто одним из читателей.

Существующий к 15 февраля с.г. состав агентуры в количестве 89 человек зарегистрированных плюс около 50 человек незарегистрированных агентов — в общем около 139 человек, состав в действительности небольшой, так как 50% этого числа в ближайшее время должно быть уволено за неспособностью к работе, шантаж и другие качества подобного характера; таким образом, высший разведывательный орган Республики имеет в своем распоряжении около 70 чел. агентов, из которых можно указать только 10 человек, могущих дать хорошие сведения (из них 4 беспартийные, 3 лев[ые] с[оциалисты]-р[еволюционеры], 3 сочувств[ующие] коммунистам).

Тайная разведка требует много времени, чтобы дело дало желаемые результаты. Не дни и недели, а многие месяцы и годы нужны для реализации посеянного. Но всходы могут быть хороши, если налицо хорошие семена и благоприятные условия. В настоящей же действительности плохи и семена (агенты), и условия работы отделения. Политическо-стратегическая обстановка властно требовала скорейших сведений, сведений во что бы то ни стало, отсюда крайняя поспешность и полнейшая импровизация в деле постановки¹⁹⁸⁹ агентурной разведки. Малоудовлетворительный контингент агентов, поспешность и отсутствие выбора, отсутствие нужных людей — вот основные причины невозможности получить хорошие результаты работы.

Характеристика личного состава агентуры.

По поводу личного состава агентуры нужно сказать следующее: 1) Как видно из приложенной к докладу таблицы — 66% агентов имеет образовательный ценз не выше городского училища или церковно-приходской школы, около 50% по профессии — рабочие и 90% агентов никогда не занимались не только тайной военной разведкой, [но] даже нелегальной партийной работой¹⁹⁹⁰. А принимая во внимание крайнюю текучесть в личном составе агентуры, где из 164 чел. зарегистрированных в отделении за 10 месяцев — около 50% уволено от службы по разным причинам, — получается довольно безотрадная картина как количественного, так и качественного состава агентуры¹⁹⁹¹.

По вопросу о текучести в личном составе и невозможности прийти к твердой организации сети небезынтересно привести справку, из которой видно следующее:

Прибалтийский край имел четыре последовательно насаждаемых агентурных организации, которые в той же последовательности через 1–1½ месяца рассыпались; в настоящее время в Прибалтике организуется пятая по счету сеть¹⁹⁹².

Белоруссия — имела тоже пять организаций, ничего не давших делу разведки.

Украина же представляла какую-то бездонную пропасть, которую до самых последних дней Гетмана не удалось заполнить достаточным числом агентов.

Что же касается Сибири, то положение с этой областью еще безотраднее: дальность расстояния, невозможность наладить связь — не привлекали охотников пуститься в тайную разведку в Сибирь.

К характеристике настоящего состава агентуры нужно добавить, что ни один агент не установил связи с каким-нибудь неприятельским штабом для получе-

¹⁹⁸⁹ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁹⁰ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁹¹ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁹² Подчеркнуто одним из читателей.

ния агентурных сведений; все работают путем наружного наблюдения и «по слухам»¹⁹⁹³, а приняв во внимание скорость доставки донесений, получается всегда то, что, например, «Роста» успевают сообщить¹⁹⁹⁴ перепечатку из иностранных газет ранее, чем отделение получит агентское донесение¹⁹⁹⁵.

Причины неудовлетворительности личного состава агентуры.

Дело в том, что не всякий человек может быть шпионом, так как для этой роли необходимы особые физические и нравственные качества. От всех вообще шпионов требуется добросовестность, верность, наблюдательность, хитрость, умственное развитие, знание военной организации и администрации, знание языка, характера и обычаев населения той страны, где им приходится или придется работать, наконец, общительность и умение располагать людей в свою пользу¹⁹⁹⁶. Ошибочно брать на это дело первого вызвавшегося быть охотником. Также ошибочно рассчитывать на получение хороших результатов, соря деньгами направо и налево.

Присылка в отделение нескольких десятков партийных работников еще не показывает, что с этими людьми можно начинать разведку¹⁹⁹⁷. Как на характерный случай бессистемного кустарничества в смысле пополнения личного состава агентуры и посылки ее на работу можно указать на следующий факт, когда один из зарегистрированных, но еще не обследованных агентов на дверях своей квартиры в Москве прикрепил карточку с надписью «Агент Полевого штаба».

В настоящее время крайне затруднено обследование агентов (из партийных) с нравственной и деловой стороны их качеств¹⁹⁹⁸. Запас старых партийных работников исчерпан с первых дней Октябрьской революции — все они заняли высокие административные посты. Коммунисты же октябрьского и более поздних сроков в большинстве не поддаются обследованию вследствие постоянно меняемых ими специальностей службы, непродолжительности сроков этой службы и отсутствия достаточно авторитетных лиц, которые могут дать оценку личности того или другого человека¹⁹⁹⁹. Обыкновенно вновь поступающие имеют массу разных удостоверений о том, что такое-то лицо служило тем-то и отличается работоспособностью, аккуратностью и т.д. Но такие бумаги ничуть не гарантируют отделение от того, что агент окажется не соответствующим даже выше перечисленным качествам. Один из агентов (старый партийный работник) имел буквально целый портфель, в котором заключалось несколько фунтов разных удостоверений, это лицо произвело очень хорошее впечатление и, взявшись организовать агентурную сеть, ничего не сделало (Свикке)²⁰⁰⁰. Другое лицо, командированное партией, по приходе в отделение заявило, что по своей прежней службе оно как сотрудник Ч.К. получало специальные секретные задания «по проведению крас-

---

¹⁹⁹³ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁹⁴ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁹⁵ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁹⁶ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁹⁷ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁹⁸ Подчеркнуто одним из читателей.

¹⁹⁹⁹ Подчеркнуто одним из читателей.

²⁰⁰⁰ Подчеркнуто одним из читателей.

ного террора²⁰⁰¹. Получив срочное задание в Киев 16 декабря 1918 г., это лицо по дороге заболевает и только 13 января 1919 г. извещает отделение письмом о своей болезни и накануне занятия Киева отправляется туда исполнять задание, которое к этому времени потеряло всякое значение²⁰⁰². С тех пор об этом лице нет никаких сведений (Синицын).

У большинства партийных работников замечено полное отсутствие стремления к методической и кропотливой работе, каковой является тайный сбор военных сведений. Несмотря на то что при отправлении агентов (из партийных) им ставится условием на первом месте ставить сбор военного материала, они все же сбиваются на политическую работу и заваливают донесениями, содержащими описание политических событий местного характера и не имеющими²⁰⁰³ абсолютно никакого серьезного значения. Второй крупный недостаток в работе партийных замечается в том, что они не объективны: сведения даже по политическим вопросам из одного и того же места, но от разных агентов, всегда противоречат друг другу.

Последний месяц отделение приобрело как будто бы заслуживающие большого доверия организации Планциса, Нагеля, Сатке — но это не вселяет радужных надежд на улучшение дела, так как опыт недавнего прошлого не раз обманывал надежды: Бирзе²⁰⁰⁴, Балахович, Григорьев, Краинский, Брегман, Бральницкий, Азаров и много других, большинство коих имело солидные рекомендации даже от членов Совнаркома²⁰⁰⁵; по теории вероятности, к сожалению, ждать лучшего не приходится.

Главные причины неудовлетворительности работы отделения.

1) Малочисленность агентуры: правильная организация требует в настоящий момент не менее 50 перворазрядных агентов только на территории оккупированных областей и 450–500 чел. второразрядных агентов. Налицо же всего около 70 человек мало-мальски пригодных и терпимых на службе. А ждать притока достаточного количества подходящих людей неоткуда.

2) Сильная текучесть в личном составе: не успевает организоваться какая-нибудь сеть, как по той или иной причине она рассыпается. Самый старый агент на службе июньского поступления, и тот, кажется, дезертировал с декабря месяца²⁰⁰⁶.

3) Отсутствие выбора и подбора [кадров]: обстановка момента повелительно требует сведений и не дает времени изучить и обследовать вновь поступающее на службу лицо в течение нескольких месяцев, в крайнем случае, недель.

²⁰⁰¹ Подчеркнуто одним из читателей.

²⁰⁰² Подчеркнуто одним из читателей.

²⁰⁰³ Подчеркнуто одним из читателей. В документе не согласованно — не имеющих.

²⁰⁰⁴ Бирзе (Эрдман) А.И. — полковник, участник Первой мировой войны в латышских стрелковых частях. Для конспирации выдавал себя за анархиста, тесно связанного с большевистским руководством. Участник антибольшевистского подполья в Москве, член организованного Б.В. Савинковым Союза защиты Родины и Свободы (1918), один из организаторов ударных дружин. Сотрудник оперативного отдела Наркомвоен. Арестован (17.08.1918). После освобождения участвовал в антибольшевистском движении. Один из руководителей Народного союза защиты Родины и Свободы. В эмиграции — в Данциге и Париже. Подробнее см.: К истории ВЧК: Письмо А.И. Эрдмана (Бирзе) Ф.Э. Дзержинскому / Публ. А.И. Колпакиди // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург). 1996. Кн. 6. С. 181–208.

²⁰⁰⁵ Подчеркнуто одним из читателей.

²⁰⁰⁶ Подчеркнуто одним из читателей.

4) Связь: трудна до чрезвычайности вследствие ежедневно меняющихся государственных границ и отсутствия нейтральных территорий. Донесения нужно доставлять через фронт, который ежедневно меняется и прорывы в котором не могут быть скоро известны агенту, посылающему донесение. Например: донесение ходоком из Одессы в Москву доставляется при самых благоприятных условиях на 12-й день, а из Челябинска — на 18–21 день²⁰⁰⁷ и позже. Донесения из Баку в Астрахань агенты берутся доставить не ранее 14 дней²⁰⁰⁸.

5) «Власть на местах» — в многочисленных докладах, составивших целое «дело» и представленных в течение последних 3-х месяцев, приводится много фактов о препятствиях в работе агентуры, встречаемых начиная от Ч.К. и кончая командармами. Как наиболее характерные случаи приведу только три: а) арест агента-руководителя Озолина в Петрозаводске на пятом месяце его нахождения в этом городе и по причинам прямо курьезного характера²⁰⁰⁹, б) задержание агентов №№ 110 и 111 командармом 6²⁰¹⁰ по сомнению личности. Пока командарм проверял по телеграфу личность этих агентов, канцелярия командарма успела затерять удостоверения²⁰¹¹, выданные отделением агентам, что произвело на агентов самое отвратительное впечатление²⁰¹², в) Командарм 3²⁰¹³ не пропустил агента Мниховича через фронт, потому что агент не мог ответить начальнику Особого отдела этой армии на вопрос... «о задачах Регистрационного управления», и, несмотря на имевшееся у агента отношение в собственные руки Командарму с просьбой о пропуске в Пермь, агент принужден был вернуться в Москву (Подробный доклад от 31 января с.г. № 469-Р).

Выводы.

1) Недостаток агентуры в количественном и качественном отношениях, имеющий кроме того тенденцию к ухудшению и в том и [в] другом отношениях (см. таблицу количества принятых и уволенных агентов за январь и февраль месяцы).

2) Нельзя установить прочную связь с агентами вследствие полной изолированности Советской России в международном отношении: отсутствие нейтральных территорий, которыми можно было бы пользоваться для передачи сведений.

3) Те результаты тайной разведки, которые давало и дает отделение, как высший орган разведки в Республике, — дает агентура низших штабов и печать.

4) Думать о возможности хорошей организации тайной разведки лишь в момент назревания событий или в минуту нападения врага и при отсутствии подходящих людей — поздно. В таких случаях можно заниматься импровизацией разведки сколько угодно, но требовать выполнения срочных заданий и хороших сведений — бесполезно, ибо задание не только трудно выполнить, но и полученные сведения нельзя проверить (нужны сети, перекрывающие друг друга)²⁰¹⁴.

---

²⁰⁰⁷ Подчеркнуто одним из читателей.

²⁰⁰⁸ Подчеркнуто одним из читателей.

²⁰⁰⁹ Подчеркнуто одним из читателей.

²⁰¹⁰ Командарм 6 — командующий 6-й армией..

²⁰¹¹ Подчеркнуто одним из читателей.

²⁰¹² Подчеркнуто одним из читателей.

²⁰¹³ Командарм 3 — командующий 3-й армией

²⁰¹⁴ Подчеркнуто одним из читателей.

Приложение: 3 таблицы.
Начальник 1-го отделения Срывалин²⁰¹⁵

Движение личного состава агентуры с 15 апреля (19)18 по 15 фев(аля) (19)1

Месяцы	Сколько агентов принято на службу	Сколько агентов уволено в течение месяца	Сколько агентов состоит на службе к концу месяца
Апрель 1918 г.	1		1
Май	5		6
Июнь	9	1	14
Июль	8	1	21
Август	27		48
Сентябрь	20	13	55
Октябрь	35	16	74
Ноябрь	14		88
Декабрь	13		101
Январь 1919 г.	21	23	99
Февраль по 15 ч[исло]	11	21	89
ИТОГО:	164	75	

Причины увольнения агентов.

Неспособностъ к разведывательной службе 40 ч[еловек]

Уволено по болезни 4

Уволено по собственному желанию 15

Пропавших без вести 11

Умерших 1

Уволено вследствие ареста В.Ч.К. 3

Расстреляно Ч.К. (за кражу) 1

Итого: 75

Случайные агенты.

С 15 апреля 1918 г. по 15 февраля 1919 г. отделение давало задания 9-ти человекам, являвшимся по рекомендации разных лиц:

6 чел. взяли задания без всякой денежной помощи.

1 лицо — партийная получила 5.000 руб.

2 лица — немецкие солдаты 4.000 руб.

Итого 9 чел.

Все 100% (9 чел.) не дали ни одного донесения.

²⁰¹⁵ Резолюция (возможно, Г.Я. Кутырева): «Картина безотрадная. Вызвана полнейшей изоляцией от работы лиц, даже пользующихся доверием (Теодори, Срывалин, Кутырев и т.д.); вся вербовка [проходит] на глазах самих же агентов, из коих были шантажисты: следовательно, все мы давно сняты и сфотографированы. Доклады специалистов на учет не принимаются: им отводится “почетная роль” истребования денег, продовольствия и т.д., на что генштабисты не нужны».

Характеристика личного состава агенты на 15 февраля 1919 г.

По политической принадлежности	Количество	По роду прежней деятельности	Количество	По образовательному цензу	Количество	По национальности	Количество	По подданству	Количество	По ныне получаемым окладам содержания в месяц	Количество
Коммунистов	59	Тайных военных агентов старой армии	1	С высшим образованием	12	Латышей и эстонцев	39	Русских	81	9000 руб.	1
Сочувствующих	17	Бывших по службе по тайной военной разведке в новой армии	4	Со средним образованием законченным и незаконченным	21	Великороссов	11	Финляндских	5	1500–4000 руб.	20
Левых с[оциалистов]-р[еволюционеров]	3	Журналистов	2	С низким образованием	66	Белороссов	11	Польских	1	900–1500 руб.	51
Беспартийных	10	Бухгалтеров	9	[Всего:]	89	Финнов	6	Быв[ших] украинск[их]	2	Без определенного жалования	17
[Всего:]	89	Приказчиков	19			Магоровсов	6	[Всего:]	89	[Всего:]	89
		Техников	11			Немцев	1				
		Рабочих всякой специальности	43			Мальяр	2				
		[Всего:]	89			Евреев	7				
						Поляков	6				
						[Всего:]	89				

**Расход денежных сумм на содержание агентуры
с 15 апр(еля 19)18 г. по 15 фев(раля) 1919 г.**

Месяцы	Сумма
Апрель 1918 г.	—
Май	15 266 р. 00 к.
Июнь	22 146 р. 35 к.
Июль	56 383 р. 30 к.
Август	60 054 р. 85 к.
Сентябрь	111 905 р. 26 к.
Октябрь	133 446 р. 25 к.
Ноябрь	280 519 р. 18 к.
Декабрь	516 597 р. 64 к.
Январь 1919 г.	424 481 р. 65 к.
Февраль за ½ мес.	396 878 р. 53 к. по 15 фев[раля] включ[ительно]
Всего:	1 618 477 р.

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 189–197. Подлинник. Машинопись.

Документ 2.

**Телеграмма Г.Я. Кутырева начальнику Регистрационного
управления Полевого штаба РВСР С.И. Аралову.
21 февраля 1919 г.**

Срочно. Секретно. Лит. А.

Доклад написан по моим указаниям. Работа моя и тов. Срывалина общая. Считаю долгом еще раз подтвердить, что привлечение только серьезных работников, хотя бы на места руководителей, может дать более лучшие результаты. Москва. 21 февраля. НР 1033/РУ. Кутырев, Ипполитов.

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 222.

Новые документы по «делу» Полевого штаба РВСР. 1919 г.*

Публикуемые документы из фонда Полевого штаба РВСР Российского государственного военного архива дают представление о ранее неизвестных аспектах событий весны—лета 1919 г. в Полевом штабе РВСР. И хотя эти документы в основном отражают взгляды репрессированных военных специалистов, они дают вполне однозначное представление о том, что же собой в действительности представляло «дело» Полевого штаба.

Первый документ рисует картину многократных нарушений, которые допускались в процессе арестов в Полевом штабе в мае 1919 г., и убедительно показывает, что под арест попадали наиболее активные и добросовестные военные специалисты, нередко обладавшие, как, например, генштабист И.Д. Моденов, уникальными знаниями в специальных вопросах. Интерес представляет и то, что чекисты в некоторых случаях действовали без ведома комиссара Полевого штаба РВСР С.И. Аралова.

Во втором документе также затронут вопрос необоснованности арестов. Показаны методы работы ВЧК с подозреваемыми, ужасающие условия содержания арестованных, произвол руководителя Особого отдела ВЧК М.С. Кедрова. Анализ заданных И.Д. Моденову вопросов дает возможность разобраться в подоплеке его ареста, связанного в том числе и с делом Г.И. Теодори.

Третий документ, пожалуй, наиболее ценный из всех. Это письмо главкома И.И. Вацетиса председателю ВЦИК М.И. Калинину, составленное в самый разгар «дела» Полевого штаба в начале июля 1919 г., но не ранее 4 июля, когда был арестован выпускник ускоренных курсов академии Н.Н. Доможиров, и не позднее 8 июля — когда под стражу был взят уже сам автор письма. Документ непосредственно освещает начало июльских арестов в Полевом штабе и отражает видение этих событий главкомом Вацетисом. В документе ярко продемонстрирована некомпетентность карательных органов, показано, что обвинения в отношении военных специалистов были сфабрикованы. Главком Вацетис в это время, вероятно, еще питал иллюзии относительно своей принадлежности к советскому военно-политическому Олимпу, считал себя «неприкасаемым». Поэтому он писал о происходящем откровенно, прямо и жестко. В обстановке

---

* Впервые опубликовано: Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2010. Т. 9. С. 356–378. Публикуется с дополнениями.

повальных арестов в окружении Вацетиса его поручительство за арестованных сослуживцев было мужественным поступком и свидетельствует в пользу их невиновности. Вряд ли советский главком пошел бы на такой риск, если бы не был полностью уверен в своих подчиненных. Но, по всей видимости, Вацетис явно переоценил свою близость большевистской верхушке. Вместо благодарности за прежние заслуги ему выпала лишь роль пешки в сложных политических комбинациях советских вождей. Не удивительно, что собственный арест стал полной неожиданностью для Вацетиса. В целом же документ дает трезвый взгляд на происходившие события.

Телеграмма М.Д. Бонч-Бруевича содержит список арестованных военспецов. Последующие документы во многом похожи и представляют собой достаточно искренние прошения арестованных об освобождении. Эти прошения позволяют разобраться в причинах и характере репрессий, взаимосвязях между арестами, дают возможность составить представление о положении арестованных и их семей.

Документ 1.

**Телеграмма начальника Полевого штаба РВСР
Ф.В. Костяева В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому
в связи с арестами сотрудников Полевого штаба.
Приписки к телеграмме главкома И.И. Вацетиса
и комиссара Полевого штаба С.И. Аралова. 6 мая 1919 г.**

Пред[седателю] Сов[ета] обороны Ленину

Пред[седателю] Реввоенсовета Троцкому

Копия главнокомандующ[ему] всеми воор[уженными] силами Республики Вацетису

Копия за[местителю] пред[седателя] Реввоенсовета Склянскому

«6» мая 1919 года Серпухов. Секретно. 3 сего мая были произведены внезапно массовые обыски и аресты у служащих Полевого штаба Генштаба Моденова²⁰¹⁶,

---

²⁰¹⁶ Моденов Иван Дмитриевич (1885–?) — военный специалист РККА. Участник Первой мировой войны. Служил в армейской пехоте. В 75-м пехотном Севастопольском полку (на 1915–1917). Последнее звание в русской армии — капитан. Окончил скоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу (23.03.1918). Переведен в Генеральный штаб (Приказ по Всероссийскому главному штабу № 18 от 27.06.1918). Добровольно вступил в РККА (с 01.04.1918). Участник Гражданской войны. В РККА (на 1918–1922). Служил в штабе Северного участка и Петроградского района завесы (1918). В резерве штаба Петроградского района. Консультант оперативного отдела Наркомата по военным делам (1918). Начальник общего отделения оперативного управления Полевого штаба РВСР (1918–1920). Находился под арестом (03–16.05.1919). Начальник штаба 14-й армии. Начальник штаба 12-й армии (14.11.1920–01.01.1921). Начальник штаба 24-й стрелковой дивизии (03.02–27.06.1921). Начальник 24-й стрелковой дивизии. Начальник организационного управления штаба Киевского военного округа (15.07–30.08.1921). Заведующий учебно-строевой частью Военной школы им. ВЦИК (с 03.09.1921, на 08.1922). Награды: орден Св. Георгия 4-й ст. (1915), Георгиевское оружие (1915).

Медведева²⁰¹⁷, Далера²⁰¹⁸ и еще других десяти сотрудников. Арестованы Генштаба Моденов и Медведев и две письмоводительницы. При обысках, насколько мне известно, до сих пор ничего компрометирующего найдено не было и отобраны предметы, не имеющие совершенно никакого значения, как то: планы Москвы, Серпухова, старые письма и прочее. Аресты и обыски произведены не только вопреки приказа Реввоенсовета Республики от 29 сентября 1918 года за н[оме]р[ом] 6 без ведома начальствующих лиц, но даже заместитель комиссара штаба тов. Голенко для ареста Генштаба Моденова позволил в служебное время в момент нахождения в штабе главкома и меня представителям ВЧК войти в помещение штаба, в отделение оперативного управления и там произвести арест, о котором главком и я узнали совершенно случайно. Арестованные Генштаба Моденов и Медведев служат в Красной армии с самого начала ее существования. Оба являются выдающимися, честными, добросовестными работниками, которые не жалели ни времени, ни сил и которые всецело отдавались служению Красной армии. Лучшей характеристикой работы Генштаба Моденова может служить его капитальный труд этнографического и исторического исследования всех советских республик, образовавшихся на территории бывшей Российской империи, составленный по архивным данным в течение двух-трех недель по заданию Полевого штаба. Что касается Генштаба Медведева, то отсутствие его как началь-

---

²⁰¹⁷ Медведев Александр Павлович (04.12.1882–?) — военный специалист РККА. На службе с 01.10.1902. Окончил Московское частное реальное училище, Николаевское инженерное училище, офицерский класс военно-электротехнической школы и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1912). Служил в 19-м саперном батальоне, Усть-Двинской крепостной миной роте, Гренадерском саперном батальоне. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Старший адъютант штаба 55-й пехотной дивизии. Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. И.д. штаб-офицера для поручений отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии (с 05.12.1915). И.д. помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. Штаб-офицер для поручений по авиации отдела генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии (с 09.12.1916). Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. И.д. начальника связи действующей армии управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (с 17.12.1917). Последнее звание в русской армии — подполковник. Добровольно вступил в РККА (с 20.07.1918). Участник Гражданской войны. В РККА (1918–1923). Начальник связи Высшего военного совета (с 20.07.1918). Начальник связи Полевого штаба РВСР. Находился под арестом (04–14.05.1919). В распоряжении начальника Всероссийского главного штаба (1919). В распоряжении управляющего делами СНК. Начальник автобазы СНК (с 16.12.1919, на 1923). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1907), Св. Анны 3-й ст. (1908).

²⁰¹⁸ Далер (Даллер) Владимир Васильевич (Вильгельмович) (02.02.1875–17.11.1923) — военный специалист РККА. На службе с 31.08.1893. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1902). Помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа (28.11.1904–05.05.1907). Начальник штаба Зегржской крепости (05.05.1907–07.03.1909). Старший адъютант штаба Варшавского военного округа (с 07.03.1909). Начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта (на 1916). Помощник начальника управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем (с 10.02.1916). В распоряжении начальника Генерального штаба (01.08.1917). Последнее звание в русской армии — полковник. Добровольно поступил в РККА (с 01.03.1918). Участник Гражданской войны. В РККА (1918–1922). Начальник организационного управления Полевого штаба РВСР. Начальник административно-учетного управления Полевого штаба РВСР (1919). Арестован (1919). Приговорен Ревтрибуналом Республики к принудительным работам с лишением свободы на пять лет (16.02.1920). Инспектор Высшего геодезического управления ВСНХ (с 22.10.1921). Погиб в СССР. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1905), Св. Анны 3-й ст. (06.12.1909), Св. Станислава 2-й ст. (06.12.1912).

ника связи такого учреждения, как Полевой штаб, уже начинает сказываться в отрицательную сторону. Медведев является [в] настоящее время единственным специалистом Генштаба по связи в Республике для работы в таком масштабе, который необходим для Полевого штаба. Отсутствие Медведева повлечет и дальнейшее ухудшение связи, а следовательно, крайне вредно отразится на оперативной работе штаба. Я глубоко убежден, что Генштаба Медведев и Моденов ни в какой контрреволюции замешаны [быть] не могут и арест их является так же беспочвенным, как и обыски у сотрудников, у которых найдены и отобраены план Серпухова, Москвы и т.п. По долгу совести и ради дела докладываю, что такие беспочвенные, без соблюдения законных установлений обыски и аресты нервно отражаются на планомерной и ответственной работе служащих Полевого штаба и дезорганизуют самый аппарат управления. Кроме того, такие аресты и обыски дискредитируют высший военный советский орган в Республике, каковым является Полевой штаб, и могут²⁰¹⁹ вредно отразиться на фронтах, лишая один из важнейших органов государства доверия, что в критическую минуту может повлечь за собой нежелательные последствия и гибельно повлиять на боевые операции. Авторитет Полевого штаба такими действиями ставится под подозрение, вместо того, чтобы быть вне упрека.

В видах поддержания престижа Полевого штаба ходатайствую, чтобы ни одно учреждение, организация или должностное лицо помимо Реввоенсовета Республики не имело права вмешиваться во внутреннюю жизнь Полевого штаба, а также, не входя в рассмотрение правильности или неправильности произведенных арестов, прошу о немедленном рассмотрении дел арестованных сотрудников Полевого штаба и об их освобождении, причем Генштаба Моденова и Медведева все Генштабы Полевого штаба согласны взять на свои поруки. № 169/Б. Наштареввоенсовета²⁰²⁰ Республики Генштаба Ф. Костяев. Военком ш[таба] РВСР[.]

Согласен с изложенным в этой телеграмме; с своей стороны ходатайствую о самом срочном пересмотре дел всех арестованных за последнее время штабных работников.

Главком Вацетис
6 мая 1919 г.
Серпухов

[Приписка С.И. Аралова:] Обыски и аресты за исключением Макарова Аресты Генштаба Медведева, Моденова и др. произошли с моего ведома. Об обысках у ~~некоторых лиц~~ Макарова²⁰²¹ и Анциферова²⁰²² я не был поставлен в известность. Тов. Кедрову я указал на необходимость в недельный срок закончить дело

²⁰¹⁹ В документе ошибочно — может.

²⁰²⁰ Наштареввоенсовета — начальник штаба Революционно-военного совета.

²⁰²¹ О ком именно идет речь, установить не удалось.

²⁰²² Анциферов Петр Юрьевич — военный специалист РККА. Корнет. Обучался на ускоренных курсах 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918) в качестве проходящего слушателя. Курсы не окончил в связи с отъездом из Петрограда. В РККА (на 1919–10.1920). В Полевом штабе также служил казначей Борис Николаевич Анциферов.

Генштаба Медведева. Ввиду моей поездки [в] Москву по этому же делу начало арестов произошло без меня и были произведены неумело, на что мною указано зав[едующему] Особым отделом в г. Серпухове, и по приезде в Серпухов бесцельные обыски приказал прекратить. ~~В будущем~~ Считаю необходимым указать, что обыски и аресты ответственных лиц должны производиться более осторожно и осмотрительно, чем были произведены в настоящем случае.

Аралов.

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 227–232об. Черновик телеграммы с рукописными дополнениями. Текст сверен с отправленным вариантом телеграммы: РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 380–382об.

Документ 2.
Доклад начальника общего отделения оперативного
управления Полевого штаба РВСР И.Д. Моденова
Ф.В. Костяеву по поводу ареста. 21 мая 1919 г.

Начальник
общего отделения
оперативного управления
Полевого штаба
Революционного военного
совета Республики
«21» мая 1919 года
№ 1338об
гор. Серпухов

Доклад.

Начальнику
штаба

3-го мая в мой кабинет явились агенты Особого отдела В.Ч.К. с комиссаром Морского отделения т. Клейнбергом и предъявили мне ордер за подписью т. Кедрова об обыске и моем аресте. Не возражая этому, я, зная, что без ведома своего начальства не могу быть арестован, спросил разрешения сообщить Вам по телефону об аресте, на что агентами было указано что ведь мой начальник т. Клейнберг. Возразив, что т. Клейнберг является только вр.и.д. комиссара управления, я заявил, что моими начальниками являются — Вы и начальник управления, я настаивал на разрешении сообщить Вам об аресте и кому передать отделение. Агенты разрешили разговор, и я уже дал звонок в центральную, но т. Клейнберг взял трубку в руки и, таким образом, насильно лишил меня возможности разговаривать по телефону. После этого я заявил, что все же я сказал, что не уйду из отделения, пока не сдам дел. Тогда т. Клейнберг сказал, — хорошо, я сейчас позову и передам, — и через некоторое время вернулся с т. Голенко, который заявил агентам, — я комиссар штаба, — посмотря ордер и приказал арестовать. Я опять повторил просьбу сообщить Вам об аресте и кому передать отделение, на что

получил ответ, что Вас в штабе нет, а он Вам донесет, а для приема дел прислал т. Мовчина²⁰²³, которому я и был вынужден сдать наскоро текущие дела. Сообщение т. Голенко было заведомо лживое, так как на вопрос случайно зашедшему Генштаба Малышеву, — есть ли начальник штаба, я получил утвердительный ответ и просил сообщить Вам о своем аресте. Теми же агентами был произведен обыск у меня на квартире, после чего я был препровожден в Особый отдел Серпуховского В.Ч.К., откуда в ту же ночь отвезен на станцию и затем в Москву в Особый отдел В.Ч.К., причем никаких перевозочных средств предоставлено не было.

По прибытии в Особый отдел я был помещен в помещение для арестованных, в котором за неимением коек пришлось валяться на грязном полу.

5-го мая следователем Фогелем был сделан первый допрос, причем мне предложили следующие вопросы:

1) Как было поставлено дело сохранения военной тайны в бывшем Опероде, на что мною отвечено, что секретные дела хранились тщательно, а в кабинете заведывающего находился постоянно партийный работник.

2) Как хранились дела Оперода — в запертых шкафах под ответственностью столоначальников.

3) Как хранились бланки Оперода — в запертом шкафу под ответственностью секретаря.

4) Как и [у] кого хранились печати Оперода — у заведывающего оперативным отделением т. Гиршфельда²⁰²⁴.

---

²⁰²³ Мовчин Николай Николаевич (27.09.1896–03.09.1938) — военный специалист РККА. Член партии эсеров (с 1917), член РКП(б) (с 1919). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил школу прапорщиков при Алексеевском военном училище (1915) и Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе (1927). Последнее звание в старой армии — поручик. Избран председателем дивизионного и армейского комитетов 3-й армии Западного фронта (1917). Демобилизовался по болезни. Арестован, содержался в Бутырской тюрьме (не позднее 1919). Освобожден. В РККА (с 01.1919). Секретарь комиссара оперативного управления Полевого штаба РВСР, комиссара разведывательного отдела Полевого штаба РВСР. В Штабе РККА на различных должностях в мобилизационном отделе и управлениях штаба, последняя должность — помощник начальника организационно-мобилизационного управления. После окончания Военной академии работал в мобилизационных органах промышленности, а с 1928 по 1933 — в Штабе РККА помощником начальника организационно-мобилизационного управления, начальником 5-го управления (планово-материального). В 1933 явился инициатором создания службы снабжения горючим и возглавил управление снабжения горючим РККА. Комкор. Арестован (25.12.1937). Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре. Расстрелян. Реабилитирован (25.08.1956). Соч.: Комплектование Красной армии (исторический очерк). Л., 1926; Последовательные операции по опыту Марны и Вислы. М., 1928.

²⁰²⁴ Гиршфельд-Островский Александр Владимирович (1897–1962) — уроженец Юрьева Эстляндской губернии, родился в семье врача. Окончил гимназию в Москве (1915). Член РСДРП(б) с 1918. В РККА (с 1918). Начальник оперативного отделения оперативного отдела Наркомата по военным делам. Военный комиссар оперативного управления Полевого штаба РВСР (1918–1919). Слушатель академии Генштаба РККА, окончил академию в 1922. Начальник штаба ударной группы 25-й и 49-й стрелковых дивизий Восточного фронта (1919). Начальник отделения разведывательного управления Полевого штаба РВСР (1920). Военный комиссар Инспекции пехоты РККА (1920–1922). Командир роты и батальона в Московском военном округе (1922–1924). Начальник отдела Штаба РККА (1924–1926). Окончил 1-й МГУ (1926). Начальник мобилизационного отдела народного комиссара финансов СССР, военный советник наркома (1926–1929). Старший руководитель кафедры, адъюнкт курсов усовершенствования начальствующего состава Военной

5) Как выпускались оперативные сводки — мною только корректировались черновые сводки, после чего сводки лично столоначальниками диктовались, давались на подпись и рассылались адресатам, т.е. после корректуры сводки уже не возвращались ко мне.

6) Характеристика Генштаба Теодори.

7) Характеристика бывшей переписчицы Троицкой.

8) Знал ли я, что Троицкая взяла из Оперода бланки и телеграммы — не знал, так как всем этим ведал секретарь.

9) Давал ли я Троицкой бланки телеграммы с печатями — не давал, т.к. печать была у т. Гиршфельда.

10) Правда ли, что я давал Троицкой печатать доклад о маневре 18 августа 1918 года — давал, так как маневры происходили каждое воскресенье, и все очередные доклады, которые потом рассылались во все районные комиссариаты.

11) Правда ли, что я давал Троицкой печатать доклад об инженерном имуществе Южного фронта — не давал, т.к. снабжением ведало другое лицо, и дела снабжения не входили в мои обязанности.

12) Правда ли Теодори в моем присутствии передавал Генштаба Тарасову²⁰²⁵ пакет без адреса и пакет с деньгами для передачи родителям в Евпатории — не видел и не знаю, т.к. Теодори занимался в другом кабинете.

13) У Троицкой найден обрывок бумаги, на котором написано моею рукою «Восточный фронт» — не помню и не знаю, что это было (эта бумага предъявлена мне не была ни на первом допросе, ни на следующих).

14) Знаю ли я Далера — по службе.

15) Знаю ли я Анциферова — по службе.

16) Знаю ли я Тарасова — по академии.

академии им. М.В. Фрунзе (1929–1931). Секретарь полпредства в Берлине (1931–1935), выполнял задания ИНО ОГПУ. Генеральный консул в Кенигсберге (1935–1938). Поверенный в делах в Риге (1937–1938). В резерве НКВД (1938). Старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Участник Великой Отечественной войны. Командир полка дивизии народного ополчения. Позднее — на научно-педагогической работе. К.и.н.

²⁰²⁵ Тарасов Владимир Федорович — военный специалист РККА. Участник Первой мировой войны. В 14-й и 13-й конно-артиллерийских батареях. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу (23.03.1918). Переведен в Генеральный штаб (Приказ по Всероссийскому главному штабу № 18 от 27.06.1918). В РККА добровольно (с весны 1918). Участник Гражданской войны. Консультант оперативного отдела Наркомата по военным делам (1918). Начальник агентурного отдела Региструпра Полевого штаба РВСР (11.1918). Начальник штаба советского Южного фронта (13.11.1918–07.06.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. Вр.и.д. начальника штаба 9-й армии. Вр.и.д. начальника штаба 8-й армии (10.08–02.10.1919). Вместе с двумя другими генштабистами (В.А. Желтышевым и А.С. Нечволодовым) пропал без вести 02.10.1919 при переводе штаба армии из Усмани в Колодезную. Перешел на сторону ВСЮР. В эмиграции — в Сербии (на 1922).

²⁰²⁶ Тарановский Александр Дмитриевич (01.08.1885–08.10.1938) — военный специалист РККА. Из крестьян, уроженец станицы Нижне-Чирской Донской области. Окончил Тифлисское землемерное училище (1904), военно-топографическое училище с дополнительным геодезическим классом (1907). Прикомандирован как младший офицер к 57-му пехотному Модлинскому полку (с 15.10.1907). Производитель топографических работ на съемке в Финляндии и в Санкт-Петербургской губернии (с 18.03.1908). Прикомандирован к военно-топографическому училищу для занятий со строевыми офицерами (с 04.04.1909). Помощник производителя геодезических работ на триангуляции западного пограничного пространства (с 01.10.1909).

17) Знаю ли я Медведева — по службе.

18) Знаю ли я Тарановского²⁰²⁶ — не знаю.

После всех этих вопросов мне был предложен вопрос, как может быть предложен всякому, имею ли я сношения с белогвардейцами, на что я ответил, что не имею и не имел, за что ручаюсь головой.

Несмотря на то что предложенный вопрос был только вопросом; а все предыдущие вопросы указывают, что я только свидетель по делу Троицкой, мне пишется обвинение в шпионаже, в прочтении которого я и расписываюсь.

13 мая мне были предъявлены и запротоколены следующие документы, отобранные у меня при обыске.

1) Серединка штабной продовольственной карточки за вторую половину апреля.

2) Два отрывные купона пропуска в штабной вагон.

3) Желтый железнодорожный билет, выдаваемый в кассах в обмен на литературу.

4) Квитанция телеграммы.

5) Письмо мое сестре о покупке цепочки и часов.

6) Блокнот, в котором были записаны номера коммутатора Регистрационного управления, чей-то адрес, где я мог остановиться в Москве на случай командировки, очередь дежурств в штабе.

Прикомандирован как младший офицер к 1-му Финляндскому стрелковому полку (с 14.01.1910). На триангуляции западного пограничного пространства (с 21.10.1911). Обучался на геодезическом отделении Императорской Николаевской военной академии (1912–1914). Приобрел права выпуска 1915 г. (слушатели, не успевшие окончить полный курс обучения в связи с началом Первой мировой войны). Участник Первой мировой войны. Прикомандирован к военно-топографическому отделу ГУГШ (19.07.1914–1915). Старший адъютант штаба Гренадерского корпуса. Ранен и контужен. И.д. штаб-офицера для поручений по авиации отдела генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии (с 06.07.1917 до демобилизации). Окончил ускоренный курс школы летчиков-наблюдателей в Киеве (1917). Последнее звание в старой армии — подполковник. Жил в Москве. Добровольно поступил в РККА. В РККА (с весны 1918 по 05.1924). Участник Гражданской войны. Начальник штаба 1-й Закавказской дивизии. Консультант оперативного отдела Наркомата по военным делам (1918). Арестован (08.1918–02.1919) без предъявления обвинения (первоначально обвинялся в незаконном формировании дивизии, возможно, арест связан с событиями Ярославского восстания), освобожден. Помощник правителя дел, лектор и руководитель практических занятий в академии Генштаба РККА, читал лекции по отделу разведки в рамках курса «Служба Генерального штаба» (03.1919–05.1920). Для особых поручений при командующем 3-й армией (1920–1921, в.и.д. командующего 20.10–02.11.1920). Участник советско-польской войны. Член русско-польско-украинской комиссии. Начальник штаба 5-й дивизии (на 04.1921), начальник 17-й Нижегородской стрелковой дивизии. Начальник 4-й стрелковой дивизии (с 10.07.1921). Член РКП(б) на 11.1921. Начальник Северного военно-топографического отдела (30.11.1921–1923). Начальник корпуса военных топографов и военно-топографического отдела Штаба РККА (01.1923–03.1924). После демобилизации работал в картографическом издательстве НКВД. В двухлетней экспедиции на Мезень и Печору занимался комплексным изучением лесов, геоморфологией, геодезией. В картографической части НКВД (на 1928). Инженер-геодезист, начальник съемки района Архангельска (на 1930). Арестован по делу «Весна» (26.12.1930), содержался в Бутырской тюрьме. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ 10.05.1931 приговорен к высылке через полномочного представителя ОГПУ в Северный край на 3 года (с 26.12.1930). В период высылки продолжал геодезическую работу. Начальник отдела геодезии и картографии в Архангельске. Арестован как участник контрреволюционной организации в Заостровье (26.04.1933). Освобожден в связи с прекращением дела (29.12.1933). Реабилитирован (1988). Арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши и в руководстве вредительской группой в Северном геологическом тресте (30.12.1937). Приговорен тройкой УНКВД по Архангельской области к расстрелу. Расстрелян. Реабилитирован (15.09.1989).

После этого допроса следователь Фогель сообщил, что, вероятно, дня через два я буду освобожден.

15-го мая я был вызван на очную ставку с Троицкой, причем предложены следующие вопросы:

1) Знал ли я, что Троицкая взяла в Опероде по уходе отсюда бланки и телеграммы и давала мне в Полевом штабе — приносила мне в Полевой штаб бланки бывшего Оперода для черновиков и другие канцелярские принадлежности, но что она брала уходя, не знаю, т.к. я убыл из Оперода 1–2-го ноября [1918 г.], а она оставалась там до 10–12 и что она брала, я знать не могу.

2) Правда ли, что Теодори в присутствии моем и других передавал пакет Тарасову для передачи в Евпаторию родителям — я категорически отрицаю это, т.к. не видел.

3) Правда ли, что я давал Троицкой бланки телеграммы с печатями, которые она тут же разорвала — категорически отрицаю, т.к. печать была у т. Гиршфельда и чистых бланков с печатями я не имел.

4) Правда ли, что я попросил у Троицкой список инвентаря Южного фронта, который посмотрел и сразу же вернул — категорически отрицаю, т.к. если бы мне надо было [ознакомиться] с действительно бывшим таким списком, то я взял бы у лица, ведающего этим.

16-го мая утром я под конвоем был препровожден опять в Особый отдел, где был освидетельствован в комиссии, причем, несмотря на имевшиеся физические недостатки, я из-за самолюбия отказался раздеться, сказав, что здоров, т.к. все равно был бы признан годным. Около 14 часов я был освобожден, причем мне было вручено удостоверение в годности к военной службе и взята подписка, что я 17-го явлюсь в штаб округа. В шаблонном удостоверении, несмотря на указание, что Генерального штаба и состою на службе в Полевом штабе, т. Кедровым дописано «обязательно на фронт и на строевую службу» — а срок явки вместо 19-го исправлен на 17-е (копия в приложении).

В ночь с 16-го на 17-е я ездил в Оперод главкома, где виделся с военкомом т. Араловым, и на мой протест действиям т. Кедрова, т. Аралов написал сношение т. Кедрову с тем, что я как специалист могу быть назначен только на штабную работу и буду назначен на фронт по указанию Полевого штаба.

17-го мая с этим сношением я ходил к т. Кедрову, который через дежурного курьера передал на словах, что как штаб округа хочет, так и пусть делает.

В тот же день, выполняя взятую с меня подписку, я явился в штаб округа, где назначение на фронт лица, состоящего уже на фронте, и специалиста в строй вызвало недоумение, и в результате я получил сопроводительную бумагу для явки в Полевой штаб.

Из всего указанного считаю необходимым подчеркнуть, что арест меня по ордеру т. Кедрова в здании Полевого штаба в присутствии главкома и Вашем произведен насильно комиссарами Клейнбергом и Голенко, не выполнившими приказов Реввоенсовета Республики, не допустивших доклада Вам об аресте. Как видно из доклада, я являлся только свидетелем по делу Троицкой, т.к. данных шпионажа не имелось никаких, между тем, вместо допроса на свободе, я был арестован и отбыл в тюрьме 10 дней, что, допуская всякие возможности, сделало

меня нерво-больным и ослабленным физически. Уже тогда, когда я признан невинным и был выпущен на свободу, т. Кедров, врываясь в чужую область управления, в наказание за невинность собственной властью назначает на фронт, то есть допускает лишнее издевательство над личностью и правами лиц, ему не подчиненных. На днях по распоряжению т. Кедрова отправлен по освобождению из тюрьмы в строй на фронт Саранцев, состоявший в Регистрационном управлении, признанный невинным.

3-го мая у меня на квартире была арестована моя гражданская жена Капитолина Алексеевна Алексеева и одновременно препровождена в Бутырскую тюрьму. Только спустя 10 дней после ареста она была допрошена, на котором (допросе. — *А.Г.*) выяснилось, что никакого отношения к Опероду она не имела, т.к. там не служила, но все же ей без всяких данных предъявлено обвинение в шпионаже. Из документов найдены испорченные черновики с заголовком «Приказ Реввоенсовета» без текста и какая-то испорченная телеграмма, не имеющая значения. Без этих, не имеющих значений документов не представлялось даже возможности допрашивать ее, почему допрос был произведен только 10 дней спустя после ареста.

16-го мая К.А. Алексеева была освобождена из тюрьмы, причем ей объявлено, что она признана невинной, но вместе с тем единоличным решением т. Кедрова она назначена на 6 месяцев принудительных работ и лишена права служить в военных учреждениях. Таким образом, за свою невинность Алексеева наказана 13-дневным заключением в тюрьме, лишением права служить в военных учреждениях и вытекающим отсюда увольнением со службы и 6-ти месячному принудительному труду. Объяснение некоторых сотрудников Особого отдела, что это не наказание и что все женщины, бывшие в тюрьме, назначаются на принудительные работы, есть позорное издевательство над невинной женщиной и назначение на принудительные работы без суда есть личное решение и произвол т. Кедрова. Все отношение служащих — сплошное издевательство с угрозой опять арестовать. Несмотря на то что постоянно Алексеева живет в Серпухове и в Москве не имеет ни родных, ни знакомых, и в тюрьму ею не взято никаких вещей, т.к. при аресте было заявлено, что она будет только допрошена в Серпухове, ей не разрешили даже съездить в Серпухов за вещами. Издергавшаяся нервно и уже больная, она назначена уже на работы в Сокольниках (8 верст один путь) и с 22 мая начнет работать.

Несмотря на отсутствие каких-либо улик и то, что я и жена являлись только свидетелями по делу Троицкой, мы были арестованы, понесли за невинность наказание и потеряли здоровье, некоторые из таких же свидетелей, напр[имер], С.И. Кухтина, служившая в Опероде и, сл[едовательно,] знавшая хорошо Троицкую, по каким-то причинам была только вызвана на допрос в Особый отдел Серпуховского В.Ч.К. и после допроса отпущена.

Считая свою жену абсолютно невинной и уже достаточно наказанной, я открыто протестую против подобного насилия над невинной и прошу Вашего всяческого содействия в немедленном освобождении ее от работ. Подобное грубое насилие по единоличному решению т. Кедрова и страдания невинной жены, не имеющей даже квартиры в Москве, нервирует меня, и работать при создавшихся условиях я не в состоянии.

Вообще в действиях т. Кедрова усматривается полнейший произвол. Не считая себя и Саранцева, т. Кедровым в связи с делом Троицкой назначены к принудительным работам на год с содержанием, но в концентрационном лагере две бывших переписчицы Оперода сестры Добровольские, состоявшие в последнее время одна — на курсах разведки, другая — в Регистрационном управлении. Та и другая находились более двух месяцев в тюрьме и теперь по болезни переведены в тюремную больницу, одна — с туберкулезом легких, другая — с нервными припадками. На днях без суда расстреляны в связи с делом Троицкой — Гаранов (бывш[ий] телеграфист Полевого штаба) и Сенкевич (должности не знаю). Кроме того, аресты и обыски продолжаются; на днях арестованы телеграфистка Полевого штаба Пятковская и делопроизводитель инспектора артиллерии Никольский.

В заключение докладываю и прошу 1) немедленно освободить от работ К.А. Алексееву, т.к. мое нервное состояние, при виде²⁰²⁷ произвола над ней, портится и мешает мне работать, 2) гарантировать мне свободу личности от притязаний т. Кедрова, чем дать возможность нормально нести службу, хотя бы даже на фронте, 3) принять меры воздействия на комиссаров т. Голенко и т. Клейнберга и 4) не допускать единоличного решения т. Кедрова над людьми, не только не виновными, но даже и виновными.

Генерального штаба И. Моденов

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 229–233. Подлинник. Машинопись.

Документ 3.
Письмо главкома И.И. Вацетиса
председателю ВЦИК М.И. Калинину
в связи с арестами в Полевом штабе РВСР.
Начало июля 1919 г.

Копия.
Председателю Всероссийского центрального
исполнительного комитета
тов. Калинину.

Главнокомандующий
всеми вооруженными силами
Республики
«   » июля 1919 года
№.....

²⁰²⁷ Так в документе.

²⁰²⁸ Автор неточен — И.П. Павлуновский не был председателем ВЧК, а являлся заместителем начальника Особого отдела ВЧК.

²⁰²⁹ Командарм 15 — командующий 15-й армией.

²⁰³⁰ Доможиров Николай Николаевич — см. о нем примеч. 872.

В ночь с 3 на 4 июля с/г. был арестован приехавшим из Москвы на автомобиле председателем В.Ч.К. тов. П а в л у н о в с к и м²⁰²⁸ состоящий в моем распоряжении бывший командарм 15²⁰²⁹ Генерального штаба Н.Н. Д о м о ж и р о в²⁰³⁰.

Это уже не первый арест лиц Генштаба, занимавших ответственные посты во вверенной мне Красной армии, и притом как предыдущие аресты, так, тем более и указанный — лица, состоящего в непосредственном моем распоряжении, — совершилось без моего ведома, вопреки приказу Реввоенсовета Республики от 29 сентября 1918 года за № 6, создавая дезорганизующее начало и подрывая дисциплину Красной армии в смысле авторитета начальства.

Учитывая же то обстоятельство, что аресты коснулись, главным образом, тех лиц Генштаба, которые мне, как главнокомандующему, были известны исключительной своей энергией на пользу военного дела, обладая в последнем [случае] весьма большими опытом и знанием, мало этого, известны[е] как лица определенных твердых убеждений служить честно порученному им делу, не принося последнего в жертву тем или иным личным отношениям или интересам, — одним словом — известны как высокой ценности работники, становится совершенно непонятным явление подобных арестов, в корне подрывающих и тяжелую работу в настоящий момент в армии, и мой авторитет, как главнокомандующего, который не ставится предварительно в известность об аресте лиц, непосредственно подчиненных или занимающих ответственные посты в Красной армии.

Если же принять во внимание еще то обстоятельство, что по частным данным мне приходится все более убеждаться, что названные аресты носят в себе отпечаток личных отношений с комиссарской частью, создающихся на почве объективного отношения со стороны арестуемых к военному делу с точки зрения только военного искусства и отнюдь не «контрреволюции», под какую усердно порою старается подвести честного работника комиссарская часть, лишая на долгие времена, а может быть и навсегда, крайне нужного работника [своего] дела, то создается безотрадная картина службы необходимых работников Красной армии, дающая ясный ответ на предложенный вопрос т. П а в л у н о в с к и м т. Д о м о ж и р о в у, почему у противников лучше командный состав.

Если бы фактически и были среди арестованных ответственных военных работников шпионы (чего на самом деле нет), то ведь это прежде всего вредит делу военному, и я полагал бы не лишним в этом случае предварительно знать мое мнение о том или другом лице и ознакомить меня с фактическим материалом обвинения, нежели сразу арестовывать, ибо ошибки или пристрастие в аресте несет в настоящее время непоправимый вред делу. У самых энергичных работников после подобного эксперимента, произведенного над ним[и], создается [извес?]тная инертность потом в деле, которое они заведомо будут приносить в жертву личным отношениям с комиссарской частью, дабы опять не создать процесс о «контрреволюции».

Недопустимо взваливать ответственную работу на военного специалиста с полной ответственностью за порученное ему дело, не оградив его раз навсегда от фабрикации «контрреволюции» со стороны политических работников при нем, не ответственных по его специальности. Этим, безусловно, в итоге будет забита вся

честная и беспристрастная энергия в военном деле с заменой ее расшаркиванием перед комиссарами, дабы не попасть в разряд контрреволюционеров и шпионов.

Таким образом, нельзя создать надлежащее командование и управление. В итоге все мои директивы по командованию вооруженными силами Республики будут решаться исключительно с комиссарской точки зрения, с приношением ей в жертву знаний специальности.

Это явление крайне ненормальное.

Я, как главнокомандующий, прошу обратить на подобное дезорганизирующее явление, принимающее все больш[и]е размеры, самое глубокое внимание и предоставить мне право голоса при предполагающемся аресте кого-либо из лиц, мне непосредственно подчиненных или занимающих крупные ответственные посты, а приказу Реввоенсовета Республики от 29 сентября 1918 года за № 6 дать полную силу действия с полной гарантией от нарушения, ибо в настоящий грозный момент Республика нуждается в энергичных и твердых работниках Генерального штаба, девизом коих должны быть исключительно: «Оборона страны на основе военно-научных требований, а не личных отношений».

Что же касается лиц Генерального штаба Г.И. Теодори, арестованного 24 марта с/г, и Н.Н. Доможирова, арестованного в ночь с 3 на 4 июля, то прошу освободить их под мое поручительство для назначения моим распоряжением по их специальности.

Генерального штаба [Вацетис]

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 345–346. Машинописная копия.

Документ 4.
Фрагмент телеграммы
неизвестного арестованного генштабиста
на имя начальника Полевого штаба РВСР.
3 июля 1919 г.

...неделю назад я был приглашен в ВЧК для снятия дознания в качестве свидетеля, после которого следователь объявил мне, что ввиду несходства моих показаний с имеющимся у него материалом он должен меня задержать. Несмотря на мои письменные заявления, что правдивость моих показаний могут подтвердить лица, облеченные советской властью исключительным доверием, меня препроводили в тюрьму как преступника, где я нахожусь теперь. Убедительно [прошу] Вас принять меры к моему [освобождению]²⁰³¹.

---

²⁰³¹ Предположительно, речь идет о выпускнике ускоренных курсов Военной академии В.В. Сергееве, содержавшемся в Бутырской тюрьме. 6 июля 1919 г. М.Д. Бонч-Бруевич ходатайствовал о его освобождении.

Документ 5.
Шифротелеграмма начальника Полевого штаба РВСР
М.Д. Бонч-Бруевича заместителю председателя
Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновскому
по поводу арестов в Полевом штабе РВСР.
14 июля 1919 г.

---

²⁰³² По другим данным, Ф.В. Костяев был арестован еще 15 июня 1919 г.

²⁰³³ Исаев Евгений Иванович (1889–?) — военный специалист РККА. Окончил Алексеевское военное училище (1908). Участник Первой мировой войны. В 8-й полевой тяжелой артиллерийской бригаде. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу (23.03.1918). Переведен в Генеральный штаб (Приказ по Всероссийскому главному штабу № 18 от 27.06.1918). В РККА добровольно (с весны 1918). Участник Гражданской войны. В прикомандировании к отделению связи штаба Северного участка и Петроградского района завесы. В Онежской военной флотилии. Помощник начальника отдела штаба Северного фронта. В распоряжении Полевого штаба РВСР. Для поручений при главкоме И.И. Вацетисе. В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. Арестован по «делу» Полевого штаба РВСР (09.07–07.11.1919). В распоряжении начальника Всероссийского главного штаба. Состоял в военно-исторической комиссии. Штатный руководитель практических занятий академии Генштаба РККА (с 12.12.1919, на 08.1922). Помощник заведующего статистическим отделом треста «Пестроткань» (1926).

²⁰³⁴ Вацетис Эрнест Иванович (ок. 1895–?) — военный специалист РККА. Последнее звание в старой армии — прапорщик. Участник Первой мировой войны. Член РКП(б). Адьютант главнокомандующего И.И. Вацетиса (1919) и его племянник. Член РВС 15-й армии. Арестован (1919). Начальник бронечастей 2-й Конной армии (1921). Награды: орден Красного Знамени (1921).

²⁰³⁵ Дылан С.С. — адъютант главкома И.И. Вацетиса.

²⁰³⁶ Малышев Александр Козьмич (27.10.1887–19.03.1939) — военный специалист РККА. Родился в с. Чащино Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в крестьянской семье. Окончил семь классов гимназии в Тамбове (1904). Поступил вольноопределяющимся в 1-й пехотный Невский полк (1906). Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду (1910). Во 2-м Сибирском стрелковом полку. Участник Первой мировой войны. Командовал ротой и батальоном. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу (23.03.1918). Переведен в Генеральный штаб (Приказ по Всероссийскому главному штабу № 18 от 27.06.1918). Из старой армии добровольно перешел в РККА (с 01.03.1918). Участник Гражданской войны. Для особых поручений при штабе Порховского (Старорусского) района (с 01.03.1918). Помощник начальника штаба 2-й Петроградской дивизии по оперативной части (с 02.05.1918). Для поручений при 3-й инспекции формирований Северного участка (с 28.06.1918). Начальник штаба районных частей Петрограда (с 11.08.1918). Начальник разведывательного отдела штаба Северного фронта (с 28.09.1918). Для особых поручений при начальнике Полевого штаба РВСР (с 22.10.1918). Арестован по «делу» Полевого штаба РВСР (09.07–07.11.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР (1919). Заведующий учебной частью Иваново-Вознесенских пехотных курсов (с 22.11.1919). Заведующий Иваново-Вознесенскими курсами комсостава (с 23.01.1920). Начальник Московской советской пехотной школы (с 20.08.1920). Командир 1-й Московской стрелковой бригады курсантов (с 28.01.1921). Заместитель начальника (с 10.06.1921), начальник управления (с 20.06.1921) военно-учебных заведений Приволжского военного округа. Командующий войсками, действующими против банд Серова (с 22.03.1922, с оставлением в прежней должности). Начальник штаба и помощник командующего Бухарской группой войск (с 07.07.1922, с оставлением в должности начальника управления Приволжского военного округа).

Москва. Заместителю председателя Особого отдела ВЧК тов. Павлуновскому «14» июля 1919.

В ночь 9/10 июля в Полевом штабе арестованы: состоящий в распоряжении главкома Костяев²⁰³², для поручений при главкоме Исаев²⁰³³, адъютанты главко-

Участник боев против Энвер-паши. Окружной инспектор военно-учебных заведений Приволжского военного округа (с 15.03.1923). Помощник инспектора военно-учебных заведений Петроградского военного округа по учебно-строевой части (с 30.06.1923). Инспектор военно-учебных заведений Петроградского военного округа (с 15.10.1923). Военрук Ленинградского государственного университета (с 01.09.1926). Начальник объединенной Военной школы им. В.И. Ленина (с 01.07.1927). Окончил курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. М.В. Фрунзе (1929). Заместитель начальника штаба Среднеазиатского военного округа (с 12.1932). Окончил оперативный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе. Комбриг (20.11.1935). Начальник штаба Среднеазиатского военного округа (23.05.1937–31.03.1938). Член ВКП(б) с 1928. Арестован (28.08.1938). Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 08.02.1939 к расстрелу по обвинению в причастности к контрреволюционному заговору. Расстрелян. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован (19.03.1957). Награды: бухарский военный орден Красной Звезды 2-й ст. (1922), ордена Красного Знамени № 1669 (Приказ РВСР № 230 от 1922), Трудового Красного Знамени Узбекской ССР (1932), Красного Знамени (1933), Ленина (1937). Женат, 4 детей.

²⁰³² Кузнецов Борис Иннокентьевич (12.05.1889–19.04.1957) — военный специалист РККА. На службе с 1907. Участник Первой мировой войны. В 7-й артиллерийской бригаде. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу (23.03.1918). Переведен в Генеральный штаб (Приказ ВСР № 230 от 1922), Трудового штабу № 18 от 27.06.1918). Добровольно вступил в РККА (с весны 1918). Участник Гражданской войны. Помощник главного руководителя обороны Петрограда и подступов к нему. Консультант оперативного отдела штаба Московского военного округа. Консультант оперативного отдела Наркомата по военным делам (1918). Военный эксперт при делегации Наркомата по военным делам для переговоров с германской главной квартирой. Председатель комиссии по исследованию дорог Олонцево-Петрозаводского района. И.д. начальника оперативного штаба при председателе РВСР в поездках на Южный и Петроградский фронты. Консультант разведывательного отдела Наркомата по военным делам (1918). Начальник разведывательного отделения Полевого штаба РВСР. Арестован по «делу» Полевого штаба РВСР (09.07–07.11.1919). В распоряжении Всероссийского главного штаба. В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР (1919). Заведующий учебной частью Нижегородских пехотных курсов (1920). Заведующий учебной частью 3-х Казанских пехотных курсов (1920). Начальник штаба 1-й Восточной стрелковой бригады курсантов. И.д. начальника оперативного отдела штаба 11-й армии (1921). И.д. начальника штаба 11-й армии (7–29.05.1921). 2-й заместитель народного комиссара по военным и морским делам Грузии. 1-й заместитель народного комиссара по военным и морским делам Закавказской Республики (с 20.04.1921). Начальник управления военно-учебных заведений Отдельной Кавказской армии. И.д. 1-го помощника начальника штаба отдельной Кавказской армии (1923). Начальник штаба (08.1923–02.1927) и заместитель командующего (05.1925–02.1927) Краснознаменной Кавказской армии. В распоряжении народного комиссара по военным и морским делам (02–06.1927). Военный атташе при полпредстве СССР в Турции (06.1927–10.1929). На преподавательской работе в Военной академии им. М.В. Фрунзе: начальник кафедры военной истории и мировой войны, начальник кафедры военной истории (с 10.1942), начальник кафедры истории военного искусства (с 02.1946). Комдив (05.12.1935). Генерал-майор (04.06.1940). В отставке (с 05.1947). Умер в СССР. Награды: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали.

²⁰³³ Токаревский Вячеслав Константинович (23.06.1882–1927) — военный специалист РККА. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1902), Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1911). На службе с 31.08.1900. В 26-й артиллерийской бригаде. Командир роты 170-го пехотного Молодечненского полка (06.10.1911–09.10.1913). Обер-офицер для поручений при штабе III Сибирского армейского корпуса (с 26.11.1913). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант штаба 1-й кавалерийской дивизии. И.д. штаб-офицера для поручений при штабе II армейского корпуса (с 01.11.1915). Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии. И.д. генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии. Делопроизводитель ГУГШ (с 12.12.1917; на 03.1918 — 4-й делопроизводитель, курировал Восточный фронт). Последнее звание в старой армии — полковник (с 15.08.1917). В РККА добровольно (с весны 1918). Участник Гражданской войны. Начальник отделения оперативного управления Всероссийского главного штаба. Помощник начальника оперативного отделения

ма Вацетис²⁰³⁴ и Дылан²⁰³⁵, для особых поручений при мне Малышев²⁰³⁶, начальник Разведывательного отделения Кузнецов²⁰³⁷, помощник начальника оперативного отделения Токаревский²⁰³⁸, комендант штаба Ремер²⁰³⁹, помощники его Стадлер²⁰⁴⁰ и Коткович²⁰⁴¹. Ввиду необходимости провести арестованных приказом по Полевому штабу, прошу уведомить: 1) за кем числятся вышеназванные лица и 2) как следует считать их положение: находящимися ли под следствием и арест их как меру против уклонения от такового или же задержанными [в] административном порядке. НР 1111/Ш. Наштаревсовресп²⁰⁴² М. Бонч-Бруевич²⁰⁴³.

РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 67. Л. 49.

Документ 6.

Письмо арестованного бывшего коменданта Полевого штаба РВСР А.В. Ремера М.Д. Бонч-Бруевичу. 1 августа 1919 г.

Многоуважаемый Михаил Дмитриевич!

Будучи арестован 9 числа (июля. — *А.Г.*) в связи вообще с арестами в Полевом штабе, я вот уже почти месяц сижу в одиночном заключении, не зная, в чем я обвиняюсь и что общего <нрзб.> имеет мой арест с арестом других лиц. Из арестованных я знаю хорошо только Вацетиса, как бывшего командира полка, и то последнее время видел его не более двух раз. Других же арестованных, например, Генерального штаба Токаревского, Кузнецова, я знаю только как служащих штаба и ни разу с ними не разговаривал. С Генерального штаба Исаевым говорил за все время один раз и тоже не знаю, что он за человек.

С остальными арестованными почти в таких же отношениях. В том, что мой арест имеет общее с другими арестованными, я заключил в силу произведенного опроса. В чем же обвиняют меня, я не знаю. Я знаю хорошо, что я ни в чем не

Полевого штаба РВСР. Арестован по «делу» Полевого штаба РВСР (09.07.1919). В распоряжении штаба Туркестанского фронта. Помощник начальника оперативного управления штаба Туркестанского фронта. И.д. начальника оперативного управления штаба Туркестанского фронта. И.д. начальника штаба Заволжского военного округа (с 18.05.1920). В распоряжении РВС Южного фронта (с 27.11.1920). Штатный преподаватель Военной академии. Начальник штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В распоряжении штаба войск Сибири. Групповой лектор и руководитель практических занятий по тактике, администрации и топографии Военной академии РККА (с 03.06.1922), старший руководитель по тактике (1923). Умер в Москве. Награды: орден Св. Станислава 3-й ст. (1907), Георгиевское оружие (11.9.1916). Соч.: Тактика артиллерии. М., 1931.

²⁰³⁹ Ремер А.В. — комендант Полевого штаба РВСР (1919). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Дважды ранен и контужен. Командир 1-го батальона Латвийского стрелкового полка. Участник боев под Казанью (1918), комендант конвоя И.И. Вацетиса. Арестован (09.07.1919). Освобожден (не позднее 09.1919).

²⁰⁴⁰ Стадлер А.А. — помощник коменданта Полевого штаба РВСР (1919).

²⁰⁴¹ Коткович Ф.М. — помощник коменданта Полевого штаба РВСР (1919).

²⁰⁴² Наштаревсовресп — начальник Полевого штаба РВСР.

²⁰⁴³ Еще 11 июля М.Д. Бонч-Бруевич телеграфировал Л.Д. Троцкому о необходимости скорейшего рассмотрения дел Кузнецова и Токаревского и по возможности их срочного освобождения (РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 32–32об.).

виноват и все время честно исполнял свои обязанности, что могут подтвердить все мои сотрудники. Крайне обидно сидеть целый месяц в тюрьме, не зная за собой вины. Начиная с 1917 года я совершенно не отдыхал; был в минувшую войну два раза ранен и один раз контужен. После Октябрьской революции неоднократно выезжал на ликвидацию восстаний. Командовал правой группой при обороне Казани²⁰⁴⁴, где был отмечен в списке наиболее отличившихся. Теперь я окончательно издергался, сидя в тюрьме. В мае с.г. я свидетельствовался комиссией врачей и признан был совершенно больным и уволен в отпуск на два месяца, но задержанный делами службы...²⁰⁴⁵ (...управления контролем), а также поджидая... [удовлетворения в] содержании, я был в конце концов арестован 9 числа...

...нет времени заниматься моим вопросом..., я буквально дошел до отчаяния и прямо не знаю, что мне делать. Я сижу не [зная вины?],..., и это меня убивает. Михаил Дмитриевич, простите за то, что Вас беспокою, но войдите в мое положение и помогите мне скорее доказать свою невиновность. Я прошу Вас обратиться с просьбой о скорейшем разборе дела. Простите, что Вас беспокою.

Искренно уважающий Вас

Комендант Полевого штаба А. Ремер²⁰⁴⁶

1/VIII 1919 г.

Бутырская тюрьма.

Одиночный мужской корпус

Камера 70

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 12–12об. Подлинник. Рукопись.

Документ 7.

Письмо арестованного бывшего помощника начальника оперативного отделения Полевого штаба РВСР

В.К. Токаревского М.Д. Бонч-Бруевичу.

3 августа 1919 г.

Многоуважаемый Михаил Дмитриевич.

Тяжело оскорбленный в своих чувствах гражданина, обращаюсь к Вам с просьбой повлиять на скорейшее выяснение моего положения, в которое я попал не знаю почему и благодаря кому. Целый месяц как я сижу в строгом заключении в Бутырской тюрьме, и только спустя 3 недели после ареста меня допросили, не предъявляя мне никакого обвинения, и только расспрашивали о лицах, которых я издали видел не более двух раз в жизни, или с которыми я изредка встречался в служебные часы на занятиях, или о которых я никогда в жизни не слышал. Я заявляю, что никакой вины за собой я не знаю и не чувствую, насколько я мог заклю-

²⁰⁴⁴ Активное участие в обороне Казани в августе 1918 г. принимали верные И.И. Вацетису латышские стрелки.

²⁰⁴⁵ Здесь и далее значительная часть письма не читается из-за пятен грязи.

²⁰⁴⁶ А.В. Ремер был освобожден не позднее сентября 1919 г. (РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 70. Л. 540).

чить, единственная моя вина состоит в том, что я имею несчастье принадлежать к Генеральному штабу.

Семья моя теперь лишена моей поддержки, мать моя тяжело больна, вероятно, последней болезнью, я сижу в строгом заключении, где моральные и физические силы мои от незаслуженного, сурового наказ[ан]ия быстро уменьшаются — и все это неизвестно за что. Если я в чем виноват, пусть мне прямо скажут, я сумею оправдаться, если же я виноват только в том, что, к моему несчастью, я — Генерального штаба, то еще раз прошу Вас как бывшего моего профессора по академии и начальника войти в мое положение и повлиять на освобождение меня из тюрьмы, в которой я незаслуженно страдаю.

Уважающий Вас и преданный Вам В. Токаревский

3 августа 1919 г.

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 13. Подлинник. Рукопись.

Жалобы арестованного Вацетиса

Письмо бывшего главкома В.И. Ленину.

22 сентября 1919 г.*

В процессе изучения истории корпуса офицеров Генерального штаба эпохи Гражданской войны среди документов СНК мне посчастливилось обнаружить уникальное свидетельство, проливающее свет на одно из значимых событий военно-политической истории Советской России — «дело» Полевого штаба РВСР. В последнее время этот сюжет привлекает значительное внимание исследователей²⁰⁴⁷, хотя не все публикации по этой теме можно отнести к по-настоящему взвешенным и академичным²⁰⁴⁸. Эта тема еще далека от того, чтобы считаться мало-мальски раскрытой, тем более что часть документов 1919 г., вопреки здравому смыслу, до сих пор остается засекреченной, в связи с чем настоятельно необходимо введение в научный оборот новых источников.

Одним из таких важных свидетельств является письмо бывшего командующего всеми вооруженными силами РСФСР И.И. Вацетиса председателю СНК В.И. Ульянову (Ленину), написанное 22 сентября 1919 г., в период пребывания Вацетиса под арестом. В этом письме автор убедительно показал всю абсурдность выдвинутых против него обвинений и привел факты, не оставляющие места для сомнений в том, что все «дело» Полевого штаба было результатом интриг и борьбы различных группировок в большевистском руководстве, причем «чубы трещали» отнюдь не у большевиков, а у ни в чем не повинных военспецов.

Через два года после этого письма, 27 октября 1921 г., Вацетис направил Ленину еще одно послание уже с просьбой о полной своей реабилитации²⁰⁴⁹. Интересно, что содержание письма 1921 г. было совершенно иным (там Вацетис перечислял свои заслуги перед советской властью, а затем подробно разбирал вопрос разногласий с командующим Восточным фронтом С.С. Каменевым по вопросам

---

* Впервые опубликовано: Родина. 2011. № 2. С. 42–43.

²⁰⁴⁷ Ганин А. «Товарищ Склянский — заступитесь...»: Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1. С. 78–83; *Он же*. В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин: Новые исследования о «деле» Полевого штаба // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2010. Т. 9; *Зданович А.А.* Был ли заговор в Полевом штабе? // Родина. 2009. № 5 и др.

²⁰⁴⁸ В особенности это присуще следующей работе: *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009. Наш подробный разбор см.: *Ганин А.В.* В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин. Материал публикуется в настоящем издании.

²⁰⁴⁹ Публикацию этого письма см.: *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 230–235.

стратегии), чем в 1919 г., однако бывший главком и в 1921 г. по-прежнему не принимал, за что был арестован двумя годами ранее.

Председателю Совета обороны
тов. Ленину

Уже два с половиной месяца я сижу в Особом отделе В.Ч.К. арестованным без всяких обвинений.

В день моего ареста тов. Аванесов²⁰⁵⁰ заявил мне, после некоторых данных мною объяснений на предложенные им мне вопросы, что с меня снимается всякое подозрение, но что, тем не менее, является необходимость изолировать меня на некоторое время ввиду тех соображений, что мне, как бывшему главкому, известны некоторые государственные секреты.

Но с тех пор прошло два с половиной месяца и то, что тогда было государственным секретом, — то теперь утратило свое значение или существует в совершенно ином виде.

В моих руках была сосредоточена только оперативная деятельность, которая после вступления на должность нового главкома получила совершенно иное направление, даже без всякой преемственности тех стратегических принципов, которые руководили моей оперативной деятельностью.

Следовательно, вместо моих стратегических планов появились таковые нового главкома, в которые я совершенно не мог быть посвящен, так как сижу изолированным.

Поэтому эта главная причина моего содержания под арестом уже давно утратила свой *raison d'être*²⁰⁵¹.

Тогда же тов. Аванесов сказал мне, что политотделом штаба собраны различные сведения от вторых и третьих лиц о будто сказанных мною словах и предложил мне дать соответствующие пояснения.

Первое сведение политотдела было такое, что будто я собираюсь атаковать Москву при помощи 5го латышского полка (находившегося в Серпухове для охраны штаба) и при помощи серпуховских рабочих.

Такое сведение могло исходить или от легкомысленного агента, или от явного провокатора.

Прежде всего, 5ый лат[ышский] полк является одним из самых преданных советской власти полков²⁰⁵²; кроме того, он имеет в своем составе всего лишь около трехсот человек, из коих большая половина даже не латыши.

Этот полк сражался вместе со мною на улицах Казани, где весьма сильно пострадал, и с тех пор оставался при Полевом штабе; при полку были две пушки.

Что же касается серпуховских рабочих, то с ними у меня не было ничего общего, на митингах я совершенно не участвовал, ни с одним серпуховским рабочим я ни разу не разговаривал.

Отношения между латышским полком и серпуховскими рабочими были крайне враждебны, между ними происходили драки.

²⁰⁵⁰ Аванесов Варлам Александрович (Мартirosян Сурен Карапетович; 09.09.1884–16.03.1930) — член коллегии ВЧК (27.03.1919–01.1921).

²⁰⁵¹ Причину существования (*фр.*).

²⁰⁵² В документе несогласованно — полком.

В середине июня член Реввоенсов[ета] Республики тов. Окулов²⁰⁵³ заявил мне, что серпуховские рабочие требуют удаления из Серпухова латышских стрелков.

Второе сведение было такое, будто во время попойки Генштаба Кузнецов²⁰⁵⁴ сделал мне такое предложение, что если я менее ревностно буду служить большевикам, то после переворота я могу надеяться на получение в деникинской армии должности батальонного командира.

Это сведение настолько абсурдно и глупо, что мне остается только сказать, что я с Генштаба Кузнецовым вместе никогда не ел, никогда вместе не пил и никогда, ни разу с Генштаба Кузнецовым частным образом не разговаривал; видал я его в штабе во время занятий.

Третье сведение было такое, будто я сказал, что латышским стрелкам, быть может, еще раз придется тряхнуть Москвой. Тот агент, который это донес, слышал звон, да не знал, где он.

Дело в том, что согласно полученных в штабе сведений армия Латвии отступила от Риги в крайне расстроенном виде, части были расстроены, и дух среди войск подавленны[й]; многие совершенно не вышли из Латвии.

5го июля приехал в Серпухов бывший командарм Латвии тов. Славен²⁰⁵⁵ и подтвердил эти сведения.

Я высказал свое крайнее сожаление по этому поводу, указав, что мы очень рассчитываем на латышские части ввиду возможности переброса латышской дивизии на Южный фронт (такое предложение сделал тов. Склянский, и я с ним вполне согласился) и ввиду предложения включить несколько латышских полков в отряды В.Ч.К. для борьбы с бандами зеленых и для подавления крупных мятежей внутри Республики; предложение о включении латышских частей в отряды В.Ч.К. сделал я тов. Гусеву²⁰⁵⁶, который с этим вполне согласился.

Латышские стрелки как более развитые и более крепкие революционным духом доказали свою полную пригодность для названных целей еще летом 1918 года.

Мысль же о необходимости создавать более значительных²⁰⁵⁷ войсковых соединений для подавления крупных мятежей и восстаний и банд зеленых возникла в штабе В.Ч.К. и разрабатывалась как в названном штабе, так и в Полевом штабе.

5го июля приехал в Серпухов тов. Данишевский²⁰⁵⁸ и сразу стал отрицать такое плохое состояние латышских частей.

---

²⁰⁵³ Окулов Алексей Иванович (1880–10.01.1939) — член РВСР (01–07.1919). Одновременно член РВС Западного фронта (05–06.1919).

²⁰⁵⁴ Кузнецов Борис Иннокентьевич (12.05.1889–19.04.1957) — военный специалист РККА. См. о нем примеч. 2037.

²⁰⁵⁵ Славен Петр Антонович — военный специалист РККА. Участник Первой мировой войны. Полковник. Участник Гражданской войны. Командующий 5-й армией (16.08–20.10.1918). Командующий Южным фронтом (09.11.1918–24.01.1919). Командующий армией Советской Латвии. Командующий 15-й армией (07–25.06.1919). Уехал в Латвию. Награды: Георгиевское оружие (Высочайший приказ 05.05.1915).

²⁰⁵⁶ Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давидович; 01.01.1874–10.06.1933) — военный комиссар Полевого штаба РВСР (06–12.1919).

²⁰⁵⁷ Так в документе.

²⁰⁵⁸ Данишевский Карл Юлий Христианович (03.05.1884–08.01.1938) — член РВС 15-й армии (06.1919). Помощник военного комиссара Полевого штаба РВСР (07.1919–10.1920).

Я указал тов. Данишевскому, что нельзя позволить развалиться латышским частям, указал на вышеизложенное и конкретно указал ему на тревожное положение в Москве, где беднота в то время заволновалась на почве голода, а контрреволюционеры это могли использовать для целей создания мятежа по примеру прошлогоднего выступления левых эсеров.

И тут я сказал тов. Данишевскому, что если это случится, то по примеру прошлогоднего латышским стрелкам, может быть, снова придется вытряхнуть Москву от контрреволюционеров (кстати сказать, в прошлом году левозеро́вское восстание я подавил исключительно при помощи латышских стрелков и одной латышской батареи).

Такой был смысл моих слов.

Следующий вопрос, предложенный мне тов. Аванесовым, был по поводу того, что будто я хлопотал о назначении моего племянника²⁰⁵⁹, бывшего у меня адъютантом, членом реввоенсовета или комиссаром [в] 15^ю армию, составленную из всех частей, входивших в состав бывшей армии Латвии; все бывшие Латышские части были сведены в одну дивизию, которая вошла в состав этой армии.

Дело в том, что мой племянник заявил мне, что он как коммунист²⁰⁶⁰ может получить от партии приказ ехать на фронт и что в таком случае он как прапорщик должен будет сразу стать на командную должность.

Мой племянник не имеет никакого командного ценза, и поэтому он просил меня, нельзя ли будет в таком случае устроить его на первых порах комиссаром²⁰⁶¹, чтобы присмотреться к обязанностям в бою командного состава.

Я обратился к члену Реввоенсов[ета] Республики тов. Гусеву и спросил²⁰⁶² его указать мне, как это устроить, если принципиально это возможно, причем я указал, что мой племянник — человек энергичный, работоспособный, храбрый и что он может принести большую пользу там, где нужно подтянуть дисциплину и водворить порядок, причем указал на 15-ую армию.

Тов. Гусев ответил мне, что он наведет справку в Москве и потом мне скажет.

Но все это кончилось тем, что мой племянник не получил предложения ехать на фронт, и справка оказалась не нужной и не была мною получена.

При отъезде из Серпухова Генштаба Доможирова²⁰⁶³ в Двинск по случаю его назначения командующим 15ой армией я сказал ему, что 15-ую армию надо подтянуть, в особенности латышскую дивизию, которая на фронте даже открыла братание, сказал ему, что если мой племянник будет назначен комиссаром в 15-ую армию, то он будет ему хорошим помощником в этом деле.

Доможиров был назначен на должность командарма 15ой вовсе не по моей рекомендации, а попав туда по кандидатскому списку.

Но Доможиров, приехав в Двинск, сказал, что туда же едет мой племянник и чуть не на место тов. Данишевского, бывшего там председателем реввоенсовета.

---

²⁰⁵⁹ Речь идет об Э.И. Вацетисе.

²⁰⁶⁰ В документе — коммунист.

²⁰⁶¹ В документе — комиссаром.

²⁰⁶² Так в документе.

²⁰⁶³ Доможиров Николай Николаевич — см. о нем примеч. 872.

Конечно, это вызвало целую бурю неудовольствия среди политических работников бывшей армии Латвии и соответствующие против меня шаги, т.е. интриги, вызвавшие на этой почве подозрения по моему адресу.

Выслушав меня, тов. Аванесов заявил мне, что мои объяснения его совершенно удовлетворяют.

С тех пор прошло два с половиной месяца, и я все еще сижу арестованным.

За что?!

Я пробыл на посту главнокомандующего ровно год и дал немало побед.

Неужели это не является эквивалентным тем подозрениям, которые были вызваны всякими вздорными слухами, интригами и провокацией по моему адресу.

Центральная власть должна придти мне на защиту.

В настоящее время наша Республика находится в затруднительном положении по случаю неудач на юге.

Но мы знали времена похуже, а именно весной этого года, когда мы должны были одновременно бить на юге донское казачество, на востоке Колчака, а под Петроградом Родзянко²⁰⁶⁴, что было сопряжено [с] большими неудобствами по переброске войск.

Теперь же на боевой арене юга против нас находится то же самое, но нами раз побитое донское казачество, но вместо Колчака и Родзянко, — добровольческая армия Деникина, действующая рядом с Доном, что очевидно облегчает для нас возможность достичь окончательную победу на юге. Прошу дать мне возможность принести пользу Р.С.Ф.С.Р.

Искренно преданный Вам

Иоаким Иоакимович Вацетис

22/IX 1919 г. Особый отдел В.Ч.К.

ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 1–3об. Автограф. Карандаш.

---

²⁰⁶⁴ Родзянко Александр Павлович (13.08.1879–06.05.1970) — генерал-майор. Командир Северного корпуса (с 25.05.1919). Командующий Северо-Западной армией (с 19.06.1919).

Саквояж генерала А.М. Зайончковского

К вопросу о тайных связях «лиц Генерального штаба»

РККА с белыми. 1919 г.*

Вопрос о тайных связях бывших офицеров Генштаба из состава РККА с белыми достаточно труден для изучения. Каждое новое свидетельство с конкретными фактическими сведениями представляет большую ценность, как и публикуемый ниже отрывок из воспоминаний белого офицера.

В нем говорится о том, что во время Орловско-Кромской операции — одной из решающих операций Гражданской войны, когда Добровольческая армия достигла своих максимальных успехов на пути к Москве, 1(14) октября 1919 г.²⁰⁶⁵ адъютант временно исполнявшего должность начальника штаба 13-й армии красных бывшего Генерального штаба генерала от инфантерии А.М. Зайончковского, оставшись по его приказу в занятом добровольцами Орле, передал белым кожаный саквояж с оперативной документацией и планами командования 13-й армии, предупредив, таким образом, штаб I армейского корпуса Добровольческой армии о высадке и дальнейших действиях Ударной группы в составе Латышской стрелковой дивизии и 8-й кавалерийской дивизии Червоного казачества.

Эти данные косвенно подтверждаются журналом боевых действий 13-й армии, в котором за 14 октября отмечено взятие в плен белыми при отходе красных от Орла командира 3-й бригады 9-й стрелковой дивизии и около 15 сотрудников дивизионного штаба вместе с временно исполнявшим должность начальника штаба²⁰⁶⁶.

Сохранилось и еще одно весьма важное свидетельство. Как отмечал очевидец М. Стасюк, направленный на подпольную работу в глубокий тыл белых из Москвы, но задержавшийся в Орле, там преднамеренно остались пять сотрудников штаба 9-й дивизии. Они имели неосторожность изложить свою историю большевистскому подпольщику в доверительной беседе за утренним чаем после оставления Орла красными. Стасюк отмечал: «В первой декаде октября — вернее на второй день после моего устройства в Орле туда прибыл отступающий штаб 9-й дивизии Советской армии и разместился по Карагозовской улице в доме

---

* Впервые опубликовано: Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143. В настоящем издании публикуется с дополнениями.

²⁰⁶⁵ В связи с тем, что в документах даты приводятся как по старому (у белых), так и по новому (у красных) стилю, здесь и далее указаны обе даты.

²⁰⁶⁶ РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 199. Л. 28.

рядом с домом, в котором я занимал комнату. Вечером этого дня в комнате рядом с моей поместилось пять человек работников штаба этой дивизии.

Утром следующего дня наши войска оставили Орел, а в три часа дня в него вступили деникинцы, штаб которых разместился в доме, который занимал штаб нашей 9-й дивизии.

Оказалось, что пять человек штабистов 9-й дивизии Красной армии, ночевавших в комнате рядом с моей комнатой, не ушли с отступающими частями Красной армии, а остались в Орле с целью перехода на сторону Деникина и пришли ночевать в эту же комнату, где ночевали вчера рядом с моей комнатой.

Утром следующего дня хозяйка дома поставила самовар и пригласила на чай их и меня и в разговоре за чаем они стали рассказывать, что они давно собирались перейти к деникинцам, но на пути наступления не было большого города, а в малых городах или селах такой переход был невозможен, так как за ними строго следил особый отдел дивизии. Говорили, что скоро Деникин возьмет Москву, что будет императором, что они обязаны немедленно вступить добровольцами в армию Деникина и тем смыть грязное пятно, нанесенное службой в Красной армии. Рассказывали, как они, будучи командирами в Красной армии, ставили свои части под огонь противника, а орудия наводили так, чтобы они делали перелет или недолет. Все они были из Курска: один бывший учитель — при Керенском поручик, один кассир Курского казначейства, два юриста [—] при Керенском прапорщики и один диакон.

Затем бывший учитель рассказал, как он вчера на одной из улиц Орла встретил комиссара 9-й дивизии Красной армии Петрашевича в офицерской шинели с погонами и хотел его задержать, но тот показал ему документ, по которому он работал в Красной армии по заданию деникинской контрразведки, и когда я, говорю, удивился, то Петрашевич заявил: «Чему Вы удивляетесь, думаете, я такой один, ничего подобного. Командир 9-й дивизии [М.А.] Орлов, начальник штаба 13-й армии Зайончковский²⁰⁶⁷ и много других также работают в Красной армии как агенты деникинской контрразведки²⁰⁶⁸». Автор этого свидетельства дождался возвращения красных в Орел, после чего изложил полученные им данные в записке в ЦК РКП(б). Таким образом, большевистское руководство уже осенью 1919 г. могло располагать косвенными свидетельствами о возможном сотрудничестве Зайончковского с белыми.

И хотя, если верить истории Корниловского ударного полка, белое командование из показаний пленных военспецов знало о подготовке операции по окружению Корниловской ударной дивизии еще с 19 сентября (2 октября)²⁰⁶⁹ или даже с 16 (29) сентября²⁰⁷⁰, думается, значение передачи Зайончковским непосредственных оперативных документов трудно переоценить. К тому же безотносительно ценности переданных документов, этот поступок Зайончковского весьма интере-

²⁰⁶⁷ Так в документе.

²⁰⁶⁸ ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1312. Л. 26–27. Выражаю сердечную признательность к.и.н. М.А. Ковальчуку (Киев), обнаружившему это важное свидетельство и любезно предоставившему его мне для публикации.

²⁰⁶⁹ Левитов М.Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 326.

²⁰⁷⁰ Критский М.А. Корниловский ударный полк. Париж, 1936. С. 143.

сен для оценки его личности и поведения как его самого, так и других военспецов в условиях Гражданской войны и возможной победы белых осенью 1919 г.

Данное свидетельство было впервые обнаружено Ф.Ю. Ефремовым (Москва) и содержится в неопубликованных воспоминаниях начальника штаба Корниловской ударной группы²⁰⁷¹ Генерального штаба подполковника К.Л. Капнина о боях Добровольческой армии под Орлом осенью 1919 г. Именно потому, что этот документ опубликован не был, описываемый случай и представляется достоверным.

Штаб Корниловской ударной группы по получении оперативных документов противника разработал план действий по ликвидации возможного глубокого прорыва красных. Было решено экстренно заменить части группы, расположенные в Орле, резервом командующего I армейским корпусом (сформировавшиеся 3-й офицерский генерала Маркова пехотный и 3-й офицерский генерала Дроздовского стрелковый полки) и двинуть в наступление части Корниловской ударной группы (1-й и 2-й Корниловские ударные полки общей численностью свыше 4000 штыков (в том числе не менее 20% офицеров и 20% добровольцев) при 6 легких артиллерийских батареях и большом количестве пулеметов) в западном направлении. Используя знание намерений и дислокации противника, они должны были разбить его по частям. 3-я пехотная дивизия (дроздовцы) одновременно должна была начать наступление на север.

Однако этот план не был реализован. Резерв командира корпуса оставался в стадии формирования и, по мнению штаба корпуса, не мог быть переброшен на передовую²⁰⁷², а оставление Орла корниловцами произвело бы, по мнению того же штаба, дурное впечатление на войска и общественность. В итоге было принято половинчатое решение, совершенно не отвечающее серьезности положения Добровольческой армии на московском направлении: приказом по 1-й пехотной дивизии от 2 (15) октября 1919 г. Корниловской ударной группе предписывалось частью сил упорно оборонять Орел, а другой частью (2-й Корниловский ударный полк — около 2000 штыков, 40 пулеметов, 8 легких и 4 тяжелых орудия) разбить ударную группу красных. По мнению Капнина, данное указание исходило от начальника штаба I армейского корпуса Генерального штаба генерал-майора Е.И. Достовалова²⁰⁷³. В итоге не была решена ни та, ни другая задача: 2-й Корниловский ударный полк в боях 3–5 (16–18) октября понес колоссальные потери (до 60% личного состава), а части Добровольческой армии были вынуждены 7 (20) октября оставить Орел.

Как впоследствии свидетельствовал главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин, «группировка сил противника не была для нас тайной. Но ввиду отсутствия у нас резервов парировать намеченные удары можно было лишь соответствующей перегруппировкой войск. Удар с линии Орел–Севск, выведивший

---

²⁰⁷¹ Подробнее об участии корниловцев в решающих боях «похода на Москву» см.: *Левитов М.Н.* Материалы для истории. С. 327–375.

²⁰⁷² В действительности уже 7 (20) октября на фронт был вызван 3-й Марковский полк, еще через день полк активно участвовал в боевых действиях (*Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Париж, 1964. Кн. 2. С. 118).

²⁰⁷³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 380. Л. 31.

противника на фронт Корниловской и Дроздовской дивизий, не внушал мне опасений. Угроза же со стороны Воронежа левому флангу Донской армии была более серьезна»²⁰⁷⁴.

Белое командование по разным причинам (в основном из-за отсутствия резервов) не сумело использовать уникальную возможность разбить противника, пользуясь точными данными о его расположении и намерениях. Несмотря на это, сведения, переданные Зайончковским, позволили корниловцам избежать полного уничтожения под Орлом и нанести значительный урон Ударной группе красных, что было признано и в советской историографии²⁰⁷⁵. Кроме того, весьма показателен сам факт содействия Добровольческой армии со стороны одного из наиболее известных военспецов РККА.

Сохранились и другие свидетельства о том, что успехи Деникина привели к заигрываниям некоторых советских работников с потенциальными союзниками или сторонниками белых. Близкий к большевистской верхушке Г.А. Соломон вспоминал: «Нечто совсем исключительное началось, когда в Москве стало известно, что продвигавшаяся вперед армия Деникина дошла до Тулы²⁰⁷⁶. Правда, эта паника нарастала исподволь и, собственно, началась, все развиваясь и усиливаясь, с того момента, как Деникиным был взят Орел. Уже тогда предусмотрительные “товарищи” стали приготавливать себе разные паспорта с фальшивыми именами и пр. Уже тогда началось заигрывание с “буржуями”, возобновление старых буржуазных знакомств и отношений...»²⁰⁷⁷

Нелояльность Зайончковского большевикам подтверждает и его бывший сослуживец генерал А.А. фон Лампе²⁰⁷⁸.

Впрочем, сложно сказать, располагал ли фон Лампе какими-либо достоверными данными о возможности предательства Зайончковского, так как в качестве отклика на смерть бывшего генерала в Советской России он записал в марте 1926 г. в своем дневнике: «Я много мог бы написать о нем, но менее всего я мог думать, что он пойдет к большевикам, да еще в строй, это не было на него похоже, может быть, что сыграло какую-нибудь роль то обстоятельство, что он был в личной дружбе с Брусиловым, кстаги, они и умерли почти одновременно...»²⁰⁷⁹

Как уже можно понять, служба Зайончковского в Красной армии складывалась непросто. В новую армию он поступил добровольно из отставки в 1918 г. Первоначально бывший генерал занял пост старшего делопроизводителя военно-статистического отдела оперативного управления Всероссийского главного штаба²⁰⁸⁰. Однако в том же 1918 г. он был впервые арестован.

После освобождения Зайончковский служил старшим делопроизводителем отчетно-организационного отдела организационного управления Всероссийского

²⁰⁷⁴ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 3. Т. 4: Вооруженные силы Юга России. М., 2003. С. 645.

²⁰⁷⁵ См., напр.: Дубинский И.В., Шевчук Г.М. Червоное казачество. Киев, 1987. С. 100, 102.

²⁰⁷⁶ На самом деле белые до Тулы не дошли.

²⁰⁷⁷ Соломон Г.А. Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 192–193.

²⁰⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 120–121.

²⁰⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 104. Фон Лампе оставил интересные воспоминания о Зайончковском (фон Лампе А.А. Пути верных: Сб. ст. Париж, 1960. С. 180–182).

²⁰⁸⁰ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 5.

главного штаба (на апрель 1919 г.). Затем попал на Южный фронт, заняв 2–4 июля 1919 г. пост временно исполняющего начальника штаба 13-й советской армии. Этот пост, единственный из всех, которые занимал Зайончковский в Гражданскую войну, был наиболее приближен к фронту. Следовательно, только находясь на нем бывший генерал мог наиболее эффективно вредить Красной армии, если был белым агентом или стремился реабилитироваться перед белыми. С пребыванием на этой должности и связана история саквояжа генерала Зайончковского.

11 февраля 1920 г. начальник штаба Юго-Западного фронта Н.Н. Петин ходатайствовал об отозвании Зайончковского из 13-й армии, «так как сложившаяся в 13 армии служебная атмосфера не дает ему возможности продуктивно работать»²⁰⁸¹. К сожалению, что имел в виду Петин, пока неизвестно. Вскоре, 26 февраля 1920 г., Зайончковский действительно был отозван в распоряжение начальника Полевого штаба РВСР, при котором состоял для особых поручений. В мае 1920 г. Зайончковский вошел в состав Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики — консультативного совета при главнокомандующем, занимавшегося обсуждением вопросов развития Красной армии и конкретно мер борьбы с поляками в период советско-польской войны. Совещание состояло в основном из генералов старой армии под председательством А.А. Брусилова. Посредством создания этого органа и выдвижения лозунгов защиты страны от внешней опасности большевики пытались привлечь на свою сторону патриотически настроенных бывших офицеров.

По свидетельству Брусилова, Зайончковский был вновь арестован вскоре после открытия Особого совещания вместе с другими бывшими генералами А.Е. Гутором и В.Н. Клембовским²⁰⁸². Документального подтверждения этого ареста в нашем распоряжении нет. Но нельзя исключать, что арест все же произошел в июне 1920 г., в разгар советско-польской войны, свою роль могло играть польское происхождение бывшего генерала. Впрочем, если этот арест и имел место, то был кратковременным, так как по спискам «лиц Генштаба» Зайончковский под арестом не значился ни в мае, ни в августе 1920 г.²⁰⁸³ Вновь бывший генерал был арестован в январе 1921 г.²⁰⁸⁴ По данным А.А. фон Лампе, он провел в заключении более года²⁰⁸⁵, однако эти сведения нуждаются в проверке.

Как отмечал известный военный ученый А.А. Свечин, «Зайончковский по методам своего мышления представляет собой реакционера 80-х годов, восьмидесятника с ног до головы, и ни одной крупинки он не уступил ни Октябрьской революции, ни марксизму, ни всему нашему марксистскому окружению»²⁰⁸⁶.

²⁰⁸¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 372.

²⁰⁸² Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 296.

²⁰⁸³ Список Генерального штаба. Составлен по сведениям, имеющимся в организационном управлении Всероссийского главного штаба к 15 мая 1920 г. // Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 652; Список Генерального штаба. Составлен по сведениям, имеющимся в Организационном управлении Всероссийского главного штаба к 7 августа 1920 года (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1649. Л. 16–160б.).

²⁰⁸⁴ РГВА. Ф. 25883. Оп. 4. Д. 1165. Л. 123.

²⁰⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 126.

²⁰⁸⁶ Цит. по: Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 138.

Очевидно, Зайончковский как мог пытался приспособиться к новой власти, но это у него получалось довольно неуклюже и было заметно окружающим. В мае 1924 г. в качестве преподавателя Военной академии РККА он получил следующую аттестацию: «В академии — номинально — Главрук по стратегии. Фактически в текущем учебном году стратегию не ведет. Читает стратегический очерк мировой войны. В прошлом году читал стратегию на старшем курсе, руководил прикладными занятиями на дополнительном. С работой не справился. Обладает большим объемом формальных сведений по военной истории, начитанный.

Идеалист по своему мировоззрению, рутинер по способам преподавания, преп[одаватель] Зайончковский не являет собой особой ценности для академии.

Как лектор умеет владеть аудиторией, образным языком излагает предмет.

По натуре — типичный, льстивый царедворец (“сочувствует коммунистической партии” — анкета), он не пользуется авторитетом ни среди преподавателей, ни, тем более, среди слушателей.

В военных вопросах образцовый консерватор.

Можно было бы безболезненно уволить в отставку и очистить место более способному и молодому»²⁰⁸⁷.

Еще более показательное сравнение с Зайончковским, прозвучавшее при аттестации другого преподавателя академии и его критика Свечина: «Монархист, конечно, по своим убеждениям, он, будучи трезвым политиком, учел обстановку и приспособился. Но не так топорно, как Зайончковский (“сочувствующий коммунистической партии”)²⁰⁸⁸. Впрочем, в своей кандидатской карточке в 1920 г. Зайончковский сделал традиционную для военспецов запись: «В политических партиях не состоял и политикой не занимался»²⁰⁸⁹.

Публикуемые материалы свидетельствуют о крайней неоднозначности поведения бывшего генерала в обстановке Гражданской войны. Как человек, неоднократно подвергавшийся арестам в Советской России, он имел основания для недовольства новой властью. Такие основания у него уже могли быть к осени 1919 г., когда и произошла история с передачей документов противнику. Вполне возможно, это было сделано, чтобы продемонстрировать белым свою лояльность и подстраховаться на фоне приближения армий Деникина к Москве. В то же время Зайончковский и в годы Гражданской войны и после нее продолжал службу в Красной армии, пользовался почетом и уважением, преподавал в академии, где готовил кадры новой советской военной элиты — командиров с высшим военным образованием, наконец, в 1920-е гг. активно издавались его многочисленные труды. Совокупность этих данных позволяет считать, что если Зайончковский и запятнал себя чем-то перед большевиками, то это фактически не отразилось на его служебном положении.

Автор воспоминаний, Константин Львович Капнин, родился в 1890 г. в дворянской семье (его отец был штаб-офицером). Окончил Сумской кадетский корпус, Александровское военное училище (1909) и старший класс 1-й очереди Военной академии (т.н. выпуск 1916 г.)²⁰⁹⁰. В дальнейшем служил в качестве штаб-офицера

²⁰⁸⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 4.

²⁰⁸⁸ Там же. Л. 6.

²⁰⁸⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 267об.

²⁰⁹⁰ Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия гражданской войны. М., СПб., 2003. С. 237.

для поручений при штабе X армейского корпуса. В августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию. Принимал участие во 2-м Кубанском походе, служил в штабах 1-й пехотной дивизии и Одесской бригады. Начальник штаба Корниловской ударной группы, позднее — Корниловской ударной дивизии (с 6 ноября 1919 г.). 26 марта 1920 г. Капнин был произведен в полковники. Эмигрировал в Чехословакию. В 1945 г. арестован в Праге и умер в лагерях на территории СССР.

Публикуемый отрывок был написан в 1925 г., примерно за год до смерти А.М. Зайончковского. В СССР воспоминания Капнина попали в составе Русского заграничного исторического архива в 1946 г. Таким образом, даже если советское руководство что-то знало о предательстве Зайончковского, свидетельство Капнина на судьбу бывшего генерала никакого влияния не оказало²⁰⁹¹.

Из воспоминаний К.Л. Капнина о боях Добровольческой армии под Орлом осенью 1919 г.

Настоящий очерк имеет целью осветить один факт из Орловского периода истории Добров[ольческой] армии, оставшийся до сих пор неизвестным широкой части русского общества, а именно присылку нам командующим²⁰⁹² XIII советской армией генералом Зайончковским²⁰⁹³ важных оперативных документов штаба этой армии...

[01(14).10.1919] Около полудня я вернулся в штаб нашей группы, где дежурный офицер мне доложил, что меня ожидает какой-то красный офицер, имеющий сообщить мне нечто весьма важное.

Приказав немедленно провести его в оперативную комнату, направился туда и сам.

Через несколько минут ко мне вошел небольшого роста молодой человек лет 24, в офицерской шинели мирного образца, но без погон, отрекомендовавшийся личным адъютантом командующего XIII советской армией генерала Зайончковского.

---

²⁰⁹¹ Не вполне верные данные на этот счет приведены в статье орловской исследовательницы И.В. Проваленковой. В статье ошибочно совмещены второй и третий аресты бывшего генерала, в результате чего сделан неверный вывод о длительности ареста. Вопреки своему же тезису об аресте Зайончковского за измену и о значимости переданных им противнику данных, Проваленкова делает предположение о том, что переданные Зайончковским документы могли быть дезинформацией советской контрразведки, а сам он — секретным советским агентом чуть ли не с 1919 г., что представляется бездоказательным. Пытаясь разобраться в событиях Орловско-Кромской операции, Проваленкова приводит свидетельства из произвольно скомпилированных С.В. Волковым (в сб.: Поход на Москву. М., 2004) в единый текст различных историй Корниловского ударного полка, неточно их цитируя и ошибочно определяя авторство цитат. Работа М.А. Критского почему-то приписана генералу Н.В. Скоблину, с искажениями цитируются работа М.Н. Левитова и дневник А.А. фон Лампе. Наконец, Проваленкова усмотрела некое противоречие между свидетельством Капнина и данными истории Корниловского ударного полка о том, что план операции с советской стороны был известен белым еще до передачи материалов Зайончковским, хотя в действительности никакого противоречия в этом нет (*Проваленкова И.В.* Генерал А.М. Зайончковский между «красными» и «белыми» // Гражданская война в России и Орловско-Кромское сражение 1919 года: Мат. Всерос. науч. конф., посв. 90-летию Орловско-Кромского сражения 1919 г. Орел, 2010. С. 60–63).

²⁰⁹² Автор неточен. А.М. Зайончковский был начальником штаба 13-й армии.

²⁰⁹³ Детальную справку о А.М. Зайончковском см. в примеч. 1894.

По его словам, ген[ерал] Зайончковский, сочувствуя в душе нам, но вынужденный служить в Красной армии, приказал ему остаться при отступлении красных войск в Орле. По занятии же Орла Добровольческой армией явиться в какой-либо наш штаб, где и доложить обстановку, царящую в Красной армии, для ее наилучшего нами использования. В доказательство правдивости своих слов бывший офицер раскрыл большой кожаный саквояж, находившийся у него в руках, подав его мне.

Саквояж был наполнен оперативными документами штаба XIII совет[ской] армии, оперировавшей тогда против нас.

При этом мое внимание адъютант генерала Зайончковского обратил на большую карту 10-верстного масштаба, на которой была детально по дням размечена высадка в районе ст. Шахово–Карачев (см. схему № 3)²⁰⁹⁴ особой латышской стр[елковой] дивизии и 8 конной дивизии Червоного казачества²⁰⁹⁵, перевозимых для производства решительного контрудара с иного фронта.

Боевой состав этой ударной группы был очень внушительный, а именно свыше 12 000 штыков (9 стр[елковых] полков) и 3000 шашек (6 кон[ных] полков)²⁰⁹⁶, что в связи с обученностью и дисциплинированностью этих частей (по словам адъютанта) делало положение наше в Орле очень серьезным.

На карте было отмечено по дням и дальнейшее направление этих частей после высадки для удара в общем направлении Кромы–Малоархангельск, то есть на никем не обороняемый 30-верстный прорыв между Корниловской группой и правым флангом 3 пех[отной] дивизии (Дроздовцы).

Другая, менее серьезная группа, в которую, между прочим, входила, к счастью для нас, теперь уже почти не существующая 55 стр[елковая] дивизия, должна была наступать также на Малоархангельск из района несколько восточнее станции Золотухино.

Таким образом, общий план Красного командования был таков:

Согласованным наступлением вышеупомянутых двух групп окружить и совершенно уничтожить Корниловскую ударную группу, глубоким клином вошедшую в расположение противника²⁰⁹⁷.

Этим разгромом Корниловцев осуществлялся широкий прорыв на Курском направлении, который неминуемо должен был вызвать наше отступление на широком фронте ввиду отсутствия у Добров[ольческой] армии крупных резервов.

Просмотрев бегло и остальные документы, для детального изучения которых надо было нескольких дней, я сделал необходимые выписки и отметил на своей карте все, могущее иметь значение для предстоящих действий Корниловцев. После этого приказал немедленно приготовить паровоз и, по докладе командую-

---

²⁰⁹⁴ Схема не публикуется.

²⁰⁹⁵ Речь идет о Латышской стрелковой дивизии под командованием А.А. Мартусевича (с 20 октября 1919 г. — Ф.К. Калнина) и о 8-й кавалерийской дивизии Червоного казачества под командованием Н.К. Щелокова.

²⁰⁹⁶ По другим данным, 9700 штыков и сабель (Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987, с. 422).

²⁰⁹⁷ Из доставленных нам документов было видно, что красным известны не только боевой состав нашей группы и вообще частей 1 пех[отной] дивизии, но и фамилии и чины начальников их до командиров полков, а иногда и батальонов включительно (примеч. К.Л. Капнина).

щему группой полковнику Скоблину²⁰⁹⁸, отправил этого важного перебежчика, со всеми без исключения принесенными им документами, в штаб дивизии под конвоем двух офицеров.

В тот же день вечером означенное лицо, пройдя штаб дивизии, было доставлено в штаб 1 арм[ейского] корпуса, находившийся в Курске.

Из всего вышеизложенного ясно, что план красных был задуман широко.

Также ясно, что документы, присланные генералом Зайончковским (пусть даже из побуждений самострахования²⁰⁹⁹), имели огромную оперативную ценность. Последующие действия красных вполне подтвердили их абсолютную правдивость.

ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 380. Л. 2, 21–26. Автограф.

---

²⁰⁹⁸ Скоблин Николай Владимирович (09.06.1894–1938) — генерал-майор (1920). Сын коллежского асессора. Участник Первой мировой войны. Прапорщик (1914), штабс-капитан, вступил в 1-й ударный (позднее — Корниловский ударный) отряд (1917). В Добровольческой армии (с 1917). Участник Первого Кубанского (Ледяного) похода. Полковник (1918), командир Корниловского ударного полка. Начальник Корниловской ударной группы, затем дивизии. Эвакуировался из Крыма с Русской армией. Галлиполиец. В эмиграции — в Болгарии и Франции. В 1930 завербован советской разведкой и участвовал в похищении председателя РОВС генерала Е.К. Миллера (1937). Разоблачен и бежал в Испанию, где и погиб.

²⁰⁹⁹ В связи с успешным продвижением Добровольческой армии к Москве.

Доклад генерала Н.Н. Стогова о Советской России и раскрытие московской подпольной военной организации «Национального центра»

Последние годы ознаменовались всплеском исследовательского интереса к деятельности подпольной антибольшевистской организации «Национальный центр», в том числе к ее военному крылу (т.н. «Штаб Добровольческой армии Московского района»), представлявшему наибольшую опасность для большевиков. Однако авторы ряда публикаций по данному вопросу в основном ограничиваются пересказом известных материалов «Красной книги ВЧК»²¹⁰⁰, фактически представляющих единственный общедоступный источник по этой теме и отражающих официальную ведомственную версию раскрытия организации. При всей значимости и даже уникальности данного источника, сравнительно часто эти материалы воспринимаются некритически, как истина в последней инстанции, при том, что официальная версия, воспроизведенная десятки раз в различных трудах, по многим пунктам не выдерживает критики. Нельзя согласиться и с попыткой А.А. Здановича пересмотреть на основании одного случайного свидетельства все дело «Национального центра» в том отношении, что главенствующей в нем была военная организация, а политическая ей якобы подчинялась²¹⁰¹. В известных источниках этот тезис подтверждения не находит. Кроме того, в условиях полуавтономного существования политической и военной составляющих организации, вопрос о том, кто главнее, зависел от того, через кого шло финансирование, а оно шло как раз через политическую организацию. Утверждения, что в «Красной книге ВЧК» в этом плане допущена сознательная фальсификация в связи с процессом над партией эсеров, выглядят неубедительно, поскольку «Национальный центр» не имел отношения к эсеровской партии, а был связан с партией кадетов.

В этой работе на основе прежде неизвестных, принципиально важных документов из отечественных и зарубежных архивов предпринята попытка реконструировать подлинные события вокруг московской военной организации «Национального центра».

²¹⁰⁰ См., напр.: *Войтиков С.* Высшие кадры Красной армии. 1917–1921 гг. М., 2010. С. 399–431; *Он же.* Штаб добровольческой армии московского района // Военно-исторический архив. 2010. № 6 (126). С. 114–139; *Мозохин О.* Первые операции. Особый отдел ВЧК в годы Гражданской войны // Родина. 2008. № 12. С. 39–42; *Пайнс Р.* Московские центры. Политический фронт в гражданской войне в России // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 51–67.

²¹⁰¹ *Зданович А.А.* Еще раз о «Национальном центре» // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 98.

«Национальный центр» и его военная организация

Сам по себе «Национальный центр» был антибольшевистской политической организацией, ориентированной на Антанту и созданной по инициативе ЦК партии кадетов в Москве весной–летом 1918 г. Осенью 1918 г. руководство организации перебралось на белый Юг к А.И. Деникину, где «Национальный центр» функционировал легально, в Москве же осталась незначительная часть организации. «Национальный центр» объединял либерально-демократическую общественность: профессоров, бывших земских деятелей, кооператоров, промышленников и предпринимателей. Людей, так или иначе пострадавших от большевизма. Члены организации выступали против большевиков, монархистов и германофилов, выработали свою политическую программу, традиционную для либеральных деятелей. Цели организации заключались в свержении большевизма и созыве национального собрания.

Есть основания полагать, что значение этой организации в историографии несколько преувеличено. Реальная деятельность «Национального центра» на советской территории сводилась к разговорам о светлом будущем без большевиков, написанию воззваний, ведению картотеки на коммунистов, насчитывавшей 10 000 карточек, и составлению отвлеченных законопроектов для будущей антибольшевистской России, тогда как конкретная польза для белых заключалась, прежде всего, в возможностях получения по линии «Национального центра» информации из Советской России и денежных средств. Как отмечал один из участников событий, «Национальный центр» совмещал «разнообразные формы деятельности — от почти чистого академизма до военного заговора»²¹⁰². Очень многое держалось на личных связях, прежде всего, самого политического руководителя организации кадета Н.Н. Щепкина (внука известного театрального актера М.С. Щепкина). С его арестом в конце августа 1919 г. эти связи оказались утрачены. Связь организации с иностранными разведками тоже выглядит преувеличенной. Подпольщики установили контакт с англичанами через знаменитого разведчика Поля Дюкса, но сотрудничество не выходило за пределы эпизодических встреч и общего взаимного осведомления о положении Советской России и европейских государств²¹⁰³. Кроме того, через шведское консульство организация получала деньги²¹⁰⁴.

Военная организация «Национального центра» представляла собой совершенно иное явление, нежели политическая, и была более законспирированной и полуавтономной структурой. Вопрос о ее реальных достижениях и деятельности представляется неоднозначным. Участники политического «Национального центра» даже затруднялись сказать, что представляла собой их военная организация, и были скептически настроены в ее отношении²¹⁰⁵. Не удивительно, что имеются

²¹⁰² Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 167.

²¹⁰³ Всероссийский Национальный Центр. М., 2001. С. 488, 518; Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 339–340, 346–347, 382; Тактический центр. М., 2012. С. 481; *Dukes P.* Red dusk and the morrow. Adventures and Investigations in Red Russia. L., 1923. P. 213; *Зданович А.А.* Еще раз о «Национальном центре». С. 97; *Ferguson H.* Operation Kronstadt. N. Y., 2008. P. 265; *Service R.* Spies and Commissars. Bolshevik Russia and the West. L., 2011. P. 225, 260.

²¹⁰⁴ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 407.

²¹⁰⁵ Всероссийский Национальный Центр. С. 487, 488, 500, 503, 517.

данные и за и против участия многих арестованных по этому делу в реальной подпольной работе. В политической организации, кроме того, существовала военная комиссия, в которой в разное время состояли С.М. Леонтьев, Н.А. Огородников, С.Е. Трубецкой и Н.Н. Щепкин²¹⁰⁶. Однако связь с военной организацией была сосредоточена в руках последнего. Деньги военным передавались Щепкиным через В.Л. Вартенбурга, а позднее через И.Н. Тихомирова.

Значимость московской организации вследствие ее расположения в самом сердце Советской России, в непосредственной близости от высшего большевистского руководства, для белого подполья была велика. Однако связь организации с белыми армиями была достаточно условной²¹⁰⁷, к тому же московское подполье испытывало значительные трудности с кадрами профессиональных разведчиков, которых практически не было. Вследствие этого задача ВЧК по раскрытию организации значительно облегчалась.

Возможно, пролить свет на дело военной организации «Национального центра» и дать ответ на многие острые вопросы могли бы до сих пор недоступные для большинства исследователей документы Центрального архива ФСБ. Однако по данным составителей сборника «Всероссийский Национальный Центр», получивших доступ в этот архив, документов по делу «Национального центра» там не сохранилось. В этой связи представляется целесообразной сама постановка наиболее острых вопросов по делу московского подполья. На часть из них можно ответить уже сейчас, остальные, возможно, будут прояснены в будущем. Первостепенную значимость, кроме того, приобретают поиск и выявление соответствующих документов, которыми располагали оппоненты ВЧК — сами участники военной организации «Национального центра». Обнаружить такие документы почти невозможно, но уже ясно, что обращение к материалам отечественных и зарубежных архивов открывает отличную от официальной картину раскрытия военной организации «Национального центра».

В ходе работы в архиве Гуверовского института в США мне посчастливилось обнаружить документ, найти который я даже не надеялся, хотя и мечтал о такой находке много лет. В огромной по своему объему и принципиально важной для изучения истории Белого движения коллекции генерала П.Н. Врангеля, среди документов разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР, я обнаружил доклад самого высокопоставленного белого агента в Красной армии, Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова от 27 ноября (10 декабря) 1919 г., освещающий внутреннее положение Советской России и проливающий свет на деятельность вооруженного антибольшевистского подполья в самом ее сердце, на нелегальную работу самого Стогова и на обстоятельства его перехода к белым²¹⁰⁸.

---

²¹⁰⁶ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 377–378.

²¹⁰⁷ Там же. С. 358–359. За контакты с московским подпольем в штабе главкома ВСЮР отвечал крупный разведчик Генштаба полковник В.Д. Хартулари, неоднократно ездивший в секретные командировки в Москву и по Советской России, но непосредственных распоряжений ввиду трудности связи и запаздывания таких приказов белым командованием не отдавалось. Подробнее о Хартулари (в том числе о его разведывательных командировках на советскую территорию) см.: Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 48–49, 351; Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 205, 575–576; Зданович А.А. Еще раз о «Национальном центре». С. 98–99.

²¹⁰⁸ Публикуется ниже.

Личность генерала Н.Н. Стогова

Николай Николаевич Стогов был крупной фигурой в военно-политической элите Советской России. Ко времени революции он был уже состоявшимся и высокопоставленным офицером Генерального штаба. Стогов родился 10 сентября 1872 г. в семье купца Вышневолоцкой волости Тверской губернии. Он окончил Николаевский кадетский корпус (1891), 2-е Константиновское военное училище (1893) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1900). Службу Стогов начал в Лейб-гвардии Волынском полку. Впоследствии служил по Генеральному штабу в Варшавском военном округе и в Главном управлении Генерального штаба. Стогов участвовал в Первой мировой войне. В июне 1915 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Служил в штабе 8-й армии генерал-квартирмейстером и исполняющим должность начальника штаба. Со 2 апреля 1917 г. командовал XVI армейским корпусом, а 29 апреля 1917 г. был произведен в генерал-лейтенанты. 10 сентября, в период замены командного состава из генералов-корниловцев на более лояльных А.Ф. Керенскому, занял должность начальника штаба армий Юго-Западного фронта. С октября 1917 г. Стогов являлся временно исполняющим должность главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

С уходом Стогова со своего поста в январе 1918 г. штаб фронта прекратил оперативную работу. Некоторое время Николай Николаевич находился в распоряжении начальника Генерального штаба, однако уже 8 мая 1918 г. стал первым начальником Всероссийского главного штаба — одного из высших органов управления зарождавшейся Красной армии. Наличие на таком ответственном посту саботажника, монархиста и противника большевиков, к тому же крайне неприязненно относившегося к евреям (при наличии во главе Красной армии Л.Д. Троцкого (Бронштейна)), должно было резко отрицательно сказаться на советском военном строительстве.

Назначение Стогова на один из ключевых постов в Красной армии свидетельствует о серьезных кадровых ошибках большевистского военно-политического руководства, по крайней мере, на начальном этапе создания РККА в 1918 г. Впрочем, в инерционный период, когда целые штабы старой армии в полном составе оказывались в новой Красной армии, вряд ли можно было избежать подобных ошибок, даже несмотря на наличие института комиссаров. Объясняется это тем, что генштабисты обладали уникальными специальными познаниями, и контролировать их деятельность большевикам без соответствующей подготовки было проблематично. Таким образом, колоссальными успехами своего военного строительства большевики во многом обязаны тем военспецам, которые служили в Красной армии добросовестно.

Как вспоминал военный руководитель Высшего военного совета, бывший Генштаба генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич, «во второй половине марта 1918 года, уже в Москве, ко мне в вагон явился обросший нечесаной бородой, запущенный до крайности человек в рваном тулупе и, разглядывая меня красными от бессонницы глазами, словно проверяя, я ли это, неожиданно сказал:

— Не узнаете, Михаил Дмитриевич? Я — Стогов...»²¹⁰⁹ По свидетельству Бонч-Бруевича, Стогов несколько месяцев скрывался от властей, жил по подложным документам и скитался. Впрочем, Бонч-Бруевич приводит не всегда соответствующие действительности данные о Стогове.

Стогов был постоянным членом Военно-законодательного совета. Интересно, что в июле 1918 г. он был категорическим противником ухода со службы во Всевоглавштабе другого белого агента, бывшего генерала А.П. Архангельского²¹¹⁰. Архангельский на некоторое время задержался на своем посту. Но 7 августа сам Стогов оставил должность, а его преемником стал видный военный ученый А.А. Свечин. Есть отрывочные свидетельства, что Архангельский и Стогов сотрудничали на ниве подпольной работы до отъезда первого из Советской России²¹¹¹.

Уже осенью 1918 г. Стогов попал в опалу и лишился какого-либо положения в РККА. 3 ноября он был впервые арестован ВЧК у себя на квартире. Чекисты провели обыск и по существовавшей тогда практике арестовали находившегося в квартире Стогова ответственного сотрудника управления Всевоглавштаба по организации армии Владимира Львовича Вартенбурга²¹¹², который также был связан с подпольем. Но у Стогова нашелся авторитетный заступник. Советский главком И.И. Вацетис в тот период предназначал Стогова на должность помощника начальника Полевого штаба РВСР, находившегося еще в процессе формирования, и ходатайствовал 9 ноября об освобождении арестованного перед председателем ВЦИК Я.М. Свердловым и заместителем председателя РВСР Э.М. Склянским (копии направлены начальнику Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяеву и комиссару штаба С.И. Аралову)²¹¹³. В итоге первый арест Стогова оказался непродолжительным, уже 15 ноября Николай Николаевич вышел на свободу. Между тем арестованный вместе с ним Вартенбург продолжал находиться в заключении.

По оценке видного большевистского военного деятеля, председателя Высшей военной инспекции Н.И. Подвойского, «Стогов, хороший авторитет, большой человек, сейчас его выживали из Российского штаба (т.е. Всероссийского главного штаба. — А.Г.), несмотря на то, что он, несомненно, человек, который не верит ни в режим, ни во что, настроен он по-меньшевистски, говорил как Гучков или Миллюков, но я не постеснялся бы взять его в инспекцию. Сначала бы не выпускал на такое амплуа, но, в конечном счете, сделал бы так, что он стал бы работать очень продуктивно»²¹¹⁴.

Тем не менее Стогову вместо нового ответственного поста пришлось оставить военную службу и перейти в Главное управление архивным делом, куда он попал благодаря прежнему сослуживцу и товарищу, тоже бывшему генералу В.И. Селивачеву. 20 ноября Стогов подал прошение, а уже 25 ноября устроился к Сели-

²¹⁰⁹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 285.

²¹¹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 41.

²¹¹¹ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 393.

²¹¹² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 316. По показаниям начальника штаба военной организации В.В. Ступина, именно через Вартенбурга была организована его связь со Стоговым (Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 180).

²¹¹³ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 145; Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 7.

²¹¹⁴ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26. Л. 14.

вачеву в первое московское отделение третьей секции Единого государственного архивного фонда сначала как секретарь канцелярии с окладом 940 руб., а затем стал помощником заведующего (самого Селивачева) с окладом 1200 руб.²¹¹⁵ В это время он жил в доме 18 по Смоленскому бульвару в Москве. Помимо работы в Главархиве Стогов с января 1919 г. числился внештатным сотрудником Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.

Уже в 1918 г. Стогов был связан с объединенной офицерской организацией (военной организацией «Национального центра») — антибольшевистским вооруженным подпольем в Москве²¹¹⁶. Так, преподаватели Военной академии считали себя обязанными Стогову тем, что смогли летом 1918 г. перейти на сторону антибольшевистских сил, так как Стогов сумел затянуть отъезд группы сотрудников академии в Пермь²¹¹⁷. С подпольем, видимо, был связан и В.И. Селивачев. Начальником штаба организации был бывший генерал В.И. Соколов, также состоявший на службе в Комиссии по исследованию и использованию опыта войны, что, впрочем, не давало ему особых возможностей для ведения подпольной работы в РККА. Стогов же считался руководителем организации.

О московском военном подполье известно почти исключительно из «Красной книги ВЧК», подготовленной самими чекистами, чтобы увековечить начальный период истории своего ведомства. При том, что это издание можно, в целом, считать достоверным, все же трудно рассчитывать на отражение в нем подлинных обстоятельств раскрытия белого подполья в Москве. Тем более есть основания предполагать, что военная организация «Национального центра» была раскрыта в результате провокации.

Стогов находился под подозрением с конца 1918 г., неоднократно арестовывался и эффективно руководить военным подпольем в 1919 г. уже не мог. Вообще в 1918–1919 гг. были арестованы практически все руководители антибольшевистского военного подполья в Москве. По всей видимости, ВЧК активно использовала для разоблачения подполья провокаторов из бывших офицеров, наблюдала за подозреваемыми. Трудно представить, чтобы в таких условиях белое подполье могло успешно работать.

К сожалению, доклад Стогова не дает подробных сведений о работе московского подполья и самого Стогова в тот период, когда он в 1918 г. возглавлял Всероссийский главный штаб. Сведения о подполье из доклада в основном охватывают последующий период (1919), когда Стогов уже находился под подозрением, много времени провел в заключении или скрываясь и уже не мог эффективно действовать как высокопоставленный белый агент. Между тем оценки Стоговым высшего советского руководства и большевистской партии в гораздо большей степени относятся к периоду 1918 г., когда бывший генерал еще был вхож в «сферы». Эти особенности необходимо учитывать при анализе документа.

Делопроизводство Всероглавштаба за 1918 г. и непосредственно исходившие от самого Стогова документы не позволяют утверждать, что Стогов в период его пребывания на военной службе в РККА занимался систематическим вредитель-

²¹¹⁵ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 826. Л. 1, 3.

²¹¹⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.

²¹¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 121.

ством и саботажем. Наоборот, многие бумаги бывшего генерала свидетельствуют о его добросовестной службе у красных. Как это сочетается с радикальным антибольшевизмом Стогова и с тем фактом, что он возглавлял военную организацию «Национального центра» — ударную часть московского антибольшевистского подполья, — сказать трудно.

Подпольщики в руководстве РККА

Один из руководителей ВЧК В.Р. Менжинский отмечал, что «связи организации («Национального центра». — *А.Г.*) в военном ведомстве были громадны, белогвардейцы фактически распоряжались Главным управлением [военно-] учебных заведений, Главным военным инженерным управлением, Центральным управлением военных сообщений и штабом железнодорожных войск (обороны). Очень сильные связи у них были во Всероглавштабе, в Московском окружном штабе, Главном артиллерийском управлении, в Военно-законодательном совете и др.»²¹¹⁸. Подобную оценку следует считать преувеличенной.

По итогам ликвидации «Национального центра» другой высокопоставленный чекист, первый заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский на первом съезде особых отделов фронтов и армий, проходившем в Москве 22–25 декабря 1919 г., выступил с крайне невнятным и бессвязным докладом, в котором заявил: «Из документов Щепкина, которые мы захватили, известно, что создавались кадры генштабистов, которые рассовывали по органам управления и объединяли в своих руках. Таким образом, мы встречаемся с подготовкой технического захвата наших аппаратов»²¹¹⁹. Докладчик отмечал опасность использования подпольем возможностей Красной армии, различных советских структур и даже техники в интересах белых. В частности, по данным Павлуновского, подпольщики из «Национального центра» пользовались одной из советских радиостанций для организации связи с белым Югом²¹²⁰.

Каковы же были позиции подпольщиков в руководстве РККА? Известно, что среди сотрудников Стогова по Всероглавштабу оказалось несколько его единомышленников — противников большевиков. Начальник управления по командному составу Всероссийского главного штаба бывший генерал А.П. Архангельский вел подрывную работу и содействовал переброске офицеров на белый Юг. Серьезной фигурой в антибольшевистском подполье был 3-й оберквартирмейстер ГУГШ, начальник военно-статистического отдела и разведывательной части Всероссийского главного штаба и член комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела бывший Генштаба полковник А.В. Станиславский. Фактически через Станиславского руководство разведкой и

---

²¹¹⁸ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа “Весна”, 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 35. Интересно, что почти дословно эти же данные привел в своем докладе И.П. Павлуновский (Архив ВЧК: Сб. док. М., 2007. С. 128).

²¹¹⁹ Архив ВЧК. С. 126.

²¹²⁰ Там же. С. 129. Эти данные подтверждаются показаниями арестованных: Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 393–394.

контрразведкой в Советской России, хоть и не в полном объеме в связи с наличием параллельных Всероглавному штабу структур, находилось в руках противников большевиков. В сентябре 1918 г. Станиславский бежал на Украину.

В итоге Всероссийский главный штаб в глазах большевистского руководства приобрел устойчивую репутацию оплота контрреволюции. Многие генштабисты, работавшие в штабе, прошли через аресты, некоторые были расстреляны, в том числе по делу «Национального центра». Так, был расстрелян бывший начальник оперативного управления Всероглавному штабу бывший Генштаба генерал-майор С.А. Кузнецов, курировавший вопросы назначения офицеров на ответственные должности. Сложно сказать, был ли он действительно участником белого подполья или оказался несправедливо обвиненным. Тем не менее есть ряд свидетельств, указывающих на его причастность к подполью. По материалам «Красной книги ВЧК» известно, что Кузнецов лично присутствовал лишь на одном из заседаний центра²¹²¹, поскольку при его положении это было крайне рискованно. Активный участник антибольшевистского подполья в Москве капитан В.Ф. Клементьев вспоминал, что в период его пребывания в 1919 г. в Бутырской тюрьме «по околотку прошел слух, что генерал Деникин прислал Ленину требование ничего не предпринимать против полковника (генерала. — А.Г.) Генерального штаба Кузнецова. За его смерть большевицкие тузы ответят своими головами... Несколько позже я узнал от “леваков”, что полковника Кузнецова чекисты увезли на Лубянку и там без судов и разговоров убили. Таким образом, полковник Кузнецов был расстрелян несколько раньше, чем другие лица, сидевшие по делу Национального центра»²¹²². У Клементьева не возникало сомнений в самой тесной связи Кузнецова с «Национальным центром». Ничем, кроме подозрений, нельзя объяснить внезапный перевод Кузнецова в конце 1918 – начале 1919 г. с ключевых постов в РККА на преподавательскую работу, а затем факт его ареста и расстрела.

Генштабист С.Д. Харламов в показаниях, данных по делу «Весна», вспоминал о Кузнецове: «Был он большой барин и работы недолюбливал, а к теперешней у него явно душа не лежала. Он часто просто саботировал работу... Как относился Кузнецов к назначению лиц Ген[ерального] штаба на фронт? Назначения шли или через него, или через Раггэля непосредственно. Во втором случае назначение проходило немедленно безоговорочно. Всякое же назначение через Кузнецова сильно затягивалось, и всегда находились уважительн[ые] причины к неназначению, за что попадало мне. Из назначенных на фронты многие довольно быстро умудрялись “попадать в плен”»²¹²³. У Харламова не было особой необходимости фантазировать на тему измены расстрелянного за 12 лет до его допроса Кузнецова. Более того, последнее обвинение Харламова подтверждается фактами. Именно Кузнецов весной–летом 1918 г. командировал в Поволжье многих генштабистов, впоследствии прославившихся в рядах белых армий, в том числе В.О. Каппеля, Ф.Е. Махина, И.И. Смольнина-Терванда²¹²⁴. Подобное совпадение вполне могло

²¹²¹ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 210.

²¹²² Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 363.

²¹²³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 231 (172). Л. 15.

²¹²⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 36, 97.

быть неслучайным. В то же время существует мнение, что Кузнецов, наоборот, добросовестно служил в рядах РККА и репрессирован был безосновательно²¹²⁵.

Еще одним арестованным (и, возможно, расстрелянным) стал начальник отдела оперативного управления Всероглавштаба бывший Генштаба генерал-майор Б.А. Левицкий, также служивший в отделении по борьбе с дезертирством. О том, что он состоял в антибольшевистском подполье, обнаружены вполне определенные данные белой разведки²¹²⁶.

Был арестован и начальник отделения (ранее — старший делопроизводитель) организационного управления Всероглавштаба бывший полковник В.В. Ступин, значившийся начальником штаба военной организации «Национального центра». Для сбора улик чекистами был инсценирован «налет» на квартиру Ступина матросов-анархистов. Генштабиста и его жену связали, а имевшиеся на квартире документы пересняли. Ступин показал, что вошел в организацию в октябре или декабре 1918 г.²¹²⁷ Самое удивительное, что Ступин не только не был расстрелян, но после ареста даже вернулся на службу в РККА. Освобождение Ступина выглядит не менее странно, чем побег Стогова, и дает повод усомниться в обоснованности репрессий по данному делу. После этого трудно поверить, что в белом подполье обошлось без провокаторов. В организационном управлении Всероглавштаба служил и начальник артиллерии подпольной организации А.Е. Флейшер²¹²⁸, также избежавший расстрела в 1919 г.

Есть данные о том, что с белым подпольем сотрудничали по линии разведывательной работы бывший Генштаба генерал-лейтенант Н.А. Бабилов (по некоторым данным, расстрелян в 1920 г.), являвшийся помощником управляющего делами РВСР и постоянным членом Военно-законодательного совета, и начальник Центрального управления снабжений бывший генерал от артиллерии А.А. Маниковский²¹²⁹, погибший в январе 1920 г. при крушении поезда. Контактничал с начальником штаба организации В.В. Ступиным и его друг детства, бывший Генштаба полковник В.П. Ульянов, заведовавший слушателями академии Генштаба РККА, однако какой-либо определенной работы не выполнял²¹³⁰. В декабре 1919 г. Ульянов был арестован и в январе 1920 г. расстрелян. Предпринимались попытки вовлечь в организацию и бывшего Генштаба генерал-лейтенанта А.К. Фреймана, состоявшего для поручений при начальнике Всероглавштаба, однако тот решил не рисковать²¹³¹. Такая же история произошла с бывшим Генштаба капитаном Е.А. Шиловским, служившим в Высшей военной инспекции²¹³².

---

²¹²⁵ Каминский В.В. Сергей Алексеевич Кузнецов — «собиратель» «генштабистов» для Красной армии (весна-осень 1918 г.) // Проблемы новейшей истории России: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Г.Л. Соболева. СПб., 2005. С. 236–251.

²¹²⁶ Архив Гувверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Vrangal Collection. Box 39. Folder 1. Относительно его расстрела данные противоречивы. В частности, в белом лагере в ноябре 1919 г. распространялись известия о прибытии из Советской России Левицкого и Стогова «с очень ценным материалом» (ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 142).

²¹²⁷ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 172.

²¹²⁸ Там же. С. 383.

²¹²⁹ Там же. С. 401, 403.

²¹³⁰ Там же. С. 189.

²¹³¹ Там же. С. 402–403.

²¹³² Там же. С. 463.

С подпольщиками контактировал бывший Генштаба генерал-майор А.М. Мочульский, руководивший организационным управлением Всероглавштаба, однако, по всей видимости, и он продолжал добросовестно служить в РККА²¹³³. Есть указания на связь с подпольем даже начальника Полевого штаба РВСР бывшего Генштаба генерал-майора П.П. Лебедева²¹³⁴, который также быстро превратился в добросовестного работника РККА.

В связях с подпольем подозревали бывшего генерал-лейтенанта В.И. Селивачева. Селивачев был дружен со Стоговым, но шли ли эти контакты дальше дружеского общения, неизвестно. На этот счет сохранилось чрезвычайно важное свидетельство. Руководитель московской организации «Национального центра» Щепкин сообщал своим соратникам в Екатеринодар шифром по системе «Азбука» 25 ноября 1918 г.: «На случай ухода большевиков принимаются меры, дабы в Москве поддержать порядок. Для этого есть военная организация, небольшая, но понемногу растущая. Национальный центр полагает, что нужно всемерно торопить союзников, представляя всю серьезность положения... Пришлите нам призыв Деникина к офицерам и его обстоятельные указания для ближайшего и более отдаленного периодов. Мы заручились содействием генерала Селивачева»²¹³⁵. Зять Селивачева Д.Д. Зуев сообщал 5 апреля 1931 г. в показаниях по делу «Весна»: «Вскоре он (Селивачев. — А.Г.) по совместительству был привлечен в качестве руководителя Военной академии РККА. Дважды был арестован ВЧК, причем первый раз довольно быстро освобожден хлопотами Рязанова²¹³⁶. Ему инкриминировалось участие в к[онтр]р[еволюционном] заговоре, в котором он будто бы фигурировал в качестве будущего диктатора Москвы под буквами В.И.С. Было ли что-то в действительности или нет — не знаю, но что были какие-то бумаги, которые были скрыты в момент обыска, об этом впоследствии говорил кто-то из семьи. Второй арест был гораздо продолжительнее и закончился принятием должности помощника командующего Южным фронтом (командующий тов. Егорьев)... Со слов Д.И. Нечкина (помощник Д.Б. Рязанова по Институту КМ и ФЭ²¹³⁷ по музею), в бытность его зав[едующим] Центр[альным] упр[авлением] архивов Турк[естанской] Республики, где я с ним работал, Рязанов был недоволен, что Селивачев во время своего второго ареста “на что-то согласился”, “в чем-то признался”, так как ему — Рязанову — будто бы уже совершенно удалось добиться освобождения Селивачева и сохранения его в архиве»²¹³⁸. Вскоре после своего освобождения Селивачев был назначен на крупную должность помощника командующего советским Южным фронтом.

Таким образом, по-настоящему мощные административные рычаги у подпольщиков имелись в 1918 г., тогда как позднее члены организации, за некоторым

---

²¹³³ Там же. С. 401–402, 408.

²¹³⁴ Там же. С. 408.

²¹³⁵ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т. Т. 3: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 531.

²¹³⁶ Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович — см. о нем примеч. 1429.

²¹³⁷ КМ и ФЭ — Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

²¹³⁸ Семейный архив Д.Д. Зуева и О.Н. Хлестова (Москва).

исключением, оказались отстранены от важных постов в советском военном руководстве. До марта 1919 г. работы у московских подпольщиков практически не было. Численность организации падала и составляла около 60–70 человек. В марте 1919 г. Стогов якобы предложил активизировать работу в связи с наступлением армий адмирала А.В. Колчака на Восточном фронте.

Именно Стогов держал связь с руководителем московского «Национального центра» Щепкиным²¹³⁹. Но уже 13 апреля 1919 г. он был во второй раз арестован. Сохранилась арестантская карточка Стогова, заполненная им 16 апреля, вскоре после ареста. Военспец тогда содержался в одиночной камере 108-го коридора Бутырской тюрьмы. О своем аресте Стогов сообщил в ней следующее. Арест произошел по ордеру Особого отдела ВЧК около 22.30 13 апреля на квартире у военспеца «за вечерним чаем в кругу старш[их] членов семьи (младшие были уже в кроватях), арестован один»²¹⁴⁰. Николай Николаевич отмечал, что «допрашивал М.С. Кедров вечером 14го /IV-19, затем Фельдман и еще кто-то вроде Тротало (латыш) на Пасхе... Обвинение — будто бы состоял начальн[иком] дивизии объединенной офицерской организации»²¹⁴¹. По поводу своего возможного освобождения Стогов полагал, что если кто-то и ходатайствовал об этом, то только начальство. Для ускорения дела ничего не предпринималось, но, как отмечал сам заключенный, «если бы было возможно, очень просил бы ускорить»²¹⁴². Стогов писал: «Особых просьб не имею; просил бы, конечно, ускорить раз и уведомить жену два»²¹⁴³.

Стогов не признал своей вины: «По делу только и предъявлено обвинение. Состояние теперь или даже в прошлом в какой бы то ни было организации — отрицаю; ничего подобного не было. Спрашивали о знакомствах с В.И. Селивачевым, В.И. Соколовым, Б.М. Ивановым, Г.И. Теодори — всех знаю; Бергштроссера, хотя мне и было сказано, что он офицер 3го Ф[инляндского] с[трелкового] п[олка], коим я командовал, но я такого офицера не знаю и такого в полку при мне не было»²¹⁴⁴; гражданских лиц: Мельгунов[а] и Огородникова — не знаю»²¹⁴⁵.

Далее следовала приписка: «На 3^м допросе у Тротало показали бумаги, взятые на моей квартире в вещах В.Л. Виргенбурга»²¹⁴⁶. Бумаги я видел первый раз в жизни и даже не видел, чтобы их взяли в вещах Виргенбурга, т.к. при обыске этих вещей не присутствовал. Виргенбурга хорошо знаю и после его ареста в феврале все его вещи с его квартиры взял себе, но их и не смотрел»²¹⁴⁷.

В период с 13 апреля по 18 июля Стогов содержался в Бутырской тюрьме в полной изоляции. Тот факт, что его лично допрашивал председатель Особого отдела ВЧК М.С. Кедров, свидетельствует о значимости арестованного. С 11 мая

²¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1145. Л. 1, 3.

²¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 252. Л. 79.

²¹⁴¹ Там же.

²¹⁴² Там же.

²¹⁴³ Там же.

²¹⁴⁴ При втором допросе Фельдман только и просил собственноручно написать, что Бергштроссера в 3 Ф[инляндском] с[трелковом] полку не было и я такого не знаю. Я это и написал. Н. Стогов (примеч. Н.Н. Стогова).

²¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 252. Л. 79об.

²¹⁴⁶ Ошибка документа, здесь и далее правильно — Вартенбурга.

²¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 252. Л. 79об.

бывшему генералу по неизвестной причине были запрещены передачи и переписка. Однако затем режим его заключения неожиданно стал более либеральным, и руководитель московского офицерского подполья из тюрьмы был переведен в концлагерь. По всей видимости, Стогову удалось выкрутиться, а быть может, большевики решили через него искать выходы на других подпольщиков, что было бы возможно при установлении за ним наблюдения. При этом, по свидетельству еще одного арестанта, бывшего генерала В.И. Соколова, он не мог отвергать причастности Стогова и Селивачева к офицерскому подполью²¹⁴⁸.

Соколов был арестован вечером 9 февраля у себя на квартире и содержался под арестом в одиночной камере Бутырской тюрьмы. Были арестованы также его дочь Варвара и жилец Б.Е. Верлюк. Соколов признался, что был начальником штаба подпольной организации, но рассуждал о своей принадлежности к офицерскому подполью как о чем-то совершенно обыденном, само собой разумеющемся и, видимо, даже рассчитывал на снисхождение. Обвинялся он на основании документов, найденных у арестованного одновременно с ним бывшего штабс-капитана В.В. Устинова²¹⁴⁹. Устинов был посредником между Соколовым и региональными отделениями подпольной организации (Козлов, Нижний Новгород, Владимир, Мценск, Орел, Кострома)²¹⁵⁰.

13 февраля на допросе Соколову предъявили черновик его письма в иногороднюю офицерскую организацию, после чего он признал свою причастность к подполью²¹⁵¹. Документ подлежал уничтожению, а содержание его было следующим: «Применительно к предыдущему циркуляру штаба надлежит теперь же, если не встретится особых затруднений или препятствий, приступить к переформированию офицерского состава подведомственной Вам организации по родам оружия и сообщенным Вам в вышеупомянутом циркуляре штатам — пехотных офицеров в один батальон и артиллерийских офицеров в один дивизион 2х батарейного состава, с назначением соответствующих по штатам начальников. Инженерных офицеров временно следует причислить к пехоте. О результате переформирования ожидается уведомление. Начальник штаба объединенной организации»²¹⁵².

20 февраля председателю РВСР Л.Д. Троцкому была отправлена победная телеграмма: «Из Серпухова. 20-го февраля 1919 года раскрыта большая белогвардейская организация в Москве и провинции, во главе которой стоял бывший генерал-лейтенант Соколов и штабс-капитан Устинов. Соколов был начальником штаба объединенных офицерских организаций. Оба сознались. № 473/А. Член РВСР Аралов»²¹⁵³.

В анкете арестованного 22 февраля 1919 г. Соколов указал: «Предъявлено обвинение как к начальнику штаба белогвардейской боевой организации; между

²¹⁴⁸ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 414.

²¹⁴⁹ Устинов Виктор Васильевич — штабс-капитан. На службе в РККА. Деятель антибольшевистского подполья. Выполнял функции курьера. Командир роты в 1-м пехотном полку 1-й Рязанской дивизии (Рязань, до 10.1918). Заведующий отделением обучающихся военно-железнодорожных курсов (Москва, с 12.1918).

²¹⁵⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 3.

²¹⁵¹ Там же. Л. 4.

²¹⁵² Там же. Л. 5.

²¹⁵³ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 145. Л. 72.

тем организация не преследовала боевых целей и не имела в виду выступления против правительства, т.е. не имела контрреволюционных задач, что подтверждается инструкцией для организации, имеющейся в распоряжении следователя особого отдела; согласно инструкции главной задачей офицерской организации, в которой я состоял, [было] образование кадров для будущей постоянной армии; имелось в виду, что война не может скоро окончиться и для воссоздания России потребуются мощная армия, для которой необходимо объединить разрозненных бывших опытных офицеров, прошедших в рядах армии войну. Никаких выступлений против правительства не только не имелось в виду, но лично мною принимались все меры против каких бы то ни было мечтаний по этому поводу. Организация ничего общего с существовавшими и существующими другими боевыми организациями не имела и ни к каким политическим партиям не принадлежала. В силу изложенного прошу ходатайства об облегчении участи²¹⁵⁴. В. Соколов»²¹⁵⁵.

На допросе Соколова 27 марта, проведенном председателем Особого отдела ВЧК М.С. Кедровым, арестованный повторил то, что излагал ранее. Он также сообщил, что офицерская организация возникла в начале августа 1918 г., но не преследовала военных задач, а сам генерал якобы даже сдерживал «пылкие порывы» молодежи в отношении «ближайшего настоящего»²¹⁵⁶. Очевидно, речь шла о попытках выступления против большевиков. В одной из подпольных организаций состоял и сын генерала Константин — в прошлом офицер Сумского гусарского полка, позднее уехавший на Юг России. По свидетельству Соколова, организация из-за своих невоенных целей формировалась медленно. Тем более что нуждающиеся получали незначительную материальную помощь. У организации существовали связи с подпольем в других городах. Принципы работы наметил сам Соколов. Среди них: исключительно офицерский состав организации, группировка офицеров по родам оружия, подбор кадров сверху вниз, вследствие чего подчиненным должны были быть известны только их ближайшие начальники и наоборот²¹⁵⁷. В Москве планировалось подготовить кадр двух дивизий (групп), в каждой из которых формировался кадр четырех пехотных и одного кавалерийского полка (команд). Также формировалась артиллерийская бригада. Пехотные полки предполагались трехбатальонного состава, кавалерийские и артиллерийская бригада — трехдивизионного. Батальоны состояли из четырех рот, дивизионы — из трех эскадронов или батарей. В ротах предусматривались командир и 5 младших офицеров, в эскадронах и батареях — командир и 6 младших офицеров. Штабы формировались от полкового уровня и выше и включали помощника командира (в дивизии — начальника штаба) и офицера связи. По свидетельству Соколова, до четверти этого плана было реализовано, но в связи с мобилизацией бывших офицеров в Москве осталось только около 70 подпольщиков. Каждые полторы-две недели руководители подполья собирались на заседания в составе трех человек

²¹⁵⁴ В воскресном номере 42^н «Известий» от 23 февраля, на стр. 3, внизу, 5–6 столбцы, помещен декрет об амнистии для красноармейцев по случаю годовщины Красной армии. Не могу ли быть подведенным под декрет ввиду вышеизложенного и как состоящий на службе в учреждениях, подведомственных Всероссийскому главному штабу? В таком случае, кому о том должен подать прошение? (примеч. В.И. Соколова).

²¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 254. Л. 77–77об.

²¹⁵⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 21. Л. 350об.

²¹⁵⁷ Там же. Л. 351.

в разных условленных местах. Непосредственно военные вопросы обсуждались с начальниками дивизий, начальником организации, начальником штаба и офицером для поручений²¹⁵⁸. Из протокола неясно, кто значился руководителем организации, если Соколов был лишь начальником штаба. О Стогове там не упоминается. Связь с Добровольческой армией Соколов также отрицал. Отрицал он и какую-либо разведывательную работу, поскольку «доставлявшиеся по желанию кружка некоторыми членами организации сведения, заимствованные из канцелярии частей или учреждений, где эти члены состояли на официальной службе, через начальников дивизий поступали в штаб организации, на мой взгляд, все такие сведения не принадлежали к числу сколько-нибудь имеющих значения... пользы от таких сведений никакой не было. Каких-либо чрезвычайных мер к получению секретных сведений не принималось. Никакой пропаганды в Красной армии состоявшими в ней офицерами организации не велось»²¹⁵⁹. Все это говорилось совершенно серьезно. Соколов фактически представлял офицерское подполье как некий, почти легальный клуб по интересам, имевший целью будущее укрепление армии и возможную борьбу с немцами.

Арестованные заговорщики даже не запирались. Инспектор ГУВУЗа А.А. Ткаченко, арестованный 1 апреля 1919 г., по поводу подполья (организаций правых эсеров и офицерской) сообщил следующее: «Организация (правоэсеровская. — А.Г.) сформирована в феврале 1918 г. Цель ее — преемство власти. В февр[але] 1918 г. господство партии большевиков предполагалось непродолжительным (это совпало как раз с началом немецкого наступления вслед за заключением Брестского договора). Ввиду того, что междувластие всегда сопровождается анархией, для предупреждения ее и решено было подготовить организацию, которая и приняла бы на себя поддержание порядка. Активных действий отнюдь не предполагалось, и все инструкции партии (правых эсеров. — А.Г.) предупреждали о необходимости самого строгого воздержания от всяких выступлений. Эта организация в действительности и не была замешана в каких-либо выступлениях. К июлю прошлого года эта организация распалась, а в октябре того же года была совершенно ликвидирована.

Меня выдал арестованный здесь же бывший генерал В.И. Соколов. Сношения с ним у меня были таковы: он знал о существовании право [э]с[е]р[ов]ской организации и, вслед за ее ликвидацией, предложил мне передать оставшихся от организации людей в его ведение. Я не мог это выполнить, так как непосредственных сношений ни с одной группой организации не имел. Сно[ша]вшееся с группами лицо в то время было арестовано.

Тот же Соколов предлагал мне вступить в его организацию, на что с моей стороны последовал категорический отказ. По существу дела я никакой активной роли в организации не играл, партии [э]с[е]р[о]в собственно нужно было мое имя, как начальника революционного штаба в Москве в Февральскую революцию 1917 г. С октября прошлого года, т.е. уже более полугода я никакого отношения ни к каким политическим партиям и явным и тайным организациям не имел»²¹⁶⁰.

²¹⁵⁸ Там же. Л. 351–351об.

²¹⁵⁹ Там же. Л. 352.

²¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 257. Л. 104–104об.

В ночь на 2 апреля был арестован бывший генерал Б.А. Левицкий. 8 апреля он обратился с заявлением в политический Красный Крест, в котором сообщал: «Я был арестован у себя на квартире в ночь с 1 на 2 апреля с.г. и отвезен в особый отд[ел] ВЧК (Мал[ый] Знаменский пер., 3), где 3го апреля вечером меня вызвали к допросу. Нач[альник] следств[енного] отделения Фельтман²¹⁶¹ сказал мне, что приезжал в Особ[ый] отдел главн[ый] комиссар Всер[оссийского] гл[авного] штаба Дзевялтовский и просил предъявить мне обвинение, что он, Фельтман, и делает — мне инкриминируется контрреволюция или, иначе говоря, как я понял, участие в контрревол[юционной] организации. Я на это ответил, что совестью не играл и не играю, а будучи беспартийным, служу тому правительству, которое сейчас в России. Меня спросили: 1) знаю ли я Ткаченко — на это я ответил (что в действительности и есть), что Ткаченко я видел два раза в жизни: первый раз — в штабе 8 армии (где он был нач[альником] опер[ативного] отделения), куда я приехал с поручением от нач[альника] 19 пех[отной] дивизии 27 сентября 1914 года (в Польше (?) в д. Красивецк (?)) после штурма крепости Перемышля, и второй раз в помещении для арестованных при Особ[ом] отдел[е] В.Ч.К., причем т.к. нас записывали вместе в книгу, то я узнал, что арестован Ткаченко, он меня не узнал и я его тоже, но, видя, что с ним привезли Георгиевское оружие, и зная, что Ткаченко в 8 армии имел Георг[иевское] оружие, я подошел к нему, представился и спросил, не он ли был в 8 армии, он ответил, что был, но меня не помнит. Я ему напомнил нашу встречу после штурма Перемышля, он тоже вспомнил и сказал, что я страшно переменялся, я должен был сказать ему то же, т.к. его совсем узнать нельзя. Второй вопрос был, знаю ли я Теодори, я сказал, что фамилию знаю, т.к. он играл крупную роль в опер[ативном] отделе Наркомвоен до переезда его в Серпухов и являлся определенным врагом старших выпусков Генер[ального] штаба в такой степени, что из-за него ушел из нач[альников] [Всероссийского] гл[авного] штаба Свечин, на которого он кричал, Теодори я никогда в жизни не видел. Третий вопрос был, кто у меня бывал из знакомых и у кого я бывал, я ответил, что средства не позволяли принимать, да квартира тоже (2 комнаты в мансарде), (два слова неразборчивы. — А.Г.) и доктор, который лечил жену, ее товарка артистка и больше никто, мы же почти нигде не бывали. Четвертый вопрос: кого я знал из старых генер[алов] хорошо (?) — я сказал, что меня знает Ник[олай] Мих[айлович] Потапов, которому я являлся при назначении в опер[ативное] управление, Ник[олай] Иос[ифович] Ратгэль, нач[альник] [Всероссийского] гл[авного] штаба, Мих[аил] Дм[итриевич] Бонч-Бруевич, которого видел последний раз в ноябре 1917 г. Вот и все, со многими старыми б[ывшими] генералами сталкивался по службе и как председ[атель] кооператива опер[ативного] упр[авления], к которому было много приписано. Я часто встречал недоброжел[ательное] отношение со стороны стар[ых] генералов, которые не могли мне простить, что я выскочка (произв[еден] в генералы во время революции). Сказал еще, что меня хорошо знает т. Дзевялтовский по работе в Центр[альной] комиссии по борьбе с дезертирством. Фельтман сказал, что отпустить меня нельзя скоро, что надо проверить мои слова и что следователь допросит меня подробнее. Этим окончился допрос, и 4го меня перевели в Бут[ырскую] тюрьму.

²¹⁶¹ Так в документе, правильно — Фельдман.

Я прошу пол[итический] Красный Крест: 1) Обратиться к знающему меня как честного работника тов. Дзевалтовскому, знающему меня также тов. Фаворскому (комис[сар] мобилизац[ионного] упр[авления] [Всероссийского] главн[ого] штаба, Инженерная (?), 26), моему помощнику в упр[авлении] делами Рев[олюционн]ого воен[ного] сов[ета] Респ[ублики] т. Некрасову, котор[ый] знает меня, бывшему члену Центр[альной] комисс[ии] по борьбе с дезертир[ством] т. Аксенову (тел. 4-04-07), ныне находящемуся в распоряжении моск[овского] окруж[ного] военного комиссара, состоявшему для поручений при комиссии т. Алешину, ныне состоящему комиссаром следственной комиссии при артиллерийских складах в Кремле. — я полагаю, что т. Дзевалтовский в особенности, а также и другие указанные коммунисты согласятся взять меня на поруки из тюрьмы — ведь я же ни в чем не виноват — а до выяснения можно сидеть долго. 2) Прошу все указанное довести до сведения т. Дзевалтовского. № его телеф[она] 2-10-89 — этот гуманный человек поможет мне, я верю»²¹⁶². Исходя из этого заявления, можно предположить, что Левицкий на допросах разоблачен не был.

На фоне постоянных арестов руководителей московского подполья эффективность его работы выглядит сомнительно. На протяжении 1919 г. руководители военной организации бывшие генералы В.И. Соколов, Н.Н. Стогов, Б.А. Левицкий находились почти все время в заключении. После ареста Стогова руководителем организации стал генштабист С.А. Кузнецов как начальник кадра 2-й дивизии организации, состоявшего всего из 20 человек²¹⁶³. Именно Кузнецов теперь поддерживал связь со Щепкиным. После ареста Кузнецова вопрос о руководителе военной организации был оставлен открытым, так как авторитетных военачальников для этого не было, а фактическое руководство организацией по согласованию со Щепкиным взял на себя начальник штаба В.В. Ступин²¹⁶⁴. Немаловажно, что все руководители и начальники штаба военной организации были в прошлом офицерами Генерального штаба.

Ступиным был разработан план захвата Москвы. В общих чертах этот план сводился к следующему. Выступление должно было начаться в Лефортовском и Бутырском районах с целью захвата дислоцированных там броневиков. Затем предполагалось поднять воинские части по соседству и сформировать колонны для наступления на район Кремля. По маршруту трамвая «Б» (Садовое кольцо) планировалось организовать внешнее кольцо обороны на случай неудачи в центре²¹⁶⁵. Но если разведывательная работа, прием и перенаправление белых курьеров с фронта на фронт в таких условиях еще как-то могли выполняться, то есть все основания сомневаться в возможностях организации рассчитывать на успешное вооруженное выступление в Москве в связи с приближением белых. По оценке Ступина, военная организация при выступлении могла рассчитывать на 300–400 ударников и сочувствующих²¹⁶⁶. Подпольщики надеялись на преподавателей и слушателей Высшей стрелковой школы (Кусково), Высшей школы

²¹⁶² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 136а. Л. 66–66об.

²¹⁶³ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 182, 379.

²¹⁶⁴ Там же. С. 182, 212.

²¹⁶⁵ Подробнее см.: Там же. С. 172–173, 183–186, 190.

²¹⁶⁶ Там же. С. 184.

военной маскировки (Кунцево), окружной артиллерийской школы (Лефортово, позднее — Мертвый переулок), а также на группу в 60–70 человек из 35-го железнодорожного полка.

Участники политической организации обоснованно сомневались в возможностях успешного вооруженного восстания, были против него и даже считали его «полным безумием»²¹⁶⁷. Сам Щепкин отмечал, что у организации не будет сил контролировать Москву, даже если большевики оставят столицу без борьбы²¹⁶⁸, на что, естественно, рассчитывать не приходилось. К тому же у организации почти не было оружия. В этой связи некоторые члены политической организации были склонны считать Ступина авантюристом²¹⁶⁹. По мнению одного из членов военной организации, большинство состояло в ней только из-за жалованья²¹⁷⁰.

Что касается разведывательной работы московского подполья, то ущерб Красной армии от нее, вопреки утверждавшемуся в советской историографии²¹⁷¹, был невелик. По оценке члена РВСР С.И. Гусева, документы, изъятые у Щепкина, свидетельствовали об отсутствии у подпольщиков выходов на крупных штабных работников, поскольку добытые материалы в большинстве своем были запоздалыми, малоценными или неточными²¹⁷².

Заговор или изощренная провокация?

Лучше понять логику раскрытия военной организации «Национального центра» позволяет хроника событий (см. табл. 67).

Ключевой и полностью объективной информацией для понимания логики событий и последовательности раскрытия военной организации «Национального центра» являются даты арестов. К сожалению, точные даты многих из них еще не известны. Но имеющейся информации достаточно, чтобы обратить внимание на многочисленные нестыковки. Так, один из руководителей ВЧК, член постоянного Президиума ВЧК и начальник следственного отдела Г.С. Мороз еще 30 июня 1919 г., т.е. за два месяца до московских арестов, на заседании комитета РКП(б) городского района Москвы рассказал о том, что чекистами «только что» раскрыты несколько контрреволюционных организаций Москвы, в том числе «Объединенная офицерская организация» или «Национальный союз»²¹⁷³. Во главе организации стоял, по данным Мороза, кадет Огородников. Подпольщиков поддерживала кадетская партия. Понятно, что речь шла о «Национальном центре». Однако непонятно, почему организация была раскрыта, а ее участников не арестовывали еще два месяца.

²¹⁶⁷ Всероссийский Национальный Центр. С. 505, 517; Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 311, 359.

²¹⁶⁸ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 158.

²¹⁶⁹ Там же. С. 380.

²¹⁷⁰ Там же. С. 397, 399.

²¹⁷¹ *Остряков С.З.* Военные чекисты. М., 1979. С. 52–53.

²¹⁷² Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 276–280.

²¹⁷³ МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии (1918–1921 гг.): Сб. док. М., 1978. С. 156.

**Таблица 67. Хроника раскрытия московской военной организации
«Национального центра»**

Дата	Событие
03.11.1918	Арест Н.Н. Стогова и В.Л. Варгенбурга
Не позднее 15.11.1918	Освобождение Н.Н. Стогова
08.12.1918	Освобождение из-под ареста П.М. Мартынова
09.02.1919	Арест В.И. Соколова и В.И. Селивачева
10.02.1919 и 13.02.1919	Допросы В.И. Соколова
20.02.1919	Арест П.М. Мартынова
02.1919	Второй арест В.Л. Варгенбурга
12/23.03.1919	Арест Г.И. Теодори
01.04.1919	Арест инспектора ГУВУЗа А.А. Ткаченко по показаниям В.И. Соколова
В ночь на 02.04.1919	Арест Б.А. Левицкого
13.04.1919	Второй арест Н.Н. Стогова
Середина 04.1919	Второй арест В.И. Селивачева
11.05.1919	Запрет Н.Н. Стогову переписки и передач
02.06.1919	Арест С.А. Кузнецова
18.07.1919	Перевод Н.Н. Стогова из Бутырской тюрьмы в концлагерь
Не позднее 21.07.1919	Освобождение В.И. Селивачева
25.07.1919	Освобождение П.М. Мартынова
27.07.1919	Задержание штабс-капитана Н.П. Крашенинникова в селе Вахрушево Слободского уезда Вятской губернии с миллионом рублей для московского подполья
08.08.1919	Отправка Вятской ГубЧК Н.П. Крашенинникова в Москву
16.08.1919	Бегство Н.Н. Стогова из концлагеря, переход на нелегальное положение
18.08.1919	Ф.Э. Дзержинский назначен председателем Особого отдела ВЧК
22.08.1919	Доклад заместителя председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновского В.И. Ленину о раскрытии антисоветского подполья в Москве и о начале арестов по возвращении Ф.Э. Дзержинского из Петрограда
23.08.1919	Распоряжение В.И. Ленина об организации массовых арестов по делу московского подполья
В ночь на 29.08.1919	Массовые аресты по делу «Национального центра» в Москве, третий арест П.М. Мартынова
Середина сентября 1919	Расстрел части арестованных
В ночь на 19.09.1919	Аресты членов военной организации «Добровольческая армия Московского района», разоружение Высшей стрелковой школы, Высшей школы военной маскировки и окружной артиллерийской школы, арест В.В. Ступина
18.09–04.10.1919	Аресты членов военной организации «Добровольческая армия Московского района»
21.09.1919	Доклад Ф.Э. Дзержинского ЦК РКП(б) о ликвидации антисоветского подполья в Москве
24.09.1919	Доклад Ф.Э. Дзержинского на Московской общегородской конференции РКП(б) по тому же вопросу
13.12.1919	Четвертый арест П.М. Мартынова

Еще удивительнее то, что о существовании «Национального центра» даже в марте 1919 г. был вполне осведомлен Ф.Э. Дзержинский²¹⁷⁴. Это не вяжется с чекистской репрессивной практикой того времени, когда для перестраховки было спокойнее арестовать и держать в заключении потенциального контрреволюционера, возможно даже невиновного, чем допускать малейшую вероятность контрреволюционных действий.

Обращает на себя внимание и тот факт, что руководители военного подполья, Соколов, Левицкий и Стогов, были арестованы ранее остальных фигурантов дела военной организации «Национального центра» — зимой (Соколов) и весной (Стогов, Левицкий) 1919 г., тогда как по официальной версии ликвидация «Национального центра» и его военной организации относится к лету—осени 1919 г. Удивительно и то, что Стогову и Левицкому удалось освободиться из заключения. Последним из военных руководителей организации был арестован Ступин. Однако вскоре он почему-то был освобожден и, как ни в чем не бывало, продолжил службу в Красной армии в качестве штатного преподавателя Высшей советской школы штабной службы, хотя, казалось бы, избалованного матерого белого подпольщика не следовало подпускать к молодым красным командирам на пушечный выстрел²¹⁷⁵.

Не менее любопытно то, что многие фигуранты дела «Национального центра» арестовывались в 1918–1919 гг. неоднократно, причем их аресты совпадали по времени. Так, знакомый Стогову Вартенбург был арестован в ноябре 1918 г. и повторно в феврале 1919 г. 20 февраля был арестован еще один обвиняемый по делу военной организации, П.М. Мартынов²¹⁷⁶. В феврале же арестовали Соколова. Мартынов передавал Соколову информацию о Красной армии, которую получал от Левицкого. 25 июля он был освобожден и вновь оказался под стражей уже 29 августа вместе с основной массой арестованных по делу «Национального центра». Деятели кадетской партии, входившие в руководство подполья, были прекрасно известны чекистам, многие также прошли через несколько арестов — например, активный участник антибольшевистского подполья Н.А. Огородников. Можно даже выделить несколько периодов групповых арестов деятелей московского подполья, связанных с «Национальным центром». В 1918 г. — ноябрь—декабрь. В 1919 г. — февраль—апрель и август—сентябрь.

²¹⁷⁴ Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: Док. / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 112.

²¹⁷⁵ Такие же поразительные трансформации относятся к истории разоблачения петроградского подполья. К примеру, там не понес серьезного наказания один из главных деятелей подполья — знаменитый провокатор и двойной агент с дореволюционным стажем И.Р. Кюрц, скорее всего, являвшийся тайным осведомителем ВЧК в белом подполье. Спасшиеся подпольщики во внутренней переписке сообщали, что петроградская организация была полностью выдана, по всей видимости, Кюрцем: «Но анализировать дела, изучать переписку следователям некогда. Вот почему так неверно и неполно было представлено дело октябрьского заговора, и это даже при условии выдачи кем-то (вероятно, Кюрцем (так в документе. — А.Г.)) и главарей и документов. Расчет тут такой. Сделаем тысячу обысков, арестуем 300, а то и 1000 человек, из них человек 20 будут контрреволюционерами, которых нам удастся избаловать, про 980 мы говорить не будем, но про двадцать мы протрубим во всех газетах, нас прославят как всезнаек и устрашатся» (Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). David D. Grimm Papers. Box 3. Folder 1). Ничто не противоречит подобному развитию событий и в Москве.

²¹⁷⁶ Подробнее о Мартынове см. очерк «Через красную Россию: тайная миссия генерала В.Е. Флуга» в настоящем издании.

По официальной ведомственной версии, «Национальный центр» был раскрыт летом–осенью 1919 г., сначала в Петрограде, а затем и в Москве в связи с провалом курьеров из антибольшевистских армий, а также по совершенно абсурдным случайным причинам²¹⁷⁷. Эта версия вызывает серьезные сомнения, поскольку не дает ответа на ряд вопросов принципиального характера. Например, почему чекисты не смогли установить причастность Стогова, Вартенбурга, Мартынова и других к подполью при их первых арестах в конце 1918 – начале 1919 г.? Если же смогли, то почему белое подполье не было ликвидировано уже весной 1919-го или в начале лета?

Несомненно, одним из ключевых источников информации о подпольщиках стал бывший генерал Соколов. Объяснение причин освобождения других арестованных из мест лишения свободы может быть двояким. Самым простым ответом может служить то, что чекисты не смогли разоблачить заговорщиков и отпустили их. Однако более вероятен второй вариант. Особый отдел ВЧК смог разобраться, кто из арестованных был действительно причастен к подполью. После этого арестованные были принуждены к сотрудничеству с ВЧК и отпущены для внедрения в подполье в качестве информаторов и провокаторов, которые бы подталкивали своих прежних товарищей по борьбе к различным необдуманым поступкам, позволявшим их арестовывать. Непримиримы, которых нельзя было склонить к сотрудничеству, были отпущены (либо получили возможность скрыться, как Стогов²¹⁷⁸) для самого плотного надзора за ними со стороны чекистов, проверки их связей, ареста и выявления других подпольщиков. По этим причинам можно предположить, что раскрытие «Национального центра» произошло не одномоментно (как излагается в официальной версии ВЧК), а шло постепенно на протяжении большей части 1919 г. Такая версия объясняет невероятные факты освобождения из мест лишения свободы некоторых видных заговорщиков.

Сомнительно, чтобы чекисты не могли добиться ни от одного из руководителей заговора признательных показаний. Логичнее предположить, что чекистам было удобнее контролировать известных им московских подпольщиков, которые давно вследствие инфильтрации организации секретными сотрудниками находились под колпаком (о большом количестве провокаторов в военных подпольных организациях свидетельствовал сотрудничавший с «Национальным центром» С.П. Мельгунов²¹⁷⁹). Если же организация находилась под контролем ВЧК, трудно представить, чтобы она могла нести сколько-нибудь серьезную угрозу большевистскому режиму. Когда ситуация на Южном фронте обострилась и вероятность вооруженного выступления в Москве на фоне успехов войск А.И. Деникина стала более реальной, были проведены массовые аресты, носившие характер устра-

²¹⁷⁷ Увлекательные, но не вызывающие доверия истории о бдительных гражданах, случайно обнаруживавших тех или иных заговорщиков, что в итоге привело к раскрытию всей организации, довольно распространены как в отношении московского, так и в отношении петроградского подполья: *Корнатовский Н.А.* Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918–1919 гг. Л., 1972. С. 84; *Кутузов В.А., Лене-тюхин В.Ф., Седов В.Ф., Степанов О.Н.* Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. С. 404–405; *Мальков П.Д.* Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 343–345; *Фомин Ф.* Записки старого чекиста. М., 1964. С. 127; *Он же.* Записки чекиста // *Нева* (М.; Л.). 1957. № 12. С. 140–141.

²¹⁷⁸ Маловероятно, однако, чтобы в планы органов госбезопасности входило его дальнейшее бегство к белым.

²¹⁷⁹ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 86.

шения. Эту версию подкрепляет то, что в список расстрелянных от 23 сентября 1919 г. для усиления эффекта были включены участники кронштадтского подполья, репрессированные еще в июле, а также то, что генштабист С.А. Кузнецов, расстрелянный по этому делу, был арестован еще 2 июня 1919 г.²¹⁸⁰ — за три месяца до начала громких разоблачений.

Бегство Стогова

Генштаба генерал-лейтенант П.С. Махров впоследствии вспоминал рассказ Стогова о его жизни в Советской России и побеге: «Он вынужден был поступить на военную службу к большевикам. У него была большая семья: жена и пятеро детей, из которых старшему мальчику было двенадцать лет. Надо было их кормить и одевать. Жизнь в Москве для Стогова была чрезвычайно тяжелой, особенно в моральном отношении. Когда белые взяли Орел, смятение было невероятное. Население Москвы ожидало с затаенной радостью, что столица вот-вот будет освобождена. Троцкий неистовствовал, стремясь восстановить порядок в стране и армии.

Когда добровольцы заняли Киев, Стогов решил уехать в Белую армию. При содействии верных людей ему удалось устроиться, конечно, с подложными документами, в санитарном поезде, следовавшем в Киев. При проверке документов ему порой приходилось переживать жуткие минуты. Наконец, 14 ноября Стогов оказался в Ростове и вздохнул свободно. Его лично знал Деникин, с которым они вместе слушали курс в академии, а затем служили офицерами Генерального штаба в Варшавском военном округе. Во время войны 1914 года и Деникин и Стогов служили в 8-й армии Брусилова. Деникин встретил Стогова очень приветливо и назначил его начальником по созданию укрепленных позиций в районе Ростова»²¹⁸¹. Впрочем, это свидетельство не отличается точностью.

Доклад Стогова раскрывает подлинные обстоятельства его бегства из Советской России, которые до сих пор известны не были²¹⁸². 18 июля Стогов был переведен в Андрониевский монастырь, в котором располагался концлагерь. Режим в лагере был достаточно либеральным — заключенных отпускали на работу, им давали отпуска, разрешали петь молитвы. Затем Стогова перевели в Ивановский лагерь до конца Гражданской войны. Здесь он записался на работы по разгрузке барж с дровами, а позднее устроился разбирать библиотеку. 16 августа он отправился домой и в лагерь не вернулся. После бегства Стогов побывал на квартире у члена военной организации А.Е. Флейшера²¹⁸³. Однако время было беспокойным: период августа–сентября в Москве был ознаменован массовыми арестами по делу «Национального центра». В чекистской засаде на квартире политического

²¹⁸⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 266. В советской литературе утверждалось, что его арест произошел в сентябре (Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1. С. 293).

²¹⁸¹ Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 110.

²¹⁸² Как следствие, данные об этом периоде жизни и деятельности Стогова в справочных изданиях не всегда точны. Напр.: Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии: Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 2. С. 451.

²¹⁸³ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 407.

руководителя организации Н.Н. Щепкина были арестованы жена и сын генерала (Стогов являлся главой большого семейства, в семье было пятеро детей — Татьяна, Надежда, Николай, Екатерина и Ольга²¹⁸⁴). Тот факт, что сведения об аресте близких стали известны Стогову, свидетельствует о его контактах с подпольщиками уже после начала массовых арестов. По некоторым данным, жена Стогова была позднее казнена.

Генералу стало ясно, что, если он попадет, с ним миндальничать не станут, припомнят былые подозрения и побег из лагеря. Видимо, тогда возник замысел бежать через линию фронта к белым. Этому решению способствовали тяжесть и риск нелегальной жизни в Москве на протяжении двух месяцев в обстановке регистраций и облав. Генерал скрывался на окраинах города. В частности, он упоминал о том, что пять дней прожил в районе Перовских мастерских Московско-Казанской железной дороги. Стогов был вынужден зарабатывать на хлеб физическим трудом. При этом он продолжал подпольную работу, готовил восстание, которое, видимо, должно было начаться при подходе войск Деникина к Москве. В целях подготовки вооруженного выступления против большевиков он установил связь с дезертирами, скрывавшимися в Волоколамском уезде Московской губернии²¹⁸⁵. По свидетельству Стогова, их насчитывалось в начале сентября 1919 г. до 6000 человек, что можно считать крупной силой. Впрочем, поднять их на выступление не удалось.

Когда стала очевидна призрачность надежд на восстание, Стогов решил бежать. Его побег был смелым и дерзким поступком. Благодаря этому Стогов спасся и не был расстрелян вместе с другими причастными к заговору. По-прежнему вызывает вопросы то, как Стогову удалось бежать и какова была его истинная роль в белом подполье. Если он был значим для чекистов, то неясно, почему его плохо охраняли и перевели из Бутырской тюрьмы в лагерь. По мнению М.Д. Бонч-Бруевича, «больших наших секретов, представляющих интерес для белых, он не знал, да и не был к ним допущен. Если бы он преследовал такого рода шпионские цели, то должен был еще не один месяц просидеть в штабе... И все-таки он оказался презренным перебежчиком. Но я и сегодня не могу в точности понять, почему он это сделал»²¹⁸⁶.

Для побега подобрался и подходящий попутчик — подполковник Н.Н. из Ставки адмирала А.В. Колчака, также пробиравшийся к Деникину. К сожалению, пока не удалось установить личность спутника Стогова. Нелегалы выехали из Москвы в Брянск на поезде, после чего пробирались к линии фронта на поездах и пешком, двигаясь на юг и юго-запад от Брянска через Навлю и Зерново, а далее в направлении Рыльска. Линия фронта проходила в 25 верстах перед Рыльском. Благополучно перейдя к своим, Стогов добрался до Льгова, а далее от Ворожбы в агитационном вагоне Освага приехал в Харьков, после чего направился в Ставку

---

²¹⁸⁴ Позднее сослуживцам Стогова по архивному ведомству предъявляли обвинения в сборе денег для детей бежавшего к белым бывшего генерала. Собранные деньги были переданы сыну Стогова Николаю (Российский государственный военно-исторический архив. История в документах. 1797–2007. М., 2011. С. 886).

²¹⁸⁵ В Волоколамский уезд для связи с зелеными в конце августа 1919 г. ездил и В.В. Ступин (Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 412, 432–433, 487, 496, 498).

²¹⁸⁶ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. С. 287–288.

Деникина. Познав на собственном опыте методы борьбы большевиков с их противниками, Стогов советовал Деникину в целях борьбы с большевиками не отменять «ни одно, даже самое дикое с общечеловеческой точки зрения мероприятие».

Маховик репрессий

В совершенно секретном докладе одного из белых подпольщиков подполковника Иванова от 21 октября (3 ноября) 1919 г., адресованном начальнику разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР, сообщалось, что ко второй половине октября 1919 г. «военная организация Национального центра совершенно разгромлена, из главных остались лишь ген[ерал] Стогов и ген[ерал] Б.А. Левицкий. Ген[ерал] Стогов неработоспособен и в данное время скрывается. Все шифры, находившиеся у Н.Н. Щепкина, попали в руки большевиков и пользоваться ими нельзя»²¹⁸⁷. Левицкий планировал создавать в Москве новую военную организацию и ожидал указаний Деникина. Автор доклада отмечал, что «в настоящее время ему (Левицкому. — А.Г.) удастся доставать сведения с большим трудом, так как все, дававшие сведения, необычайно запуганы расстрелами, так, что приходится действовать иногда даже угрозами, что не дающих сведений будут вешать белые. За генералами и другими крупными чинами, находящимися на большевической²¹⁸⁸ службе, Левицкий следит, насколько они приносят пользу большевикам и насколько они усердно работают»²¹⁸⁹.

О раскрытии «Национального центра» и методах работы ВЧК агент сообщал следующее: «Расстрел 1.000 человек произошел потому, как мне говорил один крупный чин В.Ч.К. (контролер над следователями Секретного отдела В.Ч.К. Филиппов Алексей Фролович), что, когда большевиками были раскрыты заговоры Национального центра и на Курсах (Школе маскировки в Кунцеве, Пулеметной школе в Кускове и двух других) и одновременно была брошена в них бомба²¹⁹⁰, они окончательно растерялись и, чтобы уничтожить все имеющиеся заговоры, они в несколько дней арестовали, почти без разбора, несколько тысяч из разных слоев населения и расстреляли около 1.000. Затем список расстрелянных они опубликовать испугались, и на секретном совещании в В.Ч.К. решено было красного террора не объявлять и расстрелы прекратить. Сейчас заговоров они мало боятся... Чрезвычайка научилась за последнее время очень хорошо разыскивать, провокация страшно развита, и на службе у нее состоят даже гвардейские офицеры, которые легко проникают в контрреволюционные кружки и заговоры, а потом выдают. Обыски бывают очень тщательны. Простят курьерам ничего не зашивать, так как у подозрительных пассажиров разрезают одежду на мелкие куски и находят зашитое. Способ писать серной кислотой большевикам также известен.

²¹⁸⁷ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Vrangal Collection. Box 39. Folder 1.

²¹⁸⁸ Так в документе.

²¹⁸⁹ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Vrangal Collection. Box 39. Folder 1.

²¹⁹⁰ Имеется в виду взрыв в помещении Московского городского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке 25 сентября 1919 г.

Также просят присылать самых надежных людей, которые бы даже при пытках, которые они применяют, не выдавали бы»²¹⁹¹.

Сохранилось свидетельство коменданта Московского Кремля П.Д. Малькова о том, как он в связи с этим делом арестовал в сентябре 1919 г. по указанию Ф.Э. Дзержинского двух преподавателей кремлевских курсов, в том числе одного неизвестного генштабиста. Если военспец-строевик выглядел достойно, то безвестный генштабист вызвал у балтийского матроса Малькова отвращение: «Когда объявил, что он арестован, руки у него затряслись, губы задрожали:

— Товарищ комендант, пощадите. Ради Христа. Все скажу. Ей-богу, сам скажу. Я не виноват, запутали...

Этот был противен. Он лгал, изворачивался, подличал. Мерзость, а не человек»²¹⁹². К сожалению, неизвестно ни о ком идет речь, ни то, достоверна ли эта история.

23 сентября в центральных газетах был опубликован список 67 расстрелянных по делу «Национального центра»²¹⁹³. Расстрелянных в Москве похоронили в двух братских могилах на Калитниковском кладбище²¹⁹⁴. Впрочем, список расстрелянных содержал неточности. Не был указан в списке расстрелянный по кронштадтскому делу писарь кронштадтского порта эсер В.Я. Кулеш. П.М. Мартынов был расстрелян не тогда, а позднее и после следующего ареста. Служащие в Кронштадтской крепости и на Балтийском флоте, наоборот, были арестованы и расстреляны значительно раньше — еще в первой половине июля 1919 г., причем проходили по другому делу²¹⁹⁵. Среди московских подпольщиков ходил слух о том, что Б.И. Евреинов не был расстрелян, а, наоборот, освобожден подкупленными чекистами²¹⁹⁶. Вопрос о реальных связях петроградского и московского подполья, участники каждого из которых вошли в список расстрелянных, остается до конца не проясненным. Из 67 человек непосредственно с военной организацией были связаны не менее 41. Их должностное положение, а также обвинения в их адрес были следующими (см. табл. 68).

---

²¹⁹¹ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Vrangl Collection. Box 39. Folder 1.

²¹⁹² Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. С. 349–350.

²¹⁹³ Известия ВЦИК. 1919. 23 сент. № 211 (763). С. 1. В списке значились: Александров, Алексеев Н.И., Алферов А.Д., Алферова А.С., Андронников М.М., Антипов М.Н., Ануров А.М., Астров А.И., Астров Б.В., Астров В.И., Будкевич А.В., Веселов, Волков А.А., Греков П.В., Григорьев Л.Ю., Грицай С.А., Дембовецкая В.Д., Дмитриев А.А., Дорошевская К.Н., Евреинов (Иевреинов) Б.И., Ивашкевич Н., Ионас Н.К., Истомин И.И., Кильвейн, Князьков С.А., Конопко-Мухин Б.Ф., Константинов К.М., Кравец Ф.А., Крашенников Н.П., Кряжина А.Е., Кузнецов С.А., Лагучев С.Д., Ливанов А.А., Мартынов П.М., Махов М.М., Недельский А.А., Николаев В.Н., Оболенский М.В., Огородников А.Н., Огородников Н.А., Пегов И.И., Разин, Рыбалтовский А.Ю., Свирчевская З., Селинг (Селлинг) С.А., Семечкина Л.В., Соковнин Н.К., Сухов Г.Н., Тахтарев В., Теодорович Б., Тимофеев М.М., Турбович А.М., Уманский, Филиппов М.Л., Цехановский В.Н., Черносвитов К.К., Шварц Г.В., Шепляков, Шипков Б.Н., Шишков, Штейнингер В.И., Штейнингер К.И., Штромберг А.А., Шутов, Щепкин Н.Н., Юрьева Е.И., Якубовская М.А. Сведения уточнены по имеющейся справочной литературе.

²¹⁹⁴ Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 68.

²¹⁹⁵ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сб. док. М., 1958. С. 312; Плеханов А.А., Плеханов А.М. Железный Феликс: белые пятна в биографии чекиста. М., 2010. С. 169–170; Ф.Э. Дзержинский. С. 133.

²¹⁹⁶ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 340.

**Таблица 68. Список расстрелянных в связи с делом военной организации
«Национального центра»²¹⁹⁷**

Ф.И.О.	Должность, социальный статус, последнее воинское звание	Обвинение
Алексеев Николай Иванович	Бывший генерал-майор	Отправка офицеров к А.И. Деникину
Антипов Михаил Николаевич	Окончил морской кадетский корпус, бывший штабс-капитан, служащий Сестрорецкого пункта разведывательного отдела Петроградского окружного военного комиссариата	Агент Н.Н. Юденича
Григорьев Леонтий Ювентинович	Юрист, бывший офицер, начальник разведки 4-го пограничного дивизиона, сотрудник отдела разведки Петроградского окружного военного комиссариата	Сообщал сведения о расположении войск, на ведение разведки получил от Н.Н. Юденича 40 000 руб.
Дмитриев Август Александрович	Бывший Генштаба генерал-лейтенант, начальник инспекторского отделения штаба продовольственной армии (на 01.07.1919)	Отправка офицеров к А.И. Деникину
Дорошевская Ксения Николаевна	Дочь генерала от инфантерии Н.Ф. Дорошевского	При обыске найдено удостоверение отдела пропаганды Особого совещания А.И. Деникина
Евреинев Борис Иванович	Бывший капитан Лейб-гвардии Егерского полка	Казначей генерала М.М. Махова
Ионас Николай Константинович	Студент-юрист	Агент Григорьева
Истомин Иван Иванович	Юрист, бывший офицер, начальник связи N пограничного дивизиона	Сообщал сведения о тыловом расположении войск
Константинов Константин Михайлович	—	Участник военной организации. Отправка офицеров к А.И. Деникину
Кравец Федор Антонович	Окончил 5 классов кадетского корпуса. Служащий Сестрорецкого пункта разведывательного отдела Петроградского окружного военного комиссариата	Агент Н.Н. Юденича
Крашенинников Николай Павлович	Штабс-капитан	Агент А.В. Колчака, захвачен с 1 млн. руб. для «Национального центра» по адресам Н.Н. Щепкина и Алферовых
Кузнецов Сергей Алексеевич	Бывший Генштаба генерал-майор, штатный преподаватель академии Генштаба РККА	«Бывш[ий] ген[ерал] Ген[ерального] штаба, начальник оперативного отдела Всероссийского главного штаба. Получено радио от Деникина с ультимативным требованием об освобождении Кузнецова. Кузнецов имел связь со шпионом Юденича Гаймановым»

²¹⁹⁷ Известия ВЦИК. 1919. 23 сент. № 211 (763). С. 1; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1144. Л. 6–9; РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 39. Сведения уточнены по имеющейся справочной литературе.

Ф.И.О.	Должность, социальный статус, последнее воинское звание	Обвинение
Лагучев Сергей Деметьевич	Курсант Высшей школы военной маскировки	Соучастие
Мартынов Павел Маркович	Адъютант генерала Л.Г. Корнилова, бывший прапорщик	При обыске найден шифр «Национального центра»
Махов Михаил Михайлович	Бывший Генштаба генерал-майор, в резерве лиц командного состава при штабе армий Западного фронта (на 01.07.1919)	«Бывш[ий] генерал Ген[ерального] штаба, служил в Красной армии в штабе Зап[адного] фронта для связи с N армией, член “Нац[ионального] центра”, объединял деятельность всех военно-технических организаций при “Нац[иональном] центре”, являлся представителем Юденича). Попал в засаду на квартире петроградского инженера, члена кадетской партии В.И. Штейнингера — одного из руководителей петроградского отделения «Национального центра», арестован
Недельский Александр Андреевич	По официальному сообщению — бывший Генштаба полковник, помощник начальника оперативного отдела штаба Северной группы (в списках Генштаба не значится)	«Бывший полковник Ген[ерального] штаба, пом[ощник] нач[альника] оперативн[ого] отдела штаба северной группы, давал “Национальному центру” имеющиеся в оперативн[ом] отделе сведения о дислокации войск»
Николаев Владимир Николаевич	—	Участник военной организации. Отправка офицеров к А.И. Деникину
Пегов Иван Иванович	Бывший прапорщик, сын крупного московского домовладельца, дезертир	Соучастие
Свирчевская Зинаида	Прапорщик	Агент Деникина. Прибыла в Москву для координации действий московского военного подполья с Деникиным. При обыске найдены два удостоверения от отдела разведки Добровольческой армии
Соковнин Николай Константинович	Военный чиновник	Агент Н.Н. Юденича
Тимофеев Михаил Михайлович	По официальному сообщению — бывший подполковник Генштаба (в действительности такого генштабиста не было)	Для поручений при командующем N армией, сообщал о дислокации войск армии
Цехановский Василий Николаевич	Бывший офицер	Агент-резидент А.И. Деникина, на Южном фронте задержан и расстрелян курьер с донесением от Цехановского к Деникину
Шварц Георгий Вячеславович	Бывший юнкер	Арестован у Н.Н. Щепкина, агент А.И. Деникина, прибыл с инструкциями от зарубежной группы «Национального центра»

Ф.И.О.	Должность, социальный статус, последнее воинское звание	Обвинение
Шипков Борис Николаевич	Бывший подполковник, помощник комиссара железнодорожного Суджанского полка	Соучастие
Рыбалтовский Александр Юльевич	Бывший старший лейтенант, начальник штаба морской кронштадтской базы	Члены организации, готовившие восстание в районе Кронштадта
Будкевич Аполлинарий Викентьевич	Бывший капитан, начальник артиллерии крепости Кронштадт	
Веселов	Командир 10-й батареи порта, он же — командир форта	
Разин	Командир 2-го дивизиона крепости Кронштадт	
Шишков	Командир 4-го дивизиона	
Уманский	Командир 16-й батареи 2-го дивизиона	
Шутов	Командир 4-й батареи 3-го дивизиона	
Ануров Александр М.	Бывший мичман, инженер-механик миноносца «Достойный»	
Тахтарев Валериан	Бывший мичман, командир миноносца «Достойный»	
Теодорович Борис	Бывший мичман, помощник командира миноносца «Достойный»	
Ливанов Алексей А.	Бывший мичман, командир миноносца «Украина»	
Ивашкевич Н.	Помощник заведующего телефонной и дальномерной сетью	
Селинг (Селлинг) Сергей Александрович	Бывший лейтенант, штурман линкора «Петропавловск»	
Грицай Сергей Алексеевич	Бывший поручик, помощник главного корабельного инженера и заведующий дистанцией аварийных доков	
Кильвейн	Начальник хозяйственной части 3-й дивизии	
Шепляков	Командир батареи № 3 форта Риф	
Александров	Командир батареи № 1 форта Риф	

То, что список оформлен неряшливо, было очевидно уже современникам. Хотя не все замечания действительно заслуживали внимания. В частности, Л.Д. Троцкий телеграфировал Ф.Э. Дзержинскому 23 сентября: «В опубликованном сегодня в газетах списке расстрелянных под № 53 значит Свирчевская, прапорщик, агент Деникина, прибыла в Москву и пр. Ясно, что здесь какая-то путаница. Неточность в такого рода списках является в высшей степени досадной, так как неряшливости не может быть в перечне расстрелянных. Ошибка может наве-

сти читателей на мысль, что и расстрелы производились так же неряшливо...»²¹⁹⁸ Замечание председателя РВСР (который, видимо, считал, что женщин-офицеров не бывает) выглядит необоснованным, так как прапорщик Зинаида Свирчевская действительно существовала²¹⁹⁹. Она окончила Александровское военное училище в Москве в 1917 г. и вместе с подругами по выпуску уехала в Добровольческую армию. Прапорщицы были фанатично преданы Белой идее, участвовали в Первом Кубанском (Ледяном) походе, некоторые с огромным риском ходили на советскую территорию, выполняя разведывательные задания. Пожалуй, наиболее известными из этих выпускниц были три Зинаиды: разведчица и поэтесса Зинаида Иосифовна Готгардт, подпольщица Зинаида Свирчевская и неоднократно раненая Зинаида Николаевна Реформатская. Судьбы всех сложились непросто.

Массовость московских арестов конца лета 1919 г. создавала у образованных современников впечатление того, что власть пытается брать заложников. Ученик В.О. Ключевского историк Ю.В. Готье записал в своем дневнике 31 августа в связи с массовыми арестами по делу «Национального центра» в Москве: «Вчера в ночь произведены очень многочисленные аресты: Котляревский, Алферов, Д.Д. Плетнев, наша Юрьева, Кишкин; хотели арестовать И.А. Ильина, но он скрылся; говорят — Самарин, наверно Д.Н. Шипов; С.А. Первушин, Д.К. Будинов и даже Ю.И. Базанов. Везде обыски были вежливы; если сопоставить эти имена, то видно, что здесь дело идет о кадетах, о “видных” лицах, о бывших богатых людях; но почему попал Д.К. Будинов, почему арестовали таких кадеток, как мать и дочь Кареевы, или Нат[алья] Андр[еевна] Винкельман? Толкуют все это как взятие заложников; но надобно признать, что и с этой точки зрения их мероприятия не выдерживают критики»²²⁰⁰.

На следующий день Готье продолжил свои наблюдения: «Аресты, сделанные в пятницу, превосходят всякие вероятия: нахватили во всех кругах. По-видимому, арестованные исчисляются чуть ли не сотнями: брали кадетов, других партийных людей, заделали Религиозно-философское общество, теософов, присяжных поверенных, гг. бывших членов Совета — словом, нельзя даже уловить нитей, которыми руководились арестовывавшие, т.е. ВЧК. Общее впечатление все-таки, что берут заложников. Я думал и думаю о себе — так как невозможно уловить целей, то очень легко попасть в число жертв... постараюсь не ночевать дома — все-таки будет выигрыш времени. Уж очень бы не хотелось попадаться из-за двух причин: ведь все-таки возможно, что наступают их судороги, это одно; а другое — они будут очень злы и пропасть можно ни за полушку»²²⁰¹.

Аресты членов военной организации проходили и в сентябре. В ночь на 19 сентября прошло разоружение Высшей стрелковой школы в Кусково, Высшей школы военной маскировки в Кунцево и окружной артиллерийской школы. Тогда же был арестован В.В. Ступин²²⁰². В общей сложности по делу «Национального центра» было арестовано свыше семисот человек, десятки людей расстреляны. Арестами лично занимался первый заместитель Ф.Э. Дзержинского по руковод-

²¹⁹⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 433.

²¹⁹⁹ Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001. С. 280–281.

²²⁰⁰ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 306–307.

²²⁰¹ Там же. С. 307.

²²⁰² Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 18; Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. С. 350.

ству Особым отделом ВЧК И.П. Павлуновский. Дзержинский непосредственно участвовал в аресте Н.Н. Щепкина, а член коллегии ВЧК В.А. Аванесов — в аресте А.Д. Алферова²²⁰³. В раскрытии дела участвовал также комендант Московского Кремля П.Д. Мальков²²⁰⁴. Особое значение этому делу придавал В.И. Ленин, требовавший более массовых арестов. В своем докладе на Московской общегородской конференции РКП(б) Дзержинский утверждал, что в московском подполье состояло 800 кадровых офицеров²²⁰⁵. По свидетельству одного из членов «Национального центра», после разгрома военной организации «я знал только, что Стогов где-то скрывается и что есть какие-то отдельные участники, потерявшие уже между собою связь»²²⁰⁶. По свидетельству другого члена «Национального центра», после арестов военная организация была ликвидирована самими ее участниками²²⁰⁷.

По мнению высокопоставленного чекиста В.Р. Менжинского, раскрытие этого дела «открывает новую эпоху в работе Особого отдела ВЧК. До сих пор она носила партизанский характер: налетом, часто случайно, ловили отдельных белогвардейцев... а огульное зачисление всех военспецов в контрреволюционеры, чем страдали некоторые товарищи на местах, только затрудняло работу. Дело “Национального центра” дало ключ к раскрытию Московского заговора, а изучение последнего помогло раз навсегда покончить с партизанщиной в борьбе с военной контрреволюцией и твердо перейти к ее систематическому уничтожению»²²⁰⁸.

Впрочем, это дело еще таит в себе немало вопросов, на которые пока нет ответа. По наблюдению Я.Ю. Тинченко, дело военной организации «Национального центра», как и другие дела о контрреволюционных военных организациях, было построено чекистами по принципу «периферия — центр», что может свидетельствовать, по его мнению, в пользу фабрикации дела²²⁰⁹. Нельзя не отметить определенное сходство построения дела «Национального центра» с «делом» о заговоре в Полевом штабе РВСР, делом «Петроградской боевой организации» 1921 г. и делом «Весна» начала 1930-х гг. Показательно, что три последних в настоящее время признаны фальсифицированными, причем в отношении заговора в Полевом штабе это было признано уже в 1919 г., а в отношении двух других — в период реабилитации жертв политических репрессий. Соответственно, возникает вопрос об обоснованности дела «Национального центра» в том виде, в каком оно известно на данный момент из официальных источников. По крайней мере, в отношении связи московской организации и организаций в других городах.

---

²²⁰³ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М., 1977. С. 182.

²²⁰⁴ Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. С. 329–353.

²²⁰⁵ Ф.Э. Дзержинский. С. 142.

²²⁰⁶ Всероссийский Национальный Центр. С. 488.

²²⁰⁷ Там же. С. 495.

²²⁰⁸ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа “Весна”, 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 34.

²²⁰⁹ Там же. С. 36.

Добивание остатков

В конце 1919 – начале 1920 г. в Москве шло выявление остатков подполья. В архиве Гуверовского института удалось обнаружить интересное свидетельство на этот счет. В документах члена «Национального центра», известного юриста Д.Д. Гримма сохранилось письмо А.В. Карташеву, в котором есть следующие строки: «Глубокоуважаемый А[нтон] В[ладимирович], только что вернулся из Москвы. Там полный разгром последних остатков Н[ационального] Ц[ентра]. Многие арестованы случайно, заодно с другими задержанными специально по ордерам Сибирской и Харьковской Ч.К. Есть слух, что найдены в Сибири и Харькове компрометирующие бумаги, но вернее, что дело без провокации не обошлось. При обысках ничего не найдено. Но некоторые, не выдержав нравственных пыток, показали слишком много. Дело, вероятно, будет разбираться в апреле в Ревтрибунале. Арестовано... [слово зашифровано] оба Урусовы. Трубецкой отказался дать показания. Его посадили в темный карцер. Взяли сестер Водали. Сейчас он посажен в лучшие условия. Посажены Кизеветтер²²¹⁰, а недавно забрали совсем ни в чем с 1918 г. не участвовавшего. Прокоп Кольцов (я писал Б.) держал себя с достоинством и сумел внушить уважение даже хамам. Ему дали возможность читать лекции. Конечно, “дипломатам” это не очень нравится, говорят, как может академик — ученый ошибаться в отношении психологии масс и мешать кул[ьтуру] — быт — науч[ость]. Будущее покажет, кто вернее учитывал, если не настроение, то моральную силу. Подозрения провокации по отношению к Р (М), Н, А (О), Е²²¹¹ исчезли теперь. Об этом сказали при свидании, и [о]кол[о] пять тысяч²²¹² удалось спасти. Были сомнения, можно ли помогать арестованным или осужденным, не принадлежавшим к Н[ациональному] Ц[ентру]. Решили — да! Правильно? В данном случае имели в виду бедствующую семью Кузнецова и его самого. Вы его знаете? ..Тяжело писать этот синопсис, но еще тяжелее видеть целый квартал, занятый концентрационным лагерем, помнить о Бутырках, Крестах, переполненных заключенными там, наиболее ценными для России людьми, томящимися в ужасных условиях с риском испытать Киевский кошмар, где сотни трупов остались в тюрьмах и казематах, после одного из отступлений из Киева. Видевшие картину говорят, что такого ужаса они представить не могли. Конечно, диктатура и другого направления не обошлась бы без репрессий, моральные жертвы с той и другой стороны тяжелы. Но с объективной точки зрения жертвы от большевизма — большая потеря для страны, даже если не для самих диктаторов, то для их потомства. Гибнут через красный террор лучшие для культуры люди. Расстрелов сейчас нет, но для многих пребывание в лагерях, в Ч.К. и т.д. равносильно смертной казни: помилует ли сыпняк и вся обстановка, стоит указать хотя бы Д. Шипова²²¹³, заеденного

---

²²¹⁰ Кизеветтер Александр Александрович (10.05.1866–09.01.1933) — историк, политический деятель. Выслан из Советской России за границу (1922). Умер и похоронен в Праге.

²²¹¹ Очевидно, кодовые обозначения членов антибольшевистского подполья.

²²¹² Так в документе.

²²¹³ Шипов Дмитрий Николаевич (14.05.1851–14.01.1920) — политический деятель, один из лидеров земского движения, был одним из руководителей московского «Национального центра». Умер в заключении.

вшами. Несмотря на ослабление, таким образом, гнета, действие террора сказывается, таким образом, по-прежнему»²²¹⁴.

Судьба Стогова

После своего бегства к Деникину Стогов, по данным на 29 декабря 1919 г. (11 января 1920 г.), состоял в распоряжении начальника военного управления ВСЮР²²¹⁵. Как отмечал полковник А.А. фон Лампе, Стогов за период нахождения в Советской России сильно постарел²²¹⁶. По всей видимости, сказались нервное перенапряжение, аресты, допросы и подпольная работа. Впрочем, карьере Стогова у белых нельзя назвать головокружительной. По данным фон Лампе, началась даже травля перебежчика белым командованием²²¹⁷. Стогов занимал должность начальника укрепленной позиции у Ростова-на-Дону. Затем (с 18 (31) января 1920 г.) был начальником штаба Кубанской армии. С мая 1920 г. Стогов служил в качестве коменданта крепости Севастополь и командующего войсками армейского тылового района. Николай Николаевич был одним из организаторов эвакуации частей Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Севастополя в ноябре 1920 г. Эвакуация, благодаря распорядительности Стогова, была проведена образцово²²¹⁸. Известно, что 3 (16) ноября 1920 г. он покинул город последним. Менее чем через два часа в Севастополь вошли красные. Перед тем как навсегда покинуть родную землю, Стогов остановился, перекрестился и заплакал²²¹⁹.

В эмиграции Стогов поселился в Сербии (Земун), а затем перебрался во Францию (Париж). Работал на заводе, активно участвовал в деятельности военной эмиграции как помощник начальника (с 1928) и начальник (с 6 июля 1930 по 1934) военной канцелярии РОВС. С 1934 г. Стогов был председателем районного правления общества русских офицеров Генерального штаба в Париже. В феврале 1941 г. принял пост заместителя начальника 1-го отдела РОВС. В эмигрантские годы Стогов сотрудничал с журналом «Часовой», был вице-председателем (с 16 декабря 1934) и председателем Союза георгиевских кавалеров, заместителем председателя распорядительного комитета гвардейского объединения (с 1948) и представителем в нем от 3-й гвардейской пехотной дивизии. Николай Николаевич занимал и другие почетные должности. К примеру, был почетным председателем Союза российских кадетских корпусов, председателем объединения 3-й гвардейской пехотной дивизии (1949), заместителем председателя объединения Лейб-гвардии Волынского полка (на ноябрь 1951). Стогов прожил долгую и насыщен-

---

²²¹⁴ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). David D. Grimm Papers. Box 3. Folder 1.

²²¹⁵ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 440.

²²¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 111.

²²¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 59.

²²¹⁸ *Шатилов П.Н.* Памятная записка о крымской эвакуации // Октябрь 1920-го. Последние бои Русской армии генерала Врангеля за Крым / Сост. А. Дерябин. М., 1995. С. 100; *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. М., 1992. С. 423.

²²¹⁹ *Левитов М.Н.* Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 566; *Матасов В.Д.* Белое движение на Юге России. 1917–1920. Монреаль, 1990. С. 161.

ную жизнь. Скончался он в Париже 7 декабря 1959 г. и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Вызывает удивление то, что после бегства к белым сослуживцы Стогова почти не упоминали о подпольной работе генерала в Советской России. Насколько можно судить, в эмигрантский период Стогов не оставил подробных свидетельств о своей подпольной деятельности в период 1918–1919 гг. Свой взгляд на этот вопрос Стогов изложил в письме генералу В.В. Чернавину от 11 марта 1938 г.: «Не могу не сказать, что, по моему мнению, еще далеко не пришло время писать “всю историю”»²²²⁰. Вследствие такого взгляда на события тайной истории Гражданской войны многие важные вопросы до сих пор остаются без ответа, причем маловероятно, что когда-нибудь удастся обнаружить документы, позволяющие дать такой ответ.

Советская Россия глазами руководителя белого подполья

Значение свидетельства Стогова, сумевшего уцелеть и с немалыми трудностями выбраться с подконтрольной большевикам территории, трудно переоценить. Прежде всего, этот документ ценен тем, что в нем сам Стогов без давления чекистов, в спокойной для себя обстановке и не для широкой аудитории признает свою связь с московским «Национальным центром» и активную роль в белом подполье. Впечатление достоверности его доклада создает и то, что Стогов не рекламирует свою нелегальную работу, а пишет о ней как о чем-то само собой разумеющемся для его читателей — высших руководителей ВСЮР и сотрудников разведывательного отделения штаба главнокомандующего. Обнаружение этого документа и ряда других важнейших свидетельств из российских архивов дает возможность составить значительно более детальное представление как об антибольшевистском подполье в Советской России, так и о деятельности Стогова в 1918–1919 гг., чем было известно до сих пор.

При множестве довольно точных конкретных наблюдений о внутренней жизни Советской России, документ демонстрирует на удивление примитивный уровень понимания окружающей действительности генералом русской армии, человеком с высшим военным образованием, обладавшим немалым жизненным и боевым опытом. Стогов не в состоянии понять, кто такие большевики, в своих выводах генерал не идет дальше того, что они — лишь исполнители заданий мирового жидомасонства, больные люди, палачи и садисты. И хотя сегодня странно было бы отрицать, что среди большевиков были люди с изуродованной психикой, замаравшие себя различными зверствами (при том, что такие были и в антибольшевистском лагере), нельзя считать, что новая власть была представлена только ими. Подобный традиционализм и примитивизм миропонимания, конечно, резко снижал шансы командования белых на победу, как в нелегальной, так и в открытой борьбе. Не случайно большевики переиграли своих противников и в том, и в другом.

Вполне соответствует содержанию доклада портретная зарисовка Стогова, данная П.С. Махровым: «Я с вниманием слушал монолог Николая Николаевича

²²²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 274. Л. 1.

и смотрел на его типичное русское лицо с “православной” русской бородкой, в его небольшие глаза, светившиеся умом и добротой. За одиннадцать месяцев нашей разлуки он осунулся и похудел, но, как всегда, держался с военной выправкой — “бодро и молодцевато”. Только вот волосы и борода его посеребрились. Он был прежде всего человеком долга и горячим патриотом России <...> Он горячо любил свою “православную” Россию, считал ее превыше всех “басурманских” стран, был глубоко верующим и церковным человеком. Он не представлял себе России без “благочестивейшего и самодержавнейшего” и без “Патриарха Московского и всея Руси”. Всякая иная Россия воспринималась им как лишенная души. Все его существо покоилось на заветах родной старины. Однако было бы ошибочно считать его ретроградом. Это был человек образованный, знающий западные идеи, но, воздавая им должное, он всегда говорил: “Что немцу здорово, то русскому — смерть”»²²²¹.

При всем своем радикальном антибольшевизме и антисемитизме, Стогов нехотя дает высокую оценку Красной армии и порядкам, установленным в Советской России²²²². В проведении военной политики, по мнению генерала, большевики превзошли даже педантичных немцев. За некоторыми, вполне очевидными, исключениями, оценки Стогова достаточно точны. Особенно интересен замеченный Стоговым резкий контраст с белым Югом, где не было ни порядка, ни чистоты, не была налажена работа транспорта, а войска производили неприглядное впечатление из-за отсутствия дисциплины, нехватки обмундирования, ненадлежащего выполнения нижними чинами и офицерами своих обязанностей. Подобное свидетельство широко осведомленного о внутренней жизни каждого из противоборствующих лагерей военного профессионала, благожелательно настроенного к белым, можно считать беспрецедентным.

Интересно отметить не только те аспекты, которые охватывает доклад Стогова, но и то, что осталось за его рамками. Отсутствие отдельных сюжетов просто бросается в глаза. Например, почти ни слова не сказано по наиболее близкой Стогову теме — положению офицерства при большевиках и возможностям использования советских военных специалистов для тайной антибольшевистской работы. Отсутствует подробное изложение истории московского военного подполья. Вполне возможно, что эти вопросы были отражены в каком-то другом, пока неизвестном нам документе, который еще ждет своего исследователя и публикатора.

---

²²²¹ *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина. С. 112.

²²²² В качестве параллели можно отметить доклад о состоянии Красной армии бывшего командира 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии РККА полковника В.В. Котомина, перешедшего к белым на Восточном фронте летом 1919 г. В колчаковском лагере важные свидетельства перебежчика о колоссальных успехах военного строительства в Советской России, установлении там более строгой дисциплины, чем у белых, не были приняты всерьез и даже вызвали скандал, а сам Котомин приобрел репутацию большевика, хотя искренне желал победы белым. Для сравнения, доклад Котомина, позднее захваченный частями Красной армии, привлек к себе самое пристальное внимание высшего военно-политического руководства Советской России, в том числе В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Ф.Э. Дзержинского. Неудивительно, что победа осталась за теми лидерами, которые продемонстрировали большую дальновидность и готовность прислушиваться к разумной критике. Подробнее см.: *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 263; *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923.

Обнаружены два машинописных экземпляра доклада, каждый из которых подписан Стоговым. Резолюция на первом экземпляре за подписью «П.Х.» на документ наложена, видимо, Генштаба полковником В.Д. Хартулари, возглавлявшим агентурную разведку ВСЮР.

Помимо доклада Стогова публикуется еще один важнейший документ — подготовленное начальником разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР Генштаба полковником С.Н. Ряснянским «Сведение о поступлении донесений из Национального центра», рисующее реальную картину разведывательной работы московского подполья на белых в 1919 г. Документ был направлен члену Особого совещания при А.И. Деникине Н.И. Астрову и сохранился в его личном фонде.

Документ 1. **Доклад генерала Н.Н. Стогова о Советской России.** **27 ноября (10 декабря) 1919 г.**

Секретно.

Доклад

Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова о Совдепии²²²³

Советская власть, ее сильные и слабые стороны.

Советская власть — власть завоевателей, покорителей, и в этом-то ее особая сила. Весь народ, а не только одни пресловутые буржуи, является в глазах главарей власти — рабом, годным лишь на то, чтобы с его помощью достигнуть «невозможного».

Может быть, в это невозможное, именуемое социалистическим раем, верит Ленин, но Троцкий не верит — это уже наверное²²²⁴.

Помню, как Троцкий, еще летом прошлого года, на одном из заседаний сказал примерно следующее: «Если России после встряски 1905–[190]6 годов понадобится для успокоения несколько лет, то после нас понадобятся десятки лет».

Преследуя цели, продиктованные, надо думать, главарями жидомасонов, советская власть, конечно, ни в коем случае не уступит своей позиции добровольно и ни на какие уступки и соглашения не пойдет искренно. Соглашение невозможно даже с самыми левыми нашими партиями: состоявшееся в настоящее время, если верить газетам, вхождение в состав советского правительства Дана и Мартова²²²⁵ — двойная игра и с той и с другой стороны. Советская власть при первом подходящем случае протрубит об измене этих лиц и посадит их за решетку, а Дан и Мартов употребят, конечно, все силы к захвату всей власти и свержению коммунистов.

---

²²²³ Резолюция: «6/ХІІ Отчет. Использовать и хранить. Подлинник представлен г[лавно]к[омандующе-]му. П.Х.».

²²²⁴ В старом значении слова — наверняка.

²²²⁵ Эти данные неточны. Лидеры меньшевиков Ф.И. Дан и Ю.О. Мартов некоторое время являлись членами ВЦИК.

Советская власть — власть чисто коммунистическая: не коммунистам, то есть не слепым исполнителям всего, диктуемого главарями этой партии, ни в центральных органах власти, ни в самых мелких советах — места нет.

Партия же коммунистов, по современному ее состоянию, может быть сравнима с орденом иезуитов в начале его существования: безусловное повиновение главе и наказание только смертью за малейшее неисполнение приказаний²²²⁶ — вот характеристика партии.

Среди зарегистрированных членов партии, конечно, лишь не более ¼, а может быть и значительно менее, представляют индивидуальную ценность как коммунисты; остальные — бараны, но бараны, зажатые в такие тиски, из коих выхода нет — или смерть, или служи партии изо всех сил, что называется, надрываясь.

Таким образом, сильными сторонами советской власти являются: однородность, ибо только правоверные коммунисты допускаются к власти; безграничное, слепое исполнение приказаний верхов и полное презрение к управляемому народу.

Именно потому, что советская власть — власть иноземная, власть, завоевавшая великорусский народ, трудно рассчитывать на внутренний переворот, без помощи извне, со стороны юга, востока или севера. Все восстания, как не связанные друг с другом ни по времени, ни по месту, как предпринимаемые почти безоружными и, наконец, как плохо организованные, подавлялись и будут подавляться сравнительно легко, и только помощь извне спасет Великороссию, иначе этого спасения придется ждать долго и долго.

Слабой стороной советской власти является полная невозможность наладить мало-мальски нормальную жизнь страны, и рано или поздно, но наступит момент, когда власть эта уйдет, взорванная изнутри окончательно обезумевшим народом, но ждать этого, весьма вероятно, придется долго.

Наладить нормальную жизнь они не могут и не смогут не только потому, что Советская Россия блокируется Антантой и ведет войну на всех фронтах, а потому, что социалистические основы [—] это канва, по которой они хотят вышить узоры жизни, — утопичны, и все их потуги на устройство нормальной жизни лопались и будут лопаться, как мыльные пузыри.

Отношение советской власти к населению.

Выше было мною сказано, что все население, весь народ в общем, рассматривается советской властью [ю] как раб, но в деталях есть разница.

Весь народ можно разделить на рабочих, крестьян, духовенство и остальных, не считая военных, о которых будет сказано особо.

Уже одно подчеркивание всюду и везде, кстати и не кстати, что советская власть есть власть рабочих и крестьян, заставляет эту власть даже невольно относиться к первым двум категориям народа с большим вниманием, большей лаской, если можно так выразиться, а следовательно, и больше с ними считаться. Остальные как бы не существуют — это пустое место в Советской республике.

При антисоветском движении среди рабочих и крестьян — к ним едут всякие комиссары, с ними говорят, их уговаривают, и только исчерпав все средства нрав-

---

²²²⁶ Явное преувеличение, так как столь сурового подхода к нарушителям партийной дисциплины в 1918–1919 гг., конечно, не практиковалось.

ственного, так сказать, воздействия, приступают к репрессиям, а с остальными — начинают с последних.

Рабочие всё получают в первую голову, и когда хлеба не дают никому — рабочим, по так называемым дополнительным карточкам, хлеб выдается обязательно. То же самое и в отношении обуви, мануфактуры, мыла и т.п. — прежде всего рабочим, а остальным — что останется.

Ранним летом нынешнего года рабочие некоторых фабрик г. Москвы вышли на улицу с женами и детьми, требуя хлеба. Дело обошлось без кровопролития, и рабочим сейчас же было разрешено ехать в Симбирскую губ[ернию] для покупки себе хлеба. Говорили, что рабочие, вместо разрешенных на каждого 2–3 пудов муки, привезли по 20 пудов и, продавая излишек на московских рынках, заработали большие деньги.

Проживая осенью в районе мастерских Московско-Казанской железной дороги, на станции Перово, был свидетелем, как рабочие, не получив положенного хлебного пайка, бросили работу и, собравшись на митинг, решили не работать, пока не будет выдан хлеб. Уговоры своего комиссара не помогли, и только прибытие какого-то старшего комиссара и обещание выдать на другой день хлеба вдвое — успокоили рабочих. Хлеб, действительно, был выдан.

В отношении к крестьянам советская власть несколько ослабила вожжи: комитеты бедноты, по-видимому, окончательно забракованы, со средним крестьянством начали положительно заигрывать — ему поются чуть ли не гимны. Для привлечения крестьян на свою сторону, советская власть, может быть, и дала бы им все необходимое, да у ней самой-то ничего нет, так как промышленность или умерла, или умирает.

Духовенство, в последнее, по крайней мере, время, по-видимому, не трогают, пока оно сидит смирно и ничем не выражает своих антисоветских чувств. Ранней осенью в Москве упорно говорили, что с Патриарха взята подписка об отдаче им распоряжения о не служении молебнов и о не устройстве встреч, в случае занятия белыми того или другого города или селения.

Отношение к армии, забота о ней.

Советская Россия — вооруженный лагерь. Все для победы, а потому — все для армии. Вот лозунги, и не только провозглашенные, но и в действительности проводимые в жизнь во всей Совдепии, строго и неуклонно. Думается, что даже немцы в минувшую войну, и те не были столь прямолинейны в проведении в жизнь помянутых выше лозунгов, как правоверные коммунисты.

Хлеб — будет взят буквально последний кусок хлеба у крестьянина, лишь бы накормить красноармейца.

Одежда — будет раздета вся не военная Совдепия, а армия, хотя и с грехом пополам, но одета будет.

Оружие и вообще военные припасы — сперва останются все фабрики и заводы, не работающие на оборону, и только после остановки последнего из них дойдет очередь до заводов военных.

Денежное и вообще материальное обеспечение военнослужащих — не жалуют никаких средств, и честно им служащие, мало-мальски ответственные ра-

ботники, не нуждаются ни в чем, ни сами, ни семья. Что называется, из земли достанут, а снабдят всем необходимым.

Будет прекращено всякое железнодорожное сообщение, даже пригородное, а эшелоны с войсками передвигаться будут.

Самое благожелательное отношение к перебежчикам, даже офицерам: ласковый прием, денежная помощь, отпуск.

Продовольствие.

Продовольственный вопрос стоит очень остро. Летом текущего года была прекращена регулярная выдача населению хлебного пайка; паек давали лишь изредка. Цена на хлеб в начале октября ст[арого] стилиа на рынках Москвы дошла до 85 рублей, в дни же облав на том или другом рынке доходила до 150 руб. фунт²²²⁷, и доставать хлеб было трудно. В той же примерно цене была пшеничная крупа. Сахар-рафинад — 500 р. фунт, песок около 200 р.; масло сливочное — 600 руб.; мяса не было; картофель — 25 р. фунт; молоко — 40 р. кружка в 1½ стакана.

Площадь посева в центральных губерниях увеличилась, так как крестьяне видят — что есть, то есть, а подвезти не только трудно, но подчас и невозможно. Мельницы работают, беря за помол пуд[а] ржи от 2 до 4 ф[унтов] ржи в свою пользу.

В центральных губерниях главным предметом потребления является картофель, а уже затем хлеб, с различного рода примесью.

С продвижением красных на восток, для Совдепии открылись богатые хлебом губернии, но, помимо трудности взять хлеб у крестьян, почти невозможно его подвезти, из-за расстройств транспорта и из-за всегдашней перевозки войск, под какую идет почти весь подвижной состав железных дорог.

Трудно предвидеть, как переживет центральная Россия вторую половину нынешнего года, то есть до нового урожая.

Фураж в Москве так же дорог, как хлеб; сено было немного дороже хлеба, овес же — не знаю. У крестьян сено, конечно, есть.

Топливо.

Небольшое полено дров в начале октября стоило в Москве 25 руб. Осенью уже додумались до разрешения домовым комитетам и чуть ли не отдельным лицам заготавливать дрова собственным попечением, в 30 в[ерстной] от Москвы полосе. Лично видел, как около ст[анции] Перово, так и около ст[анции] Перловка, на заготовке дров целые семейства и отдельные корпорации, например, студентов общежития, кажется, Межевого института. Большой вопрос — каким способом будут доставлены в Москву заготовленные таким образом дрова.

В лесном имении, в 12 в[ерстах] от ст[анции] Сходня (30 в[ерст] от Москвы), видел гниющие дрова, заготовки еще до революции; часть, конечно, расхищена окрестными крестьянами.

Мешок еловых шишек в начале октября на московских вокзалах стоил от 100 до 150 рубл[ей].

Производительность добычи угля и торфа неуклонно падает.

Лично работая по разгрузке дровяных барж на Москве-реке, знаю от барочников, что все прибывающие в Москву на баржах дрова — заготовки до революции.

²²²⁷ 1 фунт — 0,4 кг.

Теперешние заготовки, видимо, минимальны, и все заготавливаемое поступает на железные дороги и фабрики.

Промышленность.

Как общее явление, фабрики, конечно, постепенно становятся, и фабричная жизнь замирает, но некоторые фабрики работают полным ходом и за время советской власти усовершенствовались и развили производство.

Лично слышал от г-на Н., что он имеет знакомого фабриканта, у которого все фабричные комиссары состоят на жалованьи, благодаря чему фабрика получает правительственные субсидии на усовершенствование производства и в то же время вырабатываемые продукты не поступают даже на нужды армии, а бракуются и складываются в амбарах, и хозяин рассчитывал еще в конце сентября, что при перевороте он заработает не менее 700.000.000 руб. чистых. Думаю, таких фабрикантов не единицы, а по крайней мере десятки.

Замечается также, что в то время, как по карточкам выдача, например, папирос и спичек уменьшается, на рынке по спекулятивным ценам и того и другого сколько угодно.

Власти обращают, по-видимому, внимание на это явление, так как нет-нет да и пишут об этом в газетах, но сделать, должно быть, ничего не могут. Читал, например, что рабочие выходят с папиросной фабрики с мешками, их уже поджидают спекулянты, и тут же совершаются сделки.

Железные дороги.

Железные дороги замирают, но не так быстро, как того можно было бы ожидать, так как: 1) железнодорожные служащие всех степеней пользуются особыми заботами со стороны власти, а потому стараются, 2) все более и более увеличиваются строгости ко всякого рода проявлениям лени, беспорядка, саботажа и т.п. — это невольно заставляет всех подтягиваться и 3) успешному ремонту много способствуют так называемые коммунистические субботники, казавшиеся сперва игрушкой. Субботники эти заключаются в том, что желающие работают в субботу после обеда, а так как у коммунистов желание — желанием, а главное — приказание да кнут, то постепенно стали работать все, да еще с привлечением работников со стороны, например, всех военных курсантов. Благодаря агитации, нравственному воздействию в смысле похвалы и порицания, а также, наверное, когда нужно — и применению палки — эти субботники в последнее время уже стали давать и плоды. Надолго ли — другой вопрос.

С другой стороны, некоторые станции Московской окружной железной дороги представляют собой настоящие паровозные кладбища. Видел это лично. В Перовских мастерских Московско-Казанской железной дороги, насчитывающих в мирное время до 10.000 рабочих, сейчас едва-едва 1.500. Говорят, что в прежнее время в районе мастерских непривычному человеку приходилось зажимать уши от непрерывного стука молотков. Теперь молотка почти не слышно (я прожил в районе мастерских 5 дней).

По словам двух старых мастеров этих мастерских, рабочие работают из рук вон плохо: поздно собираются, долго спят после обеда, работают вообще лениво. Лично видел типичную русскую работу, когда нет палки: ходят медленно, почесываются, беспрепятственно курят, разговаривают и т.д.

Дачное, пригородное движение около Москвы совершается довольно правильно; вагоны почти исключительно классные, приведенные в сравнительный порядок и чистоту, не уступающую, пожалуй, чистоте поездов-молний между Ростовом и Таганрогом.

В прифронтовой полосе движение только воинское, причем поезда сплошь и рядом останавливаются в поле и паровозы долго нагоняют пары. Лично испытал на перегоне между ст[анциями] Навля и Зерново (Середина Буда). Пассажиры, исключительно мешочники, садятся куда попало, и в вагоны, и на площадки и крышу. Иногда гонят, а иногда и нет. Билетов не дают. Слышал, что на некоторых станциях таких пассажиров ссаживают, отбирают документы и заставляют работать, чуть ли не 3 дня, а затем документы возвращают, и иди с Богом.

Биржа.

Купить и продать процентные бумаги в Москве можно, но осторожно, чтобы не нарваться на агентов правительства. Говорили, что летом все бумаги шли в гору. Около здания Биржи даже еще весной нынешнего года можно было видеть людей, в большинстве случаев еврейского типа, оживленно беседующих о всякого рода сделках, но против прошлого года число их значительно сократилось.

Внешний вид домов, улиц, санитарное состояние.

Разрушенных домов мало. Заколоченных магазинов много. Вывески сняты. Много разбитых стекол, попорченных мостовых и тротуаров. Говорят, что домов с исправным центральным отоплением почти нет. Не редкость видеть большой дом, из всех окон коего торчат трубы от переносных железных печей. На улицах торговля процветает всюду. Торгуют всем положительно. Рынки — Сухаревка, Смоленский, Хитров, даже Охотный ряд переполнены и торговцами и обывателями, особенно Сухаревка. Улицы и рынки подметаются; на рынок на Болоте (за Москвой-рекой) для уборки его ходили заключенные в Ивановском монастыре (концентрационный лагерь). Уличные отхожие места в ужасном состоянии. Летом об эпидемиях слышно не было. Осенью уже слышал о сыпном тифе, особенно свирепствующем на Восточном фронте: приводили в пример дивизию, имеющую 16.000 тифозных.

Отношение к власти населения.

Общее явление — страшная ненависть, но и не меньшая боязнь; население до того запугано, что не только рукам, но и языку-то свободы не дает. О ненависти к власти буржуев, интеллигенции, вообще городского обывателя, нечего и говорить, но ненавидят эту власть и крестьяне и рабочие.

Помимо постоянных крестьянских восстаний, вспыхивающих то в одном, то в другом месте, доказывающих, насколько крестьянам сладко живется, лично говорил с крестьянами подмосковными и прифронтовыми — ненависть безусловная. За свою власть никто не считает, несмотря на все старания со стороны власти подчеркнуть, что их власть — власть рабочих и крестьян. Ненависть, прежде всего, вытекает из-за все увеличивающейся трудности жить, постоянных поборов (прифронтовая полоса) и полной неуверенности в завтрашнем дне.

Под Москвой крестьяне считают, что революцию сделали господа, что крестьяне тут ни при чем. Хотят только Царя, а если иногда говорят про президента, то в смысле управления отождествляют его с Царем. Подметил весьма характерное

явление: теперешнее время считают за смутное и все, что теперь делается, как бы не за настоящее и уверены, что когда будет Царь, то и такие наши окраины, как Польша и Финляндия, будут опять наши.

Явление это отмечаю особенно. Считаю, что Великую Россию создал великоросс, теперь он один переживает большевизм, что называется, всюю, как следует, и несмотря на всю его лень, постоянную ругань, пьянство, распутство и бóльшую, чем у других, склонность к большевизму, понимая последний исключительно в смысле грабежа, в нем, именно в нем, в этом самом великороссе, пробуждаются начала настоящей государственности, и он по-прежнему хочет быть и — я уверен — будет хозяином во всей, Единой, Неделимой и Великой России.

Подготавливая восстание в Москве, завели связь с дезертирами Волоколамского уезда, коих к началу сентября насчитывалось до 6.000 чел. При первом разговоре были очень скупы на слова, пока не выяснили, что говоривший с ними монархист; тогда хлопнули его по коленке, сказав: «Вот это так, это по-нашему, давай толковать».

Жизнь крестьянина, конечно, нельзя и сравнивать с жизнью горожанина, так как у крестьянина, как-никак, а всегда найдется больше средств к удовлетворению самых насущных нужд, но все-таки жизнь и крестьянина центральных губерний день ото дня становится тяжелее и тяжелее. Подковать лошадь — целое событие, приобрести для хозяйства самую пустяковую вещь — почти невозможно. Снова вернулись к лучине там, где давно уже горела лампа-молния, к лаптям, где уже забыли их и выделку.

Слышал и такой разговор: «Теперь земля полагается каждой душе, родился ребенок, мальчик ли, девочка ли — все равно давай земли, умер кто в семье — уменьшай надел; ежегодные поэтому будут переделы, вот тут и паши с осени: прямо петля!»

Крайне удивился, видя косьбу в конце сентября: узнал, что в июне советы отвели каждому участок и больше косить нигде не позволили, а когда подошла зима, то разрешили косить везде.

Крестьяне, побывавшие в плену, особенно у немцев, вынесли оттуда массу впечатлений. В особенности: 1) что там все живут лучше, чем в России, 2) уважение к чужой собственности и труду. Некоторые хоть и с грустью, а поговаривали, что нам без чужеземцев порядка у себя не наладить.

По пути от Брянска до Рылска можно отметить только две встречи, подозрительные если не по большевизму, то во всяком случае по приверженности к советской власти: 1) у шоссейного сторожа на шоссе Брянск–Карачев, который на все наши²²²⁸ самые невинные расспросы отвечал крайне грубо, сыпал современными словами — «мандат», «товарообмен», «заградительный отряд» и т.п. и, по-видимому, имел большое желание поверить наши документы; 2) на разрушенном винокуренном заводе великого князя Михаила Александровича, вблизи железнодорожной станции Навля — молодой парень, также весьма грубый и, но также только по-видимому, имевший сильное желание проверить наши документы. Оба случая заставили нас поскорее убираться подобру-поздорову.

---

²²²⁸ Шел я с г-ном Н.Н., подполковником из Ставки Верховного правителя (примеч. Н.Н. Стогова).

Во все[х] остальных случаях видели и чувствовали у крестьян явно антисоветское настроение. Мой молодой спутник, в глазах большинства, был советским дезертиром, и многие встречные крестьяне ясно давали понять, что они знают, с кем имеют дело, и всячески старались показать свое благожелательное отношение ко всем, покидающим ряды Красной армии.

Все негодуют на принудительные работы по рытью окопов, на постоянные поборы — хлеба, скотины, птицы, а также на постоянную поставку подвод, причем зачастую взятая подвода возвращается домой лишь через две-три недели.

Из особо характерных разговоров можно отметить следующие:

1) в районе большой дороги Брянск—Карачев (не шоссе), примерно посередине расстояния между этими двумя городами, заходили в дом лесника и в 2–3 соседние деревни; настроение явно враждебное советской власти, чего в разговоре один на один нисколько и не скрывают, ждут не дождутся денкинцев, рады оказать всяческое содействие дезертирам и даже переходящим фронт; к своим деревенским советам, деревенской милиции и т.п. относятся явно презрительно; 2) у лесника в районе ст[анции] Навля, в лесу великого князя Михаила Александровича, отношение к советской власти полувраждебное; отмечая недостатки, отметил и достоинства (по его мнению) советской власти, а именно изгнание помещиков. Рассказывал с большой иронией об охотах, устраивавшихся для великокняжеской четы; а также, но уже со злобой, об управителях, плативших одно жалованье, а по книгам выводивших другое. Все время отмечал, что теперь получает 1.000 руб., а раньше получал 15 руб., но был куда сытее и лучше одет, а по праздникам позволял себе и водочки, и пряничков, чего теперь не достать вовсе. Ясно сознавал неминуемую и скорую гибель советской власти. 3) На хуторах в районе разъезда 28 версты между железнодорожными станциями Синезёрка и Навля. На бывшей помещичьей земле ряд изб, перенесенных из ближайшей деревни. По плану намечено было переселить дворов 30, а переселилось лишь 4–5, так как остальные боятся, что при возвращении прежних порядков их погонят обратно в свою деревню. 4) Не помню, где, говорили и так: «Деникин — ученый человек, а потому и стоит за ученых». 5) Уже на территории, занятой добровольцами, в 25 верстах от Рыльска: «И те и другие грабят, но денкинцы грабят меньше». Ночевали здесь в старинной, патриархальной семье, очень зажиточного, по-видимому, крестьянина, один из сыновей коего был в военное время произведен в офицеры и уже с первого появления большевиков был принужден бежать, так как иначе был бы убит. Никаких вестей о нем нет. Рассказывали, что при большевиках ни одной ночи не могли спать спокойно. Теперь отдыхают.

Рабочие — в районе Москвы: масса ушла из деревни, многие так или иначе стали у власти, попав в комиссары, в разные районные советы и т.п., многие добровольно или как мобилизованные ушли в армию, оставшиеся в общем настроены антисоветски, но все-таки чувствуют себя господами положения, некоторым это чувство положительно вскружило голову, а с другой стороны, породило известную боязнь к белым. Что называется — и хочется, и колется. С одной стороны — ненавистная советская власть, а с другой — неизвестная власть белых, о зверствах которых так умело поют коммунисты.

На ст[анции] Перово, Московско-Казанской железной дороги, среди рабочих мастерских этой дороги не редкость услышать следующее: мы знаем, что при белых нам придется работать как следует, но мы готовы работать и по 10 и даже [по] 14 часов и за плату меньшую, чем была до войны, так как знаем, что будем все-таки и сыты, и одеты, а теперь и голодны, и раздеты.

Незадолго перед уходом моим из концентрационного лагеря, пришлось работать по нагрузке и разгрузке ломовых подвод. Один из ломовиков спросил меня — кто мы такие. Я рассказал правду, то есть что я — генерал, а вот тот — бывший губернатор, а этот — полковник и т.д. «То-то, — говорит ломовик, — я вижу, что у вас лица совсем не простые»; «видя вас за работой, припомнилась мне картина — декабристы в Сибири на работе» — «ну и черти эти большевики, ну да погоди, скоро им будет конец».

Тут же и в то же время меня особенно удивил своей враждебностью к большевикам парнишка лет 10–12, а надо сказать, что это самый испорченный возраст — сплошь хулиганы; когда мы случайно остались одни, парнишка и говорит: «Когда же наконец прогонят этих чертей — большевиков?»

Надо сказать, что это было в августе настоящего года, когда все думали, что Добровольческая армия идет на Москву и до занятия ее надолго не остановится.

За последнее время в Москве — в трамвае, дачных поездках и на улице вообще, все чаще и чаще можно было услышать слово «господин», вместо «товарищ». Это я считаю очень знаменательным явлением.

Рабочие лесопильных заводов по линии железной дороги Брянск–Карачев определенно ждали «Деникина», который, по их мнению, несет с собою и хлеб и соль.

Уже накануне перехода фронта, в избу, где мы собирались ночевать, зашел оборванец, назвавший себя юзовским²²²⁹ рабочим-шахтером и сказавший, что идет назад — домой. Очень хвалил хохлов за их доброту и ругал великороссов за их скаредность. Говорил, что в свое время ушел с рудников вместе с другими рабочими, спасаясь от белых. Положительно восторженно отзывался о «батьке Махно», видно было, что он прямо-таки влюблен в Махно и, конечно, если ему посчастливится до Махно добраться, он увеличит махновские шайки на одного идейного работника.

Как показатель отношения населения к власти, необходимо упомянуть и о тех надписях, кои можно видеть на всех стенах всех пригородных станционных сортиров: «бей жидов и коммунистов», «большевики-жиды продали Россию», «дойлой Ленина с кониной, давайте Николая со свиной» и, наконец, целые стихи «вставай, подымайся, весь русский народ, настал час мести народной, гони советы, бей жидов и коммунистов» и все в этом роде. Летом часто на стенах Страстного монастыря по утрам, пока не замажут, можно было читать «бей жидов, спасай Россию».

Советские деятели.

На первом месте надо поставить Троцкого. Умный, энергичный, подвижный, способный организатор, талантливый оратор и агитатор — положительно злой

²²²⁹ Юзовка — старое название Донецка.

²²³⁰ Всегда были излюбленными местами для выражения народного творчества (примеч. Н.Н. Стогова).

гений России. Живет только в поезде, будучи всегда готов ехать туда, где замечается неустойка. Как жид — с молоком матери всосал ненависть ко всему русскому, ко всей России вообще и к каждому русскому в отдельности.

Летом прошлого года, когда в Москве был Мирбах²²³¹ и германские офицеры, слышал, что Троцкий в разговоре с германским майором Генерального штаба держал себя как агент разведывательного отделения Германского Генерального штаба²²³².

Когда приходилось Троцкому летом прошлого года говорить о немцах, о народе, об армии — невольно чувствовалось, что он относится к ним с большим уважением.

Считаю, что Троцкий по какой-то высшей указке²²³³ старается делать все, чтобы принести России наибольший вред.

В дружественные отношения советской власти с немцами теперь, в 1919 г., верится плохо. Вернее должен сказать, что я этому не верю, так как теперь, в 1919 г., нельзя найти людей — патриотов своего отечества, кои не видели бы, до чего опасна дружба с большевиками. А немцы свою родину любят.

Ленин — полагаю, что больной человек. Слышал недавно, что, когда ему указали на все страдания русского народа, переживаемые им ныне, ответил: «Что мне до русского народа; я делаю мировое дело, и хотя бы весь русский народ погиб, мне это совершенно безразлично».

Остальные — шушера и больше ничего, кроме, конечно, тех, кто является главными деятелями чрезвычайки: Дзержинский, Петерс, Лацис, Кедров²²³⁴, — это выродки рода человеческого, садисты.

Впечатления Чрезвычайки, тюрьмы и концентрационного лагеря.

В Чрезвычайке был два раза: 1) в июне 1918 года менее суток, но, будучи освобожден, был в канцелярии, выручая арестованные вещи, а потому видел не только караульных, но и «чиновников» и «барышень»; 2) в ноябре того же 1918 года — трое суток. Оба раза чисто русского говора служащего персонала не слышал; все, начиная со старших «чиновников», кончая «барышнями» и «часовыми», говорили с акцентом: еврейским, польским, латышским — это явление подчеркиваю и повторяю: чисто русской речи не слышал.

В Бутырской тюрьме был два раза: 1) в ноябре 1918 года — 11 дней в общей камере и 2) с 13 апреля по 18 июля 1919 года — в одиночной камере. Тюрьма несравненно лучше Чрезвычайки во всех отношениях: обращение, пища, содержание. В ноябре особенно поразило, что тотчас по входе в здание тюрьмы увидел громадный образ Николая Чудотворца и чуть ли не с зажженной лампадой. В апреле образа уже не видел. В тюрьме много русских, будто бы много и преж-

---

²²³¹ Мирбах Вильгельм, фон (02.07.1871–06.07.1918) — граф, германский посол в Москве (04–07.1918). Убит левым эсером Я.Г. Бломкиным по приказу ЦК партии левых эсеров.

²²³² В данном случае Стогов явно основывается на слухах, совпадающих с его представлениями о том, кто такие большевики. Трудно представить, что Л.Д. Троцкий мог держать себя подобным образом.

²²³³ Здесь и в других местах доклада Стогов излагает свое видение роли большевиков в конспирологическом ключе как агентов мирового масонского заговора.

²²³⁴ Дзержинский Феликс Эдмундович (30.08.1877–20.07.1926) — председатель ВЧК; члены коллегии ВЧК: Петерс Яков Христофорович (21.11.1886–25.04.1938); Лацис Мартын Янович (14(16).12.1888–11.02.1938); Кедров Михаил Сергеевич (12.02.1878–01.11.1941).

ней администрации; сам говорил с одним из выводных (на прогулку), служащим в тюрьме уже 30 лет, и с другим, эвакуированным из Виленской тюрьмы. Главная масса служащих, думаю, вновь набранная. Заметил частую смену младшего персонала: разводящих и часовых, не реже раза в 3–4 недели; будто бы прежних каждый раз отправляли на фронт.

Некоторые часовые, особенно из очень молодых, производили отвратительное впечатление; остальные были обыкновенные михрютки²²³⁵ и больше ничего.

В последний раз содержали меня особенно строго, не только постоянно в за-поре и с отдельным часовым у двери, но и без права сношения с внешним миром, не исключая и тюремных обитателей, без права даже так называемых передач, то есть приноса с воли пищи.

В первый раз никакого обвинения не предъявляли, в последний же раз на первом же допросе Кедров, после вопросов о знакомстве с Н.А. Огородниковым (ныне расстрелянным)²²³⁶, Мельгуновым²²³⁷ и другими, прямо сказал: «Вы были начальником дивизии в объединенной офицерской организации — скажите с ка-кого времени».

Мое полное отрицание как знакомства с упомянутыми лицами, так даже и ка-кого бы то ни было отношения к организации и послужило, как говорили, при-чиной особо строгого моего содержания, чтобы я, по тюремному выражению, «размяк» и стал давать показания.

С 1-го июля, когда увезли на расстрел первых 18 человек из нашей органи-зации²²³⁸, и до 18 июля ежедневно ждал той же участи, но вместо этого 18-го июля перевели в лагерь²²³⁹. Говорили, что нашим, если можно так выразиться, спасителем был большевик Рязанов²²⁴⁰, явившийся на заседание Чрезвычайки и подавший голос за помилование²²⁴¹.

Лагери. Сперва Андрониевский, а затем Ивановский монастыри. В Андрони-евском сидел в камере, называвшейся губернаторской; было довольно свободно; утром и вечером пели общую молитву, причем комендант хотел воспретить, но убедили его, что раз разрешают петь Интернационал, то надо разрешать и мо-литвы. Из лагеря отпускали на работу и даже в отпуск, причем в последний осо-бо привилегированных лиц пускали часто и даже на ночь. Этим пользовались почти исключительно евреи, причем, как говорили, за большие деньги. Простых

²²³⁵ Михрютка — невзрачный, бестолковый человек.

²²³⁶ Огородников Николай Александрович (1872–1919) — российский политический деятель, адвокат. Депутат I Государственной думы. Член кадетской партии. Член «Национального центра». Осуществлял связь с военной организацией «Национального центра». Арестован и расстрелян вместе с сыном.

²²³⁷ Мельгунов Сергей Павлович (25.12.1879–26.05.1956) — российский историк и политический дея-тель. Член партии народных социалистов. Член «Союза Возрождения» и «Тактического центра». Неодно-кратно подвергался арестам и обыскам. Выслан из Советской России. Умер в эмиграции.

²²³⁸ Прямое признание Стоговым принадлежности к вооруженному офицерскому подполью в Москве.

²²³⁹ Подобный либерализм большевиков в отношении предполагаемого руководителя белого подполья совершенно не понятен.

²²⁴⁰ Рязанов — главный начальник архивного дела, непосредственный начальник В.И. Селивачева (примеч. Н.Н. Стогова).

²²⁴¹ К этому времени относится освобождение другого видного генерала, подозревавшегося в принад-лежности к белому подполью, В.И. Селивачева. Он был освобожден при содействии Д.Б. Рязанова. Сели-вачев и Стогов в конце 1918 г. вместе служили в Главном управлении архивным делом, которым руководил Рязанов.

смертных²²⁴² пускали редко, ненадолго и неохотно. В Ивановском монастыре и я записался на работы, сперва по разгрузке дровяных барж на Москве-реке, а затем по разборке какой-то библиотеки, с каковой работы, уйдя 16 августа 1919 г. на короткое время домой, в лагерь уже не вернулся, так как жену и сына задержали в засаде у арестованного и ныне расстрелянного Н.Н. Щепкина.

В тюрьме и лагерях люди, что называется, всех званий и состояний.

В тюрьме видел и слышал много — десятки левых эсеров, их «генералов», которые, пользуясь открытыми окнами, выходящими на один и тот же двор, вели нескончаемые беседы, зачастую о своей и советской программе. Мысли и положения, высказываемые ими, столь убоги и узки, что положительно выводили из терпения.

Судя по разговору и всякого рода цитатам, были среди них и люди с высшим образованием, бывавшие за границей, кое-что выдавшие и кое-что понимающие, но большинство производило впечатление недоучек. Были спекулянты, были и просто бандиты. Были и были сотнями рабочие и железнодорожники, но эти как-то не задерживались, и или их освобождали, или переводили в другие места заключения.

В лагере еще бóльшая смесь — много крестьян и просто чернорабочих; приходилось положительно удивляться, за что они сидят.

Лагерная администрация — высшая — сплошь коммунисты. Комендант и его помощник, как говорили, бывшие подпрапорщики.

Характерно отметить, что комендант раньше 11 час. утра в канцелярию не выходил, так как до 10 час. спал. На поверке было прямо мучение, из-за их неумения считать; считали и с правого фланга, и с левого, и из середины, и когда число заключенных дошло до 400 человек, то поверку производили по часу и больше. При бывших изредка переключках нельзя было без улыбки слышать, как Орлова вызывали в голове алфавита, так как у них было написано «Арлов».

Кормили вообще скверно, без помощи извне прожить было трудно. Нельзя все-таки не отметить, что в лагере ежедневно давали или конфеты, или сахар; не знаю, сколько по весу, но при экономном расходе можно было смело два раза в день досыта напиться чаю. Обед и ужин — из одного блюда; обыкновенно очень жидкий суп, но иногда был суп с рыбой, селедкой или одно время сомовиной, а иногда и с крупой.

В тюрьме заключенных в одиночных камерах заставляли мыться в ванной, из лагеря водили в баню. Не могу не отметить, что бани в Москве неизмеримо чище Дутикова в Ростове, и цена всего 6 руб.

Полезные мероприятия большевиков.

Регистрация населения, особенно в Москве. После ареста Н.Н. Щепкина и раскрытия так называемого Кадетского заговора в Москве было проведено две регистрации: 1) всех мужчин от 16 или 17 лет (не помню) до 50 и 2) всех бывших помещиков, фабрикантов, прокуроров..... не помню всех категорий, но, кажется, в эту регистрацию должны были попасть все, по мнению советской власти, возможные и даже, может быть, невозможные контрреволюционеры.

---

²²⁴² Очевидно, Стогов имеет в виду себя, однако бывшего генерала, руководителя московского вооруженного подполья, трудно отнести к категории «простых смертных».

Эти регистрации не страшны, конечно, тем, кто только и делает, что жует хлеб, но для людей, хотя [бы] мало-мальски принимающих участие в контрреволюции, они очень и очень страшны, так как крайне стесняют и мешают всякой работе, хотя бы уже по одному тому, что, выяснив каждого человека, начинают за ним следить, а на слежке всякого рода большевики собаку съели.

Облавы, которые производятся постоянно всюду, в местах скопления населения, а также поверка документов не только на вокзалах, но и просто на площадях, перекрестках больших улиц, а в последнее время и днем и ночью и сплошь на всех улицах. Само собой разумеется, этими мерами советское правительство не избавится окончательно ни от контрреволюции, ни от дезертиров, ни от воров и бандитов, но все-таки кое-кого и поймают, а денег на все это они не жалеют, так как им важно продержаться у власти хотя [бы] один лишний день. Провокация — всюду и везде шныряют люди, заводящие со всеми антисоветские разговоры, и чуть кто оплошал — пожалуйте в Чрезвычайку. Люди эти особенно заметны у расклеенных газет, телеграмм Роста и карт с изображением фронта. Агитация: газета стоит до сих пор 70 коп., составляется очень умело и постоянно твердит одно и то же. Хотя и говорят, что в [«]Известиях[»] нет правды, а в [«]Правде[»] нет известий, но для простого обывателя чтение изо дня в день одного и того же приводит к благим для советской власти результатам. Обыватель проникается убеждением, что сильнее кошки зверя нет — это главное, а некоторые, к сожалению, находят и такие, начинают даже верить в благие намерения власти.

Уже давно проводится ими мысль, что все белые правительства, так или иначе связанные с иностранными державами, торгуют Россией и оптом и в розницу, и лишь советское правительство, находясь во вражде со всеми, заботится о создании единой и великой России. Плохо живется исключительно из-за того, что Деникин не дает угля, украинского хлеба и нефти, а Колчак разорил все уральские заводы, Юденич, угрожая Петрограду, отвлекает от прямого дела массу рабочих, и все в этом роде. Издающиеся ими картины и брошюры плохи во всех отношениях, но производят впечатление грубого кроки, где все, по их мнению, важное — действительно оттенено, и если нарисован священник или генерал, то уже обязательно непомерной толщины, с пальцами, унизанными кольцами, и с погонами в сажень ширины.

Ихние агитаторские поезда или вагоны обставлены действительно великолепно; агитационный вагон — это не теплушка, а громадный пульман, стены коего и внутри и снаружи все унизаны картинами, а сам он завален газетами и брошюрами; персонал снабжен чрезвычайными полномочиями, на предмет оказания ему всяческой помощи, как от железнодорожного начальства, так и от всех местных властей вообще, причем в случае какой-либо задержки персоналу дано право телеграфировать прямо в Ц.И.К.

На территории Добровольческой армии видел не то: проехав от Рыльска до Харькова, газет не видел вовсе, виденные картины бледны — больше портреты, а на одной из станций видел и картину — парад войскам г[енерал]-л[ейтенанта] Май-Маевского. Это пока не для народа! С этим надо повременить, а пока — побольше Чрезвычайек, скудного житья севера, обид и притеснений, да оттенить это все порезче. От Ворожбы до Харькова ехал в вагоне-теплушке Освага: убожество

и снаружи, и внутри. Положим, во время движения была ужасная погода — снежная вьюга и мороз и персоналу вагона было, пожалуй, не до агитации. Сидели безвыходно в теплушке.

Более умеренное проведение своих идей во вновь отвоеванных областях. Давно уже наверху сознали кое-какие ошибки, допущенные в свое время на Дону и Урале, и теперь проповедают мягкость в обращении с жителями Дона, Урала и Сибири, причем в последнюю отправляли целые поезда испытанных коммунистов для занятия всякого рода ответственных должностей и, по крайней мере, на словах, обещали, что теперь там в роли комиссара не будет ни одного бандита, ни одного примазавшегося к партии, а все честные, идейные работники.

Строгое отношение к коммунистам. Дезертир просто еще может быть помилован, но дезертир-коммунист — никогда; коммунист-комиссар, уличенный в пьянстве или взяточничестве, весьма вероятно, будет расстрелян. При агитации в последнюю неделю коммунистов особенно подчеркивали, что зовут к себе не на боку лежать и не лавры пожинать, а делать черную работу, не для получения прав, а, наоборот, — взять на себя обязанности.

Искоренение грабежей, убийств и воровства. С помощью беспощадных расстрелов советская власть добилась почти полного искоренения бандитизма. Другое, конечно, дело — грабеж, по их понятиям, законный.

Армия.

Сила армии, прежде всего, в ее многочисленности, импонирующей и другу и недругу. Ведь как-никак, а призадумается каждый начальник, когда ему доносят, что красные наступают по всем дорогам, и всё густыми колоннами. Затем в том, что армия, при полной необеспеченности населения, обеспечена сравнительно хорошо всем необходимым и видит, что правительство не только на словах, но и на деле о ней заботится. Главная же сила армии в строжайшей дисциплине (комитеты и митинги отошли в область преданий), проводимой, главным образом, с помощью коммунистов всех степеней и рангов. Помимо чисто коммунистических частей, от взводов и рот до целых полков, в каждой части образована коммунистическая ячейка, которая является как шпионской организацией, так и силой, подталкивающей слабых духом. Из московских впечатлений могу отметить особо, что курсанты, а их развелось очень много, отлично одеты и очень хорошо выглядят, особенно в строю. Иногда положительно напоминают бывших юнкеров.

Общая масса одета, конечно, много хуже, но даже пленные колчаковцы, караульные в концентрационном лагере, одеты не хуже, чем те караульные команды, что видел два раза в Ростове перед домом коменданта города. То же самое можно сказать и об оружии; оно содержится красноармейцами из рук вон плохо, но и те винтовки, что видел здесь, далеко не блещут порядком. Присмотра надлежащего, видно, нет. Действительно в безобразном виде приходилось в Москве видеть лишь тысячи, по-видимому, дезертиров, отправляемых на вокзал из Покровских казарм. Вот эти и одеты отчаянно, и выглядят вообще отвратительно, и кругом и довольно густо окружены конвойными. По пути на фронт без шинелей видел только примерно две роты, следовавшие через дер. Порохню на ст[анцию] Зерново — Середина Буда. Шли безобразно, поодиночке, растянувшись на несколько верст, замыкали шествие, по-видимому, начальство и комиссары или ком-

мунистическая ячейка, идя обнявшись и пели, вернее, орали, какие-то непристойные песни. На самой станции, скорее в местечке, окружающем станцию, видел отдельных красноармейцев, одетых отлично, с револьверами и шашками. Или комиссары, или коммунисты. В дер. Ново-Владимировке, рядом с Порохнею, ночевал с красноармейцем, по-видимому, каптенармусом, vezhim в штаб полка, [в] дер. Быки, теплые вещи; всего одну повозку, и там все — и валенки, и полушубки, и папахи. По-видимому, или для начальства, или для коммунистической ячейки.

Казенного обоза нигде не видно, все возится на крестьянских подводах, санях, даже артиллерийские снаряды.

Откуда у них берется вооружение и снаряжение, не знаю. Еще больше года тому назад слышал от генерала Маниковского²²⁴³, бывшего одно время Главным начальником снабжений, что запасов никаких нет, а на поверку выходит, что как будто и есть. Нынче летом слышал, что открыли совершенно случайно какой-то склад ружейных патронов, в 60 или 160 миллионов²²⁴⁴. По пути рассказывали красноармейцы, что в Брянск приезжал для агитации какой-то комиссар, говоривший, что если отдадут Брянск и Петроград, то конец, так как не будет ни патронов, ни винтовок. В Москве даже при последних обысках в Китай-городе находили небольшие склады ружей, патронов, шашек, револьверов.

За потерю одного ружейного патрона красноармеец платит штраф в 250 руб. Вот какой строгий учет каждому патрону.

В общем, недостаток во всем, и все держится исключительно строжайшей дисциплиной. Не будь страха — все бы посыпалось. Говорят, что за отступление полка Троцкий приказал расстрелять 5-го коммуниста и 10-го — 20-го просто рядового. Начальники и комиссары отвечают, конечно, в первую голову. Начальство начинают бояться и чуждаться куда больше, чем прежде: когда в вагон, в коем ехали из Москвы, уже под Брянском, вошел некий человек, громогласно заявивший, что он командир отряда особого назначения и едет впереди отряда, все красноармейцы, бывшие в вагоне, один за другим живехонько убрались из вагона.

Отношение к власти красноармейцев — в общей массе, по-видимому, определенно отрицательное. Караульные команды в московских концентрационных лагерях набраны из пленных сибиряков, вятских, пермских; думают только о том, чтобы попасть домой, служат, так как их кормят, но на фронт, конечно, не только не желают идти, но и не пойдут, а обязательно убегут, о чем открыто и говорят. По пути пришлось беседовать с разными красноармейцами: из хохлов Екатеринославской губернии — спит и видит — уйти домой; из ярославских рабочих, мобилизованный профессиональным союзом говорил, что ничего из коммунизма не выйдет, скорее бы приходил Деникин, да лучше бы нас встречал — все бы ушли к нему; зимой обязательно будет конец; санитар из солдат Л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка с такой любовью рассказывал о службе в полку в 1905–[19]07 годах и с такой горечью о жизни в деревне Калужской губ[ернии] своей семьи, что, с уверенностью можно сказать, примет участие в любом восстании.

²²⁴³ Маниковский Алексей Алексеевич (13.03.1865–01.1920) — генерал от артиллерии. Начальник Главного артиллерийского управления и Центрального управления снабжений РККА.

²²⁴⁴ Судя по документу, Стогов совершенно не осведомлен об организации советской военной промышленности в этот период.

Здесьние впечатления.

Кроме того, что сказал уже выше, особенно поразило: 1) первый еврей, встреченный на ст[анции] Льгов, с видом довольно независимым. Полагал, что если Москва обратилась теперь в Иерусалим, то на территории Добровольческой армии если и увижу еврея, то за решеткой или, по крайней мере, с внешностью далеко не победоносной. 2) Масса офицеров в тылу. 3) Нехватка винтовок в Дроздовской дивизии — полагали в Москве, что уж чего-чего, а винтовками союзники обеспечили Добровольческую армию с большим избытком. 4) Не особо нарядная и далеко не однообразная одежда. 5) Не особо большой порядок на железных дорогах — те же бесконечные остановки на станциях, тот же недостаток топлива, много разбитых вагонов и негодных паровозов, что и в Совдепии. 6) Полная перегруженность вокзалов, особенно Харьковского, в то время как на той же вокзальной Харьковской площади имеются большие дома, в коих и можно было бы разместить часть пассажиров. 7) В штабе Добровольческой армии дежурный офицер горько жаловался, что каждую ночь задерживают до 20 и 30 офицеров, уличенных в грабеже на улице или в гостинице. 8) Масса молодых людей, по видимому, буржуазных классов населения, в тылу, а не на фронте. 9) Безудержная спекуляция, и 10) Отсутствие одного направления в газетах.

Из беседы с генералом Бриггсом²²⁴⁵ вынес впечатление, что он и верит, и не верит тому, что я ему говорил о Совдепии; очень бы ему, так мне показалось, хотелось услышать от меня подтверждение слухов о проявлении большевиками умеренности в политике; все сбивался на сравнение Москвы с Ростовом, в смысле внешности, дороговизны и т.п.

Особо докладываю:

1) Москва и вообще Великороссия поправили до неузнаваемости и не только население, но и так называемые общественные деятели. Национальный центр работал вместе с Союзом общественных деятелей и Правым объединением, а в деле военной организации работа шла рука об руку и с легитимистами. На мой взгляд, кадет — не монархистов осталось в Москве немного. Слова: товарищ, социалист, демократизация — ругательные слова.

2) Буржуи, как погляжу, везде одинаковы, и главная цель — сохранить жизнь, а по возможности и имущество, каковое при первом случае и приумножить. Слышал, что и некоторые из бывших офицеров пошли на службу в Совдепии с исключительной целью сохранить квартиру, обстановку и домашнее имущество, так как это все, что осталось.

3) Слухи, проникшие в Москву, о грабежах Добровольческой армии, особенно после Мамонтовского набега²²⁴⁶, произвели прямо удручающее впечатление. Я лично этому не верил и даже упрекнул кое-кого в распускании таких слухов. Прибыв сюда, убедился с горечью, что слухи были справедливы.

4) Евреи будут в Великороссии уничтожены, так как жид и коммунист — это синонимы, и злоба на них в населении страшная.

---

²²⁴⁵ Бриггс Чарльз Джеймс (1865–1941) — генерал, глава британской военной миссии на Юге России (1919).

²²⁴⁶ Речь идет о рейде IV Донского корпуса генерала К.К. Мамантова по тылам Южного фронта РСФСР (10.08–19.09.1919).

5) С занятием Москвы — советской власти будет конец; в Великороссии никаких Махно²²⁴⁷ не будет; но думаю, что никакому диктатору России не успокоить, ее может успокоить только Царь. Для занятия же Москвы необходимо напряжение всех сил, не считаясь ни с чьими интересами, ни отдельных лиц, ни классов. Ни одно, даже самое дикое с общечеловеческой точки зрения мероприятие, не должно отменяться, раз есть надежда, что оно принесет хоть крупицу пользы в борьбе с советской властью.

Генерал-лейтенант Н. Стогов

27 ноября 1919 года.

5/ХП-19

Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Vrangell Collection. Box 39. Folder 1.

Документ 2.
Сведение о поступлении донесений
из «Национального центра» в Москве
в разведывательное отделение штаба
главнокомандующего ВСЮР.
20 сентября (3 октября) 1919 г.

Сов. секретно.

Начальник
разведывательного отделения
штаба
главнокомандующего
Вооруженными силами
на Юге России
«20» сентября 1919 г.

№

Ставка

Сведение

о поступлении донесений из Национального центра в Москве в разведывательное отделение штаба главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России.

25 марта 1919 г. 1) Об организации Стогова, ее деятельности и установлении непрерывной связи с ней при помощи курьеров;

2) об организации Московского Правого объединения, во главе с Л.Л. Кисловским;

3) об организации Ткаченко при «Союзе Возрождения»;

4) о связи с адмиралом Колчаком;

---

²²⁴⁷ Махно Нестор Иванович (26.10.1888–06.07.1934) — лидер анархистов. Один из руководителей крестьянского повстанческого движения на Украине, противостоявшего как белым, так и красным.

5) обстановка момента, события и новости Совдепии и Запада.

2 апреля О политическом и экономическом положении Советской России.

12 августа То же

21 августа 1) О положении дел Национального центра;

2) о настроении в Московских советских правящих кругах.

2 сентября 1) О восстаниях в Совдепии;

2) о настроении в Красной армии;

3) о нашей агитации и ее результатах;

4) состав управления Военно-революционного совета;

5) о численности красных армий и перебросках с Восточного фронта;

6) о продуктивности заводов в Совдепии, работающих на оборону;

7) о снабжении в красных армиях;

8) состояние Москвы в продовольственном отношении.

4 сентября 1) Финансовое состояние Московской военной организации;

2) о попытках рабочих Москвы организовать восстание;

3) о «Брусиловской группе» в Москве;

4) экономическое положение Москвы;

5) советская оперативная сводка;

6) о положении на Польском противосоветском фронте;

7) о политическом и военном положении Советской России;

8) о большевистской разведке;

9) о настроении крестьян в Совдепии;

10) список и характеристика работников Военно-законодательного совета Советской Республики.

7 сентября 1) Об аресте членов нашей организации в Москве;

2) о значении рейда ген. Мамонтова.

15 сентября 1) О численности штыков в красных армиях;

2) о новых формированиях в советских армиях;

3) о производстве заводов, работающих в Совдепии на оборону;

4) о перебросках советских войск;

5) о причинах отхода на восток армии адмирала Колчака;

6) о положении в Петрограде;

7) о красном терроре в Воронеже и Петрограде.

Генерального штаба

полковник Ряснянский

Обер-офицер для поручений

капитан Пуницкий

Бессарабия в советской стратегии начала 1920 г.

Доклад Ф.В. Костяева Л.Д. Троцкому*

В конце зимы 1920 г. части РККА уже завершали разгром войск генерала А.И. Деникина. К середине февраля красными была занята территория Правобережной Украины, советские войска вышли к Днестру, к границе оккупированной румынами еще в конце 1917 г. Бессарабии и овладели левобережьем Днестра. На повестку дня автоматически встал вопрос, как действовать на этом направлении дальше, тем более что оккупацию Бессарабии румынами Советская Россия не признавала, а сама Румыния, поддерживаемая Францией, находилась в состоянии враждебного нейтралитета в отношении Советской России.

Еще в 1919 г. в Советской России активно печатались материалы о гнете румынского оккупационного режима в Бессарабии по отношению к местному населению и вполне определенно говорилось о грядущей советизации региона, в том числе в газетах, предназначенных для широких народных масс. Например, красноармейская газета политотдела 6-й армии, действовавшей на Севере России, писала: «Почти для всякого пожившего хоть несколько недель в Бессарабии ясно, что существующий строй держится лишь на острие штыков, так как румынская армия в большинстве распропагандирована и трудно ожидать, чтобы она стала энергично бороться с восставшим народом.

Революция не только в Бессарабии, но и в самой Румынии — лишь вопрос времени, т.к., исключая небольшой кучки аристократов, офицеров и крупных землевладельцев, все недовольны нынешним порядком вещей.

С каждым днем все более и более становится очевидным уклон в массах к большевизму. И недалеко то время, когда мы услышим о восстановлении в Бессарабии Советов»²²⁴⁸.

В конце апреля 1919 г. Одесским губкомом было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабии, позднее объявившее о создании Бессарабской советской социалистической республики (в составе РСФСР) и находившееся в Одессе, а затем в Тирасполе. 28 апреля Политбюро Компартии Украины приняло решение о формировании Бессарабской Красной армии. Овла-

---

* Впервые опубликовано: Июнь 1940-го. Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР: Мат. междунар. науч.-практ. конф. М., 2010. С. 183–196.

²²⁴⁸ В Бессарабии // Наша война. Красноармейская газета политического отдела 6-ой армии. 1919. 16 янв. № 7. С. 1.

дение Бессарабией требовалось для дальнейшего броска частей РККА через Буковину в Венгрию на поддержку Венгерской Советской Республики²²⁴⁹. Впрочем, эти планы тогда реализовать не удалось, прежде всего, в связи с нестабильной ситуацией на Украине (мятежом начальника 6-й Украинской стрелковой дивизии Н.А. Григорьева и комбрига Н.И. Махно на юге Украины) и наступлением Деникина. Но, по всей видимости, идея возвращения оккупированной Бессарабии продолжала владеть умами большевистских лидеров и не отличалась от аналогичных намерений в отношении других территорий бывшей Российской империи. Другое дело, что не всегда эти планы удавалось воплотить в жизнь.

Разумеется, к началу 1920 г. на волне эйфории от впечатляющих побед над внутренней контрреволюцией уверенность в том, что Красная армия одолеет румын, как у большевиков, так и у их военных специалистов должна была быть достаточно высока. Не случайно 10 января 1920 г. Южный фронт был переименован в Юго-Западный, что указывало на дальнейшее направление развития операций, не исключавшее действий в направлении Бессарабии.

В фонде секретариата председателя РВСР Российского государственного военного архива мне удалось обнаружить документ, отражающий взгляды советского командования на бессарабский вопрос в начале 1920 г. Тогда штатный преподаватель академии Генштаба РККА, бывший Генштаба генерал-майор Федор Васильевич Костяев, в недавнем прошлом занимавший один из ключевых в РККА постов начальника Полевого штаба РВСР, подготовил доклад председателю РВСР Л.Д. Троцкому, посвященный бессарабскому вопросу. Доклад датирован 15 марта 1920 г.²²⁵⁰ В подготовке доклада участвовал и еще один генштабист — Иван Дмитриевич Моденов²²⁵¹.

Костяев к этому времени уже успешно занимался преподавательской работой в академии Генштаба РККА, а также периодически выступал в качестве консультанта НКВД по военным вопросам при различных международных переговорах. Можно сказать, что, освободившись после своего ареста по «делу» Полевого штаба РВСР, он помимо преподавательской деятельности специализировался на вопросах демаркации границ. В 1919 г. участвовал в переговорах с Эстонией, в 1921 г. — с Польшей, в 1925 г. — с Финляндией. В этой связи неудивительно, что именно он был автором доклада по разграничению с Румынией. К тому же Троцкий прекрасно знал Костяева по прошлой совместной работе, поэтому, вполне вероятно, к рассуждениям бывшего генерала глава РВСР прислушивался. Не исключено, что и сам доклад был подготовлен по просьбе вождя Красной армии, тем более что этот документ являлся результатом коллективного творчества нескольких военспецов и в этом случае, скорее всего, не мог возникнуть по личной инициативе Костяева. Моденов же был в недавнем прошлом сотрудником Костяева по Полевому штабу РВСР.

В этом интересном документе излагалась идея необходимости удержания Бессарабии в составе России, поскольку она прикрывала весь юг страны со стороны

---

²²⁴⁹ Подробнее об этом см.: *Мельтихов М.* Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1940 гг.). М., 2006. С. 91–92, 98.

²²⁵⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 462–467.

²²⁵¹ Моденов Иван Дмитриевич — см. примеч. 2016.

Венгрии и Румынии. Костяев отмечал: «Военное значение Бессарабии определяется тем, что она как по своему относительному положению (лежит на операционных направлениях на Одессу и [к] среднему течению Днестра), так и по своим физическим свойствам (особенно трудноодолимых препятствий реки Днестра и отчасти р. Прута) прикрывает собою весь юг России как со стороны Румынии, так и со стороны Венгрии. Поэтому сохранение за Россией Бессарабии и признание Румынией прежней государственной границы, даже путем других уступок, является для России в военном отношении актом первостепенной важности»²²⁵².

Костяев выступил как патриот-государственник, отстаивавший возвращение в состав страны ранее незаконно отторгнутых территорий. Однако бывший генерал понимал и то, что, скорее всего, румыны откажутся от добровольного возвращения Бессарабии. В этом случае он предполагал проводить разграничение на компромиссных условиях, исходя из состава населения уездов бывшей Бессарабской губернии и стратегических интересов Советской России. В ряде случаев аргументация Костяева базировалась на задачах стратегии, а иногда была основана на демографических данных о преобладании в том или ином уезде русского населения. Нередко аргументация была двоякой.

По мнению автора доклада, «в случае, наиболее вероятном, выдвижения Румынией принципа о принадлежности ей Бессарабии на основах самоопределения народов, с военной точки зрения и в полном соответствии с данными этнографическими и историческими необходимо будет государственную границу с Румынией провести таким образом, чтобы по возможности сохранить за Россией части Бессарабии, лежащие на главнейших операционных направлениях: на Одессу и к среднему течению р. Днестра»²²⁵³. Речь шла о проведении на одесском направлении границы от Бендер к устью реки Лунга. Подобное разграничение оставляло бы за Россией плацдарм впереди Одесского района и Черноморское побережье, а также нижнее течение Дуная и железные дороги Южной Бессарабии. Несмотря на некоторые отличия, оно примерно соответствует современной молдавско-украинской границе (т.е. советскому административному разграничению 1940 г.). Костяев особо отмечал, что «ни Молдавия, ни Валахия никогда не владели частью Бессарабии южнее параллели г. Бендеры»²²⁵⁴. Впрочем, нужно сделать уточнение, что по условиям Парижского мирного договора 1856 г. Молдавия получила часть Южной Бессарабии (Измаильский, Болградский и Кагульский уезды), но уже в 1878 г. эти территории были возвращены России. Кроме того, по данным Костяева, в Аккерманском²²⁵⁵ уезде русские составляли большинство населения, в Измаильском незначительно преобладали молдаване, а в Бендерском население делилось пополам.

Хогинский уезд, оккупированный румынами, по мнению Костяева, также должен был принадлежать России, поскольку русское население там преобладало. Следует учитывать, что Костяев в соответствии с дореволюционной традицией относил к русскому населению как русских, так и украинцев. Границу на этом

---

²²⁵² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 462.

²²⁵³ Там же.

²²⁵⁴ Там же. Л. 462об.

²²⁵⁵ Аккерман — старое название г. Белгород-Днестровский.

участке Костяев предполагал провести от Могилева-Подольского до устья реки Раковец.

Интересно, что Костяев предлагал выдвинуть и политические требования при разграничении с Румынией. Он, в частности, рекомендовал запретить румынам держать войска в отходящей к ним приграничной части Бессарабии и потребовать удаления оттуда контрреволюционных сил, планировавших дальнейшую борьбу с Советской Россией. В докладе отмечалось: «Дабы ослабить значение выдвинутой части Бессарабии, долженствующей по признакам этнографическим отойти к Румынии (от Могилева до Бендер) и пролегающей в 25–50 верст[ах] от железнодорожной линии Одесса–Жмеринка, — необходимо выдвинуть вопрос о нейтрализации для Румынии этой части Бессарабии в военном отношении, т.е. задержание ей держать в этой части Бессарабии войска, кроме пограничных, строить укрепления, держать склады и т.д.

Одновременно с решением вопроса о государственной границе необходимо выдвинуть также вопрос о военных гарантиях, причем Румыния должна, подобно Эстонии, удалить со своей территории все группы, организации и войсковые части, ставящие своей целью борьбу с Советской Россией»²²⁵⁶.

Доклад Костяева показывал основательность и глубину проработки стратегических вопросов старыми генштабистами. Документ не свидетельствовал, однако, о намерении советского руководства вернуть Бессарабию силой. Речь шла, прежде всего, о предложениях по урегулированию вопроса о разграничении с Румынией. Тем не менее в условиях продолжавшейся Гражданской войны, конечно, нельзя было сбрасывать со счетов и военную составляющую. Интересно, что наблюдения бывшего генерала Костяева оказались достаточно точными во многих отношениях: основываясь на военно-географическом и демографическом анализе, он сумел примерно очертить границы будущей Молдавской ССР, оформившиеся лишь два десятилетия спустя, и акцентировал внимание на необходимости возвращения Бессарабии в состав России.

Впрочем, обострение отношений с Польшей и начавшаяся вскоре советско-польская война привели к тому, что советское руководство весной 1920 г. решило не ввязываться в вооруженную борьбу с румынами из-за Бессарабии, хотя такой конфликт вполне мог произойти уже тогда. Решение бессарабского вопроса оказалось отложено на два десятилетия, вплоть до 1940 г. При этом Москва никогда не отказывалась от планов освобождения Бессарабии от оккупантов.

В марте–апреле 1924 г. на советско-румынской конференции в Вене СССР предложил провести в Бессарабии плебисцит по вопросу самоопределения края, чтобы население самостоятельно выбрало дальнейший путь развития региона. Румыния, разумеется, отказалась от этого, поскольку население Бессарабии в основном выступало против румынских оккупационных властей²²⁵⁷. В том же году в составе Украинской ССР была создана Молдавская АССР. Горячим сторонником этого шага был М.В. Фрунзе.

²²⁵⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 463.

²²⁵⁷ *Бомешко Б.Г.* Бессарабия на перепутье: Советская Россия или Королевская Румыния? // Россия в исторических судьбах молдавского народа: (К 350-летию миссии Молдавского Митрополита Гедона в Москву) / Под ред. проф. Н.В. Бабилунги. Бендеры, 2009. С. 75; *Он же.* Создание, становление и защита приднестровской государственности. 1990–1992 гг. Бендеры, 2010. С. 43.

Стоит отметить, что уже на следующий год после этого, когда Фрунзе занял пост председателя РВС СССР, румыны всерьез испугались угрозы советского вторжения, сделав далеко идущие выводы из того, что отец Фрунзе был молдаваном. Фрунзе с присущим ему юмором ответил на это в речи, посвященной седьмой годовщине создания РККА, в которой подчеркнул враждебность СССР румынским боярам и пророчески добавил: «Могу заверить румынских правителей, что не страх перед королевским воинством и его грозными вооружениями, а только наше глубокое стремление к миру позволяет румынским боярам издеваться над поработанными трудящимися Бессарабии и Буковины. Мы глубоко уверены, что сохранение мира и факт наших мирных успехов приведет к разрешению целого ряда вопросов, в том числе и вопроса о Бессарабии. Для этого нам вовсе не нужно организовывать и готовить войну с Румынией. Все делается и помимо этого»²²⁵⁸. Так в итоге и произошло.

Документ интересен и с точки зрения истории и демографии Бессарабии, поскольку в качестве приложения содержит краткий обзор прошлого этого региона, а также несколько детальных статистических выкладок по национальному составу населения.

В[есьма] секретно

Генерального
штаба
Ф.В. Костяев
«15» марта 1920 года
№.....
гор. Москва²²⁵⁹

Председателю
Революционного военного
совета Республики.

Военное значение Бессарабии определяется тем, что она как по своему относительному положению (лежит на операционных направлениях на Одессу и [к] среднему течению Днепра), так и по своим физическим свойствам (особенно трудноодолимых препятствий реки Днестра и отчасти р. Прута) прикрывает собою весь юг России как со стороны Румынии, так и со стороны Венгрии. Поэтому сохранение за Россией Бессарабии и признание Румынией прежней государственной границы, даже путем других уступок, является для России в военном отношении актом первостепенной важности.

Первое предложение Румынии должно вследствие этого базироваться на основе сохранения за Россией Бессарабии.

В случае, наиболее вероятном, выдвижения Румынией принципа о принадлежности ей Бессарабии на основах самоопределения народов, с военной точки зрения и в полном соответствии с данными этнографическими и историческими

²²⁵⁸ РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 122. Л. 42.

²²⁵⁹ Рукописная резолюция: «Распор.».

необходимо будет государственную границу с Румынией провести таким образом, чтобы по возможности сохранить за Россией части Бессарабии, лежащие на главнейших операционных направлениях: на Одессу и к среднему течению р. Днепра.

I. В направлении на Одессу и Черноморское побережье проходят со стороны Румынии железные дороги: Яссы–Бендеры–Одесса, Галац–Бендеры–Одесса, Галац–Аккерман–Одесса, имеющие огромное стратегическое значение.

Все эти дороги пересекают три уезда — Бендерский, Измаильский и Аккерманский; из них Аккерманский уезд, непосредственно прилегающий к Одесскому району, с преобладающим населением русских (36,5% — русских, 16,5% — молдаван); Измаильский уезд — лишь с небольшим преобладанием молдаван по отношению русских (39,1% молдаван, 32% русских, 12,5% болгар), причем молдаване населены в западной части уезда, а русские большей частью — в восточной; в Бендерском уезде русские составляют половину молдаван.

Необходимо также отметить, что ни Молдавия, ни Валахия никогда не владели частью Бессарабии южнее параллели г. Бендеры.

Поэтому государственная граница между Россией и Румынией на одесском направлении в соответствии с данными этнографическими и историческими может быть спроектирована следующим образом: Бендеры (для России включительно — как переправа через р. Днестр) — России — река Лунга до устья и далее прямая линия на Рени; эта граница может быть спрямлена от Бендер к устью р. Лунга.

Указанная государственная граница помимо того, что создает плацдарм впереди Одесского района, но еще сохраняет за нами важнейшие железные дороги южной Бессарабии, Черноморское побережье от Одессы до устья р. Дуная и ниже течение р. Дуная.

II. В направлении к среднему течению р. Днепра находится единственный уезд с преобладающим русским населением — Хотинский (русских — 59,5%, молдаван — 23,8%), который бесспорно должен принадлежать России.

Эта часть Бессарабии включает в себя прямое железнодорожное сообщение от Черновицы на Жмеринку и далее на Киев.

Государственная граница в этой части Бессарабии может быть спроектирована таким образом: Могилев (Подольский) — устье р. Раковец.

III. Дабы ослабить значение выдвинутой части Бессарабии, долженствующей по признакам этнографическим отойти к Румынии (от Могилева до Бендер) и пролегающей в 25–50 верст[ах] от железнодорожной линии Одесса–Жмеринка, — необходимо выдвинуть вопрос о нейтрализации для Румынии этой части Бессарабии в военном отношении, т.е. запрещение ей держать в этой части Бессарабии войска, кроме пограничных, строить укрепления, держать склады и т.д.

Одновременно с решением вопроса о государственной границе необходимо выдвинуть также вопрос о военных гарантиях, причем Румыния должна, подобно Эстонии, удалить со своей территории все группы, организации и войсковые части, ставящие своей целью борьбу с Советской Россией.

Испрашиваю указаний по наложенным вопросам, как основным при ведении мирных переговоров.

- Приложения: 1) карта проектируемой границы²²⁶⁰;
2) исторический и этнографический очерки.

Генерального штаба Ф. Костяев

Историческая справка о Бессарабии

До XIII века славянское племя — угличи, жившие между Днестром и Дунаем (нынешняя Бессарабия) и имевшие города Пересечен, Тигин (Тунгате — ныне Бендеры) и Белгород (ныне Аккерман), подчинялись Киевским и Галицким князьям.

В начале XIII века земли угличей подпали под власть татар.

В XIII веке в Бессарабии появляются румыны. В начале XV века Бессарабия от татар перешла к Литве, но к 1432 г. уже была во власти турок.

В XVI веке Буджак уступлен татарам.

В конце XVI века и до 1621 года Бессарабия принадлежала Польше. После 1621 года оставалась под властью турок до XIX столетия.

По Белградскому миру 1739 года России с Турцией Бессарабия осталась под властью турок.

По Кучук-Кайнарджинскому миру 10-го июля 1774 года (ратификация 13 января 1775 года) Россия приобрела земли между Днепром и Южным Бугом, но Бессарабия была возвращена Турции.

По Ясскому миру 1791 года Россия получила земли до Днестра.

По Бухарестскому миру 16 мая 1812 года вся Бессарабия отошла к России, но Молдавия и Валахия остались под властью Турции.

По Адрианопольскому миру 1829 года Россия получила Дунайские гирла с островами и г. Сулиным.

По Парижскому трактату 18 (30) марта 1856 года (ратификация 27 апреля 1856 года) Россия уступила Турции южную часть Бессарабии (весь Измаильский уезд и части Кагульского и Аккерманского уездов) и Дунайские гирла с островами и г. Сулиным.

По Берлинскому трактату 1878 года Россия вернула южную часть Бессарабии (весь Измаильский уезд и части Кагульского и Аккерманского уездов) и Дунайские гирла с островами и г. Сулиным.

По Берлинскому трактату 1878 года Россия вернула южную часть Бессарабии, но Дунайские гирла отошли к Румынии.

Составил И. Моденов

---

²²⁶⁰ В деле отсутствует.

Пламенной состав населения в %%

Бессарабская губерния

Уезды	Абсолютное число жителей	Великорусы с малорусами	Полвки	Болгары	Молдаване	Немцы	Греки	Албанцы	Армяне	Цыгане	Евреи	Турки	Прочие
Кишиневский	363.900	13,82	1,32	0,40	62,91	0,84	0,14	—	0,22	0,65	19,45	0,02	0,23
Гор. Кишинев	—	30,16	3,00	0,85	17,59	1,17	0,28	—	0,34	0,14	45,93	0,03	0,51
Акерманский	402.200	36,37	0,12	21,32	16,39	16,35	0,04	—	0,25	0,40	4,63	3,91	0,22
Гор. Аккерман	—	74,22	0,59	1,04	0,73	0,70	0,15	—	2,15	0,10	19,72	0,18	0,42
Бендерский	295.300	20,40	0,65	7,61	45,15	2,90	0,06	—	0,05	0,45	8,43	14,15	0,15
Гор. Бендеры	—	53,85	3,20	0,35	7,35	0,96	—	—	0,24	—	33,40	—	0,65
Белецкий	286.700	18,13	0,68	0,01	66,35	1,00	0,05	—	0,08	0,73	12,88	-0,02	0,09
Гор. Бельцы	—	22,84	2,89	0,04	17,08	0,56	0,09	—	0,27	0,03	55,86	—	0,32
Измаильский	348.500	32,08	0,22	12,52	39,10	1,95	0,73	0,34	0,07	0,47	4,80	7,25	0,47
Гор. Измаил	—	72,35	0,55	4,20	7,13	0,28	2,25	—	0,42	0,13	12,27	0,10	0,32
Оргезевский	288.400	8,24	0,27	0,04	77,87	0,10	0,07	—	0,09	0,75	12,50	—	0,07
Гор. Оргезев	—	11,54	0,95	0,04	27,60	0,08	0,07	—	0,56	0,95	67,85	—	0,36
Сорокский	302.200	20,90	0,80	0,01	63,21	0,48	0,03	—	0,06	0,20	14,25	—	0,06
Гор. Сороки	—	19,53	1,97	0,01	20,88	0,14	0,03	—	0,03	0,08	66,97	—	0,36
Хотинский	411.400	59,54	0,72	—	23,84	0,22	—	—	—	0,03	15,60	—	0,05
Гор. Хотин	—	47,02	2,33	—	0,26	0,13	—	—	0,05	—	60,06	—	0,15
Вся губерния	2.698.600	27,80	0,60	5,33	47,58	3,11	—	—	—	0,45	11,79	2,88	0,46

Составил И. Моленов

Племенной состав населения в %%

По данным переписи 1902 года

Молдавия . . . . . 1.881.261 чел.

Румын	83,50%
Евреев	11,00%
Венгерцев	3,80%
Немцев	1,10%
Армян	0,20%
Русских	0,15%
Прочих	0,25%

Добруджа . . . . . 268.390 чел.

Румын	46,00%
Болгар	15,00%
Татар	10,90%
Русских	10,00%
Турок	4,50%
Греков	3,30%
Немцев	3,30%
Евреев	1,80%
Гагауцев	1,50%
Цыган	1,10%
Армян	1,10%
Прочих	1,60%

Составил И. Моденов

«Страх перед призраками»

«Заговор» бывших генералов А.Е. Гутора,
А.М. Зайончковского и В.Н. Клембовского. 1920 г.

Немалый резонанс и в памяти современников, и в исторической литературе оставила деятельность Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики, созданного 2 мая 1920 г. Резонанс этот, прежде всего, был связан с новыми и неожиданными для революционной эпохи патриотическими нотками в большевистской политической практике, озвученными (с санкции властей, разумеется) членами совещания на фоне стремительно развивавшихся событий советско-польской войны.

Членами совещания стали бывшие генералы М.В. Акимов, П.С. Балугев, А.И. Верховский, А.Е. Гутор, А.М. Зайончковский, В.Н. Клембовский, Д.П. Парский, А.А. Поливанов, А.А. Цуриков. Все они были выпускниками Николаевской академии Генерального штаба. В качестве представителей большевистской власти в совещание вошли А.Н. Александров, К.Х. Данишевский, Л.П. Серебряков, И.И. Скворцов-Степанов. Председателем совещания стал бывший генерал А.А. Брусилов. Кроме них, в работе участвовали бывший генерал К.И. Величко и большевики Н.И. Подвойский и И.Ф. Медянец. Совещание было упразднено в сентябре 1920 г., после того как внешняя угроза Советской России была ликвидирована.

5 мая 1920 г. историк Ю.В. Готье записал в своем дневнике: «Наступление поляков продолжается, и Киев если не взят, то, во всяком случае, потерян заранее. Событие дня — образование “особого совещания” для принятия военных мер против поляков. Во главе совещания Брусилов; в составе его Поливанов²²⁶¹,

---

²²⁶¹ Поливанов Алексей Андреевич (04.03.1855–25.09.1920) — из дворян татарского происхождения, сын отставного офицера. Окончил частную гимназию при лютеранской церкви Св. Анны в Санкт-Петербурге (1871), Николаевское инженерное училище (1874), Николаевскую инженерную академию по 1-му разряду (1880) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду и первым по наукам (1888). Подпоручик (с 07.08.1874). Прапорщик гвардии (с 31.08.1875 со ст. с 07.08.1874). Подпоручик (с 27.03.1877). Поручик (с 30.08.1877). Штабс-капитан (с 30.08.1882). Капитан (с 30.08.1886). Подполковник (с 26.11.1888). Полковник (с 30.08.1890). Генерал-майор (с 06.12.1899 со ст. с 09.04.1900). Генерал-лейтенант (с 02.04.1906). Генерал от инфантерии (с 10.04.1911 со ст. с 25.03.1912). На службе с 16.08.1871. Во 2-м саперном батальоне (с 12.09.1874). В Лейб-гвардии Гренадерском полку (с 16.11.1874). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Участник осады Плевны (10–13.10.1877), сражения под Горным Дубняком, в котором был ранен пулей навывлет в левую сторону груди (13.10.1877); отправлен в тыл. В 4-м сводно-гвардейском полку (03.05–07.06.1883). Переведен в Генеральный штаб с назначением старшим

Клембовский²²⁶², Гутор²²⁶³ и другие генеральские ошметки великой войны. Неко-
торые хотят в этом видеть признаки какого-то поправения большевиков. Я этого
не думаю; скорее, это привлечение генералов на роль манекенов; а для генера-

адыютантом штаба Киевского военного округа (26.11.1888). Командирован во Францию и Германию с на-
учной целью (1889). Младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба
(с 16.08.1890). Старший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба
(с 04.05.1893). Вр.и.о. начальника 2-го отделения Главного штаба (04.05.1893–17.01.1894). Утвержден в
должности (17.01.1894). Помощник главного редактора журнала «Военный сборник» и газеты «Русский
инвалид» (с 09.04.1899), главный редактор (с 03.08.1899). Постоянный член и управляющий делами Глав-
ного крепостного комитета (с 16.11.1904). 2-й генерал-квартирмейстер Главного штаба (с 18.01.1905).
И.д. начальника Главного штаба (с 28.06.1905, вступил в должность 30.06.1905). Утвержден в должности
(02.04.1906). Помощник военного министра (с 14.04.1906). Неоднократно временно исполнял обязанности
министра. Почетный член Николаевской инженерной академии (с 10.06.1910). Член Государственного со-
вета (с 01.01.1912). Уволен от должности помощника военного министра (24.04.1912). Член Особого ко-
митета по усилению флота на добровольные пожертвования (1913). Член Романовского комитета для вос-
пособления делу призрения сирот сельского населения (с 02.03.1914). Участник Первой мировой войны.
Состоял при верховном начальнике санитарной и эвакуационной части принца А.П. Ольденбургском (с
11.11.1914). Управляющий Военным министерством (13.06.1915–15.03.1916). Председатель Особого со-
вещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (с 17.08.1915). Председа-
тель Особой комиссии по построению армии на новых началах (1917). Уволен от службы (14.12.1917).
Арестован в период массовых арестов офицеров в качестве заложника без предъявления обвинения
(08.1918–02.10.1918). Занимался переводом иностранной литературы для Наркомпроса. На службе в РККА
(с 04.1919). Участник Гражданской войны. Редактор отдела службы Генерального штаба главной военно-
научной редакции (с 04.1919). Повторно арестован (28.05.1919, в заключении до 01.1920). В распоряже-
нии начальника Всероссийского главного штаба (с 16.01.1920). Член Военно-законодательного совета при
РВСР. Член Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Всероссийского глав-
ного штаба. Член Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики
(с 02.05.1920). Умер от тифа во время пребывания в Риге в качестве военного эксперта в составе делегации
для заключения мира с Польшей. Похоронен в Александро-Невской лавре в Петрограде. Награды: ордена
Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1877), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (01.12.1878),
вензель императора Александра II на погоны (22.09.1881), ордена Св. Анны 3-й ст. (03.09.1882), Св. Стан-
ислава 2-й ст. (30.08.1885), годовое жалованье за отличные успехи в науках в академии Генерального
штаба (31.03.1888), перстень с сапфиром из Кабинета Его Императорского Величества (24.12.1890), ордена
Св. Анны 2-й ст. (30.08.1893), Св. Владимира 4-й ст. (06.12.1895), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1898), Св.
Станислава 1-й ст. (06.12.1902), Св. Анны 1-й ст. (06.12.1905), Св. Владимира 2-й ст. (06.12.1909), Бело-
го Орла (25.03.1912), бант к ордену Св. Владимира 4-й ст. (22.09.1914), орден Св. Александра Невского
(25.06.1915), светло-бронзовая медаль в память войны 1877–1878 гг., темно-бронзовая медаль в память
священного коронования императора Александра III (13.02.1884), серебряная медаль в память царство-
вания императора Александра III (23.03.1896), серебряная медаль в память священного коронования Их
Императорских Величеств (21.06.1896), бронзовая медаль за труды по первой всеобщей переписи насе-
ления (04.04.1897), светло-бронзовая медаль в память 50-летия защиты Севастополя (27.09.1905), светло-
бронзовая медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых (21.02.1913), нагрудный знак для
лиц, приносивших Их Императорским Величествам личные верноподданические поздравления по слу-
чаю 300-летия Царствования Дома Романовых в дни юбилейных торжеств (22.03.1913), румынский желез-
ный крест в память перехода через Дунай (05.06.1879), офицерский крест французского ордена Почетного
легиона (19.12.1894), бухарский орден Золотой Звезды 2-й ст. (17.06.1896), австрийский орден Железной
короны 2-й ст. (23.06.1897), прусский орден Красного Орла 2-й ст. (12.10.1897), командорский крест ру-
мынского ордена Звезды (15.02.1899), бухарский орден Золотой Звезды 1-й ст. (12.04.1902), персидский
орден Льва и Солнца 1-й ст. (29.01.1906), прусский орден Красного Орла 2-й ст. со звездой (15.05.1906), ор-
ден Сиамской короны 1-й ст. (10.01.1907), орден бухарской Короны с алмазами (10.01.1907), черногорский
орден князя Данила I 1-й ст. (05.09.1908), бухарский орден Искандер-Салис (10.02.1910), китайский орден
Двойного Дракона 2-й ст. 1-го класса (31.03.1911), болгарский орден Св. Александра 1-й ст. (13.06.1911),
большая офицерская звезда французского ордена Почетного легиона 2-й ст. (22.05.1912), большой крест

лов — это золотой мост для перехода на паек, так как якобы Гражданская война кончилась, а теперь началась война с иноземцами. Для большевиков генералы — ширмы, за которыми им легче вести свою политику: очередной обман это маски-

британского ордена Св. Михаила и Георгия (15.03.1916). Супруга дочь генерал-майора Наталья Александровна Шлиттер. Сын Александр (23.03.1889–1914) — поручик, убит на фронте. Соч.: Оздоровление казарм 1-го Тяжелого конного Баварского полка в Мюнхене. СПб., 1889; Подготовка юго-западного театра в инженерном отношении. К., 1889; Очерк устройства продовольствования русской армии на Придунайском театре в кампании 1853–1854 и 1877 гг. СПб., 1894; Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. Личный фонд: РГВИА. Ф. 89. Подробнее см.: *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917: Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 531–534.

²²⁶² Клембовский Владислав Наполеонович (28.06.1860–19.07.1921) — из дворян Московской губернии, родился в Москве, из Московского уезда Московской губернии. Вероисповедания реформатского. На военной службе с 08.08.1877. Окончил 1-ю Московскую военную гимназию (1877), 3-е военное Александровское училище по 1-му разряду (06.08.1879), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1885). Подпоручик (со ст. с 08.08.1879). Прапорщик гвардии (со ст. с 08.08.1879). Подпоручик (со ст. с 17.04.1883). Поручик (со ст. с 24.03.1885). Штабс-капитан гвардии (со ст. с 29.03.1885). Капитан Генштаба (со ст. с 29.03.1885). Подполковник (со ст. с 30.08.1890). Полковник (со ст. с 30.08.1894). Генерал-майор (со ст. с 21.10.1904). Генерал-лейтенант (со ст. с 29.06.1912). Генерал от инфантерии (со ст. с 17.09.1915). На службе с 06.08.1877. В Лейб-гвардии Измайловском полку. Командир роты 1-го пехотного Невского полка (01.09–01.10.1887). Командир роты 2-го пехотного Софийского полка (01.10.1887–14.09.1888). Старший адъютант штаба 1-й пехотной дивизии (15.02.1886–04.08.1890). Прикомандирован к Тверскому кавалерийскому юнкерскому училищу для преподавания военных наук (04.08.1890–11.08.1894). Штаб-офицер при управлении 1-й стрелковой бригады (11.08.1894–27.11.1897). Командир батальона 2-го стрелкового полка (01.05–12.09.1895). Начальник штаба 7-й пехотной дивизии (27.11.1897–16.09.1899). Начальник штаба 11-й кавалерийской дивизии (16.09–25.11.1899). Начальник штаба 31-й пехотной дивизии (25.11.1899–30.06.1901). Командир 122-го пехотного Тамбовского полка (30.06.1901–21.10.1904). Участник Русско-японской войны. Ранен в сражении при Ляояне (12–15.08.1904). Контужен. По некоторым данным, дважды ранен и один раз контужен. Числился в списках 122-го пехотного Тамбовского полка. Начальник штаба IV армейского корпуса (21.10.1904–04.02.1906). Начальник штаба X армейского корпуса (04.02.1906–29.06.1912). Начальник 9-й пехотной дивизии (с 29.06.1912). Числился по Генеральному штабу (с 06.04.1914). Участник Первой мировой войны. Командир XVI армейского корпуса (с 13.10.1914). Начальник штаба армий Юго-Западного фронта (с 13.12.1915). Командующий 5-й армией (12.1915–01.1916). Начальник штаба армий Юго-Западного фронта (с 01.1916). Командующий 11-й армией (с 19.10.1916). Помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего (с 20.12.1916). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (11.03–05.04.1917). Член Военного совета (с 28.03.1917). Главнокомандующий армиями Северного фронта (с 31.05.1917). Член Военного совета (с 09.09.1917). Участник Гражданской войны. В РККА (1918–1920). Постоянный член Военно-законодательного совета (с 07.08.1918, на 1919). Председатель и редактор военно-исторической комиссии Всероссийского главного штаба (с 07.08.1918 и 15.11.1918, на 1919). Член Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики (с 1920). В распоряжении командующего Кавказским фронтом (1920). Арестован (06.1920–07.1921). Умер в тюрьме от истощения после 14-дневной голодовки. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1886), Св. Анны 3-й ст. (1890), Св. Станислава 2-й ст. (1896), Св. Анны 2-й ст. (1901), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1905), Св. Станислава 1-й ст. (1908), Св. Анны 1-й ст. (28.06.1912, утв. 18.07.1912), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 04.11.1914), Георгиевское оружие (Высочайший приказ 20.07.1916). Женат. Сын (на 1919) Георгий — подполковник. Братья: Артур-Оскар — генерал-майор и Наполеон — полковник. Соч.: Тайные разведки (Военное шпионство). СПб., 1892; 2-е изд. СПб., 1911; Партизанские действия. СПб., 1894; 2-е изд. Пг., 1919; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5: Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом. М., 1920.

²²⁶³ Гутор Алексей Евгеньевич (30.08.1868–13.08.1938) — родился в Воронеже, сын генерал-майора. Окончил 4-й Московский кадетский корпус (1886), Михайловское артиллерийское училище (1889), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1895). Подпоручик (со ст. с 10.08.1889).

рование себя генералами, инсценировка национальной войны. Для России едва ли что может быть полезного от создающегося вновь положения войны: попытки наведения порядка в России при помощи белых безвозвратно разрушились вследствие глупости, неумения и ссор; Россия стала решительно большевистской, и для внешнего мира Россия и большевизм, вероятно, теперь почти синонимы, а отсюда выход такой: борьба с большевизмом будет борьбой с Россией при помощи окраин, которые идут на Россию и будут от нее отрывать все, что могут. И вот в борьбу мира против большевизма вводится новое оружие — русское национальное чувство. Но на кого оно будет работать? Не на благо России, которую нужно защитить от поляков, а на благо и укрепление большевизма, который за ширмами национального чувства и пользуясь, как манекенами, именами Брусилова, Поливанова и других, будет продолжать разлагать мир и пытаться силой оружия внедрять коммунизм и анархию как можно шире. Вот почему я не жду ничего хорошего от тех новых явлений, которые наблюдаются в последние дни. Просвета нет, как прежде, а материальное и нравственное положение нас — военнопленных, покоренных интернациональными коммунистами, — от войны с Польшей

Подпоручик гвардии (со ст. с 10.08.1889). Поручик (со ст. с 10.08.1893). Штабс-капитан гвардии (со ст. с 02.04.1895). Капитан Генштаба (со ст. с 02.04.1895). Подполковник (со ст. с 09.04.1900). Полковник (со ст. с 06.12.1904). Генерал-майор (со ст. с 04.11.1910). Генерал-лейтенант (со ст. с 31.12.1914). На службе с 31.08.1886. В Лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригаде. В гренадерской артиллерийской бригаде. В Лейб-гвардии Московском полку. Обер-офицер для поручений при штабе Гренадерского корпуса (01.05.1897–08.04.1900). Командир роты 2-го гренадерского Ростовского полка (14.10.1898–29.10.1899). Прикомандирован к Московскому военному училищу для преподавания военных наук (08.04.1900–20.09.1901). Штаб-офицер для особых поручений при штабе XII армейского корпуса (20.09–24.11.1901). Штаб-офицер для поручений при штабе Киевского военного округа (24.11.1901–15.10.1902). Старший адъютант штаба Киевского военного округа (15.10.1902–22.03.1904). Командир батальона 131-го пехотного Тираспольского полка (01.05–01.09.1903). Участник Русско-японской войны. Начальник штаба 9-й пехотной дивизии (22.03.1904–14.06.1905). Ранен в бою на р. Шахэ (26.09–03.10.1904). Командир 121-го пехотного Пензенского полка (14.06.1905–04.11.1910). Командир Лейб-гвардии Московского полка (04.11.1910–06.03.1913). В списках Лейб-гвардии Московского полка. Начальник штаба Казанского военного округа (с 06.03.1913). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 4-й армии (с 19.07.1914). Начальник 34-й пехотной дивизии (с 01.04.1915). Командир VI армейского корпуса (с 02.03.1916). Командующий 11-й армией (с 15.04.1917). Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (с 22.04.1917). В распоряжении Верховного главнокомандующего. В резерве чинов при штабе Московского военного округа (с 10.07.1917 до демобилизации). Участник Гражданской войны. В РККА добровольно (1918–1931). Участвовал в разработке уставов для РККА. Председатель комиссии по разработке уставов Всероссийского главного штаба (1919–1920). В прикомандировании к организационному управлению Всероссийского главного штаба (на 07.1919). Преподаватель военно-педагогических курсов. Член Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики (с 1920). В распоряжении помощника главнокомандующего по Сибири (с 06.07.1920). Арестован Омской ГубЧК (22.08.1920). Находился в заключении (по 11.03.1922) по обвинению в контрреволюционной деятельности. Дело прекращено президиумом ГПУ за недоказанностью обвинения. Реабилитирован 26.04.2000 прокуратурой Омской области. В резерве Штаба РККА (с 13.03.1922). Штатный групповой лектор Военной академии РККА. Старший руководитель по стратегии Военной академии РККА (на 1923). В отставке (с 1931). По одним данным, скончался в СССР, по другим — расстрелян. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1897), Св. Анны 3-й ст. (1903), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1905), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1906), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1906), ордена Св. Станислава 1-й ст. (06.12.1912), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 23.04.1915), Св. Георгия 3-й ст. (Высочайший приказ 03.06.1916). Разведен (на 1914), имел дочь. Брат Александр — Генштаба генерал-майор.

в ближайшие месяцы может стать только еще более тяжелым»²²⁶⁴. Так оценивали происходящее антибольшевистски настроенные представители старой интеллигенции в Советской России. Нельзя не отметить прозорливость суждения Готье о трансформации Гражданской войны от внутреннего братоубийства к борьбе внешних сил с Россией с помощью окраин бывшей империи.

Даже служивший во ВСЮР Генштаба полковник А.А. фон Лампе отметил в апреле 1920 г., что «большевики, боровшиеся за интернационал, идут дальше под нашими украденными у нас лозунгами, едут на нашей лошади, ведя за собой толпу во имя объединения России, сами стремясь к ее расчленению...»²²⁶⁵

В связи с созданием совещания фон Лампе записал: «Из 14 человек — 10 генералов, из них 9 “царских”²²⁶⁶. Что это, полная растерянность или бесконечная уверенность в себе?

Ну, если наши генералы и на этот раз не сумеют забрать в руки Красную армию и вырвать влияние у советских воров, — тогда я готов признать, что нам нужна советская власть. Я не могу верить, что все эти господа с Камневым стали коммунистами. Цуриков приезжал в Екатеринодар (как попал он в Совдепию?), Зайончковский готовился быть с нами... словом, коммунисты они маринованные, и это случай, который не повторится.

Наличие Брусилова с его способностью приспосабливаться, конечно, едва ли поможет делу, но все же возможность открывается уж очень большая!... Неужели же все они смирились и покорно пошли на выучку к жиду Л. Троцкому-Бронштейну? Неужели же русские генералы так потеряли свое лицо. Не могу я этому поверить, никак не могу, надо чего-нибудь ждать!!»²²⁶⁷

Очевидные надежды фон Лампе на правый военный переворот в Советской России не оправдались. Члены совещания 30 мая 1920 г. опубликовали знаменитое воззвание к бывшим офицерам русской армии, в котором призвали их вступить в Красную армию для защиты страны. В воззвании были такие строки: «Мы, ваши старшие бывшие товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и зываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не щадя жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою Матушку-Россию»²²⁶⁸. Документ подписали бывшие генералы М.В. Акимов, П.С. Балуев, А.А. Брусилов, А.Е. Гутор, А.М. Зайончковский, В.Н. Клембовский, Д.П. Парский, А.А. Поливанов. Все они, за исключением Брусилова, были выпускниками Николаевской академии Генер-

²²⁶⁴ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 403–404.

²²⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

²²⁶⁶ А.И. Верховский был произведен в генеральский чин при Временном правительстве.

²²⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 120–121.

²²⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.

рального штаба. Этот документ сыграл немаловажную роль в привлечении еще колебавшейся части офицерства старой армии в Красную армию.

Призыв вызвал настоящую бурю негодования на страницах дневника фон Лампе: «До какой степени подлости могут дойти люди со страха или с голоду. Каждое слово возвания дышит этим страхом, каждое слово — подлость. Ведь не могут же старые генералы искренне верить, что интернационалисты-большевики действительно думают о “Матушке-России”».

Какую сволочь дал, однако, нам старый строй. В такие минуты, когда старые генералы служат красному разбойнику, я начинаю думать, что действительно старый строй ни к чему не годился, раз люди, служившие ему по 40 лет, не находят в себе мужества быть честными»²²⁶⁹. При этом фон Лампе был согласен с необходимостью умерить пыл поляков.

Вскоре после этого часть членов совещания подверглась арестам, более напоминающим организованную кампанию. Об истории ареста этой группы бывших генералов старой армии и видных военных специалистов РККА в 1920 г. до сих пор практически не было сведений. Тем выше для понимания проблемы взаимоотношений большевистского режима и специалистов Генерального штаба значение каждого нового свидетельства по этому вопросу. В личном фонде Ф.Э. Дзержинского в Российском государственном архиве социально-политической истории мне удалось обнаружить переписку в связи с арестом бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Алексея Евгеньевича Гутора и его сослуживцев.

11 июня 1921 г. находившийся под стражей в московской тюремной больнице Гутор написал письмо начальнику Штаба РККА бывшему Генштаба генерал-майору П.П. Лебедеву с просьбой о помощи (Документ 1). Бывший генерал был арестован в Омске ГубЧК 22 августа 1920 г.²²⁷⁰, после чего до момента написания письма находился в тюремном заключении почти десять месяцев, причем первые два с лишним месяца даже не допрашивался. Заключенный недоумевал относительно выдвинутых против него обвинений в принадлежности к некой берлинской контрреволюционной монархической организации «Союз верности» (куда якобы также входили бывший генерал В.Н. Клембовский и инженер Н.К. фон Мекк) и в намеренном устройстве своего назначения в Омск для поднятия там восстания. Даже из уст следователя Я.С. Агранова обвинения звучали неубедительно, производили впечатление грубой фальсификации.

П.П. Лебедев 20 июня распорядился передать письмо Гутора заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому с просьбой разобраться, а тот 27 июня переправил его председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому, о чем свидетельствуют соответствующие резолюции на документе.

30 июня сам Дзержинский запросил секретаря Особого отдела ВЧК и своего личного секретаря В.Л. Герсона: «Наведите справки о деле Гутора и доложите мне. 30.VI Ф[еликс] Д[зержинский]»²²⁷¹, на что уже 1 июля получил обстоятельный ответ (Документ 2), который был затем сообщен Склянскому. Поскольку

²²⁶⁹ Там же.

²²⁷⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 937. Л. 10об.; Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 61.

²²⁷¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 32. Л. 22.

подозрения у чекистов еще оставались, а следствие не было завершено, Гутор остался в тюрьме и был освобожден лишь 11 марта 1922 г.²²⁷² В общей сложности он провел в заключении более полутора лет. Бывший генерал еще достаточно легко отделался. Трагичнее всех сложилась судьба арестованного генерала В.Н. Клембовского, который в знак протеста против произвола объявил голодовку и умер в тюрьме от истощения 19 июля 1921 г.

Как вспоминал генерал А.А. Брусилов, «в ближайшее же время после открытия “Особого совещания” с “генералами” их стали арестовывать. Зайончковский и Гутор были первыми арестованы, но не надолго. Их скоро выпустили. Что касается до Клембовского, то, невзирая на все мои хлопоты, его арестовали так крепко, что больше я его и не видел. Его не выпустили. Спустя некоторое время он умер в тюрьме от истощения. Далее я буду говорить о том, сколько раз мне удавалось спасать многих из заточения. Но теперь только упомяну, каким тяжелым камнем остались у меня на душе два случая, когда все мои хлопоты — словесные просьбы, письменные прошения, ничему не помогли, — это когда арестовали Клембовского и ген. Лечицкого²²⁷³. Последнего арестовали в Петрограде после наступления Юденича²²⁷⁴, привезли в Москву. Когда мы об этом узнали, то жена

²²⁷² Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007.

²²⁷³ Лечицкий Платон Алексеевич (18.03.1856–18.02.1923) — сын священника. Обучался в Литовской духовной семинарии, окончил Варшавское пехотное юнкерское училище (1880) и Офицерскую стрелковую школу. Генерал от инфантерии (1913). Командующий 9-й армией (с 09.08.1914). В распоряжении военного министра (с 18.04.1917). В отставке (с 07.05.1917). По некоторым данным, состоял в антибольшевистской организации в Петрограде (лето 1918). В Красной армии (с 1920). Инспектор пехоты и кавалерии Петроградского военного округа. Арестован и умер в тюрьме в Москве. Подробнее см.: *Залеский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 352–357.

²²⁷⁴ Юденич Николай Николаевич (18.07.1862–05.10.1933) — из дворян Минской губернии, сын директора землемерного училища, родился в Москве. Окончил Московское земледельческое училище (1879), 3-е Александровское военное училище (1881) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1887). Подпоручик (со ст. с 08.08.1881). Прапорщик гвардии (со ст. с 08.08.1881). Подпоручик (со ст. с 30.08.1884). Поручик (со ст. с 08.08.1885). Штабс-капитан гвардии (со ст. с 07.04.1887). Капитан Генерального штаба (со ст. с 07.04.1887). Подполковник (со ст. с 05.04.1892). Полковник (со ст. с 24.03.1896). Генерал-майор (со ст. с 19.06.1905). Генерал-лейтенант (со ст. с 06.12.1912). Генерал от инфантерии (со ст. с 24.01.1915). На службе с 06.08.1879. В Лейб-гвардии Литовском полку. В 1-м Туркестанском стрелковом батальоне. Во 2-м Ходжентском резервном батальоне. Старший адъютант штаба XIV армейского корпуса (26.11.1887–09.04.1891). Командир роты Лейб-гвардии Литовского полка (02.11.1889–12.11.1890). Ober-офицер для особых поручений при штабе XIV армейского корпуса (09.04.1891–27.01.1892). Старший адъютант штаба Туркестанского военного округа (27.01.1892–06.12.1896). Участник Памирской экспедиции (1894). Штаб-офицер при управлении Туркестанской стрелковой бригады (06.12.1896–20.09.1900). Штаб-офицер при управлении 1-й Туркестанской стрелковой бригады (20.09.1900–16.07.1902). Командир батальона 12-го гренадерского Астраханского полка (28.05–06.10.1900). Командир 18-го стрелкового полка (16.07.1902–19.06.1905). Участник Русско-японской войны. Ранен у д. Безымянной (01.01.1905), ранен в сражении под Мукденом (16–26.02.1905). В списках 18-го стрелкового полка (с 08.06.1907). Командир 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии (19.06.1905–10.02.1907). Генерал-квартирмейстер штаба Кавказского военного округа (10.02.1907–06.12.1912). Начальник штаба Казанского военного округа (06.12.1912–25.02.1913). Начальник штаба Кавказского военного округа (с 25.02.1913). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба Кавказской армии (с 02.10.1914). Командир II Туркестанского армейского корпуса (с 11.12.1914). Командующий Кавказской армией (с 24.01.1915). И.д. главнокомандующего Кавказской армией (с 03.04.1917). Главнокомандующий войсками Кавказского фронта (03.04–31.05.1917). Состоял в распоряжении военного министра (с 31.05.1917). Эмигрировал в Финляндию и Эстонию (11.1918). Участник Гражданской войны. Руководил Белым движением на Северо-Западе России (05.1919–01.1920). Главнокомандующий российскими вооруженными сухопутными и морскими силами в Прибалтийском

моя стала хлопотать о передачах ему, я же добивался его освобождения. Но тщетно. Мне обещали неоднократно, назначали сроки, когда его выпустят, и надували меня. Оба они так и умерли в тюрьмах, и это глубоко меня потрясло. Что касается Лечицкого, то я допускаю мысль, что по своей честной, но узкой несговорчивости, прямолинейности действий в вопросах политики, он и не хотел сдаваться, даже в разговорах. Но Клембовский думал и действовал иначе, его поймать в неискренности относительно советской власти было труднее²²⁷⁵. Это был человек с очень широкими горизонтами. И, тем не менее, они оба одинаково погибли»²²⁷⁶.

До сих пор нет полной ясности в вопросе о том, для чего ВЧК подвергала преследованиям в общем-то уже немолодых людей, которых трудно было заподозрить в какой-либо активной контрреволюционной деятельности (такие сведения, и то лишь косвенные, имелись в отношении Зайончковского и касались событий 1919 г.²²⁷⁷). Бывшему генералу Клембовскому на момент ареста было 60 лет, бывшему генералу Зайончковскому и барону фон Мекку — по 58 лет. Следует учитывать, что здоровье некоторых из них уже было подорвано тяготами военного времени, и даже без репрессий продолжительность их жизни едва ли могла быть большой. Например, из умерших своей смертью генерал Зайончковский прожил 63 года, генерал Клембовский — 61 год. Серьезных руководящих постов, которые можно было бы использовать для поднятия вооруженного мятежа, арестованные не занимали. Никаких значимых рычагов военного управления в их руках сосредоточено не было. Соответственно, заговор, который бы угрожал безопасности Советской России, они организовать не могли.

В антибольшевистских кругах получили распространение суждения о том, что создание Особого совещания при главнокомандующем во главе с А.А. Брусиловым было победой русской патриотической группировки в советском военно-политическом руководстве, признаком поправления режима и поражением партии «Дзержинского и жидов»²²⁷⁸. В ответ на это большевистской верхушкой перед ВЧК якобы была поставлена задача скомпрометировать старый генералитет, обнаружив в его среде очередной «белогвардейский заговор». Однако этой версии противоречит оценка совещания самим его председателем как декоративного органа. По свидетельству Брусилова, это оказалась инсценировка, которая «со стороны правительства была белыми нитками сшита... делать

районе (с 05.06.1919). Командующий Северо-Западной армией (02.10–28.11.1919). Арестован С.Н. Булак-Балаховичем (01.1920). В эмиграции — в Ницце (Франция). Умер в Каннах. Похоронен на кладбище Кокад. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1889), Св. Анны 3-й ст. (1893), Св. Станислава 2-й ст. (1895), Св. Анны 2-й ст. (1900), Св. Владимира 4-й ст. (1904), Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1906), Св. Станислава 1-й ст. с мечами (1906), Золотое оружие с надписью «За храбрость» (1906), ордена Св. Анны 1-й ст. (06.12.1909), Св. Владимира 2-й ст. (24.04.1913, утв. 09.07.1913), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 13.01.1915), Св. Георгия 3-й ст. (Высочайший приказ 04.08.1915), Св. Георгия 2-й ст. (Высочайший приказ 15.02.1916). Женат.

²²⁷⁵ Так нельзя печатать, это может отразиться на его вдове Марии Александровне в Москве (примеч. А.А. Брусилова).

²²⁷⁶ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 296.

²²⁷⁷ Подробнее см. специальный материал в настоящем издании.

²²⁷⁸ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). David D. Grimm Papers. Box 3. Folder 1. По всей вероятности, речь шла о сторонниках интернационализма и экспорта революции.

дела они нам не давали, не веря нам»²²⁷⁹. Действия ВЧК в этом случае, как и во многих других, следует расценивать, прежде всего, как акцию устрашения военных специалистов для предупреждения реальных военных заговоров, которых так опасались большевистские вожди.

Документ 1.

Письмо А.Е. Гутора начальнику Штаба РККА П.П. Лебедеву. 11 июня 1921 г.

Многоуважаемый Павел Павлович!²²⁸⁰

Я вчера написал заявление тов. Троцкому, а также и Вам, — к Вам с просьбой поддержать мое ходатайство об освобождении, так как меня Лев Давыдович²²⁸¹ лично не знает. Хочу Вас ориентировать подробнее в моем деле, что неудобно

²²⁷⁹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. С. 297.

²²⁸⁰ Имеется в виду П.П. Лебедев — в этот период начальник Штаба РККА. Лебедев Павел Павлович (21.04.1872–02.07.1933) — из дворян, родился в г. Чебоксары Казанской губернии. В семье чиновника уездного казначейства. Окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус (1890), 3-е военное Александровское училище (1892) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1900). Подпоручик гвардии (со ст. с 04.08.1892). Поручик (со ст. с 04.08.1896). Штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генштаба (со ст. с 06.05.1900). Подполковник (со ст. с 06.12.1904). Полковник (со ст. с 06.12.1908). Генерал-майор (с 25.05.1915 со ст. с 06.12.1915). На службе с 01.09.1890. В Лейб-гвардии Московском полку. Обер-офицер для особых поручений при штабе XV армейского корпуса (26.11.1900–09.02.1904). Командовал ротой Лейб-гвардии Московского полка (07.11.1902–13.01.1904). Помощник столоначальника Главного штаба (09.02–21.04.1904). И.д. столоначальника Главного штаба (21.04–18.11.1904). Помощник начальника отделения Главного штаба (18.11.1904–25.06.1905). Помощник начальника отделения (25.06.1905–01.05.1906), делопроизводитель (01.05.1906–02.03.1909) ГУГШ. Делопроизводитель мобилизационного отделения Главного штаба (02–14.03.1909). Делопроизводитель мобилизационного отделения ГУГШ (14.03.1909–19.09.1910). Начальник отделения ГУГШ (19.09.1910–14.01.1913). Командовал батальоном 4-го Финляндского стрелкового полка (16.05–16.09.1912). Начальник мобилизационного отделения Главного штаба (с 14.01.1913). Участник Первой мировой войны. Начальник оперативного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта (с 22.09.1914). Генерал для поручений при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта. Помощник генерал-квартирмейстера штаба армий Северо-Западного фронта (с 12.07.1915). Генерал-квартирмейстер штаба армий Западного фронта (с 10.09.1915). И.д. начальника штаба 3-й армии (с 18.04.1917). Уволен со службы (12.1917). Поселился с семьей в Ейске. Участник Гражданской войны. На службе в РККА (1918–1920). Начальник мобилизационного отдела Всероссийского главного штаба (24.05.1918–03.1919). Начальник штаба (28.04.-08.07.1919), вр. и. д. командующего войсками Восточного фронта (08–19.07.1919). Начальник Полевого штаба РВСР (с 22.07.1919). Начальник Штаба РККА (14.02.1921–12.04.1924). Начальник Военной академии РККА (10.08.1922–19.04.1924). Член РВС СССР (20.03.1923–02.02.1924). Член Моссовета (1923–1924). Состоял для особо важных поручений при РВС СССР и всех военных академиях (с 02.1925). Главный руководитель всех военных академий по военной администрации (с 05.1925). Начальник штаба и помощник командующего (с 23.11.1925), помощник командующего (с 24.12.1928) войсками Украинского военного округа. Похоронен в Харькове. Автор многих статей в журналах «Военный вестник», «Красные зори». Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1903), Св. Станислава 2-й ст. (1906), Св. Владимира 4-й ст. (06.12.1911), Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1913), Св. Станислава 1-й ст., Св. Анны 1-й ст., орден Красного Знамени («За неустанный труд и выдающиеся знания, всестороннее способствование Главному командованию, успешное руководство доблестной Красной армией», 18.01.1921–26.01.1921), орден Трудового Красного Знамени УССР (14.02.1928). Супруга Ольга Николаевна. 5 детей: Александра (1901), Павел (1905), Ольга (1907), Михаил (1911), Мария (1916). Соч.: Государственная оборона. М., 1924; Боевая подготовка в территориальных войсках. Допризывная подготовка. М., 1927.

²²⁸¹ Имеется в виду Л.Д. Троцкий.

было сделать в заявлении, не заполнив его разными подробностями. Начну с того, что, когда я уезжал в Омск, то спрашивал Крыленко²²⁸², а затем Подвойский²²⁸³ при мне звонил в О[собый] о[тдел] к т. Плюто — и как первый, так и второй сказали, что никаких дел в Ч.К. за мной не числится. В Омске меня спрашивали, с кем я ехал в вагоне, не говорил ли мне чего-либо особого д[е] Лазари²²⁸⁴ и затем, не знаю [ли] я ряда названных лиц, — никакого обвинения предъявлено не было. В О[собом] о[тделе] я просидел без допроса с 4 сент[ября] по 14 ноября. На первом же допросе мне след[ователем] Аграновым²²⁸⁵ было предъявлено обвинение в принадлежности к Берлинской монархической организации «Союз верности», в которой будто бы участвуют Клембовский и ф[он] Мекк²²⁸⁶. Об этой организации

---

²²⁸² Крыленко Николай Васильевич (02.05.1885–29.07.1938) — советский партийный и государственный деятель. Председатель Революционного трибунала при ВЦИК (с 05.1918).

²²⁸³ Подвойский Николай Ильич — см. о нем примеч. 1841.

²²⁸⁴ Лазари Александр Николаевич, де (30.08.1880–23.02.1942) — из дворян итальянского происхождения, сын офицера. Обучался в Тифлисском и Сибирском кадетских корпусах (1898), окончил Константиновское артиллерийское училище (1901), два класса Императорской Николаевской военной академии по 2-му разряду (1909). Подпоручик (с 13.08.1901). Поручик. Штабс-капитан. Ротмистр. Подполковник. В 3-й конно-артиллерийской батарее. Старший воспитатель Гатчинского сиротского института. Участник Первой мировой войны. Переводчик разведывательного отделения штаба 2-й армии (с 22.08.1914). И.д. штаб-офицера для поручений при командующем 2-й армией. Член совещания при военном министре по реорганизации армии. Член комиссии по реорганизации военно-учебных заведений (24.03–29.07.1917). С лета 1917 г. жил в Смоленской губернии у родственников. Участник Гражданской войны. С 23.02.1918 на службе в РККА. Начальник оперативного отдела штаба Западного фронта. Начальник оперативного отдела штаба Западного участка отрядов завесы. И.д. начальника штаба Западного участка отрядов завесы. Начальник штаба Смоленского района. Помощник военного руководителя Смоленского района. В.р.и.д. военного руководителя Смоленского района (09.1918). Начальник оперативного управления Западного района запасной армии. Арестован (29.10–08.11.1919). Представлен к причислению к Генеральному штабу (с 11.12.1919). Начальник штаба Западно-Сибирского военного округа. Начальник военной части Западно-Сибирского военного округа. Начальник штаба Сибирской трудовой армии. Арестован в Омске (освобожден до 05.10.1920). В распоряжении помощника главнокомандующего по Сибири (на 1921). Помощник начальника редакционного отделения Военной академии РККА (с 04.02.1922). Начальник редакционной части Военной академии РККА. Руководитель практических занятий по администрации Военной академии РККА (на 1923). Старший преподаватель кафедры военной истории. В Военной академии химической защиты РККА (с 1932), старший преподаватель. Генерал-майор, профессор (05.1940). Арестован (25.06.1941). Содержался в Бутырской тюрьме, перевезен в Саратов. Осужден за измену родине и шпионаж в пользу Италии (13.02.1942). Расстрелян. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 28.04.1956. Награды: Георгиевское оружие за бои под Ленчицей 03.11.1914 и Липинами 05.11.1914 (Приказ армии и флоту 04.03.1917). Соч.: Гражданская война в России в схемах. М., 1925–1926. Вып. 1–2; Мировая империалистическая война 1914–1918 гг. Атлас схем. М., 1934; Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг. М., 1935; Активная оборона корпуса. По опыту действий 25-го армейского корпуса в 1915 г. М., 1940.

²²⁸⁵ Агранов Яков Саулович (Сорендсон Янкель Шмаевич (Шевелевич); 1893–01.08.1938) — особоуполномоченный Особого отдела ВЧК (05.1919–1920). Заместитель начальника управления Особого отдела ВЧК (1920–1921). Начальник 16-го специального отделения Особого отдела ВЧК (01.01–28.04.1921). Особоуполномоченный по важнейшим делам при начальнике секретно-оперативного управления ВЧК–ГПУ (28.04.1921–02.11.1922). Арестован (20.07.1937). Расстрелян. Не реабилитирован. Подробнее см.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 82–83.

²²⁸⁶ Мекк Николай Карлович, фон (1863–22.05.1929) — барон, родился в Москве в семье железнодорожного инженера. Окончил училище правоведения. Инженер. Помещик и домовладелец. Акционер и председатель правления (1891–1917) Московско-Казанской железной дороги. Внес большой вклад в развитие железнодорожной сети Европейской России. Занимался вопросами социального обеспечения рабочих дороги, создатель потребительской кооперации для железнодорожников. Один из пионеров автомобилизма

я впервые услышал из уст следователя, что и высказал ему. По тону, которым следователь предъявил обвинение, я видел, что оно совершенно вымышленное, так как ему нужно было сделать усилие, чтобы его высказать.

Не было у меня никаких сомнений и в том, что В.Н. Клембовский не мог участвовать не только в этой, но и в какой-либо другой организации. Перед вторым допросом меня пересадили к Зайончковскому²²⁸⁷, а затем мне было сказано, что Зайончковский на меня показал, что в 1919 г. я отправлял офицеров к Колчаку²²⁸⁸. Это, конечно, тоже чистейший вздор. 3-е обвинение еще более курьезно, — мне было сказано, что я сам устроил себе назначение в Омск, нарочно, чтобы принять там участие в восстании. Вам слишком хорошо известны обстоятельства моего отъезда, ч[то]б оценить это обвинение. В середине декабря я был переведен в Бутырку, где и нахожусь до сих пор, временно помещаясь в Моск[овской] тюремной больнице.

Из изложенного я делаю вывод, что мои обвинения только предлоги, а причина моего заключения лежит, вероятно, в том, что кто-то считает меня опасным вообще. Однако в моем прошлом нет ни одного факта, который бы указывал или намекал на это. Доказать мою полную лояльность могут или знающие меня хорошо, или лично я сам активной деятельностью. Мне кажется, что общее положение в настоящее время сравнительно уменьшило страх перед призраками и в связи с ожидаемым новым декретом о революционных трибуналах, — возможно надеяться на успех ходатайства об моем освобождении. Это заставило меня обратиться с просьбой к т. Троцкому и просить Вашего содействия. Не лучше ли было бы, чтобы я приносил пользу государству, вместо того, чтобы праздно сидеть в заключении, не говоря уже о моих личных интересах и ощущениях. Очень просил бы, многоуважаемый Павел Павлович, сделать, если признаете возможным, необходимые шаги и выручить меня.

Шлю Вам искренний и сердечный привет. Здоровье мое настолько поправилось, что я могу немедленно приняться за работу.

Преданный Вам

А. Гутор²²⁸⁹

11 июня 1921 г.

РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 32. Л. 24–25об. Автограф.

в России. Был в числе учредителей Московского клуба автомобилистов (1900). Член Российского автомобильного общества. Участник автопробегов. В годы Первой мировой войны — один из организаторов испытаний бронедрезин. Консультант Народного комиссариата путей сообщения. Участник восстановления железных дорог после Гражданской войны. Неоднократно арестовывался советскими органами госбезопасности (03–06.05.1919; 01–08.03.1921; 30.03–25.05.1921, освобожден под подписку о невыезде; на 07.1923, 1928–1929). Находился в агентурной разработке ГПУ–ОГПУ (с 03.1922). Расстрелян по постановлению судебного заседания Коллегии ОГПУ. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Реабилитирован в 1991. Автор научных трудов по истории и экономике железнодорожного транспорта в России. Женат на племяннице композитора П.И. Чайковского А.Л. Давыдовой. 6 детей. Сын Марк — офицер Лейб-гвардии Преображенского полка, расстрелян красными в Омске в 1918.

²²⁸⁷ Зайончковский Андрей Медардович — см. о нем специальный материал в настоящем издании.

²²⁸⁸ Колчак Александр Васильевич — см. о нем специальный материал в настоящем издании.

²²⁸⁹ На документе резолюция П.П. Лебедева, адресованная, видимо, Э.М. Склянскому: «Очень прошу прочесть это письмо. Леб[едев]. 20/6». Далее на письме резолюция Склянского: «т. Дзержинскому лично 27.VI Склянский».

Документ 2.
Секретное сообщение
помощника начальника 16-го специального отделения
Особого отдела ВЧК Холшевникова (?)
председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому
по делу бывших генералов В.Н. Клембовского и А.Е. Гутора.
1 июля 1921 г.

Секретно.

По агентурным сведениям Клембовскому поручено было главное командование восстанием, заместителем его должен был быть Гутор.

По настоянию О[собого] о[тдела] ВЧК последний был переведен в Омск, где на него также возникло агентурное дело по обвинению в руководстве подпольной организацией, подготовлявшей восстание в Сибири, после чего Гутор был арестован и доставлен в Москву.

Сейчас т. Агранов мне передает дела Клембовского, Гутора и др[угих] связанных с ними лиц и следствие мною будет поведено в самом срочном порядке. Гутор мною уже переведен во внутр[еннюю] тюрьму для допросов. 1/VII Пом[ощник] нач[альника] 16 сп[ецального] отд[еления] Холшевников (?)

РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 32. Л. 23.

Список офицеров Генерального штаба Русской армии генерала барона П.Н. Врангеля к 5(18) октября 1920 г.

В ходе занятий в архиве Гуверовского института в США мне посчастливилось обнаружить уникальный список офицеров Генерального штаба Русской армии барона П.Н. Врангеля, датированный 5 (18) октября 1920 г. Судя по дате, этот список был последним списком Генштаба антибольшевистских сил Юга России, поскольку вскоре Русская армия была разгромлена и уже в ноябре 1920 г. вынуждена эвакуироваться в Турцию. Подтверждением этого предположения служат исправления в списке, содержащие сведения за более поздний период, — например, данные о тех офицерах, которые не эвакуировались вместе с врангелевцами из Крыма, или о тех, кто скончался перед эвакуацией (из списка в этой связи вычеркнут генерал В.З. Май-Маевский).

Два предыдущих общих списка генштабистов белого Юга (на 1918 и на 1919 гг.) были опубликованы в нашем справочнике по кадрам Генерального штаба в Гражданскую войну²²⁹⁰. С введением в научный оборот третьего списка картина перемещений кадров Генштаба на белом Юге приобретает заверченный характер, а в наши представления о составе и численности генштабистов на этом фронте, их служебной занятости вносятся определенные коррективы. В частности, только из списка удалось установить факт перехода нескольких офицеров к белым из рядов РККА или украинских национальных формирований.

В российских архивах материалы о военной составляющей Белого движения на Юге России сохранились крайне фрагментарно, поскольку значительная часть документов была вывезена белыми за рубеж (в отличие от Востока России, по которому большинство архивов досталось в качестве трофеев Красной армии и ныне хранится в фондах РГВА). Пришло время возвращать эти документы в Россию (речь не идет о возвращении подлинников из зарубежных хранилищ, вполне достаточно публикации таких документов, делающей их достоянием отечественной науки).

Публикуемый список хранится в виде машинописного текста в коллекции П.Н. Врангеля. В нем приведены сведения об офицерах, находившихся как в белом Крыму, так и за его пределами — за границей (в командировках либо в

---

²²⁹⁰ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 535–538, 583–610. В этом издании можно найти сведения об участии в Гражданской войне и последующих судьбах практически всех офицеров из публикуемого списка.

качестве военных агентов) или на других неподконтрольных большевикам территориях, например, в Закавказье и даже в Сибири. В документе упомянуты отдельные офицеры, оставшиеся на территории, занятой красными. Список содержит три алфавита персоналий — генералы; штаб- и обер-офицеры; штаб- и обер-офицеры, не переведенные в Генеральный штаб. Список не имеет сплошной нумерации. Данные об офицерах на каждую букву снабжены отдельной нумерацией. Документ дает достаточно полные сведения об организационной структуре органов военного управления белого Крыма и о сложившейся на белом Юге при Врангеле военной иерархии.

Следует обращать внимание на запись «Сведений нет» в графе «Занимаемая должность», которая означает, что местонахождение офицера неизвестно. Такая запись содержится в данных о тех, кто ранее состоял на службе в Вооруженных силах на Юге России, но по каким-то причинам к октябрю 1920 г. в Русской армии уже не числился. Такие офицеры, как правило, остались на Кавказе или в Закавказье при эвакуации белых, попали в плен к красным или находились за границей. Эти сведения позволяют отслеживать изменения в кадрах Генштаба белого Юга в динамике.

Общая численность выпускников академии, служивших у Врангеля, должна рассчитываться исключительно из офицеров, которые состояли в Русской армии налицо и в списке указаны по должностям. Всего в список включены данные о 222 генералах, 226 штаб- и обер-офицерах, а также о 157 штаб- и обер-офицерах, не переведенных в Генштаб. Таким образом, в общей сложности на учете кадров Генштаба белого Юга к октябрю 1920 г. состояли 605 выпускников и слушателей академии. Из включенных в список довоенную академию окончили 432 офицера, а ускоренные курсы 1916–1919 гг. — 173. Один из слушателей, штабс-ротмистр Фельдман, успел даже окончить Военную академию в белой Сибири в 1919 г., а позднее перебрался на белый Юг. Если исключить из списка всех офицеров, не находившихся в Крыму и Северной Таврии, а также военных агентов и командированных либо находящихся по другим причинам за границей и тех, чье местонахождение было неизвестно и сведений о ком не было, то получается, что к концу своей борьбы Врангель располагал 173 генералами, 170 штаб- и обер-офицерами, 99 штаб- и обер-офицерами, не переведенными в Генштаб. Итого белые на Юге могли использовать потенциал не менее чем 442 офицеров, окончивших академию Генштаба. Помимо них на белых работали военные агенты за границей (13 офицеров) и командированные (17 офицеров), что давало еще 30 специалистов. С учетом этих офицеров Врангель мог рассчитывать на 472 генштабистов и выпускников академии. Ни много ни мало 133 офицера находились на территориях, которые белыми не контролировались. По всей видимости, ряды ВСЮР и Русской армии они покинули в течение 1920 г.

В относительно малочисленной Русской армии генерала П.Н. Врангеля наблюдался значительный переизбыток кадров Генштаба. Подтверждением этому служит пребывание множества офицеров в резервах чинов. В списке перечислены 54 генерала, 5 штаб- и обер-офицеров и 3 офицера, не переведенные в Генштаб, состоявшие в резерве чинов. Таким образом, менее всего Русская армия нуждалась в генералах-генштабистах, которые имелись в Крыму в большом ко-

личестве. В то же время на младшем и среднем уровне офицеры Генерального штаба были востребованы.

При сравнении с предыдущим списком Генерального штаба белого Юга, подготовленным летом 1919 г., видно, что численность кадров Генштаба во ВСЮР возросла (она должна соответствовать общей численности офицеров, включенных в список) с 541 до 605. Пополнение произошло за счет многочисленных пленных и перебежчиков, которые устремились на белый Юг на фоне успехов наступления А.И. Деникина на Москву осенью 1919 г. Установленная нами реальная численность врангелевских генштабистов на осень 1920 г. (472) отражает снижение их количества у белых в результате неудач конца 1919–1920 гг., прежде всего, оставления Украины и эвакуации с Северного Кавказа. Разочаровавшиеся в перспективах продолжения борьбы офицеры либо перебирались за границу, либо сдавались красным. Определение более точных статистических данных по генштабистам белого Юга возможно после обработки материалов списка в подготовленной мною базе данных по кадрам Генштаба в Гражданскую войну.

В список, учитывая сложную обстановку Гражданской войны, вкралось некоторое количество ошибок касательно личных данных генштабистов — времени окончания ими академии (иногда эти данные искажены или пропущены), воинских званий и других сведений. По мере возможности, эти ошибки выявлялись и исправлялись. При подготовке списка к публикации сведения обо всех перечисленных в нем офицерах были сверены с материалами нашего справочника по кадрам Генштаба, а в отдельных случаях и со «Списками Генерального штаба» на 1914 и 1917 гг. В результате проделанной работы практически все офицеры были идентифицированы; для удобства работы со списком данные об офицерах снабжены инициалами (в квадратных скобках), отсутствовавшими в подлиннике документа; устранены ошибки в сведениях о воинских званиях и датах окончания академии, пропуски в этих данных; в необходимых случаях добавлены комментарии относительно реального местонахождения офицеров на момент составления списка. Явные ошибки и искажения фамилий исправлены без оговорок (варианты написания некоторых фамилий указаны в примечаниях). Хочется надеяться, что публикуемый документ будет способствовать появлению новых детальных исследований по вопросам военного строительства белых армий на завершающем этапе Гражданской войны на Юге.

По состоянию к 5 окт[ября] 1920 года

**Список
офицеров Генерального штаба**

№.№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
1	Генерал-Лейтенант [Ф.Ф.] Абрамов	1898	Команд[ующий] арм[ией] 2[-й]
2	Ген.-Лейт. [В.П.] Агапеев	1901	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении] (за границей)

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
3	Ген.-Майор [И.Г.] Акулинин	1913	В расп[оряжении] генкварглава
4	Ген.-Лейт. [Н.Н.] Алексеев	190[2]	Наштарм Дон[ской]
5	Ген.-Лейт. [А.Н.] Алексеев	1899	За границей
6	Ген.-Лейт. [А.В.] Арпсгофен ²²⁹¹	1905	В расп[оряжении] генкварглава
7	Ген.-Лейт. [В.А.] Артамонов	1900	Воен[ный] агент в Сербии
8	Ген.-Лейт. [А.П.] Архангельский	1898	Пом[ощник] нач[альника] Об[щего] отд[ела] Воен[ного] управления
9	Ген.-Майор [Д.И.] Андриевский	[1901]	
1	Ген.-Майор [Б.В.] Барташевич	1907	Препо[д]аватель Корнил[овской] пех[отной] юнкер[ской] школы
2	« « « [Н.Л.] Багранец	1902	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] управлении
3	Ген.-Лейт. [А.А.] Безкровный ²²⁹²	1898	То же
4	« « « [А.Ф.] Бендерев	1883	В команд[ировке] в Болгарии
5	Ген.-Майор [Н.А.] Берг ²²⁹³	1904	За границей
6	Ген.-Лейт. [А.И.] Березовский	1896	Предс[едатель] ком[иссии] по разгр[узке] и эвакуации Крыма и Севастополя
7	Ген. от инф[антерии] [Г.Э.] Берхман ²²⁹⁴	1881	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] управлении
8	Ген.-Лейт. [Б.П.] Бобровский	1893	То же
9	« « « [А.П.] Богаевский	1900	Атаман В[севеликого] В[ойска] Донского
10	« « « [Н.И.] Богатко ²²⁹⁵	1892	В рез[ерве] чин[ов] при штабе главнокоманд[ующего]
11	Ген.-Майор [А.Д.] Болтунов	1903	Нач[альник] Алексеев[ского] Кубан[ского] воен[ного] училища
12	Ген.-Лейт. [Л.М.] Болховитинов	1898	Особое назн[ачение] при О[тделе] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
13	Ген.-Майор [И.Т.] Борисевич	1903	Препо[д]аватель Констан[тиновского] воен[ного] училища
14	« « « [А.Г.] Бортновский	1907	Эвак[уирован] за границу
15	Ген.-Лейт. [Н.-П.-К.Э.] Бредов	1901	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] управлении
16	Ген.-Майор [В.П.] Бреслер	1904 ²²⁹⁶	Пом[ощник] нач[альника] снабж[ений] Р[усской] А[рмии]
17	« « « [П.Н.] Буров	1903	Препо[д]аватель Корнил[овской] юнкер[ской] пех[отной] школы
18	Ген.-Лейт. [М.М.] Бутчик	1897	Член ком[иссии] по разгр[узке] и эвак[уации] Крыма и Севаст[ополя]
19	« « « [В.В.] Беляев	1894	Чл[ен] ком[иссии] Прав[ительственного] надзора

²²⁹¹ В документе ошибочно — Арнсгофен.

²²⁹² В документе ошибочно — Безкровный.

²²⁹³ В документе ошибочно — Берх.

²²⁹⁴ В документе ошибочно — Бергман.

²²⁹⁵ В документе ошибочно — Богатко.

²²⁹⁶ В документе ошибочно — 1901.

№.№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
1	Ген.-Лейт. [Н.П.] Вадбольский	1895	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении] (в расп[оряжении] ген[ерал-]инсп[ектора] конницы)
2	Ген.-Майор [И.М.] Васильченко	1906	Нач[альник] шт[аба] Перек[опско-]Сив[ашского] укрепл[енного] района
3	Ген.-Лейт. [М.Н.] Вахрушев	1900	Сведений нет
4	Ген. от инф[антерии] [Ф.М.] Вебель	1884	То же
5	Ген.-Майор [В.-К.С.] Де-Вейль	1893	Прибыл в Севастополь
6	Ген.-Майор [Б.П.] Веселозоров	1896	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] управлении
7	Ген.-Майор [С.А.] Виберг	1902	Предст[авитель] главкома при прав[лении] общ[ественной] орг[анизации] им. ген. Л.Г. Корнилова
8	Ген.-Лейт. [П.Э.] Вильчевский	1902	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] управлении
9	« « « [Л.В.] Де-Витт	1887	В рез[ерве] чин[ов] при шт[абе] гл[авнокомандующего]
10	Ген.-Майор [М.Н.] Волховской	1898	В рез[ерве] чин[ов] при В[оенном] управлении
11	Ген.-Майор [В.И.] Воскресенский	1900	Наштаглавом разр[ешено] отп[равиться] в Батум
12	Ген.-Лейт. бар[он] [П.Н.] Врангель	1910 ²²⁹⁷	Главкомандующий Р[усской] А[рмии]
13	Ген.-Майор [И.Я.] Врасский	1898	Нач[альник] части воен[но-]уч[ебных] зав[едений] Воен[ного] управления
14	Ген.-Лейт. [В.Е.] Вязьмитинов	1904	Нач[альник] Воен[ного] управления. Военный агент в Болгарии
15	Ген.-Майор [С.Н.] Войцеховский	1912	В расп[оряжении] нач[альника] Воен[ного] упр[авления]
1	Ген.-Майор [С.И.] Гаврилов	1894	В рез[ерве] чин[ов] при В[оенном] управлении
2	« « « [В.И.] Генбачев	1903	Деж[урный] шт[аб-]офиц[ер] шт[аба] 2 арм[ии]
3	« « « [М.М.] Георгиевич	1909	Нач[альник] шт[аба] инсп[ектора] техн[ических] войск
4	« « « [А.В.] Геруа	1898	Предст[авитель] главкома в Рум[ынии]
5	« « « [Н.И.] Глобачев	1895	Нач[альник] Ялтинск[ого] пасп[ортного] пункта
6	Ген.-Лейт. [А.В.] Говоров	1914	Нач[альник] шта[ба] кор[пуса] I Дон[ского]
7	« « « [С.А.] Головань	1902	Воен[ный] аг[ент] в Швейцарии
8	Ген.-Майор [С.Я.] Гребенщиков	1907	Сведений нет

²²⁹⁷ В документе ошибочно — 1909.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
9	« « « [И.А.] Гудзенко	1905	В расп[оряжении] генкварглава
10	Ген.-Лейт. [И.Е.] Гулыга	1899	Чл[ен] Куб[анского] Краев[ого] пр[авительст]ва
1	Ген. от инф[антерии] [Ю.Н.] Данилов	1892	Пом[ощник] нач[альника] Воен[ного] управления
2	Ген.-Майор [В.А.] Дзевановский	1899	В рез[ерве] чин[ов] при В[оенном] управ-лении
3	« « « [А.М.] Диденко	1902	Преп[одаватель] Куб[анского] Соф[ийского] воен[ного] учил[ища]. Остался на Кавказе ²²⁹⁸
4	« « « [П.И.] Дмитревский	1897	В рез[ерве] чин[ов] при В[оенном] управ-лении
5	Ген.-Лейт. [С.К.] Добrorольский	1894	В расп[оряжении] главкома (в рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] управ[лении])
6	« « « [Е.И.] Достовалов	1912	Наштарм I Наштакор I
7	Ген. от кав[алерии] [А.М.] Драгомиров	1893	В рез[ерве] чин[ов] при В[оенном] упр[авлении] (пред[седатель] кав[алерской] думы орди[на] Св. Николая Чудотворца)
8	Ген.-Лейт. [Д.П.] Драценко	1908 ²²⁹⁹	В расп[оряжении] главнокоманд[ующего]
9	« « « [А.Н.] Дубовский	1894	В расп[оряжении] Донск[ого] атамана
10	Ген.-Майор [Г.А.] Дубяго	1913	Комбриг 34 пех[отной] дивизии
1	Ген.-Майор [А.Е.] Егоров	1915	Наштакор I армейского
2	« « « [Н.Н.] Епихов	1908	В расп[оряжении] ком[андующего] войск[ами] Керч[енского] укр[епленного] района
3	Ген.-Лейт. [Н.П.] Ефимов	1899	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
1	Ген.-Лейт. [Н.А.] Жикулин	1901	Штабн[ый] преп[одаватель] Корнил[овской] юнк[ерской] школы
2	« « « [А.И.] Жнов	1897	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
1	Ген.-Лейт. [Н.М.] Загю	1892	Остался при эваку[уации] с Кавк[аза] в Тифлисе
2	Ген.-Майор [А.А.] Зальф	1906	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении] (пом[ощник] ред[актора] газ[еты] «Воен[ный] голос»)
3	« « « [П.И.] Залесский	1895	Член Ком[итета] правит[ельственного] над-зора
4	« « « [В.А.] Замбжицкий	1911	В расп[оряжении] обер-кв[артирмейстера] шт[аба] 2 армии
5	« « « [Н.В.] Запольский	1904	Нач[альник] строев[ого] и уч[етного] от-дела В[севеликого] В[ойска] Д[онского]
6	Ген.-Лейт. [Д.М.] ф[он]-Зигель	1898	Нач[альник] Керч[енского] укр[епленного] района и ком[ендант] крепости

²²⁹⁸ В период составления документа служил в РККА.

²²⁹⁹ В документе ошибочно — 1905.

№.№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
7	Ген.-Майор [М.М.] Зинкевич	1910	Предст[авитель] главкома в Армении
1	Ген.-Майор [В.С.] Иванов	1897	Сведений нет ([в] Эривани)
2	« « « гр[аф] [Н.Н.] Игнатъев	[1897]	То же
3	« « « [С.М.] Изергин	1904	То же
4	« « « [М.А.] Измайлов	1901	В расп[оряжении] Дон[ского] атамана. Сведений о местонахождении нет
5	« « « [Е.С.] Имнадзе	1903	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] управ[лении]
1	Ген.-Лейт. [Б.И.] Казанович	1899	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] управ[лении]
2	« « « [Н.П.] Калинин	[1]912/ [1]914	В расп[оряжении] Донск[ого] атамана
3	« « « [К.Т.] Калиновский	[1]914/ [1]915	То же
4	« « « [М.Н.] Кальницкий	1899	В расп[оряжении] наштаглава
5	Ген. от кав[алерии] бар[он] [А.В.] Каульбарс	1868	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] управ[лении]
6	Ген.-Майор [Н.А.] Киленин	1891	В расп[оряжении] начдив 1[-й] кавалер[ийской]
7	« « « [Г.Я.] Кислов	1914	В расп[оряжении] Донск[ого] атамана
8	« « « [М.В.] Ковалевский	1906	Преп[одаватель] Корн[иловской] пех[отной] юнкер[ской] школы
9	Ген.-Майор [Н.П.] Коломенский	1902	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
10	« « « [В.Н.] Колюбакин	1902	За границей
11	« « « [В.И.] Кондратьев	1901	В расп[оряжении] Дон[ского] атамана. Сведений о местонахождении нет
12	Ген.-Лейт. [П.И.] Коновалов	1912	В расп[оряжении] Донск[ого] атамана
13	Ген.-Майор [Г.И.] Коновалов	[1]914/ [1]915	Генквармглав Русск[ой] армии
14	Ген.-Лейт. [Ф.И.] Корольков	1903	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
15	Ген.-Майор [А.А.] Котельников	1905	То же. В расп[оряжении] генквармглава
16	Ген.-Лейт. [П.А.] Коцебу	1895	Сведений нет
17	Ген.-Майор [Н.Н.] Кржеминский	1900	И.д. предс[едателя] Воен[но]-истор[ической] ком[иссии] в Феодосии
18	« « « [О.-Г.-А.Ф.] Кригер	1901	Сведений нет ²³⁰⁰
19	Ген.-Лейт. [А.Н.] Кузьмин-Караваев	1889	Предс[едатель] Воен[но]-судн[ой] ком[иссии] при шта[бе] кор[пуса] Дон[ского]
20	Ген.-Майор [П.А.] Кусонский	1911	Наштарм 2[-й]
21	« « « [В.В.] Крейтер	1915	На[чальник] шта[ба] кор[пуса] конного
22	Ген.-Лейт. [Н.М.] Киселевский	1892	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]

²³⁰⁰ На момент составления списка скончался.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
1	Ген.-Лейт. [В.А.] Лавдовский	1898	Сведений нет
2	Ген.-Майор ²³⁰¹ [А.Д.] Лаврентьев	[1887]	То же
3	« « « [Б.П.] Лазарев	1908	В расп[орядке] генквармглава
4	Ген.-Лейт. [Я.М.] Ларионов	1893	Сведений нет
5	« « « [В.Г.] Ласточкин	1899	Остался на Сев[ерном] Кавказе
6	Ген.-Майор [Н.И.] Левизов	1904	В расп[орядке] Донск[ого] атамана
7	« « « [В.И.] Левицкий	1903	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении] (эвакуир[ован] за границу)
8	« « « [Н.Д.] Ливенцев	1898	В расп[орядке] Донск[ого] атамана
9	Ген.-Лейт. [В.В.] Лобачевский	1898	В рез[ерве] чин[ов] при шта[бе] войск Сев[ерного] Кавказа. Сведений нет
10	« « « [А.С.] Лукомский	1897	Воен[ный] предст[авитель] главк[ома] при сою[зном] команд[овании] в Константинополе
11	Ген.-Майор [В.А.] Лещенко	1905	Нач[альник] шта[ба] войск[а] Куб[анского] каз[ачьего]
12	« « « [Н.В.] Ленин (Белый)	1888	В Салониках (болен)
13	« « « [М.Е.] Леонтьев	1908	В расп[орядке] генквармглава
1	Ген.-Лейт. [Н.С.] Максимов	1899	В рез[ерве] чин[ов] при шт[абе] глав[но-командующего] (Сведений нет)
2	Ген.-Майор [Е.В.] Масловский	1906	В расп[орядке] главнокомандующ[его]
3	Ген.-Лейт. [П.С.] Махров	1907	Воен[ный] предст[авитель] при польск[ом] правител[ьстве]
4	« « « [В.З.] Май-Маевский	1896	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении] ²³⁰²
5	Ген.-Майор [Е.А.] Милоданович	1893	Преп[одователь] Алекс[еевской] пех[отной] юнкер[ской] школы
6	« « « [Д.М.] Михайлов	1901	Нач[альник] 1 отд[еления] моб[илизационной] ч[асти] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] управления
7	Ген.-Лейт. [М.Г.] Михеев	1888	В рез[ерве] офиц[еров] Генштаба штарм Дон[ской]
8	Ген.-Майор [К.А.] Моравицкий	1904	Нач[альник] пулем[етных] курс[ов] в Феод[осии]
9	« « « [Н.М.] Морель	1905	Предс[едатель] Воен[но-]судн[ой] ком[иссии] при шта[бе] кор[пуса] конного
10	Ген.-Лейт. [А.А.] Мориц	1890 ²³⁰³	Нач[альник] Феодосийского отд[ела] Арх[ива] Всерос[сийского] хранили[ща]
11	Ген.-Майор кн[язь] [А.А.] Мурузи	1906 ²³⁰⁴	В расп[орядке] нач[альника] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]

²³⁰¹ А.Д. Лаврентьев имел чин генерал-лейтенанта.

²³⁰² Вычеркнут как умерший.

²³⁰³ В документе ошибочно — 1899.

²³⁰⁴ В документе ошибочно — 1907.

№.№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
1	Ген.-Лейт. [В.В.] Нагаев	1901	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
2	« « « [В.Г.] Науменко	1914	Начдив 1[-й] кавалер[ийской]
3	« « « [Г.М.] Некрашевич	1892	Штатн[ый] преп[одователь] Конст[антиновского] воен[ного] уч[илища]
4	Ген.-Майор [А.К.] ф[он]-Нерике	1903	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении] (в расп[оряжении] наштаглава)
5	« « « [В.П.] Никольский	1899	Нач[альник] отд[ела] Ген[ерального] шт[аба] Воен[ного] упр[авления]
6	Ген.-Лейт. [Е.Ф.] Новицкий	1892	Нач[альник] книгохран[илища] в Яссах
7	Ген.-Майор [А.В.] Носков	1903	Атаман стан[ицы] Кисляковской. Свед[ений] нет
1	Ген.-Майор [А.А.] Оноприенко	1901	В расп[оряжении] Дон[ского] атамана. Свед[ений] нет
2	« « « [Н.М.] Острянский	1893	В Сев[астопольском] местн[ом] батальоне
1	Ген.-Лейт. [Д.Н.] Пархомов	1899	Сведений нет
2	Ген.-Майор [К.К.] Петерс	1903	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
3	« « « [А.П.] Пивоваров	1905	В расп[оряжении] Донск[ого] атамана
4	« « « [В.Я.] Пиковский	1907	Предст[авитель] главк[ома] в Закавказье
5	« « « [Г.В.] Покровский	1899	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
6	« « « [Н.П.] Половцев	1899	То же
7	« « « [И.А.] Поляков	1914	В расп[оряжении] Донск[ого] атамана
8	« « « [В.Н.] Полтавцев	1904	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
9	Ген.-Лейт. [В.Н.] Попов	1901	Деж[урный] ген[ерал] шт[аба] В[севеликого] В[ойска] Донского
10	Ген.-Майор [В.П.] Попов	1903	Штатн[ый] преп[одователь] Донск[ого] учил[ища]
11	« « « [А.А.] Посохов	1899	Сведений нет
12	« « « [С.Н.] Потоцкий	1903	В расп[оряжении] отд[ела] Ген[ерального] шт[аба] В[оенного] у[правления]
13	« « « [Т.М.] Протазанов	1908	Преп[одователь] Корн[иловской] юнкер[ской] школы
14	« « « [С.Д.] Прохоров	1904	В расп[оряжении] ген[ерал-]инсп[ектора] конницы
15	« « « [В.М.] Пулевич	1904	Нач[альник] шт[аба] ком[андующего] войск[ами] арм[ейского] тыл[ового] района и Керч[енского] полуострова
16	Ген.-Майор [В.Д.] Путинцев	1901	Предс[едатель] воен[но]-суд[ной] комиссии

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
17	« « « [Н.А.] Петров	1908	Нач[альник] орган[изационно-]моб[илизационного] отд[еления] упр[авления] деж[урного] ген[ерала] шт[аба] В[севеликого] В[ойска] Донс[кого]
1	Ген.-Майор [И.А.] Ребдев	1911	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
2	« « « [Ф.П.] Рерберг	1893	В рез[ерве] чин[ов] при шт[абе] глав[нокомандующего]. Сведений нет
3	Ген.-Лейт. [А.Н.] Розеншильд фон Паулин	1887	Набл[юдающий] за инструк[торскими] пул[еметными] курсами]
4	Ген.-Майор [Е.А.] Российский	1892	Штат[ный] преп[одователь] Куб[анского] Алекс[еевского] воен[ного] училища
5	« « « [Ф.И.] Ростовцев	1904	За границей
6	Ген.-Лейт. [В.А.] Рустанович	1900	Нач[альник] общ[ей] ч[асти] отд[ела] Г[енерального] шт[аба] В[оенного] у[правления]
7	Ген.-Майор [Г.С.] Рытиков	1915	Ком[андирован] для рук[оводства] раб[отами] по укреп[лению] уз[лов] в Сев[ерной] Таврии
1	Ген.-Майор [Н.П.] Савельев	1906	Прибыл из-за границы
2	Ген.-Лейт. [В.З.] Савельев	1902	Эвак[уирован] за гран[ицу] на общ[их] осн[ованиях]
3	« « « [И.В.] Савицкий	1891	В Сев[астопольском] местн[ом] батальоне
4	« « « [А.С.] Санников	1892	Эвак[уирован] за гран[ицу] на общ[их] осн[ованиях]
5	Ген.-Майор [И.С.] Свищев	1905	Нач[альник] воен[но-]топогр[афической] ч[асти] В[оенного] упр[авления]
6	Ген.-Лейт. [И.В.] Свирчевский	1903	Сведений нет
7	« « « [М.А.] Свечин	1902	В расп[оряжении] Дон[ского] атамана. За границей
8	Ген.-Майор [И.К.] Серебренников	1893	Остался при эвак[уации] в Закавказье
9	Ген. от инф[антерии] [Ф.В.] Сиверс	[1881]	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
10	Ген.-Майор [Л.К.] Соколов	1906	Оберкварм 2 [армии]
11	« « « Соколов Степан [Варфоломеевич]	1907	
12	« « « [С.М.] Солунсков	1900	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении] (в расп[оряжении] нач[альника] гарн[изона] Феод[осии])
13	Ген.-Лейт. [М.М.] Ставров	1896	Преп[одователь] Алекс[еевского] пех[отного] юнк[ерского] уч[илища] (в Сербии, в отпуску)
14	« « « [Н.Н.] Стогов	1900	Ком[ендант] креп[ости] Сев[астополь] и ком[андующий] войс[ками] арм[ейского] тыл[ового] района и Керч[енского] п[олуострова]

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
15	Ген.-Майор кн[язь] [Н.П.] Стокасимов	1898	Комдив 34[-й]
16	« « « [В.И.] Стойкин	1903	Остался в Одессе или ушел в Румынию
17	Ген.-Лейт. [П.Г.] Суханов	1902	В расп[оряжении] Донск[ого] атамана
18	Ген.-Майор [К.И.] Сычев	1902	То же
19	« « « [С.Я.] Соболевский	1908	Наштадив 2[-й] Донск[ой] конной
1	Ген.-Майор [В.А.] Тараканов	1902	В рез[ерве] чин[ов] шта[ба] кор[пуса] Дон[ского]
2	« « « [Н.В.] Терехов	1907	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
3	« « « [Н.Г.] Тетруев	1899	В рез[ерве] чин[ов] при штаглаве. Место пребыв[ания] неизвестн[о]
4	Ген.-Лейт. [П.А.] Томилов	1898	В рез[ерве] чин[ов] в расп[оряжении] генкварглава
5	Ген.-Майор [В.В.] Троцкий-Сенютович	1900	В рез[ерве] чин[ов] при штаглаве. Место пребыв[ания] неизвестно
6	Ген.-Лейт. [В.О.] Трофимов	1886 ²³⁰⁵	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
7	Ген.-Майор [С.М.] Трухачев	1906	Деж[урный] ген[ерал] штаглав[а]
8	« « « [М.И.] Тяжелников	1897	Сведений нет
9	« « « [В.П.] Тальгрэн	1896	Преп[одаватель] Алекс[еевской] юнкер[ской] школы
10	« « « [Г.П.] Татонов	1911	Ген[ерал] для пор[учений] при Тер[ском] атам[ане]
1	Ген.-Майор [М.А.] Уваров	1898	Сведений нет
2	« « « [Я.С.] Сулейман-Ульяновский ²³⁰⁶	1902	Сведений нет
3	« « « [А.Н.] Ушаков	1902	Сведений нет
1	Ген.-Майор [А.Г.] Фалеев	1902	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
2	« « « [Д.Я.] Федоров	1896	Преп[одаватель] Корнил[овской] пех[отной] школы
3	Ген. от инф[антерии] [И.И.] Федотов	1888	В рез[ерве] войск Сев[ерного] Кавказа. Сведений нет
4	Ген.-Лейт. [Л.В.] Федяй	1886	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
5	Ген.-Майор [В.В.] Фирсов	1899	Нач[альник] общ[его] отд[ела] Воен[ного] упр[авления]
6	« « « [М.Г.] Фисенко	1901	В воен[ном] совете при Армян[ской] армии

²³⁰⁵ В документе ошибочно — 1890.

²³⁰⁶ В документе ошибочно — Улановский-Сулейманов.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
7	Ген. от инф[антерии] [В.Е.] Флуг	1890	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
1	Ген.-Майор [И.А.] Хольмсен	1896	В Берлине по делам воен[но]плен[ных]
1	Ген.-Майор [М.П.] Чеглов	1902	Нач[альник] Констант[иновского] воен[ного] учил[ища]
2	Ген.-Лейт. [В.И.] Чекмарев	1888	Сведений нет
3	« « « [В.М.] Черемисинов	1900	В заграничной команд[ировке] в Сербию
4	« « « [В.В.] Чернавин	1904	Сведений нет
5	« « « [А.В.] Черячукин	1899	Директ[ор] Донск[ого] кадет[ского] корп[уса]
6	Ген.-Майор [П.В.] Чеснаков	1901	Нач[альник] шт[аба] ген[ерал-]инсп[ектора] конницы
1	Ген.-Лейт. Ген. от инфант[ерии] [П.Н.] Шатилов	1908	Наштаглав Русск[ой] армии
2	Ген.-Майор [А.М.] Шифнер-Маркевич	1913	Начдив 2[-й] кав[алерийской]
3	Ген.-Лейт. [М.И.] Шишкевич	1893	Сведений нет
4	Ген.-Майор [А.Н.] Шостаков	1906	В рез[ерве] чин[ов] при штаглаве
5	« « « [Б.А.] Штейфон	1911	Нач[альник] шт[аба] ген. Бредова
6	« « « [А.Н.] Шуберский	1904	Сведений нет
7	« « « [К.П.] Шумилин	1907	В расп[оряжении] Донск[ого] атамана
1	Ген.-Лейт. [К.Ф.] Щедрин	1897	В расп[оряжении] дегенглава
2	« « « [Д.Г.] Щербачев	1884	Предст[авитель] главк[ома] при союзн[ом] верх[овном] командовании
3	« « « [Б.И.] Щуцкий	1899	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
1	Ген. от инф[антерии] [Э.В.] Эрк	1878	Предс[едатель] ком[иссии] высш[его] прав[ительственного] надзора
2	Ген.-Лейт. [Е.Ф.] Эльснер	1895	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении] (в Константинополе)
3	Ген.-Майор [В.А.] Энгельке	1903	Эвак[уирован] за границу на общ[их] осн[ованиях]
4	« « « [Н.Ф.] Эрн	1906	Пом[ощник] дегенглава
1	Ген.-Лейт. [Я.Д.] Юзефович	1899	Командирован в Польшу
1	Ген.-Майор [С.М.] Языков	1904 ²³⁰⁷	В рез[ерве] чин[ов] при штаглаве (сведений нет)
2	Ген.-Лейт. [Г.Е.] Янушевский	1890	В рез[ерве] чин[ов] при Воен[ном] упр[авлении]
ШТАБ- и ОБЕР-ОФИЦЕРЫ			
1	Подполк. [Н.П.] Абакумов	1914	Пом[ощник] наштадив 2[-й] Донской
2	Полковн. [И.И.] Авчинников	1910	Препо[д]аватель Корнил[овской] пех[отной] юнк[ерской] шк[олы]
3	« « « [А.В.] Алатырцев	1916	Пом[ощник] нач[альника] общ[его] отд[еления] о[т]дела генкварглава

²³⁰⁷ В документе ошибочно — 1894.

№.№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
4	« « « [В.Н.] Александрович	1916	Шт[аб]-оф[ицер] для пор[учений] штакор 2[-го]
5	« « « [Л.П.] Александров	1916	Пом[ощник] нач[альника] ос[обого] от-д[еления] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
6	« « « [К.В.] Алексеев	1909	Стар[ший] ад[ьютант] отд[ела] обер-кварм[а] штарм 1[-й]
7	« « « [Т.А.] Аметистов	1915	На усилен[ие] офиц[еров] Геншт[аба] штакор конного
8	Подполк. [Ф.Ф.] Андреев	[1]909/ [19]14 ²³⁰⁸	Стар[ший] ад[ьютант] штадив Дроздовской
9	« « « [К.Н.] Андрусов	1914	И.д. пом[ощника] нач[альника] отд[еления] «А» об[ер]-кварт[ирмейстера] о[тдела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
10	Полковник [Г.П.] Апрельев	1915	За границей
11	« « « [П.Г.] Архангельский	1915	Об[ер]-кварт[ирмейстер] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
12	« « « [К.З.] Ахаткин	1913	В рез[ерве] офиц[еров] Ген[ерального] шт[аба]. В Галаце в команд[ировке] по эвак[уации] войск ген. Бредова
1	Полковн. [А.И.] Бабкин	1909	В рез[ерве] офиц[еров] Ген[ерального] шт[аба] шта[ба] кор[пуса] Дон[ского]
2	« « « [В.И.] Базаревич	[1]909/ [1]914	В расп[оряжении] нач[альника] отд[ела] г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
3	« « « [В.В.] Бальцар	1916	Пом[ощник] нач[альника] связ[и] глав[ного]
4	« « « [В.П.] Барцевич	1913	Нач[альник] сухоп[утного] отд[ела] шта[ба] флота. В загран[ичной] командировке
5	Капитан [А.И.] Батрук	[1]914/ [19]15	В команд[ировке] на Украину от об[ер]-к[в]арт[ирмейстера] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
6	Полковн. [В.П.] Бахмутский	[1]912/ [19]14	Нач[альник] 3 отд[еления] орган[изационной] ч[асти] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
7	« « « [А.Г.] Биттенбиндер	1914	Нач[альник] штаба Марковской див[изии]
8	« « « [П.А.] Бородаевский	1909	В расп[оряжении] генкварглава
9	« « « [С.К.] Бородин	1913	Наштадив 3[-й] Донской
10	« « « [Н.К.] Бражников	1904	Сведений нет
11	« « « [Ф.-М.Э.] Бредов	1909	Наштакор 2[-го]
12	Подполк. [П.Я.] Бугай	[1]914/ [19]15	Преп[одователь] Констан[иновского] воен[ного] учил[ища]
13	Полковн. [А.П.] Бурков	[1]912/ [19]14	В распор[яжении] начальн[ика] авиации

²³⁰⁸ В документе ошибочно — [1]910/[19]14.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
14	« « « [И.Н.] Беликов	[1]910/ [19]14	В расп[оряжении] генкварглава. Команд[ирован] в Польшу
15	« « « [В.Ф.] Белогорцев	1907	В расп[оряжении] Терского атамана
1	Полковн. [П.М.] Васильев	1908	Препод[аватель] Сергиевск[ого] артил[лерийского] учил[ища]
2	Подполк. [Я.В.] Величковский	1912	На[чальник] шта[ба] креп[ости] Севастополь
3	Полковн. [Г.Н.] Венецкий	1898	На[чальник] шта[ба] района Симферополя
4	« « « [О.-Г.-Я.Я.] Вейнштейн	[1]914/ [19]15	На[чальник] шта[ба] района Евпатория
5	« « « [Н.Ю.] Вержбицкий	1916	Стар[ший] ад[ъютант] моб[илизационного] отд[ела] шта[ба] войск Сев[ерного] Кавказа-Сведений нет В Армении
6	« « « [К.К.] Витковский	1910	Шта[б] войск Сев[ерного] Кавказа. Сведений нет
7	« « « [В.А.] Вишневский	1911	Остался при эваку[уации] Кавказ[ского] поб[режья]
8	Подполк. [П.В.] Вишневский	1915	При ген. Геруа в Румынии
9	Полковн. Вознесенский Ф.[Ф.]	1911	В расп[оряжении] генкварглава
10	« « « Вознесенский К.[М.]	1915	Прикомандирован к шт[абу] ком[андующего] войск[ами] арм[ейского] тыл[ового] района
11	Капитан ²³⁰⁹ [Н.А.] Волков	1914	В заграничной ком[андировке] от отд[ела] Генерального штаба Военного управления ²³¹⁰
12	Полковн. кн[язь] [А.М.] Волконский	1900	Воен[ный] агент в Италии
13	« « « [П.Ф.] Вотинов	1913	Нач[альник] 1 отд[еления] орг[анизационной] ч[асти] отд[ела] Генерального штаба Военного управления
14	« « « [А.Д.] Викилов	1914 ²³¹¹	[В] Эривани. Нач[альник] штаб[а] ком[андующего] Армян[ской] армии
1	Полковн. [А.Т.] Гаевский	[1]913/ [19]15	Пом[ощник] обер-квартирмейстера отд[ела] Генерального штаба Военного управления
2	« « « [Б.В.] Гернграсс	1906	Комбриг 2 конной див[изии]
3	« « « гр[аф] [Д.Ф.] Гейден	1891	В резерве чин[ов] при Воен[ном] управ[лении]. В распоряжении наштабл[ав]а
4	« « « [А.А.] фон-Гоерц	1908	В заграничной ком[андировке] в Польше
5	« « « [В.А.] Гольдгаар	1915	В расп[оряжении] генкварглава, в ком[иссии] сен[атора] Макаренко

²³⁰⁹ На момент составления списка — полковник, сведения о его производстве в белых войсках Севера России на Юге известны не были.

²³¹⁰ В плену у красных.

²³¹¹ В документе ошибочно — 1916.

№.№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
6	« « « [Б.В.] Гонтарев	1911	Пом[ощник] нач[альника] снаб[жений] с 7/14 ²³¹²
7	Подполк. [С.В.] Гончаренко	1914	В расп[оряжении] нач[альника] воен[но-]уч[ебных] заведений
8	Полковник [В.В.] Гофман	1914	В Польше
9	« « « [Ю.В.] Григорьев	1907	Нач[альник] шт[аба] Черном[орско-]Куб[анского] отряда
10	Подполк. [Г.Э.] Грюнберг	1916	Нрич[омандирован] к шт[абу] Ком[андующего] войск[ами] тыл[ового] ра[йона] В расп[оряжении] генкварглава
11	Полковн. [Г.К.] Гук	1909	В расп[оряжении] генкварглава
1	Полковн. [А.С.] Данске	1915	Препо[д]аватель] Сергиев[ского] артил[лерийского] училища
2	« « « [Н.В.] Даровский	1907	В расп[оряжении] генкварглава. В отп[уску]
3	« « « [Г.И.] Дементьев	[1]911/ [19]14	Шт[аб-]оф[ицер] по заруб[ежной] агент[уре] штарм ²³¹³
4	« « « [В.В.] Добрынин	1913	В расп[оряжении] на[чальника] шта[ба] войск[а] Дон[ского] (в команд[ировке] за гран[ицу])
5	« « « [Н.В.] Долгов	1914	В расп[оряжении] Атаманск[ого] воен[ного] учил[ища]
6	« « « [Е.П.] Долинский	1908	В рез[ерве] чи[нов] при Воен[ном] упр[авлении]. В Пол[ьше]
7	« « « [П.Е.] Дорман	1914	В расп[оряжении] генкварглава (загр[аничный] отпуск)
8	« « « [К.К.] Дорофеев	1907	Сведений нет
9	« « « [Ф.Ф.] Дронов	1914	Препо[д]аватель] Констан[тиновского] воен[ного] учил[ища]
10	« « « [Ф.А.] Думский	[1]914/ [19]15	В расп[оряжении] генкварглава
1	Полковн. [Н.В.] Ерарский	1913	Нач[альник] I отд[еления] «А» отд[еления] об[ер]-кварт[ирмейстера] [отдела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
2	Подполк. [А.П.] Ермолаев	1915	Препо[д]аватель] Куб[анского] Алекс[еевского] воен[ного] учил[ища]
3	Полковн. [Г.К.] Ерофеев	1913	В расп[оряжении] генкварглава
1	Полковн. [Н.Н.] Животовский	[1]913/ [19]14	В расп[оряжении] генкварглава
2	« « « [И.И.] Жолынский	1907	Завед[ующий] этапн[о-]трансп[ортной] част[ью] шта[ба] кор[пуса] Дон[ского]
3	« « « [С.А.] Жуков	1916	Пом[ощник] стар[шего] ад[ьютанта] адм[инистративного] отд[еления] об[ер]-кв[артирмейстера] штарма I

²³¹² Так в документе.

²³¹³ Из документа неясно, идет ли речь о 1-й или о 2-й армии. Возможно, край листа обрезан.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
1	Подполк. [М.А.] Загородний	1916	Шт[аб-]оф[ицер] для пор[учений] штакор I
2	Полковн. [И.А.] Захаров	1914	Прикоманд[ирован] к штарм 2[-й]
3	« « « [В.А.] Зимин	1915	Стар[ший] ад[ъютант] шта[ба] кор[пуса] Дон[ского]
4	« « « [Р.В.] Злобин	1913	Шт[аб-]оф[ицер] для пор[учений] при на[чальнике] шта[ба] г[лавном]командующего
5	« « « [М.И.] Золотарев	1911	Зав[едующий] развед[кой] шт[аба] Керч[енского] укр[епленного] р[айона] и Керченской крепости
6	« « « [Н.П.] Золотаренко	1915	Стар[ший] ад[ъютант] общ[его] отд[еления] об[ер-]квар[тир]м[ейстера] ²³¹⁴
1	Полковн. [К.А.] Иваницкий	[1]913/ [19]14	Стар[ший] ад[ъютант] штарм I
2	« « « [Е.Л.] Ивановский	1908	Наштадив 2[-й] кавалерийской
3	« « « [А.Н.] Игнатьев	1914	Прик[омандирован] к ч[асти] печати отд[еления] об[ер-]кв[артирмейстера] о[тдела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
4	« « « [М.И.] Изергин	[1]908/ [19]14	В расп[оряжении] нач[альника] во[енных] со[общений]
5	« « « [А.А.] Измайлов	1892	Сведений нет
1	Полковн. [Н.Е.] Каблицкий	1914	Стар[ший] ад[ъютант] разв[едывательного] отд[еления] штарм 2[-й]
2	« « « [В.П.] Кадыкин	1915	Пом[ощник] нач[альника] ос[обого] отд[еления] штаглава
3	Подполк. [В.И.] Кавернинский	1915	Шт[аб-]оф[ицер] шт[аба] арм[ейского] тыл[ового] р[айона] и Керч[енского] полуострова
4	Полковн. [А.А.] Калинин	1908	В расп[оряжении] генкварглава
5	« « « [И.А.] Калинин	1911	То же
6	« « « [И.Ф.] Килинкар ²³¹⁵	1911	За границей. Свед[ений] нет
7	« « « [Д.Л.] Кандауров	1907	Воен[ный] агент в Швеции, Дании и Норвегии
8	« « « [К.Л.] Капнин	1916	Наштадив Корниловской
9	« « « [Н.В.] Карпов	1914	Преп[одователь] Конст[антиновского] воен[ного] учил[ища]
10	« « « [А.А.] Колчинский	1907	В расп[оряжении] нач[альника] во[енных] со[общений]
11	« « « [А.А.] Комельков	1907	Сведений нет
12	Полковн. [А.С.] Коняев	1915	Преп[одователь] Конст[антиновского] воен[ного] учил[ища]
13	« « « [А.И.] Коровяев	1915	Шт[аб-]офицер штакор 3[-го]

²³¹⁴ Видимо, отдела Генерального штаба Военного управления.

²³¹⁵ В документе ошибочно — Калинин.

№.№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
14	« « « [И.П.] Космаенко	1912	Нач[альник] отд[ела] укомпл[ектований] отд[ела] де[журного] г[енерала] [штаба] глав[ноком]а[ндующего]
15	« « « [М.Ф.] Костенко	1914	Сведений нет
16	« « « [В.В.] Кочержевский	1910	Наштадив 6[-й] пех[отной]
17	Подполк. [Н.Ф.] Красицкий	1915	Сведений нет
18	Полковн. [Н.Н.] Краснов	1914	В расп[оряжении] Донск[ого] атамана
19	Шт.-Капит. [Н.М.] Крашталев	1915	~~Сведений нет~~ В Батуме
20	Полковн. [А.Т.] Кременецкий	1915	Пом[ощник] нач[альника] во[енных] со[общений] Русск[ой] армии
21	« « « [В.В.] Кривенко	1906	Нач[альник] полит[ического] отд[ела] у ген[ерала] для поручений по делам Украины
22	« « « [Г.И.] Криволуцкий	1915	Стар[ший] ад[ьютант] опер[ативного] отд[еления] штарм 2[-й]
23	« « « [М.Н.] Кузнецов	1911	Сведений нет
24	« « « [Н.Н.] Крушевский	1914	В расп[оряжении] генкварглава
1	Полковн. [А.А.] ф[он] Лампе	1913	Воен[ный] агент в Берлине
2	« « « [А.Г.] Ласточкин	1911	Преп[одаватель] Алекс[еевского] воен[ного] учил[ища]
3	Подполк. [А.А.] Лауриц	1914	В расп[оряжении] нач[альника] упр[авления] снабжен[ий]
4	Полковн. [В.Г.] Лебедев	[1]911/ [19]14	Наштадив Дроздовской
5	« « « [К.А.] Людсканов-Цанков	1914	За границей в отпуску В Болгарии
6	Подполк. [В.А.] Липский	1916	В Константинополе
1	Полковн. [В.Е.] Мазур-Ляховский	1916	Пом[ощник] нач[альника] 2 отд[еления] «Б» при об[ер-]квар[тирмейстере] о[тдела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
2	« « « [В.Л.] Малеванов	1909	Сведений нет
3	« « « [Б.В.] Малыutin	1908	Командир Симфероп[ольского] полка
4	« « « [Д.А.] Мансурадзе	[1]913/ [19]14	Сведений нет
5	« « « [А.Л.] Мариюшкин	1911	Началь[ник] общ[его] отд[ела]
6	« « « [В.С.] Махров	1915	Команд[ирован] в расп[оряжение] ком[анданта] креп[ости] Керч[енской] для связи с Азов. ²³¹⁶
7	« « « [М.И.] Мельников-Смоленский	[1]911/ [19]14	~~Сведений нет~~ Остался в Азербейджане
8	« « « [П.П.] Мельчаков	1914	В расп[оряжении] ген. Щербачева в Париже
9	Подполк. [Б.А.] Мержанов	1915	Нач[альник] 2 отд[еления] «Б» при об[ер-]квар[тирмейстере] о[тдела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]

²³¹⁶ Предположительно, с морскими силами Азовского моря.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
10	Капитан [С.С.] Мильхнер	1913	Сведений нет-Остался в Азербейджане
11	Подполк. [В.Я.] Михайлов	1912/[19]14	Наштадив 34[-й] пех[отной]
12	Капитан [В.К.] Модрах	1914 [1915]	Завед[ующий] развед[кой] штакор I
13	Полковн. [В.К.] Молостов	[1]913/[19]14	Наштадив Кубанской
14	« « « [С.М.] Монаков	1914	Вр.и.д. шт[аб-]оф[ицера] при нач[альнике] во[енных] со[общений]
15	Полковн. [П.С.] Мясников	1912	Пом[ощник] нач[альника] I Мор[ского] отд[еления] о[тдела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
16	Подполк. [Ф.А.] Мороз	1913	В расп[оряджении] дегенглава
1	Полковн. [Н.В.] Нагаев	[1]910/ [19]14	Пом[ощник] нач[альника] опер[ативного] отд[еления] штаглава
2	« « « [А.П.] Невзоров	[1]914/ [19]15	Сведений нет
3	« « « [Б.В.] Некора	1916	В Сибири
4	« « « [А.-Э.Г.] Нидермиллер	1908	Нач[альник] орг[анизационной] ч[асти] о[тдела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
5	« « « [Н.М.] Никифоровский	1915	Шт[аб-]офиц[ер], завед[ующий] развед[кой] штакор конного
6	« « « [И.М.] Новиков	1912	Нач[альник] уч[ебно-]орг[анизационной] ч[асти] воен[но-]уч[ебных] зав[едений] о[тдела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
7	« « « [П.П.] Новицкий	1912	Сведений нет
8	« « « [А.Л.] бар[он] Нолькен	1908	В расп[оряджении] генкварглава
9	« « « [Е.И.] Носков	1910	То же
1	Полковн. [Ф.Ф.] Одноглазков	[1]909/ [19]14	В расп[оряджении] на[чальника] шта[ба] войск[а] Дон[ского] (в отп[уску] за грани-цей)
2	« « « [Ф.С.] Олферьев	1914	Сведений нет
3	« « « [А.Г.] Оранский	[1]912/ [19]14	Преп[одователь] Куб[анского] Алекс[еевско-го] воен[ного] учил[ища]
1	Полковн. [В.А.] Палицын	1908	Команд[ирован] предст[авителем] в Болга-рию
2	Подполк. [А.И.] Парв	913/14	Нач[альник] орг[анизационного] отд[ела] генерала [для поручений] по делам Украины
3	« « « [П.Т.] Пархоменко	1915	Пом[ощник] нач[альника] опер[ативного] от[деления] [штаба] глав[нокомандующего]
4	Полковн. [И.Ф.] Патронов	1911	В распор[яджении] нач[альника] о[тдела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
5	« « « [Н.А.] Петровский	1911	Наштадив 13[-й] пех[отной]
6	« « « [И.Ф.] Петров	1916	Наштадив 7[-й] пех[отной]

№.№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
7	« « « [Е.Б.] Плотников	1912	Пом[ощник] нач[альника] раз[ведывательного] отд[еления] глав[нокомандующего]
8	Подполк. [С.Ф.] Подгурский	1911/[19]14	Сведений нет
9	Полковн. [А.А.] Подчертков	1915	Нач[альник] связи глав[нокомандующего]
10	Подполк. [С.Д.] Полуэктов	1913	И.д. нач[альника] отд[ела] сухопутн[ого] шта[ба] фл[ота]
11	Полковн. [В.Н.] Поляков	1908	Воен[ный] аг[ент] в Греции
12	« « « [Х.Л.] Попелло	1911	В расп[оряжении] генкварглава
13	« « « [М.К.] Попов	1906	Сведений нет
14	« « « [П.В.] Попов	1910	То же
15	Подполк. [И.Н.] Потапов	[1]914/ [19]15	Пом[ощник] нач[альника] I зап[асной] армейск[ой] бриг[ады]
16	Полковн. [Н.А.] Потемкин	[1]912/ [19]14	В расп[оряжении] нач[альника] гарн[изона] Феодосии
17	« « « [И.Г.] Пехливанов	1909	В команд[ировке] в Болгарии
18	Подполк. [В.Ф.] Притоманов	1916	В Эривани
19	Полковн. [В.М.] Пронин	1913	Ред[актор] «Воен[ного] гол[оса]»
1	Полковн. [Н.Т.] Раздоров	1916	Нач[альник] опер[ативной] ч[асти] шта[рм] Дон[ской]
2	Шт.-Кап. [К.-В.Я.] Рамат	1914 [1915]	Сведений нет В Латвии
3	Полковн. [Д.А.] Рахманов	1915	2-й шт[аб-]офиц[ер] при об[ер-]кварт[ир-]мейстере] отд[ела] Генерального] ш[таба] Военного] у[правления]
4	« « « [Н.А.] де Роберти	1911	Сведений нет. Осужден воен[ным] судом
5	« « « [Д.П.] Рогов	1916	Шт[аб-]офиц[ер] штакор конного
6	« « « [А.Н.] Рубцов	1916	Шт[аб-]офиц[ер] шта[ба] креп[ости] Керчь
7	« « « [В.Н.] Рудский	1913	За границей
8	« « « [С.Н.] Ряснянский	1915	Ком[андир] Гвард[ейского] кавал[ерийского] полка
1	Полковн. [Н.А.] Саборский	1910	Нач[альник] шт[аба] нач[альника] гарн[изона] Феодосии
2	« « « [С.М.] Салимон	[1]914/ [19]15	В расп[оряжении] генкварглава (На излеч[ении] в Ялте)
3	« « « [П.Н.] Санников	1913	Стар[ший] ад[ъютант] шта[рма] I[-й]
4	« « « [Б.Н.] Сергеевский	1911	Штатн[ый] преп[одователь] Конст[антиновского] воен[ного] учил[ища]
5	« « « [Г.Т.] Сергеев	1907	В Грузии
6	« « « [Ф.П.] Сергеев	1916	В рез[ерве] офиц[еров] Ген[ерального] шт[аба] шта[рм] Дон[ской]
7	Капит. [Б.М.] Сессаревский	1916	Сведений нет
8	Полковн. [В.И.] Сизых	1912	Нач[альник] раз[ведывательного] отд[еления] глав[нокомандующего]

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
9	« « « [П.А.] Ситников	1915	Нач[альник] опер[ативного] отд[еления] шта[ба] кор[пуса] Дон[ского]
10	« « « [А.Н.] Скляревич	1914	В расп[орядении] генкварглав[а] В-Ялте
11	Подполк. [Н.Ф.] Соколовский	1912 [1914]	Зав[едующий] развед[кой] штакор 2[-го]
12	Полковн. [В.И.] Соколовский	1915	Нач[альник] шт[аба] Терско-Астрах[анской] брига[ады]
13	Полковн. [П.И.] Соловкин	1910	Командир Кавказ[ского] стрелк[ового] полка
14	« « « [М.Д.] Сорокин	914/15	Оберкварм 1[-й]
15	Капит. Подполк. [В.Н.] Ставро- вич	1916	Пом[ощник] нач[альника] ос[обого] отд[еления] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
16	Полковн. [Б.К.] Стадлер	912/14	Шт[аб-]офиц[ер] для пор[учений] шта[ба] креп[ости] Севасто[поль] Остался в Севасто- поле
17	Полковн. [А.В.] Станиславский	1911	Нач[альник] ос[обого] отд[еления] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
18	« « « [А.П.] Степанов	1912	В расп[орядении] нач[альника] во[енных] со[общений] (зав[едующий] передв[ижением] войск головного района)
19	« « « [А.В.] Стратонов	1914	Шт[аб-]офиц[ер] для пор[учений] при нач[альнике] во[енных] со[общений] Русской армии
1	Полковн. [Б.П.] Тарло	1912	Шт[аб-]офиц[ер] штакор 1[-го]
2	« « « [А.А.] Татаринов	1905	Воен[ный] аг[ент] в Пекине
3	« « « [И.И.] Третьяков	1911	Разр[ешен] выезд за гран[ицу] по бол[езни] (свед[ений] нет)
4	Полковн. [Д.И.] Троицкий	1916	Сведений нет
5	« « « [Л.С.] Туган-Барановский	1908	Ген[ерал] для пор[учений] при наштаглаве
6	« « « [Д.И.] Туган-Мирза- Барановский	1909	Шт[аб-]офиц[ер] для пор[учений] при ге- н[ерал-]инсп[екторе] конницы
7	Подполк. [Н.Н.] Торбеевский	1913	Прик[омандирован] к отд[елению] об[ер-] квар[тирмейстера] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления] (в загра- н[ичной] команд[ировке])
1	Полковн. [К.К.] Фаге	1916	Преп[одователь] Атаман[ского] воен[ного] учил[ища]
2	« « « [Н.А.] Федоров	1904	Преп[одователь] Куб[анского] Алекс[еевско- го] воен[ного] учил[ища]
3	« « « [Б.В.] Федоров	1916	Шт[аб-]офиц[ер] для пор[учений] при нач[альнике] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
4	« « « [П.Е.] Фетисов	1911	Ген[ерал] для пор[учений] при нач[альнике] снабжения

№.№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
5	Подполк. [С.Н.] Филимонов	1916	На Кавказе
6	Полковн. [В.Ф.] Флоров	1914	Нач[альник] во[енных] со[общений]
7	« « « [А.К.] Фортушный	1916	Пом[ощник] нач[альника] опер[ативного] отд[еления] о[тдела] генкварглав[а]
8	« « « [А.Г.] Фролов	1914	В расп[оряжении] генкварглава
9	« « « [В.К.] Фукс	1908	Наштадив 1[-й] кавалер[ийской]
1	Полковн. [Н.А.] Харитонов	1914	В расп[оряжении] генкварглава
2	« « « [В.Д.] Харгулари	1913	Прик[омандирован] к о[тделу] генкварглав[а] (в секр[етной] командир[овке]) ²³¹⁷
3	« « « [Г.С.] Хутиев	[1]912/ [19]14	Нач[альник] штаба Терского войска
4	« « « [С.И.] Храпко	1916	В расп[оряжении] нач[альника] гарн[изона] Симферополя
1	Полковн. [З.Ф.] Церетели	1909	В расп[оряжении] нач[альника] ч[асти] во-ен[но-]уч[ебных] завед[ений]
2	« « « [А.Н.] Цурпалев	913/14	В расп[оряжении] генкварглава
1	Полковн. [Ф.Э.] Чарноцкий	1905	В расп[оряжении] генкварглава
2	« « « [Д.Л.] Чайковский	1911	Нач[альник] канц[елярии] предст[авителя] главк[ома] в Константинополе при союзн[ом] команд[овании]
3	« « « [А.Л.] Чайков	1916	Стар[ший] ад[ъютант] шта[ба] кор[пуса] Дон[ского]
4	« « « [А.В.] Черныш	1912	Преп[одаватель] Алекс[еевской] юнкер[ской] школы
1	Полковн. [А.В.] Шавров	1914	В расп[оряжении] генкварглава
2	Подполк. [В.П.] Шацкий	1914	То же
3	Полковн. [В.К.] Шевченко	1909	На[чальник] шта[ба] креп[ости] Керчь
4	« « « [С.К.] Шевчук	1914	Шт[аб-]офиц[ер] для пор[учений] при генкварглаве
5	« « « [В.А.] Ширяев	1915	Прик[омандирован] к отд[елению] об[ер-]квар[тирмейстера] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
6	« « « [А.М.] Шкеленко	914/15	Нач[альник] опер[ативного] отд[еления] генкварглава
7	Полковн. [Г.И.] Шлидт	1910	Пом[ощник] нач[альника] раз[ведывательного] отд[еления] глав[нокомандующего]
8	« « « [Э.Э.] Шляхтин	1913	Пом[ощник] нач[альника] орг[анизационной] ч[асти] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
9	« « « [К.К.] Шмигельский	1916	Шт[аб-]офиц[ер] [отделения] об[ер-]квар[тирмейстера] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
10	« « « [А.К.] Шнеур	1916	Шт[аб-]офиц[ер] шта[ба] креп[ости] Керчь

²³¹⁷ Взят в плен и покончил с собой в апреле 1920 г.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
1	Полковн. [Г.Д.] Щербачев	1912	В заграничной командировке
1	Полковн. [Б.А.] Энгельгардт	1903	Сведений нет
2	« « « [Г.А.] Эверт	1908	На[чальник] шта[ба] района Ялты
1	Полковн. [Я.А.] Яковлев	[1]912/ [19]14 ²³¹⁸	В расп[оряжении] генкварглава
2	« « « [А.Н.] Якубовский	1907	Сведений нет-Остался в Азербейджане
3	« « « [П.К.] Ясевич	1915	Нач[альник] связи шта[ба] кор[пуса] Дон[ского]
4	Подполк. [А.Н.] Ягода	1914 [1915]	Сведений нет
ШТАБ- и ОБЕР-ОФИЦЕРЫ, НЕ ПЕРЕВЕДЕННЫЕ В ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ			
1	Полковн. [Г.Н.] Акимов	3 очер[еди] 1918 г.	Прикомандир[ован] к штадив Корниловской
2	Капит. [Е.Д.] Аракин	1 очер[еди] 1917 г. ²³¹⁹	В расп[оряжении] генкварглава
3	Подполк. [Г.И.] Арванити	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш. ²³²⁰	Командиров[ан] в штадив 1[-й] Донской
1	Войск. ст. [Н.А.] Балуев	1 курс 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] Куб[анско-] Черн[оморского] отр[яда]
2	« « « [Л.С.] Безладнов	1 курс 1917 г.	В расп[оряжении] на[чальника] шта[ба] Куб[анского] каз[ачьего] войска
3	Шт.-Кап. [Л.П.] Бендер	1 очер[еди] 1917 г.	Завед[ующий] разв[едкой] шта[ба] д[ивизии] Марковс[кой]
4	Капит. [Н.Н.] Бламаренко	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Пом[ощник] нач[альника] орг[анизац-]онного] отд[ела] шт[аба] гене[рала] для пор[учений] по дел[ам] Украины
5	Полковн. [Н.Н.] Бобриков	3 кл[асса] [1]908 [по] 2 разр[яду]	Прикоманд[ирован] к управ[лению] ген[ерал-]инспектора конницы
6	« « « [П.А.] Боголюбов	1 очер[еди] [1]916/[19]17 Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] на[чальника] шта[ба] креп[ости] Керчь
7	Есаул [С.А.] Богородицкий	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Завед[ующий] разв[едкой] штадив Дроздовской
8	Подполк. [Э.Б.] Болецкий	1 очер[еди] 1917 г. Пр.Г.Ш.	Прикоманд[ирован] к разв[едывательному] отд[елению] [штаба] глав[нокомандующего]

²³¹⁸ В документе ошибочно — [1]913/[19]14.

²³¹⁹ Здесь и далее курсы 1-й очереди в документе датированы 1917 г. по времени реального выпуска их слушателей. Официально выпускники курсов 1-й очереди именовались выпуском академии 1916 г.

²³²⁰ Здесь и далее — причислен к Генеральному штабу.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
9	Ротмистр [Ф.Н.] Боровский	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] кор[пуса] конного
10	Шт.-Кап. [К.Я.] Бугай	Курсовик 1 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
11	Подполк. [Н.С.] Бурлак	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] див[изии] Марковской
12	Капит. [В.В.] Белецкий	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Обер-офиц[ер]. Предст[авитель] Армении ²³²¹
13	« « [А.С.] Беличенко	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] полк. Ширяева (за границей)
1	Шт.-Рот. [Д.А.] Власенко	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] див[изии] 3[-й] Донской
2	Капит. [Л.В.] Воробьев	3 курса 1912 г. [по] 2 разр[яду]	В Ялте, в санат[ории] Алекс[андра] III на излеч[ении], свед[ений] нет
3	Полк. [А.П.] Вохмин	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	Приком[андирован] к наштакор 2[-го] арм[ейского]
1	Шт.-Капит. [В.Д.] Гершельман	1 очер[еди] 1917 г.	Разреш[ена] эваку[ация] за гран[ицу]
2	Подполк. [И.Р.] Гетманцев	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	Пом[ощник] стар[шего] ад[ъютанта] штарм 1[-й]
3	Капит. [В.А.] Геймовский	1 очер[еди] 1917 г.	Приком[андирован] к Сводно-Алекс[еевской] бриг[аде]
4	Полковн. Глинский ²³²²	1 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
5	Капит. [В.К.] Головкин	1911 г. [по] 2 разр[яду]	Сведений нет
6	Полковн. [А.Ф.] Голубятников	[по] 2 разр[яду] 1908 г. ²³²³	Сведений нет
7	Подполк. [Ф.Н.] Гришин	2 очер[еди] 1918 г.	В шта[бе] д[ивизии] 1[-й] Кубан[ской] каз[ачьей]

²³²¹ Вместо зачеркнутого: Сведений нет.

²³²² Глиндский. До Первой мировой войны носил фамилию Глиндемман.

²³²³ В документе ошибочно — 1906 г.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
1	Подполк. [А.В.] Девель	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Пом[ощник] нач[альника]
2	Полковн. [В.А.] Деревлев	2 очер[еди] 1917 г.	Ком[андир] конной сотн[и] юнк[еров] Куб[анского] воен[ного] учил[ища]
3	Есаул [Н.Е.] Дмитриюков	2 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
4	Подполк. [Н.С.] Добровольский	3 очер[еди] 1918 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] кор[пуса] конного
5	Шт.-Ротм. [К.В.] Доможиров	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Завед[ующий] развед[кой] штадив 1[-й] кавалерийской
6	Полковн. [В.С.] Дрон ²³²⁴	2 очер[еди] ²³²⁵ 1917 г. Пр. Г.Ш.	В 3 стрелк[овом] офиц[ерском] им. ген. Дроздовского полку
7	Шт.-Капит. Дулькис	3 очер[еди] 1918 г.	Пом[ощник] нач[альника] пенсион[ного] отд[еления] общ[его] отд[ела] Воен[ного] управления
8	Капитан [М.М.] Дьяковский	1 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
1	Полковн. [Н.Ф.] Егоров	3 очер[еди] 1918 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] генкварглава
2	Шт.-Капит. [Л.Н.] Ержиковский	1 очер[еди] 1917 г.	В расп[оряжении] наштакор 2[-го]
3	Полковн. [А.Ф.] Ефремов	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	И.д. нач[альника] связи штарм 1[-й]
1	Подполк. [М.И.] Жихор ²³²⁶	1 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
2	Капитан [Н.В.] Железнов	[1 очереди 1917 г.]	Сведений нет
1	Есаул Завадовский ²³²⁷	Не оконч[ил] 3 очер[еди] 1918 г.	Сведений нет
2	Полковн. [Е.А.] Завадский	[1906]	То же
3	Шт.-Капит. [К.П.] Завалиевский	[3 очер[еди] 1918 г.]	То же
4	Капит. Залесский	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	То же

²³²⁴ Вычеркнут, т.к. был убит.

²³²⁵ В документе ошибочно — 1 очер[еди].

²³²⁶ В документе ошибочно — Жихов.

²³²⁷ В документе ошибочно — Завадавский.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
5	Войск. ст. [Н.И.] Зботонов	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] наштакор 3[-го] арм[ейского]
6	Полковн. [М.И.] Зимин	1 очер[еди] 1917 г.	Стар[ший] ад[ъютант] [штаба] Терско-Астр[аханской] бри[гады]
1	Есаул [С.М.] Измайлов	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Сведений нет
2	Штг.-Ротм. [А.М.] Изюмов	3 очер[еди] 1918 г. Пр. Г.Ш.	Об[ер-]офиц[ер] штаба арм[ейского] тыл[ового] р[айона] и Керченского полуострова
1	Есаул [Н.А.] Кадушкин	1 очер[еди] 1917 г.	В расп[оряжении] на[чальника] шта[ба] войск[а] Кубанс[кого]
2	Штг.-Капит. Калугин	1 клас[с] 1914 г.	Сведений нет
3	Капит. [Г.П.] Каратинский	1 очер[еди] 1917 г. ²³²⁸ Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] див[изии] 34[-й] пех[отной]
4	Полковн. [М.А.] Ковалев	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В рез[ерве] офиц[еров] Ген[ерального] шт[аба] [при] шт[абе] арм[ии] Дон[ской] (в отпуску за гран[ицей])
5	Подполк. [А.И.] Козубский	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] ген[ерал-]инсп[ектора] конницы
6	Капит. [Ф.П.] Колесников	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] див[изии] 7[-й] пех[отной]
7	Подполк. [Л.Г.] Колмаков	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Пом[ощник] стар[шего] ад[ъютанта] шт[аба] опер[ативной] ч[асти] Штарма
8	Полковн. [П.В.] Колтышев	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В 1[-м] офиц[ерском] им. ген. Дроздовского полку
9	Штг.-Кап. [А.И.] Коновалов	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В шт[абе] Перек[опско-]Сиваш[ского] района
10	Капит. [Н.А.] Коноплин	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Сведений нет Остался в Азербейджане
11	Полковн. [В.В.] Корчаков-Сивицкий	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] кор[пуса] 2[-го] арм[ейского]
12	« « [Н.Г.] Крестинский	[по] 2 раз-р[яду] 1909 г.	Нач[альник] адм[инистративного] отд[еления] общ[его] отд[ела] В[оенного] у[правления]

²³²⁸ На самом деле окончил младший класс 1-й очереди и старший класс 3-й очереди.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
13	« « « [И.Д.] Кудельский	[по] 2 раз-р[яду] 1909 г.	Прик[омандирован] к шт[абу] Перек[опско-] Сиваш[ского] ук[репленного] района
14	Капит. [М.К.] Кузьмин	[по] 2 раз-р[яду] 1915 г. Пр. Г.Ш.	И.д. стар[шего] ад[ъютанта] шт[аба] кор[пуса] 2[-го]
15	Подполк. [М.В.] Кучинский	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В шт[абе] креп[ости] Керчь
16	« « « [Ю.В.] Кушелев	3 клас[СА] 1912 г.	Сведений нет
17	Капит. [Я.Г.] Куц	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Пом[ощник] стар[шего] ад[ъютанта] шт[аба] кор[пуса] Дон[ского]
1	Капит. [Б.П.] Лапшин	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Пом[ощник] стар[шего] ад[ъютанта] шт[аба] кор[пуса] Дон[ского]
2	« « « [Н.С.] Латышев	2 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
3	Полковн. [К.Л.] Левицкий	1 очер[еди] 1917 г.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] див[изии] 6[-й] пех[отной]
4	Шт.-Капит. [Л.И.] Левицкий	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Сведений нет
5	Полковн. [Г.М.] Лермонтов	3 кл[асса] [1]905 [по] 2 раз-р[яду]	В расп[оряжении] ген[ерал-]инсп[ектора] конницы
6	Подъесаул Леус	1 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
7	Капит. [А.В.] Луканов	1 очер[еди] 1917 г.	То же
8	Капитан [М.С.] Любимский	1 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
9	Полковн. Львов	3 очер[еди] 1918 г.	То же
10	Подполк. [П.И.] Ляшко	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] див[изии] 13[-й] пех[отной]. Вр[еменно] приком[андирован] к шта[бу] креп[ости] Севастопольской
1	Полковн. [М.Е.] Максимович	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Завед[ующий] развед[кой] штадив 34[-й] пехотн[ой]
2	Капит. кн[язь] [И.И.] Максудов	[2 очереди] 1917 г.]	Сведений нет

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
3	Полковн. [К.Н.] Мандражи	[по] 2 раз-р[яду] 1906 г.	То же
4	Капитан Марицович	Пр. Г.Ш.	То же
5	« « « [В.Д.] Мацнев	1 очер[еди] 1917 г.	~~Сведений нет~~ - Остался в Азербейджане
6	Полковн. [Р.Д.] Мергин	3 очер[еди] 1918 г.	То же ²³²⁹
7	Подполк. ²³³⁰ [Е.Э.] Месснер	1 очер[еди] Сведений нет 1917 г. Пр. Г.Ш.	И.д. стар[шего] ад[ъютанта] шт[аба] див[изи-зии] Корниловской
8	Полковн. [М.К.] Мунтянов	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Прикоманд[ирован] к раз[ведывательному] от[делению] [штаба] гл[авнокомандующего]
9	« « « [А.Ф.] Мшанецкий	[по] 2 разр[яду] 1899 г.	Сведений нет
1	Полковник [Н.Е.] Невядомский	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] генкварглава
2	« « « [И.С.] Нефедов	3 очер[еди] 1918 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] нач[альника] раз[ведывательного] от[дела] глав[нокомандующего]
3	Ротм. [Н.А.] Никольский	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] генкварглава
4	Подполк. [В.Ф.] Новицкий	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] штарма II
1	Полковн. [А.А.] Окаемов ²³³¹	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	И.д. стар[шего] ад[ъютанта] шт[аба] кор[пуса] I
2	Капитан [Н.Н.] Онисов	1 очер[еди] 1917 г.	~~Сведений нет~~ - Остался во Владикавказе
3	Полковн. [В.Ф.] Оржановский	1 очер[еди] 1917 г.	Прикоманд[ирован] к штадив 6[-й] пехотной
1	Капитан [Н.П.] Пашковский	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Сведений нет
2	Подполк. [К.М.] Перевалов	2 кл[асса] [по] 2 раз-р[яду] 1903 г.	Прикоманд[ирован] к опер[ативному] отд[елению] шт[аба] Керченского укреп[ленного] района

²³²⁹ Имеется в виду: Сведений нет.

²³³⁰ Вместо зачеркнутого: Капит[ан].

²³³¹ В документе ошибочно — Окоемов.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
3	Капитан [Л.Н.] Перков	1 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет Остался во Владикавказе
4	Полковн. [Л.В.] Пермяков	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Завед[ующий] развед[кой] штадива 2[-й] кавалерийской
5	« « « [М.П.] Петельниц	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Прикоманд[ирован] к штадив 1[-й] кавалерийской
6	« « « [А.П.] Петренко	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] генкварглава (в загранич[ном] отпуску)
7	Войск. ст. Победоносцев	1 очер[еди] 1917 г.	В расп[оряжении] на[чальника] шта[ба] войск[а] Куб[анского]
8	Подполк. [В.З.] Полошкин	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	Прикоманд[ирован] к штарм 2[-й]
9	Войск. ст. Попов П.И.	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] див[изии] 3[-й] Дон[ской]
10	« « « Попов Ф.Т.	1 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
11	« « « Попов В.Г.	3 очер[еди] 1918 г.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] кор[пуса] Дон[ского]
12	Подполк. [В.А.] Попов	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] див[изии] 2[-й] конной
13	Капитан [Н.К.] Пуницкий	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] кор[пуса] 1
14	Есаул [В.М.] Пегушин	2 курса 1918 г.	Сведений нет
15	Полковн. [В.Л.] Пятницкий	2 курса 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] опер[ативного] отд[еления] войск[ового] шт[аба] Донского войска
1	Шт.-Капит. [А.С.] Ролько	2 курса 1918 г.	Сведений нет
2	Капитан [И.И.] Рославцев	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	Сведений нет Остался в Азербейджане
3	Шт.-Капит. [С.Н.] Ростиславский	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	То же ²³³²
4	Полковн. [Н.А.] Русинов	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] нач[альника] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] управления

²³³² Имеется в виду: Сведений нет.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
1	Капитан [П.М.] Савельев	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	И.д. стар[шего] ад[ъютанта] шт[а]кор I
2	Шт.-Капит. [В.Н.] Сагайдаковский	1 очер[еди] ²³³³ 1917 г.	И.д. стар[шего] ад[ъютанта] шт[аба] див[изии] Кубанской
3	Капитан [С.К.] Сахаров	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] штакор 3[-го]
4	« « « кн[язь] [Д.П.] Святополк-Мирский	1 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
5	« « « [А.Н.] Севастьянов	1 очер[еди] 1917 г.	То же
6	« « « [Г.З.] Семенихин	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	То же
7	Полковн. [Я.С.] Сенкевич	2 курса [по] 2 раз- р[яду] 1914 г. Пр. Г.Ш.	И.д. шт[аб-]офиц[ера] Перекоп[ско-]Сиваш- [ского] укреп[ленного] района
8	Капитан [И.Д.] Сетраков	1 очер[еди] 1917 г.	В рез[ерве] офиц[еров] Ген[ерального] шт[аба] при Штарм Дон[ской]
9	Войск. ст. [В.А.] Скандилов	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	То же
10	Подполк. [Ю.А.] Слезкин	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] див[изии] 1[-й] конной
11	Шт.-Капит. [П.А.] Смирнов	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Пом[ощник] стар[шего] ад[ъютанта] штарма 1[-й]
12	Подполк. [В.Е.] Соллогуб	2 очер[еди] 1917 г.	В расп[оряжении] генкварглава (в загран[ичном] отп[уску])
13	Полковн. [М.К.] Соломахин	2 курса 1918 г.	Ком[андир] бриг[ады] 1[-й] Куб[анской] каз[ачьей]
14	Подъесаул [А.А.] Сомов	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Сведений нет
15	Шт.-Капит. [В.Г.] Станиславский	1 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
16	Полковн. [К.Н.] Староскольский	1 оче- р[еди] ²³³⁴ 1917 г.	Прик[омандирован] к штадив 34[-й] п[ехотной]

²³³³ В документе ошибочно — 2 очер[еди].

²³³⁴ На самом деле окончил младший класс 1-й очереди и старший класс 3-й очереди.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
17	Капитан [А.Ф.] Столяренко	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Завед[ующий] развед[кой] штадив Корниловской
1	Капитан [И.Д.] Табатурев ²³³⁵	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Сведений нет-Остался в Азербейджане
2	« « « [В.Ф.] Тарасов	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	Приком[андирован] к раз[ведывательному] от[делению] [штаба] глав[нокомандующего]
3	Полковн. [И.И.] Таширов	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] на[чальника] шта[ба] войс[ка] Терского
4	« « « [Г.А.] Токарев	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] кор[пуса] Дон[ского]
5	Шт.-Ротм. [Б.Н.] Третьяков	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] нач[альника] отд[ела] Г[енерального] ш[таба] В[оенного] у[правления]
6	« « « [Ю.В.] Трофимов	3 очер[еди] 1918 г.	Сведений нет
7	Полковн. [Б.В.] Тупицын	[по] 2 разр[яду] 1908 г.	То же
8	« « « [Я.С.] Туров	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	И.д. стар[шего] ад[ъютанта] шт[аба] Евпатори[йского] в[оенно-]адм[инистративного] района
9	Капитан [Б.Н.] Тюренков	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	Пом[ощник] стар[шего] ад[ъютанта] штарма 2[-й]
10	Войск. ст. [И.П.] Тюморезов	2 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
1	Есаул [М.С.] Ушаков	3 очер[еди] ⁴²³³⁶ 1917 г.	Сведений нет
1	Полковн. [И.И.] Фалилеев	2 курса 1918 г. Пр. Г.Ш.	Завед[ующий] развед[кой] штадив 7[-й] пехотной.
2	Шт.-Капит. [Н.Л.] Федоров	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] генкварглава
3	Шт.-Ротмис. Фельдман	4 очер[еди] 1919 г. ²³³⁷	Ком[андирован] на усил[ение] штадив 1[-й] кавалерийской

²³³⁵ В документе ошибочно — Табатурев.

²³³⁶ В документе ошибочно — 2 очер[еди].

²³³⁷ В документе ошибочно — 1918 г.

№№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
4	Есаул [С.Н.] Флерин ²³³⁸	1 очер[еди] 1917 г.	Сведений нет
5	Ген.-М[айор] Ген.-Л. [М.А.] Фостиков	3 очер[еди] 1918 г.	Нач[альник] Куб[анско-]Черн[оморского] отр[яда] К[оманди]р Кубанского корпуса
6	Войск. ст. [П.Л.] Фролов	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Вр.и.д. стар[шего] ад[ъютанта] шта[ба] к[орпуса] Донского
7	Капитан [М.П.] Фесик	3 очер[еди] 1918 г. Пр. Г.Ш.	И.д. зав[едующего] разв[едкой] штадив 6[-й] пех[отной]
1	Шт.-Ротм. [М.В.] Хабаев	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Завед[ующий] развед[кой] шта[ба] бриг[ады] Терско-Астрах[анской]
2	Войск. ст. [Н.А.] Хохлачев	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] див[изии] 2[-й] Донской
1	Подполк. [А.Г.] Чаплыгин	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] пом[ощника] нач[альника] артил[лерийского] снабж[ения]
2	Капитан [Б.Ф.] Черниговский-Сокол	[2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.]	Сведений нет
3	« « [А.С.] Чернышев	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Сведений нет-Остался в Азербейджане
4	Полковн. [М.Т.] Чернявский	3 очер[еди] 1918 г.	То же ²³³⁹
1	Полковн. [К.К.] Шарин	3 очер[еди] 1918 г. Пр. Г.Ш.	Приком[андирован] [к] штадив 1[-й] кавалерийской
2	Подполк. [Ф.Я.] Шорников	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	Стар[ший] ад[ъютант] шт[аба] кор[пуса] Дон[ского]
3	Полковн. [Н.Л.] Шукевич	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] ген[ерал-]инсп[ектора] конницы
4	Ротмистр [А.И.] Шульгин	1 очер[еди] 1917 г.	Завед[ующий] разв[едкой] штадив 13[-й] пехотной
1	Подполк. [Г.В.] Щепин	1 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	При предст[авительстве] Японии

²³³⁸ В документе ошибочно — Флорин.

²³³⁹ Имеется в виду: Сведений нет.

²³⁴⁰ На самом деле окончил младший класс 1-й очереди и старший класс 3-й очереди.

№.№ по пор.	Чин и фамилия	Год выпуска из академии	Занимаемая должность
1	Полковн. [И.Е.] Эльснер	1 очер[е- ди] ²³⁴¹ 1917 г. Пр. Г.Ш.	Пом[ощник] нач[альника] общ[его] отд[еле- ния] генкварглава
1	Капитан [В.А.] Якименко	2 очер[еди] 1917 г. Пр. Г.Ш.	В расп[оряжении] нач[альника] раз[ведывательного] от[деления] гл[авнокомандующего]

Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives, Stanford University). Vrangal Collection. Box 113. Folder 14.

---

²³⁴¹ На самом деле окончил младший класс 1-й очереди и старший класс 3-й очереди.

«Заслуживают проверки»

Бывшие офицеры-генштабисты
под надзором органов госбезопасности
в начале 1930-х гг.

Репрессии начала 1930-х гг. в отношении бывших офицеров (так называемое дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна»), несмотря на разоблачительную публицистику конца 1980–1990-х гг., до сих пор остаются практически не изученными²³⁴². Тем ценнее введение в научный оборот новых, еще недавно засекреченных документальных материалов.

Основной комплекс документов (3496 томов) по данной теме хранится в Киеве, в Ведомственном архиве Службы безопасности Украины, куда он был передан из КГБ СССР. В отличие от аналогичных материалов Центрального архива ФСБ России, документы которого даже по периоду Гражданской войны 1917–1922 гг. по необъяснимым причинам продолжают оставаться доступными лишь ведомственным историкам, аналогичные материалы, хранящиеся на Украине, в настоящее время рассекречены и доступны для изучения.

Вниманию читателей предлагается публикация двух агентурных донесений, касающихся жизни в СССР, социального положения и связей бывших офицеров Генерального штаба. Эти донесения набраны на машинке, причем машинописный набор, судя по всему, осуществлялся сотрудниками ОГПУ, что видно из ряда нелепых ошибок в именах бывших офицеров, которые человек из офицерской среды допустить никак не мог.

Анонимный осведомитель являлся одним из бывших офицеров Генерального штаба и прекрасно знал сообщество генштабистов изнутри. Из-за того, что в тексте документов сохранилось несколько отсылок к прошлой службе агента и очерчен круг его знакомых, удалось установить личность этого человека, информировавшего, как следует из документов, «органы» на протяжении 1930–1932 гг. обо всем, что происходило между бывшими генштабистами.

---

²³⁴² Единственным монографическим исследованием по этому вопросу является работа: *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. Уровень этой работы снижают ее явная публицистическая заостренность, отсутствие знакомства автора с материалами РГВА по истории Красной армии межвоенного периода и значительное количество допущенных ошибок и неточностей. Многие утверждения Тинченко основаны на заведомо ненадежных документах личного происхождения либо на непроверенных свидетельствах фигурантов дела «Весна». Тем не менее значение этой работы как первого и пока единственного исследования по делу «Весна» трудно переоценить.

Процесс определения автора немногим отличался от детективного. В документах упомянут факт службы осведомителя во 2-м Финляндском стрелковом артиллерийском дивизионе на должности младшего офицера, а также окончание им Михайловского артиллерийского училища вместе с генштабистом В.В. Колосовским. Известно и то, что сам автор был выпускником Николаевской военной академии. Исходя из этих сведений, при помощи «Списка Генерального штаба» на 1914 г., а также общих списков офицерским чинам на 1909 и 1910 гг. был определен круг генштабистов, служивших в Финляндской артиллерийской бригаде, а также установлен год окончания автором документа училища — 1906.

Первоначально подозрения пали на генштабиста из артиллеристов А.И. Верховского, служившего в той же бригаде, однако он не оканчивал Михайловское артиллерийское училище, а кроме того, арестовывался по делу «Весна» и, естественно, не мог сообщать новые сведения на лиц, остававшихся на свободе. К тому же сводка содержит данные и на самого Верховского, так что автором документа он быть никак не мог.

После этого на основе сопоставления разнообразных справочных материалов по дореволюционному офицерству удалось установить, что сочетанием всех упомянутых данных обладал лишь выпускник ускоренных курсов академии Георгий Иванович Теодори, который, предположительно, и являлся тайным осведомителем. Подтверждают это указания на общение автора донесений в марте 1919 г. с заместителем председателя Особого отдела ВЧК А.В. Эйдуком, осведомленность о деле Ф.И. Балабина, с которым у Теодори произошел конфликт весной 1918 г., а также знание им реалий службы Региструпра и Оперативного отдела Наркомата по военным делам, где и служил Теодори. Несмотря на верную службу новой власти, Теодори был в 1919 г. арестован и долгое время находился в заключении. Можно предположить, что он стал сексотом в связи со своим освобождением из-под ареста 4 января 1921 г. после почти двух лет тюремного заключения²³⁴³.

В отличие от большей части фальсифицированных сотрудниками ОГПУ показаний по делу «Весна» свидетельства этого агента, предназначенные для использования органами госбезопасности в оперативной работе, в целом довольно достоверны (есть ряд незначительных ошибок в тех случаях, когда автор донесения писал о людях, которых он не знал лично, или о малоизвестных ему явлениях, в частности, о Белом движении), тем более что при составлении сводок он опирался на данные списков Генерального штаба.

Анализ документов показывает, что Теодори был информатором ОГПУ на протяжении длительного времени. Только в одной сводке он упоминает о целом ряде своих предыдущих донесений, подготовленных на протяжении 1930–1932 гг. В документе есть упоминание и о сводках за 1927–1928 гг. и даже о докладе Теодори за февраль 1927 г. А.Х. Артузову, возглавлявшему в тот период контрразведывательный отдел ОГПУ СССР²³⁴⁴. Таким образом, Теодори тесно сотрудничал с чекистами и во второй половине 1920-х гг. Более раннее его сотрудничество с «органами» пока остается предположением, основанным на изучении перипетий судьбы этого человека в первой половине 1920-х гг.

²³⁴³ Подробнее о Теодори см. специальный материал в настоящем издании.

²³⁴⁴ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 94.

Содержание документов позволяет предполагать, что Теодори посредством донесений мог сводить личные счета со своими бывшими коллегами по Генштабу, во всяком случае, он без стеснения пишет о необходимости проверки тех или иных лиц. Это полностью соответствует личностным особенностям Теодори, который своим недругам ничего не забывал и не прощал. Показательно отношение Теодори к репрессиям, осуществлявшимся, в том числе при его содействии, в рамках дела «Весна»: он убежден (или изображает убежденность) в обоснованности арестов и даже отождествляет себя с чекистами. В частности, про одного из бывших генштабистов он писал: «...характерно, что он работал в Горном институте у Сергеева, где были сосредоточены почти все арестованные нами “кадры”». Либо это искренняя убежденность, либо активное стремление подчеркнуть свою лояльность, чтобы самому избежать очередного ареста.

Не исключено, что Теодори оказался одним из основных информаторов ОГПУ при подготовке операции «Весна». Многие лица, деятельность и связи которых он осветил, попали под маховик репрессий. Вместе с тем он указал сведения не только о лицах, находившихся в СССР, но и об уже умерших или эмигрировавших. По всей видимости, ОГПУ настойчиво пыталось найти выходы на лидеров русской военной эмиграции через их знакомых, оставшихся в СССР.

Как видно из донесений, советские органы госбезопасности обладали исчерпывающей информацией о положении и взаимоотношениях в среде бывших офицеров в СССР. Фактически перед нами краткий обзор послереволюционной истории старого Генерального штаба в лицах. В сводках упомянуты десятки бывших генштабистов, освещаются связи между ними, раскрываются неизвестные факты их деятельности, в том числе компрометирующие, подробно рассказывается о группировках в их среде. Если к этому добавить издававшиеся органами госбезопасности для служебного пользования книги учета бывших белых офицеров (к примеру, лишь одна такая книга, подготовленная в 1931 г. ГПУ УССР, содержала сведения на 21 000 офицеров и военных чиновников²³⁴⁵) и другие материалы, то открывается впечатляющая по своему масштабу картина осведомленности компетентных органов.

Было бы наивно полагать, что автор донесений являлся единственным агентом в среде генштабистов. Секретными осведомителями ОГПУ–НКВД были, по всей видимости, многие военспецы, их родные и близкие. Сексотами помимо Теодори были бывший генерал А.М. Зайончковский и его дочь Ольга (они участвовали также в известной операции «Трест»). Работу некоторых сексотов в офицерской среде курировал опытный контрразведчик, соратник Ф.Э. Держинского Э.П. Салынь. В этом отношении показательны материалы следственного дела бывшего полковника Лейб-гвардии Преображенского полка Д.Д. Зуева, куратором которого по секретной работе от органов госбезопасности как раз был Салынь. Согласно этим материалам, О.А. Зайончковская в частном разговоре предостерегала своего друга, бывшего офицера Б.В. Селивачева (сына известного генерала В.И. Селивачева), от контактов с Д.Д. Зуевым (зятем В.И. Селивачева), так как тот был предположительно осведомителем ОГПУ. Б.В. Селивачев рассказал об

---

²³⁴⁵ Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011. Т. 1.

этом самому Зуеву, а последний порекомендовал Селивачеву аналогичные меры предосторожности в отношении Зайончковской, на что Селивачев сказал: «Ну и черт Вас обоих разберет»²³⁴⁶. Этот пример показывает, что на трех знакомых из круга бывших офицеров могло приходиться два сексота. Подобное соотношение отнюдь не кажется надуманным. Достаточно отметить, что в 1920-е гг. на 109 человек, проходивших по агентурно-наблюдательному делу «Генштабисты», приходилось свыше 30 осведомителей²³⁴⁷.

Как и до революции, офицеры в СССР оказались связаны круговой порукой. Если до 1917 г. она проявлялась в корпоративном духе офицеров, в их многовековых традициях и принципах, то теперь такая порука была им навязана извне, органами госбезопасности и режимом и сводилась к необходимости доносить обо всем подозрительном. Фактически органы ОГПУ–НКВД переложили немалую часть своей работы на тех, кого сами должны были контролировать. В идеале о подозрительном разговоре должен был донести каждый из его участников. Если кто-то из них не доносил, он автоматически попадал под подозрение как заговорщик и контрреволюционер. Трудно предположить, что в подобной обстановке существовала возможность организации каких-либо военных заговоров — если не один осведомитель, то другой сообщил бы об этом своим кураторам, подставив под удар не сообщившего.

И все же, судя по содержанию документов, Теодори был одним из наиболее осведомленных, а следовательно, ценных информаторов. На основании таких сводок чекистам не составляло никакого труда по цепочке производить аресты «бывших» людей и выбивать признательные показания на новых жертв (например, многократно упоминается Теодори не подвергшийся репрессиям будущий Маршал СССР Б.М. Шапошников, указаны его связи и круг общения), а в замкнутой среде бывших офицеров можно было легко получить достаточные для ареста компрометирующие материалы на любого человека. С помощью таких агентов, по всей видимости, и были организованы аресты в рамках дела «Весна», среди материалов которого и обнаружены эти донесения.

Публикуемые документы являются ценным источником как по проблеме положения бывших офицеров в СССР 1920-х – начала 1930-х гг. в частности, так и по внутривластной ситуации в стране в этот период в целом. А самое главное, они дают наглядное представление о том, как на практике функционировал пресловутый механизм доноительства, культивировавшийся в СССР. К сожалению, в нашем распоряжении имеется лишь машинописная копия документов, причем нумерация характеризуемых лиц во второй сводке открывается с номера 22, а начало сводки в деле отсутствует. Документы напечатаны на разной бумаге.

При публикации написание фамилий прописными буквами не сохраняется, неточности общепринятого написания фамилий и опечатки исправлены без оговорок. Не сохраняются подчеркивания упомянутых в донесении лиц, сделанные сотрудниками ОГПУ для облегчения составления общего списка лиц, указанных

---

²³⁴⁶ Семейный архив Д.Д. Зуева и О.Н. Хлестова (Москва). Материалы следственного дела Д.Д. Зуева. Л. 95.

²³⁴⁷ *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 383.

агентом. Поскольку в документе перечисляются десятки имен офицеров Генерального штаба, в отношении более подробных сведений о них мы отсылаем читателя к нашему справочнику по кадрам Генштаба в годы Гражданской войны²³⁴⁸.

Документ 1.
Агентурное донесение
о бывших офицерах Генерального штаба в СССР.
Февраль 1932 г.

зр-4.

Совершенно секретно²³⁴⁹.

В список включены лишь те, о ком мне не приходилось прежде подробно говорить или разыскивать; частично вошли и прежние, но только ссылкой на сводку ту или иную, в свое время данную. Сами фамилии приведены после 5-ти дневных поисков в памяти, событиях, списках Генерального штаба, разговорах, мемуарах, в довоенных встречах, событиях с 1918 г. и по сей день (по обрывкам фраз, встреч и т.д.).

В силу этого часть сведений — достоверных по фактическому, мемуарному и т.п. материалам, — тем не менее, требуют соответствующего анализа.

Даю только о Генеральном штабе и частично о пришедших на память; остальных мало знаю, да и 15 лет срок увесистый, чтобы помнить.

Андогский Александр Иванович, быв[ший] нач[альник] Военной академии Генерального штаба при Керенском и екатеринбургской академии при Троцком до 29 августа 1918 г.²³⁵⁰ и колчаковской до его разгрома.

По разным версиям (Красовский и Ко) находится в Харбине.

Уроженец г. Волхова на реке Волхове; там должны сохраниться его родственники [—] братья или сестры.

Одного выпуска с Андогским:

Менчуков Евгений Александрович, генерал-майор, работает в школе «Выстрел».

Лигнау Александр Георгиевич, генерал-майор, белый, работал в академии имени Фрунзе.

---

²³⁴⁸ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

²³⁴⁹ Карандашная резолюция: «Свиридов. Послано на проверку. Список 14/III — ИНО, ЭКУ, УСО, СПО, МВО, ЛО». ИНО — иностранный отдел ОГПУ; ЭКУ — экономическое управление ОГПУ; УСО — учетно-статистический отдел ОГПУ; СПО — секретно-политический отдел ОГПУ; МВО — полномочный представитель ОГПУ при Московском военном округе; ЛО — полномочный представитель ОГПУ при Ленинградском военном округе.

²³⁵⁰ А.И. Андогский возглавлял академию с некоторыми перерывами на протяжении всей Гражданской войны, на 29 августа 1918 г. академия уже около месяца находилась в лагере белых.

Морозов Николай Аполлонович, полковник, белый, в г. Ленинграде, работал в академии.

Таубе, барон. Арестован.

Из поклонников Андогского здесь в Москве имеются:

Белой Александр Сергеевич, Базаревский — был у белых, Лазаревич, друг Андогского и Белого.

Пользовался симпатиями Алафузо, Андерса, Меженинова, Баторского, Верховского. Они в свое время обрабатывали Троцкого и Склянского о приглашении его в РСФСР. Эту мысль сильно поддерживал Петровский Дав[ид] Алек[сандрович] (под воздействием Лазаревича, Белого, Суворова и Ко).

Пребывание Андогского в Париже или Сербии под большим сомнением²³⁵¹, его ненавидел[и] Головин и Александр Геруа из-за вопроса об академии, но возможно, что договорились.

Шильбах Константин Константинович был приглашен Андогским в свое время для работы в академии, но события на Украине и связь гетманщины-скоропадчины с немцами задержали его прибытие.

Архангельский Алексей Петрович, дежурный генерал Главного штаба (соответствует нынешнему нач[альнику] Г[лавного] у[правления] РККА), был связан со Стоговым Н.Н., Деникиным, с Розановым Сергеем Николаевичем.

Геруа Александр Владимирович. Нач[альник] штаба 2 царской армии, позднее был на Румынском фронте. Воспитатель короля сербского Александра. Находится в Сербии.

Геруа Борис Владимирович, в тесной связи с Андогским и его группой, с Поляковым и Сыромятниковым.

Поклонники те же, что у Андогского, плюс Раттэль Николай, Верховский Борис, Балабин Филипп Иванович, Шпилько Григорий Андреевич, Балтийский Александр Алексеевич, Сапожников Николай Павлович.

Оба указанных выше Геруа являются родными братьями, но находятся в резком антагонизме по честолюбивым вопросам.

Десино Константин Николаевич. Привожу его потому, что в связи с событиями в Маньчжурии и Центральном Китае личность его приобретает некоторое значение: он был много лет с 1906 и позже военным агентом в Японии и с мнением его считались даже немецкие военные журналы. С ним был связан Рябиков, преподавал разведку в Военной академии, всегда ссылаясь на агентурную четкую работу Десино.

Добрышин Александр Федорович, находится в Париже. В Ленинградском военном округе, в академии, школах и даже штабе все, что служило в 8 Финляндском стрелковом полку и работало в Военной академии с 1910 по 1914 гг., безусловно, симпатизирует Добрышину. Добрышин — личный друг Головина, Незнамова, Свечина Александра Андреевича, Балтийского, ибо был одним из «младотурок», т.е. активно протестовавших против застоя военной работы и ее рутинерства в царской армии.

---

²³⁵¹ В действительности А.И. Андогский находился в эмиграции в Китае.

Левицкий Борис Антонович, бежал из Андроньевского монастыря в Москве в августе мес[яце] 1919 г. вместе со Стоговым, вероятно всего, находится в Париже. Можно допустить, что в Сербии.

Вместе с Барановским Владимиром Львовичем работал у Керенского. Друг Ковалевского Александра Николаевича, расстрелянного на Южном фронте. В бытность Сыгина П.П. командующим фронтом.

С ним одного выпуска по академии в 1911 г. Шварц Николай Николаевич, полковник-гвардеец, работал в академии имени Фрунзе до 1931 г.; Гершельман Владимир Константинович (см. мою сводку о Чинтулове за ноябрь мес[яц] 1931 г.); Кусонский Павел Алексеевич, работал со Стоговым в 8 царской армии; Капустин Николай Львович [правильно — Яковлевич], умер в 1927 г.; Верховский Александр Иванович; Свечников Михаил Степанович, полковник, работал в академии имени Фрунзе; Раттэль Иван Иосифович, полковник в царской армии и у нас, работал по ВОСО и при НКПС нач[альником] моб[илизационного] отдела; Кузнецов Матвей Никифорович, полковник, последнее время в 1930 г. и позже в Московской военно-инженерной школе; Добржияловский Борис-Виктор Антонович, сейчас в польской армии; Косматов Александр Васильевич, работал в Разведупре, любимец Вацетиса.

Лайдонер Иван Яковлевич, подполковник Генштаба, нач[альник] отделения Управления генквартиры²³⁵², т.е. нач[альник] разведывательного отделения штаба Зап[адного] фронта царских армий, выпуска 1912 г. Находится в Ревеле, военный министр Эстонии, потом главком и т.д.

Я его привожу потому, что Лайдонер все время будет встречаться в сочетании с рядом знакомых по нашей работе лиц, особенно с Лебедевым Дмитрием Капитоновичем, бежавшим в Эстонию при содействии эт[онской] миссии, предвзительно создав, по всей видимости, соответствующие связи (см. Лебедев Д.К.).

С Лайдонером окончил[и] академию в одной группе Замбржицкий Борис Альфонсович, находится в Польше; Коленковский Александр Константинович, подполковник, нач[альник] оперативного отдела Штаба РККА с 1921 г. и до прихода тов. Фрунзе, первый помощник нач[альника] штаба был Шапошников Борис Михайлович, сейчас Коленковский в академии РККА; Душкевич Александр Александрович, подполковник царской армии, нач[альник] Лайдонера по штабу Зап[адного] фронта в царской армии, друг Надежного и Армадерова, преподавал в Московском нефтяном институте до 1-го декабря 1931 г.; Богословский Борис Петрович, перебежал в августе 1918 г. в Екатеринбург, при ликвидации Колчака расстрелян нами в г. Омске; Моторный Владимир Иванович, подполковник, был арестован по делу магазина «Порука», тесно был связан с Суворовым А.Н., с Белым, с Лазаревичем, Шафаловичем²³⁵³, Лупаковым и т.д.; Нацвалов Антон Романович, полковник, был военным представителем П[олномочного] П[редставителя] Грузии в РСФСР, сейчас работает где-то в ККА в Тифлисе; Шапошников Борис Михайлович, полковник, комвойск ПРИВО²³⁵⁴; Фон-Прюссинг Эдмонд-Бруно Адольфович, полковник, лично знал его, служба с его братом в Финляндии во 2-м

²³⁵² Генквартира — генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта.

²³⁵³ В документе ошибочно — Шаполовичем.

²³⁵⁴ ПРИВО — Приволжский военный округ.

финляндском стрелковом артилл[ерийском] дивизионе, рядом жили, авантюрист, связан с Щербачевым, служит, очевидно, в финляндских войсках теперь, ибо вся семья с 1907 года и по 1917 г. жила в Выборге на Маунун-Кату; Лупаков Леонид Александрович, подполковник (сводку о нем давал), сейчас преподаватель в одном из ВУЗов; Медведев Александр Павлович, подполковник, сначала нач[альник] связи в Высшем военном совете у Бонч-Бруевича и Ратгэля с 16.XII.1919 г. и, кажется, по сей день нач[альник] автобазы Совнаркома в Кремле. Бывал у Дмитрия Капитоновича Лебедева в 1918–1921 гг.; Войцеховский Сергей Николаевич, полковник во главе Ярославского восстания, связан с Ф.Ф. Новицким, был нами судим, судьба его мне неизвестна²³⁵⁵; Шафалович Федор Платонович, полковник, гвардеец-артиллерист, работал в УВУЗе, потом в Военно-воздушной академии и академии имени Фрунзе (сводку о нем давал). В большой дружбе с ним Белой и Лазаревич; Фон-Самсон-Гиммельшерн Ульрих Иванович (в сводке в январе [19]30 г. он мною уже Вам был дан), полковник-гвардеец, служил в Управлении делами РВСР в 1920–1921 гг.

Лебедев Дмитрий Капитонович, генерал-майор, преподаватель Военной академии в Петербурге, редактор журнала «Военное дело», преподаватель Военной академии и зам[еститель] пред[седателя] военно-исторической комиссии у А.А. Свечина.

Находится в настоящее время в Ревеле, бежал с женой в мае мес[яце] 1921 г. при содействии Лайдонера через эстонскую миссию.

Одного выпуска с ним Саттеруп Дмитрий Владимирович, генерал-майор, работал по ВОСО и [в] 5 армии в Сибири, сейчас в Военно-воздушной академии. Друг Бармина Ивана Александровича; Бармин Иван Александрович, генерал-майор, нач[альник] ВОСО, сейчас снят с работы и его книга, выпущенная в ЛВО, запрещена (сводку о нем давал по ЛВО в январе [19]30 г.); Махров Николай Семенович, генерал-майор, сейчас военрук института «Цветметзолото» на Калужской площади; Дроздовский Лев Антонович и Марков Сергей Леонидович, оба корниловцы, работавшие против нас (см. полк Дроздовского-Маркова)²³⁵⁶; Барон Де-Монфор Евгений Орестович (св[едения] о нем давал и [о] его брате, б[ывшем] военруке 2 МГУ, в январе [19]30 г.).

У Дмитрия Капитоновича Лебедева бывали:

Потапов Николай Михайлович, работает в ПУРе²³⁵⁷; Снесарев; Елизаров; Незнамов; Сапожников Николай Павлович; Балтийский; Лукирский; Капустин; Защук Иосиф Иосифович; Соколовский Игнатий Игнатьевич (расстрелян); Сель-

---

²³⁵⁵ Составитель документа в данном случае неточен, С.Н. Войцеховский не имел никакого отношения к Ярославскому восстанию и на момент составления документа не был судим, а находился в эмиграции в Чехословакии. Очевидно, Теодори перепутал его с А.П. Перхуровым.

²³⁵⁶ Составитель неточен в отношении инициалов генерала Дроздовского — одного из руководителей Белого движения на Юге России. Его звали Михаил Гордеевич. Кроме того, он не являлся корниловцем, если под этим понимать участников выступления генерала Л.Г. Корнилова в 1917 г., чинов Корниловских ударных частей или первых бойцов Добровольческой армии, оказавшихся в ее рядах до гибели Корнилова. Помимо М.Г. Дроздовского, среди офицеров-генштабистов был Генштаба генерал-майор Лев Антонович Дроздовский, служивший в Гражданскую войну в украинских формированиях.

²³⁵⁷ ПУР — Политическое управление РККА.

ский Вячеслав Александрович с женой; Суворов Андрей Николаевич; Белой Александр Сергеевич; Шишкин Владимир Иванович.

Пехливанов Иордан Георгиевич, болгарин, полковник. Нач[альник] Лужского направления Сев[ерного] участка завесы с марта по май 1918 г. Бежал с Лужского направления в 1918 г., помогли, как говорили, Чинтулов и Верховской-Балабин и Шишкин.

С ним связано еще два болгарина [—] Людсканов-Цанков и Тодоров, оба окончившие царскую академию. Все трое по сведен[иям] 1918–1919 гг. в Болгарии (сведения давал Чинтулов, работавший с Тракманом в Военно-контрольном, т.е. в контрразведывательном отделении т. Аралова).

С ним одного выпуска:

Базаревский Александр Халилевич, полковник, белый, работал в Военной академии имени Фрунзе и Военно-воздушной; Бесядовский Константин Иванович, полковник, последнее время работал в академии им. Фрунзе (сводки о нем есть); Слижиков Аркадий Павлович, полковник, активный белый у Колчака, расстрелян в г. Омске; Окерман Виктор Вильгельмович, расстрелян по делу Национального центра²³⁵⁸ и за связь с Финляндией, словом, за шпионаж. Между прочим, в большой дружбе с Базаревским Белой и Лазаревич, в прошлом Слижиков. Белой назначал Слижикова в академию в 1918 г., ибо Белой при Геруа, Архангельском и Стогове ведал отделением по службе Генерального штаба.

Плющевский-Плющик Юрий Николаевич, полковник. Имеются сведения, что находится в Париже. Находился в тесной связи с Лебедевым Дмитрием Капитоновичем, начиная с Февральской революции и до своего исчезновения (исчез после дела с Балабиным). У него брат в гвардейской артиллерии, сам Юрий Николаевич также второй гвардейской артиллер[ийской] бригады.

Поляков Борис Петрович. В управлении военно-воздушного флота царской армии, полковник-гвардеец (2 гвард[ейская] арт[иллерийская] бригада). Находится в Париже. Он был связан со Стоговым (давал, очевидно, ему директивы, ибо я его часто видел и у Бориса Геруа, у Шварца, у Стогова и у Белого). С ним был[и] связан[ы] Балабин Филипп, Лебедев Д.К., Левицкий и т.д. Одновременно с ним связаны все, кто был связан с Левицким (см. п. 7) и Барановским (см. п. 15), с Геруа Борисом (см. п. 4).

С Поляковым был[и] связан[ы] Пораделов и Дюсиметьер.

Поляков Борис поддерживал тесную связь с Лебедевым Д.К., с Белым. Оба, Лебедев и Поляков Борис, работали на Антанту, но связаны были непосредственно с английской разведкой, ловко конспирировали и связывали узлы.

Дюсиметьер Леон Павлович, полковник, работал в воздушном флоте царской армии с Поляковым. Находится в Париже. Организовывал для Корнилова офицерский состав в Петрограде, а позже, в Октябрьские дни, но на бумаге: удрал с деньгами в Париж (см. Корниловское восстание).

Поляков с ним, подвел²³⁵⁹, ибо Дюсиметьер, несомненно, работал на французов, он автор «черных списков», т.е. списков об офицерах, работающих на боль-

---

²³⁵⁸ В действительности расстрел Окермана произошел гораздо позднее раскрытия дела «Национального центра», во второй половине 1920-х гг.

²³⁵⁹ Так в документе.

шевиков, проводил эту работу через некоего Пораделова Николая Николаевича (сведения эти были даны агентурному отделу Регистрац[ионного] управления в декабре 1918 г.).

В марте 1919 г. о Пораделове (его работе в Вологде) говорил мне Эйдук Александр. Где сейчас Пораделов, надо выяснить, слух о нем исчез с 1919 г.

Радус-Зенкович Лев Аполлонович, генерал-майор, генерал-квартирмейстер в царской армии, т.е. по-нашему нач[альник] оперативного отдела. Находится в Ковно (Каунас).

Уехал в Литву, уроженцем коей себя считал. Связан был с Николаем Иосифовичем Раттэль и с семьей Баиова — генерал[а] Генштаба.

К Радусу-Зенковичу должны тянуться нити от Верховского Бориса (работал с Балабиным, Рыльским, Поляковым Борисом и т.д.).

Дочь Баиова была в 1921 г. арестована за связь с Литвой по делу Рыльского (приятеля Стогова и друга Раттэля Николая Иосифов[ича]).

Сидорин Владимир Ильич, полковник, команд[ующий] Кубанской белой армией²³⁶⁰, где находится, неизвестно. С ним одного выпуска:

Барановский Владимир Львович (см. п. 7); Ковалевский Ал[ексан]др Николаевич; Соллогуб Николай Владимирович, полковник, гвардеец; Сулейман Николай Александрович; Гарф Вильгельм Евгеньевич, сейчас военрук Института связи; Носков Евгений Ильич, полковник, пользовался доверием тов. Склянского, надул его и бежал; Харламов Сергей Дмитр[иевич] в школе «Выстрел»; Какурин Николай Евгеньевич; Шапошников Борис Михайлович; Ступин Всеволод Васильевич, работал во «Всероглавштабе» вместе с Белым при Стогове и Свечине и Раттэле. Был замешан по делу о «Национальном центре» (заговор военных школ). Ступин — стоговец, несомненно, был связующим звеном между всей этой группой и другими, назначал его на работу во «Всероглавштаб» Белой.

Стогов Николай Николаевич, генерал-майор. Нач[альник] штаба Юго-Зап[адного] фронта, снят был после выступления Корнилова. Был нач[альником] штаба армии у Каледина в 1916 г., служил в мирное время в Финляндии, гвардеец по крови и воспитанию, любил все русское, боролся в царское время против немецкого влияния, руководил в ГУГШе до назначения в Финляндию в [19]14 г. подготовкой моб[илизационного] плана против Германии. Находится в Сербии.

Связан был:

Белой Ал[ексан]др Сергеевич, сейчас, роюсь в справочнике и т.п., выяснил, что Белой был нач[альником] штаба 4 стр[елковой] дивизии «железной», коей командовал Деникин. Белой вел все назначения через Архангельского, Геруа и со Стоговым ушел во Всероглавштаб;

Серебрянников Владимир Григорьевич, генерал-майор, гвардеец-кавалерист, работал со Стоговым в ГУГШе, закончил службу на Румынском фронте по линии ВОСО. У нас с 1918 г. работал в ВОСО, ныне III управл[ение] штаба;

Каменский Сергей Николаевич, граф, генерал-майор, связан был со Стоговым с [19]18 г. по Финляндии и 8 армии. Связан был с Барановским — преподавал в МИИТе²³⁶¹;

²³⁶⁰ В.И. Сидорин командовал не Кубанской, а Донской армией.

²³⁶¹ МИИТ — Московский институт инженеров транспорта.

Иванов Константин Владимирович, полковник, работал в ВОСО вместе с Волковым Вячеславом Евгеньевичем;

Мыслицкий Николай Григорьевич, генерал-майор, работал в ЦУСе по назначению Всероглавштаба, т.е. Стогова. Приходил недавно в 1931 г. наниматься преподавателем в МКИ²³⁶².

Иващенко Михаил Иванович, полковник, работал во Всероглавштабе, дежурил, когда к Стогову приходили в июле [19]18 г. Розанов, Свечин и др.

Ступин Всеволод Васильевич (см. Сидорина).

Одного выпуска со Стоговым:

Рыльский Константин Иосифович, расстрелян нами. С ним связан Борис Верховский.

Каменский, граф.

Сытин Иван Павлович, брат П.П. Сытина.

Попов Виктор Лукич, генерал-майор, у нас работал одно время в ККА.

Лебедев Павел Павлович.

Певнев Ал[ексан]др Леонтьевич, генерал-майор, работал в Развед[ывательном] отделен[ии] ГУГШ'а (сводку о нем давал), сейчас в академии имени Фрунзе.

Связи Стогова надо рассматривать и через связи Левицкого, Лайдонера, Лебедева и т.д.

Кроме того, несомненно (я сводку несколько раз давал) Кирпичников Алексей Владимирович, не знаю непосредственно с кем, но связан со Стоговым, т.е. [с] «Национальным центром».

Свечин Михаил Андреевич, генерал-майор свиты его величества, командир лейб-гвардии Кирасирского вдовствующей императрицы Марии Федоровны полка. Находится в Париже-Берлине. Родной брат Свечина Ал[ексан]дра Андреевича; был в приятельских отношениях со Свечиным Павел Павлович Сытин, он сам рассказывал во время ужина со мною в Московской гостинице, что в 1918 г. в Киеве в отеле «Лондон» (на Николаевской улице) они ему угрожали за то, что он работал с нами (хороша угроза за обедом).

Суворов Михаил Николаевич, генерал-майор, находится в Париже. С ним связано все, что связано с Суворовым Андреем Николаевичем, а Андрей Николаевич связан с Лебедевым Д.К., бывал у него.

Матгис Георгий Оттонович, ротмистр выпуска 1917 г. Женат на дочери жандармского полковника, домовладельца (Москва, Остоженка, 49). Находится в Париже. Связан с Максимовым Василием Ивановичем, есаулом Донского войска (в академии им. Фрунзе).

Сводка об обоих была дана несколько раз. Оба выпуска 1917 г.

Не Генерального штаба

Родзевич, командир арт[иллерийского] дивизиона, в мирное время командир 3 бат[ареи] 1 Финл[яндского] стр[елкового] артил[лерийского] дивизиона²³⁶³. Находится в Польше (Варшава). Нач[альник] артиллерии одного из воеводств.

²³⁶² МКИ — возможно, Московский коммерческий институт (в этот период — Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова).

²³⁶³ В документе ошибочно — дивизии.

Был в дружбе с Марцинкевичем (см. сводку о ленинградских ВУЗах за январь 1930 г.); с Муевым Дмитрием Дмитриевичем (давал о нем много сводок), тип авантюриста, ловкача, кажется, женат на Плющевской-Плющик. Муева всегда хвалил Кремков. Тов. Фавицкий (академия им. Фрунзе) тоже отзывался хорошо о Муеве, в бытность Муева нач[альником] арт[иллерийской] школы в г. Киеве.

Мандрыка Георгий Акимович, генерал-майор, приятель Стогова. Находится в Париже. У него есть родственник здесь, в Москве, врач военного госпиталя в Серебряном пер., работает сейчас в амбулатории 1-го дома РВС.

Это по рассказам случайных лиц-врачей; Мандрыка Генерального штаба я лично знал, будучи младшим офицером 2 Финл[яндского] стр[елкового] арт[иллерийского] див[изиона].

« » февраля 1932 г.

Источник²³⁶⁴

Верно:

ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 7. Л. 232–242. Машинописная копия.

Документ 2.

Агентурное донесение о бывших офицерах в СССР

НК/3

22) Иордан Борис Михайлович, подполковник, гвардеец, кавалерист, старший адъютант (развед[ывательное] отделение) 3 гвардейской кавалерийской дивизии (штаб до войны 1914 г. квартировал в Варшаве) (см. Оберюхтин, Баторский).

Париж? Одного выпуска с Людскановым-Цанковым (см. Пехливанов, раздел задания 28/1 — сводка 5/II-[19]32).

Одного выпуска с ним:

1) Паука Иван Христианович²³⁶⁵, подполковник, с 9/III-1917 г. и по I/V-1918 г. нигде у нас не значится, т.е. не работал, с I/V-1918 г., т.е. в период Стогов — Белой работает в Киевском районе, проходя по спискам до [19]24 года включительно (Ольдерогг[е]) в Киеве, по сведениям ГУВУЗа с 1921 года и по день ареста.

2) Сакварелидзе-Бежанов Сергей Георгиевич, подполковник, в царской армии — штаб-офицер при ТАОНе²³⁶⁶, т.е. у Юрия Михайловича Шейдеман[а], у нас перерыв, затем у Ю.М. Шейдемана в Полевом штабе, затем в оперупре пом[ощника] главкома Сибири, где сейчас [—] неизвестно.

3) Подгурский Сергей Феофанович, полковник, в списках за 1923 год служба его в царской армии не показана, отчество перевернуто (сознательно названо Федорович); год же выпуска верен; был у белых на Юге, в чем не сомневаюсь; у нас показано нач[альник] учеб[ной части] Одесс[ких] тех[нических] военных

²³⁶⁴ Оперативный псевдоним не публикуется.

²³⁶⁵ В документе ошибочно — Константинович.

²³⁶⁶ ТАОН — тяжелая артиллерия особого назначения.

курсов в 1921 г. Нач[альник] повтор[ительной] школы в Харьковский[ом] военном округе в 1922 г. и пом[ощник] нач[альника] штаба 6 стрелкового корпуса в 1922–[19]23 году. Товарищ Кросовского Михаила Яковлевича.

4) Галкин Владимир Исидорович, подполковник, белый, работал с Новицким Ф.Ф., затем в Киеве, кончил в Москве в ВПШ²³⁶⁷, друг Суворова А.Н., родня в Новгороде.

Одного выпуска с ним:

5) Оберюхтин Виктор Иванович, подполковник, 3 гвардейской пехотной дивизии (штаб-квартира до войны 1914 года — Варшава), в военное время с 21 сентября 1916 г. в развед[ывательном] отделении штаба I гвардейского корпуса, в Гражданскую войну у белых. Сейчас в академии имени Фрунзе.

6) Баторский Михаил Александрович, подполковник, гвардеец-кавалерист, старший адъютант гвардейского кавалер[ийского] корпуса, затем в Особой (гвардейской) царской армии. У нас — начальник Высшей кавал[ерийской] школы, затем командир конного корпуса, где сейчас — неизвестно.

7) Данилов Сергей Иванович, подполковник, в развед[ывательном] отд[елении] Полевого штаба, потом у Шапошникова в оперупре до прихода Фрунзе.

8) Готовцев Алексей Иванович, полковник, пом[ощник] нач[альника] отдела [штаба] царской Кавказской армии, белый? У нас — военный представитель при полномочном представителе РСФСР в Грузии (там же Сытин П.П.), затем в развед[ывательном] уп[равлении] респуб[лики], затем в академии Фрунзе.

9) Петрасевич Петр Николаевич, подполковник, в операт[ивном] отделе [штаба] X царской армии, затем зав[едующий] авиацией в той же X армии (подчиненный и одного выпуска с Дюсиметьер[ом] (см. раздел 13 задания от 28/I-[19]32, продолжен[ие] 5/II-[19]32 г.). У нас — [в] 9[-й] ²³⁶⁸ Кубан[ской] армии²³⁶⁹ для поручений в организупре Реввоенсовета, т.е. у Пневского и Барановского (см. Асвинский, раздел 7 и Сидорин, раздел 15), затем — в МОВУЗе²³⁷⁰, в Наркомпросе (у Герчикова), сейчас — штатным преподавателем Горного института.

23) Соотс Иван Генрихович, в штабе XI царской армии вместе с Борисом Геруа, друг Лебедева Дм[итрия] Капитоновича. Ревель? Париж

Одного выпуска с ним:

1) Медиокритский Василий Евгеньевич, полковник, иногда показывался в штабе Северного участка завесы; позже по слухам привлекался или разыскивался нами за шпионаж, где неизвестно.

2) Колоссовский Владимир Васильевич, подполковник, меньшевик (одного выпуска со мною из Михайл[овского] артилл[ерийского] училища). В 1917 г. в штабе Юго-Западного фронта у Стогова, Деникина, Маркова — начальником развед[ывательного] отделения. За границей в Берлине работал в журнале «Война и мир» с Келчевским, Добровольским, брат[ом] Кирея (бурж[уазного]).

²³⁶⁷ В данном случае, видимо, военно-политическая школа.

²³⁶⁸ В документе ошибочно — 139[-й].

²³⁶⁹ В документе несогласованно — армиях.

²³⁷⁰ Речь идет о МУВУЗе — Московском управлении военно-учебных заведений.

3) Каппель Владимир Оскарович, белый, комкор белых у Колчака, по слухам, якобы попал к нам²³⁷¹, вернее, якобы жена его попала к нам.

4) Людницкий Леонид Леонидович, полковник, белый, по нашим спискам проходит лишь по спискам 1923 г. — преподаватель Электротехнической академии.

Одного выпуска с ним:

1) Берендс Константин Юльевич, подполковник, в старой армии — на должностях разведыв[ательного] отдел[ения] в I царской армии вплоть до занятия должности генерал-квартирмейстера (нач[альника] опер[ативного] управления). У нас — начал[ьник] оперупра во Всероглавштабе при Стогове, Свечине, затем нач[альник] развед[ывательного] отделения Полевого штаба при Костяеве, нач[альник] развед[ывательной] части Полевого штаба и для особых поручений у Шапошникова в Штабе РККА. В 1926–[19]27 гг. часто видел его у Бурова в научно-уставном отделе. Сейчас — в академии Фрунзе (держится с Шапошниковым и Каменевым С.С.).

2) Сухов Василий Гаврилович, подполковник, в статистич[еском] отделе Всероглавштаба при Стогове (сводка о нем была).

3) Высоцкий Иван Витольдович, был в германском плену, поэтому остался капитаном, работал во Всероглавштабе (Свечин, Ратгэль). О намерениях, чуждых нам, дана сводка за 1927–[19]28 г. (вечеринка у Цейтлина Вас[илия] Михайл[овича]).

4) Волков Вячеслав Евгеньевич, подполковник, сослуживец Петрасевича по X царской армии и большой друг Петрасевича. Сводки об этом негодяе Волкове многочисленны.

5) Афанасьев Федор Михайлович, полковник, друг П.П. Лебедева, его помощник по Военной академии РККА в 1922 г. Сводку о нем с указанием на ряд странностей в его назначении, т.е. скачок с должности пом[ощника] главкома Сибири на должность помощ[ника] нач[альника] Центр[ального] спортив[ного] гимнаст[ического] зала по адм[инистративно-]хоз[яйственной] части (сокольская организация) — давал.

Список о Пехливанове.

1) Белой Александр Сергеевич;

2) Афанасьев Анатолий Васильевич, подполковник.

3) Глаголев Василий Павлович, полковник. Пом[ощник] нач[альника] развед[ывательного] отделения Сев[ерного] фронта (т.е. помощник Рябикова²³⁷², затем пом[ощник] нач[альника] развед[ывательного] отдел[ения] XII царской армии, работал с Сыромятниковым). У нас — начдив 12[-й] кавал[ерийской], нач[альник] шт[аба] арм[ии] конной, нач[альник] развед[ывательного] упр[авления]²³⁷³ НРА²³⁷⁴ (на Дальнем Востоке). Товарищ и друг Белого (см. Белой) и Лазаревича. Где сейчас — неизвестно.

4) Борицкий Николай Эдуардович, полковник, белый, у нас работает с 7 июля 1920 г. в РСФСР, а затем с 10/II-1921 г. все время в Сибири до 1924 г. вкл[ючительно].

24) Ладыженский Гавриил Михайлович, генерал-майор, Париж.

---

²³⁷¹ Эти данные не соответствуют действительности, так как В.О. Каппель погиб в 1920 г. при отступлении колчаковских войск.

²³⁷² В документе ошибочно — Рыбинова.

²³⁷³ В документе ошибочно — начразведор.

²³⁷⁴ НРА — речь идет о Народно-революционной армии Дальневосточной республики.

С 1) Суворовым Андреем Николаевичем Л[ейб]-гв[ардии] егерского полка, одного выпуска с Ладыженским Владимиром Алексеевичем.

2) Свечиным Александром Андреевичем.

3) Ладыженским Владимиром Алексеевичем, капитан[ом] Л[ейб]-гв[ардии] егерского полка.

Тарановский Александр²³⁷⁵ Дмитриевич.

С Ладыженским Владимиром Алексеевичем одного выпуска и в дружбе Афанасьев.

Афанасьев Александр Николаевич, окончивший царскую академию в 1914–1915 (вместе с Ладыженским и Тарановским) в чине капитана 294 Березинского пехотного полка, в наших списках 1923 года почему-то показан окончившим военную академию им. Фрунзе в 1922 году. Между тем служба его в царской армии показана верно. Очевидно, Афанасьев по каким-то причинам считал необходимым все это скрыть.

25. Суворов Михаил Николаевич.

Надо пополнить: 1) Щепетов Николай Евсеевич, генерал-майор, бывший военрук Ленинг[радского] инст[итута] путей сообщения (см. сводку о нем за январь 1930 г.), 2) Петров Мих[аил] Мих[айлович]. Полковник, выпуска 1917 г., всегда бывал у Суворова Андрея Николаевича, карьерист; Вацетис его хвалил, ибо «история» спасения Вацетиса в Казани в августе 1918 г. тесно связана с Петровым; сейчас в гор. Минске.

26. Андогский Александр Иванович.

Надо исполнить: 1) Грузинский Илья Григорьевич, генерал-майор армии Колчака, в Казани.

2) Князь Андроников Александр Семенович, генерал-майор. Нач[альник] шта[ба] кор[пуса] XX арм[ейского], личный друг Таубе и Хвощинского Г.Н., у нас — работал все время в Грузии.

3) Корсун Николай Георгиевич, генерал-майор, личный друг Стогова по Глав[ному] упр[авлению] Генер[ального] штаба, работал в штабе Верхов[ного] главнокоманд[ующего] по разведке, одного выпуска с Андогским, у нас — работал у Стогова и Свечина в опер[ативном] отделе Всероглавштаба, потом в организации, потом пом[ощником] нач[альника] статист[ической] части Управдел[ами] рус.²³⁷⁶ и Военной академии.

4) Сегеркранц Сергей Карлович, генерал-майор. Командир 3 кв[алерийского] гус[арского] Елисаветградского ее высочества великой княгини Ольги Николаевны полка.

5) Хвощинский Г.Н. — умер.

6) Мочульский Алекс[андр] Мих[айлович]. Расстрелян за шпионаж.

27. Шатилов Павел Николаевич, генерал-майор (Генер[ального] штаба). Париж. Одного выпуска с ним:

1) Балабин Филипп Иванович, полковник, был в штабе Шварца²³⁷⁷ — несомненно состоял в организации Бориса Геруа — Стогов и Ко (см. Балабинское

²³⁷⁵ В документе ошибочно — Алексей.

²³⁷⁶ Так в документе.

²³⁷⁷ В документе ошибочно — Творца. Речь идет о штабе Северного участка и Петроградского района завесы.

дело — сводки мои и доклад Артузову за 1927 г. — февраль — военная игра в Ленинградском военном округе при Шапошникове), где-то в академии.

2) Андерс Александр Карлович, полковник, вместе со Стоговым в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) в 1912–1914 гг., затем заведующий разведкой в Управлении генерал-квартирмейстера Верховного главного командующего [в] 1914–1916 гг. Затем командир 14 гусарского полка. У нас — начальник штаба УВО²³⁷⁸, теперь в воздушном флоте.

3) Моторный Виктор Иванович, полковник, в Главном управлении Генерального штаба, затем у дежурного генерала, т.е. у генерала Архангельского (см. п. 2 стр. 2), в штабе Верховного главного командующего. У нас — во Всероссийском штабе, в Управлении РВС, в ГУВУЗе, затем не знаю.

Родной брат Моторного Владимира Ивановича, друг Суворова А.Н.

4) Шишковский²³⁷⁹ Евгений Евгеньевич, полковник, в разведывательном отделении штаба Южного фронта у Н.И. Раттэля, Стогова, Деникина, позже в Киеве. У нас — в академии, затем начальник школы маскировки, военрук.

Одного выпуска со всеми ими — другой контрреволюционный «деятель» — сподвижник Савинкова и Корнилова — Туган-Барановский.

28) Маттис. Париж. Сводку надо пополнить:

1) Максимов был завсегдаем у Снесарева;

2) Дубинин Тимофей Данилович (есаул, казак — сотоварищ Маттиса и по войску — Максимова, нечистоплотный в деньгах, аферист типа Стасевича, работает сейчас в Текстильном институте, выпуска 1917 г.).

3) Кутырев Гавриил Яковлевич, бывший есаул, ушел в 1926 году в запас, работал в Кавказской Краснознаменной армии у Кузнецова Бориса Иннокентьевича, живет где-то около Сочи, друг Исаева Евгения Ивановича и Стасевича.

4) Громов Николай Васильевич, бывший капитан, выпуска 1917 г., замешан в Ярославском восстании (см. сводку о нем за 1927 год), работал по войскам ВОСО, друг Стасевича — такой же тип, но более трусливый. В последнее время был на Кавказе по линии ВОСО.

5) Финицкий Иван Михайлович, выпуска 1917 года, подьесаул, приятель Маттиса, Максимова, Кутырева и.....Суворова. Последний всюду его выдвигал — в Сибирь начальником учебной части Сибувуза²³⁸⁰, затем в УВУЗе, затем в Московской военно-инженерной школе, где, кажется, работает до сих пор (сведения получил от Дубинина и Максимова).

29) Сидорин Владимир Ильич. Дополнительный список:

1) Гуцинский Вячеслав Николаевич, подполковник, начальник разведки Гродненской крепости, 3 Сибирского корпуса²³⁸¹ и т.д. У нас — начальник разведывательного отдела Высшего военного совета (у Бонча²³⁸², Лукирского и Раттэля), затем в Всероссийском штабе у Стогова, друг и приятель расстрелянного на Южном фронте Ковалевского, одного выпуска с Сидориным, Ковалевским, Шапошниковым и т.д. (см. стр. 7, Сидорин).

²³⁷⁸ УВО — Украинский военный округ.

²³⁷⁹ В документе ошибочно — Штиковский.

²³⁸⁰ Сибувуз — Сибирское управление военно-учебных заведений.

²³⁸¹ В документе ошибочно — караул.

²³⁸² Речь идет о М.Д. Бонч-Бруевиче.

30) Лайдонер (Лебедев Дмитрий Капитонович, Соотс).
выпуска 1916 г.

Через Душкевича Алек[сандра] Александровича, Моторного Владимира Ивановича, Коленковского Алекс[андра] Константиновича могут быть связаны:

1) Армадеров Георгий Александрович, выпуска 1916 г. — Андогского, гвардеец, капитан, нач[альник] разведки 8 царской корниловской армии (характерно, что он работал в Горном институте у Сергеева, где были сосредоточены почти все арестованные нами «кадры»).

Одного с ним выпуска (с Армадеровым):

2) Гурко-Омельянский Николай Николаевич, подполковник, работал в Туркестане до 1921 г. на военно-топограф[ических] курсах (Тарановский), родственник генерала Гурко.

3) Гусаковский Петр Николаевич, капитан, разведчик царского 12 корпуса и V царской армии, у нас — все время работал в Ленинграде, куда сейчас переехал Армадеров.

4) Меженинов Сергей Александрович, капитан, разведчик царских корпусов 13 и 27-го.

5) Колегов Степан Николаевич, капитан, белый, приятель Ладыженского, уехал с Андогским и Богословским в Екатеринбург. У нас — после возвращения от Колчака работал в академии Фрунзе.

6) Кондратьев Борис Николаевич у белых (?), ибо до ноября 1920 г. в списках нигде не значился. Впервые появляется в 1920 году на Север[ном] Кавказе в 9 армии, показан по спискам 1923 года в Северокавказском военном округе.

Одного выпуска с Лайдонером, Душкевичем, Моторным и т.д. некий:

1) Ермолин Павел Иванович, подполковник, я его встречал в военно-исторической комиссии, возглавляемой Свечиным А.А., и в группе Д.К. Лебедева на квартире у Лебедева в Мертвом переулке, д. 10. По спискам он проходит до 1923 года включительно как преподаватель Военной академии им. Фрунзе.

31) Левицкий Борис Антонович. Париж. Дополнить:

1) Де-Роберти Николай Александрович, подполковник, белый, друг Кусонского, друг Де-Лазари Александра Николаевича (тоже белый, назвал себя генштабистом, по нашим спискам — генштабист, по спискам же царской армии не значится Де-Лазари), преподавал у нас в школе красных коммунаров в 1922 году, потом передан в распоряжение зам[естителя] нач[альника] УВУЗа, т.е. Лазаревича и Белого (Белой — нач[альник] штаба ГУВУЗа в 1922–[19]23 гг.), куда делся — неизвестно. В царской армии был начальником разведывательного отделения в Кавказской армии.

Ни с какой группой по спискам не связаны, но заслуживают проверки:

1) Ржечицкий Владимир Фелицианович, выпуска 1917 г., работал все время у нас, затем был назначен в школу Каменева С.С. в Киев, где был в дружбе с Ольдерогге, подполковник.

2) Любинский Степан Степанович, капитан. В 1918 г. исчез, позже его нашел в рязанской школе у Смирнова И.И., не хотел меня узнавать. Его ценил Суворов А.Н.

Верно:

ИСТОРИОГРАФИЯ

О роли офицеров Генерального штаба в Гражданской войне*

В 2002–2003 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» были опубликованы две статьи В.В. Каминского «Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения» и «Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 годах», касающиеся важной и сложной проблематики участия офицеров Генерального штаба в Гражданской войне²³⁸³. Первая из этих статей носит обобщающий характер, развивает идеи, выдвигавшиеся ее автором в предшествующих публикациях, подводит своеобразный итог его исследованиям в данной области и содержит ряд концептуальных выводов. Что касается второй статьи, то она, на наш взгляд, имеет иллюстративный характер и написана с целью подтвердить тезисы о причинах перехода генштабистов в тот или иной политический лагерь, выдвинутые В.В. Каминским ранее.

Поскольку выводами из этих и предшествовавших им публикаций В.В. Каминского в дальнейшем, весьма вероятно, будут руководствоваться исследователи истории Гражданской войны, есть смысл проанализировать основные положения концепции участия офицеров Генерального штаба в Гражданской войне, предлагаемой указанным автором. Хотя первая статья Каминского и озаглавлена «Русские генштабисты в 1917–1920 годах», тем не менее в центре внимания ее автора, прежде всего, находится корпус бывших офицеров Генштаба, поступивших в качестве военных специалистов на службу в РККА, тогда как генштабисты из состава антибольшевистских формирований скорее являются фоном исследования.

В своих работах В.В. Каминский пришел к следующим выводам:

1) к концу 1918 г. генштабисты заняли ведущие служебные должности во всей структуре военного управления РККА;

---

* Впервые опубликовано: Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111. В настоящем издании публикуется в редакции 2004 г., незначительные дополнения и исправления приводятся в постраничных примечаниях. Новые данные по проблеме можно найти как в настоящем издании, так и в справочнике: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

²³⁸³ Каминский В.В. Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 40–51; Он же. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 годах // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 115–126.

2) большевики относились к генштабистам с известной «мягкостью» (выражение В.В. Каминского);

3) выбор генштабистами одного из противоборствующих лагерей был обусловлен не политическими симпатиями, а стечением обстоятельств, причем социально-бытовая мотивация в процессе данного выбора «нередко оказывалась серьезным фактором»²³⁸⁴;

4) большевики сумели привлечь к себе на службу значительно больше «лиц Генерального штаба», чем руководители Белого движения;

5) по своему качественному составу корпус бывших офицеров Генштаба на службе РККА стоял выше корпуса офицеров Генштаба белых армий;

6) именно это превосходство в значительной степени обеспечило большевикам победу в Гражданской войне.

На наш взгляд, выводы автора, за исключением, пожалуй, лишь первого, являются необоснованными. Вызывает сомнение и ряд других положений рассматриваемых работ. Выводы В.В. Каминского могут быть достаточно легко опровергнуты в результате сравнительного анализа данных о генштабистах в составе РККА и в антибольшевистских формированиях.

В статье «Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения» В.В. Каминский привел следующие данные по численности «лиц Генштаба» в армиях противоборствующих сторон: в 1918 г. в РККА, по его подсчетам, служило 679 генштабистов (42–45% всех офицеров Генштаба), в армии адмирала А.В. Колчака (на 24 февраля 1919 г.) — 289 генштабистов, в Вооруженных силах на Юге России (генерал-лейтенант А.И. Деникин) — не более 300 генштабистов (включая выпускники 1917–1918 гг.), по Северо-Западной армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича и по Северному фронту генерала от кавалерии Е.К. Миллера Каминский сведений не имел. Всего, по данным Каминского, в белых армиях состояло примерно 648 выпускников академии Генштаба, а в РККА — 679 (по сведениям на 1918 г.). Парадоксально, что на основе этих цифровых данных Каминский пришел к выводу о том, что на службе в Красной армии было «значительно больше “лиц Генерального штаба”», чем у белых²³⁸⁵. Даже простое сравнение приводимых им цифр ясно свидетельствует о том, что превосходство РККА в генштабистах было крайне незначительным — только на 31 офицера больше. Если же учесть тот факт, что немало генштабистов служило также в составе национальных армий (многие генштабисты из этих армий, например из состава армии Украинской Державы гетмана П.П. Скоропадского, впоследствии поступили на службу в белые армии), то свое превосходство в этом отношении большевики теряют. К примеру, только в украинских национальных формированиях в различные периоды Гражданской войны состояло в общей сложности не менее 50 генштабистов²³⁸⁶.

При проведении сравнительного анализа численности генштабистов в войсках противоборствующих сторон необходимо учитывать значительно осложняющий подсчеты фактор наличия в Гражданской войне ряда слабо связанных

²³⁸⁴ Каминский В.В. Брат против брата. С. 123.

²³⁸⁵ Каминский В.В. Русские генштабисты. С. 48.

²³⁸⁶ Наш расчет по: Колянчук О. Українська військова еміграція у Польщі. 1920–1939. Львів, 2000. С. 167; Тинченко Я.Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. 1917–1921 роки. К., 1995. Ч. 1. С. 90–94; Шанковський Л. Українська Галицька Армія. Львів, 1999. С. 222–226.

между собой противобольшевистских фронтов и самостоятельно действующих армий. В итоге В.В. Каминский принял за основу тезис о том, что складывать численность генштабистов в Белом движении нельзя, так как якобы «объединения “белых” сил не было достигнуто»²³⁸⁷. Но, как известно, все командующие белыми фронтами — и А.И. Деникин, и Н.Н. Юденич, и Е.К. Миллер — признали свое, пусть номинальное, но все же подчинение власти Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России адмирала А.В. Колчака, а следовательно, суммирование данных о генштабистах в составе белых армий обоснованно не только с исторической, но и с юридической точки зрения. Если же рассмотреть корпус офицеров Генштаба 1917–1920 гг. с точки зрения самоидентификации его представителей, становится очевидным, что служба в различных белых армиях воспринималась «лицами Генштаба» как служба в одном лагере, противостоящем большевикам. С этой позиции, даже пребывание бывших офицеров Генштаба на службе в национальных армиях в немалой степени связано с неприятием ими большевизма.

Добавим, что Каминский, публикуя данные о соотношении генштабистов в войсках противоборствующих сторон, сам себе противоречит. В одной из своих предшествующих работ он выдвигал тезис о семикратном превосходстве РККА в генштабистах над белыми на Востоке России и приводил иную трактовку цифровых данных: 422 офицера Генштаба (выпуска до 1917 г.), служивших в 1918 г. в РККА, и лишь 61 (!) выпускник академии в войсках белого Восточного фронта²³⁸⁸. Позднее автор изменил свою точку зрения и в статье, опубликованной в 2002 г. в «Военно-историческом журнале», указал, что в войсках А.В. Колчака служило уже 211 офицеров Генштаба и 176 генштабистов было у А.И. Деникина, тогда как в РККА в 1918 г. служило 556 бывших офицеров Генштаба²³⁸⁹. Приводимое нами сравнение наглядно демонстрирует неуверенность самого В.В. Каминского в публикуемых им цифрах. К сожалению, автор не указывает, какой из трех приводимых им вариантов он считает наиболее приближенным к действительности.

Попробуем самостоятельно проверить расчеты Каминского. Наибольшее количество генштабистов из состава белых армий в годы Гражданской войны оказалось в антибольшевистских формированиях Юга России. Новейшие исследования по истории офицерского корпуса белых армий свидетельствуют о том, что в составе Добровольческой армии, Вооруженных сил на Юге России и Русской армии в 1917–1920 гг. находилось, по крайней мере, 467 выпускников академии, включая и бывших слушателей ускоренных курсов²³⁹⁰. В войсках А.В. Колчака служило не менее 113 офицеров Генштаба и 178 выпускников ускоренных курсов академии (данные за февраль и апрель 1919 г. соответственно)²³⁹¹. Всего

²³⁸⁷ Каминский В.В. Русские генштабисты. С. 42.

²³⁸⁸ Каминский В.В. Некоторые особенности политики большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (конец 1917–1918 гг.). СПб., 2000. С. 7.

²³⁸⁹ Каминский В.В. Выпускники академии Генерального штаба на службе в Красной армии // Военно-исторический журнал. 2002. № 8. С. 55–56.

²³⁹⁰ Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия гражданской войны. М., СПб., 2003. Современные данные по этому вопросу см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба.

²³⁹¹ Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001. С. 56. Современные данные по этому вопросу см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба.

291 человек, без учета окончивших академию по 2-му разряду и без включения 152 офицеров — выпускников ускоренного курса академии в Томске. В антибольшевистских формированиях на Севере России в 1918–1920 гг. служило, по нашим подсчетам, 22 генштабиста²³⁹², а на Северо-Западе России служило не менее 26 выпускников академии и выпускников ускоренных курсов²³⁹³.

Поскольку точная численность различных категорий выпускников академии на период Гражданской войны неизвестна и вряд ли может быть установлена, В.В. Каминский выдвинул далеко не бесспорный тезис о том, что в условиях Гражданской войны был важен «сам факт обучения того или иного офицера в академии Генерального штаба»²³⁹⁴. Если все же принять этот тезис, что само по себе является значительным упрощением проблемы, итог будет следующим: 806 «лиц Генерального штаба», служивших в период Гражданской войны в составе белых армий (в процентном соотношении 58% из них воевали на Юге России, 36% — на Востоке и 5,9% — на Севере и Северо-Западе²³⁹⁵). В эту довольно внушительную цифру входят офицеры различных категорий, однако их объединяет факт обучения в академии до 1917 г. включительно, возможно, даже неуспешного. Кроме того, значительное количество «лиц Генерального штаба», как уже упоминалось, поступило на службу в различные национальные армии, также выступившие против большевиков.

Для сравнения, в составе РККА к 15 июня 1918 г. получили назначения 224 выпускника академии²³⁹⁶, а летом 1919 г. служило 505 «лиц Генштаба»²³⁹⁷. В «Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной армии», содержащий сведения на 1 марта 1923 г., включены данные о 360 офицерах, окончивших академию Генерального штаба до 1914 г. включительно, а также о 98 офицерах, окончивших академию и ускоренные курсы при ней в 1915–1917 гг.²³⁹⁸ Итого 458 бывших генштабистов на следующий год после окончания Гражданской войны. Причем в эту цифру включены 93 генштабиста, вступивших в РККА после службы в белых или национальных

²³⁹² Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 200–201, 374–375, 387–388, 390–392, 397, 400–401, 406–408; Вып. 2. С. 462–463, 466, 474–475, 478, 480–481, 488; Волков С.В. Белое движение. С. 46, 242, 553, 643.

²³⁹³ Наш расчет по: Белая борьба на Северо-Западе России / Сост. С.В. Волков. М., 2003. С. 665; Волков С.В. Белое движение. С. 50, 68, 75–76, 142, 146, 158, 169, 184–185, 256, 277, 306, 322, 464, 487, 520, 547, 609, 643, 651–652, 656; Незабываемые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997 гг. М., 1999. Т. 1. С. 176; Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000. С. 218–227; Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 18, 84, 132, 149, 159, 215, 236, 245, 247, 250, 274, 348, 359, 371.

²³⁹⁴ Каминский В.В. Русские генштабисты. С. 41. Пожалуй, более важным фактором является наличие у офицеров Генштаба способностей и боевого опыта.

²³⁹⁵ Для сравнения, процентное соотношение по всему корпусу офицеров в составе белых армий (около 170 000 человек), по данным С.В. Волкова, таково: Юг — 68%, Восток — 21,5%, Север — 2,5%, Запад и подпольные организации — по 4% (Волков С.В. Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 528).

²³⁹⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 293.

²³⁹⁷ Волков Е.В. Колчаковские офицеры. С. 55.

²³⁹⁸ Наш расчет по: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года. М., 1923. Как известно, в 1915 г. занятия в академии не велись, указания на окончание академии в этом году обозначают т.н. выпуск 1915 г., т.е. тех, кто обучался в академии и должен был ее окончить в обстановке мирного времени в 1915 г.

армиях²³⁹⁹, т.е. либо те «лица Генштаба», которые попали в плен в ходе Гражданской войны и затем поступили на службу в РККА (например, А.Г. Лигнау²⁴⁰⁰), либо офицеры, которые вернулись в начале 1920-х гг. из эмиграции, но в период гражданского противостояния состояли на службе в антибольшевистских армиях (например, Я.А. Слащов²⁴⁰¹). Таким образом, к весне 1923 г. в РККА служило лишь 365 «лиц Генштаба», не находившихся в годы Гражданской войны на службе в антибольшевистских армиях. Добавим, что 243 командира получили высшее военное образование уже в рядах РККА непосредственно в период 1918–1922 гг. В эмиграции же, по данным на 1924 г., одних только генштабистов, имевших генеральский чин, оказалось 375 (генералы от кавалерии, от инфантерии, от артиллерии, генерал-лейтенанты и генерал-майоры), и в большинстве своем эти офицеры принимали участие в борьбе с большевиками²⁴⁰².

Показательно, что из 16 бывших выпускников академии, занимавших должности военруков и начальников штабов участков завесы, т.е. высшего командного состава зарождавшейся в начале 1918 г. Красной армии, в ходе Гражданской войны на сторону белых смогли перейти пять человек (К.К. Баиов, Б.В. Геруа, Н.Д. Ливенцев, А.Л. Носович, В.В. фон Нотбек), четверо отказались от участия в военных действиях (А.В. Новиков, Д.П. Парский и А.А. Свечин перешли на научную и преподавательскую работу, Ф.Д. Иозефович ушел в отставку, позднее был расстрелян), В.П. Широков был арестован и погиб в тюрьме, и лишь шестеро продолжили служить на командных и штабных должностях в РККА в 1919 г. (Л.К. Александров, В.Н. Егорьев, Д.Н. Надежный, Ф.Ф. Новицкий, Ф.Е. Огородников, Н.Г. Семенов)²⁴⁰³. Всего же на руководящих должностях РККА в 1918–1920 гг. (командующие фронтами, армиями, дивизиями, начальники штабов фронтов и армий) служило 144 офицера из числа «лиц Генерального штаба», составлявших 50% всех командующих фронтами, 100% начальников фронтовых штабов, 37% командующих армиями, 53% начальников армейских штабов и 7% комдивов²⁴⁰⁴. По данным А.Г. Кавтарадзе, на 23 июля 1918 г. в РККА бывшие офицеры Генштаба замещали 489 должностей, а некомплект составлял еще 310–314 человек²⁴⁰⁵. В телеграмме РВСР от 2 декабря 1918 г., направленной в Кремль, в Совет обороны и во Всероссийский главный штаб, в частности, отмечалось: «Реввоенсовет Республики снова констатирует крайний недостаток лиц командного состава, особенно на более высокие командные посты, как командиров бригад, дивизий и прочие. Между тем в советских учреждениях сплошь да рядом на

²³⁹⁹ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 110.

²⁴⁰⁰ Зуев В.Н. Генерал А.Г. Лигнау: страницы жизни // История белой Сибири: Тезисы 3-й науч. конф. Кемерово, 1999. С. 61–64.

²⁴⁰¹ Кавтарадзе А.Г. Предисловие // Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 21–22.

²⁴⁰² Наш расчет по: Список офицеров Генерального штаба, причисленных к оному и курсовиков Николаевской военной академии, находящихся за рубежом Советской России. По данным к 1-ому марта 1924 года (ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 92. Л. 3–34). Публикацию списка см. в: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 720–745.

²⁴⁰³ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства. С. 57–58.

²⁴⁰⁴ Наш расчет по: Там же. С. 86–87.

²⁴⁰⁵ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 190.

различных канцелярских постах заседают кадровые офицеры и в том числе офицеры Генерального штаба. Представляется совершенно неотложным принять экстренные меры по мобилизации всех лиц, пригодных к занятию командных должностей, с передачей их в Революционный военный совет Республики...»²⁴⁰⁶ Все эти данные убедительно свидетельствуют о значительной нехватке генштабистов в высшем командном составе РККА. Добавим, что численность «лиц Генштаба» в РККА в период с 1919 г. по 1923 г. постоянно сокращалась.

В то же время в войсках А.И. Деникина некоторые выпускники академии долгое время пребывали в резерве чинов (Г.М. Некрашевич, С.Н. Ряснянский, В.И. Сенча, П.С. Стефанович-Стасенко и др.) или по разным причинам откомандировывались на восток и в центр России (М.И. Изергин²⁴⁰⁷, Б.И. Казанович, Д.А. Лебедев, А.П. Перхуров²⁴⁰⁸, Д.Н. Сальников²⁴⁰⁹, В.Е. Флуг²⁴¹⁰). Исходя из этого, можно сделать двоякий вывод о том, что, с одной стороны, сам факт окончания академии при назначениях на командные посты на белом Юге не был определяющим, а с другой стороны, в белых армиях Юга России не наблюдалось нехватки офицеров Генштаба²⁴¹¹. Таким образом, вопреки мнению В.В. Каминского, нет никаких оснований утверждать, что на службе в РККА находилась большая часть «лиц Генерального штаба». Наоборот, большинство выпускников академии в годы Гражданской войны служило в составе белых и других противобольшевистских армий. Кроме того, проведенный сравнительный анализ данных о численности «лиц Генерального штаба» в армиях противоборствующих сторон свидетельствует о том, что такой показатель, как численное превосходство в офицерах Генштаба, не может входить в число причин победы красных в Гражданской войне, как это утверждает В.В. Каминский.

Не выдерживает критики и тезис В.В. Каминского о том, что якобы «себе на службу большевики поставили лучшую по качеству часть генштабистов — у них оказалось больше офицеров, закончивших академию до 1914 г. включительно и имевших опыт штабной работы»²⁴¹². Очевидно, что сами по себе довоенные выпу-

---

²⁴⁰⁶ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг.: Сб. док. М., 1997. С. 127–128. Уже 7 декабря 1918 г., т.е. через пять дней, был издан декрет СНК о порядке призыва на действительную военную службу всех бывших офицеров. В тексте декрета «лица Генштаба» в отдельную категорию офицеров не выделялись (Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 161–162).

²⁴⁰⁷ *Чельшев Е.П.* Уральская катастрофа: По архивам Генерального штаба полковника Михаила Ильича Изергина. М., 1996. С. 25.

²⁴⁰⁸ *Клементьев В.Ф.* В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 16–17; *Матрошкин А.Г., Орлов К.О.* «Служба эта была для России...» (Очерк об А.П. Перхурове) // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал (Санкт-Петербург). 1999. № 8–9. С. 274.

²⁴⁰⁹ *Бушин А.Ю.* Прошедший два Ледяных похода: К биографии генерал-майора Д.Н. Сальникова // История белой Сибири: Мат. 5-й междунар. науч. конф. Кемерово, 2003. С. 222–224.

²⁴¹⁰ *Езеев А.Б.* Добровольческая армия и Сибирь (1917–1919) // Белое движение на Юге России (1917–1920). Неизвестные страницы и новые оценки. М., 1997. С. 18–19.

²⁴¹¹ В отличие от Юга, на Востоке России такая проблема существовала (*Волков Е.В.* Офицеры Генерального штаба на службе в войсках А.В. Колчака в период гражданской войны // Уржумка (Челябинск). 2002. № 1. С. 63).

²⁴¹² *Каминский В.В.* Русские генштабисты. С. 42. Проведенный нами после выхода этой статьи полный статистический анализ данных о распределении всех специалистов Генерального штаба между противоборствующими сторонами в 1917–1922 гг. свидетельствует, что большинства выпускников академии до 1914 г. большевики как раз не получили, большинство из них служило в белых и национальных армиях (*Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 134).

ски академии были неоднородны, и в данном случае необходим персонифицированный анализ выпускников. В период 1917–1920 гг., к примеру, были еще живы выпускники академии последней четверти XIX в. и уровень подготовки многих из них был далек от требований военной науки эпохи Первой мировой войны. На этот счет сохранилось достаточно любопытное свидетельство — телеграмма петроградского губернского военного комиссариата в Москву от 30 ноября 1918 г., в которой сообщалось, что «Зорин Владимир Петрович отказывается занять должность, так как окончил академию более 20 лет [назад] и в Генеральном штабе никогда не служил»²⁴¹³.

Академический курс являлся достаточно консервативным, нововведения в нем приживались долго. К примеру, только в 1910 г. произошел решительный пересмотр учебных курсов с учетом опыта Русско-японской войны²⁴¹⁴. В этой связи лучшими по полученной подготовке могут считаться лишь офицеры двух предвоенных выпусков академии, окончившие дополнительный курс в 1913 и 1914 гг. (например, И.Г. Акулинин, В.О. Каппель и А.А. фон Лампе — у белых; М.А. Баторский и А.И. Корк — у красных). Всего выпускников 1913–1914 гг., включая окончивших академию по 2-му разряду, на службе в РККА в 1917–1920 гг. состояло не менее 30 человек²⁴¹⁵. В эмиграции к 1 августа 1922 г. таких офицеров было существенно больше — 86 человек, значительная часть которых служила в 1917–1920 гг. в антибольшевистских армиях²⁴¹⁶. Таким образом, и по этому показателю приоритет остается за белыми.

И все же для анализа качественного состава генштабистов в армиях противостоящих сторон необходим всесторонний учет их успеваемости в академии, анализ их способностей к штабной и строевой службе и последующего боевого опыта. На наш взгляд, такой комплексный сравнительный анализ по всем «лицам Генштаба» требует огромной работы и едва ли осуществим в ближайшей перспективе. При этом вывод В.В. Каминского о качественном превосходстве «лиц Генштаба» в рядах РККА над их бывшими однокашниками из состава белых армий не может считаться доказанным. Если же в РККА не было ни явного качественного, ни количественного превосходства «лиц Генштаба», то, соответственно, и причины, обусловившие победу большевиков в Гражданской войне, следует искать в другой сфере. Удивительно, что Каминский, ведя исследовательскую работу на основе архивного материала, предпринял попытку создания столь упрощенной схемы истории Гражданской войны и корпуса офицеров Генштаба. Ведь известно, что попытки создания такого рода схем практически всегда обречены на провал, поскольку оставляют за своими рамками все многообразие факторов исторического процесса.

---

²⁴¹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 224.

²⁴¹⁴ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 130.

²⁴¹⁵ Наш расчет по: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года. М., 1923.

²⁴¹⁶ Наш расчет по: Список офицеров Генерального штаба, причисленных к оному и курсовиков Николаевской военной академии, находящихся за рубежом Советской России. По данным к 1-ому августа 1922 года. Документ предоставлен А.С. Кручининим. Публикацию см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 720–745.

Неубедительны выводы, приведенные В.В. Каминским, и относительно причин перехода офицеров Генштаба на службу в РККА. Каминский отвергает патристические побуждения, профессиональные соображения и чувство страха перед репрессиями со стороны большевиков у этих офицеров. По его мнению, основной причиной этого явления были «социально-бытовые мотивы». В своей последней статье В.В. Каминский несколько смягчил акценты, но все же счел необходимым указать, что «выбор, сделанный тем или иным генштабистом в пользу “красного” или “белого” лагерей, был обусловлен определенным стечением конкретных специфических обстоятельств, но вовсе не политическими убеждениями той или иной “персоны”»²⁴¹⁷. Подобное утверждение, на наш взгляд, едва ли обоснованно, поскольку оно не учитывает тот факт, что офицеры Генштаба, являвшиеся, безусловно, элитой русской армии, делали свой выбор, имевший в условиях гражданского противостояния особое значение для будущего России, вполне осознанно, как правило, исходя из своих нравственных ориентиров. Вообще, в работах Каминского неоднократно повторяется тезис о том, что «лица Генштаба» в РККА якобы полностью восстановили свой дореволюционный служебный и материальный статус, однако автор почему-то не утруждает себя проведением аналогичного анализа в отношении генштабистов из состава белых армий. Между тем до проведения такого анализа и сравнения полученных данных по корпусу офицеров Генерального штаба в армиях противоборствующих сторон утверждения о более благоприятном положении генштабистов в РККА и обусловленном этим поступлении «лиц Генштаба» на службу большевикам принять нельзя. Заметим, что понятие «социально-бытовые мотивы», к которому Каминский сводит мотивации офицеров Генштаба при поступлении на службу большевикам, может трактоваться очень широко и включать в себя все отвергнутые им причины перехода к красным.

Расширенную классификацию причин перехода генштабистов на сторону РККА привел еще в феврале 1919 г. Генерального штаба полковник Я.М. Лисовой — достаточно осведомленный офицер Добровольческой армии, служивший в 1918 г. в военно-политическом отделе при генерале от инфантерии М.В. Алексееве. По его мнению, основными причинами этого явления были:

«1) Тяжелое, безвыходное материальное положение, многочисленная семья и в связи с этим невозможность своевременного выезда (из Советской России. — *А.Г.*),

2) Насильственное привлечение советскими властями к исполнению обязанностей офицеров Генерального штаба под угрозой расстрела,

3) Чрезвычайное строгое наблюдение, сковывающее каждый шаг и почти лишаящее какой бы то ни было возможности покинуть ряды советской армии,

4) Честолюбие и карьеризм некоторой части из них (генштабистов. — *А.Г.*),

5) Широкое материальное обеспечение,

6) В корпусе офицеров Генерального штаба прежнего состава были, конечно, и отрицательные стороны — преувеличение значения последних отчасти также послужило одной из побудительных причин вступления в советские войска,

7) Соответствие во взглядах и убеждениях с представителями советской власти,

---

²⁴¹⁷ Каминский В.В. Брат против брата. С. 115.

8) Наконец, на этот путь многие из них (генштабистов. — *А.Г.*) пошли сознательно во имя идейной стороны работы — в самом лучшем, конечно, значении этого слова, о которой, по весьма понятным причинам, распространяться еще рано»²⁴¹⁸.

Все эти причины в различной степени применимы к генштабистам. По мнению В.В. Каминского, практически не имели места вторая, третья, седьмая и восьмая причины в классификации Я.М. Лисового. С этим доводом можно согласиться лишь частично. Действительно идейных большевиков среди офицеров Генштаба были единицы, доминировала идейность иного рода.

При расформировании штабов и управлений старой армии в начале 1918 г. бывшие офицеры Генштаба подлежали увольнению на общих основаниях и нигде не командировались²⁴¹⁹. В результате значительное количество выпускников академии оказалось не у дел и без средств к существованию. Не только политическая обстановка в стране, но даже и собственное будущее для них оставались совершенно неясными. В такой обстановке началось австро-германское наступление на востоке.

Показания бывших офицеров Генерального штаба, проходивших в 1930–1931 гг. по следственному делу «Весна», свидетельствуют о том, что при поступлении на службу к большевикам ими двигало, прежде всего, стремление защитить Россию от германского вторжения²⁴²⁰. В этой связи значительное количество высших офицеров Генштаба добровольно поступило на службу в войска завесы, созданные большевиками специально для защиты от германцев и впоследствии ставшие кадрами для развертывания массовой Красной армии²⁴²¹. По этой причине, например, в РККА поступили такие офицеры, как Генерального штаба генерал-лейтенанты Д.П. Парский и Е.А. Искрицкий, Генерального штаба генерал-майор А.А. Свечин, Генерального штаба полковник С.С. Каменев и др.

Генерального штаба капитан Ф.Л. Григорьев, пытаясь устроиться на военную службу, 4 апреля 1918 г. писал в Москву: «В случае потребности в офицерах Генштаба для будущих формирований постоянной армии, предназначенной для борьбы с внешним врагом, прошу о зачислении меня кандидатом на какую-либо должность Генерального штаба»²⁴²². Ответ на такие обращения был стандартным: «Вы взяты на учет Генерального штаба для предстоящих формирований постоянной армии для борьбы с австро-германцами»²⁴²³.

Еще один военный специалист, Генерального штаба генерал-майор А.Л. Носович, впоследствии перешедший на сторону белых, позднее отмечал, что в феврале 1918 г. им «было принято решение ехать в Москву на предмет ориентировки в обстановке. Основанием такого решения была главным образом уверенность

---

²⁴¹⁸ Лисовой Я.М. Генеральный штаб (Статистический очерк по данным к 1 декабря 1918 г.) // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919. 24 февр. № 9 (37). С. 14. Публикацию этой статьи, включая восстановленные по черновику Лисового фрагменты, см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 808–815.

²⁴¹⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 51.

²⁴²⁰ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства. С. 39–40, 53, 64.

²⁴²¹ Стрекалов И.И. Создание войск завесы (февраль–май 1918 года): Исторический очерк. М., 2001. С. 23.

²⁴²² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 62об.

²⁴²³ Там же. Л. 63, 65.

в том, что продвижение неприятеля в глубь России и предательство Рады²⁴²⁴ вызовут взрыв патриотизма во всех частях и новая война неизбежна. Мое решение ехать немедленно в Москву было одобрено ген[ералом] Драгомировым²⁴²⁵ <...> Я ехал драться против общего врага, и в данное время для меня являлось не столь важным, кто сражается против немцев и продавшихся им украинцев»²⁴²⁶.

Не относившийся к категории генштабистов А.А. Брусилов писал о мотивах своего поступления на службу в РККА: «Я, как с малых лет военный, за эти годы (1917–1920. — А.Г.) страдаю развалом армий, надеялся опять восстановить ее²⁴²⁷ на началах строгой дисциплины, пользуясь красноармейскими формированиями. Я не допускал мысли, что большевизм еще долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один?..»²⁴²⁸ Судя по всему, подобная мотивация была характерна и для других военспецов, в том числе и для бывших генштабистов. Однако, по мнению В.В. Каминского, все они — добровольные и активные сотрудники большевиков²⁴²⁹.

²⁴²⁴ Имеется в виду Брест-Литовское соглашение украинской Центральной Рады с Четверным союзом, заключенное 27 января 1918 г., в результате которого австро-германские войска оккупировали Украину.

²⁴²⁵ Драгомиров Владимир Михайлович (07.02.1867–27.01.1928) — из дворян Черниговской губернии, сын известного военного теоретика генерала от инфантерии М.И. Драгомирова. Окончил Пажеский Его Величества корпус (1886), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду с малой серебряной медалью (1892). Подпоручик (со ст. с 11.08.1886). Поручик (со ст. с 11.08.1890). Штабс-капитан (со ст. с 06.05.1892). Капитан (со ст. с 06.05.1892). Подполковник (со ст. с 05.04.1898). Полковник (со ст. с 14.04.1902). Генерал-майор (со ст. с 31.05.1907). Генерал-лейтенант (с 14.04.1913 со ст. с 31.05.1913). На службе с 02.09.1884. В Лейб-гвардии Семеновском полку. Старший адъютант штаба 33-й пехотной дивизии (26.11.1892–07.09.1895). Командир роты 130-го пехотного Херсонского полка (10.10.1894–10.10.1895). Обер-офицер для особых поручений при штабе IX армейского корпуса (07.09.1895–12.06.1897). Заведующий передвижением войск по железным дорогам и водным путям Киевского района (12.06.1897–29.10.1901). Командир батальона 130-го пехотного Херсонского полка (01.05–01.09.1901). Начальник штаба 42-й пехотной дивизии (24.10.1901–02.06.1905). Участник Русско-японской войны. Командир 147-го пехотного Самарского полка (02.06.1905–21.06.1906). Командир Лейб-гвардии Преображенского полка (21.06.1906–09.10.1908). Зачислен в списки Лейб-гвардии Преображенского полка (с 13.10.1908). Генерал-квартирмейстер (1908–1912) и начальник штаба (03.08.1912–19.07.1914) Киевского военного округа. В Свите Его Императорского Величества (06.05.1908–1913). Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 3-й армии (с 19.07.1914). Начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии (с 04.11.1914). Командир VIII армейского корпуса (с 06.12.1914). Начальник штаба армий Юго-Западного фронта (с 23.03.1915). В распоряжении Верховного главнокомандующего (с 08.05.1915). Командир VIII армейского корпуса (с 18.08.1915). В резерве чинов при штабе Киевского военного округа (с 09.09.1916). Командир XVI армейского корпуса (с 08.10.1916). В резерве чинов при штабе Киевского военного округа (с 02.04.1917). Уволен от службы с мундиром и пенсией (22.08.1917). В отставке в Киеве (до 10.1918). Участник Гражданской войны. Содействовал отправке офицеров в Добровольческую армию. На службе в Добровольческой армии, ВСЮР, Русской армии (10.1918–1920). Председатель комиссии по разработке воинских уставов при отделе Генерального штаба Военного управления (1918–1919). Участник похода генерала Н.Э. Бредова. В эмиграции — в Югославии (на 05–07.1920), вернулся в Крым. В эмиграции — в г. Земун (Югославия). Председатель общества офицеров Генерального штаба. Член полкового объединения Лейб-гвардии Семеновского полка. Умер в г. Земун. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1895), Св. Анны 3-й ст. (1901), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1905), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1905), Золотое оружие (1906), ордена Св. Владимира 3-й ст. (06.12.1911), Св. Станислава 1-й ст. (31.07.1913, утв. 05.10.1913), Св. Георгия 4-й ст. (Высочайший приказ 06.09.1914). Женат. Братья: Абрам, Александр — офицеры, сестра Софья. Шуриин генерала А.С. Лукомского.

²⁴²⁶ «Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5. С. 62.

²⁴²⁷ Так в тексте.

²⁴²⁸ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 297.

²⁴²⁹ Каминский В.В. Брат против брата. С. 116.

Любопытное свидетельство содержится в мемуарах Генерального штаба генерал-майора П.П. Петрова, служившего в 1918 г. в чине полковника в штабе 1-й армии бывшего Северного фронта, а позднее перешедшего на сторону Народной армии Комуца. В мае 1918 г. штаб 1-й армии практически в прежнем составе прибыл в Самару, где должен был быть переформирован в штаб Поволжского военного округа, причем чины штаба еще до переезда на Волгу письменно обратились к председателю Высшего военного совета и народному комиссару по военным делам Л.Д. Троцкому с заявлением, что начнут работать в округе только при условии, «если не будут привлекаться к работе на внутреннем фронте»²⁴³⁰. По словам генерала Петрова, «все мы тогда плохо знали, или закрывали глаза на то, что делалось на юге, и считали, что *в интересах русского дела надо держать в своих руках хотя бы и в стеснительных условиях военный аппарат* (курсив наш. — А.Г.). Вспышки Гражданской войны нас непосредственно не касались...

В Самару прибыл Подвойский²⁴³¹ и сразу же показал нам цену тех условий, на которых мы собирались работать.

Начались требования на специалистов и офицеров Генерального штаба для руководства революционными красными отрядами всевозможных наименований. Кого посылали против уральцев, кого против чехов.

Мы отказались, наше право на отказ защищал даже один из окружных комиссаров.

Нам пригрозили расправой; мы решили воспользоваться первым случаем, чтобы скрыться. Тогда еще не было общих регистраций; не было призыва всех офицеров.

Нам помог приход чехов...»²⁴³²

В большинстве своем «лица Генерального штаба», поступившие в 1918 г. в войска завесы, да и вообще в РККА, не отдавали себе отчета в том, что ждет их в будущем (впрочем, в условиях германского наступления никто не мог этого предугадать). А далее, как в случае с офицерами бывшего штаба 1-й армии, они были направлены большевистским руководством на внутренние фронты — руководить борьбой против своих бывших однокашников и друзей по академии. Возражения этих военспецов, как правило, в расчет не принимались, а для большей убедительности по приказанию председателя РВСР Л.Д. Троцкого требовалось «установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах Советской России, и сообщение каждому под личную расписку — его измена и предательство повлечет арест семьи его и что, следовательно, он берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи...»²⁴³³ Еще один аналогичный приказ гласил: «Предательские перебеги лиц командного состава в лагери неприятеля, хотя и реже, но происходят до настоящего дня. Этим чудовищным преступлениям нужно положить конец, не

²⁴³⁰ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 10.

²⁴³¹ Подвойский Николай Ильич — см. о нем примеч. 1841.

²⁴³² Петров П.П. От Волги до Тихого океана. С. 245.

²⁴³³ Цит. по: Критский М. Красная армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-ым Корпусом Добровольческой Армии) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 270.

останавливаясь ни перед какими мерами. Перебежчики предают русских рабочих и крестьян англо-французским и японо-американским грабителям и палачам. Пусть же перебежчики знают, что они одновременно предают и свои собственные семьи: отцов, матерей, сестер, братьев, жен и детей.

Приказываю штабам всех армий Республики, а равно окружным комиссарам, представить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову списки всех перебежавших во вражеский стан лиц командного состава со всеми необходимыми сведениями об их семейном положении. На т. Аралова возлагаю принятие, по соглашению с соответственными учреждениями, необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей»²⁴³⁴.

Судя по указаниям на ответственные посты и командный состав, эти приказы касались и «лиц Генерального штаба». Заложничество членов семей генштабистов не могло не практиковаться большевиками, хотя бы потому, что измена штабного офицера могла быть гораздо опаснее измены строевого офицера²⁴³⁵. Свою роль в контроле за «лицами Генштаба» играли и военные комиссары. Как еще в 1962 г. справедливо отметил С.А. Федюкин: «Фактов измены и предательства было бы значительно больше, а последствия их тяжелее, если бы партия не установила твердого и бдительного контроля за деятельностью военных специалистов в лице института военных комиссаров»²⁴³⁶. Добавим, что значительная часть генштабистов накануне Гражданской войны находилась на фронтах или в столице²⁴³⁷, т.е. на территории, оказавшейся под контролем большевиков. В связи с этим и сами офицеры, и их семьи с первых дней Гражданской войны стали заложниками новой власти.

По мнению В.В. Каминского, генштабисты, оказавшиеся на территории, подконтрольной большевикам, фактически не попадали под мобилизации, проводившиеся новой властью, поскольку они не упоминаются в мобилизационных приказах (июль–сентябрь 1918 г.) как отдельная категория бывших офицеров²⁴³⁸. Такая точка зрения совершенно не соответствует действительности, поскольку не учитывает тот факт, что большевики во многих приказах о проведении массовых мобилизаций не делили бывших офицеров на категории и к тому же не указывали, что «лица Генштаба» освобождаются от призыва²⁴³⁹. Действительно, до тех пор, пока РККА комплектовалась на добровольных началах, этот же принцип распространялся и на бывших генштабистов. Летом 1918 г. большевики попытались

---

²⁴³⁴ Приказ Председателя Реввоенсовета Республики от 30 сентября 1918 года // Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923. С. 151.

²⁴³⁵ Об этом достаточно ярко написал генерал А.И. Деникин в своем рассказе «Исповедь» (*Деникин А.И. Офицеры*. М., 1991. С. 33–47). В результате детального изучения проблемы репрессий в РККА периода Гражданской войны это утверждение нами пересмотрено (см. специальный материал в настоящем издании), что, впрочем, никак не свидетельствует о какой-либо мягкости большевистского режима в отношении генштабистов, как утверждал Каминский.

²⁴³⁶ Федюкин С.А. Об использовании военных специалистов в Красной армии // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 42.

²⁴³⁷ Волков Е.В. Колчаковские офицеры. С. 57.

²⁴³⁸ Каминский В.В. Некоторые особенности. С. 13.

²⁴³⁹ См., напр.: Приказ РВСР № 228 от 14 ноября 1918 г. о призыве на действительную военную службу всех бывших офицеров, не достигших к 1 января 1918 г. 40-летнего возраста (Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг.: Сб. док. М., 1997. С. 114–115).

осуществить полную регистрацию «лиц Генштаба», формально еще на добровольной основе, но уже угрожая незарегистрировавшимся невозможностью продолжить военную карьеру в будущей армии. Постановлением Высшего военного совета от 11 июня 1918 г. всем лицам, служившим в Генеральном штабе и не имеющим должностей в РККА, предлагалось до 1 августа 1918 г. зарегистрироваться, причем указывалось, что «все незарегистрировавшиеся будут считаться нежелающими продолжать далее службу и потому уволенными навсегда от службы в Генеральном штабе»²⁴⁴⁰. Но уже осенью 1918 г. постановка выпускников академии на учет стала обязательной²⁴⁴¹.

Более того, 1 октября 1918 г. был издан декрет СНК о всеобщей мобилизации «лиц Генерального штаба». Каминский допускает серьезную ошибку, утверждая, что в декрете речь шла лишь о мобилизации выпускников академии, не причисленных к Генштабу²⁴⁴². На самом деле, документ совершенно недвусмысленно предписывал призвать на действительную военную службу «бывших офицеров и военных чиновников, получивших высшее военное образование, в том числе и окончивших высшие военно-учебные заведения по 2-му разряду, а также прослушавших два первых курса, но не окончивших их вследствие войны...

От явки по призыву никто не освобождается, кроме: а) имеющих очевидные наружные признаки негодности к военной службе (калеки) и одержимых тяжкими болезнями, препятствующими личной явке и удостоверенными надлежащими медицинскими свидетельствами, б) состоящих на службе в войсковых частях, управлениях, учреждениях и заведениях, подведомственных Народному комиссариату по военным делам»²⁴⁴³, т.е. руководители большевиков планировали осуществить массовый призыв всех лиц с высшим военным образованием, находившихся на территории Советской России, и даже тех офицеров, которые не смогли пройти весь академический курс. Тем не менее Каминский и в своей последней работе с упорством, достойным лучшего применения, повторил тезис о том, что «мобилизации офицеров Генерального штаба, по крайней мере до конца 1918 г., попросту не было»²⁴⁴⁴.

Следует отметить немаловажный, на наш взгляд, факт — в условиях политики «военного коммунизма» бывшие офицеры Генштаба были вынуждены поступать на службу в РККА, будучи вместе с семьями (что особенно важно для понимания мотивации этих офицеров) обречены на голодное существование²⁴⁴⁵ или находясь у большевиков в качестве заложников. Генштабисты были относительно немногочисленны, находились на виду, и новая власть, по всей видимости, могла их контролировать, даже не прибегая к формальным мобилизациям. Учитывая сам факт нахождения семей офицеров Генштаба в заложниках, обстановку недоверия военспецам и принудительный характер их службы в РККА, не приходится

---

²⁴⁴⁰ Там же. Л. 318.

²⁴⁴¹ Обязательная регистрация всех «лиц Генштаба» была установлена приказом народного комиссара по военным и морским делам № 791 от 31 августа 1918 г. (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 185, 199).

²⁴⁴² Каминский В.В. Некоторые особенности. С. 13.

²⁴⁴³ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 383–384.

²⁴⁴⁴ Каминский В.В. Брат против брата. С. 118.

²⁴⁴⁵ См., напр., ряд свидетельств о затруднительном материальном положении генштабистов после демобилизации старой армии в начале 1918 г. (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 24, 32об., 39, 66).

говорить ни о какой-то «мягкости» советской власти по отношению к «лицам Генштаба» (именно такой тезис выдвигает В.В. Каминский), ни об особой благоприятности условий для деятельности этих офицеров. К слову сказать, размах репрессий в отношении «лиц Генштаба» в годы Гражданской войны позволил современному украинскому исследователю Я.Ю. Тинченко высказать гипотезу о целенаправленной политике по организации масштабных гонений на эту категорию бывших офицеров, проводившейся большевиками в 1918–1919 гг. с целью возложить на военспецов ответственность за поражения на фронтах²⁴⁴⁶.

Что касается четвертой группы причин, приводимых Я.М. Лисовым и обобщенно характеризующихся как карьеризм, — это и есть пресловутые «социально-бытовые мотивы», на которых заостряет внимание читателей Каминский²⁴⁴⁷. Заметим, что, предпринимая попытку реконструировать сознание офицеров Генштаба, В.В. Каминский совершенно бездоказательно приписывает добровольность поступления в РККА и карьерные устремления практически всем генштабистам, которых только упоминает в своих публикациях. Один из наиболее ярких примеров — Генерального штаба генерал-майор Николай Семенович Махров, о котором в последней работе Каминского сказано, что «озабоченный восстановлением своего служебного статуса в армии, он с 10 апреля 1918 г. добровольно вступил в РККА»²⁴⁴⁸. Если следовать логике В.В. Каминского, непонятно, зачем Н.С. Махров в конце августа 1919 г. передал через линию фронта своему родному брату — начальнику военных сообщений Кавказской армии Генерального штаба генерал-майору П.С. Махрову — известие о том, что он служит в РККА по принуждению, находится под контролем военного комиссара и не может перейти к белым, поскольку в заложниках у большевиков остаются его жена и дочь?!²⁴⁴⁹ В данном случае карьерные соображения вряд ли играли большую роль, хотя нельзя полностью исключить и возможное стремление Н.С. Махрова обеспечить свое будущее на фоне успешного продвижения белых к Москве.

В то же время существует немало свидетельств того, что в РККА добровольно шли ради карьеры люди, обиженные при старом режиме, неудачники, стремившиеся реализовать свой не востребовавшийся или отсутствовавший потенциал. Например, таким путем в РККА попал Генерального штаба генерал-майор В.А. Ольдерогге, который, по воспоминаниям Генерального штаба генерал-майора С.А. Щепихина, еще до Первой мировой войны, отвечая за передвижение войск, получил взятку за поставку гнилых шпал, а когда афера раскрылась, был понижен до уровня командира батальона²⁴⁵⁰. В 1918 г. этот офицер, презираемый

²⁴⁴⁶ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства. С. 68, 72.

²⁴⁴⁷ В смягченной терминологии последней работы Каминского это явление названо «стремлением [генштабистов] к восстановлению своего высокого служебного статуса» (*Каминский В.В.* Брат против брата. С. 116, 119, 121, 123).

²⁴⁴⁸ Там же. С. 119.

²⁴⁴⁹ Махров П.С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 88–89.

²⁴⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 20об. В настоящее время нами обнаружены документы, непосредственно касающиеся злоупотреблений В.А. Ольдерогге. Они отличаются от того, что по памяти изложил С.А. Щепихин. В период Русско-японской войны Ольдерогге служил в штабе Маньчжурских армий в должности правителя канцелярии дорожного отдела управления военных сообщений. По материалам ревизии учреждений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов, проведенной в

в кругу генштабистов, добровольно поступил на службу в РККА. Вероятно, по жимыми мотивами руководствовался при поступлении на службу большевикам, правда, уже после Гражданской войны, еще один генштабист — русский военный агент во Франции Генерального штаба генерал-майор граф А.А. Игнатъев, которого в эмиграции обвиняли в растрате 80 миллионов франков, направленных во Францию в счет погашения заказов Военного министерства в годы Первой мировой войны, и преследовали за это²⁴⁵¹. Было бы неверно утверждать, что все «лица Генштаба» попадали в РККА из-за своих проступков в рядах императорской армии или из-за недоверия сослуживцев, но то, что подобная мотивация была распространена, — исторический факт. Что касается служебных качеств такого рода «лиц», то их высокий уровень более чем сомнителен.

В белые армии, в которых в основном сохранялись нормы старой императорской армии, шли те, кто уверенно продвигался по служебной лестнице до 1917 г. и имел для этого достаточные знания и навыки работы. Более того, сама по себе служба в антибольшевистских формированиях для значительной части бывших офицеров Русской императорской армии, в том числе и для генштабистов, при их традиционной системе мировоззрения, носила в гораздо большей степени идейный характер, чем их служба в РККА, и вдобавок она не являлась принудительной. Иными словами, в антибольшевистских армиях, в отличие от РККА, для дея-

---

1910 г. сенатором А.А. Глициным, он был обвинен во взяточничестве. К этому времени Ольдерогте уже занимал пост заведующего передвижением войск по отдельным группам железных дорог и водяных сообщений Омского района. По документам расследования, Ольдерогте занимался выдачей нарядов на вагоны для коммерческих грузов, за что брались взятки (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4613. Л. 5об., 8об.). Отмечалось, что непосредственно Ольдерогте получил взятку за выдачу нарядов на вагоны из Владивостока в размере 3600 руб. (по 600 руб. за вагон). Но наряды оказались неправильно составлены, и коммерсанты стали требовать деньги назад (Там же. Л. 9). Возможно, по этой причине афера вскрылась. Сам Ольдерогте был азартным карточным игроком и нуждался в крупных денежных суммах. По одному из свидетельств, «Ольдерогте вел в Харбине очень широкий образ жизни, играл в азартные игры, проигрывая в один прием по несколько тысяч рублей, и имел связи с дорожными кокатками» (Там же. Л. 9об.). Сам Ольдерогте писал в рапорте начальнику штаба Омского военного округа 24 октября 1911 г., что все это ложь, хотя признал, что проигрывал деньги в карты и поэтому был вынужден устроить заем (Там же. Л. 15). И хотя документальных оснований для обвинения найдено не было, военный министр, «принимая во внимание, что представленные названным штаб-офицером (Ольдерогте. — А.Г.) объяснения не могут считаться вполне удовлетворительными и что неблагоприятные показания против него устанавливают его не вполне корректное поведение, приказал перевести полковника фон-Ольдерогте из Генерального штаба в строй» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1338. Л. 106об.–107). Перевод произошел в январе 1916 г. Несколько его ходатайств о возвращении в Генеральный штаб были отклонены в сентябре 1916 г. и в мае 1917 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1298. Л. 175; Д. 1352. Л. 105). Таким образом, в старой армии (как и в сохранявшем прежние порядки белом лагере) Ольдерогте служить по Генеральному штабу не мог и пошел на службу к большевикам, которым прошлые грехи военспеца были безразличны. В то же время другой фигурант этого дела генштабист А.Н. Алексеев в годы Гражданской войны оказался в белом лагере.

²⁴⁵¹ *Марков А. «Записки мерзавца» // Военная быль (Париж). 1957. № 22. С. 26. Обвинение А.А. Игнатъева в растрате денег доказано не было, в распоряжении исследователей имеются лишь косвенные свидетельства на этот счет. Прежде всего, сам А.А. Игнатъев в своих воспоминаниях уделил довольно пристальное внимание вопросу о денежных суммах (Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 2. Кн. 4–5), кроме того, лица, знавшие А.А. Игнатъева, отмечали, что последний, ведая колоссальными денежными средствами, в Париже жил достаточно широко (Игнатъев М. Русский альбом. Семейная хроника. СПб., 1996. С. 131; см. также донесения французской разведки по данному вопросу: Игнатъев П. Моя миссия в Париже. М., 1999. С. 301–302, 306). Подробнее см. специальный материал на эту тему, публикуемый в настоящем издании.*

тельности генштабистов объективно существовали более приемлемые условия. В то же время политика белого командования по отношению к сдавшимся в плен «лицам Генштаба», ранее служившим в РККА, была достаточно суровой (причем чем выше был чин военспеца, тем суровее было отношение к его обладателю²⁴⁵²), что, конечно, отталкивало от белых их потенциальных сторонников и, возможно, даже стало одной из причин поражения белых армий. В частности, по свидетельству протопресвитера Добровольческой армии и флота Георгия Шавельского, «в июле этого (1919. — А.Г.) года в Орле двадцать два офицера Генерального штаба, служащие у большевиков, обсуждали вопрос, как им быть, ввиду установившегося в Добровольческой армии отношения к перебежчикам. И решили: доселе мы играли в поддавки, теперь начнем воевать по совести»²⁴⁵³.

Еще одним спорным положением, выдвигаемым В.В. Каминским, является тезис о том, что «тайные “связи” офицеров, находившихся в 1918 г. на службе в РККА, с белыми... в значительной мере преувеличены...»²⁴⁵⁴ При этом Каминский не приводит никаких доказательств подобного утверждения. Показателен и подход автора, который в своей статье «Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения», несмотря на заявленные в названии хронологические рамки, исследовал почти исключительно события 1918 г.

Рассматривая вопрос о «тайных связях», прежде всего отметим, что серьезное изучение антибольшевистского подполья в отечественной историографии еще только начинается, поэтому исследователи пока не обладают достаточной фактической базой по данной проблеме. Тем не менее это не означает, что белого подполья не существовало. Ряд фактов позволяет утверждать, что оно было не меньшим по своим масштабам, чем красное подполье, изученное достаточно глубоко. Добавим, что многие деятели белого подполья занимали высокие посты в советской военно-административной иерархии, чего нельзя сказать о красных подпольщиках у белых.

В этой связи крайне интересен вопрос, сопрягающийся с проблематикой, отчасти затронутой В.В. Каминским, имелись ли деятели антибольшевистского подполья непосредственно среди офицеров Генерального штаба, состоявших на службе в Красной армии, и если да, то были ли они связаны с белыми армиями, каково было их количество и каких результатов им удалось достигнуть.

На первые два вопроса ответ однозначен. Действительно, среди бывших офицеров Генштаба, находившихся на штабных и командных должностях в РККА, были активные участники антибольшевистского подполья, связанные с белыми армиями. Достаточно упомянуть имя начальника Всероссийского главного штаба Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова, одновременно возглавлявшего военную организацию «Национального центра» в Москве и Добровольческую армию Московского района²⁴⁵⁵. В 1919 г. Н.Н. Стогов был арестован ВЧК, осенью 1919 г. он бежал из концлагеря, некоторое время нелегально пробыл

---

²⁴⁵² Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000. Кн. 1. С. 29.

²⁴⁵³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 359–360.

²⁴⁵⁴ Каминский В.В. Русские генштабисты. С. 46.

²⁴⁵⁵ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 46–47.

в Москве и затем с риском для жизни перешел через линию фронта к А.И. Деникину²⁴⁵⁶. В работе военной организации московского «Национального центра» участвовали еще, по меньшей мере, четыре выпускника академии: состоявший на службе в РККА генерал-лейтенант В.И. Соколов, начальник оперативного управления Всероссийского главного штаба генерал-майор С.А. Кузнецов, расстрелянный в Москве 23 сентября 1919 г. (кстати, именно он весной–летом 1918 г. командировал в Поволжье многих генштабистов, впоследствии прославившихся в рядах белых армий, в том числе В.О. Каппеля, Ф.Е. Махина, И.И. Смольниина-Терванда²⁴⁵⁷), сотрудник отделения по борьбе с дезертирством Всероссийского главного штаба генерал-майор Б.А. Левицкий, также расстрелянный в 1919 г., и старший делопроизводитель (позднее — начальник отделения) организационного управления Всероссийского главного штаба полковник В.В. Ступин (начальник штаба военной организации «Национального центра»), вернувшийся после ареста на службу в РККА. Связь «Национального центра» с А.И. Деникиным, А.В. Колчаком, Н.Н. Юденичем осуществлялась через члена ЦК партии кадетов Н.Н. Щепкина²⁴⁵⁸.

Значительную помощь Добровольческой армии оказал начальник управления по командному составу Всероссийского главного штаба (июнь–сентябрь 1918 г.) Генерального штаба генерал-лейтенант А.П. Архангельский, который, «поддерживая постоянную связь с командованием Добровольческой армии, передавал “ценные и важные сведения о положении Красной армии”, а также, “пользуясь незнанием большевиками техники штабной [работы] и формирования армии, способствовал их затруднениям в формировании”. По одной из оценок, “благодаря его стараниям, большевики не смогли к началу 1919 года сформировать даже четвертой части из намеченного числа стрелковых дивизий, которые должны были быть переброшены на Добровольческий фронт”»²⁴⁵⁹. Членом московской подпольной организации «Правый центр», по сведениям на май 1918 г., был член Высшей аттестационной комиссии РККА, бывший Генерального штаба генерал-лейтенант Я.К. Цихович²⁴⁶⁰, состоявший на службе в РККА с 1918 г. по 1920 г., а затем бежавший из Советской России в Польшу²⁴⁶¹.

Судя по всему, генштабистов, поступивших в РККА по заданию различных антибольшевистских организаций, было существенно больше. Не случайно руководитель военной организации московского «Национального центра» Н.Н. Стогов однажды сказал начальнику артиллерии той же организации А.Е. Флейшеру: «Странно, что все мы — я (то есть Н.Н. Стогов), Архангельский А.П., А. Мо-

---

²⁴⁵⁶ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 407–408; *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 231. См. специальный материал в настоящем издании.

²⁴⁵⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 36, 97.

²⁴⁵⁸ Всероссийский Национальный Центр. М., 2001. С. 13–14.

²⁴⁵⁹ *Кручинин А.С.* Генерал-лейтенант А.П. Архангельский // Военная быль (Москва). 1995. № 6 (135). С. 34.

²⁴⁶⁰ *Казанович Б.* Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май–июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 192.

²⁴⁶¹ *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства. С. 92–93.

чуждый²⁴⁶², П.П. Лебедев²⁴⁶³ и многие другие (фамилий Н.Н. Стогов не называл) — пошли на службу к большевикам с благословения правых национальных кругов (правого крыла “Национального центра”) специально, чтобы не дать формироваться армии, и они (то есть А.М. Мочульский, П.П. Лебедев) предались на сторону советской власти...»²⁴⁶⁴ К сожалению, более подробных сведений о подпольной деятельности упомянутых Н.Н. Стоговым военспецов обнаружить не удалось.

В мае 1918 г. по распоряжению Московского отдела Добровольческой армии на службу в РККА поступил Генерального штаба полковник А.Л. Носович, назначенный начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. Впоследствии Носович был назначен начальником оперативного управления 10-й армии, в июле–сентябре 1918 г. возглавлял военный совет Северо-Кавказского военного округа и РВС Южного фронта. В период с мая по сентябрь 1918 г. Носович и его помощники, в том числе Генерального штаба полковник А.Н. Ковалевский, вели разведывательную и подрывную работу в пользу Добровольческой армии²⁴⁶⁵. Исчерпав возможности для продолжения этой работы, Носович перешел через линию фронта к белым.

Генерал А.И. Деникин впоследствии писал: «Московские Центры²⁴⁶⁶ поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не виде-

---

²⁴⁶² Мочульский Александр Михайлович (09.12.1878–?) — окончил Полтавский кадетский корпус (1896), Александровское военное училище (1898), Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1905). Подпоручик (со ст. с 08.08.1898). Поручик (со ст. с 13.08.1901). Штабс-капитан (со ст. с 28.05.1905). Капитан (со ст. с 22.04.1907). Подполковник (со ст. с 06.12.1911). Полковник (со ст. с 06.12.1914). Генерал-майор (с 21.11.1917). На службе с 01.09.1896. В 11-й артиллерийской бригаде. Участник Русско-японской войны. Командир роты 125-го пехотного Курского полка (03.12.1905–15.01.1907). Зачтено за двухгодичное командование. Старший адъютант штаба 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (10.01.1907–16.11.1909). Обер-офицер для поручений при штабе Иркутского военного округа (16.11.1909–01.09.1910). Помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа (01.09.1910–17.03.1911). Помощник делопроизводителя ГУГШ (с 17.03.1911, утв. 06.12.1911). Участник Первой мировой войны. Делопроизводитель ГУГШ (с 03.09.1915). Командир 7-го Особого пехотного полка (с 03.07.1916) на Салоникском фронте. Вернулся в Россию (06.1917). И.д. помощника начальника отдела по устройству и службе войск ГУГШ. Избран особой комиссией и.д. начальника отдела по устройству и службе войск ГУГШ (с 11.01.1918). Участник Гражданской войны. На службе в РККА (1918–1920). И.д. начальника организационного управления Всероссийского главного штаба (1918–1919). Начальник отделения организационного управления Всероссийского главного штаба. Участвовал в редактировании Устава внутренней службы РККА. Возможно, причастен к деятельности антибольшевистского подполья в РККА. Арестован (с 01.03.1920, на 10.1920, на 04.1921). По распоряжению ВЧК исключен со службы со дня ареста (с 24.02.1920 на основании декрета СНК от 30.07.1919). По некоторым данным, расстрелян в 1921. Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1907), Св. Анны 3-й ст. (1908, утв. 07.02.1909), Св. Станислава 2-й ст. (04.07.1911, утв. 15.09.1911).

²⁴⁶³ Лебедев Павел Павлович — см. о нем примеч. 2280.

²⁴⁶⁴ Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 408.

²⁴⁶⁵ «Вредить большевизму всеми возможными способами». С. 62–63.

²⁴⁶⁶ Т.е. «Правый центр» и «Национальный центр».

ли настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред. За 2½ года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя...»²⁴⁶⁷ Возможно, генерал Деникин имел в виду выпускника академии бывшего генерал-лейтенанта В.И. Селивачева, в августе–сентябре 1919 г. командовавшего группой войск Южного фронта²⁴⁶⁸.

Еще несколько примеров. В конце августа – начале сентября 1919 г. в ходе рейда IV Донского отдельного корпуса генерал-лейтенанта К.К. Мамантова по тылам Южного фронта РСФСР на сторону белых перешел бывший начальник 3-го отдела управления военных сообщений Южного фронта РСФСР бывший Генерального штаба генерал-майор Д.А. Мельников, сразу же получивший назначение на должность начальника штаба Тульской добровольческой пешей дивизии. Более того, буквально на следующий день Мельников был назначен начальником штаба конной группы²⁴⁶⁹. Весьма вероятно, что столь стремительный карьерный рост генерала в армии своих недавних противников был обусловлен какими-то заслугами Мельникова перед белыми.

Есть свидетельство о том, что в один из решающих моментов гражданского противостояния — в период Орловско-Кромской операции, когда Добровольческая армия достигла своих максимальных успехов на пути к Москве, — 1 (14) октября 1919 г. адъютант временно исполнявшего должность начальника штаба 13-й советской армии бывшего Генерального штаба генерала от инфантерии А.М. Зайончковского, оставшись по его приказу в занятом добровольцами Орле, передал белым большой кожаный саквояж с оперативной документацией и планами командования 13-й армии, предупредив, таким образом, штаб 1-го армейского корпуса Добровольческой армии о высадке и дальнейших действиях Ударной группы 13-й советской армии в составе Латышской стрелковой дивизии и 1-й Конной бригады червонного казачества²⁴⁷⁰. Несмотря на полученные сведения, добиться перелома в ходе сражения белые тогда не смогли, но показателен сам факт подобного содействия Добровольческой армии со стороны одного из наиболее известных военспецов.

Довольно сильным было антибольшевистское подполье на Северо-Западе России. Еще с марта 1918 г. бывший Генштаба генерал-майор Б.В. Геруа, назначенный начальником штаба Северного участка и Петроградского района завесы,

---

²⁴⁶⁷ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2003. С. 548.

²⁴⁶⁸ Данное предположение в беседе с автором высказал А.С. Кручинин.

²⁴⁶⁹ Кручинин А.С. Формирование и участие 1-ой Тульской добровольческой пешей дивизии в рейде генерала Мамантова (1919 г.) // Тула в Гражданской войне 1917–1922 гг.: неизвестные страницы: Сб. мат. межрегион. науч.-практ. конф. Тула, 1996. С. 13; Рутыч Н. Биографический справочник. С. 160.

²⁴⁷⁰ Это свидетельство содержится в неопубликованных воспоминаниях начальника штаба Корниловской ударной группы Генерального штаба полковника К.Л. Капнина о боях Добровольческой армии под Орлом осенью 1919 г. (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 380. Л. 21–26). По свидетельству К.Л. Капнина, «... документы, присланные генералом Зайончковским (пусть даже из побуждений самострахования), имели огромную оперативную ценность. Последующие действия красных вполне подтвердили их абсолютную правдивость» (Там же. Л. 25–26). Подробнее см. специальный материал в настоящем издании.

переправлял офицеров в белые войска на Севере России²⁴⁷¹. В подпольной анти-советской организации в Петрограде летом 1918 г. состоял выпускник академии генерал от кавалерии Г.О. Раух. В 1919 г. во главе подготовки вооруженного выступления в Петрограде, которое должно было начаться при подходе к городу частей Северо-Западной армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, стоял еще один офицер Генштаба, полковник В.Я. Люндеквист. Этот генштабист был мобилизован в РККА в феврале 1919 г., служил на должностях начальника штаба 1-й стрелковой дивизии, временно командующего бригадой 19-й стрелковой дивизии, начальника штаба Петроградской группы 7-й армии, командующего Олонецким фронтом и, наконец, начальника штаба 7-й армии. Первоначально деятельность полковника Люндеквиста в пользу белых заключалась в передаче сведений о состоянии РККА. В сентябре 1919 г. бывший офицер Генштаба разработал и переправил в штаб Юденича план взаимодействия участников петроградского антибольшевистского подполья с наступающей Северо-Западной армией. Однако решения о вооруженном выступлении в Петрограде ни в дни максимального продвижения армии Юденича 20–21 октября 1919 г., ни позднее он так и не принял. Уже в ноябре 1919 г. Люндеквист был арестован, а в январе 1920 г. расстрелян²⁴⁷². Добавим еще один немаловажный факт в этом деле — Люндеквист мог быть спокоен за судьбу своей семьи, поскольку она находилась в то время в Крыму, на неподконтрольной большевикам территории. Имеются данные об антибольшевистской работе в Петрограде в пользу Северо-Западной армии начальника сухопутного оперативного отдела штаба Балтийского флота, в прошлом Генерального штаба подполковника В.Е. Медиокритского²⁴⁷³.

Существовало в РККА и подполье, связанное с эсеровскими организациями. Как впоследствии вспоминал Г.И. Семенов (Васильев), некоторое время возглавлявший в партии социалистов-революционеров Красноармейский отдел, «мы сосредотачивали особое внимание на работе в Красноармейских частях: на вливании в формирующиеся части возможно большого²⁴⁷⁴ количества наших людей, подборе нашего командного состава для этих частей и создание²⁴⁷⁵ наших ячеек»²⁴⁷⁶. В 1917 г. (по другим данным, в 1906 г.²⁴⁷⁷) в партию социалистов-революционеров вступил Генштаба подполковник Ф.Е. Махин, возглавив штаб военной организации партии. А в 1918 г. он по приказу ЦК партии поступил на службу в Красную армию²⁴⁷⁸.

---

²⁴⁷¹ С.В. Волков ошибочно приписал эту работу его брату Александру Владимировичу Геруа (*Волков С.В. Белое движение*. С. 128; *Он же. Трагедия русского офицерства*. М., 2001. С. 280).

²⁴⁷² *Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича*. С. 412–416.

²⁴⁷³ Там же. С. 420; *Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР*. М., 1980. Кн. 1. С. 295.

²⁴⁷⁴ Так в тексте.

²⁴⁷⁵ Так в тексте.

²⁴⁷⁶ *Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг.* Берлин, 1922. С. 15.

²⁴⁷⁷ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002. С. 895.

²⁴⁷⁸ *Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири*. Нью-Йорк, 1919. С. 21; *Майский И. Демократическая контрреволюция*. М.; Пг., 1923. С. 53.

Оказавшись в рядах РККА, подполковник Махин вскоре достиг высоких постов — стал начальником Уфимского полевого штаба и командующим 2-й армией²⁴⁷⁹. При подходе чехословаков к Уфе Махин выехал из города со своим адъютантом навстречу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику С. Чечеку и фактически сдал ему город²⁴⁸⁰. Вскоре Махин возглавил части Народной армии Хвалынского района и постановлением Комуча был произведен в полковники²⁴⁸¹.

Нельзя не отметить, что в начале июня 1918 г., еще находясь на службе в РККА, Ф.Е. Махин добивался перевода в Приволжский или Приуральский военные округа²⁴⁸² — на территории, где позднее были развернуты вооруженные силы Комуча. Просьбы Махина о подобном переводе, на наш взгляд, не случайны: еще весной 1918 г. социалисты-революционеры, придя к выводу о бесперспективности борьбы с большевиками в Петрограде и Москве, приняли решение о переводе своих организаций, в том числе и военной, в Поволжье и на Урал²⁴⁸³. Судя по всему, Ф.Е. Махин руководствовался именно этим решением ЦК партии социалистов-революционеров. Не исключено, что аналогичные просьбы В.О. Каппеля о переводе в штабы Приуральского, Приволжского или Ярославского военных округов²⁴⁸⁴ также были обусловлены связями генштабиста с антибольшевистским подпольем. Уже летом 1918 г. центры этих военных округов, особенно Самара и Ярославль, стали очагами сопротивления большевикам. Тем не менее Каминский продолжает утверждать, что эти и другие офицеры Генштаба стремились перевестись на новые места исключительно в поисках «наиболее выгодных условий жизни и службы»²⁴⁸⁵. Думается, что список генштабистов из состава РККА, участвовавших в деятельности антибольшевистских подпольных организаций или оказывавших содействие белым армиям иными способами, этими данными не исчерпывается.

В заключение кратко перечислим те выводы, к которым мы пришли в ходе проведенного исследования. Прежде всего, имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать вывод о том, что в составе белых и иных антибольшевистских армий на территории бывшей Российской империи служило подавляющее большинство выпускников Николаевской академии Генерального штаба различных категорий. И если важен сам факт обучения в академии, как полагает В.В. Каминский, то в этом отношении явное преимущество на стороне противни-

---

²⁴⁷⁹ Таким образом, нельзя согласиться с мнением В.В. Каминского о том, что Махин на службе в РККА и при переходе на сторону белых действовал якобы исключительно исходя из неких «социально-бытовых настроений» (см.: *Каминский В.В.* Почему генштабист РККА Ф.Е. Махин «открыл ворота» Уфы белому Комучу 4 июля 1918 г.? // *История белой Сибири: Мат. 5-й междунар. науч. конф.* С. 141).

²⁴⁸⁰ *Чечек С.* От Пензы до Урала (Доклад, сделанный в обществе участников волжского движения) // *Воля России (Прага)*. 1928. № 8–9. С. 264.

²⁴⁸¹ РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 51 об.

²⁴⁸² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68 об.

²⁴⁸³ *Чернов В.М.* Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 368–369; *Каревский А.А.* Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима–осень 1918 г.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 11.

²⁴⁸⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 63.

²⁴⁸⁵ *Каминский В.В.* Служил ли В.О. Каппель в Красной армии? // *История белой Сибири: Тезисы 4-й науч. конф.* Кемерово, 2001. С. 135; *Он же.* Почему генштабист РККА Ф.Е. Махин «открыл ворота». С. 144.

ков советской власти, и, следовательно, фактор превосходства в «лицах Генштаба» объективно не может входить в число причин победы РККА в Гражданской войне. Причина превосходства противников советской власти в «лицах Генштаба», на наш взгляд, заключается в более привычных и благоприятных, по сравнению с РККА, условиях их работы в рядах антибольшевистских армий. В этой связи совершенно не очевидно утверждение Каминского о том, что большевики поставили себе на службу лучшую часть генштабистов. Для доказательства такого тезиса необходим, как уже говорилось, комплексный персонифицированный анализ данных по всем выпускникам академии, находившимся в армиях противоборствующих сторон. Причины поступления «лиц Генерального штаба» в РККА не сводятся к пресловутым социально-бытовым или материально-бытовым мотивам, как стремится доказать Каминский, они многообразны, причем этот факт отмечали сами же участники Гражданской войны. Среди этих причин и надежда в начале 1918 г. продолжить борьбу с германцами, и страх за своих близких в связи с принятой большевиками практикой заложничества, и желание проникнуть в руководство РККА, чтобы оказывать содействие единомышленникам за линией фронта, и ряд других. Подводя итог всему вышесказанному, хочется надеяться, что история Гражданской войны в России в скором будущем получит более объективное, а подчас и более добросовестное освещение, в сравнении с тем, какое существует на сегодняшний день.

В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин

Новые исследования о «деле» Полевого штаба*

В последнее время появилось несколько новых интересных публикаций, затрагивающих проблематику репрессий против военных специалистов РККА. Речь идет, прежде всего, о статье известного исследователя истории отечественных спецслужб, генерал-лейтенанта ФСБ, доктора исторических наук А.А. Здановича²⁴⁸⁶ и книге аспиранта С.С. Войтикова²⁴⁸⁷. Обе эти работы посвящены рассмотрению обстоятельств «заговора» в Полевом штабе РВСР — одного из самых сложных и противоречивых вопросов военно-политической истории Советской России эпохи Гражданской войны, «раскрытие» которого привело к смене высшего руководства РККА летом 1919 г.

Как совершенно справедливо, хотя и в несколько ироничной форме, отметил А.А. Зданович, историки уже многие годы пытаются решить эту проблему, но высказывают диаметрально противоположные суждения. К сожалению, не ставит точку в этой многолетней дискуссии и статья самого Здановича. Наряду с другими исследователями, Зданович многое сделал для восстановления истории отечественной разведки и контрразведки, вызывают огромное уважение его кропотливая архивная работа и неподдельный интерес к событиям прошлого. Однако, как отмечено в юбилейном номере журнала «Родина» к 90-летию отечественной военной контрразведки, не все суждения известных на сегодняшний день историков спецслужб и их выводы «свободны от личных и ведомственных пристрастий»²⁴⁸⁸. Подобные проявления, в том числе в работах самого Здановича, не ускользнули от внимания и некоторых западных исследователей. В частности, один из крупнейших американских специалистов по военной истории России У. Фуллер, характеризуя работы Здановича, отметил, что «последние несколько лет были отмечены появлением ряда публикаций на русском языке, ориентированных на приукрашивание репутации советской и царской разведки и контрразведки»²⁴⁸⁹. Действительно, во

---

* Впервые опубликовано: Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2010. Т. 9. С. 336–356. В настоящем издании публикуется с незначительными дополнениями.

²⁴⁸⁶ Зданович А. Был ли заговор в Полевом штабе? // Родина. 2009. № 5. С. 92–95.

²⁴⁸⁷ Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009.

²⁴⁸⁸ Каширин В.Б. Разведчики военного шпионства. Контрразведка последнего императора // Родина. 2008. № 12. С. 27.

²⁴⁸⁹ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 314.

многих исследованиях отчетливо прослеживается стремление к неоправданной героизации отдельных сотрудников разведки и контрразведки, лакировке ведомственной истории и оправданию, вопреки фактам, ошибок прошлого.

Эти мотивы в полной мере присущи и статье Здановича о заговоре в Полевом штабе РВСР. Статья, прежде всего благодаря вводимым в научный оборот до сих пор недоступным для исследователей документам ВЧК из Центрального архива ФСБ России, проливает свет на сложные взаимоотношения внутри большевистского руководства и уточняет многие ранее существовавшие оценки и выводы, хотя и сама содержит некоторые новые неточности²⁴⁹⁰. Своей основной постулат о том, что чекисты проводили проверку по факту наличия компрометирующей информации в отношении сотрудников Полевого штаба, автор доказать не смог. Более того, нельзя не отметить, что конечные выводы Здановича противоречат ранее заявленному в его же статье тезису²⁴⁹¹. Если в начале статьи утверждается, что аресты высших военных деятелей не были провокацией, а проводилась лишь проверка информации о неблагонадежности этих лиц²⁴⁹², то ближе к концу автор пишет уже о том, что эта кампания носила политический характер и была нужна В.И. Ленину для борьбы с Л.Д. Троцким. Фактически речь идет о политическом заказе.

В этом случае уместен вопрос, чем же не понравились маститому критику выводы нашей обобщающей статьи²⁴⁹³ о взаимоотношениях чекистов и генштабистов в Гражданскую войну, если он в итоге солидаризировался с идеей о том, что заговора не было, а наличествовал лишь соответствующий заказ ВЧК сверху (в статье было высказано предположение, что инспирировал эти события и больше выиграл от них не Ленин, как полагает Зданович, а И.В. Сталин, — но это вопрос дискуссионный). Скорее всего, разница в том, что для ведомственной историографии, одним из наиболее авторитетных представителей которой и является генерал Зданович, признание факта фабрикации заговора чекистами по указке сверху, о чем напрямую написал я, пока что неприемлемо.

Думается, наш очерк, представляющий собой краткую выжимку из большого материала о взаимоотношениях генштабистов и чекистов и основанный на материалах архивов России и Украины (в том числе архивов спецслужб), нельзя отнести к работам тех авторов, которые, как справедливо отметил генерал Зданович, «не утруждают себя проверкой и уточнением заимствованных материалов». Ви-

---

²⁴⁹⁰ Например, Зданович ошибочно указывает на борьбу молодых генштабистов за освобождение из-под ареста некоего В. Семенова — помощника командующего Южным фронтом (Зданович А. Был ли заговор в Полевом штабе? С. 93). Очевидно, автор статьи имел в виду В.И. Селивачева, который и указан в журнале «Известия ЦК КПСС» по приводимой Здановичем ссылке. Однако Селивачев на момент своего ареста еще не являлся помощником командующего Южным фронтом, а был назначен на эту должность по освобождении.

²⁴⁹¹ Это же присуще и некоторым другим работам Здановича. Так, в статье о заговоре военных в 1923 г., который чекисты пытались раскручивать из ничего, автор, несмотря на очевидные факты, приводимые им самим, заключает: «Однако это не значит, что сотрудники Особого и других отделов ГПУ-ОГПУ действовали провокационно». Вывод, находящийся в противоречии с ранее изложенным в той же статье (Зданович А. «Теплая компания» «красного Бонапарта» // Родина. 2008. № 12. С. 47).

²⁴⁹² В принципе под нейтральное определение «проверка» при желании можно подвести любые провокационные действия спецслужб.

²⁴⁹³ Ганин А. «Товарищ Склянский — заступитесь...»: Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1. С. 81–82.

димо, согласен с этим и сам Зданович, отметивший, что другие наши материалы отличаются объективностью. Причина, по которой был подвергнут критике наш очерк о репрессиях против военспецов, видимо, состоит как раз в том, что в нем предпринята попытка через призму взаимоотношений генштабистов и чекистов (включая проведенный впервые комплексный анализ практики массовых и, как правило, необоснованных арестов и расстрелов последними первых) отразить объективную и довольно неприглядную картину первых лет существования органов ВЧК — сюжет, который до сих пор в рамках ведомственной историографии считался чуть ли не неприкосновенным. При этом я не пытался преувеличивать страдания генштабистов или приписывать какую-то дополнительную жестокость их тюремщикам, а старался реконструировать реальный ход событий на основе подлинных и до сих пор неизвестных документов.

Остановлюсь на событиях в Полевом штабе РВСР в Серпухове. Хотя в последние годы и опубликованы некоторые новые документы об этих событиях, ясности общей картине они не добавляют. Так, например, не внушает доверия недавно опубликованная сводка сведений из протоколов допросов арестованных. Если верить этому документу, арестованные как один показали, что вели контрреволюционные разговоры, планировали захват Тулы, установление связи с А.И. Деникиным, сам советский главнокомандующий И.И. Вацетис якобы после смещения начальника Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяева даже собирался «тряхнуть Москвой»²⁴⁹⁴. Судя по документу, подобные разговоры велись тогда в Серпухове, а выпускники ускоренных курсов академии даже шантажировали Вацетиса в своих интересах. В этом же документе приводятся признательные само-разоблачительные показания выпускника ускоренных курсов Ю.И. Григорьева.

Между тем в своих показаниях, данных в 1956 г. во время процесса реабилитации жертв политических репрессий, в нормальной обстановке и без давления, Григорьев отметил, что сначала арестованы были его однокурсники по академии, «по-видимому, эти лица дали на меня какие-то показания, в связи с чем был арестован и я, хотя к заговору я никакого отношения не имел. После трехмесячного содержания под стражей я был освобожден, вернулся в академию, где был восстановлен на прежнюю должность»²⁴⁹⁵.

Действительно, сложно предположить, что в обстановке всеобщей подозрительности по отношению к военспецам, их массовых арестов и расстрелов, Вацетис и его подчиненные, находившиеся под гнетом известий о все новых и новых обысках и арестах даже в их ближайшем окружении, могли открыто и неосторожно обсуждать планы переворота, причем отнюдь не на уровне конкретного планирования, а лишь в форме обывательских разговоров. Впрочем, полного отсутствия крамольных высказываний, конечно, гарантировать нельзя, особенно с учетом известной по некоторым документам невоздержанности Вацетиса на речи в состоянии опьянения²⁴⁹⁶. Однако, скорее всего, подобные «показания» были нужны Ф.Э. Дзержинскому, в документах которого они и отложились, а также

---

²⁴⁹⁴ Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: Док. / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 130–131.

²⁴⁹⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 79 (101). Л. 248.

²⁴⁹⁶ Ф.Э. Дзержинский. С. 130.

направлявшей Дзержинского большевистской верхушке. Кроме того, признательные показания традиционно считались в ВЧК–НКВД достаточными для избличения обвиняемых, даже несмотря на отсутствие каких-либо улик. По всей видимости, подобный подход зародился как раз в годы Гражданской войны.

Конечно, в «деле» Полевого штаба, в отличие от описанной Здановичем истории с арестом выпускника ускоренных курсов академии Генерального штаба Г.И. Теодори²⁴⁹⁷, самоуправства чекистов быть уже не могло — слишком высок был статус арестованных. Можно только предполагать, был ли арест Теодори первой ласточкой в пока еще неясной борьбе группировок в военно-политическом руководстве Советской России (в частности, неясна роль в этих событиях С.С. Каменева) или же столь глубоких причин здесь не было.

Как справедливо отметил Зданович, И.В. Сталин еще 4 июня 1919 г. направил В.И. Ленину донесение о том, что Полевой штаб РВСР и Всероссийский главный штаб якобы работают на белых²⁴⁹⁸. Не исключено, что именно этот документ стал причиной последовавших арестов. По мнению Л.Д. Троцкого, подтверждающего факт написания Сталиным донесения 4 июня, это была уже не первая попытка нажима Сталина на Ленина с целью смены военного руководства²⁴⁹⁹. Но все же думается, что Сталин сам по себе (пусть и в полном контакте с чекистами) не мог в то время организовать столь масштабную чистку высшего военного руководства. Наиболее вероятно, что в необходимости подобных действий он сумел убедить Ленина и тем самым нанести удар по позициям своего врага Троцкого. Чекисты оказались в роли простых исполнителей, что ни в коей мере не снимает с них ответственности за фабрикацию «заговора». По этой логике, требует самой серьезной проверки обоснованность репрессий видных военспецов и по легендарному в рамках истории ВЧК делу «Национального центра», в котором тоже далеко не все однозначно и понятно.

Как известно, в роли сторонников ужесточения политики в отношении военспецов неизменно выступала сталинская группировка. Так, К.Е. Ворошилов на VIII съезде РКП(б) прямо заявил, что «в наших штабах на командных должностях стоят не разведчики, а руководители армии противника. Они не только освещают положение наше, не только заранее рисуют наш ход, но просто направляют армии противника и сталкивают лбами»²⁵⁰⁰. Такой подход не добавлял военспецам уверенности в своем завтрашнем дне, даже несмотря на жесткий отпор, данный Ворошилову на съезде Лениным.

На наш взгляд, не следует, как делают А.А. Зданович и С.С. Войтиков, преувеличивать степень конфронтации между Лениным и Троцким в 1919 г., а также опираться в этом вопросе на советскую литературу о Гражданской войне, в которой вплоть до конца 1980-х гг. Троцкий был заведомым врагом и предателем. От-

---

²⁴⁹⁷ Подробнее об этом см.: *Ганин А.В.* Дело Г.И. Теодори в 1919–1921 гг. Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 10. С. 32–37. Материал публикуется в настоящем издании.

²⁴⁹⁸ Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М., 1991. С. 431; документ опубликован в: *The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1: 1917–1919* / Ed. and annot. by J.M. Meijer. L.; Hague; P., 1964. P. 520.

²⁴⁹⁹ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 2001. С. 440.

²⁵⁰⁰ Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 11 (298). С. 160.

ношения Ленина и Троцкого в этот период в целом носили дружеский характер. Ленин высоко ценил организаторские способности Троцкого, восхищался тем, что последний буквально за год с нуля сумел создать мощную Красную армию и даже завоевал уважение старых специалистов. Роль Троцкого в создании РККА и ее победе в Гражданской войне действительно трудно переоценить. И Ленин и Троцкий допускали в этот период ошибки, в том числе в отношении друг друга, но позднее находили в себе силы признавать это. Однако их отношения никогда не доходили до открытого конфликта. Более того, Ленин стремился подчеркнуть свое абсолютное доверие Троцкому. Чего стоит известная записка, данная им Троцкому в июле 1919 г., в разгар «дела» Полевого штаба РВСР: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)»²⁵⁰¹. Такая бумага, хотя Троцкий, по его словам, ни разу ею не воспользовался (в этом просто не было необходимости, так как власть самого Троцкого в это время также была практически неограниченной), автоматически санкционировала любые его решения.

Конечно, Ленин вел определенную игру на противоречиях между своими подчиненными — Троцким и Сталиным. Неслучайно сталинская группировка так и не была нейтрализована Лениным, хотя создавала советскому руководству немало проблем. Видимо, поддерживая баланс сил и интересов, в «деле» Полевого штаба Ленин решил пойти навстречу пожеланиям Сталина. Последовавшее вскоре смещение главы Особого отдела ВЧК М.С. Кедрова представляется ответной уступкой Троцкому²⁵⁰².

Необходимо добавить, что в годы Гражданской войны конфликты и группировки внутри большевистского руководства сочетались с аналогичными конфликтами и группировками внутри корпорации военспецов, что и выразилось в деле о «заговоре» в Полевом штабе. К сожалению, сколько-нибудь полной военно-политической истории Гражданской войны в России еще не написано, поэтому время для окончательных суждений об этих конфликтах и противоречиях пока не пришло. Будем надеяться, что общими усилиями в перспективе эти проблемы обретут свое непредвзятое освещение.

* * *

Книга С.С. Войткова весьма интересна и содержит немало новых материалов, проливающих свет на события в советском военно-политическом руководстве в 1919 г. Нельзя не отметить удачное сочетание автором документов РГВА и РГА-СПИ, составляющих основу этой работы, а также отдельных материалов Центрального архива общественно-политической истории Москвы и ГА РФ. Вместе с тем автор в своей работе не избежал целого ряда ошибок и передержек. На некоторые

²⁵⁰¹ В.И. Ленин. Известные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 294–295; *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. С. 456. Однако в другой своей работе Л.Д. Троцкий отнес данную записку к началу 1919 г., что не соответствует действительности: *Троцкий Л.* Сталин. М., 1990. Т. 2. С. 74.

²⁵⁰² Впрочем, ему на смену пришел сам Ф.Э. Дзержинский, который сблизился со Сталиным еще в начале 1919 г., в период расследования причин пермской катастрофы.

неточности и искажения фактов, имевшиеся в одной из предыдущих публикаций Войтикова²⁵⁰³, я уже пытался обратить внимание автора²⁵⁰⁴. Однако в его книге многочисленные ошибки не только повторены почти дословно, но и разбавлены новыми.

В чем принципиальные ошибки этой работы?

Во-первых, прямо-таки бросается в глаза стремление автора к глобализации доступных ему сведений, охвату всей военно-политической жизни Советской России в 1919 г., для чего у него объективно нет достаточных данных. Особенно присуща подобная гигантомания 6-й главе работы, посвященной военно-политическим итогам «дела» Полевого штаба. Нередко смелые суждения уводят автора в откровенное мифотворчество. С поразительной легкостью он пытается рассуждать о действиях и даже подоплеке тех или иных действий высшего советского политического руководства: В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, С.И. Гусева и др. Отметим, кстати, что деятельность таких фигур, как И.В. Сталин, Ф.Э. Дзержинский и М.С. Кедров, автором практически никак не освещена, во всяком случае, в сравнении с тем вниманием, какое уделено другим указанным выше партийным руководителям. Войтиков просто отмахнулся единственным и бездоказательным утверждением от анализа участия Сталина в «деле» Полевого штаба («к развязыванию следствия по делу Полевого штаба он никакого отношения не имеет»²⁵⁰⁵), хотя, на наш взгляд, в действиях Сталина все было отнюдь не так просто и однозначно. Между тем без комплексного рассмотрения всех аспектов борьбы в советском военно-политическом руководстве того периода понять, что же происходило на самом деле, невозможно.

Многие громкие утверждения автора остаются ничем не подкрепленными. Основную часть своей книги Войтиков начинает с банальности, цитируя М. фон Хагена об опоре советской политической системы на партию, бюрократический аппарат, карательные органы и армию²⁵⁰⁶. Далее автор акцентирует внимание на возможности установления Троцким военной диктатуры в период болезни Ленина и позднее, пишет о стремлении к этому у Троцкого²⁵⁰⁷. В дальнейшем автор всячески продвигает тезис о борьбе за власть в РККА между Лениным и Троцким, хотя Ленин к власти над армией никогда не стремился (ему вполне достаточно было лояльности высшего военного руководства). Апогей этого противостояния якобы пришелся на весну–лето 1919 г. Войтиков иногда даже прямо называет Ленина политическим противником Троцкого²⁵⁰⁸ и утверждает, что Ленин предполагал заменить Троцкого на посту председателя РВСР С.И. Гусевым. Между тем столь серьезные заявления нуждаются в серьезной доказательной базе, которой в книге нет. В качестве аргумента Войтиков приводит записку Ленина Троцкому с санкцией любых действий, трактуя ее как издевку²⁵⁰⁹. На это можно возразить

---

²⁵⁰³ *Войтиков С.С., Кикнадзе В.Г.* Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г.И. Теодори. 1918–1921 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 1. С. 30–36.

²⁵⁰⁴ *Ганин А.В.* Дело Г.И. Теодори. С. 32–37. Подробнее см. статью о Г.И. Теодори в настоящем издании.

²⁵⁰⁵ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 12.

²⁵⁰⁶ Там же. С. 19.

²⁵⁰⁷ Там же. С. 19, 21, 23, 29.

²⁵⁰⁸ Там же. С. 314.

²⁵⁰⁹ Там же. С. 184.

лишь, что Троцкий не был глупым человеком, и если бы эта записка Ленина не носила искреннего и дружеского характера, он едва ли стал бы акцентировать внимание читателей на ней в своих мемуарах. Не был глупым человеком и Ленин, прекрасно понимавший серьезное значение подобного документа. Ведь безотнositельно подоплека написания записки, она могла быть использована Троцким в своих интересах.

Вообще Войтиков нередко приписывает своим персонажам многие поступки и идеи, которые не были им присущи. В частности, отмечает, что командующего Балтийским флотом бывшего капитана 1-го ранга А.М. Щастного расстреляли, чтобы не дожидаться того времени, когда он захочет свергнуть большевиков²⁵¹⁰. Неясно только, откуда взялись данные о подобных намерениях Щастного, и не поясняется, была ли у него даже технически подобная возможность. Войтиков называет Щастного почему-то спасителем Черноморского флота, тогда как этот морской офицер известен спасением флота Балтийского. Не соответствует действительности утверждение о том, что Троцкий был обвинителем и судьей Щастного. Формально прокурором был Н.В. Крыленко, а Троцкий выступал как свидетель²⁵¹¹.

Требуют доказательств пассажи о кадровой политике Ленина в военном ведомстве. В частности, Войтиков считает, что Ленин намеренно назначал на высшие посты в военном ведомстве верных ему людей, не имевших отношения к армии или обвинявшихся в измене, а также недалеких²⁵¹². Если бы подобное утверждение соответствовало истине, большевики не только бы не создали в кратчайшие сроки мощнейшую армию, но и никогда бы не победили в Гражданской войне. Более того, Н.И. Подвойского, В.А. Антонова-Овсенко, Н.В. Крыленко и тем более Л.Д. Троцкого вряд ли можно отнести к деятелям «не семи пядей во лбу», как, видимо, думает Войтиков. Единственный, к кому подобный эпитет действительно может быть отнесен, — П.Е. Дыбенко. Нуждается в серьезной аргументации и утверждение о плохих отношениях между Троцким и И.И. Вацетисом²⁵¹³, поскольку по документальным материалам оно не прослеживается.

В оценках действий и тем более побуждений Троцкого вообще следует проявлять большую осторожность — слишком велик поток «разоблачительных» мемуаров и соответствующей литературы на этот счет, написанных в советский период, и, полагаясь на эти опубликованные свидетельства, легко прийти к серьезному искажению реального хода событий. Особенно сомнительны утверждения по данному вопросу одного из ключевых оппонентов Троцкого — Сталина. Едва ли обоснованно, опираясь на подобные материалы, к тому же датированные 1937 г., делать глубокие умозаключения относительно противостояния Троцкого с Лениным²⁵¹⁴. По мнению Войтикова, Ленин Троцкого «поставил на место» по итогам VIII съезда РКП(б). Между тем, по имеющимся данным, Ленин, наоборот, активно поддержал Троцкого на съезде в борьбе с оппозицией, хотя по ряду вопросов и шел на компромисс с оппозиционерами.

---

²⁵¹⁰ Там же. С. 21.

²⁵¹¹ Рабинович А. Досье Щастного: Троцкий и дело героя Балтийского флота // Отечественная история. 2001. № 1. С. 74–75.

²⁵¹² Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 22.

²⁵¹³ Там же. С. 79.

²⁵¹⁴ Там же. С. 32–33.

Такая же осторожность необходима и в отношении анализа действий других большевистских лидеров. Однако Войтиков этого принципа не придерживается и здесь же, в контексте рассмотрения борьбы в партийном руководстве, пишет, например, о том, что Я.М. Свердлов расстрелял до следствия Фанни Каплан, чем прозрачно намекает на стремление Свердлова ликвидировать Ленина и выйти на первое место в большевистской верхушке²⁵¹⁵. Далее Войтиков многозначительно пишет о посещении Лениным больного испанкой Свердлова незадолго до смерти последнего²⁵¹⁶. Автор в данном случае недоговаривает, но у читателя при такой логике складывается убеждение, что именно Ленин и довел Свердлова до смерти в отместку за покушение и вообще был жестоким и беспощадным даже с ближайшими соратниками. Опять-таки серьезных аргументов Войтиков не приводит, да и можно ли сейчас найти доказательства таким интригам. В данном случае Войтиков просто повторяет конспирологическую версию, которую еще десять лет назад выдвинул американский историк Ю.Г. Фельштинский²⁵¹⁷. Однако даже Фельштинский считал свою точку зрения лишь гипотезой.

Нельзя согласиться с мнением Войтикова, что открытие красного террора развязало руки комиссарам. На деле репрессии вплоть до смертной казни имели место и ранее. Не удалось Войтикову доказать и наличие шпионажа в Полевом штабе РВСР, хотя он и пытается утверждать обратное²⁵¹⁸. Странная история с подозревавшейся в шпионаже, спившейся и погрязшей в разврате машинисткой В.П. Троицкой и ее подругами из числа служащих штаба²⁵¹⁹ отнюдь не свидетельствует о наличии белой агентуры в самом сердце РККА — советской Ставке, тем более среди специалистов Генштаба, которые единственные и могли по достоинству оценить значимость тех или иных документов для противника.

Кстати, Троицкая никак не могла быть расстреляна ранее конца мая 1919 г., хотя Войтиков дважды утверждает, что ее якобы расстреляли уже к 12 марта²⁵²⁰ (дню ареста курсовика Г.И. Теодори). Но если бы ее расстреляли в марте, то в конце апреля 1919 г. она уже никак не могла отказаться от оговора Теодори, о чем написал он сам²⁵²¹. Расстрел Троицкой не мог предшествовать и разбору ее дела в мае 1919 г., в рамках которого был арестован и допрашивался как свидетель курсовик И.Д. Моденов²⁵²². Наконец, в случае ее расстрела в марте Троицкая не могла бы присутствовать на очной ставке с Моденовым, которая состоялась 15 мая²⁵²³. К сожалению, все эти факты почему-то оказались вне поля зрения автора книги, хотя с некоторыми документами, в которых они содержатся, он и был знаком. Войтиков пишет, что Особое отделение ВЧК в Серпухове было «карманной» контрразведкой комиссара Полевого штаба С.И. Аралова²⁵²⁴. Однако если бы это было так, оно вряд ли бы взялось за аресты ближайших подопечных Аралова, за

²⁵¹⁵ Там же. С. 33.

²⁵¹⁶ Там же. С. 34.

²⁵¹⁷ *Фельштинский Ю.Г.* Вожди в законе. М., 1999. С. 176–226.

²⁵¹⁸ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 77.

²⁵¹⁹ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Дело Г.И. Теодори. С. 36.

²⁵²⁰ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 77, 327.

²⁵²¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11об.

²⁵²² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 229об.–230.

²⁵²³ Там же. Л. 230 об.–231.

²⁵²⁴ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 164.

которых последний сам даже заступался. Очевидно, что развитие событий шло совсем по другой цепочке.

Нелогично утверждение Войтикова и о причинах ареста выпускника академии Н.Н. Доможирова — как первой жертвы по «делу» Полевого штаба. Войтиков связывает арест с его прежним нахождением под следствием²⁵²⁵, тогда как это произошло, прежде всего, в связи с восстанием в Кронштадте, которое было положено в основу дела о контрреволюционной организации Западного фронта (бывший начальник штаба — Н.Н. Доможиров). Деятельность этой организации чекисты, в свою очередь, связывали с организацией Полевого штаба (апробированная чекистами позднее во многих громких делах стандартная схема «периферия — центр»). Об этом докладывали руководители ВЧК Ф.Э. Дзержинский и И.П. Павлуновский²⁵²⁶.

Как уже отмечалось при разборе статьи А.А. Здановича, есть все основания сомневаться и в крамольных разговорах о перевороте, которые якобы неосторожно велись военспецами в Полевом штабе²⁵²⁷. В условиях постоянных необоснованных арестов это было бы просто самоубийственно для бывших офицеров. Не исключено, что показания арестованных были фальсифицированы, либо нужная для заказчиков дела информация выбивалась силовым методом. Доверять подобного рода свидетельствам нельзя.

Однако безоговорочно веря этим материалам, Войтиков доходит до рассуждений о конкретных планах военного переворота, которые могли разрабатываться в Полевом штабе. Между тем никаких других доказательств наличия подобных планов, кроме невнятных признательных показаний, нет. Более того, сам автор недоумевает, почему версии о перевороте и возможные связи с антибольшевистским подпольем сотрудников Полевого штаба никак чекистами не отрабатывались²⁵²⁸, а «дело» Полевого штаба не соотносилось со следующей крупной чекистской операцией — делом «Национального центра»²⁵²⁹. Ответ здесь очевиден — все «дело» Полевого штаба от начала и до конца было вымыслом, имевшим конкретные политические цели и вполне определенного заказчика. Единственно, что действительно важно в подобном случае — разобраться в подоплеке фабрикации дела и установить, кто именно из большевистских лидеров был заинтересован в смене высшего военного руководства. К сожалению, автор книги использовал лишь незначительное количество единиц хранения собственно из фонда Полевого штаба РВСР (РГВА. Ф. 6) и не смог обнаружить целый ряд важных документов, хранящихся там, уточняющих и даже опровергающих многие положения его работы.

Во-вторых, автор плохо представляет себе дореволюционную службу советских военных специалистов, поскольку в фондах РГВИА он не работал и опирается в отношении биографических данных своих героев исключительно на мате-

---

²⁵²⁵ Там же. С. 178.

²⁵²⁶ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа “Весна”, 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 29.

²⁵²⁷ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 177.

²⁵²⁸ Там же. С. 189.

²⁵²⁹ Там же. С. 191.

риалы Интернет-сайта «Русская армия в Великой войне», где нередко приводятся данные, весьма далекие от реальности. Крайне смутное представление имеется у Войтикова и непосредственно о службе офицеров Генерального штаба — как в старой армии, так и в РККА. Непонимание сути явления в целом ведет к ошибкам во многих частностях.

Так, следуя за крайне субъективными свидетельствами курсовика Г.И. Теодори, сделанными им в период тюремного заключения, Войтиков, на наш взгляд, необоснованно преувеличивает роль Теодори в создании РККА и приписывает этому военспецу целый ряд важных военных преобразований. Утверждение Войтикова, что в этих материалах могли содержаться «исключительно правдивые факты, т.к. при желании адресаты легко могли проверить полученные сведения»²⁵³⁰, представляется совершенно абсурдным. Как мне удалось установить, уже в 1920 г. было признано, что Теодори вместо изложения объективных фактов ранней истории РККА и своей деятельности в этот период в своих очерках и посланиях занимался самовосхвалением²⁵³¹. К сожалению, Войтиков не обратил никакого внимания на эти особенности источниковой базы, что привело его к неверным суждениям и выводам.

Фактически Теодори представлен в книге Войтикова как единственный создатель Полевого штаба РВСР²⁵³², что само по себе невероятно, особенно если учесть отсутствие у Теодори необходимого военно-административного опыта. К тому же в протоколах заседаний РВСР в 1918–1919 гг. этот военспец упомянут лишь четыре раза, что не идет ни в какое сравнение с частотой упоминаний таких людей, как И.И. Вацетис, Ф.В. Костяев, П.М. Майгур²⁵³³, которые действительно стояли у истоков Полевого штаба. Кроме того, Теодори приписаны некоторые идеи, которых он не высказывал: например, замысел создания Большого Генерального штаба²⁵³⁴. Здесь, по всей видимости, Войтиков приписал Теодори не его собственные мысли, а измышления чекистов, фабриковавших обвинение против работников Полевого штаба²⁵³⁵.

Войтиков многократно преувеличивает степень конфронтации старых генштабистов и выпускников ускоренных курсов. Безусловно, отношения между ними складывались непросто, но о какой-то всеобщей взаимной ненависти и ожесточенной борьбе²⁵³⁶ этих двух категорий военспецов РККА говорить не приходится. Тем более что между ними в советских условиях оказалось гораздо больше общего, чем различий. Во всяком случае, они были ближе друг к другу, чем к большевикам или чекистам. Кроме того, большевики не делили военспецов с высшим военным образованием на категории, а одинаково настороженно относились ко всем. Опровергают эти построения и документы, публикуемые самим Войтиковым, — например, показания курсовика Ю.И. Григорьева, который свидетельствовал, что связь военспецов с белыми должна была осуществляться как раз через старых генштабистов²⁵³⁷.

---

²⁵³⁰ Там же. С. 336.

²⁵³¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 19.

²⁵³² *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 64, 66.

²⁵³³ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997.

²⁵³⁴ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 58, 314.

²⁵³⁵ Там же. С. 218.

²⁵³⁶ Там же. С. 57, 61, 189, 282, 335.

²⁵³⁷ Там же. С. 216–217.

Некорректно утверждать, что группировка курсовиков была выращена в академии Генштаба якобы «с легкой руки А.Ф. Керенского»²⁵³⁸. Ускоренная подготовка в академии началась еще в конце 1916 г., в период правления императора Николая II, а курсы 2-й очереди, о которых, очевидно, идет речь, функционировали в период с февраля по май 1917 г. (младший класс) и с октября 1917 г. по март 1918 г. (старший класс). Возникает резонный вопрос, при чем тут А.Ф. Керенский, коль скоро подготовка слушателей 2-й очереди в период его пребывания у власти и в руководстве военным ведомством (май–октябрь 1917 г.) практически не велась?! К тому же восьмимесячный курс обучения никак нельзя назвать трехмесячным, как ошибочно утверждает Войтиков²⁵³⁹.

Автор не критически отнесся к исследованиям украинского историка Я.Ю. Тинченко²⁵⁴⁰, который не работал с материалами учета кадров Генштаба в РГВА, в результате чего приводит неизвестно откуда взятые данные об аресте летом 1919 г. в Советской России около 80 выпускников ускоренных курсов 2-й очереди, что совершенно не соответствует действительности. По нашим данным, документально известное к настоящему времени число арестованных из этой категории летом 1919 г. в четыре раза меньше²⁵⁴¹. Большевики просто не могли позволить себе такую роскошь на пике Гражданской войны и в условиях катастрофической нехватки кадров Генштаба. Разумеется, эти данные Войтиков вписывает в контекст до предела и совершенно необоснованно раздутого им мнимого противостояния старых и молодых генштабистов.

Ошибки в отношении кадров Генштаба носят в книге практически системный характер. Вот лишь те, что удалось заметить. Племянник главкома И.И. Вацетиса Э.И. Вацетис не был, вопреки заявлению Войтикова²⁵⁴², ни слушателем, ни выпускником академии Генштаба. Войтиков почему-то полагает, что фамилия «Хитрово» не встречается в списках Генштаба²⁵⁴³, и считает, что указание на соответствующую фамилию одного из предполагаемых участников контрреволюционных организаций является ошибочным написанием фамилии генштабиста В.В. Хрулева, хотя никаких оснований для подобного утверждения нет. Между тем среди выпускников академии было как минимум два офицера с такой фамилией, один из которых, бывший генерал В.М. Хитрово, был в сентябре 1919 г. арестован (возможно, именно о нем и идет речь в данном случае)²⁵⁴⁴, а курсовик (и, кстати, однокашник Теодори) бывший штабс-капитан К.С. Хитрово еще в декабре 1918 г. бежал на Украину, а позднее оказался в войсках А.И. Деникина²⁵⁴⁵. Неверно идентифицирует Войтиков и генштабиста Полякова, который, по мнению чекистов, возглавлял подпольную организацию в Петрограде²⁵⁴⁶. Речь идет не о Б.И. Полякове 1906 г. выпуска из академии, а о Б.П. Полякове выпуска

²⁵³⁸ Там же. С. 312.

²⁵³⁹ Там же. С. 338.

²⁵⁴⁰ Там же. С. 4, 299.

²⁵⁴¹ Данные обо всех арестованных выпускниках академии см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

²⁵⁴² *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 16.

²⁵⁴³ Там же. С. 180, 335.

²⁵⁴⁴ Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 114–115.

²⁵⁴⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 165.

²⁵⁴⁶ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 180, 335.

1911 г., причем первый вообще не служил в РККА. По неизвестным причинам автор не отнес к генштабистам бывшего Генштаба полковника В.К. Токаревского²⁵⁴⁷, ошибочно указал инициалы генштабиста В.И. Селивачева²⁵⁴⁸ и уж совсем комичным выглядит отнесение к генштабистам врача Н.А. Семашко²⁵⁴⁹.

На основании различных, как считает Войтиков, по времени дат выпуска из академии арестованных генштабистов (П.Ю. Анциферов, В.В. Далер, А.П. Медведев, В.Ф. Тарасов, Г.И. Теодори) автор книги делает спорный вывод о невозможности связи между ними²⁵⁵⁰. При этом Войтиков не обнаружил данных о курсовике П.Ю. Анциферове и не смог установить, что П.Ю. Анциферов, В.Ф. Тарасов и И.Д. Моденов вместе учились в академии. Эти факты разрушают его построение о невозможности знакомства этих военных специалистов.

По мнению Войтикова, Г.И. Теодори «занимал примерно 61 позицию» при выпуске²⁵⁵¹. По документам он действительно, а не примерно был шестьдесят первым, но отнюдь не при выпуске из академии, а лишь при окончании ее младшего курса²⁵⁵². Надо полагать, Войтикову безразлично: идет ли речь о младшем или же о старшем курсе. Оригинально и то, что Войтиков Николаевскую академию Генерального штаба образца мая 1917 и даже 1918 г. именует Императорской²⁵⁵³, хотя она уже давно не носила этого наименования. Еще оригинальнее утверждение, что курсовик Теодори окончил курс по 1-му разряду, но не попал на мраморную доску. Между тем выпускники ускоренных курсов, в отличие от выпускников довоенной академии, не делились на разряды (существовало лишь три категории свидетельств об окончании курсов), а их имена не заносились на мраморные доски. Пишет Войтиков и о том, что Теодори служил «старшим адъютантом в Генштабе»²⁵⁵⁴. На самом деле специалисты Генштаба замещали должности старших адъютантов штабов дивизий, корпусов, крепостей и т.д., должности же «старшего адъютанта в Генштабе» не существовало.

Грубой ошибкой является утверждение о причислении 27 июня 1918 г. «всех генштабистов ускоренного выпуска... к корпусу офицеров Генерального штаба»²⁵⁵⁵. Во-первых, не причислены, а переведены в Генштаб тогда были 133 слушателя старшего класса 2-й очереди из 165. Во-вторых, выпускники других очередей ускоренных курсов в этот день в Генштаб не переводились. В-третьих, корпуса офицеров Генштаба в РККА не существовало, как не было и самого понятия «офицер».

А чего стоит фраза о неких списках генштабистов, дежуривших по Полевому штабу, которые составил А.Г. Кавтарадзе и которые якобы позволили Войтикову узнать, кто из этих лиц был выпускником ускоренных курсов! Во-первых, Кав-

²⁵⁴⁷ Там же. С. 187.

²⁵⁴⁸ Там же. С. 190.

²⁵⁴⁹ Там же. С. 299. По всей видимости, речь идет о советском политрабатнике, а не о его тезке-враче, однако каких-либо пояснений на этот счет в книге нет. Ни врач Семашко, ни указанный деятель генштабистами не были.

²⁵⁵⁰ Там же. С. 164–166.

²⁵⁵¹ Там же. С. 56.

²⁵⁵² РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

²⁵⁵³ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 56, 338.

²⁵⁵⁴ Там же. С. 56.

²⁵⁵⁵ Там же. С. 59.

тарадзе не составлял таких списков. Видимо, Войтиков так именует неполный перечень военспецов-генштабистов, опубликованный в приложении к книге Кавтарадзе. Во-вторых, коль скоро Войтиков занимается изучением проблем Вооруженных сил, он должен понимать, что данные об окончании академии Генштаба должны содержаться в соответствующих учетных материалах. Однако поскольку основным источником знаний о служебном пути военспецов для Войтикова являются материалы сети Интернет, удивляться не приходится. На основе неполных данных Кавтарадзе Войтиков вычисляет процент курсовиков среди сотрудников Полевого штаба. Однако даже в коротком списке из 12 фамилий он умудрился упустить одного курсовика — Б.И. Кузнецова²⁵⁵⁶.

Логика часто подводит автора работы. К примеру, он развивает сюжет о том, что большевики якобы опасались курсовиков уже летом 1918 г.²⁵⁵⁷ Далее почему-то приводится пример с арестом генштабиста Ф.В. Костяева, который представлял отнюдь не ускоренные выпуски академии, а довоенный Генштаб.

Войтиков пишет, что однокашники Г.И. Теодори пытались его освободить через головы начальства²⁵⁵⁸, однако это не соответствует действительности. Санкцию на обращение в «сферы» ходатаи за Теодори как раз и получили от своего армейского начальства — главкома И.И. Вацетиса и начальника Полевого штаба Ф.В. Костяева. Об аресте Теодори был поставлен в известность и Троцкий, но, к сожалению, данными о его реакции я не располагаю.

Отдельные высказывания Войтикова прямо-таки удивительны. Например, тезис о том, что академия Генштаба РККА была «обычным местом опалы — в октябре 1918 г. туда «сослали» Теодори, годом позднее Костяева, в 1920 г., к примеру, В.И. Чапаева»²⁵⁵⁹. Я далек от того, чтобы считать Войтикова не знающим из школьных учебников, что Чапаев погиб в 1919 г. В академию же Василий Иванович попал не в 1920 г., когда его уже не было в живых, а в конце 1918 г. Можно, конечно, допустить, что этот текст оказался в книге лишь в результате поспешности и невнимательности ее автора. Однако здесь же содержатся оценки, которые нельзя свести к простым опечаткам. Так, перевод Чапаева в академию трактовался как опала лишь в давно устаревших и не соответствующих современному уровню разработки проблемы публикациях 1930-х гг., когда считалось, что в академию Чапаева отправили ставленники Троцкого из РВС 4-й армии, якобы стремившиеся в своих «враждебных» интересах устранить «легендарного начдива» от дивизии и убрать его с фронта. Надо ли говорить, что такая оценка совершенно не соответствует реальному развитию событий²⁵⁶⁰. К сожалению, неоднократное использование документов и трактовок периода борьбы с троцкизмом²⁵⁶¹ для подтверждения собственной позиции лишь уводит автора от подлинной истории. Также следует пояснить, что в октябре 1918 г. академия еще не открылась и «обычным местом опалы», например для Теодори, быть не могла, хотя он дей-

²⁵⁵⁶ Там же. С. 74–75.

²⁵⁵⁷ Там же. С. 60.

²⁵⁵⁸ Там же. С. 77.

²⁵⁵⁹ Там же. С. 306.

²⁵⁶⁰ Подробнее об академической истории Чапаева см.: *Ганин А.* Чапай в академии. Василий Иванович и высшее военное образование // *Родина*. 2008. № 4. С. 93–97. Материал публикуется в настоящем издании.

²⁵⁶¹ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 32–33, 306, 312.

ствительно был туда переведен. Добавлю, что Войтиков смешивает преподавателей академии и слушателя Чапаева, что представляется некорректным.

В-третьих, Войтиков нередко весьма вольно обращается с историческими фактами, а стиль его книги во многих случаях вообще неприемлем для научной литературы. Чего стоят выражения вроде: «3 января 1919 г. А.А. Антонов сделал оговорку по Фрейду»²⁵⁶², «Троцкого как следует пнули на заседании Политбюро»²⁵⁶³, «Троцкому удалось приручить Эфраима»²⁵⁶⁴ (о взаимоотношениях Троцкого с Э.М. Склянским), «И.Т. Смилга в интервью корреспонденту “Правды” включил шарманку»²⁵⁶⁵, «хитрый Эфраим»²⁵⁶⁶ (о Э.М. Склянском), Ленин «за что боролся, на то и напоролся»²⁵⁶⁷, Троцкий «прохлопал контру в собственном ведомстве»²⁵⁶⁸ и т.д. С настойчивостью, заслуживающей лучшего применения, автор дважды (!) на страницах книги предлагает читателям посмотреть американский фильм «Плутовство» / «Хвост виляет собакой»²⁵⁶⁹.

Немало передержек Войтиков допускает при попытке сравнения аппарата управления красных и белых. Во всем, что касается антибольшевистского лагеря, он основывается лишь на монографии известного исследователя истории антибольшевистского лагеря С.В. Карпенко о Белом движении на Юге России, причем сведения из этой работы Войтиков неверно интерпретирует. Например, со ссылкой на Карпенко он пишет, что, по мнению генерала А.И. Деникина, разложение корпуса К.К. Мамантова «стало решающим фактором поражения Белых на фронте»²⁵⁷⁰. Поскольку такое суждение кажется невероятным и для Деникина, и для Карпенко и противоречит историческим реалиям, я обратился к работе последнего. Оказалось, там речь идет отнюдь не о поражении белого Юга в целом, как следует из текста Войтикова, а лишь о конкретной неудаче рейда Мамантова²⁵⁷¹. Подобное неаккуратное обращение с литературой не свидетельствует в пользу Войтикова. Ничтоже сумняшеся Войтиков сравнивает Полевой штаб РВСР с Особым совещанием при А.И. Деникине²⁵⁷². Однако последнее, в отличие от Полевого штаба, являлось органом не военного, а гражданского управления и какие-либо параллели здесь совершенно несостоятельны, хотя для автора книги это не имеет значения. Неудивительно, что никакого сравнения не получается.

Наконец, рассуждения Войтикова о причинах поражения белых не только не соответствуют действительности, поскольку не соотнесены между собой по времени (действия К.К. Мамантова — август–сентябрь 1919 г., борьба с Махно — сентябрь–октябрь, наибольшие успехи Деникина и перелом в положении на фронте — октябрь), но даже отличаются крайним примитивизмом: «...противник упредил части Красной армии — начался сокрушительный рейд Мамантова;

---

²⁵⁶² Там же. С. 66.

²⁵⁶³ Там же. С. 163.

²⁵⁶⁴ Там же. С. 186.

²⁵⁶⁵ Там же. С. 244.

²⁵⁶⁶ Там же. С. 278.

²⁵⁶⁷ Там же. С. 301.

²⁵⁶⁸ Там же. С. 314.

²⁵⁶⁹ Там же. С. 53, 338.

²⁵⁷⁰ Там же. С. 304.

²⁵⁷¹ Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2003. С. 253.

²⁵⁷² Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 87.

если бы не действия Н.И. Махно, все бы закончилось для большевиков весьма печально»²⁵⁷³.

Кругозор не позволил Войтикову правильно опубликовать доклад С.И. Гусеву от 17 сентября 1919 г., в котором странной выглядит следующая фраза: «Мамонтов, Деникин, [Полуки] идут на общее соединение в районе Гомеля»²⁵⁷⁴. Простейшая логика говорит о том, что в этом контексте речь идет о поляках.

К слову сказать, это далеко не единичная ошибка при публикации документов. Разумеется, в работе любого исследователя могут иногда встречаться отдельные неточности. Но, к сожалению, документальные приложения работы Войтикова отличает в целом невысокий уровень подготовки и обработки. Для примера возьму документы, опубликованные в 5-й главе книги. Сверка опубликованных там шести документов с их оригиналами показала, что в пяти из них содержатся пропуски или произвольная замена отдельных слов и даже пропущены целые фразы. Один документ (записка Теодори Дзержинскому) опубликован с внушительными купюрами, произведенными непонятно по какому принципу. Текст одного из опубликованных документов вследствие неточностей стал просто абсурден. Речь идет о фразе из письма Н.П. Исаевой Э.М. Склянскому: «семья покойного брата, сражающегося в настоящий момент в рядах Красной армии на Южном фронте»²⁵⁷⁵. На самом деле в подлинном документе написано следующее: «семья покойного брата, которым необходима его поддержка, и младшего брата, сражающегося в настоящий момент в рядах Красной армии на Южном фронте»²⁵⁷⁶. В ходатайстве Е.Я. Доможировой на имя Склянского Войтиков умудрился пропустить упоминание об одном из лиц, которые могли засвидетельствовать добросовестную работу мужа просительницы Н.Н. Доможирова²⁵⁷⁷, — председателе ревтрибунала Денисове, указанном в документе вместе с должностью²⁵⁷⁸. Подобные пропуски и неточности серьезно снижают уровень доверия и к другим публикуемым в работе документам, требуя их сверки с оригиналами.

Удивительны критика Войтиковым нашей обзорной статьи о репрессиях в отношении бывших офицеров-генштабистов в Гражданскую войну и столь пристальное к ней внимание²⁵⁷⁹ (больше или столько же, сколько уделено Войтиковым обзором целых книг по изучаемой теме). Подобное внимание не объясняется простым стремлением автора книги к истине — ни по его крайней эмоциональности, ни по мизерному количеству высказанных замечаний. Оно, вероятнее всего, связано с простым неприятием автором того факта, что он далеко не единственный и не первый исследователь проблемы (в частности, мною впервые были введены в научный оборот некоторые документы, также цитируемые или публикуемые Войтиковым).

Опустим общий самоуверенно-развязный тон Войтикова, недопустимый в научных трудах (а он позиционирует свою книгу как научную монографию), и об-

---

²⁵⁷³ Там же. С. 245.

²⁵⁷⁴ Там же. С. 266.

²⁵⁷⁵ Там же. С. 288.

²⁵⁷⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 26об.

²⁵⁷⁷ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 285.

²⁵⁷⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 22.

²⁵⁷⁹ *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 11–12, 73, 317.

ратимся к конкретным замечаниям. Как выясняется, за потоком обширных цитат из нашего текста (а также периодического ерничанья в виде закавычивания слов «необоснованные репрессии», «анализ») действительно осмысленных замечаний практически нет. Единственный конкретный упрек в невладении историографией вопроса о кризисе ВЧК в конце 1918 – начале 1919 г. («А.В. Ганин... обнаруживает незнание даже имеющейся литературы»²⁵⁸⁰) выглядит совершенно не убедительно. Для усиления эффекта автор даже специально вынужден пояснить, что мне имеет смысл ознакомиться не с публикацией Д.С. Новоселова, которую я указываю в примечаниях к своему материалу, а с более ранней статьей этого автора на ту же тему. Допустить, что я могу быть знаком с этой работой, Войтиков, вероятно, не может. Кроме того, видимо, в знании этой статьи, по мнению Войтикова, и кроется полноценное знакомство с историографией проблемы. Сопоставление двух статей Д.С. Новоселова (его документальная публикация в «Военно-историческом журнале» содержит объемное предисловие, фактически носящее характер самостоятельной статьи) не свидетельствует о том, что эти два текста друг другу противоречат. Новоселов справедливо отмечает в обеих публикациях неподконтрольность ВЧК советскому руководству, кроме председателя СНК В.И. Ленина (в нашей статье приведены свидетельства того, что даже Ленин не всегда мог контролировать чекистов), самоуправство чекистов, серьезные кадровые проблемы, в результате которых в «органы» попадали откровенные уголовники, факты произвола чекистов и применения пыток²⁵⁸¹. Некоторые части двух публикаций совпадают практически дословно и никак не противоречат тем тезисам, которые приводятся в моей статье, в том числе и со ссылкой на эти материалы. Что же хотел сказать Войтиков, кроме как хоть чем-нибудь задеть другого исследователя?

При этом сам Войтиков отнюдь не спешит продемонстрировать свое «знание литературы»: в его книге (а не журнальной статье) нет ссылок ни на монографию И.С. Ратьковского²⁵⁸², ни на сборник документов «Обречены по рождению», имеющий прямое касательство к теме репрессий в РККА в этот период, ни на труды сотрудников Службы безопасности Украины, опубликовавших ряд до сих пор находящихся на закрытом хранении в России документов по репрессиям лета 1919 г. в отношении руководства РККА²⁵⁸³. Более того, историографический обзор книги Войтикова вообще лишь в самой слабой степени охватывает работы по истории органов госбезопасности и историографию репрессий в отношении комсостава РККА, не говоря уже об историографии большевистской партии и РККА, хотя книга, по сути, затрагивает все эти сюжеты, а анализ немногих учтенных публикаций нередко носит поверхностный характер. Например, Войтиков по мотивам статьи А.А. Здановича критикует книгу Н.С. Черушева «Военные заговоры в Советской России: действительные и мнимые»²⁵⁸⁴ и попадает впросак, поскольку на самом деле у Черушева *нет такой книги*. Это лишь название главы

---

²⁵⁸⁰ Там же. С. 11.

²⁵⁸¹ Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66–77; «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...». Проект Л.Б. Каменева о реформировании ВЧК и системы ревтрибуналов / Публ. Д.С. Новоселова // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 51–55.

²⁵⁸² Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006.

²⁵⁸³ З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18).

²⁵⁸⁴ Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 7.

из его работы «1937 год. Был ли заговор военных?»²⁵⁸⁵, вышедшей, между прочим, в той же серии, что и книга самого Войтикова. Возникает резонный вопрос: знаком ли с этой книгой Войтиков?

Войтиков уделил пристальное внимание нашей небольшой по объему статье, даже не удосужившись ее внимательно прочитать. Поэтому с каждым своим замечанием он оказывается в неловкой ситуации. В качестве еще одного замечания в наш адрес, видимо, следует понимать тот пассаж, в котором Войтиков разъясняет, что нельзя смешивать ВЧК и Петроградскую ЧК. Однако, во-первых, в нашем тексте никакого смешения нет, а во-вторых, Петроградская ЧК являлась структурным подразделением Всероссийской, так что к ней могут быть в полной мере отнесены и многие черты, присущие последней.

По мнению Войтикова, я не учел того, что Особый отдел в декабре 1918 г. существовал только на бумаге, а решение об освобождении генштабистов из-под ареста должен был проводить отдел военного контроля Регистрационного управления Полевого штаба РВСР²⁵⁸⁶. Обращение к моей статье вновь демонстрирует невнимательность Войтикова: у меня описывается обращение Ленина к председателю Петроградской ЧК с просьбой об освобождении арестованных, об Особом отделе касательно этой истории речь не идет. К тому же приведенный мною факт непосредственного обращения Ленина к руководству ПетроЧК никак не свидетельствует в пользу тезиса Войтикова о том, что дело с освобождением арестованных провалила такая инстанция, как Регистрационное управление. Неспособность же советского диктатора добиться от чекистов повиновения наглядно демонстрирует неподконтрольность последних в этот период²⁵⁸⁷. Следующее замечание, что я якобы «не нашел документов, показывающих, кто “напомнил” Петроградской ЧК о решении Совета Обороны», вообще смотрится нелепо. Возможно, Войтиков уже ознакомился со всеми интересующими его документами, однако процесс архивного поиска не имеет своего предела, в том числе и в рамках темы книги Войтикова. Во всяком случае, мне известен целый ряд документальных свидетельств по данному вопросу²⁵⁸⁸, с которыми Войтиков не знаком.

И наконец, хочу отметить последний пассаж Войтикова о моем тексте, содержащийся уже в примечаниях²⁵⁸⁹. Речь идет о введении двух большевистских представителей в контрольно-ревизионный отдел ВЧК для непосредственного надзора за расследованием дел бывших генштабистов, о чем я писал как о беспрецедентном событии, призванном *обуздать произвол* чекистов в отношении военспецов. Войтиков пишет, что эти факты являются... еще одним свидетельством *подконтрольности* ВЧК ленинскому Совету обороны. Войтиков как бы пытается спорить с приведенными мною данными о случаях неподчинения чекистов выс-

²⁵⁸⁵ Черушев Н.С. 1937 год. Был ли заговор военных? М., 2007. С. 39–69.

²⁵⁸⁶ Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 73.

²⁵⁸⁷ В отношении неподконтрольности чекистов наиболее красочный пример можно привести о представителях ведомства Дзержинского, работавших в Туркестане, которые, получив в конце 1918 г. мандаты за подписью В.И. Ленина и руководства ВЧК, «глумились над этими мандатами, называя их ничего не значащими бумажками, держали себя грубо, вызывая, угрожали вооруженной силой...» (В.И. Ленин и ВЧК. (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975. С. 127).

²⁵⁸⁸ См. материал «Новые документы по “делу” Полевого штаба РВСР» в настоящем издании.

²⁵⁸⁹ Войтиков С.С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. С. 317.

шим советским руководителям. Однако спорить с многократно документированными фактами — занятие малопродуктивное. Я нигде не писал об *абсолютной* неподконтрольности органов ВЧК, однако тот факт, что у большевистского руководства в 1918–1919 гг. регулярно возникали довольно серьезные проблемы во взаимодействии с чекистами, даже на нынешнем этапе изучения истории первых лет существования ВЧК является вполне очевидным.

Выводы автора книги представляются более чем спорными. Уже говорилось о многократном преувеличении Войтиковым целого ряда явлений, о его некритическом подходе к источникам и о незнании им важных моментов избранной темы. Все это не могло не сказаться на выводах работы. Во-первых, остаются недоказанными проходящие красной нитью через книгу Войтикова рассуждения об ожесточенной конфронтации между Лениным и Троцким в 1918–1919 гг. и стремлении последнего стать полновластным диктатором в Советской России. Во-вторых, не соответствует действительности заявленная Войтиковым степень конфронтации между старыми генштабистами и выпускниками ускоренных курсов академии Генштаба. В-третьих, нельзя считать закрытым вопрос о причинах арестов в Полевом штабе и их заказчике. Хотя бы потому, что Войтиков просто отмахнулся от роли Сталина в тех событиях, тогда как именно на него как на инициатора «дела» Полевого штаба намекал Троцкий. Без анализа участия в произошедшем всех заинтересованных лиц реконструировать подлинный ход событий невозможно.

Войтиков считает, что Ленин с помощью ВЧК навязал верхушке РККА свою стратегическую линию и нужных ему людей²⁵⁹⁰. Но не вполне понятно: о какой стратегической линии идет речь, поскольку и Троцкий, и Ленин, и Сталин были одинаково заинтересованы в победе над противником и целенаправленно работали для ее достижения. При этом «нужные» Ленину люди вовсе не давали гарантии проведения в жизнь в дальнейшем именно ленинских взглядов. К тому же сам Ленин в военные вопросы глубоко не вникал, а что касается разногласий, то уже вскоре Ленину пришлось вновь соглашаться с предложениями Троцкого, который в условиях Гражданской войны показал себя как подлинный вождь РККА, грамотный политик и стратег. Вызывает серьезные сомнения и вывод автора о росте авторитета ВЧК в результате фабрикации этого заговора²⁵⁹¹.

Большевистские вожди в этот период уже отлично понимали, что ВЧК является реальной и во многом самостоятельной силой в политической борьбе. Очевидной была необходимость держать чекистов под жестким контролем, иной подход грозил трудно прогнозируемыми последствиями. Не исключено, что последовавшее в августе отстранение склонного к самоуправству и ответственного за аресты военспецов М.С. Кедрова от руководства Особым отделом ВЧК и замена его Ф.Э. Дзержинским стали ответной уступкой Троцкому после удаления его ставленников из Полевого штаба. Поэтому в истории с «делом» Полевого штаба еще рано ставить точку.

---

²⁵⁹⁰ Там же. С. 312.

²⁵⁹¹ Там же. С. 313.

О книге В.В. Каминского*

«Увы, как бы ни хотелось автору увидеть в ответ на его работы действительно серьезную критическую статью, подлинно научную и беспристрастную по своему подходу, этому желанию пока что осуществиться не суждено!»

В.В. Каминский

Проблематика первых лет строительства Красной армии по-прежнему остается столь малоизученной, что, кажется, радуешься каждому новому исследованию. Однако уже сейчас понятно, что десятилетия забвения темы не могли не сказаться на уровне ее разработки и осмысления, и, к сожалению, обычным явлением наших дней стал выход работ, качество которых оставляет желать лучшего²⁵⁹².

Еще более печально то, что многие читатели, не являющиеся специалистами по теме выходящих работ (а иногда и профессиональные историки), не имеют возможности проверить приводимые в литературе данные и вынуждены всецело полагаться на добросовестность и профессионализм авторов того или иного наукообразного текста. В этом смысле долгом каждого специалиста является профессиональная экспертиза новинок научной литературы по своей тематике и написание рецензий, которые помогали бы читателям сориентироваться в том, что им предлагают на книжном рынке. Особенно это касается тех работ, которые претендуют на академичность, однако на самом деле лишь вводят читателей в заблуждение. Именно к таким работам относится книга израильского историка В.В. Каминского о выпускниках Николаевской академии Генерального штаба в Красной армии²⁵⁹³.

В аннотации работы автор пишет о предназначении книги для всех, «кому не безразлична судьба России и доблестного русского офицерства». Однако в самой работе русское офицерство унижается и поносится, изображается как исключительно корыстлюбивое и материально озабоченное. Поэтому понять, почему подобного рода работа должна вызвать интерес людей, небезразличных к истории русского офицерского корпуса, довольно затруднительно.

---

* Опубликовано в: Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2012. Т. 11. С. 514–536. Публикуется с дополнениями.

²⁵⁹² См., напр., мою предыдущую критическую рецензию по этой проблематике на работы А.А. Здановича и С.С. Войтикова: *Ганин А.В.* В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин: Новые исследования о «деле» Полевого штаба // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2010. Т. 9. С. 336–378. Рецензия публикуется в настоящем издании.

²⁵⁹³ *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. СПб., 2011. В рецензии рассматриваются лишь наиболее серьезные ошибки работы Каминского, из тех, что удалось заметить, тогда как полный разбор всех допущенных им ляпов требует написания многостраничного критического труда, что представляется непроизводительной тратой времени, которое целесообразнее использовать для новых научных поисков.

Более того, анализ всех опубликованных работ Каминского по тематике Генерального штаба позволяет прийти к заключению, что его публикации являются не только оскорбительными для памяти русского офицества, но и откровенно безграмотными, самым серьезным образом искажающими ход событий Гражданской войны и представления о ней наших современников. Основной проблемой этих произведений является практически полное отсутствие у их автора способности грамотно анализировать исторические источники, а также умения делать на основе этого анализа сколько-нибудь логичные, не противоречащие здравому смыслу выводы. Все эти проблемы преследуют автора от работы к работе.

Как указал сам автор, ему довелось только дважды поработать в архивах России — осенью 1997 и осенью 1999 гг.²⁵⁹⁴, что представляется явно недостаточным для того, чтобы претендовать на сколько-нибудь глубокую разработку той или иной темы. Сама же книга, если верить предисловию, была написана в 1996–2005 гг., но вышла только в 2011 г. В ее основу положена диссертация Каминского, защищенная еще ранее. Видимо, по этим причинам в работе отсутствует как таковая историография последнего десятилетия. Объективности ради, некоторое исключение Каминским было все же сделано... для его собственной статьи 2008 г.²⁵⁹⁵

Таким образом, с одной стороны, книга представляется в значительной степени устаревшей и не отражающей современного уровня разработки проблемы²⁵⁹⁶, с другой стороны, Каминский почти не эволюционировал как исследователь во взглядах и оценках с начала 2000-х гг. Между тем его работы того времени были мною подвергнуты жесткой критике²⁵⁹⁷, на которую Каминский не нашел никаких внятных возражений, если не считать таковыми навешивание ярлыков²⁵⁹⁸, что никоим образом не украшает его ни с профессиональной, ни с человеческой точки зрения.

В новой работе Каминский продолжает изображать себя жертвой распявшихся в современной России и пристрастных к честному историку «белых апологетов»²⁵⁹⁹, не дающих возможности развернуть его глубокому таланту в

---

²⁵⁹⁴ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 28.

²⁵⁹⁵ Там же. С. 41.

²⁵⁹⁶ В особенности после выхода моего справочника «Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы» (М., 2009), в котором, на основе впервые введенных в научный оборот архивных материалов России, Украины, Польши и Финляндии, представлены сведения практически обо всех (более 2700 персоналий) офицерах-генштабистах, служивших в армиях сторон Гражданской войны.

²⁵⁹⁷ Ганин А.В. О роли офицеров Генерального штаба в Гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111. Статья публикуется в настоящем издании.

²⁵⁹⁸ Аспирант МГУ А. Ганин — «один из характерных представителей современной белой апологетики», публикация которого — попытка «явно тенденциозной критики моих статей» (Каминский В.В. Сергей Алексеевич Кузнецов — «собираатель» «генштабистов» для Красной армии (весна–осень 1918 г.) // Проблемы новейшей истории России: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Г.Л. Соболева. СПб., 2005. С. 246). Далее в той же статье Каминский посчитал возможным воспользоваться неизвестными ему фактическими данными о расстреле героя его статьи и сослаться по этому вопросу на публикацию презренного аспиранта и «белого апологета». В отношении подпольной деятельности Кузнецова Каминский разрешил мне критиковать себя лишь после того, как я смогу отыскать материалы тайных заседаний военной организации «Национального центра», существование которых пока что науке неизвестно.

²⁵⁹⁹ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 18.

полную силу. В особенности автор жалуется на «молодого ученого, некоего г-на Ганина А.В.»²⁶⁰⁰. Посетовал он и на то, что еще не увидел в ответ на свои публикации серьезной критики (фраза, вынесенная в эпиграф рецензии; не соглашусь с этим и во второй раз добросовестно выполню пожелание Каминского). По мнению Каминского, «ярко выраженный тенденциозный “бело-апологетический” “подход” помешал г-ну Ганину не только написать сколько-нибудь основательную критическую статью. В угоду названному “подходу” Ганин показал практически полное пренебрежение архивными источниками (в его статье можно наблюдать поверхностное ознакомление с отдельными архивными документами), предпочитая весьма пристрастные “белые мемуары” и труды некоторых современных российских ученых, отличающихся склонностью к “белой апологетике”. Видно, г-н Ганин еще на университетской скамье не очень прилежно изучал источниковедение!/? Кстати, не заметно, чтобы Ганин, пытаясь критиковать авторские концепцию²⁶⁰¹, предложил взамен какой-то свой конструктивный подход. Приходится только удивляться, что по всей матушке Руси редакция столь солидного научного журнала не смогла найти ни одного российского историка, кто оказался бы в состоянии представить профессиональный, а значит — взвешенный и непредвзятый критический анализ авторских работ?»²⁶⁰²

Рассуждения о «бело-апологетическом» подходе представляются банальной попыткой уйти от ответов на серьезные критические замечания, вскрывающие незнание Каминским фактического материала и его неумение анализировать источники. Как с первым, так и со вторым у Каминского проблемы довольно серьезные. Начну с того, что за несколько месяцев архивной работы, пусть и целенаправленной, проблематику, заявленную в названии работы Каминского, раскрыть в принципе невозможно. Тем более что Каминский первый и последний раз работал с подлинными документами короткий промежуток времени более десятилетия назад. В то время совсем иным был уровень осмысления проблем Гражданской войны, не были опубликованы многие важнейшие сборники документов по теме, практически не существовало серьезных справочных изданий по персоналиям офицерского состава. К сожалению, весь этот «багаж» десятилетней давности вынесен на страницы работы, вышедшей в 2011 г.!

Даже название книги не соответствует рассматриваемой проблематике, так как автор смог охватить отнюдь не весь период службы выпускников Николаевской академии в Красной армии (они служили в Красной, а затем в Советской армии вплоть до второй половины XX в.), а лишь 1917–1919 гг., т.е. даже не всю Гражданскую войну. Подобные временные рамки в работах Каминского вообще выглядят странно. Однако ознакомление с содержанием работы показывает, что и этот короткий период исследован автором весьма условно.

Фактически работа затрагивает лишь службу генштабистов в Советской России в конце 1917–1918 гг., причем далеко не во всех, даже основных, аспектах. Вообще вне поля зрения автора оказались военспецы, служившие в армиях, на фронтах и в военных округах Севера и Северо-Запада Советской России, а о пе-

---

²⁶⁰⁰ Там же.

²⁶⁰¹ Так у Каминского.

²⁶⁰² Там же.

риоде 1919 г. автор книги судит во многом по материалам энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1987), периода же 1920 г., не говоря о дальнейшем, и вовсе не касается. Сама работа и по стилю и по содержанию в высшей степени сумбурна и неудобочитаема, поэтому даже специалист вынужден буквально продираться сквозь авторский текст. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые примеры удивительных «открытий» автора книги.

Представление о «творческой лаборатории» Каминского начинает составляться с самого первого предложения книги: «Уже более века отделяет нас от событий “русской смуты” начала XX столетия»²⁶⁰³. Это написано в начале 2000-х гг. о событиях Гражданской войны! В дальнейшем поток разного рода ляпов возрастает лавинообразно.

В предисловии Каминский огорошивает читателей заявлением, что «к концу 1917 г. русский офицерский корпус представлял собой достаточно пеструю смесь. Здесь были гвардейцы и “генштабисты”, пехотинцы и кавалеристы, артиллеристы и казаки, моряки и инженеры и даже — офицеры военного времени»²⁶⁰⁴. Т.е. вышеперечисленные к офицерам военного времени не относились! Весьма новаторская градация, свидетельствующая о степени погружения автора в изучаемый вопрос! Оказывается, «Поход на Москву» армий Деникина имел в качестве своего результата лишь «успехи местного значения»²⁶⁰⁵, а Восточный фронт Гражданской войны был более значимым, чем Южный, являвшийся, если верить Каминскому, лишь «вторым главным фронтом русской гражданской войны 1918–1920 гг.»²⁶⁰⁶. Хорошие «успехи местного значения» на втором фронте, поставившие под вопрос само существование Советской России!

Источниковая база работы показательна. Помимо недостаточного использования базовых документов РГВА, где Каминский изучил только небольшой и поверхностно охваченный комплекс документации некоторых высших органов военного управления, автор использовал документы РГАСПИ и в незначительной степени материалы ГА РФ и вовсе не использовал документы РГВИА. Не работал он ни с документами академии Генерального штаба РККА, ни, за исключением отдельных единиц хранения, с архивом старой Военной академии периода 1917–1919 гг., практически не знаком он с документами антибольшевистского лагеря и с массивом документов по репрессиям. Как следствие, основные умозаключения автора лишь весьма отдаленно соответствуют действительности.

К примеру, противоречит документам, свидетельствует о незнании документальной базы и неудовлетворительности анализа источников, проведенного Каминским, тезис о несостоятельности советского учета кадров Генерального штаба в 1918–1919 гг.²⁶⁰⁷ Столь же несостоятельны его заявления о добровольности поступления в РККА всех служивших в ней генштабистов²⁶⁰⁸ или даже только

---

²⁶⁰³ Там же. С. 7.

²⁶⁰⁴ Там же. С. 29.

²⁶⁰⁵ Там же. С. 391.

²⁶⁰⁶ Там же. С. 358.

²⁶⁰⁷ Там же. С. 85, 234. Детальный анализ практики учета кадров Генштаба всеми воюющими сторонами в Гражданскую войну см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 34–105.

²⁶⁰⁸ *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 260.

той их части, что пошла в новую армию с самого начала зимой–весной 1918 г.²⁶⁰⁹ Можно ли считать добровольным переход в новую армию офицера по инерции в составе штаба, в котором он привык служить с дореволюционных времен? Можно ли считать добровольным поступление в новую армию семейного офицера, оказавшегося на грани голода? Наконец, можно ли считать добровольной службу офицера, пошедшего в Красную армию исключительно для борьбы с внешним врагом, но затем принудительно отправленного на внутренний фронт? Думается, во всех случаях ответ будет отрицательным. Следовательно, говорить о повсеместной добровольности поступления в новую армию не приходится. И хотя факт службы специалистов Генштаба у большевиков до начала их регистрации неоспорим, за гранью критики находятся подсчеты Каминским учтенных большевиками в это время генштабистов²⁶¹⁰ — как мог вестись учет до начала учета, автор явно не задумывается.

Статистические выкладки Каминского относительно численности специалистов Генерального штаба в армиях сторон Гражданской войны вообще нельзя признать сколько-нибудь достоверными. Невладение фактическим материалом по теме работы и удивительное непонимание сути изучаемой проблемы привело Каминского к целому ряду «сенсационных» заявлений. Например, что к концу 1919 г. было расстреляно лишь 6 генштабистов из 61 арестованного²⁶¹¹. В действительности за период 1917–1919 гг. было расстреляно не менее 70 генштабистов, арестам подвергся 191 генштабист, включая 44 расстрелянных или умерших в заключении²⁶¹². Ошибка Каминского по расстрелянным превысила десять раз. По арестованным он заблуждается более чем в три раза. Основываясь на своих ошибочных данных, он делает неверный вывод о том, что для Л.Д. Троцкого пребывание генштабистов в РККА было предпочтительнее их содержания под стражей в ВЧК, и в этом вопросе победила точка зрения председателя РВСР²⁶¹³. Этот тезис был бы верен, если бы Троцкий мог контролировать ВЧК, однако реальная картина разделения властных полномочий в Советской России была совершенно иной.

Интересно соотнести масштабы репрессий против бывших офицеров вообще и генштабистов в частности, чтобы определить, отличалась ли политика большевиков в отношении последних «мягкостью», как полагает автор книги. Каминский утверждает, что по его подсчетам всего в 1918 г. было арестовано и расстреляно 28 875 офицеров²⁶¹⁴, а с ноября 1917 г. по апрель 1918 г. якобы было убито 6267 офицеров русской армии²⁶¹⁵. Точность подобных цифр и та самоуверенность, которая сопровождает их публикацию, вызывают лишь недоумение, а отсутствие указаний на способ подсчета и использованные источники заставляет подозревать, что эти данные попросту взяты «с потолка».

---

²⁶⁰⁹ Там же. С. 109.

²⁶¹⁰ Там же. С. 76.

²⁶¹¹ Там же. С. 187.

²⁶¹² Подробнее см.: *Ганин А.* «Товарищ Склянский — заступитесь...»: Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // *Родина*. 2009. № 1. С. 79. Статья с дополнениями публикуется в настоящем издании.

²⁶¹³ *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 187.

²⁶¹⁴ Там же. С. 174.

²⁶¹⁵ Там же. С. 71.

По Каминскому всего репрессировано было примерно 10% бывших офицеров, тогда как из специалистов Генштаба за период 1918–1919 гг. — 61 человек, или 8,7% находившихся на службе в РККА²⁶¹⁶. Далее автор заявляет: «При отмеченных выше весьма внушительных общих потерях от террора ЧК среди всего населения России вообще, а офицерства “добольшеви́стской” армии, в особенности, 61 репрессированный “специалист Генштаба” представляется весьма незначительной цифрой»²⁶¹⁷. Но, как уже было отмечено выше, показатели репрессий по Каминскому не имеют ничего общего с действительностью, так как реальное число репрессированных генштабистов за этот период в два с лишним раза выше.

Для корректности сопоставлений с репрессированными офицерами всех категорий, процент которых Каминский вывел из общей численности офицерского корпуса на 1917 г., процент репрессированных генштабистов тоже рассчитаем от общей их численности, а не от тех, кто служил в РККА, как сделал Каминский. За годы Гражданской войны из 2798 известных мне выпускников академии были, по моим подсчетам, расстреляны или умерли в заключении не менее 131 человека и порядка 245 прошли через аресты²⁶¹⁸. Таким образом, процент репрессированных генштабистов (13,4%) существенно выше приведенного Каминским предположительного процента по всей офицерской корпорации. Из этого можно было бы заключить, что генштабисты подвергались репрессиями отнюдь не реже прочих офицеров, а, возможно, даже значительно чаще. В 1918–1919 гг. репрессировано было 198 генштабистов, т.е. в три с лишним раза больше, чем известно Каминскому.

В свете приводимых нами данных выводы Каминского о том, что генштабисты якобы восстановили в Красной армии свой дореволюционный статус²⁶¹⁹, не могут восприниматься иначе как полнейшая нелепость. Реальное их место в советском обществе видно из простого факта, что в Советской России любого из них, от младшего штабного работника до главнокомандующего, можно было без суда и следствия отправить за решетку или расстрелять, что было немыслимо до революции.

Неверны рассуждения Каминского и о деталях репрессивной темы. Так, неверно его утверждение, что генштабисты якобы избежали «бесцеремонных массовых офицерских регистраций»²⁶²⁰. Достаточно отметить, что среди сотен учетных карточек бывших офицеров, зарегистрированных в Алексеевском военном училище в Москве (наиболее известной из тех самых массовых регистраций), мне встретилась карточка на бывшего Генштаба генерал-лейтенанта М.Н. Вахрушева²⁶²¹, причем, возможно, это не единичный случай.

Еще больше ляпов в кратком пассаже Каминского о «деле» Полевого штаба РВСР. Не ориентируясь в вопросе, Каминский утверждает, что кроме главкома

²⁶¹⁶ Там же. С. 178.

²⁶¹⁷ Там же.

²⁶¹⁸ *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 135. Пересчитано по новым архивным данным.

²⁶¹⁹ *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 423.

²⁶²⁰ Там же. С. 115.

²⁶²¹ Изображение учетной карточки, заведенной на Вахрушева при этой регистрации, опубликовано в качестве иллюстрации к моей статье: *Ганин А.В.* «Измена и предательство повлечет арест семьи...»: Заложничество семей военспецов — реальность или миф? // *Родина*. 2010. № 6. С. 71. Статья публикуется в настоящем издании.

И.И. Вацетиса из генштабистов тогда были арестованы только бывшие обер-офицеры²⁶²². В действительности среди арестованных значатся бывший начальник Полевого штаба, в прошлом Генштаба генерал-майор Ф.В. Костяев и помощник начальника оперативного отделения Полевого штаба, бывший Генштаба полковник В.К. Токаревский. Далеко не генштабовская молодежь. Аресты проводились отнюдь не московскими чекистами, как утверждает Каминский, а Особым отделом ВЧК. Кроме того, Вацетис не был освобожден из-под ареста «уже к августу 1919 г.»²⁶²³, а вышел на свободу только 13 октября. Фантазией следует считать и утверждение Каминского, что все генштабисты, арестованные по «делу» Полевого штаба, пробыли в заключении не более трех месяцев²⁶²⁴. На самом деле, основная масса была освобождена лишь по амнистии в ноябре 1919 г., т.е. после четырех месяцев ареста. Подобные нюансы сопровождают работу Каминского от начала и до конца.

Вне поля зрения Каминского оказались материалы органов местного военного управления, фронтов и военных округов, хотя попытка рассмотреть этот вопрос в книге предпринята. По признакам, понятным лишь одному автору, из этих органов рассмотрены только Южный и Восточный фронты, а также Северо-Кавказский, Орловский, Ярославский, Уральский и Приволжский округа. Куда подевались все прочие фронты и округа — неясно. В отношении войск завесы частично рассмотрены Северный и Западный участки, а также Московский район обороны.

Большую погрешность содержат выведенные Каминским общие показатели количества генштабистов в Красной и в антибольшевистских армиях. Так, он полагает, что в РККА служило только 703 военспеца-генштабиста (что составляет уже четвертый вариант его собственных расчетов), тогда как в действительности таковых было не менее 1538²⁶²⁵. Столько военспецов-генштабистов прошло через учет РККА за период 1918–1922 гг., а не за искусственно выбранный Каминским отрезок 1917–1919 гг. За период 1917–1919 гг. через учет кадров Генерального штаба в Советской России прошло не менее 1360 бывших офицеров. И здесь Каминский ошибся почти в два раза, пропустив... 657 человек.

По утверждению Каминского, в войсках адмирала А.В. Колчака насчитывалось лишь 289 генштабистов²⁶²⁶, тогда как на самом деле — не менее 630²⁶²⁷. Ошибка снова в два раза. В другом месте он утверждает, что 390 (по его предположению) генштабистов — служащих центрального военного аппарата Советской России в 1,3 раза превышали общее их количество в армиях генерала А.И. Деникина²⁶²⁸. Из этого нетрудно подсчитать, что, по мнению Каминского, у Деникина было только 300 генштабистов. Эту же цифру приводит и он сам, заявляя, что это якобы их максимальная численность²⁶²⁹. На самом деле через

---

²⁶²² Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 181.

²⁶²³ Там же.

²⁶²⁴ Там же.

²⁶²⁵ Подробнее см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 120–122.

²⁶²⁶ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 12, 340.

²⁶²⁷ Подробнее см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 125–126.

²⁶²⁸ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 223.

²⁶²⁹ Там же. С. 12.

белые армии Юга России прошло не менее 1012 выпускников академии²⁶³⁰. Каминский ошибается более чем в три раза, что неудивительно, так как строит он свои неумелые предположения лишь на известном справочнике Н.Н. Рутыча по высшему командному составу ВСЮР и опубликованных боевых расписаниях белых армий, которые даже не претендуют на полноту в анализируемом вопросе. Следовательно, он не только не владеет информацией по теме, но и не отдает себе отчета в том, какие материалы использует. Неудивительно, что выводы о скудности корпуса генштабистов антибольшевистских армий и количественном превосходстве большевиков над ним²⁶³¹ представляют собой грубую ошибку и не имеют ничего общего с историческими реалиями²⁶³².

²⁶³⁰ Подробнее см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 122–124.

²⁶³¹ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 12, 340.

²⁶³² Продолжением рассуждений Каминского о белых генштабистах стала столь же безграмотная статья: Каминский В.В. Почему «белые» проиграли Гражданскую войну? // Военно-исторический архив. 2011. № 10 (142). С. 108–133. Уже в названии нетрудно заметить неуклюжую попытку копирования сюжетов, которые разрабатываются в современной российской историографии (см. мои публикации: Ганин А.В. Враздробь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 63–74; Он же. «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны...»: Почему побеждала Красная армия? // Родина. 2011. № 2. С. 12–27; Почему проиграли белые?! Воззвание офицеров и солдат ижевцев и воткинцев о самовольном оставлении ими рядов армии. 1919 г. / Вступ. ст., публ. и примеч. А.В. Ганина // Белое дело. 2-й съезд представителей печатных и электронных изданий: Резолюция и мат. науч. конф. «Белое дело в гражданской войне в России, 1917–1922 гг.». М., 2005. С. 239–242). Но куда больше поражает почти дословное повторение Каминским благодарственных слов из моего справочника (Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 29) о влиянии на мои исследования общения с недавно ушедшим из жизни замечательным отечественным военным историком А.Г. Кавтарадзе (Каминский В.В. Почему «белые» проиграли Гражданскую войну? С. 127). При этом в своей книге, которую Каминский напечатал, еще не зная о выходе моего справочника, он ни словом не обмолвился о влиянии этого ученого на свои труды и благодарил кого угодно, но только не Кавтарадзе (Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 28–29). Оставим моральную сторону вопроса на совести Каминского, добавив лишь, что Александр Георгиевич Кавтарадзе участвовал в обсуждении моей первой статьи 2004 г. с критикой произведений Каминского. Что же пишет Каминский по существу вопроса? Из его статьи можно узнать, что, оказывается, кадровой политики Деникина и Колчака «мировая историография почти не касалась» (Каминский В.В. Почему «белые» проиграли Гражданскую войну? С. 127). Очевидно, Каминский имеет свои, отличные от реальных, представления о мировой историографии, в очередной раз пытаясь выдать желаемое за действительное и изобразить себя первооткрывателем (при том, что обладает весьма смутными представлениями по данному вопросу). Идея статьи Каминского не нова — ошибочная политика белых в отношении военспецов-перебежчиков. Эта мысль ранее многократно озвучивалась целым рядом исследователей, не исключая автора этих строк, в различных публикациях, однако Каминский, не владея материалом и логикой, свою аргументацию выстраивает, по большей части, как раз на примерах тех офицеров, которых белые отстраняли от активной работы обоснованно. Так, В.Г. Болдырев и Ф.Е. Махин были отстранены от военного управления по политическим причинам. Более того, последний был участником масштабного эсеровского заговора против атамана А.И. Дутова и адмирала А.В. Колчака, который в случае успеха мог привести к развалу и расколу всего антибольшевистского Восточного фронта, с большим трудом объединенного ранее (подробнее об этом см.: Ганин А.В. Адмирал А.В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противостояние в ноябре–декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. № 1 (8). С. 21–37; Он же. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 268–291). При всех неоспоримых достоинствах вышеуказанных офицеров проиграли белые не благодаря, а вопреки этим кадровым решениям. Каминский демонстрирует полнейшее невежество в отношении военно-политических процессов, проходивших на белом Востоке России. Некоторые из упоминаемых им офицеров долгое время не занимали высоких постов по личным субъективным причинам или в силу обстоятельств (А.П. Будберг, Н.Н. Головин, В.Е. Флуг), а вовсе не из-за абстрактного «непрагматизма» лидеров Белого движения. Не владеет Каминский информацией и о привлечении на службу на белом Восточном фронте слушателей и преподавателей академии Генерального штаба, поскольку сокрушается по поводу того, что личный состав академии не

В таких же отношениях с действительностью находятся подсчеты Каминского распределения выпускников ускоренных курсов академии²⁶³³, а следовательно, и важные выводы о качественном соотношении офицеров Красной и белых армий. Так, по его предположению, всего через ускоренные курсы 1–3-й очередей прошло 709 офицеров, из которых в РККА было 194 офицера (в другом месте он почему-то приводит и другую цифру — 174 офицера²⁶³⁴), а в белых армиях — 205, причем на Юге России единственным (!) курсовиком якобы был Е.Э. Месснер, тогда как остальные 204 были на Восточном антибольшевистском фронте. Других лагерей и фронтов для Каминского, очевидно, не существует, а еще 285 офицеров якобы остались «нейтральными» (на самом деле Каминский просто не знает, где они находились). Впрочем, автор признает, что его подсчеты «все-таки могут быть неполными, поскольку не удалось обнаружить более-менее заверченный список офицеров, закончивших ускоренные курсы АГШ I очереди»²⁶³⁵. В данном случае Каминский явно поскромничал, так как это далеко не единственное неизвестное.

Подсчеты Каминского представляют собой поучительный пример для беспристрастного историка. Они не то чтобы неполны — они вообще не относятся к области исторических фактов. А факты говорят о том, что через белые армии Юга России прошло не менее 210 курсовиков. И «все-таки неполные данные» Каминского оказываются приуменьшены ни много ни мало... в 210 раз! Аналогичные ошибки и по всем остальным показателям. Через белые армии Востока России прошло не менее 393 курсовиков, включая непосредственно подготовленных в академии на Востоке. Каминский ошибся примерно в два раза. Только 5 человек успели послужить и на Юге и на Востоке. Следовательно, в антибольшевистском лагере Юга и Востока находилось не менее 598 курсовиков. Через РККА прошло не менее 587 курсовиков, в том числе 308 служивших в белых армиях Востока и Юга.

привлекли «к интенсивному военному строительству, ее (академию. — А.Г.) отправили “путешествовать” дальше по городам Урала и Сибири» (*Каминский В.В.* Почему «белые» проиграли Гражданскую войну? С. 116). Как следствие, ничем не подкрепленный вывод о том, что «к офицерам Генштаба в лагере Колчака вообще относились подозрительно» (Там же. С. 117). В действительности же сразу после того, как академия оказалась у белых, практически все слушатели и многие преподаватели получили ответственные назначения по специальности. Не знает или не понимает Каминский и того принципиального факта, что в белом лагере, в особенности на Юге России, не было острой нехватки кадров Генштаба. Следовательно, не существовало настоятельной необходимости привлекать на службу каждого перебежчика, пусть даже и квалифицированного. Речь идет об азах изучаемой проблемы. Про неспособность Каминского прочитать элементарный текст источника уже писалось неоднократно. Однако и в новой статье он продолжает удивлять, к примеру, коверкая фамилию известного протопресвитера русской армии и флота Г. Шавельского, которого именует Щавельским (Там же. С. 126). Как и в других работах, Каминского не интересуют исторические факты — гораздо важнее штамповать очередные мифы о «непрагматизме» белых в отношении кадров Генштаба и подгонять факты под смехотворную схему о «сытных кормушках» и «местечках потеплее», которые якобы настойчиво искали для себя русские офицеры (Там же. С. 113, 118). После этого не приходится удивляться финальной части статьи Каминского: «Пользуясь случаем, автор обращается ко всем интересующимся историей российского офицерства конца 19 в. — первой трети 20 в. с просьбой оказать ему посильное материальное содействие для продолжения научных изысканий. Подробности по почте» (Там же. С. 127).

²⁶³³ *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 195.

²⁶³⁴ Там же. С. 13.

²⁶³⁵ Там же. С. 63.

Даже в доступных ему документах Каминский оказался неспособен произвести элементарный правильный подсчет. Так, например, в списке Всероглавштаба на 28 ноября 1918 г. значится 486 человек²⁶³⁶, тогда как Каминский умудрился насчитать 555 человек, гордо заявив, что якобы впервые вводит этот документ в научный оборот; в списке Всероглавштаба на 15 июля 1919 г. по нумерации значится 417 человек²⁶³⁷ (всего 418, так как двое учтены под одинаковыми номерами²⁶³⁸), однако Каминский насчитал 455²⁶³⁹. Как можно ошибиться с подсчетами в документах (к тому же содержащих нумерацию персоналий!) не на одного-двух, а на несколько десятков человек?! К сожалению, подобное обращение с источниками вполне характерно для Каминского.

Искажения фактов и неверные выводы встречаются не только в каждом разделе работы Каминского, но и практически на каждой странице, а мелкие ошибки и неточности буквально густой сыпью покрывают страницы его книги. Разберем, к примеру, раздел о переходах военспецов на сторону противника. Крайняя узость кругозора привела автора книги к тому, что военспецы-генштабисты оказались представлены как бы в безвоздушном пространстве, поскольку с документами по их службе в белых и национальных армиях он не работал. Такой подход к теме заведомо провален, ибо сотни генштабистов циркулировали на протяжении всей Гражданской войны из одного противоборствующего лагеря в другой. Рассмотрение лишь какой-то одной части их служебного пути неполноценно и вырвано из исторического контекста.

Как следствие, Каминский не в состоянии проследить перемещения офицеров-генштабистов, бежавших от красных. Он даже полагает, что перебежчиков-генштабистов из Красной армии было всего 74 человека²⁶⁴⁰. На самом же деле их было не менее 549 человек²⁶⁴¹. Как видим, исследователь в семь с лишним раз приуменьшил реальную цифру! Можно ли после вышеизложенного доверять его работе?

Неверные исходные данные с завидным постоянством приводят Каминского и к искаженным выводам. В том же разделе он пытается анализировать известные ему случаи измены военспецов. Что же он пишет? Так, по мнению Каминского, «совершенно случайно» академия Генштаба оказалась в антибольшевистском лагере²⁶⁴². Для доказательства своего постулата автор книги не гнушается прямой подтасовкой фактов.

Посмотрим, что же это была за «случайность». Как вспоминал преподававший в академии Генштаба генерал-майор М.А. Иностранцев, при эвакуации академии в Екатеринбург ее начальник Генштаба генерал-майор А.И. Андогский привез в ящиках с книгами оружие, в том числе 2 пулемета, была сделана попыт-

---

²⁶³⁶ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 55.

²⁶³⁷ Подробнее см.: Там же. С. 64.

²⁶³⁸ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 217.

²⁶³⁹ *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 91.

²⁶⁴⁰ Там же. С. 193.

²⁶⁴¹ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 120–122. С учетом новых материалов, обнаруженных после выхода справочника.

²⁶⁴² *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 194.

ка связаться с восставшими против большевиков чехословаками²⁶⁴³. Служащие академии также планировали осуществить операцию по спасению из-под ареста царской семьи, однако наличных сил для этого рискованного предприятия оказалось слишком мало.

Тот же Иностранцев позднее отмечал: «..комплектовать нашими учениками (т.е. академии Генштаба. — А.Г.) Красную армию мы совершенно не собирались и, в этом отношении, установили совершенно определенное решение»²⁶⁴⁴. Другой преподаватель академии, Генштаба полковник А.Т. Антонович, также оказавшийся летом 1918 г. с академией в Екатеринбурге, записал в своем дневнике, хранящемся в Государственном архиве Новосибирской области, о занятии Екатеринбурга белыми в июле 1918 г.: «Утро 25-го — новая эра. Загорелась заря; важно, чтобы она не погасла. Сравнительно безболезненно совершился переворот; свои позиции прежняя власть легко уступила новой, которая внесла в жизнь мир, тишину и спокойствие. Все граждане свободно и легко вздохнули. В день вступления освободителей обыватель, видимо, не верил своему счастью... Все слышанное взволновало меня, явилась надежда на лучшее будущее, рассеялся мрак, что-то появилось вдали, что манит к себе и говорит о возможности работать уже не бесцельно»²⁶⁴⁵.

Сам начальник академии генерал Андогский, по характеристике Г.Х. Эйхе — одного из видных участников Гражданской войны со стороны красных, был «смертельный враг советской власти... Из присланных Колчаку материалов вырисовывается омерзительное лицо предателя и вместе с тем врага в высшей степени умного и коварного. Занимая пост начальника советской Военной академии, Андогский уже в декабре 1917 г. направлял офицеров академии на Дон к Алексееву и другим с деньгами и секретными шпионскими сведениями. Восстание в Екатеринбурге и захват города были проведены по плану Андогского»²⁶⁴⁶. Его метод, как сказано в одном из присланных Колчаку документов-характеристик, “заключался в том, чтобы, добившись доверия комиссаров, взорвать их изнутри...”²⁶⁴⁷ Вряд ли подобные оценки свидетельствуют о лояльности преподавательского состава академии большевикам. То же самое можно отнести и к слушателям академии. К слову сказать, отряд слушателей академии под командованием подполковника К.Ю. Румши, вооружившись, 21 июля 1918 г. ушел из Екатеринбурга на соединение с чехами, подходившими к городу²⁶⁴⁸. Сам Андогский впоследствии вспоминал, что слушатели академии помогли чехословакам при взятии Екатеринбурга²⁶⁴⁹. В дальнейшем и слушатели и преподаватели академии успешно служили на штабных и командных должностях в белых формированиях Востока России²⁶⁵⁰.

²⁶⁴³ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 313.

²⁶⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 1в.

²⁶⁴⁵ Дневник генерала Антоновича // Голоса Сибири: Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 381, 384.

²⁶⁴⁶ С этим утверждением едва ли можно согласиться.

²⁶⁴⁷ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 362–363.

²⁶⁴⁸ Кручинин А.М. Падение красного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 67.

²⁶⁴⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 5. Л. 3об.

²⁶⁵⁰ Подробнее см.: Бушин А.Ю. Академия Генерального штаба в гражданской войне 1918–1922 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. науч. тр. Уссурийск, 2001. С. 169–173.

Все вышеизложенное никак не свидетельствует о «совершенной случайности» того, что академия оказалась у противников большевиков.

Достойны внимания рассуждения Каминского и о других случаях измены. Например, об измене командующего 9-й армией бывшего Генштаба полковника Н.Д. Всеволодова²⁶⁵¹. Не будучи знакомым с документами о вредительской деятельности Всеволодова в Красной армии и его измене, а также об обстоятельствах его службы в Советской России в конце 1918 – начале 1919 г., Каминский подгоняет его случай под свою «универсальную» схему службы военспецов в РККА по «социально-бытовым мотивам» и утверждает, что к белым Всеволодов перебежал ради карьеры, что является существенным упрощением реальной картины событий²⁶⁵².

Нельзя отрицать ту важную роль, какую сыграло материальное обеспечение военспецов РККА в Гражданскую войну для привлечения бывших офицеров в новую армию и для выживания их и членов их семей, однако сводить все многообразие мотивов поведения офицерства исключительно к материальным, как делает Каминский, крайне наивно. Свой «философский камень» он отыскал уже более десятилетия назад, и с тех пор навязчивая идея чрезмерной материальной или «социально-бытовой» озабоченности русских офицеров перетекает из одной работы Каминского в другую. В результате очевидное идеологическое противостояние Гражданской войны в его работах фактически полностью вытеснено корыстным интересом, приписываемым офицерам. Интересно понять, действительно ли Каминский столь наивен в своем понимании истории, чтобы выстраивать подобные теории, или же сознательно занимается фальсификацией истории с целью очернить офицеров русской армии либо «подтвердить» своей работой некую более общую зарубежную историческую концепцию.

В категоричной форме Каминский отвергает патриотическую мотивацию службы бывших офицеров у красных в период борьбы с германцами в начале 1918 г.²⁶⁵³ О каком патриотизме может идти речь, когда единственная мотивация офицерской службы, по Каминскому, — это карьера и деньги. Как тут не вспомнить аннотацию книги с поминанием «доблестного русского офицерства». В действительности, в начале 1918 г. на защиту страны от внешнего врага добровольно выступили тысячи офицеров, в том числе немало офицеров-генштабистов. К 1 марта 1918 г. в Петрограде 28 бывших генералов и полковников, занимавших в старой армии должности командиров полков и выше, изъявили желание участвовать в обороне города²⁶⁵⁴. В период немецкого наступления добровольно вступили в Красную армию в общей сложности более 8000 бывших офицеров²⁶⁵⁵. Такого количества командных кадров было достаточно для укомплектования 20 дивизий.

«Социально-бытовое» объяснение Каминский пытается давать и случаям переходов военспецов на сторону противника, причем в качестве стимула перехода

---

²⁶⁵¹ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 212–213.

²⁶⁵² Подробнее см.: Измена командарма Н.Д. Всеволодова / Публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 72–93; № 5. С. 71–91.

²⁶⁵³ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 22.

²⁶⁵⁴ Фрайман А.Л. Революционная защита Петрограда в феврале–марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 151.

²⁶⁵⁵ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. С. 70.

указывает не реальные, а лишь гипотетические более высокие должности и оклады в противоположном лагере.

Обращение к документам не оставляет камня на камне от подобного рода измышлений. Например, в конце сентября 1918 г. инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший Генштаба полковник И.Г. Пехливанов сбежал к белым²⁶⁵⁶. По своей должности в Красной армии он получал один из самых высоких должностных окладов в 1000 руб.²⁶⁵⁷ Оклад такого же размера получали лишь высшие должностные лица — управляющий делами Наркомата по военным делам Н.М. Потапов и начальник корпуса военных топографов А.И. Аузан. Выше был оклад только у военного руководителя района (1500 руб.). Оклад начальника дивизии составлял 900 руб., лица Генштаба, прикомандированные к Л.Д. Троцкому, получали 800 руб. Вопреки заявлениям Каминского о том, что переходы на сторону противника обусловлены поисками более высокого жалованья, солидный оклад вовсе не предотвратил бегство Пехливанова из РККА, в основе которого были не материальные, а семейные обстоятельства.

Еще один пример. Бывший Генштаба полковник А.В. Станиславский — крупный белый агент и в то же время один из создателей советской военной разведки и контрразведки. 22 сентября 1918 г. он подал рапорт об отставке по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам²⁶⁵⁸, затем выехал в командировку в район Брянска и перешел на украинскую территорию. Мне удалось установить, что буквально накануне, 21 сентября, Станиславский получил предписание отправиться в 3-ю армию Восточного фронта²⁶⁵⁹. Вполне возможно, между этими событиями существует прямая взаимосвязь. Подобные Станиславскому антибольшевистски настроенные офицеры, ориентировавшиеся на верность союзникам России по Первой мировой войне, стремились противостоять внешним врагам, но пытались по возможности избегать непосредственного участия в Гражданской войне или, как тогда говорили, службы на внутреннем фронте.

Каково же было материальное положение Станиславского накануне бегства? По выявленным мною документам, Станиславский получил жалованье по 1 октября 1918 г., причем был помимо этого удовлетворен двухмесячным окладом в размере 1600 руб. с последующим погашением в течение пяти месяцев путем равномерных вычетов из содержания²⁶⁶⁰. Получается, что он бежал, захватив с собой 2780 руб., из которых 1600 должен был возвратить.

Для идейных противников большевиков — белых подпольщиков в РККА максимальное ослабление большевиков, в том числе путем хищения у них крупных денежных средств, было проявлением доблести и, во всяком случае, казалось немалым успехом. При этом материальные вопросы для офицеров, подвергавших себя и своих близких (памятуя о декларированной большевиками угрозе залож-

---

²⁶⁵⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

²⁶⁵⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 349.

²⁶⁵⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 143.

²⁶⁵⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 49.

²⁶⁶⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 461.

ничества членов семей изменников²⁶⁶¹) смертельному риску, стояли явно не на первом месте.

У белых Станиславский осенью 1919 г. получал месячный оклад в 4000 руб., однако не приходится говорить о том, что офицер, вынужденный скрываться от красных в Киеве, неоднократно менять фамилию и, в конце концов, срочно бежать, бросив все, с одним только вещмешком²⁶⁶², перешел к белым из корысти. Про видного эсеровского подпольщика в рядах РККА бывшего Генштаба подполковника Ф.Е. Махина²⁶⁶³ Каминский прямо пишет, что тот был «“перебежчиком” от одной “кормушки” к другой»²⁶⁶⁴, что также не имеет никакого отношения к реальным событиям.

С документами о деятельности антибольшевистского подполья Каминский не знаком, поэтому «плавает» во всех вопросах, связанных и с этим сюжетом. Методика его работы проста: не смущаясь незнанием фактов, он повсеместно пишет о социально-бытовой мотивации действий военспецов. Совершенно не соответствуют действительности его рассуждения о невозможности связи военспецов с белыми через линию фронта уже с лета 1918 г.²⁶⁶⁵ Наглядным свидетельством вопиющего дилетантизма Каминского является то, что он не осведомлен даже об авторстве широко известного, опубликованного в томе 9 «Архива русской революции» отчета генерала В.Е. Флуга о секретной командировке в Сибирь, специально отмечая, что его автор пожелал остаться неизвестным²⁶⁶⁶. При этом несколькими строками ниже приводит далекое от реальности свидетельство, оставленное генералом А.П. Будбергом как раз о миссии Флуга, совершенно не соотнося его с вышенаписанным и не понимая, что речь идет об одном и том же.

Попытка Каминского доказать непричастность бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова к деятельности белого подполья поражает своим примитивизмом. По мнению Каминского, Стогов бежал к белым, так как не имел служебных перспектив в РККА и надеялся «в другом политическом лагере получить новые должности, а с ними и высокие денежные оклады»²⁶⁶⁷. При этом Каминский умалчивает о неоднократных арестах Стогова и о том, что даже бежать ему пришлось вовсе не со службы, а из-под ареста, в условиях которого бывший генерал, обвинявшийся в руководстве вооруженным подпольем в Москве, не просто не мог рассчитывать на получение новых должностей, но едва ли мог избежать расстрела. В случае Стогова речь шла не о мифических окладах у белых, а об очевидной попытке военспеца спастись. Но незадачливого автора мало интересуют факты, не вписывающиеся в его построения.

По логике Каминского, именно за деньгами с риском для жизни шел через линию фронта к белым и еще один видный деятель белого подполья — бывший

---

²⁶⁶¹ Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Измена и предательство повлечет арест семьи...».

²⁶⁶² РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

²⁶⁶³ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58.

²⁶⁶⁴ *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 209.

²⁶⁶⁵ Там же. С. 194.

²⁶⁶⁶ Там же. С. 41. Подробнее см.: *Ганин А.* Тайная миссия генерала Флуга. Как белый генерал обманул чекистов // Родина. 2007. № 12. С. 41–47. Статья публикуется в настоящем издании.

²⁶⁶⁷ *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 207.

Генштаба генерал-лейтенант А.П. Архангельский²⁶⁶⁸. Видимо, жажда наживы у русских офицеров была столь велика, что оказывалась сильнее здравого смысла и инстинкта самосохранения. Не говоря уже о том, что своих гипотетических окладов в лагере белых никто из перебежчиков знать не мог. Развивая логические построения Каминского, напрашивается вывод, что если бы большевики платили больше, тогда бывшие офицеры не бежали бы тысячами в лагерь противника, что, конечно же, совсем не так. Еще одна загвоздка — ни до, ни после Гражданской войны офицеры, прошедшие через императорскую армию, в армии противника тысячами не переходили. Вероятно, были довольны своим материальным положением!

Спланированное бегство военспеца через линию фронта в условиях беспощадного красного террора при всем возможном многообразии причин можно трактовать по-разному, но невозможно игнорировать тот факт, что это был решительный поступок, сопряженный со смертельным риском. Для огромного большинства людей такие ценности, как деньги и жизнь, далеко не равнозначны, а следовательно, должны быть более весомые причины совершения подобных поступков²⁶⁶⁹.

Для примера проанализирую качество работы автора в другой части книги, выбрав случайный разворот страниц 30–31. Здесь буквально ошибка на ошибке. А.М. Ионов был причислен к Генштабу, но Каминский уверен, что не был²⁶⁷⁰. А.И. Дутов, указанный Каминским среди непричисленных²⁶⁷¹, хотя и не был причислен к Генштабу до революции, однако в конце концов добился причисления весной 1919 г.²⁶⁷² Наличие в книге таких ляпов объяснимо, поскольку автор собственную безграмотность подкрепляет откровенно антинаучным детисчем В.В. Клавинга «Кто был кто в белой гвардии и военной контрреволюции»²⁶⁷³.

Б.М. Шапошников у Каминского на 30 сентября 1918 г. — помощник начальника Генштаба²⁶⁷⁴. Каминского не смущает даже то, что такого органа, как Генштаб, в Советской России тогда не было, а Борис Михайлович занимал в этот период совсем другие должности — был помощником начальника оперативного управления по разведывательной части штаба Высшего военного совета, а затем, с 4 сентября 1918 г., — начальником разведывательного отдела штаба Реввоенсовета Республики²⁶⁷⁵. Удивительно, что автор книги о генштабистах не знает про-

---

²⁶⁶⁸ Там же. С. 205.

²⁶⁶⁹ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание ширококомасштабной Гражданской войны и международной интервенции: Сб. мат. междунар. науч. конф. Архангельск, 2008. С. 160–171. Статья публикуется в настоящем издании.

²⁶⁷⁰ *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 31.

²⁶⁷¹ Там же.

²⁶⁷² Подробнее см.: *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. С. 394.

²⁶⁷³ Разбор работ Клавинга см.: *Бушин А.Ю., Зуев В.Н.* Доктор технических наук о гражданской войне // Россия и АТР (Владивосток). 1999. № 2 (24). С. 96–100; *Иванов И.Б.* Уж лучше бы не занимались... // Наши вести. Издание Союза чинов Русского корпуса (Санта-Роза, Калифорния). 1999. № 455 (2756). С. 22–23; *Кручинин А.М., Неуймин Н.Б.* Осторожно, Клавинг! // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). 2003. № 13. С. 117–118.

²⁶⁷⁴ *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 31, 649.

²⁶⁷⁵ Послужной список Шапошникова на 1920 г. (РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 30. Л. 3об.).

писных истин (к слову, Каминский утверждает, что Всероссийский главный штаб существовал уже на 12 апреля 1918 г.²⁶⁷⁶, хотя на самом деле был создан месяцем позже — 8 мая 1918 г.). Шапошникову вообще не повезло у Каминского, который проигнорировал его и многих других генштабистов членство в большевистской партии²⁶⁷⁷. Каминский всерьез полагает, что членами партии были за все время лишь 5 военспецов-генштабистов (по моим подсчетам, не менее 31 человека²⁶⁷⁸). Каминский вновь ошибается в шесть с лишним раз.

Генштабисты Н.З. Неймирок и Н.В. Ерарский никакого отношения к строительству украинских национальных сил, вопреки утверждению Каминского²⁶⁷⁹, не имели, а состояли в белом подполье на Украине. Неудивительно, что автор книги попал впросак, ведь в качестве источника по этому вопросу ссылается на украинскую большевистскую прессу, да еще в пересказе ведомственных историков КГБ брежневской поры.

Дилетантские умозрительные расчеты количества генштабистов в Северо-Западной армии Н.Н. Юденича (в том числе в некоем «окружном» штабе, хотя никаких военных округов на контролировавшемся Юденичем клочке территории России не было и в помине) и даже выстраивание абсурдных предположений о количестве имевшихся у Юденича дивизий (при том, что боевые расписания Северо-Западной армии давно опубликованы²⁶⁸⁰), утверждения о том, что Белое движение на Севере «серьезное оформление получило лишь к осени 1919 г.»²⁶⁸¹, вообще нельзя воспринимать без улыбки. Итого шесть грубых ошибок на один книжный разворот! Складывается впечатление, что автор книги имеет очень смутные представления об истории Гражданской войны в России.

Знакомство с книгой лишь подтверждает это. Так, Каминский затрудняется назвать точную дату гибели генерала Н.Н. Духонина и пишет о «20-х числах ноября 1917 г.»²⁶⁸² и даже о том, что это случилось 22 ноября²⁶⁸³, хотя дата гибели Духонина уже давно не является каким-то секретом, а эвристические возможности сети Интернет, если другие источники информации Каминскому недоступны, позволяют оперативно находить такого рода сведения. Духонин погиб в Могилеве 20 ноября 1917 г. Похожие затруднения возникли у Каминского и с точной датой перехода подполковника Ф.Е. Махина на сторону антибольшевистских сил — «не позднее середины июля 1918 г.»²⁶⁸⁴ (в действительности — 3 июля²⁶⁸⁵).

---

²⁶⁷⁶ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 234.

²⁶⁷⁷ Там же. С. 24.

²⁶⁷⁸ Подробнее см.: Ганин А. «Опасаясь, что меня, как бывшего царского офицера, будут считать “примазавшимся” к партии...»: Партийность бывших офицеров Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 59–62. Статья публикуется в настоящем издании.

²⁶⁷⁹ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 31.

²⁶⁸⁰ Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000. С. 125–127. Уточненный вариант см.: Гершельман А.С. В рядах Добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом. 1919 год. М., 1997. Ч. 1. С. 79–81. Всего в армии имелось пять дивизий и одна бригада, а отнюдь не «примерно» 8, как полагает Каминский.

²⁶⁸¹ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 29–30.

²⁶⁸² Там же. С. 223.

²⁶⁸³ Там же. С. 80.

²⁶⁸⁴ Там же. С. 218.

²⁶⁸⁵ Подробнее см.: Ганин А.В. Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина. С. 54.

Свою квалификацию автор в очередной раз ярко демонстрирует, пытаясь «умозрительно» определить год выпуска из академии Генштаба подполковника Б.А. Энгельгардта: «Срок окончания АГШ подполковником Б.А. Энгельгардтом в Списке Генштаба на 8 февраля 1917 г. не указан, однако есть основания полагать, что он закончил академию в период между 1909–1913 гг., поскольку именно на эти годы приходится все выпуски “подполковников”»²⁶⁸⁶. Наблюдение особенно «удачно» подходит к Энгельгардту, вернувшемуся на службу из отставки. Академию он окончил отнюдь не в отведенный ему Каминским период, а в 1903 г.

Неточности, незнание фактов и примитивные построения — еще не самая интересная составляющая «творческой лаборатории» Каминского. Отдельные персоналии вообще оказались им полностью выдуманы! Например, он «изобрел» некоего курсовика 1917 г. выпуска А.Л. Барановского²⁶⁸⁷, которого на самом деле не существовало. Очевидно, этого офицера Каминский просто придумал, спутав с В.Л. Барановским 1910 г. выпуска. Неудивительно, что сам Каминский недоумевает относительно того, кто же это такой²⁶⁸⁸.

А.И. Андогский с ноября 1917 г. и на лето 1918 г. был не полковником, как полагает написавший о нем ранее специальную биографическую статью Каминский²⁶⁸⁹, а генерал-майором. Совершенно неверно методологически и фактически считать Николаевскую академию и академию Генштаба РККА одним и тем же учреждением²⁶⁹⁰ и, тем более, суммировать их преподавательский состав. Казалось бы, для любого исследователя темы это прописная истина, но, конечно, не для Каминского. Является заблуждением и предположение о том, что генштабист В.А. Замбрицкий ушел к белым вместе с известным перебежчиком А.Л. Носовичем²⁶⁹¹.

Нескромным выглядит утверждение не работавшего с документами РГВИА Каминского о неубедительности одной из важных ссылок на материалы этого архива в работе замечательного отечественного военного историка А.Г. Кавтарадзе²⁶⁹², высочайшая квалификация и обширная эрудиция которого несопоставимы с тем, чем может похвастаться Каминский. По мнению Каминского, генштабисты «редко» страдали от солдатских бесчинств в 1917 г.²⁶⁹³. Это громкое заявление тоже неверно, так как по меньшей мере 11 выпускников и слушателей академии были убиты разбушевавшейся солдатской массой в 1917 г.²⁶⁹⁴, а количество раненых, испытывавших на себе побои, оскорбления и унижения не поддается подсчету. Также Каминский ошибочно полагает, что все должности в центральной системе военных сообщений Советской России исполняли генштабисты²⁶⁹⁵. Этому заявлению очень сильно удивился бы не кто иной, как сам начальник Центрального управления военных сообщений М.М. Аржанов, не имевший ни малейшего от-

²⁶⁸⁶ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 63.

²⁶⁸⁷ Там же. С. 105, 107.

²⁶⁸⁸ Там же. С. 107.

²⁶⁸⁹ Там же. С. 245, 263.

²⁶⁹⁰ Там же. С. 261.

²⁶⁹¹ Там же. С. 219.

²⁶⁹² Там же. С. 83.

²⁶⁹³ Там же. С. 61.

²⁶⁹⁴ Подробнее см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 795–804.

²⁶⁹⁵ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 258.

ношения к Генштабу. Аржанов был не единственным работником центрального аппарата службы, не обладавшим академическим образованием.

Не имеют большой ценности попытки анализа Каминским персонального состава генштабистов в штабах фронтов, армий, дивизий и округов путем простого перечисления этих военспецов на основе такого сомнительного источника, как энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР»²⁶⁹⁶ (к примеру, из 175 сносок 7-й главы о деятельности генштабистов на Южном фронте к этой энциклопедии отсылают не менее 63), с постоянным и бездоказательным воспроизведением мантры о том, что именно благодаря «заботливой опеке» этих специалистов и были достигнуты высокие результаты на том или ином фронте или в округе. Автор книги не только никак не поясняет, чем именно занимались военспецы, но даже не утруждает себя анализом конкретных результатов их деятельности. Между тем роль генштабистов в военном строительстве была многоплановой и неоднозначной.

Российскому читателю может и вовсе показаться дикостью то, что в некоторых разделах своей работы Каминский ссылается на толковый словарь русского языка для разъяснения таких банальных вещей, как «быт»²⁶⁹⁷, «изменник», «предатель»²⁶⁹⁸, «перебежчик»²⁶⁹⁹, «абсолютный», «приемлемый»²⁷⁰⁰. Впрочем, из некоторых цитированных пассажей можно заметить, что с русским языком у него такие же проблемы, как и с русской историей. К слову, Каминский не знает и точных наименований чинов русской армии. Например, употребляет «штаб-ротмистр»²⁷⁰¹ вместо «штабс-ротмистр».

Оформлять сноски Каминский тоже не умеет, почему в его книге повсеместно стоит ссылка «Там же», причем на абсолютно разные источники и исследования²⁷⁰². В результате разобраться с тем, на что же в действительности ссылается незадачливый автор, могут только специалисты, да и то не всегда. Показательны и используемые им публикации источников. Например, «Очерки Русской Смуты» генерала А.И. Деникина он цитирует по купированному советскому изданию 1990 г.²⁷⁰³, хотя в настоящее время общедоступны заслуживающие значительно большего доверия как полное современное переиздание, так и оцифрованная копия первого издания, вышедшего в эмиграции!

Справочная часть книги Каминского²⁷⁰⁴ особой ценности не представляет, при том, что ее составитель не владеет фактическим материалом и повсеместно допускает те или иные ошибки²⁷⁰⁵. Нелепо смотрятся заявления Каминского о вве-

---

²⁶⁹⁶ Там же. С. 318–332, 341–358, 378–383, 397–413.

²⁶⁹⁷ Там же. С. 29.

²⁶⁹⁸ Там же. С. 41.

²⁶⁹⁹ Там же. С. 218.

²⁷⁰⁰ Там же. С. 431–432.

²⁷⁰¹ Там же. С. 297.

²⁷⁰² Там же. С. 38, 95, 97, 169–171, 188–190, 192, 244–245, 273, 383, 385, 414–415, 417, 468, 661.

²⁷⁰³ Там же. С. 219.

²⁷⁰⁴ Там же. С. 433–661.

²⁷⁰⁵ Ляпы «справочной» части достойны отдельного упоминания. Мало того, что список Каминского изобилует огромными лакунами, выясняется, например, что в отношении И.Г. Пехливанова «факт “перехода” именно к “белым” не подтвержден» (Там же. С. 591), тогда как в действительности тот, бежав из РККА, оказался на службе во ВСЮР (подтверждение Каминский может отыскать в делопроизводственных

дении им впервые в научный оборот данных списка Генштаба РККА к 28 ноября 1918 г.²⁷⁰⁶ и списков выпускников ускоренных курсов академии²⁷⁰⁷, так как публикаций этих списков его работа не содержит (эти и многие другие списки впервые опубликованы и проанализированы в моем справочнике и более нигде не публиковались). Более ценным для широкого круга читателей может показаться приложение 3, в котором Каминским опубликованы выписки из регистрационных списков генштабистов за 1918 г.²⁷⁰⁸. Однако и эти документы уже были проанализированы в очерке, предваряющем основную часть моего справочника, хотя я и не стал публиковать пожелания генштабистов относительно мест их возможной службы и особенно их адреса, что лишь перегружает текст, не неся никакой смысловой нагрузки.

Зато в книге Каминского вполне ощутимо стремление подогнать факты под заранее заготовленную схему, предусматривающую отчасти видоизмененные, но в целом все те же тезисы Каминского десятилетней давности (чтобы избежать повтора, адресую читателей к своей статье 2004 г. с разбором прежних измышлений Каминского). Схему поверхностную и оскорбительную для памяти русского офицерства. Подобный подход вкупе с невладением автором фактическим материалом, внушительным перечнем ошибок и неточностей, элементарной безграмотностью, нелогичностью, неспособностью к простейшему анализу документов не позволяет считать его работу сколько-нибудь значимым шагом вперед в разработке проблемы. Пользоваться такой книгой следует крайне осторожно, перепроверя каждый факт. Более того, на наш взгляд, довольно нескромно со стороны автора было представить на суд читателей подобный «труд», да еще с указанием на «неудовлетворительность современной историографии» проблемы²⁷⁰⁹, которой Каминский, как выясняется, совершенно не знает и, наоборот, своей книгой лишь увеличивает количество неудовлетворительных, искажающих наши представления о прошлом и лишь мистифицирующих читателя работ. Как говорил император Александр I, «лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно».

документах ВСЮР и Русской армии, в том числе публикуемых в этом издании). Зачем-то указан казначей Всероглавштаба И.И. Либерский, никакого отношения к генштабистам не имевший (Там же. С. 555). В таких же отношениях с академией состоят некто Н.П. Гумберт (Там же. С. 506) и Р.Р. Карачан (Там же. С. 535). Генштабист У.И. Самсон фон Гиммельшерн, по Каминскому, оказался Самсон-Гиммельшерн (Там же. С. 606). Б.М. Шапошников, как и в основной части книги, на сентябрь 1918 г. — помощник начальника не существовавшего тогда Генштаба (Там же. С. 649). Один из самых известных генштабистов, выдающийся военный ученый, бывший Генштаба генерал-майор А.А. Свечин по неведомым причинам указан в чине генерал-лейтенанта, которого никогда не имел (Там же. С. 609). Дата снятия П.П. Сытина с поста командующего Южным фронтом, по Каминскому, 9/28 ноября 1918 г. (Там же. С. 629); к сожалению, не поясняется, что имел в виду под столь странной датировкой автор, при том, что обе даты не верны, а правильно — 13 ноября (подробнее см.: *Ганин А.* От редакции // *Родина.* 2011. № 2. С. 41). Читатели могут продолжать поиск ошибок самостоятельно, например, сопоставляя основанные на подлинных архивных документах данные нашего справочника с работой Каминского.

²⁷⁰⁶ Каминский В.В. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба. С. 85.

²⁷⁰⁷ Там же. С. 263.

²⁷⁰⁸ Там же. С. 662–695.

²⁷⁰⁹ Там же. С. 22.

От Корнилова до Врангеля*

Рецензия на монографию С.В. Карпенко

Два последних десятилетия развития отечественной историографии характеризуются колоссальным всплеском исследовательского и читательского интереса к тематике истории Белого движения. Тем не менее в общем потоке работ по этой теме по-настоящему фундированные труды, лишенные претензий на сенсационность, идеализации вождей Белой борьбы, написанные с позиций объективности и системности, составляют абсолютное меньшинство. Одной из таких работ является рецензируемая монография признанного специалиста по истории Гражданской войны на Юге России кандидата исторических наук, доцента РГГУ С.В. Карпенко²⁷¹⁰.

Книга Карпенко написана хорошим литературным языком, прекрасно издана и снабжена нетривиальным иллюстративным рядом, что, безусловно, улучшает восприятие работы читательской аудиторией. Сразу отмечу, что в книге используется принятый на белом Юге старый стиль летоисчисления, без указания датировок по новому стилю, что несколько затрудняет сопоставление событий в белом лагере, в Советской России и за рубежом. Впрочем, этот недостаток нельзя признать существенным.

Новизна книги состоит в том, что автор пытается анализировать не внешнюю, парадную сторону истории Белого дела на Юге России, с ее боевыми операциями, успехами и неудачами, а подноготную этого движения — его финансово-экономическую составляющую (как отмечает он сам, «состояние казны белых армий и правительств, источники их пополнения и статьи расходования, снабжение войск за счет внутренних хозяйственных ресурсов и заграничных поставок союзников по Антанте»²⁷¹¹), что до сих пор никто из исследователей комплексно проанализировать не пытался. Подлинным украшением работы стало привлечение неопубликованных документов из фондов ГА РФ и РГВА, однако и первая часть работы, которая написана почти исключительно на основе опубликованных воспоминаний участников Белого движения, не выглядит проигрышно, а воспринимается живо и с интересом.

---

* Рецензия готовится к печати в альманахе «Новый Часовой» (Санкт-Петербург).

²⁷¹⁰ Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009.

²⁷¹¹ Там же. С. 5.

Разумеется, построить целостную хронику финансово-экономической истории белого Юга невозможно без истории военно-политической, ибо Белое движение было прежде всего движением военным. Нельзя не заметить, что иногда повествование из «финансово-экономического» целиком становится «военно-политическим». Например, когда речь идет о событиях Первого Кубанского (Ледяного) похода или об объединении Добровольческой армии с Доном и Кубанью в конце 1918 – начале 1919 г. Но подобные авторские отступления не кажутся неуместными.

Как справедливо отмечает Карпенко, подлинным бичом Добровольческой армии с самого ее зарождения стали непомерная раздутость штабов, приоритетное внимание карьерным вопросам в ущерб делу, неспособность генералитета работать в новых непривычных условиях²⁷¹². Цифры говорят сами за себя — до четверти всего состава пятитысячной армии в январе 1918 г. составляли служащие штабов и тыловых учреждений²⁷¹³. До 50% первых добровольцев составляли обер-офицеры.

Отвечая на интереснейший вопрос, откуда Белое движение на Юге России брало деньги, автор прослеживает взаимодействие белых вождей с фигурами, которые обычно остаются в тени исследовательского внимания, однако в действительности сыграли важную и неоднозначную роль в судьбах России и Белого движения. Речь идет о так называемых «общественных деятелях». Это, казалось бы, заурядное словосочетание в контексте Гражданской войны имеет несколько отличный от общепринятого смысл и, можно сказать, стало нарицательным, поэтому взято нами в кавычки намеренно. Под этим определением часто подразумеваются крупные промышленники и предприниматели либерального лагеря, пытавшиеся активно вмешиваться в политическую жизнь России эпохи Первой мировой и Гражданской войн. Роль, значение и плачевные последствия подобного вмешательства уже стали предметом специального интереса некоторых исследователей²⁷¹⁴, однако все точки над *i* в этом вопросе еще далеко не расставлены. В Белом движении, несмотря на сложные взаимоотношения с его вождями, подобного рода деятели играли весьма важную роль, выступая в качестве официальных и неофициальных идеологов. В частности, речь идет о двух подпольных организациях — «Правом центре» и «Национальном центре».

Помимо весьма ограниченной помощи крупной буржуазии, еще одним источником финансирования для белых стали иностранные финансовые транши и помощь донского и кубанского Войсковых правительств. Однако и эти источники не отличались стабильностью денежных поступлений. Многие наблюдения автора по этому вопросу весьма интересны. Например, Карпенко подметил, что, несмотря на всю сложность взаимоотношений, в апреле 1918 г. кубанское правительство оплатило половину расходов Добровольческой армии²⁷¹⁵.

---

²⁷¹² Там же. С. 38–39.

²⁷¹³ Там же. С. 53.

²⁷¹⁴ См., напр.: *Айранетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.

²⁷¹⁵ *Карпенко С.В.* Белые генералы. С. 111.

Свою роль в финансировании белых играли и денежные средства российских дипломатических представителей за рубежом. Эти представители порой не забывали и о себе. Так, посол в Северо-Американских Соединенных Штатах Б.А. Бахметев перевел на свой личный банковский счет немалую часть денег, предоставленных России американским правительством в виде госзайма и банковских кредитов²⁷¹⁶. Средства расходовались им совершенно бесконтрольно, а недостаточность шедшего через посла финансирования вызывала недовольство главнокомандующего ВСЮР генерала А.И. Деникина и его окружения. При этом Бахметев обоснованно не считал необходимым подчиняться белому командованию, не признанному американскими властями. Автор работы ставит ему это в упрек, но в условиях равной нелегитимности сторон Гражданской войны в России посол несуществующей державы имел право на любое решение и мог не испытывать угрызений совести от того, «как гибнут добровольцы, идя в атаку без поддержки не имеющей снарядов артиллерии»²⁷¹⁷ — в конце концов, это был их личный выбор. Разумеется, действия Бахметева вряд ли способны вызвать восхищение, особенно с учетом того, что свое собственное жалование в разгар Гражданской войны посол повысил с 30 до 160 тысяч долларов за год, что считалось астрономической суммой. Как говорится, кому война, а кому — мать родна. На белом Юге было распространено убеждение, что на содержание дипломатических представительств тратится больше средств, чем требовалось бы для обеспечения всей Русской армии генерала П.Н. Врангеля зимним обмундированием²⁷¹⁸. Упреки участников Белого движения в адрес «закравшихся» и не поддержавших их в должном объеме послов можно понять, но не упреки в их адрес со стороны современных исследователей, которые воспринимаются как отступление от принципа научной объективности, даже если послы и «вознесли... себя выше тех, кто боролся против большевиков с оружием в руках в России»²⁷¹⁹.

Карпенко скрупулезно анализирует бюджет Добровольческой армии, размеры пайков и жалования, выдававшихся бойцам, и приходит к выводу о том, что финансовое положение армии не допускало ее развертывания в конце 1917 – начале 1918 г. в более крупную силу²⁷²⁰. Автор приводит и конкретные данные относительно размеров жалования офицеров. Так, например, в конце 1918 г. прапорщик получал 450 руб. жалования, а главнокомандующий — 3000 руб., в конце 1919 г. — 700 и 5000 руб. соответственно²⁷²¹. При этом даже 700-рублевый офицерский оклад едва превышал прожиточный минимум. Для сравнения, суточная норма продуктового потребления на человека в Екатеринодаре на 1 ноября 1919 г. оценивалась в 26,16 руб.²⁷²² В 1920 г. ситуация ничуть не улучшилась. В сентябре 1920 г. ежедневный кормовой оклад офицера составлял до 800 руб., тогда как простой обед из трех блюд стоил 5–10 тысяч руб.²⁷²³ С марта по октябрь 1920 г.

---

²⁷¹⁶ Там же. С. 260–261.

²⁷¹⁷ Там же. С. 264.

²⁷¹⁸ Там же. С. 368.

²⁷¹⁹ Там же. С. 408.

²⁷²⁰ Там же. С. 51.

²⁷²¹ Там же. С. 248–249.

²⁷²² Там же. С. 255.

²⁷²³ Там же. С. 391.

размер прожиточного минимума для семьи из трех человек в Крыму возрос более чем в 23 раза²⁷²⁴. Никакие оклады не поспевали за столь стремительным ростом цен.

Исследуя причины неудачи Белого движения, Карпенко не скрывает чудовищных упущений, имевших место в белом лагере. При явных симпатиях к белым, сопереживании их неудачам, он объективно и детально описывает плачевное хаотическое состояние белого тыла, разруху, проблемы со снабжением армии, финансовый кризис, неподготовленность и вопиющий непрофессионализм белой администрации, произвол, бюрократизм, волокиту, взяточничество и коррупцию должностных лиц, опасные для общего дела противоречия между белыми вождями, моральное разложение войск, массовое пьянство, грабежи и погромы. Обращает внимание автор и на отсутствие опоры белых на сколько-нибудь широкую социальную базу²⁷²⁵.

Эти стороны жизни белого Юга мастерски отображены автором и составляют, пожалуй, наиболее яркую и ценную часть книги. Как наяву перед читателем предстают отвратительные картины разложения бюрократического аппарата белого Юга, наводненного чиновничеством старой России, пользовавшегося целым арсеналом прежних административных методов²⁷²⁶. Уже в 1920 г. в центральном аппарате врангелевского Крыма служило более 5000 чиновников²⁷²⁷. Кроме того, в Северной Таврии при Врангеле служило 10–12 тысяч чиновников²⁷²⁸. Попытки решения проблемы раздутости бюрократического аппарата административными мерами результата не давали. Так, в апреле–мае 1920 г. Врангель издал приказы о расформировании более пятисот военных и гражданских учреждений, об отправке служащих на фронт, однако на месте расформированных возникали новые учреждения, в которых окапывались все те же тыловики, не желавшие идти на фронт²⁷²⁹.

Фронт также не отставал от тыла. Карпенко приводит данные о том, что летом 1919 г. штаб Кавказской армии генерала Врангеля требовал присылки довольствия на 80 000 человек в июле и на 110 000 человек в августе, тогда как боевой состав армии не превышал 15 000 человек²⁷³⁰. Если речь не идет о пресловутых «едоках» или небоевом составе армии, напрашивается вывод о том, что часть продуктов попросту разворовывалась. Немало вреда белым принес и конфликт фронта и тыла, под воздействием которого фронтовики считали допустимыми любые беззакония по отношению к тыловикам²⁷³¹.

Основные проблемы внутренней жизни белого лагеря рассматриваются автором в их динамике. Автор справедливо отмечает, что к осени 1918 г. 70% (к концу 1918 г. 80%²⁷³²) Добровольческой армии составляли уже кубанские казаки,

---

²⁷²⁴ Там же.

²⁷²⁵ Там же. С. 408.

²⁷²⁶ Там же. С. 213–214, 350.

²⁷²⁷ Там же. С. 348.

²⁷²⁸ Там же. С. 351.

²⁷²⁹ Там же. С. 349–350.

²⁷³⁰ Там же. С. 226.

²⁷³¹ Там же. С. 349.

²⁷³² Там же. С. 173.

а финансовое и продовольственное обеспечение войск Деникина осуществляли донские и кубанские власти, отношения с которыми по-прежнему складывались непросто²⁷³³.

Разумеется, в поле зрения автора попали и нетрадиционные способы снабжения армии (конечно, не только денежного), которые практиковались в связи с нехваткой средств. Среди них наиболее распространены были такие, как «самоснабжение» за счет гражданского населения и захват трофеев у противника, а также их последующий обмен на продовольствие через скупщиков. В результате в 1919 г. за полками передвигались огромные обозы с «обменным фондом» (иногда до 200 вагонов²⁷³⁴), а некоторые офицеры превратились в заправских коммерсантов²⁷³⁵. В этих условиях гораздо выгоднее было находиться в тылу, занимаясь различными махинациями, нежели на передовой, рискуя в любой момент погибнуть. Именно первый вариант выбирали буквально тысячи офицеров. В ряде случаев погоня за трофеями приводила даже к срыву боевых операций²⁷³⁶. В наибольшей степени этот упрек относится к оценке итогов знаменитого конного рейда генерала К.К. Мамантова по советским тылам.

«Самоснабжение» войск являлось фактическим грабежом населения прифронтной полосы. По мере приближения белых армий Юга России к Москве масштабы этого явления росли и приобретали массовый характер, что, естественно, вызывало озлобление гражданского населения, влекло разложение войск. Наказания были редки, процветали вседозволенность, шкурничество и пьянство.

Попытка генерала П.Н. Врангеля в 1920 г. радикально преобразовать фронт и тыл, укрепить дисциплину, наладить снабжение оказалась запоздалой. Никаких сил у Врангеля для противостояния многомиллионной Красной армии не было, а изолированный и переполненный беженцами Крым не был в состоянии обеспечить себя даже продовольствием и находился на грани массового голода²⁷³⁷. По оценке Карпенко, эффективность работы бюрократического аппарата белого Крыма в 1920 г. была ниже, чем аналогичный показатель у деникинской бюрократии в 1919 г.²⁷³⁸. Советская военная разведка также считала, что тыл Врангеля ко времени эвакуации прогнил не меньше, чем некогда тыл Деникина²⁷³⁹. При этом валютный фонд Врангеля позволял обеспечить снабжение одной только армии без учета гражданского населения лишь до января 1921 г.²⁷⁴⁰ Во врангелевской армии катастрофически не хватало бензина, керосина и масел, из-за чего нередко в период боев простаивали технические части. Автор приводит красноречивые данные — в 1920 г. белый Крым и Северная Таврия были обеспечены углем не более чем на 30%, а жидким топливом — только наполовину²⁷⁴¹.

---

²⁷³³ Там же. С. 159.

²⁷³⁴ Там же. С. 309.

²⁷³⁵ Там же. С. 298.

²⁷³⁶ Там же. С. 305–306.

²⁷³⁷ Там же. С. 337, 405.

²⁷³⁸ Там же. С. 353.

²⁷³⁹ Там же. С. 406.

²⁷⁴⁰ Там же. С. 369.

²⁷⁴¹ Там же. С. 382.

Большое внимание автор уделит знаменитому врангелевскому закону о земле. Карпенко отмечает, что этот закон сводил на нет сам себя, так как его первая статья закрепляла фактическое крестьянское землевладение, а последующие содержали многочисленные «изъятия» из этого принципа²⁷⁴². В условиях неустойчивости врангелевского режима, незначительности территории, контролировавшейся белыми, фактического отсутствия у них сколько-нибудь серьезной экономической базы, реализация такого закона не могла быть успешной, поэтому крестьянство заняло выжидательную позицию относительно исхода боевых операций²⁷⁴³.

Автор наглядно показывает безграмотность белых генералов в хозяйственно-экономических вопросах, их беспардонное и некомпетентное, шедшее во вред общему делу, вмешательство в те сферы, в которых они совершенно не разбирались²⁷⁴⁴. Карпенко подчеркивает приоритет бюрократических методов регулирования экономики, ставших краеугольным камнем экономической политики белого Юга. Отмечает автор и подтачивавшую единство антибольшевистского лагеря ожесточенную внутреннюю борьбу²⁷⁴⁵.

Самостоятельный и сложный вопрос — денежные эмиссии белых правительств Юга России. Этот вопрос также удостоился специального рассмотрения в книге. Карпенко детально исследует финансовую политику белого Юга, рассматривает вопрос использования советских денежных знаков. Анализируется автором и покупательная способность белых денег, равно как и проблема инфляции. Среди массы других фактических данных Карпенко приводит показательное сопоставление: в сентябре 1919 г. на территории, контролировавшейся ВСЮР, объем денежной массы в 75 раз превышал аналогичный показатель для всей предвоенной Российской империи²⁷⁴⁶.

Большой интерес представляет анализ автором поставок белым вооружения и военной техники со стороны Великобритании и Франции. Этот вопрос продолжает вызывать яростные споры исследователей по нескольким аспектам. Прежде всего, приводятся различные оценки объема поставок, их качества, а также ситуации с оплатой поставленных товаров белым командованием. Карпенко указывает на безвозмездность поставок со стороны англичан и неопределенность со стороны французов, фактически также приведшую к безвозмездным поставкам²⁷⁴⁷. При этом исследователь отмечает, что почти на три четверти поставленные Великобританией Деникину предметы снабжения состояли из неликвидной продукции²⁷⁴⁸. Общая сумма поставок на Юг России с 11 ноября 1918 г. по 31 июля 1919 г. составила 26,36 млн фунтов стерлингов.

В то же время далеко не со всеми выводами автора можно согласиться. В частности, в книге несколько преувеличено значение финансового вопроса в Белом движении. Так, представляется спорным вывод о том, что именно финансовый кризис и нейтралитет казачества предопределили неудачу для Добровольческой

---

²⁷⁴² Там же. С. 354.

²⁷⁴³ Там же. С. 358.

²⁷⁴⁴ Там же. С. 349, 369–370.

²⁷⁴⁵ Там же. С. 417.

²⁷⁴⁶ Там же. С. 240.

²⁷⁴⁷ Там же. С. 199.

²⁷⁴⁸ Там же. С. 204.

армии кампании 1917 – начала 1918 г.²⁷⁴⁹ Думается, определяющим было отсутствие массовой поддержки населения. К тому же при сопоставлении не приходится говорить об идеальном состоянии финансов Советской России. Точно так же преувеличивается автором значение финансового вопроса и в другие периоды истории Белой борьбы, в частности, в кампанию 1919 г. Все же не финансы стали главной причиной стремительного отступления белых армий Юга России осенью 1919 – зимой 1920 г.

Еще один спорный вывод касается возможности предотвратить экономический кризис белого лагеря посредством долгосрочных иностранных займов²⁷⁵⁰. Думается, это был экстенсивный путь выхода из кризиса, который сводился на нет неспособностью белого руководства к эффективному администрированию на подконтрольной территории. Более того, сам автор отмечает экономическую незакрепленность белой территории и неустройство тыла²⁷⁵¹.

Хотя военно-политические аспекты истории белого Юга не являются предметом самостоятельного исследования в рецензируемой монографии, с рядом утверждений автора из этой области согласиться нельзя. Например, едва ли справедливо утверждение о том, что победы белых в 1919 г. были лишь результатом «наступательной инерции»²⁷⁵². Подобная «инерция» не может быть растянута на полугодовой период, как было в кампанию 1919 г. Очевидно, требуется иное объяснение успехов Деникина.

В равной степени нельзя согласиться и с мыслью о нахождении армий Деникина летом 1919 г. в некоем «стратегическом тупике»²⁷⁵³. Наоборот, летние операции ВСЮР были отмечены впечатляющими стратегическими успехами — освобождением от красных Донской области, значительной части Украины и срывом тщательно готовившегося августовского наступления советского Южного фронта. Не стоит забывать и о том, что именно летом была подписана знаменитая «Московская директива» Деникина, т.е. открылась возможность для рывка на Москву. Можно по-разному оценивать этот документ, но он отнюдь не кажется проявлением «стратегического тупика».

Наконец, не выглядят убедительными некоторые из предложенных Карпенко гипотетических альтернатив для победы Белой России. Он предлагает три варианта альтернативного развития. Первый — переориентация на Германию в 1918 г. При этом сам же автор отмечает неспособность Германии как-либо помочь белым и жесткую ответную реакцию Антанты²⁷⁵⁴. Второй вариант — компромисс с казачьей демократией, что якобы могло привести к созданию прочной антибольшевистской государственности на казачьих землях и оборонительной стратегии по отношению к красным. Этот путь еще более тупиковый, ибо не учитывает каждодневного, крайне динамичного, по сути взрывного роста Красной армии и мощи Советской России в 1918–1920 гг., которая бы смела державшуюся пассивно «альтернативную государственность» еще раньше, чем это произошло в

---

²⁷⁴⁹ Там же. С. 415.

²⁷⁵⁰ Там же. С. 416.

²⁷⁵¹ Там же. С. 417.

²⁷⁵² Там же.

²⁷⁵³ Там же.

²⁷⁵⁴ Там же. С. 419.

реальности. Точно так же, как она смела державшиеся пассивно многочисленные национальные государственные образования на территории бывшей Российской империи. Лишь третий вариант представляется наиболее реалистичным — переход от неэффективного бюрократического регулирования экономики к централизованному управлению, жестким карательным мерам, ограничению свободы частного предпринимательства, свертыванию свободного денежного обращения и национализации частной собственности²⁷⁵⁵. Именно этот вариант был успешно реализован в Советской России, однако его осуществление в белом лагере было бы невозможно из-за отсутствия у белых людей новой формации — эффективных управленцев, способных действовать революционными методами в революционных условиях, отказавшись от архаичных приемов старого режима. Думается, признание этого метода альтернативным демонстрирует и не озвученный Карпенко вывод о явном превосходстве экономической модели «военного коммунизма» над экономической политикой белых для победы в Гражданской войне.

Работа «Белые генералы и красная смута» является значительным шагом вперед в изучении истории Белого движения. Монография дает ясное представление о неизбежности, несмотря на героизм рядовых добровольцев и многомиллионную помощь союзников, неудачи Белого движения на Юге России и основных причинах этого явления. Однако более соответственным авторскому замыслу было бы иное название книги — «Белые генералы и белая смута», ибо сравнение состояния красного и белого тыла приводит к неутешительным выводам в отношении последнего, тогда как красные все же сумели навести у себя элементарный порядок.

---

²⁷⁵⁵ Там же. С. 420.

Военная элита советско-польской войны 1919–1920 гг. в справочной литературе*

К настоящему времени биографика представителей военной элиты советско-польской войны 1919–1920 гг. нашла свое отражение в целом ряде разнообразных справочных изданий, вышедших в СССР, России, на Украине и в Польше. Издания эти различны по своей достоверности, степени детализации данных, используемым документам и могут производить внешнее впечатление того, что рассматриваемый вопрос уже досконально изучен, однако оно обусловлено лишь большим количеством такого рода изданий, но отнюдь не глубиной проработки материала. В этом очерке я попытаюсь представить обзор основных биографических справочников по данной проблеме.

Одним из первых и, вместе с тем, наиболее ценных и достоверных справочных изданий, содержащих биографии представителей военной элиты РККА, участвовавших в советско-польской войне, является «Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной армии». Поскольку основу военной элиты всех армий — участниц советско-польской войны составляли офицеры (в РККА — специалисты) Генерального штаба, это издание предоставляет достаточно подробную информацию о составе советской военной элиты. Фактически это не справочное издание, а делопроизводственный документ, подготовленный Штабом РККА для служебных нужд. Издание содержит сведения на 1 марта 1923 г. Список был составлен отделом по командному составу Штаба РККА. В списке указывались фамилия, имя, отчество, год рождения, последний чин в старой армии, занимаемая должность, а также основные посты того или иного лица в старой армии и в РККА за предшествующий период с указанием дат назначения или продолжительности пребывания в той или иной должности. Для выпускников Военной академии РККА указывались итоги окончания учебы.

Всего в этом издании указаны 698 человек. Среди них 284 офицера Генерального штаба, 92 слушателя и выпускника академии, окончивших два класса либо полный курс по 1-му и 2-му разрядам и не причисленных к Генштабу, 97 слушателей и выпускников ускоренных курсов 1916–1918 гг., 221 выпускник Военной

---

* Впервые опубликовано: Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов: Сб. ст. М., 2011. С. 223–232.

академии РККА (93 — выпуска 1921 г. и 128 — 1922 г.), а также четверо переведенных в Генштаб без окончания академии (А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, М.В. Фрунзе)²⁷⁵⁶. По некоторым данным, в список включены 93 генштабиста, вступивших в РККА после службы в белых или национальных армиях²⁷⁵⁷, т.е. либо те бывшие офицеры-генштабисты, которые попали в плен в ходе Гражданской войны и затем поступили на службу в РККА (например, генерал А.Г. Лигнау²⁷⁵⁸), либо офицеры, которые вернулись в начале 1920-х гг. из эмиграции, но в период гражданского противостояния еще состояли на службе в антибольшевистских армиях (например, генерал Я.А. Слащов²⁷⁵⁹).

Недостатком списка является отсутствие в нем данных о перечисленных персоналиях после 1923 г., а также некоторая неполнота данных, в частности, указание занимавшихся военспецами должностей со сведениями об их стаже в той или иной должности в годах и месяцах, но без конкретных дат. Например, пребывание М.Н. Тухачевского в должности командующего Кавказским фронтом, судя по списку, длилось два месяца. И если в отношении широко известных персоналий вроде упомянутого выше Тухачевского проблем с нахождением точных дат занятия той или иной должности не возникает, то с менее известными личностями дело обстоит гораздо сложнее. Тем более что сколько-нибудь подробные сведения о многих персоналиях из этого списка можно почерпнуть, помимо него, только в служебных документах этих лиц, хранящихся в архивах (РГВИА и РГВА), что существенно затрудняет нахождение необходимых данных.

К сожалению, советская политическая конъюнктура привела к тому, что в период 1930–1950-х гг. не только изучение военной элиты противников советской власти, но и аналогичные сюжеты в отношении руководства РККА оказались табуированы. Однако и после 1950-х гг. эти вопросы изучались весьма своеобразно: отрывочно, с многочисленными оговорками, купюрами и умолчаниями.

Именно по этим причинам следующее по времени значимое справочное издание по данной теме появилось в СССР лишь в конце 1970-х гг. Им стал четвертый том сборника документов «Директивы командования фронтов Красной армии», в который вошли как статистические и справочные данные о составе Красной армии, так и списки командиров, начальников штабов, членов РВС и комиссаров практически всех ее фронтов, армий и дивизий с указанием дат пребывания их в тех или иных должностях²⁷⁶⁰. К сожалению, из-за большого объема информации часть опубликованных данных оказалась неточной, а представленная информация о каждом конкретном человеке была очень краткой.

Справочный том сборника документов был использован при подготовке основного советского справочника по периоду Гражданской войны — энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», вышедшей двумя изданиями

---

²⁷⁵⁶ Подсчитано по: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1-му марта 1923 года. М., 1923.

²⁷⁵⁷ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 110.

²⁷⁵⁸ Зуев В.Н. Генерал А.Г. Лигнау: страницы жизни // История белой Сибири: Тезисы 3-й науч. конф. Кемерово, 1999. С. 61–64.

²⁷⁵⁹ Кавтарадзе А.Г. Предисловие // Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 21–22.

²⁷⁶⁰ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). М., 1978. Т. 4.

ми в 1980-е гг. (1983 и 1987)²⁷⁶¹. Вполне естественно часть ошибок и неточностей «по наследству» попала и в энциклопедию. В этой энциклопедии представлены списочные сведения обо всех командующих советскими фронтами, армиями, дивизиями, принимавшими участие в войне с Польшей. Также опубликованы списки начальников штабов и членов РВС. Однако персональных биографических статей удостоились лишь некоторые, наиболее видные представители командного состава РККА, причем далеко не все, кого можно было бы отнести к военной элите советско-польской войны. Выборка была нерепрезентативной и обусловленной исключительно соображениями соответствия той или иной биографии идеологическим установкам периода составления энциклопедии. Достаточно отметить, что энциклопедия не содержала даже специальной статьи о председателе РВСР и создателе Красной армии Л.Д. Троцком, отсутствие которой частично компенсировала ругательная статья «Троцкисты». Впрочем, Троцкий был скорее политиком, хотя в этот период вполне может быть отнесен и к представителям советской военной элиты. Отсутствуют в энциклопедии персональные статьи о начальниках штаба Западного фронта Н.Н. Доможирове, А.М. Перемытове и Н.Н. Шварце, тогда как статьи о занимавших ту же должность В.С. Лазаревиче, Н.Н. Петине и Н.В. Соллогубе имеются. На уровне армий пропусков существенно больше. Так, отсутствуют статьи о командармах А.С. Белом (3-я армия), А.Д. Шуваеве (4-я армия), П.К. Мармузове (14-я армия), Б.Л. Негродове (15-я армия). Отсутствие статей о начальниках армейских штабов является общим местом. Сведения о бывших офицерах-военспецах не всегда точны, содержат немало пропусков и ошибок, часть из которых обусловлена цензурными ограничениями, хотя, казалось бы, второе издание энциклопедии вышло в самый разгар перестройки. Так, например, вообще не упоминалось о репрессиях 1930-х гг., в том числе и в биографических статьях о репрессированных (не исключая даже тех, о ком эти данные были давно известны, как, например, о М.Н. Тухачевском). Сведения о польско-украинском командовании в энциклопедии практически отсутствуют.

Украинским аналогом энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» стал справочник «Великий Октябрь и Гражданская война на Украине», в котором особое внимание было уделено украинским советским военно-политическим деятелям²⁷⁶².

В постсоветский период в странах Восточной Европы начался настоящий бум изучения и переосмысления национальной военной истории, в особенности тех ее сюжетов, которые прежде исследовать не разрешалось. Увидели свет справочные издания, посвященные военной элите противников Советской России. Некоторые работы содержат детальные жизнеописания генералов и офицеров, в основе которых служебные документы из архивов России, Украины и Польши.

Польские исследователи выпустили уже несколько справочных работ о командном составе польской армии межвоенного периода, в том числе несколько справочников, непосредственно посвященных войне между Советской Россией и Польшей. Именно с них я и начну обзор польской литературы.

---

²⁷⁶¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987.

²⁷⁶² Великий Жовтень і Громадянська війна на Україні: Енциклопедичний довідник. К., 1987.

В 1993 г. в Белостоке вышел справочник польского исследователя А. Сухчица «Генералы польско-советской войны 1919–1920 гг.»²⁷⁶³. Сам автор в качестве подзаголовка указал, что это малый биографический словарь. И действительно, издание представляет собой небольшую по объему брошюру. Свою работу автор начинает восторженными заявлениями о том, что советско-польская война — одна из немногих войн в истории Польши, выигранных поляками. По мнению автора, победа была одержана за счет выдающегося искусства польского командования, о представителях которого говорится в издании²⁷⁶⁴. Удивительно, что автор не обратил внимания на единство происхождения немалой части польской и советской военных элит, имевших одним из своих источников комплектования офицерский корпус Русской императорской армии. С этой точки зрения едва ли одни бывшие русские офицеры, воевавшие на польской стороне, отличались подготовкой и способностями от других бывших русских офицеров, находившихся в Красной армии.

В основе издания — архивные материалы Института Ю. Пилсудского, Польского института и Музея им. генерала Сикорского, а также Польской библиотеки в Лондоне. В справочник включены биографии командного состава польской армии, РККА, армий Латвии, Украины, даже французской и британской армий. Некоторые статьи сопровождаются фотографиями. Особое внимание в биографических статьях, вполне естественно, уделено периоду советско-польской войны. Однако справочник целесообразно использовать лишь в отношении биографий командного состава польской армии. К сожалению, биографии комсостава РККА, вошедшие в справочник, не отличаются глубокой детализацией. В отношении некоторых персоналий, в том числе достаточно известных, как, например, командующий Мозырской группой войск Т.С. Хвесин, автор затруднился даже назвать полное имя-отчество. Некоторые биографические статьи не содержат дат жизни персоналий, например, статья об украинском генерале А.И. Удовиченко²⁷⁶⁵. Есть в справочнике и явные ошибки. Так, командующим 4-й советской армией назван бывший генерал Д.С. Шуваев, которому посвящена специальная статья, тогда как на самом деле этой армией командовал его сын А.Д. Шуваев²⁷⁶⁶. Бывшему советскому главкому И.И. Вацетису вообще «повезло», так как автор справочника, непонятно на чем основываясь, утверждает, что тот после отставки с поста главкома якобы обвинялся в измене и интригах против председателя РВСР Троцкого²⁷⁶⁷. Нельзя не отметить и неточность воспроизведения польским автором командных и особенно штабных должностей Красной армии. Думается, некритическое восприятие подобных материалов может привести исследователей к серьезным ошибкам.

В 2004 г. в Варшаве вышел солидный справочный том Я. Одземковского под названием «Словарь польско-российской войны 1919–1920»²⁷⁶⁸. Это издание

---

²⁷⁶³ *Suchcitz A.* Generałowie wojny polsko-sowieckiej 1919–1920: Mały słownik biograficzny. Białystok, 1993.

²⁷⁶⁴ *Ibid.* S. 3.

²⁷⁶⁵ *Ibid.* S. 85.

²⁷⁶⁶ *Ibid.* S. 79.

²⁷⁶⁷ *Ibid.* S. 86.

²⁷⁶⁸ *Odziemkowski J.* Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920. Warszawa, 2004.

содержит как биографические, так и проблемные статьи по истории советско-польской войны, в частности, посвященные отдельным операциям, воинским частям и соединениям. Книга прекрасно издана и богато иллюстрирована, снабжена множеством схем, отражающих ход боевых действий. К сожалению, в нее перекочевали некоторые ошибки из работы Сухчица, например, относительно Д.С. Шуваева. Некоторые статьи обширны и обстоятельны, основаны на документах Центрального военного архива Польши в Рембертове. Другие, наоборот, лапидарны и компилятивны. В отношении же Красной армии работа Одземковского представляет собой практически дословный перевод материалов уже упомянутой советской энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» и не содержит ничего нового. Кроме того, в справочнике представлено в целом небольшое количество статей о представителях военной элиты сторон.

Значительно больший интерес представляют польские биографические справочники по генералитету и офицерам с высшим образованием. На данный момент в Польше выпущено уже не менее трех фундаментальных справочников о польских генералах. Все они являются добротными работами, которые, безусловно, необходимо использовать для уточнения персональных сведений о польской военной элите. Стоит отметить, что именно сочетание всех трех основных польских «генеральских» справочников позволяет получить максимум информации, включая и фотографии этих людей.

Первый справочник по генералитету независимой Польши, подготовленный Т. Крыска-Карским и С. Жураковским, вышел еще в 1976 г. в Лондоне, а вторым изданием в 1991 г. в Варшаве²⁷⁶⁹. Второе, исправленное издание содержит краткие биографические справки на 659 генералов начиная с 1918 г. и 408 фотографий²⁷⁷⁰. Этот справочник объективно является одним из лучших, наиболее детальных и точных изданий по теме польского генералитета межвоенного периода и эпохи Второй мировой войны. Тем не менее он не учитывает материалы Центрального военного архива Польши, базируется на эмигрантских данных, в результате чего возникла необходимость в новых аналогичных справочниках.

Еще одна работа, которая представляет интерес в рамках данной темы, — сборник биографических очерков З. Межвинского «Генералы II Речи Посполитой»²⁷⁷¹. И хотя эта книга не является справочником в полном смысле слова, она содержит подробные жизнеописания 45 генералов и одного адмирала межвоенной Польши, многие из которых участвовали в советско-польской войне, причем в основе издания материалы как польских эмигрантских архивов и библиотек, так и Центрального военного архива Польши. Недостатком книги, как и других польских изданий, можно назвать отсутствие материалов российских архивов, освещающих дореволюционную службу польских офицеров — выходцев из русской армии.

В начале 1990-х гг. в Польше вышли еще несколько справочников, напрямую не связанных с советско-польской войной, но содержащих биографии ее участников — офицеров польских легионов и кавалеров ордена «Виртути Милитари»²⁷⁷².

²⁷⁶⁹ Kryska-Karski T., Żurkowski S. *Generałowie polski niepodległej*. Warszawa, 1991.

²⁷⁷⁰ Ibid. S. 7.

²⁷⁷¹ Mierzwiński Z. *Generałowie II Rzeczypospolitej*. Warszawa, 1990.

²⁷⁷² Cygan W.T. *Słownik biograficzny oficerów Legionów Polskich*. Warszawa, 1992; *Kawalerowie Virtuti Militari 1792–1945*. T. 2: 1914–1921. Cz. 1. Koszalin, 1991.

В 1994 г. в Варшаве увидел свет новый справочник, посвященный польскому генералитету межвоенного периода. Его авторство принадлежит П. Ставецкому²⁷⁷³. Это фундаментальный труд, учитывающий недостатки предшествующих работ и построенный на обширных архивных материалах польского происхождения, прежде всего, на личных делах польского генералитета. Впрочем, есть у издания и свои недостатки. Например, в отличие от справочника Крыска-Карского и Жураковского в этом издании приводятся не даты жизни, а лишь годы жизни генералов. Издание вообще не содержит портретов. Таким образом, целесообразно пользоваться этим справочником в сочетании и сопоставлении с другими работами аналогичной тематики.

В 1998–2001 гг. был издан еще более масштабный двухтомный иллюстрированный справочник Х. Коска, посвященный польскому генералитету теперь уже за всю историю его существования, в том числе генералам-полякам, служившим в иностранных армиях²⁷⁷⁴. Однако этот грандиозный издательский проект получился научно-популярным и компилятивным. Как и Ставецкий, Коск не приводит точных дат жизни персоналий.

Наконец, к справочным изданиям можно отнести монографию А. Войташака «Генералитет войска Польского 1921–1926 гг.»²⁷⁷⁵. Эта работа представляет собой детальное историко-статистическое исследование, в котором проанализированы различные особенности польского генералитета начала 1920-х гг. В качестве справочного материала в книге приведены анкетные данные генералов по данным Центрального военного архива Польши, в том числе уникальные фотоматериалы.

Немалый интерес представляет еще один справочник П. Ставецкого о польских офицерах с высшим военным образованием, многие из которых активно участвовали в советско-польской войне²⁷⁷⁶. Этот труд целиком построен на документах Центрального военного архива Польши. Помимо того, что в книге опубликован исторический очерк деятельности польской Высшей военной школы, справочник содержит списки всех ее выпускников за межвоенный период, а также краткие биографии некоторой их части, фотографии и служебные аттестации.

Биографии представителей командного состава союзной полякам украинской армии в настоящее время также представлены в целом ряде справочных трудов. Речь идет о работах А. Колянчука, Н. Литвина, К. Науменко, Я. Тинченко.

Одним из первых справочников по командному составу армии УНР была работа А. Колянчука, Н. Литвина и К. Науменко²⁷⁷⁷, в которую вошли сведения о более чем 450 украинских генералах и адмиралах. Биографические справки содержат фотографии. К сожалению, из-за того что авторы не использовали материалы российских архивов, а также по иным причинам в справочник вкралось немало количество ошибок и неточностей.

Попытка второго исправленного и дополненного издания этой же книги с сокращенным составом авторов и расширенным до 500 количеством биографиче-

²⁷⁷³ *Stawiecki P. Słownik biograficzny generałów Wojska Polskiego 1918–1939. Warszawa, 1994.*

²⁷⁷⁴ *Kosk H.P. Generalicja polska. Pruszków, 1998. T. 1; 2001. T. 2.*

²⁷⁷⁵ *Wojtaszak A. Generalicja Wojska Polskiego 1921–1926. Szczecin, 2005.*

²⁷⁷⁶ *Stawiecki P. Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997.*

²⁷⁷⁷ *Колянчук О., Литвин М., Науменко К. Генералитет Українських визвольних змагань. Львів, 1995.*

ских статей также едва ли может быть признана удачной²⁷⁷⁸. К каждому из изданий справочника следует относиться крайне осторожно. Достаточно отметить, что некоторые фрагменты биографий разных людей в книге дословно совпадают, что возможно только по причине невнимательности составителей или в результате технической ошибки²⁷⁷⁹.

Встречаются и такие биографические статьи, которые в результате множественных ошибок составителей оказались искажены до неузнаваемости. Например, в биографии С.М. Изергина составители неправильно указали даты его рождения и смерти, год окончания им академии Генерального штаба, совместили его биографию с жизненным путем однофамильца — М.И. Изергина²⁷⁸⁰. В сведениях о генерале В.Ф. Кирее составители перепутали его отчество, неправильно указали год окончания им академии Генерального штаба и дату смерти²⁷⁸¹. Аналогичные ошибки присутствуют в биографии генерала Н.А. Коваль-Медзвецкого²⁷⁸². Перепутали составители и биографии двух генералов Кондратовичей — Киприана Антоновича и Луки Лукича, а также ошиблись с годом окончания последним академии Генштаба²⁷⁸³. Ошибки с датой рождения и отчеством присутствуют в биографии генерала С.Н. Кульжинского²⁷⁸⁴. В офицеры Генерального штаба необоснованно записан генерал А.Е. Кушакевич²⁷⁸⁵. Неправильно указана дата смерти начальника украинского Генштаба генерала В.М. Куша²⁷⁸⁶. Неверны годы окончания академии Генштаба генералами М.В. Лебедевым²⁷⁸⁷, А.В. Осецким²⁷⁸⁸, Б.С. Стеллецким²⁷⁸⁹, Л.В. Федяем²⁷⁹⁰, даты рождения генералов Г.А. Мандрыки²⁷⁹¹ и Б.И. Шуцкого²⁷⁹², дата смерти генерала А.К. фон Нерике²⁷⁹³, год расстрела и отчество генерала Н.П. Сапожникова²⁷⁹⁴. Каждому из братьев-генералов Омельяновичей-Павленко — Ивану и Михаилу Владимировичам приписано окончание академии Генштаба, которую ни один из них в действительности не оканчивал²⁷⁹⁵. Не оканчивал академию, вопреки мнению авторов, и генерал В.Н. Сокира-Яхонтов²⁷⁹⁶. Фактические ошибки присутствуют в справочнике почти на каждой странице, поэтому пользоваться им следует крайне осторожно, проверяя каждый факт.

---

²⁷⁷⁸ Литвин М.Р., Науменко К.Е. Збройні сили України першої половини ХХ ст. Генерали і адмірали. Львів; Харків, 2007.

²⁷⁷⁹ См., напр., биографии Б.В. Гернграсса и Н.С. Глинского (Там же. С. 66–67).

²⁷⁸⁰ Там же. С. 100.

²⁷⁸¹ Там же. С. 105.

²⁷⁸² Там же. С. 110–111.

²⁷⁸³ Там же. С. 112.

²⁷⁸⁴ Там же. С. 119.

²⁷⁸⁵ Там же. С. 121.

²⁷⁸⁶ Там же. С. 122.

²⁷⁸⁷ Там же. С. 123.

²⁷⁸⁸ Там же. С. 148.

²⁷⁸⁹ Там же. С. 188.

²⁷⁹⁰ Там же. С. 201.

²⁷⁹¹ Там же. С. 131.

²⁷⁹² Там же. С. 217.

²⁷⁹³ Там же. С. 142.

²⁷⁹⁴ Там же. С. 175.

²⁷⁹⁵ Там же. С. 146–147.

²⁷⁹⁶ Там же. С. 186.

Общностью происхождения со справочником А. Колянчука, Н. Литвина и К. Науменко связана индивидуальная работа об украинских генералах-эмигрантах в Польше А. Колянчука, ранее исключенного его соавторами из общего коллектива²⁷⁹⁷. Вполне естественно, что многие ошибки перекочевали в эту работу из предшествующей, что заметно снизило значимость нового справочного издания. Работы Колянчука основываются, как правило, на материалах польских архивов, при этом практически не использованными остаются архивные документы из России и Украины. К украинским генералам в справочнике Колянчука почему-то отнесены штатские С.В. Петлюра и Н.И. Махно. Некоторые биографии буквально переполнены неточностями. Так, в биографии военного министра УНР генерала С.И. Дядюши неверно указаны даты окончания им училища и академии, искажены места службы, даты исполнения им обязанностей военного министра УНР, утверждается, что он происходил из казачьей, а не из дворянской семьи²⁷⁹⁸. Как и у прежних соавторов Колянчука, в выпускники Николаевской академии Генштаба ошибочно записаны оба Омельяновича-Павленко²⁷⁹⁹, В.Н. Сокира-Яхонтов²⁸⁰⁰. Также не оканчивали академию генералы А.П. Масляный²⁸⁰¹ и М.А. Пономаренко²⁸⁰². В биографии генерала А.С. Пороховщикова приведены сразу две (!) даты его смерти²⁸⁰³, причем обе неверны. Поражает сходство опубликованных в справочнике фотографий контр-адмиралов М.М. Остроградского и В.А. Савченко-Бельского²⁸⁰⁴. В действительности это одно и то же фото, но зеркально отображенное. Наибольшую ценность в работе Колянчука представляют извлеченные из польских архивов фактические данные о пребывании украинских генералов в Польше, но в отношении других сведений следует проявлять осторожность.

Наиболее фундированными из справочников украинской тематики, хотя и не лишенными целого ряда ошибок, являются работы киевского автора Я.Ю. Тинченко²⁸⁰⁵, тогда как общий уровень справочников других авторов оставляет желать много лучшего.

Работы Тинченко основываются, прежде всего, на материалах Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, Ведомственного архива Службы безопасности Украины в Киеве и некоторых других архивов, в том числе РГВИА и ГА РФ, а также на опубликованных источниках и исследованиях. Первая его книга представляет сборник небольших биографических очерков о командном составе украинских армий. Вторая работа — краткий биографический справочник. Однако и в отношении работ Тинченко есть немало

---

²⁷⁹⁷ *Kolańczuk A.* Ukraińscy generałowie w Polsce emigranci polityczni w latach 1920–1939: Słownik biograficzny. Przemyśl, 2009.

²⁷⁹⁸ *Ibid.* S. 96–97.

²⁷⁹⁹ *Ibid.* S. 171–173.

²⁸⁰⁰ *Ibid.* S. 213.

²⁸⁰¹ *Ibid.* S. 159.

²⁸⁰² *Ibid.* S. 191.

²⁸⁰³ *Ibid.* S. 193–194.

²⁸⁰⁴ *Ibid.* S. 181, 208.

²⁸⁰⁵ *Тинченко Я.Ю.* Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. 1917–1921 роки. Ч. 1: Біографічно-довідкова. К., 1995; *Он же.* Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). К., 2007. Кн. 1.

серьезных замечаний. Прежде всего, непонятны критерии отбора биографий для его справочника, поскольку в нем отсутствуют статьи о многих старших офицерах, служивших в украинских войсках. Кроме того, Тинченко допускает ошибки даже в отношении высшего командного состава армии УНР. Например, указывает, что генерал В.М. Куц был начальником Генштаба с 1927 г.²⁸⁰⁶, тогда как на самом деле он занимал этот пост уже в 1922 г. Неверно указана дата вступления полковника В.П. Сальского в должность командующего Действующей армией УНР²⁸⁰⁷. Дата ухода Сальского с поста военного министра УНР не указана вовсе. Ошибочно указано отчество генерала М.А. Капустянского²⁸⁰⁸.

Нельзя не упомянуть и о справочном издании, содержащем сведения о русских союзниках Пилсудского. Речь идет о книге Н.Н. Рутыча «Белый фронт генерала Юденича», в которой с привлечением архивных материалов опубликованы развернутые биографические очерки об офицерах, участвовавших в Белом движении на Северо-Западе России²⁸⁰⁹. Некоторые из них (Л.А. Бобошко, С.Н. Булак-Балахович, Г.В. Бушен, А.П. фон дер Пален, Б.С. Пермикин, Н.Н. Саламанов, М.Я. Соболевский, В.А. Трусков) позднее оказались в Польше и участвовали в советско-польской войне на стороне поляков в составе 3-й Русской армии и иных формирований.

Автор этих строк подготовил и выпустил биографический справочник, посвященный офицерам Генерального штаба, участвовавшим в Гражданской войне²⁸¹⁰. Материалы справочника затрагивают биографии представителей военной элиты всех сторон советско-польской войны — красных, белых, украинцев и поляков. Разумеется, речь идет лишь о выпускниках Николаевской военной академии и академии Генерального штаба РККА. В основе работы — неопубликованные документы архивов России, Украины, Польши и Финляндии, в том числе архивов спецслужб. В справочнике опубликован целый ряд списков Генерального штаба, в том числе и те, что относятся ко времени советско-польской войны. Материалы справочника позволяют достаточно точно оценить численность выпускников академии Генштаба в армиях — участницах советско-польской войны.

Подводя итог обзору справочных работ, посвященных военной элите советско-польской войны 1919–1920 гг., нельзя не отметить, что, несмотря на большой объем работы, проделанной исследователями из России, Украины и Польши, до сих пор не создано фундаментального справочного издания по этой проблеме, в котором бы с одинаковой степенью детализации сочетались документы и материалы всех противоборствующих сторон. Поэтому в настоящее время исследователям приходится использовать целую библиотеку разнообразных по уровню проработки материала и степени достоверности справочных трудов на различных языках, а подготовка фундаментального обобщающего справочного труда остается делом будущего.

---

²⁸⁰⁶ Тинченко Я.Ю. Офицерский корпус. Кн. 1. С. 235.

²⁸⁰⁷ Там же. С. 385.

²⁸⁰⁸ Там же. С. 189.

²⁸⁰⁹ Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.

²⁸¹⁰ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По образному сравнению одного из крупных зарубежных исследователей, «развитие новой технологии — службы Генерального штаба — оказало столь же революционное воздействие на военное дело, как более позднее создание автоматического оружия или появление дредноутов»²⁸¹¹. В старой России с присущим ей бюрократизмом и внушительным военно-административным аппаратом значение Генерального штаба, его влияние на главнейшие вопросы государственной жизни оказалось просто колоссальным. Генштабисты разрабатывали планы военных операций, штаты частей и учреждений, вели административную, разведывательную и аналитическую работу, составляли приказы и другую документацию.

Влияние Генерального штаба не могло не распространиться и на послереволюционный период. И хотя в 1917–1922 гг. в России уже не существовало единого «мозга армии» — Генерального штаба, множество новых Генеральных штабов (красный, белые и национальные), возникших из осколков прежнего, продолжали играть важнейшую роль в решении военно-политических вопросов. Для новообразованных государств наличие собственного Генерального штаба изначально являлось одним из обязательных элементов их независимости. У каждого из этих Генеральных штабов была своя непростая история. Одной из задач данной книги было собрать воедино наш расколовшийся Генеральный штаб и показать сложность и многообразие проблем, связанных с его развитием в период российской Гражданской войны.

Братоубийственный характер Гражданской войны отчетливо виден на примере сравнительно небольшого по численности корпуса офицеров Генштаба. Фронты Гражданской войны разъединили братьев Байовых (Алексея, Владимира и Константина Константиновичей), Махровых (Василия, Николая и Петра Семеновичей), Свечиных (Александра и Михаила Андреевичей), Сытиных (Ивана и Павла Павловичей), Новицких (Василия, Евгения и Федора Федоровичей). Эти примеры давно стали хрестоматийными. Таких разделенных семей, конечно, намного больше (автору известны десятки разделенных фронтами офицерских семей, в которых высшим военным образованием, к примеру, обладал лишь один из

---

²⁸¹¹ Rich D.A. The Tsar's Colonels. Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge; L., 1998. P. 30. Перевод мой.

братьев). Однако сводить трагедию братоубийства Гражданской войны только к судьбам близких родственников — значит существенно упрощать эту до сих пор болезненную для нашей страны тему. Ничуть не менее трагичен раскол между людьми, которые вместе росли и воспитывались, дружили, сидели за одним академическим столом, долгие годы вместе служили, сражались, олицетворяя училищное, академическое или полковое братство. И подобный раскол прошел через судьбу каждого офицера, вовлеченного в водоворот Гражданской войны.

В 1917–1922 гг. строгое дореволюционное деление на генштабистов и негенштабистов было утрачено, но роль Генерального штаба в революционных событиях трудно переоценить. Определяющим фактором стало получение выпускниками академии (даже неудачно ее окончившими) специализированного высшего военного образования, что было редкостью в дореволюционной России. Данное обстоятельство позволяло таким офицерам участвовать в целом ряде работ, которые не могли вести менее подготовленные люди. Так, в белом лагере генштабисты активно привлекались к решению вопросов гражданского администрирования.

В компетенции генштабистов находились вопросы планирования боевых операций и управления войсками — одна из важнейших областей военного дела. От конкретных людей, их успехов и ошибок, зависело очень многое. Действия этих офицеров предопределялись целым рядом объективных и субъективных факторов: образованием и подготовкой, жизненным опытом, особенностями характера. Поэтому нам важно знать, какими были конкретные офицеры-генштабисты по своим качествам, полученному образованию, практическому опыту, какие мотивы стояли за принятием тех или иных решений. Немалую сложность представляет отсутствие единых комплексов документов по этой теме и то, что выработка командных решений, как правило, документально не фиксировалась. Но изучать роль Генерального штаба в Гражданской войне важно и нужно.

Для большевиков генштабисты являлись не более чем инструментом достижения победы в войне. Однако этот инструмент оказался весьма надежным. Заимствованная из практики Великой французской революции концепция управления Красной армией (командир — комиссар) оказалась для большевиков единственно возможной и весьма удачной, обеспечивая взаимосвязь командиров из бывших офицеров через комиссаров с красноармейской массой. Военспецы, несмотря на их аполитичность и даже враждебность большевистскому режиму, в большинстве случаев успешно использовались в интересах красных. Такая система способствовала преодолению настоящего недуга старого офицерства — инертности и пассивности, активизировала работу командиров. Генштабист В.Г. Серебряников отмечал: «Комиссары учились у старых офицеров и, как люди свежие, не связанные рутинной, но без глубоких специальных познаний, более влияли на метод работы, нежели на сущность дела»²⁸¹².

При этом в Красной армии Генштаб как совокупность высших органов военного управления, в которых ключевые посты занимали бывшие офицеры-генштабисты, не утратил свои функции мозгового центра. Хотя стратегию в общегосударственном масштабе и многие конкретные вопросы определяли боль-

---

²⁸¹² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3188 (168). Л. 18.

шевистские вожди, генштабисты по-прежнему занимались важнейшими вопросами формирования армии и разработкой боевых операций. Комиссары плохо разбирались в военных вопросах и не могли полностью контролировать решения военных специалистов. Успехи Красной армии в немалой степени были обусловлены лояльным, дисциплинированным поведением подавляющего большинства военспецов. Изменники и участники антибольшевистского подполья среди военспецов-генштабистов значительных результатов добиться не смогли.

Нельзя забывать, что за Красной армией стоял мощный государственный аппарат Советской России, обеспечивавший эту армию всем необходимым. Политика «военного коммунизма» доказала свое превосходство над методами управления белых и способствовала не только выживанию Советской России в годы Гражданской войны и прорыву пресловутого кольца фронтов, но и достижению впечатляющей военно-политической победы над внутренней контрреволюцией, приведшей к полному изгнанию антибольшевистских сил с территории России и установлению на более чем семидесятилетний период советской власти²⁸¹³.

Роль генштабистов у белых была совершенно иной. Они сами возглавили Белое движение, по существу не имевшее политической надстройки. Слушателями и выпускниками Николаевской академии Генерального штаба были почти все основоположники Белой борьбы, вожди Белого движения, а также командующие важнейшими белыми фронтами и армиями: М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.М. Каледин, А.И. Деникин, С.Л. Марков, М.Г. Дроздовский, П.Н. Краснов, П.Н. Врангель, А.И. Дутов, Н.А. Галкин, В.О. Каппель, В.Г. Болдырев, Н.Н. Юденич, Е.К. Миллер, К.В. Сахаров, С.Н. Войцеховский, М.К. Дитерихс.

Однако созданные старыми генштабистами на дореволюционных принципах белые армии значительно уступали РККА. Во многом в этом виновата общая для всех белых фронтов неспособность антибольшевистской государственности справиться с решением социально-экономических задач, хотя бы для обеспечения нужд армии и достижения победы. Белые режимы были представлены лишь крайне слабыми правительствами, прятавшимися за армией, крупных политических лидеров, равных по своим способностям вождям большевиков В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому, в белых рядах не нашлось, а в конфликте старой и новой модели управления победила новая, более жестокая, но более эффективная в той обстановке.

Как писал один из деникинских офицеров, полковник Б.М. Жиров:

Генеральный же наш штаб,
Оказался слишком слаб,
И весь план его мудреный
В пух и прах разбил Буденный.
Прихоть, знать, судьбы пестра:
Нас разбили вахмистра²⁸¹⁴.

²⁸¹³ Подробнее о причинах военной победы большевиков см.: *Ганин А.* «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны...»: Почему побеждала Красная армия? // *Родина*. 2011. № 2. С. 12–27.

²⁸¹⁴ *Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля // *Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах*. Кн. 12: Казачий исход. М., 2003. С. 18. Речь идет о Б.М. Думенко и С.М. Буденном — бывших унтер-офицерах старой армии.

Эта незатейливая сатира вовсе не бесосновательна, хотя она не указывает ни на социально-экономические составляющие поражения белых, ни на наличие в рядах Красной армии сотен бывших офицеров Генштаба, без вольной или невольной помощи которых ни С.М. Буденный, ни остальные стремительно выдвинувшиеся красные военачальники не смогли бы одержать победу над своими многочисленными противниками.

Гражданская война привела не только к расколу русского дореволюционного Генерального штаба, но и к появлению новых специалистов в области военного администрирования — выпускников красной и белой военных академий. Попытки подготовки собственных кадров Генштаба предпринимались и в национальных государственных образованиях. Разумеется, подготовка новых кадров и создание противоборствующих армий были невозможны без опоры на специалистов дореволюционного Генерального штаба.

В результате Гражданской войны Генеральный штаб потерпел безусловное поражение. Речь идет отнюдь не только о военном разгроме белых армий, которыми руководили генштабисты, пытавшиеся стать политиками. Имеется в виду, прежде всего, радикальное изменение роли генштабистов в военно-политической иерархии страны, стремительное падение их социального статуса. Если до революции офицеры Генерального штаба могли влиять на принятие важнейших военно-политических решений, то в послереволюционный период во главе страны оказалась большевистская партия, для которой старое офицерство было классовым врагом и использовалось лишь вынужденно, в силу отсутствия кадровой замены из социально близких слоев. Динамику изменения положения военспецов-генштабистов характеризует простейшее сопоставление. Если до революции арестовать и расстрелять генштабиста было немыслимо, то в Советской России периода Гражданской войны и позднее это стало обыденным явлением, часто не требовавшим даже доказательства вины.

С окончанием братоубийственной Гражданской войны испытания для бывших питомцев академии отнюдь не закончились. Часть из них, оставшись в Советской России и отдавая все свои силы строительству Красной армии, подверглась преследованиям и была репрессирована в рамках дела «Весна» 1930–1931 гг. и большого террора второй половины 1930-х гг. Лишь несколько десятков человек дожили до 1940-х гг. Оказавшиеся в эмиграции бывшие белые генштабисты, всеми забытые, доживали свой век вдали от родины.

Исход Гражданской войны был предрешен, в первую очередь, на полях сражений, а не в кабинетах политиков, как иногда может казаться. Тем важнее изучение военной истории этой войны, далекой и в то же время близкой, до сих пор напоминающей о себе кровотокащими ранами в нашем обществе. Судьбы представителей корпуса офицеров Генерального штаба демонстрируют в миниатюре трагическое размежевание всего русского офицерства и общества первой четверти XX в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список трудов по истории Генерального штаба, опубликованных автором в 2000–2012 гг.*

Монографии

1. Черногорец на русской службе: Генерал Бакич. М.: Русский путь, 2004. 240 с.
2. Атаман А.И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006. 624 с.
3. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М.: Центрполиграф, 2008. 688 с.
4. Црногорац у служби Русије: Генерал Бакић. 2 исправљено и допуњено издање. Никшић, 2009. 288 с. (2-е исправленное и дополненное издание монографии «Черногорец на русской службе: генерал Бакич», переведенное на сербский язык.)
5. Последние дни генерала Селивачева: неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Биографические справочники

6. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М.: Русский путь, 2007. 676 с. (В соавторстве с В.Г. Семеновым.)
7. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. 896 с.

Статьи и публикации

8. Российский историк генерал-майор И.Г. Акулинин // Тр. науч. конф. «Ломоносов-2000». История / Отв. ред. А.Ю. Андреев. М., 2000. С. 34–36.
9. Генерал-майор И.Г. Акулинин // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2000. № 8. С. 85–91.
10. Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов // Кубанец: Magazine of Kuban Cossack Association / Изд. Кубанского казачьего союза. 2001. № 209. Февраль. С. 27–32.
11. Южная армия Восточного фронта // История белой Сибири: Тезисы 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 94–97.
12. Поход на Форт Александровский. Судьба оренбургских казачьих частей Южной армии // Тр. науч. конф. «Ломоносов-2001». История / Отв. ред. А.Ю. Андреев. М., 2001. С. 77–79.
13. Оренбургское казачье войско в период гражданской войны: военно-географический очерк // Белое движение на Востоке России. Альманах «Белая гвардия» (Москва). 2001. № 5. С. 55–60.
14. «Устроиться всем казакам в пределах Китая не представляется возможным...»: Письмо и памятная записка об оренбургских казаках генерал-майора И.Г. Акулинина // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». 2002. № 1. С. 89–95.
15. Знаки отличия Оренбургского казачьего войска. 1918–19 // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал (Москва). 2002. № 19 (3). С. 38–39.

* Работы, вошедшие в настоящее издание, отмечены знаком *.

16. Оренбургские казаки в Восточном Прикаспии осенью 1919 – весной 1920 г. // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал (Санкт-Петербург). 2002. № 13–14. С. 373–380.
17. Оренбургская операция и весеннее наступление Российской армии адмирала А.В. Колчака на Восточном фронте // Тр. науч. конф. «Ломоносов-2002». История / Отв. ред. А.Ю. Андреев. М., 2003. С. 71–73.
18. Попытка свержения атамана А.И. Дутова в Оренбурге в декабре 1918 г. // История белой Сибири: Мат. 5-й междунар. науч. конф. Кемерово, 2003. С. 151–154.
19. II Оренбургский казачий корпус (февраль–апрель 1919 г.): особенности формирования и участие в боевых действиях // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки: Мат. науч. конф. М., 2003. С. 80–85.
20. Заговор против атамана Дутова в воспоминаниях очевидцев // Археография Южного Урала: Мат. 3-й межрегион. науч.-практ. конф. Уфа, 2003. С. 27–36.
21. *Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: Опыт историко-психологического исследования // Русский сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. 1. С. 152–196.
22. Зайцев Иван Матвеевич // Челябинская область: Энциклопедия / Гл. ред. К.Н. Бочкарев. Т. 2: Д–И. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 363.
23. *О роли офицеров Генерального штаба в Гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111.
24. Рец.: Белая Россия. 1917–1922 гг.: Фотоальбом. М.: Посев, 2003. 320 с.: ил. // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10). С. 323–326.
25. Рец.: P. Holquist. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Harvard University Press. Cambridge, Lnd. 2002. 360 p. П. Холквист. Ведя войну, выковывая революцию. Непрерывность кризисов 1914–1921 гг. в России // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 173–175.
26. Казак в эмиграции: судьба генерала И.Г. Акулинина (1920–1944 гг.) // Новый исторический вестник (Москва). 2004. № 2 (11). С. 174–182.
27. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. № 3. С. 28–32.
28. Александр Ильич Дутов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 56–84.
29. Атаман А.И. Дутов и дело есаула Ф.А. Богданова // История белой Сибири: Мат. 6-й междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 119–123.
30. Еще об оренбургских казаках в генеральских погонах (примечание к статье Е.В. Волкова) // Белое дело. 2-й съезд представителей печатных и электронных изданий: Резолюция и мат. науч. конф. «Белое дело в гражданской войне в России, 1917–1922 гг.». М., 2005. С. 213–226.
31. Почему проиграли белые?! Воззвание офицеров и солдат ижевцев и воткинцев о самовольном оставлении ими рядов армии. 1919 г. // Белое дело. 2-й съезд представителей печатных и электронных изданий: Резолюция и мат. науч. конф. «Белое дело в гражданской войне в России, 1917–1922 гг.». М., 2005. С. 239–242.
32. Атаман А.И. Дутов и «дело» полковника В.Г. Рудакова // Белое дело. 2-й съезд представителей печатных и электронных изданий: Резолюция и мат. науч. конф. «Белое дело в гражданской войне в России, 1917–1922 гг.». М., 2005. С. 226–239.
33. Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия: Альманах. 2005. № 8. С. 193–207.
34. Боевые расписания Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. № 8. С. 213–218.
35. Болдырев Василий Георгиевич // Большая российская энциклопедия: В 30 т. Т. 3: Банкетная кампания 1904 — Большой Иргиз. М., 2005. С. 709–710.
36. *Саквояж генерала А.М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143.
37. Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58.
38. Оренбургское казачье войско в Гражданской войне и в эмиграции. 1917–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 25–30.
39. Гибель атамана А.И. Дутова на территории Западного Китая в 1921 году // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 162–174.
40. «...От мысли, что рядом со мною в казачьей форме сидит тайный эсер, я был далек» (Ф.Е. Махин) // Военно-исторический журнал. Интернет-приложение. 2006. № 3.

41. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. Доклады Академии военных наук. Военная история. Саратов, 2006. № 5 (23). С. 56–61.
42. *Любимые женщины братьев Игнатьевых. Во что они обошлись России? // Родина. 2007. № 3. С. 64–69.
43. Трагические судьбы представителей Оренбургского казачьего войска в годы Гражданской войны и эмиграции. 1917–1945 гг. // Военно-исторический журнал. Интернет-приложение. 2007. № 1.
44. Оренбургские казаки на Дальнем Востоке в 1920–1922 годах // К истории русских революций: события, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца. М., 2007. С. 636–662.
45. Генштаб, которого не было // Родина. 2007. № 8. С. 76–77. (Рец. на кн.: Даикуев М.Д. Побеждает тот, кто умеет лучше думать». М.: Кучково поле, 2007.)
46. Судьба белого генерала: Александр Николаевич Вагин // Земля Иркутская (Иркутск). 2007. № 1 (32). С. 97–100. (Перепечатано: Сибирь. 2007. № 4 (325). С. 205–211.)
47. *Тайная миссия генерала Флуга. Как белый генерал обманул чекистов // Родина. 2007. № 12. С. 41–47.
48. Оренбургские казаки в рядах Отдельной Уральской армии 1919–1920 гг. // Горыныч. Краеведческий сборник. Уральск, 2007. Ч. 2. С. 34–110.
49. Дутов Александр Ильич // Большая российская энциклопедия. Т. 9: Динамика атмосферы — Железнодорожный узел. М., 2007. С. 429.
50. Дутова выступление 1917–18 // Большая российская энциклопедия. Т. 9: Динамика атмосферы — Железнодорожный узел. М., 2007. С. 429–430.
51. Враздобрь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 63–74.
52. *Чапай в академии. Василий Иванович и высшее военное образование // Родина. 2008. № 4. С. 93–97.
53. Александр Ильич Дутов // Свой. Журнал Никиты Михалкова. 2008. № 3–4. С. 37–43.
54. Вождь Белого движения (Лавр Корнилов) // Казачество великое, бесстрашное. СПб., 2008. С. 588.
55. Основоположник белой борьбы на Дону (Алексей Каледин) // Казачество великое, бесстрашное. СПб., 2008. С. 590–591.
56. Писатель и атаман (Петр Краснов) // Казачество великое, бесстрашное. СПб., 2008. С. 592–593.
57. Походный атаман всех казачьих войск (Александр Дутов) // Казачество великое, бесстрашное. СПб., 2008. С. 599–601.
58. Под колпаком Шпигельгласа. Новые мифы тайной войны // Родина. 2008. № 6. С. 99–101. (Рец. на кн.: Гаспарян А.С. ОГПУ против РОВС. Тайная война в Париже. 1924–1939 гг. М.: Вече, 2008.)
59. *Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции: Сб. мат. междунар. науч. конф. Архангельск, 2008. С. 160–171.
60. *Приговор генерал-майора Рерберга вице-адмиралу Колчаку // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 64–65.
61. *Рерберг Ф.П. Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 66–69; № 11. С. 52–58; № 12. С. 59–65.
62. Малоизвестная страница истории гражданской войны на востоке России // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 62–67.
63. *«Все абхазцы крайне враждебно настроены против грузин»: Рапорт начальника денкинской разведки // Родина. 2008. № 11. С. 14–15.
64. *«Такой примитивный подход...»: Челябинское совещание и планирование весеннего наступления Восточного фронта адмирала Колчака // Родина. 2008. № 11. С. 79–85.
65. *«Товарищ Склянский — заступитесь...»: Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1. С. 78–83.
66. *Катастрофическое состояние Генерального штаба в 1919 г. Записка генерала В.Е. Борисова // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 70–81.
67. *Генштаб изгнанный: грани статистики // Родина. 2009. № 4. С. 48–51.
68. *«Незалежные» генштабисты. Статистика и мотивация // Родина. 2009. № 8. С. 116–120.
69. *Дело Г.И. Теодори в 1919–1921 гг. Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 10. С. 32–37.
70. Генштабисты в Гражданской войне на Севере России // 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и интервенция в России, зарождение новой системы международных отношений: Сб. мат. науч. конф. Архангельск, 2009. С. 152–161.

71. Адмирал А.В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противоборство в ноябре–декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. № 1 (8). С. 21–37.
72. Система учета кадров Генерального штаба в антибольшевистских формированиях Востока России 1918–1920 гг. // История белой Сибири: Материалы 7-й междунар. науч. конф. Кемерово, 2009. С. 127–131.
73. «Бег к Волге». Контрнаступление РККА на Восточном фронте // Гражданская война в России. Энциклопедия катастрофы. М., 2010. С. 188–189.
74. Борьба за Оренбург // Гражданская война в России. Энциклопедия катастрофы. М., 2010. С. 193–194.
75. Гибель Уральской армии // Гражданская война в России. Энциклопедия катастрофы. М., 2010. С. 294.
76. *Корпоративизм и неформальные объединения слушателей академии Генерального штаба РККА в годы Гражданской войны // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: Сб. мат. междунар. науч. конф. Архангельск, 2010. С. 185–192.
77. *Выпускники Николаевской академии Генерального штаба в борьбе с нацизмом // Великая Победа и современность. К 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Мат. междунар. науч.-практ. конф. М., 2010. С. 159–171.
78. *Генерал-хорунжий Всеволод Петров и изучение истории Северной войны в украинской военной эмиграции // Северная война и Приднестровье: история и современность. Тирасполь, 2010. С. 40–52.
79. Генштабисты в Белом движении на юге России: статистический обзор // Гражданская война в России и Орловско-Кромское сражение 1919 года: Мат. всерос. науч. конф., посв. 90-летию Орловско-Кромского сражения 1919 г. Орел, 2010. С. 82–90.
80. *«Измена и предательство повлечет арест семьи...»: Заложничество семей военспецов — реальность или миф? // Родина. 2010. № 6. С. 70–75.
81. *Последний генштабист. К 90-летию советско-польской войны // Родина. 2010. № 8. С. 82–86.
82. *Пустить в расход Николая Карловича. За что был расстрелян глава русской военной разведки? // Родина. 2010. № 10. С. 96–99.
83. *Бессарабия в советской стратегии начала 1920 года. Доклад Ф.В. Костяева Л.Д. Троцкому // Июнь 1940-го. Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР: Мат. междунар. науч.-практ. конф. М., 2010. С. 183–196.
84. *В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин: Новые исследования о «деле» Полевого штаба // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2010. Т. 9. С. 336–378.
85. *За что расстреляли ординарца Скобелева? Гибель полковника Кашубы на архангельском Севере // Родина. 2011. № 1. С. 116–120.
86. «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны...»: Почему побеждала Красная армия? // Родина. 2011. № 2. С. 12–27.
87. *Жалобы арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? // Родина. 2011. № 2. С. 42–43.
88. Роль большевистских вождей в победе РККА в Гражданской войне // Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России: Мат. междунар. конф. М., 2011. С. 133–141.
89. *«Стоит Россия!» Выпускники Николаевской академии Генерального штаба в борьбе с нацизмом в годы Второй мировой войны // Военно-исторический архив. 2011. № 3 (135). С. 102–129.
90. *Сохранение реликвий русской военной истории в академии Генерального штаба в годы революции и Гражданской войны // Суворов в Измаиле: 220 лет: Мат. междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 166–184.
91. *Шопинг по-генштабовски. Военспецы и продовольственные спекуляции // Родина. 2011. № 3. С. 109–110.
92. Измена командарма Н.Д. Всеволодова // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 72–93; № 5. С. 71–91.
93. Проект почетного мундира и нагрудного знака украинского Генерального штаба // Старый Цейхгауз. 2011. № 2–3 (40–41). С. 104–107.
94. *Военная элита советско-польской войны 1919–1920 годов в справочной литературе // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов: Сб. ст. М., 2011. С. 223–232.
95. Странная история доктора Грицкевича. Новые фальсификации Гражданской войны // Родина. 2011. № 6. С. 104–105.

96. *«Опасаясь, что меня, как бывшего царского офицера, будут считать “примазавшимся” к партии...»: Партийность бывших офицеров Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 59–62.
97. Одной загадкой меньше: идентификация генштабиста со старой фотографии // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 133–137.
98. *«Я от переутомления буквально свалился с ног...»: Режим работы генштабистов в Красной армии // Военно-исторический архив. 2011. № 6 (138). С. 56–66.
99. *Гамбит Монигетти. Невероятные приключения «итальянца» в России // Родина. 2011. № 10. С. 122–125.
100. Военный министр УНР генерал Сергей Дядюша: русский офицер в украинских декорациях // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: Сб. мат. междунар. науч. конф. Мурманск, 2011. С. 241–244.
101. Атаман А.И. Дутов // Белое движение: исторические портреты / Сост. А.С. Кручинин. М.: Астрель; АСТ, 2011. С. 728–773.
102. Дело генштабиста Трофимова // Клио (Санкт-Петербург). 2011. № 9 (60). С. 95–98.
103. Неполномочный командующий: дальневосточная командировка полковника И.Г. Пехливанова в конце 1917 – начале 1918 г. // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: Сб. науч. ст. Хабаровск, 2011. Вып. 3. С. 91–97.
104. *Несостоявшееся назначение генерала А.И. Андогского // История белой Сибири: Сб. науч. тр. / Под ред. С.П. Звягина. Кемерово, 2011. С. 138–144.
105. *Первый год советской военной разведки. Доклад В.А. Срывалина от 19 февраля 1919 г. / Публ. А.В. Ганина // Военно-исторический архив. 2011. № 1 (133). С. 174–191.
106. Незаменимый коррупционер. Страницы биографии главного военного железнодорожника Советской России // Родина. 2012. № 3. С. 110–116.
107. Кожаный костюм от РВС. Награды для военспецов-генштабистов // Родина. 2012. № 5. С. 92–96.
108. Раскол Генерального штаба // Дилетант. 2012. № 5. Май. С. 12–15.
109. Трудоустройство и профессиональная реализация русских генштабистов-эмигрантов в 1920–1930-е гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. Сб. статей. М., 2012. С. 91–95.
110. Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / Публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.
111. Болгарин, защитивший Россию: судьба Иордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 255–336.
112. *О книге В.В. Каминского «Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии» // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 514–536.
113. И.Г. Пехливанов — один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). Сб. ст. М., 2012. С. 391–420.
114. Всероссийская военная академия на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // 1922 год в судьбах России и Европейского Севера. Сб. материалов международной научной конференции. Архангельск, 2012. С. 171–175.
115. Последние дни генерала Селивачева: неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М., 2012. С. 411–505.
116. Новые документы об арестах петроградских военспецов осенью 1918 г. // Клио (Санкт-Петербург). 2012. № 10. С. 27–36.
117. Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый Цейхгауз. 2012. № 5 (49). С. 92–95.
118. Михаил Антонович Дорман: генерал и его «дело» // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 84–100.
119. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...» Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // Родина. 2012. № 12. С. 118–121; 2013. № 1. С. 129–133.
120. «Штаб разделился на два враждебных лагеря...» Дело об «измене» в штабе Северного фронта // Военно-исторический журнал. 2012. № 12. С. 28–31.
121. Хлопоты наркомвоенмора Л.Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М.М. Загю и С.М. Языкова. 1919 г. // Вестник архивиста. 2012. № 4 (120). С. 217–230.

Именной указатель

- Абакумов Н.П. 727
Абациев Д.К. 343
Абдулаева Н.И. 7
Абрамов Ф.Ф. 280, 718
Абуше Х. 549
Аванесов В.А. (Мартirosян С.К.) 631, 633, 634, 672
Авдеев В.А. 297
Аверченко С.В. 7
Аверьянов П.И. 127
Авчинников И.И. 727
Агапеев В.Н. 147
Агапеев В.П. 718
Агранов Я.С. (Сорендсон Я.Ш.) 709, 713
Адариди.А.–К.–М.М 338
Аджиев П.П. 25
Адрианов А.И. 160
Ажогин В.М. 280
Азаров 607
Айрапатов О.Р. 7, 495, 514, 828, 851
Акимов Г.Н. 737
Акимов М.В. 704, 708
Акинтьевский Г.К. 222, 223
Акинтьевский К.К. 26
Аксенов 659
Акулинин И.Г. 101, 108–113, 120, 135, 138, 719, 773, 847, 848
Акутин П.Т. 389
Алабин И.М. 575
Алатырцев А.В. 727
Алафузо М.И. 753
Александр I 826
Александр I, король Югославии 753
Александр II 261
Александр III 524
Александр Михайлович, великий князь 566
Александра Федоровна, императрица 506
Александров 667, 670
Александров А.Н. 704
Александров К.М. 300
Александров Л.К. 187, 771
Александров Л.П. 580, 728
Александрович В.Н. 728
Александровский В.С. 226
Алексеев А.Н. 719, 781
Алексеев Е.И. 495
Алексеев К.В. 238, 728
Алексеев М.В. 16, 17, 154–156, 162, 164, 212, 218, 264, 300, 328, 337–346, 349–353, 355, 359, 362, 364, 365, 494, 495, 505, 506, 510, 511, 516, 538, 562, 774, 817, 845
Алексеев М. 308
Алексеев Н.И. 667, 668
Алексеев. Н.М. 505
Алексеев Н.Н. 719
Алексеев П.Н. 295
Алексеева А.Н. 341, 351, 505
Алексеева К.А. 621
Алексеева К.М. 505
Алексеева-Борель В.М. 99, 339, 351, 505
Алексей Александрович, великий князь 512
Алексей Николаевич, великий князь 261, 341
Алешин 659
Алферов А.Д. 667, 668, 671, 672
Алферова А.С. 667, 668
Альбокринов Н.П. 226
Альтман М.И. 595
Алянчиков 38
Аманжолова Д.А. 591
Аметистов Т.А. 728
Ананьев В.И. 177
Ананьин А.Н. 496, 498
Ангарский М. 440, 442
Андерс А.К. 29, 225, 753, 763
Андерс В. 297, 471
Андерс Д.И. 225
Андерсон А.Х. 29, 190
Андогский А.И. 39, 120, 135, 210, 224, 261, 263–265, 268, 271, 279, 324–336, 388, 467, 752, 753, 762, 764, 816, 817, 823, 851
Андреев А.Ю. 847, 848
Андреев Ф.Ф. 728

- Андреевский 231
 Андрей Владимирович, великий князь 339
 Андриевский Д.И. 44, 45, 47, 48, 54, 719
 Андроников А.С. 762
 Андронников М.М. 667
 Андросов С.А. 389
 Андрусов К.Н. 728
 Анисимов Н.В. 275
 Аносов Н.С. 180
 Антипов М.Н. 667, 668
 Антоненко Н. 523
 Антонов А.А. 802
 Антонов-Овсенко В.А. 355, 795
 Антонович А.Т. 193, 268, 817
 Ануров А.М. 667, 670
 Анфертьев И.А. 7
 Анциферов Б.Н. 615
 Анциферов П.Ю. 615, 618, 800
 Апрельев Г.П. 728
 Апухтин С. 477
 Аракин Е.Д. 737
 Аралов С.И. 55, 60, 61, 63, 64, 166, 188, 196–199, 257, 389, 390, 392, 395, 396, 398, 399, 402–405, 442, 443, 612, 613, 616, 620, 648, 655, 756, 778, 796
 Аранджелович Н. 341, 366, 367
 Арапов П.С. 317, 598
 Арванити Г.И. 737
 Аргамаков А.П. 231
 Аренбер, д' 309
 Аржанов М.М. 823, 824
 Аркадьев В.П. 242
 Армадеров Г.А. 34, 291, 754, 764
 Арпсгофен А.В. 719
 Артамонов В.А. 278, 719
 Артамонов В.А., историк 7
 Артемов Е.Н. 374, 377, 378
 Артузов А.Х. 749, 763
 Артынов Д.П. 34
 Аругюнян Л.А. 7
 Архангельский А.П. 210, 217–219, 246, 300, 451, 648, 650, 719, 753, 756, 757, 763, 783, 821
 Архангельский П.Г. 728
 Архипов М.Н. 477
 Арцишевский Ф. 298
 Асвинский 760
 Астров А.И. 667
 Астров Б.В. 667
 Астров В.И. 667
 Астров Н.И. 677
 Аузан А.И. 819
 Афанасьев А.Н. 762
 Афанасьев А.В. 761
 Афанасьев В.А. 320
 Афанасьев В.М. 372
 Афанасьев Ф.М. 761
 Ахаткин К.З. 728
 Ахвердов Н.Н. 225
 Ахматов А.К. 180
 Бабилов Н.А. 180, 652
 Бабилунга Н.В. 698
 Бабкин А.И. 728
 Багратуни Я.Г. 226
 Базанов С.Н. 7
 Базанов Ю.И. 671
 Базаревич В.И. 728
 Базаревский А.Х. 753, 756
 Базыленок М.П. 34
 Баиов (Байов) А.К. 105, 111, 114, 115, 118, 120, 126, 129, 137, 540, 757, 843
 Баиов (Байов) В.К. 540, 843
 Баиов (Байов) К.А. 539
 Баиов (Байов) К.К. 34, 38, 57, 539–541, 543, 771, 843
 Бакич А.С. 329, 332, 847
 Бакле д'Альб Л.А.Ж., де 352
 Бакмансон (Краснова) Л.Ф.
 Баковец И.Г. 231
 Балабин Е.И. 303
 Балабин Ф.И. 43–45, 47, 49–55, 220, 749, 753, 756, 757, 762
 Балахович 607
 Балтийский А.А. 110, 137, 367, 374, 753, 755
 Балувев Н.А. 737
 Балувев П.С. 704, 708
 Бальцар В.В. 728
 Бандера С.А. 422
 Баранов В.Г. 203
 Баранов П.М. 180, 427
 Баранович В.Л. 64, 180, 182, 400
 Барановский В.Л. 354, 754, 756, 757, 760, 824
 Бардинский И.А. 63, 219, 386
 Бармин И.А. 755
 Барт А. 477
 Барташевич Б.В. 719
 Бартнев Н.В. 225
 Бартновский 347
 Барцевич В.П. 728
 Баскаков В.И. 278, 477, 487
 Басков М.В. 180
 Бахраков В.В. 29
 Басюк И.А. 288, 289
 Баткин Ф.И. 517
 Баторский М.А. 25, 753, 759, 760, 773
 Батраец Н.Л. 719
 Батрук А.И. 152, 232, 238, 728
 Батюшин Н.С. 281
 Баумгартен А.Т. 483
 Баумгартен В.К. 225
 Бафталовский Н.А. 180
 Бахметев Б.А. 828
 Бахмутский В.П. 728
 Бачинский М.Л. 244
 Башинский Р.И. 320–322
 Бедарев П.М. 44, 47, 385, 386

- Безель 73
Безладнов Л.С. 210, 226, 737
Безручко М.Д. 147
Бек В.А. 226
Бекман В. 565
Белецкий В.В. 226, 738
Белецкий Т. 471
Беликов И.Н. 729
Беличенко А.С. 738
Белкина Т.Л. 7
Белобородов А.Г. 73, 78
Белов П.А. (Виттекопф Г.А.) 102, 130–132, 137, 138, 180, 334
Белогорцев В.Ф. 729
Белой А.С. 224, 388, 753–757, 759, 761, 764, 836
Беляев В.В. 452, 567, 719
Беляев М.А. 180
Беляев Н.С. 29, 372
Беляков В. 493
Бендер Л.П. 737
Бендеров А.Ф. 719
Берг Н.А. 719
Бергштроссер 654
Березовский А.И. 719
Березовский Е.П. 159, 164
Берендс К.Ю. 222–224, 761
Берзин (Берзиньш) Р.И. 79, 389, 442, 443, 449, 541
Бернов А.В. 180, 389
Берхман Г.Э. 17, 719
Бескровный А.А. 719
Бесядовский К.И. 756
Бирзе (Эрдман) А.И. 607
Бирюков Н.П. 180
Битинский Н. 89
Биттенбиндер А.Г. 728
Благово В.А. 7
Бламаренко Н.Н. 737
Блюмкин Я.Г. 686
Блюхер В.К. 221
Бобошко Л.А. 843
Бобриков Н.Н. 737
Бобровский Б.П. 719
Бобырь Н.П. 180
Богаевский А.П. 452, 719
Богацько Н.И. 719
Богацкий И.М. 34
Богданов Ф.А. 848
Боголюбов П.А. 737
Богородицкий С.А. 737
Богословский Б.П. 35, 45, 47, 48, 49, 180, 210, 215, 249, 330, 332, 582, 593–597, 754, 764
Бойко 127
Бокий Г.И. 250
Болдин И.В. 289
Болдырев В.Г. 88, 94, 110, 111, 112, 270, 324, 814, 845, 848
Болецкий Э.Б. 737
Болотов В.В. 364
Болтунов А.Д. 719
Болховитинов Л.М. 114, 240, 245–247, 719
Бомешко Б.Г. 698
Бонч-Бруевич А.М. 537
Бонч-Бруевич В.Д. 537
Бонч-Бруевич Г.М. 537
Бонч-Бруевич К.М. 537
Бонч-Бруевич М.Д. 30, 31, 32, 33, 36, 40, 46, 107, 134, 168, 175, 187, 245, 267, 295, 382, 387, 388, 530, 534–537, 539, 541, 613, 624, 625, 627, 628, 647, 648, 658, 665, 755, 763
Бонч-Бруевич Т.М. 537
Борисевич И.Т. 719
Борисёнок Е.Ю. 7
Борисёнок Ю.А. 7, 8
Борисов В.Е. 201, 210, 219, 240, 245, 248, 337–357, 359–368, 511, 550–552, 554, 555, 558, 559, 849
Борисова Р.Б. 373, 378
Борицкий Н.Э. 761
Борман А.А. 397
Боровский Н.К. 53, 54, 180
Боровский Ф.Н. 34, 738
Бородаевский П.А. 728
Бородин С.К. 728
Бортновский А.Г. 719
Бочаров С.Г. 180
Бочкарев К.Н. 848
Бояринов М.И. 180
Бражников Н.К. 728
Бральницкий 607
Брегман 607
Бредов Н.Э. (Н.-П.-К.Э.) 227, 235, 236, 454, 719, 728, 776
Бредов Ф.Э. (Ф.-М.Э.) 728
Бремов 312
Брендель В.А. 40, 41, 42, 44, 45, 47–54
Бреслер В.П. 29, 719
Бриггс Ч.Д. 692
Бринкен А.Ф., фон ден 17
Брусилов А.А. 16, 17, 354, 441, 638, 639, 664, 694, 704, 708, 710, 711, 776
Бубнов А.Д. 340, 341, 351
Бубнов А.С. 78, 79
Бугаев 433, 436, 438
Бугай К.Я. 738
Бугай П.Я. 232, 728
Будберг А.П. 676, 814, 820
Буденный С.М. 410, 845, 846
Будинов Д.К. 671
Будкевич А.В. 667, 670
Будницкий О.В. 335
Буйницкий Н.А. 110, 133
Буковской А.П. 49, 50
Булак-Балахович С.Н. 711, 843
Буняковский В.В. 244, 364
Бур П.Е., де 226
Буравченков А.А. 440
Бурбаки Ш.-Д. 556

- Бурков А.П. 728
 Бурлак Н.С. 738
 Бурлей С.И. 508
 Бурлин П.Г. 101, 122–125, 137, 138
 Бурув 761
 Бурув П.Н. 50, 233, 234, 719
 Бусыгин 520
 Бутчик М.М. 719
 Бухольц (Бухгольц) В.Е. 235, 236
 Бучинский Б.И. 145
 Бушен Г.В. 842
 Бушин А.Ю. 772, 817, 821
 Буяков А.М. 138, 154, 579
 Быков А.Н. 226
- Вагин А.Н. 101, 102, 113–116, 137, 138, 333, 582, 849
 Вадбольский Н.П. 720
 Валентинов А.А. 247, 248
 Валь В.В., фон 276
 Вальтер 256
 Варакшин 433
 Варгенбург В.Л. 646, 648, 654, 661–663
 Василевский А.М. 6, 283–285, 296
 Василенко М.И. 174, 176
 Васильев 72, 73
 Васильев 231
 Васильев 521
 Васильев 604
 Васильев А.В. 292
 Васильев И.И. 192
 Васильев П.М. 729
 Васильева А.А. 591
 Васильченко И.М. 180, 720
 Вах Б.Э., фон 300
 Вахрушев М.Н. 720, 813
 Вацетис В.И. 70
 Вацетис И.И. 60, 61, 64, 65, 66, 74, 93, 165, 175, 190, 191, 250, 254–258, 369, 370, 387, 388, 390–394, 396, 398, 401–404, 466, 612, 613, 615, 622, 624, 625, 627, 628, 630, 634, 648, 754, 762, 791, 795, 798, 799, 813, 837, 850
 Вацетис И.И. (сын) 70
 Вацетис И.-О.Э. 70
 Вацетис Э.И. 254–258, 625, 633, 799
 Вдовьев-Кабардинцев В.В. 242
 Вебель Ф.М. 180, 720
 Вегенер 262
 Веденев 242
 Вейль В.-К.С., де 486, 720
 Вейль Г.-Э.С. 485
 Вейнштейн О.-Г.-Я.Я. 729
 Вейротер Ф., фон 349
 Вейс К.А. 347
 Векилов А.Д. 729
 Величкин Н.П. 34, 226
 Величко К.И. 704
 Величковский Я.В. 729
- Венецкий Г.Н. 729
 Вербицкий П.И. 231
 Вержбицкий Н.Ю. 729
 Веркеенко Г.П. 216
 Верлок Б.Е. 655
 Верховский А.И. 14, 220, 341, 342, 351, 514, 517, 518, 522, 526, 704, 708, 749, 753, 754, 756
 Верховский Б.К. 25, 753, 757, 758
 Верховский Н.А. 518
 Верховский С.И. 233
 Верцинский Э.А. 356
 Вершинин А.А. 8, 462
 Веселаго А.А. 174
 Веселкин М.М. 494, 510, 512
 Веселов 667, 670
 Веселовзоров Б.П. 720
 Ветренко Д.Р. 141, 279
 Вецкий С.И. 467
 Виберг С.А. 720
 Викилов А.Д. см. Векилов А.Д.
 Вильерс О.А. 180
 Вильчевский П.Э. 720
 Виндт 604
 Винкельман Н.А. 671
 Виноградов А.Н. 64, 400
 Виноградов М.Н. 573
 Вирабян А.С. 7
 Вирановский Г.Н. 180
 Висьневский Я. 468
 Витковский В.В. 110, 133
 Витковский К.К. 729
 Витоль И.М. 34
 Витт Л.В., де 105, 720
 Витте 407
 Виттекопф Г.А. см. Белов П.А.
 Вишинский М.Е. 17
 Вишневский В.А. 729
 Вишневский П.В. 729
 Владимир Александрович, великий князь 566
 Власенко Д.А. 738
 Водали 673
 Воейков В.Н. 341
 Вознесенский К.М. 729
 Вознесенский Ф.Ф. 729
 Войтиков С.С. 60, 62, 380–382, 389, 401, 406, 407, 409, 413, 630, 644, 789, 792–807
 Войтов А.Н. 223
 Войцеховский С.Н. 215, 299, 301, 329, 332, 563, 720, 755, 845
 Воликовский (Валиковский) Р.И. 280, 298, 460–472
 Волков А.А. 667
 Волков В.А. 163
 Волков В.Е. 401, 758, 761
 Волков Е.В. 4, 7, 97, 117, 122, 138, 154, 584, 769, 770, 772, 778, 848
 Волков Н.А. 180, 427, 729
 Волков С.В. 210, 211, 277, 309, 493, 546, 640, 641, 664, 671, 769, 770, 786

Волконская С.А. 204
 Волконский А.М. 729
 Вологодский П.В. 334
 Волховской М.Н. 720
 Вольпе А.М. 365
 Воробьев Л.В. 738
 Воровский В.В. 205
 Воронов Н.А. 180
 Ворошилов К.Е. 454, 456, 792
 Воскресенский В.И. 720
 Вогинов П.Ф. 729
 Вохмин А.П. 226, 279, 738
 Врангель А.П. 577
 Врангель Е.П. 577
 Врангель М.Д. 198
 Врангель Н.П. 577
 Врангель П.Н. 84, 88, 94, 151, 198, 203, 231, 233,
 237, 273, 274, 276, 278, 279, 364, 440, 444,
 446–448, 450, 455, 488, 546, 563, 565, 572, 573,
 576–577, 646, 674, 716–718, 720, 826, 828–831,
 845
 Врангель П.П. 577
 Врасский И.Я. 720
 Всеволодов Н.Д. 169, 202, 210, 215, 216, 248, 250,
 818, 850
 Второв А.Ф. 268
 Высоцкий И.В. 761
 Вышчельский Л. 469
 Вяжсеев П.С. 314
 Вязьмитинов В.Е. 278, 451, 720

 Габаев А.Г. 222
 Гаврилов 222
 Гаврилов В.И. 180
 Гаврилов С.И. 720
 Гагкуев Р.Г. 4, 7
 Гаевский А.Т. 729
 Гай Г.Д. 469
 Гайда Р. 329, 332, 582–585, 587–590, 593, 595–597
 Гайда Ф.А. 495, 827
 Гайманов 668
 Галкин А.С. 147
 Галкин В.И. 275, 760
 Галкин Н.А. 94, 180, 846
 Галкин Н.Г. 426
 Галлер Ю. 467–469
 Гамбетта Л.М. 555, 556
 Гамильтон Я. 603
 Гамченко Е.С. 147, 279
 Ганин А.В. 13, 14, 87, 90, 108, 132, 138, 142, 148,
 172, 182, 210–212, 215, 216, 221, 226, 235, 236,
 258, 274, 287, 300, 303, 317, 357, 373, 380, 382,
 388, 399, 404, 406, 441, 460, 477, 585, 591, 630,
 639, 646, 716, 752, 767, 769, 771–773, 775, 790,
 792, 794, 796, 799, 801, 804, 807–814, 816, 818,
 820–823, 825, 842, 845, 851
 Ганнибал 376
 Гарабурда Е.М. 34, 226

 Гаранов 622
 Гарибальди Д. 399
 Гарф В.Е. 757
 Гаспарян А.С. 849
 Гатовский В.Н. 372
 Гаттенбергер А.Н. 160
 Гейден Д.Ф. 25, 729
 Гейман В.В. 180
 Геймовский В.А. 738
 Геккер А.И. 174, 176
 Генбачев В.И. 720
 Генриксон В.Н. 372
 Георгиевич М.М. 278, 720
 Георгиевский А.Г. 29, 180
 Гернгросс Б.В. 729, 841
 Герсон В.Л. 709
 Геруа А.В. 720, 753, 786
 Геруа Б.В. 25, 26, 40, 43, 44, 47, 48, 52–54, 100, 111,
 134, 262, 388, 477, 753, 756, 757, 760, 762, 771,
 773, 785, 786
 Герчиков 760
 Гершельман А.С. 822
 Гершельман В.Д. 25, 738
 Гершельман В.К. 225, 754
 Гершельман Ф.К. 98
 Гетманцев И.Р. 738
 Гиренко Ю.С. 301
 Гиршфельд-Островский А.В. 617, 618, 620
 Гиссер Г.Г. 57
 Гитлер А. 300, 421, 425
 Глаголев В.П. 761
 Гладков А. 523
 Глазов В.Г. 99
 Глебов 603
 Глебов Е.Я. 154, 159, 164
 Глезаров Л.М. 220
 Глиноцкий Н.П. 100
 Глинский (Глиндский, Глиндеман) 738
 Глинский Н.С. 840
 Глищинский А.А. 781
 Глобачев К.И. 187
 Глобачев Н.И. 720
 Глудин И.И. 34
 Глухарев А.А. 158
 Глухарев В.А. 154, 156–158, 163, 164
 Говоров А.В. 720
 Говорун В.Д. 7
 Гоерц А.А., фон 276, 729
 Голдин В.И. 4, 7, 302, 303, 426
 Голенко 614, 616, 617, 620, 622
 Голинок Д.Л. 664, 786
 Голицын В.В. 331, 332, 595–596
 Голицын Е.М. 180, 182, 389, 467
 Головань С.А. 720
 Головин Н.Н. 124, 236, 243, 351, 362, 365, 366, 574,
 581, 753, 814
 Головин С.А. 173
 Головкин В.К. 738

- Голубев С.Н. 34, 57
 Голубович Н.А. 407
 Голубятников А.Ф. 738
 Гольдгаар В.А. 729
 Гондель В.К. 169
 Гонтарев Б.В. 730
 Гончаренко С.В. 730
 Гончаров А.А. 288
 Горелик Я.М. 176
 Горин-Галкин В.Ф. 370
 Горчаков А.Г. 8
 Горчаков Г.С. 170, 287, 469
 Готгардт З.И. 671
 Готовцев А.И. 177, 293, 760
 Готье Ю.В. 671, 704, 708
 Гофман В.В. 730
 Гофман М. 540
 Гофф В.В. 457
 Градов 315
 Грасид 168
 Гребенщиков С.Я. 145, 146, 720
 Грегулевич 510
 Грезин И.И. 205
 Греков А.П. 147
 Греков В.П. 477
 Греков П.В. 667
 Грибовский В.Ю. 491
 Григорович Б.Н. 234
 Григорович И.К. 502
 Григорьев 607
 Григорьев 668
 Григорьев А.Т. 288
 Григорьев А.Ф. 180
 Григорьев Л.Ю. 667, 668
 Григорьев Н.А. 696
 Григорьев С.Д. 180, 236
 Григорьев Ф.Л. 775
 Григорьев Ю.В. 730
 Григорьев Ю.И. 44, 45, 46, 51, 57, 64, 191, 318, 400,
 599, 791, 798
 Григуль П. 303
 Гримм Д.Д. 662, 673, 674, 711
 Гринев 162
 Грицай С.А. 667, 670
 Грицкевич А.П. 850
 Гришин-Алмазов А.Н. 160
 Гришин Ф.Н. 738
 Гришина Р.П. 7
 Громов Н.В. 763
 Гроссман 412
 Грузинский И.Г. 762
 Грулев М.В. 98
 Грундман Э. 446
 Грюнберг Г.Э. 730
 Гудзенко И.А. 721
 Гудим-Левкович П.К. 482
 Гук Г.К. 730
 Гулевич А.А. 110, 120, 133
 Гулыга И.Е. 721
 Гумберт Н.П. 825
 Гурвич 604
 Гурко 764
 Гурко И.Д. 98
 Гурко-Омельянский Н.Н. 764
 Гуртовенко Х.В. 236, 248
 Гусаковский П.Н. 764
 Гусев С.И. (Драбкин Я.Д., псевд. Соломин С.) 350,
 632, 633, 660, 794, 803
 Гусликов 510
 Гутор Александр Евгеньевич 707
 Гутор Алексей Евгеньевич 320, 639, 704–710, 712,
 714, 715
 Гучков А.И. 205, 504, 516, 519, 523, 648
 Гушин 394, 395
 Гушин Н.А. 271
 Гушин Ф.А. 8
 Гушинский В.Н. 763
 Даватц В. 278
 Давыдова А.Л. 714
 Дагаев Н.П. 271
 Далер (Даллер) В.В. 401, 614, 800
 Дан Ф.И. 677
 Даниленко И.С. 8, 68
 Данилов 539
 Данилов Г.А. 488
 Данилов И.А. 211
 Данилов Н.А. 105
 Данилов С.И. 287, 760
 Данилов С.С. 171
 Данилов Ю.Н. 451, 721
 Данишевский К.Х. (К.Ю.Х.) 255, 257, 258, 392,
 632, 633, 704
 Данкль В. 352
 Данске А.С. 730
 Данченко С.И. 7
 Даровский Н.В. 730
 Дауман А.Э. 258
 Дахия 604
 Дашкуев М.Д. 849
 Девель А.В. 739
 Девольский 604
 Деллингсгаузен Н.А. 66, 225
 Дембовецкая В.Д. 667
 Дементьев Г.И. 730
 Деникин А.И. 5, 6, 16, 86, 94, 98, 100, 141, 143, 144,
 145, 146, 151, 155, 162, 188, 191, 199, 204, 214,
 216, 226, 227, 230, 232–234, 240, 241, 246, 248,
 251, 273, 281, 299, 300, 304, 328, 336, 339, 340,
 349, 362, 363, 441–443, 448, 449, 475–479, 485,
 486, 489, 490, 511, 516, 522, 546, 547, 560–562,
 564, 565, 567–574, 577, 580, 583, 586, 595, 600,
 632, 634, 636, 637, 638, 640, 645, 651, 653, 663,
 664–666, 668–670, 674, 676, 677, 684, 685, 689,
 691, 695, 718, 753, 757, 760, 763, 768, 769, 772,

- 778, 784, 785, 791, 799, 802, 803, 810, 813, 824,
828, 832, 845
- Деникина-Грей М.А. 144
- Денисов 803
- Дербер П.Я. 161, 163
- Деревлев В.А. 739
- Дервянко И.В. 100
- Дерябин А.И. 674
- Десино К.Н. 753
- Десино Н.Н. 211, 238
- Дзагания А.С. 226
- Дзевалтовский (Дзевялтовский) И.Л. 72, 360, 658,
659
- Дзевановский В.А. 721
- Дзержинский Ф.Э. 54, 166, 182, 189, 192, 197, 205,
206, 215, 216, 249, 279, 323, 381, 388, 393, 401,
408, 607, 661, 662, 667, 670–672, 676, 686, 709,
714, 715, 750, 791–794, 797, 803, 805, 806
- Дзиркал 604
- Дзюбенко С.С. 470
- Диденко А.М. 141, 721
- Дидковский М.М. 25
- Дикий 231
- Димант 81
- Дитерихс М.К. 268, 327, 332, 467, 588, 845
- Длусский 231
- Дмитревский П.И. 721
- Дмитриев А.А. 180, 667, 668
- Дмитриев В.И. 316
- Дмитриев Н.И. 7
- Дмитрук В. 147
- Дмитрюков Н.Е. 739
- Дмоховский В.К. 235, 320
- Добржанский 231
- Добржияловский Б.-В.А. 754
- Добрин С.И. 433, 436
- Добровольские, сестры 622
- Добровольский Н.С. 739, 760
- Добропольский С.К. 279, 721
- Добрынин В.В. 730
- Добрышин А.Ф. 132, 201, 753
- Довбор-Мусницкая А. 466
- Довбор-Мусницкий И.Р. 70, 465–467
- Довбор-Мусницкий К.Р. 466
- Довбор-Мусницкий Ч.Р. 466
- Дойков Ю.В. 438, 439
- Долгов Н.В. 730
- Долгушин А.Ф. 223
- Долинский Е.П. 730
- Долинский Н.Н. 59, 226
- Домелунксен Н.Ф. 127
- Домнин И.В. 7, 274, 276
- Доможиров К.В. 739
- Доможиров Н.Н. 34, 43, 44, 46, 55, 60, 64, 170, 190,
203, 257, 385, 389, 391, 399, 400, 404, 612,
622–624, 633, 797, 803, 836
- Доможирова Е.Я. 803
- Дорман М.А. 180, 851
- Дорман П.Е. 730
- Дорофеев К.К. 730
- Дорошевская К.Н. 667, 668
- Дорошевский Н.Ф. 668
- Дорошкевич А.В. 180
- Дорстгер 526
- Достовалов Е.И. 279, 637, 721
- Доценко 462, 463
- Доян-Мишевский Э. 467
- Драгомиров Абрам Михайлович 231, 232, 278, 492,
721, 776
- Драгомиров Александр Михайлович 776
- Драгомиров В.М. 278, 776
- Драгомиров М.И. 262, 776
- Драгомирова С.М. 776
- Драке В.Л. 51
- Драценко Д.П. 452, 565, 721
- Дрейер В.Н., фон 98, 101, 441, 477
- Дробыш-Дробышевский Ф.М. 180
- Дроздовский Л.А. 147, 755
- Дроздовский М.Г. 568, 573, 575, 755, 846
- Дроздовский Н.И. 226, 385
- Дрон В.С. 739
- Дронов Ф.Ф. 730
- Дружинин А.С. 98, 264, 269
- Дубинин Е.М. 225
- Дубинин Т.Д. 763
- Дубинский И.В. 638
- Дубовский А.Н. 721
- Дубяго Г.А. 721
- Дудоладова Н.А. 426
- Дукельский 504
- Дулькис 739
- Думбадзе Г.С. 280, 460
- Думенко Б.М. 845
- Думский Ф.А. 730
- Дурасов А.А. 225, 275
- Дурнев 433, 438
- Дурново П.П. 180
- Дурново С.С. 110, 133
- Дуров Б.А. 280
- Дуроп К.Н. 108
- Дутов А.И. 101–108, 116, 117, 124, 125, 127, 135,
137, 138, 179, 180, 182, 198, 215, 275, 325, 332,
333, 335, 582–585, 589–591, 593, 595–597, 814,
821, 845, 847–849, 851
- Дутов О.А. 591
- Дутова В.А. 591
- Дутова Е.А. 591
- Дутова М.А. 591
- Дутова Н.А. 591
- Дутова О.А. 591
- Духонин Н.Н. 179, 180, 823
- Душкевич А.А. 754, 764
- Дыбенко П.Е. 533, 795
- Дылан С.С. 625
- Дьяков Г.С. 64, 177, 291
- Дьяковский М.М. 739

- Дюкс П. 645
 Дюсиметьер Л.П. 756, 760
 Дядюша С.И. 147, 198, 418, 841, 851
- Евгений Савойский 348
 Евдокимов Е.Г. 445, 446
 Евдокимова (Дроздовская) О.В. 576
 Евреинов (Иевреинов) Б.И. 667, 668
 Евстратов М.Т. 275
 Егоров А.Е. 721
 Егоров А.И. 382, 443, 445, 835
 Егоров Н.Д. 154
 Егоров Н.Ф. 66, 739
 Егорьев Б.Н. 543
 Егорьев В.В. 543
 Егорьев В.Н. 38, 84, 217, 251, 412, 529, 541–543, 771
 Егорьев К.Н. 543
 Езеев А.Б. 772
 Екатерина II 263
 Елизаров Н.С. 755
 Елчанинов А.Г. 118, 119, 127, 132, 134, 180
 Ельшин А.Я. 350, 351
 Епихов Н.Н. 721
 Еранцев Ф.Н. 499, 508
 Ерарский Н.В. 452, 730, 822
 Еремеев 49
 Ержиковский Л.Н. 739
 Ермолаев А.П. 730
 Ермолин П.И. 764
 Ерофеев Г.К. 210, 251, 730
 Ерофеева (Щепихина) А.К. 563
 Ершов В.Ф. 303
 Ефимов А.Г. 300
 Ефимов Н.П. 721
 Ефремов А.Ф. 44, 739
 Ефремов Ф.Ю. 637
 Ещенко В.С. 7
 Ещенко Н.Д. 147
- Жанен М. 357, 468
 Жданов Н.А. 215, 235
 Железнов Н.В. 739
 Желиховский В.И. 146, 147
 Желтышев В.А. 241
 Животовский Н.Н. 29, 730
 Жихулин Н.А. 721
 Жилинский Я.Г. 180, 309, 310
 Жиров Б.М. 845
 Жихор К.И. 317, 318, 598, 599
 Жихор М.И. 739
 Жнов А.И. 721
 Жозеф 340
 Жолынский И.И. 730
 Жомини Г. 338
 Жуков Г.К. 283, 284, 289
 Жуков М.Н. 198
 Жуков С.А. 730
- Журавлев В.В. 160
- Забегалов Н.Я. 58, 64
 Завадовский 739
 Завадский Е.А. 739
 Завалиевский К.П. 739
 Завершинский В.И. 8
 Загородный М.А. 731
 Загю М.М. 294, 851
 Загю Н.М. 721
 Зайончковская З.М. 567
 Зайончковская Н.А. 567
 Зайончковская О.А. 567, 750
 Зайончковский А.М. 351, 565–567, 635, 636, 638–643, 704, 708, 711, 714, 750, 785, 848
 Зайончковский М.А. 565
 Зайончковский П.А. 267, 295
 Зайцев И.М. 101, 102, 115, 116, 137, 138, 236, 237, 848
 Зайцов А.А. 14
 Зайченко З.И. 201, 239
 Зако 72
 Залеский В.Н. 68, 77
 Залесский 739
 Залесский К.А. 16, 540, 582, 710
 Залесский П.И. 279, 721
 Зальф А.А. 721
 Замбржицкий Б.А. 754
 Замбржицкий В.А. 25, 721, 824
 Занкевич М.И. 243, 314, 315
 Запольский Н.В. 721
 Зарин Н.Д. 180
 Зарубаев В.Н. 295
 Затеplinский В.К. 241
 Захаров И.А. 731
 Захаров М.В. 283–285, 296
 Захарова Л.Г. 265
 Зашук И.И. 755
 Зботонов Н.И. 740
 Звегинцов (Звегинцев) Н.И. 431, 432, 436, 437
 Звиргзд К.А. 180
 Звонарев К.К. 314
 Звягин С.П. 851
 Зданович А.А. 4, 60, 192, 211, 380, 382, 397, 404, 407, 630, 644–646, 751, 789–792, 797, 804, 807
 Зейфарт А.А. 112
 Зиверт В.Г. 44, 46, 47, 64, 400, 404
 Зигель Д.М., фон 721
 Зимин 394
 Зимин В.А. 731
 Зимин М.И. 740
 Зими́на В.Д. 7
 Зинкевич М.М. 722
 Зиновьев Г.В. 221
 Зиновьев Г.Е. 57, 58, 192
 Злобин Р.В. 731
 Злотницкий 526
 Змиенко В.Е. 25, 147

- Золотарев М.И. 731
 Золотаренко Н.П. 731
 Зорин В.П. 773
 Зубкевич В.В. 8
 Зубковский С.А. 279
 Зуев В.Н. 771, 821, 835
 Зуев Д.Д. 750, 751
 Зуев Д.Д. (сын) 8, 653, 751
- Иваненко (Врангель) О.М. 577
 Иваницкий К.А. 731
 Иванов 231
 Иванов 389
 Иванов 666
 Иванов А.Г. 180
 Иванов Б.М. 20, 654
 Иванов В.С. 722
 Иванов Г.К. 44
 Иванов И.Б. 821
 Иванов К.В. 758
 Иванов Н.В. 226
 Иванов Н.И. 15, 353
 Иванов-Ринов П.П. 159, 160, 162
 Ивановский В.А. 317, 318, 598
 Ивановский Е.Л. 731
 Ивановский Н.М. 225
 Иваснов Я.К. 400
 Ивашкевич Н. 667, 670
 Иващенко М.И. 758
 Игнатъев А.А. 98, 109, 292, 297, 307–316, 781, 849
 Игнатъев А.Н. 25, 731
 Игнатъев М. 308, 781
 Игнатъев Н.Н. 280, 722
 Игнатъев П.А. 308, 310, 314, 781, 849
 Извольский 309
 Изергин М.И. 300, 731, 772, 840
 Изергин С.М. 722, 840
 Измайлов А.А. 731
 Измайлов М.А. 722
 Измайлов С.М. 275, 740
 Измestъев П.И. 132
 Изюмов А.М. 740
 Ильин 38
 Ильин А.Е. 578
 Ильин И.А. 671
 Ильин И.С. 213
 Ильин С.И. 66
 Ильинский П.К. 312
 Илькевич Н.А. 234
 Ильяшев С.А. 44, 48
 Имнадзе Е.С. 722
 Инно (Кульдвер) А.А. 174, 176
 Иностранцев М.А. 35, 260, 269, 351, 816, 817
 Инютин М.В. 25
 Иоэфович Ф.Д. 180, 182, 530, 771
 Ионас Н.К. 667, 668
 Ионов А.М. 330, 332, 821
 Иордан Б.М. 759
- Ипатович-Горанский А.И. 109, 110, 133
 Ипатьев Н.Н. 225, 604
 Ипполитов 611
 Исаев А.В. 285
 Исаев Е.И. 44, 60, 61, 63, 64, 191, 254–257, 259, 385, 399, 400, 404, 625, 627, 763
 Исаева Н.П. 803
 Искрицкий Е.А. 775
 Истомин И.И. 667, 668
- Йованович А. 301, 302
 Йованович М. 8, 367
- Каблицкий Н.Е. 731
 Кавернинский В.И. 731
 Кавтарадзе А.Г. 8, 40, 55, 98, 175, 210, 225, 226, 238, 274, 275, 356, 382, 534, 771, 800, 801, 814, 816, 818, 823, 835
 Кавтарадзев А.И. 210
 Кадников Н.И. 44, 386
 Кадомский Д.П. 238
 Кадушкин Н.А. 740
 Кадыкин В.П. 731
 Казакевич (Зайончковская) М.М. 567
 Казанович Б.И. 237, 722, 772, 783
 Кайгородов М.Н. 180
 Какурин Н.Е. 174, 176, 477, 567, 757
 Калашников Н.С. 161, 164
 Каледин А.М. 155, 538, 540, 757, 845, 849
 Каледин В.М. 539
 Калинин А.А. 731
 Калинин И.А. 731
 Калинин И.М. 845
 Калинин М.И. 404, 458, 471, 612, 622
 Калинин Н.П. 722
 Калиновский К.Т. 722
 Калмыков И.П. 163
 Калнин Ф.К. 642
 Калугин 740
 Кальницкий М.Н. 280, 722
 Каменев А. 97
 Каменев Л.Б. 189, 803
 Каменев С.С. 175, 176, 191, 209, 630, 761, 775, 792
 Каменский А. 213
 Каменский А.З. 550, 551
 Каменский С.Н. 757, 758
 Каминский В.В. 94, 177, 210, 211, 221, 241, 326, 652, 767–770, 772–776, 778–780, 782, 787, 788, 807–816, 818–825, 851
 Кангелари В.А. 73, 80
 Кандауров Д.Л. 731
 Канинский Г.Г. 8
 Канненберг В.Р. 372
 Кантакузен С.М. 309
 Каньшин П.П. 226
 Каплан Ф. 796
 Капнин К.Л. 637, 640–642, 731, 785
 Капнист В.И. 314

- Капель В.О. 111, 112, 135, 197, 198, 219, 222, 223, 242, 281, 330, 332, 592, 651, 761, 773, 783, 787, 845
- Капустин Н.Я. 754, 755
- Капустянский Н.А. 145, 147, 417, 418, 842
- Капутовский А.К. 275
- Каратинский Г.П. 740
- Карахан Л.М. 218
- Карачан Р.Р. 826
- Кара-Мурза С.Г. 495
- Карганов Н.А. 226
- Каревский А.А. 241, 787
- Каревы 671
- Каринский 433
- Карл XII 423
- Карликов В.А. 102
- Карлсон К.-Р.-Г.К. 210, 219, 240
- Карпенко С.В. 4, 7, 802, 826–829, 831–833
- Карпов 433, 438
- Карпов Н.В. 731
- Карпов Н.Д. 444
- Картагузов С.В. 8
- Карташов А.В. 673
- Карягин Г.Б. 34
- Касьяков М.И. 497–499, 508, 509
- Касьянов А.Д. 314
- Катанский М.М. 457, 458
- Катин-Ярцев М.Ю. 8
- Каульбарс А.В. 275, 722
- Каширин В.Б. 7, 179, 307, 317, 351, 567, 789
- Каширин Н.Д. 221
- Кашуба Валентина Ивановна 428, 437
- Кашуба Валерий Иванович 428
- Кашуба И.С. 180, 426–434, 436–439, 850
- Квакин А.В. 334
- Квист 263
- Квитницкий Л.В. 180
- Кедров М.С. 60–63, 192, 238, 397–400, 402, 405, 406, 408, 409, 612, 615, 620–622, 654, 656, 686–688, 793, 794, 806
- Келчевский А.К. 33, 114, 120, 121, 135, 279, 760
- Кергер М.-А.О. 70
- Керенский А.Ф. 326, 329, 355, 356, 388, 528, 540, 647, 752, 754, 799
- Кизеветтер А.А. 673
- Киквидзе В.И. 250
- Кикнадзе В.Г. 60, 380, 381, 794
- Киленин Н.А. 722
- Килингаров И.Ф. 731
- Кильвейн 667, 670
- Кирей В.Ф. 760, 841
- Кирмель Н.С. 4, 7
- Кирпичников А.В. 58, 293, 758
- Киселев П.Д. 261
- Киселевский Н.М. 722
- Кисельбаш 34
- Кисис 254
- Кислов Г.Я. 722
- Кисловский Л.Л. 693
- Кислый П.Г. 565
- Кисляков В.Н. 180
- Кишкин Н.М. 671
- Кияшко А.И. 179, 180
- Киященко Г.Т. 33, 264
- Клавинг В.В. 822
- Клаузевиц К.Ф.Г., фон 348, 555
- Клейнберг 616, 620, 622
- Клембовская М.А. 711
- Клембовский А.-О.Н. 706
- Клембовский В.Н. 171, 180, 182, 639, 704–706, 708–711, 713–715
- Клембовский Г.В. 706
- Клембовский Н.Н. 706
- Клементьев В.Ф. 651, 772
- Климковский Е. 471
- Климович А.К. 370
- Климович Е.К. 444
- Климовских В.Е. 176, 287–290
- Клич Н.А. 288
- Клуге К.И. 34
- Клюев Н.А. 275, 427
- Клюев Л.Л. 174, 294
- Ключевский В.О. 671
- Кныш А.М. 228
- Князьков С.А. 667
- Кобзов В.С. 117, 215
- Ковалев М.А. 740
- Ковалевский А.Н. 180, 186, 187, 219, 245, 754, 757, 763, 784
- Ковалевский М.В. 722
- Ковалинский А.Д. 504
- Коваль-Медзвецкий Н.А. 147, 840
- Ковальчук М.А. 4, 7, 146, 454, 636
- Ковригин А.И. 48
- Кожевин В.Л. 491
- Козлов Д.Ю. 491, 527
- Козлов И.И. 329, 332
- Козловский Э.И. 72, 73, 77
- Козубский А.И. 740
- Кокин С.А. 7
- Кокоулин И.П. 162
- Кокоулина О.П. 162
- Колегов С.Н. 34, 764
- Коленковский А.К. 177, 293, 754, 764
- Колеров М.А. 4, 7
- Колесников 51
- Колесников Н.В. 332
- Колесников Ф.П. 740
- Колмаков Л.Г. 740
- Колодеев Ф.А. 147
- Коломенский Н.П. 722
- Колонтаев 313, 314
- Колосовский (Колосовский) В.В. 749, 760
- Колпакиди А.И. 8, 393, 601, 607
- Колтышев П.В. 280, 568, 740

- Колчак А.В. 94, 101, 113, 120, 127, 132, 138, 153, 156, 161, 164, 191, 247, 286, 308, 324–326, 330, 331, 333–336, 362, 486, 491, 492, 494–504, 507–510, 512–517, 519–528, 560, 561, 564, 579, 581–584, 586, 588–590, 592–594, 596, 597, 634, 654, 665, 668, 676, 689, 693, 694, 714, 754, 756, 761, 762, 764, 768, 769, 772, 783, 813, 814, 817, 848–850
 Колчинский А.А. 731
 Кольцов П. 673
 Колобакин Б.М. 124, 127, 268
 Колюбакин В.Н. 722
 Колянчук А. 768, 839, 841
 Комаров 129
 Комаров П.Д. 105, 107, 110, 129, 133
 Комельков А.А. 731
 Комиссарова А.А. 8
 Кондратович К.А. 840
 Кондратович Л.Л. 840
 Кондратьев Б.Н. 174, 294, 764
 Кондратьев В. 203
 Кондратьев В.И. 722
 Кондрусев С.М. 290
 Коновалов А.И. 740
 Коновалов А.Н. 242
 Коновалов Г.И. 451, 565, 571, 722
 Коновалов П.И. 722
 Коновалова З.В. 580
 Кононов-Кононович К.Л. 280
 Конопко-Мухин Б.Ф. 667
 Коноплин Н.А. 740
 Конради М.М. 205
 Константин Константинович, великий князь 568
 Константинов К.М. 667, 668
 Константинов С.И. 97
 Конаяев А.С. 731
 Корвин-Круковский А.В. 234
 Коржавин В.И. 431–433, 436–438
 Коржавин С.И. 431–433, 436, 438
 Корк А.И. 124, 176, 773
 Корнатовский Н.А. 205, 663
 Корнилов Д.Л. 539
 Корнилов Л.Г. 5, 29, 33, 54, 125, 144, 154–157, 160, 162, 164, 343, 354, 363, 367, 495, 538, 539, 545, 572, 577, 669, 720, 755–757, 763, 845, 849
 Корнилов Ю.Л. 539
 Корнилова Н.Л. 539
 Коробков А.А. 288
 Коровяев А.И. 731
 Корольков Ф.И. 722
 Кортаев В.И. 7
 Корсак В. 227–229
 Корсун Н.Г. 293, 294, 762
 Корф Е.Ф. 347
 Корчаков-Сивичский В.В. 279, 740
 Косач Т.С. 40, 41, 51
 Косенко О.Н. 527
 Космаенко И.П. 732
 Косматов А.В. 174, 176, 754
 Костанди Л.В. 180, 427
 Костенко М.Ф. 732
 Костров С.И. 221, 275
 Кострюков И.Т. 180
 Костяев А.Ф. 45
 Костяев М.Ф. 45
 Костяев Ф.В. 44, 45, 49, 50, 60, 61, 64, 175, 186, 190, 191, 258, 391, 401–404, 613, 615, 616, 625, 648, 695–699, 701, 761, 791, 798, 801, 813, 850
 Костяева-Булич О.А. 45
 Косьмин В.Д. 96, 327
 Котельников А.А. 244, 722
 Котен А.Ф. 180
 Коткович Ф.М. 627
 Котляревский С.А. 671
 Котомин В.В. 676
 Коханов Н.И. 49, 271
 Коцебу П.А. 722
 Кочержевский В.В. 732
 Кочик В.Я. 404, 600, 601
 Кочнев Д.А. 162
 Кравец Ф.А. 667, 668
 Краинский 607
 Краковецкий А.А. 161
 Красицкий Н.Ф. 732
 Краснов Н.Н. 732
 Краснов П.Н. 207, 213, 448, 540, 573–575, 845, 849
 Краснокутский Н.В. 487, 488
 Красовский 752
 Крахотин 503, 507
 Крашенинников Н.П. 661, 667, 668
 Крашталев Н.М. 732
 Крейтер В.В. 722
 Кременецкий А.Т. 29, 732
 Кремков 759
 Крестинский Н.Г. 740
 Кржеминский Н.Н. 722
 Кривенко В.В. 314, 315, 732
 Кривоуццкий Г.И. 732
 Кригер О.-Г.-А.Ф. 722
 Критский М.А. 200, 636, 641, 777
 Кросовский М.Я. 760
 Крузе А.Я. 236, 286
 Крупенский 231
 Крутиков Н.А. 180
 Кручинин А.С. 7, 217, 219, 274, 300, 325, 584, 773, 783, 785, 851
 Кручинин А.М. 8, 817, 821
 Крушевский Н.Н. 732
 Крыленко Н.В. 245, 533, 713, 795
 Крылов П.Н. 225
 Крюгер А.И. 222, 223
 Кряжина А.Е. 667
 Кубасов А.Л. 439
 Кудельский И.Д. 741
 Кузленков В.Н. 7
 Кузнецов 673

- Кузнецов Б.И. 49, 60, 61, 63, 64, 177, 191, 294, 318, 385, 391, 400–402, 404, 599, 626, 627, 632, 763, 801
- Кузнецов В.А. 117, 215
- Кузнецов И.И. 289, 291, 293, 294
- Кузнецов К.Д. 180
- Кузнецов М.Н. 238, 732, 754
- Кузнецов Н.А. 7
- Кузнецов С.А. 180, 219, 323, 598, 651, 652, 659, 661, 664, 667, 668, 783, 808
- Кузьмин А. 260
- Кузьмин М.К. 741
- Кузьмин Ю.А. 348
- Кузьмин-Караваев А.Д. 180
- Кузьмин-Караваев А.Н. 722
- Кузьминский А.Ф. 147
- Кук А.И. 176, 400
- Кулеш В.Я. 667
- Кулик Г.И. 283
- Кульжинский С.Н. 147, 841
- Куновский 180, 389
- Куприн А.И. 574
- Куприянов В.А. 176, 177
- Купцов И.В. 8, 138, 154, 579
- Куракина Т.Г. 204
- Куропаткин А.Н. 352, 476, 482
- Кусонский П.А. 25, 230, 303, 722, 754, 764
- Кутепов А.П. 570
- Кутузов В.А. 663
- Кутырев Г.Я. 34, 37, 55, 61, 63, 64, 166, 318, 322, 381, 382, 389, 391, 399, 400, 401, 404, 599, 601, 609, 611, 763
- Кутяков И.С. 375–377, 379
- Кухтина С.И. 621
- Кучинский М.В. 741
- Кушакевич А.Е. 840
- Кушелев Ю.В. 741
- Куш В.М. 90, 92, 147, 419, 840, 842
- Куш Я.Г. 741
- Кырсанов 433
- Кюрц И.Р. 662
- Лавдовский В.А. 723
- Лаверн 359
- Лаврентьев А.Д. 723
- Лагучев С.Д. 667, 669
- Ладыженский В.А. 762
- Ладыженский Г.М. 761
- Лазарев Б.П. 723
- Лазаревич В.С. 176, 753–756, 761, 764, 836
- Лазаренко-Дедковский М.М. 147
- Лазари А.Н., де 291, 292, 713, 764
- Лайдонер И.Я. 754, 755, 758, 764
- Лайминг П.А., фон 180
- Лампе А.А., фон 245, 276, 303, 450, 569, 577, 638, 639, 641, 674, 708, 709, 732, 773
- Ланглау И. 483
- Лапшевский 256
- Лапшин Б.П. 242, 400, 741
- Ларионов Я.М. 723
- Ларьков Н.С. 159
- Ластовский Б.М. 146
- Ласточкин А.Г. 732
- Ласточкин В.Г. 180, 723
- Латышев Н.С. 741
- Лауниц, фон дер 500
- Лауриц А.А. 202, 216, 732
- Лауриц Е.И. 216
- Лахинский К.К. 73
- Лацис М.Я. 181, 206, 686
- Лашевич М.М. 47
- Лебедев В.Г. 732
- Лебедев В.И. 117, 241, 786
- Лебедев Д.А. 124, 132, 153, 237, 324–326, 332–336, 582–584, 586–588, 772
- Лебедев Д.К. 219, 237, 360, 372, 411, 552, 555, 754–756, 758, 760, 764
- Лебедев М.В. 25, 238, 840, 841
- Лебедев М.П. 712
- Лебедев П.П. 175, 653, 709, 712, 714, 758, 761, 784
- Лебедев П.П. (сын) 712
- Лебедева А.П. 712
- Лебедева М.П. 712
- Лебедева О.Н. 712
- Лебедева О.П. 712
- Левандовская Я. 466
- Левизов Н.И. 723
- Левитов М.Н. 636, 637, 641, 674
- Левицкий Б.А. 20, 180, 204, 407, 652, 658, 659, 661, 662, 666, 754, 756, 758, 764, 783
- Левицкий В.И. 723
- Левицкий К.Л. 741
- Левицкий Л.И. 741
- Легин А.Ф. 226
- Леер Г.А. 338, 347, 348, 480, 483
- Лейхтенбергский Е.М. 262, 263
- Лемке М.К. 351
- Ленин (Ульянов) В.И. 60–62, 64, 74, 80, 88, 89, 181, 189, 196, 206, 209, 257, 370, 373, 377, 378, 382, 388, 404, 442, 443, 551, 554, 613, 630, 631, 661, 672, 676, 677, 685, 789, 790, 792–796, 804–807, 845, 850
- Ленин (Белый) Н.В. 723
- Леонидов В.В. 7
- Леонов А.Н. 168
- Леонов Г.В. 34, 237
- Леонов С.В. 189
- Леонтьев М.Е. 723
- Леонтьев С.М. 646
- Лепетюхин В.Ф. 663
- Лермонтов Г.М. 741
- Лесевецкий Н.П. 180
- Леус 741
- Леухин 456
- Лечицкий П.А. 710
- Лещенко В.А. 723

Либерский И.И. 825
 Либус Н.Д. 180
 Ливанов А.А. 667, 670
 Ливенцев Н.Д. 237, 238, 723, 771
 Лигнау А.Г. 752, 771, 835
 Лиденхэм К. 8
 Лидерс О.О. 231
 Линдов (Лейтейзен) Г.Д. 377
 Лиоте Л.-Ж.-Г. 311
 Липицкий С.В. 551
 Липко П.И. 147, 279
 Липский В.А. 732
 Лисицын К.К. 251
 Лисовой Я.М. 300, 774, 775, 780
 Лисовский Н.В. 171, 172, 176
 Лисовский Ю.И. 312–316
 Литвин А.А. 203
 Литвин Н.Р. 839–841
 Литовцев (Шильдбах) К.К. 216, 753
 Лихтарович Л. 34
 Лобанов Д.А. 197
 Лобачевский В.В. 723
 Логинов 604
 Ломновский В.Н. 562
 Ломновский Н.П. 561
 Ломновский П.Н. 561–562
 Луканов А.В. 741
 Лукин В.К. 528
 Лукирский С.Г. 73, 201, 222, 755, 763
 Лукомский А.С. 354, 388, 488, 572, 723, 776
 Лупаков Л.А. 754, 755
 Лурье В.М. 600
 Лушненко А.П. 147
 Лушников А.М. 97
 Львов 741
 Львов В. 81
 Львов Г.Е. 513
 Львов Н.Н. 569
 Любавин Г.П. 134
 Любимский М.С. 741
 Любинский С.С. 226, 764
 Любович К.А. 225
 Людницкий Л.Л. 761
 Людсканов-Цанков К.А. 240, 732, 756, 759
 Люндквист В.Я. 180, 201, 786
 Люпов С.Н. 326, 332
 Лютов А.Д. 294, 386
 Ляшко П.И. 741

 Мадритов А.С. 134
 Мазепа И. 422–424
 Мазур-Ляховский В.Е. 732
 Майгур П.М. 201, 399–401, 798
 Май-Маевский В.З. 716, 723
 Майский И.М. 117, 241, 786
 Мак фон Лейберих К. 349
 Макаренко А.С. 729
 Макаров 231

 Макаров 615
 Македонский А.К. 242
 Макензен А., фон 493, 581
 Максимов А.М. 26
 Максимов В.И. 294, 758, 763
 Максимов Н.С. 723
 Максимович К.К. 180
 Максимович М.Е. 741
 Максутов И.И. 741
 Макухин В.В. 20
 Маланюк Е. 145
 Малеванов 51
 Малеванов В.Л. 732
 Малиновский Д.А. 225, 331
 Малышев А.К. 60, 64, 191, 400, 617, 625, 626
 Мальков П.Д. 663, 667, 671, 672
 Мальцев Д.А. 7
 Малютин Б.В. 732
 Мамантов (Мамонтов) К.К. 217, 227, 692, 694, 785, 802, 803, 830
 Мангатов 603
 Мандельбаум 355
 Мандражи К.Н. 742
 Мандрыка Аким Акимович 486
 Мандрыка Алексей Акимович 487
 Мандрыка Г.А. 486, 487, 759, 840, 841
 Мандрыка И.А. 487
 Маниковский А.А. 356, 504–506, 512, 652, 691
 Мансурадзе Д.А. 732
 Мануйлов Г.А. 72, 73, 80
 Марицович 742
 Мариюшкин А.Л. 452, 732
 Мария Федоровна, императрица 568, 758
 Марков А. 308, 781
 Марков В.И. 180
 Марков С.Л. 111, 120, 135, 755, 760, 845
 Марковина (Корнилова) Т.В. 539
 Мармузов П.К. 836
 Маргов Ю.О. 677
 Мартусевич А.А. 642
 Мартынов А.И. 240
 Мартынов Б.П. 159
 Мартынов К.А. 238
 Мартынов П.М. 156–159, 164, 661–663, 667, 669
 Мартышок И.С. 147
 Мартягин А.А. 174
 Марцинкевич 759
 Марьяк А.В. 7
 Маслов В.Н. 34, 44, 210, 385
 Масловский Е.В. 723
 Масловский (Мстиславский) С.Д. 262
 Масляный А.П. 842
 Масягин Н.И. 34
 Матасов В.Д. 674
 Матвеев Г.Ф. 7
 Матвеев А.А. 238
 Матковский А.Ф. 34, 180, 268, 326, 332
 Матковский М.Ф. 137

- Матрошилин А.Г. 772
 Маттис Г.О. 400, 758, 763
 Махалин А.В. 8, 203
 Махин Ф.Е. 101, 102, 116–121, 135, 137, 138, 174, 210, 215, 219, 241, 301, 302, 651, 783, 786, 787, 814, 820, 822, 848
 Махно Н.И. 685, 693, 696, 803, 841
 Махов М.М. 180, 667–669
 Махров В.С. 442, 732, 843
 Махров Н.С. 204, 442, 755, 780, 843
 Махров П.С. 121, 204, 245, 300, 440–442, 444–450, 477, 561, 569–572, 581, 664, 675, 676, 723, 780, 843
 Мацков Ф. 422
 Мацнев В.Д. 742
 Машкин Н.А. 97, 100
 Медведев А.С. 588
 Медведев А.П. 614–616, 618, 755, 800
 Медель А.И. 60
 Медиокритский В.Е. 180, 760, 786
 Медянцеv И.Ф. 704
 Меженинов С.А. 176, 753, 764
 Мей П.А. 44, 45, 385
 Мекк М.Н., фон 714
 Мекк, Н.К., фон 709, 711, 713–714
 Мельгунов С.П. 205, 397, 492, 583, 654, 663, 687, 696
 Мельников Д.А. 217, 785
 Мельников-Смоленский М.И. 732
 Мельтюхов М.И. 7, 282
 Мельчаков П.П. 732
 Менжинский В.Р. 197, 650, 672
 Меннинг Б. 8
 Менчуков Е.А. 752
 Мергин Р.Д. 34, 742
 Мерецков К.А. 67, 84, 371, 372
 Мержанов Б.А. 222, 732
 Меркулов Н.Д. 578
 Месснер Е.Э. 742, 815
 Механошин (Мехоношин) К.А. 166, 175, 193, 530
 Мешковский Е.В. 147
 Мещерский 231
 Микулин А.И. 347
 Микулин В.И. 347
 Микулин И.А. 346
 Миллер Е.К. 94, 242, 243, 273, 276, 278, 426, 427, 434, 436, 437, 570, 643, 768, 769, 845
 Милоданович Е.А. 723
 Мильхнер С.С. 733
 Милюков П.Н. 648
 Милютин Д.А. 261–267, 269, 295
 Милютина О.Д. 262
 Минаков С.Т. 4, 216, 411, 639
 Минде 231
 Минц И.И. 849
 Мирбах В., фон 686
 Мирзоян С.С. 7
 Мирингоф 604
 Мироненко С.В. 7
 Миронов Ф.К. 203
 Миронцев Н.В. 241
 Митрофанов 438
 Митрофанов 604
 Михаил Александрович, великий князь 512, 683, 684
 Михаил Николаевич, великий князь 566
 Михайлов В.И. 401
 Михайлов В.Я. 733
 Михайлов Д.М. 723
 Михайлов И.А. 335
 Михайлов М.А. 48, 51, 234
 Михайлов Н.А. 180
 Михайлович Д. 301
 Михаловская М.Ф. 167
 Михайловский Б.М. 160
 Михайловский С.М. 457
 Михайловский М.М.
 Михалков Н.С. 849
 Михаловская М.Ф. 167
 Михеев М.Г. 723
 Михневич Н.П. 99, 475, 478, 479, 482, 488, 489
 Михутина И.В. 7
 Мищенко С.М. 374–378
 Мишчин Н.Н. 617
 Моденов И.Д. 63, 64, 400, 407, 612–616, 622, 696, 701–703, 796, 800
 Модрах В.К. 733
 Мозохин О.Б. 205, 439, 644
 Моисеев 164
 Молкочанов М.В. 34
 Молостов В.К. 733
 Молчанов В.М. 300
 Мольтке Г., фон 602
 Монаков С.М. 733
 Монастырев Н.А. 495
 Монигетти А.А. 455
 Монигетти К.Ф. 453–459, 851
 Монигетти Ф.Ф. 453, 459
 Монигетти (Муравьева) Э.М. 453, 455
 Монфор Е.О., де 755
 Моравицкий К.А. 234, 244, 723
 Морель Н.М. 180, 723
 Моризе А. см. Morizet A.
 Мориц А.А. 723
 Мороз Г.С. 660
 Мороз Ф.А. 733
 Морозевич И.А. 147
 Морозов Д.О. 315
 Морозов Н.А. 753
 Морозовы 458
 Москаленко М.И. 237
 Москвин В.А. 7
 Моторный Виктор Иванович 763
 Моторный Владимир Иванович 754, 763, 764
 Мочульский А.М. 653, 762, 783, 784
 Муев Д.Д. 759
 Мунтянов М.К. 25, 742

- Муравьев М.А. 424, 540
 Муравьева Э.М. см. Монигетти (Муравьева) Э.М.
 Муралов Н.И. 395, 533
 Муратов В.П. 372
 Мурузи А.А. 210, 723
 Мустафин 407
 Мшанецкий А.Ф. 742
 Мыслицкий Н.Г. 758
 Мышлаевский А.З. 107, 127
 Мягков Н.А. 225
 Мясников (Мясникян) А.Ф. 533
 Мясников П.С. 733
 Мясоедов П.П. 457, 458
 Мясоедов С.Н. 536
- Нагаев В.В. 724
 Нагаев Н.В. 733
 Нагель 604, 607
 Надежный Д.Н. 15, 192, 295, 754, 771
 Назаров А.М. 180
 Назаров М.В. 300
 Наземцева Е.Н. 7
 Наполеон Бонапарт 337, 338, 341, 366, 559, 566, 602
 Нарышкин 309
 Нарышкин А.Я. 88, 89, 590, 597
 Науменко В.Г. 280, 460, 724
 Науменко К.Е. 839–841
 Наумова О.М. 543
 Нахарбе-Маршане 548, 549
 Нацвалов А.Р. 754
 Невзоров А.П. 733
 Невский Д.Н. 267
 Невядомский Н.Е. 742
 Негродов Б.Л. 169, 836
 Недельский А.А. 180, 667, 669
 Неженцев М.О. 25
 Незнамов А.А. 105, 111, 120, 124, 129, 134, 358, 359, 372, 753, 755
 Нейдомковский 216
 Неймирок Н.З. 823
 Некора Б.В. 733
 Некрасов 659
 Некрашевич Г.М. 724, 772
 Нелавицкий 34
 Нелидов А.Л. 580
 Нерике А.К., фон 724, 840
 Нестерова Е.Д. 233
 Неуймин Н.Б. 821
 Нефедов И.С. 742
 Нечаев Н.И. 180
 Нечволодов А.С. 219, 241
 Нечкин Д.И. 653
 Нешкин М.С. 7
 Нея Я. 469
 Ниве П.А. 114
 Нидермиллер А.-Э.Г., фон 29, 88, 452, 733
 Низиненко А.Ф. 34, 147
 Никитин 433
- Никитин А.В. 438
 Никитин Б.В. 54
 Никитин В.В. 438
 Никитин В.Ф. 438
 Никитин М.П. 161
 Никифоров К.В. 7
 Никифоровский Н.М. 733
 Николаев А.Н. 385
 Николаев В.Н. 667, 669
 Николаев П.А. 220
 Николаев Я.И. 122
 Николай II 112, 347, 352, 476, 512, 513, 524, 603, 685, 799
 Николай Константинович, великий князь 480
 Николай Михайлович, великий князь 180
 Николай Николаевич младший, великий князь 125
 Никольский 622
 Никольский В.П. 724
 Никольский Н.А. 742
 Никулин И.А. 15
 Ниссель А. 570
 Нищенков А.А. 524
 Новиков А.В. 771
 Новиков В.В. 29
 Новиков И.М. 733
 Новиков Н.С. 186
 Новиков П.А. 7, 159, 161
 Новикова Л.Г. 439
 Новицкий В.Ф. 361, 372, 742, 844
 Новицкий Е.Ф. 724, 843
 Новицкий П.П. 733
 Новицкий Ф.Ф. 293, 755, 760, 771, 843
 Новоселов Д.С. 189, 804
 Нокс А. 177
 Нолькен А.Л. 733
 Носков А.А. 279, 367
 Носков А.В. 724
 Носков Е.И. 301, 303, 733, 757
 Носович А.Л. 167, 215, 219, 240, 246, 771, 775, 784
 Нотбек В.В., фон 221, 222, 223, 771
- Оберюхтин В.И. 237, 759, 760
 Оболенский М.В. 667
 Оболешев А.Д. 180
 Обручев Н.А. 278
 Обручев Н.Н. 261, 262
 Овсянникова Е.П. 536
 Огородников А.Н. 667
 Огородников Н.А. 646, 654, 660, 662, 667, 687
 Огородников Ф.Е. 771
 Одинцов С.И. 186
 Одноглазков Г.Ф. 102, 180
 Одноглазков Ф.Ф. 733
 Озолин 608
 Окаемов А.А. 742
 Окерман В.В. 756
 Окороков А.В. 303, 546
 Окулич–Казарин Я.В. 299, 467

- Окулов А.И. 72, 632
 Олейник А.И. 180
 Олферьев Ф.С. 733
 Ольденбургский А.П. 705
 Ольденбургский П.Г. 419
 Ольдерогге В.А. 759, 764, 780, 781
 Ольховицкий 399
 Ольшина-Вильчинский Ю. 299
 Омелянович-Павленко И.В. 840, 841
 Омелянович-Павленко М.В. 840, 841
 Онисов Н.Н. 742
 Оноприенко А.А. 724
 Ораевский И.Ф. 411
 Оранский А.Г. 733
 Оржановский В.Ф. 279, 742
 Орлов А.А. 576
 Орлов В.Г. 313
 Орлов К.О. 772
 Орлов М.А. 636
 Орлов Н.А. 483
 Орловский С.Н. 456
 Осецкий А.В. 147, 840
 Осинская Н.П. 384
 Осинский А.А. 466
 Остальский 162
 Остроградский М.М. 516, 841
 Остряков С.З. 660
 Острянский Н.М. 147, 238, 724
 Отмарштейн Ю.В. 147
- Паас К.В. 226
 Павлов В.Е. 637
 Павлов Д.Г. 287–289
 Павлович М.П. 370
 Павлуновский И.П. 181, 251, 466, 622, 623, 625, 650, 661, 672, 797
 Павулан В.П. 166, 396, 399, 400, 402, 599
 Пайпс Р. 644
 Пален А.П., фон дер 842
 Палицын В.А. 733
 Палицын Ф.Ф. 3, 309, 342, 345, 350, 475, 552
 Пальчиков П.А. 288
 Панкратьев А.П. 58, 60, 64
 Панов 598
 Панов А.В. 166
 Панов Ф.П. 326, 327, 332
 Пантелеев М. 550
 Панчулидзе А.Н. 307, 309–312, 314, 315
 Панчулидзе Н. 309
 Папенгут П.О. 367
 Папчинский А. 470
 Парв А.И. 234, 235, 241, 733
 Парм 81
 Парская Н.Д. 533
 Парский Александр Дмитриевич 533
 Парский Анатолий Дмитриевич 533
 Парский Д.П. 50, 360, 392, 531–533, 704, 708, 771, 775
 Парфенов П.С. 271
- Пархоменко П.Т. 733
 Пархомов Д.Н. 724
 Пархомов Л.Н. 180
 Патронов И.Ф. 733
 Паука И.Х. 292, 759
 Паунович Д. 301
 Пашковский Н.П. 742
 Певнев А.Л. 758
 Пегов И.И. 667, 669
 Пегушин В.М. 226, 743
 Пепеляев А.Н. 160
 Первушин С.А. 671
 Перевалов К.М. 742
 Перемытов А.М. 836
 Пересада–Суходольский М.С. 147
 Перков Л.Н. 743
 Пермикин Б.С. 842
 Пермяков 438
 Пермяков Л.В. 743
 Перовский А.П. 377
 Перхуров А.П. 180, 236, 755, 772
 Песоцкий В.Д. 34
 Пестич О.К. 157
 Петельнич М.П. 743
 Петерс К.К. 724
 Петерс Я.Х. 188, 686
 Петин Н.Н. 176, 186, 201, 440–446, 448–450, 452, 639, 836
 Петлюра С.В. 92, 416, 421, 540, 541, 841
 Петр I 260, 423
 Петрановский-Белаш Г.И. 102, 132–135, 137, 138
 Петрасевич П.Н. 760, 761
 Петрашевич 636
 Петренко А.П. 743
 Петров 164
 Петров А.А. 7, 584
 Петров В.Н. 147, 148, 415–425, 850
 Петров И.Ф. 733
 Петров М.М. 63, 762
 Петров Н.А. 725
 Петров Н.В. 713, 749
 Петров П.П. 221–224, 243, 564, 584, 777
 Петров С.И. 399, 400
 Петров Ф.А. 180
 Петрова З.В. 422
 Петров-Денисов И.С. 34
 Петровская О.В. 591
 Петровский 34
 Петровский Г.И. 196
 Петровский Д.А. 753
 Петровский Н.А. 733
 Петрушева Л.И. 7
 Петухов Н. 161
 Пехливанов И.Г. 43, 50, 52, 198, 219–221, 302, 303, 600, 734, 756, 759, 761, 819, 824, 851
 Пехливанова К.И. 302
 Печенкин А.А. 288, 291
 Пивоваров А.П. 724

Пиковский В.Я. 724
 Пилосян Г.Г. 7
 Пилсудский Ю. 466, 472, 837
 Пионтковский С. 156
 Пирог С.В. 400
 Пироцкая (Алексеева) А.Н. см. Алексеева А.Н.
 Писарев 231
 Пландовский В. 433, 436
 Планцис 607
 Платов М.И. 574, 575
 Платов С.А. 180
 Платонов А.П. 491
 Плетнев Д.Д. 671
 Плеханов А.А. 192, 206, 662, 667, 791
 Плеханов А.М. 192, 206, 662, 667, 791
 Плотников Е.Б. 29, 734
 Плюто 713
 Плюто С.Г. 64
 Плющевская-Плющик 759
 Плющевский-Плющик Ю.Н. 568, 569, 580, 756
 Пневский Н.В. 6, 221–223, 760
 Победоносцев 743
 Погуляев С.С. 497, 509
 Подвойский Н.И. 175, 193, 222, 223, 357, 370, 511,
 530, 537, 648, 704, 713, 777, 795
 Подгорещкий К. 77
 Подгурский С.Ф. 734, 759
 Подосенов 262
 Подчертков А.А. 452, 734
 Позерн Б.П. 79
 Покровский Г.В. 25, 724
 Поливанов Александр Алексеевич 706
 Поливанов Алексей Андреевич 342, 704–706, 708
 Поликарпов В.В. 7
 Поликарпов М.А. 34, 44, 400
 Полковников Г.П. 180
 Полковников И.Н. 63, 64
 Половцев Н.П. 724
 Полозов И.Н. 399, 400
 Полтавцев В.Н. 724
 Полуэктов С.Д. 734
 Полошкин В.З. 743
 Поляков 29
 Поляков Б.И. 799
 Поляков Б.П. 188, 189, 251, 753, 756, 757, 799
 Поляков В.Н. 734
 Поляков И.А. 724
 Поляков Н.А. 102
 Полянский 507
 Полянский С.С. 225
 Пономаренко М.А. 841
 Попелло Х.Л. 734
 Попов 29
 Попов А.П. 275
 Попов В.А. 180, 743
 Попов В.Г. 743
 Попов В.Л. 758
 Попов В.Н. 29, 724
 Попов В.П. 724
 Попов Е.И. 48, 51
 Попов И.И. 25, 180
 Попов М.К. 734
 Попов П.В. 734
 Попов П.И. 743
 Попов П.Х. 213, 303, 546
 Попов Ф.Т. 743
 Попова О.Н. 487
 Поповиченко 229
 Пораделов Н.Н. 29, 756, 757
 Пороховщиков А.С. 147, 841
 Пособляев В.Ф. 491
 Посохов А.А. 25, 724
 Потанин Г.Н. 156, 160
 Потапов 406, 407
 Потапов Г. 235
 Потапов И.Н. 734
 Потапов Н.М. 35, 46, 175, 250, 658, 755, 819
 Потемкин Н.А. 734
 Потоцкий Н. 341, 351
 Потоцкий С.Н. 724
 Починков 436
 Починков М. 438
 Починков П. 438
 Поярков И.Н. 238
 Пржевальский М.А. 278
 Притоманов В.Ф. 734
 Проваленкова И.В. 641
 Прозоров А.И. 180
 Пронин В.М. 367, 734
 Протазанов Т.М. 233, 724
 Прохоров С.Д. 724
 Прошьян П.П. 537
 Прутковский 434
 Приосинг Э.-Б.А., фон 29, 754
 Прянишников Б.В. 279
 Пугачев Е.И. 261
 Пугачев С.А. 176
 Пузицкий С.В. 258
 Пузыревский А.К. 347, 348
 Пулевич В.М. 724
 Пуляшко Б.Ф. 180
 Пуницкий Н.К. 548, 549, 694, 743
 Пуришкевич В.М. 436
 Пустовойтенко М.С. 18, 339
 Путинцев В.Д. 724
 Путята 446
 Путята Д.В. 567
 Пученков А.С. 7
 Пучков Ф.А. 328, 329
 Пятаков Г.Л. 77
 Пятковская 622
 Пятницкий В.Л. 743
 Рабинович А. 795
 Радзиевский А.И. 67, 293
 Радко-Дмитриев Р.Д. 180

- Радус-Зенкович А.А. 372
 Радус-Зенкович Л.А. 757
 Разгильдеев С.П. 231
 Разгон А.И. 537
 Раздоров Н.Т. 734
 Разин 667, 670
 Разина И.М. 8
 Рак О.Г. 147
 Ракин В.В. 180, 181
 Рамат К.-В.Я. 734
 Раскольников Ф.Ф. 249, 533
 Распутин Г.Е. 512
 Ратгаль И.И. 754
 Ратгаль Н.И. 175, 186, 188, 658, 753, 755, 757, 761, 763
 Ратьковский И.С. 189, 804
 Раух Г.О. 786
 Рафалович А.Г. 313, 315
 Рахманов Д.А. 734
 Раша В.И. см. Степановская (Раша) В.И.
 Раша Д.Н. 322
 Раша К.Н. 322, 323
 Раша К.Н. 322
 Раша Н.К. 180, 317–323, 598, 850
 Раша Т.Н. 322
 Ребдев И.А. 725
 Ревишин А.П. 180
 Редигер А.Ф. 480
 Редров 502–504
 Рейли С. 246
 Рейнштейн Б.И. 370
 Рейснер М.А. 71, 370
 Ремер А.В. 626–628
 Ренненкамф П.К. 134, 180, 576
 Репин И.Е. 262
 Рерберг Ф.П. 353, 364, 491–495, 511, 522, 523, 526, 725, 849
 Рерберг Ф.С. 25
 Реформатская З.Н. 671
 Ржечицкий В.Ф. 764
 Ригельман Е.Н. 168
 Рихтер Г.К. 180
 Ришелье А.Ж. дю Плесси 340
 Роберти Н.А., де 734, 764
 Рогов Д.П. 734
 Роговая Л.А. 7
 Рогоза (Рагоза) А.Ф. 180
 Родзаевский К.В. 272
 Родзевич 758
 Родзянко А.П. 634, 770, 822
 Родзянко М.В. 513
 Родцевич-Плотницкий Л.Л. 245
 Роженко В.Е. 29, 180
 Рожнов (Шельстов) Г.Я. 180
 Розанов С.Н. 213, 243, 753, 758
 Розенцанд 168
 Розеншильд фон Паулин А.Н. 725
 Розов-Келчевский А. 304
 Ролько А.С. 233, 251, 279, 743
 Ролько (Нестерова) А.Д. 233
 Романишина В.Н. 7
 Романов В.В. 328
 Романовский Г.Д. 243, 326, 330, 465
 Романовский И.П. 155, 234, 275, 572, 573, 580
 Ромербах 231
 Ромеров И.Ф. 180, 331
 Ронжин И.А. 364
 Рославцев И.И. 226, 743
 Российский Александр Алексеевич 485
 Российский Алексей Александрович 485
 Российский Е.А. 485, 725
 Ростиславский С.Н. 743
 Ростовцев Ф.И. 725
 Рубцов А.Н. 734
 Рудаков В.Г. 848
 Рудиченко А.И. 8, 146
 Руднев 222
 Рудский В.Н. 25, 734
 Рузский Н.В. 180, 536
 Румша К.Ю. 225, 298, 817
 Румянцев 446
 Румянцев А.В. 25
 Русаков П.П. 395
 Русинов Н.А. 743
 Руссет М.Н. 180
 Рустанович В.А. 725
 Рутыч Н.Н. 154, 217, 234, 251, 274, 279, 442, 546, 770, 783, 785, 786, 814, 842
 Рыбалтовский А.Ю. 667, 670
 Рыбалтовский Н.Н. 34
 Рыльский К.И. 26, 180, 757, 758
 Рытиков Г.С. 725
 Рычков В.В. 263, 326, 327
 Рютель Э.Я. 331
 Рябиков П.Ф. 35, 111, 137, 260, 261, 263, 753, 761
 Рябинин А.А. 238
 Рябокоть В.Ф. 198
 Рябушинские 458
 Рязанов (Гольдендах) Д.Б. 399, 400, 653, 687
 Рязнянский С.Н. 545–549, 677, 694, 734, 772
 Сабельников Н.Г. 34, 66
 Саборский Н.А. 734
 Саватеев А.И. 279
 Саввич М.Я. 222, 223
 Саввич С.С. 427
 Савельев В.З. 111, 141, 725
 Савельев Н.П. 725
 Савельев П.М. 744
 Савинков Б.В. 607, 763
 Савицкий И.В. 725
 Савич Н.В. 491
 Савченко В.П. 147
 Савченко С.Н. 295
 Савченко-Бельский В.А. 841
 Савченко-Маценко Л.И. 180, 188, 189

- Сагайдаковский В.Н. 744
 Садовский 433, 438
 Сакварелидзе-Бежанов С.Г. 759
 Саламанов Н.Н. 842
 Салимов Г.Б. 34, 180, 226
 Салимон С.М. 734
 Салов В.В. 180
 Сальнь Э.П. 750
 Сальников Д.Н. 545, 577–579, 772
 Сальский В.П. 147, 842
 Самарин 671
 Самбу Н.С. 7
 Самойло А.А. 84, 168, 170, 171, 177, 295
 Самсон фон Гиммельшерна У.И. 755, 825
 Самуйлов В.И. 372, 389
 Сандецкий А.А. 226
 Сандецкий А.Г. 180
 Санников А.С. 725
 Санников П.Н. 734
 Сапожников Н.П. 753, 755, 840
 Сапожников С.А. 7
 Саранцев 621
 Сатке 604, 607
 Саттеруп Д.В. 755
 Сафонов Я.В. 180
 Сафронов Г.П. 73, 361
 Сахаров К.В. 588, 676, 845
 Сахаров С.К. 744
 Сахарова Л.Н. 7
 Сбойчаков М.И. 440
 Сваричовская-Мамет (Егорьева) О.В. 543
 Свердлов Я.М. 187, 398, 648, 796
 Сверчков П.А. 44, 51
 Свечин А.А. 16, 71, 249, 322, 372, 376, 382, 391, 407, 411, 514, 515, 639, 640, 648, 658, 753, 755, 757, 758, 761, 762, 764, 771, 775, 825, 843
 Свечин А.М. 514
 Свечин М.А. 120, 135, 278, 279, 515, 725, 758, 843
 Свечников М.С. 174, 176, 754
 Свикке (Родионов) Я.М. 604
 Свириденко Ю.П. 303
 Свирчевская З. 667, 669–671
 Свирчевский И.В. 725
 Свищев И.С. 278, 725
 Святополк-Мирский Д.П. 744
 Свяцкий В.Н. 372, 483
 Севастопуло Е. 309
 Севастопуло М.М. 316
 Севастьянов А.Н. 744
 Север А. 393, 601
 Сегеркранц С.К. 15, 372, 762
 Седачев В.К. 29
 Седельников Т.И. 591
 Седов 162
 Седов Ф.Ф. 663
 Селивачев Б.В. 750, 751
 Селивачев В.И. 62, 241, 399, 400, 404, 409, 477, 648, 649, 653–655, 661, 687, 750, 785, 790, 800, 847
 Селинг (Селлинг) С.А. 667, 670
 Сельский В.А. 755, 756
 Селявкин А.И. 443, 444, 446
 Семашко А.Я. 218
 Семашко Н.А. 800
 Семенихин Г.З. 744
 Семенов А.К. 174
 Семенов В.Г. 132, 138, 585, 847
 Семенов (Васильев) Г.И. 117, 786
 Семенов Г.М. 161, 163
 Семенов Н.Г. 541, 771
 Семечкина Л.В. 667
 Семчевский К.В. 225
 Сенкевич 622
 Сенкевич Я.С. 744
 Сенча В.И. 772
 Серапионова Е.П. 7
 Сербинович К.И. 236
 Серафим, отец 431, 436
 Сергеев 750, 764
 Сергеев В.В. 624
 Сергеев Г.Т. 734
 Сергеев Ф.П. 734
 Сергеева Н.А. 8, 317, 319, 321, 322
 Сергеевский Б.Н. 734
 Сергейчук В. 421, 422
 Сергиевский Д.Д. 110, 133
 Серебренников И.К. 725
 Серебряков Л.П. 704
 Серебрянников В.Г. 757, 844
 Серков А.И. 117, 302
 Серов М.Г. 101, 121, 122, 137, 138, 180
 Сессаревский Б.М. 734
 Сетраков И.Д. 744
 Сиверс Ф.В. 725
 Сигарев В.А. 147, 418
 Сидорин В.И. 25, 279, 757, 760, 763
 Сидорин Л.Л. 180
 Сидоровнин С.К. 58, 167
 Сизых В.И. 734
 Сикорский В. 469, 471
 Силаев Л.З. 506
 Сильвестр 164
 Симанский П.Н. 366
 Симонов А.А. 4, 7
 Симонов А.Л. 34, 35, 37, 39, 40, 43, 44, 55, 57, 58, 89, 385, 389
 Симонов Д.Г. 132, 325
 Симонов Л.Я. 161
 Симонова Т.Л. 161
 Синеоков Н.Г. 234
 Синицын 604, 607
 Синклер В.А. 145, 147
 Сирелиус Л.-О.О. 180
 Ситников П.А. 735
 Сияльский В.П. 25
 Скалон В.Е. 328
 Скандилов В.А. 744

- Скворцов 603
Скворцов Б.Н. 44, 59, 385
Скворцов-Степанов И.И. 704
Склянский Э.М. 74, 166, 171, 175, 178, 186–188, 196, 206, 221, 249, 389, 443, 530, 613, 632, 648, 709, 714, 753, 757, 802, 803, 849
Скляревич А.Н. 735
Скобелев М.Д. 428, 439, 566, 850
Скобельцын В.С. 127, 568
Скоблин Н.В. 641, 643
Скорина И.Н. 174
Скоркин К.В. 713, 749
Скорняков Ю.В. 92, 147
Скоропадский И.И. 424
Скоропадский П.П. 139, 141, 143, 145, 148, 152, 454, 542, 546, 768
Скульме 603
Славен П.А. 632
Сластенко (Сластинок-Сластенко) Н.И. 389
Слащов Я.А. 279, 517, 771, 836
Слезкин Ю.А. 744
Слефогт А.Г. 66
Сливинский (Слива) А.В. 145, 493
Слижиков А.П. 34, 271, 272, 336, 756
Слижиков К.А. 272
Слижикова З.А. 272
Слижикова Л.А. 272
Слижикова Л.Б. 272
Слицкоухов П.П. 64
Случевский И.В. 225
Слушко 231
Смарен-Завинский В.А. 161, 164
Смилга И.Т. 44, 47, 74, 79, 224, 802
Смирнитский В.А. 179, 180
Смирнов 34
Смирнов А.А. 7
Смирнов В.В. 180
Смирнов Г.В. 7
Смирнов И.И. 764
Смирнов М.В. 225
Смирнов М.И. 521
Смирнов П.А. 744
Смирнова И.М. 308
Смолин А.В. 492
Смольнин-Терванд (Терванд) И.И. 102, 135–138, 180, 219, 275, 333, 651, 783
Снесарев А.Е. 67, 68, 73, 78, 119, 167, 213, 245, 269, 350, 755
Снессорев Ф.А. 231
Снигирев Б.Е. 147
Соболев Г.Л. 808
Соболевский М.Я. 842
Соболевский С.Я. 726
Сокира-Яхонтов В.Н. 840, 841
Соковнин Н.К. 667, 669
Соколов 66
Соколов 232
Соколов Б.Ф. 202, 426, 449
Соколов В.И. 159, 180, 649, 654–657, 659, 661–663, 783
Соколов К.В. 656
Соколов К.Н. 477
Соколов Л.К. 725
Соколов С.В. 725
Соколова В.В. 655
Соколовский 604
Соколовский В.И. 735
Соколовский И.И. 755
Соколовский Н.Ф. 234, 279, 735
Солдатов Г.В. 264, 265
Солженицын А.И. 492, 528, 568
Соллогуб В.Е. 147, 744
Соллогуб Н.В. 25, 211, 757, 836
Соллогуб Я. 211
Соллогуб-де-Война С.И. 211
Соловкин П.И. 735
Соловьев И.М. 164
Соломахин М.К. 226, 744
Соломин С. см. Гусев С.И.
Соломон Г.А. 178, 227, 397, 638
Солунсков С.М. 725
Сольц И.Г. 78
Сомов А.А. 744
Соотс И.Г. 760, 764
Сорин В.Г. 550
Сорокин М.Д. 735
Спасов Л. 278
Срывалин В.А. 322, 399, 400, 402, 404, 598–600, 603, 609, 611, 851
Ставров М.М. 725
Ставрович В.Н. 280, 735
Стадлер А.А. 627
Стадлер Б.К. 735
Сталин И.В. 79, 80, 81, 93, 191, 192, 284, 285, 289, 291, 292, 296, 297, 382, 449–551, 630, 696, 789, 790, 792–795, 806, 807, 850
Стамболийский А. 278
Станиславский А.В. 452, 650, 651, 735, 819, 820
Станиславский В.Г. 744
Станкевич А.В. 202, 216, 217
Станкевич А.Е. 348
Станкевич В.В. 216
Станковская Г.Ф. 197
Старк Г.К. 578
Староскольский К.Н. 231, 744
Стасевич В.Е. 64, 385, 763
Стасюк М. 635
Стахович Б.М. 278
Стеллецкий Б.С. 350, 840
Степанов А.А. 147
Степанов А.Б. 7, 84, 85
Степанов А.П. 735
Степанов Н.А. 162, 326, 329, 332
Степанов О.Н. 663
Степановская (Раша) В.И. 322, 323
Стефанович-Стасенко П.С. 772

Стецкий А.И. 72, 73
 Стецкий Е.О. 147
 Стогов Н.Н. 62, 204, 213, 214, 251, 382, 388, 389, 407, 409, 441, 447, 448, 452, 568, 644, 646–650, 652–655, 657, 659, 661–666, 672, 674–677, 683, 685–688, 691, 693, 725, 753, 754, 756–763, 782–784, 820
 Стогов Н.Н. (сын) 447, 665
 Стогова Е.Н. 447, 665
 Стогова Н.Н. 447, 665
 Стогова О.Н. 447, 665
 Стогова Т.Н. 447, 665
 Стойкин В.И. 25, 238, 726
 Стокасимов Н.П. 726
 Столяренко А.Ф. 745
 Сторожев В. 181
 Сторожев И.И. 35
 Страгонов А.В. 735
 Страхов М.В. 7
 Стрекалов И.И. 775
 Стремоухов М.Б. 366
 Строев (Рихтер) М.П. 247, 248, 287, 851
 Стрельман О.С. 197
 Стульба В.Ю. 44, 51, 385, 400
 Ступин В.В. 648, 652, 659–662, 665, 671, 757, 758, 783
 Сувениров О.Ф. 444
 Суворов 38
 Суворов А.В. 260, 261, 301, 341, 367, 566, 574, 850
 Суворов А.Н. 753, 754, 756, 758, 760, 762, 763, 764
 Суворов М.Н. 226, 758, 762
 Судравский В.Д. 575
 Сукин И.И. 334, 335
 Сукин Н.Т. 89, 101, 106–108, 137, 279, 329, 332, 578
 Сулейман Н.А. 372, 757
 Сулейман-Ульяновский Я.С. 726
 Сулковский Б.И. 147
 Сулькевич С.А. 180
 Сумароков Н.Н. 160
 Супрунович Д.М. 582, 589, 592, 597
 Суханов П.Г. 726
 Сухов В.Г. 294, 579, 761
 Сухов Г.Н. 667
 Суходольский Г.Д. 241
 Суходольский Н.Н. 275
 Сухомлинов В.А. 112, 204
 Сухотин Н.Н. 480, 482
 Сушков В.Н. 238
 Сыромятников А.Д. 336, 753, 761
 Сысоев Е.В. 44, 46, 55, 177, 286
 Сытин И.П. 245, 364, 758, 843
 Сытин П.П. 167, 168, 754, 758, 760, 825, 843
 Сыщанко А. 367
 Сычев К.И. 726
 Табатерев И.Д. 745
 Таленский Н.А. 292
 Тальгрэн В.П. 726
 Тамручи В.С. 177, 290, 291
 Тараканов В.А. 726
 Тарановский А.Д. 174, 176, 187, 618, 619, 762, 764
 Тарасов В.И. 44, 64
 Тарасов В.Ф. 40, 41, 51, 60, 241, 382, 399, 400, 618, 620, 745, 800
 Тарло Б.П. 735
 Тарнавский М. 417
 Тархова Н.С. 7
 Татаринов А.А. 735
 Таташ-Маршане 549
 Татонов Г.П. 726
 Таубе 753, 762
 Тахтарев В. 667, 670
 Таширов И.И. 745
 Таюрский А.И. 288
 Текелин Л.А. 180, 222–224
 Тележников П.Д. 49
 Теодори Г.И. 34, 35, 40–47, 50, 53–56, 59–64, 94, 166, 170, 193, 202, 220, 249, 318, 372, 380–414, 599, 609, 612, 618, 620, 624, 654, 658, 661, 749–751, 792, 794, 796, 798, 800, 801, 803, 849
 Теодори Е.И. 385
 Теодорович Б. 667, 670
 Тепляков А.Г. 181
 Тераевич К.П. 38
 Терванд И.И. 86
 Терехихина А.Н. 7, 426
 Терехов Н.В. 726
 Терлецкий К.А. 151
 Тесемников В.А. 215
 Тетруев Н.Г. 180, 726
 Тилли Н.Н. 342, 343
 Тимашев Л.П. 102
 Тимофеев М.М. 667, 669
 Тимошенко С.К. 283
 Тинченко Я.Ю. 55, 90, 139, 141, 145, 402, 411, 417, 440, 443, 454, 457, 672, 748, 768, 771, 775, 780, 783, 799, 835, 839, 841, 842
 Тито И.Б. 301, 302
 Тихменев Н.М. 235
 Тихомиров 540
 Тихомиров И.Н. 646
 Тихон (В.И. Белавин), патриарх 679
 Ткаченко А.А. 174, 657, 661, 693
 Тодоров 756
 Токарев Г.А. 745
 Токаревский В.К. 626–629, 800, 813
 Толстой А.Н. 293
 Томилов П.А. 726
 Томме В.Э. 38, 298, 389
 Тонких И.В. 101, 127–130, 137, 138, 279
 Торбеевский Н.Н. 735
 Торгушин П.П. 48
 Тракман М.Г. 249, 756
 Грамбицкий Ю.А. 477
 Трегубов Е.Э. 180
 Третьяков Б.Н. 745

- Третьяков И.И. 735
Триандафиллов В.К. 83
Троицкая В.П. 62, 405–409, 618–622, 796
Троицкий В.Н. 275
Троицкий Д.И. 735
Тротало 654
Трофимов В.В. 44, 64, 188, 400, 851
Трофимов В.О. 726
Трофимов Ю.В. 745
Троцкий В.В. 180
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 60, 61, 63, 68, 70, 72, 74, 79, 85, 88, 89, 93, 94, 169, 186, 188, 191, 192, 196–201, 203, 206–209, 213, 214, 221, 224, 225, 249, 250, 253, 269, 318, 327, 332, 350, 360, 367, 370, 373, 382, 389, 391, 397–399, 404, 405, 408, 409, 442, 530, 533, 535, 537, 550, 551, 554, 555, 613, 627, 630, 655, 664, 670, 676, 677, 685, 686, 691, 695, 696, 708, 712, 714, 752, 753, 777, 778, 789, 790, 792–803, 805–807, 811, 819, 836, 837, 845, 850, 851
Троцкий-Сенютович В.В. 726
Трубецкой 673
Трубецкой С.Е. 204, 646
Трусов В.А. 842
Трухачев С.М. 234, 726
Труханова Н.В. 312, 313
Трухин Н.Н. 226
Туган-Барановский Л.С. 735, 763
Туган-Мирза-Барановский Д.И. 735
Туманов Г.А. 180
Тумшис М. 470
Тупицын Б.В. 745
Турбович А.М. 667
Туров Я.С. 389, 745
Тухачевский М.Н. 78, 835, 836
Тышкевичи 299
Тюленев И.В. 375, 376
Тюренков Б.Н. 38, 240, 745
Тюрморезов И.П. 745
Тютюнник В. 145
Тяжельников М.И. 726
- Уборевич И.П. 836
Уваров М.А. 726
Удовиченко (Удовыдченко) А.И. 143, 145, 147, 148, 419, 424, 837
Удовиченко (Удовыдченко) Н.И. 419
Улагай С.Г. 565
Ульрих В.В. 456, 470
Ульянин В.П. 180, 652
Уманский 667, 670
Упадышев Н.В. 439
Урицкий М.С. 392
Урицкий С.П. 73
Урусовы 673
Устимович Ю.К. 231
Устинов В.В. 655
Ухенберг 254
- Ушаков А.Н. 726
Ушаков Б.Ф. 25, 180, 594
Ушаков М.С. 745
- Фавицкий 759
Фаворский 659
Фаге К.К. 735
Фадеев В.Ю. см. Флуг В.Е.
Фалеев А.Г. 726
Фалилеев И.И. 226, 745
Фастыковский М.В. 238, 279
Федоренко В.Т. 180
Федорин Д.В. 8
Федоров 51
Федоров 34
Федоров 66
Федоров А.Ф. 67, 372, 378
Федоров Б.В. 735
Федоров Д.Я. 726
Федоров Н.А. 735
Федоров Н.Л. 745
Федотов А.И. 29
Федотов И.И. 726
Федько И.Ф. 77
Федюкин С.А. 195, 778
Федюхин А.А. 7
Федяй Л.В. 726, 841
Фельдман, следователь 654, 658
Фельдман, шт.-ротм. 717, 745
Фельштинский Ю.Г. 796
Фервек 312
Фесик М.П. 746
Фетисов П.Е. 735
Фешот Ф.Ф. 457, 458
Филатьев Д.В. 120
Филимонов С.Н. 736
Филиппов А.Ф. 666
Филиппов М.Л. 667
Филонович В. 424
Финицкий И.М. 222–224, 763
Фирсов В.В. 451, 726
Фисенко М.Г. 726
Флейшер А.Е. 652, 664, 783
Флерин С.Н. 746
Флоринский Н.И. 40, 41, 42, 44, 46, 47, 51, 53
Флоров В.Ф. 736
Флуг В.Е. 153–164, 237, 247, 280, 346, 365, 367, 560, 662, 727, 772, 814, 820, 849
Фогель Я.Я. 408, 409, 617, 619
Фокке Д.Г. 222
Фомин Б.А. 289, 290
Фомин Ф.Т. 445, 446, 663
Фомичев Г.М. 585
Фортвентлер С.Ф. 344
Фортушный А.К. 736
Фостиков М.А. 206, 207, 746
Фрайман А.Л. 818
Франко Ф. 344

- Франкьен И. 8
 Фрейман А.К. 652
 Фролов А.Г. 442, 736
 Фролов П.Л. 29, 746
 Фруммин 412
 Фрунзе М.В. 293, 301, 698, 699, 760, 835
 Фукидид 354
 Фукс В.К. 736
 Фуллер У. 789
 Фурманов Д.А. 373
 Фурманова А.Н. 378
- Хабаев М.В. 746
 Хабидж Абуше 549
 Хаген М., фон 794
 Хайрулин М.А. 8, 203
 Ханжин М.В. 326, 332, 333, 582–584, 586, 589, 592, 593
 Харитонов Н.А. 736
 Харитонова Е.Д. 197
 Харламов С.Д. 174, 219, 372, 651, 757
 Харгулари В.Д. 646, 676, 736
 Харузин М.А. 572
 Хвесин Т.С. 373, 837
 Хвостов А.А. 503
 Хвошинский Г.Н. 762
 Хелмицкий П.Л. 180
 Хисамутдинов А.А. 8
 Хитрово К.С. 34, 44, 45, 46, 52, 55, 385, 386, 389, 799
 Хитрово В.М. 799
 Хлестов О.Н. 8, 653, 751
 Хмельницкий Б. 423
 Ховен С.В., фон дер 180
 Ходжамиаров М. 591
 Ходорович Н.А. 348
 Холшевников 715
 Хольмсен И.А. 727
 Хомутников (Хомутинников) 399
 Хорват Д.Л. 163, 164
 Хорошхин Б.И. 107
 Хохлачев Н.А. 746
 Храпко С.И. 736
 Христиани Г.Г. 105, 111, 120, 180, 263–269
 Хростицкий А.В. 85
 Хрулев В.В. 38, 60, 63, 64, 799
 Хрущев Н.С. 291
 Худашев И.И. 231
 Хутиев Г.С. 736
- Цалькович В. 440, 442
 Цветков В.Ж. 7, 230, 313, 546, 782
 Цейтлин В.М. 38, 58, 761
 Цельмс (Цельм) Я.М. 603, 604
 Церетели З.Ф. 736
 Цехановский В.Н. 667, 669
 Цихович Я.К. 219, 357, 358, 783
 Цуриков А.А. 125, 704, 708
 Цуриков В.А. 125
- Цурканов К.К. 147
 Цурпалев А.Н. 202, 203, 736
- Чабаневский В.Ф. 147
 Чайков А.Л. 736
 Чайковский Д.Л. 736
 Чайковский П.И. 714
 Чапаев В.И. 369, 373–379, 382, 801, 802, 849
 Чапаева Е. 375, 376
 Чаплыгин А.Г. 746
 Черноцкий Ф.Э. 736
 Частник С. 523
 Чачух И.М. 7
 Чебенеяев И.М. 180
 Чебышев Н.Н. 569
 Чевревер А.М. 375
 Чеглов М.П. 727
 Чекмарев В.И. 727
 Чельшев Е.П. 301, 772
 Червинский Л.П. 180, 427
 Черевин А.А. 174
 Черемисинов В.М. 727
 Черемисов В.А. 111, 354
 Черкасов 433
 Черкасов А.А. 198
 Черкасс В.И. 231
 Чернавин В.В. 344, 345, 365, 560–562, 564, 571, 581, 675, 727
 Черниговский–Сокол Б.Ф. 400, 746
 Чернов В.М. 241, 787
 Черносивитов К.К. 667
 Черный В. 247
 Черный К.К. 29
 Черныш А.В. 736
 Чернышев А.С. 746
 Чернышев В.Н. 295
 Чернышев И.Ю. 226
 Чернявский М.Т. 746
 Черячукин А.В. 727
 Черушев Н.С. 804
 Чеснаков (Чесноков) П.В. 58, 727
 Четков В.М. 294
 Чечек С. 117, 215, 787
 Чечелашвили И.Г. 226
 Чиж К.В. 144
 Чиканова Г.А. 7
 Чикколини С.В. 399, 540
 Чинтулов И.Д. 34, 43, 44, 45, 64, 220, 385, 391, 397, 398, 400, 754, 756
 Чувакин В. 598, 599
 Чудинов Б.М. 271
 Чума В. 467, 468
- Шавельский Г. 234, 244–246, 340, 351, 493, 782, 815
 Шавров А.В. 308, 736
 Шанковский Л. 768
 Шапошников Б.М. 5, 6, 165, 166, 176, 283–285, 296, 751, 754, 755, 757, 760, 761, 763, 821, 822, 825

- Шарин К.К. 746
 Шатилов Н.П. 343
 Шатилов П.Н. 3, 278, 303, 343, 344, 451, 674, 727, 762
 Шафалович Ф.П. 293, 754
 Шахнова 438
 Шацкий В.П. 736
 Шварц А.В., фон 47, 54, 756, 762
 Шварц Г.В. 667, 669
 Шварц Н.Н. 293, 598, 754, 837
 Шварцбард Ш. 421
 Шевцов А.П. 180
 Шевченко В.К. 25, 736
 Шевченко М.М. 7
 Шевчук Г.М. 638
 Шевчук С.К. 736
 Шейдеман А.С. 182
 Шейдеман Е.С. 182
 Шейдеман С.М. 73, 180–182, 372
 Шейдеман Ю.М. 759
 Шелавин А.Н. 279
 Шеманский А.Д. 187
 Шемякин А.Л. 7
 Шепляков 667, 670
 Шереметев 372
 Шереховский Н.В. 180
 Шиллинг Н.Н. 304
 Шилов Д.Н. 348, 706
 Шиловский Е.А. 177, 292, 293, 652
 Шильдбах К.К. см. Литовцев (Шильдбах) К.К.
 Шиманская Л.М. 444–447, 449
 Шиманский М. 446
 Шипков Б.Н. 667, 670
 Шипов Д.Н. 671, 673
 Широгорский Н.К. 510
 Широков В.П. 180, 771
 Ширяев В.А. 736
 Шифнер-Маркевич А.М. 275, 727
 Шишкевич М.И. 727
 Шишкин В.И. 49, 51, 220, 391, 756
 Шишков 667, 670
 Шишковский Е.Е. 763
 Шкаренков Л.К. 279, 301
 Шкеленко (Шкеленок) А.М. 25, 572, 580, 736
 Шкуро А.Г. 236
 Шлейснер Р.А. 488
 Шлессер 603
 Шлидт Г.И. 452, 736
 Шлиттер Н.А. 706
 Шлихтинг 158
 Шляхтин Э.Э. 736
 Шмигельский К.К. 736
 Шмидт 510
 Шмидт П.П. 523–525
 Шнеур А.К. 736
 Шоколи А.А. 25
 Шорников Ф.Я. 746
 Шостаков А.Н. 727
 Шпигельглас С.М. 849
 Шпилько Г.А. 753
 Шпопер Д. 8
 Штейнгардт В.Х. 398
 Штейнингер В.И. 667, 669
 Штейнингер К.И. 667
 Штейфон Б.А. 246, 247, 278, 727
 Штеменко С.М. 284, 285, 289, 290, 295, 296
 Штромберг А.А. 667
 Шуберский А.Н. 278, 727
 Шуваев А.Д. 469, 836, 837
 Шуваев Д.С. 469, 837, 838
 Шукевич Н.Л. 746
 Шульдяков В.А. 153, 154
 Шульгин А.И. 746
 Шульгин В.В. 94, 230
 Шумилин К.П. 727
 Шутов 667, 670
 Шуцкий Б.И. 840
 Щагин Э.М. 7
 Щастный А.М. 795
 Щедрин К.Ф. 727
 Щелоков Н.К. 642
 Щепетов Н.Е. 762
 Щепин Г.В. 746
 Щепихин В.С. 563
 Щепихин С.А. 102–104, 124–127, 129, 130, 132, 137, 138, 326, 330, 332–335, 561–564, 571, 582, 584–586, 589, 592, 593, 780
 Щепкин М.С. 645
 Щепкин Н.Н. 204, 645, 646, 650, 653, 654, 659, 660, 665–669, 688, 783
 Щербаков 73
 Щербаков Н.М. 30, 31, 222, 223
 Щербачев А.Д. 582
 Щербачев Г.Д. 737
 Щербачев Д.Г. 99, 260, 266, 581–582, 727, 755
 Щербов-Нефедович П.О. 180
 Щолоков И.И. 311
 Щоре Н.А. 199
 Щуцкий Б.И. 727
 Эбелов М.И. 180
 Эбергард А.А. 495–498, 502, 507
 Эверт Г.А. 235, 362, 737
 Эйдук А.В. 159, 397–400, 406, 749, 757
 Эйхе Г.Х. 817
 Экк Э.В. 275, 452, 727
 Эллерц-Усов А.В. 161, 332
 Эльснер Е.Ф. 727
 Эльснер И.Е. 747
 Энберг Ф.-О.И. 499
 Энгельгардт А.А. 8, 297
 Энгельгардт Б.А. 296, 297, 737, 824
 Энгельке В.А. 727
 Энглер Н.В. 44, 46, 49, 50, 385, 386
 Энден А.П., фон 280, 389

Энкель О.К. 111, 134, 319
Эристов, князь 34
Эрн Н.Ф. 727
Юденич Н.Н. 94, 120, 188, 192, 251, 273, 668, 669,
689, 710–711, 768, 769, 783, 786, 822, 845
Юзефович Я.Д. 451, 727
Юнаков Н.Л. 111, 129, 134, 147
Юргенс 519
Юренев К.К. 72, 73
Юртаев Н. 377
Юрьева Е.И. 667, 671
Юцковский А.К. 458
Юшко В.Л. 8, 18, 138, 154, 579

Ягода А.Н. 29, 737
Языков Н.М. 188
Языков С.М. 188, 233, 234, 727, 851
Якименко В.А. 747
Яковлев Я.А. 737
Яковлева В.Н. 199
Яковский Н.В. 400
Якубовская М.А. 667
Якубовский А.Н. 180, 737
Янжул (Кашуба) В.Г. 428
Яновский А.Я. 280, 286
Янушев К.И. 25
Янушевский Г.Е. 148, 345, 349, 350, 417, 418, 420, 727
Янушкевич Н.Н. 99, 105, 110, 112, 133, 179, 180,
266, 345, 352
Ярошевский М.Н. 29
Ярцев Г.В. 66, 225
Ясевич П.К. 737
Ясинская Е.Н. 533
Ясинский А.-М.М. 466
Яхонтов В.А. 301
Яцко И.В. 169, 250

Матовић И. 301

Bagiński H. 467, 469
Bystrov V. 299

Cygan W.T. 838

Dyboski R. 467

Ferguson H. 645

Holquist P. 848

Kmiciek T. 470
Kosk H.P. 298, 471, 839
Kryska-Karski T. 298, 461, 838

Mayzel M. 13, 16, 97
Meijer J.M. 792
Mierzwiński Z. 298, 838
Misiuk A. 470
Morizet A. 207
Moś W.B. 92

Odziemkowski J. 837

Radziwillowicz D. 467
Rich D.A. 844

Service R. 645
Soszyński W. 92
Stawecki P. 299, 469, 470, 839
Steinberg J.W. 475
Suchcitz A. 837, 838

Witkowicz A. 205
Wojtaszak A. 839
Wrzosek M. 469

Żurakowski S. 298, 461, 838

Содержание

От автора	3
Список сокращений	9

Исследования

Профессиональный корпоративизм и объединения российских генштабистов первой четверти XX в.	13
Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба. 1901–1914 гг.	96
Кадры украинского Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.	139
Через красную Россию: тайная миссия генерала В.Е. Флуга в 1918 г.	153
«Я от переутомления буквально свалился с ног...». Режим работы генштабистов в Красной армии в 1918–1920 гг.	165
Партийность кадров дореволюционного Генерального штаба в 1917–1944 гг.	173
«Товарищ Склянский — заступитесь!» Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну в 1917–1922 гг.	178
Заложничество семей военспецов в годы Гражданской войны — реальность или миф?	195
Переходы «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в 1918–1921 гг.	209
Генштабисты и продовольственные спекуляции в 1919 г.	254
Сохранение реликвий русской военной истории в академии Генерального штаба в годы революции и Гражданской войны 1917–1922 гг.	260
Русские генштабисты в эмиграции в 1920–1992 гг. Статистический обзор	273
«Стоит Россия!» Выпускники Николаевской академии Генерального штаба в борьбе с нацизмом в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг.	282

Персоналии

Во что обошлись России «любимые женщины братьев Игнатьевых»?!	
Обвинения подполковника А.Н. Панчулидзева	307

«На вопрос о том, как отношусь к большевикам, принципиально не отвечаю».	
Судьба главы русской военной разведки Н.К. Раша	317
Несостоявшееся назначение генерала А.И. Андогского. 1918–1919 гг.	324
Доктрина генерала В.Е. Борисова	337
В.И. Чапаев в академии Генерального штаба РККА. Декабрь 1918 г.	369
«Я бы поставил Вас к стенке...». Штрихи к портрету основоположника советской военной разведки Г.И. Теодори	380
Генерал-хорунжий В.Н. Петров и изучение истории Северной войны в украинской военной эмиграции	415
За что расстреляли ординарца Скобелева? Гибель полковника И.С. Кашубы на архангельском Севере	426
Генштабисты Н.Н. Петин и П.С. Махров	440
Невероятные приключения «итальянца» в России. Тернистый путь капитана К.Ф. Монигетти	453
Последний генштабист. Ромуальд Воликовский — последний выпускник Николаевской военной академии и последний кавалер ордена Св. Георгия	460

Документы

Записка А.И. Деникина Н.П. Михневичу о состоянии обучения в Николаевской академии Генерального штаба. 8 мая 1906 г.	475
Вице-адмирал А.В. Колчак на Черноморском флоте в 1916–1917 гг. Из воспоминаний начальника штаба Севастопольской крепости Генерального штаба генерал-майора Ф.П. Рерберга	491
«Необходимо участие специалистов-офицеров определенно ограничить».	
Соображения по поводу организации оперативного центра. 1918 г.	529
«Все абхазцы крайне враждебно настроены против грузин». Рапорт Генерального штаба полковника С.Н. Ряснянского. 22 октября 1918 г.	545
Катастрофическое состояние нашего Генерального штаба.	
Памятная записка бывшего генерала В.Е. Борисова. 5 января 1919 г.	550
«Он был только солдат, но не был политиком». К характеристике генерала А.И. Деникина и его окружения в годы Первой мировой и Гражданской войны	560
«Такой... примитивный подход к столь сложной, серьезной и в высшей степени ответственной теме». Челябинское совещание 11 февраля 1919 г. и планирование весеннего наступления Восточного фронта адмирала А.В. Колчака	582
Первый год советской военной разведки. Доклад В.А. Срывалина. 19 февраля 1919 г.	598
Новые документы по «делу» Полевого штаба РВСР. 1919 г.	612
Жалобы арестованного Вацетиса. Письмо бывшего главкома В.И. Ленину. 22 сентября 1919 г.	630
Саквояж генерала А.М. Зайончковского. К вопросу о тайных связях «лиц Генерального штаба» РККА с белыми. 1919 г.	635
Доклад генерала Н.Н. Стогова о Советской России и раскрытие московской подпольной военной организации «Национального центра»	644

Бессарабия в советской стратегии начала 1920 г. Доклад Ф.В. Костяева Л.Д. Троцкому	695
«Страх перед призраками». «Заговор» бывших генералов А.Е. Гутора, А.М. Зайончковского и В.Н. Клембовского. 1920 г.	704
Список офицеров Генерального штаба Русской армии генерала барона П.Н. Врангеля к 5 (18) октября 1920 г.	716
«Заслуживают проверки». Бывшие офицеры-генштабисты под надзором органов госбезопасности в начале 1930-х гг.	748

Историография

О роли офицеров Генерального штаба в Гражданской войне.	767
В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин. Новые исследования о «деле» Полевого штаба	789
О книге В.В. Каминского	807
От Корнилова до Врангеля. Рецензия на монографию С.В. Карпенко	826
Военная элита советско-польской войны 1919–1920 гг. в справочной литературе	834
Заключение	843

Приложение

Список трудов по истории Генерального штаба, опубликованных автором в 2000–2012 гг.	847
Именной указатель	852

Научное издание

Ганин Андрей Владиславович
«Мозг армии» в период «Русской Смуты»
Статьи и документы

Авторская редакция

Корректор *Н.С. Самбу*

Подписано в печать 04.02.2013
Формат 70x100/16 Тираж 500 экз.
Заказ №

ЗАО «Издательство “Русский путь”»
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp_net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru или русский путь.рф
Сайт книжного магазина: www.kmrz.ru

ISBN 978-5-85887-430-0

Отпечатано в типографии «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6